А. Л. Сидоров

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР



Аркадий Лаврович
СИДОРОВ

(1900–1966)

А. Л. Сидоров

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

1973

Публикуемая посмертно монография доктора исторических наук А. Л. Сидорова создавалась автором на протяжении более четверти века. В ней обобщен огромный фактический материал, извлеченный А. Л. Сидоровым из различных архивохранилищ нашей страны и в подавляющей своей части впервые вводимый в научный оборот. Максимальная конкретность изложения сочетается в исследовании с широтой выводов и обобщений по ряду коренных проблем социально-экономической истории России периода первой мировой войны — кануна пролетарской революции в нашей стране. В центре внимания автора — организация военной экономики и ее кризис, ставший объективной основой революционного кризиса, развитие которого привело к победе Февральской буржуазно-демократической, а затем — Великой Октябрьской социалистической революции.

С $\frac{0164-0505}{042(02)-73}$ 49—73

© Издательство «Наука», 1973

ОТ КОМИССИИ ПО ИЗДАНИЮ ТРУДОВ А. Л. СИДОРОВА

Публикацией монографии «Экономическое положение России в годы первой мировой войны» заканчивается работа комиссии по изданию трудов видного советского историка, доктора исторических наук, профессора Аркадия Лавровича Сидорова (1900—1966 гг.). Круг его научных интересов был чрезвычайно широк,— чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с тематикой некоторых его докладов и статей, собранных комиссией в книге «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1970), где представлены работы по социально-экономической и политической истории России начала XX в., революционно-освободительному движению, а также по историографии и источниковедению.

Вместе с тем А. Л. Сидоров имел и главную тему научных изысканий, которой оставался верен всю жизнь. Тема эта — военная экономика России в 1914—1917 гг. Разработку этой проблемы А. Л. Сидоров начал в стенах Института красной профессуры. В 1927 г. в сборнике трудов исторического семинара этого Института вышла в свет монография А. Л. Сидорова о влиянии империалистической войны на экономику России [1]. Она обозначила первую крупную веху на пути изучения этой проблемы. Второй период в разработке темы, начавшийся в конце 30-х годов, завершился в феврале 1943 г., когда А. Л. Сидоров защитил докторскую диссертацию «Экономика России в период первой мировой воины 1914—1917 гг.» [2]. На вторую половину 40-х годов приходится третий период в разработке проблемы. Его итог — серия статей по различным вопросам военно-экономической мобилизации тыла России в 1914—1917 гг [3], с одной сторо-

[1] *А. Сидоров* Влияние империалистической войны на экономику России — «Очерки по истории Октябрьской революции» Работы исторического семинара Института красной профессуры, т. I. М — Л., 1927.

[2] Автореферат исследования см. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 1. М., 1945.

[3] *А. Л. Сидоров* Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915—1916 гг. — «Исторический журнал», 1944, № 10—11, *он же* Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны — «Исторические записки», т. 15, 1945, *он же* Эвакуация русской промышленности во время первой мировой войны — «Вопросы истории», 1947 № 6, *он же* Значение Великой Октябрьской социалистической революции в экономических судьбах нашей родины — «Исторические записки», т. 25, 1948, *он же* Железнодорожный транспорт России в первой мировой

ны, и завершенная в 1948 г рукопись обширного исследования о экономическом положении России в годы первой мировой войны — с другой Основу новой рукописи составила докторская диссертация 1943 г. Но именно основу, ибо общий объем исследования за пять лет, прошедших со времени защиты, увеличился более чем вдвое, достигнув 60 (вместо 28) печатных листов.

Четвертый, заключительный период исследования проблемы, охватывающий десять последних лет жизни А Л Сидорова (вторая половина 50-х — 1966 г.), оказался, по-видимому, самым результативным в исследовании социально-экономической истории первой мировой войны Во-первых, на базе соответствующих разделов рукописи 1948 г А Л Сидоров напечатал в «Исторических записках» две большие статьи — о строительстве казенных заводов и по истории топливного кризиса в стране [4], как показывает ознакомление с архивом исследователя, в начале 60-х годов им был подготовлен к печати еще один раздел той же рукописи, посвященный вопросам сельского хозяйства и продовольственного кризиса, но по каким-то причинам автор отложил его публикацию. Во-вторых, из своего исследования, состоящего из трех частей, автор выделил первую часть — «Война и финансы» — и фактически написал ее заново, текст исследования вырос с 12 до 40 печатных листов Так родилась книга «Финансовое положение России в годы первой мировой войны», опубликованная в 1960 г Издательством Академии наук СССР В-третьих, для VI тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», ответственным редактором которого являлся А Л. Сидоров, им была написана глава «Россия в мировой войне», второй раздел которой целиком посвящен проблемам влияния войны на экономику России [5] Наконец, в-четвертых, к XII Международному конгрессу исторических наук в 1965 г А. Л. Сидоров совместно с В И Бовыкиным и П. В Волобуевым подготовил доклад «Экономические и социальные проблемы первой мировой войны» [6]

Дальнейшие планы ученого по разработке вопросов военно-экономической мобилизации тыла России в 1914—1917 гг были обширны Он изложил их в статье «Некоторые размышления о труде и опыте историка» [7] «Я имею в виду,— писал А Л Сидоров,— написа-

войне и обострение экономического кризиса в стране — Там же, т 26, 1948, *он же* Миссия в Англию и Францию по вопросу снабжения России предметами вооружения — «Исторический архив», 1949, т IV

[4] *А Л Сидоров* К вопросу о строительстве казенных заводов в России в годы первой мировой войны — «Исторические записки», т 54, 1955, *он же* К истории топливного кризиса в России в годы первой мировой войны — Там же, т 59, 1957

[5] Том вышел в свет в 1968 г , уже после смерти А Л Сидорова

[6] «Comité International des Sciences Historiques XII^e Congrès International des Sciences Historiques Rapports», t IV Wien, 1965, pp 255—269 Русский текст опубликован в сб «Первая мировая война 1914—1918 гг» М , 1968

[7] Впервые опубликована в журнале «История СССР», 1964, № 3, перепечатана в кн *А Л Сидоров* Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции М , 1970

ние серьезной монографии по истории русской промышленности за последнее десятилетие перед Октябрьской революцией». Отметив, что эта тема — его «стародавняя мечта», А. Л Сидоров упомянул, что по ней он имеет «некоторые «заготовки» не только в форме собранного сырого архивного материала, но и частично написанного текста» Далее А Л. Сидоров сообщал о своем намерении написать также отдельную книгу о железнодорожном транспорте в годы первой мировой войны «У меня сложилось представление,— сказано в той же статье,— что железнодорожный транспорт явился в экономике «ахиллесовой пятой» российского капитализма. Я знаю, что многие товарищи не сочувствуют этим моим мыслям Следовательно, надо или убедить читателя в справедливости моих гипотез, пли отказаться от них» [8]

Речь шла, таким образом, о создании серии книг по военной экономике предоктябрьской России типа исследования 1960 г о финансовом положении страны и, следовательно, о дальнейшем исключении соответствующих разделов из рукописи 1948 г Исследователь «перерос» ее, «охладел» к ней и смотрел на свой труд, в который вложил в свое время столько усилий и страсти, как на своеобразные «заготовки» текста для будущих своих работ И обращался он с этим текстом соответственно, используя из него целые разделы и отдельные куски в ходе текущей научной работы.

По счастью, второй экземпляр рукописи оказался нетронутым В нем более 1500 машинописных страниц, а за исключением первого из трех разделов, посвященного финансовым вопросам,— 1200 страниц Ознакомление с рукописью привело к выводу, что в данном случае нельзя считать верным отношение автора к своей «залежавшейся» работе, что перед нами законченный труд, вобравший огромный фактический материал с цельной авторской концепцией, в значительной своей части вовсе неизвестный научной общественности Так, из первого раздела книги «Царское правительство и военно-экономическая мобилизация тыла» никогда не публиковалась глава IV Краткое изложение первых трех глав общим объемом свыше 15 печатных листов было опубликовано в 1944 г. в статье «Борьба с кризисом вооружения русской армии», объем которой — менее 2 печатных листов; эти главы, таким образом, также не известны читателю Вдвое по сравнению с опубликованной статьей об эвакуации русской промышленности (1947 г) вырос текст главы V Заново переработана автором и глава VI об отношении России с союзниками по вопросам иностранных поставок [9]

Из второго раздела не печатались главы I (ее А Л Сидоров рассматривал как «заготовку» будущей своей книги), II и III Рукопис-

[8] *А Л Сидоров* Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции, стр 31, 32

[9] В архиве исследователя сохранился т 15 «Исторических записок» со статьей об иностранных поставках Текст статьи буквально испещрен поправками, есть ряд вставок на полях и на отдельных листах (некоторые вставки более трех страниц каждая), вложенных между страницами текста журнала Вся правка учтена в данном издании

ный текст главы IV был заново переработан автором в 1957 г. и опубликован в т 59 «Исторических записок»; мы воспроизводим его по тексту журнала. Заключительная V глава исследования отличается от текста статьи в т. 26 «Исторических записок» очень незначительно; в данном издании внесенные автором поправки учтены.

В рукописи отсутствует заключение, не обнаружено оно и в архиве А Л. Сидорова. Комиссия не сочла возможным чем-то заменить его и отсылает читателей к трем опубликованным документам автора, носящим обобщающий характер, сопоставление которых позволяет выявить развитие авторской концепции по затронутым в книге основным проблемам Это, во-первых, автореферат докторской диссертации (1945 г), во-вторых, его доклад «Кризис российского империализма в период первой мировой войны», сделанный в 1949 г, т. е. сразу же после завершения работы над своим трудом [10], в-третьих, параграф 2 главы VIII т VI «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», работу над которым автор закончил в 1964 г.

Научное редактирование данного издания выполнено К. Н Тарновским В подготовке исследования к печати участвовала жена автора — Г. В. Лебедева . Научно-вспомогательная работа проведена сотрудником Института истории СССР АН СССР В П. Желтовои, сверка фактических данных по фондам ЦГВИА СССР — научным сотрудником архива Л. Я Сает. Комиссия благодарит Т. Д. Крупину и К Ф Шацилло за ценные замечания и советы при подготовке рукописи к печати.

[10] *А Л Сидоров.* Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 43—57.

Раздел первый

ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ТЫЛА

Глава первая

РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В БОЕВОМ СНАБЖЕНИИ АРМИИ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Ставка на кратковременность войны и мобилизационные запасы

В русской буржуазной военно-исторической литературе конца XIX в. все сильнее укреплялась мысль о зависимости войн будущего от экономического развития страны, хотя формы этой зависимости часто понимались авторами примитивно и ошибочно. Например, само название работы И. С. Блиоха — «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях» — указывает на внимание автора к проблемам техники и экономики. В четвертом томе данной работы автор пытается рассмотреть «разные виды вероятного отражения» войны как на народном потреблении, так и народном хозяйстве в целом [1]. Блиоха интересовали более всего вопросы продовольствия, которым он придавал «первенствующее» значение, а также разрушающее влияние войны на хозяйственную жизнь. Он исходил из предпосылки, что «бедственные от войны явления будут особенно сильно ощущаться в местностях с развитой промышленностью» [2], т. е. что экономический кризис проявится скорее всего в индустриальных странах. Блиох не понимал экономических причин войн и не сумел правильно поставить вопрос о зависимости боеспособности армии от экономического и классового строя страны.

Введение всеобщей воинской повинности в большинстве стран Европы, быстрый рост регулярных армий и образование огромных обученных резервов стихийно наталкивали военных специалистов на мысль, что в будущих войнах армия будет представлять фактически весь народ, а исход войны будет решаться не отдельными выигранными сражениями, а истощением одного из участников войны. Такая постановка вопроса приводила к признанию зависимости

[1] *И. С. Блиох.* Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. СПб., 1898, т. 4, стр. 281.
[2] Там же, стр. 298.

боеспособности армии от роста промышленности, железных дорог и технического прогресса Особенно большое значение придавалось железным дорогам

В связи с развитием капитализма и ростом техники перед военными специалистами встал вопрос о характере будущей войны и ее продолжительности Уже Г. Леер в конце 80-х годов указывал в своей «Стратегии» на возможность затягивания будущих войн «на продолжительное время» [3]. А Ф Редигер, крупный специалист по вопросам комплектования армий, также подчеркивал, что быстрого окончания войны ожидать невозможно

В работе А Гулевича «Война и народное хозяйство», вышедшей в 1898 г, сделана наиболее полная в то время попытка проследить зависимость между боеспособностью армии и страны и уровнем экономического развития Его исходная точка зрения совпадала с мнением Блиоха. Он также отдавал предпочтение странам земледельческим перед промышленными, ибо полагал, что кризис «в сфере обрабатывающей промышленности не может оказать на деятельность всей массы населения таких серьезных последствий, как в западноевропейских государствах» [4]. Он рассуждал так: чем выше индустриальное развитие страны, чем больше населения отрывается от промышленности в армию, тем более глубокому кризису будет подвергаться данная страна в случае войны. По частным вопросам — о роли финансов, железных дорог и т д — А Гулевичем высказан ряд интересных мыслей Он, например, утверждал, что не недостаток финансов, а только «полное экономическое разложение страны» [5] может заставить государство прекратить войну Однако вся проблема в целом разрешалась им абсолютно неправильно Он защищал преимущества аграрных стран в будущих войнах перед индустриальными С его точки зрения, царская Россия оказывалась наиболее приспособленной к ведению длительной войны, ибо «хозяйственный организм России не может быть поколеблен в своих устоях бедствиями будущей войны, как бы надолго она ни затянулась и каких бы жертв ни потребовала от страны» [6] Из этого парадоксального и абсолютно недоказанного положения Гулевич делал вывод о желательности для России «стратегии утомления и изнурения» Он возвел в добродетель слабые стороны экономики России и пытался представить их как преимущества Как практик он рассуждал иначе и, отступая от своих ошибочных теорий, рекомендовал развивать те отрасли хозяйства, которые будут полезны военному ведомству, а также советовал заблаговременно производить «в широких размерах» всякого рода запасы для армии [7].

Как бы то ни было, но военно-историческая мысль в конце XIX в пыталась, хотя и неправильно, установить определенную связь меж

[3] *Г Леер* Стратегия (тактика театра военных действий), ч 2 СПб, 1887, стр 91
[4] *А Гулевич* Война и народное хозяйство СПб, 1898, стр 39
[5] Там же, стр 72
[6] Там же, стр 179
[7] Там же, стр 186

ду хозяйственным развитием и военным потенциалом страны В вопросе о сроках будущей войны считались с возможностью ее затяжки

Русско-японская война с ее ограниченными масштабами не способствовала формированию более правильной точки зрения среди работников русского Генерального штаба. Военные руководители окончательно согласились с тем, что будущая война будет скоротечной, продлится несколько месяцев и во всяком случае не более года. Соответствующие взгляды развивались и в военных академиях.

В последующий период интерес военных теоретиков к изучению проблемы связи войны с экономикой ослабевает В трехтомной работе А Куропаткина «Задачи русской армии» [8] вопросы экономической подготовки к войне совершенно обойдены Проповедь шовинизма и возврата «к русской национальной политике» Александра III заменяет в ней рассмотрение вопросов военно-технической и экономической подготовки армии к войне Эти проблемы выдвинул веховец П Б Струве в статье «Экономическая проблема «Великой России» (Заметки экономиста о войне и народном хозяйстве)» [9] Пытаясь опровергнуть тезис своих предшественников, будто экономическая отсталость России дает «какие-либо преимущества в военном отношении», и отрицая преимущества аграрной страны перед индустриальной, Струве, однако, значение экономики сводил лишь к финансовой готовности и наличию в стране запасов капиталов И И Левин и М И Туган-Барановский [10] фактически пошли за Струве, выдвигая на первый план не развитие промышленности, а финансовые вопросы Так и не удалось буржуазно-экономической мысли преодолеть порочной постановки проблемы Блиохом и Гулевичем Даже в пределах чисто «академической» трактовки ее, тщательно обходя политический вопрос об отрицательной роли самодержавия, буржуазные теоретики не понимали решающего влияния промышленного развития страны на ее боевую готовность.

Образование двух враждебных коалиций — Антанты и Тройственного союза — предопределяло огромные размеры армий и технических средств, которые будут мобилизованы, особую остроту и длительность предстоящей борьбы Тем не менее среди русского генералитета все более укреплялась ложная мысль о невозможности длительной войны Так, излагая точку зрения комиссии А А Поливанова, организованной в 1910 г для окончательного установления норм боевого снабжения, А. А Маниковский писал «Будущая большая война, требующая полного напряжения всех сил и средств государства, не может быть продолжительной По господствовавшему в то время мнению представителей ГУГШ, война будет молние-

[8] *А Н Куропаткин* Задачи русской армии, т I—III СПб, 1910

[9] «Великая Россия Сборник статей по военным и общественным вопросам», кн II М, [1912]

[10] *И И Левин* Проблема финансовой боевой готовности и финансовая боевая готовность России — «Известия Общества финансовых реформ», № 9 1914, *М И Туган-Барановский* Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии — «Вопросы мировой войны» Сб статей Пг, 1915, стр 269—324

носной и скоротечной, продлится 2—6 месяцев и не более года, так как во всяком случае ранее годичного срока войны наступит полное истощение воюющих сторон, и они вынуждены будут обратиться к мирному соглашению» [11].

Мнение А А. Маниковского вполне согласуется с показаниями других видных работников Военного министерства, сделанных ими образованной в 1915 г «Верховной комиссии для обследования причин несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снаряжения армии» Е. К Смысловский, например, излагая основные принципы снабжения армии, формулирует их следующим образом: «Будущая большая европейская война не может быть продолжительной. Основное положение о кратковременности кампании неизбежно влекло за собой и у нас, и у союзников естественный, но, к сожалению, оказавшийся весьма неправильным принцип обеспечения армии: война ведется за счет тех запасов, которые заготовлены в мирное время .. Но вопрос о том, чем будет питаться армия, когда запасы будут израсходованы, постоянно оставался в тени» [12]

Империалистическая воина 1914 г. начиная с первых ее месяцев резко отличалась от предыдущей войны с Японией не только тем, что она охватила свыше десятка государств, но и тем, что империалистические правительства начали вести ее с огромным напряжением всех людских и материально-технических ресурсов. Мир не видел еще под ружьем столь больших армии, вооруженных огромным количеством орудии истребления людей — пушками, пулеметами, минометами, авиацией Русская армия столкнулась с армиями двух европейских государств, из которых Германия являлась едва ли не сильнейшим в Европе. Во всяком случае она располагала сильнейшей сухопутной армией в мире, готовилась к войне свыше четырех десятков лет и опиралась на мощную индустрию Довольно сильную армию имела и Австро-Венгрия. Через несколько месяцев после начала войны к ним присоединилась и Турция, что повлекло образование азиатского фронта. Линия Восточного фронта России только в Европе растянулась на 1,5 тыс км. После проведения мобилизации русская армия насчитывала (вместе с кадрами) 5,5 млн человек, а после дополнительных призывов в 1914 г под ружьем было 6,5 млн. человек.

Естественно, что эта армия сразу поглотила мобилизационные запасы и предъявила к слабой русской промышленности невиданные ранее требования. Огромную армию надо было вооружить и пополнять вооружение, одеть, накормить, перевезти и т. д Все это по-новому ставило вопрос о роли промышленности в работе на армию.

Можно с полной уверенностью сказать, что среди государственных и военных руководителей России никто не думал до войны об организации тыла, о работе всей промышленности, включая и частную, для снабжения армии на случаи такой войны, которая началась

[11] *А А Маниковский* Боевое снабжение русской армии в мировую войну М, 1937, стр 36

[12] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 24, лл 228—287 Записка Е К Смысловского, представленная 1 января 1916 г Верховной комиссии

Мобилизационные планы и всякого рода нормы запасов исчислялись на основе опыта русско-японской войны Этот «опыт» сыграл в русской армии лишь отрицательную роль, так как нормы мобилизационных запасов были взяты заниженные. Мобилизация промышленности на случай войны, как, впрочем, и в других странах [13], не была подготовлена «Кратковременную кампанию» предполагалось обеспечить за счет запасов мирного времени. «И ГАУ, и ГУГШ [14] пребывали до самого начала войны в глубокой уверенности, что все их обязанности по снабжению армии боевыми припасами на случай предстоящей войны исчерпывались заботами о доведении боевых комплектов до утвержденных норм запасов военного времени» [15] Эту же точку зрения разделяли военный министр и начальник Генштаба.

Еще в августе 1904 г. Военный совет поручил Главному артиллерийскому управлению «обсудить вопрос о том, насколько по опыту нынешней войны оказывается достаточным установленный у нас комплект боевых припасов и производительность наших заводов» [16] В декабре 1904 г. Военный совет вновь вернулся к этому вопросу и признал «крайне настоятельным» скорейшее увеличение боевых припасов; в связи с этим было признано «неизбежным» расширение технических артиллерийских заведений и желательность их реорганизации «с началом строительного периода 1905 года». Относительно характера и объема расширения предприятий было дано общее указание — произвести его так, «чтобы в случае общей мобилизации всей армии и большой войны отечественные заводы могли при напряженной работе выделывать в год примерно то же количество боевых припасов, какое в течение года будет расходоваться, так как только при этом условии будет вполне обеспечена неослабная боевая готовность армии, а также флота» [17]. Приведенный документ являлся единствен-

[13] Во французской промышленности предусматривалась мобилизация казенных предприятий, так как исходили из предположения, что война будет кратковременной Ввиду этого предполагали, что все необходимые запасы должны быть подготовлены заранее Мобилизацией предусматривалось ежедневное производство 14 тыс 75-мм снарядов и 2,6 млн пехотных ружейных патронов Предусматривалась отсрочка 50 тыс рабочих В половине сентября главное командование потребовало увеличить производство артиллерийских 75-мм снарядов до 40 тыс штук вместо намеченных 14 тыс штук в день («Мобилизация промышленности в иностранных государствах» вып 1 М, 1924, стр 5—7) В работе П Каратыгина («Мобилизация промышленности для нужд войны Общие основы» М, 1925, стр 60—61) доказывается, что у всех воевавших государств «начальным производственным годом» был 1915 год Автор полемизирует с положением, что германская военная промышленность «развернулась с первых же дней войны» В расчете на краткосрочность войны здесь в отношении боеснабжения было сделано не много больше, чем во Франции, и только более сильные производственные средства армии позволили ей быстрее исправить начальную ошибку Однако Германия быстрее своих противников провела мобилизацию промышленности, и это обеспечило ей перевес в боевой технике

[14] Главное артиллерийское управление и Главное управление Генерального штаба

[15] *А А Маниковский* Указ соч, стр 512

[16] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 24, лл 117—118 Выписка из журнала Военного совета от 16 декабря 1904 г

[17] Там же, л 118

ным исходным законным основанием для всей деятельности Военного министерства в деле подготовки промышленности к будущей войне Известной конкретизацией общей директивы были мобилизационные нормы артиллерии, пулеметов, ружей и запасов артиллерийских выстрелов, ружейных и пулеметных патронов Нельзя не признать расплывчатым и неопределенным это единственное решение Военного совета, регулирующее развитие технических заведений

В 1905 г артиллерийское ведомство разработало программу развития артиллерии, осуществление которой требовало огромных единовременных затрат в 896 млн руб и ежегодных затрат по 42 млн руб [18] Такие затраты были признаны непосильными, а В Н Коковцов назвал требования артиллеристов сумасбродными По отзыву Е З Барсукова, специально изучавшего вопрос о подготовке России к войне в артиллерийском отношении, прения и споры вокруг вопроса артиллерии «затянулись почти на семь лет, и если бы не война на Балканах 1912 г, то вопрос этот едва ли бы дождался осуществления» [19] В 1908 г А И Гучков, являвшийся председателем Комиссии по обороне III Государственной думы, обратился к начальнику ГАУ с запросом в отношении мероприятий, которые следует «признать совершенно неотложными» Примерно с этого времени усилился отпуск средств на армию

О том, как относилось правительство к нуждам артиллерии и артиллерийской промышленности, показывает следующий факт В 1905 г решение особой комиссии под председательством Я Г Жилинского о необходимости повышения комплекта мобилизационного запаса снарядов до 2000 или, по крайней мере, до 1500 снарядов, не встретило поддержки и не было осуществлено в основном по финансовым соображениям.

Таким образом, вся деятельность ГАУ была направлена к созданию мобилизационных запасов «в количестве установленных норм» [20]

Реорганизация армии, осуществленная в 1910 г, меньше всего касалась артиллерии Русский корпус имел по 108 орудий, из них только 12 гаубиц По сравнению с немецкой армией, русская армия была обеспечена артиллерией почти в 2 раза слабее [21]; она оставалась при батареях 8-орудийного состава На усиление артиллерии всего было отпущено 71 млн руб, или менее 10% той суммы, которая была признана необходимой артиллеристам в 1905 г Совет министров рассрочил расходование средств на артиллерию на целых 10 лет — до 1921 г, а артиллерия потребовалась уже в 1914 г Что касается крепостной артиллерии, на которую было отпущено 192 млн руб, то ее реорганизация была рассрочена на целых 20 лет, т е до 1930 г

[18] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 36, лл 37—59 об Представление Д Д Кузьмина-Караваева от 31 марта 1915 г председателю Верховной комиссии

[19] *Е З Барсуков* Русская артиллерия в мировую войну, т I М, 1938, стр 17.

[20] Там же

[21] Накануне войны каждая русская пехотная дивизия имела в 2 раза меньше батарей и на 25 орудий меньше, чем германская Каждая немецкая дивизия имела 8 тяжелых орудий русская — не имела их совсем

Только в 1913 г была разработана так называемая «большая программа» усиления армии, в которой обращалось серьезное внимание на артиллерию [22]. Однако к ее осуществлению не было приступлено, а потому она не оказала никакого влияния на состояние армии и развитие артиллерийских военных предприятий перед войной 1914 г

Оценивая реальное состояние русской артиллерии накануне первой мировой войны, Е. З. Барсуков указывает на отсталую организацию, почти не отличавшуюся «от совершенно отжившей организации времен русско-японской войны» Развитие артиллерийской техники отразилось на русской артиллерии чрезвычайно слабо, в результате русская артиллерия как в организации, так и в количестве орудий и их мощности значительно уступала артиллерии своих противников [23]. «Верхи царскои армии допустили глубокую ошибку в предположении вести войну только за счет мобилизационных артиллерийских запасов. Никакими запасами, заготовленными в мирное время, нельзя покрыть колоссальные потребности современной большой войны. Запасы эти нужны только для начала войны, а затем война будет вестись на те средства, какие ей будут предоставлены производительными силами своей страны. Верхи старой армии не предусмотрели и не учли первенствующего значения экономики для современной войны, не подготовили народное хозяйство и промышленность к обороне» [24] Этот вывод Е. З. Барсукова представляет повторение марксистского тезиса о том, что мощь армии, особенно в эпоху империализма, целиком определяется развитием промышленности и экономики страны.

Практически вся деятельность Военного министерства на случай войны ограничивалась исключительно доведением боеприпасов и вооружения до намеченных мобилизационных норм. В тех случаях, когда эти нормы и запасы были полностью в наличии, работа казенных предприятий, занятых исключительно производством на армию, фактически консервировалась. Так было, например, с Сестрорецким оружейным заводом, на котором в 1913 г. было изготовлено всего только 4530 трехлинейных винтовок, а перед войной производство винтовок совсем замерло: в июле 1914 г. было сделано лишь 19 винтовок, в августе — сентябре их не производили вовсе и только в октябре 1914 г. производство винтовок было возобновлено и составило 1130 штук [25]. Тульский оружейный завод, самый мощный в империи, произвел за 7 месяцев 1914 г. всего лишь 16 винтовок. В целом мощность трех оружейных заводов России использовалась за три предвоенных года от 7 до 12%. Их суммарная годовая произ-

[22] Количество батарей увеличивалось на 87%, количество орудий полевой артиллерии — только на 18% Особенно усиливалась полевая тяжелая артиллерия В корпусе удваивалось число 122-мм гаубиц (с 12 до 24). Кроме того, корпус обеспечивался дивизионом полевой тяжелой артиллерии из 12 орудий две батареи 107-мм пушек и одна батарея 152-мм гаубиц «Большая программа» слабо затрагивала осадную и крепостную артиллерию

[23] *Е З Барсуков* Указ соч, т I, стр 160—161

[24] Там же, стр 161

[25] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 6, л 180

водительность была рассчитана на 525 тыс. винтовок, а изготовлено было в 1911 г. 37 тыс., в 1912 г. — 47 тыс. и в 1913 г. — 65 тыс. штук [26]. Одновременно с катастрофическим сокращением производства винтовок ГАУ в целях экономии в 1912 г. сократило на заводах запасы стальных ствольных болванок с 240 тыс. до 100 тыс. штук. Поэтому к началу войны на заводах осталось ограниченное количество болванок для изготовления винтовок. В результате целая армия (140 тыс. человек) в первом году войны осталась без винтовок.

Политика ГАУ в деле производства патронов оставила армию к началу войны без полного комплекта патронов [27]. Изготовление полного комплекта планировалось ГАУ на 1915 г., а полная замена патронов старого образца на новые, остроконечные, намечалась лишь на 1918 г. В конце 1913 г. запас патронов был менее 1,5 млрд. штук, а максимальная годовая производительность ружейных патронов — около 550 млн. штук [28].

Еще хуже обстояло дело с порохом. Пороховые заводы не успевали обеспечивать снабжение артиллерии. Только в 1913 г. начались работы по незначительному расширению трех пороховых заводов, а также строительство 8 снаряжательных мастерских. Предложение ГАУ построить новый пороховой завод не встретило поддержки в министерстве, и до войны он не был выстроен [29].

Артиллерийские предприятия не имели запаса станочного оборудования и материалов, а часто и заказов. Так, еще до войны ГАУ не давало заказов на полевую артиллерию Обуховскому заводу, что лишало его возможности своевременно развернуть производство полевых пушек. Обследование Петроградского орудийного завода в 1915 г. показало исключительную скученность на заводе и отсутствие площади для развертывания производства, установки новых станков, организации складов и т. д. По заключению обследовавшей его комиссии, на заводе «перейден предел в смысле удобства работ и их безопасности» [30]. Окончательный вывод комиссии сводился к требованию перенести завод на новое место и расширить заготовительные цеха, кузницу, без чего военное ведомство «не будет иметь завода, на который оно могло бы опереться в деле снабжения армии» [31].

[26] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 48, л. 33. Свод сведений о численном составе войск, ружьях, пулеметах и патронах.

[27] К началу войны не хватало 300 млн. патронов сравнительно с утвержденными мобилизационными нормами.

[28] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 40. Всеподданнейший доклад военного министра за 1913 г. В этом же документе отмечалось, что согласно составленному плану пополнение ружейных запасов до уровня военного времени вместе с неприкосновенными предположено закончить в 1916 г. Гораздо быстрее пополнялись интендантские и вещевые запасы, которые к концу 1913 г. были в наличии на 85—90%.

[29] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 128, лл. 58—70. Свод сведений о снабжении армии порохом.

[30] Там же, лл. 9—10. Свод сведений о деятельности казенных артиллерийских заводов.

[31] Там же, л. 10.

В течение многих лет среди ряда ведомств шла борьба вокруг вопроса о том, орудия каких калибров следует изготовлять на Пермском горном заводе и какие средства следует отпустить на его переоборудование. Наконец, в январе 1914 г. было окончательно решено оборудовать Пермский завод с расчетом изготовления 16-дюймовых орудий. Пока шла затяжная ведомственная грызня, завод оказался к началу войны совсем необорудованным для производства даже легких орудий. Через год после начала войны Пермский завод, по заключению обследовавшей его комиссии, не походил на мощный артиллерийский завод европейского типа.

Обследование Самарского трубочного завода и Сергиевского завода взрывчатых веществ показало «слабое оборудование, ошибочность расчетов самого оборудования и отсутствие какого-нибудь запасного имущества на случай военных нужд» [32].

Изложенные факты, характеризующие положение отдельных казенных предприятий накануне первой мировой войны, показывают, что эта важнейшая опора военного ведомства находилась в полнейшем загоне. Трудно даже понять сейчас, как могли руководители Военного министерства и правительства проводить такую политику в отношении казенных заводов. Составляя планы мобилизации армии и ее стратегического развертывания, правительство не обратило внимания на техническое оснащение своих предприятий, почему состояние большинства из них не соответствовало достигнутому к тому времени уровню развития техники и тем задачам, которые они должны были выполнить.

Руководители царского правительства и армия не понимали, что казенные военные предприятия должны стать ядром, вокруг которого должен сложиться народнохозяйственный организм, призванный обслуживать нужды действующей армии. Значительного увеличения производства на военных заводах во время войны они рассчитывали достичь исключительно путем введения двух- или трехсменной работы.

Внимательное изучение практики работы Военного министерства показывает одностороннее и в корне ошибочное представление о подготовке армии к войне. Эта подготовка сводилась, преимущественно, к выработке плана военных операций. В связи с ним предусматривалось развитие и использование железных дорог. Зато все остальные стороны материального производства (промышленность) оставались в полном пренебрежении. В этом сказывался крупнейший порок всей военной доктрины старой армии.

Положение царской армии сравнительно с другими армиями было невыгодно и в том отношении, что ее относительно небольшие мобилизационные запасы не были изготовлены. Деятельность руководителей Военного министерства царской России (Сухомлинов, Жилинский и др.) заслужила осуждение не только со стороны

[32] Там же, д. 21. Доклад А. Н. Наумова о деятельности Самарских казенных заводов.

историков, она получила осуждение современников, принадлежавших к одному с ними классу и занимавших равное с ними общественное положение. Конечно, Я. Г. Жилинский, привлеченный к судебной ответственности, старался оправдать Генеральный штаб и свалить всю вину на Главное артиллерийское управление, а Д. Д. Кузьмин-Караваев, А. А. Маниковский, Е. З. Барсуков и др. старались реабилитировать ГАУ и по возможности больше вины переложить на Генеральный штаб и военного министра. В действительности, все органы Военного министерства во главе с Сухомлиновым работали исключительно плохо, безынициативно, бюрократично, повторяя одни и те же ошибки. В этом отношении у историка не найдется оправдания и для деятельности А. А. Поливанова, много лет непосредственно руководившего делом снабжения армии и лишь по ряду политических причин не привлеченного к ответственности вместе с В. А. Сухомлиновым и компанией.

Верховная комиссия, расследовавшая скандальное дело с провалом снабжения русской армии в начале войны, а затем и всю деятельность В. А. Сухомлинова на посту военного министра, изложила свою точку зрения во «Всеподданнейшем донесении» от 1 марта 1916 г. В этом документе [33] в полной мере признавалась ответственность Военного министерства за неподготовленность русской армии к войне. «Обозревая собранные Комиссиею сведения и сопоставляя их с разъяснениями и сообщениями, поступившими от большинства из названных выше лиц (имеются в виду руководящие работники Военного министерства, допрошенные членами Верховной комиссии — *А. С.*), Верховная комиссия не могла не усмотреть, что те тяжелые испытания, которые пришлось перенести нашей доблестной армии из-за несвоевременности и недостаточности пополнений запасов ее воинского снабжения, проистекали не от каких-либо стихийных сил и не могущих быть своевременно предотвращенными обстоятельств, а являлись прискорбным следствием деятельности органов Военного министерства». Далее указывалось, что те же органы Военного министерства «в последние перед войной годы, при постоянно возникавших опасениях близости общеевропейской войны, не вошли в соображение вопроса о пересмотре существовавших норм запасов предметов воинского снабжения для проверки степени достаточности этих запасов, сообразно позднейшим данным и по более современным обстоятельствам и ожиданиям потребности войны». По существу, велась критика «органов» Военного министерства, а не лиц, возглавлявших эти органы. Оказывается, «органы», а не лица, их возглавлявшие, «не выполнили» указаний Военного совета 1904 г. о необходимости расширения технических заведений и не разработали «с должною тщательностью» вопрос «о приспособлении отечественных заводов» для нужд войны, на случай если припасов, заготовленных в мирное время, не хватит. Верховная комиссия признавала, что оставление

[33] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 47, лл. 11—36. Всеподданнейшее донесение Верховной комиссии. Этот документ был доложен 1 марта 1916 г. председателем комиссии Н. П. Петровым Николаю II.

заниженных норм запасов военного снабжения «привело к тяжелым для армии последствиям и особенно болезненно отразилось на снабжении ее винтовками и пулеметами, а также патронами к ним». Несмотря на численный рост армий противника, мобилизационные расчеты 1910 г не были увеличены, хотя данные, на основе которых были составлены эти расчеты, «коренным образом изменились в направлении нарастания» Военное министерство не использовало работы своих агентов, донесения которых в отношении Германии являлись «вполне основательными», чтобы исправить свои исчисления

Далее справедливо осуждалась практическая деятельность Военного министерства после 1910 г , в результате которой «уменьшилась имевшаяся наличность ружей и оставлены были без использования способы для увеличения их запасов» Пункт за пунктом в отношении ружей, пулеметов, патронов и других видов боевого снабжения «Всеподданнейшее донесение» обвиняло Военное министерство, которое не установило, например, нормы запаса патронов в соответствии «с установленною в 1910 году численностью ружей и пулеметов и возрастанием вооружения западных соседей» Последствия такой политики Военного министерства сказались с наступлением войны

Верхушка царской бюрократии признавала «еще более роковые последствия» того обстоятельства, что соответствующие органы Военного министерства «не разрешили своевременного вопроса о приспособлении отечественных заводов для питания армии во время войны» Этот вопрос, по мнению Н П Петрова, «оставался в тени», между тем простая предусмотрительность требовала «подвергнуть его обсуждению»

Суммируя отдельные ошибки Военного министерства, вытекающие из неправильного предположения, что война будет вестись «за счет запасов, заготовленных в мирное время», донесение обвиняло министерство в том, что оно не предусмотрело снабжение армии «на случай, если бы такое предположение не оправдалось» Это свое обвинение авторы донесения пытались обосновать ссылкой на требования «военной науки», которая-де предусматривает наиболее неблагоприятную обстановку. Далее ставилось в вину отсутствие мобилизационных планов как для казенных, так и для частных промышленных предприятий «В течение времени, предшествовавшего войне, органы Военного министерства не выработали необходимых планов перехода технических артиллерийских заведений от производительности, соответствующей мирному времени, к производительности, отвечающей потребностям военных обстоятельств», «не выработали они равным образом и планов для привлечения к делу снабжения армии частных заводов и не предусмотрели возможности широкого использования отечественной промышленности»[34]. Все это, безусловно, поставило в весьма трудные условия казенную промышлен-

[4] Это положение далее конкретизировалось в отношении кадров рабочего класса, снабжения заводов сырьем, оборудованием и т д

ность в начале войны, а также само артиллерийское ведомство, которое не смогло своевременно опереться на частные заводы

В результате такой политики Военного министерства промышленные предприятия России оказались неприспособленными к работе во время войны, и тем самым Военное министерство само определило «то исходное средство, которое оставалось единственным для удовлетворения могущих быть выдвинутыми во время войны заданий по снабжению армии воинскими припасами. Средство это состояло в приобретении и заказе за границей потребных армии предметов снабжения во время войны»[35]

На основе всего вышеизложенного Верховная комиссия пришла к заключению, что «первопричина обнаружившихся в первый год войны и отчасти в первые же месяцы недостаточности и несвоевременности снабжения армии ружьями, пулеметами и патронами относится к предшествующим войне годам, в продолжение которых не были подготовлены ни запасы в надлежащем количестве, ни развитие на время войны заводской производительности»

Таким образом, доклад Верховной комиссии заботливо обошел все пункты, которые могли быть повернуты против всего царского правительства в целом. Виновными были признаны лишь В А Сухомлинов и двое его ближайших помощников[36] Неподготовленность

[35] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 47, лл 13—15 об, 16 об В донесении Верховной комиссии дана оценка бюджетной политики и финансирования Военного министерства, вопросам снабжения армии артиллерией и артиллерийскими снарядами, наличности мобилизационных запасов к началу войны и т д Рассмотрены также отношения В А Сухомлинова с С Н Мясоедовым и источники личного обогащения Сухомлинова

[36] Генералам В А Сухомлинову, Я Г Жилинскому и Д Д Кузьмину-Караваеву было предъявлено совместное обвинение в том, что· 1) не были приняты необходимые меры, чтобы приспособить «отечественные заводы к такой производительности» снарядов, которая «сама по себе могла бы удовлетворить всю потребность армии в снарядах во время войны», 2) не были пересмотрены исчисления «требуемых наличности ружей и пулеметов и выделки винтовок в случае войны (исчисления 1910 г), а также наличности ружейных и пулеметных патронов (исчисления 1906—1908 гг)», 3) не были приняты необходимые меры к увеличению производительности пороховых заводов В А Сухомлинов и Д Д Кузьмин-Караваев совместно были признаны виновными в том, что ружейные заводы не были подготовлены во время воины к большей производительности винтовок, а также в том, что намеченные мобилизационные запасы (патроны) не были готовы, производительность казенных и частных заводов «не была использована» Все вышеприведенные мероприятия охарактеризованы лишь как «упущения», которые «имеют и по предмету, и по последствиям первостепенное государственное значение, так как была умалена готовность к войне в отношении воинского снабжения и понижена во время войны боевая мощь в наступлении в пределах государств, вызвавших Россию на брань, и даже к обороне отечественных границ от вторжения неприятеля » Кроме того, серьезные обвинения были предъявлены самому В А Сухомлинову, правда, в весьма слабой форме, в частности было указано на нарушение В А Сухомлиновым «служебного долга» в отношении «к значительной группе лиц», привлеченных к ответственности в государственной измене Эти нарушения казались Верховной комиссии «столь тяжкими, что указывают на наличность признаков прикосновенности самого генерал-адъютанта Сухомлинова к пре

России к войне была представлена не как следствие полной несостоятельности и распада всего режима царского самодержавия, которое не смогло извлечь необходимых уроков из печального опыта русско-японской войны, а как случайное стечение обстоятельств связанных главным образом с наличием во главе Военного министерства В А Сухомлинова.

В действительности дело выглядело совсем не так просто, как его представили авторы «Всеподданнейшего донесения» В их докладе был обойден коренной вопрос об ответственности существовавшего строя перед народными массами. Столыпинская монархия, несмотря на робкий новый шаг в сторону буржуазной монархии, в действительности оставалась ветхой, дворянской черносотенной организацией Особенно консервативной и реакционной являлась военная среда, военный аппарат самодержавия, изъятый из сферы буржуазно-либерального контроля, подчиненный непосредственно императору. Верхушка государственного военного аппарата в лице В А Сухомлинова, А А. Поливанова и их сослуживцев ничему не научилась на опыте русско-японской войны Бюрократизм, закостенелые традиции, освященные личным авторитетом царя, в виде великокняжеских «уделов» в отдельных областях военного хозяйства мертвой хваткой держали армию в своих руках. Привилегированная дворянско-аристократическая военная каста, несмотря на все потуги Гучкова и К°, не давала возможности перестроить армию в соответствии с нуждами растущего империализма. Вся эта обстановка дала возможность расцвести «сухомлиновщине» — тому преступному явлению, когда военный министр оказался опутан тенетами шпионских организаций, связан с жуликами и проходимцами, а его жена, используя служебное положение мужа, вела темную денежную игру и доставала себе средства на заграничные поездки из столь же темных источников.

«Сухомлиновщина» показала, сколь далеко стояло все правительство третьеиюньской монархии от действительных нужд и потребностей такой важнейшей и решающей, с точки зрения монархии, отрасли государственного хозяйства, как армия Она вскрыла явно преступное понимание задач подготовки армии и страны к войне· полное равнодушие к новым видам техники; одностороннее увлечение военно-мобилизационными планами, разработке которых был подчинен весь аппарат Генерального штаба; игнорирование вопросов экономической подготовки к войне, неспособность царского правительства ликвидировать свое отставание от передовых империалистических стран в области вооружения; медленные, буквально черепашьи, темпы внедрения в армию нового и полнейшую неспособность понять, что делалось в армиях противника в части подготовки к войне.

ступлениям государственным» (ЦГВИА ф 962, оп 2, д 47, лл 34—36) Позднее, когда В А Сухомлинову было предъявлено судебное обвинение, пункт о государственном преступлении В А Сухомлинова, о связях с С Н Мясоедовым и другими был развит подробно

Все эти обстоятельства вновь обрекали русскую армию на тяжелейшие испытания. В течение пяти лет после русско-японской войны буквально ничего не было сделано для ее реорганизации, а в последующие пять лет проводились мелкие мероприятия, из числа которых были полностью исключены важнейшие проблемы экономики. Серьезные мероприятия были намечены и начали осуществляться только через 10 лет после русско-японской войны.

Кризис боевого снабжения в начальный период войны

Уже в первые месяцы войны русское правительство столкнулось с недостатком снарядов и винтовок. Указание на недостаток снарядов в конце августа 1914 г. уже дошло не только до командующих армиями, но стало известно Ставке верховного главнокомандования России.

Верховная комиссия, занимавшаяся во время войны расследованием вопроса о недостатке снарядов, собрала большой изобличительный материал. Командующий Юго-Западным фронтом Н. И. Иванов послал в комиссию целое «дело» с перепиской относительно снарядов и винтовок. Приведем только некоторые документы и замечания из этого «дела». Уже 27 августа 1914 г. на донесении начальника снабжения фронтом Н. И. Иванов сделал замечание: «Чувствую наступает кризис по части боевых припасов артиллерии. Иванов. Еще раз подтвердить о бережном расходовании артиллерийских патронов. Несомненно много патронов выпускается бесцельно и безрезультатно. Иванов»[37]. В тот же день М. В. Алексеев послал командующим армиями указание о бережливом отношении к патронам, а Н. И. Иванов — особую телеграмму А. А. Брусилову о том же. 31 августа М. В. Алексеев послал новую телеграмму командующим армиями, в которой говорится об указании верховного главнокомандующего на необходимость бережного расходования артпатронов. В сентябре уже было секретное распоряжение по войскам о «необходимости целесообразного расхода пушечных патронов»[38].

В октябре Н. И. Иванов сообщил Н. Н. Янушкевичу о том, что источники пополнения артиллерийских припасов «иссякли совершенно». Без пополнения армий фронта 10 парками[39] он угрожал «прекратить бой»[40]. В начале декабря Иванов настойчиво требовал от Ставки снарядов, а получал от Янушкевича разъяснения, что Юго-Западный фронт «получил больше причитающегося по числу орудий»[41]. На декабрь было обещано максимально 5 парков и с ними

[37] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 9, л. 5.
[38] Там же, л. 8 об.
[39] Количество снарядов в парке было: легком — 29 072 штук, мортирном — 8600, горном — 2280 и тяжелом — 2600 штук.
[40] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 9, л. 11 об.
[41] Там же, лл. 14—15.

предлагалось «вести дело» На этом и закончилось объяснение с командующим фронтом В конце декабря 1914 г организуется авторитетная комиссия, которая должна была выяснить, насколько правильно поставлено дело снабжения снарядами Юго-Западного фронта [42]. Заключение комиссии посвящено критике деятельности Главного артиллерийского управления, которое, по мнению комиссии, не высылало пополнения запасов Кроме вопроса о снарядах был также поставлен на очередь «острый вопрос о винтовках» для вооружения пополнений, которые приходили на Юго-Западный фронт.

Н Н. Янушкевич, бывший начальник Штаба верховного главнокомандующего, признавал в своих показаниях следственной комиссии, что «вопрос о недостатке артиллерийских снарядов, о недостатке винтовок и ружейных патронов возник в первые же месяцы воины»[43].

Янушкевич ставил этот вопрос перед В. А Сухомлиновым в переписке и при личных объяснениях во время приезда В. А. Сухомлинова в Ставку. С течением времени этот вопрос «принял прямо угрожающий характер, так как лишал армию не только возможности иметь активный успех над врагом, но даже противодействовать его наступательным действиям»[44].

В сентябре 1914 г Н. Н Янушкевич потребовал от Военного министерства довести снабжение фронта до 1350 тыс. снарядов в месяц С такой потребностью годовой запас снарядов мог быть израсходован в 3 раза быстрее

Учитывая разные непредвиденные обстоятельства, была принята месячная цифра в 1,5 млн снарядов [45]. Эта потребность опрокидывала все расчеты «военной науки» о расходе пушечных снарядов и требовала от Военного министерства не обычной, а исключительно энергичной деятельности и перестройки всей промышленности на военный лад.

По справке [46] П. К Кондзеревского — дежурного генерала Ставки, составленной по заданию начальника штаба Ставки для вручения императору с целью доказать неспособность военного министра В А Сухомлинова руководить делом вооружения армии, фронт получил до 1 января 1915 г следующее количество парков снарядов:

[2] Там же, лл 60—63 об Копия объяснительной записки по вопросу о снабжении Юго-Западного фронта предметами артиллерийского ведомства, представленная 22 декабря 1914 г Подлинник был подписан начальником артиллерийского снабжения Юго-Западного фронта генерал лейтенантом А А Голицыным

[43] Там же, д 50, л 226 Показания Н Н Янушкевича от 12 сентября 1916 г

[44] Там же

[45] Н Н Янушкевич просил ежемесячно 1200 тыс легких патронов, 25 тыс — для горных пушек, 75 тыс — полевых гаубичных и около 50 тыс — для тяжелой артиллерии

[46] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 24, лл 64—68 об Справка составлена 12 июня 1915 г к приезду императора в Ставку и была ему вручена В результате последовала отставка Сухомлинова На этот документ ссылается «Свод сведений о снабжении армии артиллерийскими снарядами» (там же, д 48, л 18)

	Легких	Мортирных	Горных	Тяжелых	Всего
В июле и августе	52	15	6	7	80
» сентябре	23	7	7	—	37
» октябре	20	11	7	5	43
» ноябре	12	9	2	4	27
» декабре	16	5	3	2	26
Итого	123	47	25	18	213

Данные Ставки совпадают с расчетами Военного министерства [47]. Значительное количество снарядов (21 легкий парк и 11 мортирных) начало поступать в армии с половины ноября. Всего с начала войны было отправлено, по нашим подсчетам, 4,6 — 4,8 млн. снарядов всех типов. К концу декабря на фронте оставалось очень мало неизрасходованных снарядов, особенно легких (3 парка). Только на Юго-Западном фронте была отмечена нехватка 105 тыс. снарядов. Четыре месяца войны съели почти все мобилизационные запасы (5,6 млн. штук). За эти месяцы каждая пушка на фронте сделала в среднем больше выстрелов, чем за все время русско-японской войны.

Восстановить израсходованное русская промышленность могла только в течение года. По заявлению начальника Главного артиллерийского управления Д. Д. Кузьмина-Караваева, в случае большой войны «артиллерийское ведомство может изготовить, не прибегая к заграничным заказам, $5^1/_2$ млн. 3-дюймовых патронов» [48]. Хотя заказов до конца 1914 г. было выдано более чем на 14 млн. снарядов [49], темпы их изготовления внутри страны отнюдь не ускорились. Промышленность изготовляла их в тех количествах и даже менее, о которых говорил начальник ГАУ.

Положение армии становилось безнадежным. Отныне она должна была базироваться на внутреннее производство, которое подвигалось черепашьим темпом, да на заказы за границей. Последний источник еще не был испытан и, как показали последующие события, не мог серьезно приниматься во внимание. Надежды на союзников, на мощную американскую промышленность успокаивали русское правительство и лишали всякой энергии аппарат Военного министерства, парализовали его волю к действию.

Между тем, по признанию самой Ставки, в июне 1915 г. «заграничные заказы в общем на 9,3 млн. снарядов не принесли армиям

[47] ЦГВИА, ф. 29, оп. 3/1810, св. 114, д. 855, лл. 42—43. Исчисления Военного министерства сделаны на 27 декабря 1914 г. Согласно их данным, армии фронтов получили 119 легких парков, 45 мортирных, 17 горных и 16 тяжелых. Кроме того, 11 парков разных снарядов находились в резерве Ставки.

[48] Там же, ф. 962, оп. 2, д. 23, лл. 184—185. Объяснительная записка по снабжению армии пушечными патронами.

[49] Там же, д. 24, л. 68.

никакой пользы». Вместо миллионных заказов снарядов и дистанционных трубок в Россию было поставлено 5 тыс. патронов.

Армия встречала 1915 г., не имея снарядов. Все запасы военного ведомства были исчерпаны. Начался тот систематический снарядный голод, который поставил армию весной и летом 1915 г. в катастрофическое положение. Н. Н. Янушкевич — начальник Штаба верховного главнокомандующего — говорил в ноябре 1914 г. военным представителям союзников при Ставке Лагишу (Франция) и Вильямсу (Англия), что «мы ощущаем серьезный недостаток в артиллерийском снабжении» и «это обстоятельство сильно повлияет на наши дальнейшие стратегические предположения» [50].

В ответе Н. Н. Янушкевича Н. И. Иванову на его настойчивые, повторные требования снарядов рисуется действительное положение вещей. «Что положение с патронами грозное,— пишет Н. Н. Янушкевич,— было известно вашему высокопревосходительству еще 11 октября, когда парков имелось 16 во фронте. Что парков можно в среднем получить не свыше 9 на оба фронта до марта — заявлялось мною вам три раза с указанием, что на вверенный вам фронт будет выпускаться в месяц от 4 до 5 парков, не более... Таким образом, какие бы ни были требования армий Юго-Западного фронта, они не могут и не будут удовлетворены за полной к тому невозможностью. Максимум за декабрь — это 5 парков, с ними и надо вести дело. Этим считаю все объяснения по вопросам снабжения патронами исчерпаны. Положение вопроса давно известно не только военному министру, но даже его величеству. Штаб верховного главнокомандующего не заготовляет патронов и невозможного сделать не может» [51].

Это письмо раскрывает катастрофическое положение русской армии в декабре 1914 г. Все возможные запасы снарядов были уже расстреляны, а текущее пополнение сокращалось в 3 раза даже по сравнению с недостаточным поступлением снарядов за последние месяцы. До марта 1915 г. Н. Н. Янушкевич не обещал никакого улучшения. В действительности такое безвыходное положение продолжалось до осени 1915 г., так как с марта по август намечалось изготовлять по 12 парков, а с августа — по 32 парка [52].

Получив ответ от Н. Н. Янушкевича, Н. И. Иванов, видимо, не понял действительной глубины переживаемого кризиса в снабжении армии. 10 декабря 1914 г. он послал подробный мотивированный ответ с просьбой представить его верховному главнокомандующему, так как «по долгу службы не смею считать, что Ваша телеграмма исчерпывает столь важный и ответственный вопрос» [53].

Верховный главнокомандующий также не мог помочь делу, ибо «вопрос» заключался не в распределении снарядов, а в организации их производства, в работе тыла.

[50] Там же, д. 31, л. 140.
[51] Там же, д. 9, лл. 14 об.— 15.
[52] Там же, д. 6, л. 9. Письмо председателя Верховной комиссии Н. П. Петрова А. П. Вернандеру от 10 августа 1915 г.
[53] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 9, лл. 12—13.

Неспособность правительства решить вопрос о боевом снабжении армии. Ставка на заграничные заказы.

Резкая диспропорция между мизерным производством снарядов и огромной потребностью в них иллюстрируется следующими данными. За четыре месяца (декабрь 1914 г.—март 1915 г.) в армию было послано всего 1945 тыс штук снарядов всех калибров[54], т. е. менее $^1/_3$ необходимого количества Скорострельная трехдюймовая артиллерия получила около 1,5 млн снарядов, или по 2 выстрела в день на орудие[55]. За $5^1/_2$ месяцев 1915 г. (по 10 июня) фронт получил снарядов менее, чем за первые $4^1/_2$ месяца войны, на 39,5 легких парков, 17 мортирных, 17 горных и 3 тяжелых парка[56] Если в 1914 г ежемесячное поступление снарядов составляло $47^1/_3$ парка, то за первое полугодие 1915 г — лишь $25^1/_5$, т. е не более 50% от фактического снабжения 1914 г

В «Своде сведений» о снабжении армии артиллерийскими снарядами Верховная следственная комиссия с большим запозданием указывала на имевшуюся у Военного министерства возможность предотвратить «это прискорбное явление» «заблаговременным» приспособлением заводов к развитию производства Кроме того, подчеркивалось, что после того как Ставка потребовала по 1,5 млн спарядов в месяц, военное ведомство не приняло необходимых мер к соответствующему увеличению производства

В чем же было дело? Военный министр и его помощники были достаточно хорошо информированы Ставкои о деиствительном положении вещей. И сам министр, и другие ответственные работники министерства неоднократно вызывались в Ставку, где выяснялось положение и предъявлялись промышленности определенные требования. Требования Ставки утверждались императором и являлись обязательными для всего правительства

Во время пребывания Николая II в Ставке 15 декабря 1914 г ему было доложено о положении дела с питанием армии огнестрельными припасами Этот доклад преследовал лишь одну цель, чтобы постоянное давление Ставки на военного министра получило верховную санкцию Выслушав доклад начальника штаба Н. Н Янушкевича, царь «соизволил повелеть» усиленно заготовлять орудийные патроны с расчетом, чтобы ко времени заключения мира иметь на каждое орудие по 2000 патронов. Это общее повеление было переведено Ставкой на практический язык: военному министру было передано требование принять решительные меры и начать усиленное снабжение армии не позднее марта 1915 г.

[54] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 48, лл 53—54 Свод сведений о снабжении армии артиллерийскими снарядами Цифра дана с округлением в тысячах

[55] Там же, д 47 Всеподданнейшее донесение Верховной следственной комиссии

[56] Приведенные данные и последующие расчеты о снабжении снарядами в 1915 г подсчитаны на основе данных, приведенных Кондзеревским в его справке (там же, д 24, лл 64–68)

Однако никаких сдвигов в течение 8 месяцев не произошло Царская монархия со всем своим бюрократическим косным аппаратом власти проявила свою полную несостоятельность, в первую очередь в области экономической, в области перестройки промышленности для нужд войны Правительство в целом не понимало своей роли и обязанности в этом деле Были оставлены в силе все экономические рогатки мирного времени, а решение крупнейшей проблемы было передано нескольким чиновникам Военного министерства, среди которых не нашлось крупных организаторов Когда же отдельные способные лица с большим опозданием появились, оказалось, что все равно уже ничего нельзя предпринять, ибо вопрос упирался в общую политику, в само правительство, которое мешало организации дела

Столь же остро чувствовался недостаток в винтовках Правда, на фронте его ощутили позднее, когда пополнения стали приходить без оружия |В докладной записке комиссии, образованной для выяснения вопроса, насколько правильно было поставлено снабжение армий Юго-Западного фронта, начальник артснабжения фронта А А. Голицын уже в декабре указал на острый недостаток в винтовках для вооружения людей, приходящих на пополнение убыли О том же писал военному министру главный начальник снабжения армий Юго-Западного фронта А А. Маврин в начале февраля 1915 г.: «Те укомплектования, кои я увидел, прибывают в хорошем обмундировании, но без ружей, на фронте, ввиду большой нужды в винтовках, вопрос о вооружении укомплектований стоит очень остро» [57]

На фронте были приняты меры к сбору и ремонту винтовок Однако эта мера и прибывающие пополнения не смогли возместить потерь, которые определялись от 100 до 200 тыс винтовок в месяц Промышленность же дала за 5 месяцев 1914 г лишь 134 тыс новых винтовок и 144 тыс. исправленных

Потребность фронта определялась в конце 1914 г в 1,5 млн винтовок единовременно и 100—150 тыс в месяц, о чем и было доложено царю, а после его одобрения, 15 декабря, по телеграфу сообщено военному министру. Между тем « вопрос с винтовками не улучшался, несмотря на все полученные обещания Производительность наших заводов не превышала 42—45 тыс новых винтовок ..» [58] По словам Н Н Янушкевича, в феврале 1915 г военное ведомство обещало довести выпуск винтовок к сентябрю до 100 тыс в месяц Действительная же производительность заводов давала лишь 71—78 тыс в месяц и поднялась до 100 тыс лишь в марте 1916 г Вследствие отсутствия винтовок «положение обострилось до невероятности, и части таяли безнадежно, имея в тылу по 400—600 человек безоружных, ожидавших свободные винтовки от убитых товарищей и в то же время мало к чему подготовленных Все предложения о формировании польских, латышских и армянских дружин ставились в зависимость от наличия винтовок» [59]

[57] Там же, д 9, лл 169—170
[58] Там же д 31 л 145 Объяснения Н Н Янушкевича
[59] Там же

Вслед за недостатком винтовок всплыл вопрос и о ружейных патронах, расход которых усилился ввиду отсутствия снарядов для артиллерии. На совещании у начальника штаба Ставки Е. К. Смысловский доложил, что патронные заводы могут давать не более 100 млн. патронов в месяц, а это составляло от $^1/_2$ до $^2/_3$ потребностей армии. Особенно острый недостаток в патронах был в июне 1915 г., когда не хватало до 90 млн. патронов, и с Кавказского фронта пришлось срочно перебросить до 15 млн. патронов.

Таким образом, нехватка снарядов, о чем через месяц после начала войны сигнализировали В. А. Сухомлинову, в январе — марте 1915 г. вылилась в кризис всего боевого вооружения.

Несмотря на все недостатки Н. Н. Янушкевича как начальника штаба Ставки, он с начала войны требовал присылки снарядов и увеличения их производства. Об этом он писал военному министру и начальнику ГАУ.

Переписка между Н. Н. Янушкевичем и В. А. Сухомлиновым, опубликованная в 1922 г. в «Красном архиве», дает достаточно тому доказательств. Изученные нами архивные материалы, особенно документы Верховной комиссии, показывают, что требование развернуть военную промышленность, увеличить снабжение армии артиллерийскими патронами, винтовками, патронами к ружьям и пулеметам исходило из Ставки. В письмах и телеграммах Н. Н. Янушкевича к В. А. Сухомлинову, несмотря на внешнюю почтительность, достаточно ясно сквозило предупреждение о катастрофических последствиях, которые может иметь недостаток снарядов и вооружения для хода военных операций. От имени верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевич требовал довести выпуск снарядов до 1,5 млн. ежемесячно, для чего было «необходимо напрячь все силы и принять самые экстренные меры, не останавливаясь ни перед чем». Это требование Ставки надо расценивать как программу деятельности для Военного министерства.

18 сентября верховный главнокомандующий обратился по телеграфу к военному министру. Указав на слабую производительность казенных заводов, он просил его «обсудить возможность срочного заказа русским металлургическим заводам возможно большего количества станков для выделки орудийных снарядов и привлечения частных заводов, хотя бы реквизиционным порядком, к выделке снарядов на изготовляющихся станках» [60]. Подавляющее количество станков заказывалось за границей, а не в России. В нашем распоряжении имеются сведения по трем оружейным заводам: Ижевскому, Сестрорецкому и Тульскому. По всем трем заводам было заказано станков (до 1 ноября 1915 г.) в России — 402 и за границей — 2481. К 1 ноября 1915 г. получено было 1334 станка, т. е. менее половины заказанных, в том числе 231 изготовлен на Тульском заводе и 127 получено от Московского артсклада [61]. Значительное количество станков ста-

[60] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 6, л. 4. Дело об истребовании от военного ведомства сведений и материалов о вооружении армии.

[61] Там же, лл. 134—144 об. Эти сведения доставлены были заводами на запрос Верховной комиссии. Огромное количество станков скопилось в Швеции.

ло поступать с июля 1915 г. Это указание Ставки сыграло известную роль в усилении производительности казенных заводов уже во второй половине 1915 г. Что же касается привлечения частной промышленности к производству артиллерийских снарядов, то дело ограничилось лишь указанным ниже совещанием и дальше этого не пошло.

Какие меры были приняты правительством и военным министром для снабжения армии и организации промышленности в этом направлении?

Документы показывают, что никаких изменений в методах работы министерства не произошло, а сам Сухомлинов тоже не занялся ближе вопросами снабжения армии, оставив их по-прежнему в руках своих помощников. Он не осуществил даже свое намерение заменить начальника Главного артиллерийского управления Д. Д. Кузьмина-Караваева энергичным А. А. Маниковским, хотя видел в этой смене единственный способ заставить ГАУ «работать во всю» [62]. Мы не ошибемся, если скажем, что Сухомлинов не вполне ясно представлял те задачи, которые он мог и должен был поставить перед промышленниками.

«Практическая» работа военного министра, от которого требовали принять исключительные меры, ограничилась созывом совещания промышленников в сентябре на квартире у В. А. Сухомлинова, да и это мероприятие, кажется, было подсказано министром торговли и промышленности. Совещание носило общий характер, так как не было достаточно подготовлено. Начатое дело В. А. Сухомлинов не довел до конца, поручив своему помощнику А. П. Вернандеру собрать заводчиков еще раз для более детального и делового обсуждения вопросов.

Об этой встрече, положившей начало практическому сотрудничеству промышленности и Военного министерства, в дневнике у В. А. Сухомлинова записано: «9 сентября, вторник. Заседание представителей заводов и банков об изготовлении снарядов» [63]. Лаконичная запись В. А. Сухомлинова ничего не дает для суждения о характере намеченных на совещании мер. Об этом мы узнаем из других источников — показаний помощников В. А. Сухомлинова — генералов Е. К. Смысловского и А. П. Вернандера.

По словам Е. К. Смысловского, собрание, на котором присутствовал министр торговли и промышленности, «было довольно случайного характера»; присутствовали лишь представители фирм, уже

Шведское правительство под давлением германского посла запретило их вывозить. В качестве компенсации за вывоз пришлось пойти на значительные торговые уступки и обеспечить шведам доставку семян клевера и продовольственных товаров.

[62] «Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем».— «Красный архив», 1922, т. 1, стр. 248. Письмо В. А. Сухомлинова к Н. Н. Янушкевичу от 11 сентября 1914 г.

[63] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 105. Дневник В. А. Сухомлинова. Сухомлинов сам признавал, что совещание с промышленниками он провел «при содействии министра торговли и промышленности» («Красный архив», 1922, т. 2, стр. 141—142. Письмо Сухомлинова Янушкевичу от 2 декабря 1914 г.).

имевших заказы [64] Заводчики были здесь осведомлены о громадной нужде государства в снарядах и о том, что при заготовке их «вопрос о цене имеет второстепенное значение» Никаких решений принято не было Совещание было продолжено на квартире у помощника военного министра А. П Вернандера «На него заводчики явились в большом числе, причем присутствовал и небезызвестный Шпан, впоследствии выслапный в Сибирь В течение целого вечера велось обсуждение вопроса и подсчет возможного выхода снарядов в месяц, который, насколько припомню, определялся при полной производительности до 500 тыс. в месяц (вместо требовавшихся уже в то время 1,5 млн) К концу вечера на совещание прибыл и д начальника Генерального штаба М А Беляев с последнеи телеграммой о требованиях на снаряды, полученной недавно из Ставки, и, ознакомившись с результатами подсчетов, стал чуть ли не кричать с пафосом и негодованием на мизерность предполагаемых поставок по сравнению с требованиями армии и заявил о критической необходимости получать снарядов втрое больше, какой угодной ценой Полное раскрытие тайны генералом Беляевым только ухудшило дело, так как окончательно поставило поставщиков в положение хозяев, диктующих условия и цены, не говоря уже о колоссальном значении раскрытия истины о недостатке снарядов в стратегическом отношении Вряд ли самый искусный шпион в то время мог оказать такую громадную услугу нашим противникам, обнаружив им истинное положение вещей, как это сделало выступление начальника русского Генерального штаба» [65]

На совещании назывались две цифры — 500 тыс снарядов как максимальная производительность заводов, представленных в совещании, которые далеко не исчерпывали всеи промышленности, и 1,5 млн снарядов — цифра ежемесячной потребности

Объяснение А П. Вернандера председателю Верховной комиссии содержит интересные детали и дополнения, которые показывают, в какие трудности упиралось развитие производства снарядов в России Совещание было собрано только для организации производства корпусов снарядов, а кроме них требовались еще дистанционные трубки и взрывчатые вещества, изготовлявшиеся на специальных заводах Вопрос об их изготовлении на совещании не затрагивался Здесь выяснилась необходимость многим заводам произвести постройку новых заводских корпусов, на что требовалось несколько

[64] Еще весной 1914 г 17 крупнейших механических и горных заводов империи получили большой заказ на изготовление различных снарядов на сумму около 61 млн руб 8 из 16 заводов, заключивших договоры на поставку снарядов в результате данного совещания, принадлежали к той группе предприятий, которые уже весной 1914 г получили большие заказы Заводы эти Путиловский, Петроградский механический, Николаевский, Сормовскии, Русское общество, Рудзский, Лильпоп, Златоустовский На долю этих 8 заводов приходилось $^2/_3$ заказа весны 1915 г (ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 23, л 187 об Объяснительная записка Д Д Кузьмина-Караваева о снабжении армии пушечными патронами)

[65] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 30, лл 30—76 Объяснение Е К Смысловского Верховной следственнои комиссии

месяцев времени Другие заводы должны были установить новое оборудование. Так как эти станки и прессы в России не делали или делали в небольшом количестве, то их надо было выписать из Англии, Швеции или Америки, на что потребовалось довольно неопределенное время. «Представители заводов не могли обещать, что разовьют дело по заготовке тел снарядов скоро и в очень большом размере. Затем выяснилось, что не все заводы могут взять на себя изготовление всего снаряда; некоторые из них, имея прессы, могут изготовлять стаканы, другие могут изготовлять, например, диафрагмы, третьи, наконец, могут успешно обтачивать стаканы Заводчики решили войти в соглашение между собой с тем, чтобы заводы помогали друг другу изделиями, которые у них успешнее всего производятся, так, например, завод, изготовляющий стаканы, будет отдавать их для обточки на другой завод, обладающий необходимыми для обточки станками и т. п.»[66] Так рисовал Вернандер ход совещания и принятые на нем решения.

Другой вопрос, обсуждавшийся на совещании, касался условий финансирования предприятий и снабжения их денежными средствами. Промышленники руководствовались не патриотическими чувствами, а желанием как можно больше нажиться за счет казны и военного фонда Помимо высоких цен за снаряды промышленники настаивали на получении от казны бесплатных субсидий и авансов, необходимых им для развития дела, закупок станков и материалов, производства строительных работ Представители военного ведомства признали принципиально возможной выдачу субсидий и авансов, и этот вопрос скоро был решен Военным советом «в благоприятном для заводчиков смысле» Кроме безвозвратной субсидии на оборудование заводчики имели право получить аванс-задаток до 65% от стоимости заказов, что уже представляло огромные средства только от первых заказов на снаряды. В результате совещания заводчиками были заключены контракты на поставку корпусов снарядов До января 1915 г. было заказано, «сколько помнится, 7 млн штук, а кроме того, было заказано за границей еще 4 млн. штук, всего, следовательно, 11 млн штук В основание всех заключенных контрактов были положены новые, утвержденные Артиллерийским комитетом облегченные условия приемки изделий»[67]

[66] Там же, д 6, л 22 Письмо А П Вернандера от 17 августа 1915 г председателю Верховной комиссии Н П Петрову

[67] Там же, л 22 об В объяснении Верховной комиссии В А Сухомлинов так описывает принятые меры к выдаче заказов на снабжение армии «На создание новых заводов и развитие вообще отечественной промышленности времени не было, поэтому пришлось обратиться к использованию того, что было налицо Собрание представителей торговли и промышленности состоялось в сентябре 1914 г у военного министра, а затем в совещании под председательством помощника его распределены были заказы, которые только с июля месяца 1915 г начали давать положительные результаты В течение осени 1914 г заводы согласились принять заказы на изготовление 7 млн шрапнелей и, кроме того, за границей было заказано еще 4 млн — всего, следовательно, 11 млн штук Поставка этих шрапнелей должна была начаться в феврале 1915 г в количестве 300 тыс в месяц, затем количество

Поставки снарядов начинались уже с января 1915 г. в количестве 300 тыс. в месяц и, увеличиваясь постепенно, доходили в сентябре 1915 г. до 1 млн. штук. «Изменить такой порядок поставки, — утверждает А. П. Вернандер,— возможным не представлялось; как мне было доложено, переговоры по этому вопросу к положительным результатам не привели и, по-видимому, сила производительности наших заводов в то время была использована вполне» [68].

Это утверждение А. П. Вернандера совершенно неправильно, оно продиктовано стремлением оправдаться перед Верховной комиссией и «доказать», что уже осенью 1914 г., еще до предложения начальника штаба Ставки, были приняты все меры к увеличению производства снарядов. Вернандеру «представлялось сомнительным» дальнейшее увеличение числа заводов, способных изготовлять снаряды. В действительности же Военное министерство лишь сделало первый робкий шаг, не отдавая себе отчета в том, что к организации снабжения армий артиллерийскими снарядами надо привлекать не десятки, а многие сотни, если не тысячи предприятий страны.

Военное министерство пыталось разрешить проблему снарядов, действуя по двум направлениям. Заказы размещались за границей и внутри страны, среди крупнейших предприятий русской промышленности, так или иначе связанных с артиллерийским ведомством еще до войны. Уже с первых шагов большая половина заказов была размещена за границей. Никакого «широкого» привлечения русской промышленности к работе на оборону не производилось, заказы на снаряды были выданы узкой верхушке крупнейших заводов. Из справки, представленной начальником ГАУ Д. Д. Кузьминым-Караваевым для Военного министерства 20 октября 1914 г., видно, какие заводы приняли заказы, в каком количестве и на каких условиях. Срок поставки был ограничен октябрем 1915 г. На больший срок выдавать заказы боялись.

Шестнадцать крупнейших заводов [69] — Путиловский, Балтий-

это должно было ежемесячно увеличиваться и дойти в июле до 1 млн. в месяц» (ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 37, лл. 14—15). В основном эти показания В. А. Сухомлинова соответствуют действительности и сходятся с тем, что рассказывают по этому вопросу его помощники. Ошибка допущена лишь в названии месяца, когда поставки поднимаются до миллиона. В. А. Сухомлинов называет июль 1915 г., Вернандер — август, а по условиям контрактов — лишь в сентябре, в последнем месяце поставок, заводы должны дать миллион снарядов. Уже из вышеизложенного ясно, что если бы даже заводы аккуратно выполняли обязательства, то в летнюю кампанию армия оставалась без снарядов. Военное ведомство приняло явно недостаточные меры и не добилось такого развертывания производства снарядов, чтобы заводы давали 1,5 млн. штук. Не надеясь на внутренние возможности производства, обратились к заграничным поставщикам, которые оказались еще менее аккуратными, чем предприятия внутри страны. Цифра заказанных за границей снарядов указана неверно, так как еще был заключен контракт с Клергом, представителем канадской компании, о поставке 5 млн. штук патронов. Всего, таким образом, выдано заказов на 16 млн. штук орудийных патронов.

[68] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 6, л. 23.

[69] Там же, ф. 29, оп. 3/1810, св. 114, д. 855, лл. 37—38. Ведомость, посланная начальником ГАУ помощнику военного министра 20 октября 1914 г.

ский, Обуховский, Невский, Петроградский металлический, Ижевский, Сормовский, Ижорский, Николаевский, Абоский, «Вулкан», «Феникс», Вестингауз, Горные (Златоустовские), Лильпоп, Рау и Левенштейн, «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов» — в сентябре и октябре 1914 г. заключили контракты на поставку 6650 тыс. трехдюймовых шрапнелей стоимостью в 66 018 600 руб. Кроме того, поставщики получили дотацию на оборудование — 9763 тыс. руб., что повышало стоимость заказа до 75,8 млн. руб. Шесть заводов — Брянский, Абоский, Гельсингфорсский, Лесснера, Николаевский и Рудзского — заключили договоры на поставку 1066 тыс. гранат стоимостью в 10 935 тыс. руб. Два из этих заводов получили дотацию 2368 тыс. руб. на оборудование[70]. Следовательно, стоимость гранат увеличивалась до 13,3 млн. руб. Общая стоимость всего заказа на шрапнели и гранаты в количестве 7716 тыс. штук — 89 084 тыс. руб., в том числе 12 131 тыс. руб. — бесплатная дотация на развитие предприятий.

Уже после первого шага крупнейших промышленников в деле выполнения военных заказов в их карманы попало свыше 60 млн. руб. аванса. Такой благодати промышленники ранее не видывали. В мирное время по военным заказам они должны были внести в казну залог, а теперь огромные средства выплачивались вперед в качестве задатков или даже совсем бесплатных субсидий. Начиная с этого заказа наметились основные черты политики правительства — политики субсидий промышленникам, высоких цен и огромных авансов. Эти огромные средства являлись источником быстрого обогащения и роста предпринимательства. Контракты, заключенные с казной на снаряды, стали открытым и легальным способом многомиллионного ограбления казны.

Характерно, что все внимание Военного министерства привлекли трехдюймовые снаряды, а о снарядах более крупных калибров не заботились, и заказы на их изготовление не разместили. Все дело снабжения армии вооружением, как видим, проходило через Военное министерство, Министерство торговли и промышленности оставалось в стороне.

Если размещенные заказы на снаряды не удовлетворяли уже предъявленных запросов со стороны Ставки, то еще более скромными были заказы на другие виды артиллерийского снабжения. Из ведомости «ожидаемого поступления заказанных главнейших предметов артиллерийского снабжения», представленной военному министру Д. Д. Кузьминым-Караваевым, видно, что́ могла получить русская армия в ближайший год — с октября 1914 г. по октябрь 1915 г. Всего 3-дюймовых скорострельных орудий ожидалось 1075 штук, горных орудий — 300, гаубиц 6-дюймовых — 160, орудий 42-линейных скорострельных — 40, гаубиц 48-линейных — 400 штук[71].

[70] Субсидию на оборудование получили: Брянский завод — 999 тыс. руб. и Лесснера — 1369 тыс. руб. (там же).

[71] ЦГВИА, ф. 29, оп. 3/1810, св. 114, д. 855, лл. 33—34. Приложение к письму Д. Д. Кузьмина-Караваева А. С. Лукомскому от 20 октября 1914 г.

В течение года в армию должно было поступить: пулеметов — 2100 штук, винтовок трехлинейных — 50 300, выстрелов разных калибров для артиллерии — 4845 тыс., винтовочных патронов — 620 000 штук. Так выглядела программа снабжения русской армии на целый год.

В декабре 1914 г. армия по этой программе получила бы от промышленности внутри страны: орудий всех калибров — 100 штук, пулеметов — 160, ружей — 45 тыс. штук, выстрелов к орудиям — 335 тыс. штук и винтовочных патронов — 45 млн. штук. В сентябре 1915 г. поставки несколько увеличились — по орудиям до 225 штук, по пулеметам — до 180, по выстрелам для артиллерии — до 548 тыс. штук. Производство ружей уменьшилось до 42 тыс. штук, а поставки винтовочных патронов несколько увеличились — до 55 млн. штук.

Приведенные цифровые материалы показывают гораздо убедительнее, чем оправдательные заявления В. А. Сухомлинова и его помощников, что на четвертом месяце войны правительство и Военное министерство ничего не сделали для мобилизации промышленности и собирались воевать с пустыми руками. Ожидаемые поступления вооружения, пушек, пулеметов, винтовок, снарядов и патронов в начале сентября 1914 г. были менее заявленного Ставкой количества в 3—5 раз. Косный, бюрократический аппарат Военного министерства работал довоенными темпами, никем не направляемый.

Из материалов ГАУ, представленных председателю Верховной следственной комиссии осенью 1915 г.[72], видно, что артиллерийские заводы внутри страны имели заказов на 11 886 орудий разных систем, из них на 1 сентября 1915 г. было поставлено 1916 орудий. По отдельным заводам данные таковы:

	Заказано орудий	Выполнено
Обуховский завод	948	321
Пермский »	2960	528
Путиловский »	4506	838
Петроградский орудийный завод	972	229
Царицынский » »	2500	—

Заграничные заказы фирмам «Виккерс и К°» (Англия), «Шнейдер и К°» (Франция) и «Мак Клен» (Америка) — 277 орудий, из них 200 орудий в Америке легкие, а остальные тяжелые.

Если же исключить все довоенные заказы как из числа заказанных орудий, так и поставок по ним и взять лишь заказы военного времени, то получим, что за первый год войны было заказано заводам внутри страны 8647 орудий, из них поставлено 88, или 1%. По отдельным предприятиям данные таковы:

[72] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 6, лл. 73—76. Ведомость заказов орудий по Главному артиллерийскому управлению. В эти подсчеты входят и заказы, сделанные до войны, но сроки поставки которых относятся к военному времени, и заказы, сделанные до войны, но оказавшиеся невыполненными.

	Заказано орудий	Поставлено
Обуховский завод	858	—
Пермский »	2150	—
Путиловский »	2884	4
Петроградский орудийный завод	255	84
Царицынский » »	2500	—

Эти данные показывают огромную загрузку пушечных предприятий уже в первый год войны новыми заказами, а также очень незначительный выпуск продукции по этим заказам.

Оптимистические расчеты Кузьмина-Караваева на выпуск почти 1900 новых орудий видимо провалились. Правда, по ведомости ГАУ значится 1916 поставленных орудий, но среди них имеются и орудия, сделанные еще до войны. Видимо, артиллерийские заводы, получая заказы не только на легкую, но и на тяжелую полевую артиллерию, в первый год войны медленно перестраивались и потому дали незначительную продукцию.

Возвращаясь к вопросу о поставках артиллерийского снаряжения, необходимо отметить отсутствие согласованности между производством корпусов снарядов и выстрелов к ним. На $7^3/_4$ млн. трехдюймовых снарядов ожидалось поступление только 4350 тыс. выстрелов [73]. Производство винтовочных патронов все время колебалось на уровне 50—55 млн. штук в месяц. Это количество ровно вдвое меньше того, которое было названо Е. К. Смысловским Н. Н. Янушкевичу на совещании в Ставке в январе 1915 г. Если 100 млн. патронов удовлетворяли от $^1/_2$ до $^2/_3$ потребности армии, то 50 млн. составляли от $^1/_4$ до $^1/_3$ потребности.

Производство пороха было организовано всего лишь на трех казенных заводах: Казанском, Шостенском, Охтенском и Шлиссельбургском частном. Их производительность в 250 тыс. пудов пороха давала возможность снарядить лишь 4,5 млн. выстрелов для полевой артиллерии. Недостаток пороха ограничивал производство ружейных патронов.

Чтобы увеличить производство пороха в стране, ГАУ решило построить новый пороховой завод в Тамбове и вынуждено было на протяжении первого года войны трижды принимать решение о расширении трех казенных заводов с 290 тыс. пуд. пороха до 910 тыс. пуд. в год [74]. Последнее решение о новом удвоении производства пороха в 450 тыс. пуд. было принято в конце июня 1915 г., т. е. через год после начала войны. Фактически речь шла о постройке новых заводов на территории старых. Это правильное решение было принято с большим опозданием и не могло быть выполнено в строительный сезон 1915 г. Правительство дало заказы на

[73] Там же, ф. 29, оп. 3/1810, св. 114, д. 855, л. 34.

[74] Там же, ф. 962, оп. 2, д. 48, лл. 62—70. Свод сведений о снабжении армии порохом. Составлен в ноябре 1915 г. и дополнен в феврале 1916 г.; д. 23, лл. 279—286 об. Объяснительная записка Д. Д. Кузьмина-Караваева по снабжению порохом и взрывчатыми веществами, представленная в Верховную следственную комиссию.

170 тыс. пуд. пороха частному Шлиссельбургскому заводу и на 150 тыс пуд заводу Барановского Шлиссельбургский завод поставил к осени 1915 г около 100 тыс. пуд. пороха, завод же Барановского и осенью 1915 г. не приступил к производству пороха.

Однако принятые меры могли обеспечить лишь незначительную часть потребностей в порохе. Так, в октябре 1914 г заводы давали лишь 21 тыс. пуд из необходимых 88 тыс., или около 25% необходимого. Недоставало 67 тыс. пуд. в месяц, которые надо было покрывать заграничным ввозом

В мае 1915 г. Ставка вновь пересмотрела потребность в снарядах и патронах, установив месячную потребность в 110 парков. Это количество продержалось до ноября 1915 г. На снаряжение снарядов требовалось 134,4 тыс пуд пороха в месяц, казенные же заводы давали от 30 до 36 тыс пуд. пушечного пороха (июнь—октябрь 1915 г) Учитывая поступления с частного завода около 10 тыс. пуд. в месяц и из-за границы — около 27,5 тыс. пуд, всего летом 1915 г поступало из всех источников около 50% необходимого количества пороха (66,7 тыс пуд. от 134,4 тыс. пуд.).

Из изложенного видно, насколько недостаточны были принятые военным ведомством меры по производству пороха как в начале войны, так и летом 1914 г. Внутреннее производство покрывало всего лишь от $^1/_4$ до $^1/_3$ потребности. Однако работники ГАУ и член Верховной следственной комиссии С. Т Варун-Секрет, проводивший следствие о снабжении армии порохом, утверждали, что «недостаток пушечного пороха... не мог служить первопричиной недостаточного и неполного снабжения армии огнестрельными припасами, что артиллерийское ведомство даже с некоторым избытком могло дать пушечный порох сравнительно с тем количеством остальных элементов выстрелов (снаряды и трубки), которые оно могло посылать в армию с начала войны и до октября месяца 1915 года» [75] Эта явно ошибочная позиция преследовала задачу реабилитировать военное ведомство. Такое «заключение» находится в вопиющем противоречии с фактами В ноябре 1914 г военный министр предложил ГАУ принять «самые решительные меры для изыскания способов получить необходимый ему порох» [76]. На снаряжение снарядов предлагалось употреблять черный, дымный порох. Так же остро обстояло дело и через год

Вместо того чтобы развивать и увеличивать все стороны военного производства, чиновники Военного министерства предпочитали равняться по наиболее узкому месту — поставке корпусов и трубок — и одновременно переводить казенные деньги в Америку за тот же порох [77].

[75] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 48, л 68 Свод сведений о снабжении армии порохом
[76] Там же, ф 29, оп 3/1810, св 114, д 855, л 40 об Копия письма А С Лукомского военному министру от 18 ноября 1914 г На письме имелась резолюция военного министра
[77] По расчетам в конце 1915 г, все казенные пороховые заводы должны были дать в 1916 г 1060 тыс пуд пороха из потребного 2632 тыс пуд Учитывая поставки частного завода, надо было покупать за границей не менее 1,5 млн. пуд пороха

Ведомость
о заказах боевых припасов для трехдюймовой артиллерии *

Вопросы начальника канцелярии военного министра (А С Лукомского)	Ответы начальника Главного артиллерийского управления (Д Д Кузьмина-Караваева)
1 Какое количество пороха производится ежемесячно** в России для орудийных заводов и винтовочных патронов?	1 Порох для военного ведомства изготовляют заводы Казанский, Шостенский, Охтенский и частный Шлиссельбургский Ежемесячно** заводы подают следующее количество пороха Казанский — 9 875 пудов Шостенский — 11 000 » Охтенский — 9 350 » Шлиссельбургский — 5 000 » Всего 35 225 пудов
2 Какого количества пороха при усиленном изготовлении шрапнелей и гранат по заказам их, уже данным по настоящее время, не будет хватать для их снаряжения и где предполагается получить недостающий порох?	2 Получаемый от наших заводов пушечный порох в количестве около 275 000 пудов в год даст возможность приготовить около 4,5 млн выстрелов полевой артиллерии Для использования 7¾ млн трехдюймовых полевых снарядов, изготовление которых в годичный срок желают принять и большей частью уже приняли русские заводы, потребуется около 480 000 пуд пороха СП, а так как в тот же срок с казенных пороховых и Шлиссельбургского заводов поступит около 250 000 пуд такого пороха, то надлежит приобрести дополнительно около 230 000 пуд пороха СП, в счет требуемого количества ныне заказано Американскому заводу Дюпон 66 670 пуд и ведутся переговоры о дополнительном заказе тому же заводу 166 000 пуд пороха
3 Какое количество трубок для трехдюймовых шрапнелей изготовляется ежемесячно на трубочных заводах — Петроградском и Самарском — по каждому отдельно и какое количество трубок для трехдюймовых шрапнелей можно рассчитывать к получению от завода Барановского?	3 Трубки 22-сек для трехдюймовых шрапнелей изготовляют Петроградский и Самарский трубочные заводы, первый по 140 000 штук и второй — по 120 000 трубок ежемесячно Завод Барановского, принявший заказ на трубки для трехдюймовых шрапнелей, обязался подавать с января месяца по 35 000 штук в месяц
4 Кроме трубок с указанных заводов можно ли надеяться получить их с других заводов в России и за границей и если можно, то с каких именно и в каком количестве и в какие сроки?	4 Утверждены представления в Военный совет о заказе 22-сек трубок 1) заводу Столль в России в количестве 75 000 штук с поставкой с мая 1915 г по 62 000 штук в месяц (положение Военного совета от 15 октября с г), 2) заводу Виккерса в Англии — 1 млн трубок с апреля месяца 1915 г по 120 000 штук в месяц (положение Военного совета от 16 октября с г) 3) ведутся переговоры о заказе Виккерсу 2 млн готовых частей патронов с трубками, но без зарядов и о заказе обществу «Промет» 1 млн 22-сек трубок о поставкой, начиная с августа 1915 г по 25 000 штук трубок, т е к ноябрю 1915 г только 75 000 трубок
5 Ведомость о подлежащих сдаче русскими заводами трехдюймовых шрапнелей и гранат с сентября 1914 г по октябрь 1915 г включительно с указанием по каждому заводу отдельно, помесячно, количества сдаваемых шрапнелей и гранат	5 Ведомость при сем прилагается ***
6 Какие имеются предположения по изготовлению трехдюймовых шрапнелей и гранат?	6 Идут переговоды с фирмой Виккерса о заказе в Англии 2 млн готовых трехдюймовых патронов (о чем говорено в п 4)

* ЦГВИА, ф 29, оп 3/1810, св 114, д 885, лл 35—36
** Подчеркнуто в оригинале
*** ЦГВИА, ф 29, оп 3/1810, св 114, д 855, лл 37—38

В отношении винтовочного пороха чиновники не могли придумать никаких оговорок. Его производство за год войны увеличилось с 11 тыс. пуд в месяц до 17—18 тыс пуд. (август—октябрь 1915 г.), что могло обеспечить изготовление 840 млн. ружейных патронов, или $^1/_3$ необходимого (200 млн. патронов в месяц). По истощении мобилизационных запасов из-за недостатка пороха патронные заводы несколько раз останавливали производство от нескольких часов до 9 дней (Луганский завод). С 19 апреля и до начала октября 1915 г Луганский патронный завод простоял 26,5 полных дней, т. е. целый месяц. Единственная надежда была на покупку пороха и толуола за границей.

Главным местом снабжения толуолом была Америка, где цены на толуол быстро росли Недостаток валюты задерживал покупки России, и ГАУ взялось за организацию взрывчатых веществ внутри страны, поручив это дело профессору Михайловской артиллерийской академии академику В. Н. Ипатьеву. Вместе с группой артиллерийских офицеров Ипатьев изучил коксовые заводы и выяснил возможность производства толуола на юге России. Химический комитет при ГАУ приступил к организации производства толуола и других взрывчатых веществ, и уже в августе 1915 г. помощник военного министра А. П Вернандер мог заявить, что теперь «мы имеем достаточное количество русского толуола» [78]

Однако не следует переоценивать достижений Химического комитета. Потребность во взрывчатых веществах росла еще быстрее, чем в порохе. Два завода взрывчатых веществ — Охтенский и Самарский — давали в 1914 г. 75 тыс. пуд. тротила в год; потребность определилась к маю 1915 г. в 165 тыс пуд. в месяц, а позднее даже в 258 тыс. пуд. взрывчатых веществ [79]. Поэтому недостаток взрывчатых веществ остро чувствовался как в 1914, так и в 1915 г. Троекратное расширение казенных заводов взрывчатых веществ прибавило каплю в море [80]. Ипатьев ранее чем в других областях военного хозяйства привлек частную промышленность (более 90 заводов) к изготовлению взрывчатых веществ, особенно серной кислоты Он выдал им огромные заказы — на 2805 тыс. пуд., в счет которых за 9 месяцев 1915 г.— до 1 декабря — они поставили 320,5 тыс. пуд. разного рода взрывчатых веществ

Все заводы вместе давали всего только 300 тыс. трубок в месяц, что равнялось, примерно, количеству изготовлявшихся осенью 1914 г. корпусов и шрапнелей. «Поэтому если бы удалось усилить производство шрапнелей на наших заводах, то это пользы бы не принесло, так как за недостатком дистанционных трубок нельзя

[78] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 6, л 25 Объяснительная записка А П Вернандера от 17 августа 1915 г.

[79] Там же, д 128, лл 89—100 Свод сведений о снабжении армии взрывчатыми веществами

[80] Производительность двух казенных заводов была доведена до 190 тыс пуд тротила в год Кроме того, было приступлено к строительству Троицкого снаряжательного завода и мощного завода взрывчатых веществ в Нижегородской губернии с производительностью 550 тыс. пуд тротила в год

было бы готовить патронов. Это и было причиною того, что заказы в Англии (Виккерсу) и в Америке (Клергу) были даны не на снаряды, а на патроны» [81]. Одновременно были приняты меры к увеличению производства трубок на существовавших заводах; к производству трубок были привлечены заводы Столль в Воронеже и Металь-никова — в Петрограде. Оба завода получили заказ на 1,75 млн. трубок [82], но они нуждались еще в дооборудовании и строительстве, поэтому поставка трубок начиналась ими в мае и августе 1915 г. Заготовка трубок не была должным образом налажена и, как показали события весны 1915 г., снабжение трубками причинило немало хлопот нашему артиллерийскому ведомству. Недостаточность трубок все время сказывалась на снабжении фронта снарядами.

Мы рассмотрели мероприятия, которые были приняты военным ведомством до конца 1914 г в деле снабжения армии и привлечения частной промышленности к этому делу. Они, несомненно, способствовали военной перестройке промышленности, росту производства, вызывали новое строительство и обещали к концу 1915 г. некоторое улучшение в снабжении нашей армии. Однако проводившиеся мероприятия нельзя назвать даже полумерой. Это были робкие, разрозненные и случайные попытки кое-что сделать в ответ на настойчивые требования Ставки За исключением Химического комитета при ГАУ военное ведомство не выходило за рамки двух-трех десятков заводов, с которыми оно имело дело и в мирное время, намеченная программа производства вооружения на деле не удовлетворяла потребностей армии и в минимальном количестве, сроки заказов были ограничены сентябрем — октябрем 1915 г.

В методах своей работы военное ведомство оставалось верным приемам мирного времени Можно лишь удивляться консерватизму, медлительности и отсутствию государственного понимания своих обязанностей, которые проявило, в первую очередь, Военное министерство во главе с В. А. Сухомлиновым, а за ним и все правительство во главе с Горемыкиным, не обнаружившее никакого интереса к делу снабжения армии.

Русская буржуазия имела достаточно причин быть недовольной В А Сухомлиновым Золотой поток из военного фонда попадал пока в карманы небольшой группы воротил промышленности и банков Обстановка для выступления лидеров русской буржуазии против В А Сухомлинова была подготовлена. Даже правый, А. А. Бобринский, беседуя в качестве члена Верховной комиссии с вел. кн. Сергеем Михайловичем, признал, что предвидеть грандиозные размеры войны было трудно, а поэтому довоенные ошибки и просчеты понятны и извинительны «Но я считаю тяжким преступлением то,— продолжал он,— что когда уже в самом начале войны, в августе месяце, ясно выяснилось, что все прежние расчеты никуда не годны, и когда из Ставки по этому поводу забили тревогу,— то и тогда здесь,

[81] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 6, л 24
[82] А П Вернандер указывает, что оба завода получили заказ на 2 млн трубок, но это, вероятно, ошибка

в военном ведомстве, ничего не делали и не предпринимали никаких мер для увеличения производительности наших заводов» [83]. Так охарактеризовал деятельность В. А. Сухомлинова кандидат в министры А. А. Бобринский. В сущности, надежда на то, что В. А. Сухомлинову удастся что-нибудь сделать, в Ставке была потеряна в конце 1914 г.

Провал деятельности Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части

В январе 1915 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли по собственной инициативе обратился к военному министру с предложением помочь правительству «в разрешении тяжелых задач, выдвинутых войной» [84]. Заметим сразу же, что речь шла не о конкуренции с правительством, не о противопоставлении себя правительству, а о добрых услугах и помощи в организации производства снарядов. Совет съездов был осведомлен, что «дело надлежащего снабжения армии достаточным количеством снарядов встретило некоторые затруднения, которые надлежит по возможности безотлагательно устранить». Совет съездов провел закрытое совещание с наиболее крупными заводчиками, уже работающими для армии, и обсудил с ними вопрос об усилении производства снарядов.

В чем заключалась программа буржуазии и по каким каналам и путям она намечала организацию помощи правительству?

Совет съездов прежде всего защищал тезис о том, что нечего бояться перепроизводства снарядов, ибо «опасений об избытке или перепроизводстве снарядов нет и быть не может» [85], особенно в ближайшие месяцы, пока заводы не развернут полностью производства. Поэтому первое конкретное предложение заключалось в том, чтобы полностью использовать все оборудование на заводах, уже изготовляющих снаряды, для чего необходима рабочая сила, нехватка которой мешает заводчикам ввести трехсменную работу. Для устранения недостатка рабочих Совет рекомендовал правительству не только срочно вернуть из армии всех рабочих, работавших ранее на заводах, занятых изготовлением снарядов, но и откомандировать из армии рабочих и техников, которые будут затребованы заводами. Таким образом, первый пункт предложений Совета съездов был направлен целиком на защиту интересов крупнейших предприятий, уже получивших заказы на снаряды.

Ссылаясь на опыт Франции, Совет съездов требовал, во-вторых, передать под контроль и наблюдение крупных заводов мелкие предприятия, которые могут изготовлять части снарядов, по особым соглашениям с крупными. И второй пункт предложений сводился опять-

[83] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, л. 144—144 об.
[84] Там же, ф. 369, оп. 16, д. 117, лл. 5—7 об. Копия докладной записки Совета съездов представителей промышленности и торговли от 13 января 1915 г. военному министру.
[85] Там же, л. 5 об.

таки к защите интересов привилегированной верхушки промышленной буржуазии

Далее Совет съездов выступил в роли ходатая за предприятия, которые могли бы изготовлять снаряды (заводы Урала), но до сих пор не получили заказов Совет не возражал и против получения снарядов из-за границы, но требовал более широкого привлечения к этому доходному делу отечественной буржуазии.

Наконец, Совет съездов выдвинул предложение создать Особое совещание, в руках которого и сосредоточить все дело распределения заказов Это Совещание должно было состоять из правительственных чиновников «с участием представителей промышленных организаций» и располагать широкими полномочиями как в распределении заказов, так и в вопросах технических условий производства. Буржуазия предлагала правительству лояльное сотрудничество, выговаривая для себя второстепенную роль

Однако ни В А Сухомлинов, ни правительство в целом не приняли протянутой буржуазией руки помощи, хотя самое предложение о создании какого-то органа, которому следовало подчинить Главное артиллерийское управление, не являлось неожиданным. Ставка лелеяла мысль подчинить ГАУ прямо верховному главнокомандующему Предложение об этом исходило от Н Н Янушкевича, который спрашивал согласия В. А. Сухомлинова [86]. Н Н. Янушкевич предлагал создать специальный орган, ведающий артиллерийским снабжением, во главе не с вел кн. Сергеем Михайловичем, а с Маниковским «из сведущих энергичных артиллеристов-французов, подчиненный Ставке» [87] Этот орган мог предписывать ГАУ свои требования. Н Н. Янушкевич мечтал о возможности поднять производство снарядов хотя бы на 40—50% и не особенно надеялся на В А Сухомлинова. Настаивая на создании комиссии, подчиненной верховному главнокомандующему, Ставка вела интригу и против В. А. Сухомлинова и против вел кн Сергея Михайловича — инспектора артиллерии

По ходатайству верховного главнокомандующего была организована 1 января 1915 г. Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части. Председателем этой комиссии стал вел. кн. Сергей Михайлович, хорошо знавший техническую сторону артиллерии, его помощником — А. А. Маниковский — комендант Кронштадтской крепости, членами комиссии — генералы Розенберг, Ипатьев, Дроздов, Крылов и Орлов К комиссии были прикомандированы 99 прапорщиков запаса с высшим техническим образованием [88]. В состав комиссии

[86] «Переписка В А Сухомлинова с Н Н Янушкевичем» — «Красный архив», 1922, т 2, стр 160 Письмо Н Н Янушкевича В А Сухомлинову от 27 декабря 1914 г

[87] Письмо Н Н Янушкевича В А Сухомлинову от 28 декабря 1914 г — Там же, стр 161 В это время Н Н Янушкевич принимал в Ставке приехавших французских артиллерийских офицеров, которые рассказали об успехе в области производства снарядов во Франции Они остались в России и работали в Организации Ванкова (см ниже)

[88] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 7, лл 162—233 (Отчет о деятельности Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части); д 24, лл 221—223 об

привлекли лучших артиллеристов. Назначение вел. кн. Сергея Михайловича председателем комиссии спутало карты В. А. Сухомлинова и Ставки и вызвало их недовольство [89].

Перед Особой распорядительной комиссией была поставлена ответственная задача: установить реальную связь «между действующей армией и органами, ведающими изготовлением и снабжением предметами артиллерийского имущества». Комиссия должна была «всеми мерами способствовать» снабжению действующей армии предметами артиллерийского довольствия и имела право контролировать деятельность учреждений и организаций, занятых снабжением армии и работой на оборону. Однако, как это при царизме часто бывало, одной рукой создавали комиссию, а другой — совали палки в колеса, чтобы помешать ее работе. Председатель комиссии, несмотря на свое высокое положение, не имел права «выходить из действующих законоположений», т. е. должен был вести дело на основе действующих правовых норм, в большинстве своем оставшихся от мирного времени. Весь порядок выдачи заказов — через Военный совет при Военном министерстве — остался неизменным; комиссия могла лишь предварительно дать свое заключение, а потом дело направлялось на окончательное решение Военного совета при военном министре. Значит, комиссия была бесправной и сама должна была поневоле превратиться в посредника и ходатая военных предприятий перед другими ведомствами империи.

Ставка надеялась, что великому князю, благодаря его особому и высокому положению, удастся повести дело энергичнее, чем военному министру. Однако и ему оказалось не под силу радикально изменить положение. Председатель распределил между членами комиссии определенные группы заводов, наблюдение за которыми они и должны были осуществлять. Это дало известный практический эффект, так как члены комиссии быстро ознакомились с предприятиями, что вскрыло ряд общих недостатков, устранить которые было необходимо, но сама комиссия не имела на то права. Прежде всего оказалось, что на заводах и в учреждениях дело ведется на основе законов мирного времени, что «значительно тормозило развитие заводов» и рост продукции. Не надеясь, что военный министр и Совет одобрят эту

(Краткое извлечение из отчета о деятельности Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части). См. также д. 7, в котором имеются показания и стенограмма допроса вел. кн. Сергея Михайловича Верховной следственной комиссией.

[89] Назначение Сергея Михайловича председателем комиссии было проведено царем. Этим назначением не был доволен В. А. Сухомлинов, что он и отразил в письме к Н. Н. Янушкевичу от 22 января 1915 г. «Ужасно досадно,— писал он,— что вел. кн. Сергей Михайлович свое личное «я» поставил выше интересов государственных и поставил нам палку в колесо. Но, может быть, бог даст, А. А. Маниковскому удастся и при этих условиях двинуть дело энергичнее» («Красный архив», 1922, т. 2, стр. 170). Так как комиссия была подчинена военному министру, то и ее председатель вел. кн. Сергей Михайлович также не был доволен таким положением и, по словам Н. Н. Янушкевича, «видит в ней (в комиссии.— *А. С.*) один вред» (там же, стр. 165).

меру, Сергеи Михайлович самостоятельно разослал на все заводы телеграмму с предложением перестроить работу на военный лад, отказаться от волокиты и формалистики, сначала проводить необходимые мероприятия, а потом уже испрашивать утверждения принятых мер. «Впредь предписываю прекратить все приемы мирного времени, как-то торги, представление планов, проектов и т. п формальностеи. Вы обязаны принимать все меры к усилению производительности вверенного Вам завода путем наличной покупки как материалов, так и станков, не спрашивая разрешения ни Главного артиллерийского управления, ни окружных военных советов По всем выполненным мероприятиям испрашивайте утверждения уже сделанных распоряжений Если дальнейшая Ваша деятельность не даст необходимых результатов, Вы будете в самый кратчайший срок уволены со службы Если среди членов как хозяйственной, так и технической части есть лица, тормозящие Ваши мероприятия, предписываю беззамедлительно представить к увольнению с немедленным отстранением от должности» [90]

В артиллерийском ведомстве Сергей Михайлович уже много лет был полновластным хозяином, действительным начальником ГАУ, а формальный начальник — Д. Д. Кузьмин-Караваев — являлся лишь исполнителем предписаний «августейшего» генерал-инспектора артиллерии Только пользуясь своим особым положением и фактической безответственностью перед законом, председатель комиссии мог позволить себе так много Его телеграмма произвела на заводах артиллерийского ведомства соответствующий эффект Однако надо было перестроить всю систему руководства заводами, а это не удавалось сделать, поскольку требовалось разрешить ряд больших экономических вопросов. К ним, в частности, относились: «1) Недостаток в топливе; 2) несвоевременное получение станков, выписанных из-за границы; 3) недостаток хороших рабочих, так как мобилизация и два набора новобранцев лишили заводы многих хороших мастеров В этом отношении оказались в лучших условиях только те заводы, которые ко дню объявления мобилизации уже исполняли заказы артиллерийского ведомства и на которых запасные получили отсрочку по ходатайству Главного артиллерийского управления, но набор новобранцев у них был произведен; 4) несвоевременная доставка сырых материалов; 5) зависимость многих механических заводов от добросовестного выполнения контрактов с металлургическими заводами Удовлетворение перечисленных нужд заводов,— подчеркивал далее князь,— не зависело ни от меня, ни от Главного артиллерийского управления, и потому я немедленно возбудил ходатаиство в подлежащих ведомствах» [91].

[90] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 7, л 10 об

[91] Там же, л 11—11 об Письмо вел кн Сергея Михайловича от 25 августа 1915 г в ответ на запрос председателя Верховной комиссии сообщить, что им принято в связи с телеграммой верховного главнокомандующего от 20 февраля 1915 г Этот же круг вопросов затрагивается в отчете Особой распорядительной комиссии и в стенограмме допроса великого князя от 29 августа 1915 г, выправленной им собственноручно (там же, лл 80—127)

Устранить указанные недостатки было нелегко, а некоторые даже невозможно. Комиссия пыталась своей деятельностью только несколько смягчить «неблагоприятные доктрины», мешающие работе военных предприятий, но не устранить их.

Чтобы улучшить снабжение предприятий топливом, пришлось прибегнуть к государственному регулированию: были составлены списки предприятий, работавших для армии, и организовано снабжение этих предприятий топливом. Ответственным за это дело был назначен министр путей сообщения С. В. Рухлов. Чтобы сохранить кадры квалифицированных рабочих, острый недостаток в которых испытывали предприятия, комиссия добилась отсрочки призыва в армию 12 тыс. рабочих на 100 военных заводах. Однако Главный штаб был против возвращения на заводы рабочих, уже попавших в армию; не были освобождены также новобранцы [92]. Комиссия помогала военным предприятиям — казенным и частным — быстрее получить станки из-за границы, многие из которых залеживались в портах Финляндии, построила железнодорожную ветку, связавшую Ижевский завод с пристанью на Каме и с железнодорожной сетью империи, организовала производство бомбометов и снарядов к ним. Комиссия пыталась ввести элементарный порядок при заключении заграничных заказов вооружения, устранить посредников, грабивших казну, и противодействовать стремлениям военного министра Англии лорда Китченера поставить заграничное снабжение России под свой контроль.

Несмотря на некоторое повышение заводами производительности, намеченные планы не выполнялись. В марте комиссия занялась организацией производства шрапнелей и гранат по французскому способу. Ознакомившись с заводами центра и юга, французские специалисты определили возможным производить до 150 тыс. гранат в месяц. Военное ведомство не слишком охотно шло на предложение союзников. Толчком опять явилась Ставка, которая дала решительное указание: «Производительность всех работ Артиллерийского ведомства должна вестись и быть доведена до минимума в наикратчайший срок. Лишнего ничего нет. Выделывать всеми способами, привлечь французов, но чтобы порох был безопасный» [93]. 23 апреля царь утвердил предложение Военного совета о выделке 1 млн. фугасных гранат по французскому образцу. С этого времени развернула свою работу специальная Организация по заготовлению снарядов по французскому образцу во главе с генерал-майором С. Н. Ванковым. Уже в июне исполнением этого заказа были заняты 13 предприятий Московского промышленного района и 36 заводов на юге России. Организация производства снарядов французского образца явилась одним из существенных мероприятий комиссии, хотя дело это наладилось значительно позднее [94].

[92] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, л. 169 об. Отчет о деятельности Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части.

[93] Там же, л. 176.

[94] О работе Организации С. Н. Ванкова будет рассказано подробнее ниже в связи с характеристикой Особого совещания по обороне государства.

К весне 1915 г выяснилось отставание производства дистанционных трубок от производства снарядов Несмотря на принятые меры к увеличению производства трубок на казенных заводах, их не хватало С разрешения Ставки были пущены в ход старые трубки 1891 и даже 1884 г., запасы которых составляли около 1,4 млн штук «Эту меру пришлось принять как самую крайнюю и рискованную, так как трубки 1884 года далеко не безопасны при стрельбе фугасными снарядами» [95].

К осени 1915 г. производство Петроградского и Самарского трубочных заводов было доведено до 7,8 млн. штук, а кроме того, проводились меры к увеличению их производительности: первого — до 7,5 млн , второго — до 6 млн. Приступлено было к строительству трубочного завода в Пензе с производством трубок до 6 млн. штук. Кроме того, еще осенью 1914 г. был сделан заказ на трубки за границей [96]

Комиссия решила провести учет станков, нужных для производства снарядов и пушек. На предприятия были посланы специалисты и инженеры Путиловского завода. Но сразу же предприятия подняли «вопль», что их обирают и мешают выполнять план. «Эта мера встретила почти непреодолимые препятствия» [97]. Следовательно, попытка использовать оборудование с целью увеличить производство вооружения встретила сопротивление со стороны буржуазии, расценившей проводимую меру как нарушение ее интересов.

Во время острого кризиса на фронте со снарядами в ответ на обращение Ставки комиссия приняла ряд экстренных мер, чтобы усилить отгрузку снарядов на фронт Это удалось сделать в конце февраля 1915 г. Со всех заводов были собраны готовые снаряды и без испытания отправлены в армию Их набралось 112 тыс. Из Кронштадта было взято 22 тыс. гранат. За проявленное усердие вел. кн. Сергеи Михайлович получил благодарность от другого вел. кн. Николая Николаевича Вместе с благодарностью главнокомандующий выражал твердую надежду, что поставки снарядов и впредь пойдут столь же интенсивно. Этим надеждам не суждено было оправдаться.

К весне 1915 г больших улучшений в работе военной промышленности не произошло Промышленные предприятия не выполнили плана поставок снарядов. Недодел шрапнелей достиг к февралю 1915 г до 0,5 млн. штук. За декабрь 1914 г. и январь 1915 г. заводы внутри страны должны были поставить 772 тыс. шрапнелей, а поставили всего 205 тыс. штук, или немного более 1/4 плана (27%). Крупнейшие промышленные предприятия страны — заводы Сормовский, Ижорский, Обуховский, «Вулкан» — должны были поставить 80 тыс снарядов [98], а не поставили ни одной шрапнели, что показывало на трудности освоения частными заводами снарядного производства. В связи с этим катастрофически ухудшилось снабжение фронта сна-

[95] ЦГВИА, ф. 962, оп 2, д 7, л 12 об.
[96] Там же, л 5 об
[97] Там же, л 12 об
[98] Там же, л 108 Стенограмма допроса вел кн Сергея Михайловича от 29 января 1915 г

рядами. Вместо 6 млн. снарядов, которые должен был получить фронт с декабря 1914 г. по март 1915 г., в армию было отправлено 1944,5 тыс. снарядов, или менее $^1/_3$ необходимого количества [99]. Это составляло в среднем около двух выстрелов в день на орудие.

Производство шрапнелей и гранат за 12 месяцев войны показывают следующие данные [100] (в тыс.):

Месяцы	1914 г.			
	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Заказано	50	58	92	204,5
Изготовлено	71,4	70	109	119
Разница	+21,4	+12	+17	—85,5

Месяцы	1915 г.							
	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
Заказано	293	394,5	599,5	832	914	999	1039	1169
Изготовлено	229,4	326	468,6	631,4	785,6	989,6	1081	1159
Разница	—63,6	—68,5	—130,9	—200,6	—128,4	—9,4	+42	—10

Если сравнивать производство снарядов трехдюймовых пушек с заявленной Ставкой потребностью в них (1,2—1,3 млн. штук) еще в начале войны, то очевидно, что внутреннее производство и через год войны не поднялось до уровня требований Ставки. Только начиная с апреля 1915 г. производство снарядов перевалило за 50% заявки, а до этого времени стояло на уровне 10—25%.

Весь план производства трехдюймовых шрапнелей на год составлял 6644,5 тыс. штук [101], или около 40% от заявки Ставки, и тот не был выполнен на 10%, что составляло 604,4 тыс. снарядов. В абсолютных цифрах был достигнут значительный рост производства — с 71,4 тыс. штук (сентябрь 1914 г.) до 1159 тыс. штук (август 1915 г.), или в 16 раз, но достигнутый прогресс удовлетворял лишь около $^1/_3$ потребности в снарядах.

Никакие внешние закупки, какими бы значительными они ни были, не могли возместить недостатков внутреннего производства, они могли лишь несколько смягчить кризис [102]. Огромное количество

[99] Этот подсчет был сделан Верховной комиссией (ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 48. Дополнение к своду сведений о снабжении армии артиллерийскими снарядами, о приспособлении отечественных заводов к изготовлению их).

[100] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 48, л. 7 об. Свод сведений о снабжении армии артиллерийскими снарядами. Шрапнели изготовлялись на 20 заводах, а гранаты — на 18.

[101] Без Организации, возглавляемой С. Н. Ванковым.

[102] Положение со снарядами для 42-линейных пушек и 6-дюймовых гаубиц было примерно такое же. Их производство в стране поднялось с 7 тыс. штук

русского золота, выплаченное Виккерсу в Англии, Канадскому обществу и Бутлеру в США, не дало никакого эффекта, так как поставщики не выполнили своих обязательств Вместо 9,3 млн. патронов и снарядов, которые должны быть поставлены России за 1915 г.[103], поступило от Виккерса 299 тыс патронов и от французского правительства (на конец января 1916 г.) 322,4 тыс. гранат[104]

Следовательно, выполнение принятых обязательств колеблется в размере 6—7%. Эти цифры должны служить обвинением против бывших союзников царской России и против царского правительства и его безрассудной политики. Не следует забывать, что 1915 г явился годом тяжелейших испытаний для русской армии. Основные силы австро-германской коалиции были брошены против России. Между тем русская армия начиная с весны 1915 г фактически оставалась безоружной. В апреле 1915 г Ставка настойчиво и энергично требовала снарядов, винтовок, патронов, связывая с их получением успех разработанного плана наступательной операции за Карпаты.

21 апреля 1915 г верховный главнокомандующий потребовал от Особой распорядительной комиссии «самых энергичных сверхмер» в деле обеспечения армии боеприпасами и вооружением, а также исчерпывающей информации по этим вопросам В это время произошел взрыв на Охтенском заводе, серьезно встревоживший Ставку Посланная информация не удовлетворила Ставку. Она действительно находилась в прямом противоречии с наступательными планами Ставки и не содержала ничего оптимистического, за исключением разве уверений, что взрыв на Охтенском заводе не вызовет серьезных осложнений. Производство дистанционных трубок, винтовок, перспективы поступления оружия из Франции не обещали ничего хорошего Информация заканчивалась общим заявлением о принятии мер к расширению всех производств. Однако не было известно, в чем заключались эти меры и насколько они являлись эффективными. Неудивительно, что на посланную информацию Ставка ответила довольно резко.

26 апреля вел кн. Николай Николаевич сообщил в Петроград, что армия не чувствует улучшения в снабжении снарядами, и указал на недопустимость подобного положения. Вот текст его телеграммы[105]. «Не вижу никакого улучшения в снабжении нас патронами

в месяц (сентябрь 1914 г) до 24 тыс (декабрь 1914 г), а в 1915 г колебалось от 25,7 тыс до 39 тыс штук (июль) В целом за 8 месяцев 1915 г было произведено 50% снарядов от заявки Ставки (50 тыс штук) (ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 48, л 12 об)

[103] Виккерс — 2 млн штук патронов, сроки поставки с марта по ноябрь 1915 г, Клерг (Канада) — 500 тыс штук — с апреля по август 1915 г, Бутлер — 2 млн штук — с апреля по декабрь 1915 г, французское правительство — 2,3 млн штук — с марта 1915 г по февраль 1916 г, Канадское общество — 2,5 млн штук — с мая 1915 г по январь 1916 г (ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 48, лл 12—13) Свод сведений о снабжении армии артиллерийскими снарядами был составлен в октябре 1915 г и дополнен в феврале 1916 г Верховной следственной комиссией

[104] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 48, л 13

[105] Там же д 7 л 15

артиллерийскими. Подобное положение недопустимо. Обстановка требует проявления сверхэнергии, и непроявление ее ляжет на ответственность Главного артиллерийского управления. Прошу Ваше императорское высочество принять все меры и оказать все свое личное влияние. Вся Ваша работа по блестящей подготовке нашей артиллерии при таких условиях не может принести той пользы, на которую Вы вправе были рассчитывать. Генерал-адъютант Николай». В тот же день, 26 апреля, в Ставку был послан следующий ответ: «Сегодня мной была собрана Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части для обсуждения вопроса, какие можно принять еще меры к увеличению выходов с заводов сверх уже ранее принятых. Каждый из членов комиссии имеет непосредственное наблюдение над несколькими заводами. По выслушании доклада каждого члена комиссии о ходе работ на подведомственных им заводах выяснилось, что все заводы работают своей максимальной производительностью в соответствии с их оборудованием. Увеличение производительности зависит только от ожидаемых прибытий станков. В частности, Петроградский трубочный завод работает сверх возможности. При теперешней работе он не обеспечен ни от пожара, ни от взрыва. Он работает на пределе риска непоправимого несчастья. Приблизительно в таком же положении все пороховые, взрывчатые и патронные заводы» [106].

Вместо оружия и патронов вел. кн. Сергей Михайлович мог послать лишь телеграмму, в которой подробно рассказано о принятых мерах. Смысл этой телеграммы сводился к тому, что надежд на скорое улучшение дела снабжения снарядами никаких нет.

В это время, как мы уже говорили выше, особенно обострился недостаток в дистанционных трубках к шрапнелям и взрывателях. Начиная с марта 1915 г. наметился острый разрыв между количеством изготовленных снарядов и дистанционных трубок, этот разрыв с каждым месяцем все увеличивался, достиг в июне 324,1 тыс. штук и привел к катастрофе. С марта по июль дистанционных трубок было выработано на 1026 тыс. штук меньше, чем снарядов. То же самое произошло с взрывателями: с февраля по июль взрывателей для гранат было выработано на 405,8 тыс. штук меньше, чем гранат. Все это привело к тому, что количество изготовленных шрапнелей и гранат определялось количеством дистанционных трубок и взрывателей и почти на 1,5 млн. штук сократило и без того небольшое производство снарядов [107].

Комиссия не могла широко привлечь частную промышленность к работе на армию. Все основные виды боевого снабжения артиллерии, как легкой, так и тяжелой,— снаряды, дистанционные трубки,

[106] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, л. 15—15 об.

[107] Недостаток несколько был смягчен применением и переделкой трубок устаревших образцов, а также изменением соотношений между шрапнелями и гранатами (3 : 1 вместо 6 : 1). Благодаря этому уменьшилась потребность в трубках на 2972 в каждом парке и соответственно увеличилось число гранат на те же 2972 выстрела.

взрыватели, порох, взрывчатое вещество и т д.— по-прежнему выполнялись несколькими десятками крупных заводов, частных и казенных, причем многие из них брали самые разнородные заказы, выполняли более выгодные в первую очередь и откладывали менее выгодные на более поздний срок. Заказы на шрапнели выполнялись с середины 1915 г. лишь 38 предприятиями. Комиссия даже не могла опереться на активную помощь буржуазных организаций; она оказалась не в состоянии ввести и в казенных предприятиях тот режим работы, который считала наиболее целесообразным Тем более комиссия не смогла разрешить ряд больших принципиальных вопросов — проблему рабочей силы, топлива, металла, которые встали в связи с войной и в значительной мере определяли работу всей военной промышленности

Мероприятия комиссии носили такой же бюрократический и узковедомственный характер, что и ГАУ Конечно, комиссия развила бо́льшую активность, чем ГАУ, но все ее мероприятия узкоделового характера не вносили нового в методы и характер работы Военного министерства. Важнейшие предложения комиссии — прежде всего милитаризация промышленности — отклонялись Советом министров, и ее деятельность неизбежно была обречена на провал.

Впоследствии, отвечая на недоуменный вопрос черносотенца А А Бобринского «какие же меры принимал Совет министров всю осень и зиму?», вел. кн. Сергей Михайлович развел руками и вымолвил фразу: «Граф, увольте, на этот вопрос ответа дать не могу. Об этом мне ничего не известно» [108]

Лидер контрреволюционной буржуазии А. И. Гучков назвал первый год войны «потерянным годом» И это было недалеко от истины Рассмотрение политики Военного министерства за этот год и опыт работы Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части показывают, что правительство и Военное министерство лишь углубили свою ошибочную предвоенную политику в вопросах боевого и военно-технического снабжения армии. Они не сделали даже первых шагов в деле мобилизации промышленности и укрепления 7-миллионной армии. Потребовались новые уроки весенних боев 1915 г , которые грозили царской монархии окончательной потерей авторитета, чтобы буржуазия в куцей форме, но выдвинула вопрос об укреплении армии путем перестройки тыла, путем широких экономических мероприятий в различных областях хозяйства. Под давлением военных неудач, подъема революционного движения в стране и роста буржуазной оппозиции было решено заменить Распорядительную комиссию по артиллерийской части Особыми совещаниями Этот шаг имел большее значение, чем простое организационное мероприятие Он являлся уступкой буржуазии и должен был закрепить союз помещиков с буржуазией путем привлечения ее представителей к решению важнейших вопросов дальнейшего ведения войны.

[108] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 7, л. 111

Попытка милитаризации промышленности

Все воевавшие страны уже через несколько месяцев войны исчерпали свои мобилизационные запасы боевого снабжения. Даже германская армия в конце 1914 — начале 1915 г. испытывала острый недостаток в снарядах. Расход оружия и боепитания оказался настолько велик, что никакие нормы, взятые из опыта русско-японской войны, на основе которых строились мобилизационные запасы, не являлись достаточными. Поэтому военные и хозяйственные органы должны были своевременно принимать новые, решительные меры к увеличению производства на войну. Чем скорее правительство привлекало частную промышленность к выполнению военных заказов и вводило военные порядки работы на предприятиях, тем в более выигрышном положении оказывалось оно перед противником, проявлявшим медлительность. Царская Россия, имевшая слабую промышленность, должна была особо быстро перестроиться на военный лад, чтобы обеспечить снабжение огромной армии. Но в данном вопросе, как и во многих других, царское правительство проявило полный консерватизм. Оно не только не думало о мобилизации промышленности, но когда этот вопрос был перед ним поставлен Главным артиллерийским управлением и Военным министерством, не поддержало этой совершенно разумной инициативы [109].

В самом начале войны, 29 июля 1914 г., Главное артиллерийское управление вошло в Совет министров «С проектом правил об объявлении казенных заводов, изготовляющих предметы, необходимые для обороны государства, на особом положении». Проект был подписан военным министром В. А. Сухомлиновым и начальником ГАУ Д. Д. Кузьминым-Караваевым [110]. На «особое положение» должны были быть переведены заводы, арсеналы и мастерские военного и морского ведомств, а также те казенные заводы других ведомств, которые выполняют заказы на оборону. Список предпри-

[109] Этот вопрос мельком, меньше, чем на одной странице, затронут А. А. Маниковским в работе: «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», ч. 1. М., 1920, стр. 38. Маниковский, упомянув о трех проектах мобилизации промышленности, не излагает и не анализирует их.

[110] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, лл. 19—24. Это дело представляет собой в основном материалы, относящиеся к запросу председателя Верховной комиссии, члена Государственного совета Н. П. Петрова председателя Совета министров. 28 августа 1915 г. Петров запросил Горемыкина сообщить соображения, которыми Совет министров руководствовался «при троекратном отклонении означенного выше ходатайства артиллерийского ведомства». 1 сентября 1915 г. Горемыкин от имени Совета министров послал Петрову по особой описи «материалы, относящиеся к вопросу об объявлении заводов, изготовляющих предметы, необходимые для государственной обороны, на особом положении, из коих усматривается весь ход настоящего дела и те основания, по которым Совет министров в свое время не разделял заявленных военным ведомством по данному вопросу соображений» (там же, лл. 16, 17). Изложение вопроса нами дается главным образом на основе этих материалов и показаний Верховной комиссии генерал-инспектора артиллерии вел. кн. Сергея Михайловича.

ятий подлежал утверждению Совета министров. Следовательно, проект Военного министерства касался не всей промышленности, а лишь казенных предприятий, составлявших основное ядро военной промышленности в начале войны.

В чем заключался смысл «особого положения»? Прежде всего в закрепощении рабочих за данными предприятиями, в лишении их права перехода на другие. «Особое положение» отменяло обычное рабочее законодательство и устанавливало особый порядок работы на предприятиях. Правда, пункт II этого положения говорил о том, что продолжительность рабочего дня, количество рабочих часов в сутки и неделю, размеры заработка могут быть изменены только «с обоюдного согласия сторон». На деле же предлагалось ввести настоящую каторгу для рабочих и служащих, усиливалась ответственность, вводилось тюремное заключение за небрежное выполнение работы, за неявку на работу или «дерзость», а когда эти проступки совершались рабочими «по соглашению», тогда степень ответственности их еще более усиливалась. Проект был направлен своим острием против рабочих и рабочего движения. «Виновные» наказывались тюремным заключением от 4 месяцев до 1 года 4 месяцев. За время стачки зарплата не выплачивалась. Так выглядело «особое положение» для рабочих. Они делались целиком зависимыми от военной администрации казенных предприятий, полностью лишались своих мизерных гражданских и экономических прав и, прикрепленные к своим предприятиям, должны были затрачивать все свои силы на увеличение производства.

3 августа 1914 г. представленный проект рассматривался в особом заседании Совета министров [111]. Совет министров утвердил представленный проект в принципе, но на практике признал его несвоевременным и отказался осуществить. Интересны мотивы, которыми руководствовался Совет министров. Он прежде всего обратил внимание на то обстоятельство, что «при наблюдаемом в рабочей среде общем со всем населением империи одушевлении» (??) нет нужды в особых мерах, регулирующих работу военных предприятий в данное время. Поэтому представленные правила «подлежат утверждению лишь на случай могущей возникнуть впоследствии необходимости их изменения». Так гласит сухая протокольная запись журнала Совета министров. Нетрудно видеть, что под событиями, могущими «возникнуть впоследствии», подразумевались рабочие забастовки. В августе только что было покончено с июльской забастовкой в Петрограде и Баку. Правительство попросту боялось осложнений и волнений, которые могли быть вызваны новыми правилами. На заседании присутствовал министр внутренних дел, прекрасно осведомленный о том, что борьба рабочего класса была временно сломлена. Опасно было новыми правилами задеть рабочих и вызвать новый подъем рабочего движения.

Прошло несколько месяцев. В декабре 1914 г. уже полностью

[111] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, лл. 25—30. Особый журнал Совета министров от 3 августа 1914 г.

выявился недостаток боеприпасов и наметился некоторый рост политической активности рабочего класса. Военное ведомство вторично вошло в Совет министров с предложением утвердить проект ГАУ, но Совет министров вторично отклонил его.

5 февраля 1915 г. благодаря настоянию вел. кн. Сергея Михайловича Сухомлинов и Кузьмин-Караваев вновь обратились в Совет министров с предложением утвердить правила «об особом положении». В представлении на этот раз выдвигались новые мотивы: а) рост революционного движения среди рабочих и б) сманивание рабочих с казенных предприятий частными заводами, которые, получая от казны авансы и бешеные прибыли, платили больше, чем на казенных заводах. В нем говорилось: «Хотя с начала войны спокойное течение работ в технических артиллерийских заведениях не нарушалось, но за последнее время были случаи демонстративных забастовок на частных Петроградских заводах, в коих начинают появляться прокламации, призывающие к агитации, направленной к прекращению войны и перемене форм правления»[112]. Далее приводилось сообщение начальника Самарского трубочного завода о наличии «брожения» среди рабочих «еще с начала декабря», об аресте жандармами 13 декабря трех рабочих «за принадлежность к социал-демократической организации». При обыске у рабочих были найдены прокламации с призывом «к выступлению в целях прекращения войны и созыва Учредительного собрания». Таковы факты, на которые ссылалось военное ведомство.

Они показывают, что, с одной стороны, работа большевиков не прекратилась, что их влияние проникло на военные предприятия; с другой стороны, они говорят, что администрация заводов и правительство внимательно следили за настроением рабочих, вели беспощадную борьбу с революционными представителями рабочего класса. Для военного министра обстановка на военных предприятиях в конце 1914 г. внушала опасение, и он требовал введения особого режима для рабочих.

13 февраля Совет министров обсудил представление военного ведомства и вновь отклонил его, о чем председатель Совета министров известил В. А. Сухомлинова письмом от 19 февраля 1915 г.[113] И на этот раз доводы министра внутренних дел оказались более убедительными, чем настойчивые указания Ставки о нехватке военного снаряжения и троекратное представление главы ведомства, более других отвечавшего за ход войны.

И. Л. Горемыкин писал В. А. Сухомлинову, что его представление отклонено потому, что оно является «при наблюдаемом ныне и удостоверенном министром внутренних дел вполне спокойном и лояльном настроении фабрично-заводского населения, несвоевременным и могущим лишь подать повод к нежелательным толкам и волнениям». Последние слова выдают «секрет». Правительство боялось вызвать волнения, поэтому и отклонило меру, к тому времени проведенную в

[112] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, л. 31.
[113] Там же, л. 32—32 об.

других воевавших странах. Правда, Совет министров на этот раз не мог просто отклонить представление военного ведомства, ибо не хотел брать на себя ответственность за последствия. Для виду он пошел на некоторую уступку. На том же заседании Совета министров было вынесено решение об организации при Военном министерстве совещания для обсуждения вопроса о «прикреплении» рабочих к предприятиям и милитаризации производства. По этому предложению технический персонал предприятий, рабочие и служащие рассматривались призванными на военную службу.

Однако на этом дело не прекратилось. Дальнейшее наступление на правительство повел вел. кн. Сергей Михайлович. В феврале он написал рескрипт председателю Совета министров с просьбой утвердить проект Главного артиллерийского управления о милитаризации и подчинении особым законам военного времени частных заводов, работающих на оборону страны [114]. Но и это не могло поколебать позицию правительства. Спустя несколько дней тот же высокопоставленный свидетель, давая устные объяснения Верховной комиссии у себя во дворце, еще раз указал на эту коренную ошибку правительства [115]. Предложение великого князя и на этот раз было поддержано военным министром. По мнению В. А. Сухомлинова, предлагаемая великим князем мера аналогична с осуществленной во Франции милитаризацией заводов и преследует одну и ту же цель — «ограждение интересов государственности», т. е. буржуазии и помещиков и их политики доведения войны до победы. Но Совет министров, боясь осложнений с рабочим классом, категорически отказался принять предложение, которое могло бы «нарушить мирное настроение рабочих и вызвать ненужные толки и волнения». Совет министров пошел за министрами внутренних дел и торговли и промышленности, которые удостоверяли, что среди фабрично-заводских рабочих нет «никакого брожения, могущего угрожать интересам государственной обороны». Одновременно не забыли привести и другие чисто экономические соображения, почерпнутые из времен выработки положения об освобождении крестьян,— бо́льшую производительность «вольнонаемного труда по сравнению с подневольным». Совет министров принял позу защитника прогресса от сторонников «подневольного труда».

Для борьбы с переманиванием квалифицированных рабочих Совет министров рекомендовал повысить расценки их труда. Правительство соглашалось на дополнительные расходы казны, считая «такую меру во всяком случае предпочтительнее, нежели принятие каких-либо исключительных мер по отношению к личному составу обслуживающих потребности государственной обороны заводов» [116]. Оно отказалось устанавливать какие-либо ограничения в переходе рабочих и служащих с казенных предприятий на частные. В отношении же частных заводов тем более не признавалось никакой особой

[114] Там же, л. 13.
[115] Там же, лл. 80—127.
[116] Там же, лл. 40 об.— 41.

регламентации. Удивительно, что в конце заседания Совет министров неожиданно встал на позицию милитаризации предприятий «с объявлением всех их служащих и рабочих состоящими на военной службе» и с освобождением от призыва к строевой службе. Такое решение вопроса казалось правительству наилучшим, может быть потому, что в случае недовольства рабочих последних сначала припугнули бы отправкой на фронт, а потом, в случае необходимости, осуществили бы эту угрозу на самом деле. Однако признание милитаризации как наилучшего способа «обуздания» рабочих пока что было только теоретическим.

Тем временем начала работать комиссия, образованная при Военном министерстве для проработки вопроса о милитаризации рабочих. Председателем комиссии был генерал от артиллерии Кузьмин-Караваев, не отличавшийся ни особой распорядительностью, ни смелостью своих суждений, ни даже глубоким пониманием связи между войной и проблемами экономики. Комиссия была чрезвычайно громоздкая — в ней было 24 члена, в том числе представители министерств: торговли и промышленности, внутренних дел, юстиции, морского и представители многочисленных главных управлений Военного министерства, ряда технических артиллерийских заведений и даже три человека от штаба 6-й армии, которая не воевала. Комиссия работала отнюдь не военными темпами. Чтобы провести шесть заседаний, потребовалось более полутора месяцев: первое заседание состоялось 31 марта, а последнее — 18 мая 1915 г.[117] По окончании работ этой комиссии военный министр В. А. Сухомлинов и новый начальник ГАУ А. А. Маниковский вошли в Совет министров с новым представлением о милитаризации промышленности. В этом представлении был кратко изложен результат работы упомянутой выше комиссии.

Ссылаясь на материалы, полученные из Лондона и Парижа о милитаризации промышленности в Англии и Франции, комиссия и Военное министерство видели суть милитаризации, осуществленной у союзников, лишь в праве военных органов требовать от владельцев предприятий выполнения всякого рода военных работ или даже брать частные заводы в распоряжение казны. Рассмотрение заграничной практики привело работников военного ведомства к неправильному выводу о том, что за границей никакого личного закрепления рабочих и служащих за предприятиями не существует.

Обращаясь к русским законам, совещание находило, что законы 4 сентября и 17 октября 1914 г.[118] дают военному ведомству возможность «обращения» частной собственности на нужды войны не в меньшей мере, чем в Западной Европе. Совещание определило, что под понятием «милитаризация промышленности» в России следует счи-

[117] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, лл. 47—53 об.

[118] «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1914». Отд. I. Второе полугодие. СПб., 1914, ст. 2372 «О заготовлении в военное время необходимых для армии и флота предметов и материалов» (стр. 3582—3583) и ст. 2717 «Об установлении надзора за деятельностью промышленных заведений, исполняющих заказы военного и морского ведомства» (стр. 4003).

тать «возможно широкое комплектование всего контингента служащих отставными военными, отбывшими срок службы в войсках, а также запасными, которые в случае каких-либо замешательств призывались бы на действительную военную службу с оставлением их при исполнении прежних служебных обязанностей». Фактически комиссия признала возможность милитаризации для учреждений «служащих», распространив ее только на отставных военных, а не на весь персонал без ограничения. Однако и в изложенном выше чисто полицейско-юридическом понимании дела милитаризация применительно к «фабричным заведениям» была отвергнута совещанием, так как ее применение было найдено «в течение настоящей войны несвоевременным» [119].

Между тем с рабочей силой в промышленности происходили резкие изменения, о которых было доведено до сведения совещания и с которыми оно не могло не считаться. Во время летних сельскохозяйственных работ с Ижевских заводов ушло 3 тыс. рабочих, с Сормовского — 1 тыс., с завода Посселя уволилось 700 человек, на Коломенском заводе вспыхнула забастовка. Поэтому совещание признало, при возражении представителя Министерства торговли и промышленности, необходимым известные правила, «клонящиеся к закреплению в той или иной форме служащих и рабочих в предприятиях». Однако совещание и на этот раз высказалось против издания общего закона, обязательного для всех предприятий. Было решено провести эти меры втихомолку. Военные власти должны были получить право применять в случае надобности эти ограничения, суть которых заключалась в запрещении вольнонаемным рабочим и служащим оставлять работу и предприятия без согласия администрации. Начальники казенных оборонных предприятий наделялись правом применять к подчиненным репрессии в пределах прав командиров дивизий.

Эти предложения, выработанные совещанием, были одобрены Военным советом и представлены на утверждение Совета министров. К представлению военного министра была приложена справка Министерства торговли и промышленности о забастовочном движении на частных предприятиях. Из этой справки видно, что на частных заводах с декабря 1914 г. по апрель 1915 г. было 393 забастовки, во время которых было потеряно свыше 377 тыс. рабочих дней, или 87% от общего количества потерянного времени на всех бастовавших предприятиях [120]. Количество забастовок увеличилось: на апрель приходилось свыше 268 тыс. потерянных рабочих дней. Из приведенных данных министр торговли делал вывод против милитаризации, так как боялся выступлений «противоправительственных элементов». Кроме того, он полагал, что администрация предприятий легко справится с текучестью рабочих, особенно большой среди тех рабочих, которых «легко заменить», т. е. неквалифицированных. Однако остальные члены совещания и военный министр делали из этих фактов противоположные выводы. Военный министр просил дать право при-

[119] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, л. 42 об.
[120] Там же, л. 44 об.

менять особое правило, по усмотрению военного начальства на местах, начальникам военных округов, командующим войсками и т. п. В связи с обсуждением в Совете министров правил, представленных Особым совещанием при Военном министерстве, министр торговли и промышленности обратился 26 июня 1915 г. к Горемыкину с особым письмом, в котором резко выступал против предложенной военным ведомством меры закрепления рабочих [121]. По его мнению, предлагаемая мера «насильственного удержания» на предприятиях невоеннообязанных рабочих может породить лишь недовольство в рабочей среде и будет истолкована рабочими как желание правительства заставить их работать на менее выгодных условиях, чем те, которые бы они получили в другом месте. Желание найти более выгодные условия работы и «побуждают работников уходить с одного места на другое».

Из письма В. Н. Шаховского мы узнаем также, что, оказывается, вопрос об обеспечении предприятий рабочей силой обсуждался в Ставке, на заседании Совета министров под председательством царя. На этом заседании верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич высказался за то, чтобы в целях обеспечения предприятий, работающих на армию, рабочей силой рабочие и служащие, подлежащие призыву, призывались к исполнению воинской повинности и затем оставлялись на заводах «для выполнения заводских работ».

Вопрос, поднятый военным ведомством, обсуждался в Совете министров 12 и 30 июня 1915 г. [122] В журнале заседания Совета министров кроме изложения истории вопроса повторены и мотивы, почему отклонялись ходатайства военного ведомства. Ссылаясь главным образом на соображения министра торговли и промышленности, которые были поддержаны другими членами Совета, Совет министров нашел, что ранее приводимые им мотивы «в полной мере применимы и к ныне намеченным в этой области правилам», и решил пойти навстречу ходатайствам военного ведомства, так как «не считал себя в праве препятствовать осуществлению заявленного военным ведомством предположения».

За это время произошли крупные перемены в военном ведомстве — В. А. Сухомлинов был заменен генералом А. А. Поливановым, ставленником думских кадетско-октябристских кругов. Уже функционировало Особое совещание по обороне государства. Совет министров, высказавшись принципиально против предложенной меры, решил в то же время не препятствовать военному ведомству в проведении намеченных им мероприятий. Но дело было окончательно погублено новым управляющим Военным министерством А. А. Поливановым. То ли по неосведомленности, но, вероятнее всего, считаясь с отрицательным отношением буржуазных кругов ко всякого рода проектам В. А. Сухомлинова и с отрицательной позицией министра

[121] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, лл. 55—55 об.

[122] Журнал Совета министров был рассмотрен и утвержден царем 15 июля 1915 г. (там же, лл. 56—57 об.).

торговли и промышленности, А. А. Поливанов решил не связывать себя с защитой проекта, поступившего до его прихода в министерство от В. А. Сухомлинова. Как гласит сухая протокольная запись, А. А. Поливанов «склонен считать введение в действие представленных на уважение Совета министров правил пока еще преждевременным». Ссылаясь уже на Поливанова как главу военного ведомства, Совет министров «предпочел отложить» утверждение предложенного проекта впредь «до дальнейших по сему предмету со стороны военного ведомства заявлений». Попытка Военного министерства приспособить промышленность к условиям военного времени путем открытого похода против рабочего класса после года волокиты, наконец, была провалена руками «либерального» военного министра Поливанова.

Таким образом, рассмотрение дела о милитаризации промышленных предприятий показывает, что всякая, даже частичная, постановка вопроса об изменении существовавших до войны порядков встречала решительный отпор со стороны самого правительства. Причины такого отношения правительства чисто политические — боязнь новыми мероприятиями толкнуть рабочие массы на путь антиправительственной борьбы и выступлений.

Против всяких попыток регламентации производства со стороны правительства решительно выступила русская буржуазия. Буржуазия не видела никакой выгоды в этом проекте. Она стремилась лишь к закреплению за предприятиями кадров рабочих путем освобождения их от призыва в армию. И она добилась этого.

12 июня 1915 г. военный министр внес в Совет министров правила об оставлении на предприятиях, работавших на оборону, военнообязанных рабочих и служащих. Их работа на предприятии объявлялась столь же обязательной, «как и служба в армии». По этим правилам, рабочие карались за оставление работы в предприятиях и за забастовки по военно-уголовным законам. Мышиная возня в правительстве закончилась. Новое предложение А. А. Поливанова по существу ничем не отличалось от предложений В. А. Сухомлинова милитаризовать промышленность. Проект односторонне был направлен против рабочих. Он привязывал рабочих к предприятиям и старался сделать из них послушное орудие воли начальства. Через несколько дней И. Л. Горемыкин известил А. А. Поливанова, что Совет министров «не встретил препятствия к направлению настоящего дела на законодательное рассмотрение» [123].

Однако на изложенном нами дело не кончилось. Уже в Особом совещании по обороне на протяжении многих месяцев тянулся вопрос о мобилизации промышленности, под которой и думские «либералы» и крайние правые собственно понимали не действенные меры государственного контроля над промышленностью и прибылями, а дальнейший нажим на рабочих, снижение их жизненного уровня,

[123] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, л. 63. Журнал Совета министров от 14 июня 1915 г. Письмо И. Л. Горемыкина А. А. Поливанову, В. Н. Шаховскому и другим лицам от 15 июля 1915 г.

возможность безграничной эксплуатации рабочих и т д. Временные выступления министра торговли и промышленности и русской буржуазии против предлагаемой милитаризации были продиктованы отнюдь не интересами рабочих, а интересами свободы эксплуатации буржуазией рабочего класса Однако длинная канитель в правительстве по этому вопросу, сама возможность в течение целого года обсуждать один и тот же вопрос характеризуют стиль и методы работы правительства в обстановке войны, все тяжести которой были возложены на плечи народа как на фронте, так и в тылу. Вся политика правительства строилась от случая к случаю, покоилась на необоснованном оптимизме, что все «образуется» и с помощью союзников война будет скоро выиграна. Между тем уже в начале 1915 г. было видно, что война скоро не окончится. Экономическая и военная политика правительства в первые девять месяцев показывает, что царское правительство не провело мероприятий по подготовке тыла страны к длительной, большой войне, которая потребует призвать под ружье 17—18 млн человек.

Глава вторая

ОРГАНИЗАЦИЯ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПО СНАБЖЕНИЮ АРМИИ

Наступление буржуазии на правительство

К весне 1915 г. стратегические планы русского командования раздваивались между двумя задачами: наступление через Карпаты и Венгрию и наступление с левого берега Вислы на Берлин. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом Н. И. Иванов настойчиво добивался в Ставке утверждения своего плана наступления через Карпаты и Венгрию и усиления своего фронта за счет людских и материальных резервов Северо-Западного фронта. Новый главнокомандующий Северо-Западным фронтом М. В. Алексеев настаивал на развитии наступления с левого берега Вислы на Берлин. Он безуспешно доказывал, что разгром немецкой армии является главной задачей, что от Вислы до Берлина 500—550 верст, а от Перемышля — Львова почти в 3 раза дальше: «С Вислы мы достигнем Берлина скоро, с меньшею затратою времени, с меньшими жертвами, с большею безопасностью» [1]. В конечном итоге верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич утвердил оперативный план Н. И. Иванова, поставив тем самым перед Северо-Западным фронтом оборонительные задачи.

Генерал Н. И. Иванов рассчитывал, что успешное наступление через Карпаты «окажет существенное влияние на ход событий на всем театре войны» [2]. Карпатская операция до некоторой степени отвечала интересам русской стратегии, но проводилась также с целью «помочь союзникам» [3]. Такая большая операция была плохо подготовлена с материально-технической стороны. Армии испытывали острый недостаток в артиллерии и снарядах. «Мы боремся человеческими телами,— писал современник,— люди начинают это понимать, и это может иметь прискорбные последствия» [4].

Наступление Юго-Западного фронта задерживалось из-за недостатка свежих войск и снарядов. В начале апреля наступление прекратилось. Этим воспользовались немцы, собрав мощный кулак под командованием Макензена. Они перешли в наступление, обратив свой удар на 3-ю армию.

[1] *М. Бонч-Бруевич.* Потеря нами Галиции в 1915 году, ч. 1. М., 1920, стр. 85.
[2] «Горлицкая операция». Сб. документов. М., 1941, док. № 1, стр. 26; *Ю. Н. Данилов.* Россия в мировой войне 1914—1915 гг. Берлин, 1924, стр. 306—308.
[3] *Ф. Ф. Палицын.* В штабе Северо-Западного фронта.— «Военный сборник», кн. 3. Белград, 1922, стр. 159.
[4] Там же, стр. 164.

При первых же известиях о неудачах на Карпатах в связи с наступлением Макензена военный министр В. А. Сухомлинов осудил планы Ставки, назвав их авантюрой. «Очень нужна была эта авантюра»,— писал он в своем дневнике [5]. Последующие записи показывают тревожную, напряженную обстановку в правительственных верхах.

Прорыв Макензена явился началом широкой наступательной операции, предпринятой германо-австрийским командованием.

Русское командование было осведомлено о переброске немцами своих войск для поддержки австрийцев, но оно не отдавало себе отчета в действительном положении дела со снарядами. Военный министр меньше других старался открыть Ставке глаза на положение дела. В дневнике В. А. Сухомлинова имеется такая запись: «Если верно, что снарядов у нас мало, то надо обороняться, а не наступать, да еще при таких условиях» [6]. Но, попав через день в Ставку, В. А. Сухомлинов остался доволен отличным настроением главнокомандующего и ни одним словом не обмолвился ни об отсутствии снарядов, ни об оборонительном образе действий, сторонником которых он являлся у себя в кабинете.

Весна и лето 1915 г. были самым тяжелым периодом в снабжении армии снарядами. Боевые запасы были исчерпаны, а новое производство их еще не было организовано. Военный министр не чувствовал себя ответственным за снабжение армии. Он предпочитал, чтобы этим делом занимались лишь подчиненные ему учреждения [7]. Его гораздо более беспокоит, что начальник штаба Ставки телеграфирует о доставке снарядов председателю Совета министров «в неподобающем тоне» [8].

В этой сложной обстановке буржуазия поднимает голову, пытаясь взять в свои руки инициативу по осуществлению военно-экономической мобилизации тыла страны. В действующую армию едут члены Государственной думы М. В. Родзянко, А. И. Гучков, чтобы ознакомиться с положением дела на месте. Эти поездки расценивались В. А. Сухомлиновым как опасные для существующего строя. «А. И. Гучков основательно запускает свои лапы в армию. В Ставке не могут этого не знать и никаких мер против этого не принимают, не придавая никакого, очевидно, значения экскурсиям Гучкова и членов Государственной думы. По-моему, это может создать очень опасное положение для существующего государственного нашего строя» [9]. Но в Ставке не только не считали «опасным» эти визиты, там очень внимательно прислушивались к советам Родзянко, Гучкова и

[5] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 106, л. 115. Дневник В. А. Сухомлинова за 1915 г. Запись от 21 апреля 1915 г. (записи везде даны по старому стилю).

[6] Там же, л. 92. Запись от 29 марта 1915 г.

[7] «Верховный командующий требует энергичной доставки снарядов личной телеграммой на мое имя, между тем над этим делом поставлен генерал-инспектор артиллерии с особыми полномочиями. Моим вмешательством могу только теперь напортить» (там же, л. 120. Запись от 26 апреля 1915 г.).

[8] Там же, л. 136. Запись от 12 мая 1915 г.

[9] Там же, л. 109. Запись от 15 апреля 1915 г.

других представителей «общественности», выражавших настойчивое желание промышленников и банкиров поскорее взяться за выполнение военных заказов.

Как видно из дневника В. А. Сухомлинова и других источников, Ставка мало надеялась на военного министра и обращалась большей частью непосредственно к представителю Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части вел. кн. Сергею Михайловичу.

26 апреля 1915 г. на имя вел. кн. Сергея Михайловича поступила телеграмма верховного главнокомандующего, в которой говорилось, что никакого улучшения в снабжении армии патронами артиллерийским ведомством не произошло. «Подобное положение недопустимо. Обстановка требует проявления сверхэнергии, и непроявление ее ляжет на ответственность Главного артиллерийского управления. Прошу Ваше императорское высочество принять все меры и оказать все свое личное влияние» [10]. Обсуждение этой телеграммы в Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части не обещало скорого улучшения дела. В Ставке это поняли скорее, чем поняли правительство и военный министр. Поэтому там не видели ничего подозрительного в поездках на фронт А. И. Гучкова и М. В. Родзянко. С ними не только разговаривали, но решили поддержать их предложение о более смелом привлечении частной промышленности к работе на оборону.

Да и сам Сухомлинов начинает подумывать об увеличении подачи снарядов помимо ведомства великого князя, «без артиллерийских тормозов» [11], путем организации совместного совещания с заводчиками и фабрикантами.

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко и вождь октябристов А. И. Гучков были известны как противники В. А. Сухомлинова, которого они характеризовали как виновника всех беспорядков в Артиллерийском управлении. Во время посещения Ставки весной 1915 г. М. В. Родзянко встретил там подавленное настроение. Третья армия в беспорядке отступала, часть Галиции была занята противником, было ясно, что Карпатская операция не удалась. В разговоре с вел. кн. Николаем Николаевичем М. В. Родзянко посоветовал потребовать отставки министра внутренних дел Маклакова и вел. кн. Сергея Михайловича, затем «разогнать воровскую шайку артиллерийского ведомства, которая прикрывается именем великого князя» и убрать, наконец, Сухомлинова [12].

Однако Николай Николаевич ответил, что он бессилен это сделать, так как В. А. Сухомлинов пользуется «особым благоволением» им-

[10] Там же, д. 7, лл. 10—15 об. (Телеграмма приведена в ответе вел. кн. Сергея Михайловича председателю Верховной следственной комиссии Н. П. Петрову).

[11] «Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем».— «Красный архив», 1923, т. 3, стр. 58. Сухомлинов — Янушкевичу, 6 мая 1915 г. Из дальнейших писем Янушкевича к Сухомлинову видно, что предложение Сухомлинова, встреченное в Ставке «очень сочувственно, совпало с таким же обращением Родзянко лично к верховному» (там же, стр. 61).

[12] *М. В. Родзянко.* Крушение империи. Л., 1927, стр. 114.

ператора. Этот разговор и нерешительность Николая Николаевича произвели на Родзянко «очень тяжелое впечатление». Прощаясь, главнокомандующий все же спросил М. В. Родзянко, что следует сделать, чтобы спасти положение? М. В. Родзянко посоветовал составить комитет «из членов Думы, представителей от промышленности, от артиллерийского и других военных ведомств, с широкими полномочиями ведать все вопросы военного снаряжения» [13]. Так родилась идея создания Особого совещания. Николай Николаевич обещал доложить эту мысль царю.

Ободренный Родзянко собрал в Петербурге ряд депутатов, которые вместе с В. П. Литвиновым-Фалинским выработали записку, посланную в Ставку. В этой записке были описаны, по словам Родзянко, «все ужасы, которые происходят в армии от недостатка снарядов, от нераспорядительности высших военных властей и, главным образом, Сухомлинова» [14].

В начале мая 1915 г. М. В. Родзянко и его единомышленники — В. П. Литвинов-Фалинский и руководители Петербургского международного и Русско-Азиатского банков А. И. Вышнеградский и А. И. Путилов — были вызваны в Ставку. Родзянко имел доклад у царя, во время которого не только доложил основные идеи Совещания, но и рекомендовал царю удалить наиболее реакционных и ненавистных буржуазии министров — Маклакова, Саблера, Щегловитова и Сухомлинова. Проект Родзянко о создании Особого совещания был царем одобрен. В состав Совещания должны были войти «представители банков, субсидировавших заводы, представители промышленности, общественные деятели и представители законодательных учреждений и военного ведомства. Первыми были призваны Литвинов-Фалинский, Путилов, Вышнеградский, банкир Утин, Гучков и другие» [15].

Рассказ Родзянко о возникновении Особого совещания в основном находит подтверждение в показаниях других свидетелей и в документах [16].

[13] *М. В. Родзянко.* Указ. соч., стр. 114.

[14] Там же, стр. 115. Текст записки нам найти не удалось.

[15] Там же, стр. 116.

[16] Родзянко несколько субъективен в оценке своей роли. Ставка и царь были подготовлены к принятию решения, предложенного не только Родзянко, но и другими лицами. В частности, думал на эту тему Н. Н. Янушкевич. В своих показаниях Верховной комиссии Н. Н. Янушкевич говорил, что во время своих визитов М. В. Родзянко «продолжал со свойственной ему горячностью утверждать, что весь корень зла, вся причина недостаточного снабжения заключается в несоответствии В. А. Сухомлинова занимаемому им посту военного министра, в его бездействии, в его нежелании напрячь силы и обратиться к содействию общества в этом трудном деле» (ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 50, л. 227. Показания Н. Н. Янушкевича от 12 сентября 1916 г.). После объяснения с Родзянко и представителями промышленности — Путиловым и Литвиновым-Фалинским, прибывшим в Ставку в начале мая 1915 г., продолжает Н. Н. Янушкевич, «я остановился на мысли учредить Особое совещание под председательством военного министра из представителей заинтересованных ведомств, но с обязательным участием в Совещании и членов законодательных учреждений, чтобы, с одной стороны, поставить будущие меры под контроль представителей общества, а с другой стороны, предоставить последним возможность не только критиковать, но и активно действо-

Таким образом, между Ставкой и буржуазией было достигнуто соглашение об организации особого органа по снабжению армии, в состав которого должны были войти представители Государственной думы, Государственного совета, промышленности и банков. Этим соглашением предрешался вопрос об отставке Сухомлинова, работать с которым представители думских кругов не хотели, однако его отставка несколько затянулась

В телеграмме верховного главнокомандующего военному министру от 13 мая 1915 г. была преподана новая широкая программа деятельности. «Наиболее надежное решение возможно было бы осуществить,— говорилось в телеграмме,— учредив под вашим председательством Совещание из представителя Государственной думы с четырьмя ее членами, представителями промышленных групп, пригласив в первую очередь господ Путилова и Литвинова-Фалинского и затем других, по мере надобности, и из пяти компетентных представителей военного ведомства по вашему усмотрению. Для успешного развития поставки снарядов, орудий, патронов и ружей вам предоставляется право привлечения к работе всех частных заводов до реквизиции их запасов и станков включительно, право испрошения и незамедлительного открытия кредитов и в случае признания Совещанием необходимости отпуска безвозвратных ссуд на оборудование новых мастерских и заводов с подчинением этих расходов последующему государственному контролю По докладе о сем его величеству благоугодно было вышеизложенные предположения утвердить и повелеть незамедлительно приступить к проведению их в жизнь Уверен, что ваше высокопревосходительство, зная то значение, которое имеет для хода военных действии своевременное и обильное снабжение вооружением и боевыми припасами, проведете эту меру со сверхэнергией Каждый день промедления может иметь непоправимые последствия» [17].

Посланная в обход Совета министров телеграмма содержала целую программу, а не только «повеление» организовать Совещание при военном министре. Были определены основные линии в работе Совещания. Представители буржуазии вводились в состав важнейшего правительственного органа в качестве полноправных членов

Во время пребывания вел. кн Сергея Михайловича в Ставке ему дополнительно было дано указание, о чем он и поставил в известность военного министра специальным письмом от 20 мая 1915 г, «чтобы артиллерийское ведомство оказывало содействие промышленной группе, организуемой председателем Государственной думы М В Родзянко» [18]. В том же письме вел кн. Сергей Михайлович

вать» (там же, л 227—227 об) Одновременно буржуазия поставила вопрос о привлечении промышленности к работе на войну на IX съезде представителей промышленности и торговли, где по инициативе Рябушинского было решено организовать военно-промышленные комитеты Настойчивость Родзянко лишь ускорила решение вопроса, ибо на царя были и противоположные влияния Характерно, что, дав согласие на организацию Особого совещания, царь еще упорствовал в вопросе об отставке ряда министров

[17] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 1, лл 1—3

[18] Там же, л 23

говорил о еще одной группе промышленников, которая будет даже распределять заказы между заводами.

Видимо, не надеясь на Сухомлинова, верховный главнокомандующий 19 мая самостоятельно вошел с докладом к царю об учреждении Особого совещания. В этом документе прежде всего указывалось, что казенные заводы «при полном напряжении» в работе не в состоянии удовлетворить потребности армии в боевых припасах. Поэтому «необходимо принятие экстренных мер в смысле широкого участия промышленности в изготовлении необходимых армии огнестрельных припасов путем привлечения к этой работе всех частных заводов, не останавливаясь перед реквизицией их запасов и станков» [19]. Именно для этой цели и предполагалось учредить Особое совещание под председательством военного министра. В докладе совершенно не упоминается Особая распорядительная комиссия под председательством вел. кн. Сергея Михайловича.

В предложениях военного министра, представленных царю лишь 21 мая, есть некоторое уточнение программы деятельности Совещания, изложенной Ставкой. Военный министр просил расширить права Совещания, передав в его ведение не только вопросы артиллерийского снабжения, но также инженерного и интендантского. Он просил ввести дополнительно в Совещание трех представителей Морского министерства и по одному представителю от Министерства финансов и государственного контроля. Такое расширение состава Совещания, по мнению военного министра, должно было ««способствовать продуктивности работы» Совещания, так как помогало бы разрешать все недоразумения непосредственно в заседаниях». Военный министр считал необходимым распространить выдачу кредитов и безвозвратных пособий не только на организацию новых заводов и мастерских, «но и на расширение существующих» [20]. Таким образом, предложения Сухомлинова придавали большую четкость организационной структуре Совещания и еще более расширяли его компетенцию. Но и в них предусмотрительно не затрагивался вопрос о Распорядительной комиссии.

21 мая предложения Ставки и Сухомлинова были утверждены царем. Однако организационный период, связанный с созданием Совещания, на этом не закончился. Совет министров, устраненный от подготовительной работы, не был согласен с тем, что вновь созданное Совещание было наделено столь исключительными правами, делавшими его независимым от военных и гражданских властей. Он рассматривал Совещание как одну из обычных междуведомственных комиссий, которые годами разрабатывают проекты и незаметно ликвидируются.

Из положения о Совещании, представленного военным мини-

[19] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 1, л. 5. Копия. Имеется помета Сухомлинова о том, что согласие Николая II последовало. (Разрядка моя.— *А. С.*).

[20] Там же, лл. 29—30. Имеется помета Сухомлинова о согласии царя, данном 21 мая 1915 г.

стром на утверждение Совета министров 26 мая 1915 г., были исключены наиболее существенные пункты о широких правах Совещания. По этому поводу началась переписка между военным министром и председателем Совета министров [21]. Сухомлинов доказывал, что права Особого совещания не меньше, а больше, чем права Военного совета, и решительно выступал против их умаления. Уменьшение прав Совещания явилось бы «безусловно недопустимым уклонением от высочайшего предначертания», и нужды в таком органе не было бы. Сухомлинову пришлось доказывать Совету министров, что новый орган ответствен только перед императором и никто не имеет права требовать от Совещания отчета или давать ему предписания. Особое совещание является «высшим», наделенным «чрезвычайными полномочиями» органом, и оно имеет право принимать свои решения, направленные к усилению снабжения армии, руководствуясь «исключительно соображениями целесообразности, по своему усмотрению».

Совет министров решил подчинить себе Особое совещание и по другой линии. В случае разногласия председателя Особого совещания с другими министрами, ведающими вопросами снабжения армии или промышленности (земледелие, пути сообщения, торговля и промышленность), или Министерства финансов и государственного контроля военный министр должен был апеллировать к царю «на общем, через Совет министров, основании». Эти притязания Совета министров также решительно отклонялись военным министром. Сухомлинов писал Горемыкину: «Особое совещание должно занимать в отношении заготовлений для нужд действующей армии исключительное положение и отнюдь не может быть подведомственно, в пределах предоставленных ему прав, Совету министров» [22]. Решения Особого совещания не должны подлежать обсуждению ни гражданских, ни военных властей, за исключением верховного главнокомандующего, и должны ими беспрекословно выполняться.

28 мая 1915 г. В. А. Сухомлинов отправил второе письмо на имя И. Л. Горемыкина. В нем приводились дополнительные аргументы в защиту исключительных прав Совещания. Военный министр указывал, что идея организации этого Совещания принадлежала председателю Государственной думы и была утверждена верховным главнокомандующим и царем в Ставке, где были выработаны и утверждены принципиальные основания для его работы. «Между тем, вносимой Советом министров поправкой мысль, положенная в основание при испрошении высочайшего соизволения на образование Совещания, будет в корне изменена и таким образом будет допущено уклонение от высочайшего предначертания...» [23]. В. А. Сухомлинов угрожал: «Члены законодательных палат не захотят оставаться в составе Совещания», если ему будет придан обычный ха-

[21] Там же, лл. 67—70 об.
[22] Там же, л. 68.
[23] Там же, л. 72 об.

рактер междуведомственной комиссии; без них же Совещание потеряет свое значение и, «как мне представляется, должно быть тогда упраздненным» [24].

Потребовались еще два заседания Совета министров, чтобы договориться окончательно о компетенции Совещания. Доводы В. А. Сухомлинова были приняты, и Совет министров согласился с его предложением создать второе «государство в государстве».

В журнале Совета министров, представленном на утверждение царя, все же отражено указание о «существенных сомнениях» в целесообразности состава Особого совещания. Эти «сомнения» касались, конечно, представительства буржуазии в составе Совещания. Представительство буржуазии в государственном органе, который должен решать важнейшие государственные вопросы, для И. Л. Горемыкина и его единомышленников было неприемлемо. Но пришлось подчиниться «соизволению» императора и высказаться лишь в отношении частностей организации Особого совещания.

Совет министров, говорится в журнале заседания, «ввиду исключительного значения, придаваемого, с точки зрения обеспечения интересов снабжения армии, военным министром во всей полноте заявленных им ныне предположений, не счел себя вправе настаивать на каких-либо в данной области возражениях» [25].

Однако министр внутренних дел Н. А. Маклаков все же заявил свое несогласие с решением о неравном представительстве в Совещании от Государственной думы и от Государственного совета. От Государственной думы кроме четырех членов был представлен еще и председатель — Родзянко; от Государственного совета были лишь четыре члена. В этом факте министр внутренних дел усмотрел коренное нарушение закона и потребовал усиления представительства от Государственного совета. Совет министров хотя и счел «вескими» возражения Н. А. Маклакова, но не поддержал его. Возражения эти были доложены царю.

7 июня 1915 г. царь утвердил журнал Совета министров. «Организационный» период был закончен. Военное ведомство отстояло широкие полномочия Особого совещания с участием буржуазии.

Сотрудничество буржуазии с правительством в вопросах вооружения армии

14 мая 1915 г. под председательством военного министра В. А. Сухомлинова состоялось первое заседание Особого совещания для усиления артиллерийского снабжения действующей армии. На этом заседании присутствовали: председатель Государственной думы М. В. Родзянко, члены Государственной думы октябристы А. Д. Протопопов, И. И. Дмитрюков, Н. В. Савич. От Военного министерст-

[24] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 1, л. 72.
[25] Там же, л. 100. Особый журнал Совета министров от 26, 29 мая и 2 июня 1915 г.

ва — генерал-инженер А. П. Вернандер, генерал от инфантерии М. А. Беляев, генерал-лейтенанты А. С. Лукомский, А. А. Маниковский, Е. К. Смысловский. От «частной промышленности» были приглашены А. И. Путилов и А. И. Вышнеградский. Основной тон обсуждения на этом заседании передает запись В. А. Сухомлинова в его дневнике: «Председатель Государственной думы громил Главное артиллерийское управление, предлагал распоряжаться вне всяких законов и вешать кого угодно, не исполняющих моих распоряжений» [26]. Этот тон М. В. Родзянко, по мнению Сухомлинова, сохранял и на втором заседании Совещания. «Родзянко не может успокоиться и все шельмует Главное артиллерийское управление» [27].

Журналы Особого совещания дают возможность более подробно проследить борьбу мнений в Совещании и те атаки, которые представители буржуазии вели против военного ведомства и, в первую очередь, против самого Сухомлинова.

Сухомлинов, открывая первое заседание, познакомил членов Совещания с телеграммой верховного главнокомандующего, в которой были изложены задачи Совещания — «изыскать пути к покрытию замечаемого в армии недостатка некоторых предметов артиллерийского снабжения», добиться «полной обеспеченности армии артиллерийским снабжением». В соответствии с этим встал вопрос о недостаточном привлечении частной промышленности к работе на армию. Представители военного ведомства заявили, что ими «принимаются все меры к привлечению частной промышленности, к выполнению казенных заказов, поскольку производительность их может быть для ведомства использована, а также меры к устранению излишней волокиты, в том числе и указания заводам об имеющих быть предъявленными к ним требованиях по завершению уже данных заказов» [28]. Представители промышленности потребовали «коренного изменения существующих между военным ведомством и частными предприятиями соотношений» [29]. Это должно было выразиться прежде всего в широком привлечении не только отдельных заводов, но и всей промышленности к работе на оборону, в составлении плана «объединенной работы частных заводов». Промышленники указали на препятствия, мешающие расширению деятельности частных заводов, главными из которых являются: «недостаток на внутреннем рынке необходимых металлов», трудности их доставки из-за границы и затруднения в перевозке грузов по железным дорогам. Все заседание было посвящено выяснению вопроса о плане заказов, которые следовало разместить на частных предприятиях. Этот план поручено было выработать Главному артиллерийскому управлению «совместно с представителями объединенной группы промышленников». В общем это была крупная экономическая и политическая победа буржуазии.

[26] Там же, ф. 962, оп. 2, д. 106, л. 138. Запись от 14 мая 1915 г.
[27] Там же, л. 142. Запись от 18 мая 1915 г.
[28] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 49, л. 7. Журнал Особого совещания по обороне государства (далее — ЖОСО), № 1 от 14 мая 1915 г.
[29] Там же, л. 8.

Хотя в Совещании большинство составляли генералы, но и они понимали, что без тесного сотрудничества с буржуазией не удастся быстро улучшить положение со снарядами.

Вопрос о сотрудничестве промышленности с государством и план заказов были основными вопросами второго заседания Совещания 18 мая 1915 г. На этом заседании было решено, что сроки военных заказов устанавливаются до июня 1916 г. Что же касается программы, то ГАУ обязано было представить Особому совещанию полную картину «потребности армии в предметах артиллерийского снабжения в целом их виде и деталях составных частей таковых на основании данных Генерального штаба, содержащих в себе сведения о том, в какой мере эта потребность удовлетворяется казенными и частными заводами или путем заграничных заказов, по периодам на каждый месяц» [30]. ГАУ должно было также представить сведения о том, насколько артиллерийское ведомство является обеспеченным порохом и взрывчатыми веществами. Правительство вынуждено было открыть перед буржуазией все военные секреты и представить исчерпывающие данные о положении дела с боевым снабжением армии. Ввиду предстоящей мобилизации ратников 2-го разряда военное ведомство сообщило, что помимо железнодорожников и почтовиков от военной службы «освобождены будут рабочие-специалисты на частных заводах, изготовляющих предметы обороны» [31].

Весьма остро стоял вопрос о взрывчатых веществах и химических продуктах по пороховому и взрывчатому производствам. В стране не хватало пороха, пироксилина, толуола. Приходилось закупать эти продукты в Америке и налаживать их производство на частных и казенных заводах внутри страны. Артиллерийское ведомство вынуждено было оказывать содействие частным заводам в приобретении в Америке пироксилина, организовать перевозку рабочих и материалов для постройки порохового завода Барановским, прикомандировывать своих специалистов, следить за изготовлением частными заводами механизмов и станков, необходимых для порохового производства.

С положением производства взрывчатых веществ Совещание более подробно ознакомилось в конце июля, заслушав доклад крупного ученого-химика В. Н. Ипатьева. Выяснилось, что ежемесячная потребность в взрывчатых веществах достигла 165 тыс. пуд., в то время как внутреннее производство в сентябре 1915 г. ожидается лишь в 60 тыс. пуд. и 67 тыс. пуд. должно было поступить по заграничным заказам. По мнению Ипатьева, добиться больших результатов по изготовлению взрывчатых веществ было «затруднительно ввиду отсутствия в России сырого материала для приготовления означенной (серной.— *А. С.*) кислоты» [32]. Впоследствии была создана специальная комиссия по вопросам химического производства под председательством Ипатьева, много сделавшая в деле производства взрывча-

[30] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 49, лл. 18—19. ЖОСО, № 2, 18 мая 1915 г.
[31] Там же, л. 20.
[32] Там же, д. 50, л. 38 об. ЖОСО, № 19, 31 июля 1915 г.

тых веществ. Для производства серной кислоты и толуола были привлечены частные предприятия, земские и городские управы, и дело это было налажено [33].

3 июля 1915 г. председатель Комиссии по заготовке взрывчатых веществ Ипатьев докладывал военному министру целую программу работ, намеченную во исполнение решений Особого совещания — об увеличении производства «серной кислоты до размеров, отвечающих заданиям новой программы производства взрывчатых веществ» [34] Комиссия широко развернула свою работу и наметила построить ряд новых заводов с годовым производством в 2 млн. пуд. серной кислоты К моменту доклада (начало июля) были уже заключены соглашения об устройстве 14 новых заводов серной кислоты с годовой производительностью около 8 млн. пуд. Стоимость оборудования заводов включалась в цену серной кислоты или олеума Правительство закупило продукцию этих заводов на два года вперед, точно фиксировав покупную цену от 1 руб 40 коп до 1 руб 60 коп. за пуд кислоты и от 2 руб 10 коп. до 2 руб 40 коп за пуд олеума. Стоимость контрактов с этими 14 заводами — 24 млн руб , из них «около 7 млн руб. предстоит выдать в виде аванса на постройку заводов в ближайшие месяцы после заключения контрактов, остальные 17 млн руб должны быть израсходованы в течение двух с половиной лет приблизительно равномерными частями по месяцам» [35]

Заключенные контракты касались лишь $^2/_3$ заводов, намеченных к постройке; вся программа увеличения производства серной кислоты на 12 млн пуд в год требовала расходов около 32 млн руб , из них 7 млн руб должны быть выданы авансом на постройку заводов, а около 25 млн руб — выплачены по 1 млн руб ежемесячно.

Указанной выше суммой расходов дело не ограничилось Кроме оборудования заводов требовалось расширить производство серного колчедана, построить подъездные пути к местам его разработки и т. д. Сумма этих расходов не была определена Чтобы ускорить строительство заводов, необходимо было закупить за границей свинец, чилийскую селитру, аппаратуру, наконец, следовало подготовить кадры низшего технического персонала Строительство новых заводов по производству кислоты и организации производства на них оказалось делом сложным, и осенью 1915 г по предложению В. Н Ипатьева были созданы центральное и шесть районных бюро для наблюдения за ходом строительства сернокислотных заводов. Содержание этого аппарата стоило 114 тыс руб в год, или по 12 тыс. руб ежемесячно [36] Из представления видно, что изготовлением кислоты было занято 39 заводов.

[33] *Э Урибес* Коксобензольная промышленность России в годы первой мировой войны — «Исторические записки», т 69, стр 46—72 —*Прим ред*

[34] ЦГВИА, ф 29, оп 3/1810, св 98, д 712, лл 197—198 Письмо председателя Комиссии по заготовке взрывчатых веществ начальнику канцелярии военного министра

[35] Там же, л 197—197 об

[36] Там же, лл 195—196 Доклад А А Маниковского Наблюдательной комиссии Особого совещания об организации особого бюро для наблюдения и контроля над постройкой сернокислотных заводов

Таким образом, война потребовала создания новой отрасли промышленности, которой в России не существовало

В Особом совещании русская буржуазия нашла орган, в котором выступала даже против Совета министров. При рассмотрении вопроса о выдаче ссуд из казны Путиловскому и «Русско-Балтийскому» заводам Совет министров обусловил «разрешение таковых между прочим введением в составе правлений субсидируемых обществ для наблюдения за деятельностью их особых представителей от Министерства финансов с предоставлением им права приостанавливать не соответствующие интересам правительства решения»[37]. Выдавая частным предприятиям ссуды и авансы на миллионы, а иногда и на десятки миллионов рублей, правительство хотело подчинить их своему контролю. С этим не хотели примириться крупнейшие промышленные и банковые воротилы. Они подняли этот вопрос на заседании Особого совещания. Хотя представители военного и морского ведомств считали, что принятые правительством меры ограждают интересы казны и усиливают влияние правительства на деятельность заводов, Совещание все же приняло решение довести до сведения Совета министров просьбу промышленников о сохранении за частными предприятиями полной самостоятельности.

Под председательством Сухомлинова состоялось лишь 7 заседаний Особого совещания. Отметим наиболее характерные решения за это время.

Особое совещание обратилось к министру путей сообщения С. В. Рухлову с предложением использовать оборудование железнодорожных мастерских и заводов, работающих на транспорте, для производства снарядов. Однако он ответил отказом. Особое совещание нашло объяснение Рухлова формальным, а Родзянко — даже предосудительным. Поэтому Особое совещание постановило вновь обратиться к Рухлову «с повторной настоятельной просьбой» оказать армии содействие в изготовлении предметов артиллерийского снабжения[38]. Совещание делает попытки использовать для производства снарядов все резервы.

Мы уже говорили, что первым был поставлен вопрос о плане производства снарядов и об участии в этом деле всей промышленности. Не ограничиваясь крупной промышленностью, Родзянко настоичиво выдвигал вопрос о привлечении всех «общественных сил» к работе на армию. Конкретно имелись в виду земство и земские деятели, обладавшие большей осведомленностью о положении местной промышленности. «Намечаемая мера могла бы выразиться прежде всего в обращении посредством особой анкеты к председателям губернских земских управ и выяснении ими при помощи созыва находящихся в их губерниях заводчиков, какие из пред-

[37] ЦГВИА, ф 369, оп. 1, д 49, лл 25—26. ЖОСО, № 2, 18 мая 1915 г Впоследствии комиссия, образованная Особым совещанием, решила, что, как правило, при выдаче ссуд предприятиям необходимо назначение в состав правлений этих заводов представителей Министерства финансов

[38] Там же, л 36 ЖОСО, № 3, 23 мая 1915 г

приятий могут быть использованы для нужд государственной обороны» [39]. Предложение Родзянко было единодушно принято, и 27 мая 1915 г. Сухомлинов обратился к председателям 43 губернских земских управ с письмом, в котором информировал их об организации Особого совещания, ставящего своей целью привлечение к работе на «оборону» частной промышленности и «общественных сил страны». Далее предлагалось выяснить через губернские и уездные земские управы, «какие именно заводы и фабрики или хотя бы менее значительные промышленные заведения могли бы быть использованы для нужд государственной обороны или путем непосредственного принятия на себя работ хотя бы по отдельным стадиям того или другого производства или передачей станков и другого технического оборудования на те заводы, которые в этом могут нуждаться» [40]. Этим обращением военного министра остался менее всех доволен князь Г. Е. Львов — председатель вновь образованного Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым. В непосредственном обращении военного министра к председателям губернских управ он увидел попытку обойти Земский союз, уже объединивший «деятельность всей земской России»; он ждал, что обращение к земству будет сделано именно через этот союз. На собрании уполномоченных губернских управ по докладу Главного комитета об участии Земского союза в деле снабжения действующей армии была проведена резолюция, в которой подчеркивалось, что обслуживание армии должно быть поручено «не отдельным земствам, а Всероссийскому земскому союзу, как объединяющему собой всю земскую Россию» [41]. Надо сказать, что Земскому союзу удалось добиться признания со стороны Особого совещания своих прав. В дальнейшей работе Особое совещание выдавало заказы Главному комитету по снабжению армии, который был организован при Земском союзе, что, впрочем, не исключало принятия отдельными земствами тех или иных заказов военного ведомства.

Обращение Особого совещания к земствам не дало и не могло дать значительного эффекта. Большинство губернских управ (32 из 43) прислали ответы на посланное им обращение. Из них видно, насколько мизерной была промышленная база земских управ. Председатели земских управ сообщали, что располагают только ремесленными училищами, которые при наличии чертежей и материала могли бы изготовлять дистанционные трубки. Оборудование этих училищ было очень бедное — от 1 до 5 станков. 4 губернии имели в училищах от 10 до 13 станков; 6 — от 5 до 18, 3 — по 25 и только Киевская управа сообщила о возможности мобилизовать до 300 станков [42]. Лишь отдельные земства сообщили о частных владельцах, имеющих токарные и слесарные станки.

[39] Там же, лл. 49—50.
[40] Там же, д. 96, л. 21.
[41] Там же, лл. 97—98 об. Письмо Львова от 7 июня 1915 г. в Особое совещание.
[42] Там же, лл. 61—74.

Практическая деятельность земства в дальнейшем и развернулась по линии привлечения мелких кустарных мастерских к работе по военным заказам. Причем, конечно, они брали заказ не на производство снарядов, а на всякого рода обозно-вещевое и интендантское снабжение, в котором армия также испытывала огромную нужду.

Из других представителей буржуазной общественности, контакт с которой устанавливало Особое совещание, отозвалось общество винокуренных заводчиков. 1 июня 1915 г. совет общества, «состоявший из представителей всех районов нашего Отечества», как подчеркивалось в письме к военному министру [43], прислал «патриотическое» письмо, в котором заявлял о готовности всех заводчиков империи в «случае надобности» предоставить свои заводы с оборудованием и машинами для изготовления оборонных заказов. Проследить, как именно были использованы винокуренные заводы для работы на армию, нам не удалось, однако несомненно, что они располагали довольно крупным оборудованием с механическими двигателями. Главное артиллерийское управление сделало ряд практических шагов, чтобы ближе ознакомиться с теми возможностями, которые давали винные заводы.

Вслед за этим вопросом председатель Государственной думы высказался за привлечение «к тому же делу постоянных съездов промышленности и торговли, биржевых комитетов и прочих объединяющих промышленность органов» [44]. Совещание согласилось и с этой мерой. На местах создавались особые организации, служащие посредниками между Особым совещанием и промышленниками, в которые последние могли бы послать своих представителей. Сухомлинов скорее уступал требованиям думцев, чем считал все эти меры действительно полезными и необходимыми. Как раз после этого (4-го) заседания Особого совещания Сухомлинов назвал в дневнике выступления Родзянко патриотической шумихой, «болтовней», не имеющей никакой цены, ведущей лишь к потере времени и расходу бумаги. «Председатель Государственной думы продолжает «патриотически» шуметь, отвергая всякие формальности, не признавая ни 87-й, ни 17-й и никаких вообще статей закона и требуя диктаторской власти председателю Особого совещания — по заказам и расходам на них. Одна болтовня, потеря времени и масса потраченной бумаги на журналы заседаний. Такие дела скопом не совершаются» [45]. Тем не менее Сухомлинов должен был делать вид, что он «привлекает» частную промышленность. В начале июня, за несколько дней до своей отставки, Сухомлинов подписал письмо председателю Совета съездов представителей промышленности и торговли, в котором признавал, что многочисленные торгово-промышленные организации могут оказать военному ведомству «особое ценное содействие». Он просил председателя Совета съездов

[43] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 96, л. 42.
[44] Там же, д. 49, л. 55. ЖОСО, № 4, 27 мая 1915 г.
[45] Там же, ф. 962, оп. 2, д. 106, л. 151. Запись от 27 мая 1915 г.

передать объединениям торговли и промышленности «призыв оказать всемерную помощь Совещанию по обороне»[46]. «Призыв» едва ли имел практическое значение, так как к этому времени буржуазия уже создала военно-промышленные комитеты и через них организованно наступала на правительство, требуя включения созданной ею организации в работу по выполнению военных заказов. Что касается крупной промышленности, то в большинстве случаев ее не приходилось агитировать, так как фабриканты и заводчики уже хорошо знали дорогу в Военное министерство, где вместе с заказами выдавались и солидные денежные субсидии.

Особое совещание являлось органом, который на деле регулировал размещение военных заказов не только внутри страны, но и за границей. Например, 1 июня 1915 г. Совещание обсудило предложение лорда Китченера о поставке 12 млн. снарядов с ноября 1915 г. по ноябрь 1916 г. Передавая это предложение, начальник Штаба верховного главнокомандующего Янушкевич обратил внимание Совещания на серьезное политическое значение этого заказа, мотивируя, что непринятие данного предложения британского правительства может в случае боевых неудач из-за недостатка снарядов «вызвать нападки на нас со стороны союзников». Особое совещание высказалось за принятие этого заказа при условии поставки «полными выстрелами с пироксилиновым порохом» начиная с июля 1915 г.[47] Что же касается политических условий предложения Китченера, то Совещание нашло, чтобы они были взвешены верховным командованием. В итоге предложение Китченера было Ставкой принято[48].

Уже 6 июня 1915 г. Совещание обсуждало вопрос об эвакуации промышленности Рижского района. Были выработаны условия эвакуации, создана при Генеральном штабе особая комиссия с представителями промышленности.

Особое значение имело обсуждение условий заказа Путиловскому заводу на производство 700 3-дм пушек с поставкой их с сентября 1915 г. по июль 1916 г. Цена пушки была определена прежняя, согласно условиям 10 февраля 1915 г., но за каждое орудие, сданное сверх программы 10 февраля 1915 г., завод получал премию в 2 тыс. руб. На деле это означало повышение цены на орудие. В связи с обстоятельствами военного времени Совещание удовлетворило просьбу Путиловского завода о доплате ему 1 275 750 руб. Кроме того, А. Д. Протопопов — председатель междуведомственной комиссии по обследованию Путиловских заводов, образованной Совещанием, доложил о заказе Путиловскому заводу 3 млн. пушечных патронов. Совещание в принципе согласилось передать заказ на патроны Путиловскому заводу и предложило ГАУ заключить соответствующий договор. Цена патрона определялась в 33 руб. 70 коп. без пороха. В это время Организация Ванкова

[46] Там же, ф. 369, оп. 1. д. 96, л. 56—56 об.
[47] Там же, д. 49, лл. 102—103. ЖОСО, № 5. 1 июня 1915 г.
[48] Там же, л. 129. ЖОСО, № 6, 6 июня 1915 г.

изготовляла снаряды по 27 руб. 70 коп.[49]. Следовательно, за каждый пушечный патрон Путилов получал прибыль по крайней мере в 5 руб. 70 коп., или 17,1 млн. руб. только на одном заказе. Как видно, Особое совещание не жалело казенных денег и давало возможность буржуазии наживаться на военных заказах.

Из больших вопросов, которыми занималось Особое совещание, следует указать на уральскую проблему. Уральские промышленники уже давно чувствовали себя обиженными отсутствием внимания Военного министерства. И в 1914 и в феврале 1915 г. они обращались с докладными записками в Министерство торговли и промышленности и в Совет министров с предложением своих услуг в деле снабжения армии и морского флота. В докладной записке Совета съездов горнопромышленников Урала от 21 февраля 1915 г. специально указывалось на недостаточную загруженность уральской промышленности военными заказами [50].

К маю 1915 г. уральская буржуазия уже пробила «брешь для Урала» и получила крупные военные заказы. Тем не менее Совет съездов горнопромышленников Урала, возглавляемый Кутлером, подготовлял новый натиск на правительство с целью «укрепить достигнутые результаты», хотя сами заводчики, по их признанию, «до последнего времени ничего не сделали для подготовки к работам» и были не в состоянии выполнить принятые заказы. Несмотря на это, Особое совещание очень близко принимало интересы уральских предпринимателей и 27 мая 1915 г. просило министра торговли и промышленности создать особую комиссию с участием представителей Особого совещания и промышленников для обследования уральской промышленности с целью выяснения «возможности более широкого использования производительности уральских заводов» [51]. Уральской проблемой Особое совещание занималось еще несколько раз, пока, наконец, 9 июня окончательно не утвердило программу работ комиссии и ее личный состав [52]. Комиссии поручалось на месте выяснить возможность поднятия производительности как казенных, так и крупных частных заводов «сверх существующей», кроме того, выяснить возможность организовать вспомогательное производство на крупных предприятиях. Особое внимание поручалось уделить «увеличению производства орудий крупных калибров и в особенности снарядов к ним» [53].

Совещание занималось самыми разнообразными вопросами, которые выдвигали работники министерства и ведомств, главное командование или сами члены Совещания. То были вопросы организации прямого сообщения со Швецией с целью ускорить вывоз импортных грузов, милитаризации рабочей силы, эвакуации Рижского района, вопросы топлива и вывоза угля из Архангельска и т. д. Особое сове-

[49] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 49, лл. 122—124. ЖОСО, № 4, 27 мая 1915 г.
[50] ЦГИА СССР, ф. 48, оп. 1, д. 142, лл. 2—5.
[51] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 49, л. 57. ЖОСО, № 4, 27 мая 1915 г.
[52] Там же, лл. 237—243. ЖОСО, № 10, 27 июня 1915 г.
[53] Там же, лл. 238—239.

щание давало поручения и директивы всем ведомствам, нарушая мирное течение дел и выдвигая перед ними те или другие неотложные вопросы. Оно вмешивалось в функции Морского министерства и предлагало ему «выяснить безотлагательно» вопрос о командировке в Архангельск уполномоченного с самыми широкими правами. Оно вмешивалось в функции министерств финансов и торговли и промышленности, особенно в вопросах заграничных заказов и покупок. Так, Особое совещание констатировало, что в вопросах заграничных заказов в Англии, Канаде и в США русское правительство находилось в полнейшей зависимости от Англии. Такое положение, говорится в журнале Совещания, «не может быть совместимым с достоинством великодержавной России»[54]. Один из источников этой зависимости — сосредоточение кредитов для России «в руках одной банковской фирмы» (имеется в виду Морган.— *А. С.*). Выход из положения заключался, по мнению Совещания, в освобождении «от кредитования в Американском банке путем приобретения необходимого количества валюты для расплаты по американским заказам». Для решения этого сложнейшего вопроса и освобождения «от опеки английского военного министерства по заказам в Америке» была организована комиссия под председательством члена Государственной думы А. Д. Протопопова. Однако навести порядок в заграничных заказах, освободиться от финансовой зависимости Англии и проводить свою, вполне самостоятельную политику оказалось делом непосильным как для правительства в целом, так и для представителей русской буржуазии в Особом совещании. Никаких новых финансовых источников за границей найти не удалось, и вся деятельность Особого совещания, особенно в дальнейшем, толкала страну и правительство в финансово-экономическую кабалу от союзников.

В первый месяц своей деятельности Особое совещание и его члены скорее знакомились с делом снабжения армии, принимая часто общие и недостаточно продуманные решения. Например, когда промышленники подняли вопрос об угрожающем недостатке железной руды вследствие сокращения «почти на половину добычи ее» [55], Особое совещание не могло принять никаких конкретных решений и поручило обсудить этот вопрос самим же представителям металлургической промышленности и внести свои предложения в Особое совещание.

Для того чтобы внести деловую струю в работу Особого совещания, наладить проверку исполнения выданных заказов, докладывать Совещанию проверенные и подготовленные данные, Совещание решило организовать комиссии для предварительного обсуждения вопросов [56]. Создание комиссий придало несколько более деловой характер работе Совещания.

[54] Там же, л. 161. ЖОСО, № 7, 13 июня 1915 г.
[55] Там же, л. 100. ЖОСО, № 5, 1 июня 1915 г.
[56] Были созданы подготовительная, исполнительная и наблюдательная комиссии.

На первом этапе деятельности Совещания крупную роль играл председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Он проявлял кипучую энергию в деле защиты интересов российской буржуазии, в критике недостатков работы ведомств. По его запросу было принято решение об оформлении контракта на выдачу заказов 3 млн. гранат Путиловскому заводу. Военный совет получает предписание оформить это дело не позднее 16 июня и приступить к его исполнению, «не ожидая совершения формальностей»[57].

Урегулировать вопрос о переносе в Москву из Риги трубочного завода «Всеобщей компании электричества» поручалось Родзянко, он проявлял живейший интерес к вопросам эвакуации промышленности, к работе Архангельского порта, к снабжению армии сапогами и т. д. Родзянко являлся ярым защитником интересов буржуазии, нашедшей в нем и его «промышленной группе» олицетворение интересов крупнейших промышленных предприятий. Магнаты банков — Вышнеградский и Утин — держались несколько в тени. Путилов всеми средствами старался поскорее оформить новые крупнейшие заказы и вместе с ними получить многомиллионные авансы и субсидии. Действовал он беззастенчиво, нагло.

Проявляли себя и представители буржуазной общественности. Уже в начале июня представитель Центрального военно-промышленного комитета сделал заявку на распределение 6 млн. снарядов. Но ему вежливо порекомендовали направить свои предложения через Исполнительную комиссию и одновременно посоветовали «направить усилия» на изготовление снарядов крупных калибров и винтовок[58]. В обеих указанных областях комитету не удалось ничего сделать, но распределением заказов он занимался.

В работе Особого совещания были крупнейшие недостатки: бесплановость, незнакомство ее членов с чисто военными и техническими вопросами, вставшими перед ними. Параллельно с Особым совещанием существовала и Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части, что являлось явно ненормальным. Несмотря на желание Совещания ускорить практическое решение дел, все решенные Совещанием вопросы направлялись на рассмотрение Военного совета при военном министре. Этот порядок явно находился в противоречии с военной обстановкой и с наличием нового государственного органа, правомочного решать все вопросы. Несмотря на все это, Совещание уже в начальный период своей деятельности все же поставило ряд крупных вопросов организации военного хозяйства и развития некоторых предметов военного производства. Оно внесло в косную среду царского бюрократического строя новую струю деловой капиталистической инициативы. Оно оплодотворило эту инициативу миллионными субсидиями и авансами за счет военного фонда, что способствовало известной активизации деятельности министерств. Верхушка промышленной и финан-

[57] Особое совещание заседало 13 июня (ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 49, лл. 146—148. ЖОСО, № 7, 13 июня 1915 г.).
[58] Там же, л. 156.

совой буржуазии получила через Совещание возможность оказывать практическое влияние на расходование военного фонда, и она использовала эту возможность, не останавливаясь перед прямым расточительством государственных средств.

Несмотря на подчинение Особого совещания военному министру, на деле в практических вопросах буржуазное представительство играло решающую роль Сухомлинов должен был идти навстречу по желаниям буржуазии, ибо таков был приказ Ставки и царя. Сотрудничество буржуазии с самодержавием пока приносило больше выгоды буржуазии, активно наступавшей как в Совещании, так и особенно вне его на самодержавие и резко критиковавшей деятельность Военного министерства

Деятельность Особого совещания летом 1915 г.

Военный министр Сухомлинов плохо отдавал себе отчет в сложившейся обстановке и еще менее того желал и умел работать вместе с представителями буржуазии. Октябристско-кадетские лидеры повели усиленную кампанию против Сухомлинова. Известия с фронтов о неудачах армии подымали активность буржуазии, требовавшей уступок от правительства и наказания конкретных виновников поражения Первым должен был уйти начальник Главного артиллерийского управления Д. Д. Кузьмин-Караваев [59] На его место был назначен энергичный организатор и прекрасный артиллерист А А Маниковский Во главе Военно-технического управления был поставлен Г Г Милеант, сменивший престарелого Вернандера.

Это было только началом перемен в Военном министерстве «Деятельностью тыла были недовольны армии и верховный главнокомандующий Большинство учреждений и буржуазных общественных деятелей недостаточное снабжение армии приписывали всецело вине военного министра, указывая, что он совершенно не справляется со своей задачей Кампанией против генерала Сухомлинова руководили, главным образом, председатель Государственной думы М В Родзянко и член Государственного совета, бывший председатель Государственной думы А И. Гучков»[60] Думцы требовали отставки Сухомлинова и ряда других наиболее реакционных министров Они указывали на связь Сухомлинова с расстрелянным германским шпионом Мясоедовым, с австрийским шпионом Альтшиллером Буржуазные лидеры указывали на заинтересованность Сухомлинова в делах некоторых промышленных предприятий и на выдачу этим предприятиям военных заказов и авансов В глазах буржуазии Сухомлинов являлся злостным обманщиком членов Государственной думы, которым давал неправильную информацию о состо-

[59] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 107 Имеется копия письма Сухомлинова к Кузьмину-Караваеву от 24 мая 1915 г в связи с его отставкой и назначением Маниковского

[60] *А С Лукомский* Воспоминания, т 1 Берлин, 1922, стр 65

янии вооружения. Военный министр писал в своем дневнике: «Говорят, А. И. Гучков орудует во всю и программу свою ведет настойчиво, нахально и хитро. Родзянко у него играет роль «тарана»» [61]. На следующий день сделана запись о том, что Родзянко советует подать в отставку, «так как съехавшиеся думцы меня ругают и винят в неудачах на войне» [62].

В письмах Сухомлинова к Янушкевичу появляется мысль об опасности внутренней революции. Для Сухомлинова — представителя крайне правых придворных кругов — даже лидеры буржуазно-либеральной оппозиции во главе с Гучковым представлялись как «внутренние враги». За два дня до своей отставки, 10 июня 1915 г., характеризуя настроения думцев, он писал: «В сущности, собралась неофициально, явочным порядком, Государственная дума и желает властвовать. Можете себе представить, какие надо ожидать последствия»[63]. Чувство личной обиды и ненависти к Гучкову вносили тенденциозность в оценку Сухомлиновым деятельности широких кругов буржуазии. В мае — начале июня буржуазия не проявляла «крамолы», она добивалась, главным образом, экономических уступок от царского правительства и надеялась еще сработаться с правительством. Показателен в этом отношении IX съезд представителей промышленности и торговли, открывшийся 26 мая и положивший начало организации военно-промышленных комитетов. На съезде шла речь прежде всего о приспособлении промышленности к нуждам войны. В принятой в конце первого дня резолюции указывалось, что правительство сделало в этом отношении первые шаги, которые буржуазия признавала «недостаточными» и выражала пожелание, чтобы в правительственные учреждения, созданные для мобилизации промышленности, «привлекались широкие круги» представителей земств, городов, промышленных и торговых организаций. Даже кадетская «Речь» в статье, посвященной принятой резолюции, говорит об «объединении», по примеру союзников, представителей промышленности и торговли с правительством для нужд обороны [64].

Кадеты возвещали о доверии правительства к общественным силам и «обновлении» министерства путем привлечения в него «лучших сил» [65]. Первая речь Рябушинского на съезде поставила вопрос «о вождях» буржуазии, но и в его речи очень трудно найти момент политического противопоставления буржуазных «вождей» правительству. Выступление Родзянко на съезде об отсутствии партий и партийных перегородок, об отсутствии разногласий выражало настроение значительной группы деловой буржуазии, стремившейся под

[61] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 106, л. 163. Запись от 8 июня 1915 г.
[62] Там же, л. 164. Запись от 9 июня 1915 г.
[63] «Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем».— «Красный архив», 1923, т. 3, стр. 71.
[64] «Съезд представителей промышленности и торговли».— «Речь», 27 мая 1915 г.
[65] *П. Милюков.* Общественное мнение, парламенты и правительства союзников.— «Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год». Пг., 1915, стр. 261—262.

знаменем гражданского мира повести за собой и трудящиеся массы. «Деловые люди» буржуазии, в частности В. В. Жуковский, говорили на съезде о «деловом» характере резолюций без политических моментов. Принятая съездом резолюция является образцом такого «делового» подхода к вещам, подхода, рассчитанного на сотрудничество с уже существовавшими органами правительства. Даже наиболее левые элементы буржуазии говорили о государственной руководящей роли буржуазии лишь в будущем времени. Только июньская конференция кадетской партии резко высказалась о несостоятельности правительства в организации тыла, о непримиримом противоречии деятельности правительства жизненным интересам страны.

Нажим буржуазии и Ставки, военные поражения и боязнь народных восстаний толкнули правительство на путь личных изменений в составе правительства. Отставка черносотенных министров Маклакова, Саблера и Щегловитова была расценена либеральной буржуазией как проявление желания идти на соглашение и сотрудничество с буржуазией. Характерно, что с Сухомлиновым царь расстался в последнюю очередь. Он убрал его после того, как русские войска оставили Львов, причем на царя был очень сильный нажим в Ставке со стороны главковерха и его штаба. Царю была подготовлена «Справка о питании армии пушечными патронами» [66], представляющая систематический перечень всех ошибок военного министра. Эту справку было решено вручить царю в том случае, если бы он не согласится на увольнение Сухомлинова с поста военного министра.

12 июня 1915 г. главнокомандующий вел кн. Николай Николаевич «решил еще раз доложить государю императору о невозможном положении, в какое армия поставлена, и ходатайствовать перед его величеством об отчислении генерала Сухомлинова от должности военного министра» [67]. На этот раз под давлением Ставки и буржуазии царь согласился на отставку Сухомлинова.

Николай II расставался с Сухомлиновым с сожалением. Он благодарил его за труды «на благо нашей родной армии» и выражал уверенность, что история будет к нему более снисходительным судьей, «чем осуждение современников».

Сухомлинов в прошлом — строевой командир, участник русско-турецкой войны. Несколько десятков лет он провел в армии, служа в качестве командира полка, начальника кавалерийской офицерской школы, командира кавалерийской дивизии. В 1900 г. он становится начальником штаба Киевского военного округа, командующим которым был М. И. Драгомиров, а в 1904 г. назначается помощником командующего войсками. Сухомлинов был образованным кавалерийским офицером и генштабистом, знавшим армию и ее нужды не только по бумажным сводкам, а на основе практического опыта. Во время войны 1904—1905 гг. Сухомлинов отказался быть начальником штаба у Куропаткина. В 1907 г. он был назначен начальником

[66] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 24, лл. 64—68.
[67] Там же, д. 50, л. 229. Показания Янушкевича от 12 сентября 1916 г.

Генерального штаба, а в 1909 г — после отставки А. Ф. Редигера — военным министром Таким образом, вся перестройка армии после войны с Японией проходила под его руководством, прежде всего он нес ответственность за готовность русской армии к войне с Германией.

Члены Верховной следственной комиссии — люди одного общественного положения с Сухомлиновым и примерно одних и тех же реакционно-монархических политических взглядов — в процессе выяснения вопроса, почему русская армия оказалась неподготовленной к войне, столкнулись с массой фактов, порочащих Сухомлинова и как министра и как гражданина Прежде всего члены комиссии убедились, что при раздаче военных заказов Сухомлинов «руководствовался далеко не бескорыстными соображениями»[68] Вскрытие сейфов в банках показало, что Сухомлинов нажил изрядный капитал, который в несколько раз превосходил его содержание как министра[69].

Ознакомившись с денежными делами Сухомлинова, члены комиссии писали своему председателю. «Мы вынуждены верить упорным в авторитетных кругах слухам, что генерал-адъютант Сухомлинов руководствовался корыстными побуждениями (других объяснений найти нельзя), и теперь верим слухам, что Сухомлинов получил крупную партию акций «Русского общества артиллерийских заводов»»[70].

Члены комиссии обращали внимание на окружение Сухомлинова лицами, «заподозренными или изобличенными в прикосновенности к шпионажу». Далее перечислялись промахи и ошибки Сухомлинова в вопросах государственной обороны. В «всеподданнейшем донесении» председателя Верховной следственной комиссии[71], в постановлении сенатора Кузьмина от 7 ноября 1916 г. о привлечении к ответственности Сухомлинова[72] и, наконец, в обвинительном заключении Чрезвычайной следственной комиссии[73] против Сухомлинова собран и систематизирован огромный обвинительный материал.

Сухомлинов обвинялся прежде всего в том, что после начала войны с Германией не принял необходимых мер к увеличению производительности казенных заводов, благодаря чему «сознательно допускал», что этим самым он «способствует неприятелю в его враждеб-

[68] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 20, лл 7—8. Письмо членов Верховной следственной комиссии от 22 сентября 1915 г

[69] За время службы в Петрограде вклады Сухомлинова в банке равнялись 747 тыс руб, из них около 360 тыс руб. появились только за 1914—1915 гг Проживали Сухомлиновы в 2—3 раза более своего содержания. Жена Сухомлинова заплатила только двум портнихам в Петрограде 44 тыс руб Кроме того, десятки тысяч расходовались в Париже на платья, драгоценности, меха

[70] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 20, л 7 об

[71] Там же, д 47.

[72] Там же, д 52, лл. 1—15

[73] Там же, ф 47, д 13 Заключение представляет большой документ в 114 листов, напечатанных на машинке, подписанный Н К Муравьевым и председателем Временного правительства Г. Е. Львовым.

ных против России действиях...». В предвоенные годы Сухомлинов не принял мер к тому, чтобы «приспособить отечественные заводы» к потребностям армии на случай войны, оставил устаревшие нормы мобилизационных запасов, не принял необходимых мер к быстрому увеличению производительности заводов в случае войны.

Большое место в обвинительном заключении занимают факты, связанные с покровительством Мясоедову, немецкому шпиону и авантюристу Думбадзе, которому был передан перечень важнейших мероприятий военного ведомства по вопросам обороны. Наконец, Сухомлинов обвинялся в передаче австрийскому шпиону Альтшиллеру, «заведомо для него» состоявшему агентом Австро-Венгрии, содержание своих докладов императору по вопросам военной обороны России. В совокупности эти обвинения изобличали Сухомлинова «в государственной измене».

12 июня преемником Сухомлинова был назначен А. А. Поливанов. Во главе Особого совещания оказался человек, близкий к кругам либеральной буржуазии, связанный с ними на протяжении многих лет по совместной работе в Комиссии государственной обороны в III и IV Государственных думах.

Среди высших военных работников царской России Поливанов представлял тип культурного администратора. Вступив в 1874 г. в гвардию подпоручиком, он участвовал в войне 1877—1878 гг. с турками и был ранен. После этого Поливанов учился, окончил Инженерную академию и Академию Генерального штаба. Дальнейшая его служба протекала на второстепенных должностях в Главном штабе, потом он был редактором «Военного сборника» и «Русского инвалида». До революции 1905 г. Поливанов был второстепенным работником военного аппарата, трудолюбивым, умным и наблюдательным, но которому не давали выдвинуться. Лишь во время русско-японской войны 1904—1905 гг. он быстро продвигается по служебной лестнице, а с 1906 г. становится помощником военного министра. На этом посту он оставался в течение 6 лет, до апреля 1912 г., когда получил отставку благодаря интриге Сухомлинова, которому Поливанов показался опасным из-за либерального образа мыслей, из-за связей с буржуазными кругами Думы, в частности с Гучковым.

По своему служебному положению в Военном министерстве Поливанов наблюдал и руководил вопросами бюджета и материально-технического снабжения армии. Ему были подчинены соответственные главные управления Военного министерства, в том числе и артиллерийское. Он являлся правой рукой военного министра. Вопросы бюджета, пополнение боевых запасов, снабжение армии артиллерией и инженерно-техническими материалами — вот круг служебных вопросов, которыми приходилось непосредственно заниматься Поливанову [74]. Вопросы строевой подготовки и разработка стратегических планов были вне компетенции помощника военного министра, но за боевое снабжение русской армии он отвечал в первую очередь. По-

[74] «Падение царского режима», т. VII. М.— Л., 1927, стр. 179. Показания А. А. Поливанова.

этому, когда выявилась нехватка снарядов и все беды стали валить исключительно на Сухомлинова, совершенно несправедливо было забыть об ответственности Поливанова.

На посту помощника военного министра Поливанов умел ладить со Столыпиным и его преемником Коковцовым, он уживался и с Сухомлиновым, хотя относился к нему критически. По своим общественно-политическим взглядам он несомненно принадлежал к тому поколению «либеральных» царских чиновников столыпинской формации, которые видели в Государственной думе полезный и необходимый придаток государственного аппарата. Его сотрудничество с Гучковым и другими членами Комиссии государственной обороны было искренним. Сухомлинов же являлся крайним монархистом, отрицательно относился к Думе и ее комиссиям, но, исходя из интересов своего ведомства, должен был поддерживать деловой контакт и с Думой. Роль представителя и докладчика военного ведомства в Думе была поручена Сухомлиновым Поливанову и выполнялась им отлично. Образованный и знающий чиновник, трудолюбивый, тактичный в личных отношениях, склонный к либерализму, Поливанов удачно справлялся с порученным ему делом и немало способствовал доброжелательному отношению Думы к сметам военного ведомства. В эти годы установился деловой контакт Поливанова с Гучковым, не прерывавшийся после ухода Поливанова из Военного министерства. В Совете министров Поливанов примыкал к тому его крылу (С. Д. Сазонов, А. В. Кривошеин, П. А. Харитонов, Н. Б. Щербатов, А. Д. Самарин и др.), которое искало соглашения с буржуазией, готово было идти ей на уступки, добивалось контакта с Государственной думой и готово было пойти на программу «прогрессивного блока».

Однако Поливанов был только культурным чиновником, умным и знающим администратором, не слишком склонным проявлять личную инициативу, боявшийся острых углов, всегда склонный к компромиссу. В своих объяснениях Чрезвычайной следственной комиссии Поливанов много говорил о своих симпатиях к техническому прогрессу в армии, об усилении авиации и т. д. Надо сказать, что по субъективным данным и по своему служебному положению он больше других располагал материалами для оценки роли техники в вооружении армии, но практически в этом отношении ничего не сделал. Являясь помощником военного министра, он мирился с Вернандером, который, по собственному признанию Поливанова, «не был сторонником технического прогресса». В принципиальных вопросах политики военного ведомства Поливанов не соглашался со своим шефом в оценке вопроса о крепостях: он был противником ликвидации крепостей по Висле. Однако свое «несогласие» он выражал очень умеренно, и достаточно было заявления царя о том, что он осведомлен о несогласии Поливанова с военным министром, чтобы он больше не касался этого вопроса.

В показаниях современников, в частности деятелей буржуазии, слишком резко подчеркиваются принципиальные разногласия между Поливановым и Сухомлиновым и отрицательное отношение первого

ко второму. Однако Гучков признает, что Поливанов был «честным служакой» и против своего шефа не вел борьбы [75]. Удивительно, что Чрезвычайная следственная комиссия, внимательно опрашивавшая Поливанова в качестве свидетеля, не сделала и намека на его личную ответственность за недостатки снабжения русской армии. Поэтому было бы ошибочно подчеркивать положительную роль Поливанова в Военном министерстве. С его именем в истории русской армии не связано выдвижение крупных начинаний и реформ. Он только усердно работал над осуществлением тех мероприятий, которые проводились в военном ведомстве, стараясь привлечь к этим вопросам внимание буржуазной общественности и заручиться ее поддержкой. Это и сделало, пишет сам Поливанов, «мое имя в общественных кругах известным и доставило мне уже давно в тех же кругах репутацию желательного кандидата на должность военного министра» [76].

Отставка Сухомлинова и назначение Поливанова являлись уступкой царя общественному мнению. Отношение царицы и распутинских кругов при дворе к новому министру видно из письма царицы к Николаю. Она писала: «Я не одобряю твоего выбора военного министра — ты помнишь, как ты сам был против него, и наверное правильно, и, кажется, Н. тоже. Он работает с Ксенией. Но разве он такой человек, к которому можно иметь доверие? Можно на него положиться? Как бы я хотела быть с тобой и узнать причины, побудившие тебя его назначить!.. Мог ли этот человек так измениться? Разошелся ли он с Гучковым? Не враг ли он нашего друга (Распутина.— *А. С.*), что всегда приносит несчастье?» [77]. Как видно, главный «недостаток» Поливанова — это его связь с буржуазными кругами во главе с Гучковым и отрицательное отношение к Распутину. При таком отношении всесильной царицы к новому министру назначение Поливанова являлось лишь временной мерой, что и подтвердилось потом.

Какова же была программа Поливанова в Особом совещании и в Военном министерстве?

Никакого кардинального изменения личного состава Военного министерства при Поливанове не произошло. Шуваев продолжал ведать интендантскими делами; бездушный и крайне ограниченный человек и администратор, но преданный распутинец Беляев шаг за шагом поднимался к вершинам, бюрократической карьеры и являлся начальником Генерального штаба; вышедший из школы Сухомлинова реакционно настроенный Лукомский — помощник военного министра — оставался главной рабочей силой Особого совещания.

При Поливанове влияние буржуазии на деятельность Совещания резко усилилось. 20 июня, на первом же заседании Особого совеща-

[75] «Падение царского режима», т. VI. М.— Л., 1926, стр. 291. Показания А. И. Гучкова.

[76] *А. А. Поливанов.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907—1916 гг. М., 1924, стр. 117.

[77] «Переписка Николая и Александры Романовых», т. III. М.— Пг., 1923, стр. 207.

ния под председательством Поливанова, он прежде всего обратился с вопросом к Родзянко о том, в какой мере успешна деятельность Совещания [78]. Родзянко дал самое положительное заключение о деятельности Совещания, которое на основе тесного сотрудничества правительства с общественными силами обещает «полный успех в выполнении возложенных на Совещание задач». Одновременно он отметил и недостатки, устранение которых требует дальнейшего сближения с торгово-промышленными кругами, что будет гарантировать успех в работе Совещания.

Родзянко потребовал уничтожить Распорядительную комиссию по артиллерийской части, и это было принято; после согласования со Ставкой решение было проведено в жизнь.

Далее он высказался за назначение от имени Совещания уполномоченных в районы для практической работы на местах. Это предложение через несколько месяцев также было осуществлено. На следующем заседании Совещания председатель Государственной думы указал на полную неясность в организации дела по другим ведомствам [79]. Так, вопросами снабжения армии продовольствием ведало Министерство земледелия, населения — Министерство торговли и промышленности, тогда как снабжением топливом ведал министр путей сообщения. Родзянко высказался за объединение всех этих вопросов в руках военного министра. Поливанову эта идея понравилась, но, как будет показано далее, реализовать ее он не сумел.

5 июля 1915 г. член Государственного совета и бывший министр торговли и промышленности С. И. Тимашев представил новому военному министру записку, в которой изложил свой взгляд на деятельность Особого совещания. В записке выражена идея активного планомерного вмешательства государства в промышленную жизнь страны.

В отношении к промышленности Тимашев рекомендовал следующую политику: 1) ориентироваться на максимальное получение предметов «внутри страны», что сулило особую выгоду отечественной промышленности и должно было импонировать российской буржуазии; 2) расширять производство следует начинать «с крупных заводов»; 3) не ограничиваться только выдачей заказов, но и осуществлять строгий контроль за «сроками их исполнения». Надо помогать заводам устранять затруднения, «постоянно наблюдать и двигать дело»; 4) не ограничиваться пассивным ожиданием предложений со стороны частных предпринимателей и общественных организаций, а «обеспечить себе получение того, что нужно», т. е. встать на путь активного, даже принудительного привлечения промышленности к выполнению военных заказов. Первоочередной практической задачей, к которой, по мнению Тимашева, должно приступить «безотлагательно», являлось обследование крупнейших предприятий страны.

В соответствии с предложениями Тимашева было намечено обследовать 39 крупных предприятия в Петрограде, 42 — в Москве, а также в Вятке, Одессе и т. д. Его принципиальные советы были ис-

[78] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 49, л. 175. ЖОСО, № 8, 20 июня 1915 г.
[79] Там же. ЖОСО, № 9, 24 июня 1915 г.

пользованы при выработке положения об Особом совещании по обороне, в какой-то мере они же определили линию поведения Совещания. Однако общее направление предложений Тимашева не соответствовало интересам широких кругов буржуазии и намерениям Военного министерства шире привлечь буржуазию к мобилизации промышленности путем включения «общественных организаций» в общую систему правительственных институтов, занимающихся вопросами перестройки тыла для нужд войны.

Под руководством Поливанова деятельность Особого совещания приобрела большой размах. Основное внимание Совещание обратило на отечественную промышленность. Буржуазия очень ревниво относилась к иностранным заказам, требуя помощи и субсидий для «отечественной» промышленности.

Особое совещание встретило много технических и экономических трудностей в организации военного производства. «Наибольшие трудности,— писал Лукомский,— мы должны были встретить по заготовкам и заказам: орудий, пулеметов, взрывчатых веществ, удушающих газов, дистанционных трубок, авиационных аппаратов и винтовок. На все остальное предложений из-за границы поступало много (преимущественно из Англии и Америки), и многое можно было изготовить в России. На орудия и пулеметы, помимо заказов отечественным заводам, были даны заказы в Англию, Францию и Америку. Для изготовления дистанционных трубок строились два завода в России, но, кроме того, были даны заказы на трубки во Францию и Японию. В Америке были заказаны полные снаряды (т. е. уже снаряженные трубками)» [80].

Совещание много занималось увеличением загрузки предприятий Петроградского района. В связи с трудностями снабжения района топливом первоначально было намечено ограничить здесь заказы по обороне и передать большую их часть заводам южной и средней России. На этом особенно настаивало Министерство путей сообщения. Но под влиянием крупнейших промышленников и банков Совещание категорически высказалось за полную нагрузку мощно оборудованного Петроградского района, все заводы которого «должны работать с полным напряжением всех своих производительных сил». Совещание потребовало от Министерства путей сообщения проведения таких мер, которые гарантировали бы снабжение топливом всего района [81]. Несколько позднее Совещание встало на точку зрения ограничения развития промышленности Петроградского района. Новые предприятия там создаваться не должны, но существующие следовало полностью обеспечить заказами.

Совещание продолжало заниматься также вопросами более полного использования в интересах обороны уральской промышлен-

[80] *А. С. Лукомский.* Указ. соч., т. 1, стр. 68.

[81] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 49, лл. 217—219. ЖОСО, № 10, 27 июня 1915 г. Вопрос о снабжении топливом петроградской промышленности обсуждался на двух заседаниях Особого совещания 24 и 27 июня. В дальнейшем этот вопрос не будет сходить с повестки дня Особого совещания.

ности. В начале августа рассматривались результаты работы комиссии, обследовавшей уральские казенные и частные заводы. Было решено отпустить уральским казенным заводам 1,5 млн. руб. [82] на расходы, связанные с расширением производства. Комиссия наметила увеличить производительность заводов в 6 раз, что казалось бывшему министру торговли и промышленности Тимашеву сомнительным «по недостатку руды и древесного топлива» [83].

Первый опыт обследования уральских заводов нельзя назвать удачным. В докладе, например, совершенно не нашел отражения рабочий вопрос, принявший на Урале особую остроту. В дальнейшем Особому совещанию приходилось много заниматься делами уральской промышленности и оказывать ей большую финансовую помощь [84].

Совещание высказалось за то, чтобы все военные заказы размещались по мере возможности на заводах внутри страны и к закупкам за границей прибегали лишь в случае невозможности полностью обеспечить заказы в России.

Поскольку работа военных предприятий тесно переплеталась с работой транспорта, зависела от поступления топлива, металла, Совещанию часто приходилось разрешать вопросы общеэкономического и даже политического порядка. Например, 4 июля 1915 г. Совещание подробно рассмотрело вопрос о рабочем движении в связи с забастовками на ряде предприятий и требованиями рабочих о повышении заработной платы. Ряд членов Совещания выступили за создание примирительных камер из числа рабочих и заводовладельцев под председательством чиновника, назначенного государством. Кроме того, предлагалось проверить ограничение прибылей предприятий. В случае проведения оба эти мероприятия, по мнению членов Совещания, внесли бы «успокоение» в рабочую среду. Ясно, что эти предложения шли в плане политики военно-промышленных комитетов. Представители промышленности выступали с обычными отговорками о невозможности правительства регулировать расценки заработной платы. Совещание высказалось за проведение решительных мер по рабочему вопросу, так как рабочее движение является угрозой снабжения армии, однако никаких практических мер не было намечено, и весь вопрос был передан на рассмотрение правительства [85].

8 июля Совещание разбирало вопрос о работе Архангельского порта и строительстве железной дороги. А. П. Угрюмов информировал Совещание о ходе работ по перешивке узкого пути на широкую колею. Родзянко выступил против строительства ширококолейной железной дороги, так как эта мера, по его мнению, могла сопровождаться

[82] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 50, л. 95 об. ЖОСО, № 21, 8 августа 1915 г.
[83] Там же, л. 101. ЖОСО, № 22, 12 августа 1915 г.
[84] При первом обследовании отмечалось, что недостаток рабочей силы на Урале приобрел особо острое значение (ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 156, лл. 240—250. Доклад члена Государственного совета Ф. А. Иванова о поездке на Урал по обследованию общей деятельности заводов на нужды обороны). Проблему Урала затрагивал в своем выступлении Родзянко 11 июля 1915 г. (там же, д. 51. ЖОСО, № 14. 11 июля 1915 г.).
[85] Там же, д. 51, лл. 50 об.— 51 об. ЖОСО, № 12, 4 июля 1915 г.

«самыми губительными последствиями вагонного голода» [86], но его аргументы не встретили поддержки среди участников Совещания.

15 июля обсуждалась топливная проблема [87], которая в дальнейшем потребует особо пристального внимания Особого совещания, ибо работа всей оборонной промышленности упиралась главным образом в недостаток топлива. Специальная комиссия доложила о поездке в Харьков в связи с сокращением добычи и погрузки угля. Она предложила увеличить количество рабочих на угольных предприятиях Донбасса до 250 тыс. человек вместо существующих 160 тыс. за счет применения труда беженцев, военнопленных и «желтого труда». Член Государственного совета Тимашев высказался за применение всеобщей реквизиции донецкого минерального топлива. Это предложение было поддержано остальными членами Совещания. Конечно, не забыли записать пункт о выдаче авансов от казны и помощи мелким и средним рудникам. В отношении нефтяной промышленности было принято смелое решение о признании ее государственной, о чем и было доведено до сведения правительства.

Решение Особого совещания не привело к увеличению добычи топлива. Никакой национализации нефтяной промышленности не было проведено. Наступившие затруднения с перевозками еще более ухудшили дело снабжения углем. Реквизиция минерального топлива была сорвана буржуазией. Реальное значение имели пункты об увеличении числа рабочих за счет военнопленных и труда китайских и корейских граждан.

Участие буржуазии в составе Особого совещания и создание военно-промышленных комитетов помогало правительству наметить и осуществить широкую программу работы по усилению снабжения армии.

Военно-промышленные комитеты и Союз земств и городов помогали привлечь мелкую и среднюю промышленность. Однако все стремились начинать со снарядов. Военно-промышленный комитет получил аванс в 10 млн. руб. под снаряды. Земгор, не располагавший необходимой технической базой, также получил аванс в 5 млн. руб. под 3 млн. снарядов, которые должны быть распределены среди предприятий. «Военный фонд» толкал и развивал инициативу как частных предпринимателей, так и «общественных» деятелей.

К началу июля выяснился полный провал с иностранными заказами на снаряды. Совещание поручило ГАУ продублировать заказ на 20 млн. пушечных патронов, выданных за границей, на предприятиях внутри страны «по всем заслуживающим доверия предложениям» [88].

Крупные промышленные общества принимали огромные контракты, о которых ранее не смели и мечтать. Мы уже говорили об обществе Путиловских заводов. Оно приняло заказов на десятки миллионов рублей.

[86] Там же, л. 56. ЖОСО, № 13, 8 июля 1915 г.
[87] Там же, лл. 65—66. ЖОСО, № 15, 15 июля 1915 г.
[88] Там же, лл. 45 об.— 46 об. ЖОСО, № 11, 1 июля 1915 г.

Приведем еще один пример. 1 июля 1915 г. Особое совещание обсудило предложение «Русского акционерного общества артиллерийских заводов», принадлежащего финансовой группе Международного коммерческого банка, во главе которой стоял Вышнеградский, об изготовлении 2500 трехдюймовых пушек. Срок поставок — с марта 1916 по сентябрь 1917 г. по цене 9500 руб. за орудие [89]. При дальнейшем обсуждении этого предложения были уточнены сроки поставки и цена. Военное ведомство установило цену в 9224 руб. за орудие лишь на поставки до 1 января 1917 г., а от остальной части орудий оставляло за собой право отказаться или назначить цену по 7750 руб. за пушку [90]. Боялись, что в связи с окончанием войны орудия станут ненужными. Совещание одобрило предложение Вышнеградского и обязало ГАУ оформить заказ. Однако исполнитель — Царицынский завод — еще строился; выполнение заказа было распределено среди других предприятий промышленной группы Международного коммерческого банка, которые и без того были перегружены военными заказами.

Много внимания Совещание уделяло обсуждению заявлений на поставку оружия из-за границы. Испытывая огромную нужду в винтовках, Совещание цеплялось за каждое такое предложение. Например, только на заседании 29 июля были обсуждены: 1) предложение Эдвардса на поставку 1 млн. винтовок со штыками и тысячью патронов на винтовку по цене 66 долларов за комплект. Предположительный срок выполнения заказа — менее года; 2) предложение Аллистер Смит — на поставку 700 тыс. трехлинейных винтовок с тысячью патронов на каждую по цене 70 долларов за винтовку; 3) предложение Ашеберга на поставку 3 млн. винтовок Маузера [91]. 8 августа 1915 г. обсуждалось предложение Розетти-де-Розновано о поставке 2 млн. винтовок по 75 долларов за штуку [92]. 15 августа был принят к рассмотрению заказ на 2 млн. винтовок с патронами от Вольтерса, представителя группы Вандербильд — по 70 долларов за комплект [93]. Среди всех поступавших заграничных предложений было большое количество несерьезных, иногда прямо аферистских. Поэтому вслед за положительным решением Совещания требовалась тщательная проверка предложений, после которой большая часть из них отпадала.

В то время как со стороны иностранцев поступали «соблазнительные» предложения на сотни тысяч и миллионы ружей, изготовление их внутри страны встречало большие трудности. Частные заводы и буржуазные организации так и не сумели организовать изготовление винтовок. Производство винтовок на Тульском заводе упиралось в недостаток болванок и лож. Металлические болванки к ружьям доставлялись из Ижевска ежедневно в почтовых поездах. Малейшая

[89] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 47.
[90] Там же, л. 61. ЖОСО, № 14, 11 июля 1915 г.
[91] Там же, лл. 78 об.— 79. ЖОСО, № 18, 29 июля 1915 г.
[92] Там же, л. 92 об. ЖОСО, № 21, 8 августа 1915 г.
[93] Там же, л. 102 об. ЖОСО, № 23, 15 августа 1915 г.

задержка и неаккуратность могли привести к остановке завода. Совещанию пришлось заняться организацией производства болванок в Юрьеве и Сормове, а к изготовлению лож привлекать кустарей Нижегородской, Костромской и Новгородской губерний.

Изучение материалов Особого совещания со всей очевидностью показывает признаки обострявшегося в стране уже летом 1915 г. крупного экономического кризиса. Железнодорожный транспорт работал плохо и не справлялся со сложными хозяйственными задачами. Началась эвакуация населения и промышленности. Десятки тысяч вагонов были заняты эвакуируемыми грузами. Все это резко ухудшило снабжение страны топливом. Россия столкнулась с топливным кризисом. Промышленность испытывала падение производительности труда. В рабочем классе вновь пробуждалась политическая активность.

Особое совещание самим ходом вещей вынуждено было браться за решение самых разнообразных вопросов.

Все чаще и чаще в повестках заседаний Особого совещания появляются вопросы общеэкономические, определявшие работу военной промышленности. Совещание вынуждено было заниматься эвакуацией промышленности, разрабатывать вопросы финансирования эвакуируемых предприятий, рассматривать десятки заявлений фабрикантов о финансовой помощи, вырабатывать условия расчета фабрикантов с рабочими, намечать места, куда следовало переносить наиболее крупные, имеющие общегосударственное значение, предприятия. Встали вопросы эвакуации оборудования, сырья, перераспределения промышленного оборудования и станков.

Не хватало подвижного состава, перебои с доставкой топлива выдвинули эти проблемы в разряд общегосударственного значения. Особое совещание обеспечило первоочередное снабжение предприятий, работавших на нужды войны. Случайное обсуждение экономических вопросов не помогало делу. Оно лишь подчеркивало необходимость руководства экономической жизнью из единого центра. Таким центром и становилось Особое совещание.

Совещание самотеком сделало первые шаги в установлении контроля над деятельностью ведомств. Опыт показал необходимость его расширения, а это требовало нового юридического положения, регулирующего деятельность Совещания.

Опыт делового сотрудничества власти с представителями Государственной думы, Государственного совета и буржуазных общественных организаций в целом был положительный. Государственный совет был представлен в Особом совещании крупнейшими представителями русской буржуазии — Авдаковым, Тимирязевым, Ивановым и Крестовниковым, имевшими практический опыт сотрудничества с правительством. Совещание помогло приступить к выработке новых продуктов и организовать новые производства (химия, взрывчатые вещества, производство снарядов из сталистого чугуна и т. п.), мобилизовать вокруг Совещания сотни и тысячи средних и мелких предприятий. Проведенные обследования крупных предприятий обнаружили огромные резервы, которые стали использоваться для войны.

Помощь Совещания предприятиям в закупках оборудования, в отсрочках рабочим от призыва, выдача авансов — все это толкало промышленников быстрее развернуть производство. Погоня за сверхприбылью, снарядный ажиотаж способствовали росту спекуляции, нового предпринимательства, особенно среди крупнейших промышленных фирм.

Особое совещание дало сильнейший толчок расширению казенных военных заведений, пороховых заводов, снаряжательных патронных мастерских, оружейных и пушечных предприятий, что вело к расширению производства или строительству новых государственных заводов.

При всем бюрократизме и косности государственного аппарата царской монархии Совещание являлось все же наиболее экономически действенным органом, проводившим иногда важные экономические мероприятия. Но многие вопросы Совещание могло решать только мимоходом, случайно, без глубокого изучения и без надлежащего руководства соответствующими отраслями хозяйства.

Создание системы Особых совещаний

Состав Особого совещания был очень узкий. Представители буржуазии туда приглашались с большим разбором и в очень ограниченном количестве. Кроме очень незначительной группы крупнейших банковских и промышленных воротил, представителей Государственной думы и Центрального военно-промышленного комитета, как правило, больше никто из буржуазии в Совещание не допускался. Московский областной военно-промышленный комитет избрал своим представителем в Особое совещание А. И. Коновалова, крупного промышленника-текстильщика, о чем П. П. Рябушинский телеграммой известил председателя Государственной думы М. В. Родзянко. Родзянко просил Лукомского пригласить Коновалова на одно из ближайших заседаний, и лишь по специальному ходатайству Лукомского перед председателем Особого совещания Поливановым Коновалов был допущен лишь на одно заседание 11 июля «только в качестве приглашенного, так как изменение состава Совещания не зависит от меня», как написал Поливанов на представлении Лукомского[94]. Таким узким составом Совещания буржуазия была недовольна.

Вышнеградский, Путилов, Утин и другие магнаты банковского капитала не признавались широкими кругами промышленной буржуазии своими представителями. Финансовые олигархи платили тем же. Путилов, например, демонстративно не принимал участия в работе Центрального военно-промышленного комитета, а синдикаты и банки остались в стороне от общего «мобилизационного» движения русской буржуазии. Они считали более целесообразным путь прямого сговора с правительством. «С этими руководителями банков правительству и легче всего было столковаться: это в большинстве своем

[94] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 1, л. 139.

люди, вышедшие из бюрократических кругов, с которыми представителям ведомств легко найти общий язык» [95].

Между тем решающее политическое значение в жизни страны приобрели круги московской буржуазии, связанные с текстильной промышленностью, хлеботорговлей, пароходствами и менее зависимые от иностранного капитала. Эти круги пытались мобилизовать и повести за собой всю русскую буржуазию; они требовали созыва Государственной думы, чтобы дать «бой» правительству и вынудить его пойти на дальнейшие уступки.

Еще в июне Милюков говорил о необходимости изменить состав Особого совещания. Прогрессисты выдвинули идею о расширении власти Центрального военно-промышленного комитета и превращении его в государственный орган мобилизации промышленности. Не представители комитета работают вместе с министрами, а министры выполняют распоряжения комитета, утвержденные царем. «Огосударствление буржуазной организации» — так можно охарактеризовать позицию прогрессистов.

Приближалась сессия Думы, к которой готовились представители буржуазии и правительства.

Совещание разрабатывало новый проект положения об Особом совещании. 13 июля 1915 г. Поливанов запросил разрешения Совета министров представить вновь разработанное положение Государственной думе [96], на что 18 июля было дано разрешение. Новое положение значительно расширяло задачи и полномочия Совещания, а также его состав. Военный министр наделялся огромной властью по всем вопросам хозяйственной жизни. Значительно расширялось представительство буржуазии.

Тем временем в самой Государственной думе 47 депутатов внесли 19 июля 1915 г. проект об организации Главного управления по снабжению армии [97]. В числе первых подписей под проектом стояли фамилии Шингарева, Милюкова, Аджемова, Родичева, Салазкина, Щепкина и др. Как видно из подписей, инициатива разработки этого проекта принадлежала кадетам, взявшим за образец созданное в Англии 16 июня 1915 г. Министерство снабжения. Либеральные депутаты Думы решили перенести английскую практику на русскую почву. В мотивировочной части обосновывается необходимость сосредоточить все вопросы снабжения в едином органе с привлечением общественных сил и предоставлением этому органу «особых полномочий». Однако наряду с Главным управлением и в противовес ему кадеты предлагали создать постоянно действующие «осведомительно-контрольные комиссии» при Государственной думе и Государственном совете. С их помощью кадеты надеялись осуществить контроль и надзор за деятельностью правительства. Главное управление по снабжению армии проектировалось лишь на время войны. Во гла-

[95] *И. И. Левин.* Роль банков в нынешний момент.— «Промышленность и торговля», 1915, № 15, стр. 68.

[96] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 1, л. 174.

[97] Там же, лл. 191—192. Документ озаглавлен «Законодательное предположение об учреждении Главного управления по снабжению армии».

ве этого органа предполагался главноуправляющий с советом, в который должны были войти представители общественных организаций. Специально оговаривалось, что главноуправляющий получал права министра, входил в качестве члена в Совет министров и имел право доклада царю. Кадеты охотно шли на сотрудничество с самодержавием, требуя лишь широкого представительства в органах государственной власти. Проектом предусматривались широкие права Главного управления, вплоть до государственного управления частными предприятиями, смены директоров, регулирования цен, принудительного отчуждения сырья и т. д.

19 июля 1915 г. в годовщину войны собралась Государственная дума. С фронта доходили тревожные известия о продолжающемся отступлении армии. Ни Ставка, ни правительство не могли сказать, когда и где это отступление прекратится. В такой обстановке ни правительство, ни буржуазия не хотели обострений. Основной тон сессии Думы пытался задать Родзянко в своей вступительной речи. Он указал, что исход войны властно требует участия в ней «всего нашего народа», дружной сплоченной работы в тылу. Покурив фимиам «общественным силам», которые внесли «прекрасную страницу» в историю государства, он сформулировал и положительные задачи, которые сводились им к необходимости изменения «самого духа и управления действующей системы» [98]. В переводе на практический язык это означало, чтобы «обновленное правительство», из которого ушли четыре наиболее реакционных министра, положило «в основу своей деятельности доверчивое и отзывчивое отношение к запросам общественных сил, призывая их тем самым к общей, дружной с ним работе» [99]. Программа Родзянко — укрепление данного состава правительства путем небольших подачек буржуазии.

Выступивший вслед за ним председатель Совета министров И. Л. Горемыкин изложил практическую программу правительства, которая ограничивалась тремя законопроектами. Буржуазия должна была дать деньги (расширить эмиссионное право Государственного банка), людей (призвать ратников 2-го разряда) и рассмотреть законопроект о создании единого учреждения, которое должно будет руководить снабжением армии, боевыми припасами, заниматься вопросами промышленности, топлива и продовольствия.

Буржуазии И. Л. Горемыкин обещал «существенно расширить» представительство Государственной думы, Государственного совета и буржуазных организаций и учреждений в проектируемом органе. Он одобрительно отозвался об опыте такого сотрудничества в вопросах «обороны», который доказал свою «жизненность и пригодность» и обещал от имени правительства «шире и крепче сплотить внутренние силы страны» [100]. В заключение своей речи Горемыкин призвал к устранению всех партий и к организации единой партии — «партии войны до конца».

[98] «Государственная дума. 4-й созыв. Сессия 4. Стенографические отчеты. 1915 г.», ч. I. Пг., 1915, стб. 5.
[99] Там же.
[100] Там же, стб. 8, 10.

Программа Горемыкина была несколько развита и детализирована в выступлениях управляющего Военным министерством А. А. Поливанова, морским — И. К. Григоровича и иностранных дел — С. Д. Сазонова. Несколько более теплых слов было сказано в адрес общественности, но развивался тот же тезис: правительство при помощи общественных сил должно организовать работу тыла и выиграть войну. Конкретные формы сотрудничества предусматривались в представленном законопроекте об Особом совещании.

Программа правительства встретила одобрение лишь со стороны крайних правых и националистов, лидер которых А. А. Бобринский внес предложение перехода к очередным делам, но и он требовал от правительства «единения со всей страной» и строгого наказания представителей власти, виновных в обнаруженных преступлениях [101].

В выступлениях лидеров буржуазии правительственная программа встретила резкую критику. Одни из них (Н. В. Савич) пытались возложить ответственность за военные неудачи и военную неподготовленность страны на все правительство «в целом». Другие — Ефремов, Керенский, Чхеидзе — поставили вопрос о недоверии правительству, о необходимости смены данного правительства и образовании нового. Наиболее резкая критика правительства была выражена лидером прогрессистов Ефремовым, который сказал, что происшедшие перемены в личном составе означают лишь изменение внешней формы, но ни смену системы, «ни существа взаимоотношений народа и правительственной власти» [102]. Поэтому происшедшие перемены не обеспечивают «проявления народной самодеятельности» и «внутреннего мира», которые гарантируют и разрешение вопросов снабжения. Речь Ефремова заканчивалась требованием «изменения самого духа государственного управления, призыва к власти Министерства национальной обороны, составленного из лучших представителей страны, независимо от их партийной принадлежности, готового ответствовать пред народным представительством» [103].

Длинная, водянистая речь Милюкова была менее ярка. Оратор общими фразами развивал идею «организации всех народных сил для победы» [104], обосновывал кадетский взгляд на необходимость реформ, на контроль комиссий Думы за деятельностью правительства. Из его речи получалось, что кадеты отлично могут ужиться с правительством Горемыкина.

Выступления трудовика Керенского и меньшевика Чхеидзе [105] не отличались от выступления Ефремова. Они утверждали, что, если Государственная дума не возьмет власть в свои руки, поражение России неизбежно. Во имя продолжения войны и победы над Гер-

[101] Там же, стб. 64—73.
[102] Там же, стб. 89—90. Под «народом» Ефремов понимал, конечно, Государственную думу, которая могла «поддержать власть всем своим авторитетом, разделить с ней всю ее ответственность» (стб. 90).
[103] Там же, стб. 91.
[104] Там же, стб. 102—108.
[105] Там же, стб. 110—130.

манией Государственная дума должна организовать свое правительство. Такова программа оборонцев, совпадавшая с программой буржуазии. По докладу правительства была принята формула перехода, внесенная от большинства Думы — националистов, умеренно правых, центра и октябристов. Характерно, что при голосовании резолюций кадеты под флагом отказа от партийности не голосовали за формулу прогрессистов, а меньшевики воздержались при голосовании предложений прогрессистов и трудовиков.

Принятое Государственной думой решение было преднамеренно расплывчато и неопределенно. В нем говорилось о решимости продолжать войну до победного конца, не заключать мира «до окончания победы», об упрочении внутреннего мира и т. д. Однако эта победа возможна лишь при условии тесного единения «со всей страной правительства, пользующегося полным ее доверием»; далее выражалось убеждение в том, что «при участии законодательных учреждений и широких общественных сил» недостатки в снабжении армии будут «безотлагательно устранены», а виновные будут наказаны «независимо от служебного их положения» [106]. Очень трудно истолковать принятое решение как вотум недоверия правительству. Скорее наоборот. Реакционные элементы Думы своим голосованием показали, что существующее правительство пользуется «полным доверием» страны, что оно может управлять страной и впредь при «участии» представителей буржуазии. Для этого «участия» правительство как бы открывало двери своим проектом об Особом совещании по обороне. Правительству давались лишь директивы: наказать виновников поражения и привлечь буржуазию к устранению недостатков. Вместо того чтобы сразу отдать под суд «виновников», была создана Верховная комиссия, которая занялась академическим разбирательством вопроса.

Представленный правительством законопроект об Особом совещании по обороне обсуждался 23 июля на соединенном заседании комиссий Государственной думы — по военно-морским делам и бюджетной. Председателем комиссий был кадет А. И. Шингарев, а докладчиками — Н. В. Савич и В. А. Степанов.

Прения носили политический характер. Тон задал сам председатель соединенных комиссий Шингарев, выступивший с резкой критикой правительства и правительственного законопроекта в защиту кадетского предложения об организации Главного управления по снабжению армии. По мнению Шингарева, главный недостаток, «наша беда» — в несогласованной работе органов власти и в слабости Совета министров: «У нас власть рассыпалась,— говорил Шингарев,— у нас ведь хозяина власти нет, у нас полная распыленность этой власти. Когда вы обратите ваше внимание на любое дело обороны, на какое угодно дело, то вы находите именно отсутствие хозяина» [107]. Казалось, что Шингарев выступает в защиту сильной

[106] «Государственная дума. 4-й созыв. Сессия 4. Стенографические отчеты. 1915 г.», ч. I, стб. 189.
[107] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 447, лл. 57—59.

власти, а поэтому должен был поддержать предложение правительства о наделении военного министра исключительными правами для организации всей хозяйственной жизни страны. Он говорил, что правительственный проект «имеет в себе много подкупающего». На деле же Шингарев выступил против чрезвычайных полномочий военного министра, ставивших его над Советом министров.

Он предложил оставить за военным министром только военно-технические вопросы, связанные с работой Генерального штаба, с улучшением военной подготовки резервов. Другими словами, Шингарев являлся противником вмешательства военного министра в вопросы организации хозяйства, которые должны разрешаться другими ведомствами и другими людьми. Он подразумевал, что для этих целей будут приглашены представители буржуазии. Эти идеи Шингарева нашли отражение в «проекте 47». Однако как самый проект, так и доводы Шингарева не встретили поддержки в соединенных комиссиях. Правые повели атаку против самого принципа представительства буржуазии в Совещании. Черносотенец Марков предлагал не допускать «на пушечный выстрел» представителей «объединенных промышленников» к делу обороны. Было решено пригласить представителей военно-промышленных комитетов не в качестве постоянных членов Особого совещания, а как сведущих лиц. Такое отношение к «общественности» вызвало резкие протесты во время работы I съезда военно-промышленных комитетов. При окончательном редактировании положения об Особом совещании все же было решено ввести представителей Центрального военно-промышленного комитета.

Большинство комиссии решительно высказалось против организации особого органа снабжения на правах министерства, но также и против законопроекта правительства, так как он возлагал слишком широкий круг вопросов на военное ведомство — и вопросы продовольствия, и перевозок, и топлива. «Такое обременение военного министра несвойственными ему обязанностями отвлекало бы его от руководства важнейшими делами, непосредственно относящимися к обороне государства, и замедлило бы их безотлагательное разрешение,— говорилось в решении, принятом комиссией.— Ввиду сего, соединенные комиссии признали необходимым образовать, кроме Особого совещания по обороне государства, при главных начальниках подлежащих ведомств Особые совещания по объединению мероприятий по продовольствию, по снабжению топливом и по перевозкам, с тем чтобы в случае разномыслия означенных Особых совещаний по соприкосновенным вопросам военному министру было предоставлено принимать то решение, которое будет им признано наиболее отвечающим интересам обороны государства» [108]. Следует признать, что

[108] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 2, л. 146. Докладная записка по законопроекту об утверждении положения об Особом совещании по обороне государства, по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, по продовольственному делу и по перевозкам топлива, продовольствия и военных грузов.

это решение значительно улучшало правительственный законопроект и создавало более стройную организацию по руководству важнейшими отраслями хозяйственной жизни страны на время войны. Не создавая новых организаций, комиссионный проект предлагал возложить ответственность за организацию соответствующих отраслей хозяйства на существовавшие правительственные органы — министерства. Тем самым исключалась кардинальная ломка существовавшего государственного аппарата. Но и в этом случае за военным министром сохранялись диктаторские права, право veto и отмены распоряжений и решений других министров, ведающих хозяйственными делами.

В Государственную думу был внесен законопроект об учреждении четырех Особых совещаний — по обороне государства; по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих на оборону; по продовольственному делу; по перевозкам топлива, продовольственных и военных грузов. Одновременно с этим законопроектом были также внесены разработанные положения об Особых совещаниях. Правительство согласилось с изменениями, внесенными соединенными комиссиями.

1 августа 1915 г. Савич доложил выработанный проект Государственной думе. В своем коротеньком докладе он лишь мотивировал, почему оказалось неприемлемым правительственное предложение об одном Особом совещании. По существу же, принципы работы Особых совещаний, разработанные думскими комиссиями, вытекали из правительственного законопроекта. В пику кадетам Савич особо подчеркнул, что контроль «законодательных учреждений» за деятельностью правительства будет лишь тогда действенным, когда члены этих учреждений будут принимать активное участие в работе проектируемых Особых совещаний.

Доклад вызвал большие прения. Кадеты после провала их законопроекта в комиссиях не надеялись взять реванш в общем заседании Думы, поэтому их ораторы — М. С. Аджемов и В. А. Маклаков — сделали особое ударение на личности товарища министра, которого следовало бы поставить во главе Совещания. Разумеется, это должен быть человек, пользующийся доверием буржуазии — «общества». В разгоревшемся споре вопрос касался исключительно состава Совещания. Это был спор о мере уступок самодержавия в пользу буржуазии. «Марковы» выступали против слишком больших запросов кадетов, против большого представительства «синдикатов», ибо отлично понимали, что «синдикатчики» будут проводить свою линию и оттеснят помещиков на второй план. По словам Маркова, из среды синдикатчиков и крупных промышленников вышли все «недобросовестные поставщики». В ответ на обвинения со стороны буржуазии по адресу правительственного аппарата помещики отвечали в их адрес тем же.

В Государственном совете, куда перешло дело, для обсуждения принятого Думой законопроекта была создана комиссия из 30 членов под председательством Коковцова. Комиссия согласилась с изме-

нениями, внесенными Государственной думой, и внесла в них лишь незначительные редакционные поправки.

17 августа 1915 г. состоялось заседание Государственного совета, посвященное обсуждению законопроекта об учреждении четырех Особых совещаний [109]. Докладчиком выступил правый А. С. Стишинский, подробно охарактеризовавший политику правительства в деле организации государственной обороны. Он указал, что к весне 1915 г. правительство пришло к убеждению о необходимости мобилизации частной промышленности и «к заведованию этим делом» представителей Государственной думы, Государственного совета, промышленности и торговли. В результате появилось Особое совещание под председательством военного министра. Новое предложение Думы значительно расширило компетенцию Особого совещания. Он сказал, что проект правительства подвергся «коренной переработке» в Думе. Новые положения о деятельности четырех Особых совещаний охватывали не только обеспечение боевым и материальным снабжением армии и флота, но продовольствие, топливо и перевозки важнейших грузов. Указав, что основные положения представленных Государственной думой законов о создании четырех Особых совещаний не встретили никаких возражений со стороны комиссии Государственного совета, он предложил утвердить внесенное Государственной думой предложение.

Все же развернулись прения. М. М. Ковалевский назвал представленный законопроект «совершенным новшеством» нашей государственной жизни. Он высказался за представительство в организуемых Совещаниях всех слоев общества — фабрикантов, рабочих, ученых и техников, т. е. за гучковско-коноваловскую программу поддержки правительства всеми слоями общества. При таком представительстве, по мнению Ковалевского, Совещания теряли классовый характер и приобретали «всенародный характер». Разумеется, позиция Ковалевского не оказала никакого влияния на решение Государственного совета, но она сеяла вредные иллюзии среди интеллигенции и рабочих.

Вождь горнопромышленников Юга фон Дитмар настойчиво добивался расширения представительства буржуазии в Совещаниях, особенно по продовольствию и перевозкам. Умеренный либерал фон Дитмар и то оказался в оппозиции к правительству, которое в его глазах казалось слишком слабым и не способным на проведение крупных экономических мероприятий, необходимых для выигрыша войны. Дитмар считал, что организация Совещаний даст свой результат лишь тогда, когда будет достигнуто объединение деятельности министерств, а председатель Совета министров «действительно будет главой правительства с соответствующими полномочиями» [110]. В завуалированной форме он высказался за министерство, пользующееся общественным доверием, т. е. за программу прогрессивного

[109] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 2; «Государственный совет. Сессия XI. Стенографические отчеты». Пг., 1915, стб. 102—146.

[110] «Государственный совет. Сессия XI. Стенографические отчеты», стб. 115.

блока, который как раз в эти дни окончательно сколачивался из большинства депутатов Государственной думы и Государственного совета.

Только один крайне правый Н. А Маклаков определенно высказался против законопроекта, считая его «для нашего государственного строя неприемлемым» [111]. Его голос прозвучал одиноко.

Князь А. Н Лобанов-Ростовский от имени группы (41 человек) внес предложение организовать наряду с четырьмя Совещаниями еще и пятое — по борьбе с немецким засилием [112] Это был новый ход правых монархистов, но и это предложение не встретило поддержки большинства.

В процессе постатейного обсуждения законопроекта выявилось желание группы членов Государственного совета образовать из 30 членов Государственной думы и такого же количества членов Государственного совета, входящих во все Особые совещания, своеобразный парламентский блок. Еще до заседания Государственного совета это предложение встретило поддержку большинства членов комиссии, обсуждавшей законопроект. Докладчик Стишинский был против него. Против выступил и военный министр Поливанов, указавший, что такое пятое Совещание не ускорит, а затормозит рассмотрение вопроса. Его возражения носили не принципиальный, а практический характер Наиболее обоснованные возражения против предложения о создании пятого Совещания сделал Стишинский, увидевший в этом особый блок членов законодательных палат, входивших в Особые совещания, и считавший такой блок недопустимым. Не желая вносить разногласия, члены Государственного совета поддержали Поливанова и Стишинского, и законопроект Думы был утвержден Государственным советом, а 17 августа — царем

Так появились четыре Особых совещания, начавшие свою деятельность в августе 1915 г. Несмотря на формальное равноправное положение, Особое совещание по обороне государства заняло руководящее место и приобрело главенствующее значение.

[111] «Государственный совет Сессия XI Стенографические отчеты», стб. 121.
[112] Там же, стб 116.

Глава третья

ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ОБОРОНЕ ГОСУДАРСТВА

Назревание революционного кризиса в стране

1915 год принес ряд тяжелых поражений русской армии. Кайзеровская империя пыталась добиться решения исхода войны на Восточном фронте. Чтобы разбить русскую армию, десятки дивизий были переброшены с Западного фронта на Восточный. Наступление немцев началось в мае 1915 г. прорывом флангов Макензена позиций 3-й армии на Юго-Западном фронте. Последовали кровопролитные бои полувооруженной русской армии с немецко-австрийскими войсками. Отбросив русские армии из Галиции, немцы перенесли центр удара в Польшу, заставив и здесь отступить русские войска. Были потеряны все крепости по Висле, оставлены Польша, Литва От Балтийского моря до Румынии русские армии отступали с огромными потерями. Отступление прекратилось лишь с наступлением осенней распутицы, когда окончательно стабилизировалась линия фронта. Русские армии удержали Ригу, но промышленность города была эвакуирована. По приказу командующего Юго-Западным фронтом Н И. Иванова в августе началась эвакуация Киева; в Совете министров обсуждался вопрос об эвакуации Петрограда.

По общему мнению, основная причина военных неудач русской армии крылась в катастрофическом недостатке оружия и боеприпасов. В признании этого факта сходились бывшие политические деятели Антанты (Ллойд Джордж) и русские генералы, лидеры буржуазии и царские министры, публицисты и военные историки.

Военные поражения царизма весной и летом 1915 г, несомненно, ускорили нарастание революционного кризиса в стране. «Этот кризис,— писал В. И. Ленин,— был ускорен рядом самых тяжелых поражений, которые были нанесены России и ее союзникам. Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него *все* классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным» [1]. Поражения России в войне сыграли «роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв» [2].

[1] *В И Ленин* Полн собр соч, т 31, стр 15
[2] Там же.

Были и другие причины, способствовавшие росту революционного движения в стране, и самая главная среди них — наличие революционного пролетариата, которого не смогла захватить поднявшаяся муть социал-шовинизма.

Вследствие этих причин уже в августе 1915 г. в стране налицо были признаки революционной ситуации. В. И. Ленин писал осенью 1915 г.: «Теперь мы снова идем к революции» [3].

Военные поражения царизма и начавшаяся экономическая разруха обостряют классовые противоречия до последних пределов, ведут к кризису власти, создают революционную обстановку в стране.

Царская монархия переживала не только военные поражения, но и политический кризис власти. Глубокое недовольство правительством и войной охватило различные слои населения и особенно сильно рабочие массы. Крестьянство также просыпалось от политической спячки и поднималось на борьбу. Среди буржуазии и правительственных верхов был разброд, шатания, разногласия по коренным вопросам ведения войны и внутренней политики. Буржуазию пугали военные поражения, бездеятельность правительства, слухи о сепаратных переговорах царизма с Германией. Особенно острый страх испытывала буржуазия перед активизирующимся рабочим классом.

По данным самого Особого совещания по обороне, за пять месяцев 1914 г. было 68 забастовок с количеством участников около 35 тыс. человек [4]. В 1915 г. картина резко меняется: в апреле было уже 104 забастовки с количеством участников 35,7 тыс. человек, в июне — 164 с 80 тыс. участников. В июле происходит некоторое сокращение забастовочного движения, но количество бастовавших увеличивается в 2 раза. Сентябрь дал максимум — 184 забастовки, в которых участвовало 114 тыс. человек. В два следующих месяца число забастовок уменьшилось (133), но выросло количество участников — 118 тыс. человек. Характерно, что с каждым месяцем происходит рост количества участников забастовок. На одну забастовку в 1914 г. приходилось в среднем 511 человек, в апреле—мае 1915 г.— около 350, в августе — 719, а в ноябре — 987 человек.

За первые 9 месяцев 1915 г. всего было потеряно около 1250 тыс. рабочих дней, а за один октябрь — 337 тыс. рабочих дней; в ноябре — 250 тыс.[5] Эти данные указывают, что в движении принимали участие крупные заводы, которые были заняты исполнением военных заказов. В августе забастовали крупнейшие оборонные за-

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 79. Этот вывод позднее вынужден был признать вождь русской либеральной буржуазии и принципиальный защитник русской монархии П. Н. Милюков. В своей работе «Россия на переломе», написанной в эмиграции, Милюков признал, что под влиянием военных поражений царизма и обострения классовой борьбы летом и осенью 1915 г. «вероятность приближающейся революции превратилась мало-помалу в полную достоверность и неизбежность». Он указывает на август — сентябрь 1915 г. как на время, «когда вторая революция сделалась окончательно неизбежной» (*П. Н. Милюков.* Россия на переломе, т. I. Париж, 1927, стр. 12—13).

[4] «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)». М., 1925, стр. 86—87

[5] Там же, стр. 87.

воды Петрограда, в том числе Путиловский. На заседании Особого совещания 19 августа говорили о «весьма тревожном состоянии рабочих масс» и, чтобы не вызвать всеобщей забастовки, отказались от осуществления милитаризации промышленности [6].

На заседании Совета министров 11 августа генерал Рузский указал на «безнадежность» военного положения России в случае забастовок рабочих и «беспорядков». Другие участники заседания также отмечали всеобщее недовольство в стране и говорили, что «правительство висит в воздухе и никого не удовлетворяет» [7]. Министр торговли и промышленности В. Н. Шаховской предлагал членам кабинета считаться с тем фактом, что «поражения на фронте создали революционно повышенное настроение в стране» [8]. В Совете министров, как говорил И. Л. Горемыкин, происходил «быстрый сдвиг влево, вниз по течению».

На заседании Совета министров А. В. Кривошеин выдвинул альтернативу: или сильная военная диктатура и продолжение старого курса внутренней политики, или уход правительства в отставку и замена его новым на основе предложения буржуазии. Сам он являлся сторонником последнего.

Как отмечала охранка, в июне 1915 г. Земский и Городской союзы «впервые сочли необходимым вступить на путь политических требований» [9].

Крупнейшие представители российской буржуазии не проявляли в своих выступлениях никакого почтения к существующей власти и призывали создать «в тылу свою власть, своего полководца» (Токарский), под которым подразумевался собственный экономический центр по мобилизации промышленности. Председателем Центрального военно-промышленного комитета был избран вождь октябристов, представитель московской буржуазии благопамеренный столыпинец А. И. Гучков. Вместе с ним руководящую роль в комитете играли крупнейшие воротилы российской буржуазии.

4 августа правительство утвердило положение о военно-промышленных комитетах. Хотя комитеты и признавались посреднической организацией, работающей по поручению правительства, все же легализация их деятельности являлась крупной уступкой в пользу буржуазии и уступкой не только экономической: буржуазия укрепляла свои политические позиции. Реакционная часть Совета министров — Горемыкин, Рухлов др.— не без основания считали Центральный военно-промышленный комитет «вторым правительством».

Выше уже говорилось о политических настроениях буржуазии, проявившихся во время июльской сессии Государственной думы. Левое крыло либеральной буржуазии (прогрессисты) и мелкобуржуазные партии (трудовики и меньшевики) требовали ответственного

[6] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 164, об. ЖОСО, № 24, 19 августа 1915 г.
[7] «Тяжелые дни». Сост. А. Н. Яхонтов.— «Архив русской революции», т. 18. Берлин, 1926, стр. 64, 66.
[8] Там же, стр. 85.
[9] «Буржуазия накануне Февральской революции». М.— Л., 1927, стр. 19.

правительства. Кадеты и октябристы оказали условную поддержку правительству, рассчитывая на значительные уступки по линии представительства военно-промышленных комитетов в Особых совещаниях. Критика правительства буржуазией и торг с ним не ограничивались стенами Государственной думы. Буржуазия мобилизовала свои силы, сплачивая их под флагом военно-промышленных комитетов.

25 июля начал работу I съезд военно-промышленных комитетов, прения на котором вертелись вокруг отношения к власти, к правительству. Кадеты настаивали, как на минимуме, на назначении помощника военного министра «из нашей среды», а не из бюрократии [10], который возглавил бы Особое совещание по обороне, да и тот вводился во вражеский стан затем, чтобы «изнутри взорвать его» [11].

Кадеты видели в Центральном военно-промышленном комитете «революционный орган», который возникает «на глазах государственной власти» и т. д. Они не ошибались в своем предположении, что комитет не ограничится одной экономической деятельностью. Доказательств пришлось дожидаться недолго. Уже в августе Совет министров имел дело с «неприличным», по оценке Горемыкина, письмом Гучкова о политическом курсе правительства. А через месяц после I съезда, 26 августа, состоялось экстренное совещание 34 военно-промышленных комитетов, на котором уже открыто говорилось о необходимости обновления власти. Комитеты включались в общий фронт политического наступления буржуазии под лозунгом создания правительства доверия.

Характеризуя эволюцию политических взглядов лидера общеземского движения Г. Е. Львова, его биограф указывает на «совершенно мирный, деловой характер» [12] I съезда уполномоченных Земского союза (март 1915 г.). В речи Львова нет «ни одного упрека бюрократии», т. е. правительству. На следующем съезде, 5 июня, настроения съезда и его лидера были, «конечно, уже не те». Однако призыв Львова сводился лишь к взаимному доверию «правительственной власти и страны». И только на III съезде (7—9 сентября), после разгона Государственной думы, в обстановке «полного развития распри между Земским союзом и бюрократией» полукадет Львов должен был признаться, что соглашение между правительством и «обществом» «*не состоялось*» [13]. Съезд поддержал требование прогрессивного блока о создании правительства «из общественных деятелей, правительства, опирающегося на доверие страны и на законодательные учреждения». Съезд избрал делегацию к царю во главе с Г. Е. Львовым, но она не была принята; следующий съезд в конце 1915 г. был правительством запрещен.

В августе произошла смена верховного командования. Николай II

[10] «Труды съезда представителей военно-промышленных комитетов». Пг., 1915, стр. 59.
[11] Там же, стр. 97.
[12] *Т. И. Полнер.* Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932, стр. 209.
[13] Там же, стр. 209, 210.

стал во главе армии, что вызвало решительное недовольство среди буржуазии и ропот среди членов Совета министров. В Москве, на квартире у Коновалова, состоялось совещание «прогрессивных деятелей», которые намерены были предъявить требования об организации правительства, пользующегося «доверием страны и полнотою власти».

Охранка предупреждала правительство, что следует ожидать резолюции Московской городской думы с требованием полного обновления состава настоящего кабинета, с готовым списком лиц на министерские посты [14]. 13 августа 1915 г. газета «Утро России» — орган Рябушинского — опубликовала предполагаемый личный состав нового правительства, назвав его «кабинетом обороны» [15]. В следующем номере той же газеты появился еще один вариант (октябристский) состава кабинета. В обоих случаях предполагаемого состава правительства были в основном одни и те же лица: лидеры кадетско-октябристской буржуазии плюс несколько человек из министерской бюрократии царского правительства: А. В. Кривошеин, А. А. Поливанов, А. И. Шингарев. В качестве премьера фигурировали М. В. Родзянко и А. И. Гучков [16].

18 августа состоялось частное совещание гласных Московской городской думы, на котором велись речи о единстве «народных» представителей, т. е. членов Государственной думы, с правительством, пользующимся «полным доверием страны». 19 августа Московская городская дума приняла резолюцию с требованием «созыва правительства, сильного доверием общества и единодушного, во главе которого должно стоять лицо, которому верит страна» [17].

22 августа была закончена работа по выработке программы прогрессивного блока. Это была реакционная программа, рассчитанная на сохранение монархии и осуществление таких «реформ», которые никого не интересовали и никого не могли удовлетворить.

Между тем правые реакционные элементы мобилизовались. Совет объединенного дворянства уполномочил своего председателя послать Горемыкину письмо, в котором говорилось, что «произносимые и передаваемые прессой во все концы страны левые речи... являются предвестниками новых смут с целью изменения государственного строя России» [18]. Само правительство приняло решение вступить в переговоры с прогрессивным блоком на предмет осуществления его программы. На заседаниях правительства обсуждались вопросы о роспуске Государственной думы, об уступках буржуазии, о необходимости работать в контакте «с общественностью».

Большинство членов Совета министров выступало за уступки буржуазии, за соглашение с ней, даже за уход правительства в

[14] «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 23.
[15] «Утро России», 13 августа 1915 г.
[16] «Утро России», 14 августа 1915 г.
[17] *А. А. Поливанов.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 гг. М., 1924, стр. 222.
[18] Там же, стр. 223.

отставку. Создалось оригинальное и чрезвычайно редкое положение, когда министр внутренних дел Н. Б. Щербатов, призванный охранять устои трона, высказывался за уступки в пользу буржуазии.

21 августа вечером на квартире министра иностранных дел Сазонова собрался фактически весь Совет министров, кроме Горемыкина, Хвостова и Рухлова. Там было принято обращение к царю с «единодушной просьбой» отказаться от смены Николая Николаевича и указано на коренное «разномыслие» с председателем Совета министров «в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства» [19]. Это была наиболее яркая иллюстрация кризиса верхов, разброда среди правящей клики.

Буржуазия готовилась возглавить правительство, если и не ответственное перед Думой, то по крайней мере пользующееся «доверием страны». К этой программе, которую Горемыкин и Хвостов называли программой государственного переворота, примыкало и большинство Совета министров. Буржуазия добивалась власти, тянулась к ней и в этом ей помогали те представители знати и правительства, которые еще не утратили способности разобраться в обстановке и понимали, что продолжение войны возможно лишь при активном сотрудничестве с буржуазией. Умеренный столыпинец Сазонов считал возможным включить в программу правительства и «пять шестых программы блока». Он отлично понимал, что кадеты и другие представители буржуазии боятся революционного взрыва и, чтобы укрепить монархию, намечают умеренную программу буржуазных реформ.

Милюков также считал программу прогрессивного блока приемлемой для тогдашнего правительства. Программа блока была рассчитана на сохранение монархии в России и предупреждение революции. Как пишет Милюков, прогрессивный блок хотел дать «последний шанс царю для спасения династии и России, для предупреждения революционной катастрофы» [20]. Но помощью буржуазии царизм не желал воспользоваться. Перепуганные царица, Распутин и Горемыкин с их единомышленниками видели в создании блока средство для «захвата власти» буржуазией. Добровольно же уступить власть они не собирались.

Все прослойки русской буржуазии цеплялись за Государственную думу и рассчитывали, что ее лидерам удастся установить единство действий с правительством. Между тем несколько дней спустя переговоры правительства с лидерами прогрессивного блока кончились разрывом, а 3 сентября 1915 г. Горемыкин добился роспуска Государственной думы и повернул всю политику вправо.

Характеризуя обстановку, сложившуюся в России после роспуска правительством IV Государственной думы, Ленин писал: ««Разгон» IV Думы, как ответ на образование оппозиционного блока в ней из либералов, октябристов и националистов,— вот одно из

[19] *А. А. Поливанов.* Указ. соч., стр. 235—236.
[20] *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 14.

самых рельефных проявлений революционного кризиса в России. Поражение армий царской монархии — рост стачечного и революционного движения в пролетариате — брожение в широких массах — либерально-октябристский блок для соглашения с царем на программе реформ и мобилизации промышленности для победы над Германией. Такова последовательность и связь событий в конце первого года войны.

Все видят теперь, что революционный кризис в России налицо...» [21].

Классы заняли совершенно четкую позицию в ходе этого кризиса. Реакционная монархия и крепостники-помещики всячески сопротивлялись введению реформ. Проводя террористическую политику против рабочего класса, они в то же время пытались ««не отдать» России либеральной буржуазии; скорее сделка с монархией немецкой» [22].

Представительство буржуазии в Особых совещаниях, легализация буржуазных организаций под контролем реакционных помещиков — вот предел уступок правительства. Реакционные черносотенцы ничему не научились. В русской буржуазии они еще видели своего врага, а не союзника.

Либеральная буржуазия всячески стремилась «воспользоваться поражением и растущей революцией, чтобы добиться у испуганной монархии уступок и дележа власти с буржуазией» [23].

Поведение рабочего класса России разбивало в пух и прах буржуазно-меньшевистскую политику притупления классовой борьбы, политику гражданского мира. Вместо «работы на оборону» рабочий класс шел дорогой классовой борьбы, возглавляя все революционные элементы страны в борьбе против империалистической войны, против царской монархии, помещиков и буржуазии.

Рабочий класс, руководимый большевистской партией, являлся той единственной и решающей общественной силой, которая вела революционную борьбу и этой борьбой подрывала прочность тыла царской армии, обостряла отношения между помещиками и буржуазией, лишала царское правительство шансов на победу.

Неустойчивость тыла, колебания буржуазии и враждебность рабоче-крестьянской массы правительство пыталось преодолеть путем коалиции сил помещиков и буржуазии в Особых совещаниях под руководством первых. Можно было наперед предполагать, что у правительства нет больших шансов на успех.

Особые совещания, их состав

Из созданных в августе 1915 г. четырех Особых совещаний — по обороне государства, по топливу, перевозкам и по продовольствию — Особое совещание по обороне государства имело наиболее широкие

[21] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 26.
[22] Там же, стр. 28.
[23] Там же.

Таблица 1

Состав Особых совещаний

Представители	Особое совещание по обороне государства	Особое совещание по обеспечению топливом	Особое совещание по продовольственному делу	Особое совещание по перевозке топлива продовольственных и военных грузов
	Председатели совещаний			
	военный министр	министр торговли и промышленности	министр земледелия	министр путей сообщения
Члены Государственной думы	10 *	7	7	7
Члены Государственного совета	10 *	7	7	7
Представители ведомств				
Военное министерство	5	1	1	1
Морское министерство	1	1	—	1
Министерство финансов	1	1	1	1
Министерство путей сообщения	1	1	1	5+ по 1 от порайонных комитетов МПС
Министерство торговли и промышленности	1	4	1	1
Государственный контроль	1	1	1	1
Министерство внутренних дел	—	1	1	—
Министерство земледелия	—	1	3	1
Центральный военно промышленный комитет	4	3	—	—
Союз земств	1	1	1	1
Союз городов	1	1	1	1
Приглашенные лица	По усмотрению председателей Особых совещаний			

* В это количество входят председатели Государственной думы и Государственного совета

полномочия. Наряду с обеспечением армии и флота всеми видами вооружения и боевого снабжения Особое совещание по обороне должно было заниматься координацией всех усилий тыла для снабжения армии и флота. Состав этого Совещания был наиболее широким Наряду с работниками военного ведомства и представителями других министерств основное ядро в составе Совещания составляли по 10 представителей от Государственной думы и от Государственного совета. Совещание по обороне походило на маленький парла-

мент, насчитывающий около 40 членов. Кроме того, почти на всех заседаниях были особо приглашенные лица. Во все остальные Совещания входили лишь по 7 представителей от Государственной думы и совета, представители буржуазных общественных организаций допускались сюда также в меньшем количестве; Центральный военно-промышленный комитет вовсе не был представлен ни в Совещании по продовольствию, ни по перевозкам [24] (см. табл. 1). Представители Государственной думы сохраняли свои полномочия и во время перерывов в ее работе или досрочного роспуска, до нового созыва. Все представители промышленности и банков, входившие в состав прежнего Совещания по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия, не вошли в состав нового Совещания. Этим достигалось усиление в нем представительства коренной русской буржуазии.

Буржуазия добилась довольно сильного представительства во всех государственных, центральных и местных органах, имевших отношение к экономике войны и вопросам государственной обороны [25].

В составе Совещаний явно преобладал представительный элемент, среди которого, казалось, терялись чиновники ведомств. Однако следует учесть, что председатели Особых совещаний были наделены исключительно большими правами, а решения Совещаний имели не обязательный, а лишь рекомендательный характер и нуждались в утверждении председателями Особых совещаний. Повестка дня заседаний вносилась председателем, и дела, возникавшие «по почину» членов, могли «восходить на рассмотрение» только по предложению председателя.

В случае отсутствия или болезни военного министра председательствовал в Особом совещании один из его помощников. Причем в положении об Особом совещании по обороне было специально оговорено, что помощником военного министра по снабжению армии может быть лицо не военного звания. На этом, в частности, настаивали кадеты, и Государственная дума пошла навстречу их пожеланиям.

Особые совещания являлись высшими государственными «установлениями», которым никто не мог давать предписаний и требовать от них отчета. Лишь по окончании войны председатели их должны были представить отчеты о своей деятельности в Государственную думу и Государственный совет вместе с журналами заседаний. Следовательно, законодательные палаты сохраняли лишь право последующего контроля и проверки. Денежные средства, необходимые для деятельности Особых совещаний, предоставлялись Советом министров.

[24] В положении Особых совещаний по перевозкам, продовольствию и топливу было особо оговорено право председателя приглашать представителей буржуазных общественных организаций для участия в заседаниях.

[25] Вопросы стратегии войны не подлежали компетенции Особого совещания и военного министра. Ими целиком занималась Ставка верховного главнокомандующего.

Председатель Особого совещания по обороне был наделен исключительно широкими правами в решении вопросов промышленности. Он мог закрывать предприятия, не выполняющие казенных заказов; требовать выполнения заказов казны ранее других; секвестровать частные предприятия и назначать для управления ими уполномоченных. В случае необходимости он мог устранять от службы и смещать директоров, управляющих, советы предприятий, работающих на оборону, назначать во главе предприятий новых лиц, регулировать заработную плату.

Значительными правами обладал и председатель Особого совещания по топливу. Он мог устанавливать «предельные цены» на все виды топлива, распределять жидкое и твердое минеральное топливо между потребителями, устранять членов правления и директоров предприятий, налагать секвестр, назначать ревизию топлива, изменять условия заключенных договоров и т. д.

Председатель Совещания по продовольствию получил исключительные права не только по заготовкам продовольствия и фуража для армии (он мог производить закупки всеми способами и без всякого ограничения суммы), но и в отношении регулирования торговли и цен. Он имел право применять общие и частные ревизии скота, всякого рода продовольственных продуктов, фуража и семян, по собственному усмотрению отменять все постановления местных властей в отношении правил торговли и снабжения городов.

Внимание председателя Особого совещания по перевозкам было сосредоточено на усилении пропускной способности железных дорог, снабжении их подвижным составом, строительстве подъездных путей, на заказах на подвижной состав в империи и за границей. Он мог устанавливать «принудительное пользование» подвижным составом железных дорог, а также пароходами, баржами и т. д. В случае невозможности выполнить предъявляемые другими Совещаниями требования на перевозки арбитром являлось Совещание по обороне, Совещание по перевозкам не имело особого аппарата на местах, и его распоряжения проводились аппаратом министерства.

Хотя все Совещания по положению являлись «верховными установлениями», все же Особое совещание по обороне было первенствующим среди них. По положению оно могло вмешиваться, и очень часто вмешивалось, в различные сферы экономической жизни и контролировало деятельность остальных Совещаний. Все решения председателей Особых совещаний по продовольствию, топливу и перевозкам «срочно сообщались» военному министру как председателю Совещания по обороне на окончательную санкцию. Он имел права своей властью приостанавливать распоряжения председателей других Особых совещаний и ставить эти вопросы на обсуждение Совещания по обороне с приглашением председателей и членов этих Совещаний, а если и там не достигалось соглашение, то вопрос вносился немедленно в Совет министров на его разрешение. Такой порядок решения важнейших вопросов был целесообразным, так как он давал возможность до некоторой степени объединять и направлять деятельность всех Совещаний по одному плану.

Особое совещание по обороне становилось своеобразным экономическим штабом, регулирующим всю хозяйственную жизнь страны. Создание Особых совещаний явилось своего рода попыткой государственно-капиталистической организации хозяйственной жизни. Решающая роль сохранилась при этом за агентами государственной власти, за министрами, но буржуазия послала во все созданные организации своих представителей, которые должны были не только помогать правительству в организации военного хозяйства, но и отстаивать узкомеркантильные интересы своего класса.

В подчинении Особых совещаний находился ряд органов по непосредственному регулированию отдельных отраслей народного хозяйства — Комитет по делам металлургической промышленности, Химический комитет, ряд особых комитетов, возникших при Министерстве торговли и промышленности (для регулирования снабжения сырьем хлопчатобумажных и суконных фабрик), Главный комитет по кожевенным делам и т. д. К ним же надо отнести Организацию Ванкова по производству снарядов. Вспомогательными органами всей этой государственно-капиталистической системы являлись военно-промышленные комитеты, Всероссийские земский и городской союзы, поскольку они принимали участие в работе на армию.

Особые совещания имели свой аппарат на периферии. Председатели Особых совещаний получили право назначать на места своих уполномоченных, под председательством которых организовывались местные совещания с участием представителей от Всероссийских земского и городского союзов, а также от местного военно-промышленного комитета и чиновников. Местные органы Особого совещания по обороне получили название «заводских совещаний». Положение о них Поливанов утвердил 10 сентября 1915 г., а 17 октября царь утвердил и персональный состав районных уполномоченных [26].

Заводские совещания организовывались для объединения деятельности предприятий с целью более полного использования их производительности и лучшей организации сотрудничества заводов в пределах района. Заводские совещания получили право обследовать заводы, перераспределять и выдавать новые заказы. Их председатели были правомочны проводить общие и частные реквизиции, устанавливать заработную плату рабочим, изменять характер и объем производства, а также выдавать авансы, пособия и ссуды; они же возбуждали перед председателем Совещания представления об устранении от службы членов правлений, директоров и управляющих как казенных, так и частных заводов, если в этом встречалась необходимость. Всего было организовано 11 районов и столько же утверждено уполномоченных председателя Особого совещания по обороне [27].

[26] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 9, лл. 146—148.

[27] Приводим перечень районов: 1) Петроградский район (6 губерний), 2) Ревельский (2 губ.), 3) Московский (12 губ. и 2 завода — Сормовский и Кулебакский — Нижегородской губ.), 4) Нижегородский (6 губ.), 5) Киевский (6 губ.), 6) Екатеринославский (4 губ.), 7) Харьковский (3 губ.), 8) Ростовский (объединял область Войска Донского и Царицынский уезд Саратовской губ.), 9) Уральский (6 губ. и 2 обл.), 10) Сибирский (вся Сибирь, включая

Большинство районных уполномоченных Особого совещания были военными генералами. Самой видной фигурой из них был уполномоченный Петроградского района генерал от инфантерии А. З. Мышлаевский, бывший одно время начальником Генерального штаба. Мышлаевский принимал деятельное участие в работе Особого совещания по обороне, а в начале 1916 г. был назначен председателем Комитета по делам металлургической промышленности. Несмотря на широкое представительство буржуазных элементов, общее руководство заводскими совещаниями крепко держал в своих руках военный министр.

Особое совещание по обороне имело несколько постоянных комиссий, готовивших вопросы для Особого совещания[28]. Наблюдательная комиссия под председательством председателя Государственного совета А. Н. Куломзина должна была контролировать выполнение заказов и контрактов, заключенных с поставщиками. Были организованы две подготовительные комиссии: одна ведала вопросами артиллерийского снабжения (председатель — бывший министр торговли и промышленности, член Государственного совета С. И. Тимашев), другая комиссия — общего характера, ведавшая вопросами инженерного, интендантского и санитарного снабжения (председатель генерал-майор А. А. Саткевич). По предложению В. И. Гурко была организована эвакуационная комиссия для выработки плана эвакуации предприятий. Деятельность ее должна была протекать в контакте с деятельностью аналогичной подкомиссии Государственной думы и Совещанием по эвакуации при министре торговли и промышленности. Председателем этой комиссии был назначен М. В. Родзянко. Таким образом, оба председателя законодательных палат — Думы и Государственного совета — являлись не рядовыми участниками работы Совещания, а руководящими работниками, ведавшими крупными разделами его деятельности.

Во всех комиссиях самую активную роль играли и представители буржуазной общественности: А. И. Гучков, А. И. Коновалов, Д. С. Зернов (от Военно-промышленного комитета), Г. Е. Львов и др. Наиболее активное участие в работе Совещания принимали Тимашев и Родзянко. Последний не ограничивался только вопросами эвакуации и часто ставил на обсуждение самые разнообразные вопросы.

Заседания Совещания по обороне происходили 2 раза в неделю; велся подробный журнал заседаний, который подписывался членами Совещания. В случае несогласия с принятым председателем Совещания решением члены его могли записать особое мнение, которое помещалось приложением к журналу. Изредка там же помещались

и полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги), 11) Кавказский район (10 губерний и областей) был организован несколько позднее, чем первые десять. В ноябре 1915 г. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти ходатайствовал об организации двух отдельных заводских совещаний для Восточной Сибири с центрами в Иркутске и Хабаровске. В связи с перенесением Сибирского совещания из Томска в Иркутск вопрос об организации отдельных совещаний, видимо, отпал. Позже было создано также Одесское заводское совещание.

[28] Решение о создании комиссий и их личном составе вынесено было 26 августа 1915 г. на первом же заседании Особого совещания.

другие документы — решения подготовительных комиссий, доклады комиссий, проводивших обследование, и т. д. При Наблюдательной комиссии была особая анкетная комиссия, занимавшаяся разного рода статистико-экономическими исследованиями, учетом забастовок, рабочей силы, выяснением степени загрузки промышленности отдельных районов и целых отраслей оборонными работами. Позднее были организованы: Комитет по делам металлургической промышленности, Комиссия по учету рабочей силы, Реквизиционная комиссия и Комиссия по учету и распределению иностранной валюты. Для регулирования иностранных покупок были созданы Русский правительственный комитет в Лондоне и Комитет по заготовлению в Америке предметов боевого и материального снабжения, действовавший по соглашению с Лондонским комитетом.

22 августа 1915 г. в Зимнем дворце состоялось совместное заседание Особых совещаний по обороне, топливу, продовольствию и перевозке под председательством Николая II [29]. Все заседание свелось к трем коротким речам, которые произнесли царь, военный министр Поливанов и председатель Государственной думы Родзянко.

В речи Николая II указывалось, что усиление армии боевыми припасами является самым главным и важным делом, порученным Особому совещанию по обороне. Военный министр более точно и конкретно указал на новые задачи, стоящие перед Особым совещанием по обороне. Уже Особое совещание старого состава производило «широкое ассигнование авансов и ссуд частным предприятиям», организовало снабжение военных заводов топливом, предоставило отсрочки рабочим, приняло ряд мер к эвакуации предприятий. Новые задачи Особого совещания заключались прежде всего в том, чтобы путем сотрудничества власти и представителей буржуазной общественности «довести до крайнего напряжения производительные силы страны» с целью снабжения армии всем необходимым.

В речи председателя Государственной думы Родзянко явно звучали нотки политических требований. Указав на крепость народного духа, он обратился к царю с пожеланием призвать к работе по укреплению армии «весь верный вам русский народ» [30]. В этом расплывчатом и неопределенном лозунге передавались требования и устремления русской буржуазии, изложенные в программе прогрессивного блока, сводившиеся в сущности к одному: передать власть в руки буржуазии. «Создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны»,— вот первый и основной пункт программы прогрессивного блока, изложенный Родзянко несколько туманно. Однако не только присутствовавшим на заседании было ясно, что слова об участии «всего народа» в работе по снабжению армии значат лишь участие буржуазии. Через несколько дней после заседания Особых совещаний министр земледелия Кривошеин прямо заявил в заседании Совета министров: «Что мы ни говори, что мы ни обещай,

[29] Подробнее см.: *А. А. Поливанов.* Указ. соч., стр. 237.
[30] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 53, лл. 2—10. Журнал объединенного заседания Особых совещаний.

как ни заигрывай с прогрессивным блоком и общественностью — нам все равно ни на грош не поверят. Ведь требования Государственной думы и всей страны сводятся к вопросу не программы, а людей, которым вверяется власть» [31].

Под руководством правительства, которому «ни на грош не верят», Особые совещания и должны были объединить деятельность правительственных чиновников и буржуазии для работы по снабжению армии.

Первое деловое заседание Особого совещания по обороне состоялось 26 августа. В числе членов Совещания оказался весь цвет российской бюрократии: от Государственного совета — А. Н. Куломзин, С. И. Тимашев, В. И. Тимирязев, А. С. Стишинский, А. Ф. Трепов и др. От Государственной думы большинство членов принадлежали к оппозиционному лагерю, хотя были выбраны и правые — Н. Е. Марков и В. В. Шульгин. Крайне «левыми» были А. И. Шингарев и лидер прогрессистов И. Н. Ефремов. Среди членов Совещания оказались и лидеры буржуазных общественных организаций — Г. Е. Львов — от Земского союза, М. В. Челноков — от Городского союза, А. И. Гучков и А. И. Коновалов — от Центрального военно-промышленного комитета. От Военного министерства в состав Совещания вошли генералы М. А. Беляев, А. С. Лукомский, А. А. Маниковский, А. А. Саткевич и др. Ведомства были представлены тайными и действительными статскими советниками, среди которых выделялись С. П. Веселаго — от Министерства торговли и промышленности и В. В. Кузьминский — от Министерства финансов.

А. А. Маниковский был прав, когда говорил, что Совещание — слишком многолюдный орган для продуктивной работы. Поэтому неизбежно оно должно было обрасти целым рядом комиссий, в которых велась постоянная работа и подготовлялись деловые решения вопросов [32]. Среди членов Совещания было мало людей, знавших технику боевого снабжения и вообще практически знакомых с работой промышленности. «Зато было много таких, — свидетельствовал Маниковский,— которые видели в этом Совещании главным образом орудие политической борьбы и в соответствии с этим и вели линию своего поведения. И так как таких было большинство и они были наиболее активными и наглыми, то военный министр, их ставленник, являвшийся якобы полным хозяином дел и при котором Совещание было лишь «совещательным» органом, на самом деле был послушным орудием в руках этих господ, которые и делали, что хотели» [33]. Если допустить, что в этих словах Маниковского, прекрасно знавшего весь состав Совещания по длительной совместной работе, имеется известное преувеличение, продиктованное чувством личной обиды, то все же, в основном, эта характеристика справедлива.

[31] «Тяжелые дни». Сост. А. Н. Яхонтов.— «Архив русской революции», т. 18, стр. 123.

[32] *А. А. Маниковский.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг., ч. 3, изд. 1. М., 1923, стр. 160.

[33] Там же, стр. 160—161.

Представители буржуазии и Государственной думы оказывали огромное влияние на всю работу Совещания. При Поливанове заседания Совещания по обороне зачастую становились местом произнесения политических речей с целью обличения несостоятельности военного ведомства в организации «обороны». Наибольшую активность в таких выступлениях проявляли Родзянко, Гучков, Шингарев и другие представители общественных организаций.

Однако неправильно другое утверждение Маниковского, что с организацией Особого совещания по обороне дело обеспечения армии «во многих отношениях пошло хуже, чем если бы дело снабжения оставалось в руках самих довольствующих управлений» [34]. Никаких убедительных фактов в защиту своего положения Маниковский привести не мог. Наоборот, факты показывают значительный рост производства боеприпасов в конце 1915 и в 1916 г.

Наиболее крупные деятели промышленности и банков не принимали участия в работе Совещания. Они появлялись в зале заседаний в связи с обсуждением заключавшихся контрактов или в качестве просителей многомиллионных ссуд и авансов.

Осенью 1915 г. армия переживала еще глубокий кризис боевого снабжения. Поэтому первым вопросом, которым занялось Особое совещание, был вопрос об обеспечении армии артиллерией и артиллерийским снабжением.

Вопросы артиллерийского снабжения армии. Организация С. Н. Ванкова по производству снарядов

Каково было положение с артиллерийским снабжением и какие требования предъявляла в это время к военному министерству, т. е. к промышленности, Ставка верховного командования?

На основании изучения архивных материалов, работы А. А. Маниковского картина представляется в следующем виде. Летом 1915 г. Ставка требовала ежемесячно 505 полевых и горных орудий, в ноябре 1915 г.— около 1500 орудий единовременно и по 91 пушке в месяц. Постепенно запросы все увеличивались, достигнув 560 орудий в начале 1916 г., а в конце того же года потребность фронта на 1917 г. исчислялась в 14 620 орудий — более 1200 орудий в месяц [35]. Полевой артиллерии потребовалось вдвое больше предъявленных предположений, а годичное пополнение орудиями за военные годы увеличилось в 13 раз [36]. Еще хуже было положение с тяжелой артиллерией, производство которой в стране не было организовано, и крупнокалиберные орудия поставлялись из-за границы.

Русская артиллерия вступила в войну, имея по 1000 выстрелов

[34] Там же, стр. 160.
[35] *А. А. Маниковский.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну, изд. 3. М., 1937, стр. 320, 325.
[36] Там же, изд. 3, стр. 415.

на орудие, или 112 парков запаса. Через четыре месяца войны все парки были посланы на фронт. Запасов больше не оставалось, дальнейшее пополнение могло идти лишь за счет производства. Военное же ведомство рассчитывало восстановить запасы снарядов примерно в течение года. Отсюда — кризис в снарядах. После первого месяца войны Ставка требовала 1,5 млн. выстрелов, через год — 2,6 млн., а летом 1916 г. — 4,4 млн. в месяц [37]. Ко времени созыва Петроградской конференции (январь 1917 г.) потребность в снарядах для легкой артиллерии превысила расчеты мирного времени приблизительно в 6 раз [38]. Так рисуется рост потребности в легких снарядах. Ежемесячная потребность в тяжелых снарядах увеличилась на опыте войны от 3 до 7 раз по сравнению с довоенными расчетами. С начала войны и до 1 марта 1917 г. на фронт поступило, кроме бывших в войсках до мобилизации, 52,6 млн. трехдюймовых снарядов [39], 14 310 легких пушек и 1657 гаубиц. Не хватало и оружейных патронов, которых требовалось 240 млн. штук в месяц, а промышленность давала лишь 150 млн. Производство пулеметов на русских заводах сильно выросло. Ставка поставила вопрос о производстве ружей-пулеметов, надежды военного ведомства получить их в Англии не оправдались, оставалось лишь предложение датского синдиката построить специальный завод для их производства в России. Это предложение было принято.

Подавляющее большинство артиллерии и снарядов было поставлено русскими заводами. Несмотря на огромное количество заказанных за границей снарядов, реально поступило за все время войны только 9,2 млн. трехдюймовых снарядов — менее 20% их общего количества.

Какими мерами Особому совещанию по обороне удалось добиться такого значительного роста производства снарядов и пушек? Значительное количество заказов на артиллерию и снаряды было роздано еще до организации Совещания как внутри страны, так и за границей. Совещание организовало контроль за выполнением уже заключенных контрактов; распределяло новые заказы; занималось выдачей авансов и субсидий, помощью предприятиям в выписке станков и материалов из-за границы; передавало станки и материалы с реквизированных предприятий; заботилось о снабжении предприятий рабочей силой, топливом; обеспечивало перевозки; преимущественно перед остальными предприятиями снабжало металлами; оказывало техническую помощь заводам. До войны снаряды изготовлялись на 16 заводах. После объявления войны количество заводов, изготовлявших снаряды или части снарядов, во много раз увеличилось. Уже в 1915 г. шрапнель производилась на 25, гранаты — на 17 заводах; кроме того, существовали три организации, занятые изготовлением снарядов: Организация уполномоченного ГАУ генерал-майора С. Н. Ванкова, объединившие свои усилия Всероссийские земский и городской союзы, Центральный военно-промышленный комитет.

[37] *А. А. Маниковский.* Указ. соч., ч. 3, изд. 1, стр. 126 или изд. 3, стр. 497—499.
[38] Там же, изд. 3, стр. 501.
[39] Там же, ч. 3, изд. 1, стр. 147.

Особо стоит Путиловский завод, взявший подряд на производство 3 млн. гранат.

Организация генерал-майора С. Н. Ванкова по производству фугасных цельнокорпусных снарядов по французскому образцу возникла еще до организации Особого совещания по обороне государства, весной 1915 г., но широко развернула свою работу в период деятельности Особого совещания и под его руководством. В нашей исторической и экономической литературе еще не было попытки проследить работу Организации, а главное, дать оценку той своеобразной, единственной в своем роде форме государственно-капиталистической монополии, которую она собой представляла.

Русское правительство решило использовать французский опыт производства снарядов частной промышленностью, опыт штампования корпуса снаряда и применения для его изготовления не только стали, но и особого сорта чугуна — сталистого чугуна.

«Ген. Ванкову, — писал Маниковский, — пришлось создавать производство французских гранат почти из ничего: не было ни готового оборудования, ни руководителей, ни рабочих» [40]. Для помощи в технических вопросах французское командование прислало специальную миссию — артиллеристов и других специалистов под руководством майора, а позднее полковника Пио. Руководить новым делом было поручено начальнику Брянского арсенала С. Н. Ванкову.

Ванков оказался не только знающим артиллеристом, но и прекрасным организатором. Преодолевая большие препятствия, исходившие, в первую очередь, со стороны работников Военного министерства, он все же сумел организовать новое большое дело, к которому привлек около 300 предприятий разного типа — металлургических, металлообрабатывающих, текстильных, кустарных мастерских, лабораторий высших учебных заведений, мельниц, винных складов, предприятия военно-промышленных комитетов и городских союзов.

Кооперировав предприятия, Ванков поручал изготовление одной части снаряда группе предприятий с головным заводом во главе. В целом огромная Организация, созданная Ванковым, напоминала, по словам официального отчета, «организацию крупного промышленного предприятия с директором-распорядителем во главе» [41] и с мощным техническим аппаратом — управлением Организации. Это не была просто раздаточная контора, как ГАУ, которое только оформляло договоры на изготовление снарядов, а своеобразный комбинат, руководитель которого снабжал предприятия сырьем, топливом, финансировал их, оказывая помощь рабочей силой и техническим руководством, окончательно разрешал все экономические вопросы. Кроме того, он имел большую административную власть над собственниками предприятий.

[40] Там же, изд. 3, стр. 90.

[41] «История Организации уполномоченного Главным артиллерийским управлением по заготовлению снарядов по французскому образцу генерал-майора С. Н. Ванкова. 1915—1918 гг.». На правах рукописи. М., 1918 (далее — «История Организации Ванкова»), стр. 4.

Организация Ванкова явилась опытом технической мобилизации в Средней и Южной России мелких и средних предприятий, опытом наиболее удачным из всего, что создали царское правительство и русская буржуазия за время первой мировой войны.

9 апреля 1915 г. Военный совет утвердил выдачу первого заказа на 1 млн. штук гранат и 1010 тыс. взрывателей и трубок к ним, точно обусловив, что производство гранат должно происходить в таких районах и на таких фабриках и заводах, «которые не работают на Главное артиллерийское управление»[42]. Был отпущен первый кредит в 21,8 млн. рублей и установлены сроки поставки — 1 декабря 1915 г.

В начале мая 1915 г. 37 заводов приступили к изготовлению корпусов снарядов, 12 химических заводов приняли участие в выработке взрывчатых веществ, 3 завода изготовляли калибры инструментов. Через месяц «на Ванкова» работали уже 49 заводов. До конца июня Ванков получил новые заказы на 2 млн. штук гранат и 2,6 млн. запальных стаканов и трубок к ним; срок исполнения заказа был определен к 1 июля 1916 г.[43] Впоследствии количество заказов выросло (к марту 1917 г.) до огромных цифр: корпуса трехдюймовых гранат — 16 540 тыс. штук, запальных стаканов — 17 090 тыс. штук, детонаторных трубок — 17 590 тыс. штук. Кроме того, Организация Ванкова исполняла заказы на 6-дюймовые бомбы (740 тыс. корпусов), 48-линейные бомбы и большие заказы на снаряды для румынской армии. Большинство заказов было выдано Особым совещанием по обороне государства в 1916 г.

Осенью 1915 г. ввиду огромного расширения производства и необходимости улучшить техническое руководство заводами С. Н. Ванков создал семь районных организаций, возглавляемых генералами и офицерами, с техническим и административным штатом работников[44]. Крупнейшие из них — Московский и Южный районы. Московский район объединил работы около 100 различных предприятий; на его долю приходилось около 40% всей продукции Организации[45]. Южный район объединял большое количество предприятий Донец-

[42] «История Организации С. Н. Ванкова», стр. 8. Однако целый ряд важных вопросов технического характера относительно прав и полномочий Ванкова не был разрешен, и это затормозило работу.

[43] С 22 мая 1915 г. по 1 января 1918 г. Организация Ванкова заключила около 450 договоров с предприятиями на поставку многих миллионов корпусов снарядов и их снаряжения.

[44] Вне районных организаций находились пять предприятий, подчиненных непосредственно Главному управлению, в том числе два снаряжательных завода крупнейшего контрагента Ванкова — московского предпринимателя Н. А. Второва, Чусовской завод, изготовлявший стальную заготовку, Омские и Тюменские железнодорожные мастерские, изготовлявшие корпуса 3-дюймовых гранат, и завод товарищества Кольчугина, поставлявший медные ведущие пояски для снарядов.

[45] Район поставил около 1/3 всех корпусов 3-дюймовых гранат, около 25% запальных стаканов, около 50% детонаторных трубок (в 1915 г.— 30%, а в 1916 г.— от 48 до 55%) («История Организации С. Н. Ванкова», стр. 151—155).

кого бассейна, Северного Кавказа и Баку[46]. Предприятия района давали 91% стали, шедшей на изготовление снарядов и запальных стаканов; здесь же было сосредоточено штампование стаканов для изготовления корпусов гранат (90%). Юг являлся поставщиком сталистого чугуна для отлива бомб, большинство которых также было сделано на юге (94%). Однако оборудование южных предприятий металлообрабатывающими станками было слабым.

В Киевском районе Организация Ванкова объединила работу 56 предприятий мелких мастерских, винных и сахарных заводов[47]. Успех своей работы здесь Ванков связывал с помощью Киевского военно-промышленного комитета. Крупнейший сахарный заводчик М. И. Терещенко создал снарядный завод, хорошо оборудованный для производства снарядов крупных калибров. Само оборудование также было поставлено на месте, в Киеве. Второй снарядный завод был организован членом Государственной думы В. Я. Демченко в помещении винного склада и на его базе. Оборудование было взято из винных складов и ремесленных школ. Киевский район сыграл ведущую роль в изготовлении отливок корпусов крупных бомб из сталистого чугуна.

В Петроградском районе у Ванкова было всего семь предприятий[48], так как вся промышленность столицы была наполнена военными заказами. Но район играл очень важную роль в изготовлении запальных стаканов (почти 2,5 млн. штук) и детонаторных трубок (9,2 млн. штук). Один из заводов «Акционерного общества оптического и механического производства» производил сборку трубок для всей Организации. На долю завода «Русский Рено»[49] приходится 46% всего количества детонаторных трубок, выполненных Организацией, и 2 млн. запальных стаканов.

В Одесском районе в Организации Ванкова было объединено 70 предприятий — в огромном большинстве «совсем небольших мастерских» с примитивным оборудованием. Из крупных предприятий выделялся завод акционерного общества Р. и Т. Эльворти в Елисаветграде, изготовивший 4 млн. штук запальных стаканов[50].

В Ярославском районе основу организации представляли мастерские железных дорог, текстильные предприятия, мельницы и ряд механических заводов в Ярославле и Рыбинске. 11 предприятий района приняли заказы на обработку тяжелых снарядов, но уже в конце 1916 г. предприятия испытывали недостаток в материалах и чугунном литье[51].

Тамбовский район объединял мелкие предприятия сельскохозяйственных губерний. Большинство предприятий возникло во время

[46] Там же, стр. 156—162. Управление Организации Ванкова поставило заводам Южного района около 200 станков. Южный район совместно с Одесским изготовил 4,7 млн. штук корпусов 3-дюймовых гранат. Южный район сыграл решающую роль в усовершенствовании литья корпусов тяжелых снарядов.

[47] «История Организации С. Н. Ванкова», стр. 163—164.

[48] Там же, стр. 164.

[49] Филиал французского общества «Рено».

[50] «История Организации С. Н. Ванкова», стр. 165.

[51] Там же, стр. 166—167.

войны. Здесь производство росло до конца 1916 г., затем началось резкое сокращение вследствие «расстройства транспорта». Все же район изготовил свыше 1 млн. корпусов 3-дюймовых гранат, около 400 тыс. запальных стаканов и др.[52]

Организация Ванкова опиралась в своей деятельности на помощь военно-промышленных комитетов, особенно Киевского, Иваново-Вознесенского, Саратовского.

Рассмотрение деятельности Организации Ванкова по районам показывает, что принцип кооперации крупных предприятий с мелкими, выполняющими какую-либо деталь производства, разделение труда между ними дали значительный эффект и помогли сильно увеличить производство снарядов.

С. Н. Ванков сумел укомплектовать свою организацию и заводы техническими кадрами и получить в качестве рабочей силы 7515 солдат[53]. Путем прямых договоров с синдикатом «Продамета» были преодолены трудности снабжения металлами.

Бедность заводов механическим оборудованием навела на мысль о штамповке стаканов и корпусов гранат. Разрешение этой задачи помогло поднять производительность заводов по выпуску снарядов. Штамповкой стаканов для 3-дюймовых снарядов было занято 13 заводов[54].

Процесс организации производства снарядов встречал массу трудностей, которые Ванкову удалось преодолеть только к концу 1915 г. Предприятия первоначально срывали сроки поставки снарядов, особенно по первому заказу на 1 млн. снарядов. Комиссия Особого совещания под председательством А. З. Мышлаевского, обследовавшая предприятия Московского района, входившие в Организацию Ванкова, установила, что, например, Коломенский завод сдал к 1 сентября лишь 1855 штук гранат, к производству взрывателей «едва приступлено и ничего не сдано. К остальным заказам не приступлено»[55]. Между тем Коломенский завод являлся одним из крупнейших заводов страны с хорошим техническим оборудованием. Снаряды и взрыватели занимали у него 41,2% (20 612,5 тыс. руб.) от общей суммы заказов в 50 млн. руб.[56] Три других крупнейших завода —

[52] «История Организации С. Н. Ванкова», стр. 170.

[53] Там же, стр. 39.

[54] В октябре 1915 г. отштамповано 31 тыс. стаканов, в январе 1916 г.— 138,8 тыс., а в апреле 1916 г.— 334 тыс. («История Организации С. Н. Ванкова», табл. к стр. 49).

[55] ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 9, л. 2. Обследование происходило 1—3 сентября 1915 г., т. е. в начале деятельности Особого совещания по обороне. Изготовление запальных стаканов Коломенский завод передал Харьковским заводам, а детонаторных трубок — Подольскому заводу «Зингер».

[56] Комиссия дала интересный анализ заказов завода. На 1 марта 1915 г. из общей массы заказов (31,4 млн. руб.) снаряды составляли лишь 15,1%, прочие военные заказы казны морского ведомства и других заводов, работавших на войну,— 12,5%. Больше половины заказов — 52,5% — составляли заказы Министерства путей сообщения и 20% — частные заказы; к 1 сентября 1915 г. частные заказы сократились до 4%. Заказы Министерства путей сообщения сократились в 2 раза — до 27,4%, зато снаряды и прочие военные заказы занимали 68,6%, т. е. составляли $^2/_3$ всех заказов. Так «перестраивались» крупные заводы.

«Зингер» в Подольске, Люберецкий завод жатвенных машин и «Динамо» в Москве — оказались самыми неаккуратными поставщиками снарядов. Особое совещание по обороне должно было взять Организацию Ванкова под строгий контроль и помогало ей наладить производство. Оно посылало комиссии для обследования предприятий этой Организации, результаты работы которых заслушивались на заседаниях Совещания.

23 сентября 1915 г. Мышлаевский доложил Особому совещанию по обороне о ходе работ по изготовлению снарядов на 51 предприятии Московского района, которые предварительно были обследованы. Комиссия установила «некоторое, излишнее для обороны, внимание к коммерческим интересам» на Коломенском заводе и на арматурном заводе Ефремова. На заводах Американской компании в Люберцах, во главе которых стоял либавский немец Круминг, было отмечено пассивное сопротивление выполнению военных заказов.

Комиссия отметила неподготовленность заводов «к массовой точной фабрикации», отсутствие для этого соответствующего персонала и оборудования. Заводы были «совершенно незнакомы с производством снарядов» [57]. Однако, по мнению комиссии, не объективные условия (недостаток оборудования и рабочих) являлись главным препятствием выполнения заказов, а отсутствие надлежащего постоянного контроля за направлением работы и деятельностью заводов.

Путем ряда организационных мер (в частности, создания районов) по коренному улучшению технического руководства и внедрению новых методов производства Ванкову быстро удалось поправить дело и добиться невиданного роста производства корпусов снарядов. В январе 1916 г. его Организация произвела 245 тыс., в мае — свыше полмиллиона, а во второй половине 1916 г. производство снарядов шло на уровне 688—784 тыс. штук в месяц. В 1916 г. Организация Ванкова поставила 3-дюймовых гранат почти в 3 раза более, чем группа Путиловских заводов, и немного менее, чем все остальные заводы страны, вместе взятые, включая и группу Путиловских заводов [58]. Также успешно было разрешено изготовление запальных стаканов. Этой работой было занято до 37 заводов, которые изготовили свыше 12 млн. стаканов только для 3-дюймовых гранат.

Маниковский упрекал Ванкова в чрезмерном увлечении производством 3-дюймовых гранат в ущерб тяжелым снарядам. Этот упрек едва ли заслужен, ибо Организация Ванкова и создавалась специально для производства легких снарядов и с порученным делом она справилась лучше, чем другие контрагенты ГАУ. Не игнорировала Организация и производство тяжелых снарядов. В частности, ее заслугой является производство тяжелых снарядов из сталистого чугуна.

[57] ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 3, л. 4.

[58] Там же, оп. 3, д. 75. Журнал Подготовительной комиссии от 20 сентября 1916 г. За июль — август поставили гранат:

группа Ванкова	— 1,396 тыс. штук
» Путиловских заводов	— 540 » »
все остальные заводы	— 1240 » »

Сталистый чугун явился новшеством не только в снарядном деле, но и в технике вообще [59]. Бронебойные снаряды крупных калибров из этого металла производились в России уже в 70-х годах XIX в. на Путиловском заводе по инициативе Н. И. Путилова. Тогда же молодой русский металлург, впоследствии ученый с мировым именем Д. К. Чернов провел опыты получения сталистого чугуна в широком масштабе на Обуховском заводе [60]. Однако, как это часто бывало в царской России, проведенные опыты не повлекли массового изготовления снарядов, и достижения были забыты. Лишь война и недостаток снарядов и металла заставили военное начальство России взяться за изготовление снарядов из сталистого чугуна. Уже летом на ряде заводов была налажена отливка крупных снарядов, но их массовое изготовление затормозилось, ибо в Военном министерстве нашлись противники новшества, а к ним присоединились и представители науки в лице Чарновского [61].

В личном архиве Маниковского мы обнаружили записку Ванкова, написанную в защиту изготовления снарядов из сталистого чугуна [62]. Он доказывал не только техническую допустимость применения чугуна для изготовления снарядов, но и экономическую эффективность этой меры. По его мнению, боевая ценность 6-дюймовой мелинитовой фугасной бомбы из такого чугуна «высокая, не ниже, чем стальная». Фугасное действие 6-дюймовой бомбы не ниже стальной, особенно когда применялся французский взрыватель.

Ванков пришел к выводу о безусловной целесообразности в условиях нашей действительности перехода на изготовление сталечугунных снарядов [63].

Ему удалось сломить сопротивление противников и наладить массовое производство изготовления таких снарядов [64].

В вопросах снаряжения гранат Организация Ванкова опиралась на своего контрагента — московского промышленника Н. А. Второва. Крупный сибирский купец и банкир, человек с широким размахом, Второв был захвачен военным предпринимательским ажиотажем и развил кипучую деятельность в области снаряжения снарядов. При поддержке Военного министерства в 1915—1917 гг. он построил три крупных снаряжательных завода — два в Москве и один в Богород-

[59] *С. Н. Ванков.* Сталистый чугун (перлитовый чугун). Новый металл для машиностроения. М., 1930.

[60] «История Организации С. Н. Ванкова», стр. 59; *Д. К. Чернов.* О приготовлении стальных бронепробивающих снарядов.— «Д. К. Чернов и наука о металлах». М.— Л., 1950.

[61] В ноябре 1916 г. Чарновский подал председателю Московского заводского совещания Чердынцеву доклад «К вопросу о производстве чугунных взамен стальных корпусов гранат», содержащий резко отрицательную оценку производства снарядов из сталистого чугуна (ЦГА г. Москвы, ф. 848, оп. 1, св. 6, д. 31, лл. 1—3 об.).

[62] ЦГВИА, ф. 367, оп. 1, д. 10, л. 27. «Записка по поводу справки о снарядах сталистого чугуна», представленная Маниковскому 5 января 1915 г.

[63] «История Организации С. Н. Ванкова», стр. 56—69.

[64] Только за 11 месяцев 1917 г. было изготовлено свыше 1 млн. тяжелых снарядов из сталистого чугуна («История Организации С. Н. Ванкова», стр. 75).

ске [65]. На своих заводах Второв мог снаряжать сначала 750 тыс., а потом 1 млн. снарядов в месяц. Он не только удовлетворял потребность Организации Ванкова, но и снаряжал снаряды, приготовленные Путиловской группой заводов.

Всего на Организацию Ванкова работали до 300 предприятий. Они выполняли заказов на 470 млн. руб. и сыграли видную роль в снаряжении армии снарядами. Являясь представителем государства, Ванков имел большие административные права, но вместе с тем он являлся почти самостоятельным «предпринимателем», наделенным большой свободой в разрешении вопросов. Все это позволило Ванкову сколотить огромную Организацию и добиться больших результатов.

По своей сущности это была государственно-капиталистическая организация. Она не лишала возможности капиталистов наживаться на войне, но до некоторой степени ограничивала их аппетиты и производила снаряды дешевле, чем фирмы, не входившие в Организацию.

Оценивая работу Особого совещания по обороне, следует признать создание Организации Ванкова одним из наиболее удачных опытов практического сотрудничества буржуазии с государственной организацией, сотрудничества под эгидой государства, которое через своего представителя — Ванкова — производило вмешательство даже во внутренние дела предприятий.

В целом в деле обеспечения снарядами легкой артиллерии решающую роль сыграли частные заводы. Из общего количества 54—56 млн. снарядов [66], изготовленных внутри страны, на 9 казенных заводах было выработано лишь 8,3 млн. 76-мм снарядов; на 11 мощных частных заводах — 26,5 млн., или 49% всего производства, и на 17 частных второстепенных заводах — 5,2 млн. снарядов, или 9,6% [67]. Приведя эти данные, Маниковский делает неправильный вывод о том, что мелкими заводами («мелюзгой») вообще не стоило заниматься, а достаточно было разместить заказ крупным заводам и их развивать. Между тем мелкие предприятия изготовляли довольно значительное количество снарядов, а еще более велика их роль в изготовлении отдельных деталей снарядов.

Насколько улучшилось дело с легкими снарядами, видно из того, что к 1 января 1917 г. русская армия располагала запасом в 16,3 млн. выстрелов, что давало по 3000 снарядов на легкую и 3500 выстрелов на горную пушку. К 1 апреля 1917 г. количество снарядов перевалило за 22 млн. штук, или по 4 тыс. выстрелов на орудие [68]. Уже на конференции в Петрограде в январе 1917 г. Россия отказалась от помощи союзников в легких снарядах.

[65] Первый завод Второв построил на базе реквизированной красочной фабрики «Байер Ф. и К°».

[66] В работе А. А. Маниковского встречаются обе цифры.

[67] *А. А. Маниковский.* Указ. соч., изд. 3, стр. 521 или ч. 3, изд. 1, стр. 167—168. Маниковский считал, что осуществить план развития только крупных предприятий мешало отсутствие закона о всеобщей промышленной мобилизации.

[68] Там же, ч. 3, изд. 1, стр. 142, 143.

Приведенные данные показывают, что только в 1916 г. Особое совещание по обороне справилось с задачей достаточного снабжения легкой артиллерии снарядами За 1915—1916 гг. их было отправлено на фронт около 30 млн только русского производства и 9,2 млн.— иностранного [69].

Производство снарядов средних калибров в России также успешно было освоено. Большую часть их давали частные предприятия Из 11,7 млн выстрелов лишь около 2,5 млн. дали казенные заводы и свыше 9 млн — частные [70] Удельный вес заграничных поставок средних снарядов по отношению к внутреннему производству равнялся 23%

Что касается общего итога снаряжения русской армии снарядами, то на 72,3 млн. выстрелов всех родов 56,6 млн. изготовлено русскими заводами, а 15,6 млн. выстрелов (около 21%) поступило в Россию из-за границы [71]. За исключением снарядов крупных калибров, русская промышленность начиная с конца 1915 г давала уже достаточное количество снарядов Очень плохо обстояло дело с тяжелыми снарядами (от 203 до 305 мм). За все время войны их было изготовлено около 40 тыс штук и в 2 раза более того поступило из-за границы. В России их производство было организовано только в 1916 г.

Особое совещание оказалось бессильным справиться с задачей производства тяжелых снарядов Маниковский объясняет это главным образом сопротивлением заводчиков, для которых изготовление 3-дюймовых снарядов было самым выгодным и простым делом, поэтому «все заводчики алкали именно 3-дюймовых снарядов» [72] Если и энергичному Маниковскому не удалось справиться с этой задачей, очевидно, в этом деле были серьезные трудности. Они заключались, главным образом, в отсутствии опыта и слабости оборудования предприятий.

После привлечения частной промышленности к производству снарядов и организации Совещания по обороне проблема снарядов, за исключением тяжелых, уже в 1916 г. в основном была решена русской промышленностью. Значительную роль в налаживании и развертывании снарядного производства сыграло Особое совещание по обороне, привлекавшее к производству снарядов крупные и мелкие предприятия, обеспечившие их деньгами, металлом, топливом и инженерно-техническим руководством. Буржуазные общественные организации — военно-промышленные комитеты и Всероссийские земские и городские союзы — играли второстепенную роль, но и их деятельность помогала Совещанию организовать мелкие предприятия и привлечь их к изготовлению снарядов.

Благодаря энергичным мерам, принятым начальником ГАУ А. А. Маниковским и Особым совещанием по обороне, снабжение

[69] *А. А. Маниковский.* Указ соч, ч 3, изд 1, стр 234.
[70] Там же, изд 3, стр 548—549.
[71] Там же, изд 3, стр 560
[72] Там же, ч 3, изд 1, стр 173

армии артиллерийскими снарядами к январю 1916 г. значительно улучшилось. Ежемесячное поступление в армию снарядов внутреннего производства было следующее: в 1914 г. — 150 тыс.; в 1915 г.— 950 тыс., или в 6 раз более, чем за первые месяцы; в 1916 г.— 1850 тыс., или в 12 раз более, чем в 1914 г., и в 2 раза более 1915 г.

20 января 1916 г. в Особом совещании по обороне слушался доклад Маниковского о ходе артиллерийского снабжения армии [73]. Уже тогда Совещание признало поворот в деле снабжения армии снарядами. Как гласит журнальная запись, частью членов Совещания «был отмечен значительный успех, достигнутый за время настоящей войны в изготовлении снарядов, число коих неуклонно возрастает». Критически настроенные к деятельности ГАУ члены Совещания, «признавая наличность значительных улучшений в деле поставки снарядов», указывали на необходимость дальнейшего использования русской промышленности для увеличения производства снарядов. Месячная программа производства снарядов равнялась тогда 100 паркам, или почти всему количеству предвоенных запасов ГАУ (112 парков), но она еще не выполнялась. Представители Центрального военно-промышленного комитета рекомендовали привлечь к изготовлению снарядов южные заводы, где имелись запасы стали. Отвечая своим критикам — Коновалову и Зернову, Маниковский заявил, что «все меры, могущие повести к усилению производства снарядов, уже приняты, и заводы не имеют более свободной производительности», так как используется все наличие станков и рабочей силы [74]. Руководитель артиллерийского ведомства указывал на перебои в в доставке заводам металла и топлива и считал возможным сколько-нибудь значительное увеличение производства снарядов только при условии подвоза их из-за границы. По словам председателя подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам Тимашева, программа в 100 парков в месяц представляла при том состоянии перевозок «предел пожеланий». Другие члены Совещания также признавали «крайнее напряжение отечественной промышленности, работающей на артиллерийское ведомство». Мышлаевский, ведавший металлами, указывал на отсутствие стали. Дальнейшее увеличение производства упиралось в недостаток металла и топлива, который обострился через несколько месяцев.

В апреле 1916 г. в связи с требованием Штаба верховного главнокомандующего усилить поставки снарядов тяжелой артиллерии Особому совещанию вновь пришлось вернуться к обсуждению этого вопроса. Из состоявшегося обмена мнений выяснилось, что удовлетворить требования Ставки артиллерийское ведомство не может, так как заказы тяжелых снарядов в России достигли своих пределов и не поддаются дальнейшему увеличению, а союзницы — Англия и Франция — после опыта Вердена не доставляют нам снаряды в тех размерах, как это было обещано [75]. К июлю 1916 г., за один год,

[73] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54, лл. 185 об.— 187. ЖОСО, № 41, 21 января 1916 г.
[74] Там же, л. 186.
[75] Там же, д. 176, л. 46. ЖОСО, № 63, 16 апреля 1916 г.

Таблица 2

Заготовительные цены на частных и казенных заводах в 1916 г

Наименование предметов	Средние цены		Переплата	Примерная потребность по январь 1918 г	Сумма переплаты казной частным заводам, в руб
	частные заводы	казенные заводы			
	руб коп	руб коп	руб коп		
3-дюимовые шрапнели (76-мм)	15—32	9—83	5—49	33 000 000	181 170 000
3-дюймовые гранаты (76-мм)	12—13	9	3—13	33 000 000	103 290 000
48-линейные бомбы (122-мм)	45—58	30	15—58	14 000 000	218 120 000
42-линейные шрапнели (107-мм)	35	15	20	2 500 000	50 000 000
6-дюймовые гаубичные бомбы (132-мм)	70	48	22	4 000 000	132 000 000
6-дюймовые гаубичные шрапнели (152-мм)	60	36	24	600 000	14 400 000
6-дюймовые пушечные бомбы (152-мм)	70	42	28	1 000 000	28 000 000
Взрыватели ЗГТ	10—55	8—42	2—13	33 000 000	70 290 000
» УГТ	12—50	11—11	1—39	20 500 000	28 495 000
Дистанционные трубки 22-сек	7	5—50	1—50	9 500 000	14 250 000
Капсюльные втулки	1	0—45	0—55	80 200 000	44 110 000
Бездымный порох	100	72	28	7 500 000	210 000 000
Итого	—	—	—	—	1 094 125 000

производство средних и тяжелых снарядов утроилось (вместо 73 тыс. изготовлялось до 210 тыс. в месяц). Дальнейший рост производства встречал препятствия (недостаток металла, рабочих рук, неналаженность транспорта). Но острый недостаток в тяжелых снарядах не был ликвидирован. В ходе летнего наступления 1916 г. побывавший на фронте Родзянко отмечал особенно острую нужду именно в тяжелых снарядах [76]. Алексеев требовал увеличения количества тяжелых снарядов, по крайней мере, вдвое.

Оценивая всю работу, проделанную ГАУ и Особым совещанием по обороне в области изготовления снарядов, следует сказать, что именно эта отрасль военного производства сравнительно с другими отраслями военной техники развивалась наиболее успешно. В 1916 г. производство достигло такого уровня, который, за исключением тяжелых снарядов, мог полностью удовлетворить предъявляемый Ставкой запрос. В связи с общим экономическим кризисом в стране в 1917 г производство снарядов сократилось. В снарядном деле ре-

[76] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 178, л 60 ЖОСО, № 84, 29 июня 1916 г

шающую роль сыграли частные заводы. Одна Организация Ванкова дала стране снарядов больше, чем все иностранные поставки.

Производство снарядов было чрезвычайно прибыльным для капиталистов. Обычно казна оплачивала все затраты на расширение производства. Эти затраты включались в цену первой партии снарядов, но последующие поставки производились по дорогим ценам. По подсчетам начальника Главного артиллерийского управления Маниковского, казна переплатила промышленникам только на поставках снарядов сверх средних цен на казенных заводах около 1100 млн. руб.[77] Цены на частных заводах были значительно выше цен на казенных заводах, и это Маниковский иллюстрировал в своем докладе следующей таблицей (см. табл. 2).

Правительство искало выход не в усилении контроля над частными заводами, не в установлении фиксированных цен, не в конфискации производства, не в принудительном трестировании предприятий, а в широкой программе строительства казенных заводов, которая в лучшем случае могла быть выполнена к концу войны.

Производство артиллерии

Снабжение русской армии артиллерией производилось во время войны двумя частными и тремя казенными заводами. Кроме того, были еще казенные арсеналы, на которых проводился ремонт орудий. Самым крупным поставщиком артиллерии был частный Путиловский завод. Второй частный завод — Царицынский — начал давать продукцию лишь в 1916 г.

Из казенных заводов Обуховский сталелитейный издавна обслуживал потребности морского флота, Пермский пушечный был в распоряжении горного ведомства, и только Петроградский орудийный находился в распоряжении ГАУ и явился базой снабжения артиллерией русской армии. В действительности Петроградский завод представлял собой мастерскую. Даже после расширения (1913 г.) он не был в состоянии самостоятельно изготовлять орудийные системы и зависел в поставке поковок от Сормовского завода. Уже во время войны, когда число рабочих на нем утроилось, это было среднее предприятие с количеством механических станков менее 800 [78].

Обуховский завод был приспособлен для изготовления орудий самых крупных калибров — 14- и 16-линейных; изготовление легкой артиллерии было ликвидировано, а все соответствующее оборудование передано в другие мастерские. Только весной 1915 г. завод вернул старое пушечное оборудование и приступил к изготовлению легких орудий. Целый год был потрачен на доставку из Америки необходимых станков.

Третий казенный завод — Пермский — также переживал перед войной кризис. Только в июне 1913 г. были отпущены большие сред-

[77] Там же, оп. 3, д. 119, лл. 1—12. Доклад начальника ГАУ военному министру от 20 октября 1916 г.

[78] Там же, ф. 962, оп. 2, д. 128, тетр. 6, стр. 8.

ства — 10,6 млн. руб. — на его переоборудование, однако до начала войны завод получил и израсходовал лишь мизерную сумму. «Изложенные обстоятельства,— пишет обследовавший завод граф Бобринский,— привели к тому, что к началу текущей войны Пермский завод горного ведомства оказался совершенно необорудованным для изготовления орудий не только крупнейших калибров, но даже средней артиллерии. Существующее же на заводе оборудование для изготовления легких орудий до 6-дюймовых включительно... во многих отношениях не отвечало требованиям современной техники» [79]. Неудивительно, что в 1916 г. при условии получения нового оборудования его производительность проектировалась от 80 до 125 орудий в месяц. В целом отношение «правящих сфер» к артиллерийским заводам, по словам Маниковского, «нельзя назвать иначе, как преступным» [80].

В 1911 г. поступило заявление от директора завода «Виккерс» Барркера с предложением построить в России поближе к источникам сырья большой пушечный завод [81]. Вслед за Барркером в Россию прибыл директор завода «Шнейдер и К⁰» Девиз и предложил построить такой же завод в Петрограде.

Началась борьба «в сферах», задержавшая разрешение вопроса года на два. Коковцов и морской министр тянули сторону англичан, а вел. кн. Сергей Михайлович и представители сухопутной армии — сторону французов. Тогда учредители прямо обратились в Совет министров. В своем письме англичане сообщали уже о произведенных затратах и обещали пустить завод в действие к концу 1913 г., если правительство выдаст фирме необходимый заказ. Дело рассматривалось в комиссии Вернандера, которая отклонила предложения англичан, ибо принятие их отдавало морское и военное ведомство «в полную кабалу» «Виккерсу», и высказалась в пользу предложения Русско-Азиатского банка; Путилов предлагал создать новый металлургический завод для производства тяжелых орудий и, кроме того, расширить производство мелких и средних орудий на существующем заводе.

Совет министров в заседаниях 8 апреля и 13 мая 1913 г. признал необходимость постройки частного артиллерийского завода в центре России или в Нижнем Поволжье, но отдал предпочтение «Виккерсу», считая, что решающим является вопрос о качестве орудий.

В сентябре 1913 г. Морское министерство подписало соответствующий договор с учредителями о постройке завода и выполнении заказа на орудия. Договор был явно невыгодным, ибо он ограничивал

[79] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 128, тетр. 6, стр. 16.
[80] *А. А. Маниковский.* Указ. соч., изд. 3, стр. 149.
[81] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 128. Справка об образовании Царицынского артиллерийского завода, составлена гр. Бобринским. По этому же вопросу см.: показания вел. кн. Сергея Михайловича (там же, д. 6), показания Балинского Верховной следственной комиссии (там же, д. 52, лл. 193—195; оп. 1, д. 174. ЖОСО, № 60, 30 марта 1916 г. Приложение — Журнал Наблюдательной комиссии по вопросу о положении дел на Царицынском орудийном заводе, лл. 190—200).

право правительства расширять производство русских заводов. Кроме того, завод добился разрешения разместить в Англии $^2/_3$ заказа на тяжелые 14-дюймовые орудия (24 из 36).

Однако все сроки строительства завода были сорваны. К 1 февраля 1915 г. необходимых цехов еще не было. Комиссия, обследовавшая завод в середине сентября 1915 г., и тогда не нашла сталелитейной кузницы, водопровода, завод не имел ни калибров, ни инструментов, ни опытных рабочих. Новый обследователь, посетивший завод в январе 1916 г., нашел завод недостроенным — сталелитейная находилась «в зачаточном состоянии», правление завода не принимало мер к ускорению строительства, так как члены правления — представители банков — «не сочувствуют чрезвычайным затратам в связи со срочным оборудованием завода во время войны».

Трудность положения для правительства заключалась еще и в том, что дельцы из правления общества Царицынского завода получили от Особого совещания в июле 1915 г. огромный заказ на 2500 трехдюймовых орудий по цене значительно более высокой, чем обычные заказы [82]. Не выполнив старых заказов, Общество наживалось на новых, причем издержки по строительству завода фактически несло правительство.

Таким образом, до второй половины 1916 г. производство артиллерии было фактически налажено лишь на одном частном заводе — Путиловском.

В первую мировую войну спрос на артиллерию быстро рос. Некоторые виды артиллерии — осадная, зенитная — совсем не предусматривались мобилизационным расписанием. Производство не поспевало за предъявляемым спросом. Заводами внутри страны в 1915 г. было изготовлено 2106 орудий, в 1916 г. — в 2,5 раза более — 5127 орудий, а в 1917 г. — 4428 орудий.

В переводе на 76-мм орудия, заводы изготовили 17 869 новых орудий и отремонтировали свыше 1000 изношенных орудий [83]. Конечно, это было очень мало.

Но все же артиллерийские заводы покрывали многочисленные потери в артиллерии и дали возможность усилить парк армии с 8000 до 15 000 орудий. Максимум производства артиллерии, так же как и снарядов, был достигнут только в 1916 г. прежде всего за счет изготовления легкой артиллерии. С производством тяжелой, полевой и особенно осадной артиллерии дело обстояло значительно хуже. Особое совещание по обороне охотно принимало иностранные предложения на поставку тяжелых орудий, не считаясь с финансовой стороной дела. 30 сентября 1915 г. Беляев доложил Совещанию о готов-

[82] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 50, л. 65. ЖОСО, № 14, 11 июля 1915 г. Вышнеградский, представлявший «Русское акционерное общество артиллерийских заводов», должен был начать поставки орудий с марта 1916 г. по 75 штук в месяц, с мая — по 125 и с июля — по 150. Цена без аммортизации — 9224 руб. за орудие.

[83] *А. А. Маниковский.* Указ. соч., изд. 3, стр. 404—407. В цифру отремонтированных орудий не вошли орудия, потребовавшие более мелкого ремонта. Таких орудий было отремонтировано свыше 5500 штук.

ности французского правительства принять заказ на изготовление 400 тяжелых орудий для России с поставкой их по 32 штуки в месяц начиная с 1 июля 1916 г. по цене 72 тыс. франков за орудие, или на 12,5% дороже последней заготовительной цены. Французские фирмы согласились поставлять по четыре 11-дюймовых гаубицы в месяц, но на 15% выше заготовительной цены. Совещание приняло оба эти предложения [84].

Еще в октябре 1915 г. Особое совещание не рассчитывало на получение тяжелых орудий (8- и 12-дюймовых) из Англии [85]. Главные надежды возлагались на тяжелые орудия, эвакуированные из крепостей, которые и являлись «материалом для новых формирований». Весной 1916 г. во время верденских боев англичане стали усиленно пополнять свою тяжелую артиллерию и отказали России в 6- и 8-дюймовых гаубицах, которые изготовлялись для России и по ее заказу. Заказ пришлось передать американской фирме Мидваль [86].

В связи с обсуждением французских заказов на артиллерию осенью 1915 г. перед Совещанием встал вопрос о положении дела с тяжелой артиллерией. Председатель Комиссии по артиллерийским делам Тимашев сообщил Особому совещанию, что 42-линейных пушек надо получать по 30 штук в месяц, а фактически же за восемь месяцев ничего не получено; 48-линейных пушек необходимо 83 штуки в месяц, а при условии исправности всех поставщиков можно получить не более 50; 6-дюймовых орудий получили 8 вместо необходимых 20 в месяц.

Увеличить производство орудий на Путиловском заводе можно было за счет сокращения производства паровозов. Это мероприятие дало бы возможность к январю 1916 г. получать в месяц на 50 3-дюймовых орудий больше. Тогда общее количество этих орудий достигло бы 190 штук в месяц [87]. Впоследствии оказалось, что завод и без сокращения программы по паровозостроению стал давать свыше 200 орудий в месяц, а все заводы в конце 1916 г. производили до 800 76-мм орудий в месяц.

Что касается тяжелой и осадной артиллерии, то все русские заводы поставили за 1915—1917 гг. лишь 147 орудий, 635 орудий поступило из-за границы, что никак не могло удовлетворить потребностей русской армии. Больше всего тяжелых орудий поставила Франция (246), потом Англия (200) и Япония (148), а Америка поставила всего лишь 41 орудие [88]. В Особом совещании по обороне обсуждался вопрос о покупке у Японии наших старых реставрированных орудий периода русско-японской войны, но от этого отказались.

По всем видам артиллерии Россия получила из-за границы (за исключением бомбометов и минометов) в 1915 г. всего 397 орудий, в 1916 г.— 1066 и в 1917 г.— 635, из которых 200 так и остались в Италии [89]. В переводе на 76-мм пушки иностранные государства пос-

[84] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 55, лл. 9—10. ЖОСО, № 11, 30 сентября 1915 г.
[85] Там же, д. 54, л. 57. ЖОСО, № 18, 24 октября 1915 г.
[86] Там же, д. 174, л. 50. ЖОСО, № 53, 5 марта 1916 г.
[87] Там же, д. 55, лл. 12—13. ЖОСО, № 11, 30 сентября 1915 г.
[88] *А. А. Маниковский.* Указ. соч., изд. 3, стр. 417.
[89] Там же, стр. 408, табл. 39.

тавили России 5625 единиц, или около 23% орудий, полученных русской армией, причем на долю Англии приходилось 48%, Франции — около 30%, Японии — 20% и Америки — около 2% [90].

На заграничные заказы предметов боевого снабжения расходовались большие деньги. «За три года войны Россия выдала заказов только одной Америке на сумму около 1287 млн. долларов. Главную массу, до 70%, составляли артиллерийские заказы; по этим заказам Россия влила в американский рынок почти 1800 млн. золотых рублей и притом без достаточно положительных для себя результатов» [91].

А. А. Маниковский еще в ходе войны признал ошибочность равнения Особого совещания по обороне и Военного министерства на заграничные рынки. Что касается союзников России — англичан и французов, у которых Россия разместила заказы, они и сами размещали огромные заказы в США. Американский же рынок был слабо подготовлен к выполнению военных заказов и «лишь в ничтожной степени удовлетворил наши потребности в наиболее горячее время, несмотря на громадные цены, которые нам пришлось платить.

Таким образом, без особо ощутительных результатов для нашей армии нам пришлось влить в американский рынок колоссальное количество золота, создать и оборудовать на наши деньги массу военных предприятий; другими словами, произвести за наш счет генеральную мобилизацию американской промышленности.

В степени меньшей, но все же значительной, мы сделали то же самое и для промышленности Англии, Франции и Японии. В итоге мы сознательно помогли и этим странам в столь трудном деле, как развитие военной промышленности» [92]. Значит ли это, что царская Россия совсем могла обойтись без иностранных рынков? Нет, не значит. Однако развивая предприятия внутри страны, «можно было бы в значительной степени сократить число потраченных миллиардов... Если бы так было поступлено с того момента, как выяснился истинный масштаб войны, то ныне картина была бы, конечно, иная» [93].

Подводя итоги, следует сказать, что Особое совещание по обороне с большим опозданием наладило производство легкой артиллерии, бомбометов и минометов, неудовлетворительно организовало производство артиллерии средних калибров и совершенно провалилось с производством тяжелой артиллерии.

Военное ведомство не приспособило ни один из частных заводов — паровозостроительных или иных — под артиллерийское производство. Зависимость правительства от двух монополистических объединений — Царицынской группы заводов, объединившей пять крупнейших предприятий страны (в том числе Сормовский и Коломенский заводы) и группы заводов Русско-Азиатского банка, объединявшей во-

[90] Там же, стр. 410, табл. 40.
[91] Там же, стр. 622.
[92] ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, лл. 1—12. Доклад начальника ГАУ А. А. Маниковского от 20 октября 1916 г. о программе заводского строительства военному министру.
[93] Там же.

семь предприятий,— связывала деятельность ГАУ. В Особом совещании по обороне были сильные сторонники обеих групп, которые определяли политику правительства и Совещания.

Борьба вокруг секвестра Путиловского и Царицынского заводов

Путиловский завод был крупнейшим поставщиком артиллерийского вооружения армии. Положение на нем было типичным для других крупнейших предприятий страны, работающих на оборону, получавших многомиллионные ссуды и добившихся большого увеличения производства.

Путиловский завод кооперировался в выполнении военных заказов (3-дюймовых гранат) с восьмью другими предприятиями: Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов; Русско-Балтийское судостроительное и механическое общество; Российское общество оптического и механического производств; завод П. В. Барановского; Невский судостроительный и механический завод; Общество Коломенских заводов; Тульский меднопрокатный завод; Путиловская верфь [94].

В связи с запозданием выполнения принятых заказов Особое совещание по обороне произвело обследование Путиловского завода. Председателем комиссии был А. И. Гучков. 31 июля 1915 г. Особое совещание по обороне заслушало его доклад. Обследование обнаружило огромную перегрузку завода заказами, задолженность Общества Путиловских заводов казне и частным банкам, снижение расценок рабочим [95]. С середины 1913 г. до начала 1915 г. завод заключил 19 контрактов с военным ведомством и 4 — с морским. Среди контрактов значатся:

1500	штук	3-дм скорострельных пушек
420	»	48-линейных гаубиц
320	»	3- дм конных пушек
Около 500	»	3-дм горных пушек
154	»	крепостные пушки разных калибров и т. д.[96]

К 1915 г. завод взял заказ на 3 млн. артиллерийских снарядов.

В деятельности правления Общества Путиловских заводов была отмечена тенденция «отлагать выполнение старых заказов, заключенных по более низким ценам мирного времени, для выполнения нарядов, даваемых во время войны по более высоким ценам». Комиссия признала «неосновательными» ссылки правления на неполучение станков и угля, как на причины невыполнения заказов, и указала на

[94] ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 32, лл. 16—61 об. «По вопросу о развитии артиллерийского дела на Путиловском заводе. 1910—1915 гг.». Заключение к объяснениям правления Общества по докладу комиссии А. И. Гучкова. Доклад комиссии Гучкова.

[95] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 50, лл. 88 об.— 89. ЖОСО, № 19, 31 июля 1915 г.

[96] ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 32, л. 51.

ряд мер, осуществление которых повело бы к «значительному повышению производительности завода».

В справке, представленной правлением, указывалось прежде всего на заслуги завода перед русской артиллерией. «Смело можно сказать, что почти половина нашей артиллерии есть артиллерия Путиловского завода». Далее отмечались препоны военного ведомства к развитию артиллерийского производства в России. В 1909 и 1912 гг. правление предлагало расширить и перестроить артиллерийские цехи завода, организовать производство пушек крупных калибров, даже построить филиал завода внутри России. Эти предложения были отвергнуты. Правление вошло в соглашение с фирмой «Крезо» и на свой риск стало расширять артиллерийский отдел. К началу войны переоборудование прессовой и кузницы не было закончено. С 1910 по 1915 г. правление затратило 9 млн. руб. на артиллерийский отдел завода, 7,3 млн. руб. — на металлический отдел, 2,7 млн. руб. — на вспомогательное оборудование. Количество станков в артиллерийском отделе было увеличено за время войны с 510 до 928 штук, а ценность продукции за первый год войны увеличилась с 11 до 27 млн. руб. В 1915 г. артиллерийский отдел должен был дать продукцию стоимостью в 45 млн. руб. (со шрапнелью), или в 6,5 раз более, чем в 1912 г.[97] Таковы были данные, представленные правлением и свидетельствовавшие о размахе военного производства на крупнейшем заводе страны.

Однако тогда же выяснилось, что Путиловский завод совершенно расстроен в финансовом отношении и находится на грани банкротства. Как писал в «особом мнении» председатель Государственной думы, такое его положение «представляется во всех отношениях угрожающим для успеха работы по государственной обороне»[98]. Задолженность Общества к концу октября 1915 г. превышала 76 млн. руб.[99] Совещание намерено было ввести в состав правления завода двух представителей правительства, но против этой меры решительно выступил А. И. Путилов, который «категорически заявил, что включение такого инспектора в состав правления поведет к прекращению деятельности заводов, уменьшению их производительности и вообще ко всяким нежелательным осложнениям»[100]. Совещание пошло на уступку правлению, ограничив права назначенных правительством ревизоров. За деятельностью Путиловского завода был организован надзор со стороны Наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне, по докладу которой Особое совещание решило секвестровать завод и опубликовать в печати заявление о финансовом неблагополучии завода.

[97] Там же, л. 29 об. Производительность Путиловского завода в целом увеличилась с 24 млн. руб. в 1913 г. до 65 млн. руб. в 1915 г. Количество рабочих за год войны выросло на 6000 человек. Интересно, что за год войны средний заработок рабочих не увеличился. В 1914 г. он равнялся 3,7 коп, а за пять месяцев 1915 г.— 3 руб. 9 коп., в июне 1915 г.— 3 руб. 16 коп. в день (ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 50, лл. 88—89. ЖОСО, № 19, 31 июля 1915 г.).

[98] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54, лл. 69—71.

[99] Там же, оп. 4, д. 16, л. 39.

[100] Там же.

В процессе обсуждения выяснилось, что правление Общества, имея лишь 25 млн. руб. основного капитала, получило свыше 40 млн. авансов от казны, 11 млн. руб. ссуд от Госбанка, имело на 180 млн. руб. невыполненных заказов казне. Было решено отстранить от должности директора К. К. Шпана, бывшего германского подданного, высланного в Вологду, но продолжавшего получать деньги с завода [101].

В связи с агрессивным заявлением Путилова о прекращении выплаты с 4 ноября заработной платы рабочим Особое совещание по обороне 7 ноября 1915 г. вновь слушало объяснение председателя правления завода А. И. Путилова [102]. Он заявил, что дефицит Общества, достигший к началу войны 33 млн. руб., несмотря на полученные авансы, вырос к моменту доклада до 46 млн. руб., так как правление, развивая производство, построило новый шрапнельный завод. Война помешала реализовать соглашение с группой французских банков «Union Parisienne» о выпуске акций и облигаций. Поэтому правление завода осталось без оборотных средств. Путилов пытался убедить членов Совещания в том, что правление надеялось выйти из затруднительного финансового положения при помощи частного кредита, но эта возможность отпала после ревизии и назначения на завод правительственных инспекторов. Выходило, что не Путилов и Русско-Азиатский банк были повинны в безвыходном положении завода, а само Совещание, отказавшее в дальнейших субсидиях и назначившее наблюдателей от государства.

Назначение правительственных инспекторов ограничивало жульнические проделки правления, и всесильные банковские дельцы пытались добиться пересмотра дела и сбросить государственную опеку. По мнению Путилова, наложение на заводы «секвестра явилось незаслуженной и не вызванной достаточными основаниями карой».

В движение были приведены сильные рычаги. Среди членов Совещания большинство высказалось за пересмотр уже решенного вопроса о секвестре, и дело было передано на новое рассмотрение в Наблюдательную комиссию. Этот пересмотр вызвал резкий протест Родзянко, к которому присоединились шесть членов Совещания. Их «особое мнение», приложенное к журналу Совещания от 7 ноября 1915 г., говорит, что Путилов не привел никаких новых оснований в защиту отмены секвестра и что «достаточных оснований для пересмотра решения у Совещания решительно никаких не было», больше того, они считали такое решение «несогласным с достоинством Особого совещания». Родзянко решил зафиксировать свое особое мнение и добиться практического осуществления своей цели — не допустить отмену секвестра. Он выступил на борьбу под лозунгом защиты интересов государства и армии.

«Я считаю,— писали Родзянко и поддерживавшие его члены Особого совещания,— что даже передача в комиссию, как продление времени, в течение которого могут произойти крайне нежелательные осложнения на самом заводе, является уже нарушением интересов

[101] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54, лл. 60 об.— 61. ЖОСО, № 19, 28 октября 1915 г.
[102] Там же, л. 65. ЖОСО, № 22, 7 ноября 1915 г.

обороны секвестр Путиловского завода является не только необходимым, но даже уже запоздавшим» [103].

Острая борьба разгорелась в Наблюдательной комиссии, которая в течение двух дней разбирала этот вопрос [104]. Комиссия уточнила ряд деталей, которые не вполне были выяснены в Особом совещании. Финансовая задолженность выросла за 1915 г. с 84,6 млн руб. до 108,3 млн руб. Задолженность эта складывалась, по словам уполномоченного Министерства финансов, из следующих элементов [105]:

Государственному казначейству по авансам	—47,7 млн руб
Государственному банку	—11,3 » »
Частный кредит (учреждениям)	—23,6 » »
Разным лицам и учреждениям	—25,7 » »

К 1 сентября 1915 г. завод поставил вместо 1208 лишь 812 пушек, недодав 400 орудий и около 200 тыс. снарядов. Комиссия отметила неудовлетворительную деятельность правления и указала на ряд крупных технических и административных недостатков на заводе: простои станков, слабость электростанции, недостаточное обеспечение инструментом, плохая забота о жилищах и снабжении рабочих. «Все указанные недостатки значительно сокращают производительность, которая при наличности соответственных мероприятий и надлежащего надзора могла бы быть значительно увеличена (в отношении пушечных мастерских на 50%)» [106]. Выступавшие в комиссии инспектора Особого совещания — Кривошеин и Гагарин — также подтвердили наличность простоев от 6 до 69% и возможность увеличить производительность мастерских от 10 до 50%. Оба дали отрицательный отзыв о деятельности правления и положительно отозвались об инженерах завода.

В своих объяснениях Путилов не сообщил ничего нового, он только резче отметил общие неблагоприятные условия работы. «Когда заказанные станки не доставляются, привозимые из-за границы машины оказываются без отдельных нужных частей, когда уголь не доходит в достаточном количестве и постоянные мобилизации уменьшают ряды опытных рабочих, невозможно ручаться за своевременность заказов» [107]. Несмотря на указанные трудности, заводы, по словам Путилова, значительно перевыполняли план. В октябре 1915 г. их производительность достигла 207 орудий и 250 тыс. шрапнелей в месяц.

Мнения членов комиссии и присутствовавших на ней решительно разделились. Одна группа во главе с бывшим министром торговли и промышленности и председателем Наблюдательной комиссии Особого совещания С. И. Тимашевым выступила против секвестра.

[103] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54, лл. 70 об.—71. Особое мнение председателя Государственной думы о пересмотре дела о секвестре Путиловского завода.
[104] Там же, лл. 87—99. Журнал Наблюдательной комиссии от 9—10 ноября 1915 г.
[105] Там же, л. 90.
[106] Там же, л. 88.
[107] Там же, л. 91.

и солидаризировалась с Путиловым в объяснении причин финансовой несостоятельности Что же касается запоздания в поставках, то их оправдывали объективными причинами, «устранение которых не зависит от правления» Эта группа Особого совещания причисляла Путиловский завод к числу наиболее исправных частных заводов, поэтому она реабилитировала деятельность правления и выступила против немедленного секвестра

Другая группа во главе с председателем Государственного совета Куломзиным, Родзянко и Гучковым высказалась за секвестр. Предприятие с основным капиталом в 25 млн руб и 108.3 млн. руб. долгов находилось «в условиях полной неоплатности» Они вскрыли картину финансовой зависимости Общества от банков, которые, снабжая заводы деньгами по краткосрочному кредиту, увеличивали расходы Общества на 7 млн руб. в год, что «ставит Общество в полную зависимость от этих кредитов». Общество уплачивало Русско-Азиатскому банку прямо ростовщический процент — «от 10 до 16% годовых» [108]. Фактически банк и являлся настоящим хозяином Общества, так как будучи главным кредитором и располагая значительным количеством акций Общества, он «поставил во главе правления своего представителя, который и руководит финансированием предприятия, изыскивая для него средства на вышеизложенных условиях, представляющих, несомненно, значительные выгоды для банка-кредитора» [109]. Завод выполнил заказы на орудия по 19 договорам с большим опозданием. Казна вложила в эти заводы наибольшее количество средств, поэтому в ее руки и должно перейти управление заводами, как считала эта группа членов комиссии. Секвестр и переход заводов в казенное управление, по мнению этой группы, положительно отзовется на деятельности заводов От секвестра частные акционеры не пострадают, а казна сохранит миллионы рублей, которые идут не на развитие производства, а на увеличение прибылей банков

Заседание Особого совещания 18 ноября 1915 г было посвящено обсуждению вопроса о секвестре Путиловского завода Чтобы не повторять здесь уже сказанного, отметим лишь некоторые интересные выступления Стахович оправдывал правление Путиловского завода тем, что его «неисправность в поставках» меньше, чем Виккерса и американских фирм. Марков указывал, что правление, отказавшись платить рабочим жалованье, «бросило заводы на произвол судьбы». Руководитель артиллерийского ведомства Маниковский заявил в Совещании о своей готовности принять заводы в свое управление на тех основаниях, что и заводы артиллерийского ведомства. Он являлся сторонником секвестра заводов Шингарев обрушился в своей речи на банки. «Из обстоятельств данного дела,— говорил он,— обнаружилось влияние на дело государства безответственной, но чрезвычайно могущественной власти банков, правительство начинает терять государственную дорогу, стесняясь власти плутократии» [110].

[108] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 54, л 95
[109] Там же
[110] Там же, л 84 об ЖОСО, № 25, 18 ноября 1915 г

В делах Путиловских заводов заинтересован Русско-Азиатский банк, директор, акционеры и служащие которого являлись акционерами заводов

Несмотря на единый фронт членов Государственной думы с наиболее реакционными представителями бюрократии, победителями из этого «сражения» вышли банки Совещание разделилось на две группы — по 16 голосов, и председатель отменил старое решение о секвестре Одним из решающих аргументов противников секвестра была боязнь испугать промышленников Все же в составе правления Путиловского завода были оставлены правительственные инспекторы с правом veto на все решения правления Общества [111]

Вслед за организацией правительственной администрации завода Министерству финансов пришлось немедленно отпустить кредит новому правлению в размере 10 млн руб , так как неотложные платежи достигали нескольких миллионов, а в кассе правления было 1 руб 15 коп и на текущем счету 135 руб «Приняли мы дело в среду, всех средств 136 руб 15 коп , а в субботу одной заработной платы предстояло уплатить около 2 500 000 руб , да по счетам других заводов за разные материалы и прочее около 4 000 000» [112].

Новое правление вело дело на коммерческих началах, служащие оставались на своих местах, директором завода был назначен профессор Артиллерийской академии Н Ф Дроздов Обстановка на заводе сложилась такая, что в конце февраля 1916 г Особое совещание по обороне вновь вынуждено было высказаться за секвестр завода Причина такой непоследовательности руководителя военного ведомства кроется в подъеме волны рабочих забастовок Забастовка на Путиловском заводе началась 4 февраля и продолжалась с перерывами весь февраль, будучи вызвана не только экономическими, но и политическими причинами Рост рабочего движения заставил буржуазию и чиновничество быстро забыть о разногласиях, и Совещание только при одном «против» постановило секвестровать заводы Одновременно Совещание высказалось за разработку вопроса «о полном и скорейшем переходе завода в казну» [113], а также вынесло пожелание об установлении повышенных расценок рабочим [114] Так непоследовательно, с большим опозданием, под давлением политических причин Военное министерство решило вопросы, государственная целесообразность осуществления которых была давно ясна [115].

[111] Инспекторами от правительства были назначены А Г Гагарин, профессор Инженерной академии Г Г Кривошеин и профессор Морской академии Н Н Оглоблинский, а в состав правления был введен А Н Крылов

[112] *А Н Крылов* Мои воспоминания М — Л , 1942, стр 171

[113] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 174, л 23 ЖОСО, № 51, 27 февраля 1916 г

[114] Представители буржуазии в Особом совещании (Милюков и др) оспаривали заявление директора о политическом характере забастовок рабочих, им казалось, достаточно только поднять заработную плату рабочим, как все будет тихо и спокойно.

[115] В начале 1960-х годов К Ф Шацилло показал, что помимо указанных причин, секвестр Путиловских заводов был неизбежным результатом сознательной политики, проводившейся Русско-Азиатским банком. «Посредством

Эта длительная борьба лишний раз показывает, с какими трудностями была связана организация военного хозяйства и осуществление государственного контроля за частными предприятиями, работающими на войну.

Рассмотрим вопрос о секвестре Царицынского артиллерийского завода «Русского акционерного общества артиллерийских заводов». Завод должен был быть готов не позже 1 сентября 1915 г., а некоторые цехи к 1 февраля 1915 г. В связи с войной правление перенесло срок готовности завода на 1 декабря 1915 г. Летом 1915 г. правление Царицынского завода уже приняло заказ военного ведомства на поставку 2500 3-дюймовых орудий.

В январе 1916 г. завод посетил Н. Ф. Дроздов, который установил, что «недооборудование сталелитейного и кузнечного цехов препятствует названному заводу самостоятельно приступить к производству артиллерийских орудий» [116]. Постройка сталелитейного цеха находилась «в зачаточном состоянии» и могла быть закончена лишь в 9—10 месяцев. Дроздов особенно обрушился на состав правления (председатель Балинский) и заводоуправление, которые «не только не принимают мер к ускорению, но, видимо, затягивают дело сооружения завода». И действительно, полученный от казны заказ на пушки правление завода передало: на морские — фирме Виккерс, на полевые — Сормовскому заводу, который должен изготовлять пушечные стволы, Петроградскому металлическому и заводу Лесснера, принявшему изготовление затворов. Тем самым, заключила комиссия, правление завода как бы «лишилось основания для скорейшего приведения своего завода в состояние необходимой готовности для выполнения заказов» [117].

В марте 1916 г. вопрос о дальнейшем положении дел на заводе рассматривался Наблюдательной комиссией Особого совещания по обороне. Комиссия признала, что правление и дирекция завода «не отвечают своему назначению и не сознают важности лежащей на них задачи» [118]. Во главе администрации завода стоял бывший прусский подданный Е. Г. Крушель, принявший русское подданство, до этого работавший на заводе Бромлея в Москве и не имевший никакого отношения к артиллерии. Часть членов правления — Я. И. Утин, А. И. Вышнеградский — являлись представителями крупнейших банков и были лишь «посредниками» при реализации капиталов общества, т. е. снимали учредительную прибыль. Другие члены правления одновременно состояли членами правлений других

секвестра,— пишет он,— царское правительство осуществило своеобразное «огосударствление» неизбежных убытков одной группы магнатов финансового капитала» (*К. Ф. Шацилло.* Из истории экономической политики царского правительства в годы первой мировой войны. (О причинах секвестра военно-промышленных предприятий) — «Об особенностях империализма в России» М., 1963, стр. 233) — *Прим. ред.*

[116] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 174, л. 193. Журнал Наблюдательной комиссии о положении на Царицынском заводе. Журнал дан как приложение к ЖОСО, № 60, 30 марта 1916 г.

[117] Там же, л. 192.

[118] Там же, л. 194 об.

предприятий Они не только не уделяли делу строительства завода необходимого внимания, но и не могли «без согласия представителей банков принять какие-либо решительные меры» Действительные же хозяева завода банковские воротилы Вышнеградский, Утин и другие не хотели нести повышенные расходы в связи со срочным оборудованием заводов во время войны.

Следовательно, на Царицынском заводе мы встречаем положение, аналогичное с Путиловским Могущественные банковские синдикаты не торопились развивать производство военных предприятий в России, так как, в первую очередь, они представляли интересы своего кармана, а не обороны страны

Наблюдательная комиссия высказалась за полный секвестр завода и передачу его казне, но за сохранение в силе договора с Виккерсом о технической помощи В Особом совещании по обороне большинство членов высказалось за немедленный секвестр Царицынского завода, к ним примкнули даже те, кто так энергично противился переходу в казенное управление Путиловского завода (Стахович и др) Лишь представитель Министерства финансов В В Кузьминский выступил с защитой частной промышленности и ее инициативы от вмешательства государства Представитель морского ведомства П П Муравьев высказался против секвестра завода, но за передачу его морскому ведомству на основе выкупа Совещание решило, что вопрос об управлении должен быть решен морским и военным ведомствами [119]

Таким образом, мы рассмотрели два случая секвестра промышленных предприятий, имевшие необычайный характер. Несмотря на сопротивление банков, после длительной борьбы и волокиты оба предприятия были переданы в казенное управление

Секвестр мелких предприятий, особенно связанных с германским капиталом, проходил легко Для рассмотрения вопросов реквизиции станков, заводского оборудования, материалов и полуфабрикатов, целых заводов, земли, помещений и т д при Особом совещании по обороне была создана Реквизиционная комиссия, положение о которой было утверждено Поливановым 5 ноября 1915 г [120] Деятельность этой комиссии и Особого совещания по обороне в части секвестра целых предприятий была не особенно значительна Легче разрешался вопрос о реквизиции материалов или даже части оборудования.

Программа нового строительства казенных военных предприятий

Опыт двух лет мировой войны показал промышленную и военную слабость России и огромную зависимость русской армии в боевом снабжении от союзников и Америки. Для многих представителей промышленности и правительства эта зависимость стала особенно

[119] Там же, лл 182—184 ЖОСО, № 60 30 марта 1916 г
[120] Там же, д 1, л 374. Имеется копия положения о Реквизиционной комиссии

очевидной именно во время войны, когда пришлось обращаться за границу за всем начиная от подков и сапог и кончая тяжелой артиллерией, автомобилями, моторами для самолетов, станками, металлами Однако правительство мирилось с этой зависимостью, как неизбежным злом, вытекающим из промышленной слабости страны Даже отстраненный Сухомлинов в своих многочисленных показаниях и разъяснениях Верховной следственной комиссии не прочь был прикрыть грехи преступления своего ведомства именно промышленной отсталостью России и огромным влиянием иностранных капиталов в банках и промышленности, которые «мешали» вооружить армию.

Лишь немногие члены Особого совещания по обороне пытались от теоретического осуждения иностранной зависимости встать на путь такой практической политики, которая способствовала бы ослаблению этой зависимости и созданию в России необходимых условий для развития своей промышленности Пожалуй, наиболее четко заявил об ошибочности проводимой политики равнения на иностранные заказы Литвинов-Фалинский в своем докладе «О мобилизации русской промышленности», обсуждавшемся в Особом совещании в декабре 1915 г Это обсуждение не дало практических результатов Более того, «общественные деятели» и представители промышленности в Особом совещании после этого старались прикрыть рваческие требования промышленных акул идейными мотивами промышленной самостоятельности страны Понимались они на деле как право финансовых и промышленных дельцов грабить казну и за ее счет строить промышленные предприятия

Однако для некоторых деятелей Военного министерства понятие экономической самостоятельности не совпадало с правом буржуазии наживаться за счет казны В меру своих сил и возможностей они стремились ликвидировать катастрофическое положение боевого снабжения армии В ряду нескольких подобного рода попыток выделяется программа, разработанная и выдвинутая в Особом совещании новым начальником Главного артиллерийского управления А. А Маниковским, назначенным на этот пост после отставки военного министра Сухомлинова Программа Маниковского показывает, как даже наиболее дальновидные представители правящих кругов, обладавшие крупными познаниями и техническим опытом, умевшие проявить широкий подход к проблеме, неизбежно — поскольку они не затрагивали существовавшего режима — скатывались к утопическому прожектерству

Характерной особенностью программы Маниковского, изложенной им в специальном докладе [121], являлось то, что она центр тяжести переносила на строительство казенных военных заводов Это объя-

[121] ЦГВИА ф 369, оп 3, д 119, л 1—12 Копия доклада А А Маниковского от 20 декабря 1916 г К основному докладу имеется 16 приложений, которые конкретизируют различные стороны доклада Доклад Маниковского в своей значительной части вошел в текст его работы «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг», изданной в 1920 г, (ч. I, глава V «Соображе-

снялось тем, что Маниковский и его сторонники в Военном и Морском министерствах, исходя из опыта войны, считали, что русская буржуазия не способна развернуть военное производство в крупных размерах, что для этого у нее нет достаточных экономических возможностей и организаторских данных, а кроме того, она руководствуется прежде всего интересами барыша, которые находятся в противоречии с интересами армии Маниковский и его коллеги превосходно знали все темные дела и расчеты «облеченных доверием общества» представителей буржуазии в Особом совещании, ясно отдавали себе отчет в том, что по всем поставкам цены, назначаемые буржуазией, были выше цен казенных заводов, а цены «общественных» организаций буржуазии были еще выше частных. Надо полагать, что одной из причин, заставивших Маниковского ориентироваться на строительство прежде всего казенных заводов, было также стремление правительства обеспечить себе независимость от буржуазии в деле военного производства, с тем чтобы не дать ей возможности путем экономического давления добиться политических уступок в ее пользу. Деятельность военно-промышленных комитетов, Земгора и т. п давала основания для такого рода опасений

Главную цель своей программы Маниковский усматривал в необходимости «во что бы то ни стало избавиться, по части боевого снабжения, от иноземной зависимости и добиться того, чтобы наша армия все необходимое для себя получала бы у себя дома — внутри России». Он энергично защищал эту программу в Особом совещании, называя ее единственно «правильным путем».

Маниковский предлагал создать для каждого отдельного производства боевого снаряжения самостоятельную группу заводов. «В каждой такой группе основное ядро, так сказать постоянный кадр группы, должны составить казенные заводы, которые в случае мобилизации не только соответственно развернутся сами, но и выделят из себя соответствующий технический персонал для инструктирования остальных членов группы, то есть однородных производств частной промышленности.

Вне такой постановки дела немыслимо получение вполне удовлетворительных результатов в необходимый кратчайший срок Вся мобилизация нашей промышленности в той ее части, которой пришлось мобилизоваться путем самостоятельной импровизации, может служить лучшим подтверждением вышесказанного» [122].

ние о развитии ружейного производства в России», стр 59—69), но приложения совсем не использованы В переработанном издании 1937 г редактор книги Е З Барсуков несколько более систематично и полно изложил взгляды Маниковского в разделе «Соображения о мобилизации промышленности» (стр 133—163) Первые 12 страниц, в сущности, представляют изложение доклада либо в форме больших цитат, либо в слегка перефразированном виде Однако Барсуков не проявляет критического отношения к плану Маниковского, не указывает на его ограниченный и утопичный характер, вытекающий из наивной веры автора в возможность добиться экономической независимости России под эгидой самодержавия

[122] ЦГВИА, ф 369, оп 3, д 119, л 2

Таким образом, программа Маниковского не представляла собой программы действительной индустриализации страны, невозможной в условиях самодержавия, без чего, конечно, не могла быть осуществлена задача создания мощной военной промышленности. Исходя из интересов и финансовых возможностей царизма, Маниковский мог ставить только узкую задачу создания казенной военной промышленности в далеко не достаточном объеме, чтобы обеспечить действительно выявившиеся потребности армии в вооружении и боевом снабжении. Поэтому все его рассуждения о том, что без полной самостоятельности в вооружении «трудно оставаться великой державой, несмотря ни на какие условия территории и внутренних богатств страны», что казенная военная промышленность может стать таким костяком, на котором возможно будет «развивать какую угодно мускулатуру частной промышленности», верные сами по себе, становились совершенно беспочвенными, теряли реальный смысл при исходной посылке, что всего этого можно добиться в условиях царизма.

В проекте Маниковского о казенном строительстве военных предприятий речь шла лишь о частичном развитии военных предприятий, которые, будучи внедрены во все области военного снабжения, не только подготовят кадры технически обученных рабочих и инженеров, но и явятся регулятором цен по отношению к частной промышленности. Маниковский все время подчеркивал, что его программа рассчитана на масштаб «нынешней войны». Исходя из ее опыта, он разделил все производства на четыре группы, определив удельный вес казенных предприятий в каждой из них.

Более сложные предметы снаряжения, предметы «исключительной важности» должны были, по мысли автора программы, на все 100% потребности изготовляться «одними казенными заводами». К этой группе он относил а) винтовки; б) пулеметы, в) ружья-пулеметы, г) сильновзрывчатые вещества и д) снаряжение снарядов, ручных гранат и пр. Во вторую группу должно войти производство бездымного пороха, дистанционных трубок, взрывателей и детонаторных трубок, которые изготовлялись бы казенными предприятиями на 75% потребности. Третья группа лишь на 50% обеспечивалась казенными предприятиями, к ней были отнесены орудия и лафеты, слабовзрывчатые вещества, противогазы и т. п., то есть предметы, изготовление которых не представляло особых трудностей для частной промышленности. И, наконец, в четвертую группу входило производство корпусов снарядов и гранат, предметов амуниции, электротехнических изделий и оптических приборов. В их изготовлении казенные предприятия должны были занимать от 10 до 20% всей потребности в целях «регулирующего» влияния на цены частных предприятий.

Приведенный перечень групп (а также наименование заводов, которые, согласно программе, должны были быть сооружены) показывает, что в программе совершенно отсутствовали предприятия по изготовлению новейших видов вооружения — самолетов, танков и бронированных автомобилей, а также новейших механических средств передвижения. Независимо от того, понимал или не понимал

Маниковский значение новейших средств войны, указанный минус его программы был обусловлен технико-экономической слабостью страны, ибо включение в программу строительства казенных предприятий авиационных, автомобильных и моторостроительных заводов, металлургических предприятий, заводов, производящих качественные стали, предметы оптики и электротехники и т. д. и т. п., потребовало бы огромных финансово-технических средств, которых не было в распоряжении правительства. Этот дефект отражал также давнюю отсталость военно-технической мысли царского военного командования, неспособного учесть опыт современной войны, находящегося в плену опыта предшествовавших войн. По существу, программа ограничивалась стрелковым оружием и артиллерией. Она была более или менее целесообразна для подготовки к мировой войне, но не могла являться основой для вооружения армии в конце этой войны. Однако и такая куцая программа казалась многим современникам чрезвычайно большой и вызывала серьезные возражения, в первую очередь, конечно, со стороны крупной буржуазии.

Всего в программу строительства, разработанную Маниковским и утвержденную Особым совещанием по обороне, было включено 37 предприятий, на сооружение которых, по первоначальным расчетам, требовалось затратить свыше 607 млн руб.[123]

Вот что представляла собой в целом строительная программа Главного артиллерийского управления, которая начала осуществляться еще в военные годы[124]:

4-й пороховой завод (начат постройкой до войны)	30 000 000 руб	
Снарядное отделение при новом сталелитейном заводе около Каменского	138 000 000 »	
3-й трубочный завод в Пензе	20 654 000 »	
Завод взрывателей в Воронеже	41 500 000 »	
Троицкий снаряжательный завод	3 444 679 »	
Снаряжательный завод Второва в Богородске	20 900 000 »	
Петроградская мастерская зажигательных снарядов	94 884 »	95 коп.
Петроградская химическая снаряжательная мастерская	93 410 »	
Тверская снаряжательная мастерская	1 150 225 »	88 коп.
Кронштадтская снаряжательная мастерская	12 000 »	
Свеаборгская снаряжательная мастерская	105 386 »	
Расширение оружейного завода в Туле[125]	31 200 000 »	
Новый оружейный завод в Екатеринославе[126] для перенесения туда Сестрорецкого оружейного завода	34 521 930 »	

[123] В действительности стоимость программы должна была вырасти до 1,2—1,5 млрд руб., так как в подавляющем большинстве расчетов не учитывалось повышение цен.

[124] Все заводы, за исключением двух последних, начали строиться во время войны.

[125] Ввиду вздорожания цен учитывается увеличение стоимости на 59%.

[126] Ввиду вздорожания цен учитывается увеличение стоимости на 80%.

3-й патронный завод в Симбирске	40 983 955	руб	
Екатеринославская снаряжательная мастерская	1 275 000	»	
5-й пороховой завод в Волжском районе	30 000 000	»	
1-й хлопкоочистительный завод в Туркестане	4 003 030	»	
Нижегородский завод взрывчатых веществ	17 421 000	»	
Грозненская нитрационная мастерская	1 445 000	»	
Екатеринодарская нитрационная мастерская с мастерской калиевой селитры	438 130	»	
Юзовский завод аммиачной селитры и азотной кислоты	1 225 200	»	
Кадиевский бензоловый и нафталовый завод	1 254 000	»	
Казанский нефтеперегонный завод	116 182	»	06 коп
Бакинский нефтеперегонный завод	701 319	»	
Нижегородский завод азотной и серной кислоты	1 887 000	»	
Онежский завод для добывания азотной кислоты из воздуха	26 146 679	»	
Два хлорных завода в Финляндии	3 200 000	»	
Казанский военно-химический завод	373 000	»	
Глобинский военно-химический завод	429 685	»	
Машиностроительный завод в Туле	31 874 673	»	
Алюминиевый завод на Черноморско-Азовском побережье	9 630 000	»	
2-й сталелитейный завод в Каменском	49 000 000	»	
Первый завод оптического стекла в Изюме	1 200 000	»	
Завод оптических приборов при заводе оптического стекла в Изюме	4 800 000	»	
Новый орудийный завод в Саратове для переноса и расширения Петроградского орудийного завода	37 500 000	»	
4-й завод взрывчатых веществ близ г Уфы	20 551 900	»	

Для выполнения программы строительства требовалось 6 млн пудов металла, что составляло из расчета строительства на протяжении двух лет около 250 тыс пуд. в месяц, или несколько больше 1% от валового производства металла (с учетом неизбежных потерь на припуск, стружку и т. п.) Эту цифру, по-видимому, следует увеличить до 2—3%; цемента требовалось около 5 млн. пуд, или 7 вагонов в день Эти данные говорят о весьма скромных масштабах программы Маниковского, но даже и такая программа оказалась совершенно непосильной для царизма

Несмотря на трудности большого строительства в обстановке войны, Маниковский настойчиво доказывал полную возможность справиться с предложенной программой Большое место в своем докладе он отводил полемике с противниками программы, разбирая и опровергая выдвигаемые ими доводы. Разбирая довод о дороговизне военного строительства, он ссылался на опыт Франции, где заводы были построены «по бешеным ценам» военного времени и все же с лихвой окупались Во что бы ни обошлись у нас заводы, писал он, «это будет дешевле, чем заказывать за границей то, что должно быть изготовлено на этих заводах».

Характерная черта программы Маниковского заключалась также в том, что она была рассчитана на завершение в послевоенные годы. Многие противники строительства казенных предприятий, указывая на это обстоятельство, делали его главным доводом доказательства ненужности всей программы. Отвечая им, Маниковский подчеркивал, что вопрос о сроках окончания войны не имеет никакого значения, ибо война может кончиться победой только тогда, когда «у нас окажется несомненный перевес в боевом снабжении, именно артиллерийском, так как только артиллерия решает ныне участь сражений». Но это не все и не главное. Мало выиграть войну, писал Маниковский, надо также к концу ее быть сильным и независимым, ибо к этому моменту «у наших союзников» не будет лишних боевых припасов, которые они согласились бы уступить России. К концу войны каждое государство будет предоставлено своим силам, «и горе тому, у кого к тому времени не будут подготовлены средства» [127].

Маниковский хорошо понимал, что послевоенная конъюнктура будет особенно неблагоприятна для России, так как после окончания войны начнется беспощадная экономическая и политическая борьба между союзниками. Поэтому, указывал он, «если не заложить прочного основания нашего военного заводского строительства т е п е р ь ж е», то это, может быть, не удастся сделать «совсем, так как по окончании войны у нас явятся сильнейшие конкуренты за границей», с которыми Россия не справится. Если мы не будем готовы к борьбе, продолжал Маниковский, «то могучая техника и наших друзей, и наших врагов раздавит нашу все еще слабую технику. При этом все они, чтобы покрепче и понадежнее захватить нас в свою кабалу, пойдут, может быть, сперва на предательски заманчивые для нас условия. Но если мы попадемся на эту удочку, то результат будет тот же, что и перед настоящей войной, т. е. мы будем зависеть от милости заграничных заводов. А ведь именно вследствие отсутствия своих заводов и необходимости прибегать к помощи заграницы мы и оказались столь беспомощными и неподготовленными во время настоящей войны».

Как видим, Маниковскому нельзя отказать в реальности его оценок союзников и характера отношений их к России. Он отнюдь не идеализировал союзников — Англию и Францию и не верил ни на йоту словесным обещаниям Ллойд Джорджа, Тома и других, на которые они были так щедры.

Остановимся более подробно на некоторых пунктах программы Маниковского [128].

«Особое совещание по обороне,— писал он,— очень поздно пришло к мысли о строительстве нового орудийного завода в Саратове после

[127] Разумеется, все рассуждения Маниковского строились в предположении, что никаких революционных потрясений в России не произойдет. Он не видел приближения революции и не предполагал возможности революционного выхода страны из империалистической войны.

[128] ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, прилож. 2. Программа ГАУ по сооружению новых заводов, лл. 20—29.

неудачного опыта с Виккерсом, строившим завод в Царицыне» Завод было предположено построить в 2,5 года Городская дума отвела заводу участок земли в 100 дес , из них 40 дес бесплатно

В Саратов предполагалось перевести Петроградский орудийный завод и тем самым использовать накопленный технический опыт и кадры Программа завода была рассчитана на 247 орудий в месяц. Однако завод ориентировался в основном на легкую и среднюю артиллерию и не имел собственной металлургической базы. Пушек и гаубиц калибра 152—203-мм планировалось производить 37 штук в месяц, в том числе лишь четыре 203-мм (8-дм) гаубицы Артиллерию более крупных калибров не предполагалось изготовлять совсем. Стоимость механического оборудования завода предусматривалась на сумму около 16 млн руб , а общая его стоимость — 37,5 млн руб. К строительству завода не было приступлено

Второй сталелитейный завод в Каменском первоначально был рассчитан на производство по 1 млн штук черновых винтовочных стволов и снарядов 3-дюймового калибра, а также сортовой стали и проволоки на 1 млн пуд Стоимость завода определялась в 39 млн. руб. К строительству завода было приступлено еще в 1915 г В связи с ростом цен и необходимостью больших дополнительных затрат сметная стоимость завода повысилась до 75 млн руб Некоторые цехи предполагалось открыть в 1917 г , а полностью закончить строительство к 1 января 1919 г Установка завода на изготовление винтовок и легких снарядов была пересмотрена На базе завода было решено организовать изготовление тяжелых снарядов

Снарядное отделение при втором сталелитейном заводе в Каменском было запроектировано взамен отделения по изготовлению винтовок и 3-дюймовых снарядов Производительность завода планировалась в 11 200 снарядов в день, из них 200 снарядов 11—12-дюймовых, 1000—8-дюймовых и 10 000—6-дюймовых Частичное открытие завода предполагалось в конце 1917 г $^2/_3$ всех затрат (33,5 млн руб) шло на оборудование Однако стоимость завода была исчислена, по-видимому, с преуменьшением, так как лишь треть затрат была высчитана по ценам военного времени

Большое внимание в программе ГАУ было уделено трубочным заводам (в Пензе и Воронеже), спаряжательным заводам и мастерским Помимо увеличения производительности существовавших казенных и особенно частных заводов, было решено строить новые. Пензенский завод был рассчитан на несколько миллионов дистанционных трубок и капсюльных втулок Завод планировалось построить за три года В 1915—1916 гг на строительство было ассигновано свыше 9 млн руб Поскольку цены на строительство возросли почти в 1,5 раза, это увеличило стоимость завода до 20,6 млн руб

Воронежский завод был рассчитан на еще бо́льшую производительность, чем Пензенский Он должен был быть по плану построен за два года (1917—1918 гг)

Такой же завод но с меньшей производительностью, предлагал построить Второв, но потом отказался Стоимость завода была исчислена в 42,5 млн руб Это было на 9 млн руб. дешевле, чем стоимость

завода Второва в Московской губернии, а производительность казенного завода должна была быть в 2 раза больше, чем у Второва

Троицкий снаряжательный завод предназначался для изготовления большого количества ручных гранат (16 млн штук) и осветительных ракет Уже в конце 1916 г завод частично работал Постройка этого завода имела «особую остроту», так как только с его помощью можно было справиться со снаряжением огромного количества ручных гранат, изготовлявшихся для армии

Снаряжательный завод Второва близ Богородска был построен во время войны (1915—1916 гг) на средства казны и должен был быть через определенный срок возвращен казне Завод снаряжал 3—6-дюймовые снаряды

Существовавшие в стране три казенных оружейных завода давали во второй половине 1916 г около 110—120 тыс винтовок в месяц, что было в 2 раза более запроектированного производства до войны (2000 штук в день), но и эти заводы покрывали только 50% потребности в винтовках В течение всей войны армия испытывала острейший недостаток в винтовках, который лишь отчасти смягчался покупкой их за границей

В апреле 1915 г ГАУ признало необходимым обеспечить снабжение армии винтовками «исключительно внутренними силами страны» [129], а для этого построить новый казенный завод с производительностью в 600 тыс ружей в год Но и это не покрывало всех потребностей, поэтому Военный совет решил строить два завода. один казенный, а другой частный, оба одинаковой производительности

Стоимость Тульского казенного завода была определена в 31,2 млн руб , но поскольку цены вздорожали на 59%, она поднялась до 50 млн руб На строительство завода было отпущено в 1915 – 1916 гг 11 млн руб , а на 1917 г. было намечено по смете истратить 15 млн руб Строительство полностью должно было быть закончено в 1918 г

Построить частный ружейный завод особенно домогалась фирма Виккерс, действовавшая через известного авантюриста инженера Балинского и банкира Утина, которым покровительствовал военный министр Сухомлинов В марте 1915 г Балинский подал в ГАУ заявление о готовности построить новый ружейный завод в течение одного года по подписании контракта Условия, выдвинутые Утиным, были следующие гарантированный правительством заказ на 3 млн винтовок, который будет фирмой выполнен в 7 лет (цена на каждую винтовку 53 руб), при подписании договора выдается аванс в размере 50% стоимости первого миллиона винтовок, техническое оборудование поставляют американские фирмы Пратт и Витней [130] Таким образом, Виккерс и Балинский собирались строить завод на аванс от казны, а не на собственный счет Правительство признавало приемлемым цену в 35 руб за винтовку и пересмотрело вопрос о строитель-

[129] ЦГВИА, ф 369, оп 3, д 119, прилож 3, л 37

[130] Там же, ф 962, оп 2, д 52, лл 193—195 Показания Балинского от 9 декабря 1916 г

стве частного ружейного завода. Было решено построить в Екатеринославе второй казенный ружейный завод и перевести туда Сестрорецкий оружейный завод. Годовая производительность была установлена в 800 тыс. винтовок. Окончание строительства завода наме чалось к 1 января 1920 г. Стоимость строительства первоначально исчислялась в 34,5 млн. руб., с поправкой на повышение цен — около 62,1 млн. руб. В 1915—1917 гг. на строительство ассигновывалось 19 млн. руб. Решение Особого совещания о постройке второго казенного ружейного завода было, конечно, более целесообразно, но срок строительства (5 лет) был чрезвычайно растянут. Практически завод строился из расчета на послевоенную конъюнктуру.

Кроме двух ружейных заводов было решено построить пулеметный завод Датского оружейного общества для изготовления 15 000 ружей-пулеметов Мадсена [131]. Завод строился на средства казны на следующих условиях. Общество получало аванс в 10,4 млн. руб. до 1 января 1917 г., из них 8675 тыс. руб. в иностранной валюте для оплаты машин, станков и аппаратуры, заказываемых за границей. Синдикат обязывался поставить правительству ружья-пулеметы по цене 1735 руб. за единицу, включая все расходы по постройке и оборудованию. Таким образом, общая стоимость заказа равнялась 26 025 000 руб., впоследствии уменьшенная в связи с небольшим снижением цены до 25 999 500 руб. Через шесть месяцев после подписания контракта синдикат должен был поставить 4000 ружей-пулеметов, а в последующие месяцы — по 1000 штук в месяц. К строительству завода Общество приступило в конце 1916 г.

Россия начала войну при неполном комплекте ружейных патронов. Их недоставало от 300 до 400 млн. штук до положенного (13—15%) [132]. Производительность патронных заводов (двух казенных и одного частного) в 1913 г. равнялась 544 млн. патронов в год, что составляло всего 25% военной потребности. Во время войны выпуск патронов поднялся до 120—130 млн. штук в месяц, но потребность исчислялась в 200 млн. штук.

Патроны в огромном количестве заказывались в США и в Англии, строительство же патронного завода в России было решено с недопустимым опозданием — только в марте 1916 г. Третий казенный патронный завод было решено строить в Симбирске с производительностью в 840 млн. боевых патронов к трехлинейной винтовке, 1200 млн. штук гильз и 1,1 млн. пудов латуни. Стоимость завода планировалась в 41 млн. руб. К строительству было приступлено в 1916 г. Все станки были закуплены за границей, частичное открытие работ ожидалось в 1917 г. Задержка со строительством казенного патронного завода объясняется противодействием медного синдиката, стремившегося удержать спекулятивные цены на медь и противившегося организации производства латуни и мельхиора на казенном заводе.

[131] В приведенном выше списке данный завод отсутствует, но в приложении к нему он фигурирует, и о нем даны все подробные данные.

[132] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 48, л. 42. Свод сведений о численном составе войск, ружьях, пулеметах и патронах.

Однако строительство и этого завода далеко не удовлетворяло выявившуюся потребность в патронах [133]

Почти половина всей программы ГАУ (16 объектов) приходилась на предприятия взрывчатых веществ, пороховые и химические заводы, изготовлявшие исходные материалы для взрывчатки Разрабатывая планы нового строительства, ГАУ могло уже опереться на удачное начало, положенное Химическим комитетом (председатель— В Н Ипатьев), который сумел организовать производство аммиачной селитры, бензола из каменного угля и нефти, серной и азотной кислот [134] Способ изготовления азотной кислоты путем окисления аммиака из коксовых печей при помощи платинового катализатора был разработан в России И И Андреевым и инженером-технологом Кулепетовым Он был «практически воплощен на первом в мире казенном заводе в Юзовке» [135] Труднейшая задача заключалась в том, чтобы организовать самую выделку взрывчатых веществ Комитет справился с этой задачей, разработав способ получения новых типов взрывчатых веществ ксилила, динитронафталина, синтетического фенола Было положено также начало изготовлению удушающих газов

Заводы взрывчатых веществ и кислотные заводы располагались в Донбассе, в центре нефтяной промышленности—в Грозном, Баку— и по Волге, где сосредоточивалось большое количество нефти Нижегородский завод взрывчатых веществ был рассчитан на снаряжение снарядов всех калибров и ручных гранат По окончании его постройки предполагалось перенести туда оборудование Охтинского завода из Петрограда. Большинство мелких заводов, изготовлявших кислоты, хлор, толуол, удушающие газы, были закончены и начали работать во время войны

Война выявила огромную потребность в азотной кислоте Только для пяти пороховых заводов ее требовалось свыше 3 млн пуд , а если учесть нужду в ней трех заводов взрывчатых веществ, то потребность возрастала до 5,2 млн пуд Такого количества азотной кислоты добыть из привозной чилийской селитры было невозможно Нужен был новый источник, которым явился воздух Опежский завод на р Суне был первым заводом в России по производству азотной кислоты из

[133] По расчетам Ставки, потребность в патронах с 1 сентября 1916 г по 1 января 1918 г определялась в 7660 млн штук За это время существовавшие в России заводы могли дать 2,5 млрд штук, или 1/3 потребности Около 3 млрд патронов ожидали из Америки Недоставало, таким образом, свыше 2 млрд штук Вместе с Сибирским заводом производство патронов могло достигнуть 2,5 млрд штук, т е той потребности, которая была заявлена Ставкой в начале войны (прилож 1, лл 14—19, прилож 3, лл 40—41)

[134] О деятельности Химического комитета см *В Н Ипатьев* Работа химической промышленности на оборону во время войны Пг, 1920 *В Н Ипатьев, Л Ф Фокин* Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной промышленности Пг, 1921, *Л Ф Фокин* Обзор химической промышленности в России, ч 1 и 2 Пг, 1921, *О Урибес* Коксобензольная промышленность России в годы первой мировой войны — «Исторические записки», т 69

[135] ЦГВИА, ф 369, оп 3 д 119, прилож 16 Краткий очерк деятельности Химического комитета при ГАУ лл 77—79

воздуха Военное министерство и здесь проявляло обычную сдержанность и неповоротливость Поскольку этот способ требовал много электроэнергии, было решено строить пока лишь опытный завод, который предполагалось закончить к концу 1917 г На это было отпущено 6,5 млн руб Стоимость основного завода исчислялась в 26 млн руб с лишним Местом строительства была выбрана р Суна, водопад которой давал возможность построить гидростанцию

Со строительством гидростанции на р Суне и завода для получения азотной кислоты электролитическим способом Военное министерство запоздало по крайней мере лет на 8—9 Еще за 5 лет до начала войны заведующий химической лабораторией Николаевской инженерной академии Горбов написал докладную записку начальнику Главного инженерного управления Военного министерства, в которой предлагал «в предвидении войны на западной границе иметь возможность добывать селитру или азотную кислоту в России, что осуществимо двояким путем путем устроиства соответственного электрохимического завода на средства казны или же привлечением к делу частных капиталов» [136] Он предлагал в 1910 г отправить инженеров для изучения бассеина р Суны Стоимость завода и гидротехнических сооружений определялась им в 5 млн руб , а срок строительства — не менее 4 лет Спустя лишь 8 лет Военное министерство взялось за частичное осуществление предложения Горбова, приступив к постройке небольшого опытного завода

Во время войны была значительно увеличена производительность существовавших в России трех казенных и четырех частных заводов взрывчатых веществ. Компанией Барановского был построен пятый частный завод во Владимирской губернии, дававший 39 000 пуд бездымного пороха Но производительность как казенных, так и частных заводов была ничтожно мала по сравнению с выявившейся потребностью

Годовая потребность в порохе определялась в 1916 г в 800 тыс. пуд дымного пороха и 7,5 млн пуд бездымного, а производительность существовавших заводов равнялась 324 тыс пуд дымного и 1364 тыс пуд бездымного Годовой дефицит достигал огромной цифры — 6,6 млн пуд , причем 6134 тыс пуд нехватки приходилось за счет бездымного пороха [137] Пороховые заводы давали лишь 20%

[136] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 31, лл 182—186 Докладная записка статского советника Горбова начальнику Главного инженерного управления, сентябрь 1909 г Копия представлена в Верховную следственную комиссию Знакомство с запиской Горбова, поданной в 1906 г министру торговли и промышленности, предлагавшей заменить иностранное топливо отечественным в Северо Западном районе России, показывает, что автор ее обладал большими научными познаниями, был наблюдательным, думающим человеком На случаи войны с Германией Горбов предлагал еще в мирное время заменить английский уголь донецким Кроме того, он обратил внимание на зависимость России от Германии в вопросах военной химии

[137] ЦГВИА, ф 369, оп 3, д 119, прилож 2 и 3, стр 42 Приведенные данные не расходятся с другими «Свод сведений о снабжении армии порохом» (там же, ф 962, оп 2, д 48, лл 62—70 и многочисленные приложения к нему, особенно прилож 5—8) дает примерно те же данные По ноябрь 1915 г,

потребности, а 80% покрывалось путем огромных закупок пороха за границей Именно в свете этих данных надо оценивать предложение Особого совещания по обороне о строительстве двух пороховых заводов (в Тамбове и Самаре, причем Тамбовский завод было решено строить еще до войны) и создании первого хлопкоочистительного завода в Туркестане с ограниченной производительностью в 200 000 пуд очищенного материала Намеченные ГАУ к строительству два казенных пороховых завода при достижении запланированной производительности в 1,2 млн пуд могли удвоить производительность бездымного пороха в стране[138], но все же они могли покрыть только незначительную часть дефицита

Стоимость обоих заводов определялась в 60 млн руб, а окончание строительства — в 1918 г (хотя основные строительные работы на обоих заводах должны были заканчиваться в 1917 г) Постройка обоих пороховых заводов хотя и являлась значительным вкладом в пороховой баланс страны, удваивая его, но по-прежнему оставляла нерешенной всю проблему снабжения армии бездымным порохом и не снимала с повестки дня необходимость в огромных заказах Может быть на примере с порохом, являвшимся самым слабым местом боевого снабжения, наиболее ярко вскрывается ограниченный характер военно-хозяйственного творчества правительства и буржуазии Даже наиболее передовые деятели царского режима могли выдвигать только мелкие, ограниченные планы и предложения, годные лишь на починку некоторых дыр в потрепанном кафтане военного производства страны

Из других предложений ГАУ заслуживает внимания постройка машиностроительного завода в Туле, который должен был изготовлять особо точные станки для нужд военной промышленности Опыт заказа таких станков военным ведомством на внутреннем рынке был неудачен, а потребность на ближайшие 5—6 лет определялась в 15—20 тыс станков на сумму в 40 млн руб [139] На строительство такого завода было запроектировано истратить около 32 млн руб. Это был первый, причем достаточно робкий, разведочный шаг в сторону создания отечественного точного машиностроения Но и этого шага сделать не сумели — все осталось только на бумаге

В области металлургии было решено строить небольшой алюминиевый завод производительностью в 75 тыс пуд (при потребности в нем в 500 тыс пуд, причем цена за пуд алюминия поднялась к концу войны до 120 руб) К строительству этого завода было при-

когда потребность в порохе была еще не так велика, было заказано вперед 4,6 млн пуд бездымного пороха для снабжения только полевой артиллерии, причем поставки с русских заводов составляли всего лишь около 30% заказа

[138] Три казенных завода давали 1205 тыс пуд, а частные — 159 тыс пуд При постройке новых заводов значение всех частных заводов практически терялось, ибо они могли дать лишь 5—6% требовавшегося количества бездымного пороха

[139] Только за 1913 г точных станков было вывезено в Россию из Германии на 7 млн руб, из Америки — на 2,2 млн руб (ЦГВИА, ф 369, оп 3, д 119, прилож 3, лл 73—74)

ступлено более энергично, чем к строительству других заводов; еще в 1916 г. авансом были отпущены 4200 тыс. руб. на поиски бокситов и дешевой гидроэнергии.

Последнее, что мы отметим в программе Маниковского,— это заводы оптического стекла и приборов. До войны оптические приборы и оптическое стекло в России не производились, а получались из Германии. Производительность предполагаемого завода оптических приборов равнялась примерно годовой потребности армии в 1916 г. Оба завода было решено расположить в г. Изюме, у источников угля, глины и песка. Подготовительные работы были начаты в 1916 г., но этим дело и ограничилось. Заводы построены не были.

Таким образом, мы рассмотрели основные объекты программы ГАУ и можем теперь дать оценку ее значения для вооружения армии.

Программа ГАУ безнадежно опоздала. За исключением мелких снаряжательных мастерских, предприятий, изготовлявших сырье для взрывчатых веществ, да части химических предприятий, все остальные предприятия намечено было ввести в действие только в 1918—1920 гг.

Если бы Военное министерство разработало эту программу раньше, скажем к 1913—1914 гг., и сумело бы осуществить ее действительно боевыми, военными темпами, она могла бы иметь практическое значение в деле вооружения войск, повлияв тем самым на ход военных операций. Однако ничего этого не было и не могло быть сделано, хотя бы потому, что всякое предложение подобного рода встретило бы сильнейшие возражения не только со стороны иностранного капитала, но и со стороны российской буржуазии.

Такая недееспособность вытекала из природы самодержавия и российской буржуазии, что является убедительным доказательством несостоятельности всей политической системы и господствующих классов царской России.

Предложенная ГАУ и Особым совещанием по обороне программа свидетельствовала также о технической косности военных верхов, проявивших полнейшее равнодушие и непонимание значения новых видов техники в современной войне. Готовить армию к такой войне и не развивать новейшие виды вооружения — авиацию, бронированные автомобили, танки и т. д.— **могли только люди и режим**, обреченные ходом истории на слом. За исключением жалкой попытки организовать изготовление автоматов Мадсена, программа никак не перекликалась с тем новым, что война породила в области техники. Правительство не только не организовало нового мощного пулеметного завода, но и не предусмотрело его в своей программе. Говоря о решающей роли артиллерии, творец этой программы — Маниковский, сам крупнейший специалист-артиллерист, предложил строить артиллерийский завод, не предназначенный для изготовления артиллерии тяжелых калибров, хотя именно в это время в армии было приступлено к формированию **тяжелой артиллерии** особого значения, а нужда в тяжелой артиллерии была особенно резко ощутима.

Пороховые, взрывчатые, ружейные и патронные заводы, намеченные к строительству, никак не разрешали коренной задачи — освободить Россию от иностранной зависимости, поставить армию в деле вооружения на собственные прочные ноги. Даже если бы вся программа ГАУ была выполнена еще во время войны, то новые заводы не на очень много смогли бы уменьшить тот огромный дефицит в порохе, взрывчатых веществах, ружьях и патронах, который увеличивался с неудержимой быстротой с каждым месяцем войны. По-прежнему оставался бы только один, причем безнадежный, путь для его покрытия — заказы за границей. Но в решающих пунктах программа ГАУ оставалась на бумаге. Вооружение и снабжение армии по-прежнему шло частично за счет работы уже существовавших казенных заводов и мобилизованной частной промышленности, а частично за счет поступлений из-за границы.

Военно-техническая база русской армии, несмотря на все «успехи» частной промышленности, так и осталась отсталой и чрезвычайно бедной. Намеченные ГАУ мероприятия не могли ее кардинально изменить. Для этого нужны были и другие масштабы и другие политические условия.

Программа ГАУ является прекрасным историческим свидетельством неспособности помещиков и буржуазии царской России к широкому творчеству в вопросах ведения войны и вооружения армии.

Государственное регулирование потребления металла. Металлургический комитет

Работа военной промышленности неразрывно связана с металлургией. Чтобы производить вооружение, нужен прежде всего металл.

Война потребовала десятки миллионов пудов проволоки, огромного количества металла повышенных сортов, особенно высококачественной стали. Производство цементной стали выросло в 1916 г. в 10 раз по сравнению с довоенным временем: с 2,7 млн. пуд. до 24,5 млн. пуд.[140] Между тем общее производство металла в России (без Польши) сократилось на 25,5 млн. пуд., особенно значительно — почти на 10 млн. пуд., или на 17,5%, — упала выплавка чугуна на Урале[141].

Уже в начале 1915 г. на рынке обнаружился недостаток в металле, что повело к резкому росту цен, особенно с середины 1915 г. В течение 1915 г. цены на литейный чугун поднялись на 40%, а на сортовое железо — на 36,6%.

Интересы предприятий, работающих на войну, требовали вмешательства и в рыночную стихию и в производственную организацию металлургической промышленности. Однако в начале войны не было

[140] *Г. Мерцалов.* Железная промышленность.— «Народное хозяйство в 1916 году», вып. III. Пг., 1920, стр. 24.
[141] Там же, стр. 13.

установлено даже элементарного порядка в распределении металла. Не упорядочила дело и организация Особых совещаний.

Все же Особому совещанию по обороне уже летом пришлось оказывать помощь металлургической промышленности.

В июле 1915 г. выявился крупный недостаток рабочей силы в рудной и металлообрабатывающей отраслях промышленности. Еще Совещание по обеспечению армии предметами боевого снабжения высказывалось за привлечение труда военнопленных и применение на рудниках «труда иноземных рабочих — персов и представителей желтой расы» [142]. Правительство поддержало предложение о привлечении в горную промышленность труда китайцев и в этом направлении начало вести работу. Тогда же (летом 1915 г.) раздавались голоса о необходимости назначить в Харьков особо уполномоченное от Военного министерства лицо для заведования трудом военнопленных. Но лишь в конце 1915 — начале 1916 г. Особое совещание по обороне вынуждено было вплотную заняться вопросами металлургии: дополнительно к топливному кризису и кризису перевозок обнаружился металлический голод.

«Регулирование» металлического рынка началось с создания во второй половине августа 1915 г. при Металлургическом отделе Центрального военно-промышленного комитета Бюро по распределению металлов [143]. Бюро должно было выяснить потребности военных заводов в черных металлах, содействовать усилению производительности металлургических заводов, а также распределять металл между потребителями. Практически Бюро, являясь органом буржуазной общественной организации, не имело никаких прав и возможностей выполнить свои задачи и оказалось мертворожденной организацией. Оно не вышло и не могло выйти за узкие рамки помощи предприятиям в покупке металлов. Бюро «не облечено принудительной властью и потому оказалось не в состоянии разрешить своих задач» [144], — говорил Поливанов. Сам Центральный военно-промышленный комитет в начале ноября 1915 г. возбудил перед Особым совещанием по обороне ходатайство о создании при Особом совещании по обороне нового органа с государственными функциями, оставляя за Бюро всю подготовительную работу.

При обсуждении этого вопроса все сходились на признании необходимости «учреждения нового органа», но раздавались различные голоса на тему о том, при ком он должен находиться.

[142] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 50, л. 74 об. ЖОСО, № 16, 18 июля 1915 г.

[143] Там же, оп. 3, д. 177, лл. 5, 7. Справка о проектах организации дела снабжения заводов металлами.

[144] Там же, оп. 1, д. 56, л. 130. Эта цитата взята из журнала Совещания, по-видимому, Особого совещания по обороне или объединенного совещания по обороне и топливу. Документ большой (лл. 127—138), подписан в конце участниками, как это водилось в практике Особого совещания по обороне государства, но первый лист утерян, поэтому неизвестна дата заседания, по-видимому, оно состоялось в конце ноября или начале декабря. На нем обсуждался вопрос об организации Металлургического комитета. Открыл заседание Поливанов, присутствовал министр торговли Шаховской и др.

Представители Министерства торговли и промышленности предлагали создать такой орган при Особом совещании по топливу, т. е. при министре торговли и промышленности; соответствующее предложение было даже внесено в Совет министров. Оно обосновывалось теми соображениями, что уже в мирное время данное Министерство тесно соприкасалось с металлургией, приобрело навыки в управлении этой отраслью, а поэтому «могло бы вести это дело на началах определенной систематической политики, а не разрозненного удовлетворения отдельных потребностей» [145].

В речах защитников Министерства торговли и промышленности чувствовалась явная оппозиция против Военного министерства. По их мнению, признание первенствующими потребностей обороны вовсе не означало, что надо передавать в Военное министерство «все, связанные с обороной, отрасли государственного хозяйства», но лишь обязывало все ведомства в своей деятельности руководствоваться «прежде всего интересами военными» [146].

Эту же точку зрения защищал и министр торговли и промышленности, подчеркнувший, что Совещание по топливу имеет ту же конечную цель, что и Совещание по обороне.

Но большинство участников Совещания не согласилось с доводами министра торговли. В изъятии вопросов металлургии из ведения военного министра оно увидело ослабление контроля со стороны военного ведомства за деятельностью промышленности в интересах войны. Эта мера привела бы к тому, что Военное министерство, «сохраняя за собой формальные права по управлению заводами, изготовляющими снаряжение армии, было бы лишено фактической силы обеспечить поставку этими заводами необходимого металла и, следовательно, утратило бы действительное руководство мерами обороны. Результатом подобного положения явилось бы двоевластие» [147].

Победили сторонники Военного министерства. Было решено создать Металлургический комитет при Военном министерстве, т. е. в системе Особого совещания по обороне государства. 17 декабря 1915 г. Особое совещание по обороне учредило должность уполномоченного по делам металлургической промышленности с состоящим при нем комитетом с широким представительством как государственных, так и буржуазных организаций и представителей промышленности [148]. Руководителем этого комитета был назначен А. З. Мышлаевский.

На уполномоченного была возложена ответственная задача: обеспечить металлом заводы, работающие «на нужды обороны» и на другие нужды, связанные с ней. На комитет же возлагалось выяснение общей потребности в металлах как для военных предприятий, так и для других. Комитет должен был распределять металл по категориям потребителей и по районам. Он получил право выяснять производ-

[145] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 56, л. 130.
[146] Там же, лл. 132—133.
[147] Там же, л. 137.
[148] Там же, д. 54, лл. 176—177. ЖОСО, № 39, 13 января 1916 г.

ственную способность предприятий и давать указания заводским совещаниям по изменению порядка выполнения заказов на металлы и даже реквизировать металл [149]. Особое совещание утвердило в основном положение о комитете, разработанное Военно-промышленным комитетом и отвечавшее интересам владельцев металлургических предприятий и «Продаметы».

Порядка в металлопромышленности комитет не навел. Он послушно шел за воротилами из «Продаметы» и других объединений промышленников. Отношения комитета с заводскими совещаниями не отличались четкостью, единства в руководстве заводами не получилось, по-прежнему несколько организаций давали указания заводам, часто в обход комитета, а срочные требования фронта «поступали непосредственно на заводы; программа прокатки неустанно изменялась, намеченный план работы нарушался» [150]. Заводчики по-прежнему выполняли выгодные заказы и откладывали более важные, с государственной точки зрения, но менее выгодные.

Металлургический комитет столкнулся, прежде всего, с фактом остановки 16 доменных печей ввиду недостатка руды, что уменьшило добычу металла на 60 млн. пуд. Вследствие этого ощущался недостаток металлов для работавших на войну заводов. Мышлаевский, докладывавший об этом Особому совещанию по обороне, предложил «ограничить или даже вовсе прекратить расходование металлов на нужды, прямого отношения к обороне не имеющие». И в этом вопросе деятельность Совещания по обороне была мало эффективной. Она шла не по линии увеличения производства металлов, а лишь по линии более правильного распределения металла среди потребителей.

Металлургический комитет получил право ограничить или совсем прекратить отпуск металла на строительства. Весь металл должен был направляться «на предприятия, обслуживающие оборону в боевом смысле слова» [151]. Цены на металл стали быстро расти, началась спекуляция. Совещание поручило Металлургическому комитету проработать вопрос о ценах на металл. Эта «проработка» вопроса о ценах подвигалась вперед очень медленно. Спустя два с лишним месяца, в конце апреля, докладывая Особому совещанию по обороне о борьбе Металлургического комитета со спекуляцией, Мышлаевский лишь обещал, что «комитет в близком будущем выработает твердые цены на чугун и черные металлы». Эти «твердые цены» должны быть установлены «по соглашению с самими промышленниками» и отвечать условиям рынка. Другими словами, в их основу клались рыночные, спекулятивные цены, которыми владельцы металлургических заводов не имели оснований быть недовольными [152]. В качестве меры борьбы с нарушителями предполагаемых твердых цен Мышлаевский выдвигал реквизицию металла.

[149] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 21, лл. 68—69. «Правила о порядке действий уполномоченного по делам металлургической промышленности».
[150] «Народное хозяйство в 1916 году», вып. III, стр. 40.
[151] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54, л. 220 об. ЖОСО, № 49, 20 февраля 1916 г.
[152] Там же, д. 176, лл. 136—137. ЖОСО, № 67, 30 апреля 1916 г.

К весне 1916 г. все яснее сказывался недостаток металла. Производство не поспевало за растущим спросом. Выяснилось, что домны остановились из-за недостатка кокса, который не подвозила железная дорога. На работе металлургической промышленности отрицательно сказывалась плохая работа транспорта. Присутствовавший в Совещании по обороне представитель Министерства путей сообщения признал, что «в деле сокращения металлургического производства доминирующее значение принадлежит недостаточности транспорта» [153]. Председатель Металлургического комитета, соглашаясь с этим заявлением, указывал также и на недостаток рабочих рук. 16 домен продолжали бездействовать, а на копях скопилось до 200 млн. пуд. угля, который «не может быть вывезен даже в соседние заводы или домны». Из-за недостатка транспорта на заводах оставались невывезенными свыше 22 млн. пуд. готовых изделий.

Для устранения задержек металлургической промышленности комитет предполагал обеспечить подвоз к заводам топлива, металла и взрывчатых веществ, а также организовать вывоз готовой продукции. Но как можно было осуществить эти меры, комитет не мог сказать, ибо это зависело от Министерства путей сообщения.

Такое же положение создалось с рабочей силой. Необходимо было увеличить число рабочих на предприятиях, а вместо этого под влиянием дворянства военнопленных предполагалось направлять лишь на сельскохозяйственные работы. Представители металлургии просили Особое совещание по обороне «во что бы то ни стало возместить заводам отнимаемую у них рабочую силу».

Кроме транспортных затруднений на работе металлургических заводов сказывались и причины, связанные непосредственно с организацией труда, ухудшением качества рабочей силы, так как труд женщин, пленных и подростков был гораздо менее производителен, чем взрослых мужчин, призванных в армию. Чтобы уменьшить недостаток металла, Металлургическому комитету было отпущено 30 млн. руб. на закупку металла за границей [154].

Но иностранные закупки могли в лучшем случае лишь временно смягчить острый дефицит в некоторых сортах металла. Для улучшения работы металлургической промышленности требовалось, по крайней мере, коренным образом улучшить, во-первых, снабжение заводов рабочей силой и, во-вторых, работу железных дорог. Последнему многие члены Особого совещания придавали решающее значение. Так, член Государственного совета В. И. Карпов говорил: «Влияние, оказываемое на металлургическое дело расстройством перевозок, настолько велико, что пред этой причиной все остальные отступают на задний план и могут быть вовсе отброшены из учета» [155].

Однако гораздо легче оказалось перестроить организационные формы металлургической промышленности, чем разрешить транспортную проблему и рабочий вопрос. В мае 1916 г. Мышлаевский

[153] Там же, д. 174, л. 55. ЖОСО, № 53, 5 марта 1916 г.
[154] Там же, д. 177, л. 18. ЖОСО, № 71, 14 мая 1916 г.
[155] Там же, д. 176, л. 184. ЖОСО, № 69, 7 мая 1916 г.

предложил изъять металлургические заводы из ведения заводских совещаний и подчинить их власти главного начальника снабжения металлами, «облеченного достаточными полномочиями». По существу, речь шла о создании единого центра по регулированию металлургической промышленности с периферийным аппаратом при нем. По мысли Мышлаевского, на начальника этого центра возлагалось изучение возникающих на местах предположений с реквизицией труда для нужд металлургических заводов; определение потребности ведомств в металлах и распределение таковых; установление порядка выдачи удостоверений на получение металлов; установление изменения сроков исполнения заказов; реквизиция металлов и т. п.[156]

Предложения Мышлаевского одобрили, и на их основе был разработан проект положения о главном уполномоченном по снабжению металлами, который обсуждался Совещанием 1 июня 1916 г. Однако лишь в августе положение было утверждено. Главным уполномоченным по снабжению металлами стал Мышлаевский. Он имел свой аппарат — районных уполномоченных и их представителей на заводах; власть заводских совещаний более не распространялась на металлургические предприятия.

Новое положение значительно увеличивало власть главного уполномоченного по снабжению металлами как в вопросах распределения металла внутреннего и заграничного происхождения, так и в вопросах производственных. Однако вся деятельность его протекала в тесном контакте с монополистическими организациями — «Продаметой», «Кровлей», синдикатом меднопрокатных заводов, а потому и не нарушала их интересов. Все же в результате деятельности главного уполномоченного было несколько упорядочено распределение металла, точнее выявлена потребность разных отраслей хозяйства, уменьшена спекуляция. В этом известное положительное значение создания нового органа государственно-монополистического регулирования.

29 августа 1916 г. главный уполномоченный представил военному министру записку[157], из которой видно, что месячные заявки ведомств составили 21,8 млн. пуд., что значительно превосходило производство металла внутри страны. Чтобы удовлетворить важнейшие, еще не учтенные потребности, следовало сократить представленные заявки на 4,5 млн. пуд. Мышлаевский предлагал, в частности, уменьшить на 1,5 млн. пуд. заявки Министерства путей сообщения на рельсы, но ввиду категорического протеста 1,5 млн. пуд. были разверстаны между: Главным артиллерийским управлением (835 тыс. пуд.), Министерством путей сообщения (625 тыс. пуд.), Морским министерством (33 тыс. пуд.) и Главным военно-техническим управлением (7 тыс. пуд.). Остальные 3 млн. пуд. были «найдены» за счет механического сокращения остальных заявок на 21,33%.

В результате такой урезки получилась следующая картина:

[156] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 177, лл. 63—65. ЖОСО, № 73, 21 мая 1916 г.
[157] Там же, оп. 15, д. 2, лл. 424—427.

	Сокращение, тыс. пуд.	Получало, тыс пуд
Морское министерство	248	1047,6
Главное артиллерийское управление	523	5393,7
Главное интендантское управление	223	817,9
Главное военно-техническое управление	376	1414,2
Управление воздушного флота	30	111,7
Министерство путей сообщения	905	5936,6
Отдел водных путей	117	433,0
Министерство земледелия	130	477,7
Центральный военно-промышленный комитет	179	656,6
Всероссийский союз земств и городов	87	323,0
Нефтяная промышленность	129	471,0
Горная промышленность	53	197,0
Итого	3000	17 280,0

Главными потребителями металла являлись Главное артиллерийское управление и Министерство путей сообщения.

Все производственные министерства и отрасли (без Министерства путей сообщения) получили всего около 10% металла, а остальное количество шло непосредственно на военные нужды. По количеству металла можно представить и удельный вес военно-промышленных комитетов и Земгора в выполнении военных заказов: на их долю приходилось около 5% металла, или немного более, чем получало Интендантское управление.

Добившись некоторого улучшения в распределении металла в пользу военных предприятий, главный уполномоченный не мог добиться увеличения производства металла. Промышленность по-прежнему не была обеспечена рабочей силой: обследование членом Государственного совета Ф. А. Ивановым металлургического дела на Урале показало, что «наибольшее затруднение доставляет Уралу рабочий вопрос» [158]. Предполагалось усилить рабочую силу на Урале за счет пленных и китайских рабочих. Но так как в процессе обсуждения выяснился недостаток рабочих по предприятиям других ведомств, в этом отношении ничего не было решено. Иванову было поручено представить свои соображения «о порядке решения рабочего вопроса». Так от частного вопроса приходили к необходимости решить общегосударственную проблему первейшего значения.

Пока вырабатывались эти «соображения», положение с металлом обострилось еще более. Военный министр Д. С. Шуваев заявил в июне 1916 г. о согласии освободить от призыва в армию техников и мастеров по именным спискам. В октябре он повторил свои заявления и заверил, что принимаются меры к более целесообразному распределению военнопленных. Несмотря на эти заверения, на заседании Особого совещания по обороне в октябре 1916 г. Гучков говорил уже

[158] Там же, оп. 1, д. 177, лл. 96—97. ЖОСО, № 75, 28 мая 1916 г. или д. 156. Докладная записка члена Государственного совета Ф. А. Иванова о деятельности заводов Урала на нужды обороны.

не о трудностях, а о надвигающемся кризисе, из которого «без крупного заграничного заказа мы не будем в состоянии выйти» [159]. Он подробно развил свой план покупки металла в Швеции и Японии, заказа рельсов в Америке, чтобы использовать производительность рельсопрокатных заводов для других нужд.

Вопрос о металле не сходит с повестки дня Особого совещания по обороне в последние месяцы перед Февральской революцией. Производительность металлургических заводов в октябре — ноябре 1916 г. определялась в 21 млн. пуд., а за вычетом производства металла петроградских и казенных горных заводов, который им же и потреблялся, «в распределение поступает 16—16,5 млн. пуд. металла в месяц. Между тем заявленные на октябрь потребности составляли 21,5 млн. пуд. Таким образом, образовался дефицит около 25%, что и вызвало необходимость неполного удовлетворения большинства заявленных потребностей. Однако необходимо принять во внимание, что некоторые потребности еще не учтены, потребность фронта вошла в требования ведомств далеко не полностью и, наконец, потребность населения остается ныне в значительной степени неудовлетворенной.

При учете всех этих потребностей дефицит достигает 50%, т. е. составил 8 млн. пуд. металла в месяц. Для покрытия этого дефицита необходим крупный заграничный заказ на металлы и на простейшие металлические изделия» [160]. Так мрачно обрисовал положение главный уполномоченный по снабжению металлами. В его докладе нет никаких намеков на возможное улучшение добычи металла.

Выступивший от Центрального военно-промышленного комитета А. И. Коновалов сделал поправку к подсчетам Мышлаевского, увеличив ежемесячный дефицит в металле до 10 млн. пуд. По его мнению, не приходилось «рассчитывать на расширение производительности русских металлургических предприятий в ближайшем, по крайней мере, времени». По мнению Шингарева, положение с металлом после продовольственного вопроса «является едва ли не наиболее важным вопросом настоящего момента». Острый недостаток в металле может привести «в конце концов к опасному кризису в деле снабжения армии. Устранить этот недостаток средствами русской промышленности представляется маловероятным» [161]. Один из лидеров кадетской партии также признавал остроту положения со снабжением металлами. Он не верил в возможность выйти из этого кризиса путем развития производительности металлургической промышленности, ибо понимал, что вопрос о работе металлургии тесно связан с рядом крупных экономических проблем — продовольствие, транспорт, рабочая сила, — с которыми до сих пор буржуазия и правительство не справлялись.

Представители промышленности признавали, что они сами не в силах устранить препятствия, мешающие расширению производительности металлургических заводов. Они добивались от Совещания одного — повышения цен.

[159] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181. ЖОСО, № 111, 8 октября 1916 г.
[160] Там же, ЖОСО, № 118, 2 ноября 1916 г.
[161] Там же.

Кризис в металлургической промышленности в действительности был одним из проявлений общего кризиса народного хозяйства России, всех ведущих отраслей капиталистической промышленности и транспорта.

Особое совещание по обороне и главный уполномоченный по снабжению металлами признали свое бессилие в деле коренного улучшения положения с металлами. Поэтому основное внимание Совещания было направлено в сторону сокращения потребностей в металле для второстепенных нужд и увеличения закупок за границей. Решено было нажать на союзников на предстоящей в январе 1917 г. Петроградской конференции и потребовать от них увеличения снабжения России металлами.

Решение Особого совещания по обороне от 11 января 1917 г. является характерным документом для оценки всей политики правительства. В трех пунктах этого решения выражено признание полнейшего краха попыток правительства справиться с проблемой металлургии. Заграничный рынок признается единственной надеждой на спасение, и все взоры устремляются на союзников. Именно поэтому Совещание решило: «1) поставить на обсуждение имеющего состояться в Петрограде междусоюзнического совещания вопрос о снабжении России металлами в необходимых ей количествах; 2) просить министра финансов ускорить разрешение вопроса о новом японском займе и об отпуске из этого займа 100 млн. иен для покупки металла в Японии; 3) просить министра финансов возможно безотлагательно разрешить вопрос об отпуске валюты на 240 млн. руб. для заказов черных металлов за границей» [162].

Это решение является знаменательным во всех отношениях. Оно показывает, что царское правительство совместно с буржуазией не в состоянии были обеспечить потребности хозяйства в самом необходимом для ведения войны продукте — металле. Спасение они видели в новых займах и заграничных закупках. Нужны были огромные средства для закупки металла, которые возможно было опять-таки получить только у англичан и французов. Новые кредиты еще больше ставили Россию в зависимое положение от союзников. Если даже предположить, что союзники отпустили бы России просимые средства, то весьма сомнительна сама возможность закупки и доставки в порты, перевозки по железным дорогам на предприятия такого огромного количества металла. Но члены Особого совещания и не задумывались над всем этим, им казалось, что решение вопроса заключается в искусстве министра финансов добиться получения новых кредитов.

Состоявшаяся вскоре конференция союзников разбила иллюзии русского правительства и буржуазии. Ссылаясь на ограниченность морского тоннажа и слабую пропускную способность портов и русских железных дорог, союзники установили жесткий лимит для всех перевозок, который исключал возможность получить металл в большом количестве.

[162] Там же, д. 375, л. 51. ЖОСО, № 134, 11 января 1917 г.

Ориентация на заграничную покупку металла была более легкой, но оказалась более беспочвенной, чем заботы об увеличении производства внутри страны. На том пути, по которому пошло правительство, нельзя было добиться реально ощутимых результатов. Особое совещание по обороне и главный уполномоченный по снабжению металлами не справились с задачами, которые перед ними стояли. Попытки правительства парализовать растущую разруху, организовать металлургию и обеспечить страну металлом оказались совершенно неэффективными. Растерявшись от многочисленных заявлений о кризисе металла, рабочей силы и транспорта, правительство совер шенно не вмешивалось в организацию производства, не обуздало банки и синдикаты и лишь пыталось регулировать распределение, которое от начала до конца проводилось в интересах узкой верхушки буржуазии — воротил металлургической промышленности. Убедившись, что эти мероприятия не в состоянии обеспечить самые насущные нужды страны в металле, лидеры буржуазии должны были прийти к выводу, что потерпела крах не только политика правительства, но и их собственная, в чем буржуазия боялась признаться даже самой себе.

Особое совещание по обороне и кризис перевозок и топлива[163]

Повседневным практическим руководством перевозками и топливом занимались два специальных Особых совещания, созданные одновременно с Особым совещанием по обороне государства; последнее занималось этими вопросами только в экстренных случаях, когда положение делалось критическим или когда появлялась необходимость поправить политику Особых совещаний по перевозкам и топливу в интересах максимального развития военного производства или, как тогда говорили, в интересах «обороны».

Вопросы перевозок и топлива появлялись на повестке дня заседаний Особого совещания по обороне обычно вместе. Когда говорилось о топливных затруднениях, неизбежно выплывал вопрос о плохой работе железнодорожного транспорта, а когда докладывали о работе железных дорог, представители Особого совещания по топливу старались свалить все недостатки работы топливной промышленности на плохую работу железных дорог.

Уже летом 1915 г. вопрос о вывозе топлива из Донбасса и снабжении им промышленности центра превратился в проблему, выходящую за рамки какого-либо одного ведомства. Этим пришлось заниматься Особому совещанию по усилению снабжения армии.

Увеличение добычи топлива, особенно донецкого угля, организация вывозки его и распределения в соответствии с интересами учреж-

[163] В данном параграфе вопросы топлива и перевозок затрагиваются нами лишь в связи с исследованием работы Особого совещания по обороне. Специальное рассмотрение работы железнодорожного транспорта и топливной промышленности дано в других главах.

дений и предприятий, работающих на войну, привлекали внимание правительства. В марте 1915 г. министр путей сообщения, которому было поручено снабжение углем, ввел некоторые ограничения в свободную продажу угля, чтобы использовать «всю производительность и все запасы донецкого угля на удовлетворение прежде всего потребностей государственных» [164]; были отменены частные договоры на продажу угля. Тогда же в топливный вопрос пытался вмешаться министр внутренних дел, который жаловался Горемыкину, что города и городские предприятия в отношении обеспечения топливом поставлены «как бы на второй план» [165].

Война изменила направление товарных грузопотоков. Утратили значение порты Балтики и Черного моря, а решающее место заняли Владивосток, Архангельск, позднее Мурманск, через которые шли сотни миллионов тонн грузов, преимущественно военных. Поэтому вопросы работы портов, особенно Архангельского, вывозки из этих портов грузов и строительства железных дорог, связывающих порты с центральными железнодорожными магистралями, неизбежно стояли в центре внимания не только Особого совещания по перевозке, но и Особого совещания по обороне.

Еще 1 июня 1915 г. Особое совещание по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия занималось рассмотрением вопроса об увеличении доставки грузов из Владивостока. Вопрос этот был поставлен «промышленными кругами» [166]. Тогда же было принято решение о подчинении Архангельской линии железной дороги особому уполномоченному морского ведомства, что вызвало решительный протест представителей Министерства путей сообщения [167].

Полномочия Особого совещания по обороне были гораздо шире, чем у его предшественника, и это давало законное право ставить вопросы перевозок на обсуждение. С другой стороны, работа железнодорожного транспорта летом и осенью 1915 г. настолько ухудшилась, что грозила катастрофой всей промышленности.

В сентябре 1915 г. недогруз угля в Донецком бассейне составлял 30% общего назначения, причем 90% его министр торговли и промышленности объяснял неподачей вагонов. В октябре недогруз увеличился и достигал 33% назначения, причем уже на 95% объяснялся «почти исключительно недостатком вагонов» [168], в начале ноября недогруз перевалил за 40% назначения. Еще хуже было с поступлением топлива в отдельные районы. Так, Петроградский фабричный район, являвшийся кузницей вооружения, получил для военных предприятий в сентябре 1915 г. 56% назначенных грузов, а в октябре 1915 г. всего лишь 36% от назначения.

Министр признавал, что снабжение топливом остальных районов

[164] ЦГИА СССР, ф. 229, оп. 4, д. 1792 б, л. 31 об.
[165] Там же, л. 4.
[166] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 49, лл. 93—96. ЖОСО, № 5, 1 июня 1915 г.
[167] Там же, лл. 221—222. ЖОСО, № 10, 27 июня 1915 г.
[168] ЦГИА СССР, ф. 40, оп. 1, д. 71А, ч. II, лл. 92—93. Справка о положении с топливом, доложенная царю 23 ноября 1915 г.

находится «в столь же неблагоприятных условиях» Вследствие неподвоза железными дорогами топлива, руды и флюсов для доменной плавки остановилось 23 доменных печи, что составляет более 1/3 наличных доменных печей За первую половину ноября дополнительно прекратили работы 5 печей

Острые затруднения в топливе испытывала металлургия Кризис являлся не случайным преходящим явлением, а длительным, угрожая стать хроническим В начале января 1916 г уполномоченный Особого совещания по обороне по Екатеринославскому району нарисовал следующую картину положения черной металлургии Юга «Вообще нужно констатировать тот факт, что металлургические заводы из-за постоянных задержек в доставке сырья (нет вагонов) и топлива переживают критическое состояние, которое отражается на всех почти заводах, получающих от них металл и изделия Ежедневно я получаю несколько телеграмм с указанием на то, что выполнение спешных заказов военного ведомства остановилось или грозит остановиться через несколько дней» [169]

Разнообразные документы, изученные нами, показывают, что промышленности страны угрожал паралич из-за недостатка топлива Представители промышленности, члены Особого совещания по обороне требовали прежде всего навести порядок на железных дорогах

В интересах государства нужно было срочно разобраться в положении дела и наметить практические меры

По инициативе Особого совещания по обороне в октябре 1915 г. был поставлен доклад в Министерстве путей сообщения и на совместном заседании четырех Особых совещаний Созданной здесь особой комиссии поручили разобраться в вопросах работы железных дорог В ноябре 1915 г был представлен доклад, в котором указывалось, что в основе транспортных неурядиц «лежит отсутствие единства в заведовании железными дорогами фронта и тыла» [170] Все железные дороги фронта были изъяты из ведения Министерства путей сообщения и подчинены начальнику военных сообщений при верховном главнокомандующем Благодаря этому железные дороги фронта оказались в руках военных людей, «в громадном большинстве случаев совершенно в этом деле неопытных», а специалисты оказались «отстраненными» от руководства этим делом [171] В этом разрыве управления дорогами фронта и тыла, в освобождении Министерства путей сообщения от ответственности за дороги фронта комиссия, а вслед за ней Особое совещание по обороне видели коренную причину транспортных затруднений

Доклад комиссии о положении на транспорте вскрыл наличие серьезного кризиса Недостатки в работе железных дорог стали про-

[169] ЦГВИА, ф 369, оп 15, д 2, лл 12 об — 13 Пояснительная записка, присланная в ответ на телеграмму управляющего делами Особого совещания по обороне, полученная 2 января 1916 г

[170] Там же, д 56 В деле имеются журналы заседания комиссии и положение о Распорядительном комитете по перевозкам

[171] Там же, оп 1 д 56, л 12 Журнал заседания комиссии, 3, 8 и 15 ноября 1915 г

являться «почти с самого начала войны и уже к весне текущего (1915 — *А С*) года приобрели угрожающий характер» Был нарушен обмен вагонами между фронтом и тылом На фронте все пути были забиты, и чтобы расчистить дорогу, вагоны сваливали под откос В тылу же испытывался острый недостаток вагонов, вследствие чего нарушался подвоз предметов первой необходимости и «в особенности топлива к крупным потребительским центрам» По мере того как линия фронта передвигалась на восток в связи с отступлением русских армии, «расстройство транспорта увеличивалось все более и, наконец, к настоящему моменту достигло грозных размеров» [172] Из-за недостатка подвижного состава в Донецком угольном бассейне почти полностью прекратился подвоз топлива в Петроград, где находились главнейшие военные заводы

Комиссия требовала самых решительных мер к устранению «основной причины» железнодорожной разрухи — разрыва между дорогами тыла и фронта, введения единоначалия, особенно необходимого в военное время Она предупреждала о возможных грозных последствиях, к которым приведет существующее положение, считая, что «неизбежным последствием сохранения существующего порядка явится ряд катастрофических явлений Раскрывающаяся картина ближайшего будущего вызывает в полном смысле слова содрогание» Даже народные волнения в связи с продовольственными затруднениями казались комиссии «наименьшим злом» по сравнению с возможностью «остановки в производстве предметов боевого снаряжения армии» и грозным признаком «недостаточного питания самой армии» Вследствие перегруженности ряда передаточных станций, ведущих к фронту, — Двинска, Смоленска, Вязьмы — происходили задержки с доставкой на фронт продовольствия и фуража Таково, по мнению комиссии, было положение дела, требовавшее для исправления немедленных и серьезных мер

Но комиссия видела выход только в действиях организационного порядка Она совершенно не изучила вопросы технического оснащения дорог, состояния паровозов и вагонов, строительства подъездных путей, производства рельс Ее предложение объединить руководство всеми дорогами в руках министра путей сообщения, хотя и было вообще разумным, все же являлось полумерой, не способной коренным образом улучшить работу транспорта Нужны были новые паровозы и вагоны, требовалось строительство новых участков, увеличение пропускной способности железных дорог и станций и т д

Одновременно с работой комиссии Особых совещаний вопросами работы железных дорог занималось и само Особое совещание по обороне На заседании 11 ноября 1915 г по докладу Борисова положение с топливом и перевозками было признано катастрофическим. Но в объяснении причин сложившегося положения Особое совещание по обороне повторило заявление комиссии, что в основе всех затруднений лежит разрыв в управлении фронтовыми железными дорогами и тылом.

[172] Там же, л 13

Для лечения этой «болезни» члены Особого совещания по обороне не могли дать ценных советов Нельзя признать таковыми предложения о прекращении выдачи новых заказов петроградским предприятиям или об ограничении снабжения топливом и электроэнергией предприятий второстепенных, с точки зрения военных заказов. Ряд членов Совещания предлагали вынести обсуждение вопроса в соединенное заседание Особых совещаний под председательством царя [173]

Само Министерство путей сообщения произвело обследование двух дорог [174] Наряду с административными непорядками в выводах комиссии указывались и более глубокие причины рост движения грузов, отсутствие плана перевозок, ухудшение состояния паровозов и вагонов, ухудшение качества угля и т д

В последующих своих решениях [175] в феврале и апреле 1916 г по вопросу о работе железных дорог Особое совещание по обороне очень резко отмечало недостатки в работе, а члены Совещания не скупились на самые пессимистические оценки положения Однако практические советы и предложения сводились к тому, чтобы поставить вопрос в Совете министров Особое совещание по обороне не встало на путь внедрения плановых перевозок, реально не помогло железным дорогам в изготовлении паровозов, рельсов, вагонов и других железнодорожных заказов

Установленный комиссией и Особым совещанием основной порок — отсутствие единоначалия — и тот не был устранен, так как боялись Ставки и не хотели с ней ссориться

Дело ограничилось тем, что в ноябре министр путей сообщения создал Временный распорядительный комитет по перевозкам, который должен был объединить все мероприятия по перевозкам грузов по железным дорогам тыла На этом и успокоились

1 декабря 1915 г на заседании комиссии Особых совещаний заслушали письмо Поливанова, который сообщал, что доклад комиссии на объединенном заседании Особых совещаний нецелесообразен, и интересовался, скоро ли комиссия закончит свою работу. Комиссия признала, что вновь созданный Временный распорядительный комитет по перевозкам, правомочный только в тыловых перевозках, не устранит коренную, по ее мнению, причину расстройства железных дорог — отсутствие единства действий по всей сети железнодорожного транспорта, о чем и решила довести до сведения Особых совещании После этого комиссия признала свою работу законченной.

Лишь в самом конце 1916 г предложение комиссии было практически осуществлено Во главе военных перевозок при Ставке был поставлен, по соглашению с министром путей сообщения Треповым, на правах помощника министра Кисляков. Через него фронтовые доро-

[173] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 54, лл 73 об — 74 об ЖОСО, № 23, 11 ноября 1915 г

[174] Николаевской и Московско-Курской Комиссия работала с 8 ноября по 29 декабря

[175] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 54, 176 Журналы Особых совещаний № 45, 63—65 за 1916 г

ги были подчинены министру путей сообщения. Потребовался год, чтобы провести простую организационную меру. Такова была сила консерватизма в государственном аппарате царской России.

Вопросами топлива Особое совещание по обороне неоднократно занималось в ноябре и декабре 1915 г. Транспортные затруднения неизбежно вели к топливному кризису, устранение которого прямым образом зависело от улучшения перевозок. Особенно плохо было дело со снабжением углем Петрограда. Министерство путей сообщения вынуждено было «отпускать уголь предприятиям, работающим на оборону, из запасов железных дорог, в дальнейшем же, в случае непринятия надлежащих мер в рассматриваемой области, и этот ресурс иссякнет, и тогда Петроградский промышленный район, в пределах коего изготовляется почти 60% всего количества предметов государственной обороны, производимых в России, будет поставлен в крайне тяжелое положение» [176]. В конце ноября 1915 г. в одном Петрограде накануне остановки было 58 крупных предприятий, среди них и Путиловский завод, располагавший запасом угля менее чем на двое суток.

Петроградское заводское совещание произвело по поручению военного министра осмотр запасов топлива на предприятиях и разделило их на три группы с целью первоочередного снабжения наиболее важных военных заводов и закрытия других [177]. Особое совещание по топливу приняло некоторые меры по улучшению подачи угля в столицу, но наступающие холода и метели опять могли ухудшить подачу угля. Поэтому Совещание по топливу решительно высказалось против открытия в Петроградском районе новых промышленных предприятий, эвакуации в Петроград предприятий из других районов и расширения существующих. Если же, несмотря на предупреждение, произошло бы расширение каких-либо предприятий, то снабжение их производилось бы «не иначе, как в счет соответственного сокращения снабжения топливом каких-либо иных потребителей того же района» [178]. Министр торговли и промышленности, ведавший снабжением топливом, предупредил Поливанова, что и в будущем нельзя надеяться на поступление в Петроградский район топлива в размере, «хоть сколько-нибудь превышающем установившуюся за последнее время крайне низкую норму» [179].

Следовательно, работа железных дорог и снабжение топливом были важнейшими решающими факторами всей военной экономики России. Между тем уже осенью 1915 г., в начале второго года войны, эти отрасли хозяйства не только не обеспечивали всех потребностей страны, но даже не справлялись со снабжением важнейших военных предприятий и не обеспечивали снабжение металлургических предприятий юга России рудой и топливом. Вся промышленность страны переживала острый кризис.

[176] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54, л. 73. ЖОСО, № 23, 11 ноября 1915 г.
[177] Там же, лл. 119—120. ЖОСО, № 28, 28 ноября 1915 г.
[178] Там же, д. 98, лл. 153, 154. Письмо Шаховского военному министру Поливанову от 12 декабря 1915 г.
[179] Там же, л. 154.

Топливная промышленность находилась под контролем Особого совещания по топливу — бюрократической организации с большим аппаратом и сложной системой управления. Однако как производство, так и продажа топлива находились вне государственного контроля, целиком в руках капиталистов и рыночной стихии. Государство лишь давало разрешение на получение топлива и устанавливало предельные высшие цены, которые неудержимо росли за спекулятивными рыночными ценами. Особенно слабо регулировался нефтяной рынок: по оценке бывшего редактора «Известий Особого совещания по топливу», торговля нефтью оставалась «относительно свободной» до октября 1917 г. В тех случаях, когда первоочередные потребители не получали достаточно угля, применялись принудительные наряды или частичные реквизиции топлива [180].

Однако попытка правительства осенью 1915 г. в известной мере монополизировать в своих руках распределение топлива провалилась. Она была встречена в штыки не только горнопромышленниками, но и всеми организациями буржуазии. Совет съездов представителей промышленности и торговли и другие организации составили комиссию, которая обратилась к председателю Совета министров с докладной запиской, в которой весьма подробно излагаются все отрицательные последствия, к которым якобы приведет казенная монополия на минеральное топливо [181]. Несмотря на то что министр торговли и промышленности имел право объявлять продажу твердого и жидкого минерального топлива как на территории всей империи, так и в пределах отдельных районов «исключительным правом казны» [182], он это право не использовал.

Когда через год возник проект организации «Центроугля» — общеимперского синдиката, который должен был покупать всю добычу угля по определенным ценам и распределять по плану — этот проект также был провален промышленниками, причем во главе похода против государственного регулирования выступил Центральный военно-промышленный комитет. Таким образом, Особые совещания по обороне и топливу не могли провести мероприятия, абсолютно необходимые в интересах эффективного ведения войны: их политика в области топлива определялась своекорыстными интересами буржуазии, стремившейся к наживе и обогащению и решительно выступавшей против всяких попыток со стороны государства ограничить эту наживу путем усиления плановости. Особое совещание по обороне не вникало глубоко в суть работы железных дорог, а Министерство путей сообщения не выдвигало перед Совещанием коренных вопросов работы транспорта.

Положение несколько меняется весной 1916 г.

В докладе товарища министра путей сообщения Э. Б. Войновского-Кригер о работе железных дорог, сделанном в Особом совещании в конце апреля 1916 г., впервые полным голосом было сказано о не-

[180] *Я. М. Букшпан.* Военно-хозяйственная политика. М.— Л., 1929, стр. 406.
[181] ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 109, лл. 218—219 об.
[182] «Особые совещания и комитеты военного времени». Пг., 1917, стр. 21.

достатках железнодорожного транспорта, указано на причины транспортных затруднений, вытекающие не столько из организационной несогласованности, сколько из слабости сети, бедности вагонного и паровозного парка и неразвитости узловых станций, не приспособленных к форсированной работе. Докладчик показал, что около половины всех перевозочных средств обслуживают непосредственные потребности войны, поэтому для тыла их остается недостаточно, и сообщил о мерах, принятых для усиления перевозок путем увеличения на дорогах подвижного состава, строительства новых линий и усиления пропускной способности существующих. Большего сделать было нельзя из-за отсутствия рельсов, рабочей силы и других трудностей. «Меры эти подошли к своему предельному развитию и более, к сожалению, расширены быть не могут» [183].

Обсуждение доклада заняло два заседания. Выступивший в прениях Шуваев внес предложение о необходимости «иметь общий план перевозок», которое было поддержано другими участниками заседания. Параллельно были приняты меры к усилению водных перевозок, чтобы разгрузить железные дороги. В частности, было решено перевозить по воде нефть, хлеб и некоторые военные грузы. Это была хотя и слабая, но деловая попытка координировать работу железных дорог с водными путями и подойти к составлению общего плана перевозок.

Хотя перевозки по железным дорогам в 1916 г. и увеличились по сравнению с предыдущим годом, но затруднения не были ликвидированы. Несоответствие между провозоспособностью железных дорог и требованиями на перевозки значительно выросло, подвижной состав износился, количество неисправных паровозов и вагонов увеличилось, а новых не поступало. В Америке был размещен заказ на паровозы и вагоны, «однако на скорое их прибытие в Россию рассчитывать не приходится» [184]. Все это подготовило предпосылку к тому, что недостатки в работе железных дорог, проявлявшиеся уже в 1915 г., зимой 1916—1917 гг. переросли в транспортный кризис.

Из частных вопросов работы железных дорог внимание Совещания занимали окраинные магистрали, по которым перебрасывались поступавшие из-за границы грузы. Особое совещание несколько раз посылало в Архангельск комиссию с целью ускорить строительство ширококолейной железной дороги, а потом поднять ее провозоспособность и упорядочить работу порта.

В августе 1915 г. Архангельск посетил французский военно-морской агент, поделившийся с Особым совещанием своими впечатлениями о работе порта и железной дороги [185]. Организацией работы в порту и морских перевозок он остался доволен. Работа порта достигала 5 тыс. т грузов ежедневно и казалась ему превосходной, за

[183] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, лл. 87—89. ЖОСО, № 65, 23 апреля 1916 г.; лл. 117—120. ЖОСО, № 66, 27 апреля 1916 г.

[184] Там же, д. 182. ЖОСО, № 127, 14 декабря 1916 г.

[185] Там же, д. 100, 1915 г. Разные справочные сведения. Перевод записки французского военно-морского агента в России от 25 августа 1915 г.

исключением классификации и распределения грузов. В порту были приняты меры к усилению траления, вследствие чего уменьшилась гибель судов. Однако он советовал увеличивать количество тральщиков с 18 до 30. Вследствие увеличения числа ледоколов навигация могла продолжаться в зимние месяцы. Порт был оборудован мощными кранами в 15, 50 и 100 т, что позволяло быстро вести разгрузку судов. В части работы порта французский агент предлагал лишь отдельные улучшения.

Совершенно неблагоприятное впечатление осталось у него от железной дороги, так как узкоколейный путь не соответствовал размаху работы порта. «Перешивка пути на широкую колею находится в периоде работы и должна вестись с наивозможной быстротой»,— писал он. Между тем военное ведомство призвало в армию 500 строительных рабочих, на строительстве не хватало гвоздей и т. д. В конце своей записки он высказался за подчинение дороги начальнику порта, против чего решительно возражало Министерство путей сообщения.

К 1916 г. закончились работы по перешивке узкого полотна на широкое, и пропускная способность дороги поднялась до 240—250 вагонов в день. Из них 125 вагонов занимал уголь. К концу года ежедневно железная дорога перебрасывала в 2 раза больше вагонов. Это было уже достижением. В 1916 г. Англия намеревалась отправить в Архангельский порт 108 млн. пудов разных грузов, порт же и железная дорога могли принять и отправить до 160 млн. пудов. В связи с этим было решено обратиться к английскому правительству с просьбой об усилении отправки грузов из Англии в Архангельск [186].

На огромной сибирской дороге были узкие участки, которые снижали перевозку грузов из Владивостока.

Строительство железной дороги Петроград — Мурманск шло чрезвычайно медленно. Все это требовало от Особого совещания по обороне постоянного наблюдения и контроля за работой Министерства путей сообщения. В сентябре 1916 г. члены Государственной думы — Добровольский и Шингарев — знакомились со строительством Мурманской дороги и представили Особому совещанию доклад. Только на южной части дороги протяжением 400 верст существовал сквозной проезд. В средней части еще не всюду было готово полотно, а в северной, хоть оно и было проложено, но степень готовности дороги была меньшей, чем в южной части. Одновременно строились порты и причалы, прибывали краны и ледоколы. Коммерческую эксплуатацию всей дороги строители намеревались начать в январе 1917 г., доводя пропускную способность в марте до 200 вагонов в день. В январе 1917 г. движение по всей дороге уже началось, и делегаты союзников на Петроградскую конференцию перевозились этим путем. Со строительством Мурманской железной дороги Россия запоздала на 2,5 года, что отрицательно сказалось на снабжении армии предметами боевого снаряжения.

[186] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 174. ЖОСО, № 56, 16 марта 1916 г.

В сентябре 1916 г. Особое совещание заслушало доклад председателя Центрального военно-промышленного комитета Г. Х. Майделя о недостатках в работе транспорта на Кавказе, от чего страдало снабжение фронта и края. Все снабжение держалось на «единственной железной дороге», пропускная способность которой была далеко не достаточная. Морской транспорт работал слабо, а строительство подъездных путей к фронту шло медленно. «Так же медленно идет сооружение железной дороги между Батумом и Трапезондом» [187].

Особое совещание одобрило предложение докладчика об ускорении строительства Черноморской железной дороги и подъездных путей к фронту. В целях оказания помощи местной администрации с разрешения наместника на Кавказе была создана комиссия, в которую вошли представители Государственной думы и Государственного совета, Всероссийских земского и городского союзов и Центрального военно-промышленного комитета. В конце года комиссия представила доклад об обследовании ею железных дорог и ряд практических предложений.

Изучение политики Особого совещания в вопросах железнодорожных перевозок и топлива показывает наличие серьезного экономического кризиса, охватившего осенью и зимой 1915—1916 гг. промышленность и железные дороги. Политический кризис самодержавия переплетался с глубочайшими экономическими потрясениями, которые осложняли обстановку.

Особое совещание по обороне, являясь руководящим центром в области военной экономики страны, не отдавало себе отчета в глубине экономического кризиса. Его рекомендации о мерах борьбы с ним носили поверхностный и случайный характер и не могли обеспечить кардинального улучшения положения.

Особые совещания по топливу и перевозкам были созданы не для планового регулирования всего народного хозяйства, а лишь для удовлетворения первоочередных нужд и потребностей, порожденных войной. В области топливной промышленности не была серьезно поставлена задача развития добычи угля в других районах империи.

Общее экономическое развитие и интересы военного хозяйства требовали всемерного усиления плановости в перевозках, в распределении и добыче топлива, но все эти мероприятия наталкивались на организованное сопротивление буржуазии, выступавшей против всякой попытки регулирования, которое угрожало или могло угрожать ее личным интересам, интересам наживы.

Правительство и военные «регулирующие» органы отступали перед дружным натиском буржуазии — отступали потому, что чувствовали себя слабыми и на фронте, и в тылу. Дело ограничилось поверхностным «регулированием». Не были осуществлены в широких масштабах плановые перевозки на железных дорогах и плановое распределение топлива.

[187] Там же, д. 179, л. 52. ЖОСО, № 104, 14 сентября 1916 г.

Царскому правительству не удалось путем внедрения государственно-капиталистического учета и контроля организовать стройное военное хозяйство.

Вопрос о милитаризации труда

В предыдущей главе мы уже говорили, что вопрос о милитаризации рабочей силы, т. е. о введении особого режима для рабочего класса, — «военной каторги для рабочих» [187а], по словам В. И. Ленина, — был поставлен Военным министерством буквально на второй день после начала войны. Сначала имелись в виду рабочие казенных предприятий артиллерийского ведомства, а потом вопрос был распространен на все предприятия, выполняющие военные заказы,— казенные и частные.

Против милитаризации решительно высказался Совет министров, опиравшийся на мнения министров внутренних дел и торговли и промышленности. Первый боялся этой мерой обострить классовую борьбу, толкнув рабочих на путь стачек, а второй видел в милитаризации вмешательство со стороны государства в промышленную жизнь, вмешательство, которое в дальнейшем могло повлечь неприятные последствия для буржуазии.

Однако в начале второго года войны Министерство торговли и промышленности вынуждено было изменить свою позицию. В обстановке подъема революционного движения в стране, роста недовольства правительством со стороны буржуазии и части помещиков, кризиса и неустойчивости в самом правительстве, бурного обсуждения в Государственной думе всякого рода проектов организации военного хозяйства Министерство торговли и промышленности отказалось от политики «невмешательства» в отношения между рабочими и предпринимателями и открыто выступило с проектом, направленным против рабочего класса.

Помимо коренной задачи — наступления на рабочий класс — Министерство торговли и промышленности старалось перебежать дорогу Военному министерству, разработавшему проект мобилизации промышленности, и, выбив из его рук инициативу, само поставило данный вопрос.

2 августа 1915 г. в Совет министров поступил проект под названием «Правила о мобилизации промышленных предприятий, изготовляющих предметы, необходимые для государственной обороны» [188]. Этот проект повторял и развивал те предложения, против которых министр торговли и промышленности ранее так настойчиво боролся, доказывая их несвоевременность и опасность. Теперь они вдруг стали и неопасными, и своевременными. В записке говорилось, что работа промышленных предприятий протекает по укладу и порядкам работ мирного времени, которые не соответствуют условиям войны. Поэтому с целью максимального увеличения военного произ-

[187а] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 191.
[188] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, лл. 64—68.

водства и приспособления работы предприятий к потребностям и нуждам военного времени предлагалось объявить предприятия на мобилизованном положении. Мобилизованные предприятия должны находиться под надзором органов Военного и Морского министерств. Рабочие и служащие лишались права «оставлять или прекращать работу или службу». Заводоуправления получали право без согласия на то рабочих и служащих вводить обязательные сверхурочные работы, в том числе в ночное время, расширять применение детского и женского труда. Министерству торговли и промышленности отводилась роль арбитра в спорах рабочих с фабрикантами, его решения должны были быть обязательными для обеих сторон.

Такова суть законопроекта. Он касался предприятий, выполняющих военные заказы, не накладывал никаких обязательств на фабрикантов и заводчиков и старался разрешить вопросы труда в том же направлении, в каком предлагало разрешить их год тому назад Военное министерство, т. е. ввести военную каторгу для рабочих, привязать их к местам работы и лишить возможности вести борьбу за свои экономические и политические интересы.

4 августа Совет министров рассматривал проект В. Н. Шаховского и, не высказав своего мнения по существу, решил передать его на рассмотрение Особого совещания, с тем чтобы его решение было внесено на рассмотрение Совета министров [189].

Обсуждение вопроса о милитаризации промышленности состоялось в Особом совещании по обороне государства вскоре после его организации [190]. Член Государственной думы И. И. Дмитрюков предложил Особому совещанию новый проект закона о милитаризации промышленности. По этому проекту военный министр своей властью объявляет промышленные предприятия в «мобилизованном положении» и назначает на эти предприятия своих уполномоченных [191]. Мобилизованными могут быть как государственные, так и частные предприятия, выполняющие военные заказы, а в случае необходимости и другие предприятия. Служащие и рабочие не имеют права оставить данное предприятие или прекратить работу без разрешения уполномоченного правительства; в случае нарушения распорядка, установленного для мобилизованных предприятий, рабочие и служащие предаются суду, а по распоряжению военного начальства подлежат аресту и тюремному заключению. Военный министр получает право изменять условия труда рабочих, вводить сверхурочные работы и ночные работы для женщин и детей; в области зарплаты запрещалось рабочих и служащих ставить «в менее благоприятные условия, чем раньше». Таково в основном содержание проекта Дмитрюкова. По существу, речь шла о введении для рабочих военной каторги: рабочий день бесконтрольно мог удлиняться, условия труда ухудшались; кроме того, постоянно висела угроза лишения свободы..

[189] Там же, оп. 1, д. 7, л. 69.
[190] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 53, лл. 43—65. ЖОСО, № 2, 29 августа 1915 г.
[191] Там же, л. 51. И. И. Дмитрюков не делал различия между понятиями «милитаризация» и «мобилизация» и часто употреблял их в одинаковом смысле.

При обсуждении проекта в Совещании наметились три точки зрения. Большинство членов Особого совещания высказалось за введение милитаризации. Оно находило ее мерой «глубоко государственной и справедливой» потому, что когда одна часть населения «жертвует своей жизнью», другая должна работать не покладая рук. Сторонники милитаризации в своих выступлениях отмечали, что проведение данной меры задержали «различные соображения политического порядка».

По мнению этой группы членов Особого совещания, милитаризация рабочих устранит «привилегии» рабочих по сравнению с владельцами предприятий (последние могли быть подвергнуты карательным мерам по распоряжению председателя Особого совещания). Она требовала внести в текст проекта некоторые уточнения, вроде того, что милитаризация является всеобщей, т. е. охватывает и рабочих и служащих до директоров, членов правлений и владельцев предприятий включительно. Однако карательные меры вроде зачисления «в строй», т. е. отправка на фронт, распространялись только на рабочих. Одновременно демагогически заявлялось, что ограничение ухода рабочих с предприятий преследует чисто экономические цели, а отнюдь не преследует цели «воспрепятствования стачкам».

Другая группа членов Совещания во главе с С. И. Тимашевым, «не возражая принципиально против издания закона, обеспечивающего правильную и непрерывную работу на заводах и предприятиях», резко критиковала проект Дмитрюкова, выступая под флагом якобы защиты рабочих от новой повинности, распространявшейся лишь на рабочих милитаризованных предприятий. Тимашев требовал для них дополнительных экономических компенсаций, не предусмотренных проектом, заявляя, что «отсутствие таких компенсаций было бы несправедливостью по отношению к наличному персоналу рабочих и служащих». В сущности, эти «рабочелюбцы», как и Совет министров, боялись, чтобы милитаризация не вызвала рабочих волнений и не привела к обострению политического кризиса в стране. Именно этим объясняются их предложения ввести примирительные камеры, где под председательством назначенных военным министром чиновников рассматривались бы претензии рабочих, решался бы вопрос о льготах по отбыванию воинской повинности. Одновременно было указано, что этот закон применяется как к случаям оставления работы отдельными рабочими и служащими, «так и к забастовкам», так как уход «многих отдельных рабочих» ничем не отличается «от частичной забастовки». Так, идя на незначительные подачки и уступки, бывший министр торговли и промышленности Тимашев надеялся укрепить гражданский мир между рабочими и капиталистами и устранить причины рабочих беспорядков. Фактически эта программа совпадала с позицией лидеров военно-промышленных комитетов.

Третья группа членов Совещания предлагала просто снять вопрос с обсуждения. Сторонники этой группы — кадеты Шингарев, Аджемов, член Государственного совета Иванов и др.— отвергали самую идею милитаризации. Они находили «политически несвоевременным» принудительно регулировать труд рабочих. В действитель-

ности кадеты боялись, что проектируемые законом репрессии могут «вызвать серьезное волнение среди рабочих».

Совещание ничего не решило. Обсуждение выявило лишь различные точки зрения, о чем и было доведено до сведения Совета министров. Но через три месяца Особому совещанию вновь пришлось вернуться к этому вопросу в связи с заявлением Гучкова о необходимости введения примирительных камер и двумя записками (В. П. Литвинова-Фалинского «О мобилизации русской промышленности» и А. А. Михельсона «Заметка о мобилизации германской промышленности» [192]). Заявление рассматривалось 12 декабря, а записки были доложены Особому совещанию 16 декабря 1915 г.

В своем докладе Гучков указал на «неотложную необходимость» введения института третейских судов, которые должны способствовать мирному разрешению конфликтов. «Во время войны безостановочная деятельность промышленности и требование «социального мира» особенно желательны», поэтому следует особенно торопиться, пока конфликты рабочих не приняли еще «грозных форм».

Походя затронув вопрос о милитаризации рабочих, Особое совещание, однако, решило рассмотреть его отдельно, ограничившись просьбой к министру торговли и промышленности поторопиться с представлением проекта о примирительных камерах.

Коротенькая «Заметка о мобилизации германской промышленности» показывает прекрасную осведомленность автора в данном вопросе, так как генерал Михельсон был военным атташе в Берлине. Интересно заявление Михельсона, что «организация подготовки к войне Германии была нам вообще известна и чрезвычайного в ней нет ничего».

Успех мобилизации промышленности определялся наличием хорошо подготовленных кадров инженеров и техников, нормировкой типов продукции, что облегчало ее массовый выпуск, наличием мощных промышленных объединений, трестов, на которые опиралось государство во всей своей экономической деятельности. Германия тщательно готовилась к короткой войне продолжительностью 4—5 месяцев, а к той войне, которая разыгралась, «она не готовилась и ее не предвидела», поэтому, по мнению Михельсона, в области мобилизации промышленности преимущества Германии ощущались лишь в первом полугодии войны.

Записка Литвинова-Фалинского начиналась с подведения некоторых итогов в области хозяйственного развития России. В ней подчеркивалось, что мобилизационные запасы России оказались слишком ничтожными по сравнению с потребностями войны. Еще бóльшая ошибка была допущена при исчислении расходов боевого снаряжения. Положение заграничных заказов Литвинов-Фалинский считал в значительной мере не обеспеченным, указывая на трудности размещения новых заказов и транспортировки грузов, на финансовые

[192] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 58. ЖОСО, № 32 и № 33, 16 декабря 1915 г. В приложении к этому журналу приведены обе записки. Они были напечатаны в кн.: *А. А. Маниковский.* Указ. соч., ч. 3, изд. 1, стр. 236—252; изд. 3, стр. 655—668.

затруднения. Необходимость в кредитах для оплаты по иностранным заказам, говорил Литвинов-Фалинский, ставит часто правительство «в положение, обязывающее принимать при заключении займов, даже у союзников, условия, не отвечающие ни достоинству, ни независимости страны». Политика широкого применения иностранных заказов «дала плачевные результаты», поэтому автор указывает, что основное внимание должно быть обращено на развитие отечественной промышленности. Отношение к русской промышленности изменилось лишь со времени организации Особого совещания по обороне. Практические предложения записки Литвинова-Фалинского невелики. Он рекомендует правительству обязать вновь строящиеся предприятия иметь оборудование для изготовления военных заказов, выдвигает идеи освобождения петроградской промышленности от иностранного топлива и приближения машиностроительных предприятий Петрограда к металлургической и топливной базе. Литвинов-Фалинский не дает никакой программы мобилизации промышленности, его больше беспокоит «отдаленное будущее», чем те задачи, которые должны быть решены промышленностью сейчас.

При обсуждении в Особом совещании по обороне [193] вопрос о милитаризации рабочих утонул в общих рассуждениях и ведомственных спорах. Обсуждение показало наличие противоречивых ведомственных интересов и точек зрения. Выяснилось, например, что Министерство торговли и промышленности без всякого согласования с Особым совещанием по обороне направило в Совет министров проект о создании нового «высшего органа», который должен заниматься вопросами развития российской промышленности. Само собой понятно, что Особое совещание высказалось против этого проекта. Он не был поддержан и в Совете министров.

К вопросу о милитаризации рабочих Особое совещание вернулось лишь в мае 1916 г. уже не по экономическим соображениям, а в связи с ростом рабочего движения [194]. Член Государственного совета И. А. Шебеко, от имени Наблюдательной комиссии докладывая Особому совещанию «о мерах борьбы с забастовками», предложил разрешить всю проблему, проведя милитаризацию рабочих, занятых на предприятиях, выполняющих военные заказы. Заводы объявлялись на военном положении. Военнообязанные рабочие зачислялись на военную службу, а невоеннообязанные подчинялись особому режиму. Председатель Особого совещания по обороне был обязан использовать свое право регулировать заработную плату. Должны были быть введены суровые кары «за подстрекательство и участие в забастовках» [195].

Предложения Наблюдательной комиссии сразу вызвали горячие

[193] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 58. ЖОСО, № 33, 16 декабря 1915 г.

[194] Вопрос о забастовках на Путиловском заводе рассматривался в Особом совещании 24 и 27 февраля 1916 г. (ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 9, л. 173, 175. ЖОСО, № 50 и 51). Забастовка ускорила окончательное решение о секвестре завода. 25 марта 1916 г. Особое совещание слушало доклад о забастовке у Парвиайнена.

[195] Там же, д. 177, лл. 4—5. ЖОСО, № 71, 14 мая 1916 г.

прения. На этот раз решительными сторонниками милитаризации выступили наиболее реакционные элементы правительства и буржуазии, а вожаком их в Особом совещании явился член Государственной думы — правейший из правых — Н. Е. Марков. Он рекомендовал «не смущаться» прикреплением к предприятиям рабочих — мужчин и женщин, которых следует подчинить военному режиму. Эту меру он рассматривал одновременно и в качестве средства борьбы с рабочим движением и как меру борьбы с антигосударственными стремлениями буржуазии. «Если, однако, военное положение необходимо для прикрепления рабочих,— говорил Марков,— то еще важнее значение его в качестве *единственной меры* для обуздания заводских властей, для подчинения их частных интересов, ныне не ограничиваемых ничем в своем стремлении к наживе, интересам государственным» [196]. Марков предлагал провести милитаризацию властью военного министра, так как не без основания сомневался в том, что Государственная дума одобрит эту меру.

Колебавшийся ранее С. И. Тимашев также стал последовательным сторонником милитаризации. В ее проведении он видел «ныне единственный способ приостановить угрожающее развитие забастовок».

Член Государственного совета В. И. Карпов, являясь сторонником милитаризации, предлагал военными репрессиями вплоть до расстрела подавлять рабочий класс. Самые крайние реакционеры стояли за милитаризацию властью военного министра; другие — в целях большего авторитета и убедительности — через Государственную думу.

Против милитаризации было небольшое меньшинство Совещания — представители буржуазии и буржуазной интеллигенции — А. И. Астров, Д. С. Зернов, В. И. Тимирязев и Н. Ф. фон Дитмар.

Тимирязев и фон Дитмар указывали на политические причины забастовок, а поэтому и борьбу с ними рекомендовали вести путем «уничтожения политической агитации». Член Государственной думы А. А. Добровольский, наоборот, подчеркивал экономический характер забастовок, вызываемых низким уровнем заработной платы и «беззастенчивостью предпринимательской наживы» [197].

Члены Государственного совета В. И. Карпов, М. А. Стахович, А. С. Стишинский и член Государственной думы П. Н. Крупенский также выступили сторонниками милитаризации. В лагере противников милитаризации оказался М. В. Родзянко, но исключительно потому, что не верил в способность власти провести предусматриваемые репрессивные меры до конца и решительно. Меры борьбы с забастовками, по мнению Родзянко, должны были проводиться через Государственную думу, а следовательно, и милитаризация промышленности должна быть осуществлена Думой. «Вне законодательного пути,— заявил он,— милитаризация заводов произведет угнетающее впечатление своим репрессивным характером» [198]. Таким образом, основным вопросом дискуссии был вопрос о том, каким путем будет

[196] Там же, лл. 5—6. (Курсив наш.— *Л. С.*).
[197] Там же, д. 177, л. 12.
[198] Там же, л. 17.

проведена милитаризация — через Государственную думу или помимо нее — военным министром.

Наиболее реакционные элементы Совещания собрали решающее большинство голосов за милитаризацию промышленности, но действительными победителями вышли буржуазные элементы: чтобы оставить решающую роль в осуществлении милитаризации за собой, а не за царскими чиновниками, Совещание высказалось за ускоренное проведение этой меры через Государственную думу.

Но Государственная дума не слишком торопилась с разбором вновь внесенного законопроекта и, не дождавшись решения вопроса, Особое совещание по обороне вскоре вынуждено было вновь вернуться к нему при обсуждении проблемы реквизиции труда.

Под реквизицией труда понималось привлечение к работе на оборону не только рабочих, но и крестьян и мещан [199]. На заседаниях 25 мая и 1 июня 1916 г. было установлено, что право реквизиции труда принадлежит председателю Особого совещания по обороне Ввиду того что вопрос о рабочей силе для промышленности становился все острее, Совещание по предложению Шуваева одобрило создание особого органа — Комиссии по вопросу об обеспечении рабочей силой обслуживающих оборону предприятий [200]. Видимо, эта мера не дала практического эффекта, так как Особому совещанию еще не раз пришлось возвращаться к данной теме.

Двухгодичное бесплодное топтание на месте правительства и буржуазии при решении коренного вопроса ведения войны является наиболее яркой иллюстрацией бессилия и распада государственной власти.

Царское правительство само дезорганизовало работу промышленности призывом квалифицированных рабочих в армию. Полагаясь на капиталистический самотек, правительство и буржуазия не сумели применить эффективных мер для подготовки квалифицированных кадров и для комплектования ведущих отраслей хозяйства необходимым количеством рабочей силы.

Вопросы авиации и авиационной промышленности

Во время первой мировой войны авиация была одной из самых новейших областей техники и оружия армии. Она появилась в России после русско-японской войны. В 1908—1909 гг. военной авиации еще не существовало, да и частная авиация делала только свои первые, робкие шаги. По отзыву Поливанова, являвшегося в то время помощником военного министра, к полетам авиаторов относились тогда, как к редкостному явлению: петербургская публика за деньги собиралась на комендантском аэродроме, где и просиживала целые дни в ожидании, когда «заезжий иноземец» пролетит над трибуной на своем

[199] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 177, л. 60. ЖОСО, № 73, 21 мая 1916 г.
[200] Там же. ЖОСО, № 74, 25 мая и № 76, 1 июня 1916 г.

самолете. Полеты летчиков являлись диковинным зрелищем, и предприимчивые антрепренеры наживали на этом деньги. В частности, Анатра начал свою авиационную деятельность с эксплуатации полетов знаменитого русского летчика С. И. Уточкина.

Авиация быстро завоевала внимание науки, общественности и военного ведомства. Инженерное управление Военного министерства начало понемногу заниматься этим делом, но занималось, по словам Поливанова, кабинетным путем. Внимание военного ведомства привлекали главным образом дирижабли, а не аэропланы.

Еще накануне войны в России появились знаменитые летчики — С. И. Уточкин, П. Н. Нестеров и др.,— совершавшие большие перелеты и установившие европейские рекорды. Были в России и знаменитые теоретики, создавшие научные основы современной авиации, прежде всего профессора Н. Е. Жуковский и С. А. Чаплыгин. Они, как известно, разработали теорию крыла и пропеллера на основе вихревой системы. Жуковским была найдена наивыгоднейшая форма лопасти воздушного винта.

Н. Е. Жуковский явился поистине отцом русской авиации. С группой своих учеников он вел экспериментальные работы. В 1904 г. им была основана первая в России аэродинамическая лаборатория; в 1906—1909 гг. были устроены аэродинамические трубы в Высшем техническом училище и Московском университете. Начиная с 1906/10 учебного года Жуковский впервые начал читать в Высшем техническом училище курс по теории авиации, сыгравший исключительную роль в развитии теоретических основ авиации.

В воздухоплавательном кружке при МВТУ, основанном Жуковским, создавались первые кадры специалистов в области авиации. В 1911 и 1912 гг. состоялись 1-й и 2-й воздухоплавательные съезды. Комитет Добровольного флота, занимавшийся сбором средств на строительство военных судов, заинтересовался авиацией и ассигновал часть средств на изучение и развитие этого дела. Все это говорит о широком научном и общественном интересе к вопросам авиации, о первых шагах по подготовке кадров теоретиков и конструкторов.

До войны развитие авиации в России гораздо более было связано с деятельностью частных лиц, организаций и промышленных предприятий, чем с военным ведомством. Подготовка кадров летчиков проходила помимо военного ведомства. А. А. Поливанов свидетельствовал: «...Война застала у нас в разных местах России круг школ и курсов, устроенных частным образом, и затем сравнительно большое количество молодежи, которая прошла теоретическую и практическую подготовку на здешних курсах в Севастополе» [201].

Разумеется, военное ведомство не могло долго оставаться в стороне от этого движения, захватившего науку и студенческую молодежь. Уже до войны авиация была оценена как новый вид оружия и стала вводиться в русской армии, находясь сначала в распоряжении Главного инженерного управления, а с июля 1912 г. вопросы воздухоплавания были отнесены к Главному управлению Генераль-

[201] «Падение царского режима», т. VII. М.— Л., 1927, стр. 180—181.

ного штаба. Но эта форма организации была нецелесообразной, и через год хозяйственные и инженерно-технические вопросы были переданы Главному военно-техническому управлению.

Уже в 1911—1912 гг. в русской армии были сформированы 12 корпусных, 1 полевой и 5 крепостных авиационных отрядов, в 1913 г. число летчиков доходило до 221 человека. Военное ведомство намеревалось иметь авиационный отряд в каждом корпусе и каждой крепости. Чтобы полностью укомплектовать намеченные штаты, надо было создать еще 21 отряд. На вооружение армии было принято за год 285 самолетов, 4 дирижабля, в том числе 1, изготовленный Ижорским заводом [202].

К началу первой мировой войны численность авиации русской армии не уступала другим армиям. Уже были сформированы 30 корпусных, 1 полевой и 8 крепостных авиационных отрядов и 6 авиационных рот. К началу войны в наличии было 199 аэропланов в ротах и 64 аэроплана в крепостных отрядах, всего 263 машины. На вооружении русской армии находились главным образом аэропланы иностранных марок «Моран-Парасоль», «Вуазен», «Ньюпор», «Депердюссен», а из русских систем — аппарат Сикорского. На конкурсном испытании 1913 г. наилучшую оценку получили аппараты «Депердюссен» и Сикорского, но когда «лучшие» аппараты Депердюссена были доставлены в армию, летчики их забраковали вследствие «незначительной скорости движения» [203].

Война поставила вопрос о необходимости выработать новый тип самолета, более быстроходный и мощный, чем иностранные самолеты, принятые на вооружение в русской армии. Таким оказался русский самолет «Илья Муромец», выполнявший одновременно функции бомбардировщика и разведчика дальнего действия. В 1915 г. продолжительность его полета превышала 5 час., дальность полета — 572 км, грузоподъемность — 1,8 т, потолок — 3700 м. Уже тогда с самолета сбрасывались боевые бомбы в 150 кг, а учебные — 417 кг (26 пуд.). Но изготовление самолетов было связано с большими трудностями, велось оно кустарно, им занимался лишь один завод. В армию поступало 10—13 самолетов в год.

В годы войны был сконструирован прекрасный самолет по проекту Слесарева, который мог летать с грузом до 6,5 т, но, несмотря на положительные отзывы работников аэродинамической лаборатории, деньги на постройку самолета не были отпущены.

В мае 1914 г. ввиду некомплекта самолетов в армии Военное министерство заказало 292 самолета наиболее усовершенствованных систем русским заводам и 12 аэропланов за границей. Среди заказанных аппаратов были: 45 аппаратов «Сикорский XI», 40 — «Фарман XXII-бис» с мотором «Гном» 100 л. с., 24 — «Фарман XXII» с мотором «Гном» 80 л. с., 34 — «Депердюссен», 18 — «Вуазен», 131 — «Моран» [204].

[202] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 128, тетр. 4, стр. 6, 17, 22.
[203] *Н. Козлов.* Очерки снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну, ч. 1. М., 1926, стр. 69.
[204] Там же, стр. 71.

Соотношение между русскими и заграничными заказами как будто указывало на наличие в России развитой отрасли самолетостроения. Но на деле это было совершенно не так. Фактически русские заводы только что создавались, некоторые из них являлись филиалами французских (завод В. А. Лебедева) и занимались сборкой самолетов, получая и материалы и отдельные части из-за границы.

Осенью 1916 г. в связи с обсуждением сметы Главного военно-технического управления на 1917 г. бюджетная комиссия Государственной думы поставила военному министру ряд вопросов относительно развития русской авиации. Среди них был и такой: «Какие заводы в России изготовляют аэропланы и моторы к ним и какова их производительность; какие меры приняты для скорейшего усиления авиации?» [205]

В ноябре 1916 г. Управление военно-воздушного флота представило в Государственную думу объяснительную записку, в которой был дан подробный очерк развития авиационной промышленности в России и состояние дела авиации в конце 1916 г. В нем читаем: «В России авиационная техника до войны не существовала вовсе, ибо за средства таковой нельзя считать небольшой сборочной мастерской завода «Гном и Рон» в Москве (с производительностью 5—10 моторов в месяц из готовых частей) и четырех аэропланных заводов, в действительности мастерских, почти не имеющих заказов, способных лишь копировать готовые образцы и оборудованных на производительность по десятку аэропланов каждый» [206].

В материалах, собранных Верховной следственной комиссией, давалась примерно такая же характеристика состояния авиационных сил и промышленно-технической базы в области авиации. Здесь отмечалось, что состояние наличных авиационных и воздухоплавательных частей было «неудовлетворительно как в количественном, так и в качественном отношении». Аппараты в частях были уже поношены, совершенный боевой тип самолета установлен не был, вопросы артиллерийского вооружения самолетов и снабжения их бомбами, зажигательными снарядами «разработаны не были». Аэростаты принадлежали к устарелым системам и не имели табельного имущества и оборудованных эллингов.

Авиационные отряды были снабжены большей частью аппаратами устаревших систем. Кроме того, отмечались и следующие недостатки: «артиллерийского вооружения, не полагавшегося по табелям мирного времени, авиационные отряды к началу войны не имели»; «бензин, которым снабжались в начале войны авиационные отряды, был неудовлетворительного качества» и «в первые месяцы войны ощущался недостаток обученных летчиков» [207]. Такова качественная характеристика боевой авиации накануне мировой войны.

Еще менее лестная характеристика давалась русским авиационным заводам, производительность которых в начале войны оказалась

[205] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 9731, 1913—1917 гг., лл. 111—145.
[206] Там же, лл. 111—113.
[207] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 128, тетр. 4, стр. 13—15, 53—54.

«ничтожной». В особенности слаба была производительность моторных заводов. Кроме того, заводы не имели своих материалов для изготовления самолетов и моторов, а получали их из-за границы. Разумеется, не существовало никакого плана мобилизации этих заводов на случай войны.

В России не было и автомобильных заводов, которые могли бы стать школой технического опыта и подготовки инженерно-технического состава. Казна должным образом не оценивала развитие авиации и не позаботилась о создании технической базы моторного и аэропланного производств. Вот почему и враги России и ее союзники очень быстро обогнали русскую авиацию. Они привели в движение мощный промышленный аппарат и наладили массовый выпуск моторов, аэропланов и боевого вооружения. В России же нужно было фактически заново создавать новую отрасль промышленности. «Приходилось не только развивать те зародыши авиационной промышленности, которые имелись налицо, но и создавать вновь целые отрасли, не имея ни хороших станков, ни материалов выработанных сортов, ни стали, ни тросов, ни труб, ни аэролитов, ни точных инструментов, ни фарфора для свеч, ни дерева для винтов, ни методов расчета конструкций, одним словом, не имея не только научно-технически поставленной промышленности, но и той почвы, на которой она может существовать» [208].

Вся авиационная промышленность до войны была представлена небольшой группой мелких и средних мастерских, владельцами которых являлись или любители типа А. Анатра, нажившего состояние на ипподроме и на показе полетов С. И. Уточкина, или инженеры и конструкторы, занявшиеся предпринимательской деятельностью, но не обладавшие средствами для широкой организации дела (В. А. Лебедев, Пороховщиков). На авиационное производство переключались мелкие мастерские, занимавшиеся производством художественной мебели, укупорочные мастерские и т. п. Из крупных предприятий авиационным и моторным делом занимались лишь завод «Дукс» и «Русско-Балтийский вагонный завод», производивший в основном самолеты типа «Илья Муромец».

Производством моторов занимался завод Общества моторов и «Гном и Рон» в Москве, возникший в 1912 г. Последний был рассчитан на изготовление 10 моторов в месяц, но фактически собирал 5—7 моторов из полуготовых или готовых частей, доставленных из Франции. Вся площадь завода составляла всего 600 кв. сажен, оборудование — 93 станка по металлу, количество рабочих, составлявшее в 1914 г. 90 человек, поднялось до 380 человек в 1917 г.[209]

Отделение завода «Моторов» в Риге, переброшенное в 1915 г. в Москву, сделало до войны лишь несколько имитаций двигателя «Гном». Количество рабочих во время войны увеличилось на заводе почти до 300 человек. Здесь производились запасные части к двигателям (100—120 комплектов частей в месяц), потом началось нала-

[208] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 128, тетр. 4, стр. 117.
[209] Там же, стр. 122.

живание производства двигателей «Мерседес»; первый экземпляр, изготовленный целиком из русских материалов, был пущен 28 сентября 1916 г. Массового изготовления этих двигателей завод не смог организовать и в 1917 г.

Завод «Гном и Рон» во время войны был расширен вдвое и переоборудован, он привлек к работе посторонние мастерские и давал в 1915 г. 30 моторов в месяц, но в 1916 г. в связи с переходом к изготовлению нового типа двигателя выпустил (до 1 ноября 1916 г.) всего лишь 40 моторов. Управление военно-воздушного флота склонялось к покупке завода казной при условии, если французской администрации завода, инертность которой отмечалась этим управлением, не удалось бы улучшить работу завода.

В Москве был построен завод общества моторов «Сальмсон», выпускавший в среднем 65 моторов в месяц.

Завод акционерного общества электромеханических сооружений в Петрограде при субсидии от казны организовал отделение в г. Александровске Екатеринославской губернии. Это отделение называлось заводом авиационных двигателей «Дека», было организовано в 1916 г., имело 190 рабочих. В 1917 г. их количество увеличилось до 420 человек. Завод получил от казны 3 млн. руб. ссуды и авансов. Он изготовлял авиационные моторы типа «Мерседес» в 130 и 166 л. с. Первый мотор из русских материалов был изготовлен в сентябре 1916 г. Производительность завода — 10—15 моторов в месяц.

Мастерская акционерного общества Ильина (в Москве) занималась производством двигателей «Сенбим». Мастерская занималась ранее (с 1908 г.) изготовлением экипажей и автомобилей (видимо, починкой). Первый мотор был здесь изготовлен из русских материалов в октябре 1916 г. Мастерская имела 175 рабочих, увеличив их количество к 1917 г. до 275 человек. В 1917 г. было изготовлено 17 моторов.

Эвакуированный из Риги в Москву «Русско-Балтийский вагонный завод» вследствие сложности производства (вагоны, аэропланы, автомобили) налаживал в 1916 г. изготовление 10—15 штук моторов в месяц. Фактически в 1916 г. было произведено 7 моторов, в 1917 г. — 64.

В 1916 г. было приступлено к строительству завода А. Анатра в Симферополе для изготовления двигателей «Испано-Суиза». Оборудование и полуготовые материалы на 100 двигателей закупались в Париже и Барселоне, но к выпуску моторов так и не приступили. В 1917 г. на заводе работало около 300 человек.

В Ростове-на-Дону строилось авиационное отделение завода «Аксай» для изготовления двигателей «Мерседес» в 166 л. с.

В отчете военного министра за 1915 г. вопросы авиации получили некоторое отражение, но указаний на то, какие мероприятия проводились для усиления моторных заводов, нет. Сказано лишь, что были приняты меры, сводившиеся «к расширению существовавших заводов и к созданию новых, как авиационных, так и моторных» [210]. Более

[210] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 115, л. 32.

интересные данные приводятся в отчете за 1916 г.[211] В нем дается перечень заводов моторостроения, возникших при посредстве военного ведомства. Кроме заводов «Гном», Общества «Сальмсон» и товарищества «Мотор» указаны еще три завода, на которых было организовано производство моторов, и перечислены все строящиеся заводы авиационных двигателей; А. Анатра — в Симферополе, «Русский Рено» — в Рыбинске, «Аксай» — в Нахичевани. Упоминается также, что военное ведомство разрабатывает вопрос о «постройке казенного моторного завода». Однако дальше упоминания об этом дело не пошло.

По данным Н. Козлова, во время войны моторы изготовлялись на девяти заводах: Общество «Гном и Мотор» (в Москве); Общество «Сальмсон» (в Москве); В. А. Лебедева (в Петрограде); Общество «Мотор» (в Москве); бывшее товарищество «Дюфлон, Константинович и К°» (в Петрограде); «Русский Рено» (в Муроме); Ильина (в Москве); «Дека» (в Александровске); «Русско-Балтийский вагонный завод». Всем заводам было заказано 1720 моторов, из которых к 1 мая 1916 г. было сдано военному ведомству 472 мотора[212].

Мы охарактеризовали все, что было сделано для производства авиационных моторов в России. Эти материалы показывают, что русская авиация не получила собственной моторной базы. К расширению моторных заводов приступили поздно, в 1915—1916 гг. производство моторов не вышло из стадии промышленных опытов, металлургическая база для моторостроения не была создана. Технический руководитель русской авиации инженер Яковлев в записке, представленной в Государственную думу, указывает, что организация и развитие в России моторной промышленности являлось для военного ведомства в конце 1916 г. «одной из самых неотложных задач»[213], так как большинство предприятий возникло вновь и не имело «ни достаточного количества станков, ни технического опыта», а производство на них носило «кустарный характер». Получая заказ на моторы, соответствующий завод обычно получал от военного ведомства в готовом виде магнето, подшипники, свечи, радиаторы и в сыром виде специальную сталь. Выпуск готовых моторов на ряде предприятий в 1916 г. измерялся единицами в месяц, поэтому моторная промышленность лишь в очень небольшой мере обеспечивала аэропланы русскими двигателями, а в большей степени приходилось пользоваться заграничными моторами[214]. Путем кооперации ряда предприятий и передачи им изготовления отдельных частей производительность заводов значительно увеличилась, но все равно не покрывала потребности.

Изготовлением аэропланов занимался завод Акционерного общества «Воздух» В. А. Лебедева. Производство было доведено до 30 са-

[211] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 2335, л. 32 об.
[212] *Н. Козлов.* Указ. соч., ч. 1, стр. 77.
[213] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 9731, л. 186.
[214] В течение войны моторов было заказано: во Франции 1688, в Италии 100 и в Англии 140. Гидроавиация пользовалась почти исключительно иностранными моторами.

молетов в месяц, количество рабочих с 429 человек в 1915 г. перевалило за 1100 человек в 1917 г. Завод Лебедева строил отделения в Пензе и в Таганроге; первое из них (на 20 аппаратов в месяц) было пущено в 1917 г.

Бывший велосипедный завод «Дукс» был наиболее крупным аэропланным заводом: он имел наибольшее количество станков, число рабочих с 725 в 1914 г. увеличилось до 2120 человек в 1917 г. Завод выпускал до 50 самолетов в месяц. Примерно такой же мощности был и завод А. Анатра в Одессе, строивший отделение в Симферополе, на 20—25 аппаратов. Относительно старый завод Щетинина (1909 г.) в Петрограде развивался неудачно и почти не давал боевых самолетов. Его намерены были использовать для постройки гидропланов. Завод Щетинина также строил отделение в Ярославле, оборудование для которого должны были получить весной 1917 г. из-за границы.

Кроме указанных выше аэропланных заводов был еще ряд предприятий и мастерских мелкого типа, изготовлявших боевые и учебные аэропланы: завод Слюсаренко, эвакуированный в Петроград из Риги (имел около сотни рабочих); завод бывший Ф. Моска; мастерская конструктора Пороховщикова (в Петрограде), изготовлявшая шесть типов самолетов собственной конструкции (это была опытная мастерская, а не промышленное предприятие). Был еще ряд мелких мастерских. В числе авиационных предприятий фигурировала и фабрика воздушных винтов А. Засс и Е. Ланцкого в Петрограде, насчитывавшая около сотни рабочих.

Отдельно следует сказать о производстве аэропланов типа «Илья Муромец», которые изготовлялись лишь на «Русско-Балтийском вагонном заводе». До 1 октября 1916 г. он должен был изготовить 62 аппарата, фактически изготовил около 40. Первые самолеты этого типа были непригодны для боевых заданий, их производство было даже прекращено. Завод добился улучшений конструкции, и «Муромцы» стали отличными боевыми машинами. Ставка приказала восстановить контракт с заводом и оказывать ему «всяческое содействие» в выполнении заказа на самолеты данного типа.

Аэропланное производство было более организованным, нежели моторное. Если суммировать основные данные об авиационных предприятиях в России, то получим следующее: все заводы имели 1357 станков, из них самолетные — 785, моторные — 508 и пропеллерные — 64. Общая стоимость предприятий по вздутым ценам 1917 г. составляла 78 млн. руб., включая землю, постройки, склады, оборудование. Задолженность предприятий — 52 млн. руб., из них 46 млн. руб. казне.

Вокруг аэропланных и моторных заводов образовалась группа подсобных предприятий, изготовлявших трубы, тросы, магнето, зажигательные бомбы, прицельные приборы и т. д. Количество таких подсобных предприятий было больше, чем основных. На 1 сентября 1917 г. по контрактам и нарядам Управления военно-воздушного флота работали 36 подсобных предприятий, выполнявших большие и важные заказы. Среди этих предприятий были довольно крупные

заводы [215] Все они начали работать на авиацию во время войны, «причем постановка их представляла большие трудности не только по новизне дела и отсутствию каких-либо даже зачатков их в России, но и в силу обстоятельств, связанных с особенностями авиационной промышленности» [216]

Без материально-технической помощи казны аэропланные заводы были бы не в состоянии выполнять заказы Главное военно-техническое управление в январе 1915 г должно было разместить на русских заводах заказ на 270 самолетов (200 — «Вуазен», 60 — «Ньюпор» и 10 аэропланов «Моран»), 2000 воздушных винтов и 70 моторов Докладывая об этом Военному совету, Военно-техническое управление указывало, что для этого нужны материалы, «каковых приобрести в России не представляется возможным Попытки заводов приобретать за границей необходимые материалы в большинстве случаев не приводили к удовлетворительным результатам» [217] Эта задача была взята на себя государством,— именно оно в основном выдавало заводам дефицитные материалы.

Все заводы являлись частными предприятиями, казенного строительства в авиационной промышленности не было Частные банки не оказывали этим предприятиям финансовой поддержки, не было также и частных заказов Казенных заказов среди русских аэропланных заводов до конца 1916 г было распределено на сумму 61 млн руб [218]

В 1914 г в России и во Франции было заказано около 300 самолетов В 1915 г потребность в самолетах устанавливалась несколько раз в Особых совещаниях под председательством вел кн Александра Михаиловича, назначенного потом генерал-инспектором авиации действующей армии. В сентябре 1915 г Особое совещание по обороне рассматривало положение о комиссии, командируемой во Францию для закупок авиации на сумму около 20 млн руб [219]

В связи с этим М А Беляев сделал информацию о положении дел в авиации действующей армии С начала войны было заказано заводам в России 1542 самолета и 990 моторов к ним. До 1 июля 1915 г. заводы сдали 530 аппаратов и 212 моторов За то же время заказано во Франции и Англии 587 летательных аппаратов и 1780 моторов, из которых до 1 сентября 1915 г были изготовлены 262 самолета и 396 моторов

За год русские заводы могли предположительно изготовить 1088 аппаратов, или по 90 машин в месяц, предполагалось закупить за границей 907 самолетов Для этой цели и посылалась комиссия за границу

Главное военно-техническое управление распределило в России следующие заказы на самолеты 12 различных марок (см табл 3)

[215] ЦГВИА, ф 2000, оп 2, д 9731, л 265 Ведомость о состоянии к 1 сентября 1917 г заказов на доставку по контрактам и нарядам Управления военно-воздушного флота

[216] Там же, лл 129—131 Объяснительная записка по вопросам постановления бюджетной комиссии Государственной думы

[217] Там же, ф 29, оп 3/1810, д 719, 1915 г, л 1

[218] Там же, л 183

[219] Там же, ф 369, оп 1, д 53, лл 184—185 ЖОСО, № 8, 19 сентября 1915 г

Таблица 3

*Данные о заказах самолетов в России в 1915 г**

Наименование завода	Количество заказанных самолетов			Итого
	январь	март	август	
Лебедева (Петроград)	50	160	200	410
Щетинина (Петроград)	50	80	150	280
«Дукс» (Москва)	120	—	300	420
Анатра (Одесса)	30	55	150	235
Слюсаренко	—	27	75	102
Терещенко (Москва)	—	—	25	25
Итого	250	322	900	1472

* ЦГВИА ф 962 оп 2 д 128 тетр 4 стр 20 Свод сведений по вопросу военного воздухоплавания *Н Козлов* Указ соч стр 73—74

По более поздним данным, собранным Верховной следственной комиссиеи, заказы и поступления аэропланов на 1 января 1916 г. производились в следующем количестве [220]

	Заказано	Поступило
Завод Лебедева	438	190
» Щетинина	402	163
» «Дукс»	708	456
» Анатра	325	48
» Слюсаренко	49	24
» Терещенко	30	5
«Русско-Балтийский вагонныи завод»	18	—

Количество моторов, заказанное в России на 1 декабря 1915 г , по тем же данным [221]:

	Заказано	Поступило
Общество «Гном и Рон»	667	262
» «Мотор»	43	38
» «Сальмсон»	700	12
Завод Лебедева	10	10
» Ильина	25	—
Т-во Дюфлон	125	—
» «Русскии Рено»	150	—
Итого	1720	322

[220] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 128, тетр 4, стр 92—93
[221] Там же, стр 106—107

Кроме того, заказано моторов за границей 1928 штук, в счет которых поступило 544 штуки. Заказано аэропланов с моторами 586 штук и поступило 306 [222].

Из приведенных данных видно, что из каждых двух заказанных в России самолетов военное ведомство получало один. Гораздо хуже обстояло дело с моторами: из каждых пяти заказанных моторов заводами был выполнен лишь один. По заграничным поставкам был получен в среднем каждый третий мотор и самолет, что также нельзя признать сколько-нибудь удовлетворительным.

По русским заказам ежемесячно поступало по 55 аэропланов. В первой половине 1916 г. ожидалось поступление по 160 аэропланов в месяц.

Производительность русских заводов в 1915 г. не могла удовлетворить потребность армии, ибо убыль самолетов исчислялась примерно в $^1/_3$ в месяц. Неаккуратными поставщиками оказались заводы Лебедева, Щетинина и «Русско-Балтийский завод». К 1 декабря 1915 г. из Франции поступило 306 самолетов девяти различных марок из 586 заказанных самолетов. Заводы в России изготовляли преимущественно самолеты иностранных марок. Аэропланов русских конструкторов было заказано лишь несколько десятков.

Сильно завышенную потребность армии на 1,5 года — с 1 января 1916 г. по июль 1917 г. — Военное министерство оценивало в 4500 самолетов, в том числе более 100 воздушных кораблей «Илья Муромец» [223]. Следовательно, ежемесячно должно было изготовляться в среднем 250 самолетов. Поступление же самолетов ожидалось (до 1 июня 1916 г.) около 1500 с русских заводов, 400 из Франции; недостающее количество аэропланов намечено было заказать: 1700 штук в России и 900 за границей.

Считая состав авиационных отрядов к половине 1916 г. в 600 боевых машин и ежемесячную убыль около $^1/_3$ наличного состава на год, с 1 июня 1916 г. по 1 июля 1917 г. требовалось доставить на фронт 2000 аэропланов.

Особое совещание по вопросам авиации, состоявшееся в Смоленске в сентябре — ноябре 1915 г., наметило ряд мер, требовавшихся для выполнения принятой программы. Уже тогда было признано необходимым усилить в России производительность заводов путем открытия параллельных отделений, «но отнюдь не образования новых заводов», немедленно развить производительность моторных заводов и привлечь к моторостроению новые заводы.

Все моторные заводы России должны были быть обеспечены заказами на их полную мощность до половины 1917 г., а недостающее количество заказано за границей. Кроме того, было признано необходимым при помощи казны срочно приступить к строительству особого завода для изготовления высокосортной стали для снабжения специ-

[222] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 128, тетр. 4, лл. 102—103 и 108.

[223] «Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1915 г.» — Библиотека ЦГВИА, 42/В — 84, стр. 7. В докладе начальника Управления военно-воздушного флота Государственной думе в ноябре 1916 г. потребность в самолетах до половины 1918 г. определялась в 9—10 тыс. штук.

альными материалами авиационных отрядов, а также принять незамедлительные меры к организации в России производства специальных сортов проволоки, тросов, шариковых подшипников, болтов, стяжек, стальных труб, инструментов, измерительных приборов, магнето и проч.[224] Так как выработанных типов самолетов не было, существовавшие в армии самолеты были тихоходны, то Особое совещание по обороне решило дать заводам заказ на заготовку материалов, а после конкурса установить и тип самолета, подлежащего изготовлению. (Однако этот тип самолета не был установлен и через год — в ноябре 1916 г.)

Что сделало Особое совещание по обороне для развития авиации, как оно относилось к этому новому роду войск и новой отрасли промышленности? До середины 1916 г. основная работа по вопросам авиации велась в комиссии Особого совещания по общим вопросам. После сентябрьского информационного доклада М. А. Беляева Особое совещание долго не возвращалось к вопросам авиации. Занятое разрешением проблем артиллерийского снабжения и ряда экономических задач общегосударственного значения Особое совещание вернулось к вопросам авиации только в январе 1916 г., когда Главному военно-техническому управлению было разрешено заказать недостающие по плану снабжения до 1 июня 1916 г. 861 аэроплан с моторами[225]. Таким образом, с опозданием на несколько месяцев Особое совещание по обороне фактически санкционировало мероприятия, намеченные в сентябре — ноябре 1915 г., ничего не прибавив к ним и не внеся никаких изменений в выработанный план действий. Более важное значение имело решение Совещания начать заготовку авиационного имущества на следующий год с половины 1916 г. до 1 июля 1917 г. Особое совещание принципиально высказалось за полное использование производительности русских моторных заводов, «размещая за границей лишь те заказы, какие не могут быть выполнены в России». Одновременно последовало указание Совещания военному ведомству о заготовке сырья для снабжения моторных заводов. Так, всемерно поощряя развитие частных моторных заводов, полностью ставя их в зависимость от казны по линии снабжения сырьем, Особое совещание, как и в других случаях, сделало ставку на частные предприятия, подымая их за счет казны.

Однако, несмотря на всемерную защиту интересов российских заводчиков, изготовлявших моторы, Совещанию пришлось в следующем же пункте своего решения признать необходимым заказать в Италии 600 моторов Фиат и Фраскини и запасных частей к ним на сумму свыше 23 млн. франков. Таким образом, каждый итальянский авиационный мотор с комплектом запасных частей обходился в 38 тыс. франков. В общем, январское решение Особого совещания по обороне целиком укладывалось в план осенних решений Совещания по вопросам авиации.

Больше всего Россия заказывала самолетов во Франции. К 1 де-

[224] *Н. Козлов.* Указ. соч., стр. 80—81.
[225] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54, л. 184 об. ЖОСО, № 41, 20 января 1916 г.

кабря 1915 г. было заказано 586 самолетов, а поступило 306, что дает, примерно, тот же процент исполнения заказов, что и на русских заводах [226]. Следует иметь в виду, что Франция разрешала вывоз за границу, в том числе и в Россию, только 15% производства аэропланов.

Значительно хуже обстояло дело с выполнением заказов по моторам. Из всех заказанных моторостроительным заводам моторов к 1 мая 1916 г. было сдано лишь 472, т. е. около 25% всего заказа. По данным ведомости состояния заводов и заказов на срок, включающий и весь 1917 г., изготовлено было 501 мотор, 3900 самолетов и 5445 пропеллеров. Если допустить некоторую неточность и внести поправку в сторону увеличения изготовленных моторов, все равно общий процент изготовления моторов сравнительно с самолетами будет очень незначителен.

Об условиях размещения казной заказов моторным заводам в России дает представление заказ «Русско-Балтийскому вагонному заводу» на 300 авиационных моторов, утвержденный Особым совещанием по обороне в конце 1915 г. Одновременно с заказом заводу было отпущено: 100 тыс. руб. безвозвратного пособия, 600 тыс. руб. беспроцентной ссуды, 590 тыс. руб. ссуды из 6% на 10 лет и аванс «без обеспечения 30% от контрактной суммы — в 6357 тыс. руб.» [227] Таким образом, сразу после оформления сделки предприятие получило от казны свыше 3 млн. руб. наличными, из них 700 тыс. руб. в качестве безвозвратного пособия и ссуды. Однако выполнение заказа задержалось, так как предприятие было эвакуировано: на том же заседании было решено перебазировать его в Москву, хотя против этого были возражения. Строительство моторного завода производилось за счет казны.

Другие моторные предприятия также переживали процесс строительства или расширения заводов, что являлось достаточно веским соображением для получения от казны щедрых субсидий, ссуд и авансов. В марте 1916 г. Особое совещание утвердило заказ на 200 авиационных моторов Акционерному обществу «Аксай» и на то же количество Обществу «Анатра». Обе фирмы получили аванс в размере $^1/_3$ стоимости заказа и ссуду из 5% в размере 570 тыс. руб. каждой сроком на 7 лет. Представитель Министерства финансов протестовал против излишней щедрости и настаивал на сокращении льгот при выдаче заказов. «В частности, — говорил он, — названным фирмам достаточно предоставить аванс в 2 млн. руб., но без выдачи ссуды». Совещание не согласилось с ним. «Приняв во внимание, что потребность в авиационных моторах весьма трудно удовлетворить, что переговоры об изменении условий договора вызовут задержку дела и что фирмы могут не согласиться на таковые изменения», Совещание «примкнуло к постановлению комиссии», т. е. разрешило и ссуду, и аванс [228]. Следовательно, льготные условия заводам были не исключением, а общим правилом.

[226] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54, л. 185.
[227] Там же, л. 157. ЖОСО, № 36, 30 декабря 1915 г.
[228] Там же, д. 174, л. 66. ЖОСО, № 54, 9 марта 1916 г.

Довольно часто занимаясь вопросами авиации, Особое совещание в 1916 г. не могло наметить правильных путей развития отечественной авиационной промышленности [229]. Обычно в связи с указаниями на слабость авиации, делавшимися членами Особого совещания по обороне, руководитель Главного военно-технического управления Г. Г. Милеант ссылался на общую техническую отсталость страны, недостаток средств производства и специалистов [230]. Он и сам настойчиво указывал на особую нужду в моторах.

После этого в Особом совещании состоялся специальный доклад о снабжении армии аэропланами и развитии русской авиации. Докладчиком выступил начальник Управления военно-воздушного флота генерал-майор Н. В. Пневский. Он повторил Совещанию, что в «деле авиации мы значительно отстали от Германии ввиду общей неразвитости нашей техники, не поспевающей за постоянно возникающими улучшениями в типе аппарата и мотора». Докладчик указал на слабое вооружение наших самолетов [231].

А. А. Маниковский обещал выделить 500 пулеметов Льюиса для нужд воздушного флота. В прениях было сказано о необходимости освободить рабочих авиационной промышленности от призыва в армию (что и было решено), а также о нужде в заграничных станках. В решении отсутствовала практическая программа действий: не было определено, какими мерами в ближайшем времени можно будет обеспечить изготовление всего необходимого количества самолетов. Не были намечены и меры помощи строившимся заводам, испытывавшим большие трудности в материалах и в доставке оборудования.

На том же заседании в связи с обсуждением положения металлургической промышленности было вынесено решение о строительстве казенного алюминиевого завода с расчетом на турецкие бокситы из Трапезунда, а не на русское сырье. Место строительства завода не было точно установлено, сроки окончания работы не названы.

В июле 1916 г. Особое совещание дважды возвращалось к вопросу об авиации [232]. Выступая 13 июля, Г. Г. Милеант в который раз указывал на «несовершенство наших аппаратов сравнительно с машинами союзников», медлительность строительства в России моторов и аэропланов «ввиду общей технической отсталости России», на поставку союзниками устаревших машин. После этого заявления было решено поставить вопрос об авиации в полном объеме.

Через неделю состоялся доклад помощника начальника Управления военно-воздушного флота Яковлева, который должен был осветить все вопросы, связанные с положением дел русской авиации. Основное внимание докладчик сосредоточил на развитии моторо-

[229] Там же, д. 177. ЖОСО, № 74, 25 мая 1916 г.; № 78, 8 июня 1916 г.; д. 178. ЖОСО, № 84, 29 июля 1916 г.; № 88, 13 июля 1916 г.; № 90, 20 июля 1916 г.; д. 179, № 106, 21 сентября 1916 г.; № 109, 1 октября 1916 г., № 110, 5 октября 1916 г.

[230] Там же, д. 177, л. 71. ЖОСО, № 74, 25 мая 1916 г.

[231] Там же, л. 146. ЖОСО, № 78, 8 июня 1916 г.

[232] Там же, д. 178, лл. 123—124. ЖОСО, № 88, 13 июля 1916 г.; лл. 148—151. ЖОСО, № 90, 20 июля 1916 г.

строения. Он указал на быстрый технический прогресс в авиации, вследствие чего постоянно менялись требования, предъявляемые к моторам. Отсталая промышленность России не успевала с достаточной быстротой учитывать эти изменения. В области моторостроения особенно остро чувствовался недостаток подготовленных специалистов, а отсталость техники и слабое развитие мелкой промышленности приводили к медлительности в изготовлении даже несложных частей мотора. Доклад Яковлева вновь показал, что авиация нуждается в постоянном руководстве, что эта новая область техники и боевого вооружения только создается, преодолевая массу технических и хозяйственных трудностей, наконец, все дело находится в руках небольшой группы частных предпринимателей или любителей, далеких от развития науки. Поэтому решено было создать при Особом совещании специальную комиссию во вопросам авиации.

В дальнейшем эта комиссия и Управление военно-воздушного флота стали, во-первых, ходатаями по делам авиационных предприятий страны. Докладывая Особому совещанию в сентябре 1916 г., член Государственного совета В. И. Гурко потребовал приравнять предприятия, работающие на военную авиацию, в отношении снабжения электроэнергией, металлами, заграничным оборудованием к предприятиям артиллерийского ведомства, изготовлявшим тяжелые снаряды. Особое совещание решило поддержать инициативу Ижорского завода, создавшего свой тип самолета с большой скоростью полета и грузоподъемностью; заводу был дан заказ на постройку самолетов его системы. В октябре Особое совещание санкционировало новый заказ для воздушного флота на 900 самолетов заводам «Анатра» в Одессе и Симферополе и акционерному обществу «Дукс».

Во-вторых, комиссия вместе с Управлением военно-воздушного флота занялась выработкой программы авиационного снабжения армии. Эта программа должна была исходить из явно необоснованного предположения, «чтобы наши силы сравнялись с силами неприятеля и чтобы наш флот в той же мере обслуживался авиацией, в какой обслуживается ею фронт наших союзников» [233] (см. табл. 4).

Таким образом, намечалось почти удвоить наличные силы авиации на фронте, для чего требовалось дополнительно 726 самолетов. Поддержание авиации на намеченном уровне требовало огромного количества самолетов для пополнения. Вследствие этого дефицит в самолетах достигал почти 5000 машин с учетом уже заказанных 3796 машин. Подсчет убедительно показывает нереальность такой «программы».

В конце 1916 — начале 1917 г., до предела использовав производительность всех русских предприятий, Россия вынуждена была заказать еще 3200 самолетов и 3000 моторов за границей [234].

Рассмотрим итоги снабжения русской армии боевыми самолетами. В записке Управления военно-воздушного флота, представленной в Государственную думу, приведены данные на два срока — на 1 июня

[233] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 179, лл. 187—188. ЖОСО, № 110, 5 октября 1916 г.
[234] Об этом заказе было доложено Петроградской конференции союзников.

Таблица 4

Программа развития авиационных частей, разработанная Управлением воздушного флота *

Авиационные части	Имеется в наличии		Требуется		Недостает	
	отрядов и дивизионов	самолетов	отрядов и дивизионов	самолетов	отрядов и дивизионов	самолетов
Управление дивизионов	12	24	15	30	3	6
Армейские отряды	15	120	27	270	12	150
Корпусные »	64	512	91	910	27	398
Отряд охраны Ставки	1	18	1	18	—	—
Крепостные отряды	3	28	3	32	—	4
Отряды истребителей	12	72	24	240	12	168
Итого	—	774	—	1500	—	726
Пополнение на 12 месяцев	—	3796	—	7476	—	4180
Всего недостает	—	—	—	—	—	4906

* ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 180 Прилож к ЖОСО № 117, 29 октября 1916 г

и 1 ноября 1916 г, позволяющие сравнить роль русских и иностранных поставщиков в изготовлении аэропланов и моторов [235].

За время войны поступило самолетов:

	На 1 июня 1916 г	На 1 ноября 1916 г	Отправлено на фронт к 1 ноября 1916 г
С русских заводов	1512	2050	1893
Из-за границы	358	883	706
Итого	1870	2933	2599

Цифры свидетельствуют, что на каждые два русских аэроплана из-за границы поступал почти один.

Совершенно иначе обстояло дело с производством и снабжением моторами. На каждый русский мотор приходилось сначала 2, а потом 3,5 заграничных мотора.

	Моторов получено	
	На 1 июня 1916 г	На 1 ноября 1916 г
С русских заводов	578	920
Из-за границы	1160	3165
Итого	1738	4085

[235] ЦГВИА, ф 2000, оп 2, д 9731, лл 111—115.

Таким образом, общее поступление самолетов в Россию (вместе с заграничными) достигало около 100 машин в месяц — примерно в 2 раза меньше необходимого количества, намеченного еще осенью 1915 г. По данным Управления военно-воздушного флота, удельный вес русских заводов в снабжении летательными аппаратами достигал 73%, а в поставках моторов — 30%. Зависимость русской авиации от заграничной техники не ослабевала.

* * *

Мы подробно остановились на деятельности Особого совещания по обороне, рассмотрев кардинальные вопросы общей экономической политики правительства и боевого снабжения армии. Приведенный материал дает основание сделать заключение как о характере Особого совещания по обороне, так и о результатах его деятельности в указанных направлениях.

Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства возникло с большим опозданием, в обстановке военных поражений и нарастания революционного кризиса в стране. Его создание на основе широкой коалиции правящей бюрократии с помещиками и буржуазией в форме представительства от Государственной думы, Государственного совета, буржуазных общественных организаций укрепило самодержавие. Спор между буржуазией и правительством о том, кто будет создавать военное хозяйство страны — буржуазия ли в лице созданных ею военно-промышленных комитетов или правительство, — был решен в пользу царской монархии. Тем самым буржуазные организации должны были занять и действительно заняли подсобное место: они включались в общую систему военного хозяйства как передаточные звенья правительственной организации, как агенты и комиссионеры государства, играя действительно второстепенную роль в вопросах вооружения армии.

Представители буржуазии органически включились в общую работу Особых совещаний, принимая самое активное участие в разрешении всех вопросов организации военного хозяйства.

Несмотря на создание прогрессивного блока, на обличительные речи в Думе, на политические разногласия с правительством, сотрудничество буржуазии с правительством в Особом совещании продолжалось и крепло. Усилия буржуазии в Особом совещании по обороне были направлены в сторону проведения такой экономической политики, которая максимально отвечала бы ее интересам, и это ей практически удалось. Особое совещание проводило буржуазную политику в вопросах военных заказов и финансирования предприятий, в вопросах материальной помощи, выдачи ссуд и авансов представителям отечественной буржуазии. Причем и представитель правительства — глава Совещания А. А. Поливанов — последовательно выступал вместе с буржуазным большинством, не останавливаясь даже перед поддержкой таких притязаний буржуазии, которые неизбежно приводили к политическому противопоставлению Особого совещания правительству в целом.

Влияние буржуазии и покровительство ей со стороны Особого совещания сказалось и в том, что правительство фактически отказалось от широкого развития государственных промышленных предприятий: Особое совещание предпочитало опираться на частную промышленность. Сказанное целиком относится к новым областям военной техники и промышленности — авиации, моторостроению, автомобилестроению и т. д., — насаждавшимся путем финансовых субсидий. Однако не только в этом сказывалось решающее влияние буржуазии. Весь характер планирования и регулирования экономической жизни страны с сохранением неограниченной свободы конкуренции был продиктован интересами буржуазии.

Война стихийно требовала плановости, расчета и предвидения. Заказы сначала выдавались до середины 1916 г., потом до половины 1917 и, наконец, до половины 1918 г. Уже эти сроки и запросы Ставки требовали известного планирования производства, расчетов и соответствующей организации соседних областей хозяйства. Особое совещание по обороне и другие три Совещания по регулированию отдельных областей хозяйственной жизни страны располагали большими юридическими правами в деле вмешательства в хозяйственную жизнь страны, но они не использовали их в полной мере почти никогда. Создавая известный план на потребность в снарядах, артиллерии, Особое совещание добивалось выполнения этого плана на основе общей бесплановости всего хозяйства в целом. Меры регулирования основных отраслей хозяйственной жизни — металла, угля, перевозок, продовольствия и т. д. — носили поверхностный характер.

Особое совещание не сделало попытки ввести общий план и твердой рукой подчинить этому плану всю хозяйственную жизнь. Планы распределения фиксировали, в большей части сильно преувеличенно, то, что давала промышленность или что от нее ждали. Однако ни в одной области хозяйства правительство и Особое совещание по обороне не пытались создавать твердого производственного плана, настойчиво и последовательно за него бороться. Особое совещание распределяло валюту, но оставило бесконтрольной деятельность банков. Экономическая политика Особого совещания по обороне исключала возможность продуктивно бороться с экономическим кризисом, со спекуляцией и жульническими проделками банков.

Отсталость промышленности, железных дорог, а также падение добычи металла, резкий недостаток рабочей силы и огромный размах войны повелительно требовали чрезвычайной экономии, строгого контроля за расходованием материальных ценностей. Политика Особого совещания исключала все это. В тех же редких случаях, когда силой обстоятельств некоторые члены Совещания предлагали осуществить более строгий государственный контроль, они встречались с организованным сопротивлением буржуазии, которая не только в докладных записках на имя министров «доказывала» вред государственных монополий, но и непосредственно в Особых совещаниях повседневно старалась провалить любую меру, целесообразную с точки зрения военных условий, но грозившую ограничить прибыли буржуазии.

Своекорыстные и эгоистические интересы российской буржуазии лишали ее возможности проявить «государственную мудрость» в вопросах регулирования хозяйственной жизни страны. Проявляя полное понимание опасности, которая ей угрожает со стороны рабочего класса, и выступая единым фронтом с самодержавием против революционного движения, буржуазия показала исключительную ограниченность и близорукость в вопросах организации военной экономики. Последовательное, настойчивое сопротивление усилению регулирования со стороны государства, выступления против государственного распределения, а часто и против твердых цен — все это свидетельствует об алчности буржуазии, непонимании ею того, что капиталистическая стихия подрывает основы экономики страны.

Особое совещание по обороне начало свою деятельность в обстановке острого кризиса вооружения. Для осени 1915 г. был характерен и политический кризис. Изучение материалов Особого совещания показывает наличие серьезных экономических затруднений на транспорте, в угольной промышленности, в металлургии, что сказывалось и на работе всех военных предприятий. Происходил резкий упадок производства. Принятыми мерами летом 1916 г. удалось несколько парализовать и сгладить остроту кризиса, даже добиться некоторого увеличения продукции. Однако болезнь не была излечена.

Несостоятельность деятельности Особого совещания по обороне состоит прежде всего в том, что оно не могло толково и продуктивно организовать работу основных отраслей хозяйства. За все время войны не было открыто и оборудовано ни одного нового угольного района, ни одного нового крупного металлургического предприятия, машиностроительного завода и т. д.

Фактически не правительство регулировало деятельность буржуазии, а буржуазия определяла политику правительства.

Неудачные попытки организовать экономический тыл страны исключали возможность добиться больших успехов в области вооружения и снабжения армии. Выше мы показали, что, за отдельными редкими исключениями, проблема вооружения армии не была разрешена. Соответствующие предприятия не были созданы, а запоздалая попытка создать сеть казенных военных предприятий также не разрешала проблемы. Несмотря на увеличение производства снарядов, ружей, пороха, потребность в заграничных поставках не сократилась. Характерно, что относительные успехи были больше всего там, где при изготовлении отдельных военных продуктов снаряжения наиболее строго и последовательно проводился принцип государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Такова Организация Ванкова по производству снарядов, Химический комитет Главного артиллерийского управления.

Все вышеизложенное объясняет, почему, несмотря на элементы государственного и государственно-монополистического капитализма в России, созданная помещиками и буржуазией система военного хозяйства не являлась и не могла явиться прочным организмом, на который могла бы опираться армия.

Глава четвертая

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМИТЕТЫ

Охарактеризованная в предыдущих разделах деятельность Особого совещания по обороне, его роль в осуществлении военно-экономической мобилизации тыла страны прямо подводит к заключению о второстепенном месте буржуазных общественных организаций в этом деле Между тем о военно-промышленных комитетах стали создавать легенды уже в первые месяцы их существования Широкое движение буржуазии за их организацию, докатившееся до захолустных центров; многочисленные съезды и совещания, громкая шумиха, поднятая прессой вокруг военных заказов, наконец, кончившаяся провалом попытка привлечь рабочих к сотрудничеству с буржуазиеи и к «работе на оборону» — все это создавало впечатление могучего движения русской буржуазии. Буржуазные публицисты всячески старались поддержать и укрепить уверенность своих современников в том, что вследствие полного безвластия и растерянности правительства буржуазная общественность спасает Россию от кайзеровской империи.

В консолидации и оформлении оппозиционных политических настроений буржуазии создание комитетов сыграло немаловажную роль. Однако ошибочно отождествление политической роли комитетов с их экономическим значением в выполнении военных заказов и организации всей хозяйственной жизни тыла Даже А. И. Гучков в речи на III съезде военно-промышленных комитетов уже после Февральской революции практической работе комитетов по выполнению заказов отводил второстепенную роль [1]

Военно-промышленные комитеты стали создаваться по инициативе IX съезда представителей промышленности и торговли, собравшегося в конце мая 1915 г. Выступивший с речью П П Рябушинский объявил на съезде развитие производительных сил России «делом будущего» и поставил задачу сегодняшнего дня — организацию промышленности «для снаряжения и вооружения армии» [2]. После речи Рябушинского съезд прервал свои заседания и выбрал комиссию из 40 человек для выработки резолюции. В первом пункте принятой съездом резолюции выдвигалась задача «организовать всю неисполь-

[1] «Третий Всероссийский съезд военно-промышленных комитетов» — «Горнозаводское дело», 1917, № 26—27, стр 16069

[2] «IX съезд представителей промышленности и торговли» — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1915, № 6, стр 23

зованную мощь русской промышленности для удовлетворения нужд обороны государства». Для организации этой работы на местах создавались районные комитеты, которые и должны были заняться организацией практического дела. Деятельность районных комитетов координировалась областными и Центральным военно-промышленным комитетом, которому поручалось обратить особое внимание на состояние перевозок и на обеспечение промышленности необходимым сырьем и инструментами [3].

Через два месяца после организации комитетов, 25 июля 1915 г., начал работу I съезд военно-промышленных комитетов. Председателем съезда, а потом и председателем Центрального военно-промышленного комитета был избран крупный промышленник и банкир, вождь контрреволюционной октябристской буржуазии А. И. Гучков, а его заместителем европеизированный отпрыск московских промышленников прогрессист А. И. Коновалов.

Съезд прошел под знаком критики правительства и требований «сильной власти» и «дооборудования» правительства. Огонь критики был направлен против Военного министерства и его учреждений. Съезд требовал «обновления» государственного строя и его органов на основе создания «министерства доверия». Лишь Н. С. Авдаков, открывая съезд, скромно сказал, что задача комитета заключается в том, чтобы «помочь» в вооружении армии. Другие ораторы буржуазии настолько увлеклись в своих политических речах, что все дело снабжения армии связывали только с деятельностью комитетов (Родзянко). Руководитель «Земской России» Г. Е. Львов уже чувствовал себя победителем над государственной властью, оказавшейся несостоятельной. П. П. Рябушинский предлагал связаться с союзниками через голову правительства, но апеллировал и к власти, которая должна «себя пересмотреть» [4]. Более «левый» М. А. Токарский предлагал попросту «создать свою власть, своего полководца» [5]. Таковы были политические устремления буржуазии, чувствовавшей себя именинницей и надеявшейся не сегодня-завтра составить свое правительство.

Что касается практической стороны деятельности комитетов, то в речах буржуазии чувствовалось отсутствие четкой программы и ясного понимания задач, в чем признался барон Г. Х. Майдель — один из руководящих работников комитета. В принятых съездом резолюциях практическая программа работ сводилась к требованию создать особое совещание при помощнике военного министра с представительством от комитетов, Всероссийских земского и городского союзов, «ученых, технических сил и рабочих» [6]. В создании этого совещания буржуазия видела первый шаг в разрешении проблемы приспособления правительства к нуждам армии и промышленности. Тем самым

[3] «IX съезд представителей промышленности и торговли», стр. 24, 25.
[4] «Труды съезда представителей военно-промышленных комитетов. 25—27 июля 1915 г.». Пг., 1915 стр. 6—7, 33.
[5] Там же, стр. 38.
[6] Там же, стр. 103.

она выдала себя с головой и показала лакейскую готовность работать вместе с правительством.

К правительству съезд адресовался с рядом практических предложений. По вопросу о рабочей силе для промышленности съезд выступил защитником интересов всей буржуазии. Наряду с требованием вернуть из армии «по именным спискам» рабочих и техников он высказался за широкое применение в промышленности труда военнопленных и за отмену всех ограничений в пользовании трудом китайцев, корейцев и японцев. Остальные решения — о реквизиции, о топливе и металле — носят характер пожеланий, адресованных правительству. Характерно, что никаких деловых указаний промышленников относительно характера их работ съезд не дал.

На съезде было утверждено «Положение о военно-промышленных комитетах», которое определило и зафиксировало подсобную роль комитетов по отношению к правительственным учреждениям. В нем было точно сказано о том, что комитетам отводится весьма скромная роль — содействовать правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота [7]. Принимая это предложение, буржуазия забывала о своих оппозиционных речах и капитулировала перед царской монархией и правительством. Съезд избрал Центральный военно-промышленный комитет, закрепивший господство отечественной, преимущественно московской, буржуазии в руководстве вновь созданной организацией.

Лидеры русской буржуазии играли руководящую роль как в Центральном, так и в местных комитетах. А. И. Гучков и А. И. Коновалов, два будущих министра Временного правительства, руководили Центральным комитетом, П. П. Рябушинский и С. Н. Третьяков — Московским, М. И. Терещенко — Киевским. Как в аппарате Центрального, так и местных комитетов широкое участие принимали крупные представители профессуры и технической интеллигенции: Н. Н. Саввин, Д. С. Зернов, А. А. Байков и т. д. По 118 комитетам 713 человек, или 16,2% от состава комитетов, были «технические силы», т. е. ученые, инженеры и техники предприятий.

В составе Центрального комитета и его бюро были широко представлены монополистические организации, несмотря на то, что против руководства их так определенно высказывались представители провинциальных комитетов.

В Центральный комитет избранными оказались: руководитель горнопромышленников Юга России (Н. Ф. фон Дитмар), Урала (Н. Н. Кутлер), Польши (В. В. Жуковский), нефтяной промышленности (Э. Л. Нобель), «Продаметы» (П. А. Тикстон), а также представители многих банков. Состав Центрального комитета указывал, что дело мобилизации промышленности попыталась взять в свои руки крупная буржуазия, решившаяся объединить под своим руководством мелкие промышленные заведения, инженерно-технических работ-

[7] «Известия Центрального военно-промышленного комитета» (далее — «Известия ЦВПК»), 5 сентября 1915 г. 4 августа «Положение» было утверждено правительством, а 27 августа — царем.

ников и заодно прихватить рабочии класс, организовав для этои цели рабочие группы при местных и Центральном комитетах

Довольно скоро во всех крупных городах и промышленных центрах были созданы военно-промышленные комитеты Уже к концу 1915 г, по данным Гучкова, были организованы 32 областных и 221 местный комитет [8] Военно-промышленные комитеты существовали отдельно от Всероссийских земского и городского союзов

Попытка буржуазии организовать «гражданский мир», ликвидировать стачки и втянуть рабочих в сотрудничество с буржуазией и царской монархией безнадежно провалилась Она нашла себе союзников только среди меньшевиков-оборонцев, которые охотно откликнулись на призыв Гучкова и Коновалова о сотрудничестве Большевистские организации страны мобилизовали рабочий класс для борьбы против агентов буржуазии В ответ на призыв меньшевиков выбирать представителей рабочих в «рабочие группы» Петербургский комитет большевиков в наказе уполномоченным разоблачал империалистический характер воины, он писал, что лозунг «защиты отечества» — «есть лишь прикрытие хищнических притязаний правящих классов и приманка, при помощи которой рабочий класс превращается в слепое орудие их империалистических интересов и разбивается интернациональная солидарность и внутри каждои страны ослабляется движение и классовая борьба рабочих» [9].

Как и в ходе кампании по выборам в IV Государственную думу, петроградский пролетариат проводил выборы выборщиков под идейным знаменем ленинизма Не «гражданский мир», а гражданская война против помещиков и буржуазии, говорилось в наказе, «против своих собственных империалистов, против своих правительств» — вот к чему должны быть направлены усилия рабочих. Большевики клеймили участие меньшевиков в Центральном военно-промышленном комитете как измену «революционному интернационалистскому знамени». Пролетариат Петрограда шел в борьбе против империалистической войны впереди рабочего класса всей страны

В сентябре было выбрано 218 выборщиков от 101 предприятия столицы, которые должны были выбрать представителей в «рабочую группу». 27 сентября состоялось собрание выборщиков, закончившееся провалом затеи меньшевиков, Гучкова и охранки. Большинством голосов собрание высказалось против участия в комитетах

Только через два месяца, 29 ноября 1915 г, Гучкову и оборонцу Гвоздеву удалось, фальсифицировав собрание, добиться своего 84 выборщика, большевики и их сторонники, покинули собрание. Оставшиеся несколько десятков меньшевиков и эсеров «выбрали»

[8] «Известия ЦВПК», 9 декабря 1915 г Сообщение А И Гучкова на совещании в Центральном военно-промышленном комитете 2 декабря К концу 1916 г в России существовало 224 военно-промышленных комитета Рабочие группы существовали лишь в 16 областных и 42 местных комитетах («Дело Самарского военно-промышленного комитета» — «Известия ЦВПК», 8 декабря 1916 г Речь М С Маргулиеса)

[9] «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1917 годы» Л, 1939, док № 53, стр 84

К А Гвоздева, Г Е Брейдо, агента В М Абросимова и других в состав «рабочей группы»

84 выборщика — действительные представители рабочего класса Петрограда — огласили заявление, в котором разоблачили изменников и самозванцев, сторговавшихся с буржуазией В листовке петроградских большевиков заклеймлено предательское поведение кучки ренегатов Листовка заканчивалась призывом «Долой изменников! Долой предателей! Да здравствует революционный пролетариат и его международная солидарность! Да здравствует гражданская война!» [10] Рабочие подавляющего большинства городов вслед за Петроградом провалили выборы в комитеты Только кое-где обманом и угрозами удалось протащить в комитеты жалких предателей и банкротов По признанию самой «рабочей группы», на 10 февраля 1916 г «рабочие группы» удалось «организовать» лишь в 17 комитетах [11], а в конце мая — в 39 комитетах

«Рабочая группа» в Центральном комитете принимала деятельное участие в работе отделов комитета Она от начала и до конца проводила политику своих хозяев Она поддержала предложение буржуазии о созыве Государственной думы, распущенной правительством Накануне открытия Думы была опубликована ее декларация, в которой выражалось пожелание, чтобы Дума продолжала свою работу «пока не будет разрешена основная задача момента» В чем же эта задача заключалась? В выполнении пожеланий либералов об организации «министерства доверия» и продолжении войны до победы над Германией

В так называемом рабочем вопросе группа старалась посредничать во время забастовок между фабрикантами и рабочими, причем арбитром выступал сам Центральный военно-промышленный комитет, т е Гучков или Коновалов Однако рабочий класс не признавал «посредничества» группы В результате забастовки на Адмиралтейском судостроительном заводе (Петроград) завод был закрыт, а 350 рабочих, отказавшихся от «посредничества» группы, были отправлены на фронт Рабочие завода «Наваль» в Николаеве также отвергли «посредничество» группы, в результате 200 рабочих были призваны на военную службу, а 36 человек попали под следствие Рабочий класс России вел себя не по меньшевистско-гучковскому рецепту — в классовой борьбе он защищал свои интересы, интересы народа, сметая с дороги изменников и предателей

Меньшевикам не удалось дезорганизовать рабочий класс России и повести его по пути социал-шовинистов Запада

На первом заседании Центрального военно-промышленного комитета Г Х. Майдель свел деловую программу комитета к трем пунктам. создание реального плана работы на армию, централизация закупок сырья и разрешение рабочего вопроса В связи с продолжением политической критики правительства, Н Ф фон Дитмар — предста-

[10] Там же, док № 60, стр 91

[11] «Отчет о деятельности рабочей группы на 10 февраля 1916 г» Пг , 1916, стр 16

витель горнозаводской промышленности Юга России — выступил с требованием прекратить нападки на правительство и перейти к «созидательной» работе, к исправлению совместно с ведомствами их недочетов [12].

В своей практической работе Центральный военно-промышленный комитет старался войти в узкие рамки, поставленные комитетам положениями, утвержденными правительством [13]. «Содействие» правительственным учреждениям в снабжении армии и флота Гучков понимал очень широко, как представительство интересов буржуазии перед правительством. Финансовой базой деятельности комитетов являлись правительственные авансы по заказам и отчисления до 1% по заказам, размещенным через комитеты. На эти средства комитеты должны были содержать весь свой аппарат и нести все остальные расходы.

Какие бы резолюции комитет ни принимал, какие бы вопросы ни ставил перед правительством, основным критерием для оценки его деятельности является объем реально сделанного в привлечении промышленности к работе на военные нужды.

Несмотря на то, что в состав комитетов на местах входили крупные фабриканты и заводчики, а руководство Центральным и областными комитетами находилось в руках известных всей буржуазной России лиц, все же в области своей экономической деятельности и распределения заказов местные комитеты имели дело преимущественно с мелкими и средними предприятиями. Крупные промышленные предприятия действовали самостоятельно, входя в прямые сношения с военными органами, получая заказы и авансы помимо комитетов или же непосредственно от Центрального комитета.

На крупных предприятиях во многих случаях размещал свои заказы и Центральный военно-промышленный комитет. Это убедительно подтверждается многими фактами. Так, из отчета отделов на 1 ноября 1915 г. видно, что из заказов на 123,3 млн. руб. только около половины (52,7%) распределили местные комитеты, а другую половину (47,3%) Центральный комитет распределил сам среди крупных предприятий [14]. Огромный заказ на снаряды в 73 млн. руб. был размещен лишь между 11 заводами [15]. Как правило, местные комитеты, за исключением Московского, получали заказов на меньшую сумму,

[12] «Известия» ЦВПК», 24 августа 1915 г.

[13] «Известия ЦВПК», 5 октября 1915 г.

[14] «Отчеты отделов Центрального военно-промышленного комитета по 1 ноября 1915 г.». Пг., 1915 (далее — «Отчеты отделов ЦВПК по 1 ноября 1915 г.»), стр. 111.

[15] «Отчеты отделов ЦВПК по 1 ноября 1915 г.», стр. 98. Однако в отношении этого заказа нужна оговорка. Центральный комитет лишь «подготовлял дела» на артиллерийские снаряды по каждому из предприятий, а окончательно их решало Особое совещание по обороне. Заказ заводам выдавался непосредственно Главным артиллерийским управлением, которое и устанавливало «окончательную цену» («I заседание Центрального военно-промышленного комитета».— «Известия ЦВПК», 24 августа 1915 г. Доклад Д. С. Зернова о механическом отделе ЦВПК). Очевидно, в данном случае артиллерийское ведомство и 11 крупных заводов могли бы обойтись и без комитета.

чем заказы для двух-трех предприятий района, полученные непосредственно от Центрального комитета. Отдельные заказы Центрального комитета выполняли такие гиганты, как Путиловский завод, Балтийский и Невский судостроительные заводы, Мальцовские заводы. 1/3 всех заказов на бомбометы выполняли пять заводов, хотя в исполнении заказа участвовали до 80 мелких заводов и мастерских. Заказ на минометы «Дюземиль» на 85% выполнялся тремя крупными фирмами. Шесть фирм выполняли 1/4 всех заказов, распределенных Центральным комитетом на 82 млн. руб. Огромный заказ на 13 млн. ручных гранат выполнялся 142 предприятиями, но более 40% его выполняли 13 крупных и средних предприятий. Этим предприятиям принадлежало 75% механических прессов всех 142 предприятий [16].

Предприятия, работавшие на механический отдел Центрального комитета, в среднем выполняли заказы в 3 раза более крупные (359 тыс. руб.), чем аналогичные предприятия, работавшие по заказам местных комитетов (114 тыс. руб.). Исключение составляли предприятия Московского военно-промышленного комитета. Там в числе контрагентов комитета были крупнейшие предприятия. Из 340 заводов и фабрик 87 имели более 1000 рабочих, 32 — от 500 до 1000 человек, 119 — от 100 до 500 человек, 47 — от 50 до 100 и 55 предприятий — менее 50 человек [17]. Однако крупные текстильные предприятия работали по заказам различных ведомств и особенно на интендантство. Московский военно-промышленный комитет играл лишь консультативную роль. Из 720 млн. руб. казенных заказов, выполненных текстильными предприятиями, только 1% (766,6 тыс. руб.) был выполнен непосредственно по заказам комитета. Несколько бо́льшую роль играл льняной отдел комитета, который выдал заказов на 8,75 млн. руб. из общей суммы 74 млн. руб., выполненных промышленниками [18]. Следует учесть значительную роль, сыгранную комитетом в приспособлении текстильных предприятий для изготовления снарядов Организации С. Н. Ванкова.

Центральный комитет привлек к работе на оборону около 1300 предприятий [19]. В конце августа 1915 г. Петроградский окружной военно-промышленный комитет, докладывая о первом двухмесячном опыте своей работы, сообщил, что им уже объединено 405 предприятий. Названные комитетом данные не заслуживают доверия. В отчете о деятельности Петроградского окружного комитета за первый операционный год указывалось, что до сентября — октября 1915 г. сам комитет «заказов еще не выдавал», а только осуществлял наблюде-

[16] *Н. И. Разумовская.* Центральный военно-промышленный комитет. Канд. дисс. М., 1947, стр. 115. Автором проделана большая работа по изучению истории Центрального военно-промышленного комитета, и мы в ряде случаев опираемся на ее исследование.

[17] *Н. И. Разумовская.* Указ. дисс., стр. 126.

[18] Там же, стр. 128—129. Н. И. Разумовская подсчитала, что 25 крупнейших хлопчатобумажных мануфактур Московского района выполнили заказов на 413,9 млн. руб. (там же, стр. 129).

[19] *А. П. Погребинский.* Военно-промышленные комитеты.— «Исторические записки», т. 11, 1940, стр. 164.

ние за заказами, выданными Центральным комитетом, который, конечно, за три месяца своего существования не мог привлечь четыре сотни предприятий. Очевидно, комитет включил в названное количество все предприятия, работающие на войну. Перед провинциальными комитетами стояла задача привлечения мелких и средних предприятий, так как большинство крупных предприятий уже работало на оборону. Из 1200 предприятий, бывших в районе деятельности Московского военно-промышленного комитета, 492 работали на оборону еще до организации комитета.

Печать военно-промышленных комитетов приводит многочисленные высказывания видных руководителей комитетов, которые заявляли, что комитеты объединяли непосредственно мелкую и среднюю промышленность [20].

Правда, из общей суммы комитетских заказов значительная часть перепадала нескольким десяткам крупных предприятий, однако эта работа могла быть налажена и без них. Что же касается привлечения мелкой промышленности и части средней к работе на войну, то эту работу правительство сделать не сумело бы. Нужен был какой-то «помощник» и посредник. Таким «уполномоченным» казны по организации рассеянных мелких и средних предприятий и явились комитеты.

Таким образом, практическая деятельность комитетов заключалась главным образом в посредничестве между военным ведомством и частной мелкой и средней промышленностью в выдаче заказов и авансов и в организации ее работы на нужды войны.

В своей финансовой деятельности комитеты находились целиком в зависимости от казны; они жили за счет кредитов и субсидий, отпускаемых казной, и отчислений по заказам. Привлечение частных средств самой буржуазии имело место в порядке исключения. Вопросы экономической организации тыла разрешались Особыми совещаниями помимо комитетов. Но после организации Особых совещаний представленные в них деятели военно-промышленных комитетов старались оказать воздействие на работу Совещаний в интересах промышленности. Являясь представителем всей буржуазии, комитеты часто обращались со всякого рода проектами и предложениями в правительство или в Особые совещания. Являясь центром мобилизации буржуазных, оппозиционных правительству сил, комитеты вместе с тем были органами, активно сотрудничавшими с правительством на базе той экономической политики, которая проводилась самодержавием.

Перейдем к выяснению вопроса о выполнении комитетами принятых заказов на оборону. Военно-промышленные комитеты настойчиво добивались передачи себе возможно большего количества заказов:

[20] «Деятельность Петроградского окружного военно-промышленного комитета».— «Известия ЦВПК», 29 августа 1915 г.; «Совещание в Центральном военно-промышленном комитете».— «Известия ЦВПК», 9 декабря 1915 г.; *К. Клопотов.* Итоги деятельности военно-промышленных комитетов за 1916 г.— «Известия ЦВПК», 1 января 1917 г.

вместе с ними комитеты получали авансы, часто оборудование, инструмент и материалы. Полученные заказы Центральный военно-промышленный комитет распределял между предприятиями сам или передавал областным комитетам. Уже в августе 1915 г. Центральный военно-промышленный комитет принял решение о распределении авансов через областные комитеты в размере 25% от суммы заказа[21]. Позднее на комитеты было распространено общее положение о порядке расчетов, применявшихся в военном ведомстве по военным заказам, и максимальный размер аванса был увеличен до 65% от суммы заказа.

Одним из первых и больших заказов, полученных Центральным военно-промышленным комитетом от военного ведомства, был подряд на изготовление 6 млн. 3-дюймовых снарядов. Заказы на изготовление орудий, пулеметов, винтовок и крупных снарядов комитеты не принимали. В первый период деятельности комитетов, до весны 1916 г., Особое совещание по обороне раздавало заказы широко и бессистемно. Уже в сентябре 1915 г. Зернов, руководивший механическим отделом Центрального комитета, докладывал о распределении им заказов на 61,3 млн. руб. По вещевому отделу было выдано заказов на 19 млн. руб., в том числе на подковы на 7 млн. руб.[22] Из отчетов отделов видно, что по 1 ноября 1915 г. заказов было распределено на 185,9 млн. руб.[23], причем распределение заказов между комитетами и частными лицами, т. е. заводами, остается в равной пропорции. Большой процент заказов, выдаваемых Центральным комитетом непосредственно предприятиям, объясняется, по-видимому, запозданием в организации областных комитетов. Ко времени созыва II съезда военно-промышленных комитетов (февраль 1916 г.) было роздано заказов на 230 млн. руб., а выполнено на 2,3 млн. руб., или всего на 1%[24].

В 1916 г. выдача заказов широко проводилась лишь первые полгода, а начиная с середины года правительство по деловым и политическим соображениям начало сокращать заказы. Всего за 13 месяцев, с февраля 1916 г. по март 1917 г., военно-промышленные комитеты распределили заказов на 169,5 млн. руб.[25] Следовательно, если верить отчетным данным самих комитетов, общая сумма правительственных заказов комитетам со времени их организации и до Февральской революции достигает 400 млн. руб. Весьма вероятно, что эта цифра является преувеличенной, во всяком случае имеются и другие данные. Счетный отдел определил сумму заказов, прошедших через Центральный комитет на 1 августа 1916 г., в размере

[21] «Известия ЦВПК», 29 августа 1915 г.

[22] «VI заседание Центрального военно-промышленного комитета».— «Известия ЦВПК», 26 сентября 1915 г.

[23] «Отчеты отделов ЦВПК по 1 ноября 1915 г.», стр. 326.

[24] «Труды Второго съезда представителей военно-промышленных комитетов», вып. 2. Пг., 1916, стр. 482.

[25] «Отчеты отделов Комитета к третьему Всероссийскому съезду представителей военно-промышленных комитетов в Москве. Май 1917 г.». Пг., 1917, стр. 168, 185.

320,4 млн. руб.[26] Эта цифра ближе всего к данным отчетов. Наблюдательная комиссия Особого совещания определила стоимость всех заказов, данных военно-промышленным комитетам, на 1 мая 1916 г. в 261,4 млн. руб., что составляло 3,29% от общей стоимости военных заказов, выданных по 1 мая 1916 г.[27]

Начиная с весны 1916 г. с заказами комитетам дело обстояло много хуже. Правительство «зажало» комитеты, и осенью 1916 г. они заявили, что им нечего делать, предприятия закрываются и т. д. Было бы наивно принимать все их заявления за чистую монету, но общая тенденция на сокращение заказов бесспорно была. Следовательно, общая сумма заказов до Февральской революции 1917 г. была около 350 млн. руб.[28] В пределах этой суммы протекала деятельность областных и местных комитетов и объединяемых ими предприятий. Значительная часть всех заказов приходилась на крупнейшие комитеты: Московский областной, Петроградский окружной, Ростовский-на-Дону и др. Московский комитет к 1 июня 1916 г. получил заказов на сумму около 93 млн. руб., а выполнил — на 56 млн. руб.[29] Такое выполнение заказов являлось одним из лучших. Другие комитеты выполняли свои заказы значительно хуже. К концу 1917 г. Московский областной комитет получил заказов на 134 млн. руб., из которых выполнил на 95 млн., или около 71%[30].

В пределах Московской области 348 предприятий из общего числа 1172 предприятий, работающих на оборону, исполняли заказы военно-промышленных комитетов. Большую часть своих заказов комитет получал помимо Центрального комитета, заказы которого в первом году деятельности составляли лишь 13%, а 87% составляли заказы ведомств.

Однако такие заказы имели лишь крупные комитеты со связями, имевшие доступ в Особое совещание или военные ведомства. Петроградский окружной комитет выдал заказов за первый год своего существования на 16,9 млн. руб., из коих свыше 14 млн. руб. (84,2% всех заказов) приходилось на артиллерийский отдел. Текстильный отдел раздал заказов на 1869 тыс. руб., или 11,2% от суммы заказа. Небольшая сумма приходилась на всякого рода иные заказы[31]. Выполнение заказов на 1 февраля 1916 г. колебалось от 3 до 4% и только к 1 июня 1916 г. поднялось до 24,5%.

Не лучше обстояло с выполнением заказов и по другим комитетам. Это послужило поводом для интервью М. В. Родзянко, в котором

[26] «Доклад Счетного отдела Центрального военно-промышленного комитета. 26 сентября 1916 г.». Пг., 1916, стр. 23.

[27] ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 242, л. 86. Сравнительная ведомость.

[28] Значительно меньшая цифра дается в сборнике «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)». М., 1925, табл. 49.

[29] *А. П. Погребинский.* Указ. соч., стр. 166.

[30] *Н. И. Разумовская.* Указ. дисс., стр. 130.

[31] Н. И. Разумовская дает для Петроградского района на 1 февраля 1916 г. только артиллерийских заказов на сумму 40,6 млн. руб. (*Н. И. Разумовская.* Указ. дисс., стр. 122). Большое расхождение с приведенными нами данными объясняется тем, что окружной комитет не учитывал заказов, полученных от Центрального комитета.

говорилось о «бездействии» частной промышленности, в особенности в выполнении заказов на снаряды. Центральный военно-промышленный комитет выступил с защитой частной промышленности, указав, что последняя дает снарядов в 9 раз больше, чем казенные заводы. Медленная перестройка промышленности объяснялась им небольшим сроком, прошедшим со времени начала мобилизации промышленности, плохой работой транспорта, нехваткой рабочих рук и сырья, т. е. чисто объективными причинами [32].

Таким образом, за первые почти два года деятельности комитетов на их долю приходилась лишь незначительная часть всех заказов военного ведомства, которая достигла, видимо, не больше 3—5% всех военных заказов, а учитывая фактическое выполнение заказов — не более 2—3%. Выполнение заказов комитетами шло медленно, намеченные сроки срывались, что вызывало естественное недовольство военного ведомства и вело к длительным объяснениям в Особом совещании по обороне. Среди причин невыполнения заказов Петроградский областной комитет указывал на недостаток рабочих рук, затруднения в приобретении металлов, оборудования, топлива, изменения в конструкции, малую финансовую обеспеченность мелких предприятий, неопытность многих из них в новом деле и, наконец, частый переход более опытных рабочих из одного предприятия в другое [33].

Положение комитетов в роли критиков политики правительства было более прочным, нежели в роли исполнителей заказов казны. В данном случае роли менялись: правительство, Особое совещание по обороне критиковали комитеты за невыполнение заказов в срок. Комитетам приходилось отбиваться, выдумывать «солидные» объяснения [34], говорить об отсутствии организованного тыла, о неудачной эвакуации промышленности, о недостатке кадров квалифицированных рабочих. Во всех грехах были повинны только агенты правительственной власти, а представители буржуазии оказывались в роли невинных агнцев.

На самом деле не все обстояло так. Буржуазия также была повинна в экономических неурядицах в тылу, в спекуляции, дороговизне, в сопротивлении элементарному контролю, в плохом выполнении взятых обязательств. А. И. Гучков со своими помощниками не проявил себя талантливым и крупным организатором не только в политике, но и в хозяйстве. Контроля за деятельностью областных комитетов почти не было. А. И. Коновалов больше надеялся на контроль со стороны организуемых заводских совещаний, т. е. организаций Особого совещания по обороне, нежели со стороны комитетских органов. По вине комитетских неурядиц размещение заказов сильно запаздывало. Так, на 1 марта 1916 г. местные комитеты не распределили 50% заказов на огромную сумму (30 млн. руб.) на предметы артиллерийского снабжения.

[32] «Мобилизованная промышленность».— «Известия ЦВПК», 1 октября 1915 г.
[33] ЦГВИА, ф. ЦВПК, д. 536.
[34] *Н. И. Разумовская.* Указ. дисс., стр. 141—143.

Первоначальные расчеты Гучкова — Коновалова занять большое место в снабжении армии не оправдались, раздробленные мелкие предприятия довольно медленно осваивали порученную им новую продукцию. Механическая вооруженность мелких мастерских далеко не достаточно усилилась инструментами и станками, купленными Центральным комитетом за границей. Правда, только за 13 месяцев комитет купил и распределил среди промышленных предприятий инструментов и станков на довольно солидную сумму — около 12 млн. руб.[35], но большая часть оборудования попала крупным частным заводам, а вовсе не комитетским мелким предприятиям. Руководители комитетов предпочитали распределять станки, инструмент и металл, особенно купленный за границей, так, чтобы обеспечивать в первую очередь личные интересы, а не «общественные». В итоге при распределении частные заводы получили станков на 5,5 млн. руб., государственные — на 1,2 млн. руб., а комитетские — всего лишь на 0,84 млн. руб.[36]. Другими словами, лишь 12—15% новых заграничных станков попадали в комитетские мастерские.

В «Известиях» Центрального комитета довольно много писалось о якобы незначительных размерах авансов, получаемых комитетом от казны. В этом видели одну из причин трудностей в работе предприятий, объединяемых комитетами. В октябре 1915 г. «Известия» сообщили, что комитет получил от военного ведомства всего лишь 8,5 млн. руб. аванса в счет 120 млн. руб. заказов, что составляло «едва 7% его оборота, что, конечно, весьма недостаточно»[37], а через несколько дней была помещена подробная справка, из которой следовало, что вместо 9,7 млн. руб. авансов выдано 6,7 млн. руб., что составляло меньше 6% от общей суммы заказа[38]. В декабре 1915 г. мы узнаем, что сумма аванса увеличилась до 16 млн. руб., из них 13 млн. руб. было роздано предприятиям, а 3 млн. руб. израсходовано на покупку иностранной валюты[39]. Хотя эти цифры и печатались для всеобщего сведения, как и общая сумма полученных от казны заказов, все же нужно сделать весьма существенную поправку в сторону их увеличения. Кроме авансов в чистой форме, которые получил Центральный комитет, большие авансы получали предприятия, взявшие заказы, затем правительство отпускало специальные многомиллионные кредиты и ссуды то на приобретение оборудования, то на закупку инструментальной стали, то, наконец, 30 млн. руб. для снабжения заводов металлами[40]. Следовательно, расчеты руко-

[35] «Отчет отделов Комитета к третьему Всероссийскому съезду представителей военно-промышленных комитетов в Москве. Май 1917 г.», стр. 182, табл. 9; стр. 184, табл. 11.

[36] Там же, стр. 184, табл. 11.

[37] «К вопросу о финансировании мобилизованных предприятий».— «Известия ЦВПК», 20 октября 1915 г.

[38] «Справка на 6 октября 1915 г. о выданных Центральным военно-промышленным комитетом заказах».— «Известия ЦВПК», 22 октября 1915 г.

[39] «XII заседание Центрального военно-промышленного комитета».— «Известия ЦВПК», 11 декабря 1915 г.

[40] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54, л. 52. ЖОСО, № 17, 21 октября 1915 г.

водителей Центрального военно-промышленного комитета явно преуменьшены и вводят читателей в заблуждение.

В январе 1916 г. Особое совещание заслушало доклад Наблюдательной комиссии о работе Центрального военно-промышленного комитета на оборону. С. И. Тимашев и Н. Е. Марков 2-й отмечали в своих выступлениях слабость в работе комитета, невыполнение ими заказов в срок. Однако общий тон критики был доброжелательный. Было признано, что комитет сдвинул мелкую и среднюю промышленность «с той мертвой точки, на которой она находилась до середины 1915 г.», а это, несмотря на незначительность сданной продукции, обещает «в будущем верный и неуклонный рост частного производства предметов снабжения»[41]. Товарищ председателя комитета В. В. Жуковский представил данные, подтверждавшие значительный рост сданной в январе продукции: снарядов, минометов, ручных гранат и т. д. Особое совещание надеялось, что в дальнейшем будет быстрый рост поставок на оборону. Однако эти надежды не оправдались; сдача продукции происходила медленно.

В апреле 1916 г. Особое совещание вновь слушало доклады Центрального и Московского комитетов и доклад Всероссийских земского и городского союзов. Вновь докладчики ссылались на расстройство транспорта, недостаток металла и рабочих рук, указывали на сложность дела, недостаток чертежей и т. д. Защитником комитетов и других общественных организаций выступил, как обычно, А. И. Шингарев, оправдывавший запоздания в поставках этих организаций. Если раньше причины опозданий в поставках объясняли организационным периодом, то после января 1916 г. был выдуман «подготовительный период в организации промышленности», после которого, видимо, промышленность должна работать лучше. Шингарев потребовал обеспечить организации заказами до половины 1917 г. Руководитель Всероссийских земского и городского союзов Г. Е. Львов признал, что успехи мелкой промышленности пока не выражаются «в очень крупных цифрах», но подчеркнул, что без общественных организаций правительство не получило бы и этого[42]. Особое совещание поручило Главному артиллерийскому управлению пересмотреть распределение заказов среди предприятий, подведомственных комитету, исключив ненадежных.

Во второй половине 1916 г. сдача готовой продукции усилилась. Если верить отчету отделов Центрального комитета, то за 13 месяцев (весь 1916 г. и начало 1917 г.) было выполнено заказов на 136 млн. руб., а так как до начала 1916 г. было сдано совсем мизерное количество заказов, то, по всей видимости, военно-промышленные комитеты почти за 2 года существования сдали казне немногим более $^1/_3$ принятых заказов.

По архивным данным[43], военно-промышленные комитеты на 1 января 1917 г. сдали готовой продукции на сумму примерно

[41] Там же, л. 192 об. ЖОСО, № 43, 27 января 1916 г.
[42] Там же, д. 176, л. 13. ЖОСО, № 61, 2 апреля 1916 г.
[43] ЦГВИА, ф. ЦВПК, оп. 1, д. 35, л. 74.

132 млн. руб., или 70% от плана заказов, подлежащих выполнению. По материалам же особого совещания по обороне, выполнение заказов комитетами на 1 января 1917 г. ниже 50%: на 81,6 млн. руб. из 192 млн. руб. Особенно неудовлетворительно выполнялись интендантские заказы [44]. Более утешительные выводы представил в бюро Центрального военно-промышленного комитета Н. Н. Саввин, сообщивший, что по 1 декабря 1916 г. всеми комитетами «сдано 70% всех подлежавших к сдаче на это число предметов, каковой результат в нынешних условиях следует признать более чем удовлетворительным» [45]. В статье К. Клопотова указывается, что по 12 предметам заказы выполнены полностью, по 10 предметам — исполнение достигает 100%, «по большинству остальных предметов процент исполнения колеблется от 50% до 100% и только по небольшому количеству наиболее трудных заказов или требующих специальных материалов процент исполнения меньше 50%» [46].

Если исходить из самого положительного для комитетов источника, то все же надо признать, во-первых, значительное невыполнение планов и большие задержки со сдачей принятых заказов; промышленные предприятия «раскачались» лишь к концу 1916 г., но в это время особенно остро стали сказываться хозяйственные трудности, что, несомненно, тормозило их работу; во-вторых, в деле непосредственного снабжения оружием комитеты, за исключением снарядов и ручных гранат, не играли значительной роли, а большинство видов вооружения не производили совсем. Из отчетов комитета III съезду видно, что по механическому отделу работа продолжалась «без какой-нибудь общей, ранее установленной программы. Поступление заданий со стороны ведомств почти прекратилось, и обнаружилось совершенно ясное стремление с их стороны игнорировать комитет» [47].

Значительно бóльшая роль принадлежит комитетам в снабжении армии всякого рода вещевым и интендантским снабжением: шанцевым инструментом, гвоздями, конским снаряжением, одеждой, мешками и т. п. В 1916 г. комитетам было передано несколько крупных заказов. Так, Московский областной комитет взялся приготовить 37,5 млн. земляных мешков. При передаче этого заказа военный министр Д. С. Шуваев специально указывал, что распределение заказа было проведено «между многочисленными мелкими предприятиями, с коими ведомству было бы трудно вести непосредственные сношения» [48]. В конце мая 1916 г. Особое совещание предложило Центральному военно-промышленному комитету заказ на 1400 верст узкоколейного пути для армии; А. И. Коновалов заявил, что за 6 месяцев комитеты смогут изготовить лишь 700 верст пути, т. е. поло-

[44] «Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах)», табл. 49.
[45] «В бюро ЦВПК».— «Известия ЦВПК», 20 декабря 1916 г.
[46] *К. Клопотов.* Итоги деятельности военно-промышленных комитетов за 1916 г.— «Известия ЦВПК», 1 января 1917 г.
[47] «Отчет отделов Комитета к третьему Всероссийскому съезду представителей военно-промышленных комитетов в Москве. Май 1917 г.», стр. 168.
[48] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 178, л. 5. ЖОСО, № 81, 18 июня 1916 г.

вину предлагаемого заказа[49]. В сентябре 1916 г. был передан крупный заказ на изготовление 300 тыс. 6-дм снарядов из сталистого чугуна. Председатель Совещания предложил, исходя из осторожности, выдать заказ сперва на 150 тыс., чтобы перед окончанием сдачи этой партии продолжить заказ на вторую половину. Однако члены Совещания настояли на передаче всего заказа сразу с выдачей аванса в размере 50% [50].

Комитеты изготовляли крупную партию противогазных масок Зелинского. Ими был распределен заказ на изготовление свыше 4 млн. масок. В апреле 1916 г. было сдано уже 100 тыс., в конце апреля производительность достигла 5 тыс. штук в день, но вскоре должна была подняться до 30 тыс. масок[51]. Намеченное к производству количество масок не было выполнено. В октябре 1916 г. В. Н. Ипатьев докладывал в Особом совещании об опыте применения различных защитных средств в армии и указал на явное преимущество маски Зелинского — Кумманта. Дивизия, снабженная этими масками, при газовой атаке понесла потери во много раз меньше других. Однако до осени 1916 г. в армию было отправлено вместо 4,5 млн. этих масок всего только 2,7 млн., что указывает на невыполнение заказа на их изготовление со стороны военно-промышленных комитетов и Всероссийских земского и городского союзов[52].

Общее выполнение заказов комитетами надо признать совершенно неудовлетворительным. Особое совещание по обороне имело все основания резко критиковать их работу.

К концу 1916 г. в распоряжении военно-промышленных комитетов находилось около 1000 мастерских и более крупных промышленных предприятий. Н. Н. Саввин назвал цифру 970 предприятий, на которых было занято около 40 тыс. человек[53]. Стоимость оборудования мастерских — около 50—60 млн. руб. Комитеты имели до 120 собственных предприятий, из них 67 предприятий находились в распоряжении 42 местных комитетов[54]. Очевидно, это были мелкие предприятия. Из собственных предприятий 45 изготовляли предметы артиллерийского снабжения, 18 — интендантского; имелся 31 кожевенный завод, 15 химических заведений и т. д. На предприятиях Центрального военно-промышленного комитета было занято 15—

[49] Там же, л. 93. ЖОСО, № 75, 28 мая 1916 г.

[50] Там же, д 179, лл. 17—28. ЖОСО, № 202, 7 сентября 1916 г.

[51] Там же, д. 176, лл. 129—130. ЖОСО, № 67, 30 апреля 1916 г. Кстати, отметим, что изготовлением масок были заняты Земский и Городской союзы, которые рассчитывали к июлю изготовить 1 млн. штук. Попутно укажем, что в Особом совещании по обороне все время было самое положительное отношение к противогазу Зелинского, однако к массовому снабжению им армии было приступлено лишь весной 1916 г.

[52] Там же, д. 179, л. 191. ЖОСО, № 110, 5 октября 1916 г.

[53] «Совещание представителей областных военно-промышленных комитетов».— «Известия ЦВПК», 1 октября 1916 г. В связи с опасностью закрытия 700 мастерских из-за отсутствия заказов было указано, что стоимость оборудования этих предприятий — 40 млн. руб., занято на них 25 тыс. рабочих и имеется 14 тыс. прессов и станков (там же).

[54] «Список собственных предприятий военно-промышленных комитетов». Пг., 1917, стр. IV—V и табл.

17 тыс. рабочих, из которых 10,7 тыс. человек работали на 63 предприятиях, на семи более крупных предприятиях было занято 6510 рабочих. К числу крупных предприятий относились снарядный завод Терещенко, противогазный завод, химические предприятия и т. д.[55]

Осенью 1915 г. Особое совещание по обороне пробовало опереться на Центральный военно-промышленный комитет в регулировании распределения металла, в заграничных закупках станков, стали и других дефицитных металлов. Из этого опыта ничего не вышло. Центральный комитет сам попросил Особое совещание придать металлургическому бюро комитета государственные функции, что означало передачу его государственной организации. Функции распределения металла от комитета были взяты и переданы органу Особого совещания — Металлургическому комитету во главе с А. З. Мышлаевским.

Однако Центральный военно-промышленный комитет попытался удержать в своих руках закупку металлов за границей и их распределение. Эта привилегия давала ему возможность выгодно распределять металл и станки между различными категориями потребителей и, кроме того, наживать изрядные деньги, которые шли на организационные расходы. Распределение станков, проводившееся комитетом, было антигосударственным, и Особое совещание в конце концов по инициативе министра торговли и промышленности забрало его в свои руки, не лишая, впрочем, известного влияния на это дело комитета в дальнейшем. Это «ущемление» было преподнесено вождями буржуазной общественности как «поход» на комитеты. В конце 1915 г. между Особым совещанием и правительством начался длительный конфликт из-за представительства буржуазии в заграничных правительственных комитетах — в Лондоне и США.

В Русский заготовительный комитет в Америке (Американский комитет) правительство пустило представителей Центрального и Московского комитетов, а также Всероссийских земского и городского союзов, но в Русский правительственный комитет в Лондоне (Англо-русский комитет) представители буржуазии не допускались. Объяснялось это тем обстоятельством, что вершителем дел в области заграничных заказов являлся, конечно, Англо-русский комитет, расходовавший английскую валюту. В этом комитете был представитель английского правительства, осуществлявший контроль над его деятельностью. Англо-русский комитет расходовал миллиарды рублей. Американский комитет мог вести дела лишь с согласия Англо-русского комитета, и лишь тогда, когда располагал независимой от Лондона и союзников валютой, он мог производить сделки «без предварительного согласия» со стороны Русского правительственного комитета в Лондоне[56]. Понятно, почему буржуазия настойчиво добивалась представительства в Англо-русском комитете. В первом туре буржуазия выиграла игру, и Особое совещание, включая и

[55] «Список собственных предприятий военно-промышленных комитетов», стр. IV—V и табл.

[56] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 21, лл. 44—45. Положение о Русском заготовительном комитете в Америке. Положение утверждено 28 марта 1916 г.

представителей ведомств, поддержало просьбу Центрального военно-промышленного комитета о представительстве в Англо-русском комитете [57]. Рассмотрев представление А. А. Поливанова по этому вопросу, Совет министров признал его 26 января 1916 г. «не подлежащим осуществлению».

13 февраля 1916 г. [58] Особое совещание вновь вернулось к вопросу о представительстве буржуазии в Англо-русском комитете. Защищая свои позиции, кадет Шингарев заявил, что закупки через государственный орган в Лондоне без представительства буржуазии являются вредными для государственной обороны вследствие их медлительности.

Перебранка между Особым совещанием и Советом министров продолжалась, все обостряясь. Поливанов настаивал на решениях Совещания. При всем своем оппортунизме и склонности избегать острых ситуаций, в данном вопросе Поливанов не уступал; он принимал даже окольные меры, чтобы привлечь членов Совета министров на свою сторону. Правительству вновь пришлось вернуться к рассмотрению уже решенного вопроса.

Опираясь на заключение адмирала Русина о полезности участия представителей общественных организаций в Англо-русском комитете, Особое совещание по обороне 24 февраля 1916 г. решило вновь обратиться с просьбой в Совет министров «о включении представителей общественных организаций в состав Лондонского комитета» [59]. Эта просьба вторично рассматривалась в Совете министров, где докладчиком выступал Поливанов и, несмотря на его защиту, была вторично отклонена. «По этому поводу,— свидетельствовал Поливанов,— я встретил очень резкое возражение в Совете министров. И на мою ссылку на то, что присутствие представителей общественных организаций в Америке приносит некоторые существенные плоды, отвечали, что правительство их хочет оттуда исключить» [60].

Таким образом, в новом решении Совет министров вновь подтвердил свою позицию, недвусмысленно указав в мотивировочной части на политические мотивы, по которым он не допустит «ближайшего общения» с иностранным правительством «нередко несогласных между собой» представителей правительственной власти и общественных организаций. Одновременно были приняты меры, чтобы в будущем правительственные чиновники «не выражали суждений», несогласных с «указаниями» со стороны Совета министров. Тянувшийся несколько месяцев конфликт между правительством и буржуазией не был внутренним делом министерских канцелярий. Он будоражил буржуазную общественность и предрешил судьбу Поливанова. Его позиция в вопросе о буржуазном представительстве за границей стоила ему министерского поста. В марте 1916 г. Поливанов получил отставку.

[57] Там же, д. 54, лл. 170 об.— 174. ЖОСО, № 38, 9 января 1916 г.
[58] Там же, лл. 209 об.— 212. ЖОСО, № 47, 13 февраля 1916 г.
[59] «Падение царского режима», т. VII. М.—Л., 1927, стр. 206. Показания А. А. Поливанова.
[60] Там же, стр. 207.

Таким образом, все заграничные коммерческие операции чисто снабженческого порядка велись Центральным военно-промышленным комитетом только через государственные органы, т. е. опять-таки через бюрократию, с которой комитеты довольно шумно полемизировали.

Новый военный министр Д. С. Шуваев — бывший интендант, верный царский служака — не мог являться «своим человеком» для буржуазии. Он проводил в Особом совещании строго правительственный курс, сообразуясь с требованиями Ставки и нового председателя Совета министров Б. В. Штюрмера. Правой рукой Шуваева вскоре стал его помощник сенатор Н. П. Гарин — представитель служилой бюрократии.

Под их руководством Особое совещание начало проводить наступление на военно-промышленные комитеты, причем экономические вопросы переплетались с вопросами общей политики. Правительство стало ограничивать количество заказов Центральному военно-промышленному комитету или преднамеренно связывалось непосредственно с местными комитетами и отдельными предприятиями. Во второй половине 1916 г. количество заказов по ряду объектов сократилось. Военное ведомство не загружало полностью предприятия комитетов. Центральный военно-промышленный комитет, судя даже по «Известиям ЦВПК», занимался изысканием новых заказов, так как в перспективе было закрытие ряда предприятий из-за невозможности — за отсутствием сырья — перевести их на работу по обслуживанию тыла. Уже 13 июля 1916 г. заместитель председателя Московского областного комитета С. А. Смирнов указал в письме к А. И. Гучкову на сокращение заказов со стороны главных управлений Военного министерства и возможность остановки механического отдела [61]. В том же месяце М. А. Сиринов поместил в «Известиях ЦВПК» характерную статью под заглавием «Борьба измором» [62]. В ней определенно указывалось о походе «кругов бюрократии» против общественных организаций и желании их взять измором, лишив правительственных заказов и заставив тем самым ликвидироваться. Сиринов предупреждал, что такая политика может привести к глубочайшему экономическому кризису.

На заседании бюро Центрального военно-промышленного комитета П. И. Пальчинский (в то время заместитель председателя механического отдела комитета) докладывал о стремлении военных органов выдавать заказы предприятиям непосредственно, а не через комитет [63]. В проводившейся по указанию Особого совещания ревизии деятельности комитета буржуазия видела предлог для дискредитации общественных организаций. Сама ревизия, по мнению работника Центрального комитета М. А. Сиринова, была продиктована предста-

[61] «К вопросу о заказах Московскому военно-промышленному комитету».— «Известия Московского военно-промышленного комитета», № 27—30, 1916, стр. 57.
[62] «Известия ЦВПК», 30 июля 1916 г.
[63] «Известия ЦВПК», 4 и 6 августа 1916 г.

вителями «ненавистнических кругов нашего общества» [64]. Нетрудно понять, кого имеет в виду автор.

Одновременно в печати комитетов появились статьи о необходимости приступить к демобилизации промышленности уже сейчас, немедленно. Некто М. Новорусский в статье «Начало демобилизации» писал: «Демобилизация уже является потребностью момента. Необходимо приступить к ней немедленно» [65]. Если в июле 1916 г. постановка в печати этого вопроса являлась в известной мере пробой, проверкой отношения правительственных органов к комитетам, то в сентябре — октябре о демобилизации говорят уже серьезно и настойчиво. Так, Н. Н. Саввин объяснял сокращение заказов не только желанием ведомств обходиться без помощи общественных организаций, но и отсутствием в армии нужды в предметах, изготовляемых комитетами; поэтому, заключал автор, «в новых заказах нет больше никакого смысла» [66]. Таким образом, сокращение заказов комитетами диктовалось в какой-то мере и объективными условиями.

26 сентября 1916 г. вопрос о новых заказах и сокращении производства был поставлен на обсуждение Центрального военно-промышленного комитета совместно с представителями областных комитетов. В речи Гучкова указывалось на серьезный кризис, переживаемый комитетами из-за отсутствия заказов вследствие объективных причин — отсутствия нужды армии в работе этих предприятий. Правда, участники совещания не поверили заявлению Гучкова и еще меньше того остались довольны им. Отвечая на заданный вопрос, удовлетворены ли уже все потребности армии, Гучков подтвердил, что в отношении предметов, изготовляемых комитетами, «по нашим сведениям, действительно достигнуто удовлетворение» [67]. Признание Гучкова едва ли правильно отражает реальное положение дел; на том же заседании П. И. Пальчинский говорил о большом количестве предметов, которые могли бы быть переданы для изготовления военно-промышленным комитетам. Видимо, помимо политических причин, сокращение заказов было результатом конкуренции крупных предприятий с комитетами. Крупные промышленники легко добивались передачи заказов им, на что охотно шли и работники Военного министерства.

Н. Н. Саввин указал на совещании, что большая часть мастерских военно-промышленных комитетов может остаться без работы [68].

В ноябре 1916 г. на бюро Центрального военно-промышленного комитета обсуждался вопрос о судьбе мобилизованных предприятий в связи с окончанием ими заказов. Личное обращение Гучкова и письмо его к военному министру по этому вопросу не дали улучшения дела.

К поднятой Центральным комитетом кампании о недостатке зака-

[64] *М. А. Сиринов.* Правительственная ревизия общественных организаций.— «Известия ЦВПК», 6 августа 1916 г.
[65] «Известия ЦВПК», 2 августа 1916 г.
[66] *М. А. Сиринов.* Новые задачи.— «Известия ЦВПК», 29 октября 1916 г.
[67] «Совещание представителей областных военно-промышленных комитетов».— «Известия ЦВПК», 1 октября 1916 г.
[68] Там же.

зов следует относиться весьма критически. Достаточно указать на факты другого рода. Одновременно с истерическими заявлениями о притеснениях в выдаче заказов прозвучал спокойный голос Н. Н. Савина, заявившего, что по механическому отделу заказов не только достаточно, но что они из месяца в месяц увеличиваются. Начав с 2 млн. руб. в апреле, количество заказов в августе поднялось до 8 млн. руб., в сентябре превысило 10 млн. руб., а на 1917 г. останется заказов на 25—30 млн. руб. [69] Это заявление было сделано на том же заседании, где Гучков говорил об отсутствии заказов. Очевидно, заказов недоставало лишь для мелких предприятий определенных категорий.

Напряженная обстановка не разрядилась и в начале 1917 г., когда общее хозяйственное положение страны ухудшилось и военному ведомству приходилось заниматься металлом, перевозками, организацией продовольственного снабжения и т. д. Ряд новых заказов комитеты все же получили, но они по-прежнему продолжали настойчиво говорить о недостатке заказов. В печати писали о перспективе закрытия предприятий или же о переходе их на изготовление других предметов. Однако в прессе не сохранилось материалов о действительном прекращении работы на предприятиях военно-промышленных комитетов.

Таким образом, военно-промышленные комитеты не только не являлись монополистами в распределении военных заказов и не заменили деятельность правительственных органов, но и сами сильно зависели от правительства. Распределение всех военных заказов было сосредоточено в руках Военного министерства, и за эту функцию правительство крепко держалось. Даже в тех случаях, когда заказы передавались военно-промышленным комитетам, военное ведомство контролировало распределение заказов среди отдельных предприятий. Этот контроль и наблюдение стали мелочными и придирчивыми накануне Февральской революции по политическим мотивам. Военно-промышленные комитеты протестовали против них, но вынуждены были подчиняться.

Ряд попыток, сделанных комитетами к расширению своих прав, в частности поддерживаемые Поливановым настойчивые стремления добиться представительства в Англо-русском комитете, правительством были решительно отвергнуты.

* * *

Военно-промышленные комитеты были буржуазными общественными организациями, но вместе с тем они выполняли государственную функцию, являясь посредником между казной и средней и мелкой промышленностью. Они имели разветвленный аппарат, широкое представительство в государственных органах и руководство со стороны наиболее авторитетных фигур в капиталистическом мире. Это давало им ряд преимуществ сравнительно с другими организациями. Комитетам был открыт доступ в органы государствен-

[69] «Известия ЦВПК», 1 октября 1916 г.

ного управления, где их представители в большинстве случаев лояльно сотрудничали с министрами и государственными чиновниками, ругая их за косность и бюрократизм лишь на съездах. «Работа на оборону» являлась для них выгодным коммерческим делом и школой управления. Участвуя в Особых совещаниях, лидеры буржуазии приобретали опыт государственного управления, вникали в секреты государственной политики. Это давало им возможность оказывать влияние на направление экономической политики государства в целях защиты своих классовых интересов.

Разумеется, лидеры военно-промышленных комитетов не совсем были согласны с правительственной политикой, но это несогласие выходило за рамки практической деятельности комитетов и скорее относилось к вопросам общей политики. На съездах и совещаниях военно-промышленных комитетов звучала критика близорукой политики правительства, но она вовсе не носила революционного характера. Выступления лидеров буржуазии отнюдь не были набатным колоколом, звавшим народные массы к революционной борьбе.

Программа «прогрессивного» блока — вот политическое кредо русской буржуазии и части помещиков. Оппозиционные выступления расценивались ими как средство давления на правительство и царя с целью выманивания уступок. Самое «левое» выступление на I съезде военно-промышленных комитетов было произнесено прогрессистом И. Н. Ефремовым — одним из лидеров бюро прогрессивного блока. Он говорил: «Пока не будет ответственно правительство перед народными представителями, у нас не может быть уверенности, что дело станет лучше» [70]. Но это выступление не стало платформой съезда, настроенного более умеренно.

В 1915 г. буржуазия не решилась на дворцовый переворот, к признанию необходимости которого она пришла лишь осенью 1916 г. На II съезде военно-промышленных комитетов (февраль 1916 г.) оппозиционные настроения буржуазии также проявились очень слабо. А. И. Коновалов призывал комитеты «внести организационную идею» в хаос русской экономической действительности; С. Н. Третьяков в своем выступлении делал ударение на практические задачи комитетов; В. В. Жуковский говорил об организации сил общественности «около военного ведомства» и даже заявлял о готовности передать созданную организацию в руки правительства [71].

Буржуазия несомненно претендовала на известную роль в государственном управлении, но эту роль она думала завоевать путем соглашений с царизмом и уступок с его стороны. Только исключительная косность и рутина реакционных сил, на которые опиралось самодержавие, и опасность надвигающейся революции заставили лидеров буржуазии признать необходимость государственного переворота. «Нужно было стать на путь государственного перево-

[70] «Труды съезда представителей военно-промышленных комитетов 25—27 июля 1915 г.», стр. 67.

[71] «Труды Второго съезда представителей военно-промышленных комитетов», вып. 1. Пг., 1916, стр. 3, 11—15, 20.

рота. Надлежало искать тех путей, которые через государственный переворот привели бы к полному обновлению нашей жизни» [72],— с опозданием понял Гучков. Однако и эти расчеты буржуазии не оправдались, и Гучков свалил вину на русское общество, которое «недостаточно сознавало необходимость этого переворота и не взяло его в свои руки, предоставив слепым стихийным силам, не движимым определенным планом, выполнить эту болезненную операцию» [73].

Буржуазия просчиталась. Вместо мирного завоевания власти, к чему она готовилась, используя для этого и военно-промышленные комитеты, развязка наступила в феврале 1917 г. совсем в ином плане.

Рассмотрение экономической роли и значения военно-промышленных комитетов в деле мобилизации промышленности показывает, что буржуазия всячески преувеличивала роль комитетов в снабжении армии, в распределении заказов и в организации всей хозяйственной жизни тыла. В действительности все надежды буржуазии на ведущую роль в организации военной экономики провалились; попытки буржуазных лидеров повести за собой путем социальной демагогии рабочих также оказались несостоятельными.

На долю комитетов остались посреднические функции. Хозяином положения, ведущей силой было Особое совещание по обороне. Оно встало на путь признания комитетов не столько из-за экономической необходимости, сколько из-за политической целесообразности. Кроме того, руководство комитетов состояло не из мелкобуржуазных и интеллигентских элементов, а из представителей крупнейшей промышленности. Это придавало импозантность организации, обеспечивало больший политический резонанс его мероприятий и больший вес в Особом совещании по обороне, экономическая политика которого искусно направлялась в сторону защиты интересов не промышленной мелкоты, а прежде всего интересов крупного капитала. Но это указывало лишь на то, что получала буржуазия от комитетов, а не то, что комитеты давали правительству. Правительство получило от комитетов немного. Отделываясь известными экономическими уступками буржуазии, правительство покупало «гражданский мир» с ней и ее помощь в проведении общего политического курса. Таким образом, и для правительства и для крупной буржуазии комитеты были разменной монетой в общей большой политической игре.

Реальное, экономическое значение комитетов для военной промышленности определялось вовсе не Гучковым и Коноваловым, а теми экономическими ресурсами, которые они могли собрать. Крупная буржуазия оказалась плохим организатором. Она предпочитала действовать самостоятельно, а не через созданную организацию.

Большая уступка буржуазии, на которую пошел царизм, компенсировалась не экономическим эффектом вновь созданной организации, а политическим сотрудничеством с буржуазией, которое было необходимо царизму и в котором нуждалась сама буржуазия, ибо это сотрудничество обещало защиту от надвигающейся революции.

[72] «Падение царского режима», т. VI, стр. 260. Показание А. И. Гучкова.
[73] Там же, стр. 261.

Глава пятая

ЭВАКУАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Бездеятельность правительства. Стихийная эвакуация в 1915 г.

В начале XX в. в высших военных кругах России возникла идея оттянуть в случае войны с Германией стратегическое развертывание русских армий из Привислинского края на восток. В связи с этим усиленно дебатировался вопрос о стратегическом значении Польши. Генералы В. М. Драгомиров, А. Н. Куропаткин отстаивали Привислинский край как оборудованный плацдарм для развертывания русских армий против Германии и являлись противниками увода их за Вислу. Они считали, что Польша — важный экономический район империи, обладающий наиболее густой железнодорожной сетью и развитой промышленностью. Захват этого района Германией поведет к росту сепаратистского движения среди местного населения. Да и русское население не поймет, почему армия отдала врагу этот район без боя.

Царь, однако, являлся сторонником «нового» плана развертывания армии. Позднее он приобрел себе единомышленника в лице военного министра Сухомлинова. После русско-японской войны новые соображения взяли верх: было решено отказаться от Привислинского края, перенеся развертывание войск на восток. Это было равносильно признанию потери Польши в начальной стадии войны с Германией.

Это важнейшее военное решение не сопровождалось выработкой экономических мероприятий (плана эвакуации), которые могли бы в какой-то мере ослабить экономические потери империи в случае оставления Польши. Русское правительство проявляло удивительное спокойствие и равнодушие на этот счет. План эвакуации населения и промышленности Польши, а тем более других районов ни до войны, ни в начале ее выработан не был.

Между тем война 1914 г. впервые поставила вопрос об эвакуации промышленности так широко, как он никогда не ставился ранее. 30 июня 1915 г. А. С. Лукомский препроводил помощнику военного министра М. А. Беляеву записку инженер-генерала П. Ф. Унтерберга, в которой говорилось: «Война показала, что неприятель, занявший часть нашей территории, немедленно и по возможности в кратчайший срок вывозит из нее к себе все то, что может иметь какую-нибудь ценность, а остальное разрушает, с тем чтобы, отступая, оставить там совершенно оголенную страну. Помимо подготовительных припасов, перевозочных средств, машин, металлов, угля и

др , он вывозит и все мужское население от 17 до 50-летнего возраста Дабы парализовать в корне эти сугубо вредные последствия хозяйничания неприятеля в наших пределах, следует заблаговременно организовать последовательную эвакуацию районов нашей территории, которые, хотя временно, могут быть заняты неприятелем» [1] Как видим, основой системы немецких порядков на занятой территории [2] в годы первой мировой войны являлся методический грабеж занятой территории и уничтожение всего того, что не удавалось вывезти Поэтому сражающимся против Германии странам в войне 1914 г пришлось эвакуировать целые районы, миллионы населения, тысячи промышленных предприятии, сотни тысяч рабочих

Польша стала ареной ожесточенных боев уже летом и осенью 1914 г Немецко-австрииские войска в это время докатывались до Варшавы и до среднего течения Вислы Под Ивангородом и Варшавой немецко-австрийские войска потерпели крупную неудачу и были отброшены Однако бои проходили с переменным успехом После ожесточенных сражении русские войска к началу декабря 1914 г оставили Лодзь На северном участке фронта зимой 1914/15 г они вновь вторглись в пределы Восточной Пруссии, а на Юго-Западном фронте заняли всю Галицию, дойдя до Карпат. Такое расположение линии фронта создало благоприятную обстановку для своевременнои и планомерной эвакуации на восток промышленности из прифронтовых районов Но ни царское правительство, ни буржуазные общественные организации не использовали тогда представившуюся им возможность Правительство, видимо, находилось под влиянием Ставки, где разрабатывались беспочвенные планы наступления русских воиск на Берлин или на Будапешт На деле с мая 1915 г началось отступление русских армий из Галиции, а затем последовал удар немецких воиск севернее Варшавы, и русские войска начали поспешно отходить по всему фронту Линия фронта переместилась до Риги, Западнои Двины, русских юго-восточных губерний и окончательно стабилизировалась лишь позднеи осенью 1915 г

Военные неудачи 1915 г заставили царское правительство заняться эвакуацией огромного и густо населенного западного района страны с большим количеством предприятии и рабочих Но эвакуация совершалась крайне бессистемно и беспланово Н А Данилов как главныи начальник снабжения Северо-Западного фронта, по своему служебному положению близко стоявший к этому делу, писал позд-

[1] ЦГВИА, ф 369, оп 6, д 11, л 5

[2] Дополнительный материал об этом см «Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг », изданные Управлением госархивами в 1942 г Немцы начали с разгрома г Калиша, затем район их зверств расширился Военные историки отмечают планомерное и систематическое разрушение немцами во время их отступления железных и шоссейных дорог Только на Варшаво-Венской железной дороге в октябре 1914 г русским командованием было восстановлено свыше 400 верст главного пути и устроено 107 временных мостов «Разрушения на этих линиях были произведены германцами по заранее составленному плану и с заблаговременной подготовкой, вследствие чего были чрезвычайно серьезными»,— пишет Н А Данилов *(Н А Данилов* Экономика и подготовка к войне М—Л, 1926, стр 165)

нее, что эвакуация промышленности из Польши и Прибалтийского края протекала «в крайне разнообразных и неблагоприятных условиях» [3]. На фронте складывалась весьма опасная обстановка, и никто не знал, где остановятся и закрепятся русские войска. Совет министров опасался за Петроград. Железные дороги были заняты переброской на фронт боеприпасов, войск, запасов для крепостей. В такой обстановке началась стихийная эвакуация промышленности.

На заседании Центрального военно-промышленного комитета, обсуждавшего вопрос об эвакуации промышленности, было отмечено, что комитет занялся этой работой, когда «главная волна эвакуации уже схлынула», что у правительства никакого плана эвакуации не было, предприятиям технической помощи «никакой не оказывалось и не было никаких правил для эвакуации» [4]. Военно-промышленные комитеты находились в то время еще в стадии организации.

В июне 1915 г. некоторые группы буржуазии стали торопить правительство с проведением эвакуации промышленности из крупных районов империи. Члены военно-технического комитета при Всероссийском городском союзе обратились к министру торговли и промышленности со специальным письмом, в котором писали: «Совершенно недопустимым является дальнейшее сохранение в таких местностях, как Рига, Варшава и т. п., крупных предприятий обрабатывающей промышленности, которые готовят предметы военного снаряжения или так или иначе с этим делом связаны. Необходимо поэтому успешное принятие правительством решительных мер к переносу таких предприятий в более благоприятную обстановку глубокого тыла. Неизбежный при этом перерыв в производительности этих фабрик и заводов с избытком покроется усиленной продуктивностью их в спокойных условиях, при этом устранится всякий риск утраты как самих предприятий, так и производимых ими продуктов и запасов топлива, сырых материалов и т. д.» [5] Авторы предлагали произвести перенос предприятий целиком, с чертежами, архивами, с персоналом рабочих и инженеров.

Однако представители буржуазии выступили с советами провести

[3] *Н. А. Данилов.* Указ. соч., стр. 135. Председатель эвакуационной комиссии Северного фронта, где эвакуация сравнительно с другими районами страны прошла лучше, писал в январе 1918 г. в Особое совещание по обороне о проведенной эвакуации промышленности: «Наступление неприятеля во второй половине 1915 года застало страну в этом отношении (в отношении эвакуации.— *А. С.*) совершенно неподготовленною. Плана эвакуации составлено не было, и пришлось спасать от неприятеля то, что можно было спасти. Целый ряд фабрично-заводских предприятий остался неэвакуированным и в большинстве случаев с полным оборудованием, при вступлении неприятеля многие из предприятий находились еще в полном ходу, например в Минской губернии» (ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 21, л. 299). Как видно из приведенных слов, в течение всего первого года войны царское правительство проявляло преступную бездеятельность и оставило врагу большое количество промышленных предприятий Польши и Юго-Западного края.

[4] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 21, лл. 93—94 об. Выписка из журнала 18-го заседания Центрального военно-промышленного комитета от 7 марта 1916 г.

[5] ЦГВИА, ф. 12642, оп. 2, д. 846, лл. 5—6.

эвакуацию «по собственному почину их владельцев», и только после отказа владельцев подчиниться решению правительства предприятия должны эвакуироваться принудительно, а правительство должно было выкупить эти предприятия [6]. Таким образом, авторы письма прежде всего заботились об интересах владельцев и тех групп буржуазии, которые входили в состав военно-промышленных комитетов и Земгора, ибо после эвакуации эксплуатация предприятий, по мысли авторов письма, должна быть поставлена под контроль названных выше буржуазных организаций.

Пожелания буржуазных организаций правительство учло лишь частично: оно включило представителей Земгора в состав комиссии по эвакуации Риги. Представитель Всероссийских земского и городского союзов инженер Н. Н. Ковалевский и видный московский кадет А. И. Астров активно помогали правительству поскорее эвакуировать рижскую промышленность [7]. Однако решение правительства эвакуировать Ригу саботировалось помощником главного начальника Двинского военного округа, главой гражданской администрации П. Г. Курловым, что вызвало резкую критику деятельности правительства и Курлова в Государственной думе; в одной из комиссий Государственной думы раздавались требования повесить Курлова как изменника [8]. Министр внутренних дел Щербатов настойчиво добивался удаления Курлова перед Янушкевичем и верховным главнокомандующим вел. кн. Николаем Николаевичем.

Определенный порядок эвакуации правительство выработало спустя несколько месяцев после эвакуации основных промышленных центров Западного края, а это, как признавал Центральный военно-промышленный комитет, уже не «могло исправить тех ошибок, которые были допущены при самой эвакуации» [9].

В нашем распоряжении нет исчерпывающих статистических материалов о ходе эвакуации промышленности из Польши в 1914 г. и весной 1915 г. Но, судя по сохранившимся в архиве материалам и печатным данным, можно утверждать, что промышленность западной части Польши, особенно ее богатейшего Лодзинского фабричного района, почти не была затронута эвакуацией. Не была также эвакуирована большая часть промышленности Варшавы. Из Варшавы были вывезены более или менее полно лишь немногие важнейшие металлообрабатывающие предприятия. По данным Центрального военно-промышленного комитета [10], из Варшавы с районом эвакуировано

[6] ЦГВИА, ф. 12642, оп. 2, д. 846, л. 6.

[7] Там же, лл. 83—84. Ковалевский посылал тревожные телеграммы Львову, уполномоченному Городского союза М. В. Челнокову и Данилову, в которых указывал на неудовлетворительную подачу вагонов.

[8] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 150. Всеподданнейший доклад генерал-адъютанта Баранова по расследованию деятельности генерал-лейтенанта Курлова по исполнению им обязанностей особоуполномоченного по гражданскому управлению Прибалтийского края.

[9] Там же, оп. 6, д. 10, л. 26. Письмо Московского военно-промышленного комитета в Особое совещание по обороне государства, 1 июля 1916 г.

[10] «Адреса эвакуированных из Западного края промышленных предприятий». М., 1916. Судя по предисловию к книге, материал ее охватывает период до мая 1916 г. Список предприятий, конечно, не является полным, но приведен-

85 предприятий, в том числе шесть мелких торговых учреждений, лодзинское отделение Рижского банка, винный склад и т. п. Собственно на Варшаву и Варшавскую губернию приходится 67 предприятий, а остальные из Радома, Седлеца и т. д. В списках не значится ни одно промышленное предприятие из Лодзи. В число эвакуированных предприятий включены и мелкие мастерские: белошвейные, ламп и горелок, кожевенные, колодок обуви и т. д. Не была проведена эвакуация Белостока. Ходатайство перед Генеральным штабом о скорейшей эвакуации этого города председатель Центрального военно-промышленного комитета возбудил 29 июля 1915 г.

Эвакуация Северо-Западного района тоже не была осуществлена полностью. Либава попала в руки немцев нетронутой. В ее порту они захватили 26,5 тыс. пудов цинка, в котором так нуждалась военная промышленность России.

Нам удалось найти общий список фабрично-заводских предприятий, эвакуированных с территории Польши [11]. В нем значится всего 237 предприятий. В частности, из Варшавы и Варшавского района было эвакуировано 153 предприятия, из Белостока и района — 18, из Бреста — 6, из Лодзи — 2, из Радома — 8, из Гродно и Люблина — по 3, из Сувалкской губернии — 4, из Седлецкой и Холмской губерний — по 6 предприятий и т. д. В списке отсутствуют указания на дату эвакуации и количество эвакуированных рабочих и оборудования. По нашему предположению, данные охватывают весь период войны.

Большинство предприятий было эвакуировано на восток от меридиана Москва — Харьков. Судя по имеющимся материалам, эвакуация этих предприятий была проведена лишь в 1915 г. Так, большой завод «Рудзского и К°», еще в 1914 г. выполнявший заказ на снаряды и считавшийся образцовым предприятием, был эвакуирован из Варшавы в Екатеринослав (Днепропетровск) в июне 1915 г. (ему удалось вывезти 400 вагонов оборудования и готовых изделий; завод получил от государства ссуду в 2,5 млн. руб. из 6% годовых) [12].

Эвакуацией промышленности занимались Министерство торговли

ные данные по четырем районам (Варшава, Северо-Западный район, Рига с районом и Юго-Западный район) охватывают 762 предприятия и дают представление о ходе эвакуации в целом. Следует иметь в виду, что эти данные относятся не только строго к промышленным предприятиям, но и к учреждениям, кредитным и торговым предприятиям, количество которых значительно. Еще менее данных об эвакуации промышленности содержится в «Справочнике об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и о должностных лицах» (Пг., 1916). В последнем разделе «Учреждения частного характера» можно найти указание об эвакуации полутора десятков предприятий из Варшавы и нескольких предприятий из Витебской и Гродненской губерний. В основном «Справочник» содержит данные об эвакуации правительственных и общественных учреждений.

[11] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 1. Список фабрично-заводских предприятий, эвакуированных с территории Польской республики. В деле имеется только наименование предприятий и указание, откуда и куда эвакуированы предприятия.

[12] Там же, д. 362, л. 735. Стенограмма заседания эвакуационной комиссии Особого совещания по обороне от 27 июля 1916 г.

и промышленности, военные власти фронтов и местные власти — генерал-губернаторы. При Министерстве торговли и промышленности была создана специальная комиссия под председательством Радцига. Она занималась оказанием финансовой помощи рабочим эвакуированных предприятий. Для этой цели в распоряжение отдела промышленности правительство отпустило в два приема 600 тыс. руб. [13] Потом она ограничила свою деятельность преимущественно оказанием финансовой помощи эвакуированным предприятиям при их восстановлении.

В эвакуации промышленных предприятий некоторое участие принимали военно-промышленные комитеты, но и их роль, судя по признанию Московского военно-промышленного комитета, была незначительной, так как комитеты не располагали ни средствами, ни полномочиями.

В конечном счете руководство эвакуацией осуществлялось военными властями — начальниками снабжения фронтов и армий. В распоряжение главного начальника снабжения Северо-Западного фронта на эвакуацию заводов был отпущен кредит в 50 млн. руб. Из этих средств специальные уполномоченные выделяли субсидии владельцам эвакуированных предприятий.

Особое совещание по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения 31 июля 1915 г.[14] рассмотрело вопрос о выдаче авансов на эвакуацию предприятий и на оборудование их на новом месте. Согласно решению этого Совещания, пособия на эвакуацию предприятий должны были выдаваться «распоряжением местных властей» за счет особых ассигнований из военного фонда. Отказываясь рассматривать заявления о выдаче пособий на эвакуацию, Особое совещание предлагало просителям направлять заявления местным властям, оставляя за собой лишь выдачу ссуд на оборудование эвакуированных предприятий. Причем выдача ссуд обусловливалась выполнением требования, чтобы завод «по крайней мере в 1916 г. мог приступить к изготовлению материалов и вещей, составляющих предмет их производства и относящихся к надобностям текущей войны» [15]. Предприятиям, которые могли восстановить производство позднее, в 1917 или 1918 г., ссуды на восстановление предоставлялись только «в отдельных случаях» и в виде особого исключения.

Особое совещание вначале не имело специального органа, который занимался бы этими сложными вопросами государственной важности, требовавшими технических знаний и постоянного наблюдения за правильным расходованием отпущенных государственных средств. Таким образом, на первом этапе эвакуации, до осени 1915 г., отсутствовал даже единый государственный орган по эвакуации. Впослед-

[13] Министерству торговли и промышленности сперва было отпущено 300 тыс. руб., из которых к 27 августа 1915 г. было израсходовано 264 тыс. руб. По просьбе В. Н. Шаховского Особое совещание отпустило еще новый кредит в 300 тыс. руб.

[14] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 11, л. 22.

[15] Там же.

ствии он был создан в виде специальной комиссии по эвакуации при Особом совещании по обороне.

Ознакомимся с ходом эвакуации промышленности более подробно. Эвакуация Риги, благодаря сохранившимся в архивах материалам, может быть прослежена во всех деталях. На примере Риги особенно ясно вскрывается преступный характер политики правительства. Рига — крупный индустриальный центр России; П. П. Баранов насчитывал в Риге до 500 фабрик, заводов и технических заведений; в Риге были предприятия-гиганты («Проводник», «Русско-Балтийский вагонный завод», «Феникс») и уникальные предприятия, производившие инструментальную сталь, оптические приборы и т. д.

В связи с войной значительная часть машиностроительных заводов города, не получавших казенных заказов, к январю 1915 г. сократила производство на $^1/_3$. На 113 предприятиях с количеством рабочих свыше 66 тыс. человек в январе 1915 г. работало лишь 44 275 человек. Из этой группы предприятий только 16 сумели незначительно повысить производство: вместо 8665 рабочих в июле 1914 г. в январе 1915 г. на них работало 9275 человек; 32 предприятия поддерживали производство на прежнем уровне; 47 предприятий сократили производство от 25 до 75%, а 18 предприятий совсем прекратили работу [16].

Военные заказы исполняло 31 предприятие с количеством рабочих 26 тыс. человек. Эти предприятия были целиком заняты работой на морское и военное ведомства. Кроме того, 27 предприятий работали частично на нужды войны.

Таким образом, бóльшую часть рижской промышленности правительство не использовало для нужд армии и смогло бы свободно перебросить в другое место. Но этого не было сделано. В январе 1915 г. Совет министров решил частично использовать оборудование заводов, принадлежащих немцам, в пользу русских владельцев, выполняющих заказы военного ведомства. Для Путиловского завода было реквизировано 250 станков, а позднее были реквизированы станки для походных автомобильных мастерских [17]. В апреле 1915 г. по инициативе военного командования был поставлен вопрос об эвакуации города, но никаких практических мер к эвакуации огромных богатств из города не было принято ни правительством, ни Курловым. Не было использовано время и для подготовки промышленности к эвакуации.

В конце мая командующий Северо-Западным фронтом М. В. Алексеев поставил перед верховным главнокомандующим вопрос об эвакуации промышленности и имущества, необходимых для работы военного ведомства. Вскоре обстановка еще более ухудшилась, и Алексеев потребовал срочно вывезти машины и имущество. Но бюрократический аппарат царской монархии работал медленно. Началась переписка, обсуждение в Совете министров.

[16] ЦГВИА, ф. 13251, оп. 3, д. 359, л. 3 об.
[17] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 150, л. 16. Всеподданнейший доклад генерал-адъютанта Баранова.

Только 8 июня в Петрограде состоялось заседание междуведомственной комиссии под председательством М. А. Беляева, которое и приняло решение эвакуировать заводы, «не останавливаясь перед приостановкой их деятельности» [18]. Была установлена последовательность, в которой должна протекать эвакуация: вывоз готовых изделий; вывоз заводов оборонного значения; вывоз сырья и главным образом металлов и т. д.

Между тем Курлов отдал 17 июня приказ об эвакуации только готовых изделий и таких станков, которые «не влияют на деятельность предприятия» [19], т. е. оборудование самих заводов не затрагивалось. Вообще «план» Курлова был прост — заводы не должны эвакуироваться, они продолжают работать до последнего дня. В случае сдачи Риги предприятия должны быть взорваны и сожжены. Однако никаких практических мер к уничтожению промышленности также не принималось.

Почти за целый месяц эвакуации при Курлове было вывезено всего 5094 вагона материалов, оборудования и рабочих. Причем завод «Мотор», два оптических завода, крупная обувная фабрика и трубочный отдел «Всеобщей компании электричества» были эвакуированы по предписанию высших военных властей. По мнению Баранова, обследовавшего деятельность Курлова, в июне «никакой эвакуации... в сущности не происходило», а был лишь беспорядочный вывоз готовых изделий.

В начале июля П. Г. Курлов был отчислен от должности [20], а дело эвакуации промышленности было поручено А. П. Залюбовскому — бывшему начальнику Сестрорецкого оружейного завода. С ним прибыли представители буржуазии и группа инженеров.

В это время рижская промышленность фактически была еще не эвакуирована. На предприятиях имелись огромные запасы дефицит-

[18] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 150, л. 21 об. 2 июня Совет министров создал междуведомственную комиссию. Вопрос об эвакуации рижской промышленности несколько раз обсуждался в Особом совещании по усилению артиллерийским снабжением действующей армии. И только на заседании 25 июня 1915 г., когда вопрос обсуждался в третий раз, было решено назначить вместо Курлова новое лицо для руководства эвакуацией.

[19] Там же, л. 26.

[20] В своей книге «Конец русского царизма» (М.— Пг., 1923) П. Г. Курлов пытается всячески реабилитировать свою деятельность в Прибалтике во время первой мировой войны и «доказать» преждевременность и ненужность эвакуации рижской промышленности, которая, по его словам, нарушила промышленную и торговую жизнь крупнейшего центра, обнимавшего около трети промышленности всей России, совершенно разорила Ригу, отозвалась на экономическом положении государства почти за два года до занятия этого города немцами (стр. 256—257). Это заявление Курлова является ложью. Свидетельства современников и документы, среди которых имеется доклад Баранова, опросившего свыше 90 человек, подтверждают упорный саботаж П. Г. Курловым эвакуации города. П. Г. Курлов, по словам А. С. Лукомского, «противодействовал указаниям по сему предмету» Военного министерства. Только в императорской России явно антигосударственная и прогерманская деятельность Курлова могла остаться безнаказанной. Деятельность Баранова, расследовавшего поступки Курлова и установившего его «отрицательную» роль, не имела никакого практического значения.

ного сырья: у «Всеобщей компании электричества» одной меди было 45 тыс. пудов; у фирмы Фельзера — тоже десятки тысяч пудов меди; на химических заводах — огромные запасы серной кислоты, инструментальная сталь — у «Саламандры», в порту — огромные запасы леса, оцениваемые в 30 млн. руб.[21]

В это время военное положение Риги ухудшилось. Штаб 5-й армии переехал в город. Немцы находились в 18 верстах от Митавы. Командующий армией давал в распоряжение комиссии не более 10 дней. Залюбовский потребовал от железной дороги от 1200 до 1250 вагонов ежедневно. Он распорядился эвакуировать одновременно 172 предприятия[22]. Но железные дороги не могли дать такого количества вагонов: их подача колебалась от 300 до 600 в день. Представители буржуазных организаций подняли шум. В Ригу приехали высшие чиновники Министерства путей сообщения, но и они ничего не смогли сделать. Все же за июль было вывезено 12,5 тыс. вагонов оборудования, материалов, рабочих, а часть оборудования была отправлена морем. В начале августа Астров писал из Риги: «Вывозилось ежедневно от 400 до 760 вагонов, ушли три парохода. Словом, промышленность не только сдвинулась, но, я скажу, уже не может здесь оставаться, а существенные запасы уже удалены. Почти не тронута текстильная промышленность, запасы леса, но это уже в самом деле вторая очередь»[23].

В первой половине августа ежедневная погрузка сократилась до 350 вагонов в день. С 1 по 12 августа было отправлено 4100 вагонов. Примерно этими же темпами шла эвакуация и в сентябре.

В печати неоднократно указывалось, что эвакуация Риги была связана с большим напряжением работы транспорта и с затратой значительных государственных средств. «Транспортные задачи эвакуации были грандиозны,— рассказывал Н. А. Данилов,— для одной Риги потребовалось более 20 тыс. вагонов, причем каждое из крупнейших предприятий, вроде «Проводника», «Всеобщей компании электричества», «Русско-Балтийского завода» и «Феникса», вывезло по нескольку тысяч вагонов. Все эвакуировавшиеся предприятия направлялись в Московский железнодорожный узел с тем, чтобы дальнейшее следование и новое размещение предприятия осуществлялось, по возможности, по инициативе предпринимателей»[24].

В действительности из Риги было вывезено не 20, а около 30 тыс. вагонов[25]. Но эвакуация промышленности далеко не была закончена. Еще в сентябре 1915 г. в Риге оставались тысячи вагонов металла, цемента, шпал и т. д. На деле эвакуация продолжалась и весь 1916 год.

Никакого плана эвакуации не было. Приказы о вывозе отдавались без учета того, что необходимо эвакуировать в первую очередь. Срок

[21] ЦГВИА, ф. 12642, оп. 2, д. 846, л. 58. Письмо Астрова из Риги.
[22] Там же, ф. 369, оп. 6, д. 169, л. 32.
[23] Там же, ф. 12642, оп. 2, д. 846, л. 112.
[24] *Н. А. Данилов.* Указ. соч., стр. 135.
[25] Кроме названных выше цифр следует иметь в виду, что за 10 дней сентября было вывезено 2500 вагонов.

подготовки к эвакуации назначался от двух до пяти дней. При эвакуации Американо-балтийского кожевенного завода было предписано вывезти в глубь России готовые и полуготовые кожи, сырье, медь, электрическую установку, а главное — в пятидневный срок вывезти необходимые для производства более новые машины и оборудование. Оставшееся на месте предлагалось привести «во временно негодное состояние отнятием ответственных частей».

Один из крупных знатоков русской промышленности, игравший руководящую роль в организации военной экономики России и занимавшийся эвакуацией промышленности, В. П. Литвинов-Фалинский, по поручению Эвакуационной комиссии в сентябре 1916 г. посетил Ригу, где на месте изучил условия и ход ее эвакуации в 1915 г. Рига находилась под угрозой, докладывал В. П. Литвинов-Фалинский, «и потому эвакуацию предприятий приходилось производить наспех» [26]. Ввиду спешки и недостаточности транспорта в городе осталось значительное количество предприятий с «большим запасом оборудования, на который, в период острой нужды в этом оборудовании, заводы, работающие на оборону, обращали свои взоры» [27]. Оборудование растаскивалось частными лицами и общественными организациями, представители которых проникали в город и при содействии реквизиционной комиссии получали «что было можно». И все же даже к осени 1916 г. в Риге, по словам Литвинова-Фалинского, имелось «очень много весьма ценного оборудования, в котором нуждаются наши заводы, работающие на оборону государства». После поездки Литвинова-Фалинского решено было вывезти избыточное оборудование и запасы сырья из Риги. Таким образом, даже год спустя после летней эвакуации 1915 г. в городе все еще сохранились предприятия и оборудование, которые с самого начала нерационально было там оставлять.

На выдачу пособий эвакуируемым рижским предприятиям было израсходовано около 4 млн. руб., в том числе Курловым — 2917 тыс. руб. и 863 тыс. руб. Залюбовским. В архиве сохранился список предприятий с точным перечнем сумм и сроков получения средств на эвакуацию. В списке названо 300 предприятий, которым подлежало выдать 3 811 520 руб. 32 коп., в счет которых было выдано до конца 1915 г. 3780 тыс. руб.[28]

Можно предполагать, что этим не исчерпывались все расходы по эвакуации. Из найденного нами финансового отчета Курлова видно, что им было получено 19 525 тыс. руб., из которых было израсходовано 6,4 млн. руб., а остальные деньги сданы в казначейство [29]. Затем следует иметь в виду многомиллионные ссуды и пособия, полученные владельцами предприятий позднее, на «восстановление».

По данным доклада Баранова, до 1 сентября 1915 г. из Риги было

[26] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 35, л. 225. Журнал соединенного заседания Эвакуационной и ряда других комиссий под председательством Родзянко от 21 сентября 1916 г.

[27] Там же.

[28] Там же, ф. 12642, оп. 2, д. 846, л. 252.

[29] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 278, л. 17.

эвакуировано 172 предприятия, по другим архивным данным [30], из Риги и Рижского района (время эвакуации предприятий не указано) было вывезено 395 предприятий. Из этого количества почти 90% (352 предприятия) приходилось на Ригу, а остальные — на Виндаву, Ревель и другие пункты. По родам производства эвакуированные предприятия группируются следующим образом: деревообделочные предприятия — 52 (в том числе лесозаводов 18); типографии и литографии — 40; обувные предприятия (в том числе механическая фабрика обуви) — 17; предприятия пищевые (в том числе консервные) — 27; сталелитейные, чугунные и механические заводы — 41; крупные машиностроительные заводы («Феникс», «Беккер», «Фельзер и К°», «Русско-Балтийский судостроительный») — 24; электротехнические предприятия (в том числе «Всеобщая компания электричества») — 6 мелкие механические и металлообрабатывающие предприятия — 48; химические предприятия (в том числе мыловаренные) — 38; текстильные и шерстяные предприятия — 15; водочные и пивоваренные предприятия — 15 (без спиртозаводов); мелкие мастерские разных отраслей хозяйства — 37; велосипедные и автопринадлежностей — 5; вагоностроительные заводы — 2; оптика, кинематографические — 3 и т. д.

Самый перечень предприятий по группам производства наглядно показывает, что наряду с важными предприятиями было эвакуировано большое количество второстепенных и мелких мастерских, вывозить которые едва ли имело смысл.

По указанным в списке новым адресам предприятий можно установить и районы, куда они были переброшены. Почти $^1/_3$ предприятий (121) обосновалась в Москве и ближайших пригородах. К таким предприятиям относятся крупнейшее резиновое производство «Проводник», эвакуировавшееся в Москву, и 38 текстильных и обувных предприятий, также осевших главным образом в Москве и в центральных губерниях. В Петроград перебрались 30 предприятий, на юг — 25, в Нижний Новгород — 8. Крупнейшие металлообрабатывающие и машиностроительные рижские заводы разместились в Екатеринославе, Харькове, Донбассе, Петрограде и Нижнем Новгороде. Лишь незначительное количество предприятий (12) было переброшено в восточные районы и на север страны, а 70 предприятий и мастерских (очевидно, очень мелких и не восстановивших работу на новых местах) даже не указали своего нового адреса.

В Двинске были намечены к эвакуации 105 промышленных предприятий, но только 75 из них получили разрешение на выезд. Сколько предприятий и куда были эвакуированы в действительности — неизвестно [31].

О том, как проводилась эвакуация из районов, прилегавших к Юго-Западному фронту, рассказано в письме от 28 сентября 1915 г.

[30] Там же, оп. 6, д. 169, лл. 7—38. Перечень предприятий имеет ряд дефектов, но он все же содержит; название фирм, род производства откуда и куда эвакуировано предприятие.

[31] Там же, д. 14, лл. 1—14. Ведомость заведений фабрично-заводской промышленности г. Двинска.

главнокомандующего фронтом Иванова военному министру Поливанову[32] и в специальном донесении от 18 февраля 1916 г. на имя председателя Особого совещания по обороне[33]. Вся прилегавшая к театру военных действий местность по правому берегу Днепра была разделена на участки примерно по 50 верст шириной. Эвакуация проводилась в два приема: сначала подготавливали к эвакуации участки, находившиеся на расстоянии 100—150 верст от фронта, и вывозили оттуда только «громоздкие предметы» — колокола, медные части от машин и станков, а также архивы. Особые уездные комиссии в это время скупали у населения излишки скота и зерна. Организованной эвакуации промышленных предприятий не проводилось: оборудование, рабочие и инженерно-технический персонал оставались на месте. Окончательное «очищение» территории от всех запасов и материалов военного значения, запасов зерна и продовольствия и выселение всех мужчин в возрасте от 17 до 45 лет производилось только с приближением фронта на 50 км. Вполне естественно, что при таких условиях эвакуация промышленных предприятий не могла быть проведена сколько-нибудь полно. Все дело эвакуации было сосредоточено в руках главного начальника снабжения фронта. Его указания исполнялись губернаторами, которые и составляли особые планы эвакуации городов. Для осуществления эвакуации промышленных предприятий края и определения их значения для «обороны государства» был привлечен также и Киевский военно-промышленный комитет, создавший особые подкомиссии в губерниях Волынской, Подольской, Киевской[34]. До образования военно-промышленных комитетов делом эвакуации промышленных предприятий здесь ведала местная полиция. Мероприятия по эвакуации прилегающего к Юго-Западному фронту района носили вначале ограниченный характер.

Из юго-западных губерний были эвакуированы только отдельные предприятия. Во многих случаях вместо предприятий, станков и машин вывозились лишь медные части машин. Так поступили с сахарными заводами, эвакуация которых не была проведена[35]. При эвакуации Подольской губернии с машин были сняты медные части, при этом «многие машины были повреждены»[36]. Снятые медные части отправлялись в Курский артиллерийский склад, который потом не возвращал их владельцам.

В августе 1915 г. командование Юго-Западного фронта опасалось прорыва фронта у г. Сарны и выхода противника на кратчайший путь к Киеву. Не имея достаточных сил для оказания отпора, коман-

[32] ЦГВИА, ф. 369, п. 6, д. 134, лл. 83–84.
[33] Там же, д. 278, л. 13.
[34] Эвакуация населения в глубь страны была сосредоточена в руках члена Государственного совета Урусова.
[35] Там же, д. 134, лл. 85 об.— 86, 92–92 об.
[36] Там же, д. 278, лл. 53—54 об. Журнал заседания районной Эвакуационной комиссии Юго-Западного фронта от 26 марта 1916 г. На этом заседании председатель военно-промышленного комитета Косицкий рассказал, как проводилась эвакуация промышленности.

дование[37], с согласия Ставки, приняло срочные меры к эвакуации Киева. Для руководства эвакуацией города 20 августа 1915 г. в Киев был командирован Маврин, которому было поручено «приступить безотлагательно» к выводу на левый берег Днепра учреждений и фабрик, эвакуированных с территории Северо-Западного фронта, а также начать вывоз скопившихся грузов (среди них было до 500 вагонов груза Красного Креста), затем вывезти учебные заведения округа и урегулировать движение беженцев.

Начавшаяся без согласования с Советом министров эвакуация Киева вызвала тревогу правительства. 21 августа 1915 г. Совет министров обсудил действия Н. И. Иванова и признал возможным эвакуацию Киева «лишь при крайней к тому необходимости и в зависимости от общего плана ведения войны»[38]. Хотя Н. И. Иванов и получил одобрение предпринятой меры со стороны верховного главнокомандующего, Совет министров находил эту меру преждевременной и потребовал созыва Военного совета под председательством царя. «Если Военный совет выскажется в пользу эвакуации Киева, то при осуществлении этой меры возникает целый ряд вопросов крупного государственного значения, как порядок последовательного проведения эвакуации, избрание местностей внутри империи для перевода в них фабрично-заводских предприятий, учебных заведений, правительственных учреждений, изыскание наилучших способов перемещения их на новые места и пр.»[39] О решении Совета министров 24 августа была послана докладная записка царю. В это время произошла смена верховного главнокомандования, и царю надо было учесть при ответе военную ситуацию. Ответ последовал через четыре дня. 28 августа царь телеграфировал Горемыкину о том, что поскольку основные силы армии будут сосредоточены на путях к Петрограду и Москве, необходимо, чтобы Совет министров «принял неотлагательно на себя разработку плана эвакуации»[40]. Нам не удалось проследить, что сделал в дальнейшем Совет министров. Но частичная эвакуация Киева продолжалась.

Менее чем за месяц Мавриным было вывезено из города около 1 млн. пудов грузов[41]. Однако, как показывают материалы, эвакуация промышленности города не производилась.

[37] Весьма вероятно, что командующий Юго-Западным фронтом Н. И. Иванов переоценил силы противника.

[38] «Международные отношения в эпоху империализма», серия III, т. 8, ч. II. М.— Л., 1935, док. № 649, стр. 232. Докладная записка председателя Совета министров Николаю II от 24 августа 1915 г.

[39] Там же.

[40] Там же, стр. 233, прим. 2, в котором приведена выдержка из телеграммы Николая II Горемыкину.

[41] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 134, лл. 83—86. Командующий фронтом Иванов сообщил, что при отходе наших войск из Галиции и с наших территорий «мы не только ничего не потеряли в них, но и вывезли 12-тысячный вагонный парк с паровозами галицийских железных дорог заграничной колеи». Более подробных сведений об эвакуации отечественной промышленности он не приводил. Судя по «Справочнику об эвакуированных правительственных учреждениях», высшие и средние учебные заведения были эвакуированы из Киева.

Летом и осенью 1915 г., в то время как правительство топталось на месте, только обсуждая вопрос об эвакуации Киева и Петрограда, уже прошла главная волна стихийной эвакуации промышленности. Железные дороги и станции были забиты огромным количеством поездов и вагонов. По исчислению Центрального военно-промышленного комитета, «в конце сентября по всей России блуждало 80 тыс. вагонов, причем части одного и того же груза попадали в отдаленные друг от друга города, и хозяева нигде не могли разыскать отправленного имущества» [42]. На 1 ноября 1915 г. на одних только московских станциях скопилось до 9 тыс. вагонов неразгруженных эвакуационных грузов. Грузы пропадали. Предприимчивые дельцы частенько добивались реквизиции из числа находившихся в то время на железных дорогах необходимых им станков и оборудования. Эвакуационный отдел Центрального военно-промышленного комитета за 2,5 месяца собрал сведения о 45 тыс. вагонов эвакуированных грузов и известил 936 владельцев о местонахождении их затерявшихся грузов [43]. Эти цифры указывают как на объем эвакуации, так и на хаос, который царил в этом деле.

Московский военно-промышленный комитет также занялся выявлением эвакуированных грузов, создав Справочный эвакуационный отдел. При помощи этого отдела в конце ноября 1915 г. были составлены списки на 893 вагона грузов, прибывших на станции Московского узла, и 187 вагонов — на станции вне границ заводского совещания Московского промышленного района. На 1 февраля 1916 г. комитет описал на 58 станциях Московского узла 1658 вагонов промышленных грузов [44]. Центральный и Московский военно-промышленные комитеты занимались розыском и описями эвакуированного оборудования не бескорыстно. Во-первых, буржуазия сделала попытку забрать в свои руки дело реквизиции и распределения эвакуированного имущества; во-вторых, военно-промышленные комитеты выбирали необходимые станки и машины, которые были нужны предприятиям, выполнявшим военные заказы. Уже в октябре 1915 г. Московский военно-промышленный комитет пытался получить 200 станков и других предметов для военных предприятий. Но распределение оборудования военное ведомство не выпускало из своих рук. Это имущество было сосредоточено на складах штаба Московского военного округа. В адрес Московского военного округа железные дороги должны были отправлять бесхозяйственное промышленное оборудование, что они делали неохотно. При штабе округа была создана особая комиссия, которая и занималась распределением имущества. В ноябре 1915 г. распределение промышленного оборудования взял в свои руки председатель Московского заводского совещания С. И. Чердынцев. Под его председательством была создана новая комиссия. Таким образом, буржуазные организации и в дан-

[42] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 21, лл. 93—94 об. Выписка из журнала 18-го заседания Центрального военно-промышленного комитета от 7 марта 1916 г.
[43] Там же.
[44] Там же, д. 154, лл. 5—7.

ном деле были вынуждены играть подсобную роль, а в январе 1916 г. Московский военно-промышленный комитет вообще был освобожден от всякого участия даже в работе по оценке эвакуированного имущества. Московское заводское совещание установило порядок, по которому, если владелец оборудования в течение двух месяцев не требовал имущества, то оно поступало в распоряжение оценочной комиссии и считалось реквизированным. Буржуазные организации были недовольны деятельностью правительственных органов и указывали, что станки, оборудование и металлы «вот уже 8 месяцев лежат втуне» [45].

Как видно из докладной записки члена совета Министерства путей сообщений Аксенова, обследовавшего Ходынское поле в июле 1916 г. [46], там были найдены: 1) грузы, посланные в 1915 г. властями Северо-Западного фронта в адрес штаба Московского военного округа; 2) грузы, реквизированные командующим войсками Московского военного округа на станциях железных дорог в пределах округа; 3) казенные грузы, посланные в склады округа на хранение; 4) грузы, посланные на Ходынку ошибочно.

Грузы первой категории были в большинстве уже распределены; грузы второй категории стали поступать на склад с 31 марта 1916 г., их поступило 162 вагона, но часть их была уже выдана. Из грузов третьей группы на Ходынке хранилось 905 колоколов.

Остаток грузов и станков был следующий:

Двигатели разного рода	162
Станки для обработки металла	75
Аппараты разного рода и прессы	939
Механические принадлежности, в том числе трансмиссии	1252
Медь красная и желтая	16 тыс. пуд.
вместе с колоколами	100 » »
Сталь, инструменты и др.	около 4 » »
Цинк	849 пуд.
Свинец	71 »
Чугун, железо, рельсы	17,5 тыс. пуд.

С августа 1915 г. по 25 июля 1916 г., т. е. примерно за год, со складов Московского военного округа было выдано [47]:

[45] Там же, л. 9. Чтобы ускорить разгрузку Ходынского поля, в Москву был прислан член Реквизиционной комиссии Особого совещания по обороне тайный советник Христофоров, который предложил ряд мер к быстрейшей передаче оборудования, даже неоцененного. Об этом же говорят распоряжения С. И. Чердынцева: ежедневно сообщать о результатах распределения имущества.

[46] Там же, оп. 1, д. 280, лл. 32—53.

[47] Там же, лл. 91—108. Сведения о выдаче станков со складов штаба Московского военного округа, прил. 1.

Двигателей разного рода	437
Станков для обработки металла	821
Аппаратов разного рода	610
Станков для обработки дерева	75
Механических принадлежностей	1087
Станков для разного рода производства и машин	482

Кроме того, выдано свыше 15 тыс. пудов меди, десятки тысяч пудов железа и чугуна, почти 90 тыс. пудов свинца и т. д.

Все сказанное выше показывает, что эвакуация промышленности в 1915 г. проводилась стихийно, без государственного плана и руководства. Преступная бездеятельность правительства привела к тому, что основная масса промышленных предприятий осталась на занятой врагом территории. Единственное, что удалось сделать,— это вывезти основные фабрики и заводы из Риги.

Буржуазия Москвы и Московского промышленного района поживилась результатами такой эвакуации, под тем или иным предлогом забрав оборудование, станки, двигатели и металлы для своих предприятий. Решительно выступив против попытки правительства реквизировать несколько сот станков на частных предприятиях с целью развить работу ружейных, патронных и трубочных предприятий[48], она столь же энергично предъявила «права на наследство» и под разными предлогами сумела забрать остатки эвакуированного оборудования для развития своих предприятий.

Эвакуационная комиссия Особого совещания по обороне государства

Осенью 1915 г. при Особом совещании по обороне была создана Эвакуационная комиссия, во главе которой был поставлен председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Комиссия была призвана упорядочить дело эвакуации промышленности. В начале своей деятельности она установила, что наиболее угрожаемой является линия Петроград — Смоленск и линия р. Днепр. Некоторые практические меры по эвакуации Киева в августе — сентябре 1915 г. показали, что промышленность должна быть переброшена на восток от линии р. Днепр.

[48] ЦГВИА, ф. 369, оп. 5, д. 1, л. 10—10 об. В июне 1915 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли и московский голова Челноков решительно выступили против выполняемой Зыбиным, по решению Особого совещания по обороне, реквизиции станков. Причем у Гужона правительство намеревалось взять лишь два станка. Такая мера, по словам буржуазии, угрожала дезорганизацией промышленной мобилизации и прекращением деятельности «целых заводов». Таков был «патриотизм» буржуазии. Не только военно-промышленные комитеты, но и Земгор в лице Львова также настойчиво отстаивали свое право на распределение станков, эвакуированных с запада. Хотя в этих настояниях Львову и было отказано, в конечном счете царские генералы, распределявшие станки, передали их буржуазии (ЦГВИА, ф. 12642, оп. 2, д. 57, лл. 1—12).

Когда выяснилось, что правительство намеревается эвакуировать ревельские предприятия в район Екатеринослава, последовали протесты горнопромышленников Юга и председателя заводского совещания Екатеринославского района, боявшихся, что на Юге не хватит топлива и продовольствия. Установив демаркационную черту для эвакуации предприятий, правительство предоставило владельцам выбирать место для размещения предприятий самостоятельно.

На театре военных действий при штабах фронтов были созданы три районные эвакуационные комиссии — в Пскове, Минске и Бердичеве. Впоследствии была организована четвертая районная эвакуационная комиссия при главном начальнике Одесского военного округа [49]. Во главе комиссий были поставлены подчиненные командованию фронтов генералы [50]. Районные комиссии не особенно торопились приступить к работе. 3 февраля 1916 г. на заседании Эвакуационной комиссии В. И. Гурко, заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета А. И. Коновалов заявили, что с сентября 1915 г. ничего практически не было сделано, а председатель комиссии Северного фронта был только «намечен, но не утвержден» [51]. Генералы пока что усиленно занимались разработкой штатов, смет, разрешением «дел» о материальном положении служащих и т. п. Фактически до весны 1916 г. районные комиссии не подавали особых признаков жизни и не предприняли никаких действий «в отношении разработки и подготовки эвакуации полосы, угрожаемой нашествием неприятеля» [52], что вызвало резкое осуждение их бездеятельности на заседании Эвакуационной комиссии Особого совещания по обороне, состоявшемся 11 февраля 1916 г. Бездеятельность районных комиссий повлекла за собой также и малую активность местных военно-промышленных комитетов, на которые было возложено учреждение подготовительных подкомиссий по эвакуации. Они были образованы только в Подольской, Волынской и Киевской губерниях.

Центральная эвакуационная комиссия, осудив бездеятельность комиссий, признала «дальнейшее промедление в этом деле» совершенно недопустимым и указала на необходимость заблаговременно предусмотреть «все меры для спокойной и планомерной эвакуации той полосы империи, которая находится в непосредственом тылу действующей против Германии и Австрии армии». Характерно, что комиссия вынуждена была отметить, что неподготовленность к эвакуации территории, занятой врагом в 1915 г., имела тяжелые последствия для страны.

[49] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 281, лл. 65—118. Комиссия приступила к работе в апреле 1916 г.

[50] Председателем районной комиссии Северного фронта был утвержден генерал-лейтенант Бердяев, вскоре замененный генерал-майором Вершининым; председателем комиссии Западного фронта был генерал-майор Павлов, а Юго-Западного — генерал-лейтенант Толмачев. Районную комиссию в Одессе возглавлял генерал-лейтенант Гейер.

[51] ЦГВИА, д. 369, оп. 6, д. 43, лл. 24—35, 172.

[52] Там же, д. 35, л. 126. Журнал 36-го заседания Эвакуационной комиссии. Исключение составляли Волынская, Подольская и Киевская губернии, планы эвакуации которых были разработаны.

Помимо указанных выше районных комиссий были образованы Особая чрезвычайная комиссия для эвакуации Киева и 11 комиссий по восстановлению эвакуированных предприятий. Последние находились в центре районов, куда направлялись эвакуированные предприятия, именно в Баку, Екатеринославе, Екатеринбурге, Казани, Москве, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Самаре, Саратове, Томске, Харькове [53] и позже в Тифлисе

Председатель Особого совещания по обороне А А Поливанов и председатель Эвакуационной комиссии М В. Родзянко усиленно выдвигали на посты председателей местных комиссий и подкомиссий своих ставленников Ставка же при назначении их отдавала предпочтение представителям военного ведомства из числа опытных и технически грамотных лиц

Нам не удалось найти списка председателей комиссий по восстановлению эвакуированных предприятий Из архивного материала видно, что по предложению Центрального военно-промышленного комитета председателем комиссии по Московскому району был назначен один из активных работников Московского военно-промышленного комитета Ю. И Поплавский. В Нижнем Новгороде представителем Всероссийского союза городов в комиссии по восстановлению был крупнейший хлеботорговец Башкиров Представители военно-промышленного комитета входили в местные комиссии по восстановлению также в Екатеринбурге, Саратове и других городах [54]. Судя по сохранившимся материалам, деятельность этих комиссий не отличалась большой продуктивностью, и на пленуме Эвакуационной комиссии раздавались даже голоса о необходимости их ликвидации (Коновалов) и о передаче их функций заводским совещаниям

Рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод, что, спохватившись, наконец, после стихийной эвакуации 1915 г, правительство с огромным запозданием создало свою разветвленную бюрократическую организацию по эвакуации Центральную роль в этой системе играла Эвакуационная комиссия при Особом совещании по обороне Несмотря на то, что она подчинялась военному ведомству, фактически ею управляла буржуазия во главе с М В Родзянко

Сотрудничество крепостников-помещиков с верхушкой торгово-промышленной и банковской буржуазии — характерная особенность третьеиюньской монархии Столыпина Во время мировой войны это сотрудничество еще более окрепло и усилилось, но крепостникам-помещикам пришлось уступить ряд руководящих позиций буржуазии Организация Земского и Городского союзов, Центрального военно-промышленного комитета, наконец, значительное усиление представительства буржуазии в четырех Особых совещаниях, созданных правительством в августе 1915 г, означало проникновение буржуазии в поры государственного аппарата и усиление влияния ее на разрешение различных экономических вопросов, связанных с войной.

[53] ЦГВИА, ф 369, оп 6, д. 10, л 365 Стенографический отчет заседания Эвакуационной комиссии от 16 сентября 1916 г

[54] Там же, лл 1—11.

Разумеется, это приводило к внутренней борьбе между помещиками и буржуазией Последняя добивалась «у испуганной монархии уступок и дележа власти с буржуазией» [55]. Идя на частичные уступки, монархия и крепостники-помещики вместе с тем стремились ««не отдать» России либеральной буржуазии» [56] Уступая буржуазии в деле руководства Эвакуационной комиссией, правительство сохраняло в своих руках контроль над деятельностью Эвакуационной комиссии через Особое совещание и районные эвакуационные комиссии при фронтах Руководящая роль принадлежала возглавлявшим эти комиссии представителям Ставки, зато представители буржуазных организаций, как мы видели, играли решающую роль в местных комиссиях по восстановлению промышленности

В конце 1915 г возник ряд важных, требовавших разрешения вопросов о восстановлении предприятий, о денежных средствах на восстановление, о субсидиях капиталистам и выплате подъемных рабочим

Еще Особому совещанию по артиллерийскому снабжению пришлось решать вопрос о выдаче авансов на эвакуацию предприятий с театра военных действий и на устройство и оборудование их 31 июля 1915 г было решено, что пособия на эвакуацию предприятий должны выдаваться местными властями за счет ассигнований им по специальному фонду В распоряжение главного начальника снабжения армии Северо-Западного фронта было отпущено 50 млн руб, очевидно, такой же фонд был создан и для Юго-Западного фронта. Таким образом, фонд на пособия по эвакуации уже в 1915 г достигал 100 млн руб [57] Все ходатайства о выдаче ссуд на оборудование предприятий рассматривались непосредственно Особым совещанием Такой порядок был до создания Эвакуационной комиссии при Особом совещании по обороне

8 сентября 1915 г на первом же заседании Эвакуационная комиссия поставила вопрос о пределах своей компетенции и «о пределах своего ведения» Наметились две точки зрения Одни члены являлись сторонниками того, чтобы комиссия не ограничивалась только вопросами «эвакуации торгово-промышленных предприятий», а решала бы и другие стороны этого дела, за исключением вопросов об «эвакуации населения и устройства беженцев», другие высказывались за то, чтобы комиссия признала «прямым предметом своего ведения» исключительно дело эвакуации торгово-промышленных предприятий, имеющих отношение к обороне государства [58] В конце концов победила последняя точка зрения

С самого начала своей деятельности комиссия занялась выясне-

[55] *В И Ленин* Полн собр соч, т 27, стр 28

[56] Там же

[57] ЦГВИА, ф 369, оп 6, д 11, л 22 Извещение Главного управления Военного министерства о решении Особого совещания от 31 июля 1915 г

[58] Там же, д 35, лл 1—2 об Журнал заседания Эвакуационной комиссии О деятельности Эвакуационной комиссии можно судить по сохранившимся журналам и стенограммам ее заседаний К сожалению, большинство стенограмм осталось невыправленным

нием пунктов, откуда и куда следовало эвакуировать промышленность. На одном из ее первых заседаний обсуждался вопрос об эвакуации предприятий из Петрограда и о размещении эвакуированных с запада предприятий. Представитель военного ведомства решительно высказался против эвакуации предприятий в Москву и Петроград [59]. Комиссия признала, что Петроград в силу удаленности его от источников сырья и топлива «не может являться местом, удобным для сосредоточения в нем заводов, работающих для обороны государства» [60].

Столица в это время испытывала большие трудности в снабжении сырьем и топливом, в городе были сосредоточены предприятия, дававшие «более 60% всего снабжения армии». Поэтому комиссия находила целесообразным, «даже независимо от хода военных действий и угрозы Петрограду от вражеского нашествия», приступить к перемещению оборонных предприятий из Петрограда в глубь страны. За этим решением последовала эвакуация из Петрограда Охтенского завода взрывчатых веществ в район Нижнего Новгорода — Растяпино (теперь Дзержинск). При этом была значительно увеличена производительность завода.

Хотя и комиссия и правительство много раз занимались эвакуацией Петрограда, однако никаких кардинальных решений по этому вопросу принято не было. Только после состоявшегося 1 октября 1915 г. совещания военного министра Поливанова с председателями остальных трех Особых совещаний было вынесено решение о некотором «разрежении» населения Петрограда, и была создана новая комиссия по эвакуации столицы. Так, одна бюрократическая комиссия порождала другую, но дело с действительной эвакуацией предприятий из Петрограда не продвигалось вперед. Инициатива продолжала оставаться в руках самих владельцев предприятий. Некоторые предприятия Петрограда пошли на эвакуацию. Так, правление Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов (бывш. Парвиайнен) в 1915 г. решило перенести свои заводы в район «добычи угля и металлов» — в Юзово [61]. С лета 1916 г. там развернулись строительные работы, а через год (в июле 1917 г.) оказалось возможным начать уже производство снарядов. Из 650 станков для производства трехдюймовых снарядов правление перенесло на юг 470 и 110 из 250 — для производства шестидюймовых снарядов. Задержка была лишь за электроэнергией и за получением турбогенератора. Правительство оказало Парвиайнену большую финансовую помощь.

Нам известно о попытке владельца авиационного завода Лебедева перевезти свое предприятие из Петрограда в Ярославль [62], но подробными данными об этом мы не располагаем.

12 мая 1917 г. Эвакуационная комиссия в связи с продовольствен-

[59] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 35, л. 19 об. Журнал заседания Эвакуационной комиссии от 16 сентября 1915 г.
[60] Там же, лл. 1—2 об. Журнал 1-го заседания Эвакуационной комиссии от 8 сентября 1915 г.
[61] Там же, д. 329, лл. 7—9 об.
[62] Там же, д. 343, л. 7.

ными трудностями вновь обсуждала вопрос о разгрузке Петрограда от излишнего населения [63]. Однако Особое совещание лишь незадолго до Октябрьской революции поручило Петроградскому заводскому совещанию составить общий план эвакуации промышленности из Петрограда. Таким образом, и царское правительство и буржуазия оказались одинаково неспособными преодолеть порожденные войной экономические трудности. Они не сумели ни обеспечить крупнейший экономический центр страны достаточным количеством топлива и материалов, ни перебросить предприятия столицы ближе к источникам сырья.

Финансовая помощь эвакуированным предприятиям. Эвакуация в 1916—1917 гг.

Как мы отметили выше, Эвакуационная комиссия очень внимательно занималась финансовыми вопросами, связанными с эвакуацией, и прежде всего вопросом «льготного субсидирования» эвакуируемых предприятий. Этот вопрос особенно интересовал промышленников, и с него по существу и начала свою деятельность комиссия. Среди членов комиссии было немало сторонников выдачи беспроцентных ссуд, которые являлись бы формой поощрения заводчиков к быстрейшему восстановлению предприятий. Такие льготные ссуды должны были способствовать добровольной эвакуации предприятий заводчиками. Погашение ссуд должно было производиться только за счет прибыли предприятия.

Представители Министерства финансов, а также торговли и промышленности высказались за ссуду с довольно высоким процентом (от 5 до 6) и соглашались на выдачу беспроцентной ссуды лишь на первые два года. Срок погашения ссуды рассрочивался на 12—15 лет. Однако в конечном счете было принято компромиссное решение, предложенное членом Государственного совета В. И. Гурко. Гурко являлся сторонником выдачи заводчикам и промышленникам «серьезных премий», «которые могли бы побудить к развитию чрезвычайной, требуемой условиями энергии». По этому решению ссуда предоставлялась на льготных условиях — из расчета 2—3% с повышением или понижением в зависимости от быстроты восстановления предприятия. В случае, если предприятие быстро восстанавливало производительность или добивалось успеха «ранее назначенного срока», размер процента снижался, и ссуда даже становилась беспроцентной. Если предприятие плохо налаживало производство и не выполняло намеченных для его восстановления сроков, процент по ссуде повышался до уровня нормального, учетного. Весьма выгодными для капиталистов были условия погашения ссуды: погашение начиналось по истечении 1—5 лет после окончания войны и могло осуществляться в течение 15 лет [64].

[63] Там же, д. 35, лл. 283—284.

[64] Там же, лл. 4, 13—14. Журнал заседания Эвакуационной комиссии от 9 октября 1915 г. и проект правил об оказании содействия эвакуируемым предприятиям.

Особенно широко применялась комиссией практика выдачи безвозвратных денежных пособий, за счет которых покрывались расходы по перевозке и монтажу предприятий на новых местах и расходы по перевозке рабочих и служащих.

Таким образом, все расходы по эвакуации целиком ложились на плечи государства [65], а сама комиссия выступала как орган, представлявший и защищавший интересы промышленников перед государством.

Какой порядок был установлен в отношении выплаты пособий по эвакуации рабочим и служащим? Служащие, получавшие оклад до 2400 руб. в год, и рабочие эвакуируемых предприятий по распоряжению или с согласия властей должны были получать вознаграждение за счет военного фонда в размере полумесячного оклада или двухнедельного заработка и эвакуационное пособие (последнее выплачивалось только лицам, фактически участвовавшим в работах по эвакуации и лишь по приезде на место) [66]. Служащие, получавшие менее 2400 руб. в год, должны были получать пособие в размере месячного оклада, рабочие — в размере четырехнедельного из расчета полуторной дневной оплаты. Средства на выплату пособий предоставлялись районными эвакуационными комиссиями и Министерством торговли и промышленности. Рабочих и служащих при переездах полагалось снабжать бесплатными билетами и обеспечивать также подъемными от 5 до 20 руб. на человека. Правительство стремилось затратить возможно меньше средств на рабочих, зато очень щедро субсидировало промышленников в связи с расширением и приспособлением их производства к нуждам войны.

Классовый характер эвакуационной политики вскрывают также и указания, которые Эвакуационная комиссия давала представителям местных районных комиссий. Рекомендовалось ни в коем случае не предоставлять вагонов беженцам, «так как при таких условиях вагонов не хватит для вывоза машин, орудий и хлебных запасов». Беженцам, «чтобы не забивать железнодорожного сообщения», предлагалось идти пешком или ехать на телегах [67].

* * *

Занявшись раздачей «жирных кусков» из государственных средств, Эвакуационная комиссия настолько увлеклась этим делом, что фактически совсем перестала заниматься вопросами самой эвакуации. Бездеятельность районных эвакуационных комиссий также носила хронический характер. Только в апреле 1915 г. комиссия Северного фронта стала подавать признаки жизни. Она разослала

[65] В качестве своего подсобного, но работавшего органа, Эвакуационная комиссия сохранила комиссию при Министерстве торговли и промышленности, которая занималась предварительным рассмотрением заявлений о субсидиях. Она и вносила свои предложения на рассмотрение Эвакуационной комиссии.

[66] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 35, лл. 29—32, п. 1.

[67] Там же, лл. 133—134. Журнал заседания № 38 от 24 февраля 1916 г.

председателям подкомиссий «руководящие указания»[68]. Отметив большое запоздание с началом работы, председатель комиссии требовал выработать план эвакуации в «кратчайший срок», хотя и не определил дату представления этого плана. Справедливо отметив, что начало деятельности комиссии будет расценено как мера, «предвещающая подготовление к отступлению наших армий», он предлагает «широко осведомить» владельцев предприятий, что проводимое в связи с подготовкой эвакуации обследование района «не имеет связи с планом ведения войны» и является мерой по укреплению тыла. Вероятно, этим уверениям никто не поверил.

В делах архива сохранилась схема эвакуации промышленности в полосе Северного фронта. Разбитый на две полосы район эвакуации охватывал (включая Псков и Великие Луки) все побережье Рижского и Финского заливов от Риги до Нарвы. К эвакуации были намечены также три подрайона: Ревельский, Псковский и Витебский[69].

В июне 1916 г. было обследовано с целью подготовки к эвакуации 128 винокуренных заводов Ревельского района и приступили к обследованию 114 предприятий Лифляндской губернии. В Витебском районе было намечено обследовать 200 учреждений и 439 предприятий, из которых 199 промышленных и 240 торговых.

Из Эстляндской губернии к эвакуации наметили 465 предприятий (в том числе 202 винокуренных завода). Стоимость эвакуируемого имущества определялась почти в 118 млн. руб.; из 195 тыс. занятых в этих предприятиях рабочих к эвакуации намечалась 51 тыс. Подавляющее большинство эвакуируемых предприятий предполагалось разместить в Киеве, Москве, Рыбинске, Ярославле, Саратове, Нижнем Новгороде и только немногие — за Волгой и севернее Ярославля.

В апреле 1917 г. председатель Эвакуационной комиссии Северного фронта обратился в Особое совещание с докладом о «безотлагательной» необходимости провести эвакуацию предприятий первой зоны[70]. Однако никаких практических мер к эвакуации здесь не было принято вплоть до осени 1917 г.

В июле 1917 г. Особое совещание по обороне решило разгрузить Ревель от крупнейших предприятий и перебросить их в пункты, более обеспеченные сырьем. Сдача Риги ускорила вопрос о разгрузке. 25 августа был поставлен вопрос об уводе из Ревеля строящихся судов с наиболее ценным имуществом и необходимости подготовиться к взрыву всего того, «что не может быть эвакуировано»[71]. Для детального обследования был командирован инженер И. С. Каннегисер. Од-

[68] Там же, д. 276, лл. 50—52. Письмо от 2 апреля 1916 г. председателям подкомиссий; лл. 129—131. Руководящие указания.

[69] Там же, д. 282, лл. 12, 34. Схема зон эвакуации и намеченные подкомиссиями районы эвакуации.

[70] К первой зоне относились уезды: Рижский, Перновский, Эзельский, Венденский, Вольмарский, Двинский, Режицкий, Иллуктский и Дисненский (ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 325, л. 276).

[71] Там же, д. 331, л. 126. Справка по поводу мероприятий к разгрузке Ревеля. Справка составлена 30 сентября, по-видимому, для Пальчинского.

нако до его возвращения правительство решило вывезти пять крупнейших предприятий из Ревеля.

В конце августа — начале сентября 1917 г. правительство отдало приказ об эвакуации следующих пяти крупнейших предприятий Ревеля: электромеханического завода «Вольта» — в Пермь, Харьков и Москву; судостроительного завода бывш. «Беккер» — в Горловку; вагоностроительного завода «Двигатель» — в Рязанскую губернию; завода Р. Майера — в Москву; машиностроительного завода «Фр. Крулль» — в Москву. С перечисленных заводов было намечено к вывозу свыше 2,5 млн. пуд. грузов [72], для чего требовалось свыше 2 тыс. вагонов и платформ. Завод «Беккер» эвакуировал в Новороссийск до 95% своего оборудования и материалов; завод «Вольта» эвакуировал в Пермь, Москву и Харьков до 95% оборудования и часть материалов. В Петроград завод отправил большое количество меди. Завод «Русско-Балтийского судостроительного и механического акционерного общества» эвакуировал в Таганрог около половины материалов и оборудования. Завод «Фр. Крулль» эвакуировал в Москву все материалы и 50% своего оборудования; завод «Двигатель» эвакуировал лишь свое моторное отделение. По мнению комиссии, стоимость эвакуированного оборудования и материалов «составляет около 50% всего имеющегося в Ревеле оборудования и материалов заводов, работающих на оборону» [73]. В итоге оборудование ревельских предприятий оказалось разбросанным по разным городам Европейской России. Кроме этих заводов в Ревеле оставалось еще свыше десятка крупных предприятий [74]. При эвакуации всех предприятий нужно было вывезти свыше 6 млн. пудов различных грузов, для чего требовалось 5756 вагонов и платформ.

Однако общая эвакуация не была осуществлена, так как против нее решительно высказались местные рабочие организации и Совет рабочих и солдатских депутатов. 1 сентября 1917 г. Совет принял решение, в котором было сказано: «Приостановить временно ввиду протестов со стороны рабочих все работы по эвакуации на всех заводах, кроме завода «Вольта». Эвакуация должна быть приостановлена впредь до выработки плана эвакуации, т. е. указания места, куда будут эвакуированы заводы и куда будут размещены рабочие» [75]. Решение Ревельского совета рабочих и солдатских депутатов было послано в Особое совещание по обороне. 15 сентября 1917 г. Ревельский совет вынес развернутое решение, в котором помимо указания на необходимость «серьезной предварительной подготовки всего плана эвакуации в целом» указывал, что в настоящих условиях эвакуация предприятий Ревельского района приобретает «характер лишь спасения за счет казны в большинстве случаев частновладельческого имущества» [76]. Характерно, что к точке зрения Совета вынужден был присоединиться и командующий Северным фронтом В. А. Черемисов,

[72] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 331, л. 190.
[73] Там же, д. 21, л. 316 об.
[74] Кроме торговых и правительственных учреждений.
[75] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 21, л. 136.
[76] Там же, л. 147.

который, ссылаясь на личное приказание Керенского, 20 сентября 1917 г. приказал «эвакуацию Ревеля приостановить» [77]. Председатель Особого совещания по обороне признал, что это распоряжение не могло «не расшатать еще более значения государственной власти» [78]. Вообще в последние недели перед Великой Октябрьской социалистической революцией, когда был совершенно утрачен авторитет власти в глазах населения и особенно рабочих, последние часто сами решали, следует или нет эвакуировать то или иное предприятие. Так, когда правление вагоностроительного завода «Двигатель» высказало намерение перебросить «бездействующую часть завода» из Ревеля в с. Истье Пронского уезда Рязанской губернии, рабочие отказались эвакуировать предприятие, указав на то, что «планомерная эвакуация неосуществима». 9 октября 1917 г. правление завода послало письмо министру торговли и промышленности, в котором «вторично просит оказать энергичное воздействие на рабочих для побуждения их приступить к эвакуации» [79]. Ввиду все возрастающей для Ревеля военной опасности, правление попыталось возложить на правительство ответственность за все убытки, которые оно понесет вследствие задержки эвакуации. Рабочие выступали против эвакуации. Помимо ранее высказанных мотивов они требовали не вознаграждения за две недели, а обеспечения «против безработицы». Открыто демонстрируя силы рабочего класса перед решительной схваткой с правительством, рабочие выдвинули революционное требование о снабжении революционного войска и рабочего класса достаточным количеством оружия. Примерно аналогичное решение в связи с вопросом об эвакуации приняли и рабочие «Российско-американской мануфактуры «Треугольник»» в Петрограде. Правление мануфактуры обратилось в Военное министерство и Отдел промышленности с ходатайством «о принятии всех зависящих мер для устранения препятствий к эвакуации со стороны рабочих» [80]. Однако правительство было бессильно.

После Октябрьской социалистической революции Совет народных комиссаров приостановил эвакуацию ревельской промышленности и предложил восстановить работу предприятий на прежнем месте [81].

Подробными данными о деятельности эвакуационных комиссий других фронтов мы не располагаем. Известно лишь, что комиссия Западного фронта в октябре 1917 г. разработала план эвакуации Смоленской губернии. Было намечено вывезти около 300 тыс. пудов грузов правительственных и общественных учреждений и до 600 тыс. пудов грузов заводских предприятий [82]. Однако имеются данные о вывозе из Смоленска только катушечной фабрики, завода сельскохозяйственных машин и деревообделочного завода с общим количеством около

[77] Там же, д. 331, л. 87.
[78] Там же, л. 133.
[79] Там же, лл. 12, 16—17.
[80] Там же, д. 328, лл. 6—7.
[81] Там же, д. 21, л. 257.
[82] Там же, д. 326. Списка эвакуируемых предприятий нет. Судя по величине расходов по эвакуации, количество рабочих и служащих было невелико.

950 рабочих, из которых непосредственно «на оборону» работало только около 540 человек. Известно также, что районные подкомиссии в Одессе и Кишиневе занимались исключительно эвакуацией промышленных предприятий, которые работали и могли работать по заказам государства [83]. Из Бессарабии предлагалось эвакуировать из правительственных учреждений 26,7 тыс. человек и из промышленных предприятий 1272 человека. По одесскому градоначальству намечалось вывезти свыше 33 тыс. служащих и 24 800 рабочих и служащих промышленных предприятий. По трем уездам Херсонской губернии из 10 тыс. человек эвакуируемых на долю промышленных предприятий приходилась лишь 1 тыс. человек. Видимо, и здесь до вывоза оборудования дело не дошло.

Эвакуацией румынских предприятий летом 1917 г. ведала комиссия Засядько [84]. Все материалы и промышленное оборудование из Румынии должно было поступить в ведение Главного артиллерийского управления. Как в действительности происходила эвакуация румынских предприятий и были ли они размещены, как предполагалось, в Екатеринославском районе, никаких данных не имеется.

Таким образом, эвакуация в ряде случаев свелась только к собиранию всякого рода сведений и к составлению планов эвакуации и лишь в малой мере вылилась в вывоз промышленного оборудования, сырья и рабочей силы.

Попытки восстановления предприятий

Восстановление промышленных предприятий шло довольно медленно. Значительная группа эвакуированных предприятий начала работать лишь во второй половине 1916 г. Так, в начале марта 1916 г. Центральный военно-промышленный комитет имел сведения только о 443 эвакуированных предприятиях, из коих работало всего 70 и восстанавливалось 112. О положении остальных предприятий у комитета точных сведений не было. Медлительность при восстановлении эвакуированных предприятий отнюдь не являлась результатом «скупости и скаредности» правительства, на что часто ссылались представители буржуазии. Ссуды и субсидии отпускались даже тогда, когда никаких оснований для получения их не было. По материалам Эвакуационной комиссии нами сделана выборка о 67 предприятиях, получивших ссуды и пособия. Из них только 30 предприятиям, получившим наиболее крупные суммы из государственных средств, было предоставлено 9080 тыс. руб. на выдачу безвозвратного пособия и 61 млн. руб. в виде ссуды. Таким образом, выданная казной сумма только по 30 предприятиям составляла 70 млн. руб., или в среднем 2,3 млн. руб. на предприятие. Если учесть расходы на эвакуационные пособия рабочим и служащим, то эта сумма увеличится еще более. Можно без большой ошибки сказать, что из го-

[83] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 277, 281.
[84] Там же, д. 332. Подробных данных о характере грузов и количестве эвакуируемых рабочих в деле нет.

сударственного кармана в качестве пособий и ссуд предприниматели получили не одну сотню миллионов рублей.

Эвакуированный из Риги в Нижний Новгород завод «Фельзер и К°» получил, например, 3511 тыс. руб., в том числе 663 тыс. руб. безвозвратного пособия, а остальные в виде ссуды на льготных условиях (3% на 15 лет). И когда правление возбудило вновь ходатайство о дополнительном отпуске 2 866 600 руб., комиссия Радцига в выдаче не отказала, но только снизила заявку завода до 1,6 млн. руб. [85]

Машиностроительному заводу «Мазур и К°», эвакуированному в Москву, Эвакуационная комиссия по его просьбе отпустила 36 тыс. руб. безвозвратного пособия, хотя он уже был восстановлен и работал. Эвакуированному из Риги в Серпухов текстильному заводу, получившему безвозвратное пособие при эвакуации, дополнительно было выдано 100 тыс. руб. в виде безвозвратного пособия и 1 млн. руб. ссуды [86].

Видя податливость Эвакуационной комиссии, к ней часто обращались всякого рода проходимцы, всегда готовые поживиться за счет государства. Так, некий Ледоховский, вывезший при эвакуации из Варшавы несколько сковородок да венских стульев (все оборудование предприятия осталось на месте), переселившись в Николаев, основал там мелкую механическую мастерскую, а затем потребовал от государства 520 тыс. руб. якобы на расширение завода. Эта выходка, однако, была настолько наглой, что даже благодетели из эвакуационных органов отказали Ледоховскому в его просьбе. Но не исключено было, что, имея солидных покровителей среди членов комиссии, даже он получил бы просимые им средства.

Так, перебравшаяся в Москву рижская фирма «Диана» задумала шире использовать благоприятную конъюнктуру военного времени и в 6 раз увеличить свое производство. Обратившись за деньгами в Эвакуационную комиссию, она просила отпустить почти полмиллиона (486 тыс. руб.) пособия и ссуды. Комиссия Радцига снизила заявку наполовину. Но это решение вызвало протест председателя Эвакуационной комиссии Родзянко, который заявил: «Это в сущности является не чем иным, как выдачей ссуды для устройства нового предприятия. Может быть нам так и опубликовать, что мы выдаем ссуды желающим получить для устройства нового предприятия, да еще с понижением процента до нуля» [87]. Однако несмотря на возражения председателя и дискуссию по этому поводу на заседаниях комиссии, фирма благодаря сильным защитникам получила ссуду в размере 141 тыс. руб.

Вагоностроительному заводу «Двигатель», вывезшему в Луганск только небольшую часть своего оборудования и рабочих (завод фактически остался в Ревеле), благодаря поддержке председателя Эва-

[85] Там же, д. 366, лл. 7—9.

[86] Там же, д. 364, лл. 7—15. Вопросы эвакуации и восстановления предприятий Латвии подробно рассмотрены в статье *Ю. Н. Нетесина* «Эвакуация промышленности Латвии в первую мировую войну» («Проблемы истории», VI. Рига, 1962).— *Прим. ред.*

[87] Там же, д. 362, л. 22.

куационной комиссии была отпущена ссуда в 2,6 млн. руб. с рассрочкой на 15 лет [88].

Насколько Эвакуационная комиссия близко принимала к сердцу интересы предприятий, особенно крупных, показывают следующие факты. Французская фирма «Проводник» занимала на мировом рынке четвертое место, а по производству шин — второе. Она эвакуировала из Риги в Москву лишь ту часть завода, которая выполняла заказы военного ведомства. Фирма при эвакуации получила безвозвратное пособие в размере 1760 тыс. руб. и ссуду 16 137 тыс. руб., всего около 18 млн. руб. Ссуда был выдана на 20 лет. При обсуждении этого дела в Особом совещании по обороне выяснилось, что финансовое положение фирмы совершенно благоприятно и она могла восстановить производство за счет собственных средств и кредита государственного банка [89]. Кроме того, фирма значительно повысила свою доходность: дивиденд колебался от 10 до 14%. Акции «Проводника» к этому времени были уже скуплены «Треугольником». И тем не менее Особое совещание, отпуская фирме огромные средства, исходило только из того, что это поставщик на армию, обязавшийся восстановить производство весной 1916 г. и к половине 1917 г. сдать продукцию на 15 млн. руб. При отказе же субсидии, по мнению членов комиссии, фирма могла заняться изготовлением других предметов, а правительство вынуждено было бы обращаться к заграничному рынку, затрачивая на это большие суммы валюты [90].

Эвакуационная комиссия много раз обсуждала вопрос о выдаче пособия и ссуды «Всеобщей компании электричества», эвакуировавшей свое производство из Риги в Петроград, Москву и Харьков [91]. На заседаниях Эвакуационной комиссии выяснилось, что предприятие бесспорно является германским (накануне войны 60% его акций принадлежали немцам, в руках русских находилось менее $^1/_3$ — 27% акций и 13% было под сомнением). Компания имела на 42 млн. руб. от казны заказов и получила от нее немало авансов. Чтобы предотвратить конфискацию предприятия, правление компании намеревалось дополнительно выпустить акции на 6—8 млн. руб., с тем чтобы они попали в русские руки, и тем самым как бы русифицировать предприятие. Наряду с этим при акционерном ка-

[88] ЦГВИА, д. 369, оп. 6, д. 362, л. 284. Журнал 48-го заседания Эвакуационной комиссии от 4 мая 1916 г.

[89] Там же, д. 35, лл. 53—55. Журнал заседания Эвакуационной комиссии от 11 октября 1915 г.

[90] Там же, оп. 1, д. 54, лл. 156—157. ЖОСО, № 36, 30 ноября 1915 г. Общую стоимость всего имущества «Проводника» в Москве после окончания всех строительных работ Эвакуационная комиссия определила в 27,8 млн. руб. Земельные участки и здания потребовали расходов в 18 млн. руб. Фирма оценивала свое имущество в Риге в 54 млн. руб.

[91] Основные отделы были переведены в Харьков, где разместились в помещении завода «Гельферих-Саде». Из 1470 вагонов грузов лишь 88 перевезены в Москву. Компания начала эвакуацию в июне 1915 г. (ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 35, лл. 149—151 об. Журнал 45-го заседания Эвакуационной комиссии от 16 апреля 1916 г.).

питале в 12 млн. руб. оно возбудило ходатайство о выдаче ему 2 млн. руб. безвозвратного пособия и 6,5 млн. руб. ссуды, т. е. 8,5 млн. руб. Конечно, это был ловко задуманный ход. Покровители компании из Министерства торговли и промышленности предложили выдать ей 1329 тыс. руб. безвозвратного пособия и почти 6 млн. руб. ссуды.

Обсуждение вопроса в Эвакуационной комиссии протекало бурно. Представитель военного ведомства обвинял правление в том, что оно сносится с Германией. Несмотря на это, нашлись защитники компании, которые утверждали, что «Всеобщая компания электричества» принесла русскому правительству «колоссальную пользу». Это вынудило одного из членов комиссии выступить против руководства компании с обличительной речью: «Дело в том, что если у нас электричество не развивалось и если оно убито, то только благодаря существованию «Всеобщей компании электричества»... Я считаю ее деятельность скорее вредной, чем полезной, и считаю, что это предприятие должно быть безусловно русским, и нужно сделать это без боязни, так, как это сделали англичане, путем секвестра и передачи в частные руки, если казна не в состоянии будет сама вести дело» [92]. Однако предложение о секвестре не встретило поддержки председательствовавшего Родзянко, который высказался за выдачу компании государственного пособия. Таким образом, государственный орган встал на защиту германского предприятия, хотя и ввел в состав правления инспектора от правительства. Однако о деятельности его нет никаких данных. После чисто технического доследования вопроса об израсходовании полученного компанией от Главного артиллерийского управления 1 млн. руб. вопрос о ссуде вновь был поставлен на обсуждение комиссии в октябре 1916 г.[93] К этому времени еще более убедительно выявилась германская принадлежность предприятия, что признавало и Министерство торговли и промышленности, выступавшее адвокатом компании.

Командующий Северным фронтом сообщил о «массовых случаях шпионства в пользу Германии со стороны служащих общества» [94]. Тем не менее, несмотря на все это, предложение о секвестре компании «в казну по минимальной оценке» не было поддержано. Комиссия высказалась за предоставление компании безвозвратного пособия и ссуды, но пока что отсрочила выдачу пособия до заключения комиссии по борьбе с германским засильем [95]. Это только один из яр-

[92] Там же, д. 362, лл. 154, 160. Журнал 45-го заседания Эвакуационной комиссии от 16 апреля 1916 г.

[93] Там же, д. 35, лл. 232—233. Журнал заседания Эвакуационной комиссии от 5 октября 1916 г.

[94] Там же, лл. 232—233. На комиссии было зачитано присланное 20 мая 1916 г. донесение командующего войсками Северного фронта от 5 декабря 1915 г. о шпионаже служащих этой фирмы в пользу Германии.

[95] К этому времени правление компании приняло уже решение об увеличении акционерного капитала с 12 до 24 млн. руб. Реализация его должна была пройти через Международный банк. Очевидно правление банка сумело заинтересовать некоторых членов комиссии и тем самым обеспечить настойчивую защиту интересов компании в комиссии.

ких примеров антигосударственной деятельности Эвакуационной комиссии, действовавшей зачастую в интересах монополистов и связанных с ними представителей господствующих классов царской России.

«Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов» (бывш. Парвиайнен), добровольно решившее эвакуироваться из Петрограда в Донбасс, поближе к руде и углю, тоже задалось целью построить новые предприятия за счет казны. Оно просило отпустить почти 14 млн. руб. (из них 4,3 млн. руб. в качестве безвозвратного пособия) из государственного сундука. Комиссия Радцига, рассматривавшая заявку, снизила сумму безвозвратного пособия до 3 млн. руб. и оставила сумму просимой ссуды почти неизменной. Однако такой открытый грабеж государственных средств вызвал протест даже податливого Родзянко. «Я не вижу,— говорил он,— почему государство в таких громадных цифрах будет поощрять г. Парвиайнена и тем самым возьмет на себя обязательство всякому, кто купит там участок, также давать деньги.., это не эвакуация, а благодеяние, прикрытое эвакуационными соображениями» [96].

Однако резкая исповедь Родзянко была спокойно выслушана игравшими руководящую роль в Министерстве торговли и промышленности Литвиновым-Фалинским, Чемберсом и прочими «защитниками интересов отечественной промышленности» и г. Парвиайнена [97]. Литвинов-Фалинский для вразумления Родзянко только цинично произнес: «Вся русская промышленность на авансах создана: мы авансы для того и даем, чтобы она развивалась и не попадала в руки банков». Так, выдача многомиллионного пособия прикрывалась флагом защиты интересов независимости промышленности от банков и целиком отвечала стремлению буржуазии всячески поживиться за счет государства.

Вот еще один яркий пример антигосударственной деятельности Эвакуационной комиссии. Крупнейший комбинат Общества северо-западных металлургических, механических и судостроительных заводов (бывш. «Беккер») имел заводы в Либаве, Риге и Ревеле. На постройку одного только большого морского завода в Ревеле Общество затратило 22 млн. руб. Предприятия «Беккер» имели заказы Главного артиллерийского управления на 29 млн. руб. (в счет этих заказов получен аванс в 11 млн. руб.). Кроме того, заводы «Беккер» имели на 17 млн. руб. заказов от морского ведомства.

Начав эвакуацию предприятия, общество «Беккер» получило от казны еще 1,5 млн. руб., в том числе 398 тыс. руб. в качестве безвозвратного пособия. Между тем действительные расходы по перевозке имущества выразились в весьма скромной сумме — в 35—40 тыс. руб. Общество вывезло оборудования всего лишь на 750 тыс.

[96] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 362, л. 171. Стенограмма 46-го заседания Эвакуационной комиссии 21 апреля 1916 г.; см. также д. 35, л. 152.

[97] В. П. Литвинов-Фалинский особенно расхваливал предприимчивость владельцев завода, сумевших увеличить и число рабочих почти в 5 раз: с 1690 до 8 тыс. человек (там же, лл. 173—180).

руб. Таким образом, правительственная ссуда в 2 раза превышала стоимость всего вывезенного оборудования. Часть оборудования завод вывез в Горловку. На строительство новых корпусов он затратил почти 4,5 млн. руб., но ввиду большого финансового напряжения заводы «Беккер» систематически оставались без денег.

В мае 1915 г. (еще до начала эвакуации) правительство отпустило Обществу в виде ссуды свыше 17 млн. руб. Но полученная от правительства огромная сумма не оказала никакого влияния на реальное финансовое положение Общества, так как вся она уплыла в кассы банков в счет покрытия долгов [98]. Такая же участь постигла и полученные в счет заказов от Главного артиллерийского управления 11 млн. руб. Комиссия, обследовавшая завод, установила финансовый дефицит в несколько миллионов рублей и полную необеспеченность выполнения правительственных заказов. Поэтому вопрос о новой ссуде Обществу перерос в общий вопрос о финансовом положении Общества и о возможности выполнения им правительственной программы. После длительного обсуждения сначала в Эвакуационной комиссии, потом в Особом совещании по обороне потребовалось специальное обследование вновь строящегося завода в Горловке, которое было поручено провести Маниковскому. В результате обследования Маниковский высказался за поддержку горловского завода. Однако Эвакуационная комиссия, наконец, небольшим большинством голосов решила поставить вопрос о секвестре завода.

Весь изложенный нами эпизод с заводами «Беккер» показывает, что правительство иногда вкладывало в отдельные предприятия огромные средства, значительно большие, чем весь акционерный капитал, принадлежавший пайщикам Общества [99]. Финансовые дельцы фактически вели дела и получали новые авансы от казны за счет государственных средств.

Все указанные выше примеры, а их можно было бы приумножить, свидетельствуют о чрезмерном расточительстве Эвакуационной комиссии, с легкостью выдававшей предприятиям огромные ссуды и субсидии и недостаточно строго требовавшей, чтобы они быстрее восстанавливались и приступали к работе на оборону.

Так называемый военный фонд являлся тем источником, за счет которого относились все расходы по финансированию эвакуированной промышленности. Отношения между государством, которое представляла Эвакуационная комиссия, и промышленниками, владельцами предприятий складывались в пользу промышленной буржуазии. Не проявляя строгой опеки и регулирования, не мешая промышленникам заключать договоры и получать многомиллионные авансы

[98] Как выяснилось 7 сентября 1916 г. на заседании Эвакуационной комиссии из доклада Литвинова-Фалинского, 14 млн. руб. были переведены непосредственно банкам, а 3 млн. руб.— не прямо, а «через кассу завода» (ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 179. Журнал 65-го заседания Эвакуационной комиссии от 7 сентября 1916 г., см. также д. 35, лл. 206—210 об. Журнал 62-го заседания Эвакуационной комиссии от 24 августа 1916 г.).

[99] Мы не знаем, сколько средств Обществом было получено от морского ведомства, но и кроме этих средств из документов видно, что правительство вложило в заводы еще до их секвестра свыше 30 млн. руб.

под них, Эвакуационная комиссия заботливо пеклась о защите интересов промышленности, причем под флагом «работы на оборону» крупнейшие предприятия получали многомиллионные ссуды и субсидии.

Можно ли установить размер государственных затрат через Эвакуационную комиссию и подытожить опыт восстановления промышленности? Нами найден ряд документов — так называемые отчеты о движении дел, рассмотренные Эвакуационной комиссией, которые позволяют сделать некоторые итоговые обоснованные выводы по первому вопросу [100]. Имеется далее список промышленных предприятий, которым Эвакуационная комиссия разрешила выдать безвозвратные пособия и ссуды на восстановление. Первый список насчитывает 23 предприятия [101], которым комиссия разрешила выдать ссуды с 8 сентября 1915 г. по 8 января 1916 г., т. е. за первые четыре месяца деятельности комиссии. В состав этого списка входят 18 предприятий, эвакуированных из Риги, 3 — из Варшавы, 1 — из Вильно и 1 — из Полоцка [102]. В этом списке преобладают крупнейшие рижские предприятия: «Русско-Балтийский вагонный завод», машиностроительный завод «Пирвиц», крупнейший завод резиновых изделий «Проводник», заводы «Фельзер и К°», «Феникс», «Отто Эрбе», «Стелла» и др. Все 23 завода получили от Эвакуационной комиссии с 8 сентября 1915 г. по 8 января 1916 г. дополнительно к полученным на месте:

Безвозвратное пособие	5 615 847 руб. 85 коп.
Долгосрочные ссуды	34 232 116 » 00 »

За месяц — с 8 января по 8 февраля 1916 г.— еще 9 предприятиям было выдано Эвакуационной комиссией [103]:

Безвозвратное пособие	796 224 руб. 05 коп.
Долгосрочные ссуды	6 053 493 » 00 »

Вместе с предыдущими это составляет солидную сумму — 46 697 680 руб. 90 коп. В среднем получается около 1,5 млн. руб. на предприятие. Кроме того, имеются «дополнительные сведения» к первым двум отчетам, из которых следует, что еще 21 промышленное предприятие получило безвозвратного пособия и ссуд в сумме 12 566 754 руб. 92 коп.[104]

С 8 февраля по 1 мая 1916 г. 15 предприятий получили:

[100] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 124.
[101] Там же, лл. 3—8.
[102] Эти предприятия были размещены в следующих пунктах: 2 — в Рыбинске, 6 — в Москве и Московском уезде, 3 — в Твери, 2 — в Екатеринославе, 2 — в Нижнем Новгороде и по одному в Петрограде, Ржеве, Воронеже, Славянске, Горловке, Саратове, Вязьме и Козлове.
[103] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 124, лл. 29—31.
[104] Там же, лл. 47—48.

Безвозвратное пособие	362 857 руб. 95 коп.
Долгосрочные ссуды	2 437 400 » 60 »

Судя по названию предприятий и по размеру ссуд, это были более мелкие предприятия.

Отсутствуют данные о ссудах с 1 мая по 1 декабря 1916 г., но имеется отчет № 5— с 1 декабря 1916 г. по 1 мая 1917 г., из которого следует, что 14 промышленных предприятий получили [105]:

Безвозвратное пособие	1 385 422 руб. 28 коп.
Долгосрочные ссуды	10 742 938 » 00 »

Эти данные показывают сокращение средств, выдаваемых на каждое предприятие, а также выдаваемых ежемесячно. Если за 8 месяцев 1915—1916 гг. (по 1 мая 1916 г.) было выдано 64,9 млн. руб. (т. е. свыше 8 млн. руб. в месяц), то в 1916—1917 гг. — всего около 2,5 млн. руб. в месяц. Если за май — ноябрь 1916 г., о которых отсутствуют точные отчетные сведения, средние данные ежемесячных расходов принять за 5—6 млн. руб., то это дополнительно составит около 35—42 млн. руб. Следовательно, общую сумму государственных средств, отпущенных Эвакуационной комиссией в распоряжение владельцев эвакуированных предприятий, без большой ошибки можно определить в 100—110 млн. руб.[106]

Отсутствие отчета № 4 не позволяет абсолютно точно определить количество предприятий, получивших ссуды и субсидии. Пока можно определить лишь 82 предприятия [107] (очевидно не более 40 предприятий получили ссуды по отчету № 4). В итоге получается 120—125 предприятий, которым правительство пришло на помощь. Можно предположить, что такое же количество предприятий ссуд не получили. Это предположение строится на следующих данных. В первом случае на 23 предприятиях, получивших ссуды, фигурируют 24 предприятия, которым было отказано в выдаче ссуд и пособия; во втором случае 9 предприятий получили ссуды, 9 предприятиям отказано в них. В числе предприятий, которым отказано, фигурируют такие, как фабрика вязальных лент и шнурков, фабрика роскошных бумаг, паркетный завод и т. д. Эти предприятия также пробовали поживиться за счет государственных средств. Характерно, что Эвакуационная комиссия не проявляла абсолютно никакого интереса к судьбе рабочих. Не было ни одного случая, когда бы комиссия поинтересовалась, получили ли рабочие полагавшееся им посо-

[105] Там же, лл. 51—52.

[106] Сумма в 64,9 млн. руб. поддается точной арифметической проверке по материалам ЦГВИА (ф. 369, оп. 6, д. 124), по описям-отчетам № 1—3, 5 и дополнительным сведениям к отчетам № 1—2. Сумма в 35—42 млн. руб. выведена нами на основе практики работы Эвакуационной комиссии, так как отчет № 4 за семь месяцев 1916 г. отсутствует.

[107] 23— по отчету № 1, 9 — по отчету № 2, 15 — по отчету № 3, 21 — по «Дополнительным сведениям» и 14 — по отчету № 5 (ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 124).

бие, в каких условиях находятся рабочие на новом месте. Между тем случаи возмутительного отношения фабрикантов к рабочим были известны даже в Государственной думе, где в 1915 г. группа депутатов обратилась к военному министру со специальным запросом.

Мы не располагаем исчерпывающими данными, для того чтобы представить полную картину восстановления эвакуированных промышленных предприятий и их участия в работе по выполнению заказов правительства для нужд армии. Приходится восстанавливать картину по отрывочным данным, которые сохранились.

Эвакуация преследовала цель не только сохранить промышленное оборудование от врага, но использовать его для нужд собственной армии. Как видно из имеющихся материалов, Эвакуационная комиссия не вела точного учета восстановленных предприятий. Не располагал этими данными и Центральный военно-промышленный комитет. Наиболее полно можно было бы осветить эту проблему на основе материалов 11 местных комиссий по восстановлению, но их архивов, видимо, не сохранилось. Основываясь на сохранившихся в делах Эвакуационной комиссии и Центрального военно-промышленного комитета частичных данных, мы можем сделать вывод, что на начало марта 1916 г. эвакуационно-реквизиционный отдел, как мы видели выше, имел сведения о 443 эвакуированных предприятиях [108], из которых 70 (менее 20%) предприятий уже работали, а 112 восстанавливались (об остальных предприятиях сведения отсутствовали). В сохранившихся материалах нет данных ни о распределении предприятий по отраслям промышленности, ни о количестве рабочих, ни о ценности продукции, ни о величине полученной ими от государства ссуды. Известно, однако, что Центральный военно-промышленный комитет не был доволен темпами восстановления предприятий и считал их медленными. «Восстановление (предприятий.— *А. С.*) совершается очень медленно. Ссуды для него выдаются с трудом. Подготовительные комиссии по восстановлению еще не приступили к действиям. Для облегчения восстановления отделом собраны сведения об имеющихся свободных помещениях и земельных участках, предлагаемых для нужд эвакуированных предприятий» [109]. Дело восстановления предприятий было целиком предоставлено личной инициативе их владельцев.

Спустя 7—8 месяцев после эвакуации возобновила свою деятельность только незначительная часть предприятий, и около $^1/_4$ предприятий находилось в процессе восстановления на новом месте. Сумели ли они приступить к производству и когда они это сделали — неизвестно. Никакого плана или широкой программы восстановления предприятий ни Эвакуационная комиссия, ни Особое совещание по обороне не намечали. Видимо, не было этих планов и у местных комиссий. Буржуазные организации занимались главным образом ходатайством перед правительством об отпуске средств.

[108] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 21, лл. 93—94. Выписка из журнала Центрального военно-промышленного комитета от 7 марта 1916 г.
[109] Там же, лл. 93 об.— 94.

Московский военно-промышленный комитет, обратившись 1 июля 1916 г. со специальным письмом в Особое совещание по обороне [110], сообщал о крайне печальном состоянии «большинства эвакуированных предприятий». Корень этого тяжелого состояния комитет видел в беспорядочной эвакуации Западного края. В письме указывалось, что деятельность самого комитета в деле помощи эвакуированным предприятиям носила случайный и крайне неуверенный характер. Многие предприятия, «имеющие важное значение с точки зрения государственных интересов, в течение целого года не могут приступить к восстановлению своей деятельности». Очевидно, это было связано не только с недостатком средств у предпринимателей, а с общим экономическим кризисом в стране, мешавшим восстановлению предприятий. Пытаясь выяснить причины, которые мешают восстановлению фабрик и заводов, Московский военно-промышленный комитет приступил к обследованию эвакуированных предприятий. С целью урегулирования вопроса о восстановлении предприятий на новых местах комитет просил Особое совещание предоставить ему права для разрешения «всех вопросов, касающихся дела восстановления эвакуированных предприятий, вплоть до права реквизиции станков, машин и иного оборудования тех предприятий, которые при наличии возможности восстановления своей деятельности будут по тем или иным причинам уклоняться от этого». Разумеется, из этого ходатайства ничего не вышло, так как Особое совещание не имело желания предоставлять право комитету распоряжаться распределяемыми в централизованном порядке государственными деньгами, металлами и т. п.

Однако под давлением буржуазных организаций и их критики деятельности правительственных органов по восстановлению эвакуированных предприятий Особое совещание и Эвакуационная комиссия все же попытались заняться выяснением положения эвакуированных промышленных заведений.

Еще 24 февраля 1916 г. Эвакуационная комиссия вынесла решение об обследовании Московского, Поволжского и Южного районов, где была размещена основная масса эвакуированных предприятий [111]. Однако Эвакуационная комиссия не слишком торопилась. Окончательное решение о поездке и список предприятий, намечаемых для проверки, были утверждены только 5 апреля 1916 г. Было отобрано 45 предприятий, из них: в Южном районе — 15, в Московском — 18, в Поволжском — 12. В Южный район поехал В. П. Литвинов-Фалинский, в Московский — генерал-майор Попов и в Поволжский — профессор Электротехнического института Аваев [112].

Из материалов видно, что обследовались наиболее крупные предприятия, игравшие важную роль в снабжении армии и получившие от правительства значительную финансовую помощь. Представление

[110] Там же, д. 10, лл. 26—28.
[111] Там же, д. 35, лл. 132—133.
[112] Там же, л. 147—147 об. Время объезда было намечено с 15 апреля по 15 мая 1916 г.

Таблица 5

*Сведения о финансировании эвакуированных предприятий на 1 июня 1916 г.**

Район обследования	Количество предприятий	Безвозвратное пособие	Ссуда
		в руб. и коп.	
Южный	13	1 107 949—64	5 122 957—19
Московский	17	4 292 413—85	22 559 764—00
Поволжский	11	3 638 177—85	13 892 119—00
Всего:	41	9 038 541—34	41 574 840—19

* Сведения о размере финансовой помощи были даны о меньшем количестве предприятий, чем было намечено для обследования. Одно предприятие, намеченное к обследованию,— кожевенный завод — в действительности совсем не прибыло на место (ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 362. Журналы 50-го и 52-го заседаний Эвакуационной комиссии от 18 мая и 1 июня 1916 г.; см. также лл. 159—160 об., 164—178).

о размерах этой помощи дает таблица, составленная нами на основании материалов обследования (см. табл. 5).

Итак, обследуемые предприятия получили от казны свыше 50,5 млн. руб., а каждое из них — по 1232 тыс. руб. в среднем, в том числе по 220 тыс. руб. безвозвратного пособия.

Обследователи по приезде сделали чрезвычайно оптимистические выводы, которые были доложены Эвакуационной комиссии. По мнению обследовавшего предприятия Поволжского района Аваева, состояние девяти из одиннадцати предприятий, за исключением заводов «Феникс» и «Шпехт», вполне удовлетворительно. Обосновавшийся в Твери «Русско-Балтийский вагонный завод» «произвел очень хорошее впечатление» [113]. На заводе было установлено 227 станков и осталось установить 269; не прибыл еще 71 станок. Завод уже начал выпускать продукцию. В марте им изготовлено 383 вагона. Успех достигнут благодаря слиянию завода с существовавшим в Твери и располагавшим помещением, оборудованием и сырьем Верхневолжским заводом. Такое же положительное заключение обследователь сделал о литейном заводе «Урсус», объединившемся с заводом Мещанского (Тверь). Завод начал работать, но из-за недостатка алюминия приостановил выделку гранат, и поэтому часть оборудования бездействовала.

Завод «Рессора» в Рыбинске только что приступил к восстановлению: куплен участок земли и завезен кирпич. Хуже было положение, по заключению обследователя, на крупном заводе «Феникс». В разных местах было разгружено 2,5 тыс. вагонов оборудования. Завод получил 1 млн. руб. безвозвратного пособия. Пришлось выде-

[113] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 362, лл. 384—414. Журнал 52-го заседания Эвакуационной комиссии от 1 июня 1916 г.

лить подкомиссию, которая должна была разобраться в делах этого предприятия. Завод пока был далек от начала работы.

Завод «Дитерих и Штраух» в Рыбинске возвел на 75% заводские здания; $^1/_3$ зданий уже использовалась для работы.

В Нижнем Новгороде были осмотрены три завода механического производства — «Фельзер и К°», «Новая Этна» и «Отто Эрбе». Строительные работы на этих предприятиях, как докладывал Аваев, «идут крайне энергично».

Мы намеренно остановились на характеристике отдельных предприятий. Такое ознакомление показало, что оптимистическое заключение обследователя далеко не всегда было вполне обоснованным. На деле оказалось, что наиболее крупные предприятия только приступили к восстановлению, а «Феникс» был совсем в трудном положении. Часть мелких предприятий не имела заказов.

Заключение Попова о предприятиях Московского района тоже было положительным. По его словам, принятые на себя фирмами обязательства выполнялись в договорные сроки и даже досрочно, предприятия фактически восстановлены «в тех частях, которые и прежде работали на оборону» [114]. Однако более детальное ознакомление с положением дел заставляет внести значительную поправку в данную Поповым характеристику. В действительности, из 17 осмотренных предприятий восстановили свою работу только четыре. Шесть предприятий вели постройки, и предполагалось, что они смогут закончить строительство зданий в срок. Но не было известно, когда будет закончен монтаж оборудования и начнутся работы. Трем предприятиям для восстановления в назначенные сроки требовалась дополнительная финансовая помощь от казны. Четыре предприятия — химический завод, завод подков, джутово-льняная фабрика и механический завод — вообще не могли закончить восстановительные работы в назначенные сроки. Таким образом, по Московскому району не было никаких оснований для безмятежного оптимизма Попова [115].

Еще более хвалебным, но менее состоятельным был доклад В. П. Литвинова-Фалинского [116]. Его заключение — полнейшая противоположность полному тревоги письму Московского военно-промышленного комитета [117]. По словам Литвинова-Фалинского, деньги, выданные казной владельцам предприятий, «не только даром не брошены, а принесли плоды, ибо большинство заводов как раз производит то, в чем оборона больше всего нуждается. Заводы «Сириус», «Поле», «Борман», «Лейтнер» и др., если бы им не пришли на помощь,

[114] Там же, д. 362, л 169. Журнал 52-го заседания Эвакуационной комиссии от 1 июня 1916 г.

[115] В делах Эвакуационной комиссии мы нашли упоминание о докладе Попова 30 ноября 1916 г. об осмотре 20 эвакуированных предприятий Московского района, но подробные данные в нем не приводились (ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 362, лл. 420—430).

[116] Там же, лл. 430—436а. Журнал 52-го заседания Эвакуационной комиссии от 1 июня 1916 г.

[117] Там же, д. 10, лл. 26—28.

может быть, они тоже стали бы на ноги, но с большим опозданием, а по главной группе самые крупные заводы дают уже на оборону результаты, и я считаю это произошло потому, что мы вовремя пришли им на помощь, причем не только я, но и мои товарищи пришли к заключению, что многим заводам мы дали меньше, чем мы должны были бы дать, и лишь «Беккер» подведет нас в том отношении, что не обеспечит возврата» [118]. Апологетический характер доклада Литвинова-Фалинского, связанного с промышленными кругами в течение десятилетий, преследовал задачу поощрения Эвакуационной комиссии быть более щедрой в выдаче субсидий промышленникам за счет казны.

Заслушав доклады своих членов, Эвакуационная комиссия решила продолжить объезд и наблюдение за восстановлением предприятий, но не сделала каких-нибудь других, более серьезных и основательных выводов. Таким образом, комиссия была чрезвычайно довольна тем, что через два года войны вступили или вступали в строй только десятки эвакуированных предприятий; несколько десятков предприятий находились еще только в процессе восстановления: судьба же остальной массы мелких предприятий оставалась неопределенной. Так, царское правительство, оказавшись неспособным провести планомерную и своевременную эвакуацию промышленности с запада на восток, своими собственными руками нанесло сильнейший удар по экономическому потенциалу страны.

В связи с медленным ходом строительных работ и монтажа оборудования восстанавливаемых предприятий Эвакуационной комиссии пришлось пересмотреть сроки их восстановления. Вместо 1 октября 1916 г., первоначально объявленного предельной датой для восстановления предприятий, Эвакуационная комиссия в конечном счете отказалась от установления общего предельного срока и стала назначать сроки для каждого отдельного случая. Острый недостаток в металле и кризис железных дорог также тормозили ход восстановления промышленности [119]. Такова неприглядная картина эвакуации и восстановления промышленности при власти помещиков и буржуазии.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующее общее заключение. Правительство, не разработав общего плана эвакуации промышленности из западных районов страны в начале войны, допустило тем самым крупнейшую ошибку. Эта ошибка была усугублена полнейшим бездействием его в отношении эвакуации прифронтового района и после того, как Польша стала ареной боев.

Эвакуация предприятий из Польши и Прибалтики в 1915 г. прошла хаотически, без плана и руководства со стороны правительства. Польская промышленность была эвакуирована в очень малых раз-

[118] ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 362.

[119] Ввиду недостатка металла Комитет по делам металлургической промышленности 30 июля 1916 г. специально предупредил Эвакуационную комиссию о необходимости ограничивать потребление металла и заменять его «другими материалами» (там же, д. 21, л. 124).

мерах Значительное количество вывезенного оборудования было потеряно в дороге, а огромная часть оставлена на месте. Организованные на местах комиссии для восстановления предприятий работали чрезвычайно плохо Все расходы по эвакуации ложились на казну, за счет военного фонда Правительственные эвакуационные органы слишком близко считались с интересами крупнейших предпринимателей и щедро выдавали им казенные средства в виде ссуд и безвозвратных субсидий Но даже и при этих условиях царскому правительству и буржуазии не удалось организовать быстрого восстановления промышленных предприятий Через два года после начала войны и через год после эвакуации в строй вступила только незначительная часть — 20—25% эвакуированных крупных предприятий, что ослабляло экономическую мощь страны

Так, на частном примере военной экономики вскрывается экономическая и политическая отсталость царской России. Господствующие классы царской России — помещики и буржуазия — продемонстрировали свою неспособность не только в организации военных операций на фронтах, но и в организации тыла страны, в частности промышленных ресурсов В области позитивных задач русская буржуазия оказалась неспособна на широкую и смелую инициативу и творчество Прикрываясь эвакуацией, буржуазия преуспела лишь в одном — в получении ссуд и субсидий за счет государственного казначейства.

Глава шестая

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С СОЮЗНИКАМИ ПО ВОПРОСУ ИНОСТРАННЫХ ПОСТАВОК

Иностранные заказы в начале первой мировой войны

Дореволюционное хозяйство России находилось в большой зависимости от иностранных рынков. Ежегодно Россия ввозила на сотни миллионов рублей разнообразных машин и орудий, начиная с крупных и сложных дизелей и кончая швейной машиной, пожарным насосом, сакковским плугом и жнейкой. Маленькая мельница в деревенском захолустье имела дизель, привезенный из-за границы; на полях Дальнего Востока и в других местах пахали иностранными плугами и молотили хлеб на заграничных молотилках.

Все отрицательные стороны зависимости России от заграницы в области машиностроения, химии и т. д. особенно резко сказались во время первой мировой войны. Война прекратила германский импорт, и нужда России в машинах, станках, специальных видах металлов и готовых изделий увеличилась. И казенные учреждения и частные предприятия потянулись на рынки Швеции, Японии, Англии и особенно Америки. Промышленники брали огромные подряды в расчете на покупку станков за границей и расширение производства. Казна закупала станки, оборудование, медицинские товары, размещала огромные военные заказы на порох, толуол, снаряды, винтовки, автомобили и т. п.

Только три казенных оружейных завода (Ижевский, Тульский и Сестрорецкий) заказали за границей в 1914 г. 2500 станков; 14 заводов Главного артиллерийского управления разместили заграничных заказов на 9,2 млн. руб. [1] Большая часть этой суммы была затрачена на станки и оборудование для арсеналов, трубочных и пороховых заводов.

Только для двух пороховых заводов (Казанского и Михайловско-Шостенского) и двух трубочных (Самарского и Петроградского) заказы, главным образом на станки, достигали солидной суммы — 2988 тыс. руб.

Еще больший спрос на станки предъявили частные заводчики, перед которыми военный министр в сентябре 1914 г. поставил задачу наладить изготовление артиллерийских снарядов «в возможно широких размерах». Чтобы выполнить ее, заводам надо было закупить в Англии, Швеции и Америке новые станки и прессы, на что требовались деньги и время.

[1] ЦГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 710, л. 76.

Помимо оборудования русское правительство стало сразу же закупать предметы интендантского снаряжения. Заказы Главного интендантского управления уже в начале войны достигли больших размеров, составив к февралю 1915 г. 64 млн. руб. Из-за границы выписывались сукно, седла, сапоги, сумки, поясные ремни, подковы, шипы к подковам, мешки и много других самых разнообразных предметов [2]. Половина заказов (32,3 млн. руб.) была размещена в Японии, затем шла Америка (около 20 млн. руб.) и на последнем месте стояла Англия (около 12 млн. руб.). Оплата заказов должна была производиться в иностранной валюте.

С каждым месяцем войны потребность Военного министерства и русской военной промышленности в станках, материалах, машинах и т. д. все увеличивалась. Каждый перечень заграничных заказов, направляемый Военным министерством для согласования с министром торговли и промышленности и министром финансов [3], становился все объемистее, а итоговая сумма заказов неизбежно вырастала до десятков, а иногда и сотен миллионов рублей. 16 июня 1915 г. Военное министерство отправило на согласование очередной перечень заграничных заказов на 66,86 млн. руб. [4] В этом списке особенно велики были требования Главного военно-технического управления — на 1484 автомобиля, 74 трактора, 3 тыс. мотоциклов и т. д.— всего на сумму 24 млн. руб. [5] В этом списке заказов имеются и предметы непосредственно боевого снаряжения: 400 тыс. винтовок и 100 тыс. винчестеров фирме Балдвинна на сумму 25,5 млн. руб., 76 орудий и 120 тыс. гранат.

В связи с организацией Особого совещания по обороне и расширением иностранного кредита размер иностранных заказов и закупок еще более увеличивается, а главным рынком русских закупок становятся Соединенные Штаты Америки. В конце 1915 и в 1916 г. были нередки случаи, когда на заседании Особого совещания утверждались контракты сразу на сотни миллионов рублей.

[2] Там же, лл. 8—9. Справка о сумме подлежащих уплате заграничных заказов по Интендантскому управлению. Справка датирована 21 февраля 1915 г., подписана Орловым. Заказы сделаны в Японии, Англии и США.

[3] 13 марта 1915 г. Совет министров изменил порядок размещения иностранных заказов по военному ведомству. До этого времени на каждый заказ свыше 10 тыс. руб. требовалось согласие министра торговли и промышленности, заказ свыше 30 тыс. руб. разрешался Военным советом, а на более крупные суммы каждый раз требовалось разрешение царя. 23 августа 1914 г. Совет министров потребовал согласия министра финансов на предоставление иностранной валюты. Согласно решению Совета министров от 13 марта 1915 г., утвержденному царем 9 апреля 1915 г., все иностранные заказы и покупки военного ведомства окончательно разрешались Военным советом без ограничения суммы и без испрошения в каждом отдельном случае «высочайшего на то соизволения». Требование о согласовании заказов с министром торговли и промышленности и министром финансов осталось. Отчеты по каждому заказу в Совете министров отменялись, лишь в конце года представлялась ведомость заграничных заказов (там же, лл. 23—24 об.).

[4] Там же, л. 81. Здесь не рассматриваются заказы Министерства путей сообщения, достигшие огромных размеров.

[5] *Н. Козлов.* Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну, ч. 1. М., 1926, стр. 25—26.

Зависимость России от заграницы наиболее остро сказалась в снабжении ее автомобилями, производство которых в очень незначительных размерах было организовано только на «Русско-Балтийском вагонном заводе», изготовлявшем легковые автомобили. Летом 1916 г. было приступлено к строительству пяти частных автомобильных заводов — в Москве, Ярославле, Рыбинске и Нахичевани (Ростов-на-Дону). Полученный этими предприятиями заказ на автомобили они должны были выполнить лишь в 1918 г., следовательно, для снабжения России автомобилями во время войны строительство новых заводов не имело значения. На деле ни один из этих заводов до Великой Октябрьской социалистической революции не был закончен, а оборудование из-за границы не получено.

Автомобильное дело в русской армии до войны было в полном загоне. Лишь 15 октября 1913 г. военный министр представил царю доклад об организации автомобильного дела в армии.

Предполагалось в течение 6 лет начиная с 1914 г. организовать 44 отдельные автомобильные роты с 5 армейскими и 39 корпусными транспортами; 1 запасный автобатальон, 1 запасную автороту; открыть 1 автомобильную военную школу; организовать 6 тыловых ремонтных мастерских и столько же центральных складов для бензина. В первую очередь предполагалось организовать 29 автомобильных рот. Но эти мероприятия являлись составной частью большой военной программы, а потому к началу войны не были выполнены.

К 1914 г. во всей армии было всего лишь 5 автомобильных рот, 6 отдельных команд и учебная автомобильная рота [6], в которых находилось 418 грузовых, 259 легковых, 2 санитарных и 32 вспомогательных автомобиля, а также 101 мотоцикл и 2 трактора. Следовательно, внедрение механизации в армию едва делало первые шаги. Значение и роль бронированных и санитарных автомобилей, тракторов, как признавала Верховная комиссия, «военным ведомством выяснены не были». К разработке этих вопросов было приступлено только во время войны [7].

После объявления мобилизации от населения поступило в армию свыше 4000 машин, но главным образом легковых; грузовых же среди них было всего 475 штук.

Все потребности страны в автомобилях и тракторах должны были целиком удовлетворяться за счет заграничного ввоза.

Для получения автомобилей к июлю — августу 1915 г. Главное военно-техническое управление предлагало произвести заказ во Франции, Италии, Швейцарии, Англии и Америке. Первая партия закупленных автомобилей, на покупку которых было израсходовано около 24 млн. руб., включала 1216 машин, в том числе 48 бронированных. П. И. Секретов, стоявший во главе закупочной комиссии, купил автомобили со скидкой от 4 до 33% против прейскурантной

[6] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 35, лл. 104—105. Свод сведений о самодвижущихся повозках и выводы из этих сведений.

[7] Там же.

цены мирного времени. Эта покупка считалась чрезвычайно выгодной, однако комиссия закупила автомобили «самых разнообразных фирм» (более 20 марок), что, несомненно, затрудняло техническую эксплуатацию автомобильного парка.

В конце 1914 г. выяснилось, что потребности армии в автомобилях далеко не удовлетворены, и Главное военно-техническое управление, сообразуясь с указаниями Штаба верховного главнокомандующего, решило закупить за границей новую партию машин: 3938 автомобилей и 278 тракторов [8]. Закупку автомобилей решено было произвести в Америке, пользуясь посредничеством двух фирм — «Гастон» и представительницы американской экспортной фирмы «Фриде» банкирской конторы «Маврикий Нелькен», что должно было обеспечить однотипность машин. Фирма «Маврикий Нелькен», в свою очередь, завязала связи с неким Метальниковым, имевшим доступ к Сухомлинову. Так, через ряд посредников военное ведомство стало закупать американские автомобили. Первый заказ был скромен — всего 234 автомобиля, которые были доставлены во Владивосток. Потребность в автомобилях быстро росла. Из показаний, данных Верховной следственной комиссии совладельцем фирмы «Маврикий Нелькен» неким Берлином, видно, что эта фирма получила в дальнейшем, при Сухомлинове, три заказа на автомобили в количестве 4470 штук по цене 4062 доллара за штуку [9]. Общая сумма заказа достигла 56,8 млн. руб. Пантелееву, расследовавшему дело с поставкой этой фирмой автомобилей, эта цена казалась, и не без основания, завышенной, ибо посредники руководствовались «побуждениями личной наживы», тогда как работник Военного министерства барон Ропп считал поставки фирмы «Маврикий Нелькен» «наиболее выгодными». После отставки Сухомлинова данная фирма больше не получала заказов на поставку автомобилей.

26 февраля 1915 г. Военный совет разрешил Главному военно-техническому управлению заказ на автомобили в Америке указанным выше фирмам в количестве 3511 машин на сумму около 40 млн. руб. Военный совет выступил сторонником европейских марок, считая их более высококачественными, чем американские машины. Однако Главное военно-техническое управление, вопреки мнению Военного совета, большую часть заказов отдало прежним контрагентам (Гастону и Нелькену), а в Европе — во Франции и Италии — заказало лишь 1045 автомобилей. Из-за американских заказов происходили пререкания, так как Особое совещание по обороне по инициативе А. С. Лукомского считало, что американские заказы дороги. До апреля 1915 г. на закупку автомобилей было всего израсходовано 86 млн. руб. [10]

[8] Там же, л. 123.

[9] Там же, лл. 123—124.

[10] Там же, л. 124. В выводах члена Верховной следственной комиссии генерал-адъютанта Пантелеева по вопросу о закупке автомобилей говорится: «Надо заметить, что автомобили, поставляющиеся г.г. Гастоном и Маврикием Нелькен, изготовлялись на американских заводах, изделия которых в качественном отношении хуже изделий английских и вообще европейских заводов, на что такое компетентное учреждение, как Военный совет, указывал Глав-

Новый заказ был рассмотрен и утвержден Военным советом 22 апреля 1915 г. в количестве 3217 автомобилей, 65 тракторов, 3000 мотоциклов и 3000 самокатов. После смещения военного министра Сухомлинова получил отставку и начальник Главного военно-технического управления Е. Э. Ронп, замененный Г. Г. Милеантом, под руководством которого был разработан план снабжения армии автомобилями до 1 июня 1916 г., т. е. еще на год вперед. По этому плану общая потребность армии в автомашинах достигала 24,5 тыс. автомобилей, 16,5 тыс. мотоциклов, 24 тыс. самокатов и 500 штук прицепных повозок. До 1 ноября 1915 г. в счет этого плана было заказано 13 272 автомобиля, 6418 мотоциклов, 15 823 самоката и 147 повозок [11].

Кроме 128,5 млн. руб., которые уже были израсходованы по будущим заказам, предстояло затратить на закупку автомобилей еще 164 млн. руб. Таким образом, сумма, которая нужна была для удовлетворения потребностей русской армии в автомобилях до июня 1916 г., составила почти 300 млн. руб. [12]

В ноябре 1915 г. Особое совещание по обороне утвердило заказ на 164 млн. руб., не произведя никаких изменений в представлении Главного военно-технического управления [13]. Как видно из табл. 6, большую часть заказа предполагалось разместить опять-таки в США, потом идут Франция, Англия, Италия и Швейцария.

Логикой событий русское правительство вынуждено было обращаться к американскому рынку. Грузовые автомобили 4—5 т покупались исключительно в Америке, от 1,5 до 3 т — в большей своей части в Америке. Там же заказывались на $^2/_3$ легковые автомобили, а $^1/_3$ заказа размещалась в трех европейских странах; в такой же пропорции распределялся и заказ на мотоциклы.

Среди закупленных за границей автомобилей значительное количество приходится на долю бронированных. Сперва было закуплено 48 автомобилей английской фирмы «Остин», но эта покупка оказа-

ному военно-техническому управлению, вносившему представление в этот совет о заказе автомобилей г.г. Гастону и Маврикию Нелькен. Но, несмотря на это, а также на то, что представитель ГВТУ в Лондоне генерал Рубан доносил Военному министерству о том, что лучшие английские заводы предлагают поставлять автомобили для нашей армии, генерал барон Ронп с одобрения генерал-адъютанта Сухомлинова предложил предоставлять заказы на автомобили г.г. Гастону и Маврикию Нелькен даже без предварительного на то решения Военного совета; причем генерал Рубан на свои донесения или вовсе не получал ответа, или ему сообщалось, что надобностей в автомобилях не встречается, а в Военный совет вносились представления о заказе автомобилей г.г. Гастону и Маврикию Нелькен, как о совершившихся уже фактах». Впоследствии Сухомлинов обвинялся в связи с этими заказами в особой материальной заинтересованности. Однако материалы следствий не дают оснований для подобных заключений. Добавим от себя, что ориентировка военного министра на американские заказы была вынужденной, ибо ни английские, ни французские рынки не могли удовлетворить потребности России в автомобилях, возраставшие чрезвычайно быстрыми темпами и достигшие огромных размеров.

[11] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 35, л. 129—129 об.

[12] Там же, л. 130.

[13] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 54, лл. 78—79. ЖОСО, № 24, 14 ноября 1915 г.

Таблица 6

Распределение заказов Главного военно-технического управления на автомобили и мотоциклы (ноябрь 1915 г.) *

Наименование военного имущества	Общее количество заказанного имущества	В том числе предполагалось заказать				
		во Франции	в Англии	в Италии	в Швейцарии	в США
Автомобили:						
грузовые 5 т	158	—	—	—	—	158
» 4 »	65	—	—	—	—	65
» 3 »	2119**	200	—	200	100	1690
» 1,5—2 »	2186	200	400	200	100	1286
» 1 »	365	—	—	—	—	365
» 1—1,2 »	165	—	—	—	—	165
легковые	4667	600	600	400	—	3067
санитарные	351	150	—	201	—	—
бронированные пулеметные	90	—	90	—	—	—
» пушечные	71	—	—	—	—	71
Автомобили вспомогательного значения:						
цистерны 2—3 т	96	—	—	—	—	96
цистерны 1 т	127	—	—	—	—	127
мастерские тяжелого типа	131	—	50	—	—	81
» легкого типа	216	—	50	—	—	166
кухни	225	—	100	—	—	125
омнибусы	67	—	—	—	—	67
депо	65	—	—	—	—	65
Мотоциклетки	8893	1000	1000	1000	—	5893

* ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 35, л. 130.
** Итог не сходится. Так в документе.

лась неудачной, так как броня толщиной 3,5—4 мм пробивалась из ружей и пулеметов на расстоянии 150 шагов [14].

[14] Первый бронированный автомобиль с двумя пулеметами был изготовлен в России еще в русско-японскую войну, но оказался слишком тяжелым. После этого вопрос о бронированных автомобилях был забыт и не поднимался до начала первой мировой войны. Инициатива применения этого типа автомобиля в армии принадлежит С. В. Добржанскому, ознакомившемуся с ним во Франции на заводах Крезо. Из бронеавтомобилей, купленных у фирмы «Остин», были сформированы первые четыре взвода пулеметной роты. Кроме пулеметов на некоторых автомобилях устанавливалась и 37-мм пушка. Огромную роль в организации производства частей для бронированных автомобилей в России сыграл Ижорский завод. Он поставлял броню от 4 до 5 мм, не пробиваемую ружейной пулей с расстояния 200 шагов. Именно Ижорский завод оборудовал первые в России броневики, не пробиваемые ружейной пулей на расстоянии 200 шагов. Он также ввел вооружение их 37-мм пушкой. Впоследствии к работе по производству бронированных автомобилей был привлечен некий Братолюбов, проводивший свои опыты в небольшой мастерской. Он получал не менее 14 тыс. руб. за бронирование каждого автомобиля, в то время как на Ижорском заводе бронирование пу-

15 июля 1916 г. Особое совещание утвердило новый заказ на покупку автомобилей и автомобильного имущества на 143,2 млн. руб. Следовательно, на снабжение русской армии иностранными автомобилями только до конца 1916 г. была израсходована огромная сумма почти в 450 млн. руб., а если учесть дальнейшие заказы, то общая сумма расходов по этой статье достигает 600 млн. руб.

* * *

К заграничным заказам на боевое снабжение — винтовки, патроны, снаряды, взрыватели — было приступлено еще в 1914 г. В сентябре 1914 г. французский посол Палеолог передал военному министру Сухомлинову просьбу генерала Жоффра спросить его, «достаточно ли снабжена императорская российская армия артиллерийским снаряжением для непрерывного продолжения враждебных действий» [15]. Ответ Сухомлинова был весьма успокоительный. По его мнению, снаряжение русской армии «не внушает никакого серьезного опасения». Сухомлинов заверил союзников, что им принимаются «все необходимые меры» для обеспечения русской армии снарядами. Впоследствии лидеры буржуазии обвиняли Сухомлинова в стремлении ввести союзников в заблуждение и в нежелании воспользоваться французской помощью. Чрезвычайная следственная комиссия по делу Сухомлинова пришла к необоснованному выводу, будто Военное министерство и его орган — Главное артиллерийское управление — «очень мало» воспользовались в начале войны «помощью заграничной промышленности» [16]. Только в декабре 1914 — январе 1915 г. утвердилось мнение о продолжительности войны, но тогда уже якобы стало трудно размещать заказы «вследствие переполнения рынка» другими воюющими странами.

Между тем документы указывают на довольно значительное количество военных заказов, размещенных за границей вскоре после начала войны. Уже в августе начались переговоры с американской фирмой «Дюпон» о поставках пороха, а 30 сентября 1914 г. был дан первый заказ на поставку 67 000 пудов пороха [17]. Требование Ставки в сен-

леметного автомобиля стоило около 2,5 тыс. руб., а пушечного — 3,5 тыс. руб. Дороговизна у Братолюбова объясняется кустарными методами работы и отсутствием собственной брони, которая доставлялась ему с Ижорского или Обуховского завода. До февраля 1916 г. на фронт было отправлено всего 117 бронированных автомобилей (ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 35, лл. 136–137 об.).

[15] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 51, л. 257. Перевод ноты Палеолога и ответа Сухомлинова; д. 23, стр. 165. Нота Палеолога и ответ Сухомлинова на фр. яз. Как видно из дела, оригинал ноты от 28 сентября 1914 г. и две копии, заверенные французским послом, были переданы Сазоновым Верховной следственной комиссии.

[16] Там же, д. 13, л. 43. Заключение Чрезвычайной следственной комиссии по делу о бывшем военном министре.

[17] Там же, д. 48, л. 63 об. Свод сведений о снабжении армии порохом. Всего за границей было заказано по 1 ноября 1915 г. около 3 млн. пудов пушечного и винтовочного пороха. За то же время (апрель — 1 ноября 1915 г.) прибыло в Россию около 155 тыс. пуд. пушечного и винтовочного пороха. Заказы пороха в 1915 г. значительно увеличиваются (там же, прилож. № 4, стр. 77—77 об.).

тябре 1914 г. доставлять ежемесячно 1,5 млн. артиллерийских снарядов резко повысило потребность в пушечном порохе, доведя ее до 87,2 тыс. пуд в месяц, которые нельзя было покрыть собственным производством [18] Тогда были начаты «переговоры о поставках пороха из-за границы» [19].

Но с порохом повторилось то же, что и с винтовками: предложений было много, но в большинстве это были предложения спекулянтов Как показал И К Ястребов, ведавшии этими вопросами в ГАУ, при ознакомлении с поставщиками «было выяснено, что все они являлись лишь перекупщиками, преследовали только цели наживы и не заслуживали ни серьезного внимания, ни даже доверия. Ввиду этого все подобные предложения были отклонены, и Главное артиллерийское управление командировало на заграничные заводы своих чинов, при посредничестве коих, а также и через местных военных агентов вошло в непосредственное сношение с известными пороховыми заводами в Америке и Японии» [20].

В начале января 1915 г фирме «Дюпон» был выдан весьма значительный заказ на 166,7 тыс. пуд. пороха, а в феврале 1915 г. порох был куплен в Японии [21]

Покупка винтовок за границей началась в сентябре 1914 г. в Японии, куда была отправлена специальная миссия под руководством Э. К. Гермониуса [22]. Многие предложения на винтовки, поступившие в 1914 г , были отклонены ввиду отсутствия «уверенности в серьезности предложения» [23] Все же несколько партий винтовок было куплено В ноябре 1914 г заводу «Винчестер» был сделан заказ на 100 тыс винтовок, а в январе 1915 г заводу Ремингтона выдан заказ на 1200 тыс. винтовок [24]

С начала войны и по конец декабря 1914 г в Россию поступило свыше 116 тыс. мексиканских и японских винтовок Винтовки, доставленные в Россию в январе — марте 1915 г в количестве 125 тыс , также, вероятно, относятся к покупке еще 1914 г. [25]

В конце октября 1914 г Военное министерство заказало Виккерсу

[18] Эта потребность в снарядах продержалась до мая 1915 г, когда была повышена и достигла 110 парков в месяц, на что требовалось 134,3 тыс пуд пороха, а в ноябре 1915 г потребность в снарядах была повышена до 142 парков, что требовало 177,4 тыс пудов пушечного пороха в месяц (ЦГВИА, ф 962 оп 1, д 54, л 224 об Показания И К Ястребова)

[19] ЦГВИА, ф 962, оп 2 д 54, л 224 об

[20] Там же, л 225 об

[21] За год (с 24 октября 1914 г по 21 октября 1915 г) покупка пушечного пороха за границей достигла огромного количества 2527 тыс пуд, в счет которого в Россию прибыла ничтожная доля — 143 тыс пуд, что составляет около 5% заказанного Винтовочного пороха заказано 424,3 тыс пуд, а прибыло 125 тыс пуд — 29% (там же, л 226--226 об)

[22] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 48, лл 35--36 Свод сведений о численном составе войск, ружей и патронов

[23] Там же, л 36

[24] Там же, л 36 об В мае 1915 г через британское правительство заказано Вестингаузу 1 млн винтовок а в июле того же года — еще 800 тыс

[25] Там же, д 54, л 99 Ведомость действительному поступлению винтовок

1 млн трубок для артиллерииских снарядов [26] с обязательством закончить поставку к 1 октября 1915 г Согласно справке А. П Вернандера председателю Верховной комиссии Н П Петрову, до 1 января 1915 г за границей было заказано 4 млн снарядов, а заводам в России было выдано заказов на 7 млн снарядов Таким образом, заграничные заказы составляли в начале войны немногим более $^1/_3$ артиллерийских снарядов (36%) [27] Весной и летом 1915 г. в связи с обнаружившимся кризисом вооружения количество заграничных заказов на предметы боевого снаряжения армии увеличилось.

29 июня 1915 г Особое совещание рассматривало несколько предложений на поставки винтовок из США Эдвардса — на поставку 1 млн. маузеров со штыками и тысячью патронов на винтовку; Аллистера Смита — на поставку 700 тыс трехлинеиных винтовок с тысячью патронов на каждую, Ашеберга — на поставку трехлинейных винтовок с тысячью патронов и штыком на каждую [28]. Совещание принципиально одобрило предложенные условия поставок, выставив ряд непременных требований о порядке расчета Однако это решение было сугубо предварительным Совещание поручило военному ведомству точнее ознакомиться с возможностью выполнения контрагентами предполагаемых поставок и еще раз обсудить предложения в подготовительной комиссии, которая должна была внести окончательное заключение в Особое совещание Среди рассмотренных трех предложений по крайнеи мере два были серьезные и внушали уверенность в реальности сделки.

На ближайшем заседании Особого совещания подготовительная комиссия доложила о новых предложениях на винтовки [29] — в большинстве своем авантюрных попытках иностранных и русских дельцов надуть доверчивых представителей русского правительства и получить задаток

Об ажиотаже и спекуляции вокруг русских заказов, особенно на винтовки, подробно рассказывается в отчете Особои распорядительной комиссии по артиллерийской части, а также и в литературе [30]. Авантюристы являлись в Военное министерство нередко с рекомендациями русских и союзных министров Разные лица настойчиво предлагали русскому военному атташе в Англии Тимченко-Рубану, военному атташе во Франции А. А Игнатьеву, председателю Государственной думы Родзянко и другим партии американских винтовок Краг-Юргенсона, которых американское правительство продавать не собиралось Авантюристы не прекращали своей «деятельности» и после того, как военный министр Соединенных Штатов официально

[26] ЦГВИА ф 962, оп 2, д 13, заказ был выполнен с опозданием на год Самая же поставка началась лишь 1 марта 1916 г

[27] Там же, д 6, л 22 об

[28] Там же, ф 369, оп 1, д 50, л 32 об ЖОСО, № 18, 29 июля 1915 г

[29] Там же, д 92 ЖОСО, № 20, 5 августа 1915 г

[30] Там же, ф 962, оп 2, д 7, лл 43—52, *А Барт* На фронте артиллерийского снабжения — «Былое», 1925, кн 6(34), *А С Лукомский* Воспоминания, ч II Берлин, 1922 *А А Маниковский* Боевое снабжение русской армии в мировую воину М, 1937, стр 97—100

сообщил, что правительство не продаст этих винтовок [31]. Винтовки «продавали» в Аргентине, Бразилии, Испании, Китае. Посредниками выступали отдельные лица, парижское отделение Петроградского международного банка, Русско-Азиатский банк (фирма Стахеева). Дело доходило до того, что из России был командирован приемщик винтовок в Рио-де-Жанейро, зафрахтованы пароходы для перевозки, но винтовок на деле не оказалось. Мошенническими были также многочисленные предложения пулеметов и артиллерии.

Многие иностранные фирмы искали посредников в России из числа лиц, имевших большие связи при дворе. Некто Мекки (Mackie), представитель Канадского поставочного комитета полковника Аллисона, имевший прекрасные рекомендации от Вильямса и великобританского посла Бьюкенена [32], не сам лично заключил контракт на поставку России 2 млн. готовых шрапнельных патронов, а через темного дельца В. Д. Думбадзе, ездившего для шпионских целей в Германию и потом арестованного за шпионаж, и двух его сообщников. Сумма контракта достигала 31,4 млн. долларов. Контракт с ГАУ был заключен 12 декабря 1914 г. Как показал арестованный Думбадзе [33], ни «представители фирмы», ни сама фирма Аллисона не собирались выполнять этого контракта. Это была мошенническая «коммерческая» сделка, заключенная с намерением передать выполнение заказа «нескольким американским предприятиям, но оказалось возможным уступить его целиком фирме Canadian Car C°». На этой операции только компания жуликов во главе с Думбадзе «заработала» 1 400 000 долларов [34].

Вероятно, реальные возможности «поставщиков» были ясны чиновникам Министерства финансов. И действительно, как впоследствии свидетельствовал Смысловский, дело с поставкой снарядов фирмой Аллисон «закончилось полным и громким провалом», и в феврале 1915 г. контракт был передан обществу канадских вагонных и литейных заводов в Монреале.

Еще более крупную мошенническую сделку пытался совершить американский авантюрист Армстронг-Шелито, предложивший поставить русскому правительству 6 млн. пушечных патронов на сумму 160 млн. руб. В этой неудавшейся авантюре также участвовал Думбадзе, «камергер двора» Казицын и ряд других лиц.

Иностранные заказы в первые месяцы войны, по отзыву правительственной комиссии, «представляли собой печальную картину вследствие несоблюдения сроков, недостаточной оборудованности заводов и стремления получить наибольшую денежную выгоду от даваемых заказов» [35].

По данным отчета военного министра за 1915 г., за границей бы-

[31] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, л. 186 об.
[32] «Красный архив», 1928, т. 1 (26), стр. 37.
[33] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 50, лл. 23–24. Из протокола допроса Думбадзе 21 июля 1916 г.
[34] Там же, д. 36, лл. 171—172.
[35] Там же, д. 13, л. 43. Заключение Чрезвычайной следственной комиссии по делу Сухомлинова.

ло заказано «более 3,5 млн. винтовок под наши патроны, и ныне (1916 г.— *А.С.*) дается американским заводам заказ на 2,7 млн. винтовок» [36]. Эти данные, по нашему мнению, являются преувеличенными, потому что шесть с лишним миллионов винтовок Россия за границей не заказывала. В числе поступивших из-за границы в 1915 г. винтовок указано свыше 446 тыс. японских винтовок, отправленных на вооружение действующей армии. Кроме того, были приобретены за границей, но, по всей видимости, еще не поступили в Россию 1087 тыс. винтовок разных систем: Гра, Гра-Кропачек, Веттерли и мексиканские. В 1915 г. из Америки было получено 93,2 тыс. трехлинейных винтовок и 191,6 тыс. винчестеров; из Японии поступило 271,6 тыс. винтовок; винтовок Гра, Гра-Кропачек, Лебеля и Веттерли было получено 63 тыс. Всего за время первой мировой войны в Россию было доставлено заграничных винтовок: Японией — 635 тыс. штук, Францией (трех систем) — 641 тыс., Италией — 400 тыс., Англией — 128 тыс. и США — 657 тыс., а всего 2461 тыс. штук [37].

На вооружении русской армии оказались винтовки десяти образцов. Чтобы получить из Америки сравнительно незначительное количество винтовок, потребовалось выдать заказы трем заводам: Вестингауза, Ремингтона и Винчестера.

Крупные солидные американские поставщики плохо справлялись с организацией нового производства. Еще осенью 1915 г. в своих объяснениях Верховной следственной комиссии вел. кн. Сергей Михайлович выражал большое сомнение в реальности поставок винтовок американскими фирмами. Действительность оправдала худшие предположения. К апрелю 1917 г.— времени, намеченному для окончания всех поставок (3800 тыс. винтовок),— «Вестингауз» сдал 12% заказа, а «Ремингтон» — всего лишь 9%. Единственный завод, полностью и в срок выполнивший взятое обязательство на поставку 300 тыс. винтовок, был завод Винчестера.

В связи с острейшим кризисом в деле снабжения армии оружием и боеприпасами [38] в январе 1915 г. была создана Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части, возглавленная вел. кн. Сергеем Михайловичем. Наряду с мерами по увеличению внутреннего производства комиссия производила заказы за границей. Сергей Михайлович получил право непосредственного сношения с английским военным министром лордом Китченером.

Военные предприятия в Англии, Америке и во Франции только что строились. Англичане формировали сухопутную армию, поэтому заказы русского правительства, даже если и принимались, к назначенному сроку не выполнялись. Отсутствие валюты также тормозило

[36] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 115, л. 3. Всеподданнейший доклад по военному министерству за 1915 год.

[37] *А. А. Маниковский.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну, стр. 291.

[38] Катастрофическое положение со снарядами и патронами нашло свое яркое отражение в переписке Янушкевича с Сухомлиновым («Красный архив», 1922, т. 1—2).

заграничные покупки. Тем не менее комиссия широко развернула заграничные заказы [39]. В Америку была послана специальная комиссия во главе с А. В. Сапожниковым, а в Англию — энергичный и знающий Э. К. Гермониус, ставший потом основным работником Англо-Русского комитета [40]. В Париже активную деятельность по закупкам развернул военный атташе А. А. Игнатьев.

В кратком обзоре деятельности Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части [41] указывается, что, несмотря на многочисленность и разнообразие, «заграничные покупки все же являлись паллиативом по покрытию дефектов отечественной промышленности». Однако это едва ли правильно, ибо комиссия продолжала начатую еще до нее практику равнения на иностранные заказы. От русской промышленности не ждали быстрого эффекта, поэтому собирали во всех странах все, что было можно. Ставка настойчиво требовала от военного министра и вел. кн. Сергея Михайловича винтовок, патронов, снарядов к артиллерии, колючей проволоки, пулеметов, а более всего винтовок и патронов.

Во время приезда в Ставку царя ему была приоткрыта картина действительного положения со снарядами, и он распорядился усилить их заготовку за границей. Решение царя было передано 15 января 1915 г. телеграммой военному министру. В этой телеграмме говорится, что царь «повелел» вести заготовку орудийных патронов так, чтобы ко дню заключения мира их наличность была не ниже 2000 на орудие. Поэтому считалось «крайне желательно использовать все предложения заграничной промышленности, дабы хотя бы с марта сразу стать [в] возможно лучшие нормальные условия» [42]. По тем же причинам царь приказал купить все предлагаемые за границей винтовки. Янушкевич просил военного министра приступить к исполнению «воли его величества». Комиссия стала цепляться за каждое предложение. Так, в феврале 1915 г. фирма Росса предложила поставить 1 млн. винтовок. Русское правительство приняло предложение, но фирма отказалась от контракта. В апреле было заключено соглашение с американской фирмой «Вестингауз» на 1 млн. трехлинейных винтовок. Винтовки покупались в Японии, в Бразилии, в Аргентине, в Италии, но большинство предложений были дутыми. Попытка купить итальянские винтовки Веттерли не удалась вследствие колебаний политической позиции Италии, «частью вследствие новых и новых контрагентов, утверждавших свое право на эти винтовки» [43].

[39] Сухомлинов, в частности, в письме к Янушкевичу 21 ноября 1914 г. ясно показал, что на иностранные заказы денег считать не стоит. «Денег все это стоит огромных, но о них теперь и говорить непристойно» («Красный архив», 1922, т. 2, стр. 136). Вся переписка между Янушкевичем и Сухомлиновым показывает, что военный министр больше надеялся на американские ружья, которые «лучше нашего ружья», чем на русскую промышленность.

[40] Почетным председателем его является вел. кн. Михаил Михайлович.

[41] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 24, лл. 221—223.

[42] Там же, ф. 29, оп. 3, д. 733, л. 1.

[43] Там же, ф. 962, оп. 2. д. 24. лл. 221—223 об. Краткое извлечение из отчета о деятельности Особой распорядительной комиссии.

Снаряды и пушечные патроны закупались везде, где только можно было разместить заказ. Полковник Игнатьев заказал 2,3 млн. снарядов во Франции. Он, кроме того, предлагал в феврале 1915 г. разместить заказ на 2 млн. артиллерийских патронов группе испанских фабрикантов, но «без бездымного пороха и взрывчатого вещества для гранат» [44]. Одновременно им велись переговоры с швейцарскими фабрикантами часов с целью привлечь их к изготовлению дистанционных трубок и детонаторов. Полковник Игнатьев потому обратился к швейцарцам, что французы «не допускали своих фабрикантов к заключению со мной (т. е. с Игнатьевым.— *А. С.*) каких бы то ни было договоров» [45].

Предложения Игнатьева не встретили одобрения Военного министерства, так как заказ патронов «без боевого снаряда и взрывчатого вещества делу снабжения нас боевыми припасами не поможет». Ссылаясь на крупные заказы патронов, уже размещенные в Америке [46], которые начнут поступать «заведомо раньше» испанских, Игнатьеву было послано категорическое предписание «заказов в Испании не производить» и вообще прекратить все попытки размещения заказов на пушечные патроны за границей. От предложения швейцарцев также отказались. Ограничение инициативы Игнатьева объясняется главным образом нажимом на русское правительство со стороны лорда Китченера в вопросах снабжения России боевыми припасами.

Мы не будем излагать далее всю фактическую историю размещения иностранных заказов за границей весной 1915 г. (полный их перечень приведен в отчете о деятельности Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части [47], экземпляр которого был представлен председателю Верховной комиссии Н. П. Петрову), а перейдем прямо к «деятельности» Китченера по размещению русских заказов, глубоко всколыхнувшей правящие круги царской России.

Узнав, что русские войска собираются на зиму перейти в «оборонительное положение», Китченер пожелал получить от русского правительства «секретное извещение об общем плане русского Генерального штаба» [48] с подсчетом сил, которые немцы могут перебросить с Восточного фронта на Западный.

Обращение Китченера быстро было доложено в Ставке, и уже через пять дней Базили сообщил Сазонову ответ Ставки. Янушкевич и Данилов ухватились за обращение Китченера, чтобы указать ему в ответ «на всю желательность, с точки зрения общего дела союзни-

[44] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 36, лл. 17—18. Приложение 9. Документ представлен Жилинским Верховной следственной комиссии.

[45] Там же.

[46] Там же, л. 19. Шифрованная телеграмма от 12 марта 1915 г. вел. кн. Сергея Михайловича.

[47] Там же, д. 7, лл. 184–201 об.

[48] «Красный архив», 1928, т. I (26), стр. 30–33. Письмо И. Базили 27/14 декабря 1914 г. и приложение к письму — копия секретной телеграммы директора дипломатической канцелярии при Ставке Кудашева послам в Лондоне и Париже.

ков, их помощи нам боевыми припасами». В этом духе начальник штаба Ставки Янушкевич говорил с военными представителями при Ставке французского и английского командования генералами Лагишем и Вильямсом. Русские генералы простодушно поддались на удочку Китченера и выдали ему все свои секреты стратегического порядка. Правда, у Янушкевича явилось сомнение, следует ли это делать, потому что «если союзники наши требуют от нас сообщения наших военных предположений, то сами они не делятся с нами своими планами» [49], но, чтобы поддержать с союзниками атмосферу доверия, необходимые сведения были даны.

В проекте ответа для Китченера и Жоффра указывалось, что переход русской армии к обороне объясняется «исключительно из-за недостатка в артиллерийских снарядах и в ружьях» [50]. Командование обязалось «немедленно» перейти в наступление, как только будет получено достаточное количество снарядов и ружей. Далее указывалось на слабое развитие русской промышленности, что лишало возможности скоро «собственными силами изготовлять потребное для развития широких наступательных операций количество снарядов и ружей». Ответ заканчивался просьбой к союзникам выделить «часть своего производства нуждам нашей армии» и тем самым облегчить переход ее в наступление [51].

Короче говоря, русское командование просило снарядов и винтовок, в обмен за которые русские солдаты должны были наступать на немцев и австрийцев. Китченер не преминул этим воспользоваться, но не за счет продукции английской промышленности.

Пользуясь финансовым соглашением между Россией и Англией, английское правительство и без того получило возможность контролировать русские заказы [52]. Китченер сделал попытку забрать в свои руки все иностранные заказы России. В начале 1915 г. он предложил русскому правительству, чтобы Россия размещала через него при посредничестве фирмы «Морган» и американские заказы. Русский посол в Лондоне А. К. Бенкендорф в январе 1915 г. телеграммой передал свой разговор с Китченером, добивавшимся получить «ведомости наших нужд специально по артиллерийской части». По словам Бенкендорфа, Китченер в телеграмме английскому послу в России Бьюкенену 12 января 1915 г. писал, что «он предоставил себя в полной мере в распоряжение нашего артиллерийского управления и просил необходимых сведений», но ответа не получил [53]. Китченер настаивал, чтобы Россия дополнительно заказала в Канаде и США 10 млн. орудийных патронов. Он сообщал, что фирма «Виккерс» запаздывает и с изготовлением заказанной шрапнели, но что английское правитель-

[49] Там же, стр. 30, 31.
[50] Там же, стр. 32.
[51] Там же, стр. 33.
[52] Характеристика финансовых соглашений с Англией дана А. Л. Сидоровым в гл. III его монографии «Финансовое положение России в годы первой мировой войны» (М., 1960).— *Прим. ред.*
[53] ЦГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 733, л. 2. Секретная телеграмма А. К. Бенкендорфа в Военное министерство от 14/27 января 1915 г., № 47.

ство не препятствует исполнению этого заказа России. Из факта запоздания Виккерса с изготовлением заказа Китченер делал вывод о необходимости для России поскорее заключить договор в США и Канаде и «не упустить случая получения большого количества шрапнелей». Как далее выяснилось из сообщения Китченера, он уже принял предложение американской локомотивной компании изготовить для России шрапнель и уточнял лишь цену [54].

Однако председатель Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части вел. кн. Сергей Михайлович не собирался делать дополнительные заказы и телеграммой на имя Янушкевича — начальника штаба Ставки — запросил по этому вопросу мнение Ставки.

Ниже полностью приводим текст этого интересного и заслуживающего особого внимания документа:

«31 марта 1915 г. Ставка верховного главнокомандующего. Генералу Янушкевичу.

Телеграмма Китченера мне была доставлена майором Ноксом три дня назад. Ответ дан в тот же день отрицательный, так как решил прекратить дальнейшие заказы на пушечные патроны за границей, которых уже дано на 9 800 000. Все эти заказы в срок сданы не будут, что уже доказали Виккерс и Шнейдер. Американские фирмы, никогда не изготовлявшие до сих пор боевых припасов, очевидно, также все просрочат. Если еще дать заказ в Америку, то выполнение его можно ожидать не ранее как через 8—12 месяцев. Из перехваченных военной цензурой телеграмм мне известно, что американские заводы настолько завалены заказами с континента, что они не в состоянии что-либо выполнить ранее 1916 г. Все данные об отечественных заказах переданы мной генералу Кондзеревскому (дежурный генерал Ставки.— *А. С.*). Мое решение не давать более заказов за границу я мотивированно устно изложил генералу Кондзеревскому. Во всех контрактах обусловлено наше право в случае надобности продолжить их на новое количество. Указание лорда Китченера на медленную работу машин и затруднения с рабочими неточно. По донесению нашего приемщика, месяц назад еще половина зданий не была готова, и оборудование машинами не поставлено. Кроме того, наш приемщик на американском заводе «Дюпон» донес, что порох для патронов Виккерса завод начнет сдавать в конце апреля. Вот красноречивый пример, как заманчиво обусловливают все фирмы свои поставки при даче заказов и как эти заказы выполняются после закрепления за ними денег. Заказ Шнейдеру, данный для нас французским правительством, находится в таком же положении — ранее конца апреля сдачи не будет. Прошу все изложенное доложить верховному главнокомандующему, представив одновременно справку, переданную мною генералу Кондзеревскому. Если верховный главнокомандующий найдет мое решение неправильным, то испрашиваю повеления на дачу новых заграничных заказов.

Подписал: генерал-адъютант Сергей Михайлович» [55].

[54] ЦГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 733, л. 5. Перевод сообщения лорда Китченера.
[55] Там же, л. 11.

Вел. кн. Сергей Михайлович вообще не являлся поклонником английской фирмы «Виккерс», предпочитая ей французскую фирму «Шнейдер и К°», хотя и она не отличалась аккуратностью. В своих объяснениях Верховной следственной комиссии в 1915 г. Сергей Михайлович так освещал выполнение союзниками русских заказов: «Но где нас обманули, так это за границей... за французами за эти месяцы остается недодел в несколько сот тысяч снарядов... Но кто хуже всех оказались — так это англичане. Это был сплошной злостный обман. Так, заводу «Виккерс» было дано 41 млн. авансу в ноябре. Когда же прибыл от нас приемщик ко времени, когда по контракту начиналась сдача, то оказалось, что здания не были еще закончены и станки еще только устанавливались. Когда же наш военный агент генерал Ермолов обращался за содействием к Китченеру, то последний заявил, что он не может воздействовать на Виккерса, так как заказ этой фирмы был дан не через него. Заводу Виккерса был дан по настоянию генерала Сухомлинова заказ на 8- и 12-дюймовые гаубицы, сроки начала сдачи были поставлены чрезвычайно ранние, и хотя артиллеристы знали, что это обман, но должны были исполнить приказание свыше. До сего времени ни одной гаубицы не сдано» [56].

Китченер через Нокса передал, что начиная с мая 1915 г. поставка снарядов наладится и до 1 сентября 1915 г. будет поставлено 520 тыс. патронов (вместо обусловленного по договору 1 млн. патронов); на деле оказалось, что к концу августа выслано было всего лишь 5 тыс. патронов [57].

Показания вел. кн. Сергея Михайловича о невыполнении заказов фирмой «Виккерс» подтверждаются показаниями Смысловского. Приняв заказ на 2 млн. пушечных 3-дюймовых патронов и 1 млн. дистанционных трубок к таким же патронам, фирма срывала выполнение сроков заказа. Заказывая патроны и трубки, рассказывает Смысловский, «артиллерийское ведомство, конечно, считалось с тем, что большую часть их фирма Виккерса не поставит вовремя; но никак не предполагало, чтобы в течение всего контрактного срока фирма не поставила ни одной трубки (а следовательно, и ни одного патрона)» [58]. Смысловский признавался Верховной следственной комиссии в том, что артиллерийское ведомство и он лично относились слишком доверчиво к заявлениям союзников-англичан и самого Китченера.

Систематический срыв Виккерсом принятых обязательств возмутил даже английского атташе Нокса, который весной 1915 г., во время отступления русских армий из Галиции, сказал Смысловскому следующее: «Этот негодяй Виккерс виноват в Вашем отступлении из Галиции. Это его четверти миллиона патронов Вам не хватило, чтобы в ней удержаться» [59]. Не лучше обстояло дело с выполнением заказов во Франции. Лишь Япония не запаздывала со своими поставками, но они были невелики.

[56] Там же, ф. 962, оп. 2, д. 30, л. 24.
[57] Там же, л. 24 об.
[58] Там же, л. 74. Показания Смысловского.
[59] Там же, л. 75.

Таким образом, за срыв снабжения России снарядами, вследствие чего русская армия понесла в 1915 г. огромные жертвы, наряду с русским Военным министерством, ответственность несут также и союзники.

Возвращаемся к дальнейшей судьбе заказа на 10 млн. снарядов. На телеграмму Сергея Михайловича Янушкевич сообщил об одобрении главнокомандующим его взглядов относительно иностранных заказов. После этого последовал вторичный решительный отказ на предложение Китченера. Встретив отпор в лице одного великого князя, Китченер стал воздействовать на других великих князей, на верховного главнокомандующего Николая Николаевича и почетного председателя Англо-Русского комитета вел. кн. Михаила Михайловича. Последний 11 апреля 1915 г. прислал председателю Особой распорядительной комиссии настойчивый совет непременно согласиться на предложение английского министра. «Ввиду того что, несмотря на три энергичных предложения лорда Китченера тебе приобрести 5 млн. шрапнелей в Америке, ты ему в этом отказал, предупреждаю тебя самым серьезным образом, что хотя ты в этом в данную минуту, может быть, и не нуждаешься, но если позднее нужда в них потребуется, то их более невозможно будет приобрести, так как они на днях будут все приобретены другими государствами. Считаю моим святым долгом тебя об этом предупредить и убедительно советую тебе немедленно решиться на их приобретение, даже если другие люди тебе в этом будут отсоветовать» [60].

В своем ответе председателю Англо-Русского комитета Сергей Михайлович еще раз категорически заявлял, что новым фирмам пушечных патронов «заказывать не будем». Он просил вел. кн. Михаила Михайловича настаивать перед английским правительством, чтобы оно приняло меры к аккуратным поставкам рекомендованной им канадской фирмы и фирмы «Виккерс», которая «по всем контрактам уже бессовестно обманула».

И все же Китченер добился согласия русской Ставки на новый заказ 12 млн. снарядов и приступил к его размещению [61]. Об этом факте не были поставлены в известность ни Гермониус, ведавший в Англии всеми артиллерийскими заказами, ни вел. кн. Сергей Михайлович. Ген. Гермониус был весьма удивлен, когда Китченер пригласил его участвовать в английском военном министерстве при распределении русских заказов. На заседании была названа цифра в 9,5 млн. пушечных снарядов, заказы на которые предложено было распределить. Не будучи осведомлен о полномочиях Китченера и не имея инструкций от правительства, Гермониус запросил разъяснений у русского Военного министерства, прося его объяснить, «на чем же, собственно, основываются английские власти, регулируя будущее снаб-

[60] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, л. 192. Отчет Особой распорядительной комиссии.

[61] Сообщая об этом факте Верховной следственной комиссии, Сергей Михайлович добавил: «Я сильно сомневаюсь, чтобы эти патроны поступили бы во время войны». Он оказался прав — патроны в Россию действительно не были доставлены (там же, л. 192 об.).

жение русской армии». Министерство и само ничего не знало. Пришлось обратиться к первоисточнику — в Ставку верховного главнокомандующего. В письме Сергея Михайловича в Ставку говорилось, что снабжение русской армии, порученное председателю Особой распорядительной комиссии, стало «предметом самостоятельных забот иностранных властей, некомпетентных в наших потребностях и действующих под сильным воздействием коммерческих учреждений (например, Моргана)» [62].

В это время в России было получено от председателя русской закупочной комиссии Сапожникова сообщение, что новые заказы Китченера будут размещаться через американскую фирму Моргана, а это могло задержать выполнение уже ранее размещенных русских заказов. Так как переписка и переговоры относительно новых заказов тянулись несколько месяцев, то абсолютно исключалась возможность получить снаряды по этому заказу не только в 1915 г., но и в 1916 г. Выполнение заказа явно переходило на 1917 г. Обо всем этом было сообщено Янушкевичу. «В бытность мою в Ставке,— писал Янушкевичу Сергей Михайлович,— Вы мне выяснили, что предположения Китченера на заказы в случае поздних сроков будут отклонены. Из телеграммы Гермониуса видно, что Китченер уполномочен заказывать что угодно в неограниченном количестве и даже на семнадцатый год. Имея в виду обе телеграммы Сапожникова и тот факт, что все заказы Китченера будут даваться тому же Моргану, следует ожидать, что всё нами ранее заказанное непосредственно в Америке будет парализовано Морганом и вместо ускорения подачи заказов будет только замедление. Прошу мне указать, какую инструкцию я должен дать Гермониусу, и поставить меня в известность, какие полномочия даны Китченеру. Меня также тревожит вопрос, кто впоследствии будет ответственен перед контролем и законодательными учреждениями за длительные заграничные заказы, в которых никакой нужды нет, раз они будут даваться хотя союзным, но иностранным правительствам» [63].

В это время в Ставке созрел план послать в Англию и Францию для непосредственных переговоров с Китченером и Жоффром А. В. Каульбарса с широкими полномочиями на покупку ружей и патронов. Видимо, царь не одобрил этот план. В то время даже Сухомлинов стал критически относиться к возможности снабдить армию через иностранных поставщиков и все громче поговаривал о ненадежности заказов в Англии и Франции. «Первая (Англия.— *А. С.*) сама не имеет артиллерийского снабжения в должной мере и заказывает в Америке, а вторая (Франция.— *А. С.*) работает сверх сил на себя» [64]. Поэтому Сухомлинов надеялся с помощью Литвинова-Фалинского установить контакт с финансовыми воротилами и «что-нибудь» сделать.

[62] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, л. 193 об.
[63] Там же.
[64] «Красный архив», 1923, т. 3, стр. 58. Письмо Сухомлинова Янушкевичу от 27 апреля 1917 г.

Сухомлинов плел тонкую паутину интриги против вел. кн. Сергея Михайловича, чтобы организовать комиссию по артиллерийским вопросам под своим председательством. А пока что Ставка патронов и снарядов не получала, или, вернее, получала минимальное количество: в мае 21 парк вместо обещанных 31.

Между тем узел важнейших боевых операций завязался на Карпатах, где русская армия, не имея снарядов, начала отступать. В такой обстановке Ставка не слишком противилась домогательствам Китченера. Хотя Сергей Михайлович и писал, что патронов и снарядов заказано достаточно, но то были лишь одни слова и обещания, а не реальные снаряды на фронте. Поэтому Ставка согласилась с предложением Китченера.

6 июня 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего ответил Сергею Михайловичу, что «ориентировка Петрограда» (очевидно, царя) на усиленное поступление снабжения и «политические условия привели к необходимости принять предложение лорда Китченера, обещавшего полную гарантию исполнения заказов при 25-процентном задатке» [65]. В чем заключались «политические условия», не было разъяснено ни здесь, ни в телеграмме Янушкевича Особому совещанию по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия, только что организованному под давлением буржуазии.

Однако в письме к Сухомлинову, который сам находился накануне отставки, через день или два после принятия решения Янушкевич решился назвать действительные причины. Он писал: «Заказ Китченеру дан, так как политическая обстановка и призрак забастовки и пр. не дают право игнорировать это, хотя и маловыгодное, заграничное предложение, но обеспеченное ручательством Китченера: помочь в срок» [66]. Что следует понимать под «политической обстановкой» — предоставлялось судить читателю. На наш взгляд, это не только внешнеполитические мотивы, но и рост буржуазно-оппозиционного движения, поднявшего голос протеста против правительства и призывавшего буржуазию взяться самой за мобилизацию промышленности.

Упоминание о «призраке забастовок» — факт примечательный. Правительство и Ставка чутко прислушивались к настроению рабочего класса, который к весне 1915 г. дал достаточно доказательств своей политической активности.

На рассмотрение Особого совещания Ставка задним числом поставила два предложения Китченера. Первое — об изготовлении американскими заводами 5 млн. шрапнелей и выпуска французскими заводами 100 тыс. дистанционных трубок в неделю. Это предложение было одобрено Совещанием, но с условием, что поставлены будут цельные патроны, т. е. не только снаряды, но и заряды [67]. Второе предложение касалось изготовления 12 млн. снарядов с условием начала поставки с ноября 1915 г. и завершением всего заказа в

[65] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 7, л. 193 об.
[66] «Красный архив», 1923, т. 3, стр. 70. Письмо Янушкевича Сухомлинову.
[67] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 49, л. 42. ЖОСО, № 3, 23 мая 1915 г.

ноябре 1916 г. [68] Это предложение было также одобрено, но с условием, что снаряды будут поставляться полными выстрелами, а начало поставок будет, по возможности, перенесено на июль 1915 г. Члены Совещания, исходя из того, что в ноябре русские заводы будут уже давать по 1,5 млн. снарядов в месяц, стремились начать получение иностранных поставок еще до начала усиленного производства русских заводов. Таким образом, в начале июня Ставка добилась одобрения в принципе предложения Китченера со стороны Совещания и Военного министерства, в руки которого было передано все дело снабжения армии. В сущности к этому времени Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части во главе с вел. кн. Сергеем Михайловичем кончила свое существование, и лорд Китченер избавился от настойчивого противника его «забот» о снабжении России.

Крупные представители царской бюрократии (тот же Н. Н. Янушкевич или дипломат Н. Кудашев), бывшие в курсе дела, не идеализировали Китченера и отлично понимали, что эта сделка была навязана и являлась выгодной для англичан и самого Китченера. Поэтому, сообщал Кудашев, Янушкевич «страшно» негодовал на Китченера, находил, что он «недобросовестно исполнил» свою роль посредника, и даже заподозрил Китченера в личной корыстной заинтересованности. Не разделяя последних подозрений Янушкевича, Кудашев согласился с ним в общей оценке этой английской «услуги» и считал, что «англичане нам навязали невыгодную сделку» [69].

По русскому заказу на 12 млн. снарядов американская промышленность получила через Моргана свыше 50 млн. руб. аванса [70]. Лорд Китченер сделался полновластным монополистом русских заказов, размещая их через банкирский дом Моргана. Это вызвало одновременно протесты обычно довольно покладистых русских генералов — Э. К. Гермониуса в Англии и А. В. Сапожникова в Америке. На время Гермониус утратил свое влияние на размещение заказов, а Китченер в дальнейшем сносился по делам заказов непосредственно со Ставкой верховного главнокомандующего.

Между тем А. В. Сапожников, прекрасно ознакомившийся с американским рынком, довольно убедительно и красноречиво доносил об отрицательном влиянии Моргана на выполнение русских заказов и полной возможности размещать их непосредственно среди поставщиков без посредников. 30 мая он сообщил телеграммой: «Постепенный захват банкирским домом Моргана монополии на заказы союз-

[68] Там же, л. 102. ЖОСО, № 5, 1 июня 1915 г.

[69] «Красный архив», 1928, т. 2(27), стр. 34. Письмо Н. Кудашева от 18/5 июля 1915 г.

[70] Заказ Канадской компании на 5 млн. снарядов стоил около 83 млн. руб. Следовательно, заказ Моргану на 12 млн. снарядов, размещенный по более дорогой цене, минимально равнялся 200 млн. руб., а задаток по нему (25%) — 50 млн. руб. Кудашев в начале июля сообщал из Ставки, что заказ стоит около 400 млн. руб. Поступление снарядов ожидалось «не так быстро, как бы мы того желали»,— в октябре с весьма скромной цифры — 50 тыс. штук. До конца 1915 г. должно было поступить что-то около 6—7% заказа. Основная масса снарядов должна была поступить во второй половине 1916 г. («Красный архив». 1928, т. 2(27), стр. 34).

ных правительств несомненно является в высшей степени прискорбным явлением. При передаче военных заказов Моргану военно-торговые интересы страдают весьма сильно, что подтверждается неоднократно выражавшимся в английском парламенте негодованием на деятельность этой фирмы и современным печальным состоянием снабжения английской армии на театре войны. Дальнейшее развитие этой монополии несомненно может отразиться неблагоприятно и на наших будущих заказах, так как может отвлечь в группу Моргана многих крупных поставщиков, заинтересованных преувеличенной прибылью. Насколько мне известно, финансирование наших заказов в Америке и в настоящее время уже находится исключительно в руках группы Моргана, что, несомненно, даст ей громадное влияние на рынок. Обезвредить Моргана с нашей стороны можно было бы путем отнятия у него такой монополии нашего финансирования в Америке и обращением к другим банкирам» [71].

Совет А. В. Сапожникова обезвредить Моргана не мог быть выполнен русским правительством. Зависимость от англичан привела к зависимости от Моргана. Такое положение было оскорбительно для русского самолюбия и накладно для государственного кармана.

Даже при размещении заказов на военное снаряжение в Соединенных Штатах Америки, при помощи которых русские финансисты стремились избавиться от английской зависимости, царское правительство не могло действовать самостоятельно. Попытки вел. кн. Сергея Михайловича сохранить сношения с Америкой целиком в своих руках не удались. Этому помешала «кредитор мира» — Англия.

Опасения А. В. Сапожникова о роли Моргана оправдались. Получив заказ на 12 млн. снарядов, Морган стал их распределять по предприятиям, втайне пытаясь склонить Канадскую компанию, исполнявшую русский заказ на 5 млн. снарядов, принять на более выгодных условиях часть его заказа, но с обязательством начать поставки в сентябре 1915 г., «что, естественно, могло угрожать еще дальнейшим опозданием, а может быть, и полным отказом Канадской компании от исполнения нашего заказа ввиду возможности продать те же патроны Моргану по более дорогой цене» [72]. Канадская компания уже организовала производство и должна была начать поставки русскому правительству, а Морган предлагал ей поставлять те же снаряды тому же заказчику, но по более дорогим ценам. Какой капиталист мог отказаться от дополнительной прибыли, не требовавшей ни нового труда, ни новых затрат капитала?

А. В. Сапожников принял меры, чтобы Канадская компания до выполнения обязательства перед Россией по ранее заключенным контрактам на 5 млн. трехдюймовых патронов не привлекалась к новому заказу Моргана. Судя по донесению А. В. Сапожникова, Морган согласился с его требованием и «дал официальную подписку в этом, но выговорил себе право пользоваться нашими техническими

[71] ЦГВИА, ф. 962, оп. 1, д. 7, л. 193.
[72] Там же, ф. 369. оп. 1, д. 89, л. 6. Телеграмма Сапожникова вел. кн. Сергею Михайловичу. Помета: «Получена 3 июля 1915 г.».

материалами, находившимися в распоряжении Канадской компании» [73].

Приезд в Америку весной 1915 г. Закупочного комитета по заготовлению предметов материального снабжения армии во главе с Сапожниковым позволил объединить дело закупок, увеличивавшихся с каждым месяцем. В Американском комитете были представители всех важнейших государственных и общественных организаций России, имевших отношение к снабжению армии [74]. Комитет должен был проверять заключение новых контрактов и обеспечить размещение новых заказов по указанию Особого совещания, а также организовать отправку принятых предметов в Россию.

А. В. Сапожников придерживался системы размещения заказов без посредников и комиссионеров. Благодаря этому ему удалось, по отзыву агента Министерства торговли и промышленности в Америке Медзыховского, заключить сделки «на самых лучших условиях и по самым лучшим ценам, каковые ни в коем случае не были бы достигнуты при участии посредников-комиссионеров, будь даже последние крупные промышленные предприятия и банкирские дома» [75].

Так как размеры заказов в Америке были велики, то даже небольшой процент экономии составлял миллионы рублей. Несомненно, что на заказах 12 млн. снарядов через Моргана Россия переплатила, по всей вероятности, не менее 20 млн. долларов, так как платила комиссионные вознаграждения Моргану, который нисколько не был заинтересован добиваться снижения цен на заказы. По сообщению К. Ю. Медзыховского, уже по заказу Канадской компании переплатили около доллара за снаряд, ибо Национальная ассоциация промышленников в Нью-Йорке предлагала более дешевые цены, но ей было отказано, и заказ «был дан Канадскому обществу по более высоким ценам. Последнее исполнить заказы своими средствами не было в состоянии и обратилось к той же Национальной ассоциации промышленников, которой передало 80% всего заказа» [76]. Но и Канадская компания и Национальная ассоциация не могли приступить к исполнению заказа до приезда А. В. Сапожникова и прибывших с ним специалистов-артиллеристов.

После двухмесячного инструктажа русскими специалистами дело с производством снарядов наладилось.

[73] Там же, л. 6 об.

[74] Там же, д. 13, л. 32. В комитет входили генерал-майор А. В. Сапожников (председатель), полковник Н. Л. Голецкий (Военное министерство), капитан II ранга И. В. Миштовт (морское ведомство), генерал-майор П. Г. Филиппов (артиллерийский приемщик Главного управления кораблестроения), Г. А. Виленкин (агент Министерства торговли и промышленности), Б. А. Бахметьев и С. И. Гаврилов (ЦВПК), П. А. Морозов (Московский ВПК), от Всероссийских земского и городского союзов представитель еще не был избран. Персонально членом комитета был приглашен М. И. Терещенко, просивший освободить его от этой миссии.

[75] Там же, д. 89, л. 14. Донесение Медзыховского министру торговли и промышленности «о размещении заказов и приобретении в США и в Канаде предметов военного снаряжения», 22 июля/4 августа 1915 г.

[76] Там же, л. 14 об.

Хотя выполнение заказа Канадской компанией и запоздало месяца на два, все же эта группа, по словам К. Ю. Медзыховского, могла выполнить заказ к февралю 1916 г. и, сверх того, могла в том же году выполнить заказ на 6 млн. снарядов, причем «для помещения такого заказа по нормальным ценам посредничества Моргана не требуется».

Вообще Медзыховский старался доказать своему министру, что никакого посредничества для закупок и размещения заказов России в Америке не требуется. Как и А. В. Сапожников, он также выступал резким противником монополии Моргана. На основании выполнения Морганом заказов для Англии и Франции и различных поручений русского военного ведомства, которые попадали к Моргану через Лондон, «следовало бы прийти к заключению,— писал Медзыховский,— что подобная монопольная агентура отразилась бы вредно на интересах правительства как в отношении цен, так же точно и в отношении выполнения заказов. Возможно, что подобная комбинация до приезда генерала Сапожникова при существовавшей в то время дезорганизации была бы более выгодной и приемлемой. В настоящее время при наличии стройной организации русских специалистов и экспертов, при участии в этой организации военного агента и агента Министерства торговли и промышленности под общим руководством генерала Сапожникова передача монопольной агентуры какому бы то ни было частному американскому предприятию представляется мне безусловно вредной и недопустимой. Ознакомившись с местным рынком и местными финансовыми условиями, обладая средствами точно установить работо- и кредитоспособность данного промышленного предприятия, комиссия генерала Сапожникова имеет возможность поместить заказ на любые предметы или материалы более выгодно и вернее, нежели это было сделано при помощи посредников, комиссионеров или непосредственно из Петрограда» [77].

По мнению Медзыховского, по последнему заказу через Моргана на снаряды уже переплачивали по 3 доллара за штуку, что в целом составляло огромную сумму около 70 млн. руб. Поэтому предложение агента Министерства торговли и промышленности сводилось к тому, чтобы укрепить уже созданную организацию, строго обязав всех агентов и представителей отдельных ведомств правительства действовать объединенно и целесообразно под общим руководством, отказаться от всякого рода посредников и комиссионеров и заключать сделки непосредственно с фирмами [78].

К этому заключению следовало бы отнестись внимательно. Однако ничего не было предпринято. Более того, вскоре вся русская политика заказов в Америке решительно изменилась как раз в том направле-

[77] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 89, л. 15—15 об. Между прочим, Медзыховский предупреждал, что более 5 млн. патронов к февралю 1916 г. Россия от Канадской компании не получит. Поэтому если она возьмет часть заказа от Моргана, то это даст компании дополнительные прибыли за счет России, но не даст России патронов (там же).

[78] Там же, л. 16 об.

нии, против которого выступали А. В. Сапожников и Медзыховский, причем вершителем всей этой политики оказался не военный министр, а министр финансов П. Л. Барк.

При заключении сентябрьского финансового соглашения с англичанами русский министр финансов обязался сосредоточить все дело закупок в Лондоне и подчинить их Лондонскому комитету, что практически означало подчинение контролю английского правительства, так как каждый заказ и покупка, проходившие через Лондонский комитет, визировалась либо особой комиссией при английском военном министерстве, либо комиссией министерства снабжения. Американская закупочная комиссия была лишена права самостоятельно расплачиваться по заказам и должна была производить расчеты только с ведома и разрешения Лондонского комитета. В дальнейшем зависимость Американской закупочной комиссии от Лондонского комитета возросла еще более. Как сообщил А. В. Сапожникову А. С. Лукомский (29 сентября 1915 г.), Американский комитет не мог также самостоятельно производить новые заказы даже в пределах ведомостей, одобренных Военным министерством. А. С. Лукомский писал: «Предлагается Вам по тем заказам, которые Вами ныне намечаются, по мере их выяснения телеграфировать в Лондон генералу Гермонпусу и давать заказы лишь по получении его ответа» [79]. «Ответы» Гермонпуса в свою очередь должны были получить одобрение английского начальства.

Таким образом, русская миссия за океаном также находилась под контролем английских хозяев, снабжавших царское правительство деньгами. Нечего говорить, что принятое русским правительством решение было ошибочным и с политической и с коммерческой стороны. Объем заказов сильно вырос. Америка являлась тем экономическим центром, где все союзники производили свои закупки, и туда же переместились главные заказы России. Так, в августе 1915 г. Особое совещание поручило А. В. Сапожникову провести огромные закупки сукна, кожи, 5 тыс. телефонов, 60 тыс. биноклей, 1 млн. винтовок русского образца с патронами, 100 тыс. пистолетов, 5 тыс. пулеметов, большого количества снарядов, 3 тыс. орудий, 6 млн. пудов проволоки, 400 тыс. пудов алюминия, большого количества прожекторов разных калибров. К перечисленному следует добавить автомобили, трактора, мотоциклы и т. д.[80].

По данным Военного министерства от 8 сентября 1915 г., объем ближайших закупок военного ведомства в Америке, которые надо было произвести, достигал огромной сумы в 566 млн. руб.[81] Только на авансы и ближайшие платежи почти немедленно требовалось 136 млн. руб. валютой.

Естественно, что согласовывать с Лондоном самый разнообразный и сложный ассортимент покупок значило терять драгоценное время и переплачивать валюту. Политически также было нецелесообразно

[79] Там же, д. 13, л. 65 об.
[80] Там же, л. 5.
[81] Там же, л. 50.

подчинять Американский комитет Англо-Русскому, ибо вместо свободы маневрирования в Америке Россия ставила свои американские заказы под контроль английского правительства.

26 ноября 1915 г. министр финансов П. Л. Барк обратился к военному министру А. А. Поливанову с предложением сосредоточить все русские заказы в руках Моргана. Сообщая, что этот порядок был принят англичанами и французами, Барк видел в этом двоякую выгоду: во-первых, Морган, отвечая за неисправное выполнение контрактов, должен был отдавать заказы «лишь первоклассным, с точки зрения солидности, фирмам» по более низким ценам, и, во-вторых, новый порядок позволил бы избежать осложнения с английским казначейством при расплатах [82].

Во всей аргументации, приведенной Барком, много спорного и неискреннего. Лишь в самом конце письма Барк приводит настоящие и, пожалуй, самые веские соображения за передачу монопольного права поставок России в руки Моргана. Оказывается, дело заключалось в том, что Министерство финансов подготавливало «производство в Америке в значительных размерах долгосрочной кредитной операции», т. е. займа. Видимо, не особенно надеясь на успех, Барк стремился обеспечить размещение займа путем привлечения банкирского дома Моргана, а в качестве компенсации за его участие в займе предлагал передать Моргану руководство всеми русскими покупками и заказами. Барк не открывал своих секретов относительно размеров займа и предполагаемого в нем участия Моргана, объем же предстоящих заказов России был выяснен и, как мы видели, достигал солидной суммы в 566 млн. руб.

В ответ на письмо Барка Поливанов в тот же день сообщил, что он не может окончательно решить этот вопрос без доклада Особому совещанию по обороне государства, хотя лично и высказывается за предложение Барка. «Я лично полагаю, что, вероятно, нам придется на этом остановиться и передать все заказы в Америке Моргану» [83]. Окончательное решение вопроса было отложено до приезда из Америки Б. А. Бахметьева, которого скоро ожидали. Он должен был доложить всю обстановку в отношении русских заказов в Америке.

Как был решен вопрос потом, нам не удалось проследить. Однако сотрудничество с Морганом Американского комитета, во главе которого стоял Сапожников, не налаживалось. Об этом говорит памятная записка английского премьера русскому военному министру [84]. В ней изложена история передачи Китченеру русских заказов, размещенных от имени британского правительства для России. По мнению английского правительства, Англо-Русский комитет при помощи Английской закупочной организации разместил в США заказов более чем на 75 млн. ф. ст., в том числе для русского правительства — 12 млн. гранат, 2,3 млн. ружей, 1 млрд. ружейных патронов и т. д.

[82] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 89, лл. 46—47 об.
[83] Там же, л. 48. Копия письма Поливанова Барку от 27 ноября 1915 г.
[84] Там же, д. 13, лл. 127—128. Перев. с англ., 27 ноября 1915 г.

После этого в записке излагается точка зрения английского правительства на роль русских офицеров в Америке. За ними признаются лишь чисто технические функции — наблюдение за отправкой грузов и консультация по узкотехническим вопросам заводов-поставщиков.

После перечисления всех крупнейших фирм, выполняющих наиболее важные заказы для России, в памятной записке критикуется плохая работа русских технических экспертов, якобы затягивающих решение технических вопросов и не проявляющих достаточного сочувствия к запросам заводов-поставщиков. «Британское правительство полагает, — говорится далее в записке, — что без тесного сотрудничества инспекторов будут происходить серьезные промедления в поставках, и настоятельно рекомендует принятие серьезных мер для предотвращения повторения затруднений» [85]. В записке рекомендуется послать в Америку Э. К. Гермониуса, казавшегося англичанам осведомленным человеком, сотрудничавшим с британским правительством «самым сочувственным и полезным образом». Вместе с Гермониусом англичане предполагали послать Эллершоу, заведовавшего русской секцией комитета снабжения при английском военном министерстве.

Британское посольство в Петрограде передало военному министру телеграмму Моргана из Нью-Йорка, в которой гораздо более резко, чем в ноте британского правительства, критикуется деятельность Сапожникова и возглавляемой им русской технической комиссии. По мнению автора телеграммы, эта комиссия не оказывает помощи предприятиям, а те обращаются по техническим вопросам к Моргану. Весь тон письма такой: Морган — представитель британского правительства, являющийся главным владельцем заказов, а русские — лишь технические советники, которых можно ругать, но с которыми можно и не считаться. По мнению Моргана, заводы-поставщики, выполняющие заказы для России, розданные при его, Моргана, посредстве, больше обязаны сноситься с ним, а не с русской комиссией, должны рассматривать его «как представителя королевского правительства относительно технических запросов, так как они в сущности смотрят на великобританское правительство как на главного владельца означенных заказов» [86].

Таким образом, не Россия, а Великобритания оказывалась хозяйкой русских заказов; не комиссия русского правительства, а он, Морган и К°, заботится об интересах русского правительства. В памятной записке был объявлен открытый поход не только против Сапожникова, но и против русского правительства. В ней было выражено «удовлетворение» на тот случай, если бы «мы не привлекались более делать дальнейшие покупки для России». Заканчивалась записка указанием на то, что «из-за отсутствия содействия и приемов вышеупомянутой здешней технической комиссии», т. е. комиссии Сапожникова, заказы для русского правительства могут быть и не выполнены в срок.

[85] Там же, д. 13, лл. 127—128.
[86] Там же, л. 129 об.

Как показывает сам текст этой записки, переданной через британское посольство, правительство Великобритании поддерживало целиком Моргана. Русское правительство оказалось неспособным выиграть войну с Морганом. В результате создавшейся обстановки Сапожникову пришлось уйти с поста «по собственной просьбе».

Морган теперь не только выполнял заказы для России, но и кредитовал русское правительство на самых ростовщических условиях. Финансовый агент в Америке Г. А. Виленкин докладывал в 1916 г. Особому совещанию по обороне, что ссуда Моргана русскому правительству в 50 млн. долларов была произведена на 7,5% и под залог в государственном банке 150 млн. руб. кредитных билетов [87]. Таковы были «заботы» американского банкира об интересах России.

Помимо официальных миссий русское правительство посылало в Америку и неофициальных лиц, которые должны были знакомиться с американским денежным рынком и давать надлежащую информацию правительству.

Один из таких путешественников-финансистов М. Гинзбург подробно информировал министра финансов Барка о финансовых перспективах русского правительства в США [88]. В другом письме, к тайному советнику К. А. Алексееву, тот же М. Гинзбург так освещал вопрос о заказах: «На местном рынке происходит самая невероятная вакханалия: фабриканты, захлебываясь в золоте и видя, что все их самые невероятные требования, к сожалению, немедленно удовлетворяются, стараются связать нас теперь такими договорами, по которым они, вероятно, много времени после окончания войны будут сдавать нам товары по самым невероятным ценам». Он весьма остро подметил основную черту современной американской деловой практики: «Дай мне только вперед два доллара, и я отпущу тебе на доллар через пять месяцев товаров» [89].

Подытожим практику русских заказов к осени 1915 г.

Финансовое соглашение с союзниками открыло возможность широко использовать иностранные рынки для заказа вооружения, предметов инженерно-технического снабжения армии, усиления русской промышленности станками и дефицитными материалами. Так как наличные финансовые средства (золотой запас за границей) были правительством исчерпаны, то заказы велись за счет французских и, главным образом, английских кредитов да за счет тех незначительных кредитов, которые удавалось временно получить в Японии и Америке [90].

Рынками закупок и поставок вооружения и военного снаряжения являлись Япония, Франция, Англия и Соединенные Штаты Америки.

Помимо оборудования и предметов военно-технического снаряжения Япония поставляла винтовки, пушки, пушечные снаряды.

[87] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 177, лл. 99—101.
[88] Там же, д. 13, л. 135. Письмо Барку от 10 декабря 1915 г.
[89] Там же, лл. 139—141. Письмо М. Гинзбурга К. А. Алексееву от 10 декабря 1915 г.
[90] Эти вопросы подробно рассмотрены автором в монографии «Финансовое положение России в годы первой мировой войны». М., 1960.

Винтовок Япония поставила 635 тыс. штук, примерно столько же, сколько поставили Франция (641 тыс.) и Америка (657 тыс.), и больше, чем Италия и Англия вместе взятые (528 тыс.). В Японии было заказано также 4760 тыс. снарядов — около $^1/_7$ всех иностранных заказов на снаряды. Японские фирмы выполняли заказы аккуратно, хотя никаких особых закупочных комитетов и комиссий в Японию не посылалось. Более широкому использованию японского рынка мешали отсутствие валюты (по соглашению с Англией, было отпущено для закупок в Японии лишь 6 млн. ф. ст.), нежелание японских коммерческих кругов предоставить России кредит и противодействие японского правительства, добивавшегося за поставку оружия значительных территориальных и экономических уступок со стороны России на Дальнем Востоке.

Франция являлась крупным поставщиком России, особенно в области артиллерии, винтовок, снарядов. Заказы во Франции совершались, главным образом, через французское правительство за счет французских кредитов. Как предоставление кредитов, так и размещение заказов происходили более гладко, чем в Англии и Америке. Одно время французское правительство добивалось значительной компенсации финансовых кредитов и отпускаемых товаров поставками леса, пшеницы, спирта, но вскоре отказалось от этих домогательств. Вся закупочная работа во Франции шла через русского военного атташе А. А. Игнатьева. Без большого аппарата и комитетов он прекрасно справлялся с работой. Во Франции было заказано около $^1/_3$ всех снарядов и большое количество артиллерии (около 30% всех доставленных в Россию орудий); кроме того, Франция являлась главным поставщиком моторов и самолетов. Так же, как и Англия, Франция поставила России лишь меньше половины заказа и значительно меньше того, что могла бы дать для снабжения русской армии.

Наиболее крупными мероприятиями в области заграничных заказов и планомерного использования иностранных рынков в 1915 г. Военное министерство считало «создание Русского правительственного комитета в Лондоне и Комитета по заготовлению предметов боевого и материального снабжения армии в Америке»[91]. Все заготовки по снабжению армии и по заграничным заказам первоначально велись в зависимости от заявок, делающихся Ставкой, или же из расчета предполагаемого призыва контингентов пополнения. Такая практика, «нося случайный характер», не давала сколько-нибудь полного обеспечения армии. Поэтому Военное министерство по соглашению со штабом верховного главнокомандующего во второй половине года выработало план снабжения армии. Первоначально по плану делались заготовки и заказы на срок до 1 июля 1916 г. Летнее отступление русской армии 1915 г. и вся обстановка на фронте показали, что рассчитывать на окончание войны через год нельзя, и срок заготовок был перенесен на 1 июля 1917 г.[92] Численность армии была приня-

[91] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 115, л. 2 об. Всеподданнейший доклад военного министра за 1915 г.

[92] Впоследствии, в 1916 г., заказы делались уже до середины 1918 г.

та в 6 млн. человек, 1,5 млн. лошадей и ежемесячные пополнения в 500 тыс. человек[93].

Вся политика по размещению заказов проводилась в Англии через Англо-Русский комитет, который действовал под контролем и в согласии с английскими государственными органами. Являясь главным кредитором России во время войны, Англия установила строгий контроль над расходованием средств и над всеми без исключения заказами и закупками, совершавшимися в счет денег, отпускаемых Англией по кредиту. Контроль английского правительства распространился и на русские заказы в Америке. Американский комитет был подчинен Англо-Русскому. Сама Англия поставляла станки, пушки (48% всех доставленных в Россию артиллерийских единиц), но в поставках винтовок и снарядов не играла большой роли.

Несмотря на огромные заказы в США, американская промышленность поставила в Россию незначительную часть того, что она должна была поставить по контрактам в области вооружения и боевого снаряжения. Из заказанных 3,6 млн. винтовок было доставлено лишь 657 тыс.; по артиллерии заказы были выполнены всего лишь на 2%. Значительную помощь России оказала американская промышленность в поставках пулеметов и ружей-пулеметов. Несомненно, большую роль сыграла американская промышленность в поставках станков, машин, автомобилей, предметов военно-технического и интендантского снабжения. Огромное количество проволоки, металлов, инструментов, сырых материалов (кожи), обуви, сукна поступило из Америки. Кроме того, Америка являлась главным поставщиком России предметов оборудования железнодорожного транспорта (паровозы, вагоны, рельсы и т. д.). Однако поступление вооружения не находилось ни в каком соответствии с объемом заказов и потраченными средствами.

Русское правительство имело совершенно неправильное представление о производственных возможностях американской промышленности. Не без внушения с английской стороны Министерство финансов, а с ним и многие члены Особого совещания по обороне уже осенью 1915 г. считали возможности американских заводов исчерпанными. Об этом министр финансов писал военному министру в середине сентября 1915 г.; об этом же много говорилось на заседании Особого совещания 12 сентября 1915 г.[94] Все подобные разговоры являлись результатом, с одной стороны, нежелания англичан увеличивать России кредиты для закупок в Америке, а с другой — неаккуратности американских поставщиков в выполнении военных заказов России.

Мы уже писали о том, как неудовлетворительно выполнялись заказы в первый год войны. Не изменилось положение и осенью 1915 г. Это самым ощутительным образом было по русской армии. На заседании Особого совещания 16 сентября 1915 г. указывалось

[93] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 115, л. 3.
[94] Там же, ф. 369. оп. 1, д. 51. ЖОСО. № 6, 12 сентября 1915 г.

на неаккуратность иностранных поставщиков и было признано необходимым воздействовать через правительства союзников на предприятия, выполняющие поставки для России. Вопрос о неаккуратности заграничных поставщиков разбирался и на ряде других заседаний Особого совещания [95].

Причины срыва сроков русских заказов крылись не только в трудностях организации военного производства, но главным образом в том, что союзники предпочитали в первую очередь обеспечить себя огромными запасами и отдавали России лишь жалкие остатки своей военной продукции.

Выполнение всех заказов России контролировалось союзниками, стремившимися прежде всего к тому, чтобы новые заказы укладывались в кредитный лимит. Новые заказы на вооружение соразмерялись не с действительными потребностями русской армии, а с тем, что считалось возможным по финансовым соображениям, а также по соображениям коммерческой выгодности. Правда, размер кредитов был немалый, как и объем заказов. Но все же заказы не соответствовали масштабу задач, выпавших на долю русской армии.

Напряжение союзников в деле боевого снабжения России было минимальным, и это признавали некоторые представители правящих классов союзников. Д. Ллойд Джордж при оценке снабжения союзниками России, поднявшись над узкомеркантильной точкой зрения английского буржуа, признал, что за эту ограниченность союзники дорого заплатили: Россия — миллионами лишних жертв и отступлением 1915 г., а Франция и Англия — лишним годом войны и лишними жертвами. Ллойд Джордж признал, что Англия и Франция еще в 1915 г. имели полную возможность оказать большую помощь русской армии, вооружив ее артиллерией, винтовками и снарядами. Тем не менее, исходя из узкоэгоистических интересов, они не сделали этого. Отдавая должное храбрости и выносливости русских солдат, равных которым Ллойд Джордж не видел «среди союзников и врагов», он в то же время указывал, что «Россия не была в состоянии вооружить своих храбрых бойцов необходимым оружием» [96]. «Если бы Англия обследовала свои собственные невыявленные ресурсы, — пишет далее Ллойд Джордж,— и мобилизовала их для военных целей немедленно после того, как она рискнула своим величием и жизнью своих сынов, участвуя в мировой войне, то она была бы в состоянии в конце лета 1915 г. снабдить два миллиона русских солдат столь же мощным артиллерийским парком, как тот, который был предоставлен в распоряжение полутора миллиона английских войск летом и осенью 1916 г. При известной помощи со стороны Франции... и с помощью американских заводов, для которых порукой мог быть английский кредит, Россия могла бы легко сдержать Германию в кампании 1915 г. и победить худшие австрийские войска. Что же случилось вместо этого? Я пытался вкратце изложить трагическую историю катастрофы,

[95] Там же, д. 53. ЖОСО, № 7, 16 сентября 1915 г., лл. 166—167; д. 54. ЖОСО, № 13, 7 октября 1915 г.

[96] *Д. Ллойд Джордж.* Военные мемуары, т. I—II. М., 1934, стр. 318.

которая поразила великую страну; миллионы ее храбрых сынов были убиты и искалечены благодаря неподготовленности ее правительства и благодаря слепой и эгоистической тупости ее друзей» [97].

В этих словах Ллойд Джорджа дана трезвая оценка «усилиям», сделанным Англией и Францией для оказания помощи своему союзнику, вынесшему в 1915 г. главное бремя войны.

По отчетам военного министра можно составить представление об объеме заграничных заказов в 1915 г., а также о поступлении в Россию важнейших предметов артиллерийского, технического и интендантского снабжения.

Прежде всего бросается в глаза разнообразие предметов, которые царское правительство покупало за границей. Наряду с винтовками, пулеметами, артиллерией, порохом, чилийской селитрой и т. п. производились огромные закупки седел, мотыг и прочего шанцевого инструмента, т. е. в сущности таких вещей, производство которых не требовало ни сложного оборудования, ни крупных предприятий. Это указывает не только на промышленную отсталость России, но и на нежелание правительства сосредоточить свое внимание на основном, решающем, а остальное производить внутри страны собственными силами.

Каждое ведомство стремилось возможно больше купить за границей, с тем чтобы не возиться с организацией нового производства.

В течение 1915 г. в армию было отправлено всего 842 тыс. русских винтовок [98] — новых, отремонтированных и купленных у населения. До 1 июля 1916 г. с русских заводов рассчитывали получить около 1,8 млн. штук, за границей в 1915 г. было заказано более 3,5 млн. винтовок под русский патрон и дополнительно давался заказ американцам на 2,7 млн. винтовок. Таким образом, в 1915 г. было заказано около 8 млн. винтовок, из которых немного более 20% — русским заводам, а 80% — иностранным. Реальное поступление винтовок из-за границы было, конечно, значительно меньше. Японских винтовок было куплено 750 тыс., из которых прибыло 446 тыс. штук, винтовок системы Гра, Гра-Кропачек, Веттерли и мексиканских закуплено от союзных держав 1087 тыс. штук. Однако реально армия получила в 1915 г. иностранных винтовок всего 632 тыс. штук [99]. Таким образом, в 1915 г. в армию поступило около 60% винтовок русских и 40% иностранных.

Ружейных патронов в 1915 г. было изготовлено свыше 1008 млн., а вместе с бронебойными — 1225 млн. штук, а в Америке заказано 3,25 млрд. штук, т. е. в размере 3-летнего производства России 1915 г. Поступило же из-за границы всего лишь 150 млн. штук ружейных патронов. Следовательно, все кровопролитные бои 1915 г. русская армия вела исключительно за счет производства русских заводов. Пулеметов было заказано Тульскому заводу 12 650, а за границей,

[97] *Д. Ллойд Джордж.* Указ. соч., стр. 320.

[98] Цифровой материал взят из отчета военного министра за 1915 г. (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 115, л. 3—3 об.).

[99] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 115, лл. 21 об.— 22.

главным образом в Америке,— 30 000. Реальное же поступление в армию пулеметов за 1915 г. равнялось 5191, из которых из Америки (системы Кольта) — 1067 штук (20%), а остальные 80% с русских заводов.

Снабжение артиллерией в 1915 г. происходило за счет производства русских заводов. За год было изготовлено легких орудий, горных и гаубиц — 2015 штук. Незначительное количество орудий было куплено в Японии и Англии. С английским и французским правительствами велись переговоры о поставке в Россию орудий главным образом крупных калибров: шестидюймовых гаубиц — 361 штуки; 8—12-дюймовых осадных орудий — 232 и 42-линейных пушек — 400.

Снарядов в армию было послано за год 12,5 млн. штук, или 534 парка. В конце года поступление снарядов увеличилось с 22 до 79 парков в месяц. Установить количество снарядов, поступивших из-за границы, не удалось. Но можно с уверенностью сказать, что основная масса снарядов была изготовлена в России.

На предметы военно-технического снаряжения правительство затрачивало сотни миллионов рублей. За границей было заказано 23 млн. пудов колючей проволоки [100], ножницы для резки проволоки (815 тыс. штук), телефоны, телеграфные аппараты, кабель, автомобили, аэропланы. В 1915 г. в армию было послано около 7000 автомобилей, 90 тракторов, свыше 5100 мотоциклов и 5200 самокатов.

Роль и назначение аэропланов в войне возрастали с каждым месяцем, поэтому требования на них быстро увеличивались. До 1 января 1916 г. было получено как от русских, так и от иностранных поставщиков всего 921 аэроплан (в том числе 13 типа «Илья Муромец») и 596 моторов к ним. За границей закупалось самолетов меньше, чем производилось в России, но зато очень много моторов. В 1915 г. были выданы заказы в России — на 73 самолета типа «Илья Муромец», 1752 аэроплана всех других систем и 1652 мотора; за границу — на 592 аэроплана и 2064 мотора. Заграничные заказы на аэропланные моторы на 1 декабря 1915 г. [101]:

	Заказано	Поставлено
Во Франции	1688 штук	489 штук
В Италии	100 »	—
В Англии	140 »	55 штук
Всего:	1928	544 (22%)

Что касается заказов на аэропланы с моторами, то они производились во Франции. На тот же срок (1 декабря 1915 г.) было заказано 586 аэропланов, из них поступило в Россию 306, или 52% заказанного. Применение аэропланов требовало огромного количества специального вооружения (пулеметы, бомбы), оптических приборов,

[100] В армию за год было отправлено 9,5 млн. пуд.

[101] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 128, л. 107 об. Свод сведений по вопросам военного воздухоплавания, № 4.

электроаппаратуры Зависимость от заграницы в самолетах и особенно моторах не ослаблялась до конца войны

Интендантское снаряжение также в большом количестве закупалось за границей, особенно обувь и подошвенная кожа Уже в 1915 г кожи было куплено 335 тыс пуд и предполагалось купить еще до 1 млн пуд подошвенной кожи Из 43 млн пар обуви, которые требовались только на год, с 1 июня 1916 г по 1 июля 1917 г, 18 млн пар обуви предполагалось купить за границей В действительности за 1916 г в армию поступило 15,4 млн пар обуви русского производства и, кроме того, 5,7 млн пар сапог и 4 млн пар ботинок из-за границы Следовательно, в 1916 г армия наполовину была обута в обувь иностранного происхождения

В 1916 г несколько усилилось поступление из-за границы в счет заказов, хотя иностранные фирмы выполняли свои обязательства по-прежнему неаккуратно[102] Так, винтовок и патронов в 1916 г было отправлено вдвое более, чем в 1915 г, но это (2,7 млн винтовок) удовлетворило потребность в винтовках наполовину, а в патронах (2,5 млн штук) — лишь в размере $^1/_3$ Поступление из-за границы по винтовкам и патронам составляло около $^1/_3$ (900 тыс винтовок и 937 млн патронов)

По пулеметам иностранные поставки в 1916 г составляли 30% от общего поступления Один Тульский завод дал 11 072 штуки, а Америка, Англия и Франция, вместе взятые, поставили лишь 4696 пулеметов и ружей-пулеметов Основную массу иностранных пулеметов составляли американские поставки Англичане и французы вместе доставили лишь 5% годового поступления, и то легких ружей-пулеметов

Снарядов артиллерия получила в 1916 г несколько более, чем в 1915 г, всего около 48 млн штук, в том числе 42 млн для трехдюймовых пушек Заграничные поставки составляли 30% по легким снарядам (12,6 млн штук) и около 45% по тяжелым снарядам Легкой артиллерией Россия снабжалась в основном за счет своих заводов, поставки из-за границы различных калибров артиллерии составляли незначительную часть внутреннего производства[103]

Таким образом, приведенный нами фактический материал показывает огромный масштаб русских заказов за границей и сравнительно незначительный процент их выполнения Поставки предметов чисто боевого снабжения (винтовки, снаряды, патроны, пушки, пулеметы) составляли сравнительно небольшой процент от внутреннего производства Их роль и значение несколько увеличились в 1916 г Огромные средства Россия тратила на военно-техническое и интендантское снабжение

[102] Цифровые данные за 1916 г о поступлении из за границы даны по «Краткому отчету Военного министерства за 1916 г» (ЦГВИА, ф 2000, оп 2 д 5987)

[103] С русских заводов поступило за год 3736 легких и 485 горных орудий, исправлено за год 2515 орудий, артиллерии других видов поступило 704 единицы и из за границы — 667 единиц причем шестидюймовых гаубиц из России — 101, а из-за границы — 8 штук

Деятельность Англо-Русского комитета

История деятельности Англо-Русского комитета изучена совершенно недостаточно [104]. Мы коснемся работы комитета лишь в связи с деятельностью Особого совещания по обороне.

30 августа 1914 г. английское посольство в Петрограде в специальной записке поставило перед русским правительством вопрос об образовании смешанной англо-русской комиссии, «в которой будут представлены Адмиралтейство и Военное министерство, с целью урегулирования закупок в Англии предметов снабжения для России» [105]. В записке сообщалось, что подобные комиссии, ведающие снабжением Франции и Бельгии, уже созданы.

Русское правительство согласилось с предложением англичан, и в сентябре 1914 г. был создан комитет, которому было присвоено наименование «Comission Anglo-Russe de Ravitaillement» (Англо-Русская комиссия по снабжению) [106]. В состав комитета входили: военный и военно-морской агенты России полковники Николаев и Саговский, капитан 1-го ранга Нехаев и специалист по воздухоплаванию Ребиков. Позднее в комитет вошли генерал-майор Э. К. Гермониус и Тимченко-Рубан, а выбыли Нехаев и Ребиков [107]. Председателем комитета был избран агент Министерства торговли и промышленности в Лондоне М. В. Рутковский. Никаких представителей английского правительства в Англо-Русском комитете не было.

Комитет являлся государственной организацией, направлявшей деятельность ведомств, а позднее и буржуазных общественных организаций в части заграничных заказов. Правда, в начале его деятельности некоторые ведомства совершенно не считались с комитетом при распределении заказов; и в обращении великобританского правительства и русского посла в Англии к русскому правительству содержалась просьба отказаться от подобной практики и производить заказы только через комитет.

Английское правительство организовало у себя учреждение под названием «Comission Internationale de Ravitaillement» (Международная комиссия по снабжению). В этом учреждении и были сосре-

[104] *Д. С. Бабичев.* Деятельность Русского правительственного комитета в Лондоне в годы первой мировой войны.— «Исторические записки», т. 57.

[105] «Международные отношения в эпоху империализма», серия III, т. VI, ч. 1, М.— Л., 1935, док. № 252, стр. 244.

[106] Ознакомившись на месте (в Лондоне) с работой комитета в конце 1915 г., адмирал А. И. Русин писал: «Комитет является собирательным названием для представителей России по разным отраслям военного снабжения, так сказать доверенным разных ведомств и учреждений, специалистов каждого в своей области; общее согласование и руководство должно принадлежать председателю» (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 84, л. 59. Записка адмирала А. И. Русина «О работе наших организаций в Лондоне и Париже»).

[107] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 16, лл. 50—53 об. Ответ тов. министра иностранных дел А. А. Нератова от 12 сентября 1915 г. на запрос Верховной следственной комиссии.

доточены дела по военным заказам союзников в Англии [108]. Председатель Англо-Русского комитета входил в состав Международной комиссии по снабжению. По мнению министра финансов П. Л. Барка, отдельные национальные комитеты, в том числе и Англо-Русский, являлись филиалами Международной комиссии по снабжению, что едва ли справедливо, ибо в начале своей деятельности Англо-Русский комитет получал инструкции из Петрограда от русского правительства.

А. И. Русин, изучивший на месте деятельность Англо-Русского комитета (правда, уже к концу 1915 г.), дает более точную характеристику взаимоотношений Англо-Русского комитета с английским правительством. Оказывается, что далеко не все заказы реализовались через Международную комиссию по снабжению. Чисто боевые заказы на пушки, ружья, патроны, интендантское снабжение и некоторые другие предметы шли через английское военное министерство, «при котором имеется особый комитет под председательством директора контрактов г-на Винтура. Главным деятелем этого комитета является генерал Эллершоу... Сношения русского правительственного комитета с Военным министерством ведутся лично полковником Беляевым, действующим по указаниям генерала Гермониуса [109]; как тот, так и другой состоят членами комитета при Военном министерстве» [110]. Все остальные заказы шли через Международную комиссию по снабжению. Следовательно, Англо-Русскому комитету приходилось иметь дело с различными английскими государственными учреждениями, что усложняло работу комитета.

Международная комиссия подыскивала предприятия для размещения заказов, указывала фирмы, с которыми вступали в переговоры представители Англо-Русского комитета, давала разрешения разместить заказы у фирм, найденных комитетом, и утверждала условия заказа. Сношения с комиссией велись секретарем комитета, действовавшим по указаниям Э. К. Гермониуса.

С момента своей организации комитет должен был стать монополистом по размещению заказов всех ведомств России. Деятельность комитета возрастала с каждым месяцем; она особенно усилилась в связи с заключением Россией финансового соглашения с союзниками, после чего через комитет проходили миллиардные суммы.

Царь решил усилить опеку над комитетом, и, по его предложению, вел. кн. Михаил Михайлович стал почетным председателем комитета. От председательства великого князя деятельность комитета не улучшилась. Комитет нуждался прежде всего в хороших работниках и четком правительственном руководстве из России. Как раз этого-то и не хватало. Фактически не было органа, который контролировал бы и направлял работу комитета. Впоследствии ко-

[108] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 16, л. 82 об. Письмо министра финансов на имя председателя Совета министров от 9 октября 1915 г.

[109] Осенью 1915 г. председателем Англо-Русского комитета вместо М. В. Рутковского стал Э. К. Гермониус.

[110] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 84, лл. 57.

митет на деле стал органом Особого совещания по обороне государства.

Контракт комитета с английской фирмой Мартенс, которого мы подробно коснемся в следующем параграфе данной главы, окончательно подорвал доверие русской буржуазии к комитету [111]. Уже в августе 1915 г. председатель Государственной думы Родзянко «указал на необходимость ближайшего расследования Верховной следственной комиссией деятельности особого Англо-Русского комитета в Лондоне по заказам, как повлекшей за собой ряд непоправимых последствий в деле своевременного и обильного снабжения армии необходимыми для нее предметами довольствия» [112]. На заседаниях Особого совещания по обороне Родзянко требовал обновления состава комитета и ревизии его дел [113]. Деятельностью комитета было недовольно и правительство. В частности, побывавший в Лондоне министр финансов П. Л. Барк писал председателю Совета министров о том, что деятельность комитета неудовлетворительна. «При расширении круга действий комитета отсутствие организации, естественно, привело к тому, что в настоящее время даже беглое знакомство с делами комитета приводит к заключению, что постановка в нем дела требует упорядочения и улучшения» [114]. Барк обещал Особому совещанию по обороне перестроить работу комитета.

27 сентября 1915 г. в связи с критикой деятельности комитета Н. П. Петров, ведший расследование о недостатке припасов («дело Сухомлинова»), обратился к военному министру А. А. Поливанову с просьбой включить в состав миссии А. И. Русина представителя Главного военно-судного управления для выяснения деятельности Англо-Русского комитета [115]. В этой просьбе было отказано, но А. А. Поливанов обещал назначить в состав комитета «государственного контролера», что так и не было выполнено. Начиная с осени 1915 г. вопрос об Англо-Русском комитете не сходит с повестки Особого совещания по обороне, которое считало себя правомочным руководить деятельностью комитета.

В октябре 1915 г. Особое совещание приняло новое положение об Англо-Русском комитете, сменив его руководство [116]. Председателем комитета был назначен Э. К. Гермониус, а его заместителем Тимченко-Рубан. Англо-Русский комитет стали называть Русским правительственным комитетом, являвшимся по положению исполнительным органом русского правительства для размещения заказов, уже признанных необходимыми и одобренных в Петрограде [117]. Однако на деле комитет являлся придатком английского военного

[111] Там же, ф. 962, оп. 2, д. 16, лл. 51 об.— 52.
[112] Там же, л. 1. Письмо военного министра А. А. Поливанова председателю Верховной следственной комиссии Н. П. Петрову от 21 августа 1915 г.
[113] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 54, л. 60. ЖОСО, № 19, 28 октября 1915 г.
[114] Там же, ф. 962, оп. 2, д. 16, л. 83. Выписка из письма министра финансов от 9 октября 1915 г.
[115] Там же, л. 76. Секретное письмо А. А. Поливанова от 2 октября 1915 г.
[116] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 54, л. 60. ЖОСО, № 19, 28 октября 1915 г.
[117] Там же, ф. 2003, оп. 10, д. 84, лл. 62—63. Доклад А. И. Русина.

министерства и его органа — Международной комиссии по снабжению. А. И. Русин встретил в Лондоне уже новое руководство и остался чрезвычайно доволен составом работников, их неутомимой и энергичной деятельностью, требовавшей больших коммерческих и технических знаний, политического такта, настойчивости и умения отстоять интересы казны перед союзниками.

А. И. Русин подробно описывает [118], какие инстанции надо было пройти, прежде чем комитет мог разместить заказ. Это был довольно сложный и медленный путь. Английское правительство осуществляло строгий контроль над всеми заказами: оно устанавливало фирму, сроки, цены и условия заказа.

А. И. Русин рекомендовал правительству усилить аппарат комитета представителями некоторых ведомств (например, интендантства), а также представителями промышленности и общественных организаций — Центрального военно-промышленного комитета и Всероссийского земского и городского союзов, являвшихся крупными заказчиками. «Теперь,— писал А. И. Русин,— когда работа комитета в значительной мере ослаблена сношениями с валютной комиссией, пополнение ее новыми членами особенно необходимо, иначе дело, которое фактически не может быть выполнено наличными его членами, будет задерживаться». Также необходимо было повысить ответственность членов комитета и его чиновников в глазах англичан, сократить переписку с Петроградом, так как медлительность ее приводила к потере времени и большим перерасходам.

Помимо заказов на вооружение, размещение которых зависело от английского военного министерства, большое место в деятельности комитета занимали закупки металла, станков, машин и медикаментов. Поэтому А. И. Русин предложил выделить работника для заведования заказами частных лиц.

Для буржуазных общественных организаций это был не только деловой вопрос, но и политический. Хотя они работали на средства, полученные от правительства, им очень хотелось установить непосредственный контакт с английскими государственными учреждениями через своего представителя в Англо-Русском комитете. Поэтому предложение А. И. Русина о посылке в комитет представителей общественных организаций и частных заказчиков им пришлось по вкусу. Не один раз в Особом совещании по обороне бурно обсуждался этот вопрос. Правые, наиболее реакционные представители Совещания резко выступали против этого, как казалось им, подозрительного новаторства. Пользуясь поддержкой военного министра А. А. Поливанова, Совещание приняло это предложение, однако оно было провалено в Совете министров. И после этого, в связи с докладом А. И. Русина 9 января 1916 г. в Особом совещании по обороне об итогах своей миссии, в Совещании происходили жаркие дебаты по вопросу о представителе буржуазии в Англо-Русском комитете. Представитель Министерства торговли и промышленности С. П. Ве-

[118] См. нашу публикацию: «Миссия в Англию и Францию по вопросу снабжения России предметами вооружения».— «Исторический архив», 1949, т. 4.

селаго заявил, что этот вопрос уже был рассмотрен в Совете министров и просьба Центрального военно-промышленного комитета о включении его представителей в состав Англо-Русского комитета [119] была отклонена, о чем Гучков был поставлен в известность Тем не менее Особое совещание постановило просить председателя Особого совещания по обороне еще раз поставить перед правительством все тот же вопрос

По существу по отношению к Совету министров указанное решение носило демонстративный характер Так оно и было оценено общественные организации не получили представительства ни в Англо-Русском, ни в Американском комитетах В связи с этим буржуазное крыло Совещания не раз пыталось обострить отношения с Советом министров, заявляя, что председатель Особого совещания по обороне не подчинен Совету министров и его решения могут проводиться без Совета министров. Такие заявления казались уже слишком «опасными» даже либеральному А А Поливанову А А Поливанов, выполняя волю буржуазной части Особого совещания, в письме в Совет министров указывал (сознательно отождествив роль Центрального военно-промышленного комитета с ролью всей частной промышленности) на затруднения частной промышленности в связи с «лишением ее всякого представительства в учреждении, которому поручено объединение заграничных заказов» [120] Это был слабый аргумент, и правительство легко его опрокинуло В ответе Совет министров указал, что ответственность за оборону «во всей ее полноте» лежит на правительстве, а не на частной промышленности и общественных организациях, которые отвечают перед правительством за «добровольно принятые» обязательства Не преминул Совет министров указать и на несостоятельность отождествления частной промышленности с военно-промышленными комитетами

В феврале 1916 г А С Лукомский доложил Особому совещанию по обороне о состоявшемся 26 января решении Совета министров, в котором вновь подтверждалось, что общественные организации должны размещать заграничные заказы исключительно через правительственные органы А И Шингарев выступил против этого решения По его мнению, выполнение решения правительства «представит несомненный вред для государственной обороны» [121]

Характерно, что поход буржуазных либералов против правительства не встретил сопротивления со стороны Н Е Маркова 2-го, который хотя и сомневался в успешной работе общественных организаций, но присоединился к А И Шингареву

На этом дело не кончилось На одном из ближайших заседаний Особого совещания (24 февраля 1916 г, журнал № 50) буржуазия

[119] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 54, л 172 ЖОСО, № 38, 9 января 1916 г Этот вопрос обсуждался на заседаниях Особого совещания 9 января, 13 и 24 февраля 1916 г

[120] Там же, д 39 л 181

[121] Там же, д 54, л 210 ЖОСО, № 47, 13 февраля 1916 г

вновь поднята протест против действий правительства, и большая часть заседания прошла в ожесточенной, но бесплодной полемике

Таким образом, буржуазно-либеральные «крамольники» проникли в «святое святых» — Особое совещание по обороне и оттуда вели настойчивый обстрел правительственных позиций В этой перестрелке «победа» неизменно оставалась за правительственным лагерем, но по всему видно, что он чувствовал себя не слишком уверенно, хотя и выбрасывал из своей среды сторонников буржуазии (А А Поливанов)

Вся дальнейшая деятельность Русского правительственного комитета протекала под руководством Э К Гермонпуса и особых возражении со стороны Особого совещания по обороне не вызывала

Борьба вокруг перевозок

В ноябре 1915 г Особое совещание по обороне занялось двумя вопросами, которые на некоторое время привлекли к себе внимание русской буржуазии и вышли за пределы секретных заседании Совещания и Совета министров Первый вопрос касался организации коммерческих перевозок из Америки в Россию, а второй — перевозок из Англии в Россию Эти два, казалось бы чисто деловых вопроса обсуждались более двух месяцев и явились поводом к острой политической дискуссии как в Особом совещании, так и за его пределами — в Центральном военно-промышленном комитете, среди судовладельцев и в министерских канцеляриях

В связи с финансовым соглашением России с союзниками (сентябрь 1915 г) объем военных заказов России в Англии и особенно в Америке в огромной мере вырос За навигацию 1916 г надо было перевезти только из Америки около 1 млн т разных грузов [122] Организация перевозки такого количества грузов представляла трудную задачу для русского правительства, вследствие слабости собственного флота, неспособного справиться с задачей своими силами, ограниченности коммерческого тоннажа, который можно было зафрахтовать, и трудностей пути Пароходы должны были охраняться в дороге, и охрану пути нес английский военный флот

Английское правительство через А И Русина и Э К Гермонпуса предложило взять дело американских перевозок в Россию в свои руки, с тем чтобы передать все пароходы «в ведение английского правительства, которое лишь при этом условии может взять на себя перевозку всех наших грузов из Америки» [123] Англичане настаивали именно на передаче всех перевозок и не соглашались заниматься

[122] ЦГВИА, ф 369 оп 1 д 54 л 168 об, прилож № 4 к ЖОСО № 37, 2 января 1916 г

[123] Там же, л 124 Справка министра торговли и промышленности по вопросу о передаче перевозок русских военных грузов из Америки в ведение английского правительства Справка помещена в качестве приложения к ЖОСО, № 28 28 ноября 1915 г

ими, если часть их будет передана Добровольному флоту А И Русин и Э К Гермониус являлись сторонниками этого предложения английского правительства А И Русин просил русское правительство дать полномочия Э К Гермониусу заключить соглашение с английским правительством и видел в этом соглашении единственную возможность перевезти грузы

Агент Министерства торговли и промышленности в Лондоне М В Рутковский по своей линии поставил в известность об этом предложении министра торговли и промышленности 22 ноября 1915 г он прислал подробную шифрованную телеграмму, где повторил английские условия и сообщал о положительном отношении А И Русина и Э К Гермониуса, которые «уведомили уже военное и морское министерства, почему желательна передача всех перевозок в руки английского правительства» «Такое решение, — добавлял М В Рутковский,— исключает покупку новых судов для Добровольного флота а следовательно и надобность в валюте»[121] До решения этого вопроса Советом министров М В Рутковский предлагал прекратить переговоры с англичанами об отпуске валюты на покупку судов

Министр торговли и промышленности указал М В Рутковскому, что прежде чем давать принципиальное согласие на предложение англичан, которое может иметь «серьезные последствия для будущности русского торгового флота», следовало спросить его, министра, полномочий Затем Рутковскому было задано одиннадцать вопросов, ответы на которые должны были помочь министру составить более детальное и обоснованное мнение о предложении англичан Министра интересовало, гарантирует ли Англия «доставку военных грузов полностью из Америки в Россию », на каких условиях должны быть переданы русские суда, какие предлагаются условия расплаты, может ли русское правительство взять, в случае надобности, суда обратно, будет ли сохранен русский судовой экипаж и т д

Из личных разъяснений Рутковского министру следовало, что английское правительство не брало ответственности за перевозку частных грузов и отнюдь не гарантировало доставку правительственных грузов, оно только поручало их адмиралтейству, в распоряжении которого находился весь торговый флот Передача русских судов адмиралтейству не исключала сохранения всей администрации в руках Добровольного флота и русского состава экипажей судов Передаваемые суда должны были подчиняться адмиралтейству «с точки зрения времени отправки судов из портов отправления» Расчеты с Добровольным флотом проводились бы русским правительством в рублях, а расчеты с иностранными судами вело бы английское правительство за счет кредита, отпущенного по финансовому соглашению Оплата за пользование русскими судами должна быть по

[24] ЦГИА СССР, ф 23 Телеграмма М В Рутковского министру торговли и промышленности от 22 ноября 1915 г (№ 18070)

выше, чем соответствующая оплата английских судов, привлеченных правительством к перевозкам [125] Из разъяснений М В Рутковского складывалась картина выгодности английского предложения для России М В Рутковский, видимо, не подозревал, какую бурю негодования у русской буржуазии вызовет эта попытка англичан монополизировать перевозки

Еще до предложения англичан о перевозках Совет министров принял решение усилить Добровольный флот покупкой судов грузоподъемностью в 50 тыс т, на что требовалось свыше 1 млн фунтов стерлингов валюты Усиленный таким образом Добровольный флот должен был обеспечить перевозку всех грузов в Россию из Англии, Соединенных Штатов Америки и других стран Об этих планах русского правительства было сообщено в Лондон Английское правительство вежливо отказало в валюте, заявив что принятие предложения о передаче русских перевозок адмиралтейству исключает необходимость покупки новых судов Англичане ревниво охраняли свою монополию и не соглашались делить перевозки с Добровольным флотом Следовательно, основное требование английского правительства заключалось в том, чтобы перевозки были сосредоточены «всецело в английских руках», причем не допускалась «самостоятельная работа на линии Америка—Архангельск даже казенного пароходства в лице Добровольного флота» [126]

Располагала ли Россия достаточным тоннажем, чтобы справиться с этой задачей самостоятельно? По справке, составленной на основе письма исполняющего обязанности начальника отдела торгового мореплавания Б Н Кандыбы, видно, каким флотом располагала Россия [126а] Всего на этой линии мог работать 21 пароход грузоподъемностью около 132 тыс т, они могли перевезти в 1916 г от 480 до 540 тыс т грузов Кроме того, в распоряжении капитана 1-го ранга Саговского, стоявшего во главе организации по закупке и перевозке английского угля, находился 21 пароход грузоподъемностью в 106 тыс т; они могли перевезти от 170 тыс до 280 тыс т Таким образом, наличным русским флотом при условии переключения его целиком на рейсы в Америку можно было перевезти от 650 тыс до 820 тыс т

В справке была запроектирована и работа еще некупленных пароходов в 50 тыс т Но и тогда тоннаж русского флота не обеспечивал перевозки всех грузов Поэтому Министерство торговли и промышленности предусмотрительно решило дополнительно ассигновать 32,7 млн руб на усиление русского флота, из них 12,7 млн руб — Добровольному флоту и 20 млн руб — по другим пароходствам На эти деньги можно было купить суда тоннажем около 190 тыс т

[125] ЦГИА, ф 23 Шифрованная телеграмма М В Рутковского министру торговли и промышленности от 27 ноября 1915 г (№ 18181)

[126] Там же

[126а] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 54, л 169 Прилож № 5 к ЖОСО, № 37, 2 января 1916 г Справка о тоннаже пароходов, пригодных для перевозок военных грузов из Америки в Россию

Однако реальность этого плана зависела от возможности достать валюту Кроме того, сомнительна была и сама возможность закупить такое большое количество судов Поэтому Министерство торговли и промышленности, хотя и считало английское предложение невыгодным для развития русского флота и с точки зрения финансовой, все же высказалось за его принятие, оно оставляло уверенность в разрешении трудной задачи, какой, несомненно, являлась переброска значительного количества грузов, а на все остальное приходилось закрывать глаза

Предложение английского правительства обсуждал Совет министров Ничего не решив, он передал его в Особое совещание по обороне, которое рассматривало его 28 ноября 1915 г На заседании все единодушно признали, что английское предложение недопустимо для национального достоинства России и невыгодно для коммерческого флота страны Лишь член Государственного совета М А Стахович высказал готовность пожертвовать интересами торгового флота России в пользу государственной обороны, но и он, сославшись на недостаточное освещение вопроса, выразил желание рассмотреть его в особой комиссии Так и было решено

Однако и комиссия не пришла к определенному выводу, и вопрос снова был поставлен на рассмотрение Особого совещания [127] На этот раз докладчиком выступил помощник военного министра А С Лукомский, склонявшийся к принятию английского предложения Отсутствие валюты для покупки новых судов, без которых русский флот не мог справиться с перевозками, явилось тем аргументом, который заставил членов Особого совещания отвести все соображения о невыгодности английского предложения и высказаться «в пользу передачи перевозок британскому адмиралтейству». В процессе обсуждения общее настроение наиболее характерно выразил представитель Министерства торговли и промышленности С П Веселаго, заявив, что «мы вынуждены, поступаясь в известной мере интересами своего судоходства и национальным самолюбием, принять предложение Англии на перевозку наших грузов» Большинство членов Совещания мирилось с предложением англичан по необходимости, и лишь представители Министерства иностранных дел расценивали его как проявление исключительного доброжелательства Англии к России

В итоге прений Совещание приняло английское предложение, но дипломатической формулировкой пыталось замазать его действительный смысл С одной стороны, оно признавало, «что в интересах национального самолюбия представлялось бы предпочтительным сохранить перевозки в своих руках», а с другой,— противореча себе, справедливалось, что «передача их Англии не отразится значительно на судьбе русского мореплавания», являясь лишь «установлением совместной службы движения на океанских путях» [128]

Председатель Государственной думы М В Родзянко и присоеди-

[127] Там же, лл 158—160 ЖОСО, № 37 2 января 1916 г
[128] Там же, лл 159 об — 160.

пившийся к нему член Государственного совета В И Гурко не примирились с принятым решением, пытаясь добиться его пересмотра через Совет министров Для подтверждения своего протеста Родзянко представил, кроме подробно мотивированного «особого мнения», ряд документов (записку совета съезда судовладельцев, справку о потребном тоннаже и о наличных пароходах и т д), которые должны были подтверждать неприемлемость английского предложения

«Особое мнение» Родзянко — довольно интересный документ [129] Надо было выступать против своей союзницы Англии и сделать это так, чтобы не быть зачисленным в лагерь германофилов Воздав должное союзнице России и заверив Совещание в своей преданности Англии, «поклонником» которой он себя считал, Родзянко далее довольно резко критикует английское предложение и политику русского правительства Правда, в экономической оценке этого предложения Родзянко не оригинален все аргументы против соглашения были уже приведены до него, и он лишь повторял их Зато он дает резкую политическую оценку английской акции, прямо выразив сомнение в добрососедственном характере предложения Родзянко квалифицирует его как открытую попытку ограничить свободу действий русского правительства, которая, не встретив отпора, легко может стать прецедентом для будущего Соглашение с Англией, по мнению Родзянко, «являлось бы удостоверением несостоятельности русского правительства» и оскорбительно «для национального самолюбия страны» Можно с полным основанием, указывает Родзянко, провести параллель между финансовым соглашением 1915 г с Англией и соглашением с ней же о перевозке грузов Если первое ограничивало финансовый суверенитет России и ставило ее в зависимость от богатого союзника в вопросах финансовой политики, то данное соглашение лишало страну самостоятельности в вопросах торговли и мореплавания и тем самым обрекало Россию на полную зависимость от своей союзницы в деле снабжения армии и всего хозяйства страны

В протесте Родзянко отражены противоречия, существовавшие между русской и английской буржуазией Эти противоречия война несколько приглушила, но не уничтожила Когда английское правительство предложило России невыгодные условия кредитования, русская буржуазия с легка поругивала правительство — и только Когда же буржуазия сама лишилась «законных» прибылей, которые сулили перевозки военных грузов, она подняла протест против правительства под лозунгом защиты самого правительства и «национального достоинства» [130]

Попытка Родзянко добиться пересмотра принятого Совещанием решения о передаче Англии перевозок успеха не имела В марте 1916 г Особое совещание по обороне поручило комиссии под председательством вице-адмирала Кербера разработку вопроса об условиях передачи перевозок в руки английского правительства

[129] ЦГВИА ф 369, оп 1, д 54 лл 162—164
[130] Там же д 174 лл 97—112 ЖОСО № 56 16 марта 1916 г

Второй эпизод, вокруг которого русская буржуазия подняла еще большии шум, чем по поводу английских перевозок из Америки, касался договора Англо Русского комитета с английской транспортной фирмой «Мартенс», ведавшей перевозками русских грузов из Англии в Россию и перегрузкой угля в Архангельске Здесь буржуазия действовала смелее, так как речь шла уже о частном лице, вдобавок, по утверждению буржуазии, немца по происхождению, имеющем «родственные и деловые связи с Германией» [131]

Инициатива в постановке этого вопроса исходила от Центрального военно-промышленного комитета 16 августа 1915 г председатель комитета А И Гучков послал специальное письмо председателю Верховной следственной комиссии, в котором сообщал, что по договору, заключенному агентом Министерства торговли и промышленности М В Рутковским с фирмой «Мартенс», последней передано монопольное право на все перевозки грузов из Англии и других стран Этим договором не защищены интересы России «лица, передавшие весь импорт в иностранные руки, не сочли даже нужным обратиться предварительно к отечественным морским предприятиям» [132] В записке чувствуется обида за отечественные морские предприятия, обойденные каким-то чиновником Министерства торговли и промышленности В этом заключался главный смысл письма Гучкова, а отнюдь не в разговорах об ущербе интересам России Впрочем, русская буржуазия давно уж пыталась отождествлять интересы России с интересами своего кармана Гучков просит председателя Верховной следственной комиссии выяснить, в какой мере фирма «Мартенс» действовала в русских интересах и не было ли потопления русских судов, зафрахтованных фирмой «Мартенс» германскими подводными лодками [133] В газете «Вечернее время» 24 октября 1915 г была помещена заметка под сенсационным заголовком «Морской пират» — так назывался в заметке прибалтийский немец Ричард Мартенс В ней разоблачалась спекулятивная деятельность Мартенса и указывалось на его близость с капитаном Саговским возглавлявшим организацию по закупке и перевозке английского угля Заметка, естественно, подлила масла в огонь

В договоре М В Рутковского с фирмой «Мартенс» совет съезда судовладельцев, выступивший со специальной запиской, «с ужасом» увидел «громадную государственную опасность, которой грозит этот договор» Это понятно, так как из представленных документов выяснилось, что Мартенс своей «ненормально дешевой ценой» и незначительным комиссионным вознаграждением за доставку грузов лишал

[131] Там же, д 54 л 168 Телеграмма Д В Сироткина председателю Государственной думы М В Родзянко

[132] Там же ф 962 оп 2, д 16, л 3 Докладная записка председателя Центрального военно-промышленного комитета от 16 августа 1915 г председателю Верховной следственной комиссии

[133] Из справок, находящихся в деле, видно, что в навигацию 1915 г на пути из Англии в Архангельск было потоплено 10 пароходов с углем водоизмещением 48 тыс т и 7 пароходов с разными другими грузами (там же, лл 47—48).

своих конкурентов немалой прибыли. Между тем срок договора с Мартенсом кончался 1 декабря 1915 г., и буржуазия вовремя начала кампанию, чтобы предупредить возможность продления договора.

Верховная следственная комиссия затребовала объяснений от многих министров, а также от М. В. Рутковского, виновника заключения договора с фирмой «Мартенс», от русского посла в Англии А. К. Бенкендорфа и других лиц. Лидеры буржуазии в Особом совещании по обороне, прежде всего М. В. Родзянко, связывали этот факт вообще с плохой работой Англо-Русского комитета, до которого они давно добирались.

Из ответа министра торговли и промышленности следует, что договор был заключен в Англии Англо-Русским комитетом (т. е. самим же Рутковским — *А. С.*) в середине мая «с частной английской компанией на комиссионных условиях»[134]. Эти условия министр В. Н. Шаховской находил более выгодными, чем хозяйственное ведение дела. Именно об этих условиях «с ужасом» сообщали судовладельцы, которым был передан контракт с Мартенсом на заключение. Судовладельцы, естественно, увидели в этом договоре величайшую государственную опасность потому, что якобы «все грузы, которыми должно снабжаться наше отечество через Архангельский порт, в данную минуту сосредоточены в руках какой-то иностранной комиссионерской конторы»[135]. Судовладельцы фактически повторили аргументы, содержавшиеся в докладной записке Гучкова, в которой он также указывал, что Мартенсу «дается монопольное право на организацию всей перевозки морским путем, всех грузов, закупаемых и заказываемых для нужд обороны как в Англии, так и в других странах»[136].

В этом договоре, по словам Гучкова, не были предусмотрены сроки и регулярность доставок, денежная ответственность контрагента за «неисполнение договора или неаккуратную и несвоевременную доставку срочных грузов». Перегрузочные операции тоже были сданы доверенному этой фирмы — некоему Тимроту[137]. Гучков выступал в защиту интересов национальной буржуазии от монополии союзников. В этом он нашел горячих сторонников в лице Родзянко и других.

Мы не располагаем материалом, подтверждающим заявление русской буржуазии о монопольных правах фирмы «Мартенс» и деятельности ее во вред интересам государства. В разгрузке грузов в Архангельске Мартенсу принадлежала небольшая часть работ, производившихся им дешевле других подрядчиков. В отношении перевозок он был комиссионером Англо-Русского комитета, который фрахтовал 8 пароходов для перевозки комитетских грузов (3 парохода русских, 2 — французских и 3 — английских). Англо-Русский комитет принял услуги фирмы «Мартенс», как объяснял М. В. Рутковский, «лишь на выполнение агентских обязанностей по отправке грузов ко-

[134] ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 16, л. 21 об. Письмо В. Н. Шаховского 1 сентября 1915 г. Н. П. Петрову.
[135] Там же, л. 99.
[136] Там же, л. 2.
[137] Там же, л. 5.

митета»[138] Русский посол в Лондоне давал положительный отзыв о деятельности этой фирмы[139] Что касается коммерческой стороны дела, то лишь в одном пункте договора Мартенс обеспечил для себя особые условия, сводившиеся к тому, что при возвращении пароходов из России в Англию они должны брать грузы по «нашему (Мартенса — *А С*) усмотрению» Видимо, это давало возможность совершать спекулятивные операции с русскими товарами

Член Верховной следственной комиссии А А Бобринский, расследовавший дело о контракте Мартенса с Англо-Русским комитетом, выступая с докладом по этому вопросу, считал главным недостатком договора именно право фирмы «Мартенс» определять характер груза для обратной перевозки в Англию[140], большего и он указать не мог

В обоих рассмотренных нами случаях русская буржуазия поднимала шум и выступала против Англии и бесхозяйственной деятельности Англо-Русского комитета вовсе не потому, что очень заботилась о престиже русского правительства и его выгодах В поведении правительства и его агентов она видела угрозу своим интересам, и это заставляло ее поднимать голос протеста Правда, политика английского и поведение русского правительства давали в руки буржуазии все данные для подобных разговоров и выступлений Совещание по обороне являлось тем органом, где такие выступления носили наиболее резкий и открытый характер

Однако буржуазия боялась «выносить сор из избы» Защищая свои узкоклассовые интересы и стремясь нажиться на войне, буржуазные лидеры давали в руки правительства сильные доводы против своих домогательств Несмотря на поднятую ими шумиху, дело обычно оканчивалось капитуляцией буржуазии Таким образом, буржуазия, как и правительство, продемонстрировала свою неспособность защищать интересы страны от требований союзников, ибо она по своей классовой природе не могла защищать интересы народа.

Миссия А. И. Русина в Англию и Францию

Поездка начальника Морского генерального штаба А И Русина состоялась по инициативе английского военного министра лорда Китченера, пригласившего русского военного министра посетить фронты союзных армий Кроме того, командование союзных армий «настойчиво просило устроить в Лондоне совещание из лиц, ответственных за снабжение армии, в целях согласования усилий, которые делаются, и для выяснения мероприятий, коим одна страна может оказать

[138] Там же, л 59 Депеша М В Рутковского о взаимоотношениях с фирмой Мартенс

[139] Там же, лл 52—53 Ответ товарища министра иностранных дел Нератова от 12 сентября 1915 г на запрос председателя Верховной следственной комиссии об Англо Русском комитете

[140] Там же, л 91 об

помощь другой»[11] Ввиду невозможности военному министру отлучиться из Петрограда было решено послать особую миссию под председательством адмирала А И Русина

В состав миссии вошли следующие лица от Главного артиллерийского управления — В Г Федоров, от Главного инженерного управления — Савримович, от Генерального штаба — Кельчевский, от Особого совещания по обороне — коллежский советник А А Терне и представители морского ведомства — лейтенанты В В Романов и Любомиров

Состав миссии, которая должна была разрешить ответственные вопросы снабжения русской армии, был недостаточно подготовлен к решению большого количества сложных технических и хозяйственных вопросов Нельзя не согласиться с В Г Федоровым который в одной из своих работ, вышедших много позднее, писал, что состав миссии «имеет безусловно случайный характер и совершенно не соответствует всей обстановке, которая сложилась для русской армии, я был на фронте, я знал, в каком положении находится теперь армия, и считал, что без помощи союзников ей вряд ли удастся самостоятельно подняться на ноги Несмотря на мои искренние симпатии и глубокое уважение к А И Русину, я все-таки считал, что во главе миссии для помощи русской сухопутной армии никоим образом не мог быть поставлен моряк, кроме того, из восьми человек миссии только один генерал Савримович был с служащими довольствующих учреждений по непосредственному снабжению армии»[12] Себя Федоров также не считал достаточно компетентным представителем по всем вопросам артиллерийского снабжения «Знать все потребности армии, начиная от орудий большого калибра и кончая телефонными станциями, стереотрубами или какой-нибудь капсюльной латунью для изготовления капсюлей для наших заводов, конечно, могло только лицо, стоящее в центре всего снабжения»[13]

Миссия имела в своем распоряжении ведомость с перечнем предметов необходимых России до 1 января 1917 г и подлежащих заказу за границей Она состояла из 209 пунктов, и А И Русину было предложено ею «руководствоваться при переговорах как основой» Главнейшей задачей миссии являлось получение за границей ружей и патронов к ним

[11] ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 84, л 12 Отчет о поездке миссии под председательством вице-адмирала А И Русина в Англию и Францию 14 октября 1915 г — 15 декабря 1915 г Отчет опубликован нами в «Историческом архиве» (т IV, 1949) В печатном экземпляре отчета (там же, ф 369, оп 1, д 90) имеются приложения «Записка о работе наших организации за границей в Лондоне и Париже» (текст объяснительной записки к ведомости на английском и русском языках подписан А А Поливановым), в копии «Ведомость предметов, подлежащих заказу за границей в потребность к 1 января 1917 г», «Записка-отчет по вопросу артиллерийского снабжения полковника Федорова» (прилож 3 лл 78—105) и записки других участников миссии, кроме моряков См также книгу генерал-лейтенанта Советской Армии В Г Федорова являвшегося членом миссии А И Русина (*В Г Федоров* Оружейное дело на грани двух эпох ч II М, 1939, стр 54—73)

[12] *В Г Федоров* Указ соч, стр 55

[13] Там же

Чтобы дать представление о заявках русского правительства на заграничные заказы, приведем некоторые данные из сводной описи, которой предшествовала объяснительная записка, подписанная военным министром А А Поливановым [144] Первые 11 пунктов касались заявок на артиллерию, винтовки и пулеметы Россия нуждалась в огромном количестве пороха, толуола, колючей проволоки, телефонных аппаратов и телефонного кабеля Свыше 20 пунктов заявки касались разных сортов стали и разнообразного авиационного имущества Механические средства передвижения также занимали видное место Артиллерия нуждалась в тракторах, а тылы армии и штабы — в грузовых и легковых автомобилях, механических мастерских, санитарных автомобилях, мотоциклетах и велосипедах Механическому транспорту требовалось огромное количество комплектов запасных частей, шин и покрышек Свыше 70 пунктов перечня занимали предметы медицинского снабжения армии

Таким образом, самое беглое и общее ознакомление с перечнем нужд русской армии, которые должны были быть удовлетворены при участии и с помощью союзников, показывает, что миссия ехала с широкой программой заявок, касавшихся буквально всех сторон снабжения русской армии В заявке не была указана даже примерная стоимость предметов, которые предполагалось закупить Однако и без этого было ясно, что дело идет о миллиардных заказах, от успешного выполнения которых в большой мере зависела боеспособность армии

В объяснительной записке к ведомости А А Поливанов писал «Прилагаемая ведомость обнимает собой перечень предметов, подлежащих изготовлению до 1 января 1917 г за границей ввиду невозможности получения их на внутреннем рынке Срок до 1 января 1917 г является удлинением на полгода срока программы снабжения армии, установленного Особым совещанием по обороне государства в соответствии с длительностью навигационного периода Означенная ведомость не может, однако, считаться исчерпывающей всю потребность русской армии за указанный период времени», так как размер потребности армии может измениться в сторону увеличения в связи с обстановкой на фронтах [145]

Миссия выехала из Петрограда в Архангельск Оборудование и организация архангельской гавани еще не были закончены Не только пристань, но буквально все улицы и площади были завалены ящиками, оборудованием, ворохами колючей проволоки, грудами металла, складами снарядов Знаменитая Бакарица превратилась уже в огромный порт, куда стекались иностранные грузы На протяжении многих километров выросли пристани для приемки иностранных пароходов; везде понастроены были склады и сараи «Целые горы, в буквальном смысле этого слова, каменного угля лежали вдоль пристани, громадные ящики с различными станками для раз-

[144] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 90, л 18—18 об Объяснительная записка к ведомости предметов, подлежащих заказу в потребность Военного министерства до 1 января 1917 г

[145] Там же, л 18

вития военных заводов, набросанные в хаотическом беспорядке, громоздились один над другим, из Америки уже стали прибывать винтовки системы Винчестера, снаряды для полевой артиллерии, даже громадные партии пороха, бесконечное количество ящиков с ручными гранатами посылали Англия и Франция»[146] и т. д.

Охрана этих грузов, доставленных с такими затруднениями, была поставлена плохо. Защита же морских подступов к городу и пристани лежала на единственном старом надводном судне «Бакан» и двух подводных лодках. В порт прибыл слабо вооруженный легкий английский крейсер «Ифигения». Этим и ограничивалась защита морских коммуникаций к единственному окну России в Европу.

Из Архангельска в Лондон миссия выехала 4 октября 1915 г.[147] на английском крейсере. В самом начале путешествия произошло приключение, надолго задержавшее русскую миссию. При выходе из горловины Белого моря крейсер наскочил на мину и подорвался; при спасении экипажа погиб тральщик. Некоторые члены миссии отделались ушибами, но все были спасены и доставлены в бухту Иоканки, где и дожидались прибытия нового военного корабля из Англии. Из-за этого несчастного случая русская миссия прибыла в Лондон с большим опозданием — 9 ноября, и на следующий же день она приняла участие в работе конференции по обсуждению вопросов снабжения.

Представители союзников уже съехались: от Франции — Альбер Тома, от Италии — Марафини. Лорд Китченер отсутствовал в Лондоне, и поэтому главным лицом, с которым русской миссии пришлось иметь дело, был министр снабжения Д. Ллойд Джордж, «в котором мы встретили человека, вполне сочувствующего нашим интересам и ясно представляющего себе положение на нашем театре военных действий», — как писал А. И. Русин[148]. Передавая свои впечатления от встреч с Ллойд Джорджем, А. И. Русин вынес уверенность, что его собеседник лучше всех других английских государственных деятелей понимал «исключительную роль России в настоящей войне». Русская армия занимала, по мнению Ллоид Джорджа, «тот театр, на котором неприятелю может быть нанесен решительный удар, но который, с другой стороны, в случае недостатка снабжения представит собою наиболее уязвимое место союзников»[149]. Ллойд Джордж, видимо, убедил А. И. Русина, что он является сторонником оказания помощи России в наибольшем масштабе, но у него, из-за неосведомленности о потребностях России, «иногда не хватает аргументов, чтобы убедить свое военное ведомство и свой военный совет, до которого доходят все важные вопросы, в необходимости уступить нам то или иное». Так односторонне, неправильно и некритично излагается в отчете А. И. Русина позиция английского министра снабжения.

[146] *В. Г. Федоров.* Указ. соч., стр. 57.
[147] По данным Федорова,— 6 октября 1915 г.
[148] «Исторический архив», т. IV, 1949, стр. 358.
[149] Там же, стр. 359.

Задача совещания союзников, по словам Ллойд Джорджа, заключалась в том, чтобы выявить потребности России и Италии и найти «способы к их удовлетворению» Поэтому Ллойд Джордж особенно настаивал в своей вступительной речи на получении от союзников правдивых и точных данных «всех пунктов нехваток, которые наиболее остры в данное время», чтобы знать, «какие потребности могут быть удовлетворены своими средствами, без помощи союзных стран»

Однако все содержание речи Ллойд Джорджа мало свидетельствовало о том, что он намерен серьезно помочь России Смысл его речи был следующий в первый период войны основное внимание английского правительства было приковано к усилению мощи морских сил, что «потребовало участия всех промышленных и технических средств страны» От $^2/_3$ до $^3/_4$ всех технических средств Англии было направлено на создание господства на морях

По словам Ллойд Джорджа, господство Англии на морях необходимо не только в интересах самой Англии, «но и для общего успеха дела союзников» Лишь в последнее время Англия могла направить серьезные средства на создание сухопутных сил, их вооружение и снабжение Английская сухопутная армия по численности была меньше армии Сербии, Болгарии или Греции Эта армия предназначалась для охраны метрополии, а отнюдь не для серьезного участия в борьбе на континенте Посылка войск во Францию преследовала якобы задачу «морально поддержать нашу союзницу» [150]

Далее Ллойд Джордж произнес следующие многозначительные слова «Более 6 лет я принимаю участие в работе правительства по государственной обороне, и никогда среди нас не возникал вопрос посылки наших войск на материк Но что произошло после этого? Мы решили поднять на ноги всю мощь империи не только на море, но и на суше и выступить на поддержку с могучей сухопутной силой У нас было 200 тыс солдат — теперь 2,5 млн Тот, который сказал бы это 21 июля прошлого года, был бы сочтен за сумасшедшего Наш план войны не имел даже намека на развертывание такой армии, и пришлось все создавать заново Пришлось привлечь к делу снабжения частные фирмы, создавать новые производства Конечно, наши технические средства велики, но все были направлены для мирной промышленности, а надо было поставить на ноги и вооружить 2 $^1/_2$-миллионную армию Будь у нас арсеналы, как у России, Франции и Италии, подготовленные для армии большей численности, наша техника пустила бы в ход военную промышленность, и мы могли бы обильно снабжать наших союзников Как г Тома, так и другие союзники обращаются ко мне за разными припасами, и мне часто приходится отказывать им, что представляется страшным для такой промышленной страны, как наша Но мне хочется, чтобы союзники поняли, что нам нужно снарядить 2 $^1/_2$-миллионную армию с головы до ног» [151].

[150] Там же стр 360–362
[151] Там же, стр 362

Поэтому Ллоид Джордж предупредил делегатов, прибывших «с желанием получить от нас многое из того, что мы производим, помнить», что технические средства Англии заняты вооружением своей армии и флота и не следует рассчитывать на многое «Вполне естественно, что наш первый долг — это забота о вооружении нашей армии, и как бы велики ни были нужды наших союзников, во многих случаях наши еще больше» [102] После такой вступительной речи делегаты русского правительства не могли рассчитывать на многое

Читатель может убедиться, что Ллоид Джордж — министр снабжения очень мало походит на Ллойд Джорджа — мемуариста, политического деятеля в отставке В своих мемуарах он критикует близорукую политику английского правительства, отказавшего России в 1915 г в серьезной помощи, поставившего тем самым ее армию на грань поражения и затянувшего войну Но разве сам Ллоид Джордж на конференции в 1915 г выражал желание действовать так, как он признавал необходимым впоследствии? Из его речи было видно что только через год, в июле-августе 1916 г , после вооружения английской армии Россия могла надеяться на получение серьезной помощи от Англии Так обстояло дело в действительности

В своей речи представитель Франции А Тома сообщил, что Франция увеличила выпуск артиллерии в 12 раз и создала производство «не существовавшей у нас тяжелой артиллерии» Поблагодарив Англию за помощь в разного рода материалах, он призвал союзников к откровенному обмену сведениями, предлагал изучить создавшееся положение и «начать организовываться» Обращаясь к русской и итальянской делегациям, он спрашивал «Что у вас сделано? Над чем вы работаете? Какие ваши планы в ближайшем будущем? Должен быть откровенный обмен сведениями между союзниками Не надо больше секретов Откройте ваши карты» У А Тома хватило смелости признать, что при раздаче заказов «до сих пор мы сплошь и рядом занимались грабежом друг у друга в нейтральных странах союзники конкурировали при даче заказов», поэтому он предлагал выработать соглашение о «взаимных согласованных действиях» Далее было сказано о бо́льших ресурсах стран Антанты, чем у Тройственного союза, о бо́льших возможностях Англии и неиспользованных средствах Нового Света и ничего конкретного о помощи союзникам за счет продукции французской промышленности [103]

«Карты» России видны были всем, и слова А Тома показывали, что целью совещания является в первую очередь взаимная информация, а не деловое изучение русских потребностей и заявок для их удовлетворения

В тот же день на вечернем заседании подверглась «беглому обзору» привезенная русскими делегатами и врученная Ллойд Джорджу ведомость заявок России Заседание установило «громадность наших пожеланий в области тяжелой артиллерии и указало на невыполнимость этих пожеланий в полном объеме (что, впрочем, пред-

[102] «Исторический архив» т IV, 1949, стр 363
[103] Там же, стр 364—365

виделось еще в Петрограде)» Союзники более всего были скупы в отношении артиллерии, особенно тяжелой, ибо, как говорил Ллойд Джордж, бои показали, что без тяжелой артиллерии невозможно предпринимать наступательные операции против укрепления противника Поэтому в тяжелой артиллерии России было отказано Ллойд Джордж соглашался уступить лишь небольшое количество легких гаубиц

Французское правительство обещало уступить России половину своего производства 280 мм гаубиц и $^1/_3$ производства 105-мм орудий

На следующем (последнем) заседании обсуждались остальные важнейшие пункты русской ведомости Среди требований первое место занимал вопрос о патронах для винтовок, расход которых на русском фронте был в несколько раз больше, чем во французской и английской армиях После объяснения русских военных экспертов и заявлений английского военного атташе в России подполковника А Нокса, что большие требования России вызываются маневренной войной и недостатком орудийных снарядов, «почувствовав особенности ведения боев на нашем фронте, наши союзники стали гораздо податливее Ллойд Джордж обещал положить выяснившееся на совещании военному совету и настаивать на том, чтобы нам была оказана широкая помощь» [154] Однако эта помощь не покрывала всех потребностей России в патронах, и был поставлен вопрос о поставках из Англии станков для оборудования в России нового патронного завода

Следующий вопрос касался снабжения России алюминием Союзники хотели узнать, на что требуется России 600 тыс пудов алюминия в год, и не получили определенного ответа А И Русину было сообщено, что при изготовлении дистанционных трубок уже отказались от употребления алюминия а при производстве аммонала употребляется лишь 5% алюминия Было определено отпускать России не более 100 т алюминия в месяц

Последний вопрос, обсуждавшийся на совещании, касался потребности России в ферровольфраме и быстрорежущей стали Союзники согласились отпустить лишь 50 т ферровольфрама и до 2500 т быстрорежущей стали, в это количество должна была войти сталь, уже разрешенная к вывозу, но еще не вывезенная из Англии [155]

Вопрос о снабжении России металлами в полном объеме не поднимался, так как миссия не располагала достаточными материалами для ведения переговоров по этому вопросу В заключение совещания были приняты решения о порядке дачи заказов и создании Центрального статистического бюро По первому вопросу было признано необходимым, чтобы заказы на военные предметы исходили «от одного правительства к другому» и исполнялись под «непосредственным наблюдением правительства» даже в том случае, когда заказ выполняет частное лицо, но с согласия правительства На деле это означало усиление контроля правительств Англии и Франции за русскими заказами в этих странах

[154] Там же, стр 368—373
[155] Там же, стр 374—375

Вопрос о Центральном статистическом бюро занял непропорционально много времени, прения носили академический характер Ллойд Джордж произнес длиннейшую речь Было принято решение, чтобы государства ежемесячно представляли сведения о программе производства главных предметов вооружения (список заказов, исполненных внутри страны и за границей), о потребностях в сырых материалах и рабочей силе как для собственного производства, так и для исполнения заказов союзников [156]

По всем остальным потребностям России велись отдельные переговоры с Ллойд Джорджем, военным министром и работниками министерства снабжения Эти деловые переговоры тянулись около двух недель По отзывам А. И Русина и В Г Федорова, отношение работников соответствующих английских министерств было доброжелательным В противоположность Японии, где все засекречивалось, английское военное министерство пошло навстречу пожеланиям русских делегатов

Особенно поразило членов миссии быстрое решение крупного вопроса о строительстве в России нового патронного завода производительностью 50 млн патронов в месяц Все станки и оборудование этого завода должна была поставить Англия Заявка о потребности России в таком заводе была сделана утром В течение дня военный совет рассмотрел эту заявку, в 1 час ночи было сообщено о благоприятном решении вопроса, а в 7 час утра следующего дня член миссии должен был уже выехать на автомобиле на завод, чтобы сделать там все указания о количестве и типе станков Такая оперативность и быстрота казались необычными для русских офицеров, привыкших к бюрократической медлительности канцелярий русского Военного министерства

Результаты всех переговоров в области артиллерии сводились к следующему Англия отказалась поставить России 12-дюймовые гаубицы кроме девяти штук, уже заказанных Виккерсу, сдача которых должна была произойти в марте 1916 г, но согласилась передать России заказ на 8—6 дюймовые гаубицы, изготовлявшиеся на американском заводе «Мидваль и К°» в количестве 200 штук каждого калибра Сдача этих гаубиц должна была начаться с середины 1916 г (ожидалось ежемесячное поступление 8-дюймовых орудий — 15 и 6-дюймовых — 28) В отношении пушечных снарядов решили просить английское правительство заказать на каждую гаубицу по тысяче выстрелов [157]

Миссия решила передать американскому заводу заказ на все 400 орудий, но Главное артиллерийское управление уменьшило заказ на 6-дюймовые гаубицы до 90 Таким образом, в области тяжелой артиллерии дело ограничилось лишь 300 орудиями, причем до отъезда миссии из Лондона переговоры о размещении заказа еще не были закончены Вместо предполагавшегося заказа на 1400 48-линейных гаубиц британское правительство согласилось передать России 300

[156] «Исторический архив», т IV, 1949, стр 368—373
[157] *В Г Федоров* Указ соч, стр 65

полевых 45-линейных гаубиц со всей материальной частью и комплектами снарядов, но без пороха Вероятный срок доставки гаубиц относился на февраль — апрель 1916 г В британском военном министерстве сообщили русской миссии о готовности обсудить вопрос о дальнейшем снабжении русской армии большим количеством таких гаубиц В 520 3-дюймовых горных пушках было отказано совсем Даже В Г Федоров, склонный скорее переоценивать помощь союзников, считал неудовлетворительным практическим итог соглашения в деле помощи России артиллерией [158]

А И Русин сделал попытку поправить дела при помощи возвратившегося в Лондон лорда Г Г Китченера, на личное свидание с которым «возлагал надежды, считая, что он будет содействовать увеличению получаемого нами непосредственно в Англии количества предметов снабжения, особенно же ружейных патронов» Во время разговора с Китченером А И Русин пытался заручиться его содействием и в получении большого количества тяжелых гаубиц Однако, как признал сам Русин, «надежды эти не оправдались» как в отношении ружейных патронов, так и гаубиц Китченер согласился лишь воздействовать на японцев, чтобы они отпустили России побольше ружейных патронов Но и из этой попытки на деле ничего не вышло Узнав о том, какое количество пушек Англия согласилась уступить России, «лорд Китченер был неприятно поражен тем, что такое большое количество орудий, очень, по его словам, необходимых английской армии, нам уступлено» В результате А И Русин пришел к выводу, что отсутствие Китченера в Лондоне во время обсуждения русских заявок в Военном совете «было для нас скорее полезно»

Ввиду согласия французского правительства отпускать России каждую третью изготовленную 42-линейную пушку Россия могла получить в 1916 г 108 пушек этого калибра Этим да еще передачей американского заказа на гаубицы и ограничивалась помощь союзников в артиллерии

Переговоры относительно снабжения России винтовками и патронами закончились следующими результатами Прежде всего выяснилось, что «бесполезно думать о помещении в Америке новых заказов на винтовки», а поэтому придется ограничиться теми, которые «уступаются нам английским (60 000 японского образца), французским (39 000 Лебеля, 80 000 Гра-Кропачек и около 460—480 тыс Гра) и итальянским (около 500 000 Ветерли) правительствами» [159]

Ллойд Джордж обещал увеличить число винтовок и патронов, отпускаемых России, если поставки из Америки в Англию будут приходить своевременно и в должном количестве На основе детальных расчетов В Г Федорова видно, что союзники обещали поставить России свыше 1,1 млн винтовок, вполне удовлетворительных по своим боевым качествам, «но, к сожалению, к большей части этих винтовок не имеется надлежащего количества патронов» [160]

[158] Там же стр 71
[159] «Исторический архив», т IV, 1949 стр 375—376
[160] *В Г Федоров* Указ соч, стр 62

Размещение заказов на остальные предметы вооружения — пулеметы, стереотрубы, телефоны, взрыватели, ручные гранаты, даже шрапнель для 48-линейной артиллерии — было произведено без особых затруднений

В связи с благоприятным решением вопроса о поставке Англией станков России для оборудования нового патронного завода было спешно приступлено к изготовлению этих станков в расчете на оборудование завода ежедневной производительностью 2 млн патронов[161] Изготовление станков для завода большей мощности задержало бы полное выполнение заказа до 1917 г, с чем нельзя было примириться Сдача станков должна была начаться через три месяца после подписания контракта и закончиться через 10 месяцев Уже через полгода должно было быть сдано такое количество станков, которое позволяло организовать выделку 20 млн патронов в месяц

Заказ на пистолеты был помещен Э К Гермонпусом лишь на 100 тыс (вместо 1 млн), с 250 патронами на пистолет Этот заказ должен был изготовляться в Испании[162]

Заказы на дымный порох были размещены в количествах, необходимых России,— 240 тыс пудов, но в снабжении только этого было отказано[163]

Этим в основном исчерпывались заказы на вооружение Подводя итоги своей деятельности, В Г Федоров писал, что «хотя по очень значительной части тех требований, которые были помещены в основной ведомости ГАУ, и удалось притти к некоторым соглашениям с соответствующими министерствами в Англии и во Франции, однако в то же время нельзя не признать, что количество разных предметов вооружения и боевого снаряжения, которые обещаны России правительствами союзных наций, все-таки не покрывает громадных потребностей русской армии»[164]

Мы рассмотрели итоги деятельности миссии по вопросам непосредственно боевого снабжения

Критическая оценка деятельности миссии в области закупок военно-технического имущества позволяет сделать вывод, что, кроме заказа на аэропланы во Франции и небольшого заказа на электротехническое оборудование, ничего сделать не удалось как по причине плохой подготовки самой миссии, так и вследствие весьма прохладного отношения правительств союзнических государств Очевидно, реализация большей части заявки, с которой прибыла миссия, должна была стать делом повседневной деятельности Русского пра-

[161] Это равнялось производству наиболее мощного в то время Петроградского патронного завода

[162] *В Г Федоров* Указ соч, стр 65

[163] Там же, стр 66—67

[164] Там же, стр 67 Следует указать что отчет В Г Федорова отличался наибольшей обстоятельностью Интересны его наблюдения над английскими и французскими заводами Посещая линию фронта во Франции Федоров многое увидел а главное, многое понял и объяснил, его предложения деловиты Однако его расчеты на увеличение помощи союзников не лишены беспочвенного оптимизма Слишком уж он надеялся на добропорядочность союзников и их бескорыстную помощь

вительственного комитета в Англии, а также Американского комитета

Гораздо больше сочувствия со стороны английского правительства миссия встретила в деле закупки предметов интендантского снабжения. Еще до поездки миссии в Англию русское правительство разместило крупные заказы в Америке (сапоги, шипы для подков). Кроме того, оно готовилось передать новый заказ на сукно, седла, шипы. Это встревожило англичан, отлично предоставивших свои услуги.[165] По приезде миссии в Лондон «представителями британского военного министерства неоднократно указывалось, что заказ этих предметов снабжения удобнее было бы разместить на английском рынке, ибо американские поставщики, получая сырой материал из Англии, должны окупить стоимость приобретенного товара, а также его перевозку и прочее, и потому они вынуждены повышать цену на заказанные предметы снабжения против существующих на английском рынке». Английские контрагенты не хотели упустить случая заработать на экипировке русской армии. Поэтому ими было заявлено о готовности «разместить все наши заказы на эти предметы в Англии по более выгодным ценам, ибо на рынке страны имеется достаточное количество свободного товара, качественно и количественно отвечающего нашим требованиям». Англичане соглашались полностью поставить 28 млн ярдов сукна (в счет которых на 11 млн уже были отданы заказы, в том числе 5 млн ярдов — американцам). Кроме того, ко времени возвращения миссии в Россию Особое совещание по обороне решило передать полностью весь заказ на сапоги (3 млн пар) английскому правительству.

Отпуская военные кредиты России, английское правительство весьма цепко держало их в своих руках и очень неохотно допускало расходование этих денег в Америке.

В части заказов на медикаменты и санитарное довольствие английский рынок оказался недостаточно подготовленным для удовлетворения нужд России. Британское правительство высказалось за то, чтобы все подобные заказы передавались из одного правительственного органа. Тем самым отвергались претензии Всероссийских земского и городского союзов. Англия отказалась снабжать Россию рядом медикаментов, отсылая к Франции и Америке. Даже термометров было отпущено всего лишь 5 тыс. штук вместо просимых 30 тыс.

Мы рассмотрели все «достижения» миссии в деле снабжения русской армии при помощи союзников. За исключением части предметов боевого снабжения и интендантских вещей результаты были самые мизерные. Общая линия англичан — «все нужно для своей армии» — определяла эти результаты. Несколько более доверчивые отношения были с французами. Но французы могли поставить России значительно меньше англичан.

Внешняя любезность и предупредительность, обещания рассмотреть вопрос о поставках в будущем прикрывали в сущности весьма

[165] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 42. Прилож. 6, лл. 133–135. Записка-отчет по вопросам интендантского снабжения.

расчетливую и эгоистическую политику англичан и французов к своей союзнице, армия которой только что пережила величайшую катастрофу, оставшись без оружия и снаряжения. Союзники не проявили действительно глубокого понимания потребностей русской армии и желания оказать ей серьезную помощь.

В то время, когда русская миссия объезжала столицы Англии и Франции, выпрашивая в сущности жалкие подачки, в Петроград прибыла миссия Поля Думера, которая раскрыла действительные карты союзников в отношении России. В ноябре 1915 г. Поль Думер был принят в Ставке царем и М. В. Алексеевым и изложил им свои «пожелания», которые в действительности выглядели как наглые требования. В разговоре с М. В. Алексеевым Думер «с большим красноречием» развивал план посылки русских солдат во Францию. Связь двух явлений — материальная зависимость России и «просьба» Думера — правильно воспринималась современниками. Даже М. В. Алексееву «не понравилась попытка Думера приравнять подобную услугу со стороны русских той услуге, которую оказывает нам Франция присылкой оружия»[166]. В телеграммах М. В. Алексеева в Генеральный штаб М. А. Беляеву и Я. Г. Жилинскому, в письмах Н. Кудашева из Ставки министру иностранных дел в весьма неприкрытой форме выглядит основа сделки между французскими империалистами и царским правительством, сделки, которая возмущала даже монархистов-генералов, но которой они не смели противодействовать.

4 декабря М. В. Алексеев сообщал Я. Г. Жилинскому: «Думер просит 300 тысяч укомплектовании тысяч по 30 ежемесячно. Быть может ввиду нашей материальной зависимости будет сделан опыт формирования двух наших полков придачею французского кадра. Лично против такой даже меры, желательно, чтобы на этом опыт, если он неизбежен, был ограничен»[167]. В телеграммах военному министру и М. А. Беляеву М. В. Алексеев объяснял, отчего нельзя отказать Думеру, хотя лично он и был против. «Если мы слишком зависимы в отношении материальной части, решительный полный отказ, которым следовало бы дать, признается нежелательным»[168]. Желая сохранить «добрые отношения» и только «в силу особой необходимости» Алексеев вынужден был пойти на эту «крайность», как он писал.

Дипломат Кудашев, присутствовавший в Ставке во время разговора Думера с М. В. Алексеевым, прямо писал С. Д. Сазонову о том, как «Думер имел неосторожность слишком выпукло сопоставить взаимные услуги, оказываемые друг другу союзниками: французы нам дают ружья (он обещал еще 150 000, кроме обещанных раньше), мы же будем давать им людей. Это предложение торга бездушных предметов на живых людей особенно покоробило генерала Алексеева, и без того мало сочувствующего посылке наших солдат»[169].

[166] «Красный архив», 1928, т. 3 (28), стр. 42—43.
[167] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 707, л. 7.
[168] Там же, л. 3. Телеграмма М. В. Алексеева от 30 ноября 1915 г.
[169] «Красный архив», 1928, т. 3 (28), стр. 18.

Однако Алексеев все же вынужден был силою вещей согласиться на посылку не двух полков, как он писал Я. Г. Жилинскому, а двух бригад, количество которых впоследствии еще более увеличилось.

Так в действительности выглядели отношения России с союзниками, если на них смотреть не сквозь розовые очки доклада А. И. Русина и его помощников.

В докладе А. И. Русина нет никаких критических замечаний относительно политики союзников в отношении России и итогов деятельности миссии [170]. Он остался доволен достигнутыми результатами и считал, видимо, что сделано все возможное. Докладывая 9 января 1916 г. Особому совещанию по обороне о результатах своей поездки, А. И. Русин явно преувеличивал степень готовности союзников — Англии и Франции — идти навстречу пожеланиям России. Это и вызвало критическую реплику М. А. Стаховича, сказавшего, что «миссия наша вела переговоры в недостаточно убежденном тоне, обращаясь с просьбами к союзникам, вместо предъявления им требований, следствием чего явилось заключение договоров, для нашего национального самолюбия прямо обидных и доходящих до установления контроля над нашими исчислениями и назначениями заказов» [171]. Однако это мнение М. А. Стаховича не было поддержано другими членами Особого совещания. Даже правый Марков 2-й признал в своем выступлении, что миссия «в полной мере сумела оградить интересы нашей обороны». Это признание идет дальше того, что говорили о результатах поездки сами члены миссии, например В. Г. Федоров. Его вывод о недостаточности помощи России со стороны союзников глубоко справедлив. Россия только что пережила тяжелое военное поражение, потеряла большую территорию и все крепости на западе, понесла огромные жертвы людьми и техникой. Все это было следствием отсутствия вооружения — пушек, снарядов, винтовок, пулеметов.

Посещая английские и французские промышленные предприятия, члены миссии наглядно видели, как использовали союзники затишье на фронте для разворота промышленности с целью технического оснащения своих армий. Армии союзников были оснащены неизмеримо сильнее и богаче, чем русская. На участке фронта в 50 км французы сосредоточили во время сентябрьского наступления 1915 г. 4500 орудий (из них 2500 тяжелых), т. е. по 90 пушек на километр, причем каждая пушка выпускала ежедневно по 200 полевых и 100 тяжелых снарядов. Армии союзников имели пулеметов в 4 раза больше, чем русские; авиации было неизмеримо больше; запасы военно-технического снаряжения — огромны. Следовательно, союзники, имели возможность отпускать гораздо больше артиллерии и других предметов вооружения, нежели они дали, и тем самым лучше вооружить русскую армию к важнейшим событиям 1916 г., когда армии союзников готовились наступать на основе единого плана.

[170] Кроме нескольких замечаний относительно визита к канцлеру казначейства Р. Мак-Кенна («Исторический архив», т. IV, 1949, стр. 377—378).

[171] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54, л. 171 об. ЖОСО, № 38, 9 января 1916 г.

Петроградская конференция (январь 1917 г.)

В конце 1915 г., во время поездки А. И. Русина в Англию, где встретились представители армии четырех союзных великих держав, и на военной конференции в Шантильи в конце 1915 — начале 1916 г. были сделаны первые робкие шаги по координации военных действий и использованию экономических ресурсов всех союзников. Затем, в ноябре 1916 г., после блестящих успехов русских армий летом 1916 г. в Париже состоялась конференция союзников, на которой британские делегаты Асквит и Ллойд Джордж выступили с предложением собраться в ближайшее время на конференции в России для «определения того, что может быть сделано на Восточном фронте, каков характер и размеры помощи, которую западные державы могут оказать России и Румынии для обеспечения успешного исхода операций, которые будут признаны необходимыми. Задачей этой конференции будет рассмотрение положения в целом и специально военного положения на востоке»[172]. В предложенном Ллойд Джорджем решении говорилось об обязательстве правительств снабдить «своих союзников», т. е. Россию и Румынию, «всем военным снаряжением по указанию конференции, которая состоится в России, хотя бы это вызвало известную задержку в снаряжении их собственных армий»[173].

Несмотря на возражения присутствовавших на конференции военных руководителей, в частности Ж. Жоффра, вопрос о созыве конференции в России был решен положительно, а последующие события на востоке — разгром румынской армии и ухудшившееся положение России — сделали ее созыв настоятельно необходимым.

Одновременно с общеполитической конференцией в Париже происходило военное совещание в Шантильи, где был выработан план военных действий, предусматривавший возможность перехода союзников в наступление во второй половине февраля 1917 г. Принятые в Шантильи решения, по оценке В. И. Гурко, лишь свидетельствовали, что союзники «имели только очень смутное представление об условиях, при которых происходила борьба на русском фронте»[174]. Союзники предъявили русской армии огромные требования, оказывая ей очень небольшую помощь.

Успехи русского наступления в 1916 г. вновь породили веру союзников в силу русской армии, а ее численность сильно увеличилась в конце 1916 г., и потому восточный театр опять стал привлекать первостепенное внимание союзного командования. Однако союзники недооценивали значения хозяйственного и политического кризиса внутри страны и той степени экономического напряжения, которое переживала Россия под бременем войны. Вопросы снабжения русской армии также не получали правильного решения со стороны союзников.

В. И. Гурко, исполнявший в конце 1916 г. обязанности началь-

[172] *Д. Ллойд Джордж.* Указ. соч., т. I—II, стр. 615.
[173] Там же, стр. 618.
[174] «Russland 1914—1917», Erinnerungen an Krieg und Revolution, Von Wassili Gurko, General der Kavallerie. Berlin, 1921, S. 190.

ника штаба верховного главнокомандующего, настроенный к союзникам самым доброжелательным образом, писал в отношении помощи союзников России «Они не отдавали себе достаточного отчета в том, как многосторонни наши задачи, напротив того, как относительно незначительны были наши материальные средства и как совсем незначительна была помощь, если не абсолютно, то все же относительно, которую нам наши союзники для этого оказывали С начала войны наши союзники доставляли нам только излишки их собственных военных материалов, но ожидали от нас проявления сил, которые должны были даже превзойти их собственные» [175]

Решения конференций в Париже и Шантильи были оценены русским военным командованием как попытка союзников установить общность военных интересов и использование материальных средств В И Гурко, являвшийся в то время, по случаю болезни М В Алексеева, фактическим руководителем русской Ставки, надеялся, что, добившись практического осуществления объявленного принципа о единстве военных запасов, «мы получим от наших союзников как можно больше снаряжения, и хорошего качества» [176]

На Петроградской конференции, назначенной на вторую половину декабря 1916 г, русские военачальники надеялись не только договориться о единстве руководства военными действиями на всех фронтах в кампании 1917 г, но и обеспечить более выгодное для России распределение материально-технических средств в соответствии с задачами, поставленными перед русскими армиями Поэтому в письме военного министра Д С Шуваева В И Гурко особенно подчеркиваются не стратегические задачи конференции, а вопросы снабжения России «Что касается предстоящих работ конференции,— писал военный министр,— то наряду с разработкой стратегического плана кампании при участии вашего высокопревосходительства главнейшей задачей конференции явится, согласно сообщению мне председателя Совета министров, снабжение России союзниками военными и иными материалами, необходимыми для обеспечения выполнения русской армией тех задач, которые выпадут на ее долю, в силу решений конференции, почему и представляется необходимым ныне же выяснить, на кого именно будет возложено изучение материальных нужд русской армии и участие в конференции по сказанным вопросам» [177]

Царь назначил делегатами России на конференции трех лиц председателя Совета министров А Ф Трепова, В И. Гурко и «особое» лицо, наиболее осведомленное в вопросах, связанных со снабжением России союзниками Это «лицо» должно было быть указано по соглашению военного министра и начальника штаба Ставки для утверждения царем

Историкам предстоит еще выяснить почему царь прямо не утвердил Д С Шуваева делегатом конференции, на которой основ-

[175] «Russland 1914—1917», стр 190—191
[176] Там же, стр 191
[177] ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 109, л 1 об Письмо военного министра Д С Шуваева В И Гурко от 22 ноября 1916 г

ным вопросом будет вопрос снабжения. Кому как не военному министру быть в курсе этого вопроса? Д. С. Шуваев имел и другие преимущества перед возможными кандидатами: до назначения на пост военного министра он долгое время служил интендантом армии и весь комплекс вопросов снабжения и сношения с союзниками ему был безусловно знаком. Очевидно, были какие-то политические причины. В обстановке распутинщины, роста влияния Протопопова, возможно, Д. С. Шуваев, как и председатель Совета министров А. Ф. Трепов, не считался достаточно верным трону.

Однако таким «вполне осведомленным» лицом, по мнению Д. С. Шуваева, являлся он сам. Он правильно мотивировал необходимость своего участия на конференции: ответственность за снабжение армии нес он лично, в материальных нуждах армии был «вполне осведомленным», поэтому он сообщил В. И. Гурко о своем решении «принять личное участие в предстоящих работах конференции». Явилось только техническое препятствие к этому — недостаточное знание Д. С. Шуваевым иностранных языков, вследствие чего потребовалось участие на конференции и его помощника — сенатора Н. П. Гарина, «владевшего в полной мере английским и французским языками».

Кандидатуру сенатора Н. П. Гарина, непосредственно ведавшего всеми вопросами снабжения, Д. С. Шуваев также предложил В. И. Гурко представить царю на утверждение. В случае выяснения на конференции «технических вопросов по снабжению» предполагалось привлекать начальников главных управлений Военного министерства. В. И. Гурко выразил полное согласие с предложением военного министра. Одчако в его телеграмме председателю Совета министров подчеркивалась необходимость участия сенатора Н. П. Гарина лишь «при решении вопросов, связанных со снабжением» [178].

Через несколько дней председатель Совета министров А. Ф. Трепов известил В. И. Гурко об утверждении царем военного министра представителем России на конференции [179], во всем остальном было решено так, как предлагал военный министр: сенатор Н. П. Гарин допускался к участию на конференции по вопросам снабжения, все же остальные лица привлекались к участию «по мере надобности». Еще до созыва конференции Д. С. Шуваев был смещен и заменен распутинцем ген. Беляевым, типичным чиновником, который, по отзыву знавших его лиц, годился быть бухгалтером, а не министром.

Общее руководство делегацией России на конференции и представительство «интересов России» по всем делам общего значения было возложено на А. Ф. Трепова, но он не удержался у власти до созыва конференции и был заменен Н. Д. Голицыным, не способным осуществлять какую-либо руководящую роль. Поэтому фактическое руководство на конференции принадлежало министру ино-

[178] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 109, л. 4. Телеграмма В. И. Гурко председателю Совета министров А. Ф. Трепову от 25 ноября 1916 г.

[179] Там же. Письмо А. Ф. Трепова В. И. Гурко от 3 декабря 1916 г.

странных дел Н. Н. Покровскому, на квартире у которого был выработан весь порядок конференции, намечены комиссии и их руководители. Он же и открыл конференцию [180].

Все явственнее чувствовались признаки приближения революции. Самодержавие доживало последние дни. Развал государственной машины выявился особенно отчетливо. В лагерь буржуазии перешло дворянство — основной оплот монархии. Даже великие князья советовали Николаю II пойти на уступки и, отказавшись от Протопопова, «даровать» правительство из лиц, пользующихся общественным доверием.

Внутриполитическая борьба среди дворянства, буржуазии и придворного окружения заставляла несколько раз откладывать конференцию союзников, и, наконец, она открылась в конце января 1917 г.

Отсрочка конференции позволила военному ведомству гораздо основательнее подготовиться, подсчитать потребности, выявить количество вооружения и предметов снабжения, которые не могли быть изготовлены в стране.

В деле «Конференция союзников в Петрограде», хранящемся в Центральном военно-историческом архиве, собраны все ведомости и объяснительные записки управлений военного ведомства, которыми были вооружены руководители Военного министерства для торга с союзниками. В обширных сводках было подсчитано, что дала армии отечественная промышленность за время войны и что доставили России союзники; каковы потребности на 1917 г., в какой мере они будут удовлетворены внутренним производством и сделанными уже заказами на иностранном рынке, что дополнительно необходимо иметь. По заданию В. И. Гурко были изготовлены диаграммы, показавшие картину распределения вооруженных сил союзников и их противников по фронтам, а также насыщенность фронтов боевой техникой — всеми видами артиллерии, пулеметами, самолетами и т. д.; диаграммы были составлены по французским данным, собранным для конференции в Шантильи.

Указанные материалы еще не использовались в печати. По французским данным, представленным на конференции в Шантильи [181], общее количество вооруженных сил сторон, воюющих на европейских театрах, было следующее:

Страны Антанты		Четверной союз	
Россия	— 2343 батальона	Германия	— 2198 батальонов
Франция	— 1473 »	Австрия	— 937 »
Англия	— 793 »	Болгария	— 229 »
Италия	— 801 батальон	Турция	— 69 »
Румыния	— 72 батальона		
Сербия	— 79 батальонов	Итого: 3433 батальона	
Бельгия	— 82 батальона		
Итого: 5643 батальона			

[180] «Russland 1914—1917», стр. 192.
[181] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 109, л. 16. Диаграмма № 1.

На долю России приходилось свыше 41% всех вооруженных сил Антанты на европейском театре. Одна Россия выставила столько солдат, сколько все остальные страны Антанты без Италии.

Еще более интересны данные о соотношении сил между фронтами[182]. На русско-румынском фронте находилось 2403 батальона[183], 52% всех сил союзников, которые удерживали 1528 батальонов врага, или 54% вражеских сил. На франко-англо-бельгийском фронте было 2219 батальонов союзников (48%), удерживавших 1314 батальонов (46%) противника.

Эти французские данные показывают, что русский фронт являлся главным как по количеству собственных сил союзников (52%), так и по количеству сил врага, которые он притягивал (54%). Англо-французский фронт занимал второе место как по собственным силам (48%), так и по силам врага.

Подсчет распределения артиллерийских сил врага по фронтам также показывает, что русский фронт с меньшим количеством артиллерии притягивал такие же силы противника, что и фронт англо-французский[184]. Англо-франко-бельгийский фронт имел 9176 легких орудий и 6369 тяжелых, против которых немцы выставили 4390 легких орудий и 5510 тяжелых. Русско-румынский фронт (вернее, русский, ибо в подсчетах учтены только русские орудия) имел 5459 легких орудий и 1946 тяжелых. Против них было сосредоточено 4970 легких орудий и 4060 тяжелых.

Таким образом, распределение германской артиллерии по фронтам было почти равным. Русские войска с относительно небольшим количеством артиллерии приковали огромные технические силы врага и сумели в 1916 г. прорвать фронт. Англо-французы имели колоссальное техническое превосходство — 16 085 орудий (в то время, как у русских было 7405) против 9900 германских орудий, не говоря уже о количественном превосходстве живых сил, но сидели в обороне, с трудом отбивая германские атаки под Верденом.

Приведенные нами фактические данные давали русскому правительству неоспоримое право решительно требовать от союзников более значительной помощи в деле вооружения русской армии, нежели они это делали до сих пор. Претензии русской делегации подкреплялись языком цифр, предъявленных самими союзниками.

Известное представление о том, как изменилось оснащение русской армии к концу 1916 г., дает табл. 7.

Из таблицы видно, что общее количество винтовок к концу 1916 г. почти не увеличилось сравнительно с началом войны, правда, количество винтовок в боевой линии выросло на 50%. Количество легких, горных и конных орудий осталось почти неизменным, но в 2 и более раз выросло количество орудий тяжелых калибров. Это произошло как за счет иностранных поставок, так и внутреннего производства.

[182] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 109, л. 18. Диаграмма № 3.
[183] Румынских сил было 72 батальона, или 3%, остальные русские.
[184] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 109, л. 18а. Диаграмма № 4.

Таблица 7

*Количество главнейших предметов вооружения в 1914 г и к концу 1916 г **

Предметы вооружения	1914 г	К концу 1916 г
Винтовки	4 624 000	4 899 000
в боевой линии	1 776 000	2 360 000 ***
Пулеметы	4157	14 980
Орудия легкие, горные и Арисака	5916	5708
конные	390	408
легкие прежних образцов, и ност ранные, противоштурмовые и противосамолетные	—	385
Гаубицы 48 дм и 45 дм	536	1074 ****
» тяжелые новых образцов	252	916
» прежних образцов и иностран ные	—	439
Бомбометы	—	6338
Минометы	—	1122
Боевые припасы		
ружейные	2 315 500 000	506 171 000
артиллерийские легкие	6 433 000	11 646 000
гаубичные	449 000	848 000
тяжелые	122 000	684 000
Ручные гранаты на фронтах	—	8 762 000
» » в запасах	—	12 275 000

* ЦГВИА ф 2003 оп 10 д 109 л 127

** В эту цифру не вошли 12 формируемых дивизий 2 морские дивизии 2 сербские дивизии 8 латышских полков пластунские батальоны пешие казачьи и туземные полки на Кавказе

*** Сюда вошли 240 45-дм гаубиц формирование которых заканчивалось

Более чем в 3 раза выросло оснащение армии пулеметами, значительно увеличилось количество снарядов

В начале 1917 г в русской армии проводилась реорганизация, смысл которой заключался в увеличении количества дивизий за счет сокращения количества батальонов в каждой дивизии с 16 до 12 Каждый полк выделял по одному батальону; это давало на корпус восемь батальонов, к ним присоединяли четыре вновь сформированных, и таким образом получалась дивизия 12-батальонного состава Эта реорганизация должна была привести к увеличению количества дивизий на европейском фронте со 115,5 до 161 Зато каждый корпус должен был объединить не две дивизии, как прежде, а три, что давало не 32 батальона, а 36 батальонов на корпус Каждая дивизия не только сохранила прежнее количество артиллерии, а даже усиливалась артиллерийским огнем [185] Проектируя значительное увеличение

[185] ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 109 К Петроградской конференции Сравнительная ведомость числа дивизий и батальонов на Северном, Западном и Юго-Западном фронтах до и после реорганизации

Таблица 8

Поступление предметов вооружения в действующую армию России с 19 июля 1914 г по 1 ноября 1916 г *

Предметы вооружения	Всего поступило	В том числе	
		с отечественных заводов	из заграницы
Орудия			
3-дм легкая скорострельная пушка	7274	6788	486
3-дм горная пушка	879	779	100
42-линейная скорострельная пушка	185	173	12
120-мм пушка	60	—	60
45-линейная гаубица	365	—	365
48- » »	1081	1081	—
6-дм гаубица	184	184	—
6-дм осадная пушка	30	30	—
8-дм гаубица	30	—	30
20-см »	6	—	6
11 дм »	16	—	16
12-дм »	36	27	9
Траншейные пушки	223	205	18
Противоаэростатные пушки	32	16	16
Бомбометы	13 020	12 092	928
Минометы нормальные	3147	3147	—
» тяжелые	60	60	—
Выстрелы			
Для 3-дм легких пушек	37 411 220	30 517 024	6 894 196
» 3 дм горных »	2 979 855	2 738 533	241 322
» 42-линейных »	828 350	822 350	6 000
» 120-мм »	29 472	29 472	—
» 45-линеиных гаубиц	702 684	—	702 684
» 48- » »	2 706 093	2 706 093	—
» 6-дм гаубиц	1 003 751	1 003 751	—
» 6-дм пушек	10 000	—	10 000
» 8-дм гаубиц	32 450	—	32 450
» 11-дм »	10 911	10 911	—
» 12-дм »	6 524	1 824	4 700
» траншейных пушек	1 982 382	330 382	1 652 000
Снаряды к бомбометам	7 450 988	6 449 123	1 001 865
» к минометам	537 394	537 394	—
Ручные гранаты	30 010 669	11 123 585	18 887 084
Винтовки, пулеметы, патроны			
Винтовки	3 726 760	1 918 614	1 808 146
Пулеметы	23 788	13 755	10 033
Ружья-пулеметы	—	—	—
Патроны	3 421 660 465	2 598 623 155	823 037 310

* ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 109, л 130—130 об

боевой силы армии, военные руководители необоснованно рассчитывали на получение большого количества артиллерии от союзников

Начальником Управления артиллерии при Ставке верховного главнокомандующего Е З Барсуковым была подготовлена справка о вооружении русской армии с 19 июля 1914 г по 1 ноября 1916 г Из таблицы 8 видно, что с 19 июля 1914 г по 1 ноября 1916 г в армию поступило 10 401 орудие, включая сюда и небольшое количество траншейных пушек и зенитных орудий Из этого числа лишь 1118 орудий было получено из-за границы, а остальные все были поставлены русскими заводами Таким образом, иностранные поставщики дали всего около 10% Даже тяжелая артиллерия в своем большинстве изготовлялась русскими заводами· 48-линейные и 6-дюймовые гаубицы все были отечественного производства, 12-дюймовые гаубицы поставлены на $^3/_4$ русскими заводами, траншейные пушки тоже почти все были русского производства Лишь 120-мм пушки, 8- и 11-дм гаубицы целиком поступили из-за границы

Примерно такая же картина получалась и по снарядам Для 3-дюймовых полевых и горных пушек вместе на 40 4 млн выстрелов, поступивших в армию, из-за границы доставлено было лишь 7,1 млн , что составляет около 17% Картина меняется с выстрелами для тяжелых орудий — 45-линейных гаубиц, 6-, 8- и 12-дюймовых пушек и траншейных орудий — большая часть выстрелов для них заграничного производства Всего по отношению к общему количеству изготовленных в России снарядов иностранные поставки до 1917 г составляли не более $^1/_4$.

Более важную роль играли иностранные поставки в снабжении русской армии винтовками и пулеметами К ноябрю 1916 г из-за границы была доставлена почти половина винтовок и пулеметов и $^1/_4$ винтовочных патронов

Приведенные данные показывают, что основной базой снабжения армии артиллерией оставались русские заводы и строить преувеличенные планы и надежды на получение из-за границы в 1917 г огромного количества артиллерийского снаряжения было необоснованно Между тем почти во всех заявках, особенно в области артиллерии, все расчеты строились на получение пушек от союзников

Артиллерийская заявка сделана на огромное количество пушек Одна объяснительная записка представляет собой увесистую тетрадь из 16 отделов и 117 пунктов Заявка на пушки содержит 22 пункта Мы свели все эти данные в три группы· первая — легкая и тяжелая полевая артиллерия, вторая — тяжелая артиллерия особого назначения (ТАОН) и третья группа — траншейная артиллерия. минометы и бомбометы

Общая потребность России в артиллерии на 1917 г и нехватка ее видны из следующих данных [186]:

[186] ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 109, лл 320—333 Объяснительная записка А А Маниковского от 28 января 1917 г к программе снабжения армии главнейшими предметами артиллерийского довольствия на период до 1 января 1918 г

Виды артиллерийских орудий	Потребность в год штук	Общая нехватка штук
Все виды полевых орудий от 3-дм пушек до 6-дм гаубиц	14 928	9067
ТАОН	1 418	1096
Траншейные орудия, минометы и бомбометы	14 976	4480
Итого	31 322	14 643

Прежде всего поражает цифра годовой потребности — 31 тыс орудий всех видов Одних только орудий легкой и тяжелой полевой артиллерии надо было дополнительно заказать и получить из-за границы свыше 9000 штук Иначе говоря, союзники должны были в течение одного года дополнительно дать больше того количества артиллерии, которое поступило в армию за $2\frac{1}{2}$ года Опыт предыдущих поставок показывал, что вряд ли это было возможно

По другим видам оружия получалась несколько более удовлетворительная картина Из годовой потребности в 3 млн винтовок не хватало лишь около 200 тыс Плохо складывалось дело с ружьями-пулеметами их не хватало около 90%, а авиационные пулеметы необходимо было полностью изыскивать за границей Потребность в порохе и пироксилине исчислялась в количестве 4,4 млн пуд , из которых не хватало 2,1 млн пуд

В изготовлении взрывчатых веществ Россия добилась больших успехов Но все же иностранные поставки тротила играли важную роль Особенно остро чувствовался недостаток селитры

В дополнение ко всему для артиллерийского ведомства требовалось станков для вновь строившихся предприятий на сумму около 25 млн руб

За время войны механизация армии сильно выросла Организация тяжелой артиллерии требовала огромного количества механической тяги Поэтому заявка на тяжелую артиллерию сопровождалась подробными расчетами необходимого количества механической тяги Приводим потребность первых частей ТАОН, которые надо было сформировать до 1 мая 1917 г , в сопоставлении с общей потребностью всей артиллерии до 1 июля 1918 г [187]

	Потребность до 1 мая 1917 г штук	Общая потребность всей артиллерии штук
Гусеничные тракторы	758	2076
Тележки прицепные к ним	728	2013
Автомобили грузовые	3031	10 115
» легковые	768	2360
Автомобили цистерны	453	1478
Автомобили мастерские	198	595
Мотоциклеты	1476	4303

[187] ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 109, л 144 Из ведомостей лит А, лит Б, лит Е.

Между тем автомобили и другие предметы военно-технического снабжения армии поступали от союзников крайне неаккуратно. В ведомости потребности в главнейших предметах инженерного и технического имущества [188] на это особенно указывалось. «Все автомобильное имущество, особенно *легковые автомобили,* материалы, покрышки и шины, станки и инструменты поступают все время в совершенно недостаточном количестве, несвоевременно и часто в неисправном виде». Против раздела «Автомобильное имущество» имелось следующее очень важное примечание: «На своевременность поставки нам союзниками заказанных у них автомашин и отправки их необходимо особенно настаивать. Вопрос с легковыми не разрешен даже произведенными заказами, особенно ввиду того, что заказанные в Англии легковые (главным образом Тальбот) малопригодны. Единственное решение — получение валюты от англичан для покупки в Америке хотя бы 1000 машин марок, испытанных на фронте и зарекомендовавших себя с самой лучшей стороны (Пирс-Арроу, Локомобиль, Паккард)» [189].

Штаб верховного главнокомандующего признавал английские автомобили совершенно неудовлетворительными, с крупными конструктивными недостатками. В течение двух предыдущих лет, когда русское правительство покупало автомобили в Англии, англичане сбывали всякий хлам, «автомобили коих были признаны английским военным министерством непригодными для несения службы на фронте». В специальном докладе, представленном 16 декабря 1916 г. дежурным генералом начальнику Штаба верховного главнокомандующего, дана убийственная критика качеств английских машин и практики английских поставок в Россию. Штаб верховного главнокомандующего «на основе опыта работы на нашем фронте» считал «английские машины на последнем месте». Между тем Лондонский комитет продолжал производить значительные заказы на машины в Англии, и притом «не первоклассных марок», что вынудило штаб решительно отказаться от получения английских машин, а это повлекло к отказу «от уже заключенных контрактов» [190]. Однако представитель ГАУ в Лондонском комитете и после этого купил и отправил в Россию 800 автомобилей, из них «550 таких английских марок, которые признаны совершенно непригодными для работы на фронте даже членом Лондонского комитета (представителем Главного военно-технического управления)» [191].

Этот эпизод показывает, что дело снабжения армии новейшими техническими средствами — тракторами и автомобилями — представляло величайшие трудности. Даже в тех случаях, когда потребное оборудование отпускалось России, это был брак, и расходы на него увеличивали лишь сумму государственного долга России и давали

[188] Там же, лл. 180—183. Ведомость № 1.
[189] Там же, л. 180.
[190] Там же, лл. 192 об.— 193. Докладная записка № 148 по управлению дежурного генерала от 16 декабря 1916 г.
[191] Там же, л. 193. В документах по-прежнему говорится о Лондонском комитете, хотя он был реорганизован в Русский правительственный комитет.

возможность наживаться английским и другим иностранным поставщикам Чтобы купить предметы хорошего качества (в данном случае автомобили), требовалась «добрая воля» английского правительства отпустить на это деньги и дать согласие израсходовать их в Америке Как раз на это англичане шли неохотно

Мы не будем заниматься перечислением других заявок военного ведомства, они чрезвычайно громоздки и поражают огромными размерами предъявленных требований Миллионы противогазов, касок, не говоря уже о других, более сложных вещах, должны были выписываться из-за границы

Большие заявки на поставки из-за границы объясняются не столько преувеличением действительных потребностей, сколько тем, что русская промышленность уже испытывала острый недостаток сырья и топлива, что мешало организовать производство даже таких предметов, как подсумки для винтовочных патронов

Кроме Военного и Морского министерств серьезные требования были заявлены Министерством земледелия — на машины, Министерством путей сообщения — на рельсы, паровозы, вагоны и другие предметы оборудования железных дорог, Министерством торговли и промышленности — на металл, уголь, машины, станки, оборудование для угольной и нефтяной промышленности и т д Требования этих министерств также должны были быть рассмотрены и включены в общее число военных поставок для России

Рассмотрение заявок России на снабжение происходило параллельно с рассмотрением стратегических планов союзников Работа военного совещания началась 1 февраля 1917 г в узком кругу военных специалистов [192] Совещание прежде всего конкретизировало ту часть решений в Шантильи, где говорилось, что военные операции в 1917 г будут носить «решающий характер» По предложению французского генерала де Э. Кастельно было установлено, что это не значит, что война должна быть окончена в 1917 г, а лишь то, «что она должна принять такой оборот, при котором победа союзников будет вне всякого сомнения» [193]

В этом духе было принято окончательное решение Оно обязывало союзников вести наступательные операции «с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств, чтобы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения» [194] Дальше обсуждался вопрос о сроках наступательных операций, которые должны начаться раньше неприятельских Французы предложили не единый срок перехода в наступление, а «отдельно для каждого фронта» На 15 февраля 1917 г они назначили срок готовности к наступлению своих армий К этому времени французы не сумеют еще сосредоточить максимум сил, но «при малейшей

[192] На совещании присутствовали В И Гурко, де Э Кастельно, Генри Вильсон, Руджиери-Ладерки А И Русин

[193] ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 109, лл 63—85, см также «Конференция союзников в Петрограде в 1917 году» — «Красный архив», 1927, т. 1 (20), стр 42

[194] «Красный архив», 1927, т 1 (20), стр 42

серьезной попытке к наступлению со стороны неприятеля на Западном фронте французские армии будут в состоянии опередить действия неприятеля» [195].

Однако русская армия никак не могла начать наступление с половины февраля, как предлагали союзники. По заявлению В. И. Гурко, русские армии могли начать наступление только с весны. В итоге обмена мнений было принято расплывчатое решение, которое не определяло никаких сроков готовности, но обязывало союзников перейти в наступление, если кто-нибудь из них будет атакован врагом.

За прошедшие три месяца после созыва конференции в Шантильи военное положение союзников ухудшилось; в связи с этим пришлось пересмотреть принятое в Шантильи решение о крупном наступлении на Балканах. Было решено атаковать неприятеля путем удара по «центрам неприятельского сопротивления», что было равносильно наступлению на главных фронтах. В связи с этим Салоникской армии союзников отводилась лишь второстепенная роль, а войска Румынии реорганизовывались под руководством французских инструкторов. Кроме того, было выражено пожелание о совместных операциях на Кавказе и в Месопотамии.

Военное совещание должно было заняться обсуждением вопроса, непосредственно касавшегося снабжения русской армии. Правда, генералы оговаривались, что их суждения будут носить пока предварительный характер. Вопрос был поставлен так: «Исходя из какого принципа будет установлено количество боевого материала, который будет передан России? Будет ли признано возможным в целях достижения наилучшего успеха распределить необходимый материал так, чтобы обеспечить каждой из союзных армий известный минимум?» Если будет так, тогда, очевидно, этот минимум должен быть пропорционален количеству войск, важности фронта, его длине и задачам, которые будут на этот фронт возложены. Конечно, огромное значение для России имело время отправки и получения материалов [196].

Обсуждение этого вопроса не привело к каким-либо практическим решениям или даже согласованному мнению. Требование В. И. Гурко, чтобы союзники обеспечили русской армии «необходимый минимум боевого материала», если они на деле желают «дать России возможность усилить свою армию и обеспечить ей возможность выдержать продолжительную войну», было встречено французами в штыки.

Де Э. Кастельно считал «недопустимым обнажать французский фронт в пользу русского». В. И. Гурко разъяснил, что речь идет о новом производстве. Де Э. Кастельно отговорился незнанием «подробностей вопроса», но в отношении нового производства не возражал, чтобы Франция делилась с Россией, более того, он «полагал», что в этом направлении «уже приняты меры».

[195] Там же, стр. 43.
[196] Там же, стр. 51.

Английский представитель Г. Вильсон сослался на необходимость изучить материал о перевозках «морем и железными дорогами в России» Ухватившись за эту мысль, В И Гурко указал, что Россия нуждается в железнодорожных материалах для усиления вывоза из портов и в артиллерии ввиду удлинения русского фронта на 500 км из-за Румынии, которая, по его словам, держит фронт лишь на протяжении 24 км. «Западный фронт,— сказал В И Гурко,— был всегда несравненно богаче снабжен артиллерией, чем русский фронт, и ...даже пассивные части Западного фронта имеют значительно больше орудий, чем активные районы русского фронта Между тем ныне русский фронт увеличился на одну треть своего протяжения».

Де Э. Кастельно постарался смягчить остроту выступления В И Гурко Он подчеркнул, что распределение материалов не должно подчиняться «отвлеченным математическим суждениям», а должно соответствовать «значению намечаемых операции», причем все фронты слил в «единое и общее поле сражений» [197].

Военное совещание закончило свою работу, оставив дело распределения материалов в руках комиссии по снабжению, но не дав ей никаких директивных указании. В. И. Гурко так рассказывает о работе комиссии по снабжению военными материалами. «Она должна была разделиться на многие подкомиссии, каждая по особой области снабжения. Работа этой комиссии состояла в том, чтобы определить потребности русской армии в военном снабжении и, далее, в каком количестве и в какие сроки эти потребности могут быть удовлетворены союзниками, а именно, в частности, нужно было установить, какие средства имеются, чтобы грузы из портов перебросить в глубь страны. Председателем этой комиссии являлся военный министр Беляев. Представителем Ставки в этой комиссии был вел. кн. Сергей Михаилович Я лично собирал эту комиссию совместно с так называемой стратегической только на заключительное заседание, чтобы узнать, к каким решениям комиссия пришла» [198].

Ллоид Джордж считал, что наиболее ценная часть работы Петроградской конференции состояла именно в выработке плана перевооружения русской армии и снабжения городов — плана, который, по словам самих англичан, являлся недостаточным. Ллойд Джордж цитировал доклад представителя английской делегации Милнера, который писал «Конечно, после всего, что было сказано и сделано, та помощь, которую мы предлагаем России, даже если она будет полностью осуществлена, далеко не покроет ее насущных потребностей» [199].

Чтобы видеть, как вырабатывался окончательный план снабжения России, мы остановимся на рассмотрении работы некоторых комиссии, о которых говорил В И Гурко Именно в них предрешалось окончательное решение многих вопросов В нашем распоряжении —

[197] «Красный архив», 1927, т 1 (20), стр 52—53
[198] «Russland 1914—1917», стр 193
[199] *Д Ллойд Джордж* Указ соч, т III М, 1935, стр 358

краткие записи протоколов комиссий, черновые наброски секретарей, иногда совершенно не обработанные. Эти материалы дают возможность получить гораздо более яркое представление о работе конференции и поведении представителей разных стран, чем сухая запись окончательно принятых решений

27 января 1917 г. состоялось первое заседание комиссии по снабжению [200]. Новый военный министр, сухой и педантичный Беляев ознакомил членов комиссии с заявками министерств земледелия, торговли и промышленности, инженерного и санитарного ведомств, Военного министерства. Заявка санитарного ведомства была относительно невелика, так как большинство нужд, по словам Беляева, «может быть удовлетворено в России», и из-за границы требовались некоторые медикаменты на сумму 38 млн. руб. и весом 9300 т.

Нужды Министерства торговли и промышленности сводились главным образом к оборудованию портов Белого моря и Владивостока, к потребностям в машинах, инструментах и материалах для 14 заводов, подчиненных министерству и работавших на оборону. Среди этих заводов многие были очень крупные Пермский пушечный, Ижевский, Златоустовский, Воткинский и др Министерство торговли и промышленности представило также заявку на хлопок, каучук, оборудование для нефтяной и угольной промышленности. К сожалению, в документах не получило отражения количество различного рода материалов, на которые была представлена эта заявка; она рассматривалась и изучалась потом особой подкомиссией

Министерство земледелия требовало ввоза в страну риса из Японии и мешков на 28 млн. руб, а также сельскохозяйственных машин. Характерно, что для обоснования этих требований указывалось на сокращение урожая в стране на 20%, вследствие чего прекратился не только хлебный экспорт России за границу, но и уменьшилось на 8% потребление самого населения

Большинство потребностей инженерного ведомства удовлетворялось в самой России, за исключением автомобилей, тракторов, моторов, проволоки и принадлежностей беспроволочного телеграфа Производство проволоки в России за время войны выросло в 8 раз, но изготовлялась в стране только колючая проволока, а нужда испытывалась во всех видах проволоки, особенно в стальной, необходимой для изготовления мин, стальных тросов для нефтяной промышленности и каменноугольных шахт Запасы проволоки в России были велики; они составляли 6 млн пуд, но $^3/_4$ их находилось во Владивостоке

На первом заседании комиссии по снабжению представители союзников лишь в общих чертах ознакомились с нуждами отдельных министерств и ведомств, после чего было решено «разбиться на ряд подкомиссий для детального рассмотрения заявленных требо-

[200] ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 109, л 258 В отчете не указан состав комиссии, не отмечены выступления делегатов, делавших различные замечания, кроме просьбы Ромеи свести все только что оглашенные заявки ведомств в общие согласованные списки

ваний и изучения того, насколько они могут быть выполнены союзниками» [201]. 28 января 1917 г. начались заседания подкомиссий, на которых председательствовали помощник военного министра сенатор Н. П. Гарин, вел. кн. Сергей Михайлович и другие лица.

При рассмотрении заявки на интендантское снабжение [202] Жанен указал на возможность уступить России некоторый запас седел и конской амуниции, но он решительно отказал в требованиях России на сукно, гвозди и подковы. За сукном было решено обратиться к Англии и Японии.

29 января состоялось заседание подкомиссии по вопросу авиации. Английский представитель подтвердил, что «все английские самолеты прибудут в Россию вполне экипированные». В общем, снабжение России самолетами было намечено без больших возражений союзников и в том количестве, как предлагало русское командование [203].

Значительно хуже обстояло дело со снабжением России металлами. Докладчик А. З. Мышлаевский указывал, что ежемесячная потребность России в черных металлах составляет 11,5 млн. пуд., из которых в России можно получить 6 млн., а остальное количество должно быть получено из-за границы. Однако, учитывая трудности с перевозками, заявка на заграничный металл сокращалась Россией до 2,5 млн. пуд. в месяц.

Говоря о тоннаже для перевозки металла, А. З. Мышлаевский указывал, что для этого необходимо 1,9 млн. т и что «минимум наших требований составляет миллион тонн, неполучение которых грозит полной остановкой нашей металлургической промышленности» [204]. В указанную А. З. Мышлаевским потребность вошли не только металлы для военного ведомства, но и для Министерства путей сообщения.

В дискуссии о металле главное участие принял представитель английской делегации Лейтон. Выслушав заявление А. З. Мышлаевского, он потребовал более детальных сведений о работе русской металлургии, о количестве разных сортов металла, рельсов и т. п., изготовленных в 1916 г. Он просил также разбить все требования русского правительства на очереди по степени важности и предпочтительности, так как общий размер тоннажа определен лишь в 4 млн. т «и от нас зависит, как распределить его между потребителями наших ведомств».

В ответ на замечания Лейтона А. З. Мышлаевский указывал на наличие в Англии тоннажа, так как «всегда можно получить все через частных предпринимателей». Кроме того, англичане не принимали во внимание возможность получения тоннажа в Японии. Поэтому А. З. Мышлаевский просил союзников отпустить валюту на

[201] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 109, л. 258 об.
[202] Там же, л. 228.
[203] Русское командование настаивало лишь на том, чтобы пулеметы были поставлены фирмой «Виккерс» или же «Гочкис» и «обеспечены патронами».
[204] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 109, лл. 266—267 об.

приобретение тоннажа, а самый тоннаж он надеялся купить через частных предпринимателей в Англии или у японцев. В сухой протокольной записи его слова изложены следующим образом: «Ввиду изложенного генерал просил дать нам необходимую валюту, а тоннаж и металл мы достанем сами, а где — это наше дело» [205].

Однако Лейтон не обнаружил желания говорить о валюте, и дальнейший обмен мнений был сосредоточен вокруг тоннажа, причем Лейтона поддерживал Жанен. Их точка зрения сводилась к следующему: русские просят слишком много металла — «половину английского производства»; во-вторых, емкость русских портов очень ограниченна, и они не могут вместить всего количества испрашиваемых грузов; в-третьих, грузы в Россию медленно доставляются, прибывая на фронт лишь через восемь месяцев, а в Англии они используются уже через месяц. Из этого Лейтон делал вывод о желательности оставлять побольше грузов Англии. После довольно длительного обмена мнений было решено перенести часть русских заказов с 1917 г. на первые месяцы 1918 г. с расчетом доставки их на фронт к 1 мая 1918 г.

Выслушав заявление русских о нехватке в России меди в количестве 130 тыс. т, представители союзников советовали России усилить добычу меди на Кавказе, для чего необходимо было увеличить количество рабочих на медных рудниках; в результате этой меры Россия могла бы уменьшить покупку меди за границей.

А. З. Мышлаевский предлагал закупить недостающую медь в Японии. Однако из дальнейшего обмена мнениями выяснилось, что вся японская медь уже закуплена Англией, а потому, чтобы избежать конкуренции, было решено закупку меди вести через Английский комитет, хотя медь и покупалась не на английскую валюту. Советы англичан экономить медь на снарядах (ведущие пояски) была отвергнута русскими, «ввиду недостатка орудий и трудности их получения» [206].

Что касается потребности России в других цветных металлах, то выяснилось, что олово и свинец надо было покупать в Англии, сурьму — в Японии, а алюминия союзники соглашались отпустить 4—4,5 тыс. т вместо необходимых 7 тыс. т.

Обсуждение вопроса о металле вскрыло всю глубину кризиса русского народного хозяйства. Ведущая отрасль промышленности России, производительность которой до войны значительно превосходила потребности рынка, не справлялась с предъявленной войной потребностью. Правительство и буржуазия проявили полную несостоятельность, не сумев поднять производство металла, на котором основывалась вся военная экономика страны. Россия с ее многомиллионной армией не могла долго воевать на привозном металле; кроме того, тот «паек», который ей отпускался союзниками, был чрезвычайно ничтожен. Через 2,5 года войны Россия попадала в зависи-

[205] Там же, л. 266 об.

[206] Сокращение медных поясков на снаряде вело к усилению их трения и быстрой изнашиваемости орудий.

мое положение от своих богатых союзников не только в области финансов и тяжелой артиллерии, но и в области важнейших видов сырья, без которого не могла жить и работать оборонная промышленность.

31 января 1917 г. комиссия по снабжению разбирала заявку Военно-технического управления [207]. Несмотря на заявление военного министра, что большая часть потребности этого управления удовлетворяется в России внутренним производством, ведомство заявило о необходимости получить из-за границы 1,2 млн. т разных грузов. Услышав эту цифру, английский генерал Пуль в реплике обратил внимание на то, что «каждое ведомство исчисляет свои потребности не менее как в 1—1,5 млн. тонн» при общем количестве возможного тоннажа в 4 млн. т. Этим самым указывалось на неизбежность сокращения заявок Военно-технического управления. Большинство заказов этого ведомства приходилось на Англию и Америку. Одних автомобилей, исключая уже заказанные и собранные в России, предполагалось получить 35 тыс. (20 040 грузовых, 7470 легковых и около 8—9 тыс. автомобилей других типов).

Кроме уже размещенных заказов, Гарин сообщил о намерении русского правительства «дозаказать» в Англии 3,2 тыс. автомобилей, во Франции — 6 тыс. и в Италии — 7,4 тыс. Несмотря на отрицательное отношение штаба Ставки к английским автомобилям, Англия опять фигурировала как будущий поставщик негодных автомобилей. Вопрос о заказах автомобилей в Америке был обойден, так как немедленно повлек бы за собой вопрос о валюте.

Намеченное русским командованием количество автомобилей даже при наличии их в соответствующих странах невозможно было бы перевезти. Отношение союзников к русской заявке выразил Пуль, указавший, «что на получение всего просимого от Англии числа автомобилей надежды мало». Члены союзных миссий не могли определенно указать количество поставляемых автомобилей, так как ждали ответа от своих правительств.

Отметим, кстати, что, хотя в состав миссии союзников входили высокопоставленные лица, они самостоятельно не решали ни одного значительного практического вопроса без сношения и согласования его со своими правительствами.

Обсуждение заявки Министерства торговли и промышленности [208] свелось к жалобам председателя комиссии на недостаток оборудования и машин в России. «Мы дошли до критического состояния»,— говорил Н. П. Гарин. На эти просьбы Лейтон обещал поставить часть тех 60 кранов (видимо, только 20 из 60), в которых нуждались порты России.

Наиболее интересным было заседание комиссии по снабжению 1 февраля, когда обсуждалась заявка артиллерийского ведомства. Председательствовал вел. кн. Сергей Михайлович. Представитель

[207] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 109, л. 297. Краткий отчет о заседании комиссии 31 января 1917 г.
[208] Там же, л. 296.

союзников генерал Хедлам спросил, «почему проектируется к замене такое большое количество орудий». Он получил разъяснение председателя, что русские полевые орудия благодаря большой начальной скорости полета снаряда приходят в негодность быстрее, чем французские.

После этой справки перешли к обсуждению заграничных заказов на артиллерию. В легкой полевой артиллерии союзники наотрез отказали России, соглашаясь лишь выполнить сделанные Э. К. Гермонпусом заказы на трубы для ремонта орудий и люльки. Для замены негодных Англия согласилась дать 50 штук 45-мм гаубиц. Хедлам согласился также на поставку 6-дюймовых гаубиц, отказав в 5-дюймовых. Не называя общего количества 6-дюймовых пушек, которые передаст Англия, Хедлам рассчитывал, что с открытием навигации Россия ежемесячно будет получать не менее двух батарей 6-дюймовых гаубиц и одной батареи 8- и 9-дюймовых. Кроме того, англичане обязались поставить небольшое количество 12-дюймовых гаубиц Виккерса. Что касается минометов, то дело ограничилось лишь 50 2-дюймовыми минометами, а также небольшим количеством минометов Стокса, которые Англия обещала доставить для испытания. Французы согласились доставить 50-мм пушки. Поставка 11-дюймовых гаубиц (116 штук) была поделена между Англией и Францией.

В конечном итоге вместо многих тысяч орудий, на которые рассчитывало русское правительство, союзники согласились отпустить лишь несколько сот пушек, которые не могли играть сколько-нибудь значительной роли в снабжении армии. Правда, эти пушки они обещали обеспечить снарядами и сверх того отпускать в дальнейшем по 35 тыс. легких снарядов в день. Во время обсуждения русскими делегатами было предложено сократить число легких снарядов до 15 тыс. в день за счет увеличения тяжелых снарядов, но это предложение оказалось технически невыполнимым.

В отношении оптики и пулеметов ответа от союзных правительств еще не поступило, а вопрос о порохе подробно не разбирался.

Таким образом, в области артиллерии и артиллерийского снабжения в 1917 г. нельзя было рассчитывать на какое-нибудь значительное увеличение поставок со стороны союзников. Все планы артиллерийского снабжения армии русское командование должно было строить на основе увеличения производительности русских заводов. А увеличение производства артиллерии и снарядов требовало металла, которого в стране не было и доставить который из-за границы также было невозможно. Получался заколдованный круг.

5 февраля 1917 г. состоялось заседание комиссии под председательством военного министра Беляева [209]. По-видимому, это было заключительное заседание комиссии по вопросам снабжения. Воен-

[209] Там же, лл. 365—368. Заседание происходило у военного министра, сохранился краткий черновой протокольный набросок карандашом.

ный министр обратился к представителям союзников с просьбой дать окончательные ответы на все вопросы.

Обсуждение началось с вопросов железнодорожного транспорта. Беляев спросил мнение англичан относительно заказов за границей рельсов и подвижного состава. По черновой записи трудно восстановить весь ход дискуссии. Одно несомненно, что англичане в лице Лейтона считали заявку русских слишком большой. К 600 тыс. т уже заказанного железнодорожного оборудования русские просили прибавить еще 200 тыс. т. Лейтон не соглашался на эти новые заказы. Кроме того, выяснилось, что бельгийские паровозы получить нельзя и не было возможности заменить их чем-нибудь иным. Обсуждение кончилось не в пользу русского правительства.

Относительно заявки Министерства торговли и промышленности англичане проявили уступчивость, в особенности в части оборудования для портов. Лейтон обещал сообщить своему правительству «о большой потребности наших портов, особенно в кранах»; зато он решительно возражал против увеличения заказов на оборудование для горных заводов. Его аргументация сводилась к тому, что если даже заказы и будут приняты, то все равно грузы нельзя будет привезти. Поставки оборудования для топливной промышленности также упирались в недостаток тоннажа.

Подобное же возражение было выдвинуто и относительно заказов для Министерства земледелия. Лейтон не оспаривал важности нужд Министерства земледелия, а только указывал, что в портах скопилось большое количество невывезенных грузов, а ограниченность тоннажа позволяла делать новые заказы только за счет отказа от старых.

Для морского ведомства необходимы были пушки, уголь, суда и металл. Вопрос о металле также свелся к проблеме тоннажа. Представитель морского ведомства заявил о желании получить артиллерию к концу 1917 г., однако 130 пушек пришлось перенести на следующий год ввиду невозможности их поставки. Английский делегат ссылался на громадный рост собственных потребностей в артиллерии в связи с вооружением торговых судов и заменой всего артиллерийского вооружения английской армии.

Вопросы снабжения санитарного, интендантского ведомств и авиации были разрешены быстро, без особых споров и возражений.

Заявка России на автомобили была значительно сокращена. К первой очереди отнеслись лишь 5 тыс. автомобилей разного типа. На вторую очередь было намечено 13 тыс. машин. Таким образом, обе очереди составляли лишь 50% русской заявки.

7 февраля 1917 г. под председательством В. И. Гурко происходило заседание комиссии снабжения совместно со стратегической комиссией[210]. Вся работа была уже закончена, было точно установлено, какое количество грузов должно быть поставлено по каждой

[210] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 109, л. 369. Сохранился лишь черновой набросок протокола. Об этом заседании упоминается в воспоминаниях генерала В. И. Гурко.

группе товаров. При этих условиях созыв объединенной комиссии мог иметь лишь одну цель — утвердить проделанную работу, но не изменить ее. Так и получилось на деле. При открытии заседания В. И. Гурко жаловался, что поставки России сокращены наполовину. Он напомнил союзникам еще раз о том, что «наши войска менее снабжены, чем ваши». Он попытался испугать союзников и сказал, что «в случае неполучения необходимого армия может не выполнить задачу». Однако ему ничего добиться не удалось. Высказанное пожелание об объединении материальных ресурсов союзников для ведения войны осталось только абстрактным теоретическим принципом, декларацией, но не боевой программой практических действий для улучшения снабжения России.

В конечном итоге работа комиссии по снабжению была выражена в решениях, принятых конференцией. Третий раздел решений конференции так и назывался: «Постановления, касающиеся военных материалов» [211]. «Решения, принятые конференцией в отношении военных материалов,— говорилось в этом разделе,— базируются на следующих соображениях: просьбы, выраженные русским правительством по этому вопросу, были рассмотрены представителями союзных держав с величайшим интересом. Они нашли эти просьбы совершенно основательными; но необходимо считаться не только с ограниченной пропускной способностью недостаточного количества портов, через которые должен производиться весь импорт, и с недостаточностью средств перевозки из этих отдаленных баз внутри страны, но и с плохим состоянием судов, на которое указывают представители Великобритании. Поэтому кажется маловероятным, чтобы можно было ввезти за год больше 3400 тыс. т, какие бы усилия мы ни делали, чтобы превысить эту цифру. Надо даже предвидеть случай, что опасности навигации не позволят достичь и таковой. Впрочем, было установлено раньше, что из вышеуказанной суммы 120 тыс. т будут предназначены Румынии. Нужно во всяком случае базироваться на самых оптимистических предположениях и принять все необходимые меры, чтобы доставить в Россию возможный максимум. Следует даже предвидеть его превышение, учитывая возможность потерь материалов и задержек в пути».

Превышение это определялось в 25% на случай гибели материалов в дороге или замедления их доставки. Таким образом, вместо основной цифры 3400 тыс. т получилась цифра в 4250 тыс. т, распределенная между различными видами грузов [212].Эти грузы дели-

[211] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 109, лл. 459–461. Постановления конференции в Петрограде относительно военного материала.

[212] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Документы и материалы, ч. II. М.– Л., 1957, док. № 565, стр. 445. Междуведомственная комиссия под председательством Н. П. Гарина определила потребность России на 1917 г. в заграничных предметах и продуктах в 10,5 млн. т. «Следовательно, потребность России во ввозе грузов для обороны в 1917 г. возросла по сравнению с 1916 г. почти в три раза»,— говорится в решении этой комиссии. В число 10,5 млн. т входили 2,5 млн. т, не предназначавшиеся для вывоза с пристаней. Оставалось 8 млн. т, которые надо было перевезти внутрь страны. Пропускная способ-

лись на следующие группы материалов:

Артиллерийский материал	1200 тыс. т
Железнодорожный »	620 тыс. или 700 тыс. т
Сталь для снарядов	100 тыс. т
Другие материалы	180 » »
Проволока	110 » »
Материалы и снаряды для Румынии	420 » »
Уголь	1500 » »
Различные припасы для армии, флота и торговли	420 » »
Всего:	4250 тыс. т [213]

Итак, около $^1/_3$ всех поставок приходилось на артиллерию и предметы артиллерийского снаряжения. К ним конференция проявила особое внимание. Было точно записано, какое количество пушек и снарядов поставляла каждая из союзных России стран.

Франция должна была поставить в 1917 г. 470 тяжелых орудий и траншейных мортир со снарядами в количестве от 250 до 500 на пушку. Кроме того, с февраля по июль 1917 г. она должна была поставлять по 48 тыс. снарядов в месяц (разных калибров), по 3 млн. пистолетных патронов и 1 млн. взрывателей. К этому следует добавить порох и свинец. Общее количество артиллерийских грузов из Франции достигало 320 тыс. т., или около 8% всех поставок союзников.

Великобритания должна была, начиная с открытия навигации в Архангельске, поставлять по четыре батареи тяжелой артиллерии в месяц, сверх того 50 орудий (4,5-дюймовых) для замены потерянных орудий этого калибра; в течение зимы 1917/18 г. английское правительство обязалось заменить новыми все вышедшие из строя орудия, ранее поставленные Англией. Кроме того, Англия обязалась доставить 430 траншейных орудий разного калибра, в том числе 330 тяжелых мортир. Все пушки доставлялись с определенным количеством снарядов. Начиная с июля 1917 г. английское правительство обязалось поставлять необходимое количество снарядов для всех английских пушек в России. Общий тоннаж английских артиллерийских грузов, включая авиацию и взрывчатые вещества, составлял около 400 тыс. т. Кроме того, английские делегаты согласились предложить своему правительству уступить России «из своих собствен-

ность железных дорог была определена в 5 млн. т (Архангельской — 2,7 млн. т, Мурманской — 1,3 млн. т, Сибирской — 0,5 млн. т и Финляндской — 0,5 млн. т), 1 млн. т грузов предполагалось вывезти по воде. На 2 млн. т не хватало тоннажа. Таковы были расчеты русского правительства до созыва конференции союзников. Основная цифра в 3,4 млн. т, установленная конференцией для ввоза на 1917 г., оставляла его почти на уровне предыдущего, 1916 г. (там же, док. № 562, стр. 437—438).

[213] В указанное количество не включены товары шведского происхождения и поставки из Японии.

ных запасов» по 4 тыс. т стали в неделю для изготовления снарядов в течение 6 месяцев после открытия архангельского порта, т. е. всего 100 тыс. т стали.

Италия обязалась поставить начиная с марта 1917 г. 240 орудий, в том числе 40 противоаэропланных пушек для флота. Кроме того, на рассмотрении итальянского правительства находился вопрос о дополнительной поставке 60 орудий.

Из других решений конференции важно указать на перечень грузов для железных дорог. К ним относились прежде всего 300 тыс. т рельсов по ранее данным заказам. Кроме того, ввиду необходимости спешно добиваться увеличения перевозочных средств английские делегаты с известной оговоркой обязались предложить своему правительству («если окажется возможным») разместить новые заказы на 100 тыс. т подвижного состава [214] и 200 тыс. т рельсов, которые должны быть поставлены в конце 1917 г., а перевезены в Россию в начале 1918 г.

Свыше $^1/_3$ всех грузов приходилось на уголь. Располагая огромными каменноугольными запасами, неисчерпаемыми нефтяными богатствами и лесными массивами, Россия вынуждена была ввозить до 100 млн. пуд. угля, затрачивая на его перевозки драгоценный тоннаж. Уголь ввозился из Англии для потребностей морского флота, железных дорог и петроградской промышленности. Несмотря на все трудности перевозки угля из Англии, это казалось все же более легким и доступным делом, чем доставка угля из Донбасса по железным дорогам. Промышленность Петрограда в прошлом работала больше на привозном угле, чем на отечественном. Правительство не сумело организовать топливное хозяйство и снабжение Петрограда донецким или другим отечественным углем. В этом выражалась одна из самых слабых сторон в экономике страны.

Таковы были, в основном, решения конференции, определявшие размер союзной помощи и порядок доставки грузов.

Вопросы финансирования отступили на второй план. Союзники находили много других соображений, которые ставили Россию в еще большую зависимость, чем раньше. Ограниченность тоннажа, недостаточная пропускная способность русских портов и железных дорог — все было мобилизовано, чтоб «доказать» несостоятельность русской заявки и ограничить размер помощи, сведя ее к уровню предыдущего года.

Подведем краткий итог изложенному.

Война, потребовавшая уже в течение первого года 10 млн. солдат, наглядно показала, что боеспособность армии определяется мощью промышленно-экономического развития страны и моральной устойчивостью тыла. Во всех этих отношениях царская Россия уступала и своим союзникам, и своим врагам. Вот почему вопрос об экономическом сотрудничестве с союзниками, о материально-технической помощи с их стороны уже в 1915 г. встал для царского правительства

[214] В тексте решений конференции на французском языке указано 160 тыс. т.

как коренной вопрос, от разрешения которого зависело дальнейшее участие России в войне Совершенно понятно, что царское правительство, боявшееся внутри страны нараставшей революции, не хотело (да и не могло) в отношениях с союзниками вести самостоятельную политику Посылая миллионы рабочих и крестьян на истребление, ревниво стремясь соблюсти все пункты военной конвенции и политических соглашений с союзниками, оно не могло потребовать от них заслуженной помощи. История экономических соглашений России с союзниками по вопросу боевого снабжения раскрывает перед нами картину национального унижения и зависимости царского правительства от союзников

Вместе с тем и союзники не хотели признать того значения, которое имели Восточный фронт и русская армия в общем ходе войны. Многомиллионные жертвы сынов России расценивались союзниками чисто эгоистически Узкоклассовые своекорыстные интересы империалистической буржуазии союзников выдвигались всегда на первый план Она хотела, чтобы Россия воевала, отягивая на себя большую часть германо-австрийских сил; одновременно она эксплуатировала Россию.

Военные поставки России не являлись составной частью единого, широкого военно-стратегического плана разгрома врага Они расценивались в первую очередь с точки зрения коммерческой выгоды. Такая политика значительно затянула войну Несмотря на огромные средства, израсходованные царским правительством, и рост военного долга, реальная помощь от всех заграничных заказов была в высшей степени незначительна За исключением отдельных предметов снабжения (порох, винтовки, пулеметы, сапоги), заграничные заказы играли второстепенную роль по сравнению с производством внутри страны Иностранные поставки, включая американские, стали играть значительную роль только в 1916 г Заказы 1914 — 1915 гг. были сорваны по срокам поставок На 1917 г союзниками были намечены минимальные планы снабжения России Россия помогла союзникам, особенно США и Японии, за свой собственный счет создать мощную военную промышленность

Приведенный нами материал вскрывает немощность царской России, ее промышленную и политическую отсталость Каждый новый месяц войны, все глубже вскрывая слабость внутренней экономической организации России, доказывал банкротство попыток организации народного хозяйства при помощи Особых совещаний и неспособность царизма и русской буржуазии к организации промышленности. Поэтому приходилось обращаться к союзникам и просить помощи не только в области финансов, вооружения и снабжения армии, но и в области сырья, запасы которого в неограниченном количестве имелись в стране.

Стихийно нарастал экономический кризис. Чувствуя свое бессилие в борьбе с ним, правительство все более нуждалось в помощи союзников В свете приведенных материалов ярко проявляется освободительный характер Великой Октябрьской социалистической революции, покончившей с политической и экономической отсталостью и иностранной зависимостью нашей Родины

Раздел второй

ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Глава первая

ВОЙНА И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В данной главе будут рассмотрены основные изменения в развитии промышленности под влиянием войны и показаны тенденции в ее развитии в целом и в отдельных отраслях.

Какие бы отсталые теории ни были в ходу среди русских экономистов и государственных чиновников перед войной, могучее воздействие войны заставило считаться с реальной действительностью: многомиллионная армия могла сражаться лишь при условии перестройки работы тыла. Эта перестройка и проводилась, правда с большим опозданием и меньшей организованностью, чем в других капиталистических странах.

Война началась в тот момент, когда промышленный подъем в России подходил к концу и намечались первые признаки перелома конъюнктуры. В 1913 г. ценные бумаги большинства железных дорог, земельных банков, металлургических предприятий, нефтяных предприятий и некоторые бумаги государственных займов (4-процентная рента) дали повышательную тенденцию курсов. Однако многие ценности, в том числе акции коммерческих банков, хотя и незначительно, но понижались в цене [1]. В целом, в отличие от Западной Европы, где понижательные тенденции чувствовались уже со второй половины 1913 г., в России выявившиеся силы промышленного подъема «проявили особенную стойкость и значительную силу сопротивляемости» [2]. Промышленная конъюнктура казалась устойчивой, и это отразилось на размахе учредительства; в 1913 г. было разрешено огромное количество новых компаний с основным капиталом свыше полмиллиарда рублей (545 млн. руб.) [3]. Все же угроза новой войны нашла отражение на биржевых курсах. Апрельские (1914 г.) курсы почти всех ценных бумаг были значительно ниже среднегодовых курсов за 1913 г.

[1] «Народное хозяйство в 1913 году». Пг., 1914, стр. 537—541.
[2] «Народное хозяйство в 1914 г.» («Годовые обзоры важнейших отраслей народного хозяйства в 1914 г.»). Пг., 1916, стр. I.
[3] «Народное хозяйство в 1913 году», стр. XXVI.

Чтобы не допустить биржевой паники и кризиса, вновь был организован синдикат банков, но его деятельность ограничивалась, «чтобы биржевое настроение не перешло в беспредельную панику». «Торгово-промышленная газета» констатировала, что, несмотря на настойчивое подчеркивание устойчивой конъюнктуры, биржевая расценка ценностей находилась «в полном несоответствии с положением работающей полным ходом промышленности». Газета приходила к выводу, что «в настоящее время мы имеем дело с чистым биржевым кризисом, т. е. не связанным с положением промышленности, и что расценка бумаг встала на таком уровне, который создает ничем не оправдываемый и ничем не заслуженный прирост прибыли от бумаг» [4].

Таким образом, накануне войны самый чуткий барометр капиталистического хозяйства — биржа — сигнализировал о снижении конъюнктуры, о приближающихся осложнениях не только в политической, но и хозяйственной жизни страны. Однако российская буржуазия оценивала ситуацию достаточно оптимистически — ей казалось, что вслед за темным облачком бури не последует.

20 июня 1914 г. после окончания работ VIII съезда представителей торговли и промышленности Совет съездов представил докладную записку председателю Совета министров, в которой некоторые тревожные явления экономической конъюнктуры объяснялись почти исключительно политикой правительства. В записке, в частности, говорилось: «Восьмой съезд, всесторонне обсудив современное положение промышленности и торговли, находит, что не имеется никаких тревожных признаков экономического порядка, которые указывали бы на приближение резкого перелома в нынешней экономической конъюнктуре. Наблюдающееся ослабление промышленной энергии и предприимчивости и понижение биржевой расценки бумаг объясняется, помимо общих политических причин, некоторыми проявлениями экономической политики, поселяющими в торгово-промышленной среде неуверенность в завтрашнем дне» [5]. Буржуазия имела в виду расширение казенного предпринимательства, стремящегося «к соперничеству» с частной промышленностью; новые ограничения деятельности акционерных компаний и рост рабочего движения, «которое питается в значительной мере причинами, находящимися вне сферы воздействия торговли и промышленности». Подчеркивая «благоприятную в общем экономическую конъюнктуру», буржуазия должна была отметить «неустойчивость» промышленной жизни.

Буржуазия ставила своей задачей широкое развитие промышлен-

[4] «К положению биржи».— «Торгово-промышленная газета», 22 мая 1914 г. В начале июня газета вновь вернулась к оценке положения на бирже, подчеркнув, что «в настоящее время мы переживаем безусловный биржевой кризис, перешедший в состояние затянувшейся депрессии. Современный биржевой кризис производит сильное впечатление как своими размерами, так и своим размахом» («Биржевые кризисы».— «Торгово-промышленная газета», 5 июня 1914 г.).

[5] «Журналы заседаний Восьмого очередного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 2, 3 и 4 мая 1914 г. в Петрограде». Пг., 1915, стр. 110.

ности «для вытеснения предметов иностранного производства и удовлетворения спроса отечественными продуктами». Другими словами, накануне мировой войны буржуазия выдвигала задачи конкуренции с иностранными товарами и вытеснения их с русских рынков. Правда, разрешение указанной выше задачи буржуазия считала возможным лишь при привлечении иностранного капитала.

Еще через месяц, буквально уже в последние дни июльского кризиса, предшествовавшего войне, российская буржуазия представила новый документ — записку «О мерах к развитию производительных сил России и к улучшению торгового баланса». 12 июля записка была передана правительству. В ней говорилось: «В промышленности после целого ряда лет кризиса и застоя начался сильный подъем и оживление. Но в то же время выяснилось, что этот подъем недостаточен, что спрос на продукты промышленности в целом ряде отраслей растет быстрее предложения и, неудовлетворенный внутренним производством, покрывается иностранным ввозом» [6]. Этот недостаток касался не только предметов промышленных изделий, но и сельскохозяйственного сырья, что еще больше усиливало отрицательное сальдо торгового и расчетного балансов. В частности, в 1914 г. отрицательное сальдо расчетного баланса ожидалось в размере 400 млн. руб.

Все тревожные явления в экономической жизни страны, как бы поверхностно ни пыталась объяснить их буржуазия, в своей совокупности представляли симптомы наступающего конца промышленного подъема, свидетельствовали о наступлении кризиса.

Положение в России являлось до известной степени сходным с ситуацией в других капиталистических странах. В Англии уже в 1913 г. было заметно «ухудшение экономической конъюнктуры», увеличился процент безработных членов профсоюзов, в 1914 г. уменьшился экспорт и сократились заказы в машиностроительной и судостроительной промышленности. В США буржуазные экономисты также констатировали симптомы приближения кризиса. То же самое имело место в Германии уже в 1913 г. Тогда же, несмотря на общий рост промышленности, началось падение продукции хлопчатобумажной промышленности Франции [7].

[6] «Докладная записка Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к развитию производительных сил России и к улучшению торгового баланса»». Пг., 1914, стр. 1. В записке давалось интересное объяснение причин промышленного подъема: «Настоящее экономическое положение может быть охарактеризовано следующим образом. После почти десятилетнего застоя или во всяком случае слабого развития промышленности и торговли Россия в 1910—1911 гг. быстро вступила в период экономического подъема как под влиянием благоприятного урожая двух лет подряд, так и вследствие начавшихся в этих годах громадных правительственных ассигновок на флот, на военные потребности, на портостроительство, на шлюзование некоторых рек, постройку элеваторов и на усиление железнодорожного строительства; одновременно проявились усиление строительства в городах, увеличение машиностроения и прочее» (стр. 3).

[7] «Мировые экономические кризисы. 1848—1935», т. 1. М., 1937, стр. 317, 321, 327, 338.

Грозные симптомы мирового экономического кризиса вызвали соответствующую реакцию русской биржи, но пока еще в очень слабой степени захватили промышленность, все еще находившуюся под влиянием подъема прошлых лет.

Сокращение производства в начале войны

Начавшаяся война по-разному отразилась на состоянии промышленности различных районов России: прифронтовые районы особенно сильно испытали ее разрушающее влияние, тыловые — в меньшей степени. «Большинство фабрик Царства Польского вынуждено было бездействовать весь зимний период; в Прибалтийском крае и губерниях Ковенской и Гродненской в течение того же периода нормальным ходом работало не более четвертой части общего числа фабрично-заводских предприятий» [8].

С весны 1915 г. началась эвакуация отдельных предприятий в тыл страны, другие остались на месте и были захвачены неприятелем. В течение первого года войны Россия потеряла значительную территорию, игравшую очень важную роль в экономической жизни страны. В Варшавском округе, который занял неприятель, по данным свода отчетов фабричных инспекторов, насчитывалось 4189 предприятий с 353,4 тыс. рабочих. В последующие годы территориальные потери увеличивались. Лишь незначительная часть промышленных предприятий эвакуировалась внутрь страны. По отдельным отраслям промышленности потери достигали следующих размеров [9]:

Текстильная промышленность	26%
Металлическая »	18 »
Пищевкусовая »	9 »
Горная и минеральная »	8 »
Химическая »	22 »
Прочие отрасли	30 »
Вся промышленность	19%

Из-за этих потерь производительность промышленности уменьшилась почти на $^1/_5$. Потребовалось известное время для возмещения потерь путем увеличения производительности оставшихся предприятий.

К концу 1914 г. по сравнению с предыдущим годом количество предприятий, подчиненных фабричной инспекции, незначительно увеличилось — с 13 683 до 14 046, или на 2,7%, количество же ра-

[8] «Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны (июль 1914 года — апрель 1915 года)». Пг., 1916, стр. 33.

[9] *А. М. Большаков, Н. А. Рожков.* История хозяйства России в материалах и документах, вып. III (1905—1925). М.— Л., 1926, стр. 181.

бочих достигало 1960,9 тыс. человек, сократившись на 0,3% [10] Характерно, что количество предприятий увеличилось во всех округах от 1% (Киевский) до 1,4% (Харьковский), количество же рабочих дало прирост лишь в двух — в Киевском (1%) и особенно значительный в Харьковском (7,8%), во всех же остальных округах произошло сокращение числа рабочих — от 0,2% (Харьковский) до 3,6% (Петроградский)

Однако приведенные данные не вполне точно отражают влияние войны на промышленность, так как в 1914 г фабричный надзор расширился на новые местности с 1022 предприятиями, на которых было занято 51 644 рабочих Учтя указанное обстоятельство при сравнении показателей 1914 г с предыдущим, получаем более значительное сокращение числа рабочих (на 57 тыс человек) и сокращение, а не рост числа предприятий фабричная инспекция зарегистрировала в 1914 г закрытие 457 мелких заведений с 18 148 рабочими

По отдельным отраслям промышленности увеличение числа рабочих произошло в льняной, пеньковой и джутовой (на 8,1%), в смешанном производстве по обработке волокнистых веществ (4,7%), в обработке металлов и машиностроении (5,8%), в обработке животных продуктов (11,9%), в пищевой промышленности (0,6%), в добывающей промышленности (2,2%) и в категории прочих производств (14,1%). Наиболее значительное сокращение числа рабочих произошло в отраслях по обработке минеральных веществ (7,3%), в деревообделочной (8,4%) и в химической промышленности (5,6%), в хлопчатобумажной, шерстяной, бумажной, шелковой отраслях количество рабочих сократилось незначительно

Так реагировала промышленность на войну в конце 1914 г

Обстановка, в которой приходилось промышленности работать во время войны, коренным образом отличалась от обстановки мирного времени Война дезорганизовала товарооборот, нарушила работу железных дорог, сократила импорт в Россию промышленного сырья и машин, сотни тысяч рабочих ушли в армию Многие предприятия лишились к концу года 30—40% состава рабочих Все эти обстоятельства вызвали заминку в работе предприятий, привели к временному сокращению производства Все же «осложнения, вызванные войною, не имели такого острого характера, как предполагалось, охватив довольно узкий круг предприятий» [11] Сильнее всего сократили работу предприятия, работавшие на привозном заграничном сырье Текстильные предприятия должны были переходить на русский хлопок Винокуренные заводы приостановили свою работу, распустили рабочих, а позднее стали перестраиваться на работу для армии главным образом в области производства взрывчатых веществ

Маслодельные заводы, работавшие на экспорт, сократили работу, на складах образовались огромные запасы экспортного масла,

[10] Здесь и далее во всех расчетах исключен Варшавский округ как по количеству предприятий, так и числу рабочих Это делает данные сравнимыми

[11] «Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны (июль 1914 года — апрель 1915 года)», стр 31

цена на которое упала чуть ли не вдвое — с 13—14 руб за пуд до 7—8 руб Через несколько месяцев начались заготовки на армию, восстановился экспорт, цена на масло поднялась до 11 руб за пуд, а весной 1915 г стала выше довоенной.

Кожевенная промышленность быстро переключалась на работу по изготовлению обуви для армии. Пушное и меховое производства испытывали затруднения, так как главным покупателем товаров являлась Германия. Рыбная промышленность сократила свое производство вследствие недостатка рабочих рук и прекращения связей с иностранными рынками В портах Каспийского моря скопилось большое количество невывезенных товаров

Война сразу же очень тяжело отозвалась на лесной промышленности, работавшей в большой мере на экспорт Лесной экспорт за границу прекратился В Рижском порту осталось невывезенных товаров на 12 млн руб На севере надеялись на увеличение экспорта в Англию Действительно, английские купцы и промышленники закупили крупные партии леса, цена на которыи поднялась на 25% сверх обычной Однако к весне 1915 г положение резко ухудшилось, и в одной Архангельской губернии осталось переализованных экспортных лесных материалов на 60 млн руб [12] Это вызвало сокращение лесозаготовок и резкое снижение работы лесопильных заводов: «Многие заводы перешли на работу в размерах половинной нормы станков, и то в одну смену, другие работали 2—3 дня в неделю, третьи — периодически и в общей сложности не более 50—100 дней в течение года» [13] Промышленность строительных материалов резко сократила свое производство, так как около 50% рабочих было мобилизовано. Сократилась выработка цемента, кирпича и т д.

В нефтяной промышленности были лишь «временные затруднения», зато более глубокое, тормозящее влияние война оказала на каменноугольную промышленность Донецкий бассейн потерял около 30% рабочих Затруднения в топливной промышленности не были преходящими, и их не удалось скоро изжить, наоборот, с каждым месяцем войны они углублялись

В металлургии влияние войны сказалось в сокращении добычи металла, в уменьшении частных заказов на металл и в быстром увеличении казенного спроса С начала войны и по апрель 1915 г общее количество заказов на металл снизилось на 46%, но зато казенные заказы увеличились вдвое и достигли 56% спроса на листовое железо [14]. Сокращение производства металла на Юге вызвано в основном уменьшением количества рабочих (на 17%) и транспортными затруднениями.

В текстильной промышленности сокращение производства в целом составило 25—30%, причем в Московском районе достигало

[12] «Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны (июль 1914 года — апрель 1915 года)», стр 47—48
[13] Там же, стр 49
[14] Там же, стр 55

50—60%, в Лодзинском — совсем прекратилось [15] В льняной промышленности, напротив, создались благоприятные условия для расширения производства До войны внутри страны потреблялось лишь 30% добычи льна, а остальное количество вывозилось Прекращение экспорта и расширение спроса со стороны казны «создали рынку твердое настроение» [16].

Сахарная промышленность находилась короткое время в «состоянии полной растерянности» [17], затем получила финансовую помощь со стороны Государственного банка и Министерства финансов, расширился и внутренний рынок.

В химической промышленности в первые же месяцы войны производство резко сократилось, так как многие виды сырья получались из Германии, и лишь зимой 1914—1915 гг были сделаны первые шаги к развитию производства.

Таким образом, в первые месяцы войны все предприятия, за исключением небольшой группы казенных заводов, реагировали на войну сокращением производства. Оно было вызвано разными причинами — призывом рабочих в армию, перебоями транспорта, нехваткой импортного сырья, прекращением торговых связей с заграницей Одни из этих причин, действовавшие в сторону снижения производства, оказались временными, конъюнктурными и были вскоре преодолены, другие действовали постоянно их неблагоприятное влияние со временем не только не ослабевало, но, наоборот, усиливалось К числу последних факторов относились топливные и транспортные трудности и недостаток рабочих рук Их воздействие с течением времени сказывалось все сильнее, даже на предприятиях, выполнявших военные заказы.

Начало перестройки промышленности на военный лад

Мобилизация промышленности, т е. привлечение ее к работе на военные нужды, происшедшая осенью 1915 г, являлась вторым важнейшим фактором, влияние которого в сильнейшей степени сказывалось на развитии почти всех отраслей народного хозяйства.

До лета 1915 г правительство не принимало серьезных мер к привлечению всей промышленности к работе на оборону Только крупнейшие предприятия металлообрабатывающей промышленности и машиностроения с первых же дней войны были обеспечены заказами на снаряды и артиллерию не меньше чем на год вперед. К 1 января 1915 г Сормовский завод имел невыполненных заказов на

[15] Там же, стр 59—61
[16] «Народное хозяйство в 1914 году», стр XX
[17] Там же, стр XVII

40 млн руб ; большая часть этой суммы приходилась на долю военных заказов В 1915 г завод предполагал выпустить продукции на 35 млн руб против 24 млн. руб. в 1914 г. Заводы Коломенский и Лесснера к началу 1915 г. имели невыполненных заказов на 80 млн руб В 1915 г предприятия еще более увеличили выпуск продукции в связи с новыми заказами Лесснер расширил завод, строил новые мастерские и поглотил завод «Феникс», скупив его акции [18] Путиловскии и Балтийский заводы также имели огромные военные заказы казны

Текстильные предприятия получили от интендантства заказы с самого начала войны, но их удельный вес достигал в первый год войны не более $^1/_4$ всего производства. Начали работать на интендантства мукомольные предприятия. Все же организованной, широкой перестройки на военный лад хозяйственной жизни страны не чувствовалось до весны 1915 г Казенные предприятия, изготовлявшие оружие и снаряжение, приступили к серьезному расширению прозводства на несколько месяцев раньше — в январе-феврале 1915 г. в связи с началом работы Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части

Мобилизация промышленности дала сильнейший толчок развитию и перестройке огромного количества мелких и средних предприятий «Разнообразные производства спешно приспособлялись к работе на армию Многие бездеиствовавшие заводы сельскохозяйственных машин и орудий, а также средние и мелкие механические мастерские стали вырабатывать снаряды и оружие, закрытые винокуренные заводы — взрывчатые вещества и т д В этом деле приняли участие самые различные промышленные и общественные круги, самые разноценные по размерам и своему значению предприятия» [19]

Изменение количества предприятий и числа рабочих в 1915 г, когда происходила военная перестройка промышленности, выражается, по данным отчета фабричных инспекторов, в следующем число промышленных предприятий за год значительно уменьшилось — на 1209 заведений (8,7%), количество же рабочих осталось почти стабильным (сократилось на 1,1%) [20] Война, таким образом, разрушающе подействовала прежде всего на мелкую и среднюю промышленность, крупные предприятия увеличивали число рабочих, что отразилось на общем количестве занятых рабочих.

Сказанное наглядно иллюстрируется следующими данными (см табл 9).

[18] «Перспективы металлообрабатывающей и механической промышленности» — «Горнозаводское дело», 1915, № 27, стр 11393

[19] «Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны (июль 1914 года — апрель 1915 года)», стр 32

[20] «Отчет отдела промышленности Министерства торговли и промышленности за 1915 год» Пг, 1916, стр 101 В связи с тем, что Курляндская губерния и Польша были оккупированы, соответствующие поправки вносены в обоих случаях за 1914 и 1915 гг

Таблица 9

Динамика численности рабочих в зависимости от размеров предприятий (конец 1914 г.— 1915 г.) *

Размер предприятий	К концу 1914 г имелось		За 1915 г увеличилось или уменьшилось			
	число предприятий	рабочих на них	число предприятий	в % к 1914 г.	рабочих	в % к 1914 г
До 100 человек	10 874	342 964	—998	—9,2	—34 812	—10,2
от 101 до 500 »	2 214	497 368	—189	—8,5	—40 645	— 8,2
от 501 до 1000 »	427	292 835	— 20	—5,0	— 9 988	— 3,4
свыше 1000 »	343	809 810	— 2	—0,6	+65 040	+ 8,2

* «Отчет отдела промышленности Министерства торговли и промышленности за 1915 год», стр. 105.

Таким образом, на крупнейших предприятиях в 1915 г. было занято 42%, а вместе с крупными (свыше 500 человек) почти 60% всех рабочих.

В порайонном масштабе наибольшее сокращение произошло в Киевском районе (20,4% к числу предприятий и 7% рабочих), затем в Петроградском округе (14% заведений и 6,6% рабочих); в Поволжском и Харьковском округах, несмотря на незначительное сокращение числа промышленных предприятий, произошел рост рабочих — более значительный в Поволжском (5,5%), несколько меньший в Харьковском (4,3%). В Московском округе число рабочих оставалось почти стабильным (+0,4%) [21].

Однако, чтобы полнее оценить влияние войны на промышленность, нельзя ограничиваться показателями о числе предприятий и количестве рабочей силы. Обратимся к данным о новом промышленном учредительстве.

Организация новых акционерных предприятий

Сопоставим данные об открытии новых акционерных компаний до войны и во время войны [22].

[21] «Отчет отдела промышленности Министерства торговли и промышленности за 1915 год», стр. 102.

[22] «Народное хозяйство в 1913 году», стр. 297 и «Народное хозяйство в 1914 году», стр. 230—231. Статистика организации акционерных компаний далеко не точна. Даже обзоры «Народного хозяйства», изданные в различные годы, указывают неодинаковое количество предприятий и величины вложенных капиталов за один и тот же год. Кроме того, акционерная промышленность далеко не исчерпывает учредительской деятельности всей промышленности. Необходимо учесть еще рост неакционерной промышленности и рост казенных заводов (подчиненных ГАУ и Министерству торговли и промышленности), на которых во время войны работало около 250 тыс. человек. Развитие казенных заводов во время войны было наиболее сильным.

Год	Число компаний	Сумма основных капиталов, руб	Основной капитал открытых компаний по отношению к капиталу разрешенных компаний, в %
1909	77	74 147 688	68,12
1910	104	119 260 400	53,19
1911	166	185 303 100	57,74
1912	202	233 468 405	58,15
1913	231	393 442 735	72,17
1914 (7 месяцев)	140	159 248 000	—
Итого	920	1 164 870 328	—

Приведенные цифры не могут претендовать на абсолютную точность, но они правильно показывают тенденцию роста капиталов, вкладываемых в акционерные предприятия. Ни Балканская война, ни возможность политических осложнений, ни недород в России в 1911 г не останавливают восходящей линии учредительства

Данные (в процентах) о фактически реализованных капиталах говорят, что реализовалось немного больше половины капиталов утвержденных акционерных компаний; лишь в 1909 г. реализовано около $^2/_3$ капиталов открытых предприятий, а в 1913 г почти $^3/_4$.

Рост капиталов в промышленности за время предвоенного подъема совершался неравномерно по отраслям хозяйства. Расширенное воспроизводство требовало больше металла. Увеличение производства металла, оживление транспортных перевозок увеличивали спрос на уголь и другие виды топлива, а поэтому в отрасли тяжелой индустрии вкладывалось больше капиталов. Только за последние 2,5 года перед войной вложено, по нашим подсчетам, в горное дело 233,5 млн. руб.

В нефтяные предприятия широко притекал иностранный капитал, главным образом английский. Л. Я. Эвентов, специально изучавший эту отрасль промышленности, пишет: «За период 1910—1914 гг ни одна отрасль русского хозяйства не обогатилась в такой степени новыми капиталами, как нефтяная промышленность»[23]. По его подсчетам, за указанный промежуток времени вложено в нефтяные предприятия английских капиталов 13,43 млн. фунтов стерлингов, из которых 3,74 млн. фунтов приходится на Майкопский район Величина же капиталов разрешенных английских обществ достигает еще более солидной цифры — 20,93 млн. фунтов стерлингов[24]

На втором месте стоит металлургия, в которую только за 2,5 года вложено около 112 млн руб В текстильную промышленность вложено вдвое меньше — около 51 млн руб. В связи с ростом городского строительства значительно выросла группа «по благоустрой-

[23] *Л Я Эвентов* Иностранный капитал в нефтяной промышленности России 1874—1917 М — Л, 1925, стр 50

[24] Там же, стр 52—53

Таблица 10

Акционерные компании, открывшиеся в 1913—1917 гг *

Группы отраслей промышленности	1913 г	1914 г	1915 г	1916 г	1917 г	Всего
Обработка волокнистых веществ	15 16,25	12 15,3	12 14,2	16 35,3	26 84,45	81 165,50
Бумаго-полиграфическое производство	9 11,65	12 7,9	8 7,35	6 14,75	18 25 6	53 68,25
Механическая обработка дерева	14 4,7	6 5,7	6 24,95	6 2,65	20 75,0	52 113,75
Выплавка и обработка металлов	28 75,65	19 16,9	11 19,8	38 64,0	34 89,55	130 265,9
Обработка минеральных веществ	13 17,35	4 2,2	4 1,9	10 12,75	5 5,3	36 39,5
Обработка животных продуктов	3 4,8	6 7,56	5 3,78	4 3,0	13 17,6	31 36,74
Обработка питательных и вкусовых веществ	31 29,96	16 10,3	14 19,85	20 18,25	28 81,65	109 160,0
Производство химических продуктов	13 7,55	5 2,0	6 7,74	17 20,45	17 21,6	58 59,8
Горное дело	40 145,75	26 71,1	27 46,8	43 107,7	58 177,23	194 548,55
Торговля	39 19,5	30 53,7	20 14,53	43 31,65	41 57,44	173 176,82
Перевозка	5 3,42	5 9,25	2 0,8	4 6,00	11 26,9	27 46,3
Благоустройство	17 26,18	25 20,64	17 12,00	26 32,00	28 28,00	113 118,82
Смешанная группа	14 40,4	14 16,63	6 16,1	11 33,25	36 134,15	81 240,5
Всего	241 403,14	180 239,2	138 182,8	244 381,75	335 825,5	1138 2032,4
Иностранные акционерные компании	21 36,5	9 11,66	6 8,84	8 20,45	1 0,2	45 77,65
Итого	—	—	—	—	—	1183 2110,05

* «Народное хозяйство в 1916 году», вып VII Пг, 1922, стр 155—156 При подсчетах допущены округления в сотых миллиона В числителе — число компаний, в знаменателе — сумма основного капитала в миллионах рублей

ству» (сумма вложений 60 млн руб), а затем «общая смешанная группа» (более 81 млн. руб.), обработка питательных и вкусовых веществ (свыше 53 млн. руб). Рост капиталов в других отраслях хозяйства менее значителен, но все же и он происходил Таким образом, преобладающий рост капиталов приходится на долю тяжелой индустрии горной, металлургии, нефтяной.

Обратимся теперь к данным о росте нового учредительства в акционерной промышленности за время войны.

Данные таблицы 10 показывают прежде всего огромное сокращение притока иностранного капитала в промышленность. 41 млн. руб., вложенных иностранцами за 1914—1917 гг., не имели сколько-нибудь значительного влияния на рост промышленности. Источником торгового и промышленного учредительства в военные годы являлись почти исключительно русские капиталы.

При сравнении военных лет с довоенными ясно чувствуется сильное снижение нового промышленного учредительства. Во вторую половину 1914 г. было организовано новых акционерных предприятий в 4 раза менее, чем в первую (35 вместо 140), а их капиталы сократились более чем в 2 раза — до 71 млн. руб. вместо 159 млн. руб. Новое учредительство 1915 г. значительно менее 1914 г. и в 2 с лишним раза менее предвоенного года. В 1916 г., несмотря на обилие денег, капиталы новых акционерных компаний в 2 раза более, чем в 1915 г., но меньше, чем в 1913 г., хотя количество предприятий равняется довоенному. Сумма капиталов акционерных предприятий, намеченных к открытию в 1917 г., больше, чем за три предыдущие года вместе. Однако, если внести соответствующую поправку на дороговизну и на обесценение рубля, реальное значение вкладываемых в 1917 г. сумм сильно уменьшится. С начала войны и до 1 января 1917 г. организовано 417 предприятий с русским капиталом в сумме 635 млн. руб. Таким образом, «танец миллионов» отнюдь не являлся доказательством полнокровности хозяйственной жизни, а показывал лишь обеднение страны, обилие бумажек, владельцы которых, прежде всего банки, пытались найти им выгодное помещение.

Наряду с ростом новых предприятий происходил бурный процесс реорганизации и расширения старых, в которые вкладывались значительные капиталы. По данным «Народного хозяйства», которые едва ли являются исчерпывающими, только за 1914 — 1916 гг. 204 промышленных предприятия увеличили свои основные капиталы на 268 млн. руб. Больше четверти всех капиталов приходится на металлургию (73,7 млн. руб,), затем идет обработка волокнистых веществ (42 млн. руб.), торговля (36 млн. руб.), химия (40 млн. руб.) и т. д. [25]

В «Промышленности и торговле» были опубликованы другие данные, согласно которым общий итог учредительской деятельности в области промышленности и торговли достиг следующих размеров [26]:

Год	Млн. руб.	Год	Млн руб.
1913	526,03	1915	409,83
1914	422,51	1916	923,53

[25] «Народное хозяйство в 1916 году», вып. VII, стр. 157.

[26] «Торгово-промышленная статистика».— «Промышленность и торговля» 1917, № 42—43, стр. 297.

Таблица 11

*Число закрывшихся и вновь открывшихся предприятий в 1914—1917 гг.**

	1914 г.			1915 г.		
	число предприятий	рабочих в них	среднее число рабочих на одно предприятие	число предприятий	рабочих в них	среднее число рабочих на одно предприятие
Предприятия, закрывшиеся или прекратившие свою деятельность	356	16 040	45,1	573	16 468	28,7
Вновь открывшиеся предприятия	215	19 101	88,8	187	18 100	96,8

	1916 г.			1917 г.		
	число предприятий	рабочих в них	среднее число рабочих на одно предприятие	число предприятий	рабочих в них	среднее число рабочих на одно предприятие
Предприятия, закрывшиеся или прекратившие свою деятельность	298	11 212	37,6	541	37 853	69,9
Вновь открывшиеся предприятия	276	21 663	78,5	264	21 524	81,5

* «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.».— «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. 1. М., 1926, стр. 35.

Абсолютные цифры не вызывают доверия, но и они правильно отражают основную тенденцию, которая заключается в сокращении объема учредительства в первые два года войны и значительном росте его в 1916 г.

Если суммировать данные о новом учредительстве и принять во внимание вложения на расширение предприятий, то основное направление капиталовложений по-прежнему останется за горной промышленностью — уголь, нефть, руда, благородные металлы. На втором месте — вложения в предприятия по выплавке и обработке металла, затем идет смешанная группа, на четвертом месте оказывается торговля (спекулятивная деятельность в области обращения мобилизовала значительные денежные средства), пятое и шестое места занимает обработка волокнистых веществ и пищевая промышленность. В данной классификации недостаточно выделены машиностроение и химия, значительно развернувшие размах предпринимательства.

Параллельно с ростом новых и расширением старых предприятий происходил процесс сокращения производства. Одни предприятия закрывались за отсутствием рабочих, другие из-за нехватки сырья, топлива и т. д. В целом, как показывают данные промышленной переписи 1918 г., за годы войны производственные предприятия больше закрывались, чем открывались вновь, но зато вступали в строй предприятия крупные, а мелкие прекращали существование. (см. табл. 11).

Промышленной переписью 1918 г. было учтено 9728 предприятий, из которых закрылось 2291, или 23,5%, а вновь открылось 1194, или 12,3%. Другими словами, закрывалось в 2 раза больше предприятий [27]. Однако на вновь открывшихся предприятиях насчитывалось в 2—3 раза больше рабочих, чем на закрытых предприятиях. Например, в 1916 г. открытые предприятия имели в 2 раза более рабочих, чем закрытые [28].

Все же Н. Я. Воробьев справедливо признает статистику закрытых предприятий преуменьшенной, подчеркивая, что учитывались только те закрывшиеся предприятия, которые сохранили к моменту переписи «помещение и хотя бы часть оборудования» [29]. За 1914—1917 гг. на 942 вновь открытых предприятий приходилось 1768 закрытых предприятий, или 190% от числа организованных вновь.

Рост новых предприятий указывал на благоприятные условия работы промышленности, а сокращение их — на тормозящее влияние войны. При рассмотрении промышленности по отдельным отрас-

[27] Промышленной переписью 1918 г. были охвачены предприятия, имевшие не менее 16 рабочих при наличии механического двигателя или не менее 30 рабочих без двигателя. Район переписи — 31 губерния Европейской России, без Туркестана, Кавказа (нет Баку), Уфимской и Пермской губерний, т. е. без Урала. Переписью не охвачен Донбасс с его угольными и металлургическими заводами. Отсутствие промышленных предприятий крупнейших центров России заставляет пользоваться данными переписи с большими оговорками. Из 9728 предприятий, охваченных переписью, в момент переписи действовало немногим более 6000 заведений с 1250 тыс. рабочих. Результаты переписи дают более полные сведения о текстильной промышленности, гораздо менее доброкачественные данные — о металлической промышленности, машиностроении и химической промышленности. Материал переписи дает от 40 до 65% ответов на важнейшие вопросы работы предприятий, а на вопросы о количестве рабочих, сырья, топлива, выработке изделий отвечает лишь 23,8% предприятий. Все это заставляет пользоваться данными переписи и выводами Н. Я. Воробьева, обрабатывавшего материалы переписи, с большой осторожностью. В ряде случаев они указывают лишь на тенденцию развития, а по ряду других вопросов данными переписи и вовсе нельзя пользоваться. Совершенно ясно, что о работе металлургической промышленности и машиностроения едва ли можно делать какие-либо выводы на основе только данных этой переписи. В отношении закрытия предприятий во время войны и открытия новых важно общее соотношение между этими процессами («Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», стр. 9—35; *Н. Я. Воробьев.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции.— «Вестник статистики», 1923, кн. XIV, стр. 113—154). Следует учесть, что в статье Н. Я. Воробьева всюду фигурирует число промышленных предприятий 9728, а в материалах фабрично-заводской промышленности — 9750.

[28] *Н. Я. Воробьев.* Указ. соч., стр. 120—121.

[29] Там же, стр. 117; «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», стр. 34—35.

лям нетрудно заметить, что они разделяются на две группы: в первой заметно значительное превышение вновь открытых предприятий над закрытыми, а во второй, наоборот, гораздо больше предприятий закрывалось.

К числу отраслей промышленности, развивавших свою работу, принадлежат: отрасли по производству одежды и туалета (работа на армию), производство машин, инструментов и аппаратов, обработка металлов, химическая промышленность, обработка шерсти, пеньки, кожевенная промышленность. В остальных отраслях промышленности наблюдается сокращение количества предприятий. Наиболее ярко это проявилось в следующих отраслях производства [30]:

	Закрылось, в %	Открылось, в %
Добывание и обработка камней и глины	51,4	3,8
Обработка хлопка	15,3	4,9
Пищевые продукты	37,6	7,6
Обработка дерева	31,3	11,2
Смешанные волокнистые вещества	29,3	12,2

На указанные пять групп предприятий приходится 1922 закрытых промышленных заведения из 2291, или около 85% всех закрытых заведений.

Приведенные данные могут с некоторой приближенностью являться основанием для выводов о том, что открытие новых предприятий происходило, главным образом, в отраслях промышленности, наиболее энергично работавших на войну. Это будет правильно по отношению к химии, машиностроению, переработке пеньки. Однако хлопчатобумажная промышленность целиком работала на оборону, но не развивалась. Следует иметь в виду, что закрытие предприятий зависело еще от целого ряда факторов, например отсутствия сырья, недостатка рабочих и т. д. Поэтому приведенные выше данные переписи не вскрывают всех конкретных особенностей и являются лишь приближением к действительной картине.

За время войны происходило значительное сокращение числа предприятий, особенно мелких, и количества занятых на них рабочих [31]:

Год	Количество предприятий	Число рабочих, тыс.
1913	17 877	2319,6
1914	14 046	1960,9
1915	12 649	1922,6
1916	12 492	2093,9

[30] *Н. Я. Воробьев.* Указ. соч., стр. 115—116. Даем лишь относительные величины: процент указывает на соотношение количества закрытых и открытых предприятий к общему количеству предприятий данной группы, охваченных переписью.

[31] «Статистический сборник за 1913—1917 гг.».— «Труды ЦСУ», т. VII, вып. 1. М., 1921, стр. 37—38.

По сравнению с 1913 г количество предприятий в 1916 г сократилось на 30,2%, почти на треть, а количество рабочих — только на 10%, что указывает на процесс концентрации производства Однако данные за 1913 г включают сведения о Польше, и если внести соответствующую поправку, то сокращение количества предприятии не будет столь катастрофическим, а количество занятых рабочих не уменьшится, а увеличится сравнительно с довоенным уровнем

Проследим, со всеми указанными выше оговорками, изменения численности предприятий по важнейшим отраслям промышленности Для сравнения возьмем данные на 1913 г и на 1 января 1917 г [32] Наибольшее количество предприятий сократилось в группе текстильного производства — с 2926 предприятий до 1662, или на 1264 заведения Эти данные как будто целиком совпадают с данными промышленной переписи Однако это «совпадение» нуждается в специальном объяснении По данным Н Я Воробьева, получается значительное развитие шерстяной промышленности Между тем именно в шерстяной промышленности закрылось наибольшее количество предприятий· из 1210 осталось всего лишь 363, а количество рабочих сократилось вдвое Следовательно, данные переписи являются не типичными и по ним нельзя сделать общих заключений.

Обработка минеральных веществ — следующая группа, давшая наибольшее свертывание предприятий количество предприятий здесь сократилось на 1068, а количество рабочих уменьшилось больше чем в 2 раза В абсолютных цифрах наибольшее количество закрывшихся предприятий приходилось на группу предприятий пищевых и вкусовых веществ — 1786 (сокращение почти на 40%), но количество рабочих в этой группе сократилось незначительно — меньше чем на 10%, что указывает на увеличение контингента рабочих на крупных предприятиях [33]

Приведенные данные дают возможность сделать бесспорное заключение о том, что наибольшее количество закрытых предприятии приходилось на отрасли промышленности, менее всего связанные с работой на государственную оборону Из связанных с работой на войну предприятий сильнее всех сокращением была затронута текстильная промышленность, особенно шерстяная, вследствие недостатка сырья и топлива

Совсем другая картина наблюдается по группам военизированных производств — обработке металлов и химии Количество предприятий в металлообрабатывающей промышленности не сократилось, а выросло почти до довоенного уровня в 1913 г — 2420 предприятий (с Польшей), в 1914 г — 1977, в 1916 г — 2332 предприятия Возросла и численность рабочих на 1913 г в ней было 386 тыс рабочих с Польшей, а на 1 января 1917 г — 546 тыс. без Польши [34] В химической промышленности увеличи-

[32] Данные на 1913 г по группам производства взяты из «Народного хозяйства в 1916 году» (вып VII, стр 128) а на 1 января 1917 г – из «Статистического сборника за 1913—1917 гг» (вып 1, стр 39)

[33] «Народное хозяйство в 1916 г», вып VII, стр 128—129

[34] В 1913 г в Польше статистика насчитывала 462 предприятия по металлу и

лось и число предприятий, и количество рабочих. Почти все предприятия сохранились, закрывались лишь мелкие заведения, вместо них возникали новые мощные предприятия с лучшим механическим оборудованием и большим количеством рабочих. Процесс концентрации производства и рабочей силы наиболее ярко проявляется именно в изменениях, происшедших в ведущих отраслях хозяйства — военных.

Однако рост числа рабочих не всегда указывает на развитие промышленности и рост производства. Во время войны усилилось использование неквалифицированной рабочей силы, в ряде отраслей производительность труда сильно упала, так что единственным средством удержать производство от сокращения являлось увеличение числа рабочих. Поэтому необходимо рассмотреть еще движение промышленной продукции. Изучение этого вопроса позволит более детально и глубоко понять изменения в промышленности, вызванные войной.

Динамика производства. Две тенденции в развитии промышленности

По данным Н. Я. Воробьева, полученным им на основе обработки материалов переписи и данных довоенной статистики, общая картина движения промышленной продукции по отраслям и в целом по промышленности представлена в табл. 12.

Данные таблицы прежде всего показывают, что рост продукции промышленности совершался до 1916 г. включительно, а в 1917 г. произошло катастрофическое сокращение ценности продукции. В 1916 г. ценность продукции увеличилась по сравнению с довоенным годом на 21%, причем скачок к росту произошел за два года — в 1915 г. продукция выросла на 12,5% и в 1916 г. несколько медленнее — на 7,8%. В 1914 г. прироста продукции почти не было. Следовательно, если верить приведенным данным (а других, более точных, данных нет), то отпадают всякие предположения о расцвете промышленности во время войны. В 1914 г. промышленность с большими трудностями и издержками приспосабливалась к условиям военного времени. Полученное сокращение производства в одном ряде отраслей было едва компенсировано ростом продукции другого. Это дало возможность поддержать производство промышленной продукции на уровне прошлого года. В целом, даже только за три года войны, прирост продукции происходил в 3 раза медленнее, чем за годы промышленного подъема [35].

Чем объяснить огромный скачок к сокращению продукции в 1917 г.? Самый общий ответ на этот вопрос состоит в том, что развитие промышленности в годы войны шло далеко не гладко

машиностроению с количеством рабочих 49 тыс. человек («Народное хозяйство в 1916 году», вып. VII, стр. 128).

[35] Н. Я. Воробьев определяет ежегодный прирост продукции за 1910—1912 гг. в 9%, а за 1913—1916 гг.— в 3% (*Н. Я. Воробьев.* Указ. соч., стр. 154).

Таблица 12

*Промышленное производство в России в 1913—1917 гг., в млн. довоенных руб.**

Группа отраслей промышленности	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Горная и горнозаводская промышленность	1003,9	1019,3	926,1	941,3	528,1
Металлообрабатывающая	628,1	709,7	1432,7	1888,4	1212,9
Добыча и обработка камней	154,3	143,9	103,7	89,3	65,8
Обработка дерева	171,2	150,0	114,7	106,3	93,3
Химическая промышленность	337,7	312,6	492,6	853,5	564,1
Производство пищевых продуктов и наркотиков	1505,8	1561,6	1445,9	1176,0	734,8
Обработка твердых материалов животного происхождения	134,6	149,8	169,5	182,5	128,9
Обработка хлопка	1090,3	1021,6	1031,2	892,5	596,4
Обработка шерсти	195,1	191,1	208,3	187,2	134,4
Обработка льна и пеньки	115,3	146,7	147,7	130,6	90,7
Обработка шелка	49,2	43,5	45,8	38,9	21,8
Производство смешанных волокнистых веществ	44,6	42,1	92	146	27,2
Производство по обработке бумаги и полиграфическое	152	142,3	127,6	126	99,2
Передача физических сил и водоснабжение	38,7	56,2	51,9	72,9	46,5
Всего:	5620,8	5690,4	6389,7	6831,4	4344,1
в %	100	101,2	113,7	121,5	77,3

* *Н. Я. Воробьев.* Указ соч., стр. 152—153. Индекс изменения цен в бумажных рублях автором был принят следующий: 1913 г. = 1, 1914 г. = 1,02, 1915 г. = 1,28, 1916 г = = 2,22, 1917 г. = 5,02 («Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», стр. 116—117).

и уже в 1916 г. появились явления, которые вызвали сокращение продукции за один год чуть ли не вдвое.

Действительно, общие цифры маскируют двоякую тенденцию в развитии промышленности — одни отрасли из года в год развивались, увеличивали продукцию, а другие испытывали перманентный кризис, сокращали продукцию.

Колоссальное развитие производства дали металлообратывающая и химическая промышленность. Первая увеличила производство в 1916 г. не менее чем на 300% и сократила его в 1917 г. по сравнению с 1916 г. не меньше чем на $^1/_3$; вторая выросла в 2,5 раза (252%). Такие производства, как обработка материалов животного происхождения, шерсти, льна и пеньки, передача физических сил (электричество) и водоснабжение обнаружили также рост продукции, хотя и не столь значительный, как две первые отрасли. Указанные отрасли хозяйства обнаружили и прирост продукции. Таким образом, общий прирост продукции в 1916 г. являлся результатом значительного увеличения прироста продукции лишь ведущих оборонных предприятий, да и то не всех.

Металлообрабатывающая промышленность в России была очень

слаба Поэтому, чтобы организовать в широком масштабе производство оружия и вооружения, она должна была сократить выработку продукции на частный рынок, во-вторых, колоссально увеличить свою производительность, в-третьих, организовать новые производства, не существовавшие до войны. И тем не менее по всем видам вооружения приходилось обращаться к заграничным поставщикам, переплачивая огромные суммы

Аналогичным было положение в химической промышленности Несмотря на огромное увеличение производства, она покрывала лишь небольшую часть потребностей, а остальную приходилось закупать за границей «В начале войны, сверх производительности наших казенных заводов, нам по необходимости пришлось заказывать за границей около $^4/_5$ потребного количества Даже с развитием пороховых заводов в 3 раза, а заводов взрывчатых веществ — в 4 раза нам все-таки пришлось заказывать за границей около $^2/_3$ от всей нашей потребности Вот как велик был недостаток в порохах и взрывчатых веществах» [36].

Льняное и пеньковое производства в 1914—1915 гг увеличили продукцию примерно на 30%, но в 1916 г. прирост составил всего лишь около 12%.

Промышленность по обработке твердых материалов животного происхождения дает устойчивый ежегодный прирост продукции до 1916 г. включительно. В этом году объем произведенной продукции возрос примерно на 40% по сравнению с 1913 г. В следующем, 1917 г. произошло катастрофическое падение производства, хотя общий ее уровень был лишь немного меньше 1913 г.

Кроме указанных выше, все остальные отрасли народного хозяйства или сохраняли добычу в годы войны на довоенном уровне с небольшим отклонением в обе стороны, или же значительно сократили производство. В этом отношении чрезвычайно типичны горная и горнозаводская промышленность, обеспечивавшие народное хозяйство топливом, рудой и металлами. Начиная с 1915 г общее падение продукции этих отраслей в ценностном выражении было не столь велико — около 8—10%,— и все же ввиду развертывания военного производства недостаток в топливе и металле был чрезвычайно острый Кризис горной и горнозаводской промышленности имел решающее значение для всего хозяйства и для всех отраслей военной промышленности, оставшихся без угля и металла

Производство пищевых продуктов начало сокращаться в 1915 г., а в следующем году приняло уже грозный характер (около 20%).

Хлопчатобумажная промышленность все годы войны работает с понижением на 8—18%. Особенно велико было снижение в 1916 г Причины снижения — недостаток хлопка, перебои в снабжении топливом и недостаток красок Огромные военные заказы этой промышленности не могли остановить падение производства Шелковое,

[36] *С Н Ванков* О состоянии нашей металлообрабатывающей промышленности к началу войны 1914 г и во время войны — «Научно-технический вестник», 1921, № 6, стр 9

бумажное и полиграфическое производство и обработка дерева также дают значительное снижение продукции

Таким образом, дезорганизующее влияние войны сказалось на ряде отраслей промышленности, не только обслуживающих частный рынок, но и почти целиком работавших на оборону и обеспечивавших бесперебойную работу военных отраслей хозяйства Начиная с конца 1916 г. хозяйственные трудности настолько обострились, что промышленность оказалась не только не в состоянии справиться с обеспечением потребностей гражданского населения, но не снабжала и фронта В этом заключалась особенность обстановки и специфичность всего хозяйственного кризиса

Промышленность вступила в 1917 год, писал Воробьев, «в крайне тяжелом положении: с одной стороны, к этому времени почти замерли целые важнейшие отрасли промышленности (керамическая, стекольная, цементная, спичечная, мыловаренная и т п), даже наша самая мощная хлопчатобумажная промышленность к 1916 г дала снижение продукции на $^1/_5$ часть довоенной; с другой — нельзя считать благополучным положение отраслей промышленности к 1916 г, увеличивших свое производство до колоссальных размеров, ибо рост этот был ненормален и вызван исключительно выполнением заказов на оборону, и отрасли эти с окончанием войны неизбежно должны были подвергнуться жесточайшему кризису, что мы и наблюдали выше, когда эти отрасли в 1917 г., по окончании войны, дали катастрофически сниженную продукцию» [37]

Не останавливаясь на причинах этого явления, перейдем к вопросу о движении продукции промышленности в стоимостном выражении в связи с изменением числа рабочих и выработки на одного рабочего [38].

	1913 г	1914 г	1915 г	1916 г	1917 г
Валовая продукция, в млн руб	5620,8	5690,4	6389,7	6831,4	4344,1
в %	100,0	101,2	113,7	121,5	77,3
Рабочие, в тыс	2598,6	2667,0	2641,5	2926,0	3024,3
в %	100,0	102,6	101,7	112,7	116,3
Выработка на одного рабочего, в руб	2163,0	2134,0	2419,0	2335,0	1436
в %	100,0	98,6	111,8	107,9	66,4

Во многих отношениях интересен 1914 г По всем признакам он не показывает значительного продвижения вперед по сравнению с довоенным годом Выработка продукции на одного рабочего даже упала, общая же продукция, благодаря росту числа рабочих, уве-

[37] *Н Я Воробьев* Указ соч, стр 148

[38] Там же, стр 152–153, см также *С Струмилин* Динамика продуктивности труда в России — «Плановое хозяйство», 1924, № 6, стр 26 Приведенные данные исчислены по предприятиям на территории в границах СССР до 1939 г, и в них не отразилось уменьшение территории в связи с войной

личилась на 1.2% Движение валовой продукции, числа рабочих и выработки на одного рабочего указывает на изменение в составе рабочего класса Промышленность потеряла значительное число квалифицированных рабочих, заменепных менее квалифицированными, производительность труда которых была значительно меньше. С. Н Ванков писал по поводу изменения в составе рабочих из-за мобилизации «Кому не памятны непланомерные наборы 1915, 1916 и 1917 гг и обезлюдение заводов, особенно в квалифицированных рабочих . Мобилизации эти вырвали из промышленности и технического хозяйства до 40% рабочих, лишь слабо затронув на первое время только угледобывание и железные дороги, но затем эти мобилизации расстроили все остальные отрасли промышленности, особенно тяжело отозвавшись на металлических производствах, наиболее требовательных относительно квалифицированных рабочих» [39].

1915 г дает увеличение продукции на 13,7% по сравнению с 1913 г. и на 12,5% — с предыдущим. Это такой темп роста, которыи напоминает предвоепный промышленный подъем Особенно характерно то обстоятельство, что количество рабочих в 1915 г., сравнительно с 1914 г , хотя и немного, но сократилось, тогда как выработка продукции на одного рабочего поднялась на 13,2% Таким образом, рост продукции происходил за счет увеличения производительности и интенсивности труда

1916 г. обнаруживает значительное ухудшение положения всей промышленности. Очевидно, уже стало сильно сказываться разрушающее влияние войны Общая ценность продукции по сравнению с 1915 г. еще увеличилась на 7,8%, но ее рост происходил не за счет увеличения интенсивности или производительпости труда, а главным образом за счет увеличения количества рабочих Численность рабочих за этот год увеличилась на 11%. Следовательно, в ряде отраслей происходило снижение производительпости труда.

Выработка на одного рабочего, оставаясь все еще больше довоенной (на 7—9%), в 1916 г сократилась по промышленности в целом на 4% В первый год войпы имелось значительное понижение производительности труда лишь в добывающей промышленности (уголь, руда и т. д). В 1916 г снижение производительности труда стало общим явлением для всей промышленности. Боролись с ним простым увеличением рабочей силы

Эта тенденция приобрела катастрофический характер в следующем, 1917 г., давшем дальнейшее увеличение числа рабочих на 3,6% и одновременно колоссальное, действительно катастрофическое снижение как валовой продукции (на 44,2%), так и выработки на одного рабочего (на 41,5%) по сравнению с предыдущим годом Численность рабочих достигала 116,3% от довоенной, а валовая продукция — 77,3% от довоенной, выработка на одного рабочего — 66,4% Иными словами, валовая продукция сократилась на $^1/_4$, а вы-

[39] *С Н Ванков* Указ соч, стр 11 Мобилизация особенно опустошила предприятия в 1914 г, позднее же были узаконены частичные отсрочки рабочим от призыва

Таблица 13

Валовая продукция промышленных предприятий, действовавших непрерывно за период 1913—1917 гг (в ценах 1913 г.) *

	1913 г	1914 г	1915 г	1916 г	1917 г
Число предприятий	2287	2287	2287	2287	2287
Среднесуточное число рабочих, в тыс	774,5	797,4	825,6	872,0	912,1
в %	100	102,9	106,6	113,2	118,3
Валовая продукция, в млн руб	1819	1861,7	2138,6	2176,6	1541,8
в %	100	102,3	117,6	119,6	84,8
Валовая продукция на одного рабочего, в руб	2349	2335	2590	2496	1690
в %	100	99,4	110,3	106,3	71,9

* *Н Я Воробьев* Указ соч стр 119 «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг» стр 37 Материалы приведенные нами несколько расходятся с приведенными в статье Н Я Воробьева В материалах переписи данные приведены лишь по 2287 предприятиям а Воробьев говорит о 2290 Расхождения относятся к двум показателям валовая продукция и выработка на одного рабочего В обоих случаях по переписи прирост продукции меньше чем показано Воробьевым Может быть это явилось следствием уточнения но автор нигде не оговаривает этого Мы приводим данные переписи которые вышли позднее чем статья Воробьева и мы имели возможность внимательно проверить все расчеты

работка рабочего — на $^1/_3$ от военной Глубочайший кризис и потрясения охватили всю промышленность

Еще конкретнее о влиянии войны на промышленность говорят данные переписи 1918 г о предприятиях, непрерывно действовавших во время войны Эти данные имеют исключительную ценность Они дают возможность судить о движении продукции на основе совершенно точных данных бухгалтерских книг и отчетов Таких предприятий было 2287 (около $^1/_4$ всех предприятий, охваченных переписью), на них было сосредоточено $^3/$ всех рабочих По отношению ко всей имперской промышленности эти предприятия сосредоточивали около $^1/_3$ всего числа рабочих, таков же был их вес и по ценности продукции Таким образом, к группе непрерывно действующих предприятий принадлежали наиболее крупные, «солидные» фирмы, сумевшие пережить все хозяйственные трудности

Приведенные в табл 13 данные за 1914 г в отношении темпов развития почти целиком и по всем элементам совпадают с подсчетами Н Я Воробьева относительно динамики всей продукции Прирост рабочих в 1914 г по сравнению с 1913 г по этой группе предприятий — 2,9%, т е лишь на 1% больше, чем в отношении всей промышленности В 1916 г процент прироста рабочих данной группы совпадает с процентом общего роста числа рабочих В отношении валовой продукции и продукции на одного рабочего рассматриваемая группа предприятий дает несколько больший прирост в 1915 г сравнительно со всей промышленностью (17,6% и 13,7%)

В 1916 г прирост несколько меньше по сравнению со всей промышленностью — 19,6 вместо 21,5% В 1917 г продукция непрерывно действующих предприятий резко уменьшилась, но все же удержалась на достаточно высоком уровне — 84,8% Выработка продукции на одного рабочего несколько выше, чем по всей промышленности, но процентное соотношение военных лет почти совпадает с данным по всей промышленности 1916 г также дает тенденцию к некоторому падению производительности труда

В материалах переписи дается более детальная группировка непрерывно действующих предприятий с выделением как увеличивших свою продукцию в 1916 г, так и сокративших ее Такие данные позволяют гораздо глубже понять процессы, происходившие в промышленности во время войны К первой группе относилось меньшинство — 795 предприятии, на которых в 1913 г было занято 235,9 тыс рабочих Эта группа предприятии, видимо, в основном состояла из заведении, работавших на оборону, она почти вдвое увеличила свою продукцию в 1916 г, подняв ее с 615,4 млн руб до 1180,9 млн руб, или на 191,9% [40]

К группе сокративших продукцию принадлежало большинство предприятий — 1492 Здесь в 1913 г было занято 538,6 тыс рабочих, т. е в 2 с лишним раза более, чем в первой группе, и производилось соответственно в 2 раза больше продукции в ценностном выражении — 1203,7 млн руб По числу занятых на одном предприятии вторая группа имела более высокие показатели 360 вместо 296 человек рабочих в первой группе Ценность продукции всей второй группы в первые 1,5 года войны держится почти на одном уровне, снизившись примерно на 0,5% Зато в 1916 г вся группа дает резкое по сравнению с 1913 г снижение ценности продукции — до 995,7 млн руб, или на 16,9% В абсолютных размерах она становится меньше, чем стоимость продукции первой группы, поднявшаяся к этому же времени до 1180,9 млн руб Таково двоякое влияние войны на развитие различных групп предприятий [41]

Чем объясняется такое различие? Ответ на этот вопрос дают материалы той же переписи 1918 г, обработанные Н Я Воробьевым на основе группировки материала в прямой зависимости от работы предприятий на оборону (см табл 14)

Н Я Воробьев разбил непрерывно работавшие предприятия на две группы — работавших и не работавших на оборону Во вторую группу входило лишь 490 предприятий, или около 20% Следовательно, $^4/_5$ предприятий, непрерывно работавших, были «оборонными» предприятиями

В целом предприятия второй группы, сократившие продукцию, из года в год дают снижение по всем показателям В 1916 г количество рабочих по сравнению с 1913 г. уменьшилось на 14,3%, на

[40] «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг», стр 37

[41] Там же Материалы переписи дают возможность видеть в каких отраслях производства происходили эти процессы (см там же, табл 18, стр 164—174 и табл 19, стр 175—184)

Таблица 14

*Динамика валовой продукции предприятий в зависимости от работы на оборону**

	Число предприятий	Среднесуточное число рабочих									
		1913 г		1914 г		1915 г		1916 г		1917 г	
		тыс чел	%	тыс чел	%	тыс чел	%	тыс чел	%	тыс чел	%
Предприятия, работавшие на оборону											
Группа А Предприятия, увеличившие свою продукцию											
а) производство предметов вооружения	356	160,1	100,0	182,8	114,2	221,3	138,2	272,8	170,4	302,0	188,6
б) производство предметов снаряжения	248	20,5	100,0	21,2	103,6	26,1	127,6	27,6	135,1	25,9	126,5
в) производство предметов питания	738	63,8	100,0	65,1	102,0	69,2	108,4	69,9	109,5	72,6	113,7
Итого	1342	244,4	100,0	269,1	110,2	316,6	129,5	370,3	151,6	400,5	163,9
Группа Б Предприятия, сократившие продукцию											
а) производство тканей	458	418,8	100,0	418,3	99,8	409,3	97,7	402,8	96,1	408,5	97,5
Предприятия, не работавшие на оборону											
а) увеличившие продукцию	156	39,0	100,0	39,5	100,9	38,2	97,6	39,0	99,8	41,8	106,9
б) сократившие продукцию	334	69,8	100,0	68,1	98,5	61,5	87,1	60,2	85,7	61,5	87,1
Всего	2290	772,0	100,0	795,0	102,9	825,6	106,9	872,3	113,0	912,3	118,2

Таблица 14 (продолжение)

	Число предприятий	Годовая выработка (в ценах 1913 г.) в млн руб									
		1913 г		1914 г		1915 г		1916 г		1917 г	
		млн руб	%	млн руб	%	млн руб	%	млн руб	%	млн руб	%
Предприятия, работавшие на оборону											
Группа А Предприятия, увеличившие свою продукцию											
а) производство предметов вооружения	356	483,7	100,0	558,2	115,4	1087,9	224,9	1448,1	229,3	1028,7	222,3
б) производство предметов снаряжения	248	53,6	100,0	57,9	108,1	66,3	123,9	64,9	121,2	48,4	90,4
в) производство предметов питания	738	242,6	100,0	271,7	112,0	290,3	120,1	217,5	89,6	132,5	48,8
Итого	1342	779,9	100,0	887,6	113,9	1444,5	185,4	1730,5	222,1	1209,6	155,2
Группа Б Предприятия, сократившие продукцию											
а) производство тканей	458	875,8	100,0	850,0	97,0	852,6	97,3	742,1	84,7	522,1	59,6
Предприятия, не работавшие на оборону											
а) увеличившие продукцию	156	64	100,0	70,5	110,3	78,0	121,9	64,1	100,0	46,1	72,1
б) сократившие продукцию	334	110,6	100,0	107,3	96,9	92,3	83,7	94,7	85,7	66,8	60,4
Всего	2290	1830,3	100,0	1915,6	107,5	2467,4	134,4	2631,4	143,8	1844,6	100,8

Таблица 14 (окончание)

	Число предприятий	Средняя выработка на одного рабочего (в ценах 1913 г), руб **									
		1913 г		1914 г		1915 г		1916 г		1917 г	
		руб	%	руб	%	руб	%	руб	%	руб	%
Предприятия, работавшие на оборону											
Группа А Предприятия, увеличившие свою продукцию											
а) производство предметов вооружения	356	3021	100,0	3053	101,1	4915	162,7	5308	175,7	3406	112,7
б) производство предметов снаряжения	248	2614	100,0	2732	104,5	2540	97,4	2351	89,9	1868	71,4
в) производство предметов питания	738	3802	100,0	4173	110,4	4195	110,9	3111	82,3	1825	78,3
Итого	1342	3192	100,0	3300	103,2	4563	143,0	4673	146,4	3020	94,6
Группа Б Предприятия, сократившие продукцию											
а) производство тканей	458	2091	100,0	2032	97,2	2083	99,6	1843	88,2	1278	61,1
Предприятия, не работавшие на оборону											
а) увеличившие продукцию	156	1641	100,0	1784	108,7	2044	124,5	1643	100,1	1102	67,2
б) сократившие продукцию	334	1584	100,0	1576	99,5	1501	94,7	1573	99,3	1086	68,5
Всего	2290	2370	100,0	2409	101,6	2988	126,1	3017	127,2	2022	85,3

Н Я *Воробьев* Указ соч стр 124—125 «Фабрично заводская промышленность в период 1913—1918 гг» стр 39

** Показатели средней выработки на одного рабочего заново пересчитаны — *Прим ред*

столько же снизилась годовая выработка, а индивидуальная выработка рабочего упала на 0,7%. Другая часть предприятий той же группы в 1915 г. увеличила продукцию на 22%, а индивидуальная выработка рабочих поднялась на 25%, но зато в следующем году все 156 предприятий снизили свою продукцию до довоенного уровня.

Пока правительство не применило мер по регулированию топлива, сырья и перевозок, предприятия второй группы еще держались и, пользуясь исключительно выгодной рыночной конъюнктурой, даже подняли выпуск продукции. Зато в следующем же году в связи с переключением большинства промышленности на казенные заказы эта группа оказалась в наиболее трудных условиях по линии получения сырья, что и отразилось на производстве продукции.

Теперь рассмотрим первую группу предприятий, работавших на оборону. Среди них оказалось 458 предприятий, изготовлявших ткани и сокративших производство. Новые данные лишь подтверждают ранее сказанное. Уже в 1916 г. количество рабочих по сравнению с 1913 г. уменьшилось на 4%, средняя выработка — на 11,8%, а годовая еще более значительно — на 15,3%.

Теперь осталась самая значительная часть предприятий, увеличивших продукцию (1342). Они делятся на три подгруппы: производство предметов вооружения, снаряжения и предметов питания. Показатели работы этой группы дают наиболее точные данные относительно работы оборонной промышленности России. Количество рабочих во всей группе увеличилось весьма значительно по сравнению с довоенным годом, а так как одновременно поднялась интенсивность и производительность труда, что сказалось на увеличении выработки на одного рабочего, то общее движение продукции выросло еще больше [42].

Производство предметов вооружения увеличивалось особенно значительно и даже в 1917 г. удержалось на повышенных показателях. Количество рабочих выросло на 88% (1917 г.), выработка одного рабочего поднялась до 175,7% (1916 г.), а годовая продукция — на 229,3%. В 1917 г. выработка рабочих сильно упала и удержалась на уровне, немного превышавшем довоенный (112,7%), но так как количество занятых рабочих продолжало увеличиваться, то валовая продукция осталась на высоком уровне [43].

[42] Опять следует отметить некоторое расхождение данных, опубликованных Н. Я. Воробьевым, и данными переписи. В большой вводной статье к материалам переписи тот же автор дает таблицу изменения числа рабочих и валовой продукции по годам (стр. 39), не вполне совпадающую с данными его статьи. Однако во введении к переписи автор не дает абсолютных цифр, а только относительные величины, в процентах. Мы привели абсолютные данные, а потому и процентные исчисления берем по статье Н. Я. Воробьева в «Вестнике статистики».

[43] Нам кажется даже, что данные о производстве предметов вооружения несколько занижены. Производство некоторых видов оружия и снаряжения увеличилось более значительно. Производство винтовок в августе 1916 г. поднялось сравнительно с августом 1914 г. на 1100%. Производство ружейных патронов — на 250%, производство 76-мм снарядов — на 2000%, изготовление 75-мм пушек (включая и горные) выросло в январе 1917 г. сравни-

Таким образом, предприятия, изготовлявшие предметы вооружения, теснее связанные с банковым капиталом, являлись наиболее организованным участком промышленности, они более умело сопротивлялись дезорганизующему влиянию хозяйственного кризиса в стране и, хотя не могли его преодолеть, все же пережили 1917 г с наименьшими потерями Правда, и у них кульминационный пункт развития был пройден в 1916 г , но после него кривая пошла вниз не так круто, как по другим отраслям промышленности

В оценке самого общего влияния военных условий на развитие русской промышленности следует признать, что война явилась поворотным пунктом в развитии всей промышленности, будучи «началом упадка одних отраслей производства и развитием других» [44]

Перепись зафиксировала тысячи закрывшихся или прекративших свою деятельность предприятий. В 1915 г. таких предприятии было 1914, в 1916 г. их количество несколько сократилось — до 1341. Вновь открывшихся предприятий было значительно меньше как по численности, так и по количеству рабочих

Такие отрасли, как производство оружия (металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность), предметов снаряжения, химических продуктов и взрывчатых веществ, выдвинулись на первый план, получая сырье, топливо, рабочую силу и правительственные субсидии.

Горная промышленность, металлургия, текстильная, пищевая были отодвинуты на второй план, они в разное время и в разной степени подверглись разрушающему влиянию войны.

Данные промышленной переписи 1918 г, довольно подробно использованные нами, говорят о том «огромном упадке, к которому пришло большинство отраслей русской промышленности к третьему году войны — 1916 г , не говоря уже о 1917 г.» [45]. Этот вывод, на наш взгляд, является бесспорным и может быть принят историками Также не подлежит сомнению, что военная обстановка двояко повлияла на различные отрасли хозяйства. Одни отрасли расширили свое производство, увеличили количество рабочих и продукции при росте, а иногда и при сокращении производительности труда; другие сократили производство и продукцию при увеличении, а иногда и при сокращении числа рабочих. Первый процесс — рост производ-

тельно с январем 1915 г более чем на 1000%, а средней и тяжелой артиллерии — от 300 до 600%, производство пороха увеличилось примерно на 250—300%, примерно в таком же количестве выросло и производство взрывчатых веществ Производство химического сырья (бензол, толуол, серная кислота и т д) увеличилось в десятки раз, а некоторые виды химических продуктов стали изготовляться вновь (*Е Барсуков* Гражданская промышленность в боевом снабжении армии — «Война и революция», 1928, кн 10, стр 12—20) Действительное развитие оборонных отраслей промышленности, нам кажется, скрадывается в переписи потому, что ею не охвачены казенные предприятия (особенно уральские), на которых было занято почти четверть миллиона рабочих, и Донбасс, где было построено свыше 2000 газоуловительных установок, и ряд других химических заводов

[44] «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг », стр 66

[45] Там же

ства и продукции — происходил почти исключительно среди отраслей промышленности, работающих на оборону Промышленные предприятия, не принимавшие участия в работе на оборону, лишь изредка развивали свое производство, и то только в первые годы войны В 1916 г. они сократили производство и опустились ниже довоенного уровня Несмотря на колоссальные прибыли, получаемые этими предприятиями, развивающиеся разруха и недостаток сырья, рабочих, дезорганизация товарооборота лишали их возможности расширить производство

Сокращение производства охватывает не только отрасли промышленности, работавшие на частный рынок, но и часть оборонной промышленности (хлопчатобумажная, шерстяная, пищевая и горная, обработка дерева, животных продуктов, добывание камней, полиграфическая промышленность и ряд других)

Участие в работе на оборону еще не гарантировало обязательного расширения производства Поэтому лишь конкретное исследование этих отраслей за время войны позволяет установить причины, действовавшие на них в сторону снижения производства Таким образом, рост валовой продукции достигался за счет увеличения количества рабочих, интенсификации труда и частичного увеличения его производительности в некоторых привилегированных отраслях производства, теснее всего связанных с изготовлением вооружения Цены по таким заказам чрезвычайно вздувались, прибыли предпринимателей достигали колоссальных размеров, оборудование предприятий было лучше, а заработная плата рабочих — выше, чем в других отраслях производства

Промышленное оживление, можно сказать, расцвет ряда производств был вызван специфическими военными условиями Отнюдь не нормальный экономический рост страны и повышение благосостояния народных масс являлись его основой, а рост их нищеты и разорения — в результате войны Миллиарды бумажных рублей текли широким потоком из государственного казначейства в карманы предпринимателей Военные отрасли промышленности стягивали к себе все материальные ресурсы страны, оголяя даже те производства, сокращение которых в корне подрывало существование военной промышленности

Угольная и нефтяная промышленность, железные дороги не получали достаточно металла, который отдавался почти целиком на изготовление пушек, винтовок и снарядов, не удовлетворяя полностью даже их потребности Война пожирала все, предъявляя с каждым днем все возрастающие запросы, удовлетворить которые делалось все труднее, а под конец и совсем невозможно Процесс производства ограничивался главным образом из-за недостатка сырья Разрушение промышленности, начавшись вне сферы оборонных предприятий, охватывало все больший круг, отражаясь и на военном производстве

Война создала привилегированные условия работы для военной промышленности и совершенно невозможые для производств, удовлетворявших потребности тыла, т е широких масс населения и гражданских отраслей хозяйства Транспортные средства они могли получать лишь в последнюю очередь, и то в результате взяток и подкупа,

уголь и металл им не выдавался, рабочая сила мобилизовалась в армию При таких условиях работать было возможно лишь при спекулятивном ведении дела За материалы частная промышленность платила бешенные деньги, перевозила их благодаря подкупу железнодорожных служащих, но за изготовленные товары брала столько, сколько хотела Ввиду нехватки товаров и отсутствия конкуренции предприятия, работавшие на население, наживались не менее, чем те, которые работали на войну Но условий для развития этих предприятии не было, так как и предприятия, работавшие на оборону, стали сильно сокращать производство «Таким образом, промышленность вступила в революцию в крайне тяжелом положении с одной стороны, к этому времени почти замерли целые важнейшие отрасли промышленности (керамическая, стекольная, цементная, спичечная, мыловаренная и т п), даже наша самая мощная хлопчатобумажная промышленность к 1916 г дала снижение продукции на $^1/_5$ довоенного; с другой — нельзя считать благополучным положение отраслей промышленности, к 1916 г увеличивших свое производство до колоссальных размеров, ибо рост этот был непормален и вызван исключительно выполнением заказов на оборону, и отрасли эти с окончанием войны неизбежно должны были подвергнуться жесточайшему кризису, что мы и наблюдали выше, когда эти отрасли в 1917 г по окончании войны дали катастрофически сниженную продукцию» [46]

Политический кризис, развернувшийся в России в конце февраля 1917 г, являлся органически связанным с хозяйственным кризисом, углублявшимся в связи с продолжением империалистической войны Кризис транспорта, топлива, продовольствия, недостаток товаров ускорили и обострили борьбу масс, выступивших против царизма

Исследование конкретно-экономического материала о развитии промышленности во время войны опровергает лживые заявления лидеров буржуазии и их защитников — меньшевиков и эсеров — о том, что будто революция и борьба рабочих за повышение заработной платы создали экономический кризис в стране, подорвали развитие промышленности [47] Наоборот, Февральская революция 1917 г была ускорена экономическим кризисом, глубоко потрясшим основы капиталистического хозяйства Война показала полнейший крах регулирующих мероприятий правительства и буржуазии, их бессилие бороться с хозяйственными трудностями, справиться с рациональным распределением топлива, металла и продовольствия, нежелание ограничить спекуляцию и бешеный рост военных сверхприбылей

Правительство и буржуазия не понимали действительной глубины хозяйственных потрясений, не отдавали себе отчета в том, что экономика страны находится накануне катастрофы Лидерам буржуазии казалось или они делали вид, что действительные причины кризиса кроются в мелких непорядках механизма царской бюрократии и достаточно подновить эти винтики, обуржуазить аппарат управления,

[46] «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг», стр 66
[47] Подробнее см *П В Волобуев* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г М, 1964, стр 87—100

избавиться от кое-кого из представителей дворянской бюрократии, как завертится весь производственный аппарат страны, резко улучшится хозяйственная жизнь, наладится транспорт и т д То были ошибочные иллюзии Продолжение империалистической войны при любом составе правительства и любой системе буржуазного регулирования сулило воспроизводство трудностей на расширенной основе

Изменение технической базы промышленности

Техническое оснащение русской промышленности происходило под сильным влиянием иностранного машиностроения и заграничного ввоза По обследованию известного знатока промышленности В Е. Варзара, в 1900 г почти $^2/_3$ (63%) всего оборудования русской промышленности было заграничного происхождения С Г. Струмилин с основанием предполагает, что «это соотношение мало изменилось и к 1913 г »[48] Отечественное машиностроение и родственные ему производства дали за это время значительный рост продукции со 160 млн. до 302 млн руб [49], однако производство машин для промышленности составляло лишь около 20%, несколько увеличившись лишь в последние перед войной годы С 1900 по 1908 г оно поднялось всего лишь с 32 млн до 46 млн руб Привоз машин из-за границы по-прежнему резко преобладал над внутренним производством, несмотря на его рост во время предвоенного промышленного подъема. По расчету В И Гриневецкого, в 1912 г привоз составлял более 125% от внутреннего производства «промышленных и сельскохозяйственных машин» Еще большее соотношение в пользу заграничного производства получается по всей группе металлического производства Несмотря на быстрое развитие металлообработки в предвоенные годы, эти производства «все же не могли догнать требований рынка и в более тонких производствах отступали перед ростом иностранного, преимущественно германского, ввоза Эта группа, важнейшая для капиталистического развития страны, наравне с горным делом была одним из наиболее слабых мест нашей промышленности»[50]. Это заключение подтверждается расчетами С Г Струмилина о внутреннем производстве и привозе иностранного оборудования за 1910—1912 гг

За три указанных года было ввезено машин, предназначенных для индустриального использования, 25,5 млн пуд на 329,7 млн руб (61,4% от общего потребления), внутреннее производство — 32,6 млн пуд на 207,6 млн руб Всего за три года Россия употребила машинного оборудования свыше 58 млн пуд на 537,3 млн руб — примерно на 180 млн руб. в год С Г Струмилин находит эту сумму «далеко не полной», хотя она составляла почти 50% всех капиталовложений в русскую промышленность за 1910—1912 гг [51]

[48] *С Г Струмилин* Очерки советской экономики М — Л, 1930, стр 99
[49] *В И Гриневецкий* Послевоенные перспективы русской промышленности М, 1919, стр 16
[50] Там же, стр 17
[51] *С Г Струмилин* Очерки советской экономики, стр 98—99

Война прежде всего привела к общему сокращению закупок иностранных машин. Причин к этому было много: недостаток валюты, трудности с доставкой оборудования, трудности размещения заказов на заграничных рынках, наконец, невыясненность общей промышленной ситуации в первый год войны. Во время войны произошло усиление технического оборудования лишь отдельных отраслей военной промышленности как за счет привоза оборудования из-за границы, так и за счет развития внутреннего машиностроения.

До весны 1915 г., пока частная промышленность не была привлечена к исполнению военных заказов, машиностроительная промышленность России оставалась не мобилизованной. Когда же заграничные поставки оборудования стали задерживаться, а военные заказы посыпались как из рога изобилия, положение коренным образом изменилось. В техническом отношении оборудование производства совершалось тем же темпом, что и во время промышленного предвоенного подъема.

Рассмотрим данные о снабжении России машинами за военные годы (см. табл. 15).

Таблица 15

Ввоз и внутренняя продукция промышленного оборудования за 1913—1917 гг (в ценах 1913 г), млн руб *

Год	Ввоз из за границы		Продукция внутреннего производства		Ввоз и продукция внутреннего производства промышленного оборудования
	по номинальной цене	в ценах 1913 г (с пошлиной)	все машиностроение (в ценах 1913г)	в том числе промышленное оборудование	
1913	156,3	156,3	308,2	69,3	225,6
1914	117,4	114,0	400,5	86 6	200,6
1915	60,8	42,4	757,0	163,2	205,6
1916	206,9	108,2	978,2	218,5	326,4
1917	133,6	52,7	705 5	216	268,7
1914—1917	518,7	317,3	2844,2	684,3	1001,3
1913—1917	675,0	473,6	3149,4	753,7	1226,9

* *С Г Струмилин* К проблеме капитала в СССР — «Плановое хозяйство», 1925 № 4 стр 99 *он же* Очерки советской экономики стр 100 Внутреннее производство дается по подсчетам Н Я Воробьева в границах СССР На подсчетах производства во время войны не могли не отразиться эвакуация промышленности и тот факт что в прифронтовых районах производство сократилось

За 1914—1917 гг. в промышленность поступило нового оборудования на сумму около 1 млрд. руб., причем соотношение между внутренним производством и заграничным коренным образом изменилось в пользу первого. Конечно, выделение промышленного оборудования из всей массы продукции машиностроения может быть произведено только приблизительно, но все же тенденция в пользу внутреннего производства несомненна С Г. Струмилин

предполагает, что только часть промышленного оборудования пошла на новые вложения (565 млн. руб.), а значительная часть (450 млн руб.) — на восстановление износа и затрат. Кроме того, он допускает, и это справедливо, что снабжение машинами было больше, чем фактическое потребление, поскольку ко времени Великой Октябрьской социалистической революции в портах и на машиностроительных заводах было накоплено неиспользованного машинного оборудования минимум на 200 млн. руб. (по ценам 1913 г.) [52]

С. Г. Струмилин опровергает мнение некоего Штерна о том, что за время войны на оборудование нашей промышленности было вложено новых капиталов максимально 500 млн. руб. Он подсчитал прирост оборудования за 5 лет в сумме 1227 млн. руб., но и эту сумму считает преуменьшенной. По нашему мнению, это относится прежде всего к недооценке количества закупленного заграничного оборудования. Не все прибывшее оборудование получило производительное потребление. Исчисление итогов снабжения страны машинами было произведено по заводским ценам или по ценам таможни, которые являлись «несомненно преуменьшенными», говорит С. Г. Струмилин. И тем не менее эти итоги были на 23% выше, чем затраты на оборудование [53]. По-видимому, в конце войны в стране образовался значительный резерв машинного оборудования.

Косвенным подтверждением роста машинного оборудования промышленности в стране являются данные о затратах на расширение производства казенных заводов, проведенных правительством в основном за 1915 г. Они показывают, что огромный рост военного производства был достигнут на основе значительных новых капиталовложений, из которых не меньше половины были затрачены на усиление машинного оборудования. Впрочем, рост машинного оборудования казенных заводов совершался прежде всего за счет импорта.

Подтверждением машинизации промышленности за счет внутреннего производства являются данные о росте производства русского машиностроения за годы войны (см. табл. 16).

Данные указывают на колоссальный рост производства заводов машиностроения, увеличивших в 1916 г. по сравнению с 1913 г. стоимость продукции в 4,5 раза; с другой стороны, продукция росла, главным образом, за счет предметов обороны — их изготовление увеличилось в 1916 г. почти в 15 раз сравнительно с довоенным уровнем. Доля производства машин для необоронных предприятий значительно сократилась: в 1913 г. она занимала $^3/_4$ всей продукции этой группы, а в 1916 г. — лишь $^1/_5$. Если в приведенных

[52] *С. Г. Струмилин.* Очерки советской экономики, стр. 104. Мне кажется, что исчисленная С. Г. Струмилиным кривая заграничного оборудования несколько преуменьшена. По данным Особого совещания по обороне, заказ на заграничные станки и инструменты на один год (по 1 июля 1917 г.) определялся в сумме 142,9 млн. руб., а заказ на металл — в 289 млн. руб. (ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 70, лл. 129—132).

[53] *С. Г. Струмилин.* Очерки советской экономики, стр. 104.

Таблица 16

Движение продукции машиностроения по 123 непрерывно действовавшим предприятиям (в ценах 1913 г), в млн руб [1]

	1913 г		1914 г		1915 г		1916 г		1917 г	
	млн руб	%	млн руб	%	млн руб	%	млн руб	%	млн руб	%
Общая выработка	200,2	—	279 6	—	709 9	—	951,6	—	357 2	—
в том числе										
для обороны	52,5	26 3	105,8	37,8	489,8	69 0	747,4	78,3	497 2	75 8
для частного рынка	147,7	73,7	173 8	62,2	220 1	31,0	207 2	21,7	160 0	24,4

[1] *Н Я Воробьев* Указ соч стр 127—128

выше данных сделать поправку и вычесть продукцию предприятии, изготовлявших оружие, цифры роста продукции машиностроительной промышленности значительно сократятся Так, 32 предприятия, изготовлявшие специальные машины для промышленности, значительно увеличили производство только в 1916 г, 8 арматурных заводов до 1916 г держались на довоенном уровне Электрические производства и предприятия, изготовлявшие подвижной состав, в первый же год войны значительно увеличили продукцию, а в 1916 г она более чем удвоилась, а по электрическим предприятиям даже учетверилась Материалы промышленной переписи 1918 г указывают на рост производства машин с 42,6 млн руб в 1913 г до 52,8 млн руб в 1916 г Но увеличение производства произошло именно в 1916 г [54]

Все же, несмотря на огромное значение роста внутреннего производства машин, для военных отраслей хозяйства большую роль играл импорт машинного оборудования из за границы, увеличивающийся с каждым годом Только в 1916 г было привезено из-за границы около 20 тыс станков Распределение привоза машин по странам видно из следующих данных [55]

Страны	1915 г (млн руб)	1916 г (млн руб)
США	16,5	99,8
Англия	17,2	31,3
Швеция	9,2	25,2
Франция	1,5	8,6
Всего	44,4	164,9

[54] «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг», стр 41
[55] «Русское машиностроение и война» — «Промышленность и торговля», 1917, № 16—17, стр 311

Главную роль в снабжении станками России играла Америка, а потом Англия Из указанных четырех стран привезено машин за 2 года более чем на 200 млн руб А всего за 1914—1917 гг ввезено из-за границы промышленного оборудования на 518,7 млн руб (с пошлинои — *А С*), что в переводе на цены 1913 г дает 317,8 млн руб

Некоторые сведения о росте оборудования нашей промышленности сообщены Н Н Саввиным на II съезде военно-промышленных комитетов, который происходил в феврале 1916 г, т е еще в начале военно-промышленной мобилизации тыла Уже к тому времени один из крупнейших заводов израсходовал за время войны на усиление оборудования 17 млн руб Он приобрел 1560 станков, 15 прессов и расширил ряд цехов Другой завод на Урале затратил на оборудование 14 млн руб, приобрел свыше 2 тыс станков, 7 прессовых агрегатов Кроме этих гигантов, 39 других заводов приобрели 7132 станка [56]

Остальные заводы, помимо указанных выше, — крупные, средние и мелкие, частные и общественные — истратили на оборудование около 165 млн руб Стоимость оборудования частных заводов, занятых во время войны работой на оборону по металлу, удвоилась с 300 млн до 600 млн руб И это еще в начале 1916 г Вследствие указанных причин производительность отдельных частных заводов выросла в десятки раз Те из них, продукция которых измерялась сотнями тысяч, стали производить до десятков миллионов рублей, а два крупных завода, в мирное время производившие на 40 млн руб, должны были в 1916 г увеличить продукцию до 200 млн руб.[57]

Расширение казенных заводов, которое происходило еще более быстрыми темпами, дополняет картину развертывания основных фондов частной промышленности. Конечно, эта «индустриализация» проводилась капиталистами с целью увеличения личной наживы и усиления производства орудий истребления и разрушения Но она показывает, каким бурным темпом развертывалось производство, как усиливалась производственно-техническая база отдельных отраслей После приведенных ранее цифр едва ли покажется неожиданным тот факт, что к августу 1916 г по сравнению с 1 января 1915 г производство удушливых газов выросло в 69 раз, 3-дюймовых снарядов — в 19,7 раза, 48-линейных снарядов — в 9 раз, 42-линейных снарядов — в 7,5 раза, 3-дюймовых орудий — в 8,8 раза, починка орудий — в 13,2 раза, производство винтовок — в 4 раза и т д [58]

Приведенные материалы не должны создать ложную картину, будто снабжение промышленности станками и машинами повсюду значительно улучшилось Сельскохозяйственное машиностроение сократилось в 2, а потом (1917 г) и в 3 раза. Каменноугольная и

[56] «Труды Второго съезда представителей военно промышленных комитетов», вып 2 Пг, 1916, стр 435
[57] Там же, стр 436—437
[58] *М Сиринов* Знаменательное выступление — «Известия Центрального военно-промышленного комитета», № 167, 8 ноября 1916 г

нефтяная отрасли промышленности испытывали серьезнейшие недостатки машин и оборудования.

Вновь покупаемые станки и машины шли для усиления производительности артиллерийских, оружейных, химических заводов, предприятий по изготовлению взрывчатых веществ, отчасти электротехнических моторных (авиационных) и автомобильных сборочных и ремонтных мастерских Заказанное оборудование для пяти автомобильных заводов так и не было поставлено Много оборудования прибыло некомплектно, многое оставалось лежать в Архангельске, Владивостоке и т д Ряд предприятий растерял свое оборудование во время беспорядочной эвакуации или не вывез его совсем, и оно осталось на территории, занятой неприятелем

Удельный вес военной промышленности

По подсчетам Н Я Воробьева, размеры военной (в переписи 1918 г называется «оборонной») промышленности оцениваются явно преуменьшенно По его мнению, «государственная оборона» составляла по отношению к общей величине промышленной продукции учтенных предприятии следующую величину [59].

Год	В млн довоенных руб	%	Год	В млн довоенных руб	%
1913	83,2	4,56	1916	523,2	24,78
1914	122,4	6,53	1917	440,3	28,44
1915	385,6	17,68			

Если взять для сравнения 1916 г., то приведенная цифра 24,78% явно преуменьшена, хотя и дает увеличение по сравнению с 1913 г. в 5 раз; такое соотношение не соответствует ни доле рабочих, занятых в военном производстве, ни ценности продукции военной промышленности. В данном случае Н Я. Воробьев причисляет к «государственной обороне» только снаряды, оружие и другие предметы разрушения, а все остальные предметы, которые могли употребляться для мирного обихода, им исключены С такой методикой классификации материала нельзя согласиться Получается довольно странная картина· пушка — предмет обороны, а металл и уголь, которые употреблены при ее изготовлении,— предметы мирного потребления Кроме неправильной методики подсчетов на выводы автора оказал влияние и односторонний характер материала переписи, не охватившей крупнейшие индустриальные районы — Урал и Донбасс Все вместе взятое привело автора к неправильным исчислениям, которые находятся в самом разительном противоречии со всем, что мы знаем о военной экономике России, и с результатами переписи 1918 г

[59] «Фабрично заводская промышленность в период 1913—1918 гг», стр 41

Все же материалы переписи дают возможность сделать чрезвычайно ценные заключения об участии промышленности в выполнении военных заказов Из 2290 предприятий с количеством рабочих 772 тыс человек[60] только 490 предприятий со 108,8 тыс. рабочих не работали на войну и не имели военных заказов. Их удельный вес в общей промышленной продукции 2290 предприятий в 1913 г равнялся лишь 9,5%, а в 1916 г снизился до 6%

Из 1800 предприятий, работавших на войну, наибольшая группа в 1196 предприятий до войны выпускала «мирную» продукцию — ткани и предметы питания Перед войной она давала почти $^2/_3$ всей годовой выработки (61%) продукции 2290 предприятий. В 1916 г, несмотря на военные заказы, ее удельный вес резко снизился — почти до $^1/_3$ продукции (36,6%) Не только в относительных величинах, но и в абсолютных размерах продукция этих предприятий сократилась с 1118,4 млн руб до 959,6 млн руб, или на 15%

Вторую группу составляли 604 предприятия, изготовлявшие предметы вооружения и снаряжения до войны, очевидно, в подавляющей массе они также были заняты невоенными заказами Среди них было только небольшое ядро чисто военных предприятий Но во время войны все эти машиностроительные и металлообрабатывающие предприятия перестроились на военный лад Их военная продукция к 1916 г утроилась, увеличившись с 537 млн руб до 1513 млн руб Вырос и удельный вес всей этой группы предприятий с 29,3% до 57,4%, т е почти вдвое Предприятия, рассмотренные нами, доставляли около $^1/_4$ довоенной и $^1/_3$ военной продукции имперской промышленности

Еще один вывод можно сделать из материалов переписи 1918 г Огромная масса рабочих, работавших на оборону, была сосредоточена на крупнейших предприятиях По материалам переписи, охватившей 33 губернии с количеством рабочих свыше 1044 тыс человек, только ничтожная доля рабочих (6,88%) была на мелких предприятиях, около $^1/_4$ рабочих (27,89%) — на средних и крупных (до 1000 человек) и $^2/_3$ рабочих (65,25%) — на крупнейших предприятиях (свыше 1000 человек), в том числе около 30% — на немногих предприятиях-гигантах (свыше 5000 человек).

Более детальную картину можно составить по данным Особого совещания по обороне К сожалению, мы очень мало знаем о том, как производились анкетные обследования Особым совещанием, насколько они были полны и исчерпывающи Но так как Особое совещание собрало данные за 1916 г и начало 1917 г и эти данные охватывают все заводские совещания с количеством рабочих свыше 2 млн человек (почти 75% общего количества рабочих), то, несмотря на возможные крупные недостатки этих обследований, они все же представляют первоклассный интерес, особенно для историка

На основе ответов на запросы Особого совещания по обороне, данных в конце 1916 г, видно, что около $^3/_4$ всех рабочих было за-

[60] Все расчеты сделаны на основе таблиц, опубликованных Н Я Воробьевым в «Вестнике статистики» (кн XIV, стр 124—126, табл 6 и 7)

нято исключительно работой на войну Сведения относятся к 4561 предприятию, на которых было занято 2234 тыс рабочих, из них 1637 (73,3%) работали исключительно на оборону Процент участия в работе на оборону был неодинаков по различным районам Наименьший процент рабочих, занятых в производстве исключительно на оборону, был в районе Ростовского заводского совещания (51,3), потом идут Харьковский район и обе столицы — около 70% рабочих В районах Нижегородского, Екатеринославского и Уральского заводских совещаний он колеблется от 80 до 90%, а в Ревельском районе даже до 93% [61]

По материалам анкетного обследования Особого совещания по обороне имеется возможность сравнить ценность месячной продукции на оборону и на частный рынок Данные анкетного обследования охватывают 3486 предприятий, на которых было занято не менее $^2/_3$ рабочих всей промышленности — 1671 тыс человек Ежемесячная стоимость продукции этих предприятий — 704,5 млн руб, из них 205 млн руб — на частный рынок, а остальные — на казну и общественные организации, занятые доставкой также на военное ведомство [62] На долю военного ведомства и правительственных учреждений приходилось 56% месячной продукции, на общественные организации — около 15% и на частный рынок —29%

Интересны сведения о распределении военной продукции и производства на частный рынок за годы войны в отдельных отраслях производства [63]

	Всего произведено	В том числе на частный рынок
	(млн руб)	
Текстильная промышленность	200,7	123,0
Бумажное производство	10,0	6,1
Механическая обработка дерева	12,8	1,5
Обработка металлов, производство машин, аппаратов и инструментов	186,4	4,8
Обработка животных продуктов	37,3	5,8
Обработка минеральных веществ	14,4	около 3
Обработка пищевых и вкусовых веществ	123,6	27,3
Химическое производство	71,3	32,5
Металлургическая промышленность	7,2	0,1
Электротехническая »	8,5	0,03

Из этих данных следует, что в наибольшей мере поставляли продукцию на нужды войны машиностроение, электротехника, металлургия, пищевая промышленность.

[61] «Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах)» М 1925, стр 70
[62] Там же, стр 71
[63] Там же

Изложенные выше сведения находят подтверждение в ряде неопубликованных данных, а также в материалах, характеризующих отдельные отрасли промышленности Так, в материалах к программе снабжения армии на 1916 — 1917 гг был составлен расчет об участии рабочих в работе на оборону по отдельным отраслям промышленности[64]. Данные составлены на конец 1915 г и предназначались для того, чтобы показать союзникам, насколько интенсивно используется промышленность для нужд армии, — отсюда, возможно, известное преувеличение в расчетах

Из этих данных следовало, что 72% рабочих (1,8 млн человек из 2,5 млн человек) уже работали на войну Наиболее полно к работам на войну были привлечены металлообрабатывающая промышленность (92%), металлургия (89%), горная (84%), текстильная промышленность (77%), а затем следовали химия (53%) и прочие отрасли (39%)

Кузницей вооружения армии был Петроград с его мощной машиностроительной промышленностью Здесь было сосредоточено производство артиллерии, снарядов, боеприпасов В обработке металла и химии было занято 200 тыс человек из 300 тыс В конце 1916 г Особое совещание по обороне произвело обследование 233 предприятий Петрограда и его окрестностей[65] Его интересовала проблема топлива Но обследователи собрали ценнейший материал вообще по вопросу о работе этих предприятий на армию По 146 обследованным предприятиям, на которых было занято 156,7 тыс рабочих, или 62,7% от общего их числа на всех 233 предприятиях, удалось установить данные о военных заказах Их общая сумма превысила более 1023 млн руб, из них подавляющее большинство приходилось на 106 предприятий по обработке металлов (934,6 млн руб) [66], а на остальные 40 предприятий приходилось 88 млн руб

Таковы некоторые данные, свидетельствующие об удельном весе военной продукции в 1914 — 1917 гг Очевидно, правильно будет сказать так. $^2/_3$ всей продукции шло непосредственно на войну и $^1/_3$ — на частный рынок По отдельным отраслям это соотношение колебалось, но в сторону увеличения военной продукции

Кризис металлургии

До мировой войны в России производилось незначительное количество металла На протяжении целого десятилетия (1900—1909 гг) производство металла (чугуна) в России держалось в среднем на уров-

[64] ЦГВИА, ф 369, оп 3, д 70, л 147

[65] Там же, оп 1, д 156, лл 48—54 Доклад о результатах обследования 233 заводских предприятий в Петрограде и его окрестностях В число обследованных предприятий вошли все заводы-гиганты, как частные, так и казенные, и 119 мелких предприятий Обследованные предприятия получали 76,6% всего декабрьского наряда на топливо для Петроградского района и Финляндии и свыше 80% топлива для Петрограда и его окрестностей На обследованных предприятиях работало 205,4 тыс рабочих

[66] Петроградские заводчики на каждого рабочего в области обработки металлов имели военных заказов на 9 тыс руб, а во всех остальных отраслях промышленности — лишь по 2 тыс руб

не 176 млн. пуд. Только с 1909—1910 гг. увеличилась выплавка чугуна, стали и изделий из них. За пять лет — с 1909 по 1913 г. — производство готового металла в империи выросло со 163 млн. пуд. до 246, или на 51,3% [67].

Ведущая роль в производстве металла принадлежала Южному металлургическому району. Накануне мировой войны он давал почти $^3/_4$ чугуна (73,71%) и $^2/_3$ (63,12%) железа и стали. Удельный вес Урала составлял около $^1/_5$ как в производстве чугуна, так и железа и стали [68]. Юг и Урал — два основных металлургических района страны. Из остальных районов более важную роль играла Польша, производившая 9% чугуна и около 11% железа и стали. Четыре остальных района — Подмосковный, Приволжский, Прибалтийский и Северный — давали около 16% добычи.

В годы промышленного подъема производство металла не поспевало за спросом. С 1909 по 1913 г. цены на передельный чугун выросли на 42—43%, а на сортовой металл — от 12 до 21% [69]. Характеризуя конъюнктуру рынка, обозреватель «Народного хозяйства» указывал, что недостаток в металле ощущался почти во всех категориях продуктов. Рынок переживал острый кризис недостатка в металле, который являлся не только следствием общего промышленного подъема, расширения портостроительства и больших потребностей армии и флота, но и следствием политики монополистических объединений.

Чтобы удовлетворить наиболее острые потребности в металле и сбить цены, правительство разрешило льготный привоз металла из-за границы. За 1911 — 1913 гг. ввезено 11,6 млн. пуд., а на 1914 — 1915 гг. было намечено ввезти еще 20 млн. пуд.

Война предъявила огромный спрос на металл и открыла широкие перспективы для развития этой отрасли промышленности. Что же случилось на деле? Нижеследующая табл. 17 дает представление о развитии этой важнейшей отрасли народного хозяйства в военные годы.

Таким образом, количество действовавших домен в 1916 г. сократилось на 36 по сравнению с довоенным годом, за это же время число рабочих выросло на 40%, а производство продукции по чугуну сократилось на 18,2%, по железу и стали — на 17% и полупродуктам на 13%.

Падение добычи чугуна, железа и стали в 1914 г. незначительно и может быть объяснено первыми мобилизациями, повлекшими сокращение рабочей силы, и железнодорожными затруднениями мобилизационного периода.

[67] «Народное хозяйство в 1913 году», стр. 378—381. В эти расчеты не включена Польша.

[68] «Народное хозяйство в 1916 году», вып. III. Пг., 1926, стр. 13 и 14. Точнее, Урал давал чугуна 21,7% и 21% железа и стали. Наиболее мощные доменные печи были на Юге, каждая домна на Юге в 1913 г. давала 3782 пуд. чугуна в день, на Урале — 764 пуда, а в Подмосковном районе и того меньше («Народное хозяйство в 1915 году». Пг., 1918, стр. 289).

[69] «Народное хозяйство в 1913 году», стр. 366.

Таблица 17

*Данные о развитии металлургии и численности рабочих, занятых в ней, за 1913—1917 гг.**

Год	Число всех рабочих, тыс	Заводы		Действовавшие доменные печи	Чугун		Готовое железо и сталь		Железные и стальные полупродукты	
		всего	в том числе действовавшие		млн пуд.	в %	млн. пуд.	в %	млн. пуд.	в %
1913	299,8	255	165	151	282,96	100,0	246,55	100,0	300,20	100,0
1914	295,8	253	148	128	264,25	93,0	240,00	97	294,10	98,0
1915	343,9	223	139	120	225,30	79,0	199,43	80,9	251,39	83,6
1916	427,5	219	145	115	231,86	81,8	205,86	83,0	260,88	87,0
1917	452,4	219	146	121	190,55	—	155,59	—	—	—

* «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. 1, стр. 75—77. Данные за 1915—1917 гг. приведены без Польши, где в 1913 г. был 31 завод с 19 151 рабочим и с производством 25,6 млн. пуд. чугуна и 27 млн пуд. железа и стали.

В 1915 г. происходит новое падение добычи металла: страна получила металла на 20% меньше последнего довоенного года[70]. Это сокращение только отчасти может быть объяснено потерей Польши. Производство чугуна сократилось во всех районах империи как сравнительно с 1914 г., так и, особенно, по сравнению с довоенным. Юг дал чугуна меньше на 12%, Урал — на 10%, Подмосковный район — на 40% [71].

Падение добычи железа и стали происходит исключительно за счет Юга, который выработал их на 20 млн. пуд. меньше, чем в 1914 г., или почти на 20%. Все остальные районы остались на уровне довоенной добычи. В 1916 г. произошло незначительное увеличение (на 3%) производства чугуна и стали. Однако увеличение приходится главным образом за счет Юга (9 млн. пуд.), так как Урал дал сокращение на 4 млн. пуд. Еще более значительна роль Юга в приросте добычи железа и стали (10 млн. пуд.) [72]. Если сравнить удельный вес отдельных районов в производстве металла за 1913 и 1916 гг. (без учета Польши), то окажется, что удельный вес Юга поднялся в отношении чугуна с 74 до 76%, а в производстве полупродукта немного уменьшился. Удельный вес Урала и Прибалтийского района в производстве железа и стали несколько увеличился за счет значительного использования железного лома [73]. Вообще же уральские магнаты не проявили никакого стремления увеличить добычу металла, и она до 1916 г. оставалась стабильной, а по чугуну

[70] В «Народном хозяйстве в 1915 году» (стр. 291) сокращение добычи железа и стали, по сравнению с 1914 г., определяется в 16,9%, но производство 1914 г. было немного меньше довоенного.
[71] Там же, стр. 287.
[72] «Народное хозяйство в 1916 году», вып. III, стр. 13—14.
[73] Там же, стр. 14.

даже сократилась Из остальных районов лишь Прибалтийский, пользуясь близостью Петрограда, увеличил добычу на 10%

Если из довоенной добычи металла вычесть долю Польши, то за 2,5 года войны (1914—1916 гг) добыча остальных районов почти равняется довоенной Но эта почти довоенная добыча была куплена дорогой ценой общего увеличения количества рабочих в металлургии на 53%, в том числе на Юге — на 52%, в Московском районе — на 39% и в Северном — на 70% [74]

Характерен систематический рост числа рабочих во всех районах и такое же падение продукции Расстройство металлургической промышленности было особенно глубоким, и огромное увеличение числа рабочих не только не дало прироста продукции, но в ряде районов не спасло от сокращения Падение производительности труда в металлургии было еще более значительное, чем в угольной промышленности

Характерно, что правительство и буржуазия не сделали и попытки использовать огромные резервы для увеличения добычи металла Без Польши в России было 223 металлургических завода, из которых действовали лишь 145, а остальные 74 были закрыты Примерно $^1/_3$ заводов бездействовала Количество действовавших домен к 1916 г по сравнению с 1913 г уменьшилось на 25% Значительное количество бездействовавших домен было при закрытых заводах, но много было закрыто домен и на действовавших заводах

Сокращение добычи металла было вызвано главным образом падением производительности труда, расстроиством транспорта, недостатком руды, угля Первые семь месяцев 1915 г число рабочих в железной промышленности было меньше, чем осталось после первой мобилизации [76].

Вследствие мобилизации рабочих и отсутствия руды и топлива уже к 1 декабря 1914 г на Юге остановилось 13 печей На Днепровском заводе остановилась 6 декабря вторая печь с производительностью 18 тыс пуд чугуна в сутки Отсутствие вагонов для руды, угля и кокса «повело к сокращению общей выплавки чугуна на заводе приблизительно на 40% по сравнению с нормальной производительностью На 9 декабря 1914 г на складах завода имелось всего лишь около 80 тыс пуд кокса, т е приблизительно на 1,5 суток» [77] В марте 1915 г положение еще ухудшилось вместо 13 печей стояло уже 18 Часть работавших печей была занята не полностью, а только в размере 20—30% своей производительной способности В середине марта 1915 г ряд заводов Юга полностью или частично

[74] Расчеты сделаны на основе данных о количестве рабочих в «Статистическом сборнике за 1913—1917 гг», вып 1, стр 75—76 Эти данные в основном совпадают с данными, опубликованными в «Народном хозяйстве в 1916 году», вып VII, стр 88—91

[75] «Народное хозяйство в 1916 году», вып III, стр 16

[76] *В Бухштаб* Железный рынок (За декабрь месяц и весь 1915 г) — «Промышленность и торговля», 1916, № 10, стр 282

[77] *В Бухштаб* Война и железный рынок России — «Промышленность и торговля», 1915, № 7, стр 351

приостановил свое производство на неопределенное время из-за отсутствия необходимого сырья

Положение уральской промышленности было еще более тяжелым, чем южной «Наш богатейший Урал представляет собой какое-то царство недействующих, безжизненных заводов и фабрик в истекшем году там насчитывалось всего 122 доменные печи; из этого числа в действии находилось только 66, т е ровно половина Из остальной половины 13 печей находились в ремонте, 17 было вполне готовых, но не действовавших, и 26 домен приходилось целиком на бездействующие заводы» [78] Таково было положение через несколько месяцев после начала войны В 1915 г производство по чугуну сократилось на 20,4%, а готовых железа и стали — на 16,9% [79]

1915 год был единственно «тяжелым» для добычи металла По этому еще в начале года заводы выдавали его только тем потребителям, которые работали на оборону, по особым удостоверениям С организацией Особого совещания по обороне и заводских совещаний к ним перешел контроль над распределением металла, а с 17 декабря 1915 г — к уполномоченному по делам металлической промышленности, подчиненному председателю Особого совещания по обороне Частный спрос на металл сокращался, а государственный, в связи с ростом производства пушек и снарядов, увеличивался Казенные заказы на листовое железо уже к 1 апреля 1915 г «составляли 56% всего спроса на листовое железо, тогда как в те же месяцы предшествующего года они равнялись всего 27% Казенный спрос на балки и шевеллера поднялся с 15 до 38% общего спроса» [80] Надо иметь в виду, что эти данные относятся ко времени, когда еще не начиналось широкое движение за привлечение частной промышленности к работе на казну По данным бюро распределения металла, в 1915 г государственный спрос составлял 73,56%, а на частный рынок «в собственном смысле слова» приходилось около 20% [81]

Эти данные находят подтверждение как в опубликованных, так и в архивных данных По данным Центрального военно-промышленного комитета [82], распределение металла на 1916 г складывалось так военные ведомства — 80,9 млн пуд, путей сообщения — 95,6 млн пуд, промышленное потребление — 15,8 млн пуд и частный рынок —48 млн пуд Следовательно, на частный рынок оставалось не более 20% Однако в приведенном расчете не выделен металл Министерству земледелия, буржуазным общественным организациям и т д

Однако металла не хватало не только для частного рынка, оставались неудовлетворенными и военные потребности, а также по-

[78] «К вопросу о недостатке металлов» — «Горнозаводское дело», 1915, № 32—33, стр 11647

[79] «Народное хозяйство в 1915 году», стр 287 –291

[80] «Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны», стр 55

[81] *Г Мерцалов* Железный рынок — «Промышленность и торговля», 1917, № 12—13, стр 258

[82] «Народное хозяйство в 1916 году», вып 3, стр 24—25

требности промышленности, резко сократилось изготовление рельсов по причине невыгодности цен для промышленников

Военный спрос определял и новый характер необходимого металла Военному ведомству нужно было огромное количество снарядных заготовок, для чего требовалась цементная сталь Ее стало изготовляться в 10 раз больше, чем до войны Впоследствии научились делать снаряды из мягкой (осевой) стали В 3 раза сократилось изготовление сортов строительного железа Для нужд войны вырос спрос на проволоку.

Одна из важнейших причин сокращения добычи металла на Юге в 1915—1917 гг — недостаток топлива Месячная потребность металлургических заводов Юга в топливе достигала до 33 млн пуд, вместо которых они фактически получали в 1915 г 21 млн. пуд, а в 1916 г — 24 млн. пуд

В 1916 г выплавка металла несколько возросла, особенно на Юге (с 14 млн пуд в январе 1916 г до 16,5 млн пуд в октябре), но уже в ноябре производство сократилось до 14,9 млн пуд, а в декабре — до 14 млн пуд Другой причиной этого сокращения было «резкое падение подвоза железными дорогами минерального топлива, руды и других материалов на заводы при одновременном истощении запасов на заводах и сокращении вывоза с заводов готовых изделий» [83].

Летом вывоз топлива несколько улучшился, а потому, по предложению председателя Особого совещания по топливу, были пущены новые домны Однако осенью 1916 г вследствие расстройства транспорта подвоз топлива вновь сократился, была израсходована половина имевшихся на заводе запасов, а потом остановлено 10 работавших домен

По расчетам 41-го съезда горнопромышленников Юга России производительность металла в 1917 г должна была увеличиться до 18,35 млн пуд чугуна, 16,26 млн пуд полупроката и 13,13 млн пуд железа и стали в месяц Эта программа в значительной мере превосходила металлическую продукцию Юга в 1916 г Для ее выполнения требовалось получить больше на 14 млн пуд. в месяц топлива и руды Представители металлургических заводов, очевидно, считали эту программу невыполнимой, а потому полагали «более соответствующим указать предполагаемую среднюю цифру ежемесячной выплавки чугуна в первые месяцы 1917 г в 15 млн пуд» [84]. Между тем С. Н. Ванков определял потребность государственной обороны в металле в 200 млн пуд, для производства которых потребовалось перевезти 320 млн пуд руды, 100 млн пуд флюса, 280 млн пуд угля [85]

Следовательно, производство металла на 1917 г руководители

[83] «Труды XLI съезда горнопромышленников Юга России (24 ноября — 4 декабря 1916 г)», т 3 Стенографические отчеты Харьков, 1917, стр 52

[84] Там же

[85] *С Н Ванков* О состоянии нашей металлообрабатывающей промышленности к началу войны 1914 г и во время войны, стр 12

металлургических заводов Юга определяли в меньшем количестве, чем это было необходимо только для нужд военного хозяйства и государственной обороны

Свою полную неспособность удовлетворить потребности страны в металле признали горнопромышленники Юга, которые на своем 41-м съезде в ноябре-декабре 1916 г. с участием главноуполномоченного по снабжению металлами признали необходимым «выписывать из-за границы . не менее 6—7 млн пудов ежемесячно черного металла в виде чугуна, болванок, также готового железа и стали наиболее простых профилей, рельсов, катаной проволоки, балок и т. п.» [86]. Страна, поставившая под ружье 15 млн человек, не могла дальше воевать, рассчитывая на ввоз металла в размере 50% национального производства

В какой мере производство металла удовлетворяло имеющуюся в нем потребность?

Начиная с 1915 г. около $^1/_5$ производства поступало в распоряжение частной промышленности или на вольный рынок В 1916 г частный рынок остался «почти совсем без железа» и получал его по спекулятивным ценам, которые доходили до 20 руб. за пуд.

В августе 1916 г выяснилось, что производимого металла не хватает для удовлетворения военных потребностей. Ежемесячно в распределение поступало 15,5 млн пуд железа и стали, а потребности исчислялись в 18,5 млн. пуд [87] А. З. Мышлаевский — главноуполномоченный по металлам — определял потребность в 26 млн пуд в месяц при производительности заводов в 21 млн пуд Распределено же было только 17,3 млн. пуд. Все заявки ведомств были урезаны на 21,33% [88] В сентябре А З Мышлаевский заявил в Особом совещании по обороне «Несомненно, что удовлетворить потребности всех ведомств полностью не представляется возможным», и призвал экономно расходовать имеющийся металл Начиная с этого времени вопрос о металле не сходил уже с повестки дня Особого совещания по обороне, но рассматривался он исключительно в плоскости распределения металла, который поставляли заводчики.

В начале октября А. И Гучков поставил вопрос о повышении производительности металлургических заводов, но одновременно заявил, что «во всяком случае без крупного заграничного заказа мы не будем в состоянии выйти из надвигающегося кризиса» [89]. Конкретных мер к увеличению производительности заводов намечено не было

В ноябре снабжение металлом стало еще более неудовлетворительным Потребность в металле возрастала, производство оставалось неизменным, дефицит увеличился, приходилось ограничивать потребление В распределение поступало 16—16,5 млн пуд металла в месяц, «между тем заявленные на октябрь потребности составляли

[86] «Народное хозяйство в 1916 году», вып III стр 27
[87] *Г Мерцалов* Указ соч, стр 258
[88] ЦГВИА, ф 369, оп 15, д 2, лл 424—427
[89] Там же, оп 1, д 181 ЖОСО, № 111, 8 октября 1916 г.

21,5 млн пудов»[90], кроме неучтенной потребности, определявшейся в 4,5 млн пуд в месяц

При более полном учете потребностей фронта, ведомств и частично населения «дефицит достигнет 50%, то есть составит 8 млн пудов металла в месяц» Покрытие этого дефицита было возможно только за счет заграничного заказа «Содоклад» представителя Центрального военно-промышленного комитета А И Коновалова подтвердил вышеприведенные цифры Правительство пробавлялось пока мелкими закупками металла за границеи, но дальнейшее ухудшение производства металлов и расстройство транспорта заставили Наблюдательную комиссию Особого совещания по обороне принять более решительную резолюцию Комиссия подтвердила, что «количество металлов, поступавших за последние месяцы в распоряжение главного уполномоченного, является совершенно недостаточным для потребностеи обороны государства»

После этого Совещание приняло постановление об отпуске Министерством финансов 100 млн иен для закупки металла в Японии и 240 млн руб «для заказов черных металлов за границей» Однако одно дело — принять постановление, а другое — получить деньги и купить металл Те миллионы иен, которые Особое совещание по обороне просило у министра финансов были еще в распоряжении японских банкиров, а они до Февральскои революции не дали России займа

Таким образом, огромные потребности в металле не удалось удовлетворить, несмотря на всемерное сокращение потребностеи промышленности, горного и нефтяного дела, сельского хозяиства и сельскохозяйственного машиностроения Даже сама металлургия в результате условий военного времени оказалась на грани истощения

Однако вследствие огромного превышения предложения над спросом и неоднократного повышения твердых цен на металл, устанавливаемых Комитетом по делам металлургической промышленности, прибыли промышленников не сокращались Финансовое положение заводов было чрезвычаино крепкое, производились огромные отчисления в запасные капиталы, росли дивиденды 7 крупнеиших металлургических предприятий Юга с капиталом в 93,6 млн руб в 1916 г. давали отчисления в запасные капиталы до 23,6 млн руб , увеличив их, по сравнению с 1913 г , на 66,2% Чистых дивидендов было распре-

[90] ЦГВИА ф 369 оп 1 д 181, ЖОСО, № 118 2 ноября 1916 г На 1917 г месячная потребность явно преувеличенная была исчислена в 37 6 млн пуд черного металла 50% этого количества претендовало получить военное ведомство, около 10% — Морское министерство, около 22% — Министерство путеи сообщения, около 4% — горная и нефтяная промышленность и т д Шире всех размахнулось Главное артиллерийское управление, дав заявку на 11,12 млн пуд металла в месяц, или на 1/3 Общая заявка почти в 2 раза превосходила то количество металла, которое распределялось в конце 1916 г Разумеется никаким привозом из за границы нельзя было покрыть разрыв между производственной способностью и предполагаемой потребностью (ЦГВИА, ф 369 оп 3 д 181)

делено 14 567 тыс руб, что составляло 15,3% на капитал Эти две статьи (дивиденд и отчисления в капитал), помимо тантьем и других не столь ясных отчислений, составили 38,2 млн руб, или 40% на капитал Запасные капиталы только у шести предприятий составляли огромную сумму — 72 5 млн руб, т е догоняли основные Другие предприятия выдавали более скромный дивиденд, но зато они (4 предприятия) увеличили отчисления в капиталы компаний с 4 млн руб (1913 г) до 18 млн руб (1916 г), т е в 4,4 раза

Уральские железоделательные предприятия в массе давали более скромные дивиденды, чем южные, но отчисления четырех обществ в запасные капиталы увеличились в 3 с лишним раза — с 2,7 млн руб до 8,8 млн руб Запасные и амортизационные капиталы Богословского общества поднялись с 7438 млн руб в 1913 г до 18 321 млн руб (1916 г) [91]

Недостаток металла только непосредственно для целей «обороны» уже в 1916 г стал подрывать широко развившуюся военную промышленность Правительство «планировало» разрешить запутавшуюся проблему не путем увеличения производства металла, а путем закупки металла за границей В первый период войны Англия финансировала только покупку предметов вооружения и тех сортов металла, которые не изготовляла русская промышленность, а с конца 1916 г должна была закупать и доставлять металлическое сырье в количестве 7 млн пуд каждый месяц

Буржуазно-помещичье регулирование довело металлургию при росте рабочих на 50% по сравнению с довоенным уровнем к огромному снижению производительности труда и валовой добычи металла, причем не только тыл, но и военные потребности страны не были удовлетворены

Текстильная промышленность

Почти все отрасли текстильной промышленности России (за исключением льняной) до войны в значительной мере использовали для своего производства заграничное сырье Овцеводство и шелководство России не обеспечивали соответствующие отрасли промышленности, почти половина всего количества хлопка ввозилась из-за границы Особенно большую роль играли американский и египетский сорта хлопка, цены на которые определяли состояние хлопкового рынка России Несмотря на прошедшие 40 лет со времени завоевания Средней Азии, русское правительство и буржуазия не смогли развить в Туркестане культуру хлопка настолько, чтобы обеспечить хлопчатобумажную промышленность отечественным сырьем Правда, сделано было немало, и русская буржуазия реально чувствовала сырьевое значение своей среднеазиатской колонии Однако ежегодно за грани-

[91] Данные о доходности см «Народное хозяйство в 1916 году», вып III стр 36–39

цу уплывало свыше 100 млн руб золотом, чтобы обеспечить хлопчатобумажную, шерстяную и шелковую отрасли промышленности сырьем

Общее потребление хлопка в России колебалось перед войной в пределах 24—27 млн. пуд в год, из них русского производства — 13—14,2 млн пуд, а привозного — 11—13,5 млн пуд [92] Принимая во внимание ввоз пряжи, колебавшийся перед войной между 13,2 млн руб (1911 г) и 9,8 млн руб (1913 г), без большой ошибки можно сказать, что хлопчатобумажная промышленность лишь наполовину обеспечивалась отечественным сырьем, поэтому после объявления войны возможность получить иностранное сырье волновала промышленников и торговцев хлопком

Текстильная промышленность еще задолго до войны была тесно связана с внутренним рынком Вывоз за границу (на Ближний Восток) после англо-русского соглашения значительно вырос и достиг максимального в 1913 г. (на сумму 43,9 млн руб, вместе с пряжей — 45,2 млн руб) Но все же решающее влияние на рост производства имела внутренняя конъюнктура — положение сельского хозяйства и спрос 160-миллионного населения страны

В текстильной промышленности главным образом был аккумулирован капитал русской буржуазии Не только в области производства, но и сбыта текстильных товаров появлялись новые миллионеры из среды «именитого купечества» Москвы, Центрального района и Польши

В царской России были два района преимущественного развития текстильной промышленности Московский район — сама Москва с окрестностями (Орехово-Зуево, Иваново, Владимир, Кострома) и Польский район — Лодзь, Белосток Особенно сильно сказывалась конкуренция польских промышленников с Центральным районом в области шерстяных изделий. Лодзинская продукция часто побеждала конкурентов своей дешевизной, хотя качество ее было не особенно высоко Из 8,95 млн веретен на долю Польши, главным образом Лодзинского района, приходилось около 0,5 млн. веретен

Роль и значение текстильной промышленности в капиталистическом производстве России было чрезвычайно велико Достаточно сказать, что уже в 1914 г, после потери части Польши, сокращения предприятий и рабочих основные группы производства текстильной промышленности насчитывали 11,5% всех предприятий, подчиненных фабричной инспекции, и 37,3% всего количества рабочих Толь-

[92] «Народное хозяйство в 1914 году», стр 137 Приведем данные о посевах и сборе хлопка за 1913—1917 гг (см «Народное хозяйство в 1916 г», вып VII, стр 52—53)

	1913 г	1914 г	1915 г	1916 г	1917 г
Посев хлопка, тыс дес	639,4	732,1	784,9	797,6	478,5
Сбор хлопка, млн пуд	14,35	17,3	19,9	16,2	8,6

ко на предприятиях по обработке хлопка была занята четверть всех рабочих (24,8%) [93] русской промышленности (485,6 тыс. человек).

Рассмотрим данные о развитии текстильной промышленности в 1913—1914 гг [94]

	1913 г	1914 г
Обработка хлопка		
число предприятий	834	616
количество рабочих, тыс	566,1	485 6
Обработка шерсти		
число предприятий	1210	375
количество рабочих, тыс	166,6	93,9
Обработка шелка		
число предприятий	175	162
количество рабочих, тыс	34,7	31,3
Обработка пеньки и джута		
число предприятий	256	139
количество рабочих, тыс	104,5	96,9
Смешанное производство по обработке волокнистых веществ		
число предприятий	451	204
количество рабочих, тыс	46,3	29,1

Эти данные указывают, что перед войной текстильные предприятия и рабочие занимали гораздо бо ьшии удельный вес в промышленности, чем в первый год воины За одно лишь полугодие 1914 г. и до потери Польши количество предприятий сократилось на 1330 — с 2926 до 1596, а количество рабочих — на 181,4 тыс человек — с 918,2 тыс до 736,8 тыс человек Несомненно, это сокращение было очень большим и лишь отчасти могло быть отнесено за счет потери Польши [95].

Во время войны появились новые факторы, которые действовали в сторону сокращения производства и привели к прекращению работы на многих предприятиях. На обследованных в 1914 г 609 текстильных предприятиях производство сократилось на 18,1%, причем $^4/_5$ этого сокращения объяснялось недостатком хлопка (81%) [96]

[93] Исчисление сделано на основе «Свода отчетов фабричных инспекторов за 1914 г» (Пг, 1915, стр XXI) Из расчета исключены данные о Варшавском округе, в котором в начале 1914 г насчитывалось 4189 предприятий и 353,5 тыс рабочих, из которых добрая половина приходилась на текстильщиков

[94] «Статистическии сборник за 1913—1917 гг», вып 1, стр, 36—37 Данные сходны с данными «Народного хозяйства в 1916 году» (вып VII, стр 128—129)

[95] По данным «Статистического ежегодника на 1914 г» (под ред В И Шарого, стр 210), в 10 губерниях Польши в 1912 г насчитывалось 1118 текстильных предприятий со 157,3 тыс рабочих Если все эти данные исключить из подсчета 1913 г, они все равно не объяснят всего сокращения предприятий и рабочих

[96] «Народное хозяйство в 1914 году», стр 138

Деятельность шелковых фабрик из-за недостатка сырья сократилась на 40—50% [97]

Главная причина нехватки хлопка заключалась даже не в сокращении привоза иностранного хлопка, а в спекулятивной деятельности банков и хлопкоторговых фирм [98], которые за один год войны подняли цены на хлопок в 2 раза — с 16 руб 66 коп за пуд (июль 1914 г) до 32—32 руб 50 коп к июню 1915 г [99], хотя к этому времени цены на хлопок на мировом рынке вернулись к нормальному уровню 1914 г

Несмотря на значительное сокращение покупок заграничного хлопка, общее количество хлопка в стране до 1917 г было довольно велико и обеспечивало работу текстильной промышленности в размерах не меньше довоенных, а учитывая потерю польской промышленности, Петроградский и Московский районы могли работать даже с бо́льшим напряжением.

Вот данные о поступлении хлопка [100]

	Общее количество млн пуд	В том числе заграничного	отечественного
1912/13 г	23,94	10,84	13,1
1913/14 г	27,73	13,53	14,2
1914/15 г	24,5	7,3	17,2
1915/16 г	28,16	6,24	21,92
1916/17 г	20,25	3,25	17,0

Поступление заграничного хлопка в 1916 г сократилось более чем в 2 раза, но это не создало никакой катастрофы, так как поступления русского хлопка, благодаря расширению посевов и прекрасному урожаю 1915 г, достигли рекордного количества — 22 млн пуд, т е почти столько же, сколько вообще было переработано в 1912—1913 гг

[97] «Народное хозяйство в 1914 году» стр 164

[98] Торговля хлопком была сосредоточена в руках 38 фирм, которые, в свою очередь, находились в зависимости от 7 банков Центром спекуляции была Москва, но она постепенно захватила всю провинцию Специальная пресса того времени переполнена материалом об огромном росте спекуляции Орган московских текстильных фабрикантов не мог, конечно, говорить всю правду, тем не менее и он отмечал « Та бешеная пляска цен на хлопчатобумажные изделия, всю тяжесть которой испытывает на себе частный потребитель отнюдь не равнозначаща и не исчерпывается скромным понятием неизбежного, в силу общих условий повышения цен на эту категорию товаров в безудержное взвинчивание цен привходит некоторый, и весьма значительный плюс от причин чисто спекулятивного порядка» Однако тот же орган выступал против всяких мер воздействия на мануфактурные предприятия в сторону понижения цен Он находил эти меры «совершенно несвоевременными и бесцельными» и предлагал начать борьбу не с промышленниками а с хлопковыми спекулянтами («Повышение цен на мануфактуру» — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района» 1915, № 5 стр 22 1916, № 7, стр 19—20)

[99] «Народное хозяйство в 1915 году», стр 143

[100] «Народное хозяйство в 1916 году», вып I Пг, 1920, стр 34

Шерстяная промышленность в отношении получения сырья оказалась в более тяжелом положении Привоз иностранной шерсти сократился в 1915 г до $^1/_3$ довоенного уровня, а в 1916 г — до 16%. Предприятия работали почти исключительно на русском сырье, обслуживая армию Несмотря на потерю Лодзи и Белостока, где была сосредоточена почти половина шерстяной промышленности, сырья не хватало На шерсть были объявлены предельные цены, и вся она направлялась только на нужды армии Недостаток выработки шерстяных тканей правительство заменяло импортом готовых тканей, который вырос в 3,5 раза

В связи с объявлением войны хлопчатобумажная промышленность некоторое время переживала временное сокращение производства, которое было вызвано разными причинами Например, в первые недели войны «все текстильные фабрики» сократили производство на 50—60% не только по причинам недостатка рабочих рук, топлива, суровых тканей, красок и москателя, но и в «целях воздействия на укрепление рыночных цен» [101], т е фабрики шли на это совершенно сознательно Большинство фабрик Москвы и Иваново-Вознесенска стали работать только три дня в неделю

В официальном издании Министерства финансов признается сокращение производства мануфактурной промышленности на 25—30% и указывается на полное прекращение производства в Лодзинском районе [102].

О сокращении производства текстильных фабрик докладывал в начале августа старший фабричный инспектор по Петербургской губернии Он указывал на невозможность фабрикантам отправить готовые товары заказчикам и на недостаток хлопка «Многие фабрики по обработке хлопка вынуждены временно приостановить свое действие или значительно сократить производство» [103]

Владимирский губернатор сообщал министру торговли и промышленности об остановке предприятий или сокращении производства на многих фабриках «благодаря прекращению подвоза пряжи и хлопка» Он же говорил о предполагаемой в ближайшее время приостановке или сокращении производства на 26 предприятиях с 53 673 рабочими [104]

Текстильные предприятия других районов к концу августа также сократили производство В Центральном районе оно достигло 25%, а в Прибалтийском — 30% [105] Нижегородская ярмарка 1914 г прошла у крупнейших текстильных фирм с недовыручкой в 30—40% и еще больше у фирм второстепенных по сравнению с ярмаркой прошлого года, хотя понижения цен не было По другим данным, обо-

[101] «Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны», стр 61
[102] Там же, стр 59
[103] ЦГИА СССР, ф 23, оп 16, д 378, л 1
[104] Там же, л 6
[105] «Хлопковый рынок» — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района» 1914, № 9, стр 13 «Народное хозяйство в 1914 году», стр 142—143

роты ярмарки достигали 70—75% прошлого года, но все же они были на 15% выше средних Несмотря на «вялый спрос» осенью 1914 г, цены на текстильные изделия все время поднимались и дошли до «небывало высокого уровня».

Впрочем, угнетенное состояние рынка держалось недолго Конъюнктура вскоре выяснилась фабриканты ожидали расширения спроса и дальнейшего подъема цен. Правительство начало раздавать большие заказы на интендантство, которые получали почти все хлопчатобумажные предприятия Земская и городская организация стали закупать бязь, вату, марлю, бумазею Цены на товары стали подниматься, и работа бумагопрядильных и красильных фабрик развернулась в размере $^2/_3$ своей производительности «Бумагопрядильные фабрики, заваленные казенными заказами, работают полным ходом, причем на некоторых введены почные работы для женщин и малолетних» [106]. Таким образом, хлопчатобумажные и шерстяные фабрики сразу же после начала войны получили огромные военные заказы и оказались мобилизованными ранее, чем ряд других отраслей

К весне 1915 г. казенные заказы достигли миллиона кусков тканей в месяц За первый год войны казенные заказы составили уже около $^1/_4$ всеи хлопчатобумажнои продукции (6 млн пуд хлопка), а остальная часть размещалась на частном рынке В дальнейшем значение казенных заказов увеличивается

Что касается шерстяной промышленности, то уже в 1915 г суконные фабрики были заняты «почти исключительно изготовлением сукон для нужд армии» [107].

Следовательно, недостатка в потребителях не было Надо было только развивать производство, но его увеличение было связанно со снабжением сырьем и топливом

8 октября 1914 г состоялось заседание Центрального хлопкового комитета, на котором выявились перспективы хлопкового снабжения. Новый урожай определялся в 14 млн пуд в Средней Азии, в 2 млн. пуд в Закавказье, ввоз по азиатской границе определялся в 2 млн пуд. и запасы внутри страны — в 6 млн пуд Следовательно, поступления хлопка сверх довоенного уровня не предвиделось Получалось на 3,5 млн. пуд меньше, чем было переработано за предшествующий год; однако при известной экономии можно было дотянуть до следующего сезона, тем более что надежды на американский хлопок не были потеряны В общем русских сортов хватало на весь год, недостаток был только в привозном хлопке — американском и египетском.

Предприятия, работавшие на иностранном сырье, должны были частично сократить производство Уже в сентябре 1914 г шесть мануфактур во главе с Кренгольмской с количеством до 1 млн веретен возбудили ходатайство об отпуске валюты (около 300 000 фунтов

[106] «Мануфактурный рынок» — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1914, № 11, стр 14
[107] ЦГИА СССР, ф 23, оп 15, д 424, л 1

стерлингов) на покупку иностранного хлопка Они указывали на неизбежное повышение цен на русский хлопок, если не будут приняты меры к закупке хлопка за границей Это ходатайство встретило поддержку со стороны Совета съездов представителей промышленности и торговли, который, мотивируя необходимость валюты, указывал, что предприятия работают всего 4 дня в неделю и недостаток хлопка может привести к дальнейшему сокращению или даже полной остановке производства [108]

К концу года Ярославская большая мануфактура израсходовала весь запас американского хлопка, Тверская мануфактура, работавшая на египетском хлопке, остановила часть веретен из-за отсутствия сырья До 15 февраля 1915 г было закуплено в Америке 3,1 млн пуд хлопка Американский хлопок с доставкой в Москву обходился в 20—21 руб пуд, а русский в это время поднялся свыше 30 руб за пуд К апрелю во Владивостоке было уже выгружено 1,5 млн пуд хлопка, но доставка его тормозилась, так как железнодорожное управление не давало нужного количества вагонов

Оценивая общие условия для развития текстильной промышленности, нужно сказать, что они сложились более благоприятно, чем ожидали фабриканты Несмотря на частичные перебои, поступило достаточное количество сырья С 1 июля 1914 г по 1 июня 1915 г в промышленные районы поступил 21 млн пуд, хлопка, кроме того, наличные запасы оценивались в 6 млн пуд Следовательно, промышленность располагала 27 млн пуд хлопка при годовой потребности мануфактур с 8218 тыс веретен в 22,6 млн пуд Фабриканты не могли жаловаться на недостаток сырья, правда, работавшие на иностранном сырье мануфактуры должны были перестраиваться [109]

Все возраставший военный спрос ограничил отпуск текстиля для населения Весной 1915 г орган московских текстильных фабрикантов определял размер работы на армию до 1 июля 1915 г свыше 7 млн пуд хлопка [110], а на частный рынок — 10 млн пуд Год спустя, с мая по октябрь 1916 г, фабрики были загружены военными поставками в размере более 2/3 (67,3%) своей нормальной производительности На нужды вольного рынка оставалось не более 33% всей выработанной мануфактуры, а в действительности еще меньше, «так как фактическая выработка тканей на фабриках, ввиду количественного и качественного сокращения рабочего состава и систематического, за недостатком пряжи, простоя ткацких машин, меньше предполагавшейся нормальной выработки на 13—15%» [111]

За первый год войны иностранного хлопка поступило на 8,5 млн меньше предыдущего года, но его поступило все же значительно

[108] ЦГИА СССР, ф 23, оп 16, д 378, лл 51—52

[109] *Н Покровский* Нормировка хлопка и ее противники — «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 24, стр 434

[110] «Повышение цен на мануфактуру» — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1915, № 5, стр 21

[111] *П Гоболкин* Нормировка хлопчатобумажных тканей — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1916, № 7, стр 19

больше, чем рассчитывали в начале войны (привезено около 5 млн пуд вместо предполагаемых 2 млн), поэтому и спрос на отечественный хлопок все поднимался, а вместе со спросом росли и цены Январские цены на Московской бирже на ферганский хлопок колебались от 21 до 24 руб за пуд, а после января рост цен на хлопок еще более увеличился, достигнув 32—35 руб за пуд вместо средних довоенных 16 руб 55 коп за пуд Примерно за год войны цены на хлопок в Москве поднялись на 85,8% [112] Сообразно поднялись и цены на пряжу Основа № 34 в мае — августе 1913 г стоила 22 руб 75 коп пуд, в марте — июне 1915 г — 35 руб 25 коп , а в июле — сентябре — 38 руб 25 коп пуд [113]

К лету 1915 г цены на миткаль и ситец поднялись уже на 50% по сравнению с довоенными Даже общество мануфактурных торговцев обратилось с просьбой к правительству обуздать фабрикантов, чтобы те не поднимали цену Промышленники объясняли дороговизну ростом цен на хлопок и указывали на необходимость обуздать аппетиты банков и хлопковых торговцев Однако и фабриканты должны были признать, что цены достигли такого уровня, «за которым неминуемо последует сокращение спроса» [114].

В целях борьбы с дороговизной и более планомерного использования наличного сырья в июле 1915 г были организованы, а в августе начали функционировать хлопковый и суконный комитеты «Для заведования снабжением сырьем хлопчатобумажных и суконных фабрик учреждаются при Министерстве торговли и промышленности особые для хлопчатобумажных и суконных фабрик комитеты. » [115]

Хлопковый и суконный комитеты должны были регулировать цены на хлопок (а потом и на ткани) и шерсть, распределять хлопок и шерсть между предприятиями, выяснять производительность предприятий, запасы сырья у них, контролировать выполнение военных заказов

Вновь созданные комитеты обладали широкими полномочиями и могли регулировать распределение сырья, производство и весь текстильный рынок. В сентябре 1915 г министр торговли и промышленности внес в Государственную думу предложение об утверждении комитетов, создание которых было проведено в порядке 87 ст В объяснительной записке указывалось «на чрезмерное поднятие цен на хлопок», что затрудняло снабжение предприятий сырьем и требовало регулирования цен и распределения сырья «С одной стороны, ввиду отсутствия конкуренции иностранного хлопка и шерсти надлежит установить предел повышения цен на волокно С другой стороны, возможный недостаток сырья требует заблаговременного обеспечения мануфактур и, в первую очередь, работающих

[112] *Н Покровский* Указ статья, стр 433
[113] «Мануфактурный рынок» — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района» 1915 № 11—12, стр 19
[114] «Мануфактурный рынок» — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1915, № 8, стр 11
[115] «Особые совещания и комитеты военного времени» Пг, 1917, стр 79

на оборону потребным им количеством хлопка и шерсти из тех запасов, которые имеются на отечественном рынке» [116]

В августе 1915 г была установлена твердая цена на хлопок урожая 1915 г в размере 24 руб за пуд [117]

В основу исчисления были положены цены на американский хлопок на мировом рынке, учтены издержки по перевозке и еще была причислена надбавка в 75 коп на пуд «в пользу отечественных хлопководов», а в действительности в пользу владельцев хлопка, скупивших урожай 1915 г по дешевым ценам Были установлены предельные цены и на месте производства Урожай распределялся между текстильными предприятиями, «сообразуясь с их производительностью и переданными заказами военного ведомства, таким образом, чтобы работа мануфактур, хотя бы и в несколько сокращенном размере, была обеспечена до поступления на рынок волокна нового урожая при непременном, конечно, условии доставления этим мануфактурам хлопка в количестве, необходимом для выполнения казенных заказов» [118].

Все сделки на хлопок и на шерсть были поставлены под контроль комитета, а сделки выше или ниже назначенной цены были объявлены недействительными Ни одна партия хлопка не могла попасть к потребителю помимо комитета Постепенно полномочия комитета были расширены, и он превратился в орган, который полностью регулировал хлопчатобумажную промышленность, распределял военные заказы, устанавливал цены, распределял хлопок «Твердые цены» на хлопок отвечали интересам фабрикантов, которые продавали свою продукцию по нефиксированным ценам

Ни в одной другой отрасли промышленности мы не видим такой широкой компетенции комитета, как в текстильной Промышленники поддерживали его деятельность, так как при его посредстве они получали сырье по твердым ценам, а продукцию продавали на частный рынок без всякого ограничения цены Когда Рябушинский выразил недовольство деятельностью комитета, В Н Шаховской писал Б В Штюрмеру, что комитет основан по инициативе московских фабрикантов; «через комитет могут быть принимаемы в отношении отдельных отраслей промышленности лишь такие меры которые соответствуют взглядам промышленников В такой согласной, в подобных вопросах, деятельности правительства с представителями промышленности я вижу главнейший залог возможности успешного разрешения тех трудных задач, которые выдвигаются ныне нашей осложненной экономической жизнью» [119].

И это совершенно верно Вся деятельность комитета проникнута заботой об охране интересов промышленников Комитет хорошо наладил доставку хлопка Урожай хлопка в 1915 г был чрезвычайно хороший, сами промышленники называли сбор хлопка рекорд

[116] ЦГИА СССР, ф 23, оп 15, д 424, лл 1—2
[117] Там же, л 5
[118] Там же, л 9
[119] Там же, д 493, л 87

ным[120] — свыше 20 млн пуд, из них 18,4 млн пуд — в Средней Азии, а остальное — в Закавказье «В общем в сезон 1915/16 г хлопчатобумажные фабрики не только не испытывали нужды в русском хлопке, но и вступили в новый сезон с запасами этого хлопка в количестве около 7 млн пудов, из которых свыше 5 млн пудов находилось в фабричных складах»[121]

По другим данным, также весьма вероятным и близким к истине, запасы хлопка на 1 сентября 1916 г, т е еще до поступления нового урожая, составляли 10,2 млн пуд против 4750 тыс пуд. на то же число год назад «Другими словами, сверх нормальных запасов очистилось 5460 тыс пуд резервного хлопка, которым фабрики солидно страхуются от недостатка сырья»[122] За весь сезон переработано было около 21,5 млн пуд хлопка, из которых только 7—8 млн пуд пошли на частный рынок, а остальные — по заказам казны

В 1915/16 г хлопчатобумажная промышленность не переработала то сырье, которое имелось в наличности Объясняется это рядом затруднений в связи с недостатком топлива, красок, который тормозил развитие производства.

В сентябре 1915 г распределение хлопка урожая 1915 г между предприятиями совершалось хлопковым комитетом пропорционально количеству веретен, всего из расчета 8104 тыс веретен Сначала распределили 14 млн пуд из расчета по 1,73 пуда на веретено Уже при первом распределении многие предприятия покрыли от 70 до 100% годовой производительности, другие — значительно меньше

В декабре 1915 г была распределена следующая партия хлопка в 2,38 млн пуд, с таким расчетом, что предприятия оказались обеспеченными не менее чем на 65% своей годовой потребности в хлопке От этого распределения выиграли крупные предприятия с хорошей техникой и большой производительностью, ибо предприятия с низкой производительностью были обеспечены ранее

В третий раз 2,25 млн пуд хлопка делились между предприятиями, выполнившими государственные заказы, пропорционально величине этих заказов, так что «предприятия, более интенсивно участвовавшие в поставках на армию, были в большей доле своей потребности покрыты отечественным хлопком»[123] Среднее удовлетворение годовой потребности распределенным хлопком достигало 77,9% В процессе распределения хлопка ряд предприятий отказался от причитающейся доли хлопка в количестве 600 тыс пуд, которые были пущены в общее распределение

В результате первых трех распределений хлопка 17 предприятий были обеспечены на 95,5% своей годовой потребности и получи-

[120] «Хлопковый рынок» — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1916, № 10, стр 15

[121] *Н Покровский* Указ соч, стр 437

[122] «Текстильная промышленность» — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1916, № 12, стр 19

[123] *Д Опарин* Снабжение хлопчатобумажных фабрик русским хлопком — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1916, № 3, стр 33

ли 3,4 млн пуд хлопка; 12 предприятий — на 84,7%, им выдали 2,6 млн пуд, остальные предприятия получили от 43 до 68% годовой потребности, на их долю приходилось около 2,3 млн пуд После этого было распределено еще 4 млн пуд, так что почти все предприятия были обеспечены в размере годовой потребности Статистика указывает на наличие у фабрикантов на протяжении всего года значительных запасов хлопка Например, в апреле 1916 г у фабрикантов было 7559 тыс пуд, кроме того, у хлопководов, банков и посредников — свыше 8 млн пуд Таким образом, запасов хлопка в стране было около 16 млн пуд [124]

Фабрики испытывали трудности не из-за недостатка хлопка, а главным образом из-за топлива, рабочей силы, нужды в химикалиях и красках, цены на которые быстро росли Однако при наличии огромного спроса на текстильные материалы и открывшейся неограниченной возможности наживы фабриканты не останавливались перед затратами Регулирование цен на хлопок ни в какой мере не ограничивало спекуляцию готовыми товарами, поступавшими в частный оборот, и очень незначительно сказывалось на регулировке цены сырья, так как фабриканты соглашались на переплату, лишь бы получить нужный им хлопок

В отчете отдела промышленности за 1915 г [125] признается недостаточность мер, принятых государством для регулирования рынка Повышая цены на изделия, фабриканты ссылались на рост издержек производства [126] Однако они сторицей вознаграждали себя повышением цен В 1916 г даже крупнейшие фирмы подняли расценки от 50 до 100%, а группа крупных и средних фабрикантов — от 100 до 125% Орган фабрикантов и заводчиков Московского района, т е преимущественно мануфактуристов, признавал «законным» и обоснованным повышение цен на 125% «Во всяком случае, если бы даже по всему фронту вздорожание готовых отделанных хлопчатобумажных тканей выразилось в 125%, то его следовало бы признать вполне законным; достаточно принять во внимание, что удорожание русского хлопка, не говоря уже об американском, современная стоимость топлива и, наконец, расходы по оплате рабочего труда *вполне покрывают* и тем самым легитимируют указанное повышение цен» [127]

Это была открытая проповедь грабежа на рынке и подготовка нового повышения цен И действительно, уже в 1916 г фабриканты

[124] «Хлопковый рынок» — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1916, № 5—6, стр 20

[125] «Отчет отдела промышленности Министерства торговли и промышленности за 1915 год» Пг, 1916.

[126] Имеются также данные для начала 1916 г хлопок русский вздорожал на 53%, египетский — на 84%, американский — на 88% Еще больше поднялись цены на кислоты серная — на 240%, уксусная — на 186%, соляная — на 309%, краски индиго — на 669%, анилиновое масло — на 371,6% («Мануфактурный рынок» — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1916, № 1, стр 22)

[127] *П Тоболкин* Нормировка хлопчатобумажных тканей — «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1916, № 7, стр 20

«организованно» объявили о повышении цен против твердого прейскуранта по бельевым товарам до 125%, сатиновым — 135%, одежным тканям — 150—170% и другим сортам от 130 до 160% [128].

Правительство вынуждено было сделать дальнейшие шаги по регулированию рынка. 2 апреля 1916 г. оно установило предельные цены, «по коим допускается продажа тканей, а также крашение и отделка их» при поставках военному ведомству, правительственным и общественным организациям [129]. В этом решении были указаны сорта тканей, стоимость отдельных элементов изготовления тканей и конечная цена. Срок расценок был установлен до 1 ноября 1916 г. 13 мая 1916 г. список сортов тканей, обязательных для изготовления, был расширен, цены были объявлены до 1 ноября. 8 июля было вынесено постановление, регулирующее в пределах того же срока цены различных сортов пряжи [130].

В конце июля 1916 г. была запрещена свободная оптовая продажа тканей на частный рынок, а вскоре установлены и цены для частного рынка, но только для тканей казенного типа; впоследствии был регламентирован и список оптовых торговцев.

Это регулирование производства и торговли было продиктовано не заботами правительства о снабжении населения, а главным образом, стремлением обеспечить государственные заказы. Государственный спрос поглощал большую часть производства, и это вынуждало ограничить цены не только на хлопок, но и на пряжу и на различные сорта готовых изделий. Поскольку не было проведено регулирования частного рынка и сохранялся весь частноторговый аппарат, можно было ожидать, что вслед за твердыми ценами по государственным поставкам цены частного рынка еще больше поднимутся. Так и получилось. В капиталистических условиях при недостатке товаров на рынке дороговизна и спекулятивный рост цен — неизбежное явление. Правительство давало фабрикантам и торговцам полную возмож-

[128] «Мануфактурный рынок».— «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1916, № 10, стр. 18.

[129] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 15, д. 424, л. 31. 7 апреля 1916 г. министром торговли и промышленности был внесен в Государственную думу новый проект «О некоторых мерах к упорядочению снабжения сырьем хлопчатобумажных и суконных фабрик». Этим проектом увеличивались права комитета в связи с расширением задач по снабжению армии необходимыми товарами. Комитеты (хлопковый и шерстяной) должны были усилить надзор за предприятиями, работающими на оборону; они должны были взять в свои руки распределение заказов между фабрикантами, снабжение их сырьем и установление цен на эти заказы. Одновременно министр торговли и промышленности просил у Думы предоставить комитетам, а значит и министру право «выяснять размеры высших предельных цен, по коим возможно допустить продажу не только хлопка и шерсти, как то предусмотрено п. *а* ст. 2 действовавших правил, но и пряжи, а также хлопчатобумажных и суконных тканей» (там же, лл. 5—8). В тексте мы указывали, как правительство использовало полученные права. Характерно, что в проекте предложений министр высказывается против административных мер по борьбе с ростом цен, так как почти всегда они не достигали цели — «предметы, подвергавшиеся нормировке, скрывались, постановление о воспрещении поднятия предельных цен всячески обходилось» (там же, л. 6—6 об.).

[130] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 15, д. 424, лл. 33—35.

ность увеличить свои прибыли за счет частного потребления. Лишь фиксированная твердая цена и регулирование распределения могли до некоторой степени охранить потребителя, т. е. массу крестьянства, рабочих и служащих, от огромных переплат. Но на такой шаг правительство не решалось. Оно считало, что комитеты — хлопковый и шерстяной — вполне оправдали себя.

Указанными мерами были ограничены мероприятия правительства к середине 1916 г., т. е. к началу нового хлопкового сезона, который должен был определить работу промышленности на 1916/17 г.

Урожай хлопка в 1916 г. был значительно хуже предшествовавшего года, он оценивался в 16 млн. пуд. Недобор против прошлого года определялся в 5 млн. пуд. В действительности урожай дал 16,4 млн. пуд.: 15 млн. пуд. в Средней Азии и 1,4 — в Закавказье. Однако печатный орган фабрикантов делал успокоительные выводы относительно снабжения хлопком: «Тем не менее нет никаких оснований опасаться за то, что наша текстильная промышленность в текущем сезоне будет поставлена перед перспективой хлопкового голода» [131]. Хлопок прошлого года не был целиком использован: на 1 сентября 1916 г. запасы старого хлопка равнялись 10,2 млн. пуд., промышленники имели резервный фонд в 5,5 млн. пуд., таким образом текстильную промышленность можно считать обеспеченной хлопком на весь год [132]. Потребность в хлопке в пределах 21—23 млн. пуд. могла быть удовлетворена и без иностранного хлопка. В случае же увеличения производства хлопковый комитет «планировал» переработать около 26 млн. пуд. хлопка. «Недостаток» хлопка определялся в 5—6 млн. пуд., т. е. в довольно солидной для нынешнего времени цифре [133]. Можно было думать, что правительство сумеет получить часть хлопка из-за границы — по среднеазиатской границе и из Америки, — поэтому перспективы у фабрикантов были уж не так плохи. Во всяком случае в пределах прошлого года промышленность могла быть обеспечена сырьем. Однако весьма спорным был вопрос о цене на хлопок. Торговцы хлопком, естественно, добивались максимального увеличения цен. Они доказывали необходимость поднять цены примерно на 50% против твердых цен 1915/16 г. «Борьба сосредоточивалась вокруг вопроса о том, в каком именно размере должно быть проведено повышение предельной цены; в этом отношении представители хлопководства и хлопкоторговли, а из ведомств — Министерство земледелия шли во главе повышательного движения и определяли предельную цену хлопка в размере 36—37 руб. франко-Москва» [134].

Твердые цены на хлопок нового урожая были установлены в соответствии с интересами текстильных фабрикантов в 31 руб. пуд. франко-Москва, а не 36—37 руб., как предполагали хлопкоторговцы.

[131] «Текстильная промышленность».— «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1916, № 12, стр. 19.
[132] Там же.
[133] «Хлопковый рынок».— «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1916, № 10, стр. 15.
[134] Там же.

Даже эти цены были чрезвычайно выгодны для торговцев хлопком. Во всяком случае, они были значительно выше среднегодовых цен 1916 г., которые, по подсчетам Н. Покровского, достигали 28 руб. за пуд на русский хлопок и 27 руб. 54 коп. — на американский [135].

Следовательно, цены были установлены примерно на 10% выше рыночных, среднегодовых. Но одного этого постановления оказалось недостаточно для регулирования рынка. Спекулянты стали покупать по повышеным ценам хлопок-сырец, чтобы сломить предельные цены на волокно. Нормировка цен на него «оказалась не в состоянии выдержать давление сырцовых цен» [136], выросших до 12—13 руб. за пуд.

Этим было вызвано постановление министра торговли и промышленности от 2 декабря 1916 г., по которому каждая сделка на хлопок становилась действительной только с санкции хлопкового комитета. Одновременно проводилась регламентация цены пряжи, рынок которой был «совершенно дезорганизован». После этого была установлена и более строгая нормировка цены готового товара.

В конце июля было введено первое ограничение оптовой торговли. 7 декабря 1916 г. издается постановление, которое устанавливает до 1 мая 1917 г. твердые цены как на заказы казны, так и на ту часть товаров, которая продавалась для частного потребления. Тогда же были установлены предельные цены для пряжи до 1 апреля 1917 г. Товары ненормированные, не вошедшие в прейскурант, могли продаваться по вольным ценам только до 1 февраля 1917 г., после чего остатки брались на учет комитетом и продавались уже по регламентированным ценам. Последние устанавливались не только для оптовой цены, но и для розничной путем начисления известного процента на твердые цены.

Установили следующие максимальные надбавки к довоенным ценам на ткани (фабричная цена): бельевые — 125%, сатиновые — 140, одежные — 150, плательные — 135% [137].

Если предположить, что эти расценки твердо соблюдались, и принять в расчет надбавку для розничной торговли, то повышение цен доходило до 200% против довоенных. Конечно, буржуазия осталась недовольна твердыми надбавками и стремилась добиться их повышения.

Еще с 1915 г. она всячески боролась против регламентации цены на товары, но защищала твердую цену на хлопок и пряжу. В конце 1915 г., когда повышение цен было особенно высоко и хлопок исчез с рынка, московские фабриканты и торговцы уже начали склоняться к мысли о неизбежной реквизации хлопка в крае в том случае, если сокрытие хлопка станет явлением длительным [138]. Правительство

[135] *Н. Покровский.* Указ. соч..— «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 27, стр. 16.

[136] «Текстильная промышленность».— «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1916, № 12, стр. 19.

[137] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 15, д. 424, л. 40.

[138] «Мануфактурный рынок».— «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1915, № 11—12, стр. 19.

обеспечило снабжение фабрик хлопком и пряжей по регламентированной цене, поэтому оно вынуждено было нормировать и производственную цену, а потом и продажную цену товара. Тем самым ограничивалась и величина прибыли. Правда, твердая цена была достаточно высока, чтобы обеспечить промышленникам и торговцам текстильными изделиями приличную прибыль. Все же промышленники начали борьбу за повышение цен.

16 января 1917 г. совет Общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности подал министру торговли и промышленности «прошение» о повышении цен, уже увеличенных министром 7 декабря 1916 г. на 20—35%. Цена на миткаль, который продавался до войны по 9,2 коп. за аршин, была установлена 7 декабря в 24 $^3/_4$ коп., на бязь вместо 14 коп.—37 $^3/_4$ коп., т. е. в первом случае расценки были повышены на 169%, а во втором — на 170%, по другим же сортам изделий расценки были повышены всего лишь на 25%. Фабриканты привели подробную калькуляцию стоимости производства, которая якобы доказывала «полное несоответствие установленных предельных надбавок к ценам на отдельные ткани с условием производства настоящего времени»[139]. Поэтому фабриканты просили повысить надбавку по одним сортам на 35%, а на товары, выпущенные во время войны, — на 20%. Далее фабриканты просили отменить нормировку цен на ткани, вырабатываемые кустарным способом, ввиду якобы более высоких издержек производства в этой отрасли народного труда, чем в фабричных предприятиях. По подсчетам фабрикантов, повышение затрат в кустарном производстве достигает 258—300%. «Таким образом, если в отношении этого типа тканей будет применяться 170-процентная предельная норма надбавки, то выработка этих тканей должна будет неизбежно прекратиться, что наиболее тягостно отзовется на населении империи, занимающемся ручным ткачеством. Ввиду сего казалось бы целесообразным установить за правило, что действие обязательного постановления от 7 декабря прошлого года не распространяется на ткани кустарного типа, сработанные на ручных станках»[140].

Защита кустарей была продиктована интересами собственного кармана, так как наличие нерегламентированного производства давало бы фабрикантам возможность сдавать часть сырья кустарям, а выработанный товар продавать по вольным ценам. Отдельные фирмы, присылавшие ходатайства о повышении цен, указывали, что условия производства вздорожали на 210% и т. д.

26 января 1917 г. было утверждено новое положение о хлопковом комитете, соответствовавшее новым задачам комитета, в частности необходимости регулировать распределение той части готовой продукции, которая оставалась сверх государственных поставок. Новое положение обеспечивало полное регламентирование производства, начиная от цены на хлопок и кончая стоимостью готового изделия и его оптовой и розничной продажной ценой. Разумеется, эти

[139] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 15, д. 648, лл. 15 об.— 16.
[140] Там же, л. 17—17 об.

цены были отнюдь не твердыми, а фактически рыночными ценами. Они исключали лишь крайности рыночной спекуляции, давая возможность фабрикантам и торговцам получать не только солидную прибыль, но и сверхприбыль.

Хлопковый комитет при Министерстве торговли и промышленности имел солидное представительство капиталистов, на интересы которых он не думал посягать. Однако государственное регулирование ставило весь частнокапиталистический аппарат производства и распределения под известный государственный контроль. Весь аппарат частной торговли и производства остался, но он выполнял определенное задание правительства. Мы отчетливо видим на примере этой отрасли народного хозяйства процессы сращивания государственного аппарата с буржуазными организациями. Был ряд обстоятельств, которые делали это сращивание выгодным и для самой буржуазии. По словам министра торговли и промышленности В. Н. Шаховского, через комитет проводились лишь такие меры, «которые соответствуют взглядам промышленников». Когда хлопковый комитет слишком увлекался защитой государственных интересов, буржуазия организованно поправляла его.

Возвратимся к положению хлопчатобумажной промышленности. Несмотря на рост государственных заказов, достигавших 4/5 всего производства, на наличие колоссального рыночного спроса, на потерю конкурента — Лодзинского района, текстильная промышленность не развила своего производства выше довоенного уровня. Потеря Лодзинского района создала благоприятное положение для развития Центрального и Петроградского районов. Но и в этих районах производство не росло, а оставалось на одном уровне. Недостаток топлива и рабочей силы, отсутствие металлов, машин, расстройство производственного аппарата все более и более расшатывали эту отрасль хозяйства. Постепенно производство сокращалось, станки останавливались. Вот соответствующие данные на 1 октября 1916 г.[141]:

Район	Всего ткацких станков	Из них стояло	в %
Московский	80 325	16 870	21,0
Владимирский	68 779	11 596	17,0
Костромской	26 825	4210	15,6
Петроградский	14 046	2110	15,0
Прочие	3518	1471	41,9
Всего:	193 493	36 257	18,9

К октябрю 1916 г. работало только 4/5 хлопчатобумажной промышленности. Больше половины бездействующих станков остановилось из-за недостатка рабочих рук и только 15% — из-за недостатка

[141] «Текстильная промышленность».— «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1916, № 12, стр. 21.

пряжи. Накануне Февральской революции процент неработавших станков не увеличился, но общая загрузка фабрик достигала лишь 75% [142].

До 85% выпускаемых тканей поступало на военные нужды. Не будучи в состоянии увеличить снабжение населения тканями за счет роста производства, буржуазия сразу же после Февральской революции предложила через хлопковый комитет снизить поставки на армию и за этот счет увеличить снабжение населения. Это не было «открытием» хлопкового комитета, он повторил лишь то, что немного ранее выдвигали фабриканты и торговцы мануфактурой в своей записке, направленной против создания Центрохлопка и Центропряжи. Мы приведем этот документ, свидетельствующий о крахе всех попыток правительства и буржуазии справиться с задачей увеличения производства текстильной продукции.

Отметив надвигающийся призрак «мануфактурного голода», комитет предлагает министру план его смягчения. «В числе причин столь бедственного положения мануфактурного рынка, помимо неуклонно возрастающей дезорганизации хозяйственной жизни страны, вследствие обстоятельств военного времени, вызывающей невероятное возрастание издержек производства в хлопчатобумажной промышленности, недостаток тканей и повышение цен на них происходит вследствие чрезмерной и как будто несоразмерной работы промышленности на нужды государственной обороны. В самом деле, в настоящее время при обязательной загрузке фабрик в 75% — если строить расчеты не по теоретической, а по фактической (сокращенной) производительности фабрик, — 82—85% вырабатываемых хлопчатобумажных изделий поступает на нужды обороны. Если принять, что численность лиц, находящихся на довольствии интендантства и других казенных и общественных организаций, ведающих делом материального снабжения армии, достигает 8% населения империи, причем потребность в тканях превышает в 5 раз среднее потребление тканей населения империи, то общая потребность для нужд обороны не должна превышать 40% общей производительности промышленности. Между тем ныне фактическая загрузка хлопчатобумажных фабрик превышает эту цифру больше чем вдвое, оставляя на долю 92% немобилизованного населения империи всего лишь 18—20% вырабатываемых хлопчатобумажных тканей». Далее в записке говорится, что для снабжения населения остается так мало товаров, что все равно, какие бы меры комитет ни применял, они не

[142] Льняная промышленность, несмотря на потерю Жирардовской мануфактуры, по количеству веретен работала на довоенном уровне, и выработка пряжи в 1916 г. даже увеличилась почти на 1 млн. пуд. Состав рабочих сильно изменился в сторону увеличения количества женщин и подростков. Предприятия были с избытком обеспечены сырьем. В составе стоимости продукции увеличились расходы на топливо почти втрое; стоимость льна значительно снизилась, а издержки на рабочую силу остались неизменными. В 1916 г. был выработан 251 млн. аршин льняных тканей, большая часть которых пошла на военные нужды (*Н. Станчинский.* Льняное дело.— «Народное хозяйство в 1916 году», вып. 1, стр. 55—69).

могут радикально изменить положение в лучшую сторону. «Таким образом, очевидно, что проблема борьбы с мануфактурным голодом в тылу должна свестись к всемерному увеличению поступления тканей на частный рынок для удовлетворения потребностей тылового населения. Необходимость этого увеличения как бы подсказывает необходимость интенсификации, повышения производительности текстильной промышленности. Однако при том органическом расстройстве ее, созданном недостаточным обеспечением рабочими силами, слабым поступлением топлива и сырья, почти полным отсутствием машинных частей и материалов, необходимых для технического ремонта, приходится думать лишь о поддержании промышленности на ее теперешнем уровне, а отнюдь не о ее интенсификации.

Поэтому единственным средством возможного увеличения контингентов тканей, поступающих для частного рынка, должно быть уменьшение работ на оборону» [143].

Очень характерно признание комитета, что его деятельность не может принести радикального изменения положения дела. Государственный орган регулирования промышленности признает расстройство промышленности настолько глубоким, что свои задачи и планы ограничивает лишь поддержанием работы промышленности на достигнутом уровне. Небезынтересно, что как раз в конце февраля 1917 г. «всеподданнейшие» доклады министра торговли и промышленности В. Н. Шаховского о положении каменноугольной промышленности неизбежно кончались теми же мыслями о сохранении производства на данном уровне. Кризис капиталистической системы России охватил и текстильную промышленность, сказываясь в расстройстве производства, в сокращении выработки товаров параллельно с ростом государственного спроса. На этой базе пышным цветом расцветает безудержная спекуляция, справиться с которой нельзя было никакой регламентацией со стороны чиновников и буржуазии.

Ко времени Февральской революции положение различных отраслей народного хозяйства оказывается одинаковым: топливная промышленность (уголь и нефть) свертывает свою производительность, промышленники и правительство говорят лишь о том, как бы удержать ее на одном уровне; та же картина на транспорте, расстройство которого приняло угрожающий характер; аналогичное положение мы наблюдаем в старейшей отрасли капиталистического хозяйства — хлопчатобумажной.

Комитет, как мы видели, выдвигает задачу удержания производительности фабрик на уровне 75% довоенной. Но окружающие условия складывались чрезвычайно неблагоприятно. Произошли затруднения со снабжением хлопком, которые грозили в ближайшем будущем остановить производство. С октября 1916 г. по февраль 1917 г. из Средней Азии было перевезено хлопка вместо полагавшихся 7,6 млн. пуд. только 5,8 млн. пуд.— недовоз достигал 1,8 млн. пуд [144]. Этого хлопка хватило бы на один месяц производ-

[143] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 15, д. 648, л. 247—247 об.
[144] Там же, д. 649, лл. 6—9.

ства всем фабрикам. К весне 1917 г. вследствие транспортных затруднений текстильная промышленность осталась без достаточных запасов хлопка.

Перспектива снабжения топливом была еще более угрожающей. Вместо 34 млн. пуд. жидкого и 15 млн. пуд. твердого топлива, фактически полученного в 1916 г., текстильная промышленность Центрального района могла получить в 1917 г. только 10 млн. пуд. жидкого и 8 млн. пуд. твердого топлива. «Вся эта недостача топлива должна повести к сокращению фабрично-заводских работ до 2—3 дней в неделю или простою фабрик от 6 до 8 месяцев в течение года. При таком обороте дел следует предвидеть полное разрушение одной из немногих отраслей отечественной промышленности, успешно справлявшихся с удовлетворением громадных потребностей, предъявленных беспримерной войной» [145].

Заводское совещание Московского района признало необходимым среди ряда других мер закрыть часть предприятий и снабжать топливом лишь предприятия, свыше половины заказов которых шло на военные нужды. Приведенных фактов достаточно для того, чтобы сделать вывод, что крах текстильной промышленности ко времени Февральской революции еще не наступил, но он совершенно ясно вырисовывался в качестве неминуемой и ближайшей перспективы.

Подведем некоторые итоги. С начала войны текстильная промышленность начала работать на казну. Ее участие в поставках казне поднялось с 25% продукции в первый год войны до 85% накануне буржуазно-демократической революции. В части снабжения хлопком она не имела серьезных перебоев. Хлопчатобумажная промышленность поддерживала производство на уровне 80—100% довоенного.

Война дала толчок развитию хлопководства. Поставки отечественного хлопка поднялись на 60—100% по сравнению с довоенным уровнем. Все выгоды от роста хлопководства и военных поставок попадали крупным торговым фирмам, банкам и крупнейшим промышленникам-мануфактуристам.

Государственное регулирование производства и торговли оставило нетронутым весь аппарат торговли и промышленности. Оно преследовало задачу обеспечить поставку государству необходимого материала. Это регулирование проводилось правительством при непосредственном участии представителей торговой и промышленной буржуазии, в ее интересах. В этой области мы имеем яркий пример государственно-капиталистического регулирования, которое распространилось на учет и контроль самого процесса производства, а не только распределения.

Промышленный кризис, потрясший экономику страны, захватил и текстильную промышленность, вызвав сокращение производства и рост цен. Положение текстильной промышленности перед Февральской революцией не оставляло надежд на увеличение производства,

[145] «Совещание по топливу торгово-промышленных организаций».— «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1917, № 1—2, стр. 27.

поэтому заботы правительства и буржуазии сводились к тому, чтобы удержать производительность на низком уровне, который едва обеспечивал удовлетворение военных нужд государства, а не обеспечивал потребности народа

Рост доходности промышленных предприятий. Усиление зависимости от банков

Как изменялись финансовое положение русской промышленности и ее доходность во время войны?

Имеющийся материал лишь подтверждает общее положение о росте доходности промышленных предприятий, об увеличении их дивидендов За счет казенных заказов и частных потребителей буржуазия «зарабатывала» на войне, перекладывая всю тяжесть войны на плечи рабочих и крестьян Особенно благоприятные для наживы времена начались в связи с мобилизацией промышленности и широким ее привлечением к работе на войну

Русская промышленность была загружена военными заказами полностью Цены на заказы носили поощрительный характер Правительство не скупилось, лишь бы обеспечить возможно большее производство военного снаряжения

В основе «патриотического» движения русской буржуазии лежали интересы наживы Государство предоставляло большие заказы, выдавало миллионные ссуды, субсидии и авансы; помогало в приобретении за границей станков, машин, инструментов, обеспечивало топливом и металлом, предоставляло в первую очередь перевозочные средства. Как же при таких условиях было не тянуться к государственным заказам, а заодно и к государственному сундуку?

Уже первые военные заказы казны осенью 1914 г дали в карманы буржуазии несколько десятков миллионов рублей бесплатных субсидий на оборудование Например, завод Лесснера принял в сентябре 1914 г заказ на 370 тыс штук 3-дюймовых гранат по цене 13 руб 87 коп за штуку, в эту сумму включались и 3 руб 70 коп на оборудование завода, что составляло 1370 тыс руб на заказ Правда, правление завода потом, по собственной инициативе, снизило расходы на оборудование до 1250 тыс руб , в связи с чем расходы на оборудование снизились до 3 руб 37 коп на гранату [146]. Другие условия заказов на изготовление снарядов были в дальнейшем примерно аналогичны с Лесснером, но заявлений о снижении расценок нам больше не попадалось Все крупнейшие предприятия получали десятки миллионов рублей авансов (Путиловский, Обуховский, Царицынская группа заводов и др) Н А Второв построил снарядный завод на казенные деньги, Всероссийские городской и земский союзы, военно-промышленные комитеты также построили ряд предприятий за счет ассигнований казны Размер ассигновок увеличился после организации Особого совещания по обороне, выработавшего льготные условия выдачи авансов При заключении договора на один год размер

[1] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 709, л 1

авансов достигал до $^2/_3$ суммы договора, если предприятию требовалось новое оборудование, и 30%, если оборудования не требовалось, при заключении договора на срок более года — по 30% суммы договора на каждый год

Крупные предприятия, как правило, получали заказы и авансы без гарантии со стороны банков, более мелкие представляли гарантию банков, расходы по которой оплачивало правительство, соответственно приплачивая на цене предметов Пользуясь гарантией, банки наживались и цепко держали в своих руках промышленников Один из случаев бессовестного грабежа со стороны банков разбирался в Наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне в ноябре 1915 г Заводу Сапова выдали военный заказ стоимостью в 600 тыс руб на изготовление вьючных седел По этому заказу он получил аванс в 289 тыс руб под гарантию Русско-французского банка из 3% годовых Посреднику за подыскание банка завод уплатил 4300 руб Выданный казной аванс поступил не заводу, а тому же банку, который начислял по нему в пользу завода 4,5% Завод же получал деньги в банке по другому счету уплачивая банку 8% годовых и, кроме того, каждые три месяца 1,4% с оборота, дополнительно банк взыскивал с завода 4200 руб за контроль и артельщика В общем завод уплатил банку за 9 месяцев 1915 г 24 473 руб при задолженности, колебавшейся от 35 до 196 тыс руб Такое хозяиничанье банка довело завод до прекращения работы, после чего произошло вмешательство Особого совещания по обороне, остановившего хозяйничанье банка[147] Представитель банка цинично заявил члену Наблюдательной комиссии, что поступивший от казны аванс «банк считал поступившим в распоряжение банка в обмен за выданное им гарантийное письмо», а поведение банка объяснил желанием так вести операции, чтобы «они доставляли прибыль акционерам» и обеспечивали от возможных потерь

Представитель Министерства финансов в Особом совещании по обороне не раз ставил вопрос о необходимости отказаться от выдачи льготных авансов, сократив их размер, но под разными предлогами его предложение отвергалось Испытывая острую нужду в боевом снабжении, Особое совещание всегда охотно шло на повышение цены, если только была уверенность, что заказчик выполнит заказ Как правило, заказы частным заводам выдавались по более дорогим ценам Достаточно красноречивый пример приводил А А Маниковский Заказы на пушки одного и того же калибра выдавались одновременно — в августе и сентябре 1915 г, а цены очень сильно расходились Казенные заводы выполняли заказы по цене 5—6 тыс руб за орудие; Путиловский завод — по 9 тыс руб, Царицынская группа — по 10 тыс руб, а Центральный военно-промышленный комитет предлагал по 12 тыс руб Крупнейшие заводчики поставляли орудия по цене на 50—100% дороже, чем казенные А так как заказ, который имел в виду А А Маниковский, достигал 4000 штук, то только по этому заказу было переплачено 15—20 млн руб

[147] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 54, л 129

Заказы на артиллерию отнюдь не являлись каким-либо исключением Путиловский завод взял заказ на поставку 3 млн гранат, назначив цену по 33 руб 40 коп за снаряд против 27 руб 70 коп , которые платил своим контрагентам С Н Ванков Переплата достигала свыше 5 руб на один снаряд и 15 млн руб на всю партию Когда Главное артиллерийское управление запротестовало против цены, предложенной Путиловым, Особое совещание по обороне выступило в поддержку, решив, что эта цена «неприемлемой считаться не может ввиду вздорожания материалов, орудий производства, рабочих рук и валюты» [148] Еще более разительную цену предъявил завод Барановского на порох, запросив 140 руб за пуд вместо нормальной — 90 руб за пуд Совещание вынуждено было поручить разработать вопрос о цене пороха дополнительно

Буквально по всем военным заказам Особое совещание по обороне проявляло недопустимую склонность к переплатам Товарищество Ушкова предложило поставить 190 тыс пуд жидкого хлора, заявив высокую цену Главное артиллерийское управление считало цену преувеличенной, но согласилось Министерство земледелия предложило построить завод метилового спирта, цена спирта была назначена 56 руб 40 коп за пуд вместо существовавшей в 30 руб , но и эта цена была признана «допустимою», и необходимые для строительства завода деньги — около 400 тыс руб — были отпущены [149]

Всегда, когда приходилось делать выбор между интересами промышленности и государства, Особое совещание по обороне поступалось последними в пользу первых. Так, в декабре 1915 г обсуждался вопрос о необходимости упорядочить цены на материалы, нужные для изготовления военного снаряжения Фиксировать основные цены на сырье значило сохранить сотни миллионов рублей для государства, но лишало бы буржуазию возможности чрезмерной наживы и спекуляции Поэтому члены Особого совещания, связанные с промышленностью, — В И Тимирязев, Г Х Маидель, С И Тимашев — выступили против этой меры В И Тимирязев предложил сосредоточить внимание правительства «на оживлении русской промышленности с тем, чтобы обеспечить производство у себя тех главнейших продуктов, какие до сих пор получались из-за границы Что же касается до нормальных цен, то установление таковых внесло бы смущение в промышленную жизнь и задержало бы ее развитие» [150] Возражения Г Х Майделя шли по другой линии регулирование цены в одной отрасли промышленности возможно при условии регулирования «и для всех других», а такая задача считалась им затруднительной к осуществлению С И Тимашев отрицал практическое значение за регулировкой цен, так как трудно отделить спекулятивный подъем от их действительного вздорожания Кроме того, он пугал искусственным изъятием товаров из обращения В общем, он также высказался против ограничения рыночной стихии, предлагая остаться при том, что

[148] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 50 л 14 ЖОСО, № 4, 27 мая 1915 г
[149] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 712, лл 7—8, 14—17
[150] Там же

уже было сделано Министерством торговли и промышленности в деле регулирования цен на отдельные товары

Характерно, что наиболее правая часть членов Особого совещания во главе с Н Е Марковым 2-м, П П Муравьевым, ссылаясь на опыт регулирования цен, проделанный Д Ллойд Джорджем в Англии, «вполне признавая необходимость содействовать усилению промышленности в России», в то же время признала «своевременным приступить к нормировке цен» Марков считал особенно необходимым «в тех же целях регулирования цен» широкое развитие казенного производства во всех важнейших отраслях промышленности В итоге Совещание высказалось за нормировку цен и проведение этой меры через Особое совещание по обороне, а не через Министерство торговли и промышленности [151] Однако каких-либо практических шагов не последовало, и в конце марта 1916 г Родзянко вновь выдвинул вопрос о необходимости нормировки цен [152].

Прошло еще три месяца, и на заседании Особого совещания в середине июля 1916 г обсуждалось положение о Главном уполномоченном по снабжению металлами В ходе обсуждения вновь встал вопрос о необходимости более широкой нормировки цен на металлические изделия и на «все предметы государственной обороны» [153] Следовательно, и полгода спустя после принципиального решения Особого совещания дело дальше не пошло, встречая сопротивление буржуазного крыла членов Совещания

В связи с обсуждением вопроса о выдаче заказа на снаряды французскому правительству выявилось действительное отношение Особого совещания по обороне к отечественной промышленности Член Государственной думы Н В Савич указал на «появление за последнее время общей тенденции к усилению заграничных заказов с остановкой развития отечественного производства» [154] С И Тимашев, возглавивший подготовительную комиссию по артиллерийским вопросам, отверг заявление Н В Савича как неосновательное Из его слов следовало, что Особое совещание по обороне принимает все меры к повышению производительности русских заводов до 100 легких парков в месяц, т е до 24 млн снарядов в год, но вследствие «общих условий» эта норма, вероятно, не будет достигнута А А Маниковскии подтвердил, что будет сделано лишь 18 млн. патронов, поэтому иностранный заказ на снаряды не принесет ущерба русской промышленности, загрузка которой «близится, видимо, к своему пределу» [155] Чтобы создать еще бо́льшую уверенность у промышленников, что Особое совещание не нанесет им ущерба, военный министр Д. С Шувлев, которым буржуазия была недовольна, подчеркнул покровительственное отношение Совещания к отечественной промышленности Он указал, что «в первую очередь должно быть развиваемо русское

[151] ЦГВИА, ф 369 оп 1, д 54, лл 126—128 об ЖОСО № 29 2 декабря 1915 г
[152] Там же, д 174, л 149 ЖОСО, № 58, 23 марта 1916 г
[153] Там же, д 177, л 182 ЖОСО, № 80, 15 июня 1916 г
[154] Там же, д 176, л 174 ЖОСО, № 69, 7 мая 1916 г
[155] Там же, л 176

производство, поскольку же такового недостаточно, следует обращаться за границу»

Неправильно думать, будто покровительство отечественной промышленности касалось только предприятий, занятых изготовлением снарядов В той или иной мере все отрасли промышленности испытывали покровительство Особого совещания по обороне, и оно повинно в тех огромных сверхприбылях, которые получали русские промышленники по казенным заказам

В интересах промышленников Совещание даже пыталось несколько обуздать банкиров, слишком бесцеремонно поступавших с промышленниками, попавшими в паутину финансовой зависимости Приведем типичный пример. Фирма Капырзина имела перед войной предприятие стоимостью в 5 млн руб, она должна была получить до 3 млн. руб прибыли. Однако фирма попала в зависимость от Соединенного банка, выдавшего гарантийное письмо. За пользование частью задатка фирма уплатила банку 300 тыс. руб.

В связи со спекулятивной деятельностью банков министр финансов П Л. Барк сделал по требованию Особого совещания по обороне объяснение, в котором, не отрицая самого факта спекуляции, пытался успокоить членов совещания тем, что размеры спекулятивных операций незначительны, а потому «не представляют угрозы для промышленности»

Выступивший в прениях кадет А И Шингарев дал яркую характеристику спекулятивной деятельности банков В отличие от заграничных банков, говорил он, являющихся «прочной опорой военной промышленности» и проникнутых духом патриотизма, «у нас роль многих из банков сводится к хищнической спекуляции, удорожающей производство военных предметов, понизившей жизненную силу промышленных предприятий и сумевшей стать вне досягаемости и ответственности за свою вредную для обороны деятельность Руководствуясь единственно целями наживы, некоторые банки, в ущерб государственной пользе, ведут обширные закупки нужных для обороны предметов» [156] А И. Шингарев и присоединившийся к нему В. В Жуковский потребовали от министра финансов прекратить «эту спекуляцию» банков, но не репрессивными мерами, а личным воздействием министра финансов на директоров банков

Гарантии банков дорого стоили казне. Соединенный банк взял с завода Ф Ф Сан-Галли 400 тыс руб в компенсацию за гарантии Это «столь наглое расхищение народного достояния на почве военных заказов», по словам И. А Шебеко, вызвало негодование некоторых членов Особого совещания по обороне, но оно не могло ничего предпринять эффективного в борьбе с подобной практикой банков и ограничилось лишь сообщением об этом факте министру финансов

На деле «регулирующая деятельность» Особого совещания по обороне не ограничила спекулятивной работы банков Крупнейшие промышленные предприятия страны часто выступали контрагентами казны не в качестве самостоятельных поставщиков, а как зависимые

[156] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 174, л 101 ЖОСО, № 56, 16 марта 1916 г

клиенты банков, которые открыто заключали сделки с казной, часто от имени целых групп промышленных предприятий

Все это приводило к усилению позиций банков. От иностранных конкурентов часто отделывались путем взяток и переплат представителям заграничных фирм. Русские конкуренты предложили шведской фирме «отступного» в 1 млн. руб., чтобы только она не сбивала цену на сталь, которую поставляли русские поставщики.

Полная мобилизационная неподготовленность военных органов заставила их «выдавать заказы, что называется, направо и налево, причем не только совершенно ничтожным заводам, но иногда прямо «пустому месту»»[157]. По требованию В. А. Сухомлинова был дан заказ по повышенным ценам заводу «Промет», который имел только одни стены, а на полученных заказах разбогател и уже к 1915 г. построил третий завод. Оказалось, что В. А. Сухомлинов был крупнейшим акционером «Промета».

За большое вознаграждение фирмы приглашали к себе на службу людей со «связями», генералов в отставке, даже артистов — «солистов его величества» и через посредство их обделывали свои дела. На авансы под военные заказы строили новые предприятия. Предприниматель крупного размаха Н. А. Второв получил десятки миллионов рублей на постройку новых снаряжательных заводов. Военные заказы являлись источником сверхприбылей военной промышленности и усиленного накопления, которое происходило за годы войны.

По размерам доходности не существовало большой разницы между предприятиями, работающими на оборону и на частный рынок. «Доходность, например, сахарных, спичечных, табачных и целого ряда других предприятий в среднем оказалась не ниже механических, работающих почти исключительно на нужды государственной обороны»[158]. Буржуазия сама не отрицала «значительного обогащения некоторых отраслей промышленности за время войны»[159]. Но она считала эти средства необходимой предпосылкой для дальнейшего расширения «национальной» промышленности. Перспектива высоких дивидендов была главной причиной широкой волны учредительства, которая происходила во время войны.

Приведем несколько фактов о доходности промышленных предприятий за время войны. За последний предвоенный год (1913/14 г.) 28 крупных промышленных предприятий с основным капиталом в 280 млн. руб. дали чистой прибыли около 50 млн. руб., что составляло 16—17% на капитал. Доходность этих предприятий была несколько выше, чем средняя доходность всей промышленности. В следующем 1914/15 г. 29 более мелких предприятий с капиталом около 150 млн. руб. дали чистой прибыли около 60 млн. руб., или около 38% на капитал. Произошло ли это увеличение доходности за счет военных

[157] *А. Маниковский.* Боевое снабжение русской армии 1914—1918 гг., ч. 3. М., 1923, стр. 154.

[158] *В. Зив.* Акционерное дело во время войны — «Народное хозяйство в 1915 году». Пг., 1918, стр. 321.

[159] «Ограничение прибылей и будущее нашей промышленности» — «Промышленность и торговля», 1917, № 14—15, стр. 268.

заказов — категорически ответить трудно Сообщивший эти факты Р Арский считает, что «увеличились не только доходы промышленности, непосредственно работающей на оборону, так называемой «мобилизованной», а и доходы всей вообще промышленности» [160]

Для 1917 г Р Арский дает сведения о 45 предприятиях, еще более мелких,— их капитал был равен всего 83,5 млн руб , а чистая прибыль составила 49 млн руб , т е превысила 50% 25 мануфактурных предприятий с капиталом 94 млн руб. получили чистой прибыли 39 млн руб Во главе их шла мануфактура Морозова, которая при 15 млн. руб капитала дала в один год 12 млн руб чистой прибыли

Тот же автор приводит два особо выделяющихся факта, когда Тульский патронный завод, выполнив заказов на 56 5 млн руб , получил 15,5 млн руб чистой прибыли, второй пример относится к медно-прокатному заводу Кольчугина, сумевшему на основной капитал в 10 млн руб получить 13,2 млн руб чистой прибыли [161] Приведенные цифры довольно показательны прибыли промышленников колоссально росли, даже если сделать поправку на рост дороговизны и обесценивание рубля

Крупнейшие машиностроительные и механические заводы страны увеличили прибыль и дивиденды уже в первый год войны Итоги 1914 г были для них более благоприятны, чем 1913 г По данным «Торгово-промышленной газеты», прибыль их увеличилась [162]

Завод	1913 г		1914 г		Рост прибыли	
	прибыль млн руб	дивиденд в %	прибыль млн руб	дивиденд в %	в млн руб	в %
Коломенский машиностроительный завод	2,28	7,2	3,63	10	+1,35	60
Акционерное общество «Лесснер»	1,04	15	1,41	16	+0,37	35,5
Русско-Балтийский вагонный завод	0,83	6,6	1,19	6,6	+0,36	45,5
Московский вагоностроительный завод	0,50	8	0,53	10	+0,03	6
«Сормово»	2,17	7,5	3,79	10	+1,62	74,6

Пять крупнейших предприятий электротехнической промышленности в первый год войны также дали повышенную чистую прибыль, причем Соединенные кабельные заводы повысили ее в 2,5 раза. с 1,4 млн до 3,34 млн руб , — что составляло 55,6% по отношению к основному капиталу По всем пяти предприятиям чистая прибыль увеличилась с 5,2 млн руб в 1913 г до 7,7 млн руб , или на

[160] *Р Арский* Военные прибыли — «Летопись», 1917, № 1, стр 279—280
[161] Там же, стр 282
[162] «Перспективы металлообрабатывающей и механической промышленности» — «Горнозаводское дело», 1915, № 27, стр 11392

50% [163] Прибыль трех предприятий Общества электрического освещения также значительно поднялась

Непрерывный рост прибылей происходил в предприятиях мукомольной промышленности, работа которых в меньшей мере была связана с казенными заказами. В связи с остановкой части предприятий Всероссийский съезд мукомолов еще в августе 1915 г указывал на тяжелые условия, в которых оказалась промышленность На самом деле финансовое положение мукомольной промышленности, в особенности крупных предприятий, было блестящее, и дивиденды их во время войны обнаружили огромный рост [164] Значительно увеличились отчисления мукомолов в запасный и иные капиталы, и, несмотря на это, выдавался повышенный дивиденд Товарищество Я Е Башкирова вместо 415 тыс руб (1913 г) отчислило в 1915 г 1213 тыс. руб. и одновременно подняло дивиденд с 3 до 9% Товарищество «Братья Коняевы» увеличило отчисления с 53 тыс руб до 220 тыс руб. и подняло дивиденд с 10 до 16% Еще более разительный пример представляло Товарищество Я и И Соколовых, удвоившее отчисления и поднявшее дивиденд с 11 до 29,6% На 2,5 млн. руб основного капитала было выдано 740 тыс руб дивиденда Харьковские, самарские, ростовские и кубанские мукомолы хорошо «зарабатывали» во время войны Средний размер дивиденда поднялся с 5,8% в 1913 г до 12,9% в 1915 г, т е. более чем удвоился, еще в большей мере увеличилась средняя чистая прибыль [165]

Следует указать и на другое обстоятельство Переход к работе на военные рельсы сопровождался в некоторых предприятиях и даже отраслях промышленности временным сокращением прибылей Такие данные приводит В. И. Шарый в своих подсчетах по одной из групп промышленных предприятий В одной группе насчитывается 72 предприятия, в другой — 62 Полученные по обеим группам выводы, по данным В И Шарого, сходны с подсчетами по 791 предприятию, на долю которых приходится 2,3 млрд. руб акционерных капиталов, или $^2/_3$ акционерных капиталов всеи промышленности Следовательно, они типичны для всеи промышленности Мы приведем только относительные величины по группе в 72 предприятия Принимая данные 1913 г. за 100%, имеем (в %) [166]

Iод	Основной капитал	Валовая прибыль	Дивиденд
1914	108,7	76,1	85,3
1915	110,8	188,0	132,5
1916	116,9	297 0	200,0

[163] «Финансовые результаты электротехнических и электрических предприятий в 1914 году» — «Горнозаводское дело», 1915, № 29, стр 11495

[164] *Л Э Бинович* Положение мукомольной промышленности и доходность мукомольных предприятии за два года войны — «Известия Особого совещания по продовольственному делу», 1917, № 2(31), стр 29

[165] Там же, стр 30—33

[166] *В Шарый* Доходность акционерных предприятий за время войны — «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 31, стр 125

В абсолютных цифрах дивиденд удвоился с 8,15 млн руб. до 16,32 млн руб В таблице прежде всего бросается в глаза снижение валовой прибыли и дивиденда в 1914 г Наступившая война ухудшила положение некоторых отраслей промышленности, поэтому весьма вероятно известное сокращение прибылей в первый год войны. В следующем году промышленность приспособилась к новым условиям Массовые военные заказы, громаднейший рост цен давали возможность получать огромные прибыли Валовая прибыль в 1915 г выросла на 88% Если внести некоторую поправку на дороговизну, то и тогда военная сверхприбыль будет достигать не менее 50% довоенных прибылей 1916 г дает увеличение валовой прибыли почти втрое, а дивиденда вдвое Опять-таки, несмотря на обесценение рубля, достигшее к январю 1917 г 50%, чистая доходность промышленности значительно увеличилась

По второй группе 62 предприятий выводы в общем совпадают с первой, за исключением валовой доходности 1914 г, которая поднялась выше 1913 г, хотя дивиденд выдан ниже предыдущего года, видимо благодаря усиленным отчислениям В 1916 г имеем по этой группе увеличение основного капитала на 14%, валовой прибыли почти в 3 раза, а дивиденда в 2 раза

По обеим группам, т е. по 134 предприятиям, анализируемые показатели выглядят следующим образом [167]

	1913 г	1914 г	1915 г	1916 г	в % к 1913 г
		(в млн руб)			
Акционерный капитал	301,6	317,8	324,6	347,5	115,2
Валовая прибыль	55,3	55,5	88,1	157,1	284,1
Дивиденд	27,0	22,6	32,5	50,1	185,0

Приведенные данные ясно показывают растаскивание прибыли В 1915 и особенно в 1916 г в дивиденд отчислялось не более (даже менее) $^1/_3$ валовой прибыли Наглядный и яркий пример того, как это делалось, приводит в своих мемуарах академик А Н Крылов, рассказавший, как главный бухгалтер Черноморского пароходства рассовывал военную сверхприбыль, чтобы не платить налога, оставив для выдачи дивиденда также порядочный куш, но уменьшенный в несколько раз по сравнению с действительной прибылью Несмотря на искусственное снижение прибыли к распределению, все же дивиденд почти удвоился. В И Шарый особенно выделяет семь предприятий по обработке металла, которые получили на 25,7 млн руб. основного капитала, 20,9 млн руб валовой прибыли и выдали дивиденд 25,4% вместо 7,1% (1913 г)

Мысль об искусственном снижении промышленниками дивидендов подтверждает «Новый экономист» Приведя данные об огромном увеличении в 1915 г чистой прибыли и дивидендов семи машино-

[1] *В Шарый* Указ статья – «Вестник финансов промышленности и торговли» 1917, № 33 стр 191

строительных и механических заводов, автор статьи писал: «Прибыльность отдельных предприятий... увеличилась в некоторых случаях на 100—200%. До 30—40% чистой прибыли списано на счет погашения имущества. В видах благоразумной осторожности и не без влияния налоговых соображений отдельные предприятия сочли необходимым резервировать часть прибыли и воздержались от выдачи бьющих в глаза дивидендов» [168].

Аналогичное положение мы видели в металлургической промышленности, где акционеры «списывали» десятки миллионов рублей в запасные и резервные капиталы, оставляя в то же время значительные средства для выдачи дивиденда. Из тех примеров, которые привел «Новый экономист», видно, что в 1915 г. у большинства предприятий чистая прибыль удвоилась и даже утроилась. «Богословское общество» дало 6,89 млн. руб. вместо 3,3 млн. руб., «Сормово» — 6,45 млн. вместо 2,17 млн. руб. Но всех перещеголял «Парвиайнен», который в 1915 г. учетверил чистую прибыль [169].

А между тем некоторые апологеты капитализма и среди них В. И. Гриневецкий старались «доказать» положение о малой доходности русской промышленности. Его расчеты преследовали вполне определенную цель доказать, что большевики и рабочий класс виноваты в разрухе промышленности. Он писал: «Как весеннее, так и осеннее повышение рабочей платы (1917 г. — *А. С.*) произошло не столько за счет прибылей капиталистов, сколько за счет общенародного дохода». Уж если во время войны капиталисты мало наживались, то ясно, что довоенные прибыли были еще меньше — такова логика рассуждений В. И. Гриневецкого. Валовую прибыль он определяет в размере $^2/_3$ заработной платы, что составляет около 10% стоимости продукции. А так как чистая прибыль капиталистов им определяется в размере $^1/_3$ валовой, то в результате получается совсем скромная цифра доходов буржуазии.

Приведенные нами материалы о доходности предприятий различных отраслей хозяйства решительно опровергают эту апологетическую точку зрения. Прибыли большинства отраслей промышленности резко поднялись сравнительно с довоенным временем. Если о доходности предприятий судить по величине дивидендов, повысившихся уже в первый год войны от 50 до 100%, а во многих предприятиях в 2 или 3 раза, следует бесспорный вывод об укреплении финансового положения промышленности. Рост доходности усиливал процесс накопления капиталов, создавал излишние капиталы, искавшие выгодного применения как в области рыночной спекуляции, так и нового промышленного учредительства, усилившегося в 1916 г. Источником финансирования новых предприятий являлись капиталы, накопленные в сфере торговли и промышленности.

Доходы текстильной промышленности, о которой иногда встречаешь в литературе мнение, будто она не увеличила во время войны

[168] «Прибыли акционерных предприятий в 1915 г.».— «Новый экономист», 1916, № 24, стр. 11—12.
[169] Там же, стр. 11.

прибыли, свидетельствуют как раз об обратном Н Покровский в статье «Военные прибыли главнейших отраслей текстильной промышленности» исследовал вопрос о прибылях 142 предприятий, на долю которых приходилось 77,2% основных капиталов хлопчатобумажной, 53,4% — шерстяной и 62,8% — льняной промышленности Их прибыль в 1914 г оставалась стационарной, почти совсем не увеличилась, зато в 1915 г текстили колоссально «заработали»; вместо полученных в 1912 г 57,2 млн руб прибыли хлопчатобумажная промышленность дала в 1915 г 134,5 млн руб прибыли, что дает рост на 250% По всем предприятиям суконной, льняной и хлопчатобумажной промышленности чистая прибыль увеличилась с 68,1 млн руб до 174 млн руб, что увеличило процентное отношение суммы прибыли к основному капиталу с 16,1% до 39,7%. Чистый дивиденд поднялся с 6,1% до 11,7%, или почти на 100%

Надо иметь в виду, что в 1915 г текстильная промышленность лишь в меньшей мере работала на казну Следовательно, рост прибыли происходил за счет громадного роста цен на товары, которые реализовались на частном рынке В льняной и суконной промышленности прибыли еще больше выросли, чем в хлопчатобумажной Военная сверхприбыль 1915 г в текстильной промышленности была не менее 100% Следовательно, одной из причин военной дороговизны является громадный рост прибылей за счет повышения цен самими промышленниками Военная конъюнктура ими использовалась, в первую очередь, в интересах наживы

Несколько крупных предприятий льняной промышленности дали в 1915 г прибыль от 71 до 127% на капитал, в шерстяной — от 95 до 130% В хлопчатобумажной промышленности были предприятия, которые давали на основной капитал прибыль от 63 до 123% в год

Во главе предприятий, возглавлявших спекулятивную горячку за повышение цен, шли Товарищество Тверской мануфактуры, которое при основном капитале в 9 млн руб закончило 1915 г с прибылью в 10,43 млн руб; Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова, которое на капитал в 15 млн руб дало прибыли в 9,5 млн руб, или 63% на основной капитал; Товарищество Зуевской мануфактуры Зимина на капитал в 7,5 млн руб дало 6,2 млн руб чистой прибыли, т е 82%, и т д [170] Такие огромные, чисто грабительские прибыли были невозможны в капиталистических странах, где существовал действенный государственно-капиталистический контроль над производством, подрезавший часть прибылей в пользу государства Все выгоды государственного регулирования цен на хлопок, шерсть и лен русская буржуазия использовала в целях личной наживы Благоприятная военная конъюнктура и отсталое налоговое законодательство помогали ей в этом

Нами рассмотрен материал о финансовом положении промышленности разных отраслей Он с несомненностью показывает значительный рост доходности предприятий во время войны Под прикрытием

[170] «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 21, стр 292—293

«патриотической» шумихи русская буржуазия умела обеспечить свои материальные интересы и добилась не только льготного финансирования государством военных заказов, но и огромного роста прибылей С каждым годом войны, по мере роста хозяйственных трудностей, прибыли промышленников увеличивались за счет снижения заработной платы рабочих и спекулятивного подъема цен на продукты промышленности Государственное регулирование промышленности, по поводу которого происходили стычки между представителями государственной власти и буржуазии в Особых совещаниях, было направлено на усиление мощи русской промышленной буржуазии и банков, обеспечивало рост их доходности.

Значительная часть военных прибылей перепадала в кассы банков, цепко державших в своих руках промышленность и увеличивших во время войны свое влияние над ней Этому способствовало усиление финансовых связей банков с промышленностью Финансирование банками промышленности за время войны увеличилось в 2 раза

Такой знаток русской промышленности и ее связей с банками, как В С Зив, отмечает общий рост доходности предприятии русской промышленности во время войны По его мнению, во время войны «стерлась резкая грань» между мобилизованной и немобилизованной промышленностью Война породила целую группу новых капиталистов, которые стали усиленно скупать «акции крупнейших и доходнейших промышленных предприятий» Акционеры «новой формации» низвергали «с пьедестала старых заправил акционерных компаний», в особенности если те опирались на иностранные капиталы В. С Зив отмечает в промышленности процесс «вытеснения иностранных капиталов русскими из некоторых крупных промышленных предприятий» [171]. Очевидно, основа этого процесса заключалась в росте и обилии капиталов в определенной среде русских капиталистов Эта среда прежде всего была связана с работой на войну военные заказы и спекуляция на рынке увеличили денежные накопления

Огромную роль в финансировании промышленности, работавшей на оборону, играла казна Авансы — безвозвратные громаднейшие выдачи средств на постройку новых предприятии — являлись для части крупнейших предпринимателей источником их независимости от банковского капитала Вот почему мы имеем в это время в промышленности две тенденции· усиление влияния банков, рост сращивания банковского капитала с промышленностью и одновременный процесс подчинения банков отдельным промышленным концернам Такие концерны создались в сахарной промышленности, в водном транспорте и в других отраслях Среди них выделяются два огромных концерна — Второва и Стахеева, контролирующие десятки обществ, принадлежащих к самым разнообразным отраслям промышленности.

Второв укрепился в металлообрабатывающей промышленности и опирался в своей работе на Промышленный банк, который он создал

[171] *В Зив* Акционерное дело во время войны — «Народное хозяйство в 1915 году», стр 321—324

В архиве Особого совещания по обороне много материалов, дающих возможность понять причину его могущества. Несомненно, Второву удалось развернуться благодаря казенным заказам, по которым он получил десятки, если не сотни, миллионов рублей. Им построен ряд крупных военных заводов. Появление таких концернов, связанных с казной, усиливало русский империализм и ослабляло зависимость этих предприятий от иностранных капиталов. Такие фигуры, как Второв, опирались на казну в борьбе против банков. Роль банков в процессе мобилизации промышленности ограничивалась только помощью правительству в финансировании войны, а к организации промышленности они, после кратковременного опыта летом 1915 г., официально не привлекались. Это не мешало им играть колоссальную роль в развитии промышленности и окольными путями оказывать влияние на правительственную политику.

Кажущееся финансовое процветание промышленности уже в конце 1916 г. находилось в полном противоречии с ее действительным положением. Промышленники имели огромные избыточные капиталы, но производственный процесс большинства предприятий, кроме непосредственно обслуживающих войну, происходил уже на суженной базе. Все меньше добывалось металла и угля, сокращалось количество тканей и кожи, кадры рабочих пополнялись пленными, женщинами и детьми. Все это неминуемо вело к общему экономическому и политическому кризису в стране.

Изменения в составе рабочего класса

Рассмотрим изменения в составе рабочего класса, которые произошли во время войны. Как известно, дезорганизация рабочей силы на предприятиях оказала сильное влияние на работу промышленности, особенно в первое время войны, когда еще не предоставлялись отсрочки и все призывные контингенты вне зависимости от квалификации призывались в армию. Правительство обязывало все трудовые группы населения служить в армии и крайне неохотно предоставляло отсрочки. Политически наиболее активная и развитая часть рабочего класса была вырвана с предприятий и отправлена в армию. Правительство стремилось обезглавить революционное движение, а на деле нанесло сильный удар по промышленности. Кадры наиболее квалифицированных рабочих, которых в промышленности было не так много, были отправлены на фронт в начале войны. Из них лишь немногим удалось вернуться обратно на предприятия.

Различные авторы определяют потери промышленности от первых мобилизаций в 30—40% количества рабочих на предприятиях от общего их числа. Все отрасли промышленности серьезно пострадали от необдуманных мобилизаций. Мы уже указывали, какое опустошение мобилизация произвела среди угольщиков Донбасса. Много месяцев потребовалось, чтобы заменить взятых. Еще хуже дело обстояло среди рабочих высококвалифицированных профессий, где на подготовку рабочих требовалось много лет.

Железорудная промышленность, определявшая работу всей металлургии, в первые же мобилизации потеряла около половины рабочего состава и только через два года могла подняться до довоенного количества рабочих. Накануне войны она насчитывала 24,2 тыс. рабочих, а после мобилизации осталось 10,1 тыс. человек, в декабре 1914 г.— 14,1 тыс., в январе 1915 г. количество рабочих опять уменьшилось до 13 тыс. и только в декабре 1915 г. оно поднялось до 19,2 тыс. человек [172]. В железоделательной промышленности в первые же два месяца войны число рабочих уменьшилось на 22,3 тыс. человек [173] и т. д.

В связи с привлечением промышленности к работе на войну буржуазия настойчиво и многократно выдвигала перед Военным министерством требование об отсрочках рабочим оборонных предприятий. Однако первоначальные ходатайства перед Генеральным штабом не увенчались успехом. А. И. Гучков, ставший во главе военно-промышленных комитетов, обратился с телеграммой к верховному главнокомандующему, в которой просил оставить рабочих и служащих в распоряжении промышленных заведений. Он указывал, что дальнейшее изъятие квалифицированных рабочих «при чрезвычайно обострившемся положении вопроса о рабочем составе поставит ряд крупных предприятий, занятых исключительно заказами по обороне, в безвыходное положение» [174]. Ходатайство буржуазии было услышано, и к сентябрю 1915 г. отсрочкой уже пользовались 300 тыс. рабочих промышленных предприятий [175]. На Урале в конце 1915 г. из 102 тыс. рабочих мужчин отсрочками пользовались 19,2 тыс. человек, или 19% рабочих. Но к этому времени мобилизация уже нанесла промышленности тяжелый удар. По словам заведующего отделом труда Центрального военно-промышленного комитета Я. С. Розенфельда, из промышленных рядов были изъяты «опытные, обученные рабочие, на пополнение кадра которых требуются десятилетия». Ушедших квалифицированных рабочих заменяли женщины, менее квалифицированные рабочие, подростки, дети.

Помимо предоставления отсрочек буржуазия стала настойчиво добиваться предоставления выполнявшим военные заказы предприятиям «преимущественного перед другими права на пользование трудом военнопленных» [176] и перевода их с сельскохозяйственных работ в промышленность. Но в этом буржуазия имела серьезных конкурентов в лице крупных дворян-землевладельцев — большая

[172] «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. 2. Пг., 1917, стр. 34.

[173] Там же, стр. 38.

[174] «1-е заседание Центрального военно-промышленного комитета».— «Известия ЦВПК», № 1, 24 августа 1915 г.

[175] По анкетному обследованию, проведенному Центральным военно-промышленным комитетом, число лиц, пользовавшихся отсрочкой, определялось в 286 тыс. человек.

[176] «По обеспечению предприятий рабочим составом».— «Известия ЦВПК», № 3, 2 сентября 1915 г.

часть пленных попала к помещикам на сельскохозяйственные работы. Попытка буржуазии добиться привоза бельгийских рабочих на русские предприятия оказалась иллюзией, с которой пришлось скоро расстаться. Однако удалось завербовать и привезти несколько десятков тысяч китайских рабочих, значительное количество которых попало в Донбасс.

Впоследствии буржуазии удалось добиться предоставления отсрочек более широкому кругу рабочих и даже вернуть часть мобилизованных из армии. По данным на 1 декабря 1916 г., 45% рабочих горнопромышленных предприятий получили отсрочку [177]. По предприятиям шести районов, целиком занятых работой на оборону, где насчитывалось 237,9 тыс. взрослых рабочих, около 50% пользовались отсрочками (117,7 тыс. человек). По предприятиям тех же районов, лишь частично работавших на оборону, процент отсрочек понижался, но и здесь он составлял около $^1/_3$ взрослых рабочих [178]. На предприятиях Московского фабричного района на 343 тыс. рабочих от 17 лет и старше 138,6 тыс. пользовались отсрочками; процент рабочих, бронировавшихся предприятиями, был тем выше, чем большее значение для армии имело само предприятие: на снарядных и трубочных заводах — 61,2% взрослых мужчин пользовались отсрочками, затем идут химические и снарядные предприятия (45,1), металлургические (39,6%), и самый низкий процент имели текстильные предприятия, но и там 27,1% рабочих-мужчин пользовались отсрочками [179].

К 1 октября 1916 г. число лиц, пользовавшихся отсрочками по призыву на военную службу, перевалило за 2176 тыс. человек, в том числе свыше 308 тыс. служащих [180]. По 328 промышленным предприятиям Московского района из 146,3 тыс. рабочих пользовались отсрочкой почти 50% рабочих (72,7 тыс. человек), из них подавляющее большинство рабочих-металлистов [181] (у металлистов пользовались отсрочками $^2/_3$ рабочих, у текстильщиков — 25%). Данные Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района в основе совпадают с данными Особого совещания по обороне. В конце концов правительство вынуждено было предоставить, и в достаточно большом количестве, отсрочки, но это не покрывало ущерб, нанесенный промышленности в первый год войны.

В распоряжении историка нет совершенно точных данных о численности рабочего класса за время войны, а поэтому очень трудно проследить динамику отдельных групп рабочих. Общепризнано, что статистика фабричных инспекторов не полна; она дает приуменьшенные данные о численности рабочего класса. Этот недоучет достигает во время войны, вероятно, около полумиллиона

[177] «Рабочие в горной промышленности».— «Известия ЦВПК», № 181, 15 декабря 1916 г.
[178] «Россия в мировой войне 1914—1918 года», стр 76, 77.
[179] Там же, стр. 85.
[180] Там же, стр. 88 и 101.
[181] «Учет рабочей силы (ноябрь 1916 г.)».— «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1917, № 1—2, стр. 21.

Таблица 18

Численность и динамика рабочего класса в годы мировой войны

	1913 г		1914 г		1915 г		1916 г		1917 г	
	тыс человек	%	тыс человек	%	тыс человек	%	тыс человек	%	тыс человек	%
По данным фабричных инспекторов *	1966,1	100,0	1960,9	99,7	1922,6	97 4	2093,9	107,0	—	—
По данным Н Я Воробьева — С Г Струмилина **	2598,6	100,0	2667,0	102,6	2641,5	101,7	2926,0	112 2	3024,3	116,4
По материалам переписи 1918 г по непрерывно действовавшим предприятиям ***	772,0	100,0	795,0	102,9	825,6	106,9	872,3	113,0	913,3	118,2

* «Народное хозяйство в 1916 году» вып VII стр 128—129 Для 1913 г мы вычли 353 4 тыс человек бывших в Варшавском округе Таким образом, все данные без Польши

** *С Г Струмилин* Динамика продуктивности труда в России — «Плановое хозяйство», 1924, № 6 Н Я Воробьев определяет число рабочих на основе переписи 1918 г в 2557 тыс (в границах СССР), что немного менее того количества, которое дает С Г Струмилин

*** *Н Я Воробьев* Указ соч , стр 122 Эти данные немного расходятся с данными того же автора опубликованными во введении «Фабрично заводская промышленность в период 1913—1918 гг »

рабочих Но если сравнить данные фабричной инспекции с другими приводимыми в табл 18 показателями, то можно получить довольно правильное представление как об абсолютной численности рабочих, так и о динамике их развития

Данные фабричных инспекторов не включают компактную группу рабочих военных предприятий в 221,5 тыс человек, выросшую в военное время, поэтому они дают тенденцию к незначительному сокращению рабочих в 1914—1915 гг и занижают общий рост рабочих в 1916 г Если внести эту поправку, то получим тенденцию роста, совпадающую с данными остальных групп, которые мы назовем данными ЦСУ Динамика роста рабочих промышленных предприятий, среди которых 80% были предприятиями, непрерывно работавшими на войну, совпадает с данными С Г Струмилина — Н Я. Воробьева

Если внести поправку на Польшу, то, очевидно, происходил непрерывный рост рабочего класса, особенно значительный в 1916 и 1917 гг Количество рабочих в 1916 г увеличилось примерно на 13%, а в 1917 г — на 17—20%.

Однако общий процент роста рабочего класса скрывает те противоречивые тенденции, которые характеризовали отдельные отрасли производства и различные группы рабочего класса

Увеличилось количество рабочих в отраслях, изготовлявших предметы вооружения,— в машиностроении (на 114%), в химии (на 46,4%), в кожевенной промышленности (на 34%), в изготовлении пищевых продуктов (на 13,7%) и в горной и горнозаводской (на 6%), а во многих отраслях, в том числе и текстильной, количество рабочих уменьшилось [182]

Вместе с горной промышленностью и казенными заводами рабочий класс насчитывал около 3 млн человек Особенно усилилась за время войны прослойка металлистов, ставших самой мощной группой рабочего класса

По сведениям Особого совещания по обороне, собранным по 12 районам заводских совещаний и охватившим лишь около 5000 промышленных предприятий, в начале 1917 г. насчитывалось 2443 тыс рабочих, из них 1039,5 тыс металлистов, 664 тыс рабочих текстильного производства, 200 тыс металлургов, свыше 120 тыс химической промышленности и т д. [183]

Промышленность впитала за время войны не менее 1 млн человек новых рабочих

Еще до войны Петербург и Москва являлись крупнейшими рабочими центрами Во время войны в связи с ростом металлообрабатывающей промышленности, химии, производством предметов боевого снаряжения пролетариат обоих городов еще более увеличился

[182] *Н Я Воробьев* Указ соч, стр 122

[183] «Россия в мировой войне 1914—1918 годов», стр 72—73 Приведенные данные касаются лишь оборонных предприятий, бывших в поле зрения заводских совещаний Можно предполагать, что сюда не вошли угольные предприятия, электростанции и т д

Особенно вырос Петроград с прилегающими районами· количество рабочих увеличилось с 278 тыс человек до 430 тыс человек, почти исключительно (148 тыс) за счет металлистов [184]. Рабочий класс Петрограда удвоился На 17 крупнейших заводах-гигантах города было сосредоточено 165 тыс рабочих, или в среднем почти по 10 тыс. человек на одно предприятие. На пяти гигантах было почти 83 тыс человек, или по 16,5 тыс рабочих на каждом

В Москве количество рабочих 1 сентября 1916 г. достигало 178 тыс человек Только за восемь месяцев число рабочих увеличилось на 24 тыс человек, а по Московской губернии на 62,5 тыс человек

В подавляющем большинстве губерний мужской состав рабочих уменьшился как относительно, так и абсолютно В Петроградской же губернии только за один 1915 г. произошло абсолютное увеличение рабочих на 13% — исключительно за счет взрослых рабочих [185]

В Центральном промышленном районе и Петрограде половой и национальный состав рабочих изменился значительно меньше, чем на юге в угольной и горнорудной промышленности и на Урале Роль пленных здесь была ничтожна В Петрограде и Московском промышленном районе осело довольно значительное количество рабочих из эвакуированных прибалтийских районов

Во время войны произошло значительное уменьшение процента занятых в промышленности мужчин и увеличилось применение женского труда

Следующие данные рельефно показывают эти изменения (в %) [186]:

	Мужчины		Женщины	
	1913 г	1 января 1917 г	1913 г	1 января 1917 г
Во всей промышленности	69,3	60,0	30,7	40,0
обработка металла	94,9	82,0	5,1	18,0
» хлопка	43,5	30,5	56,5	69,5
Механическая обработка дерева	90,0	81,2	10,0	18,8
Пищевая и вкусовая промышленность	78,0	65,4	22,0	34,6

Во всей промышленности произошла передвижка. на 10% уменьшился мужской состав рабочего класса и на столько же увеличился процент женщин В среднем применение женского труда выросло на $^1/_3$ по сравнению с довоенным уровнем В ряде отраслей промышленности применение женского труда значительно увеличилось в пищевой и механической обработке дерева — примерно на 100%, в об-

[184] *И Росселевич* К характеристике промышленности Петроградского района — «Известия Особого совещания по топливу» 1917, № 7, Неофициальный отдел, стр 3

[185] «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып 2, стр 9

[186] «Статистический сборник за 1913—1917 гг», вып 1, стр 39 (цифры на 1 января 1917 г) «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып 2, табл II (цифры для 1913 г) В данные 1913 г не входит Польша, а в данных на 1 января 1917 года отсутствуют казенные предприятия

работке металлов — приблизительно на 400%. Возросло также по всей промышленности использование детского труда К женскому и детскому труду промышленники прибегали не только вследствие недостатка мужского труда, но и потому, что он был значительно дешевле мужского

По данным промышленной переписи 1918 г, изменение полового соотношения менее значительно процент рабочих-мужчин снизился с 61,3 до 56,6% (1917 г), или на 5%, соответственно и процент женщин повысился лишь с 38,7 до 43,4%. Тем не менее и эти данные указывают на возросшую роль женщин в производственном процессе Если до войны на каждые 100 мужчин работало лишь 63 женщины, то в 1916 г уже работали 77,5, а в 1918 г — 81,2 женщины [187].

Мы подсчитали по 3043 промышленным предприятиям динамику рабочих — мужчин и женщин Получаются следующие данные с 1913 по 1917 г количество занятых мужчин увеличилось на 9,5%, а количество женщин на 33%, иными словами, количество мужчин едва увеличилось на $^1/_{10}$, а количество женщин-работниц на $^1/_3$ [188]

Кроме того, если исключить из числа мужчин-рабочих, занятых в промышленности, пленных и китайских рабочих (вместе около 400 тыс. человек), то соотношение между женским и мужским трудом еще более изменится в пользу женщин По всей вероятности, на 100 мужчин-рабочих женщин работало как минимум 100, если не более

В предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, за 1913 — 1916 гг количество женщин увеличилось на 116 тыс человек (на 16%), за 1914—1916 гг — на 217 тыс, или на 25% За то же время количество мужчин уменьшилось на 340 тыс человек, или на 21% [189]

По статистическим данным Особого совещания по обороне, охватывавшим 700 тыс. рабочих на предприятиях военной промышленности в промышленных районах в начале 1917 г, состав рабочих был следующий: мужчин — 428,3 тыс человек, в том числе 45,8 тыс малолетних и подростков, что составляет около 11%, женщин — 113,5 тыс человек, в том числе малолетних и подростков 20,6 тыс человек, или 18% Кроме 541,8 тыс рабочих статистика отдельно указывала 33,4 тыс — так называемых инородцев, 70,9 тыс — военнопленных и 53,7 тыс — рабочих — иностранных подданных [190] Так называемые инородцы — это представители народов Средней Азии, мобилизованные царским правительством для работы «в тылу» и отправленные на оборонные предприятия Все

[187] «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг», стр 100, табл 3

[188] Там же, стр 99, табл 2

[189] «Народное хозяйство в 1916 году», вып VII, стр 128—129

[190] «Россия в мировой войне 1914—1918 года» стр 74—75 Речь идет о следующих районах Кавказский, Нижегородский, Одесский Ростовский Сибирский, Уральский, т е нет данных о количестве рабочих текстильщиков Московского промышленного района

необычные для мирного времени категории рабочей силы в промышленности данных районов составляли 158 тыс человек, или 34% от общего количества рабочих

По Московскому заводскому совещанию с 842,7 тыс рабочих процент женщин еще более значителен В некоторых отраслях промышленности — текстильной и др — отношение женского труда к мужскому составляло 183%

По Московскому району подростков и малолетних было 11,2%, количество женщин в производстве равнялось количеству мужчин [191] В таких губерниях, как Владимирская, Костромская, Рязанская, Смоленская, Тверская, женщин работало в промышленности значительно больше, чем мужчин Во Владимирской губернии на 67 тыс мужчин приходилось 105,6 тыс женщин (158%), а в Костромской — на 25,6 тыс мужчин — 48,8 тыс женщин (188%) [192]

Женский труд и труд подростков и малолетних широко внедряется не только в текстильной промышленности, но и во всех других отраслях, включая металлообрабатывающую и химию. Так, по Петрограду за три года войны процент взрослых женщин на предприятиях повысился с 25,3 (1 января 1914 г.) до 33,3 (1 января 1917 г), или на 8% [193] Не было ни одной профессии, где бы роль женщины снизилась. В ведущей, металлообрабатывающей, промышленности города применение женского труда увеличилось на 600%. с 3,2% до 20,3% взрослых рабочих В обработке волокна и вкусовой промышленности взрослые рабочие-мужчины составляли лишь 20%, а остальные 80% — женщины (66—69%) и дети Количество взрослых мужчин в Петрограде в целом снизилось на 7,2%, в металлообрабатывающей промышленности — на 17%, в обработке дерева — на 21,6%, во вкусовой промышленности — на 34% Усиленное внедрение женского труда в 1915 г в Петроградском районе и в металлопромышленности было отмечено еще работниками военно-промышленных комитетов применение женского труда к концу 1915 г. здесь возросло в 3—4 раза [194]

Помимо количественного сокращения мужская часть рабочего класса претерпела значительные качественные изменения Мы уже отмечали, что неквалифицированная или малоквалифицированная рабочая сила заменила мобилизованных квалифицированных рабочих

Каменноугольная и антрацитовая промышленность Юга испытала особенно глубокие изменения в части рабочего состава За 1914—1916 гг в промышленность влилось более 150 тыс человек Но пополнение рабочих кадров Донбасса шло в 1916 г главным образом за счет пополнения военнопленными, женщинами, подростками, китайцами, беженцами Работников «полной трудоспособности» в коп-

[191] Там же, стр 84
[192] Там же, стр 82
[193] «Изменения в рабочей армии Петрограда» — «Статистика труда», 1919, № 1—4, стр 7
[194] «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып 1 Пг, 1916, стр 32—33

це 1916 г в Донбассе насчитывалось 38%, в том числе 25% пленных и 13% женщин и подростков

Сильно изменился состав рабочих металлургических предприятий В августе 1915 г, т е через год после начала войны, состав рабочих предприятий, входящих в состав «Продаметы» [195], пополнялся из следующих категорий. пленных — 12 745 человек (вместо затребованных 21,2 тыс), взрослых рабочих — 9157 человек, женщин и подростков — 8104 человека, далее идут беженцы, арестанты и «инородцы» — 1600 человек Наибольшую категорию составляли пленные, женщины и подростки немного уступали количеству взрослых рабочих, которые составляли 29% общего пополнения. Всего поступило 31, 7 тыс. человек, а недостаток рабочих достигал 29, 6 тыс

Пожалуй, еще более глубокие изменения произошли в составе рабочего класса Урала Все обследователи уральской промышленности указывали на необходимость пополнения Урала рабочим составом Урал растерял почти половину своих квалифицированных мастеров Кадр русских рабочих «полной производительности» на Урале уменьшился с 132, 5 тыс до 75 тыс. человек [196]

Ухудшение качественного состава рабочих на Урале происходило активнее и изменения были глубже, чем в других районах империи. Применение труда пленных на Урале практиковалось наиболее широко и началось раньше, чем в других районах Только в 19 крупнейших горнозаводских предприятиях с общим количеством рабочих в 161 тыс человек было занято 47, 2 тыс военнопленных, что составляло 44% от числа русских рабочих. «По отдельным предприятиям можно найти еще более красноречивые цифры В одном крупнейшем предприятии с общим числом рабочих в 34, 4 тыс человек было: русских рабочих — мужчин, женщин и подростков — 15,8 тыс. человек, военнопленных — 15,6 тыс , китайцев и персов — около 3 тыс » [197]

К началу 1917 г на промышленных предприятиях Урала насчитывали до 50 тыс. пленных Совет съездов горнопромышленников Урала просил в конце 1916 г. еще 7,5 тыс. пленных для ряда предприятий. М А Сиринов определял количество рабочих на Урале в конце 1916 г в 178,6 тыс. человек, из которых военнопленных было 53,4 тыс и 10 тыс. китайцев [198].

К лету 1917 г., по данным Главного управления Генерального штаба, количество пленных, занятых на всякого рода работах, достигало 1636,3 тыс человек, но только около $^1/_5$ было занято в промышленности — 376,5 тыс человек Из них в распоряжении Министерства торговли и промышленности находилось 357,6 тыс. человек, а остальные работали на предприятиях артиллерийского и интендантского ведомств Подавляющее большинство пленных находилось в трех губерниях: Пермской, Екатеринославской и Донской области.

[195] «Происшедшие за время войны изменения в рабочем персонале металлургических предприятий» — «Известия ЦВПК», № 9, 22 сентября 1915 г

[196] «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып 2, стр 26

[197] «Военнопленные» — «Известия ЦВПК», № 189, 10 января 1917 г

[198] *М Сиринов* К вопросу о демобилизации армии — «Известия ЦВПК», № 231, 27 мая 1917 г

Около 50 тыс. человек было занято на предприятиях Московского промышленного района [199]

По отраслям промышленности военнопленные распределялись следующим образом [200]:

В металлургической и металлообрабатывающей промышленности	167,2 тыс человек
В каменноугольной	92,4 » »
На лесных и торфяных разработках	90,6 » »
На обработке минеральных веществ	7,5 » »
» » хлопка, пеньки и джута	2,1 » »
» » дерева	4,8 » »
В электрической промышленности и пароходных предприятиях	3,3 » »
В химическом производстве	1,6 » »
В бумажном и полиграфическом производстве	1,4 » »
На обработке пищевых веществ, животных продуктов, шерсти и других предприятиях	5,5 » »
Итого	376,4 » »

Таким образом, пленные концентрировались в металлургической промышленности, топливной и на лесозаготовках По остальным отраслям пленные были разбросаны небольшими группами и не могли смягчить кризиса в рабочих руках или оказать какое-либо заметное влияние на производительность труда.

Развитие машиностроения, металлообрабатывающей и химической отраслей промышленности требовало преимущественно квалифицированных рабочих, нужда в которых обострилась со времени мобилизации промышленности В 1915 г Урал переживал недостаток рабочих в размере 30% общего количества рабочего состава Одних квалифицированных рабочих недоставало 12 тыс человек В Московском промышленном районе в июле 1915 г при нехватке 10 тыс. рабочих 60% спроса приходилось на квалифицированных металлистов

В июле 1916 г Московское общество фабрикантов и заводчиков произвело опрос 45 металлообрабатывающих заводов При выявившемся недостатке в 6700 рабочих 80% составляли квалифицированные рабочие В то же время Общество фабрикантов и заводчиков констатировало отсутствие на рынке рабочих — кожевников, текстилей; «таких же специалистов, как паяльщиков, штамповщиков, медников, жестянщиков, а также опытных литейщиков, модельщиков и токарей, нельзя найти в настоящее время ни за какие деньги» [201].

[199] «К учету военнопленных» — «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 41, стр 449

[200] Там же, стр 450 По другим данным, количество военнопленных на апрель 1917 г достигало 424 тыс человек (*А Аникст* Количество военнопленных на всей территории России за время с 1915 г по 1 апреля 1918 г — «Статистика труда», 1918, № 2—3, стр 32)

[201] «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып 1, стр 58—59

В Петроградском районе недостаток рабочих этих профессий был еще острее.

Вторая характерная черта рабочего рынка — его текучесть Частые переходы рабочих с одного предприятия на другое — обычное явление К предприятиям были более или менее прикреплены только рабочие, пользовавшиеся отсрочками по призыву. Остальные рабочие свободно переходили с одного места работы на другое, туда, где были лучшие условия труда и выше заработная плата Образчиком такой текучести может служить следующий факт Менее чем за полтора года войны крупнейшее предприятие Урала с 24 тыс. рабочих обновило свой рабочий состав в 1,5 раза, так как было рассчитано за это время 141,8% рабочих По 19 другим предприятиям убыль достигала 60% всего состава рабочих, из которых только 20% приходится на ушедших по мобилизации, а остальные ушли сами Крупнейшие металлургические предприятия Петрограда также обновили свой рабочий состав.

Квалификация новых слоев рабочих значительно понизилась вследствие количественного и качественного истощения рынка труда. «На рынке после двух лет войны качественное истощение оказалось не менее значительным истощения количественного Рынок истощился не только квалифицированным трудом, но и потерял самые работоспособные элементы в труде простом» [202]

Вследствие низкой квалификации заводы оставляли лишь 40—50% рабочих, посланных биржами Статистика бирж труда отмечает новые слои рабочих, которые появились в городе только впервые Это выходцы из собственнических слоев деревни, привлекаемые высокими заработками и стремлением укрыться от военной службы

Возрастной состав резервного рынка труда значительно изменился — увеличилось предложение труда подростков и пожилых рабочих На морозовской бирже труда было безработных (в %)·

	В 1914 г	В 1916 г
До 17 лет	7,3	21,0
От 18 до 40 лет	81,3	53,9
Свыше 40 лет	11,4	25,1

Обе крайние части увеличились на 100%, а средняя значительно сократилась, так как на эту группу приходилось большинство мобилизаций.

В связи с продолжением войны рабочий рынок оказался настолько исчерпанным, что предложение труда стало меньше предъявляемого спроса В 1916 г московская биржа предъявила спрос на рабочую силу в 1,5 раза больше, чем было предложений, такая же кар-

[202] *Д Полупанов* Возрастной состав рабочего рынка — «Известия ЦВПК», № 139, 30 августа 1916 г

тина была в Петрограде В Киеве спрос превышал предложение на 5 тыс человек [203]

За летний и осенний сезоны 1916 г ослабело требование на металлистов Даже на петроградском рынке труда «в избытке оставались металлисты» и рабочие пищевой промышленности Объяснение этому явлению заключается в недостатке металла и топлива Если в первом полугодии 1916 г на каждые 100 свободных мест было лишь 117 предложений, то во втором полугодии поступило 212 предложений

На московской бирже труда никакого ослабления на требование рабочей силы не было Там предложение труда едва составляло 60—80% от спроса Особенно усилились требования на строительных рабочих и чернорабочих. «Спрос на рабочих этой категории превышал, таким образом, предложение в 2 и 3 раза» [204]

В ходе войны буржуазия добилась отсрочки от призыва для квалифицированных рабочих Но первые мобилизации рабочих и истощение рынка труда, широкое применение труда пленных, женщин, подростков — все это деквалифицировало рабочий состав и понижало производительную способность труда. В том же направлении шло ухудшение материального положения рабочих и расстройство материально-технического снабжения предприятий

Количество рабочих в промышленности за время войны увеличилось. Но рост числа рабочих, происходивший за счет не вполне полноценной рабочей силы, в лучшем случае способен был только покрыть падение производительности труда, а в рудной, топливной промышленности и металлургии, на долю которых приходилось большая часть прироста рабочих, не было даже этого Поэтому со второй половины 1916 г наблюдается странная картина количество рабочих непрестанно увеличивается, а выработка металла, угля и другой продукции столь же быстро сокращается или остается неизменной

Недостаток квалифицированных кадров рабочей силы и варварское отношение правительства к небольшому числу квалифицированных рабочих сыграли немаловажную роль в хозяйственном кризисе, который охватил русскую промышленность в конце 1916 г

Подведем некоторые итоги влияния войны на промышленность

Уже в конце 1916 г большинство отраслей промышленности находилось в упадке «Влияние войны выявилось в полной мере к 1916 г, когда большая часть русской промышленности обнаружила сокращение производства, в то время как чисто военные производства в этом году дали колоссальный рост продукции» [205] Однако в следующем году и они катастрофически сократили свое производство, так как глубокая дезорганизация всего хозяйства лишила их сырья и других необходимых предметов для поддержания производства

[203] «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып 2, стр 68, 131, 134, 137
[204] Там же, стр 58—60
[205] «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг», стр 66

Соглашаясь с Н. Я. Воробьевым, что 1916 г. является несомненно годом глубокого расстройства промышленности, мы должны отметить, что им выявлены далеко не все процессы дезорганизации промышленности. Именно поэтому он делает серьезнейшую ошибку, когда заявляет, что «одна из самых главных причин кризиса промышленности для большинства отраслей русской промышленности заключалась в деформации рабочей силы в количественном и качественном отношении, следствием чего и было падение продуктивности рабочих»[206]. Я нисколько не намерен приуменьшать значение дезорганизации рабочей силы в развитии кризиса промышленности, но считаю, что не она являлась одной «из самых главных причин кризиса».

Падение продуктивности труда рабочих было лишь выражением и следствием общего экономического расстройства, которое охватило все отрасли промышленности и выражалось в нарушении правильного и достаточного снабжения производства материалами и инструментами. Падение производства и сокращение производительности труда является результатом экономического истощения русского капитализма, который из-за своей слабости слишком большую часть своих средств уделял на удовлетворение потребностей обороны, и в конце 1916 г. потребности войны далеко опередили производственные возможности русского капитализма. Разрушение крупной промышленности увеличивалось еще и потому, что транспорт работал крайне неаккуратно: он не доставлял предприятиям достаточного количества сырья и топлива. Поэтому при наличии рабочих и машин предприятия стояли, железные дороги не подвозили топлива, руду, отсутствовали такие элементы производственного процесса, без которых останавливались все предприятия.

Предметы обороны производились за счет сильнейшего напряжения всех производственных средств страны, даже частичного использования основного капитала. Разруха явилась не столько результатом политики царизма по отношению к рабочим (это только углубило кризис), сколько следствием банкротства основных отраслей капиталистического хозяйства: транспорта, металла, топлива, сельского хозяйства. Их производительная способность оказалась недостаточной для удовлетворения предъявленных потребностей. Некоторые отрасли хозяйства — металлообрабатывающая, машиностроение, химическая — увеличили производство, но их деятельность была направлена на выработку средств разрушения, а не на укрепление всей системы хозяйства, да и в этом направлении, не получая достаточно сырья, они не могли полностью развить свое производство. Понижение производительности труда при такой обстановке и при наличии продовольственного кризиса — вовсе не первооснова, а неизбежное следствие, которое вместе с другими факторами привело к общей разрухе.

[206] *Н. Я. Воробьев.* Указ. соч., стр. 148. (Разрядка моя.— *А. С.*)

Экономическая политика правительства в области промышленности, слабость и неспособность его подчинить весь аппарат капиталистического производства целям государственной обороны, стихийное недовольство масс политикой правительства и условиями труда, созданными буржуазией, несомненно ускорили наступление хозяйственного кризиса в стране. Отсталая капиталистическая система и наличие разложившегося самодержавного строя, опиравшегося на узкую социальную прослойку землевладельческой знати и верхушку буржуазии, быстро подготовили наступление острого экономического кризиса в стране.

Глава вторая

СТРОИТЕЛЬСТВО КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ

Частные и казенные заводы

Казна являлась владельцем многих военных предприятии и арсеналов, на которых было сосредоточено исключительно производство только некоторых видов оружия винтовки, пулеметы, патроны, порох, дистанционные трубки и т п По отношению казны к своим собственным предприятиям и по их развитию в известной мере можно судить об усилиях правительства в деле обеспечения армии боевым снабжением. Деятельность военного ведомства в отношении казенных предприятий шла в двух направлениях с одной стороны, принимались меры к увеличению производительности существовавших заводов, с другой — строились новые крупные заводы [1]

Русская буржуазия ревниво следила за деятельностью казны в области усиления казенных заводов Еще до выработки А А Маниковским общей программы казенного заводского строительства буржуазия била тревогу по поводу казенного строительства На II съезде военно-промышленных комитетов в качестве одной из задач ставилась борьба с казенным строительством и иностранными заказами В. В. Жуковский в своей речи говорил «Нам приходилось бороться против увлечения излишними заказами за границей и против идеи создания исключительно казенных заводов» [2]

Едва ли можно серьезно говорить о том, что военное ведомство являлось сторонником исключительно казенного производства предметов вооружения Артиллерия и снаряды производились и на частных предприятиях, к производству взрывчатых веществ привлекалась частная инициатива, и уже в 1915 г В Н Ипатьев заключил многочисленные договоры на строительство десятков частных сернокислотных и иных заводов Пожалуй, лишь производство винтовок и пулеметов целиком являлось казенной монополией, и частные пред-

[1] В работе А А Маниковского «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг» изложен лишь вопрос о строительстве новых казенных заводов, вопрос о расширении многочисленных существовавших заводов и арсеналов не получил освещения Маниковский также не затронул вопрос о создании частных заводов, непосредственно работавших на оборону в области боевого снабжения, например авиационных, автомобильных, химических Следовательно, исследование Маниковского в области боевого снабжения не является полным, оно не захватывает целые отрасли промышленности и не показывает реконструкцию даже казенных заводов

[2] «Труды Второго съезда представителей военно промышленных комитетов», вып 1 Пг, 1916, стр 26—27

приниматели не занимались ими, хотя обнаруживали стремление и здесь выступить конкурентом казны Практика распределения заказов Особым совещанием по обороне с выдачей огромных авансов, часто без всякого обеспечения, лучше всего опровергала заявления о пристрастии казны к чисто казенному строительству

Вся программа казенного строительства была изложена А А Маниковским 2 ноября 1916 г военному министру. В ней предусматривалась постройка 37 казенных заводов и мастерских стоимостью около 607 млн. руб

Уже самый факт необходимости защиты развернутой программы казенного строительства показывает силу воздействия банков и буржуазных организаций на направление всей экономической политики правительства Политика ГАУ, по словам А А Маниковского, находила «лишь слабый отклик в правительственных кругах», в то время как промышленники находили могущественное покровительство и умели добиться осуществления своих планов, клонившихся к всяческому угнетению казенных заводов [3]. Выходило, что не казенные заводы «угнетали» частные предприятия, а именно последние мешали созданию казенных предприятий даже в таких пределах, которые хотя бы минимально обеспечивали потребности государственной обороны Общее направление правительственной политики скорее склонялось во вред государству и в пользу промышленников Военное ведомство относительно поздно, лишь в 1915 г , пришло к выводу о необходимости строительства новых предприятий, а в 1916 г еще приходилось доказывать целесообразность и необходимость этого [4].

[3] *А А Маниковский* Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг, ч 1 М, 1920, стр 69

[4] В отчете Военного министерства за 1915 г дается следующая характеристика мер, принятых к усилению производительности и строительства казенных заводов «Кроме расширения технических артиллерийских заведений были приняты меры к скорейшему окончанию постройки капсюльного отдела Сергиевского Самарского завода взрывчатых веществ и Тамбовского порохового завода, с установлением на последнем производительности в 440 000 пуд пороха взамен намеченной первоначальной нормы в 200 000 пудов В отчетном году закончены постройки Тверской снаряжательной мастерской для снаряжения снарядов для минометов и бомбометов, Кадиевского бензольного завода и нитрационной мастерской для извлечения толуола и бензола Затем были приняты подготовительные меры к возведению 4-го оружейного завода производительностью в 1850 винтовок в день в Туле, для слияния в будущем обоих тульских заводов в один мощностью до 3500 винтовок в день, 2-го сталеделательного завода в Луганске с оборудованием для выплавки до 4 100 000 пуд мартеновского металла, трубочного завода в Пензе для изготовления ежегодно 4 млн трубок и 2 млн капсюльных втулок, завода взрывчатых веществ в Нижегородской губернии с ежегодной производительностью 550 000 пуд тротила, 12 000 пуд тетрила и суточным снаряжением 16 600 снарядов и 5000 ручных гранат, завода для добывания азотной кислоты из воздуха на реке Суне в Олонецкой губернии, завода аммиачной селитры производительностью в 50 000 пуд ежемесячно, снаряжательного завода во Владимирской губернии, нитрационной мастерской в г Грозном и мастерских для изготовления светящихся снарядов на главном артиллерийском полигоне Сестрорецкий оружейный завод, как расположенный в крепостном районе, постановлено перевести в одну из внутренних губерний, увеличив его производительность с 200 000 до 800 000

Несколько ранее пришлось заняться усилением производительности существовавших казенных заводов Частично этого вопроса мы касались ранее. Сейчас рассмотрим его более подробно и начнем с оружейных заводов.

Расширение производства винтовок и пулеметов

В отчете военного министра за 1915 г. говорится, что в первую очередь были приняты меры к расширению оружейных заводов, «а затем было приступлено к усилению мощности остальных казенных заводов, так как выяснилось, что возлагать надежды на частные заводы или на своевременное получение заграничных заказов возможно лишь в малой мере. Все строительные и механические работы к лету 1915 г. были в полном ходу и велись непрерывно с полным напряжением сил» [5].

Изготовлением винтовок были заняты, как известно, три казенных завода: Ижевский, Тульский и Сестрорецкий, причем решающее значение имел Ижевский завод, снабжавший другие заводы сталью, заготовками для стволов и другими деталями Производительность всех трех заводов не превышала 40 тыс винтовок в месяц Чтобы добиться этой производительности, необходимо было несколько месяцев, так как производство винтовок перед войной было свернуто и в августе 1914 г было изготовлено лишь немногим более 10 тыс. штук [6], а в октябре перевалило за 30 тыс На этом уровне производство находилось до марта 1915 г., когда впервые было изготовлено 40 тыс. винтовок Постепенно было намечено довести производительность трех казенных заводов до 950 тыс. винтовок в год, но на деле этого добиться не удалось; в 1915 г было изготовлено 740 тыс винтовок

В начале 1915 г ежемесячная потребность в винтовках определялась в 200 000 штук. По указаниям Штаба верховного главнокомандующего был выработан план снабжения армии винтовками до 1 ию-

винтовок в год Заметим, Военным советом утверждено положение об учреждении хозяйственно-строительной комиссии для постройки 3 го патронного завода производительностью в 840 млн патронов в год» (ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 115, л 21 Всеподданнейший доклад по Военному министерству 1915 г) Необходимо иметь в виду, что данный перечень принятых Военным министерством мероприятий далеко не освещает истинного положения вещей с ходом строительства, оборудованием и работой новых предприятий

[5] ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 115, л 21—21 об

[6] Из-за недостатка финансовых ассигнований ружейные заводы с 1908 г сокращали изготовление винтовок, чтобы не распускать кадры опытных рабочих, на Сестрорецком заводе дело дошло до того, что вместо винтовок изготовлялись медные котелки, что вызвало протест частных медепрокатных заводов Тульский завод изготовлял вместо пулеметов и винтовок взрыватели к фугасным снарядам, пики, металлические части для вьюков и т д (ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 55, лл 303—324 об Показания Д Д Кузьмина-Караваева, д 54, лл 17—30 Показания Басова) За пять лет до войны военное ведомство стало хлопотать о соединении Ижевского завода с железнодорожной сетью Осуществлено это было лишь во время войны

ля 1917 г., которым предусматривались: ежемесячная подача в армию 200 000 винтовок, годовой запас — 600 тыс. винтовок, на новое формирование и пополнение до штата — 3,7 млн. винтовок. Кроме уже выданных заказов за границу, предполагалось там же разместить заказ еще на 2,9 млн. штук винтовок, но от дальнейших заграничных заказов предполагалось воздержаться, так как поступление их предвиделось в более дальние сроки, чем изготовление в России.

К январю-февралю 1915 г. относятся и первые мероприятия Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, направленные к увеличению производства винтовок. Наиболее активную роль в этом деле играл А. А. Маниковский, лично обследовавший все предприятия и на месте установивший те меры, которые начальники заводов должны были провести немедленно для увеличения производства.

Главное артиллерийское управление писало в Военный совет, что, хотя все три ружейных завода «испытывают крайнее стеснение в помещениях, почему дальнейшее усиление выпуска изделий достижимо лишь тогда, когда заводы будут обладать необходимой им площадью [7], все же Сестрорецкий завод находился в наихудших условиях», так как за отсутствием заказов на винтовки все его помещения были заняты для производства других изделий [8]. Этот завод подлежал переоборудованию в первую очередь. В результате наведения элементарного порядка производительность Сестрорецкого завода достигла к февралю 1915 г. 4500 винтовок в месяц; ГАУ предлагало увеличить ее в 4 раза, доведя изготовление винтовок до 500—600 штук в день, или до 15—18 тыс. в месяц. Такое расширение производства требовало расходов до 2 млн. руб. на постройку новых зданий «в течение одного строительного сезона» [9] и расширения механического оборудования. Все строительные работы должны были вестить экстренно и не обычным порядком, а «без представления проектов, лишь по отчетам в виде смет». На усиление механического оборудования завода — заготовление «механизмов, трансмиссий и прочих, могущих потребоваться механических сооружений»— испрашивалась весьма скромная сумма — 100 тыс. руб. Предложения ГАУ были утверждены Военным советом, и 2 млн. руб. отпущены за счет военного фонда [10]. Подрядчики согласились ускорить строительные работы за дополнительную доплату в 24 тыс. руб., что позволяло удвоить производство винтовок уже в июне вместо октября [11]. Принятые мероприятия действительно позволили в июле удвоить выпуск винтовок, а в ноябре он был утроен (против января 1915 г.).

Следующие мероприятия касались Ижевского завода. А. А. Маниковский в своем представлении от 6 февраля председателю Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, написанном в

[7] ЦГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 742, лл. 25—28. «Об отпуске средств для усиления выхода винтовок Сестрорецкого оружейного завода. 10 февраля 1915 г.».
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же, д. 84, л. 32. Решение Военного совета состоялось 11 февраля 1915 г.
[11] Там же.

Ижевске, настаивал на немедленном, «без потери даже одного дня» [12], проведении экстренных мероприятии, «иначе Ижевскии завод, — писал он,— являющийся «маткой» для всех остальных заводов, не сдвинется сам с мертвой точки и по-прежнему будет тормозить и Тулу и Сестрорецк» К рапорту был приложен перечень экстренных мероприятий, необходимых для Ижевских заводов, чтобы поднять изготовление винтовок до 100 тыс штук на всех ружеиных заводах

Предложенные А. А Маниковским меры касались главным образом перестройки заводского арсенала для расширения помещений под столярно-ложевую мастерскую, строительства баков для масла, усиления механизмами молотовой мастерской и заготовки 500 тыс ложевых болванок и 500 тыс. кирпича На расходы требовалось 426 тыс руб. и 300 тыс руб. авансов на заготовку ложевых болванок

К концу февраля 1915 г были разработаны мероприятия по всем оружейным заводам, необходимые для увеличения производства винтовок с 1350 в сутки до 3300, или до 1 млн винтовок в год [13]

Для такой большой перестроики и расширения заводов требовались крупные строительные работы, закупка материалов, приобретение большого количества станков и оборудования и т д А главное, все эти работы не должны были мешать нормальнои деятельности заводов по изготовлению винтовок Расходы на переоборудование заводов достигли солидной суммы — 11 683 тыс руб и складывались из следующих сумм: Тульскому заводу — 3410 тыс руб , Сестрорецкому — 600 тыс руб , Ижевским заводам — 5273 тыс руб Кроме того, на заготовку черновых стволов в частной промышленности требовалось 2400 тыс руб

По отдельным статьям весь расход распадался так·

На заготовление станков и механизмов	5 450 000 руб
На ремонт станков и устройство приспособлений, трансмиссий и пр	770 000 »
На заготовление двигателей	320 000 »
На новые строительные работы	273 000 »
На ускорение производящихся строительных работ в виде выдачи премий подрядчикам	90 000 »
На заготовление запаса материалов для обеспечения будущей усиленной производительности заводов	2 250 000 »
На расширение путей сообщения	130 000 »
На заготовление запаса черновых стволов	2 400 000 »
Итого	11 683 000 руб

[12] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 84, л 37 «Перечня» мероприятий нет в деле, но они указаны в ходатайстве ГАУ в Военный совет от 11 февраля 1915 г (там же, л 38)

[13] Там же, лл 120—121 «Представление ГАУ в Военный совет от 26 февраля 1915 г об ассигновании средств для осуществления некоторых мероприятий по усилению деятельности оружеиных заводов Тульского, Ижевского и Сестрорецкого»

Как видно, наиболее крупные затраты — 6540 тыс руб — шли на усиление заводов новым оборудованием· станками, силовыми установками; следующая статья расходов касалась своевременной закупки про запас материалов, необходимых для будущего производства,— около 5 млн руб. Сравнительно невелики затраты на чисто строительные работы, составлявшие около полумиллиона рублей вместе со строительством путей сообщения

Военный совет отпустил просимые средства лишь в начале апреля 1915 г.[14], вслед за этим началась работа по расширению заводов, затянувшаяся на весь 1915 г., а так как надо было заказать и получить из-за границы несколько тысяч станков, доставка их затянулась и не была окончена даже в 1915 г Все же благодаря принятым мерам производство винтовок увеличилось, достигнув в ноябре 1915 г 80 тыс в месяц И в марте 1916 г, т е через год после начала реконструкции заводов, достигло намеченного количества — 100 тыс штук в месяц.

По мере роста производства винтовок стал ощущаться недостаток стали, выпускаемой Ижевскими заводами Тульский и Сестрорецкий заводы были вынуждены «заготовлять потребную им сталь в частной промышленности, причем поставки стали частными поставщиками производиться с большими задержками, не всегда хорошего качества и притом по крайне высоким ценам» [15] Главное артиллерийское управление намечало довести ежедневный выпуск стали до очень скромного количества — 9000 пудов, для чего требовалось построить две мартеновские печи, установить семь прокатных станов и т. д Постройка двух мартеновских печей стоила 250 тыс руб, земля, подъездные дороги — также 250 тыс, строительные работы в связи с постройкой новых зданий — еще 250 тыс руб Свыше 1 млн руб стоило оборудование, краны, прокатные станы и т д, а также их установка Осуществление этих мероприятий намечалось в течение года. Все расходы исчислялись в 1,8 млн руб Эти средства были отпущены в начале августа Военным советом Таким образом, потребовалось затратить всего около 16 млн руб, чтобы развернуть производство винтовок в России до 100 тыс. в месяц

Рассмотренные нами материалы показывают, что к расширению производства винтовок было приступлено еще до организации Особого совещания по обороне Более или менее значительные мероприятия по усилению трех оружейных заводов Военный совет утвердил лишь в апреле 1915 г., т е с опозданием на 9 месяцев Меры эти в основном сводились к установке новых станков и механизмов и закупке материалов. Чисто строительные работы были совершенно ничтожны и не требовали ни большого количества рабочих, ни длительного времени. Если бы военный министр своевременно занялся

[14] Там же, л 125

[15] Там же, лл 333—334 «Представление в Военный совет об отпуске средств на расширение Ижевского сталеделательного завода 31 июля 1915 г»

этим вопросом, производство винтовок могло резко увеличиться к началу 1915 г., и летом 1915 г армия могла бы избежать столь катастрофического недостатка винтовок

Кроме перечисленных выше мер, Военное министерство поставило вопрос о строительстве в г Туле четвертого казенного завода по производству винтовок производительностью в 1850 винтовок в день и строительстве частного оружейного завода

Сестрорецкий оружейный завод было решено позднее перевести во внутреннюю губернию империи, увеличив его производительность с 200 тыс до 800 тыс винтовок в год[16] Предложение о строительстве казенного завода исходило от Главного артиллерийского управления, а вопрос о строительстве частного завода в Царицыне исходил от Балинского, являвшегося представителем фирмы «Виккерс», и был внесен военным министром Сухомлиновым на рассмотрение Совета министров помимо своего ведомства в январе 1915 г, т е ранее, чем был поставлен вопрос о строительстве казенного завода[17] В принципе одобрив предложение Сухомлинова, Совет министров, поскольку предстояли большие финансовые затраты авансом на закупки в Англии, потребовал согласовать вопрос с Министерством финансов После этого Сухомлинов написал письмо в ГАУ Д. Д. Кузьмину-Караваеву с указанием, что он признает необходимым устройство завода независимо от других мероприятий и настаивает на одобрении своего предложения вел кн Сергеем Михайловичем Последнии, однако, выступил против организации частного завода, мотивируя это тем, что ружейное производство должно развиваться на казенных заводах

14 апреля 1915 г под председательством генерал-инженера А. П Вернандера состоялось междуведомственное совещание по вопросу о развитии ружейного производства в стране, на котором было принято решение лишь о постройке четвертого ружейного казенного завода, рассчитывая оборудовать его станками с завода Ремингтона, которые он «передает в 1918 году по сравнительно дешевой цене России»

Предполагаемый казенный завод должен был давать 450 тыс винтовок, а вместе с существующими заводами к 1919 г. производство винтовок могло быть доведено до 1,4 млн штук в год. Стоимость этого завода была определена в 31,2 млн руб. Место строительства было намечено в Нижегородской губернии — близость Волги создавала удобства для снабжения завода топливом, а наличие развитой кустарной металлической промышленности обеспечило бы его квалифицированными рабочими кадрами.

Одновременно с решением данного вопроса в междуведомственном совещании было признано необходимым приступить к постройке нового казенного металлургического завода, который должен был обслуживать специальными сортами стали как оружейные, так и ар-

[16] ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 115, л 21

[17] Там же, ф 29, оп 3, д 731, л 146—147 «О Царицынском заводе», ч II, январь 1915 г — январь 1916 г

тиллерийские предприятия Производительность этого завода — 1,25 млн. пуд, тигельной и 4,1 млн пуд мартеновской стали Сооружение завода должно стоить 39 млн руб Место строительства было намечено в Донецком бассейне, в районе бывшего Луганского горного округа, в Екатеринославской губернии Строительство завода должно было продлиться от 3 до 4 лет [18] Вопрос о строительстве частного оружейного завода Особое совещание не решало, и, судя по журналу совещания, этот вопрос и не ставился

13 мая вопрос был перенесен в Военный совет, который признал необходимым построить четвертый казенный завод, но в то же время высказался за постройку частного завода, «чего не просило Главное артиллерийское управление,— пишет Маниковский,— но чего уже давно домогались как отдельные лица, так и разные банковские «комбинации»» [19]. Решение Военного совета о строительстве частного ружейного завода на 600 тыс винтовок в год было принято благодаря настоянию военного министра В А Сухомлинова, решительно поддержавшего, неизвестно по каким причинам, домогательства банкиров и Виккерса.

29 мая 1915 г вопрос о постройке оружейного и металлургического заводов рассматривался Советом министров История вопроса в журнале Совета министров изложена не совсем точно, в частности, там записано, будто совещание под председательством А П Вернандера, учитывая недостаток в винтовках, несмотря на строительство четвертого казенного завода, решило «поставить на очередь вопрос об устройстве помимо казенных еще и частного ружейного завода» [20]. Комиссия А. П Вернандера такого решения не принимала

В А Сухомлинов просил Совет министров об отпуске 11,2 млн. руб. на строительные работы уже в 1915 г по оружейному и металлургическому заводам, в отношении же частного завода он просил разрешения внести «особое представление об отпуске средств, требующихся для его строительства» Предложение о строительстве казенного оружейного и металлургического заводов было утверждено, и просимые 11,2 млн руб на их строительство в текущем году отпущены (5,5 млн руб — на ружейный и 5,7 млн — на металлургический завод). Что же касается предложения В. А Сухомлинова о строительстве частного завода и необходимости казне финансировать его, то оно встретило решительное возражение со стороны министра финансов П Л Барка и государственного контролера П. А Харитонова, которые не могли «отрешиться от серьезных сомнений в удобоосуществимости теперь означенной меры» Они привели ряд серьезных соображений в защиту своих возражений

[18] ЦГВИА, ф 29, оп 3, 1 хоз делопроизводство, ч II Об этом же см ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 6 Копия Особого журнала Совета министров от 29 мая 1915 г «Об отпуске средств на постройку новых ружейных и сталелитейного заводов»

[19] *А А Маниковский* Указ соч, ч 1, стр 78

[20] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 6, лл 125—128 об Особый журнал Совета министров от 29 мая 1915 г Копия, представленная И Л Горемыкиным председателю Верховной следственной комиссии

военному министру: прежде всего цена винтовок, выпущенных частным заводом, дороже, чем казенным, исполнение заказа на 2—3 млн. ружей затянется на 5—10 лет, и это мероприятие к настоящей войне, «очевидно, прямого касательства не имеет». Оба министра выступили против преувеличения надежд в снабжении армии «путем насаждения в России частной промышленности», ссылаясь на неудачный опыт постройки частного артиллерийского завода в Царицыне Этот завод передал заказ казны на орудия за границу, вследствие чего государство «получает иностранные пушки по явно преувеличенным ценам, что, по заявлению министра финансов, предоставит вновь образованному акционерному обществу, владеющему данным заводом, возможность выдать дивиденд по акциям предприятия, фактически не изготовившего ни одного орудия»[21]. В лучшем случае предложение Сухомлинова означало, что постройка частного завода произойдет «на казенный счет».

Из журнала не видно, какие соображения приводил Сухомлинов в защиту своего предложения, которому он придавал «весьма существенное значение» Однако он получил поддержку морского министра И. К. Григоровича, после чего Совет министров одобрил предложение Сухомлинова, хотя и признал «вескость» возражений Барка и Харитонова И на этот раз получилось так, как всегда бывало с проектами военного министра Совет министров с ними не соглашался, но не имел решимости их отвергнуть и взять на себя ответственность за принятое решение

После отставки В А Сухомлинова А. А Маниковский добился пересмотра дела о строительстве частного оружейного завода В связи с необходимостью переноса Сестрорецкого завода из района Кронштадтской крепости в Екатеринославскую губернию Совет министров 27 ноября 1915 г решил строить пятый оружейный казенный завод стоимостью около 35 млн руб. Он поручил военному министру войти в Государственную думу с представлением об отпуске средств на его строительство в сумме 34,5 млн руб Так кончился вопрос о постройке новых оружейных заводов: вместо частного было решено построить пятый казенный завод Несмотря на военное время, вопрос тянулся полтора года В марте 1916 г. комиссия Государственной думы по военно-морским делам обсудила, наконец, законопроект об отпуске средств на строительство оружейного и сталелитейного заводов[22] Учитывая рост цен, она по собственной инициативе решила повысить стоимость оружейного завода с 31 до 42 млн руб , а сталелитейного — с 39 до 52 млн руб Меры, принятые правительством «по расширению ружейного производства на казенных заводах, а также по заказу ружей казенного образца в Америке, были направлены к тому, чтобы

[21] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 6, л 127 (Разрядка моя — *А С*)

[22] Там же, ф 2003, оп 10, д 84, лл 1—7 об Журнал комиссии Государственной думы по военно-морским делам от 6 марта 1916 г Законопроект о строительстве пятого казенного ружейного завода был внесен лишь 13 марта 1916 г Местом нахождения четвертого завода была выбрана Тула, а не Нижний Новгород, пятого — Екатеринославская губерния

обеспечить армию ружьями в далеком будущем» [23], — так резюмировал Д Д Кузьмин-Караваев свой взгляд на снабжение армии винтовками

Производство пулеметов в России было сосредоточено исключительно на Тульском заводе, где имелся пулеметный отдел Специального пулеметного завода не существовало и он не был построен во все время войны Война застала армию при неполном комплекте пулеметов — недоставало 850 штук.

Тульский завод выпускал перед войной 2 пулемета в день, около 55 пулеметов в месяц Его производительность еще в 1908 г достигала 600 штук и перед войной почти не изменилась (58 штук в месяц, или 700 штук в год) Еще в конце сентября 1914 г ГАУ предписывало увеличить производство пулеметов, доведя его до 180—200 в месяц «Такая цифра изготовляемых пулеметов представлялась в то время достаточной» [24] В марте 1915 г ГАУ разрешило Тульскому заводу привлечь к изготовлению пулеметных частей частную промышленность Начальник завода отказался осуществить это предложение, так как частной промышленности не удалось «сделать такой простой вещи, как штыки» Это «авторитетное» заявление удовлетворило ГАУ, и оно более не настаивало на использовании частной промышленности для изготовления деталей к пулемету За первое полугодие войны завод увеличил выпуск пулеметов в 4 раза, к концу 1915 г — в 8 раз, а в сентябре — октябре 1916 г — в 20 раз Максимальная производительность, до которой поднялся Тульский завод, — 1200 пулеметов в месяц

Потребность в пулеметах, установленная в сентябре 1915 г, превышала тогда 2000 штук в месяц при производительности завода в то время в размере $^1/_5$ необходимого (440 пулеметов в месяц)

Увеличение производства пулеметов до 20 в день «потребовало значительной прибавки станков, установленных в помещении, рассчитанном на значительно меньшее количество рабочих, следствием чего явилась теснота, крайне затрудняющая работу», — гласит официальный рапорт [25] Какое количество новых станков было установлено, сколько затрачено средств на расширение завода — об этом сведений не сохранилось В конце ноября 1915 г Главное артиллерийское управление ходатайствовало о начале строительства новой пулеметной мастерской, для которой предполагалось закупить 800 станков На все это требовалось 3861 тыс руб, которые Военный совет 5 декабря 1915 г и отпустил $^2/_3$ средств пошли на покупку оборудования (2,23 млн руб) Видимо, намеченные работы по расширению производства были закончены к середине 1916 г, после чего производство

[23] Там же, ф 962, оп 2, д 23, лл 190—201 Объяснительная записка Д Д Кузьмина-Караваева от 3 января 1916 г

[24] Там же, оп 1 д 54, л 50 об Показания подполковника Н К Ботвинкина 7—8 декабря 1916 г

[25] Там же ф 29 оп 3, д 742, л 387 Представление ГАУ в Военный совет от 27 ноября 1915 г об ассигновании средств на расширение пулеметного отдела Тульского оружейного завода

пулеметов сразу значительно увеличилось Этими мерами и исчерпывалось «творчество» Военного министерства и Особого совещания по обороне в деле увеличения пулеметного производства в России

Военное ведомство взяло ставку на иностранные поставки пулеметов, а не на развитие пулеметного дела в России, обычно ссылаясь на трудности организации пулеметного дела, точность работы, высококвалифицированный состав кадров Со всеми этими трудностями можно было легко справиться, организуя пулеметное производство рядом с казенными ружейными заводами, где были сосредоточены квалифицированные кадры

Трудно объяснить, почему не было сделано даже попытки организовать в России пулеметный завод, а из четырех частных предложений три были отвергнуты Среди отвергнутых было и предложение М И. Терещенко о постройке пулеметного завода для производства 10 000 станковых пулеметов По выполнению заказа Терещенко предлагал завод передать в распоряжение казны Несмотря на свои миллионы, он рассчитывал построить завод на средства казны, а оборудовать и организовать его производство — техническими силами Тульского завода

Из всех поступивших предложений заслуживало внимания и после девятимесячной волокиты было принято предложение об изготовлении пулеметов датской фирмой Мадсена Испытания пулеметов дали хорошие результаты и, по отзыву известного изобретателя автоматического оружия В. Г. Федорова, этот пулемет заслуживал заказа

Предложение датской фирмы несколько раз обсуждалось в Особом совещании по обороне. Дело затянулось до июля 1916 г , когда Совещание признало, что предложение датского синдиката «является единственным средством к удовлетворению требований армии» [26] Синдикат выбрал место близ г Коврова для переноса завода Несмотря на хорошие результаты испытания и на огромную нужду армии в ружьях-пулеметах, синдикату было заказано лишь 15 000 ружей-пулеметов Мадсена на сумму около 26 млн. руб Причем в договор были намерены внести условия, по которым казна имела право «на возможно выгодных основаниях отказаться от пулеметов, изготовленных после 1 июля 1917 года» [27] Как видно, и здесь, совершенно не понимая обстановку, думали не о том, как бы обеспечить армию оружием, а о том, чтобы оно не оказалось лишним

Единственным надежным источником пополнения армии ручным оружием остались существовавшие три казенные завода, которые производили и пулеметы, и винтовки Произведенные казной меры по их усилению были осуществлены с большим опозданием и могли дать лишь незначительный эффект Ни казна, ни буржуазные организации, ни частная промышленность не могли построить ружейного или пулеметного завода.

[26] ЦГВИА, ф 369 оп 1, д 178, л 73 Журнал Особого совещания по обороне (далее ЖОСО) № 85 от 2 июля 1916 г

[27] Там же л 82

Патронные, трубочные и снаряжательные заводы. Орудийные заводы и арсеналы

Производство патронов в России резко отставало от производства винтовок Два казенных завода, Петроградский и Луганский, не могли справиться со снабжением армии, которая вступила в войну, имея значительный недодел патронов (13%) Уже в середине 1915 г оба завода подняли производство патронов до 760 млн. в год «Однако и эта производительность, превышавшая таковую до войны вдвое, недостаточна, почему необходимо энергично продолжать развитие производительности казенных заводов, задаваясь мощностью Петроградского завода — в 2 млн. патронов в день, или 600 млн. в год — и Луганского — в 1,6 млн в день, или 480 млн. патронов в год» [28].

15 октября 1915 г Главное артиллерийское управление сочло необходимым еще раз увеличить производительность Луганского завода с 480 млн до 600 млн. патронов [29] Следовательно, и после реконструкции заводы могли дать лишь 100 млн патронов в месяц, что едва покрывало половину потребности в патронах, заявленной Ставкой летом 1915 г.

Вся реконструкция стоила больших средств и должна была идти параллельно с усиленной работой заводов На расширение Петроградского завода летом 1915 г было отпущено 1,7 млн руб., из них свыше 800 тыс руб на закупку и установку механического оборудования На двойное расширение Луганского завода (в июле и октябре) было отпущено 4130 тыс. руб , из них «на механические заготовления»—2730 тыс руб. Следовательно, лишь одного машинного и станкового оборудования требовалось более чем на 3,5 млн руб [30]

Было очевидно, что никакое расширение существующих заводов не могло решить дела. Поэтому ГАУ добилось разрешения на постройку нового патронного завода с производительностью в 840 млн патронов в год А. А Маниковский указывал, что при решении этого вопроса пришлось преодолеть огромное «противодействие медного синдиката», пытавшегося провалить строительство завода К постройке завода приступили с запозданием, и производительность его была намечена недостаточная Вот почему патроны по-прежнему оставались остродефицитным товаром, которым разыскивался на всех рынках Европы и Америки, а во время Петроградской конференции являлся предметом особо настойчивых просьб русского пра-

[28] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 742, л 303, 306 Представление ГАУ от 15 июля 1915 г об ассигновании средств для усиления производства патронных заводов

[29] Там же, лл 359—361 Представление ГАУ о расширении производительности Луганского патронного завода

[30] Снаряжение патронов также отставало от производства «Три снаряжательные мастерские, предназначавшиеся для снаряжения боевых комплектов, были закончены постройкой в 1915 г, но к работе приступить не могли, вследствие отсутствия станков, необходимых для их оборудования, поэтому снаряжение ружейных патронов производилось на патронных заводах, а снарядов и орудийных патронов — на устроенных при артиллерийских складах временных снаряжательных пунктах» (ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 115, лл 20 об — 21)

вительства к союзникам. Оборудование для патронного завода должна была поставить Англия, о чем была договоренность в конце 1915 г

Развитие трубочного производства в России отставало от производства снарядов, особенно острый разрыв между ними создался весной 1915 г., когда Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части вынуждена была с разрешения Ставки использовать трубки старых образцов, что являлось до некоторой степени опасным. Чтобы увеличить производство трубок, привлекли частные заводы и мастерские, но основное внимание было обращено на увеличение производительности двух казенных трубочных заводов — Петроградского и Самарского.

В январе 1915 г. было принято решение о расширении производства трубок на Самарском заводе на 1,5 млн. штук. «До своего расширения Самарский трубочный завод мог изготовлять в год 1,5 млн штук 22-сек. трубок и, следовательно, после расширения мог изготовлять до 3 млн. штук в год, или около 10 000 штук в день» [31]. Вся работа должна была быть проведена в течение одного строительного сезона и закончена к зиме 1915/16 г На реконструкцию предприятия было ассигновано 2 973 577 руб. 50 коп., но уже летом 1915 г выявилась необходимость не удвоить, а утроить производительность завода, т. е. довести ее с 5 тыс. трубок, изготовляемых ежедневно, до 15 тыс. штук в день, или до 4,5 млн в год 9 июля 1915 г последовало новое ассигнование — 990 тыс. руб. $^2/_3$ дополнительных ассигнований шло на станки и оборудование

Производительность Петроградского трубочного завода намечено было увеличить по дистанционным 22-сек. трубкам всего лишь с 5 тыс. трубок до 8 тыс. в день, или с 1,5 млн штук до 2 млн штук в год

Производство капсюльных втулок должно было быть удвоено с 1,5 млн. штук до 3 млн штук на основе использования оборудования реквизированного в Польше завода Польте, которое передавалось трубочному заводу на основе аренды Все указанные работы оценивались в сумме около 900 тыс. руб. и должны были быть закончены в 1915 г На расходы, связанные с расширением Петроградского завода, был отпущен кредит в размере 888 925 руб Но военное ведомство не остановилось на этом и в августе 1915 г. решило еще более увеличить производство трубок, доведя их выпуск до 16 тыс. в день. Новое расширение Петроградского завода его начальник предполагал осуществить в начале 1916 г [32] На это мероприятие Военный совет отпустил 5 сентября 1915 г. 794 тыс. руб. Но и увеличенная производительность трубочных заводов отставала от производства снарядов.

Таким образом, расширение трубочных заводов происходило с

[31] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 742, л 222 См также лл 1—6 Представление ГАУ было утверждено 9 июля 1915 г

[32] Там же, лл 70—72, 246—248 Представления о расширении Петроградского трубочного завода от 21 февраля и 31 августа 1915 г

большим опозданием, на втором году войны, и осуществлялось в несколько приемов Судя по назначениям средств, видно, что заводы имели свободные площади, и расширение предприятии требовало, в первую очередь, нового оборудования и станков, Так, из последнего кредита Петроградскому заводу на строительные работы было отпущено лишь 143 тыс. руб., а на оборудование — 794 тыс руб При недопустимом расточительстве по отношению к частным заводам военное ведомство очень экономно и нерасчетливо отпускало средства на развитие казенных заводов Недостаток в трубках покрывался за счет заграничных заказов, которые достигали 8 млн штук

В первои мировой войне широкое применение нашли ручные гранаты Уже осенью 1915 г потребность в ручных гранатах исчислялась до 1800 тыс штук в месяц (т е. до 60 тыс. штук в день) Охтенскии и Самарскии заводы взрывчатых веществ «при полном напряжении своих сил могут снаряжать не более 300 000 гранат в месяц (т. е. 10 тыс. штук в сутки)» Приблизительно столько же мог изготовить и Шостенскии завод Поэтому Главное артиллерийское управление выступило с проектом постройки специального снаряжательного завода, «который мог бы уже в этом же 1915 г. начать действовать». Строительство такого снаряжательного завода стоило 1,7 млн руб Военный совет утвердил 25 июля 1915 г. проект завода и отпустил деньги [33]. Постройка нового завода разгрузила пороховые заводы и позволила им сосредоточить свое внимание на снаряжении артиллерииских снарядов

Кроме указанных выше мероприятии, промышленник и купец Н А. Второв устроил специальныи завод для снаряжения 76-мм гранат, изготовляемых по французскому образцу Организацией С Н. Ванкова. Завод этот был устроен Второвым на аванс в 15,6 млн руб, полученный при заключении заказа на изготовление 4 млн взрывателей по 13 руб за штуку общей стоимостью 52 млн руб Срок выполнения заказа — 1 июня 1918 г. По выполнении заказа завод должен перейти в собственность казны [34] В апреле 1916 г Особое совещание по обороне разбирало заявление Второва об отказе от взятого обязательства на строительство завода взрывателеи, вследствие «чрезмерной требовательности артиллерийского ведомства» [35]. Выступившии с объяснениями А. А. Маниковскии заявил Совещанию, что так как завод по окончании выполнения заказа переходил к казне, то Второв относился к его оборудованию недостаточно серьезно, а артиллерийское ведомство предъявило «достаточно строгие требования» Настоящая причина его отказа заключалась в невозможности добыть станки в Англии Совещание удовлетворилось объяснениями Маниковского, но поддержало Второва. Завод был построен

[33] Там же, д 743, лл 1—11 О постройке снаряжательного завода

[34] Там же ф 369, оп 1, д 54, лл 176—178 об ЖОСО, № 39, 13 января 1916 г К вопросу о строительстве Второвым завода Совещание возвращалось несколько раз В марте 1916 г он уже получил часть аванса в 6 млн руб

[35] Там же, д 176, л 30 ЖОСО, № 62, 6 апреля 1916 г

* * *

До войны снабжение армии артиллерией проводилось за счет заказов трем казенным и четырем частным заводам. Из казенных заводов лишь один (Петроградский) был в распоряжении военного ведомства, второй (Обуховский) — морского и третий (Пермский) — горного Казенный Петроградский орудийный завод лишь по недоразумению назывался заводом, а по существу был мастерской

Настойчивые требования военного ведомства об организации мощного казенного орудийного завода получили, наконец, половинчатое разрешение в виде согласия на перенос и расширение Петроградского завода ГАУ, но без получения самостоятельной металлургической базы. Месячная производительность завода была определена в 247 орудий всех размеров и систем, но не свыше 203 линейных гаубиц. Таким образом, крупная артиллерия по-прежнему не получала производственной базы.

Строительство нового завода должно было начаться весной 1917 г., но так и не началось, и практическое значение для производства артиллерии во время войны имело лишь расширение существующих пушечных заводов и развертывание работы арсеналов путем усиления их механического оборудования. Мы не располагаем полным материалом о том, что было сделано для расширения артиллерийских заводов и арсеналов. Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что к этой работе было приступлено лишь с конца февраля 1915 г, когда по инициативе Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части Брянский арсенал получил 265 тыс. руб. на покупку станков и механизмов и 70 тыс. руб. на расширение зданий. Это оборудование было необходимо для развертывания работ по ремонту пушек и пулеметов [36]. Так как вопрос о переносе Брянского арсенала на другой берег Десны был уже предрешен, на что требовалось 8,5 млн. руб, то от значительных затрат, особенно на сооружение капитальных зданий, ГАУ отказалось.

Аналогичная работа по расширению помещений и оборудования была проведена на Петроградском орудийном заводе и арсенале. Правда, представление об отпуске средств было сделано на три месяца позднее, в конце мая 1915 г., но зато завод и арсенал уже добились секвестра части необходимых им станков с заводов, не работавших на армию, на сумму около 100 тыс. руб., оплату за эти станки они и просили произвести. Кроме того, предполагалось закупить станки, механизмы и инструменты за границей — на 521 тыс. руб. Общая сумма расходов по арсеналу и заводу достигала 1744 тыс. руб. [37]

[36] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 742, лл 64, 15 Представление от 25 февраля 1915 г о расширении помещения Брянского арсенала и его механического оборудования

[37] Там же, лл 263—266 Представление ГАУ от 23 мая 1915 г о расширении помещений Петроградского орудийного завода и арсенала и усилении их механического оборудования На основе материалов обследований Комиссии мы писали ранее, в каком недопустимом состоянии находился этот завод и больше на этом не будем останавливаться.

В ноябре 1915 г было отпущено 243 тыс руб. на расширение и переоборудование Тифлисского окружного арсенала[38].

Мы привели лишь несколько примеров, но они показывают, что делалось и на других арсеналах. Все арсеналы и мастерские артиллерийского ведомства переживали время бурного роста и усиления своих технических средств Правда, эти мероприятия проводились с большим запозданием.

Пороховые заводы. Взрывчатые вещества

Пороховое производство в России было сосредоточено на трех заводах — Охтенском, Михайловско-Шостенском и Казанском Производительность их в начале войны была чрезвычайно небольшой. Охтенский завод давал 110 тыс пуд, а два последних — по 90 тыс пуд. в год Следовательно, всего пороха изготовлялось 290 тыс пуд в год[39], что совершенно не обеспечивало военные потребности, которые выросли очень сильно и в 1915 г достигли 2,6 млн пуд, а в разгар войны — 7,5 млн пуд. бездымного и 800 тыс пуд дымного пороха[40]. По сравнению с потребностями, производство пороха кажется мизерным. Разумеется, потребность в порохе росла вместе с ростом производства снарядов и ружейных патронов и в первые месяцы еще не достигала столь головокружительных размеров Но уже заказ на 7 млн патронов для артиллерийских снарядов сразу обнаружил нехватку пороха, который стал закупаться за границей, главным образом в Америке; весной 1915 г немного пороха было получено из Франции.

Меры, принятые в первые месяцы войны по увеличению добычи пороха (дополнительный набор рабочих, введение трехсменных работ) были совершенно ничтожны, они повысили изготовление пороха до 330 тыс. пуд. в год Фактически до февраля 1915 г ничего, заслуживающего упоминания, не было сделано Только организация Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части сдвинула дело с мертвой точки и дала некоторое развитие пороховым заводам.

[38] Там же, лл 380—384

[39] Характеризуя недопустимое положение с порохом, которое было уже и перед войной,— Д Д Кузьмин-Караваев указывает, что за последние полтора года перед войной 1914 г производительность заводов была увеличена с 250 тыс пуд до 290 тыс пуд Уже в то время специалисты указывали начальнику ГАУ «о грозившей опасности при наступившем предельном увеличении выхода пороха» (ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 55, лл 303—324 об Показания Кузьмина-Караваева от 27 марта 1971 г) К строительству Тамбовского завода было приступлено только в 1914 г (ЦГВИА ф 1, оп 2, д 115 Доклад по Военному министерству за 1914 г) В марте 1915 г был применен новый способ фабрикации пороха по способу генерал майора Дымши, сокращавший срок его изготовления

[40] ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 48, лл 57—58 Свод сведений о снабжении армии порохом На начало 1916 г потребность исчислялась свыше 2,6 млн пуд В конце 1915 г (ноябрь) потребность в порохе до середины 1917 г исчислялась в 3,6 млн пуд, а затем она еще более выросла

14 февраля 1915 г Главное артиллерийское управление вошло в Военный совет с представлением об отпуске средств на расширение производительности Казанского порохового завода[41] Там была изложена первая производственная программа для всех трех пороховых заводов, учитывающая выросшие потребности страны, отмечалась необходимость и неотложность расширения пороховых заводов В представлении сообщались новые производственные задания, установленные для каждого завода: Охтенского — до 150 тыс пуд, Михайловско-Шостенского и Казанского — по 140 тыс пуд, или на 50% выше по сравнению с довоенным Разумеется, это увеличение вскоре оказалось совершенно недостаточным, и летом 1915 г вся программа добычи оказалась пересмотренной в сторону решительного увеличения

В соответствии с увеличением производства с 90 до 140 тыс пуд Казанскому пороховому заводу было отпущено на расширение оборудования 2316 тыс руб, причем правильность потребности в этой сумме была подтверждена комиссией ГАУ, выезжавшей на завод

Не успел Казанский завод полностью провести намеченные мероприятия, как 30 июня 1915 г Главное артиллерийское управление вошло вновь с представлением в Военный совет о дополнительном расширении его производительности на 168 тыс пуд (или еще на 600 пуд в день)[42] Вторичное расширение уже походило на строительство совершенно нового завода с производительностью, значительно выше усиленной производительности существующего Новый завод должен был быть закончен и приступить «к работам по изготовлению пороха» 1 июля 1916 г По предложению ГАУ, на расширение завода было отпущено 10 080 тыс руб В начале августа, видимо при более тщательной проверке, было выяснено, что работы по перестройке и оборудованию будут стоить значительно дороже, чем было исчислено ранее — 12 624 тыс руб, и недоставшие 2544 тыс руб Военный совет отпустил без обычных для него проволочек[43] Большая часть ассигнований — 8,2 млн руб — расходовалась на механическое оборудование завода, а около 4,5 млн на строительные расходы В результате намеченных мероприятий производительность завода увеличилась в 3,5 раза, а расходы лишь по одному заводу за 1915 г достигли солидной цифры — почти 15 млн руб

Еще большее развитие получил Михайловско-Шостенский пороховой завод Февральское расширение производства незначительно увеличивало добычу пороха на заводе со 100 тыс пуд до 140 тыс пуд, на что потребовалось ассигновать 1096 тыс руб[44] После посещения завода В А Сухомлиновым 9 июня 1915 г по его указаниям

[41] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 742, лл 42—44
[42] Там же, л 209
[43] Там же, л 227, 3 августа 1915 г Об утверждении ведомостей работ, требующихся для расширения производства Казанского порохового завода
[44] Там же лл 105—106 Представление ГАУ в Военный совет от 25 февраля 1915 г В представлении указывалось на повышение производительности завода до 123 тыс пуд Расчеты делались при 280 рабочих днях

был составлен новый план расширения завода, на что потребовалось 12 889 240 руб. «для расширения производительности завода по изготовлению пороха с 175 тыс пудов в год до 350 тыс. пуд в год, причем проектируется устроиство завода с разделением его на две части с параллельными по всему производству мастерскими» [45]. И по этому заводу механические работы были намечены в размере $^2/_3$ стоимости всех расходов (около 8 млн руб), а строительные работы — немного больше $^1/_3$ (4,9 млн. руб.). Однако после проверки представленная заявка была урезана на $^1/_4$ и утверждена в количестве 9,7 млн. руб, из которых 6,1 млн руб. на механическое оборудование и 3,6 млн. руб на строительство. В данном случае речь шла о постройке второго параллельного завода [46] со всеми цехами и установкой всего оборудования Спешные работы значительно удорожали постройку и обходились на 1 пуд пороха в 55 руб 28 коп вместо 39 руб. 10 коп на расходы по первому расширению

Кроме увеличения производства пороха в 3,5 раза на Михайловско-Шостенском заводе было организовано производство осветительных ракет, на что было отпущено Военным советом 236,8 тыс. руб [47] Помимо этого, на заводе было организовано производство изделий из дымного пороха, на что было израсходовано 572 тыс руб. На все перечисленные мероприятия было ассигновано 12,7 млн. руб.

В отношении Охтенского завода февральское расширение предусматривало увеличение добычи пороха с 110 до 150 тыс пуд, на что требовалось 1246 тыс руб. [48], а вместе с некоторыми расходами на покупку материалов — 1458,7 тыс руб В июне было намечено новое расширение производства: с 550 до 750 пуд пороха в сутки, что требовало затрат в 3422 тыс. руб. [49] Февральское расширение завода обеспечивало увеличение производительности завода против реально достигнутой всего на 36,5 тыс. пуд и было выполнено в три месяца. Дальнейшее расширение требовало выполнения более сложных работ, установки новых механизмов, на что требовалось около девяти месяцев.

Подводя итоги всему сделанному в отношении трех пороховых заводов, следует сказать, что за февраль — июль 1915 г было наме-

[45] Там же, лл 182—184 Представление в Военный совет от 19 июня 1915 г о расширении Михайловско-Шостенского порохового завода

[46] Ни в данных, ни в остальных случаях в представлениях ГАУ и решениях Военного совета не указаны сроки окончания работ Цифры даны с округлением, так, смета утверждена в 9 674 323 руб

[47] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 742, лл 213—214 30 июля 1915 г О расширении ракетного производства в Михайловско-Шостенском заводе ГАУ обращало большое внимание на наделение хозяйственно-строительных комиссий, во главе которых были начальники заводов, особыми правами ведения всей работы с последующим отчетом, с заготовкой товаров и материалов по рыночной цене Кроме ассигнования средств на изготовление мастерской Военный совет отпустил 1 134,7 тыс руб на изготовление 42 025 штук ракет, что составляет около 27 руб на одну ракету Решение о производстве дымного пороха было принято Военным советом 21 ноября 1915 г

[48] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 742, лл 88—89

[49] Там же, лл 151—153

чено увеличение производства пороха более чем в 3 раза по сравнению с довоенным производством с 290 тыс пуд до 910 тыс. пуд., в том числе Охтенского — до 210 тыс пуд , а Казанского и Шостенского — до 350 тыс пуд на каждом На это было ассигновано правительством около 33 млн руб По отдельным заводам расходы распределялись так Казанский завод —14 940 тыс руб , Охтенский завод — 4881 тыс. руб , Михаиловско-Шостенский —12 713 тыс. руб.

Работы по реконструкции заводов заняли всю вторую половину года, поэтому значительный рост добычи пороха приходится лишь на 1916 г

Оценивая проведенные мероприятия по развитию пороховых заводов, следует прежде всего указать на их исключительную медлительность. Лишь во второй половине февраля, т. е. через семь месяцев после начала войны, Военное министерство сделало первый робкий шаг к развитию производительности пороховых заводов Намеченные в феврале мероприятия носили такой характер, который не требовал больших строительных работ, дополнительное оборудование было размещено на территории старых заводов. Лишь с явным опозданием на год, в июне — июле 1915 г., были проведены более серьезные меры, которые представляли в сущности постройку новых заводов на территории уже существующих предприятий Однако и этого было, конечно, мало Следовало закладывать целую сеть новых пороховых заводов и строить их военными темпами. Царское же правительство чрезвычайно медленно проводило постройку одного Тамбовского порохового завода «с установлением на последнем производительности в 440 000 пуд. пороха взамен намеченной первоначальной нормы в 200 000 пуд » [50]

Намеченное троиное расширение производства пороха на существовавших заводах и строительство нового завода не освободило Россию от импорта пороха, потребность в котором в несколько раз превосходила производство Созданию более мощной базы по производству пороха мешали не только недостаток оборудования, но и неразвитость целого ряда смежных производств, где вырабатывалось сырье для его изготовления Царское правительство оказалось не в состоянии разрешить собственными силами пороховую проблему

Производство взрывчатых веществ органически связано с развитием химической промышленности, состояние которой в России до войны резко отличалось от высокоразвитой химической промышленности Германии В России не использовались отходы при коксовании углей, сернокислотное производство состояло из небольшого количества мелких полукустарных мастерских, производство удушающих газов совершенно отсутствовало, изготовление взрывчатых веществ из нефтепродуктов не было организовано. В начале войны взрывчатые вещества вырабатывались на одном частном и двух казенных заводах [51], причем работали они на заграничном сырье.

[50] ЦГВИА, ф 2003, оп 10, д 115, л 21

[51] *В Ипатьев* Работа химической промышленности на оборону во время войны Пг, 1920, стр 5

Война потребовала быстрой и коренной перестройки производства взрывчатых веществ Существующие слабые заводы не могли справиться с выросшими в огромной мере потребностями, не только в силу своей слабой производительности, но и потому что «были лишены главного исходного продукта — толуола, запасы которого в стране были весьма ничтожны, а выработка его в стране была не налажена Сырой бензол, из которого фракционированной перегонкой добывался и толуол, привозился на наши химические заводы преимущественно из Германии С открытием военных действий подвоз сырого бензола или чистого толуола от наших союзников или из Америки был весьма затруднителен, отчасти вследствие транспорта, а главное, вследствие крайнего недостатка этого материала, потребовавшегося для всех воюющих держав; необходимо заметить при этом, что в Америке к началу войны только что начало развиваться добывание бензола из каменноугольного газа, и потому там нельзя было ожидать каких-нибудь значительных запасов толуола» [52]

Так обстояло дело с исходным продуктом по выработке взрывчатых веществ в России и на международном рынке. Необходимо было организовать производство внутри страны, используя в первую очередь в качестве мощной базы Донецкий бассейн После начала войны Главное артиллерийское управление снарядило специальную комиссию во главе с профессором А В Сапожниковым в Донбасс для ознакомления на месте с возможностью производства бензола и толуола Выводы комиссии после изучения этого вопроса были мало утешительны, так как она считала, что потребуется до 1,5 лет для налаживания производства толуола После этого ГАУ, отказавшись от организации производства взрывчатых веществ внутри страны, командировало Сапожникова в Америку для закупок толуола и других взрывчатых веществ. Под влиянием покупок России и спроса союзников в Америке быстро развивалось производство взрывчатых веществ К 1917 г там было оборудовано до 40 бензольных заводов с производительностью до 8 млн пуд сырого бензола в год. Россия в 1915 г получила ничтожное количество толуола и тротила из Америки, уплачивая за него золотом

В 1914 г Главное артиллерийское управление командировало новую комиссию в Донбасс с целью изучения вопроса об организации производства толуола и бензола Председателем комиссии на этот раз был назначен академик В. Н Ипатьев Его выводы резко отличались от заключения предшествовавшей комиссии. В результате тщательного изучения дела «выяснилась полная возможность сравнительно в короткий срок и увеличить производство у нас толуола, и построить новые бензольные заводы» [53]. Комиссия, в частности,

[52] *В Н Ипатьев* и *Л Ф Фокин* Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химическои промышленности, ч 1 Пг, 1921, стр 13, *В Ипатьев* Указ соч, стр 5—6

[53] *В Н Ипатьев* и *Л Ф Фокин* Указ соч, стр 14—15

пришла к заключению о необходимости строительства казенного завода для улавливания бензола в Кадиевке — около станции Алмазной Выводы и заключение комиссии были доложены совещанию под председательством помощника военного министра

Высокое начальство не слишком торопилось реализовать предложения комиссии и даже не приняло на себя ответственности за решение о строительстве одного казенного завода стоимостью менее 0,5 млн руб Несколько месяцев было потеряно Только после создания Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части 6 февраля 1915 г при ГАУ была организована постоянная Комиссия по заготовке взрывчатых веществ, в обязанность которой входила заготовка «всех сырых материалов, необходимых для приготовления взрывчатых веществ» [54] В конце февраля были отпущены 425 тыс руб на строительство казенного завода в Кадиевке, и он был построен к 20 августа 1915 г Производительность завода —180 тыс пуд. бензола в год

Из частных фирм бельгийская фирма «Ольвье Пьетт» проявила инициативу в устройстве бензольного завода в Макеевке производительностью в 120 тыс пуд в год С середины 1915 г завод уже производил очистку сырого бензола, по очень выгодной для казны цене —50 коп за пуд вместо 9 руб , которые платила казна Тентелеевскому химическому заводу в Петрограде

После того как была пробита первая брешь, за строительство бензольных заводов принялись частные предприниматели, и к концу 1915 г строилось уже до 20 бензольных заводов не только в Донецком, но и Кузнецком бассейне Заводы эти в большинстве своем были окончены в 1916 г Но уже к концу 1915 г взрывчатые вещества вырабатывались на двух казенных и десяти частных заводах Производство бензола увеличилось в 3,5 раза, поднявшись с 15,6 тыс пудов в феврале до 58 тыс пуд в декабре Производство взрывчатых веществ увеличилось в 11 раз, добыча серной кислоты в 2 раза За весь этот промежуток времени частными заводами Донецкого бассейна было добыто 364,6 тыс. пуд бензола [55].

Первая задача, поставленная перед Комиссией — организовать производство взрывчатых веществ до 60 тыс пудов в месяц,— была решена уже к осени 1915 г , а в конце этого года производство взрывчатых веществ увеличилось до 70 с лишним тысяч пудов в месяц Решающую роль в выполнении этой задачи сыграли частные заводы, производительность которых выросла чуть ли не в 50 раз, а казенных в 2,5 раза

Первое мероприятие по расширению производства взрывчатых веществ на существовавших казенных заводах было произведено с большим опозданием В марте 1915 г было намечено расширение производства Самарского завода взрывчатых веществ до 190 тыс

[54] *В Н Ипатьев* и *Л Ф Фокин* Указ соч, стр 16 В состав комиссии входили председатель — академик В Н Ипатьев, члены Л Ф Фокин, А А Солонина, В Ю Шуман, О Г Филиппов, С П Вуколов, И И Андреев и ряд представителей ведомств

[55] *В Н Ипатьев* и *Л Ф Фокин* Указ соч, стр 25

пуд тротила и 6—7 тыс пуд тетрила в год [56]. На это было отпущено 497 тыс руб В представлении об отпуске средств имелось примечание, по которому от завода потребовали дальнейшего расширения производства по снаряжению снарядов и ручных гранат Очевидно, и на другом заводе взрывчатых веществ — Охтенском — было проведено расширение производства, однако, как оказалось, эти полумеры не решали дела, и пришлось приступить к строительству завода взрывчатых веществ недалеко от Волги, в Нижегородской губернии

В конце 1915 г возник проект о переводе Охтенского завода взрывчатых веществ из Петрограда в Нижегородскую губернию Особое совещание по обороне высказалось за присоединение его к вновь строящемуся заводу взрывчатых веществ В связи с этим требовалась переработка проекта уже строящегося завода Объединение двух крупных заводов требовало расширения жилищного строительства (на 20—25 тыс человек), кроме того, ГАУ находило опасным устраивать «один грандиозный вулкан», а потому высказалось за образование предприятий «подальше одно от другого» Только расходы по переносу Охтенского завода исчислялись свыше 19 млн руб [57]

Еще до войны был поставлен вопрос о постройке азотного завода на Суне для получения азота из воздуха электрохимическим путем [58] В январе 1915 г по предложению Сухомлинова этот вопрос был поднят вновь В феврале 1915 г была создана специальная комиссия для решения вопроса о постройке завода В августе вопрос был решен окончательно, утвержден царем и была создана хозяйственная комиссия по постройке завода Председателем комиссии по изысканию р Суны и составителем проекта завода азотной кислоты являлся генерал-лейтенант Забудский В конце 1915 г военным ведомством было приступлено к строительству завода Однако более детальные данные о строительстве этого завода отсутствуют [59] Из других источников известно, что пока строился небольшой опытный завод

Благодаря деятельности Химического комитета, образованном при ГАУ в апреле 1916 г (председатель — В Н Ипатьев), было налажено производство аммиачной селитры на Донецком стекольно-химическом заводе Заказ на изготовление 100 тыс пуд ее был дан заводу еще в январе 1915 г В апреле были изготовлены первые 2500 пуд селитры, а в октябре — уже 29 тыс пуд

Под руководством А А Солонина было организовано производ-

[56] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 742, л 126 Представление в Военный совет от 13 марта 1915 г об отпуске средств

[57] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 98, л 134—135 У Маниковского в новом издании его работы этот вопрос изложен совершенно неясно не то вопрос о переносе завода остался лишь в области планов, не то он действительно состоялся

[58] Это предложение было сделано заведующим химической лабораторией инженерной Академии Горбовым в сентябре 1909 г Им была представлена записка начальнику Главного инженерного управления (ЦГВИА, ф 962, оп 2, д 31, лл 182—186 об)

[59] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 736 1 е хоз делопроизв 1915 г О постройке на р Суне азотного завода

ство нового взрывчатого вещества — тринитроксилола, заменявшего тротил Его добыча была организована на грех заводах на казенном Охтенском, на заводе Кроттэ в Петрограде и Штеровском динамитном заводе на юге.

На двух заводах — «Электрон» и «Сольвэ и К°» — было организовано производство пикриновой кислоты на основе нового метода производства из бензола, а на ряде других заводов пикриновая кислота добывалась из фенола [60]. Химическому комитету удалось ввести заводское изготовление целого ряда других химических продуктов и взрывчатых веществ, синтетическое производство карболовой кислоты — на заводе Фарбверке, производство динитронафталина — на заводах Трехгорного пивоваренного товарищества в Москве и Штеровском (в Екатеринославской губернии)

Из книги В Н Ипатьева о работе Химического комитета видно, что главное значение в производстве взрывчатых веществ играли частные заводы, производительность которых в добыче всех видов взрывчатки была значительно больше, чем казенных.

По предложению В Н Ипатьева, Особое совещание по обороне признало необходимым организовать производство толуола из фракций бензинов Соответствующие казенные мастерские были построены в Екатеринодаре и Грозном, а вместе с ними были построены и небольшие заводы азотной кислоты [61]

Было налажено производство толуола из нефти. Инициатива этого производства принадлежала Казанскому городскому газовому заводу Такой же завод был построен Бакинским военно-промышленным комитетом, а затем начали строительство подобных заводов на Кавказе — бр Нобель, «Нефтегаз» и фирма Бенкендорф Завод, выстроенный Нобелем, вскоре стал поставлять значительно большее количество толуола, чем завод Бакинского военно-промышленного комитета Фирмы «Нефтегаз» и Бенкендорф окончили строительство своих заводов лишь к концу войны. От пирогенезации нефти было получено 150 тыс пуд бензола и толуола [62]. Однако большая часть сырого бензола получалась из каменного угля Из 414,3 тыс. пуд бензола, полученного в течение года, 378 тыс пуд приходилось на уголь и только 36 тыс пуд — на нефть. Для производства толуола и перегонки бензола Ипатьевым были использованы спиртоводочные заводы и в первую очередь Гутуевский казенныи завод в Петрограде.

В середине 1915 г перед комиссией по взрывчатым веществам была поставлена новая задача — довести производство взрывчатых веществ до 165 тыс. пуд в месяц, что потребовало совершенно иначе организовать производство серной и азотной кислоты.

До войны производство кислоты равнялось 1,25 млн. пуд в месяц, а после потери Польши в июле 1915 г сократилось до 700 тыс

[60] Производство фенола было организовано на четырех заводах За 1915 г его было добыто на сумму 113 тыс руб

[61] *В Н Ипатьев* и *Л Ф Фокин* Указ соч, стр 27

[62] Там же, стр 31, *В Ипатьев* Указ соч стр 14–17

пуд, тогда как требовалось ее до 20 млн пуд в год Производство кислоты было организовано на основе использования серного колчедана, добывавшегося на Урале и Кавказе Из доклада В. Н Ипатьева Главному артиллерийскому управлению видно, что сделанные в связи с этим затраты достигали 32 млн. руб. и обеспечивали ежегодное производство серной кислоты в количестве 16 млн. пуд. Уже к июлю 1915 г. были заключены договоры на постройку новых 14 заводов, а к концу года строились 20 сернокислотных заводов, которые должны были быть закончены в годичный срок [63].

В связи со строительством новых заводов заказы только частным заводам на поставку главным образом серной кислоты и других химических продуктов, заключенные в 1915 г, достигли огромной суммы —137 млн руб. [64]

Для производства огромного количества серной кислоты требовалось увеличить добычу серноколчеданных руд В течение года производство серной кислоты в России более чем удвоилось, поднявшись с 875 тыс. пуд (декабрь 1915 г) до 1865 тыс пуд.

В связи с расширением производства пороха и взрывчатых веществ Химическим комитетом был практически разрешен вопрос о получении азотной кислоты из аммиака, вырабатывавшегося попутно с бензолом при коксовании угля После лабораторных опытов в Юзове было приступлено к строительству завода азотной кислоты с производительностью в 600 тыс пуд в год Проектировщиком и строителем был молодой талантливый инженер Н. М. Кулепетов. Завод был выстроен меньше чем за год и пущен в начале 1917 г [65]

После применения немцами удушливых газов на р. Равке в мае 1915 г Химический комитет приступил к строительству фосгенных и хлорных заводов Производство фосгена в России до войны не было организовано Первая партия фосгена в 600 пуд для снаряжения снарядов была доставлена из Иваново-Вознесенска. К производству фосгена было приступлено на вновь построенных заводах в Иваново-Вознесенске, Москве, Казани, у станций Глобино и Переездная Особенно удачно оказалось производство фосгена на предприятиях Шустова в Москве и Гандурина в Иваново-Вознесенске. Химический комитет организовал производство жидкого хлора, который до войны производился химическим путем на заводе Ушкова в Бондюгах (Вятская губерния) и электролитическим путем — в Славянске и на станции Переездной Комитет приступил к строительству четырех электролитических заводов по производству хлора в Самаре, на станции Рубежной и двух — в Финляндии, а потом ввиду медленного строительства этих заводов были сооружены три простейших химических завода — в Саратове, близ Сенгилея и близ Мелекеса.

[63] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 712, лл 197—198, *В Ипатьев* Указ соч, стр 20

[64] ЦГВИА, ф 29, оп 3, д 712, лл 197—198 Цифры подсчитаны мною по 78 контрактам, заключенным ГАУ с частнозаводчиками Кроме того, за границей закуплено было взрывчатки на 31,5 млн руб Вся сумма заказов равна 170 млн руб, а авансы по ним — 40 млн руб

[65] *В Н Ипатьев* и *Л Ф Фокин* Указ соч, стр 35, *В Ипатьев* Указ соч, стр 31 Завод с жилыми домами стоил менее 2 млн руб

Строительство всех хлорных заводов, кроме большого электролитического Самарского, было закончено, но до 1917 г эти заводы не поставили ни одного пуда жидкого хлора, хлор доставлялся по-прежнему лишь двумя заводами — славянским «Электроном» и «Любимов, Сольвэ и К°» Они изготовляли от 1 до 1,5 тыс пуд хлора в день [66]

Мы не останавливаемся на описании других мер, принятых Химическим комитетом для производства взрывчатых веществ. Хозяйственные трудности в стране привели к тому, что «из разработанных планов постройки новых заводов получили осуществление сравнительно немногие» [67].

Химический комитет проявил во время войны инициативу и энергию в практической организации дела Было построено десятка полтора казенных заводов и мастерских, из них два больших завода — Троицкий снаряжательный и Нижегородский, а кроме того, несколько десятков частных заводов Успешно были использованы спирто-водочные, газовые, лакокрасочные, пивоваренные заводы. Впервые в широком масштабе были использованы газы в каменноугольной промышленности, нефть — для производства взрывчатых веществ Уже в ноябре 1916 г Химический комитет производил до 150 тыс пуд «основных взрывчатых веществ, почти целиком из своего сырья, и, кроме того, из привозных и своих взрывчатых — еще до 80 тыс пуд взрывчатых составов для снаряжения мин, бомбометов, ручных гранат» [68] Эти результаты были достигнуты благодаря привлечению работников науки к решению практических задач, поставленных войной. Добиться дальнейшего увеличения добычи сравнительно с ноябрем 1916 г не удалось вследствие расстройства всей хозяйственной жизни страны

Следует отметить большую работу, проведенную Химическим комитетом по производству противогазов Зелинского — Кумманта, Авалова и др На испытаниях различных марок противогазов маска Зелинского оказалась наиболее совершенной. Производство этих масок было налажено на заводах Центрального военно-промышленного комитета и Земгора в Москве и Петрограде с большой проволочкой и потерей времени из-за ведомственного противодействия верховного начальника эвакуационной части принца Ольденбургского, отдававшего предпочтение маске Горного института

Как видно из вышеизложенного, развитие взрывчатых веществ Химический комитет базировал на частной промышленности Казенные предприятия играли важную, но не решающую роль Несмотря на успехи, достигнутые в этом деле, все же производство взрывчатых веществ внутри страны едва ли покрывало и половину потребностей

* * *

Подведем общие итоги Казенные заводы во всех отраслях вооружения и боевого снаряжения оказались чрезвычайно слабыми и не

[66] *В Н Ипатьев* и *Л Ф Фокин* Указ соч, стр 38—39
[67] Там же, стр 71
[68] Там же, стр 75

способными обеспечить снабжение армии вооружением и боеприпасами Загрузка большинства казенных предприятий оказалась перед войной далеко не полной; запасы стратегического сырья и оборудования отсутствовали, планов мобилизации предприятий не было, и потребовалось много времени для совершенно незначительного увеличения производительности заводов По сравнению с потребностями фронта, выявившимися в 1915 г, казенные заводы давали лишь незначительную часть продукции Это касалось, главным образом, предметов вооружения и снаряжения, производством которых частная промышленность почти не занималась (винтовки, пулеметы, порох, дистанционные трубки). Военное министерство, включая ГАУ, в 1914 г занималось лишь раздачей заказов небольшой группе частных предприятий, расширением же производства казенных заводов совершенно не занималось, и их деятельность протекала в обстановке довоенных порядков

Первый год войны совершенно пропал для казенной военной промышленности, что сыграло свою роль в обострении кризиса вооружения армии Лишь в феврале 1915 г, после организации Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части и комиссии по взрывчатым веществам, началась работа по увеличению производственных мощностей заводов, что неизбежно было связано со строительством, закупкой нового оборудования и станков. Намеченные мероприятия во всех отраслях военного производства были совершенно ничтожны и не соответствовали выявившимся потребностям армии. Поэтому летом 1915 г пришлось еще увеличивать развитие производительности заводов

По всем без исключения казенным заводам в 1915—1916 гг проводились работы по увеличению их мощности иногда в 2, 3 и более раза. Часто рядом с существовавшими строились новые заводы На работы по реконструкции казенных заводов было истрачено не менее 75 млн руб (кроме уральских заводов, находившихся в ведении Министерства торговли и промышленности). В результате принятых мер производительность заводов в 1916 г. выросла в несколько раз, но это не освободило страну от иностранных заказов на винтовки, пулеметы, порох, взрывчатые вещества.

В ряде отраслей военного хозяйства (артиллерия, снаряды, химия и взрывчатые вещества) частные заводы имели решающее значение для снабжения армии. Источником финансирования вновь строящихся заводов являлись казенные авансы, достигшие в химической промышленности лишь за один год 50 млн. руб

Намеченная казной в 1916 г программа нового казенного заводского строительства не была выполнена, к строительству многих военных предприятий не приступали. Характерно, что в новых областях военной техники — авиация, моторостроение, автоматическое оружие, автомобилестроение — новых казенных предприятий не только не было выстроено, но казна и не предполагала их строить

Глава третья

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС

Упадок материально-технической базы сельского хозяйства

Перестройка хозяйственной жизни страны на военный лад происходила не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве На примере промышленности мы видели, какие трудности испытывала Россия в процессе создания военной экономики. Эти трудности были и в сельском хозяйстве, которое медленно, но неуклонно поддавалось дезорганизующему влиянию войны.

Первым по времени и наибольшим по силе ударом, нанесенным войной сельскому хозяйству, была мобилизация людей на войну. До войны в кадровой армии царской России насчитывалось 1,4 млн чел, уже по первой всеобщей мобилизации в войска было призвано 3,9 млн человек, а до конца 1914 г. — еще 1,2 млн В течение 1915 г в связи с большими летними потерями было призвано еще 5 млн человек. Таким образом, к концу 1915 г. под ружье было поставлено 11,5 млн человек В течение первой половины 1916 г было мобилизовано сравнительно с 1915 г. немного — 775 тыс человек, но с июня 1916 г по ряду мобилизации было взято почти 2 млн человек (1970 тыс), в течение первых двух месяцев 1917 г. было взято еще 630 тыс человек. Таким образом, с начала войны армия поглотила 14,9 млн человек, не считая 200 тыс. переосвидетельствованных белобилетников [1]

В силу аграрного характера страны и огромного преобладания сельского населения подавляющая часть армии комплектовалась из крестьян. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., только из 47 губерний Европейской России было взято в войска 10 932,6 тыс человек [2] По 50 губерниям и областям призванные в армию составили 47,4% всего трудоспособного мужского населения сельских местностей, причем в восьми губерниях было взято из деревни более 50% трудоспособных мужчин рабочего возраста, в 1917 г. — только 8 [3]

Если в первый год войны говорили, что взято только избыточное население, то последующие мобилизации забрали основных работников крестьянского хозяйства. Ушедших заменили старики, женщины и дети

[1] «Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах)» М, 1925, стр 17
[2] Там же, стр 49
[3] Там же, стр 21

Первая (всеобщая) мобилизация 1914 г была объявлена в разгар уборочных сельскохозяйственных работ, но она не могла еще остро сказаться на их ходе, и урожай 1914 г убрали На первых порах в деревне имела некоторое значение взаимопомощь и общественное содействие семьям призванных в войска глав семей Но эта взаимопомощь очень скоро стала сходить на нет число семей без работников быстро росло, помогать нужно было половине хозяйств, а наличные рабочие руки и скот таяли

В П Милютин, исследуя вопрос о сельскохозяйственных рабочих, приходил к выводу, что в 1914 г в целом по стране острого недостатка в рабочей силе еще не чувствовалось, а недостаток рабочих рук в отдельных районах был не сильнее обычного и объяснялся «не вообще недостатком сельскохозяйственных рабочих в стране, а отсутствием планомерности и организации в распределении имеющихся в наличности рабочих масс» [4]. Это вполне понятно, если учесть, что до войны в российской деревне было значительным аграрное перенаселение Но уже осенние работы в районах использования пришлой рабочей силы — Причерноморье и Северный Кавказ — производились при известном недостатке рабочей силы.

Дело резко меняется в 1915 г Недостаток рабочих рук начал ощущаться в разной степени повсеместно, особенно во время уборки хлебов Недостаток мужской рабочей силы давал себя знать в разных районах по-разному В промышленных районах с развитым отходом крестьян в города сельское хозяйство и до войны в значительной мере велось женщинами; здесь влияние мобилизации в первое время сказывалось меньше, пока еще не слишком сократилось количество тягловой силы В черноземной же полосе замена мужского труда женским происходила с большими трудностями Наибольшие затруднения с рабочей силой стали испытывать южные губернии В целом в 1915 г. 81% губерний дали сообщения о недостатке рабочих рук [5]

Убыль рабочих рук в сельском хозяйстве частично восполнялась трудом военнопленных и беженцев. В делах Главного управления Генерального штаба сохранилась карта с обозначением территории, на которой использовался труд военнопленных в сельском хозяйстве в 1915 г, и лагерей военнопленных, занятых в промышленности [6] Помещенная на карте таблица содержит данные о распределении военнопленных по ведомствам, из которой видно, что к 1 сентября 1915 г. в России насчитывалось 553,2 тыс военнопленных, в том числе в распоряжении Министерства земледелия 326,5 тыс человек, или 59% всех военнопленных, в распоряжении Министерства торговли и промышленности — 88,4 тыс человек, или 16%, Министерства путей сообщения — 70,6 тыс человек, или 12,8%, Министер-

[4] *В П Милютин* Сельскохозяйственные рабочие — «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», вып III М, 1915, стр 182

[5] *В П Милютин* Сельскохозяйственные рабочие в 1915 г — «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», вып IV М, 1916, стр 61, 63

[6] ЦГВИА, ф 2000, оп. 1, д 6840, л 1

ства внутренних дел — 30,4 тыс человек, или 5,5%, Военного министерства — 37,3 тыс человек, или 6,7% Таким образом, ведомство земледелия получило для сельскохозяйственных работ в 2 с лишним раза больше военнопленных, чем промышленность и транспорт, вместе взятые

Как показывают архивные материалы военных округов, подавляющая часть военнопленных направлялась в помещичьи имения, и прежде всего в имения крупных помещиков они получали пленных по личным ходатайствам непосредственно из окружных лагерей.[7] Значительные группы пленных — от 1000 до 10 000 человек — получали губернские и уездные Земства для распределения по хозяйствам — главным образом среди помещиков и отчасти зажиточных крестьян[8] Земства отказывали крестьянам в предоставлении военнопленных как по недостатку их для удовлетворения нужд помещичьих хозяйств, так и потому, что крестьяне, требуя по одному — два человека, не могли организовать охрану военнопленных[9] Таким образом, труд военнопленных мог быть известным облегчением лишь для помещичьих хозяйств, но и то лишь отчасти, поскольку количество их было сравнительно невелико Еще меньшее значение имел труд беженцев, которых на сельскохозяйственных работах было занято до 300 тыс человек

К весне 1916 г число военнопленных составило 818,1 тыс человек, из которых в распоряжении Министерства земледелия было 460,9 тыс человек, или 56,3%. К осени 1916 г число пленных возросло до 1114,4 тыс. человек, а в ведомстве земледелия — до 646,0 тыс человек[10]. И к этому времени ведомство земледелия располагало вдвое большим количеством пленных, чем ведомства торговли и промышленности и ведомство путей сообщения, вместе взятые. Однако недостатка рабочей силы, созданного мобилизациями, помещики покрыть не могли

Министерство земледелия в 1916 г. добилось временного отпуска с тыловых работ Юго-Западного фронта нескольких сот тысяч крестьян, что несколько смягчило нехватку рабочих рук во время уборки урожая, но устранить ее не могло

О том, как остро испытывался недостаток рабочих рук во время уборки, свидетельствует следующий факт В июле 1916 г. в разгар уборочных работ правительство решило провести новый призыв в армию Это вызвало решительное сопротивление членов Особого совещания по обороне Несмотря на попытку военного министра Д. С Шуваева снять этот вопрос с обсуждения, так как он находился «вне сферы ведения Совещания», обсуждение его все же состоялось Тон задал Родзянко, и сам испытывавший недостаток рабочей силы

[7] ЦГВИА, ф 1759, оп 3, д 446, 458, 460 Материалы о распределении военнопленных из Дарницкого лагеря

[8] Архив ЦСУ, Отдел сельского хозяйства, 1917 г, д 97—100

[9] См например ЦГАОР СССР, ф 102, 4 дело-во, 1916 г, д 108, ч 84, л 20

[10] ЦГВИА, ф 369, оп 9, д 9, лл 10—11, см также *А М Анфимов* Помещичье хозяйство России в годы первой мировой войны — «Исторические записки», т. 60, 1957.

в имении По его словам, призыв грозил не только потерей огромного количества зерна, но и голодом населения «Голод настанет неизбежно не только внутри страны, но и в армии, которая черпает свое продовольствие из того же тыла, с голодной же армией мы победы не достигнем»[11] Выступление Родзянко было поддержано рядом членов Совещания Член Государственного совета В. И Гурко, помещик Воронежской губернии, прямо заявил, что «назначенный призыв угрожает гибелью государства ; в 1915 г армия была оставлена без оружия и тяжело пострадала вследствие этого; ныне назначенный призыв грозит не меньшими последствиями»[12]. В результате призыв пришлось отложить на август.

Недостаток рабочих рук мог быть смягчен также усиленным использованием сельскохозяйственных машин Но, как известно, степень механизации сельского хозяйства в России была весьма низкой Сельскохозяйственные машины имелись лишь в помещичьих и кулацких хозяйствах, основная же масса крестьян машин не имела Лишь металлические плуги и бороны получили известное распространение, а в ряде районов еще господствовали соха и деревянная борона. Снабжение деревни сельскохозяйственными машинами и усовершенствованным инвентарем с самого начала войны стало резко сокращаться. До войны Россия почти 50% потребности в машинах удовлетворяла привозом из-за границы, а с началом войны этот привоз резко сократился, что видно из следующих данных·

Таблица 19

Импорт сельскохозяйственных машин в Россию, тыс пуд *

	Среднее за 1909—1913 гг	1914 г	1915 г	1916 г	1917 г
Сельскохозяйственные машины простые	3749	3089	106	144	303
Сельскохозяйственные машины сложные	3546	2938	103	247	1423
Жнейки-сноповязалки	1658	1119	18	134	543
Жнейки с соломосбрасывающим прибором	604	632	51	49	724
Ручные сельскохозяйственные инструменты	386	336	129	146	58
Плуги	928	1016	25	1,4	8 6
Сеялки	313	97	10	—	7,4

* «Статистический сборник за 1913—1917 гг» вып II М 1922 стр 16—19

Резкое сокращение импорта машин произошло в 1915 г , последующие годы не дали улучшения

[11] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 178, л 103, ЖОСО, № 87, 9 июня 1916 г
[12] Там же, л 105.

Внутри России за 1914—1916 гг машин было произведено менее 50% по сравнению с 1913 г Весной и осенью 1915 г прошли три совещания по вопросам сельскохозяйственного машиностроения, которые установили, что русские заводы уже в начале войны производили машин только на 21,4 млн руб, что составляло лишь $^1/_6$ от довоенной производительности Директор департамента земледелия рассчитывал, что производство сельскохозяйственных машин в 1916 г достигнет 60% от производства 1912 г Даже если бы эти предположения оправдались, все равно нельзя было говорить о машинизации сельского хозяйства На пути производства сельскохозяйственных машин встали два препятствия — недостаток топлива и нехватка металла В результате крупные заводы сельскохозяйственных машин сильно сократили свое производство, более же мелкие либо полностью перешли на военные заготовки, либо закрылись

В какой мере была ограничена производственная способность заводов, по причинам от них не зависящим, дает представление следующий факт Чтобы удовлетворить годовую потребность в машинах, заводы должны были получить 17 млн пуд черного металла Металлургический комитет назначил им лишь 4 млн пуд, в результате чего представилось бы возможным изготовить 20—25% того количества орудий, в которых нуждается наше сельское хозяйство За первое полугодие 1916 г фактически удалось получить только 600 тыс пуд металла, а потом отпуск металла был прекращен с обещанием возобновить его лишь с 1 октября Если за оставшиеся три месяца до конца года заводам удалось получить еще 400 тыс пудов металла, то вместе взятое давало возможность выполнить производство машин в пределах 5—8% годового плана

На 1917 г Министерство земледелия планировало вновь получить 4 млн пуд металла и, кроме того, заказать за границей 6 млн пуд Эти предположения нельзя было считать сколько-нибудь реальными Успех внутреннего производства сельскохозяйственных машин целиком связывался с восстановлением Холуницких металлургических заводов (Вятская губерния) и кустарными мастерскими Также планировалось значительно увеличить покупку машин за границей В 1916 г было закуплено 29 тыс уборочных машин, на 1917 г собрались заказать за границей до 100 тыс уборочных машин на сумму в 29 млн руб Этим планам не суждено было осуществиться

Удовлетворение потребности в простых косах и то представляло сложную проблему, так как большая часть кос до войны ввозилась из Австрии В связи с эвакуацией из Вильно крупного завода кос Посселя, дававшего 3,2 млн кос, в стране остался лишь один Артинский завод, который, даже по окончании его оборудования, едва ли мог удовлетворить более 15% нашей годовой потребности в косах Было намечено строительство 6 кустарных учебных мастерских по производству кос с общей годовой производительностью в 250—300 тыс. штук. Ясно, что такие меры не могли удовлетворить потребности в косах

Война сильна подняла интерес к трактору Однако дальше предварительных разведок в этом направлении ничего не было сделано В стране нашлось 7 заводов, изъявивших согласие оборудовать тракторные отделения На 1917 г было намечено выписать до 300 машин разных марок в качестве «образцов для копирования, усовершенствования и приспособления тракторов к нашим условиям».

9 октября 1916 г Особое совещание по продовольствию поручило департаменту земледелия «в срочном порядке» разработать вопрос о снабжении сельского хозяйства машинами и орудиями В представленной департаментом справке указывалось на сокращение запашки и на дальнейшие затруднения в этом отношении, с которыми департамент земледелия намерен был бороться путем увеличения числа машин в сельском хозяйстве. Что же было сделано в этом отношении? Оказывается, в 1916 г была уже выписана партия тракторов (40 штук), шедших через Владивосток, к сезону 1916 г было доставлено 35 тыс уборочных машин из Америки и Швеции и 10 тыс изготовлено в России На 1917 год было заказано трем американским и шведским заводам 100 тыс машин (85 тыс машин в Америке и 15 тыс. в Швеции) и строился новый завод по производству кос На 5 млн руб было закуплено станков, инструментов и материалов, необходимых для ремонта сельскохозяйственных машин Для 38 заводов сельскохозяйственных машин было передано около 600 тыс пуд сортового железа и чугуна, потребность же измерялась до войны в одном сортовом железе в 13 млн пуд Эти цифры дают наглядное представление о катастрофическом упадке сельскохозяйственного машиностроения

До сих пор в нашей литературе приводятся весьма приблизительные данные о падении внутреннего производства сельскохозяйственных машин. Представляется полезным определить его действительные размеры В нашем распоряжении имеются данные о ввозе машин и орудий из-за границы [13] и об общем потреблении машин до войны и в годы войны [14] Но эти данные несоизмеримы, поскольку первые приводятся в пудах, а вторые — в рублях Цены же пуда ввезенных машин мы знаем лишь по 1915 г В 1914 г пуд импортируемых машин обходился (без запасных частей) 5 руб. 58 коп., в 1915 г — 7 руб 92 коп., т. е цена возросла на 42% [15]. Если условно принять такой же процент роста цен в 1916 г, то можно все данные привести к одному измерителю, например к рублю, и тогда мы получим приблизительно правильное представление о доле ввоза

[13] «Сельское хозяйство России в XX веке» Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг М, 1923, стр 337

[14] *Е И Измайловская* Русское сельскохозяйственное машиностроение М, 1920, стр 13, *Селезнев* Машина в русском сельском хозяйстве — «Сельское и лесное хозяйство», 1923, кн 8, стр 219

[15] «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств Год десятый» Пг 1917 стр 328–329

и внутреннего производства машин Но при этом следует учесть рост цен на сельскохозяйственные машины на внутреннем рынке [16]

Произведенные нами расчеты можно выразить в виде таблицы (см. табл. 20).

Как показывает приведенный расчет, внутреннее производство сельскохозяйственных машин и орудий в годы войны катастрофически падало Общее же потребление машин и орудий в сельском хозяйстве сократилось еще более значительно.

До сих пор речь шла о снабжении новыми машинами и орудиями. Но, конечно, кроме новых машин в сельском хозяйстве имеется какой-то наличный парк машин, приобретенных еще до войны, и об изменении степени механизации сельского хозяйства можно судить лишь по изменениям количества и качества всего машинного парка. С этой целью возьмем ежегодные данные о стоимости приобретенных машин и орудий и допустим в соответствии с общепринятыми в то время нормами, что машины и орудия изнашивались ежегодно на $^1/_{10}$ первоначальной стоимости При таком допущении мы должны будем считать пришедшими к началу 1914 г в полную негодность все машины, приобретенные до начала 1905 г Машины, приобретенные в 1905 г, сохранили к 1914 г только $^1/_{10}$ своей первоначальной стоимости, приобретенные в 1906 г — $^2/_{10}$ стоимости, купленные в 1907 г — $^3/_{10}$ и т д Аналогично этому к 1 января 1915 г от стоимости машин покупки 1906 г сохранялось $^1/_{10}$; покупки 1907 г — $^2/_{10}$ и т д Беря суммы ежегодного ввоза и производства, т е. общего потребления машин за 1905—1916 гг, и произведя соответствующие вычисления по указанному методу, получим

[16] «Динамика цен на главнейшие изделия фабрично-заводской промышленности за период 1913—1918 гг» — «Труды ЦСУ», т XXVI, вып 3 М, 1926, стр 12—16 По данным этого издания с 1913 по 1916 г цены на сельскохозяйственные машины и орудия изменились следующим образом (в руб за штуку)

	1913 г	1914 г	1915 г	1916 г
Веялки	40,26	43,91	62,18	92,79
Жатки	149,10	188,69	207,53	270,00
Лобогрейки	95,00	97,67	156,00	440,00
Плуги 2 мм	17,41	18,41	26,67	38,86
Сенокосилки	86,01	101,20	121,38	366,86
Сеялки	27,68	—	39,04	160,29
Серпы (дюж)	2,44	2,36	2,95	8,42
Запасные части (пуд)	8,56	13,19	16,87	52,03

Конечно, можно было вычислить удельный вес каждого вида орудий в их общем числе и таким образом определить для них индексы цен по годам, но это завело бы нас в область исчислений такой точности, которая не требуется в данном случае Поэтому мы примем индексы цен по всей группе машин инструментов и аппаратов, хотя они, возможно, и показывают меньший рост цен, чем рост цен на сельскохозяйственные машины Эти индексы следующие 1913 г — 100 1914 г — 110, 1915 г — 130, 1916 г — 153 (там же, стр 16)

следующие данные о стоимости наличного парка машин и орудий в сельском хозяйстве [17].

Годы	Сумма млн руб	в % к 1914 г
На 1 января 1914 г	407 950,7	100,0
» » » 1915 »	424 989,6	104,2
» » » 1916 »	378 315,1	92,7
» » » 1917 »	316 555,8	77,6

Эти данные показывают, что к началу войны в сельском хозяйстве России годных для работы машин, орудий и инвентаря фабрично-заводского изготовления имелось, по примерному, конечно, расчету, на сумму 408 млн. руб Любопытно определить реальное значение этой цифры, что можно сделать сравнением ее с количеством посевной площади По данным Всероссийской урожайной статистики Центрального статистического комитета, в 1914 г в Российской империи имелось засеянной площади 106 846,6 тыс дес земли [18] Следовательно, на десятину посева приходилось дей-

Таблица 20

Внутреннее производство и ввоз сельскохозяйственных машин и орудий в России в 1911—1916 гг., тыс руб

Годы	Собственного производства		Ввоз		Всего		Собственное производство в довоенных ценах		Потребление в довоенных ценах	
	тыс руб	%	тыс руб	%	тыс руб	%	тыс руб	%	тыс руб	%
1911—1913	56 903	100,0	54 289	100,0	111 192	100,0	56 903	100	111 192	100,0
1914	54 265	95 4	40 661	74,9	94 926	85,4	49 332	86,7	86 296	77,6
1915	28 821	50,6	1 553	2 9	30 374	27,3	22 170	39,0	23 360	21,0
1916	8 182	14,4	4 400	8,1	12 582	11,3	5 348	9 4	8 224	7 4
Итого за 1914—1916 гг	91 268	—	46 614	—	137 882	—	76 850	—	117 880	—

ствующих машин и орудий стоимостью в среднем 3 руб 82 коп, а если учесть, по трехпольному севообороту, пар, то на десятину пашни приходилось стоимости машин и орудий только 2 руб 55 коп Эта цифра свидетельствует о крайне низком уровне технического оснащения сельского хозяйства России к началу первой мировой

[17] *Е И Измайловская* Указ соч, стр 13, *Селезнев* Указ соч, стр 219 Здесь ради краткости изложения ежегодные суммы поступления машин не приводятся.

[18] «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», стр 61, 63 Данные по Привислинским губерниям — средние за 1906—1910 гг

войны Возьмем для сравнения данные об уровне технического оснащения некоторых передовых частновладельческих хозяйств капиталистического типа, относящихся к рассматриваемому периоду Например, в Гутянском имении наследников Л Е Кениг (Харьковская губерния) на десятину пашни приходилось сельскохозяйственных машин и инвентаря на сумму 15 руб 98 коп [19] В Голозубинецком имении В В Скибневского (Подольская губерния), состоящем из двух экономий — Голозубинцы и Мелания, соответственно на сумму 11 руб 30 коп. и 17 руб. 80 коп [20], а в имении Поповка С К Дерсевиля (Подольская губерния) — по 70 руб на десятину [21] Если же учесть, что даже передовые хозяйства помещиков испытывали недостаток в машинах и широко пользовались крестьянским инвентарем, станет ясно, насколько низка была обеспеченность сельского хозяйства в целом машинами и орудиями промышленного изготовления В сельском хозяйстве России, таким образом, наблюдалось безраздельное господство ручного труда Отсюда ясно, какой ущерб должны были нанести сельскохозяйственному производству мобилизации мужской рабочей силы

Поступление в деревню машин в 1914 г превысило в незначительном размере износ, и общая стоимость действующего парка на 1 января 1915 г превысила уровень предыдущего года на 4,2% Но уже в 1915 г сумма стоимости машин и орудий снизилась на 7,3% Особенно большое снижение действующего парка машин произошло в 1916 г — 22,4% к довоенному уровню

К приведенным данным следует сделать поправку на то, что часть машин, учтенная нами в числе действующих, в действительности по ряду причин не могла использоваться Среди этих причин нужно назвать прежде всего сокращение, а затем и полное прекращение ремонта машин из-за отсутствия запасных частей и металла, а также вследствие мобилизации кузнецов Часть машин простаивала из-за отсутствия машинистов и механиков, призванных на войну Жатки простаивали из-за нехватки сноповязального шпагата, производство которого так и не было налажено в годы войны, несмотря на усилия Министерства земледелия)

Министерство предпринимало некоторые меры по налаживанию производства машин и орудий на заводах сельскохозяйственного машиностроения, но, как указывалось выше, этому мешал прежде всего недостаток металла, который шел преимущественно на заводы, изготовлявшие военные материалы; к тому же владельцы заводов сельскохозяйственных машин сами были больше заинтересованы в производстве предметов боевого снабжения, чем в изготовлении сельскохозяйственных машин

Изменения коснулись и другого важнейшего элемента сельско-

[19] *И В Сладковский* Имение «Гуты» Л Е Кениг — наследники, ч 1 Харьков 1913, стр 74

[20] *Ф Л Любанский* Описание Голозубинецкого имения В В Скибневского Винница, 1911, стр 8

[21] *В Н Сведерский* Краткое описание имения Поповка Литинского уезда Подольской губ С К Дерсевиля Винница, 1916, стр 7

хозяйственного производства — тягловой силы. Как известно, единственным видом тягловой силы в дореволюционной России являлись лошади и волы. Механическая тягловая сила была представлена крайне немногочисленными локомобилями и тракторами — общая мощность двигателей в сельском хозяйстве не превышала 0,8% всей энерговооруженности сельского хозяйства [22].

В общей массе рабочего скота наибольшее значение имели лошади. Так, по данным Всероссийской переписи 1916 г., в Европейской России насчитывалось 15 841,2 тыс. лошадей 4 лет и старше, тогда как волов и быков — 374,9 тыс. голов, т. е. всего лишь 0,02% от суммы этих цифр. Поэтому положение с тягловой силой в сельском хозяйстве зависело прежде всего от изменений в поголовье лошадей.

В целом в России до войны был, несомненно, количественный излишек лошадей. В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал, что «в России число лошадей в сельском хозяйстве ненормально высоко по отношению к культурной площади. В мелкокрестьянской стране это и не могло быть иначе» [23]. Это ненормальное отношение имело место лишь в крестьянском хозяйстве. В помещичьем хозяйстве, наоборот, ощущался явный недостаток лошадей по сравнению не только с размерами находящейся в собственности помещиков пашни, но и с размерами собственной запашки. Характерно при этом, что помещики в массе своей в предвоенные годы не старались довести поголовье рабочих лошадей до соответствия с размерами полевого хозяйства. Сравнение данных военноконских переписей 1900—1905 гг. с переписью 1912 г. показывает, что количество рабочих лошадей у частных владельцев с 1968,8 тыс. голов сократилось до 1957,7 тыс. голов, т. е. на 0,6% [24]. Объяснением этому факту является прежде всего то, что крестьянское хозяйство, имевшее излишек лошадей, служило для помещичьего хозяйства источником тягловой силы в одних случаях — для большинства или всех работ (например, в чисто отработочных хозяйствах), в других — для срочных массовых работ — возка снопов, возка зерна и т. д. При этом крестьянское хозяйство несло на себе все невыгоды содержания лошади на клочке земли, а помещичье хозяйство по дешевке нанимало крестьянскую тягловую силу. Но, не имея достаточного количества тягловой силы, помещичье хозяйство было несомненно в зависимости от крестьян не только в отношении рабочих рук, но и рабочего скота. «Возка хлебов,— говорил на съезде объединенного дворянства в 1910 г. помещик Н. А. Павлов,— это период работы, в который землевладельцы будут еще долго находиться в полной зависимости от местного населения» [25]. Поэтому всякое изменение в крестьянском хозяйстве

[22] «Народное хозяйство СССР. Статистический сборник». М., 1956, стр. 150.
[23] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 139.
[24] «Военноконская перепись в 1899—1901 гг.». СПб., 1902, то же 1903—1904 гг. СПб., 1906, то же 1905 г. СПб., 1907, то же 1912 г. СПб., 1914. Данные по 48 губерниям.
[25] «Доклад члена Совета Н. А. Павлова об объединении дворянства на почве экономической» [СПб., 1910], стр. 17.

в части рабочей силы и лошадей немедленно должно было сказываться на помещичьем хозяйстве

В годы мировой войны крестьянскому поголовью рабочих лошадей был нанесен чувствительный урон Как показывают последние подсчеты, с начала войны до свержения царизма по мобилизациям, реквизициям, а также частично в порядке закупок было взято для армии 2,6 млн лошадей При этом поголовье рабочего скота не претерпело больших изменений, поскольку убыль в значительной мере покрывалась приростом молодняка, который до войны нередко представлял обузу и уничтожался, а в годы войны стал усиленно сохраняться. Об изменениях в поголовье рабочих лошадей мы не можем привести сколько-нибудь точных данных, поскольку данные переписей, проводившихся в 1916 и 1917 гг, совершенно не сравнимы с данными военноконских переписей, крайне заниженными. Для сравнения возьмем лишь те губернии, где в предвоенные годы проводились земские подворные переписи крестьянских хозяйств Таких губерний, в которых переписи проводились не ранее 1910 г, насчитывается 17, но данные по лошадям мы можем сравнить с переписью лишь по 13 губерниям При этом мы возьмем для сравнения данные всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Это сравнение дано в табл 21

Таблица показывает, что из 13 губерний поголовье рабочих лошадей уменьшилось в 5 губерниях, в остальных 8 губерниях количество лошадей несколько возросло, причем в Тульской — на 20,2% Рассматривая географическое размещение происшедших изменений, можно заметить, что количество лошадей значительно уменьшилось в нечерноземных губерниях и возросло в черноземных, хлебопроизводящих губерниях. Причин, объясняющих это явление, несколько Во-первых, со времени переписи до начала войны южные губернии давали некоторый прирост поголовья Во-вторых, в черноземные губернии направлялся основной поток беженцев, приводивших с собой некоторое количество скота В-третьих, всеобщая перепись 1917 г, по-видимому, полнее охватывала учетом крестьянские хозяйства, чем земские переписи, что отчасти можно видеть по значительному росту числа хозяйств, превышавшему нормы ежегодного дробления хозяйств В-четвертых, в некоторые, ближайшие к фронту губернии, направлялись выбраковывавшиеся армией лошади В-пятых, через эти губернии шли гурты скота на фронт, и при том в беспорядке, который царил в области снабжения фронта, часть скота оседала в деревне, не достигнув мест назначения И, наконец, существовала важнейшая, на наш взгляд, причина, о которой мы скажем ниже

Следует заметить, что если все количество лошадей дало уменьшение на 1,2%, то количество хозяйств в то же время увеличилось на 5,6%, т. е. рост поголовья лошадей значительно отставал от роста числа хозяйств. Расчет показывает, что если до войны на 100 хозяйств приходилось 114 рабочих лошадей, то в 1917 г.— 107

Так обстоит дело, если рассматривать изменения поголовья лоша-

Таблица 21

Изменение поголовья рабочих лошадей по 13 губерниям *

Губерния	Год довоенной переписи	Число хозяйств тыс			Рабочих лошадей тыс голов		
			1917 г			1917 г	
		до войны	количество	в % к году переписи	до войны	количество	в % к году переписи
Вологодская (2 уезда)	1911	65 9	68 3	103 6	57,2	54,4	95 1
Волынская (7 уездов)	1910	267 4	222 1	83 1	344 1	271,0	78 8
Вятская	1909—1912	540,7	532 5	98 5	634,4	600,6	94 7
Калужская (Жиздринский уезд)	1910—1911	36 5	42,1	115,3	49,2	53 1	107 8
Новгородская	1913	231,0	261 3	113 1	253,1	252 5	99 8
Пензенская	1910—1912	264 6	283 5	107,1	249 5	253,7	101 7
Полтавская	1910	451,7	470,8	104,2	379 7	402,0	105,9
Самарская (2 уезда)	1911—1913	105,7	112,5	106,4	171 1	175 4	102,5
Симбирская	1911	291,4	304,4	104 5	266 6	270,3	101,4
Тамбовская	1912	469 9	527,5	112 3	436,7	472,8	108,3
Тульская	1910—1912	222 6	240 7	108 1	241 5	280,2	120 2
Уфимская	1912—1913	470 8	516 6	109 7	848 5	781 7	92 1
Харьковская (без Старобельского уезда)	1913	335 6	383 1	114 2	375 7	386 9	103,0
Итого	—	3753,8	3965,4	105,6	4307,3	4254,6	98,8

* *З М и Н А Свавицкие* Земские подворные переписи 1880—1913 Поуездные итоги М, 1926 стр 186—187 196—197 210—211 220—221, 234—235 24 —243, «Материалы подворной переписи Волынской губернии 1910 г» Житомир 1914 стр 214 225 228 239 «Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии в 1912 году» т 1—2 Тамбов, 1913 прилож 1 «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г по Вятской губернии» Вятка 1916 стр 179 182, «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г по Новгородской губернии» Новгород 1920 стр 144 «Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям» — «Труды ЦСУ» т 5 вып 2 М, 1923, стр 14—15 18—19 26—27 38—39 70—71 86—8 94—95 102—103 110—111 118—119 126—127 130—131

деи с одной только количественной стороны [26] Но этого недостаточно Надо учитывать, что в армию выбирались самые лучшие лошади, и потому урон, нанесенный мобилизациями, далеко не пропорционален доле мобилизованных лошадей.

Кроме всего прочего, необходимо учесть, что остававшиеся в деревне слабосильные старые лошади или молодняк использовались

[26] Приведенные количественные данные дают право считать явно преувеличенными и ни на чем не основанными имеющие хождение в нашей литературе данные о том, что будто бы за годы войны поголовье лошадей сократилось в Европейской России с 17,9 млн голов в 1914 г до 12,8 млн. голов (*П И Лященко* История народного хозяйства СССР, т II М, 1956, стр 635, *Е Д Черменский* Февральская буржуазно-демократическая революция в России в 1917 г — «Вопросы истории», 1957, № 2, стр 4)

не только на сельскохозяйственных работах, но должны были нести на себе тяготы натуральных повинностей, намного увеличившихся в годы войны, особенно подводную повинность (вывозка дров к заводам и железным дорогам, хлеба для армии и т д и т п)

Особо следует указать, что в годы мировой войны увеличилась неравномерность распределения тягла между отдельными группами крестьянских хозяйств Об этом можно судить хотя бы по тому, что в ходе войны ускоренным темпом шел процесс обезлошадения разорявшейся бедноты О росте числа безлошадных хозяйств дает представление табл. 22

Таблица 22

*Количество хозяйств без рабочего скота до первой мировой войны и в 1917 г, в тыс **

Губерния	Год довоенной переписи	Число хозяйств в год переписи	1917 г	
			число хозяйств	% к году переписи
Владимирская	1912	94,6	106,2	112 3
Вологодская (2 уезда)	1911	16 9	20 2	119,5
Волынская (7 уездов)	1910	94 4	80 9	85,7
Вятская	1909—1912	92,7	88,2	95,1
Калужская (Жиздринский уезд)	1910—1911	5,1	7,7	150,9
Новгородская	1913	42,2	59 7	141,4
Пензенская	1910	83,6	101,4	121,3
Полтавская	1910	165 5	179 4	109,5
Самарская (2 уезда)	1911—1913	23,0	33,5	145,7
Симбирская	1911	96 9	107,7	111 1
Тамбовская	1912	168 2	200,8	119,4
Тульская	1910—1912	65 6	73,0	111,3
Уфимская	1912—1913	78 9	113,7	144 1
Харьковская (10 уездов)	1913	90 1	142,6	158,3
Итого	—	1117,7	1315,0	117,6

* Источники те же что и в табл № 21, а также «Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1913 г » Владимир 1912, стр 115

Данные табл 22 отчетливо показывают значительный рост количества хозяйств без рабочего скота по всем перечисленным губерниям, за исключением Волынской и Вятской, где, как и в других прифронтовых губерниях, беженцы отдавали скот почти или совсем задаром Особенно следует отметить, что рост доли безлошадных хозяйств в ряде губерний шел при сохранившемся или даже при увеличивавшемся поголовье лошадей, например в Калужской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и Харьковской губерниях. Из этого следует сделать вывод, что в черноземных, хлебопроизводящих губерниях особенно заметен был рост разорения бедноты при одновременном усилении зажиточных групп крестьян. Конечно, данные эти недостаточны для детальной харак-

теристики процесса расслоения крестьянства, но общая тенденция, без сомнения, выявляется Относительно нечерноземных губерний предположительно можно говорить об общем обеднении крестьянства, за исключением небольшой группы кулацких хозяйств

По всем 14 губерниям и частям губернии количество хозяйств без тягла увеличилось на 17,6% Если до войны такие хозяйства составляли среди крестьян 28,7%, то к 1917 г они составили уже 33,3% Общее число хозяйств, как показано в табл 22, возросло на 211,6 тыс , а число безлошадных — на 197,3 тыс Отличие рассматриваемого периода от мирного времени состояло, между прочим, в следующем Если, например, за период с 1888—1891 гг до 1896—1900 гг , как указывал В И Ленин, весь прирост дворов пошел на увеличение числа безлошадных и одполошадных крестьян [27], то в годы первой мировои войны почти весь он пошел на увеличение числа безлошадных дворов

Это обстоятельство имело большое значение не только для крестьянских хозяйств, беднейшая часть которых утрачивала возможность продолжать производство, но и для помещичьего хозяйства, поскольку лишились рабочего скота как раз те хозяйства, которые служили главными объектами полукрепостнической эксплуатации, поставляя рабочую силу и рабочий скот в помещичьи экономии. Но и те хозяйства, которые сумели сохранить рабочий скот, в большинстве не могли работать у помещиков ввиду мобилизации мужчин. Следовательно, недостаток тягла у помещиков был связан не столько с абсолютным недостатком лошадей в деревне, сколько опять-таки с нехваткой рабочих рук

В годы воины резко сократилось снабжение сельского хозяйства минеральными удобрениями До войны в России расходовалось в год 46 млп пуд искусственных удобрений (1913 г), 75% которых ввозилось из Германии и 13% производились в России Снабжение минеральными удобрениями на 1917 г было намечено в 13 млн пуд, но для производства суперфосфата «предполагалось» еще оборудовать ряд заводов

Сокращение потребления минеральных удобрений в сельском хозяйстве России к 1916 г по сравнению с довоенным 1913 г представляется в следующем виде (в тыс пуд) [28]

	1913 г	1916 г	1916 г в % к 1913 г
Фосфатные удобрения	34 538	3 500	10,1
Азотистые »	3 219	430	7,5
Калийные »	4 700	45	1,0
Итого	42 457	3 975	9,4

[27] См *В И Ленин* Полн собр соч, т 3, стр 138—139

[28] *С Л Рашкович* Удобрительная промышленность в России Пг, 1920, стр 5 Показанные автором разновидности удобрительных веществ сгруппированы здесь в три группы фосфатные, азотистые и калийные

Общее потребление минеральных удобрений в 1916 г. не достигло десятой доли довоенного потребления, по азотистым удобрениям упало до $^1/_{13}$, а по калийным едва составило сотую долю довоенного количества

Огромная убыль людской рабочей силы, сокращение поголовья рабочего скота и подрыв технической базы сельского хозяйства неминуемо приводили к сокращению посевных площадей и снижению урожайности Необходимо отметить еще одно очень важное обстоятельство разрыв экономических связей сельского хозяйства с мировым рынком, с которым оно было связано до войны тысячью нитей Целые районы России работали почти исключительно на экспорт Украинская и кубанская пшеница, ячмень, сибирское масло являлись экспортными товарами За пятилетие перед войной (1909 — 1913 гг) Россия вывозила ежегодно 727,4 млн пуд хлеба Только по пяти хлебам — пшеница, рожь, ячмень, овес и кукуруза — ежегодный экспорт достигал 639 млн пуд Около $^1/_3$ всего экспорта направлялось в Германию и Австрию (около 250 млн пуд) Экспорт хлеба в 1914 г уже сократился на 50% — 377 млн пуд, а затем катастрофически упал до 38,9 млн пуд в 1915 г [29] Мы не будем уже говорить об экспорте продуктов животноводства, сахара и т д Выступление Турции на стороне Германии совершенно отрезало сельское хозяйство от английского и итальянского рынков Начался процесс медленной перестройки экономических связей, приспособления их к потребностям внутреннего рынка Хотя правительственные покупки в значительной мере расширили и углубили покупательную способность внутреннего рынка, но они, конечно, не могли дать того, что давал мировой рынок

Приспособление сельскохозяйственного рынка к новым условиям, обусловленным войной, началось немедленно. «В течение некоторого периода времени между объявлением войны и началом правительственных закупок продуктов сельского хозяйства для нужд армии хлебные рынки находились в полной угнетенности, и хлеб, даже по пониженным расценкам, с трудом находил покупателей Зато в дальнейшем указанные закупки становятся одним из главнейших факторов, определяющих состояние хлебного рынка, и значительно меняют обычные условия реализации урожая Создав прежде всего вообще отсутствовавший до того спрос на хлебные продукты, эти закупки открыли, кроме того, для сельских хозяев возможность сбыта своих продуктов, помимо посредников-скупщиков непосредственно в руки потребителя — казны и этим значительно сузили обычную область частной хлебной торговли» [30]. В итоге опасения на счет возможности выгодной реализации товара не оправдались, и большинство продавцов и торговцев сбыли свой товар на выгодных условиях

Крупные покупки интендантства являлись одной из причин быстрого повышения цен на продукты сельского хозяйства Значение

[29] «Статистический сборник за 1913—1917 гг», вып II, стр 23—25

[30] «Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны (июль 1914 г — апрель 1915 г)» Пг, 1916, стр 6

этого факта было подмечено уже в первый год войны Хотя правительственные закупки у производителей и сдерживали частный хлебный оборот, однако они не могли уничтожить ни спекуляцию, ни искусственное вздутие цен Поэтому, как только начались правительственные заготовки для армии, последовало повышение цен, причем к весне «надбавки к осенним ценам достигали в некоторых местностях 100 и более процентов Указанное явление захватило все без исключения хлеба и наблюдалось не только в Европейской России, но и в Западной Сибири, откуда вывоз был сопряжен с немалыми затруднениями» [31]

Рост цен на хлеб и продукты сельского хозяйства еще не являлся показателем устойчивости конъюнктуры и благоприятных условий для развития производства сельского хозяйства Быстро растущие цены свидетельствовали скорее о переполнении каналов денежного обращения, о сокращении товаров на рынке, об общей неустойчивости экономического положения

Отвлечение все большей части продукции промышленности на удовлетворение потребностей обороны, уменьшение товаров на рынке и переполнение каналов денежного обращения обесценившимися бумажками, на которые часто нельзя было купить не только средства производства, но и средства потребления — мануфактуру, сахар, кожу,— все эти обстоятельства уменьшили стимулы к расширению сельского хозяйства

Изменение посевных площадей и хлебный баланс

При отсталости дореволюционного хозяйства, когда решающую роль в урожае или неурожае играли чисто стихийные явления, очень трудно за 2—3 года проследить, как отразилось на урожае влияние войны Несомненно, что обработка почвы и ее удобрение ухудшились, а поэтому должен был ухудшиться и урожаи, но действие этого фактора полностью проявляется только тогда, когда он совпадает с неблагоприятными климатическими условиями или когда заходит далеко истощение сельского хозяйства, а плохая обработка становится хроническим явлением Поэтому для выяснения количественной стороны сокращения посевов и сбора хлебов наиболее показательным признаком является изменение посевной площади

Изменение посевной площади под влиянием внутренних факторов, т е не считая посевной площади (около 3 млн дес) на оккупированной противником территории, видно из табл 23

Приведенные данные показывают, что посевная площадь в целом в 1914– 1917 гг неуклонно сокращалась Особенно значительным

[31] Там же, стр 19 Подчеркивая связь между двумя явлениями, было бы неправильным видеть причины роста цен исключительно в правительственных заготовках для армии К весне 1915 г произошло уже общее вздорожание товаров и падение ценности рубля

Таблица 23

Изменение посевных площадей в России в годы первой мировой войны *

Год	Продовольственные культуры **		Кормовые культуры		Картофель		Всего	
	тыс дес	%	тыс дес	%	тыс дес	%	тыс дес	%
1914	58 710,9	100,0	27 002,8	100,0	2 950,7	100,0	88 664,4	100,0
1915	57 342,5	97,7	25 049,9	92,8	2 771,4	93,9	85 163,8	96,1
1916	51 738,3	88,1	24 173,1	89,5	2 366,8	80,2	78 278,2	88,4
1917	52 404,0	89,3	23 443,6	86,8	2 196,4	74,4	78 044,0	83,0

* «Урожай 1914 года в Европейской и Азиатской России» вып I и II Пг 1915, то же 1915 г вып 1 и II Пг, 1916 то же 1916 г Пг 1916, то же 1917 г Пг 1918

** В этой графе объединены все зерновые и бобовые культуры за исключением овса и ячменя включенных в графу кормовых культур

было сокращение посевов картофеля — на 25,6% в 1917 г; посевы продовольственных культур сократились на 10,7%, кормовых — на 13,2%

Как показывают данные Центрального статистического управления относительно территории СССР (в границах 1923 г), движение посевных площадей по отдельным культурам выглядело в следующем виде Озимая рожь в 1909—1913 гг занимала площадь 22,19 млн дес, в 1916 г эта площадь сократилась до 20,37 млн дес, а в 1917 г несколько увеличилась, составив 20,52 млн. дес. Яровая рожь занимала небольшое место в посевах хлебов — всего 0,47 млн. дес и осталась примерно на том же уровне Посевы озимой пшеницы с 4,97 млн дес увеличились до 5,80 млн дес. в 1916 г и до 6,05 млн. дес. в 1917 г Значительному сокращению подверглись посевы яровой пшеницы — с 19,75 млн дес в 1909—1913 гг до 17,17 млн дес. в 1916 г и до 16,83 млн дес в 1917 г Посевы ячменя сократились незначительно — с 8,85 млн дес до войны до 8,73 млн дес в 1917 г Посевы овса несколько увеличились — с 14,87 до 15,03 млн дес Впрочем, в отношении двух последних культур данные ЦСУ вызывают сомнение, поскольку детальный расчет посевов показывает более значительное сокращение посевов кормовых культур Посевы льна и подсолнуха несколько возросли, посевы конопли сократились [32]

По отдельным районам страны изменения посевных площадей дают значительные колебания Сокращение посевных площадей наблюдалось повсеместно, за исключением Степного края (Акмолинская, Семипалатинская, Уральская и Тургайская области), Оренбургской и Астраханской губерний и Западной Сибири, где посевные площади были расширены, особенно за счет яровой пшеницы Учи-

[32] «Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923» — «Труды ЦСУ», т XVIII М, 1924, стр 122—123

тывая небольшой удельный вес помещичьего хозяйства в указанных районах, рост посевных площадей главной торговой культуры — пшеницы — свидетельствует о значительном экономическом усилении зажиточной верхушки крестьянства

Особо следует отметить резкое снижение посевов продовольственных хлебов в районах, дававших до воины наибольшее количество товарного зерна — в губерниях Северного Причерноморья и Предкавказья. Так, в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях и в Области Войска Донского посевы яровои пшеницы сократились с 3,72 млн дес в 1909—1913 гг. до 1,25 млн дес. в 1917 г, а посевы озимои пшеницы увеличились с 1,17 млн. дес до 2,25 млн дес. Таким образом, вся площадь под пшеницей сократилась здесь с 4,89 млн. дес до 3,50 млн. дес, т е на 28%. В то же время посевы кормовых культур увеличились ячменя с 2,94 млн дес до 3,30 млн дес. и овса с 0,37 млн дес. до 0,58 млн дес [33] Этот процесс вытеснения продовольственных хлебов кормовыми захватил и ряд других губерний, в частности, Ставрополье и Кубань

Значительный интерес представляет вопрос о том, в каких хозяйствах больше сократилась посевная площадь — в крестьянских или помещичьих По расчетам А. М. Анфимова, у крестьян посевная площадь под зерновыми и бобовыми культурами сократилась с 77,30 млн дес в 1914 г. до 68,28 млп дес. в 1916 г, т. е на 11,7%. У помещиков посевы сократились с 8,41 млн. дес. до 6,63 млн дес, т е. на 22,3% [34]. Таким образом, посевные площади у помещиков претерпели в относительных цифрах вдвое большее сокращение, чем крестьянские посевы Следует особо отметить, что помещики в годы войны переходили к возделыванию наимепее трудоемких кормовых культур — ячменя и овса в ущерб продовольственным культурам Так, если у крестьян посевы продовольственных культур к 1916 г сократились на 9,8%, то у помещиков — на 37,7% Кормовые же культуры у крестьян сократились па 11,7% , а у помещиков увеличились на 1,3% [35]. Резкое сокращение посевов продовольственных культур у помещиков, учитывая высокую товарность помещичьего хозяйства, сыграло свою роль в возникновении продовольственных затруднении в стране.

Переходя к рассмотрению валовых сборов хлебов, укажем предварительно, что урожай 1914 г был значительно хуже урожая 1913 г, а урожай 1915 г в силу благоприятных условий погоды был намного выше урожаев предвоенного пятилетия В 1916 г хлеба́ уродились хуже, чем в 1915 г, но не хуже довоенных лет, хотя по ряду раионов урожай был плохой 1917 г дал еще большее снижение урожайности.

Валовые сборы продовольственных и кормовых культур, а также картофеля, на территории, не оккупированной в данном году про-

[33] Там же, стр 124—125
[34] *А М Анфимов* Российская деревня в годы первой мировой войны М 1962, стр 280
[35] Там же, стр 280—281

Таблица 24

*Валовой сбор хлебов в 1909—1917 гг.**

Год	Продовольственные культуры		Кормовые культуры		Всего	
	тыс пуд	%	тыс пуд	%	тыс пуд	%
1909—1913	3 234 510	100,0	1 635 403	100,0	4 869 913	100,0
1914	3 179 143	98,3	1 489 872	91,1	4 669 015	95,9
1915	3 354 873	103,7	1 455 251	89,0	4 810 124	98,8
1916	2 650 027	81,9	1 316 687	80,5	3 966 714	81,5
1917	2 554 321	79,0	1 247 308	76,3	3 801 629	78,1

* «Урожай 1914 года в Европейской и Азиатской России» вып I II то же 1915 г вып I и II то же 1916 г то же 1917 г

тивником, можно представить в виде таблицы (см. табл. 24), исчисленной по данным урожайной статистики.

Таблица показывает, что, несмотря на некоторые колебания, в годы войны происходило уменьшение сбора хлебов по сравнению с довоенным временем.

Это сокращение в действительности было более значительным, так как данные за 1909—1913 гг., по мнению специалистов-статистиков, были явно заниженными [36]

Вся территория страны делилась в отношении производства и потребления хлебов на две большие полосы производящую и потребляющую В производящей полосе образовались избытки хлебов, в потребляющей — недостатки, покрываемые ввозом из производящей полосы По расчетам канцелярии главноуполномоченного по закупке хлеба для армии, в общем итоге должны были бы оставаться излишки хлеба в стране. Для 1913 г этот остаток после расхода на потребление и экспорт исчислялся в 596,3 млн. пуд. В 1914 г. остаток хлебов и фуража должен был составить 278,5 млн. пуд, в 1915 г.— 290,3 млн пуд, в 1916 г — 197,0 млн пуд, а всего за 4 года насчитывалось возможных избытков хлеба 1362,1 млн. пуд. [37] Не считая эти цифры сколько-нибудь точным отражением действительного положения с хлебным балансом, мы все же должны констатировать, что хлеба в стране было достаточно для того, чтобы обеспечить армию и население Упадок сельского хозяйства сыграл, конечно, свою роль, явившись реальной основой сокращения излишков хлебов, но он был не единственной и даже не главной причиной разразившегося в стране продовольственного кризиса

Валовые сборы хлебов сами по себе имеют важное значение, но не менее важен вопрос о том, какая часть хлеба приобретает товар-

[36] *Б Книпович* Сельское хозяйство — «Народное хозяйство в 1916 г», вып V—VI Пг, 1921, стр 13—14

[37] ЦГИА СССР, ф 456, оп 1, д 1008, лл 168—169 Для 1915 г цифра излишка явно занижена По другим данным, излишек 1915 г достигал 900 млн пуд

ную форму и выбрасывается на рынок. Расчеты, произведенные А М Анфимовым, показали, что если валовой сбор зерна в 1916 г. сократился против 1913 г на 27,2%, то товарная часть хлеба сократилась на 32,6% Если до войны товарное зерно, идущее на снабжение городов, армии и на вывоз (т. е без внутридеревенского оборота) составляло 1179 млн пуд, то в 1916—1917 гг — 795 млн пуд [38] К тому же значительная и все возрастающая часть хлеба шла на снабжение армии. По подсчетам П. И. Попова, потребление хлеба армией составляло в переводе муки и крупы на зерно в 1914 г.— 81,8 млн пуд, в 1915 г —297,6 млн., в 1916 г —563,5 млн и в 1917 г — 449,9 млн пуд [39] Таким образом, уже с 1916 г значительно больше половины товарного зерна шло на армию

Остававшаяся часть товарного зерна, которая должна была идти на потребление городов, распределялась по стране очень неравномерно Из районов производства должно было перевозиться все больше зерна в нечерноземную полосу, где валовые сборы зерна давали значительное сокращение Однако транспортная разруха, система запрещений вывоза хлебов и сокрытие хлебных запасов, широко практиковавшиеся банками, хлеботорговыми фирмами, помещиками и кулаками, приводили к резкому сокращению перевозки хлебных грузов в потребляющие районы и в городские центры Таким образом, упадок сельскохозяйственного производства и общая экономическая разруха явились реальной основой возникновения в стране продовольственного кризиса

Дороговизна и недостаток продовольственных продуктов обнаружились в городах чуть ли не на второй день после начала войны, когда вообще странно было говорить об отсутствии продовольствия Продовольственные затруднения постепенно расширялись, углублялись и к весне 1915 г приобрели всеобщий характер В 1915 г 88% городов и 82% уездов 47 губерний России заявили о недостатке хлеба, соли, сахара и рыбы

На почве продовольственных затруднений, недостачи продуктов и растущей дороговизны начинается широкая волна «беспорядков» В апреле 1915 г продовольственное движение было в Москве и в Петрограде В мае 1915 г продовольственные затруднения явились причиной забастовки и демонстрации протеста иваново-вознесенского пролетариата В августе — новое столкновение населения с полицией в Москве, которое кончилось расстрелом В октябре 1915 г управляющий Министерством внутренних дел сообщил о «возникших в Богородском фабричном районе беспорядках на почве дороговизны и недостатка предметов первой необходимости» и просил министра земледелия разрешить взять из заготовок для армии 40 вагонов ржаной муки [40]. Военный министр А. А Поливанов сообщает министру внутренних дел А Н. Хвостову о «серьезных брожениях» сре-

[38] *А М Анфимов* Указ соч, стр 296
[39] *П И Попов* Хлебофуражный баланс 1840—1924 гг — «Сельское хозяйство на путях восстановления» М, 1925, стр 28
[40] ЦГИА СССР, ф 457, оп 1, д 951, л 223

ди петроградских рабочих и, указывая на распоряжения градоначальника о направлении всех продовольственных вагонов на один склад, требует, чтобы продовольствие, пришедшее в адрес потребительских рабочих лавок, направлялось непосредственно к ним[41]. О том же пишет председателю Центрального военно-промышленного комитета и министру земледелия Великолукская городская управа, сообщая о переполнении города ранеными в лазаретах и беженцами и указывая на полную экономическую и продовольственную дезорганизацию города.

В 1916 г продовольственные волнения приняли общероссийский характер.

В связи с продовольственными трудностями усилилось рабочее движение в Прибалтике. В декабре 1915 г забастовало около 1 000 рабочих завода «Беккер» вследствие недостатка хлеба и продовольственных товаров Эстонский губернатор доносил, что продовольственные дела, «тяжело отзываясь на экономическом положении рабочего населения, создают благоприятную почву для политической агитации среди рабочих, которая в январе месяце (1916 г — *А С.*) заметно усилилась» [42].

Продовольственные «беспорядки» охватили даже Сибирь. Прокурор Красноярского окружного суда сообщил министру юстиции о «серьезном беспорядке», имевшем место на базе 7 мая 1916 г, и перечислил 96 человек «виновных», привлеченных к судебной ответственности Особо активную роль в этом движении сыграли солдатки и солдаты местного гарнизона, поддержавшие движение солдаток и разгромившие отряды полиции и жандармерии.

В июне 1916 г в Нижнем Новгороде произошло столкновение с полицией, в результате чего были раненые и арестованные Продовольственное движение в Сормово захватило около 10 тыс. человек. Откликом на Сормовское движение были продовольственные движения в ближайших деревнях Тогда же серьезные волнения были в Харьковской и Саратовской губерниях, в Костроме В общем, летом 1916 г почти каждый российский город и городишко знал продовольственное движение. Во многих местах его причиной являлся недостаток сахара или спекулятивные цены, по которым продовольственные продукты можно было достать в неограниченном количестве

Большие затруднения имелись в снабжении городского населения и армии мясом Еще до войны был дефицит в говядине, который отчасти покрывался за счет поступления скота из Азиатской России Во время войны поступление скота на частный рынок из-за Урала почти полностью прекратилось Казенная статистика о скотоводстве отмечает в 1916 г. рост численности мелкого скота и сокращение крупного всего лишь на 2 млн голов Эти статистические данные решительным образом расходятся с действительным положением и искажают сведения о фактическом наличии скота.

[41] ЦГИА СССР, ф 457, оп 1, д 888, л 150—150 об
[42] Там же, д 889, лл 56—57

Во время войны потребление мяса сильно возросло Многомиллионная армия первоначально получала паек в размере одного фунта мяса в день на человека Позже потребление мяса было сокращено на четверть фунта Затем были введены так называемые мясопустные дни, сначала 2, а потом 4 в неделю Мясо стали заменять рыбой

Расход мясных продуктов на армию возрастал с каждым годом войны, хотя армия снабжалась мясом в крайне недостаточном количестве По данным «Справки о количестве продуктов, заготовленных и отправленных на фронты уполномоченными Министерства земледелия с начала войны по 1 июля 1917 года», сохранившейся в делах Министерства земледелия Временного правительства, в армию было отправлено мяса, солонины, живого скота и консервов, в переводе на мясо, а также рыбы следующее количество, в тыс пуд [43].

	Мясо	Рыба	Итого
1 й операционный год	3 196,6	465,9	3 662,5
2-й » »	14 439,9	1 484,2	15 924,1
3-й » »	24 529,8	5 689,7	30 219,5
Итого	42 166,3	7 639,8	49 806,1

По этим цифрам можно судить, насколько тяжелым для российского скотоводства была поставка скота на армию Несмотря на возрастающие поставки рыбы, расход скота был очень большим и на третьем году составлял не менее 2,5 млн голов крупного скота

На особом совещании в Ставке в октябре 1915 г выяснилось, что огромное количество скота хищнически истреблялось и погибало в тылу армии от бескормицы

На специальном заседании у военного министра А А Поливанова по вопросу снабжения фронта мясом и другими предметами определилась общая картина с положением дела снабжения армии мясом Докладчик — представитель Министерства земледелия тайный советник С Н Ленин — доложил об огромных потерях, которые война нанесла скотоводству За 15 месяцев войны на довольствие армии было употреблено 27% всего основного мясного капитала страны Оставление Польши и Прибалтийских губерний лишило страну еще 6 млн голов скота [44]

Министерство земледелия обещало до половины 1916 г. полностью обеспечить армию мясом, но при условии снижения нормы питания Уже в конце октября 1915 г имелось заготовленного: 300 тыс голов скота на юге России, 250 тыс голов скота, реквизированного у населения в пределах Юго-Западного фронта, 400 тыс пуд мороженого мяса на ледниках, 700 тыс пуд солонины До первого января 1916 г. было намечено заготовить 2 млн пуд. мяса в Западной Сибири, Саратове и Оренбурге, 2 млн пуд мороженого мяса из ско-

[43] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч 2, М — Л, 1957, док № 454

[44] ЦГВИА, ф 349 оп 1, д 56, лл 61—80

та, заготовляемого в Монголии Одного сала требовалось до июня 1916 г 4 млн. пуд Уже в феврале 1916 г отдел заготовок для действующей армии определял суточную норму мяса в 100 тыс пуд в день 12 мая 1916 г были установлены цены на мясо и скот. Земство получило право назначать реквизицию скота и запрещать вывоз скота из губернии.

Тем не менее снабжение армии мясом в 1916—1917 гг значительно ухудшилось Потребность армии в мясе достигла колоссальной цифры — 39,8 млн пуд на год (с 1 апреля 1916 по апрель 1917 г) [45] В справке о мясном довольствии действующей армии определенно указывается на значительное обнищание скотоводства Дальнейшее питание армии могло идти только лишь за счет сокращения основного фонда скотоводства

Министерство земледелия выработало обязательный план поставок мяса и скота для каждой губернии и области Эта разверстка скота могла быть выполнена, говорится в справке, «хотя и с ущербом для сельского хозяйства, но без особого обнищания, дальнейшие же обязательные поставки или реквизиции несомненно гибельно отразятся на навозных хозяйствах и на тех, где работа производится на волах» [46]. За 1916 г. в армию было отправлено свыше 6 млн пуд. мяса, 1,5 млн голов скота. По скоту наряд был выполнен на 94%, а по мясу — лишь на 53% [47] Приведенные данные указывают на рост затруднений в обеспечении армии мясом и на значительное сокращение поголовья крупного и мелкого рогатого скота Необходимо еще учесть, что не менее крупным потребителем мяса являлись города и крупные промышленные центры.

Земства определяли в 1916 г сокращение основного фонда скота на 5—7 млн голов. Лишний скот был на окраинах, в Азиатской России, откуда очень трудно было доставить его к центрам потребления Это вынуждало правительство проводить реквизиции в областях, расположенных ближе к фронту

Снабжение мясом было почти всецело монополизировано правительственной организацией, взявшей на себя обязательства довольствовать мясом не только армию, но и все население страны Поступление мяса на частный рынок очень резко сократилось

В обстановке общего роста цен, нехватки продовольствия и мяса, непрерывных перебоев в доставке мяса цены на него сильно поднялись: июльская цена 1916 г по сравнению с ценой июня 1914 г поднялась до 190%, а в Москве — до 215%; в четырех других крупных городах цены на мясо за то же время поднялись на 180—220%

Кроме нехватки мяса испытывался острый недостаток в коровьем масле Уже в 1915 г. снабжение армии маслом было признано возможным только при условии использования всех запасов страны,

[45] ЦГВИА, ф 2003, оп 2, д 1104, лл 341—343 Справка по вопросу о мясном довольствии действующей армии

[46] Там же

[47] ЦГИА СССР, ф 457, 1916 г, оп 1, д 78, лл 54 об — 55 «Объяснение Государственной думе управляющего Министерством земледелия сенатора Риттиха о положении продовольственного дела в империи»

поэтому в сентябре 1915 г был запрещен экспорт масла за границу

Основным поставщиком товарного масла была Сибирь, где основной фонд скотоводства терпел меньший урон, чем в Европейской России Вывоз коровьего масла из Сибири за 1913—1917 гг составлял [48]

Год	Количество вывезенного масла	
	тыс пуд (нетто)	% к 1913 г
1913	4 442,7	100,0
1914	3 285,8	74,0
1915	4 612,5	103,8
1916	3 174,4	70,1
1917	3 521,0	79,3

Как показывают приведенные цифры, вывоз сибирского масла резко сократился в 1916 г. и несколько поднялся в 1917 г

Однако несмотря на то что экспорт сибирского масла за границу, составлявший до войны $^3/_4$ всего количества, был запрещен, города не получали масла — все оно направлялось в армию.

Производство масла в стране также сильно сократилось. По исчислениям Главного комитета Всероссийского земского союза, баланс производства и потребления коровьего масла в 1916 г по сравнению с 1913 г выглядел следующим образом (в тыс пуд) [49]

	1913 г	1916 г
Приход		
Производство	7000	4500
Привоз	94	148
Итого	7094	4648
Расход		
Вывоз	4764	0,6
Потребление внутри страны	2330	4647
Итого	7094	4648

Как показывают цифры, весь приход товарного масла сократился к 1916 г на 35% и соответственно сократился расход его. Если до воины $^2/_3$ масла вывозилось за границу, то к 1916 г. вывоз по существу сошел на нет Внутреннее потребление масла выросло с 2,3 млн

[48] *Г Я Маляревский* Сведения о союзе сибирских маслодельных артелей 1907—1917 Курган, 1918, стр 11

[49] «Материалы по вопросам организации продовольственного дела, вып IV Вопросы современного положения молочного хозяйства (Труды совещания 18—19 декабря 1916 г)» М , 1917, стр 10

пуд в 1913 г до 4,6 млн пуд в 1916 г, т е ровно в 2 раза Казалось бы, несмотря на всю условность и неточность цифр, положение со снабжением маслом не должно было бы вызвать особых трудностей На деле оказалось далеко не так.

Формирование огромной армии означало отвлечение с рынка значительных количеств животного масла Недостаток жиров в стране потребовал замены коровьего масла, идущего на армию, салом и растительным маслом, заготовки которых значительно выросли Тем не менее снабжение армии жирами было поставлено плохо, и в армию приходилось посылать большие партии коровьего масла, возраставшие с каждым годом По упоминавшейся выше справке о количестве заготовленных и отправленных на фронт продуктов, в первый год заготовительных операций (с начала войны до 15 июня 1915 г) было отправлено в армию 1124 тыс пуд масла, во второй год (по 1 июля 1916 г)—1 535 тыс пуд и в третий (по 1 июля 1917 г.) — 2761 тыс пуд [50] Таким образом, армия в 1916—1917 гг. потребляла масла больше, чем до войны потребляла вся страна. Если в отношении хлебных продуктов учетные данные показывали излишек хлеба против норм потребления, то в отношении масла, принимая к расчету цифры приведенного баланса масла, обнаруживается явный недостаток масла для населения Если же учесть практику припрятывания и сокрытия масла торговцами и транспортные затруднения, то неизбежность масляного голода становится очевидной Фактическое положение дел на местах вполне подтверждает этот вывод.

Обнаружилась и острая нехватка сахара в октябре 1916 г. правительство постановило ввезти из-за границы 20 млн. пуд сахара до 1 сентября 1917 г

Причин сахарного голода было несколько До войны на территории империи действовало 293 сахарных завода С оккупацией противником польских губерний сахарная промышленность империи потеряла десятки заводов, и уже осенью 1914 г работало 265 заводов, считая в их числе 21 рафинадный завод К 1916 г. число действующих заводов сократилось до 235

На примере истории сахарной промышленности и сахарного голода в России в годы первой мировой войны можно хорошо представить себе ту роковую роль, которую сыграли частные коммерческие банки в развитии продовольственного кризиса, поразившего экономику России Поэтому мы считаем необходимым остановиться на этом подробнее.

Если в области хлебной торговли роль частных банков была, с одной стороны, несколько сужена развитием больших правительственных закупок, а с другой — завуалирована системой подтоварного и прочих видов кредита, то в области торговли сахаром эта роль не могла быть скрыта, несмотря на все усилия банков свалить с себя вину за сахарный голод Дело в том, что сахарная промышленность

[50] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», док № 454

была еще с конца XIX в монополизирована в общегосударственном масштабе, причем особенностью этой монополии являлась так называемая сахарная нормировка Она заключалась в том, что на каждый период сахароварения Советом министров устанавливался определенный предел производства сахара для внутреннего рынка и предельные цены на сахар внутри страны Ограничивая выпуск на внутренний рынок сахара, правительство имело возможность держать на него очень высокие цены, едва доступные для трудящихся Этим казне обеспечивались поступления огромного косвенного налога на сахар в виде акциза Потребители только в виде акциза переплачивали казне за сахар до 130 млн руб в год. Вместе с тем и промышленники за счет потребителя получали очень большие доходы. Так, четыре завода гр Бобринских в 1911—1912 гг. дали прибыли 481,4 тыс руб , из которых 167,5 тыс руб было вложено на расширение производства [51]

Сахароварение издавна было привилегией дворянства Но высокая норма прибыли в сахарной промышленности стала все больше привлекать к ней внимание воротил частного коммерческого кредита, и к началу мировой воины банки завладели большой долей акций в товариществах сахарных заводов и распространили свой контроль на большую часть их продукции Наиболее видная роль в этом деле принадлежала Русскому для внешней торговли банку

В 1912 г крупнейшие сахарные предприятия — Александровское и Корюковское товарищества,— которые объединяли не менее 7 песочных и рафинадных заводов, принадлежавшие Льву Бродскому и наследникам Лазаря Бродского, были в значительной части скуплены группой французских капиталистов при участии русских банков (Русско-Азиатского и др) за сумму около 38 млн руб Русский для внешней торговли банк образовал синдикат и сумел скупить у французских капиталистов акции этих заводов, а также завладел и теми акциями, которые в незначительном количестве (21%) оставались у прежних владельцев — Бродских Во главе обоих товариществ в качестве директора-распорядителя стал член правления указанного банка А Ю Добрый, а председателем правления — сам руководитель банка Л Ф Давыдов Русский для внешней торговли банк стал хозяином заводов с производительностью в 13 млн пуд рафинада и до 5 млн пуд песку Кроме того, А. Ю Добрый на средства банка закупал ежегодно 15—20 млн пуд сахара Таким образом, до $^1/_3$ всей сахарной продукции проходило через этот банк, который поэтому играл огромную роль в установлении цен на сахарном рынке [52] Наконец, по инициативе того же А Ю Доброго было создано особое монополистическое объединение — Бюро рафинеров, поставившее под свой контроль не только большую часть производства рафинада, но и сахарного песка, шедшего на его изготовление

Кроме Русского для внешней торговли банка видную роль в са-

[51] «Смена» (Описание имения гр Бобринских) Киев, 1913, стр 113
[52] «К аресту киевских сахарозаводчиков» — «Петроградская газета», 28 октября 1916 г.

харной промышленности и торговле играли упоминавшиеся Русско-Азиатский банк, Азовско-Донской и Московский купеческий банки [53]

Сырьевой базой сахарной промышленности являлась свекловица, возделывавшаяся на земле самих заводов и на помещичьих и крестьянских плантациях В 1914 г при заводах было засеяно свекловицей 258,9 тыс дес и у плантаторов —438,6 тыс дес [54] В годы войны посевы свекловицы у крестьян и помещиков значительно сократились, что видно из следующих цифр (в %) [55]:

Год	Посев на заводах	Посев на плантациях помещичьи	крестьянские	Итого
1914	39	34	27	100
1915	41	32	27	100
1916	54	26	20	100

Сокращение плантаторских посевов поставило заводы перед необходимостью расширения собственных посевов, для чего была расширена аренда помещичьих имений Расширение посевов потребовало значительного увеличения найма рабочей силы В этом вопросе на помощь сахарозаводчикам пришло царское правительство и военное командование. Заявки сахарных заводов на военнопленных удовлетворялись в первую очередь, они направлялись на заводы сотнями Так, на завод В Н Орлова в Бобровском уезде Воронежской губернии было направлено 700 человек военнопленных из Воронежа, Липецка, Кирсанова и даже из Торжка На сахарном заводе владельцем было оставлено 149 человек, остальные использовались на работах в восьми его имениях, а также на конном и кирпичном заводах [56] Для сахарных заводов Бобринских было отпущено 840 военнопленных [57], на заводах Александровского товарищества работало 1560 военнопленных [58]

Сахарным заводам удалось расширить свои посевы к 1917 г примерно на $^1/_3$, в результате посевная площадь под свекловицей сократилась в целом незначительно — с 699 300 дес в 1914 г. до 670 124 дес в 1915 г. и до 589 862 дес в 1916 г. [59]

Значительные затруднения создались в годы воины в связи с недостатком семян сахарной свеклы Главными поставщиками семян для российских свекловодов являлись немцы. За несколько лет до

[53] *А А Соколов* Сахар — «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», вып 2 М, 1915, стр. 163

[54] «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», стр 222—223

[55] *Г Н Логачев* О необходимых мерах к увеличению культуры свеклы и производства сахара в предстоящем периоде 1917—1918 г Пг, 1917, стр 3

[56] ЦГВИА, ф 1606, оп 2, д 1067, л 2

[57] Там же, ф 1759, оп 3, д 460, л 4 об

[58] Там же, л 8в

[59] «Внутренние источники снабжения сахарного рынка в Западной Европе и у нас» — «Известия Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу», 1916, № 29, стр 92.

воины в Виннице был построен большой очистительный завод Раббетге-Гизеке — филиал предприятия в Клейнванцлебене (Германия). Из Германии в Винницу поступали высокосортные семена сахарной свеклы — элита, оценивавшиеся в 500 руб за пуд и дороже Отсюда семена распределялись между свекловодами Плантатор, получив для разведения пуд элиты (на 6 дес.), через два года возвращал фирме приблизительно 540 пуд семян по цене 2 руб. 20 коп — 2 руб 30 коп за пуд В контракте предусматривались правила возделывания растения, а также обязательство плантатора не брать семян ни от какого другого поставщика Фирма Раббетге-Гизеке через контролеров следила за выполнением плантаторами своих обязательств. Через Винницу проходило около 500 тыс пуд семян в год [60] Мер по разведению семян без участия этой фирмы проводилось явно недостаточно Только в годы войны в силу необходимости пришлось всерьез заняться этим делом, что наряду со старыми запасами семян дало возможность обеспечить обсеменение указанных выше площадей

Понижение качества семян, а особенно обработки и ухода за свекловицей повлекло за собой снижение урожайности и валовых сборов свеклы. Много свеклы терялось из-за несвоевременной уборки и доставки ее на заводы Если заводам удавалось обеспечить себя людской рабочей силой, то в отношении тягловой силы и транспортных средств они испытывали все возрастающие затруднения Особенно большие трудности создавались из-за развала работы железнодорожного транспорта Подвоз свеклы затягивался Из 210 тыс вагонов подлежащей к перевозке свекловицы было перевезено в сентябре 1916 г только 24 тыс вагонов, в октябре — 55,4 тыс , а с начала кампании до 15 ноября —102,5 тыс вагонов, т е менее половины всей свекловицы [61].

Несколько меньшие, чем с сырьем, но все же значительные трудности были связаны с доставкой на заводы минерального топлива На второе полугодие 1916 г было назначено к перевозке для сахарных заводов 50,3 млн пуд угля, из них по степеням внеочередности по степени А —20,5 млн пуд , по степени Б —23 млн и по степени В —6,8 млн пуд В действительности за июль — ноябрь было погружено только 20,5 млн пуд угля [62]

Производство сахара в стране в годы войны понесло значительный урон Выход песка и рафинада в сезоне 1913/14 г. составлял 104,6 млн. пуд., в 1914/15 г — 116,6 млн , в 1915/16 г — 91,7 млн. и в 1916/17 г — 72,6 млн пуд Таким образом, в 1916/17 г было произведено на 30,6% меньше, чем в 1913/14 г. и на 38,3% меньше, чем в 1914/15 г [63] Это сокращение больно отразилось на трудящемся населении, сахарозаводчики же сумели и в данных условиях обеспечить

[60] *Н А Крюков* Сахар и сахарная свекла в России СПб , 1916, стр 27—28
[61] ЦГИА СССР, ф 457, оп 1, д 183, л 6
[62] Там же, л 9
[63] *Н А Крюков* Указ соч, стр 10—12, «Статистический сборник за 1913—1917 гг », вып 1 М., 1921, стр 42, 82

себе высокие прибыли Они не выпускали сахар с заводов, занижали отчетные данные о выходе сахара, срывали поставку сахара по нарядам, чем явным образом срывали работу киевского Центрального бюро по объединению закупок сахара

Военное командование решило произвести обследование деятельности объединений сахарозаводчиков Этим обследованием по решению Ставки занималась осенью 1916 г комиссия Н С Батюшина Документы комиссии пока не обнаружены, но те меры, которые были приняты по результатам обследования, проливают определенный свет на роль сахарозаводчиков и банковских воротил в создании недостатка и роста дороговизны сахара на рынке в октябре 1916 г в Киеве были арестованы крупные сахарозаводчики И Бабушкин и И Гоппнер В их защиту, по-видимому, во избежание дальнейших разоблачений, вступились А Ю Добрый и Л Ф Давыдов В результате Добрый вскоре также взят был под стражу [64]

Чтобы обеспечить выпуск заводами сахара на рынок, правительство устанавливало высокие твердые цены на сахар, широко практиковало отсрочки в уплате акциза Сахарозаводчики же добивались отмены всяких ограничений в торговле сахаром вплоть до отмены нарядов на его поставку Так, общее собрание Всероссийского общества сахарозаводчиков 1 марта 1916 г в телеграмме, подписанной Бобринским, потребовало «сохранить свободную торговлю сахаром, отчислив для закупок по твердой цене на нужды интендантства и учреждений, призревающих больных и раненых воинов, лишь определенную долю производства всех сахарных заводов» [65].

Правительство сохранило систему нарядов на поставку сахара 16 сентября 1916 г был повышен размер акциза на сахар с 2 руб. до 2 руб 80 коп с пуда, а с 18 сентября 1916 г были установлены новые твердые цены на сахар в районах производства: песок 6 руб 60 коп за пуд и рафинад 8 руб 20 коп за пуд [66]. Эти мероприятия не удовлетворили сахарозаводчиков, и именно на осень 1916 г приходится резкое обострение сахарного голода в стране Особенно тяжелым стало положение в тылу

С весны 1916 г действовали установленные правительством 24 мая 1916 г нормы снабжения населения сахаром для Петрограда и Москвы — 4 фунта в месяц, для городов с населением свыше 150 тыс. человек —2,5 фунта, для прочих городов —1,5 фунта, для остального населения — $^5/_9$ фунта в месяц [67] Однако нормы эти оставались на бумаге Даже из Киева, где находилось Центральное бюро по сахару, уполномоченный по продовольствию телеграфировал «Наряды на октябрь Центросахара заводами не исполняются, окрестности Киева без сахара» [68] Правление Рождественской мануфактуры П В Берга (Тверь) писало в Особое совещание по про-

[64] «Петроградская газета», 28 октября 1916 г
[65] ЦГИА СССР, ф 457, оп 1, д 183, л 50
[66] «Известия Министерства земледелия», 1916, № 42, стр 871—872
[67] Там же, № 23, стр 510
[68] ЦГИА СССР, ф 457, оп 1, д 171, л 47.

довольствию, что рабочие и их семьи (18 тыс человек) «испытывая большой недостаток во всех продуктах питания, особенно сильно реагируют на недостаток сахара

Недовольство на почве отсутствия этого продукта вылилось 12 октября в забастовку, продлившуюся 12 дней» [69].

Симбирский губернатор писал министру внутренних дел А Д Протопопову, что «губерния в отношении снабжения сахаром находится в весьма безотрадном положении», что установленный для населения «более чем скудный паек» не выдается, и «по-видимому до 1 декабря губерния ни сахара, ни сахарного песка не получит » [70]

Не лучше положение было и в других губерниях «Сахарные бунты» возникали очень часто и принимали все более грозный характер

Продовольственная политика правительства. Вопрос о твердых ценах

До войны русская армия не знала централизованного снабжения продовольствием — воинские части закупали его сами Война поставила перед правительством задачу не только боевого, но и продовольственного снабжения армии. Уже 30 июля 1914 г Совет министров признал «желательным приступить немедленно» к покупке хлеба, но непосредственно у производителей По предложению А В. Кривошеина, это дело было поручено руководимому им Главному управлению землеустроиства и земледелия, однако было указано на желательность привлечения земств, «если таковые изъявят согласие». Руководство заготовкой и закупкой продовольствия Кривошеин возложил на особоуполномоченного — тайного советника Г. В Глинку. На местах были назначены окружные и губернские уполномоченные «из числа местных общественных деятелей» или же чиновников Министерства земледелия Впоследствии на специальном совещании в Ставке [71] было решено, что заготовки в тыловых районах фронта предоставляются исключительно Главному управлению землеустройства и земледелия. Что касается заготовок непосредственно в районе театра военных действий, то они также велись ведомством земледелия, но отдельные районы выделялись в распоряжение военного ведомства Все предельные цены, по которым совершались заготовки, нормировались ведомством земледелия.

Первые полтора года Министерство земледелия легко справлялось с заготовками для армии Кроме органов земледелия, хлебными заготовками занимались местные власти — городские управы, которые пользовались правом регулировки цен Особое пристрастие к

[69] Там же, л 65

[70] Там же, д 170, л 183

[71] ЦГВИА, ф 2003, оп 2, д 31, лл 61—63 На совещании были Кривошеин, Янушкевич, высшие военные и гражданские чиновники снабжения Совещание состоялось 7 июля, а 11 июля решение было одобрено верховным главнокомандующим

борьбе с дороговизной проявили губернаторы и командующие войсками Вскоре вся страна покрылась сетью местных рынков, откуда вывоз продовольствия был запрещен, были введены местные таксы и твердые цены, которые, конечно, обходились и нарушались Однако общего органа по снабжению всей империи не было

Численный состав армии постепенно увеличивался Кроме того, государству пришлось взять на себя снабжение рабочих и городского населения Поэтому заготовительные операции правительства с каждым годом расширялись в 1914—1915 гг было заготовлено 305 млн пуд, в 1915—1916 гг — 502 млн пуд, в 1916—1917 гг — 540 млн. пуд различных хлебов [72]

В августе 1915 г было создано Особое совещание по продовольствию На местах появились уполномоченные этого Совещания Отныне главные заготовительные функции лежали на Особом совещании, хотя существовали продовольственные органы общественных организаций — Всероссийского городского союза, городских управ, кооперативов и т д Председатель Особого совещания по продовольствию пользовался широким правом регулировки цен. «Твердыми ценами» признавались лишь цены, установленные правительством, с ними должны были соразмеряться и местные таксы. Однако уполномоченными Особого совещания допускались заготовки организаций и по вольным ценам

При Особом совещании по продовольствию была организована комиссия по борьбе с дороговизной, которая занималась главным образом таксировкой предметов продовольствия и помощью общественным организациям в проведении продовольственных заготовок Однако всякая попытка регулирования цен встречала сопротивление не только со стороны торговцев и спекулянтов, но и помещиков Всякий раз как только в Совещании поднимался вопрос «о твердой цене», решение его бесконечно затягивалось, если не проваливалось сразу. 25 января 1916 г в Совещании по продовольствию решался вопрос о твердых ценах на сено, солому и пшеничную муку в южных губерниях и на Северном Кавказе При предварительном рассмотрении вопроса целесообразность введения твердых цен вызвала возражения со стороны некоторых членов Совещания Например, И И Капнист заявил, что твердые цены и реквизиции могут только «затруднить заготовку сена» и тем самым нанести «серьезный ущерб сельскому хозяйству».

Работе Особого совещания по продовольствию мешала ведомственная борьба Министерства внутренних дел, которое добивалось перехода всего продовольственного дела в свои руки, поскольку занималось им до войны. Уже в декабре 1915 г министр внутренних дел предпринял такого рода попытку В дневнике министра земледелия А Н Наумова имеется следующая запись «Министром земледелия доложено его императорскому величеству о возбуждении министром внутренних дел в письме к председателю Совета министров в декабре вопроса о коренном изменении созданных на местах,

[72] *П И Лященко* История народного хозяйства СССР, т II М, 1956, стр 638

в порядке закона 17 августа 1915 года, организаций по согласованию и объединению правительственных продовольственных мероприятий При этом министр земледелия довел до сведения его величества о необходимости для него, как председателя Особого совещания по продовольственному делу, и для всех местных его уполномоченных твердой уверенности в возможности продолжать спокойную работу без каких-либо неожиданных попыток к уничтожению созданной организации» [73].

Царь согласился с Наумовым и оставил старую организацию, подчеркнув необходимость регулярного проведения совещаний пяти министров, начатых по инициативе министра земледелия Эти последние представляли своеобразный узкий военный совет министров, в который входили, кроме председателей четырех Особых совещаний, еще и министр внутренних дел. Обычно, кроме вопросов продовольствия, на совещаниях разрешались вопросы топлива и перевозок Попытки министра внутренних дел вмешаться в работу Особого совещания по продовольствию продолжались и осенью 1916 г. В результате этого получилось такое положение, при котором «продовольствием в России никто не занимался» [74]

Особое совещание по продовольствию не могло наладить работу без помощи представителей буржуазных организаций, которым правительство отпускало некоторый кредит; но в то же время оно всячески тормозило развитие местной инициативы, запрещало созыв съездов и совещаний по продовольственному вопросу.

В период продовольственного кризиса осенью 1916 г в правящих сферах появилась мысль о назначении продовольственного диктатора, которому предполагалось передать руководство всем делом продовольствия армии и тыла. 10 декабря 1916 г. председатель Совета министров А. Ф Трепов получил в Ставке проект «Положения о верховном начальнике по продовольственной части» с предложением царя подготовить законопроект для внесения в Государственную думу. По этому положению все дело продовольствия в тылу и на фронте подчинялось «верховному начальнику по продовольственной части», назначаемому самим царем и ответственному перед ним. На фронте его полномочия были приравнены к полномочиям командующего фронтом Особое совещание по продовольствию фактически превращалось в канцелярию при этом начальнике, который имел право «собственной властью отменять и изменять принятые им, председателем (Особого совещания.— *А С*), решения и сделанные им распоряжения» [75]. По предложению Трепова проект был переслан управляющему Министерством земледелия сенатору А А Риттиху.

[73] ЦГИА СССР, ф 457, оп 1, д 67, л 1

[74] «Падение царского режима», т V Л, 1926, стр 284 Показания А Д Протопопова

[75] ЦГИА СССР, ф 381, 1916 г, оп 1, д 205 Отношение управления делами Совета министров 11 декабря 1916 г сенатору Риттиху К отношению приложено «Положение о верховном начальнике по продовольственной части»

Можно думать, что и Трепов не сочувствовал этой мере, так как она разрушала установившуюся систему управления и создавала новое лицо, не подчиненное Совету министров Риттих также высказался против проекта, но не прямо, а весьма осторожно подведя царя к мысли о невозможности его реализации Он указал царю на то обстоятельство, что Государственная дума, по предложению которой были созданы Особые совещания, не легко откажется от прежнего своего решения и возможно «в проект будут внесены изменения, не соответствующие значению предположенной меры и направленные к умалению власти верховного начальника» [76]

При таком повороте дела проект терял свой смысл Однако лакействующий перед царем чиновник пытался окольными путями спасти этот проект Он предложил «изыскать и наметить те способы, которые обеспечили бы незамедлительное осуществление этой мысли, не подвергая ее случайности голосования» в Государственной думе План Риттиха заключался в том, чтобы на пост министра земледелия назначить военного генерала, которому одновременно будет подчинен и тыл и фронт, с состоящим при нем товарищем министра в качестве начальника продовольствия действующей армии — тоже военным лицом Основная мысль Риттиха заключалась, таким образом, в военизации Министерства земледелия Но ни проект царя, ни план Риттиха не были реализованы Старая система организации продовольственного дела осталась до Февральской революции

Частичное регулирование цен сельскохозяйственных товаров проводилось путем местных такс, ограничения вывоза хлеба и других обязательных постановлений В основу такс принимались рыночные цены, действовавшие к моменту проведения таксировки К осени 1915 г выяснилась недостаточность этих мероприятий, и правительство установило твердые цены, обязательные для закупки правительственных и общественных организаций По сути дела, это была «фиксация корректированных вольных цен» Они существовали до нового урожая 1916 г , когда вопрос о твердых ценах вновь встал во весь рост В качестве подсобного средства к твердым ценам и угрозы против неаккуратных поставщиков и владельцев хлеба существовала реквизиция с понижением цены на 15%

По поводу реквизиций, которые применялись чрезвычайно осторожно, буржуазия подняла бурю протеста и объясняла ими чуть ли не все расстройство хлебного рынка 21 сентября 1916 г министры земледелия и внутренних дел особой телеграммой еще раз предупредили об осторожном применении реквизиций Покровительство правительства торговцам и помещикам мешало широко применить этот метод заготовок До кампании 1916 г государственный заготовительный аппарат использовал частных заготовителей в качестве посредников — с их помощью было куплено до 50% хлебов В заготовительную кампанию 1916/17 г правительство думало обойтись без

[76] ЦГИА СССР, ф 381, 1916 г , оп 1, д 205, лл 71—72

посредников и отвергло услуги банков, хотя признавало, что в их руках концентрируется громадное количество зерна

25 августа 1916 г на съезде уполномоченных председателя Особого совещания по продовольствию встал вопрос об увеличении твердых цен Особое совещание проделало подготовительную работу по их выработке С мест представили свои соображения Еще до съезда выяснилось, что аграрии намерены высоко поднять цены Докладчик — товарищ министра Г В Глинка — высказался за повышение существовавших цен не свыше чем на 20—25% «Я полагаю, что увеличение стоимости хлеба, каковы бы ни были подсчеты себестоимости производства, не может быть, по крайней мере по тем данным, которые я видел до сих пор, допущено выше 20—25% нынешних твердых цен»[77] Представитель военного ведомства, передавая точку зрения начальника штаба Ставки М В Алексеева, настаивал на «справедливом» повышении цен, так как рабочие относятся к ценам на хлеб «чрезвычайно остро» В секции, где вырабатывались цены, величину «справедливого» повышения определяли в 20%. «Между тем повышение отдельных проектированных цен достигает до 40 и даже до 50%» Съездом уполномоченных были приняты чрезвычайно высокие цены, которые были утверждены Особым совещанием по продовольствию Но эти цены не были утверждены председателем Особого совещания по обороне

Вокруг величины твердых цен завязалась серьезная борьба между буржуазией и аграриями, которая вышла за пределы съезда уполномоченных Городской союз, Центральный военно-промышленный комитет, другие буржуазные организации оказали серьезное сопротивление аграриям Они понимали, что повышение цен поведет к дальнейшему росту дороговизны, потребует повышения заработной платы рабочим и тем самым ударит по военным сверхприбылям С другой стороны, буржуазия опасалась, что повышение цен обострит недовольство рабочих и вызовет рабочие забастовки

В Особом совещании по продовольствию предлагалось повысить цену на пшеницу на 15%, рожь — на 20%, овес — на 20%, ячмень на 28% против существовавшей твердой цены Но это предложение, как и все другие, направленные на ограничение твердых цен, было многими членами опротестовано и передано на решение военного министра, который признал их «преувеличенными» В Особом совещании по обороне было более сильное влияние группы промышленников, а в Особом совещании по продовольствию — аграриев

8 сентября 1916 г состоялось совместное заседание Особых совещаний по обороне и по продовольствию для окончательного решения вопроса о повышении цен Военный министр Д С Шуваев, открывая заседание, указал, что по вопросу о размере твердых цен на рожь, пшеницу, овес и ячмень соглашения не достигнуто и что задержка в решении вопроса о ценах повела уже «к сокращению

[77] «Материалы по вопросу об установлении твердых цен на хлебные продукты до урожая 1917 года», ч III Пг, 1916, стр 10

и частичной приостановке торговых сделок на местах, и дальнейшее промедление является крайне нежелательным»[78]

Вслед за военным министром выступил министр земледелия А А Бобринский Он говорил о необходимости «осторожного» решения вопроса, так как «неправильное» в ту или иную сторону решение может привести к «самым тягостным последствиям» Впрочем, Бобринский боялся не слишком высоких, а низких цен, которые, по его словам, «неизбежно приведут к недосеву и, следовательно, к уменьшению количества хлеба в стране»[79] После А А Бобринского против низких цен с открытым забралом выступила земельная знать, защищавшая интересы своего класса Вместе с тем она претендовала говорить от имени 75% населения страны, выставляя себя защитницей мелкого крестьянского хозяйства Наиболее ярко и типично это выразил А. П Толстой, заявивший, что «дальнейшее понижение установленных твердых цен поведет к разорению земледелия Это разорение явится непоправимым бедствием для России, 75% населения в ней занято земледелием» Так, запугивая надвигающимся «бедствием», Толстой предлагал при решении вопроса о ценах отдать предпочтение «большинству населения» перед интересами городских потребителей хлеба, составляющих лишь 25% населения России[80] Между тем едва ли могли быть какие-либо сомнения, что большинство населения, в том числе и сельского, было заинтересовано в низких ценах Поставщиками товарного хлеба на рынок являлись главным образом помещики и кулаки, тогда как беднота и середняки во многих случаях, продавая хлеб осенью, уже покупали его весной и даже в середине зимы Другие защитники помещиков еще более открыто говорили о неприемлемости для них низких цен, предпочитая не маскироваться соображениями защиты интересов народа «При современных неблагоприятных для ведения сельского хозяйства условиях,— говорил член Государственного совета В И Карпов,— дальнейшее понижение цен на зерновые продукты неизбежно приведет к непоступлению хлеба на рынок и к сокращению посева Тогда Россия останется при низких ценах, но без необходимого ей хлеба»[81]

В случае понижения цен помещики открыто угрожали саботажем в поставках хлеба и сокращением запашек Председатель Государственной думы Родзянко оказался в трудном положении Будучи крупным помещиком, он был заинтересован в повышении цен на хлеб, но, с другой стороны, ему, как одному из вожаков либеральной оппозиции, было неудобно открыто встать на защиту своекорыстных интересов помещиков из-за боязни нападок со стороны либералов Родзянко, а вслед за ним целая группа членов Совещания (Гурко, Софонов и др) под предлогом невозможности поддерживать мере-

[78] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 56, л 32 Журнал соединенного заседания Особого совещания по обороне государства и Особого совещания по продовольствию от 8 сентября 1916 г
[79] Там же, л 33
[80] Там же, л 35
[81] Там же, л. 40.

приятие правительства, «нормирующее лишь одну отрасль народного хозяйства», нашли выход в воздержании от голосования Этот сочувственный аграриям «нейтралитет» должен был помочь лидерам помещиков добиться выгодного для себя решения вопроса Голоса защитников снижения цен прозвучали менее громко и настоичиво Представитель Всероссийского городского союза выступил с предложением понизить цены, устаповленные Особым совещанием по продовольствию на рожь — в размере 15%, на пшеницу — 13%, на овес — 31% и ячмень — на 3%. А. И Шингарев считал наиболее радикальным решением вопроса установление государственной хлебной монополии, хотя в данный момент не видел возможности ее осуществить и поэтому предлагал провести максимальное снижение цен Он предупредил, что дальнейшее повышение цен поведет к сокращению продажи продуктов ввиду отсутствия товаров и избытка бумажных денег В принципе он высказывался за применение «принудительного начала», то есть государственной монополии, ссылаясь при этом на опыт союзницы — Франции

Члены объединенного заседания разделились на две почти равные группы сторонников и противников повышения цен Большинством 21 голоса против 19 при 5 воздержавшихся было принято принципиальное решение за понижение цен, выработапных Особым совещанием по продовольствию, которое и было установлено для ржи — па 10%, для пшеницы — на 5%, для овса — на 15% и для ячменя — на 5% [82]. Но принятое решение не было окончательным Вопрос был перенесен в Совет министров; там было утверждено снижение всех цен, предложенных Особым совещанием по продовольствию, за исключением овса, по которому цену снизили вместо 15 на 7% Этим самым Совет министров делал «поправку» в пользу помещиков В конечном итоге твердые цены были повышены: для ржи — на 10%, для пшеницы — на 10%, для овса — на 13% и для ячменя — па 23% Дальнейшая практика заготовительной работы показала, что установленные твердые цены необходимо повысить, так как при отсутствии общего регулирования рынка рост цен на частном рынке происходил очень быстро, и твердые цены вскоре оказались много ниже рыночных Владельцы хлеба задерживали его, срывая заготовку хлеба.

В этих условиях уполномоченным по заготовке хлеба приходилось нередко идти на прямое нарушение политики твердых цен. Как показало обследование продовольственного положения в городах, проведенное Всероссийским городским союзом в конце января 1917 г, такие нарушения имели место очень часто. «Курский уполномоченный г. Рапп,— говорится в материалах обследования,— за крупу платит выше всяких твердых цен Также в Харькове уполномоченные платят за зерно выше твердой цены » Указывая на тяжелое положение со снабжением городов Царицына и Астрахани, авторы материалов обследования писали. «Но по сравнению

[82] Там же, л 42—43, «Материалы по вопросу об установлении твердых цен на хлебные продукты до урожая 1917 года», ч. III, стр 180.

с Царицыном и в Астрахани рай· царицынцы завидуют астраханской «автономии», которая выражается в том, что общеминистерские твердые цены там почему-то не действуют, царицынский хлеб течет по повышенной расценке в Астраханскую губернию» [83]

«В Орле и Туле,— говорится там же,— рядом с твердыми ценами возникли «полутвердые», на которые уполномоченные смотрят сквозь пальцы » [84]

Большой удар был нанесен твердым ценам распоряжением, сделанным А А Риттихом вскоре после его назначения на пост министра земледелия,— приплачивать к твердой цене стоимость доставки хлеба к железнодорожным станциям и речным пристаням. И без того неглубокая вера в незыблемость твердых цен была еще больше подорвана и хлеба стало поступать еще меньше Нередко наблюдались случаи, когда хлеб подвозился не к ближайшим станциям, а к наиболее отдаленным, чтобы больше получить денег за доставку Таким образом, «риттиховская надбавка», не усилив поступления хлеба, повела к увеличению расходов на его заготовку.

Продовольственный кризис. Переход к разверстке

В связи с ростом армии, необходимостью снабжать продовольствием рабочих военных предприятий и крупные городские центры потребность государства в хлебе с каждым годом увеличивалась. Правительство вынуждено было взять на себя снабжение продовольствием местностей в тылу театра военных действий вследствие исчерпания там запасов продовольствия. В 1915 г Особое совещание по продовольствию уже составило план завоза продовольствия на декабрь 1915 и январь 1916 г для 22 губерний, «каковой план, подлежащий пока осуществлению во второй половине января (1916 г — *А С*) по отношению к губерниям Эстляндской, Лифляндской, Петроградскои и Тверской, предположено распространить постепенно на остальные губернии Перевозка продовольствия по этому плану должна быть совершена вне очереди с преимуществом перед всякими частными грузами» [85] Как видно из документа, речь шла не просто о планировании железнодорожных перевозок, а именно о снабжении ряда губерний продовольствием государственными органами «Заготовку и отправку продовольствия,— говорится в документе,— было бы желательно организовать при участии уполномоченных министерства земледелия и землеустройства путем или обеспечения и отправки в виде интендантских грузов или путем отдельного учета заготовки и отправки совместно с интендантскими грузами и порядком, для перевозки этих грузов установленным» [86]

[83] ЦГВИА, ф 2003, оп 1, д 2, л 146
[84] Там же, лл 146—147
[85] Там же оп 2 д 31, лл 78—79 Доклад Особого совещания по продовольствию о снабжении населения продовольствием
[86] Там же

В том же документе имеется и расчет необходимого количества продовольствия Только на два месяца для 22 губерний следовало доставить 30,6 млн пуд разных продовольственных грузов, в том числе муки, крупы, пшеницы, ржи около 20 млн пуд В переводе на годовую норму это составляет 180 млн пуд, в том числе 120 млн пуд зерновых хлебов и круп В 1916 г, по предложению военного министра Д С Шуваева, правительство взяло на себя снабжение всех рабочих оборонных предприятий.

Осенью 1916 г, по свидетельству бывшего начальника штаба Ставки В И. Гурко, на снабжении интендантства в армии числилось около 10 млн человек Все это требовало значительного увеличения хлебных заготовок.

В 1914—1915 гг. для распределения было заготовлено хлеба 183 246 тыс пуд С сентября 1915 г по 17 мая 1916 г Министерство земледелия заготовило 407,6 млн пуд хлебных продуктов Из этих заготовок было отпущено общественным организациям почти 43 млн пуд Не хватало овса, которого было заготовлено меньше нормы на 33 млн пуд.

Потребность армии в овсе в 4 раза превосходила размер его довоенного вывоза за границу В январе — июле 1916 г подвоз интендантских грузов колебался от 90 до 110% назначенных перевозок, а для населения — от 40 до 67% Эти нормы надо считать очень высокими Если и были «заминки» с доставкой хлеба, то происходили они главным образом из-за транспортных затруднений, а не из-за недостатка хлеба За эти годы правительство уступило значительную партию хлеба общественным организациям

Осенью 1916 г. положение с заготовками и погрузками хлеба значительно ухудшилось Регулирующие мероприятия правительства и твердые цены не обеспечивали снабжения армии и страны хлебом

Особенно большие трудности, как указывалось выше, выпали на потребляющие нечерноземные районы (см. табл 25).

Как видно из таблицы, доставка продовольствия в указанный район составляла в среднем всего лишь $^1/_3$ запланированного количества Только в октябре, после введения новых твердых цен, удалось довести отгрузку до половины запланированного количества вагонов, но уже в ноябре перевозки вновь падают почти до прежних размеров Таким образом, наиболее критическим в 1916 г был период, предшествовавший введению твердых цен — лето и начало осени Второй критический период наступил в ноябре—декабре из этого кризиса правительству вывести страну не удалось Этот вывод подтверждается и данными обследования городов Его результаты изложены в докладе «Продовольственное положение городов по данным экспедиционного обследования Всероссийского союза городов в январе 1917 года», датированном 10 февраля 1917 г [87], и справке «Краткие предварительные итоги обследования продоволь-

[87] Там же, оп 1, д 2, лл 141—161

Таблица 25

Сведения о выполнении плана перевозок продовольственных грузов для Москвы и губерний (Московской, Владимирской, Костромской, Рязанской, Ярославской и Калужской), вагонов *

Месяц 1916 г	Для Центрального промышленного района			Для г Москвы		
	назначено по плану	фактически погружено	% к плану	назначено по плану	фактически погружено	% к плану
июль	15 450	5 234	33,9	7 294	2 128	29,2
август	15 172	4 542	29,9	7 212	2 072	28,7
сентябрь	19 744	6 250	31,7	10 622	3 022	28,5
октябрь	20 287	9 993	49,3	9 415	4 890	51,9
ноябрь	18 285	7 171	39,2	9 004	3 311	36,8
декабрь	19 067	6 526	34,2	10 156	3 313	32,6
Итого	108 005	39 716	36,8	53 703	18 736	35,3

* Таблица составлена по итогам месячных сводок (ЦГИА СССР, ф 273 оп 10 д 3476 лл 6—25)

ственного дела в городах Европейской России, произведенного Союзом городов (в конце января 1917 г)» [88].

Обследование коснулось до 60 городов Европейской России в связи с переходом от системы закупок и реквизиций к разверстке потребного количества хлеба [89], и всюду было констатировано тяжелое положение со снабжением всеми важнейшими продовольственными товарами, а также рядом промышленных товаров первой необходимости, всюду отмечалось нарастание недовольства и возмущения трудящихся масс Между тем А. А Риттих возлагал на это мероприятие очень большие надежды. Принимая в декабре земско-городскую депутацию г Гомеля, он самоуверенно заявил, что надеется «через три недели поставить на ноги продовольственное дело в империи, и этот вопрос потеряет свою остроту» [90].

Разверстано должно было быть 772,1 млн. пуд хлеба, в том числе 285 млн. пуд ржи, 189 млн пуд. пшеницы, 270 млн пуд овса и ячменя и 28, 1 млл пуд проса и гречихи. По губерниям это количество распределялось следующим образом (см. табл. 26)

Рассматривая приведенную таблицу, нельзя не заметить, что разверстывать поставку хлеба должны были не только губернии,

[88] ЦГВИА, ф 2003, оп 1, д 2, лл 162—176

[89] «Распоряжение Риттиха от 2 декабря 1916 г № 37575» — «Известия Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу», 1917, № 1 (30),стр 12—13

[90] ЦГВИА, ф 2003, оп 1, д 2, л 161

Таблица 26

*Разверстка между губерниями Европейской России хлеба, заготовляемого Министерством земледелия на 1916—1917 гг., тыс. пуд**

Губерния	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Просо	Гречиха	Всего
Вологодская	—	—	1 171	—	—	—	1 171
Новгородская	—	—	2 085	—	—	—	2 085
Черниговская	—	—	3 055	—	—	800,8	3 855,8
Костромская	—	—	3 137	—	—	—	3 137
Владимирская	—	—	—	—	—	—	—
Вятская	12 094	—	12 868	—	—	—	24 692
Казанская	20 843	—	7 272	—	—	—	28 115
Уфимская	23 432	—	16 676	—	—	3 000	43 108
Пермская	983	—	12 000	—	—	—	12 983
Пензенская	3 859	—	—	—	—	—	3 859
Тамбовская	24 592	—	5 225	—	4 650	—	34 467
Рязанская	—	—	6 779	—	—	—	6 779
Тульская	7 241	—	13 767	—	—	—	21 008
Орловская	14 876	—	10 229	—	—	350	25 455
Курская	4 033	1 750	8 690	—	1 660	8 050	24 183
Киевская	9 346	11 693	6 648	2 431	—	850	30 968
Волынская	—	—	400	3 423	—	—	3 823
Подольская	13 168	8 541	7 946	5 648	—	400	35 703
Полтавская	24 435	13 463	7 170	85	—	3 750	48 903
Харьковская	3 720	6 414	4 000	9 217	—	500	23 851
Бессарабская	3 424	13 109	4 986	15 065	—	—	36 584
Воронежская	36 470	3 882	4 169	—	2 430	—	46 951
Херсонская	8 427	18 333	—	17 074	—	—	43 834
Таврическая	—	47 991	2 254	40 593	75	—	90 913
Екатеринославская	11 000	11 228	545	4 629	—	—	27 402
Донская область	18 080	16 605	—	21 835	755	—	57 275
Оренбургская	—	12 047	6 928	—	—	—	18 975
Симбирская	5 937	—	2 000	—	830	—	8 767
Самарская	12 233	18 349	—	—	—	—	30 582
Саратовская	26 807	3 779	—	—	—	—	30 586
Астраханская	—	1 816	—	—	—	—	1 816
Итого	285 000	189 000	150 000	120 000	10 400	17 700	772 100

* «Известия Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу» 1917, № 1(30), стр. 14

имевшие излишки хлеба, но и те губернии, которые сами нуждались во ввозном хлебе — Вологодская, Новгородская, Костромская и др. Уже в этом была неизбежность краха разверстки. Но и в тех губерниях, где по учетным данным были показаны излишки хлеба, в действительности их не оказывалось. Как указывается в материалах обследования городов, «самая разверстка хлеба произведена была по губерниям неизвестно из какого расчета, иногда ни с чем несообразно, возлагая на некоторые губернии совершенно непосильное для

пих бремя» [91] Так, «в Петрограде Орловская губерния считается вывозящей по пшеничной муке (очевидно, потому, что до войны елецкие мельницы перерабатывали привозную пшеницу), а в г Орле острый недостаток в пшеничной муке Точно так же и Тульская губерния считается в Петрограде вывозящей пшеничную муку, а г Тула, ощущая острый недостаток и в ржаной муке, ввозит пшеничную » [92]

Разверстку Риттих предполагал закончить в течение 35 дней до 6 января 1917 г , однако на местах она проводилась с большим трудом Если губернии разверстали по уездам и то с большими скидками, то разверстать между волостями и селениями было весьма трудно В результате целого ряда ходатайств с мест Риттиху пришлось отсрочить окончание разверстки до 1 марта, т е на 54 дня Это само по себе уже было признаком краха разверстки

Характерно, что план Риттиха предусматривал только удовлетворение потребностей армии, он прямо заявлял, что ему далеки заботы о «какой-либо Туле или Оренбурге» [93], которые, как и другие города и все неземледельческое население, должны были снабжаться за счет местных заготовок «Фактически уполномоченные по заготовке для армии,— говорится в материалах обследования городов,— конечно, удовлетворяли иногда нужды Тулы и Оренбурга, но так как это не было урегулировано и проводилось бессистемно, то тем самым в деле снабжения городов открывался широкий простор случаю, произволу и беззаконию» [94]

Уполномоченные по заготовке были поставлены планом Риттиха в очень тяжелое положение Обязанные прежде всего снабжать армию, они имели дело с местным населением, сами видели рост его возмущения и вынуждены были выделять для него часть хлеба При этом между уполномоченными по заготовке (обычно председатель губернской земской управы) и уполномоченным по продовольствию (обычно губернатор) велись нескончаемые споры Например, уполномоченный по продовольствию говорил, что снабжение Нижнего Новгорода входит в счет разверстанного наряда, уполномоченный же по заготовке, наоборот, заявлял, что не входит, и что хлеба городу он не даст [95] Уполномоченный по продовольствию давал наряды для ввоза продуктов из других губерний, уполномоченный по заготовке реквизировал их, как только они прибывали в пределы губернии «Как феодалы в средние века, екатеринославский, таврический и проч уполномоченные перехватывают на базарах и на железных дорогах, на складах и на мельницах друг у друга хлеб, закупленный с большими трудностями другими агентами власти» [96]

Города еще с 1916 г были приписаны к разным губерниям для снабжения их хлебом, однако уполномоченные этих губерний запре-

[91] ЦГВИА, ф 2003 оп 1, д 2, л 143
[92] Там же, л 144
[93] Там же, л 142
[94] Там же
[95] Там же, л 143
[96] Там же, л 146

щали вывоз хлеба и даже реквизировали закупленные городами партии хлеба «Казань имела наряды на поставку пшеницы на ноябрь и декабрь по 200 тыс пуд из Воронежской губернии и по 74 тыс пуд из Симбирской губернии Ни одного пуда зерна из этих губерний не доставлено Город с уверенностью и отчаянием предвидит, что в январе и феврале белого хлеба не увидит не только здоровое взрослое население города, но и больные, и раненые, и дети» [97].

В хлебопроизводящих губерниях скапливались уполномоченные различных организаций, земств, городов, плохо снабжавшаяся армия слала своих агентов «С фронта являются в Киевскую губернию агенты с разрешительными свидетельствами и скупают все по любой цене. Каждый стремится перехватить, что может Конкурируют агенты разных городов, иногда агенты одного и того же города, посланные различными организациями» [98] И часто все их старания и затраты были напрасными, поскольку купленный хлеб оказывался реквизированным уполномоченным по заготовке Сами уполномоченные нередко проявляли прямое неподчинение центральной власти Так, Риттих разрешил г Царицыну ввезти из Донской области закупленные там 180 вагонов, а местный уполномоченный хлеб не выпустил. Рязань жаловалась, что, «несмотря на неоднократные предписания центральной власти», уполномоченные Саратовской, Симбирской и Харьковской губерний, к которым приписана была Рязань, «согласно и полностью игнорируют всякие наряды» Из 582 занаряженных вагонов Рязанская губерния получила всего 20, а на г. Рязань пришлось всего 3 вагона, в том числе 1 вагон негодной в пищу муки [99]

Подобное поведение уполномоченных и их взаимоотношения с центром доклад Всероссийского городского союза характеризует как свидетельство начавшегося «распада власти и продовольственной разрухи .» [100]

Оценивая результаты риттиховской разверстки, авторы доклада по результатам обследования городов в январе 1917 г писали «За те два месяца, что прошли с того времени, продовольственный вопрос запутался безнадежнее прежнего, пресловутая разверстка успела наглядно обнаружить свою несостоятельность, а продовольственное дело в империи превратилось в общеимперскую продовольственную катастрофу, грозящую еще худшими последствиями стране и ее будущему Отовсюду тянутся голодные рты, озлобленные, измучившиеся, отчаявшиеся .» [101].

Продовольственный кризис стал резко обостряться и на фронте Во второй половине ноября 1916 г командующий Юго-Западным фронтом А А Брусилов прислал министру земледелия Риттиху телеграмму, в которой подробно изложил положение со снабжением продовольствием армии [102]. Почти $^2/_3$ положенного снабжения не

[97] Там же, л 147
[98] Там же, л 148
[99] Там же, л 150
[100] Там же, л 152
[101] Там же, л 161
[102] ЦГИА СССР, ф 457, оп 1, д 78, л 46—46 об Телеграмма А А Брусилова

поступало Армия жила только ежедневными поступлениями, что могло кончиться катастрофой Снабжение солдат резко ухудшилось «За недовозом продуктов зачастую люди не получают ни сала, ни масла, ни каши при малом поступлении овощей Почти единственной пищей служит жидкий картофельный суп; недостаточность, крайнее однообразие пищи действуют угнетающе на людей, цензуруемые письма за последнее время содержат массу жалоб на плохое питание Что касается конского состава, то, получая в общем менее половины дачи зерна и два три фунта сена, лошади при осенней распутице тощают с каждым днем, болеют и падают»

Брусилов писал министру земледелия. «Считаю такое положение продовольствия армий недопустимым, жить лишь ежедневным подвозом, производящимся притом в половинной норме, невозможно без запасов на базисных магазинах, без заранее собранных уполномоченными министерства запасов для возможности непрерывной погрузки Продовольствие армии путем лишь ежедневного подвоза постоянно грозит катастрофой. Достаточно перерыва движения вследствие метелей или каких-либо других случайностей при общем расстройстве железнодорожных перевозок, чтобы в армиях наступил полнейший голод

Признаю необходимым, чтобы со стороны чинов Министерства земледелия при полном содействии чинов администрации были приняты самые энергичные меры к скорейшему накоплению запасов продуктов для беспрерывной отправки их на фронт не только в полной ежедневной норме, но и для возможности хотя и постепенного пополнения базисных магазинов Если органы Министерства земледелия не будут подавать к погрузкам все причитающееся армиям фронта продовольствие, я буду вынужден для вывода армии из критического положения приказать приступить управлению снабжения и войскам к самостоятельным заготовкам, не считаясь с твердыми ценами»

Эта телеграмма произвела большое впечатление на Министерство земледелия, заставила его спешно отправить имевшиеся запасы (85 млн пуд. хлеба) и ускорила введение продразверстки

Большую часть хлеба, который получало правительство, посылали в армию, которая в конце января 1917 г «располагала запасами на 13—30 дней» [103]. Наряды же для Петрограда, Москвы и внутренних районов выполнялись на 1/3 За январь-февраль 1917 г гражданское население получило всего около 25% планового назначения, железные дороги — около 33%. Города голодали

Для того чтобы выйти из тяжелого продовольственного положения, правительству надо было ежемесячно заготовлять не менее 60 млн. пуд хлеба, что при пониженном сравнительно с 1915 г урожае являлось маловероятным Руководитель продовольственного дела в стране и сам не верил в выполнимость плана заготовок и требовал «значительного сокращения потребностей тыла» и «объедине-

[103] ЦГВИА, ф 369, оп 1 д 376, л 103 ЖОСО, № 144, 15 февраля 1917 г

ния всех общественных сил России» вокруг выполнения хлебной разверстки. «Судьба разверстки в гораздо большей степени будет зависеть от отношения к этому делу населения и общества Если не будет достигнуто необходимое для разрешения продовольственного кризиса объединение всех живых сил страны ,— тогда действительно может наступить катастрофа»,— говорил Риттих За две недели до второй буржуазно-демократической революции лишь оторванный от жизни чиновник мог мечтать об объединении «всех живых сил страны» вокруг прогнившего самодержавия.

Сведения о прохождении разверстки были скорее неблагоприятны. Характеризуя ее, журнал «Народное хозяйство» указывал, что эта мера с самого начала «считалась на местах невыполнимой» Несоответствие нарядов с запасами хлеба делала разверстку во многих губерниях «фактически невозможной» «На практике большинство губернских земств произвело «теоретическую» разверстку, сложив с себя всякую ответственность за выполнение ее Несмотря на чрезвычайно решительные, оптимистические заявления официальной и официозной прессы, было несомненно, что разверстка не помогла делу. И, действительно, в начале 1917 г продовольственный вопрос обострился до крайности» [104].

15 февраля 1917 г, то есть через полтора месяца после окончания срока разверстки, по уездам был разверстан 91% наряда. В уезды разверстка попала с большим опозданием и с «сомнениями в возможность ее выполнения без ущерба для удовлетворения местных потребностей». Во многих губерниях и уездах внимание было сосредоточено на подсчетах местных норм потребления, в результате которых оказалось, что губернии, ранее вывозившие «многие десятки миллионов пудов, якобы сами нуждаются в привозном хлебе» Лишь около 10 уездов выполнили разверстку на 97% О других сведений не было. О разверстке по волостям были лишь отрывочные сведения, но и они не обещали ничего хорошего· в некоторых волостях было разверстано то количество, которое требовалось, а «часть волостей недоверстала или совершенно отказалась от разверстки» О разверстке по селам и отдельным хозяевам сам министр земледелия ничего не мог сказать Таковы были «успехи» продовольственной политики

Более поздние сведения, полученные уже при Временном правительстве, показывают, что, по данным 2070 волостей, ими принята разверстка на 118,2 млн пуд, из числа которых сельскими сходами было разверстано по домохозяевам 67,7 млн. пуд, а «общие итоги разверстки среди крестьян едва ли достигают 100 млн пудов, а может быть, и еще менее» [105] Это было уже в конце апреля и мае 1917 г, когда заканчивался заготовительный год. Бумажной «разверсткой» жить было нельзя Провал продовольственной разверстки правительства совершенно бесспорен

[104] *Б Книпович* Указ соч — «Народное хозяйство в 1916 г», вып V—VI, стр 18—19

[105] *Е Яшнов* Итоги риттиховской «разверстки» — «Известия по продовольственному делу», май 1917 г, № 1 (32), стр 10—11

Продовольственный кризис начала 1917 г произошел в результате переплетения двоякого рода обстоятельств. разверстка провалилась, так как не встретила поддержки ни крестьян, ни землевладельцев, заготовительные операции давали незначительное количество хлеба, когда же хлеб стал появляться, то его очень трудно было доставить из-за транспортных затруднений

Взять хлеб у крестьянина силой правительство было не в состоянии, так как для этого надо было посылать отряды солдат, которые и так уже проявляли недовольство Земский аппарат оказался негодным для осуществления правительственной политики К самодержавию, которое взяло под подозрение общеземскую организацию, он был оппозиционно настроен Глава общеземской организации Г. Е Львов являлся одним из вожаков группы буржуазии, подготовлявшей дворцовый переворот Никакого усердия на местах оппозиционное земство не проявляло

В осенние месяцы было очень мало заготовлено хлеба. 9 сентября 1916 г Нижегородская дума просила разрешения приобрести хлеб по вольным ценам Городской голова Д В Сироткин писал: «Правительственные и общественные организации бессильны бороться с хлебным кризисом, если не придет на помощь само население. Путем реквизиции можно бороться только с крупными землевладельцами, но в их руках всего 20% хлеба, остальные 80% в руках крестьян, против которых реквизиции в ход не пустишь» [106]

Попытка правительства регулировать рыночную цену кончилась крахом: не государство регулировало цены, а рыночная конкуренция и спекуляция банков «регулировали» политику правительства. Факт широкой спекуляции банков продуктами сельского хозяйства и сахаром совершенно бесспорен, дело особого исследования — выяснить количественную сторону этого явления

Продовольственный кризис являлся одним из важных факторов, ускоривших революционизирование масс Он был вызван сокращением продовольствия, нежеланием правительства пойти против интересов помещиков и организовать дело снабжения хлебом, устранить расстройство транспорта, дезорганизацию рынка и рост спекуляции.

Срыв плана хлебозаготовок сказался на работе мельниц, снова сокративших производство муки

При Особом совещании по продовольствию было создано (30 июня 1916 г) Центральное бюро по мукомолью, но со времени назначения Риттиха эта организация не принимала активного участия в работе, так как мукомолы были недовольны твердыми ценами на муку и установленными расценками за помол и доставку зерна и муки (20—50 коп с пуда). Они добились пересмотра и повышения цен в 26 губерниях по ржаной муке и в 29 — по пшеничной Принцип единства цен был нарушен, и владельцы зерна предпочитали направлять его в те губернии, где цены на муку были более высоки. В результате обследования мукомольной промышленности в декабре

[106] *Г Новоградский* В «житнице Европы» — «Летопись», 1916, № 9, стр 305

1916 г было констатировано «довольно печальное положение русского мукомолья» Фактическии перемол за этот месяц сократился до 43% обычного месячного перемола по пшенице и 22% — по ржи. По сравнению с ноябрем перемол сократился на 16,4% [107] Во многих районах помол пшеницы и ржи сократился от 1/3 до 1/2 нормального месячного помола Мельницы работали лишь за счет текущего поступления зерна, сохраняя имевшиеся запасы нетронутыми, что особенно ярко сказывалось на примере Нижегородской губернии, где при запасе пшеницы в 919 тыс пуд и поступлении за месяц 730 тыс пуд, перемолото было всего лишь 80 тыс пуд «При этом работала всего лишь одна мельница, остальные же крупные мельницы простояли весь месяц, причем причиной простоя указывался именно недостаток зерна» [108] Такая саботажническая «политика» мукомолов приводила, несомненно, к обострению продовольственного кризиса в стране Хотя миллионы пудов зерна лежали на складах «про запас», на мельницах готовой муки для отправки потребителям не оказывалось

Все же половина многочисленных остановок мельниц по империи была вызвана острым недостатком поступления зерна 54% всех простоев мельниц (125 из 231 мельницы) происходили из-за недостатка зерна; из-за нехватки топлива остановилось 35% (82 мельницы) и, наконец, около 11% мельниц (24) не работали из-за отсутствия рабочих рук [109]. Автор статьи о работе мельниц, написанной на основе материалов обследования, особое внимание обращает на увеличение поступления зерна, так как в противном случае оставался лишь единственный выход — сокращение потребления муки путем нормировки ее отпуска

Мы остановились на этом частном эпизоде экономической действительности России для того, чтобы яснее и многостороннее показать связь продовольственного кризиса в стране с расстройством всей хозяйственной жизни, бороться с которым царское правительство оказалось не в силах.

Особенно остро с продовольствием обстояло в столицах — Москве и Петрограде. Городское население уже в 1915 г увеличилось на 7% В Москве и особенно Петрограде население выросло еще больше, так как здесь сосредоточена была значительная часть военной промышленности. Снабжение столиц было нормировано· сюда должно было поступать 405 вагонов продовольственных грузов в день для Петрограда и 480 — для Москвы [110] В течение шести месяцев — с 1 октября 1915 г по 1 апреля 1916 г — Петроград получал

[107] *В Орлов* Статистические данные о положении мукомольной промышленности в декабре 1916 г — «Известия Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу», 1917, № 2 (31), стр 39

[108] Там же, стр 40

[109] Там же

[110] «Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу 17 августа 1915 г — 17 февраля 1916 г» Пг, 1916, стр 182

только по 358 вагонов в сутки За последние месяцы 1915 г к 1 января 1916 г запасы основных продовольственных продуктов в Петрограде уменьшились наполовину и не превосходили месячной нормы. Министерство земледелия из своих запасов уступило Петрограду 13,5 млн. пудов продуктов [111]. Положение Москвы было еще более тяжелое· запасы были только на несколько дней, ежемесячно повторялся недогруз против нормы. Выручали и здесь военные запасы, из которых было передано городу по 1 февраля 1916 г. 31,4 млн пуд

Продовольственный кризис во всем объеме разразился только в конце 1916 г , когда разруха транспорта особенно обострилась, правительство было окончательно дезорганизовано и обессилено в борьбе с рабочим движением и «общественными» организациями буржуазии. Никакой помощи от военного ведомства в это время Москва и Петроград не могли получить, так как и армия осталась без хлеба. Различные буржуазные организации, видя надвигающуюся катастрофу, предлагали взять на себя организацию продовольственного дела. Так, городское управление Петрограда 1 декабря 1916 г. представило особый проект, на основе которого оно брало на себя организацию всего продовольственного дела столицы на правах уполномоченного Особого совещания по продовольствию Совещание под председательством министра земледелия отклонило это предложение, так как оно не согласовывалось с положением об Особом совещании по продовольствию. По поводу продовольственного положения в столицах Особое совещание 1 февраля 1917 г установило, что ввиду двухнедельного прекращения пассажирского движения продовольственное положение столиц еще более ухудшится «и Петрограду и Москве придется некоторое время питаться исключительно запасами» [112] Но запасов к 1 февраля почти не было, так как и в предшествующие месяцы население столиц жило впроголодь Петроград получил в ноябре вместо 3 050 тыс пуд хлебных продуктов всего 465 тыс пуд , или 15%, в декабре вместо 3 740 тыс пуд — 524 тыс. пуд (14%).

В январе поступление «улучшилось»· вместо 89 вагонов муки в сутки, нужных для пропитания, поступало 49 вагонов «вместе с рожью» [113] Аналогичное положение было в Москве, где за «благоприятный» месяц — январь поступило муки вместо 70 вагонов в день всего только 39 вагонов, а положение с фуражом было еще хуже

Различные лица — и представители самого царского правительства, и ученые-исследователи — сошлись в объяснении причин особого обострения продовольственного кризиса в начале 1917 г в развале железных дорог и возникающих отсюда транспортных затруднениях, окончательно дезорганизовавших продовольственный аппарат

В нашем распоряжении имеются многочисленные документы, ярко показывающие остроту продовольственного кризиса по многим

[111] «Дополнение к обзору деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу 17 февраля — 17 мая 1916 г» Пг, 1916, стр 5

[112] ЦГИА СССР, ф 457, 1917 г, оп 1, д 10, л 2

[113] Там же

городам страны и прежде всего в столицах Со всех концов империи слышатся настойчивые требования со стороны царских чиновников, буржуазных общественных организаций и отдельных крупных представителей буржуазии — дайте хлеба, пришлите муки Остановимся на некоторых из этих живых и красочных документах, гораздо более глубоко и показательно рисующих продовольственный кризис в империи, чем средние статистические данные о погрузке и заготовке хлебов

3 февраля 1917 г московский городской голова М В Челноков послал телеграмму председателю Совета министров [114] Это уже была четвертая телеграмма за два месяца, в которых Челноков просил принять «самые решительные и немедленные меры к обеспечению Москвы мукой» Перечислив меры, которые обещано было принять для усиления отправки продовольствия, Челноков далее писал: «Несмотря на указанные распоряжения, поступление муки в Москву в январе месяце не только не увеличилось, но еще больше сократилось За последние две недели, 16—30 включительно, ржаной муки поступало в среднем в день по 18 вагонов против нормы в 33 вагона, пшеничной — 18 вагонов против нормы в 53 вагона, всего поступало муки в день 36 вагонов при общей норме 86 вагонов Таким образом, поступление муки немногим превышает лишь $^1/_3$ установленной для Москвы суточной нормы. Благодаря такому малому поступлению муки продажа ее населению как из частных, так и из городских продовольственных лавок не производится Создавшееся положение угрожает вызвать в ближайшие дни хлебный голод, последствием чего явится острое недовольство и волнения со стороны населения столицы, что тяжело отразится на всех сторонах ее жизни, в том числе и на работе на оборону страны Представляя об этом, вновь прошу ваше высокопревосходительство принять самые решительные меры к снабжению Москвы в срочном безотлагательном порядке всеми продовольственными продуктами, особенно же мукой» [115].

Прошла неделя Несмотря на успокоительные телеграммы начальства, положение ухудшилось. 9 февраля Челноков послал новую телеграмму, в которой сообщил, что «для значительной части населения уже наступил хлебный голод» [116] вместо 86 вагонов в феврале поступало ежедневно лишь по 14 вагонов

Чем ближе к концу февраля — тем больше продовольственных просьб, которые становятся все настойчивее 23 февраля на имя военного министра поступила телеграмма председателя Общества фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района Ю П Гужона о том, что в четырнадцати хлебопекарнях Москвы приостановлена выдача хлеба для 93 000 рабочих «Фабрики и заводы

[114] ЦГИА СССР, ф 457, оп 1, д 972, лл 67—68 Телеграмма Челнокова от 3 февраля 1917 г
[115] Там же, лл 67 об — 68 (Разрядка моя — *А С*)
[116] Там же, л 71

приостанавливаются, рабочие волнуются, уходя искать хлеб» Гужон просит военного министра о присылке вне очереди 30 вагонов муки Обществу заводчиков и фабрикантов [117]

Со всех концов России стекались тревожные сведения об остановке предприятий и рабочих забастовках на почве продовольственных трудностей Старший инспектор Костромской губернии сообщил о забастовке рабочих льнопрядильной фабрики, «вызванной сокращением до половинного размера пайка муки ржаной и пшеничной, выдаваемого правлением фабрики рабочим» [118] Чтобы прекратить забастовку, правление фабрики обещало 10-процентную прибавку заработной платы, но «рабочие отказались стать на работу, требуя выдачи прежнего пайка».

Начальник Главного управления кораблестроения ходатайствовал о снабжении продовольствием Владимирского порохового завода «во избежание массового ухода вольнонаемных» рабочих Он указывал на полное бессилие администрации что-либо сделать собственными силами

20 тыс рабочих Брянского завода в Бежице, остановившегося из за недостатка угля, одновременно остались без продовольствия Населения в рабочем поселке насчитывалось до 80 тыс , и ежемесячная потребность в продовольствии определялась в 75 тыс пуд Главный начальник Минского военного округа, донеся об этом факте, заканчивает телеграмму просьбой принять экстренные меры к снабжению завода «по крайней мере продуктами насущного питания» [19]

Можно было бы увеличить количество примеров, но и приведенные нами документы ярко и бесспорно свидетельствуют об острейшем продовольственном кризисе в империи, который особенно сильно бил по рабочим и трудовым слоям городского населения Правительство ежедневно получало сигналы об этом кризисе; лидеры буржуазии особенно старались воздействовать на правительство указаниями на растущее недовольство рабочих и предстоящий политический кризис

Правительство ничего не могло поделать, чтобы кардинально изменить положение в стране Это объяснялось, во-первых, тем, что причины кризиса глубоко уходили в общее расстройство хозяйственной жизни страны Хлеба, мяса, масла, сахара становилось с каждым годом и месяцем войны все меньше, а спрос на них возрастал В распоряжении правительства не было никакого товарного фонда, который можно было бы двинуть в деревню в обмен на хлеб Наконец, когда хлеб частично появлялся, его нельзя было доставить из-за транспортных затруднений Таким образом, продовольственный кризис, переплетаясь с другими кризисами, превращался в кризис всей политической системы

Было бы односторонне и неправильно объяснять подъем револю

[117] ЦГИА СССР, ф 457, оп 1, д 603 лл 224—225
[118] Там же, лл 165—166
[119] Там же, л 169

ционного движения в 1917 г, приведший к свержению царизма, исключительно продовольственными трудностями, но нельзя и недооценивать их значения среди других причин революционного взрыва рабочих масс в феврале 1917 г Продовольственный кризис перед февралем 1917 г наиболее ярко отражает оскудение и дезорганизацию всей хозяйственной жизни страны

Он упирался в общие задачи снабжения страны, в том числе и продуктами промышленности Нельзя было наладить снабжение города хоть в минимальном размере продовольствием без одновременного снабжения деревни продуктами промышленности Ни одну из указанных двух проблем пельзя было разрешить, продолжая империалистическую войну.

Глава четвертая

ТОПЛИВНЫЙ КРИЗИС

Топливный кризис накануне войны

Накануне мировой войны в топливном балансе России решающую роль играли дрова, уголь и нефть, для работы промышленности определяющее значение имели уголь и нефть Уральская промышленность работала почти исключительно на древесном угле, в Центрально-промышленном районе потреблялись все виды топлива; промышленность южного и западного районов работала на каменном угле; предприятия Петроградского и Прибалтийского районов потребляли главным образом привозной английский уголь. Железные дороги империи, являвшиеся крупными потребителями топлива, работали на угле, нефти и дровах, усиливая спрос на тот или другой вид топлива в зависимости от колебаний цен. Промышленные предприятия Севера и Сибири работали на дровах Крупными потребителями дров были города, где дрова применялись для отопления жилищ.

Промышленно-техническое потребление топлива в стране в 1913 г составляло только 45,7% (по другим данным — 47,1%) Следовательно, больше половины топлива шло на отопление городов и построек непромышленного значения. Все виды промышленности потребляли около 1/3 топлива, железные дороги — 11,5%, флот — 2,7% [1]. По данным Р. С. Лившиц, из общеи добычи в 38,9 млн т условного минерального топлива 70,8% приходилось на каменный уголь, 27,2% — на нефтяное топливо и 2% — на торф [2]. Около половины всего твердого минерального топлива потребляли металлургические и металлообрабатывающие предприятия [3]. В 1912 г. крупнейшим потребителем донецкого угля являлись железные дороги, которым было отправлено 290 млн. пуд, затем идут металлургические и передельные заводы (268,5 млн. пуд), сахарные заводы (64,5 млн. пуд.), предприятия под общим названием «фабрики»

[1] *Г Д Бакулев* Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна М, 1955, стр 12, 143, *В И Фролов* Война и нефтяная промышленность — «Война и топливо 1914—1917 гг» М — Л, 1930, стр 97 В переводе на 7000-калорийное топливо дрова составляли 57,4%, каменный уголь — 33%, нефть — 7,8% и торф — 1,8% всего потребляемого топлива (там же)

[2] *Р С Лившиц* Размещение промышленности в дореволюционной России М, 1955, стр 233

[3] *П И Фомин* Горная и горнозаводская промышленность юга России, т II Харьков, 1924, стр 144 Данные относятся к 1908 г

(106 млн пуд), пароходства (43,3 млн. пуд.) и так называемые частные потребители (246,5 млн. пуд.) [4].

Во время предвоенного промышленного подъема спрос на минеральное топливо со стороны промышленности и железных дорог сильно возрос Частные железные дороги только за 1911—1913 гг. увеличили потребление угля вдвое — с 62,3 млн. пуд до 124 млн пуд [5] Металлургические заводы в связи с ростом производства металла также увеличили за предшествовавшие первой мировой войне 4 года потребление твердого минерального топлива на 110 млн пуд — с 157 до 267 млн. пуд. [6] Спрос на каменный уголь особенно усилился благодаря тому, что монополистические организации в нефтяной промышленности, искусственно задерживая добычу нефти, подняли цены на нефтяное топливо до небывалой высоты В 1913 г только для замены углем нефти и дров спрос на уголь увеличился на 194 млн пуд В 1913 г нефти в России добывалось почти на 100 млн. пуд меньше, чем в 1904 г, причем добыча нефти на четырех старых бакинских площадях упала на 200 млн. пуд [7] В целом за последние 5 лет перед войной добыча нефти стабилизовалась на уровне 560 млн пуд Все это стимулировало спрос на уголь

Хотя добыча угля в стране сильно увеличилась, все же общая добыча топлива в стране отставала от спроса, это содействовало ввозу угля из Англии и Германии, который с каждым годом занимал все большее место в топливном балансе Вследствие нехватки топлива и махинаций крупных монополистических организаций в нефтяной промышленности и «Продугля» в стране наступило резкое повышение цен на уголь и нефть, что вызвало обсуждение этого вопроса в Государственной думе и полемику в печати. Нехватка топлива и его дороговизна — вот характерные особенности топливного рынка накануне войны

В связи с наступившим в 1910 г переломом в положении промышленности добыча угля в стране начинает неуклонно возрастать Об этом росте дают представление следующие цифры (см табл. 27).

Из этих данных следует, что с 1910 по 1913 г. общая добыча угля в империи выросла на 44,3%. Больше всего поднял добычу Донецкий бассейн (на 51%). Все остальные районы также увеличили добычу угля, но их роль в топливном балансе, если исключить Донецкий и Домбровский бассейны, была чрезвычайно незначительна, составляя всего около 10% В 1913 г Донбасс давал 87% угледобычи страны (без Польши), а в топливоснабжении Европейской России углем удельный вес Донбасса поднимался до 95,5% Урал не мог обеспечить свою промышленность топливом Подмосковный бассейн,

[4] Там же, стр 149 Экспорт русского угля за границу составлял в 1912 г лишь 10 млн пуд В 1913 г было вывезено 5,8 млн пуд (*А Ломакин* Внешняя торговля в России — «Годовые обзоры важнейших отраслей народного хозяйства в 1914 г» (далее — «Народное хозяйство в 1914 г») Пг, 1916, стр 347

[5] *И Корзухин* Каменноугольная промышленность в 1913 г — «Народное хозяйство в 1913 г» Пг 1914, стр 313

[6] Там же, стр 314

[7] *И Корзухин* Нефтяная промышленность — Там же, стр 337—338

Таблица 27

Рост добычи угля с 1910 по 1913 г *

Район	1910 г	1912 г	1913 г
	млн пуд		
Донецкий бассейн	1019,9	1300,0	1543,8
Домбровский »	341,0	394,5	426,3
Урал	47,7	57,5	73,5
Подмосковный бассейн	13,9	13,8	18,3
Западная Сибирь	31,6	43,2	53,6
Восточная »	64,3	80,6	71,8
Прочие бассейны	6,3	10,3	12,7
Всего	1524,7	1899,9	2200,0

* *Л Б Кафенгауз* Снабжение страны минеральным топливом во время войны — «Труды Комиссии по изучению современной дороговизны» вып 2 стр 233 Цифры Кафенгауза в общем совпадают с данными опубликованными в сб «Народное хозяйство в 1913 г », стр 305 Расхождения, составляя от 2 до 6 млн пуд , не имеют практического значения

производство которого стабилизовалось на уровне 1—2% общероссийской добычи угля, развивался крайне медленно К 1913 г он добывал угля менее, чем в 1875 г

Рыночная конъюнктура на уголь являлась не только чрезвычайно благоприятной, но даже, как оценивал обозреватель «Народного хозяйства», была «ненормально напряженная». Страна переживала «топливный голод», который смягчался привозом иностранного угля. В 1913 г. правительство прибегло к экстренной мере, временно отменив для некоторых потребителей пошлину на иностранный уголь, что вызвало увеличение привоза угля и кокса на 41,9 млн пуд. Общий импорт угля и кокса резко увеличился с 287 млн. пуд. в 1910 г. до 528 млн. пуд в 1913 г [8] Кроме портов Балтийского моря и Сосновицкой таможни, наблюдался резкий рост ввоза угля в Одессу, куда в 1913 г. было доставлено 12,7 млн пуд. [9], в первой половине 1914 г сравнительно большое количество угля было ввезено в Архангельск (27,2 млн пуд.) [10]. Потребление иностранного угля вышло за обычные районы Прибалтики и Польши, «и с 1913 года на иностранный уголь перешли некоторые предприятия центрального района и часть наших западных железных дорог» [11].

Количество импортного иностранного угля и добыча Домбров-

[8] *Л Б Кафенгауз* Снабжение страны минеральным топливом во время войны — «Труды Комиссии по изучению современной дороговизны», вып 2 М, 1915, стр 234

[9] *И Корзухин* Каменноугольная промышленность в 1913 г — «Народное хозяйство в 1913 г », стр 304

[10] *И Корзухин* Каменноугольная промышленность — «Народное хозяйство в 1914 г », стр 235

[11] *Л Б Кафенгауз* Указ соч, стр 234

ского района поднялись за последний предвоенный год «почти до одного миллиарда пудов, составляя уже до 30% всего технического потребления всех видов топлива» [12] Что касается привозного иностранного угля, то его количество поднялось с 20 до 25% всего добываемого в империи твердого минерального топлива Особое совещание по топливу считало, что в среднем за 1912—1913 гг 80% потребностей в угле удовлетворялись за счет внутреннего производства, а 20% — за счет привозного [13] В общем рост импорта угля в Россию происходил в 2 раза скорее, нежели прирост его добычи в империи [14]

Нефть и нефтяные продукты Россия сама экспортировала за границу

Недостаток топлива в стране вызывал резкое и систематическое вздорожание всех видов топлива Средние цены на пуд топлива на месте производства изменялись следующим образом (см табл. 28).

Таблица 28

Рост цен на топливо с 1910 по 1914 г, коп *

Год	Рядовой паровичный уголь	Кокс литейный	Нефть сырая в Баку	Нефтяные остатки в Баку
1910	8,5	15,6	15,4	15,7
1913	12,5	29,7	42,7	41,4
Июнь 1914 г	13,5	24,0	45,1	43,0

* *Л Б Кафенгауз* Указ соч стр 238

Таким образом, на протяжении четырех лет цены поднялись на уголь и кокс на 60%, а на нефть и нефтепродукты выросли почти втрое «Годовые обзоры важнейших отраслей народного хозяйства» показывают, что цены на нефть в 1912 г были на 86% выше цен 1911 г, но цены 1911 г были выше цен 1910 г на 50% Такое ненормальное, явно спекулятивное повышение цен нельзя объяснить «естественным» превышением спроса над предложением и истощением бакинских источников. Топливный голод и рост цен были результатом спекулятивной политики «Продугля» и нефтяных компаний — «Нобель-Мазут», группы «Шелл» и др.

Добыча и продажа нефти были в основном сосредоточены в руках трех крупнейших фирм Самая крупная из них — «Нобель-Мазут» — сосредоточила в своих руках 77% всего сбыта керосина и

[12] *К В Кирш* Состояние топливоснабжения России на 1 ноября 1917 года — «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 6, стр 1

[13] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу за первый год его существования», т 1 Пг, 1917, стр 3 По более поздним данным, доля импортного угля в 1910 г составила 13,4%, в 1911 г — 14%, в 1912 г — 18%

[14] *П Шелякин* Война и угольная промышленность — «Война и топливо 1914—1917 гг», стр 45

56% сбыта нефтяных остатков Влияние крупных фирм усиливалось и потому, что в их руках находилась бо́льшая часть наливного флота В 1914 г было вывезено 3/4 нефтепродуктов (77%) при помощи 142 наливных железных барж, из которых 72 принадлежали компании «Нобель-Мазут» Это давало возможность крупным нефтяным фирмам «взять на внутренних рынках максимум той цены, которую они при данных условиях могут дать» В погоне за монополией в добыче и продаже нефти крупные фирмы на торгах при сдаче нефтеносных источников соглашались не только бесплатно поставлять казне долевое отчисление, но еще приплачивали от себя за каждый пуд нефти от 0,9 до 47 коп. Чтобы подорвать монополию нескольких других фирм, сенат в 1906 г отменил торги на нефтеносные участки. При этом он указывал, что крупные фирмы, чтобы сделаться хозяевами нефтяного рынка, не останавливаются перед большими долевыми отчислениями, лишь бы закрепить за собой казенные участки, «так как удержание возвышенной рыночной цены на нефть гораздо более вознаграждает монополистов, чем увеличение ее добычи» [15].

Невиданное повышение цен на нефть и нефтепродукты (на 600% по сравнению с ценами 1902 г и на 300% сравнительно с 1910 г.) приносило огромные убытки казне, являвшейся крупным потребителем нефти для флота и железных дорог. В связи с этим в Государственной думе и в печати в 1912 г высказывались пожелания об организации казенной добычи и переработки нефти

Разумеется, нефтепромышленники старались доказать, что никакого вздувания цен нет и что вздорожание нефти является естественным следствием нехватки топлива и истощения старых источников Баку. Они решительно выступали против передачи добычи и переработки нефти казне В этой связи большой интерес представляет записка Совета съездов представителей промышленности и торговли на имя председателя Совета министров, поданная накануне войны. В ней сообщалось, что, несмотря на принятые меры, добыча на старых бакинских площадях падает «и без предоставления новых нефтеносных земель для разработки нефтяная промышленность на старых площадях обречена на постепенное вымирание и разорение, а затраченные сотни миллионов рублей будут безвозвратно потеряны для народного хозяйства» Из такой мрачной оценки положения в нефтяной промышленности делался вывод о необходимости передачи новых земель (81 десятины) в эксплуатацию частным промышленникам, но не казне в лице Морского министерства

Совет съездов решительно возражал против выделения участков Морскому министерству и Министерству путей сообщения Он считал эту меру способной «подорвать дальнейшее развитие нефтяной промышленности» и затрагивающей «основы экономического развития страны» По мнению представителей нефтяных монополий, казенная эксплуатация нефтяных земель не способна будет обес-

[15] *Л Б Кафенгауз* Указ соч, стр 237—238

печить нефтью даже морской флот, который потреблял всего лишь 6 млн. пуд, но должен был увеличить потребление в будущем десятилетии до 80 млн пуд «Военный флот,— говорилось в записке,— может быть обеспечен нефтяным топливом только при правильном развитии всей нефтяной промышленности, а разорение этой промышленности, столь нуждающейся в новых землях, в будущем отразится неблагоприятно и на снабжении военного флота топливом».

План буржуазии, который рекомендовался правительству, был прост нефтеносные участки передать с торгов частным фирмам, что позволило бы буржуазии получить 340—350 млн пуд нефти в год дополнительно без больших затрат, потребности казны будут удовлетворены полностью за счет долевых отчислений, а нефтяные магнаты наживут на этом новые сотни миллионов рублеи «Полагая в среднем долевое в пользу казны отчисление в одну треть от означенной добычи,— говорилось в записке,— можно ожидать без каких-либо затрат и связанного с этим риска и без разорения нефтяной промышленности поступление в распоряжение казны около 110—115 млн. пуд.» [16]

К этой же проблеме промышленники вернулись через четыре месяца в докладной записке «О мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса», переданной правительству за несколько дней до начала мировой войны (12 июля 1914 г.). Записка носит программный характер по экономической политике в целом, поэтому проблема топлива является лишь одним из рассматриваемых вопросов. В записке признается «кризис топлива», но для объяснения его выдвигалась единственная причина в духе вульгарной политической экономии: топлива мало, а спрос большой В частности, сокращение добычи нефти по-прежнему объясняется истощением старых нефтяных площадей в Баку, которые не пополнялись в течение последнего времени из фонда нефтеносных земель Чтобы ликвидировать топливный кризис и восстановить «равновесие на рынке», промышленники просили правительство создать такие благоприятные условия для развития каменноугольной и нефтяной промышленности, которые привели бы «к увеличению добычи нефти и угля» [17].

В отношении нефтяной промышленности промышленники выдвигали один только тезис — о необходимости передать им новые нефтеносные земли [18] Авторы записки не обронили ни слова о практических мероприятиях, которые нефтепромышленники считали бы необходимыми осуществлять на имеющихся промыслах.

Разглагольствуя о мнимом истощении существующих участков, нефтяные магнаты добивались захвата и остальных нефтеносных

[16] *М Я Гефтер* К истории топливно-металлического «голода» в России накануне первой мировой войны — «Исторический архив», т VI М — Л, 1951, стр 68—71

[17] «Докладная записка Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к развитию производительных сил России и к улучшению торгового баланса»» Пг, 1914, стр 54—55

[18] Там же

земель, обещая казне без хлопот значительное увеличение нефти. Нефтяные воротилы деятельно боролись за закрепление своего монопольного положения, чтобы продолжать старую политику хищнического ведения хозяйства, ограбления потребителя на внутреннем рынке и успешной борьбы с конкурентами на мировом В таком положении война застала дело снабжения нефтью· искусственно заниженная добыча, монополия производства и торговли нефтепродуктами нескольких финансовых групп с участием иностранного капитала, спекулятивные цены, отсутствие казенной добычи и домогательства фирм о получении в эксплуатацию новых участков.

Примерно такое же положение было и с углем Опубликованные документы и исследования о деятельности синдиката «Продуголь», возникшего в 1906 г, с несомненностью подтверждают организованный характер угольного голода и искусственное повышение цен [19].

В дореволюционной литературе неоднократно делались попытки реабилитации монополистических организаций нефтяной и угольной промышленности. Так, например, С. и Л. Першке в своем труде, говоря о росте цен на мазут, объясняют рост дороговизны тем обстоятельством, что «вздорожало топливо вообще» [20], а так как ценами на рынке управляют дрова и уголь, то вслед за ними вздорожали мазут и нефть. Авторы видели выход из положения не в росте производства всех видов топлива, а главным образом в улучшении техники использования топлива в промышленности Промышленность, по мнению С. и Л. Першке, «должна мириться» с существовавшим положением, т. е с положением ограбления потребителя топливными монополиями.

[19] П И Фомин в томе II своего труда «Горная и горнозаводская промышленность юга России» много внимания уделяет деятельности «Продугля» На том основании, что мелкие предприятия, не входившие в синдикат, развивались быстрее синдикатских, он делает вывод, что «Продуголь» не играл решающей роли в росте цен, так как «вряд ли при тогдашнем строе русской социально-экономической жизни они (т е «Продуголь» и «Продамета» — *А С*) могли осуществить эту задачу в сколько-нибудь серьезных размерах» (стр 115) В работах Д И Шполянского («Монополии угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX в » М, 1953) и Г Д Бакулева (*Г Д Бакулев* Развитие угольнои промышленности Донецкого бассейна М, 1965) показана полная несостоятельность этой апологии монополий Г Д Бакулев в своей монографии решительно утверждает, что «Продуголь» «в значительной мере определял конъюнктуру угольного рынка» (там же, стр 171) Деятельность «Продугля» и «Продаметы» нашла защиту в правительственных кругах в лице министра торговли и промышленности С И Тимашева Совет министров, обсуждавший сообщение Тимашева, признал 23 января 1914 г «ненормальным» современное положение промышленности, которая «явно не удовлетворяет возросшим требованиям потребительного рынка» (*М Я Гефтер* Указ соч, стр 78) Опубликованные М Я Гефтером документы имеют большое значение для правильного суждения по данному вопросу Совет министров поручил министру торговли и промышленности образовать особую комиссию для выяснения влияния деятельности «Продугля» и «Продаметы» на положение внутреннего рынка Это был верный путь похоронить все дело

[0] *С и Л Першке* Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных Тифлис, 1913, стр 184

Спекулятивный характер повышения цен монополиями в нефтяной промышленности хорошо показан в статье П В Волобуева. В руках трех монополистических организаций было сосредоточено 60,7% общей добычи нефти в стране, 66% выработки керосина и почти столько же выработки мазута в Баку [21]. До 1910 г монополии и прежде всего «Нобель-Мазут» снижали цены на нефть и нефтепродукты С 1910 г начинается рост цен, причем в Баку цены с 1910 по 1913 г. возросли на нефть — на 180%, на мазут — на 163% и на керосин (судовой) — на 180% Фактические же цены на нефть и нефтепродукты утроились [22] Несмотря на исключительно благоприятную конъюнктуру, добыча нефти была заморожена. Накануне войны 1914 г, когда во всем мире происходил быстрый рост нефтедобычи, в России она держалась на уровне 80% от добычи 1901 г Удельный вес России в мировой добыче нефти упал с 53% в 1901 г. до 19,5% в 1911 г.

Что касается каменного угля, то в этой области, как уже отмечалось, решающую роль играл Донецкий бассейн, который был в руках небольшого количества крупнейших фирм, связанных преимущественно с иностранным капиталом. Концентрация производства здесь была особенно высока 21 предприятие, из общего количества 791, давало половину всей добычи угля (49,7%) Если к ним прибавить еще 17 предприятий с добычей от 10 до 20 млн пуд. угля в год, то окажется, что 38 предприятий (около 5% от общего количества) давали $^2/_3$ всей добычи — 62,2%. Подавляющее большинство мелких предприятий, составлявших 91% всех предприятий (ежегодная добыча до 5 млн пуд), давали лишь 1/4 всей добычи — 25,8% [23].

Сильная концентрация производства привела к созданию синдиката «Продуголь», который объединял немного более половины всей добычи довоенного угля и кокса Все предприятия, вошедшие в синдикат, передали ему исключительное право на продажу угля и кокса. На основании так называемого «красного договора» за каждым предприятием закреплялась определенная квота производства и вывоза угля [24] Ограничение продажи угля с целью поддержания высоких цен на рынке естественно вело и к ограничению добычи угля участниками синдиката Например, Прохоровская компания каменноугольных копей получила право вывоза на рынок 16 млн. пуд угля при производительности шахт в 30 млн пуд «Продуголь» запретил этой компании производить кокс, так как она не имела права его продавать Следовательно, и в производстве угля финансовый капитал консервировал добычу с целью поднять цены.

[21] *П В Волобуев* Из истории монополизации нефтяной промышленности дореволюционной России (1903—1914 гг) — «Исторические записки», т 52, стр 98

[22] Там же, стр 87

[23] *П Шелякин* Указ соч, стр 28

[24] Этот важнейший документ для суждений о деятельности «Продугля» обнаружен и опубликован В И Бовыкиным («Исторические записки», т. 78).

Когда Совет министров в декабре 1912 г вынес решение привлечь к судебной ответственности руководителей «Продугля», то председатель самой крупной буржуазной организации — совета съездов представителей промышленности и торговли, член Государственного совета Н С Авдаков выступил с решительным протестом В «оправдание углепромышленности» он представил председателю Совета министров В. Н. Коковцову записку от 14 января 1913 г , в которой доказывал, что рост цен на уголь является следствием увеличения спроса и частично — результатом замены нефти и дров углем, а не следствием сокращения производства «Возрастающий спрос, совпавший с временным ослаблением добычи минерального топлива,— писал Авдаков,— вызвал повышение цен на минеральное топливо, но никаких искусственных мер к повышению цен принято не было. Ссылка на организацию среди горнопромышленников синдиката, якобы влияющего на повышение цен, также не находит себе подтверждения в действительном положении дела Общество для торговли донецким минеральным топливом («Продуголь») имеет в своем распоряжении всего 53% общего вывоза угля на рынок, и с ним свободно конкурируют остальные 47%, и в продолжение 6-летнего существования этого общества конкурирующие фирмы вырастали и увеличивали добычу минерального топлива» [25] Как показал в своем исследовании П И Фомин, крупные фирмы, давшие в 1912 г. 250 млн пуд каменного угля, увеличили добычу по сравнению с 1906 г. только на 3%, т е фактически заморозили производство; значительно увеличили производство лишь мелкие фирмы [26].

Свою записку Н С. Авдаков силился выдать за экономическое исследование, в котором объективно показаны данные о росте добычи угля, важнейшие потребители, высчитано количество угля, требуемое взамен нефти и дров, от которых отказался потребитель, и т д. По расчетам Н С. Авдакова, производство добычи угля в Донецком бассейне максимально могло быть увеличено на 336 млн пуд , но и при этом недостаток угля должен был достигать 63 млн пуд Выводы записки в основном сводились к следующему: 1) никакого искусственного снижения добычи топлива нет; 2) повышение цен вызвано «исключительно значительным повышением спроса на минеральное топливо над его производством», 3) вздорожание дров и нефти вызвало увеличение спроса на уголь и его вздорожание, 4) вопрос об угле перерастает в общий вопрос «об обеспечении России топливом»; 5) нарушенное равновесие между спросом и предложением с течением времени восстановится. Действительный смысл записки заключался не в том, чтобы помочь правительству развязать запутавшийся узел и наметить меры к росту производства, а в том, чтобы скрыть виновность «Продугля» в снижении производства угля и роста цен на него.

[25] ЦГИА СССР, ф 1276, оп 9, д 171, лл 27—36

[26] *П И Фомин* Горная и горнозаводская промышленность Юга России, т II Харьков, 1924 стр 109.

На заседании совета «Продугля» Н С Авдаков говорил совсем другое Он рекомендовал совету пересмотреть «красный договор» в сторону увеличения квот поставок предприятиями угля, мотивируя это тем, что иначе всеми выгодами благоприятной обстановки воспользуются фирмы, не входящие в синдикат. «Оставление красного договора в настоящей неподвижной редакции,— говорил Авдаков,— по моему мнению, приведет к усилению конкуренции копей, не входящих в «Продуголь» и свободно увеличивающих у себя добычу каменного угля, тогда как контрагенты стеснены в увеличении добычи» [27].

Для расширения производства угля получения новых земельных участков от казны, как это было в нефтяной промышленности, не требовалось Зато требовалось для этого согласие французских банковых и промышленных воротил — действительных хозяев «Продугля» Начатое еще до войны судебное следствие против руководителей «Продугля» с бесспорностью показало виновность синдиката в занижении добычи угля Но долго тянувшееся следствие в конце концов, после дипломатического вмешательства французского посла, было, по указанию Совета министров, прекращено

Итог развития топливной промышленности перед войной сводится к следующему Спрос на топливо систематически превышал его производство Угольный и нефтяной голод, испытывавшийся промышленностью, и огромный рост цен на топливо являлись следствием систематического недопроизводства, в значительной мере искусственно организованного монополиями Топливный баланс сводился при помощи все увеличивавшегося ввоза угля из-за границы, которым питались Петербург и Прибалтийский район. Прекращение импорта иностранного угля в связи с войной и необходимость коренной перестройки его транспортировки в центр и на северо-запад должны были еще более обострить топливный голод в стране Топливная промышленность вступала в войну без подготовленных резервов добычи как по углю, так и по нефти; продвижению донецкого угля на северо-запад России по железным дорогам не было подготовлено, а на развитие добычи во второстепенных районах — в Подмосковном бассейне, на Урале, в Сибири и др — правительство не обращало внимания. Все это предопределило кризис топлива в годы войны.

Война и угольная промышленность

Воина внесла большие изменения в добычу и потребление топлива С самого ее начала страна лишилась возможности получать иностранное топливо, затем был потерян Домбровский бассейн Уже это означало потерю до 1 млрд. пуд угля Однако потеря Домбровского бассейна, добыча которого в 1913 г равнялась 426 млн пуд угля,

[27] *Л Б Кафенгауз* Указ соч, стр 236

компенсировалась тем, что домбровский уголь почти целиком потреблялся на месте Реальной потерей, которую нужно было возместить усилением внутреннего производства, были экспортный уголь и часть домбровского угля, потреблявшаяся вне пределов Польши. По подсчету Л Б Кафенгауза, фактический дефицит в топливе из-за потери домбровского угля определялся в размере 130 млн пуд, из-за прекращения иностранного привоза — в 400—450 млн пуд, а всего — в 530—580 млн пуд, или около 25% общего потребления страны в 1913 г, за исключением местностей, занятых неприятельскими войсками (2364 млн пуд) [28]

Особое совещание по топливу определяло дефицит в угле вследствие тех же факторов в 800 млн пуд в год, или до 1/3 всего потребляемого в стране в мирное время минерального топлива [29] Реальное сокращение поступления угля на внутренний рынок от указанных причин определялось в 14 662 тыс т, что составляло 37,5% от всего потребления угля и 40,6% от добычи угля в России [30]

В эти подсчеты следует, однако, внести существенную поправку Россия лишилась не только угля, но и большой территории с развитой промышленностью и железнодорожной сетью, которые потребляли не только местное, но и привозное топливо В статье С Петрашкевича «Поступление минерального топлива на внутренний рынок России в 1913—1915 годах» [31] приведены подсчеты, показывающие, что почти все домбровское топливо потреблялось в 14 губерниях, занятых неприятелем, а в остальные губернии империи шло лишь до 10 млн пуд этого топлива С другой стороны, занятые неприятелем губернии являлись слабыми потребителями донецкого топлива (15,5 млн пуд) Учтя еще значение иностранного привоза, автор приходит к заключению, что весь «*реальный* дефицит в минеральном топливе на нашем внутреннем рынке составлял в 1914 г до 30 млн пуд, а в 1913 г.—167 млн пуд» [32]

Для 1915 г С Петрашкевич определяет дефицит в 322 млн пуд заграничного угля и 25 млн пуд — домбровского Если учесть, что в начале 1915 г ряд предприятий Польши еще работал и потреблял около 50 млн пуд топлива (затем часть предприятий была эвакуирована), то топливный дефицит лишь по двум указанным статьям скорее приближается к цифре, названной Л Б Кафенгаузом, а не Особым совещанием по топливу Реальные потери в угле, вероятно, были даже меньше, чем определяет Л Б Кафенгауз, и колеблются в пределах 400—500 млн пуд в год Следует учесть еще потери от сокращения производства во второй половине 1914 г на 200 млн пуд сравнительно с первой половиной года Только в Донбассе до-

[28] *Л Б Кафенгауз* Указ соч, стр 2
[29] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т 1, стр 4
[30] *П Шелякин* Указ соч, стр 48
[31] «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 2, стр 136
[32] Там же, стр 137 — В «Народном хозяйстве в 1914 г» указано, что домбровский уголь потреблялся на территории б Царства Польского на 95—96% (стр 254).

быча угля и антрацита во второй половине 1914 г сократилась на 112,5 млн пуд [33]

Какие бы умеренные подсчеты мы ни брали, даже оставаясь при норме довоенного потребления (а она, несомненно, в связи с войной увеличилась), ясно, что в топливном балансе произошли крупнейшие изменения, которые следовало компенсировать увеличением производства угля, нефти и дров Прекращение экспорта нефтепродуктов в пределах 50—55 млн. пуд в год (26 млн пуд за вторую половину 1914 г) лишь частично покрывало образовавшиеся прорехи В 1914 г на предприятиях еще оставались большие запасы топлива, которые смягчали остроту положения, а потом и они кончились

По нашему мнению, коренная причина кризиса топлива в годы войны заключается отнюдь не в прекращении ввоза угля, а в изменившихся условиях производства и распределения топлива, с одной стороны, и в выросшей потребности в топливе — с другой До нецкий уголь в еще большей степени, чем до войны, приобрел общеимперское значение и должен был доставляться в районы, где раньше не потреблялся К изложенным выше причинам топливного кризиса следует прибавить еще транспортные затруднения [34].

Как же справлялась угольная промышленность с новыми задачами, возникшими в связи с войной? Сумела ли она возместить возникший в результате военных действий дефицит в угле?

Представление о добыче угля за военные годы сравнительно с довоенным периодом дает табл 29

Приведенные цифры дают полное представление о движении добычи угля по империи в целом и по отдельным районам Как видно из таблицы, увеличение добычи угля в Донбассе и ряде других районов не могло компенсировать потери Домбровского бассейна В целом добыча угля по сравнению с 1913 г снизилась, причем недобор был более ощутим для Европейской России (184 млн пуд для 1916 г) и менее значителен для империи в целом (103 млн пуд. для 1916 г)

Добыча угля в 1914 г держалась почти на уровне предыдущего года Это было достигнуто за счет увеличения добычи угля в Донбассе на 140 млн пуд. 1915 год дает значительный недобор в 280 млн пуд. сравнительно с 1913 г , а в 1916 г недобор достигает примерно 100 млн пуд , хотя и дает увеличение по сравнению с 1915 г почти на 180 млн пуд В 1915 г Донбасс дает снижение добычи сравнительно с 1914 г на 57 млн пуд

Характеризуя угольную конъюнктуру 1915 г., «Народное хозяйство» указывало, что она прошла «под знаком недостатка топлива .. Каменноугольные рудники России не оказались в состоянии развить свою добычу, и потому русскому рынку топлива пришлось при-

[33] *И Корвухин* Каменноугольная промышленность — «Народное хозяйство в 1914 г », стр 239

[34] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т 1 стр 5

Таблица 29

*Добыча твердого минерального топлива с 1913 г по первое полугодие 1917 г, млн пуд**

	1913 г	1914 г	1915 г	1916 г	Первое полугодие 1917 г
Донецкий бассейн	1543,79	1683,78	1626,58	1743,90	834,07
Домбровский »	426,31	231,01	—	—	—
Подмосковный »	18,34	18,99	28,42	42,48	23,07
Кавказ	4,30	4,01	4,59	3,88	1,49
Урал	73,46	84,20	78 66	92,28	50,05
Итого по Европейской России	2066,20	2021,99	1738,25	1882,54	908,68
Итого по Азиатской России	133,15	159,64	181,24	213,65	128,24
Всего	2199,35	2181,63	1919,49	2096,19	1036,92

* «Известия Особого совещания по топливу» 1917 № 5 Статистика, стр 9 Эти данные вполне заслуживают доверия В частности, Институт экономических исследований Наркомфина СССР перепечатал их без каких-либо изменений в 1922 г («Народное хозяйство в 1916 г » вып VII Сводные статистические таблицы за 1913—1916 гг Пг, 1922, стр 65, табл IX)

способливаться к создавшемуся положению»[35]. Между тем 1915 г является годом мобилизации промышленности, роста военного производства, усиленного потребления топлива со стороны железных дорог и морского флота Особенно вырос спрос на топливо со стороны Петербургского района — одного из главных арсеналов военного производства.

В 1916 г. наблюдалась тенденция к увеличению добычи угля по всей империи (кроме Кавказа) и особенно значительная в Донецком бассейне Это дало повод С В Коган-Бернштейн заявить, что в Донбассе сохранилась предвоенная тенденция «к непрерывному развитию добычи»[36]. Это утверждение, однако, не соответствовало действительности, так как в 1916 г в угольной промышленности развивался глубокий кризис, маскировавшийся до времени огромным ростом принудительного труда

Добыча угля в Азиатской России увеличилась в 1916 г по сравнению с 1913 г на 80 млн. пуд, но в силу железнодорожных затруд-

[35] «Каменноугольная промышленность» — «Народное хозяйство в 1915 г » Пг, 1918, стр 264

[36] *С В Коган-Бернштейн* Каменноугольная промышленность — «Народное хозяйство в 1916 г », вып III Пг, 1920, стр 63

нении весь этот уголь потреблялся на месте, не получая выхода на рынки Европейской России Не обнаружили тенденцию к сколько нибудь значительному развитию к этому времени также Подмосковный бассейн, Кавказ и Урал с 96 млн пуд, добывавшихся здесь в 1913 г., добыча поднялась всего лишь до 138 млн. пуд; наибольшее развитие наблюдалось в Подмосковном районе, увеличившем добычу угля больше, чем вдвое

Коренной просчет правительства и буржуазии в топливном вопросе заключался, пожалуй, именно в том, что не были развиты новые угольные районы, расположенные вблизи промышленных центров — потребителей угля Это избавило бы от необходимости дальних перебросок угля, разгрузило бы транспорт и разрядило весьма напряженное положение с донецким углем

Главным центром снабжения страны углем по-прежнему оставался Донбасс. Донецкий бассейн был по существу единственным угольным районом, на который выпала вся тяжесть удовлетворения твердым топливом предприятий, работавших на войну, железных дорог и морского флота Особое совещание по топливу сперва регулировало распределение только донецкого горлива и лишь позднее перешло к распределению и другого угля.

Табл 30 дает наглядное представление о движении добычи угля, числе рабочих и производительности их труда в Донецком бассейне за годы войны

Приведенные данные показывают, что в 1914 г. и в последую-

Таблица 30

Производство и численность рабочих Донецкого бассейна в 1913—1917 гг *

Год	Добыто млн пуд	Среднее число рабочих		Месячная производительность одного рабочего	
		в тыс	в %	в пуд	в %
1913	1543,8	168,5	100,0	764	100,0
1914	1683,8	185,8	110,0	755	98,0
1915	1626,6	180,6	107,0	751	98,0
1916	1751,0	235,0	139,8	622	81,4
1917 **	1550,0	—	—	—	—
1917 г по месяцам					
январь	156,0	291,3	172,8	535	69,8
февраль	143,4	291,5	173,0	492	64,4
март	154,4	287,7	171,0	536	70,0
апрель	120,0	282,9	168,0	424	55,5
май	133,3	282,6	168,0	472	61,8
июнь	131,4	280,4	167,0	469	61,4

* «8-й всероссийский съезд государственных органов по топливу в гор Харькове 4—6 декабря 1917 г»—«Известия Особого совещания по топливу» 1917 № 7 прилож 2, стр 19

** Примерный расчет

щие годы в Донбассе было занято гораздо больше рабочих, чем в довоенном 1913 г Убыль в рабочей силе в первые месяцы войны промышленникам удалось вскоре возместить путем привлечения новых кадров рабочих и усиленного применения женского труда После объявления мобилизации копи лишились от 30 до 40% всего состава рабочих, причем на войну были взяты наиболее квалифицированные кадры В июле 1914 г на шахтах осталось лишь 137 тыс рабочих, а в августе —142 тыс против 203 тыс рабочих в июне 1914 г Начиная с октября количество рабочих стало увеличиваться и в конце года достигло нормального уровня — 205 тыс человек

Промышленникам удалось привлечь к работе крестьян из числа прежних горнорабочих, так что значительное обновление состава рабочих на первых порах не сказалось на производительности труда За первые полтора года войны производительность одного занятого рабочего уменьшилась всего лишь на 2% Таким образом, незначительный рост добычи угля в Донбассе в 1914—1915 гг был достигнут в основном за счет увеличения числа рабочих

Начиная с 1916 г происходит усиленный рост числа занятых рабочих и одновременно падает производительность труда В качестве основной и по существу единственной меры к увеличению производства угля применялось увеличение числа рабочих В 1916 г. количество рабочих увеличилось на 40%, а угледобыча выросла лишь на 10—12% В июне 1917 г количество рабочих увеличилось на 67%, т е на $^2/_3$, а добыча угля держалась на уровне 1913 г Особенно сильное увеличение числа рабочих приходится на 1916 г В 1915 г в Донбассе в среднем было 180 тыс рабочих, в январе 1916 г — 213 тыс , а в январе 1917 г.— 291 тыс человек Таким образом, на протяжении года количество рабочих увеличилось на 77 тыс Но этот огромный рост рабочих позволил увеличить добычу угля всего лишь на 8% Такое несоответствие числа рабочих уровню производства свидетельствовало о явном неблагополучии на рудниках Ко времени Февральской революции число рабочих по сравнению с 1913 г возросло на 73%, а производительность труда упала на 35,6%, а в июне 1917 г — на 38,6%. Это объясняется ухудшением состава рабочих и их материального положения, а также изношенностью оборудования шахт и недостатком материалов

До войны существовала прямая зависимость между добычей угля и количеством рабочих на шахтах Число рабочих сильно колебалось из-за обычного летнего отхода части рабочих на сельскохозяйственные работы в деревню и отлива вследствие скверных бытовых условий Л Б Кафенгауз считал, что главным препятствием к увеличению числа рабочих на рудниках были «крайне тяжелые условия труда, относительно низкая заработная плата и неудовлетворительные жилищные условия рабочих» [37] Донбасс и в мирное время испытывал недостаток рабочих, а война принесла еще дороговизну, которая обострила положение с кадрами шахтеров Правительство и предприниматели не приняли никаких мер для улучшения положения рабо-

[37] *Л Б Кафенгауз* Указ соч, стр 241

чих, вследствие чего рабочие бежали из угольных копей, и добыча падала

В марте 1915 г в Донбассе возникли рабочие забастовки Опасаясь простоев, снижения добычи угля и политических осложнений, правительство направило в Донецкий бассейн товарища министра торговли и промышленности тайного советника А. И Коновалова, пробывшего там с 1 по 12 апреля и представившего «Краткое заключение о характере и причинах брожения рабочих на каменноугольных копях Донецкого бассейна» [38] Этот документ чрезвычаино интересен в той части, которая характеризует материальное положение рабочих Коновалов делал вывод о «несомненном экономическом характере причин, вызвавших забастовочное движение», настойчиво стараясь убедить министра торговли и промышленности в отсутствии среди рабочих политической агитации В подтверждение этого он привел ряд соображений, часть которых совершенно несостоятельна

Для нас главный интерес представляет заключение Коновалова о дороговизне, породившей подъем забастовочного движения «Я должен вместе с тем отметить, — писал он, — что главной причиной брожения рабочих явилось значительное вздорожание жизненных припасов и возникшее отсюда несоответствие существующего заработка рабочих повысившеися стоимости их содержания Обстоятельство это вызвало появление во всех без исключения заявлениях рабочих требования об увеличении расценок работ, все же прочие заявления, касающиеся запрещения грубого обращения с рабочими со стороны низшеи рудничной администрации (преимущественно штейгеров), задержек расчетных книжек и т д , не имели существенного значения и явились лишь побочными причинами появления неудовольствия в среде рабочих Подобное же случайное значение имели и появившиеся в газете «Южный край» в номере от 28 марта статьи на тему о недостатке заработной платы донецких горнорабочих и о тяжелых условиях их труда Статьи эти вызвали живейший интерес со стороны рабочих и, быть может, несколько ускорили наступление назревавших событий, но тем не менее при наличии указанной выше основной причины возникновения недовольства рабочих помеченные случайные поводы не могли иметь решающего значения, и рано или поздно брожение рабочих должно было все же начаться, если бы условия труда не были своевременно изменены горнопромышленниками»

Далее Коновалов приводит большой материал о росте цен на предметы питания, одежду и обувь Стоимость содержания взрослого рабочего возросла на 4—5 руб и достигла 17 руб в месяц, к которым следовало прибавить 4 руб в месяц на покупку одежды и обуви

Коновалов признал, что за прошедшие 9 месяцев войны, несмотря на рост дороговизны, «общий уровень заработной платы и расценок сдельных работ за время войны на донецких каменноугольных копях почти не изменился, несмотря на то что в других отраслях промышленности . заработная плата заметно поднялась» Несоответствие рас-

[38] ЦГИА СССР ф 40, оп 1, д 71А, ч 2 лл 169—185 Всеподданнейшие доклады, 1915 г

ценок новым условиям работы, по словам Коновалова, признала и администрация рудников Интересно, что главную роль в забастовках играли многосемейные, пожилые забойщики, работа которых имела решающее значение для добычи угля, но заработок которых был ниже заработка наземных рабочих Почти через год войны, после волны рабочих забастовок и нажима Министерства торговли и промышленности, боявшегося роста забастовочного движения, промышленники собирались провести первое увеличение расценок на 10% (эта проектируемая прибавка отставала по меньшей мере вдвое, по официальному признанию самого Коновалова, от роста цен; в действительности цены росли еще быстрее).

Все это способствовало отливу рабочих в другие отрасли хозяйства, где заработная плата была выше Между тем при отсутствии механизации рудников рост добычи угля требовал значительного увеличения количества рабочей силы, причем, принимая во внимание снижение производительности труда, это увеличение должно было значительно опережать рост добычи на рудниках. Когда количество рабочих на рудниках увеличивалось, росла и добыча, а когда число рабочих снижалось, добыча падала В ноябре 1914 г число рабочих увеличилось до 204 тыс , и выработка угля поднялась до 157 млн пуд , к марту 1915 г. количество рабочих сократилось до 155 тыс человек и добыча топлива снизилась до 111 млн пуд ; в октябре 1915 г количество рабочих вновь поднялось до 194 тыс , а выработка угля — до 148 млн пуд [39]

Разумеется, были и другие весьма веские причины, влиявшие на ход добычи угля· неудовлетворительная вывозка угля, недостаточное снабжение рудников металлом и лесом, плохая организация труда и низкая заработная плата и т д Но при всех прочих условиях количество рабочих являлось одним из решающих средств повышения добычи угля Поэтому Министерство торговли и промышленности настойчиво добивалось укомплектования рудников рабочей силой, положение с которой с каждым месяцем становилось все острее, путем предоставления рабочим отсрочек по призыву и привлечения на работу в шахтах военнопленных. С 1916 г военнообязанных рабочих и военнопленных стали прикреплять к шахтам Количество военнопленных увеличилось с 29 тыс человек в первом полугодии 1916 г до 60 тыс — во втором полугодии, однако труд их был весьма непроизводителен. Число прикрепленных все время росло В начале 1916 г. они составляли около 40% всех рабочих, а к концу года — уже примерно $^2/_3$ [40].

Принятые Министерством торговли и промышленности меры, видимо, не давали должного эффекта, так как в своем докладе царю от 26 марта 1916 г В Н Шаховской сообщал о предстоящем значительном сокращении добычи в связи с предполагаемым весенним от-

[39] ЦГИА СССР, ф 40, оп 1 д 71А, ч 2, л 109 Приложение к «Справке», представленной царю 23 ноября 1915 г

[40] 115 тыс военнообязанных и 60 тыс пленных из общего количества рабочих около 270 тыс человек.

ливом 30—40 тыс. рабочих, которых нельзя было полностью заменить военнопленными из-за недостатка последних Это обстоятельство, писал Шаховской, «угрожает чрезвычайно серьезными последствиями для каменноугольной промышленности Юга, имеющей в настоящее время исключительное государственное значение, как главнейшая и необходимая основа всей военной промышленности страны» [41]

Однако министр торговли и промышленности не выдвигал никаких конкретных мер для того, чтобы предотвратить утечку рабочей силы и поддержать добычу угля и даже ее увеличить Он ограничился лишь указанием на неизбежно предстоящее «уже в ближайшем будущем значительное сокращение размеров добычи каменноугольного топлива» А так как на весну и лето предполагалось увеличение вывозки, то это должно было повлечь за собой полное уничтожение запасов топлива уже к концу июня 1916 г , а каменного угля — еще раньше

Буржуазия и царские чиновники объясняли причины топливного кризиса тем, что железные дороги оказались бессильными вывезти уголь, скопившийся на шахтах Когда создавалось трудное положение с топливом, то правительство, как правило, рассматривало вопрос не об улучшении добычи угля, а об усилении перевозок 4 марта 1915 г ответственность за снабжение топливом военных предприятий была возложена на министра путей сообщения 17 марта 1915 г Совет министров обсуждал вопрос «О некоторых мерах по обеспечению топливом учреждений армии и флота и путей сообщения, а равно частных предприятий, работающих для целей государственной обороны» [42] В это время создалось уже катастрофическое положение — количество рабочих в Донбассе уменьшилось, угля для снабжения предприятий, кроме работавших на оборону, почти уже не осталось, но правительство опять-таки поставило на обсуждение вопрос не об увеличении добычи угля, а «об увеличении вывоза угля из Донецкого бассейна» Совет министров наметил ряд бюрократических мер, в том числе и создание особого комитета при министре путей сообщения Неудивительно, что в апреле 1915 г Совет министров дважды обсуждал вопрос о топливе [43], на этот раз по инициативе министра внутренних дел, который по полицейским соображениям добивался, чтобы министр путей сообщения обеспечил топливом крупнейшие города В ходе обсуждения выяснилось, что с добычей топлива дело обстоит так плохо, что надо думать не о расширении категорий потребителей, а о том, как справиться с обеспечением топливом основных «военных» потребителей, так как «возникают опасения относительно покрытий в будущем даже первоначально намеченных нужд» Для удовлетворения этих нужд предполагалось вывозить ежемесячно 120 млн пуд кокса и антрацита Чтобы их добыть, необходимо было иметь 200 тыс рабо-

[41] ЦГИА СССР, ф 40, оп 1, д 72 б, ч 1, л 78 об

[42] Там же, ф 1276 оп 20, д 86, ст 3725, лл 5—9 об Особый журнал Совета министров от 17 марта 1915 г

[43] Там же, д 87, ст 3823, лл 131—134 Особый журнал Совета министров от 14 и 17 апреля 1915 г

чих, но в марте 1915 г их было 160 тыс человек, а в апреле — всего 130 тыс вместе с «женщинами и малолетними» Предстояла еще мобилизация 10 тыс. рабочих, вслед за уходом которых надо было ожидать ухода примерно такого же количества Поэтому, как уже указывалось, было решено предоставить донецким рабочим отсрочку по призыву, а также намечено привлечение военнопленных и иранцев В марте 1916 г Совет министров снова обсуждал вопрос о затруднениях с доставкой топлива и снова обошел вопросы роста добычи и положения рабочих [44]

Резко ухудшилось снабжение шахт динамитом, железом, крепежным лесом Но наибольшие трудности шахты испытывали с горнозаводским оборудованием, которое до войны в основном закупалось за границей Переоборудование шахт не производилось, изношенное оборудование не заменялось новым, но В. Н Шаховской односторонне вместе с углепромышленниками подчеркивал лишь ухудшение качественного состава рабочих, видя в этом по сути дела единственную причину снижения производительности труда и уменьшения добычи угля «Однако надлежит отметить, — писал Шаховской, — что это увеличение (числа рабочих на 77 тыс человек — *А С.*) произошло главным образом за счет посылки в Донецкий бассейн военнопленных и за счет привлечения в каменноугольную промышленность женщин и подростков, а именно· число военнопленных увеличилось с января 1916 г по январь 1917 г с 23 до 74 тыс человек, или на 51 тыс , что составляет 66% вышеозначенного прироста общего числа рабочих; число женщин и подростков увеличилось с 15 тыс до 30 тыс , т е на 15 тыс , что составляет 20% общего прироста Между тем труд военнопленных, женщин и подростков мало производителен Поэтому быстрое возрастание числа рабочих в Донецком бассейне не сопровождалось столь же быстрым ростом добычи, на что и указывали углепромышленники как на тревожный признак» [45] Целиком согласиться с этой оценкой конечно нельзя Шаховской и буржуазия предпочитали умалчивать о том, как был организован труд рабочих, обеспечено их снабжение, как резко ухудшилось их продовольственное положение и т д

Одним из факторов чрезвычайно медленного роста добычи угля являлось неправильное использование рабочих Увеличение их количества не сопровождалось соответствующим ростом числа забойщиков и подземных рабочих По данным инспекций Донецкого бассейна, за первое полугодие 1916 г количество забойщиков уменьшилось с 62,7 тыс человек до 55,3 тыс , т е на 7, 4 тыс , или на 12%; количество подземных рабочих сократилось за то же время почти на 20 тыс человек — с 176,9 тыс человек до 157 тыс , а количество наземных рабочих не только не уменьшилось, но даже выросло на 6,2 тыс чело-

[44] ЦГИА СССР, ф 1276, оп 20, д 106, ст 5178, лл 75—76 Особый журнал Совета министров от 22 марта 1916 г

[45] Там же, ф 40, оп 1, д 73, лл 50 об — 51 Всеподданнейший доклад В Н Шаховского Николаю II от 20 февраля 1917 г.

век, причем эта тенденция сохранилась и в дальнейшие месяцы [46]. Такое распределение рабочих неизбежно должно было сказаться на сокращении угледобычи.

Только за несколько дней до Февральской революции В. Н Шаховской после поездки в Донбасс должен был признать действительные причины понижения производительности труда на донецких шахтах «Мои указания на необходимость немедленного увеличения добычи, — писал он в своем последнем докладе Николаю II, — столкнулись, однако, с крайне подавленным и пессимистическим состоянием духа созванных мной углепромышленников Из собеседования с углепромышленниками выяснилось, что указанное их подавленное настроение вызывается теми исключительными трудностями, с которыми в настоящее время приходится сталкиваться всей вообще промышленности как в обеспечении себя рабочим составом, так равно необходимыми для производства материалами и машинами, продовольствием и проч » Указав далее, что рабочей силой рудники обеспечены, хотя труд пленных, женщин и детей мало производителен, Шаховской на первое место поставил ухудшение технического оборудования рудников как решающую причину падения производительности труда «Производительность труда рабочих — писал он, — понижается от ряда причин, из которых на одно из первых мест следует поставить ухудшение оборудования рудников за невозможностью своевременного ремонта необходимых для добычи угля машин и приспособлений» [47].

На второе место Шаховской ставил резкое ухудшение продовольственного положения рабочих «Основные трудности,— писал он,— испытываются в деле снабжения рабочих продовольствием В рабочих поселках, где число рабочих с их семьями составляло несколько десятков тысяч человек, иногда числились продовольственные запасы всего на 2 — 3 дня При этом обнаруживается недостаток не только в муке, но и в жировых веществах, совершенно необходимых для поддержания сил рабочих, занятых тяжелым физическим трудом Недостаток предметов питания может повести к сокращению добычи угля и породить беспорядки, почему я вполне разделяю опасения углепромышленников и их указания на необходимость принятия спешных мер к усилению снабжения Донецкого бассейна продовольствием»

В своем докладе Шаховской приводит интересные данные об ухудшении снабжения шахт металлами. Военное ведомство забрало весь металл, отпуская его чрезвычайно скупо даже первоочередным потребителям, поскольку назначенные минимальные нормы выполнялись в мизерной степени. До войны каменноугольная промышленность Донбасса потребляла ежемесячно 350 тыс пуд. металла;

[46] «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 6 Статистика, стр 12, Г Д Бакулев в своем труде указывает, что в 1916 г общий прирост числа рабочих составил 41%, в то время как число подземных работ увеличилось всего на 15%, а забойщиков — только на 13,2% (*Г Д Бакулев* Указ соч, стр 189)

[47] ЦГИА СССР, ф 40 оп 1 д 73 лл 50—51

в 1916 г. углепромышленники соглашались обойтись 250 тыс пуд., но им не давали даже этой урезанной порции «На самом деле, — отмечал Шаховской,— фактически было получено донецкой промышленностью. в августе 1916 г — 11% указанной минимальной потребности, в сентябре — 15,4%, в октябре — 15,8%, в ноябре — 31,9%, в декабре — 28,4%, а в январе с. г — 12,2%». Систематическое недополучение металла лишало возможности проходить новые разработки, производить текущий ремонт и не только не позволяло увеличить добычу, но даже грозило сокращением ее

Шаховской предлагал снабжать угольную промышленность металлом за счет других отраслей, «хотя бы даже и производящих предметы, необходимые для обороны страны». Настаивая на снабжении Донбасса металлами в количестве 250 тыс пуд., Шаховской уже говорил не об увеличении добычи угля, а о поддержании ее на достигнутом уровне, так как «только при условии снабжения каменноугольной промышленности металлом она сможет в ближайшем времени не сокращать своей производительности и давать топливо путям сообщения и всей промышленности, работающей на оборону, в частности промышленности, производящей взрывчатые вещества»

К этому следует прибавить, что подвоз крепежного леса был также весьма недостаточен, не хватало кожи и огнеупорных материалов Еще в начале 1916 г на заседании Центрального военно-промышленного комитета отмечалась необходимость подвоза на шахты Донбасса 60 тыс вагонов крепежного леса [48].

Общий кризис так глубоко дезорганизовал всю хозяйственную жизнь угольной промышленности Донбасса, что у министра торговли и промышленности не оставалось никакой надежды на перемены к лучшему ни в отношении увеличения производства угля, ни в отношении снабжения углем промышленности в 1917 г «В результате моей поездки в Донецкий бассейн, — отмечал Шаховской в докладе царю от 20 февраля 1917 г.,— я пришел все же к тому печальному выводу, что не имеется оснований надеяться на значительное улучшение добычи каменного угля и вывоза его из Донецкого бассеина даже при условии, что будут приняты все те меры, в необходимости коих я убедился Снабжение металлом в указанных выше размерах, продовольствием, сохранение за каменноугольной промышленностью всего предоставленного ей числа военнопленных, — все это было бы гарантией поддержания добычи угля на нынешнем ее уровне, увеличение же добычи при сложившихся обстоятельствах оказывается возможным — даже при полном напряжении всех сил каменноугольной промышленности — лишь в ограниченных размерах Невозможность быстрого и значительного увеличения добычи угля и вывоза его из Донецкого бассейна с неизбежностью приводит к заключению о том, что не должно расширяться и потребление топлива в стране» [49].

[48] ЦГИА СССР, ф 32, оп 1, д 1983, л 94 Журнал 14-го заседания ЦВПК Доклад Л Г Рабиновича об обеспечении углем от 4 января 1916 г

[49] Там же ф 40, оп 1, д 73, л 54

В этих словах мы слышим признание полного бессилия правительства и буржуазии по разрешению топливной проблемы, организации добычи угля в главном и единственном сравнительно хорошо оборудованном угольном бассейне Между тем возможности добычи в Донбассе определялись Особым совещанием по топливу в 41 млн т в месяц, а добывалось лишь 28,7 млн т или 70% от технически возможного [50] Имелись вполне реальные условия для увеличения угледобычи, но углепромышленники проявили здесь полнейшую пассивность Характерно, что удельный вес крупных шахт (с производительностью свыше 10 млн пуд в год) в общей добыче снизился с 80,8% в 1912 г до 72% в 1916 г Некоторый прирост добычи угля в Донбассе был достигнут не на крупных, а на мелких и средних шахтах производительностью до 5 млн пуд в год Они дали угля в 1916 г на 155 млн пуд больше, чем в 1913 г Их удельный вес поднялся в 1916 г с 18,6 до 25,4% общей добычи Донецкого бассейна, а по данным Г Д Бакулева,— до 28% [51]

Между тем война продолжалась, и различные отрасли народного хозяйства, в первую очередь военная промышленность и транспорт, предъявляли на уголь все возрастающий спрос, что еще больше обостряло положение с добычей угля Уголь распределялся только среди первоочередных потребителей, работавших на оборону, да и тем он отпускался «в очередь» и в очень ограниченных размерах; потребности же в углепромышленности, работавшей на частный рынок, оставались неудовлетворенными

Больше всего возросло потребление угля железными дорогами Если учесть только потребление донецкого угля, то оно достигало по отношению ко всему вывозу из Донбасса в 1913 г — 320 млн пуд (27%), в 1914 г — 402 млн пуд (32%), в 1915 г — 481 млн пуд (40%), а в 1916 г — 585 млн пуд, или 44% [52] Потребление угля в 1916 г железными дорогами увеличилось по сравнению с 1914 г на 37% [53]

Доля металлургических заводов в потреблении донецкого угля оставалась неизменной, составляя около 21,5 — 22%; поэтому возрастание потребностей железных дорог приводило к сокращению потребления группы «прочих» потребителей, доля которых по отношению к донецкому углю снизилась с 45,8% в 1913 г до 31% в 1916 г Если проследить потребление железных дорог по месяцам 1916 г, то обнаруживается чрезвычайно сильный его рост в первом полугодии железные дороги получали от 40 млн до 48 млн пуд угля в месяц, а в декабре 1916 г — уже 62,8 млн пуд, что составляло около 60% всего ежемесячного вывоза донецкого угля Таким образом, железные дороги сами пожирали вывозимый уголь, и создавалась реальная угроза, что чрезмерное поглощение угля транспортом оставит всю промышленность без топлива

[50] *П Шелягин* Указ соч, стр 29
[51] *Г Д Бакулев* Указ соч, стр 188
[52] *Н фон Дитмар* К чему ведет топливная политика железных дорог? — «Горнозаводское дело», 1917, № 10, стр 15455
[53] Эта цифра согласуется с данными Г Д Бакулева (Указ соч, стр 181)

Значительно возросло также потребление угля Петроградским промышленным районом за 1914 — 1916 гг оно увеличилось с 163 млн до 222 млн пуд в год, т е на 36,2% [54] Московский район, включая Москву и Иваново, наоборот, резко сократил потребление угля (на 50%), зато там удвоилось потребление нефти — самого калорийного из всех других видов топлива [55]

Снабжение промышленности топливом за время войны складывалось крайне неблагоприятно В то время как железные дороги увеличили потребление всех видов топлива на 37,5%, вся промышленность сократила потребление на 28% Потребление же промышленностью каменного угля в 1916 г сократилось по сравнению с 1913 г на 50% [56] Все это создавало в ее работе исключительные трудности

В 1916 г. Донбасс несколько приспособился к военным условиям, достигнув некоторого увеличения угледобычи по сравнению с довоенным временем за счет усиленного использования дешевого труда пленных, женщин и подростков Но, несмотря на это увеличение, положение по сравнению с 1915 г не улучшилось, так как недобор угля в 1916 г по сравнению с предположительными расчетами 40-го съезда горнопромышленников Юга России оказался в 400 млн пуд Заседавший в Харькове 24 ноября — 4 декабря 1916 г 41-й съезд горнопромышленников Юга России установил на 1917 г размеры угледобычи в 2082 млн пуд с возможным вывозом всех видов донецкого угля в 1737 млн пуд Однако железные дороги были не в состоянии перевезти такое количество угля Как выяснилось на совещании горнопромышленников под председательством товарища министра путей сообщения Э. Б Войновского-Кригер, «максимальная возможность месячного вывоза донецкого топлива определялась в 130 млн пуд , т е в год 1560 млн пуд Получается, таким образом, что даже максимально возможный вывоз 1917 г не соответствует тому, что бассейн предполагает отправить, считаясь с тем, что средний вывоз за 10 месяцев текущего года (1916 г — *А С*) составил всего 115 млн пуд , можно думать, что и в 1917 г средний вывоз в 130 млн пуд. фактически выполнен не будет, и, таким образом, положение с вывозом как бы создает безнадежность положения и подавляет все стимулы к развитию добычи» [57]

Одновременно со съездом горнопромышленников Юга России в

[54] *И Росселевич* К характеристике промышленности Петроградского района — «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 7, стр 3

[55] ЦГВИА, ф 369, оп 3, д 177, лл 11—14 об Было проведено исследование потребления топлива 1248 предприятиями района, которое показало резкое сокращение потребления донецкого угля и рост потребления нефти По Иваново-Вознесенскому району потребление нефти выросло в 3 раза, а потребление угля сократилось в 2,5 раза — с 61,8% всего топлива в 1914 г до 24% в 1916 г

[56] *П Шох* Проблемы топливоснабжения по опыту мировой войны — «Война и топливо 1914—1917 гг », стр 16

[57] Доклад комиссии 41-го съезда горнопромышленников Юга России «О современном положении каменноугольной промышленности Донецкого бассейна, о снабжении потребителей топливом, о распределении его между потребителями и о его перевозках по железным дорогам» Харьков, 1916, стр 7

Харькове проходил 3-й съезд уполномоченных Особого совещания по минеральному топливу. Заслуживает внимания общая резолюция, принятая этим съездом по поводу плана производства и распределения топлива на 1917 г. Съезд исходил из существовавших потребностей в топливе и наметил ряд необходимых мер, чтобы в первую очередь удовлетворить нужды оборонной промышленности Прежде всего, съезд считал необходимым увеличить вывоз нефтяного топлива из мест его добычи до 460 млн пуд Такое количество могло быть перевезено лишь при исключительном напряжении всех сил водного и железнодорожного транспорта Как впоследствии выяснилось, это предположение оказалось совершенно нереальным Съезд уполномоченных высказался также за доведение ежемесячного вывоза из Донецкого бассейна до 125 млн. пуд угля повышенного качества Съезд потребовал жесткой экономии в расходовании каменного угля и решил усилить заготовку местных видов топлива и в особенности дров

В 1917 г в топливном балансе страны донецкий уголь составлял 50,7% всего технического потребления топлива Европейской России Почти 20% приходилось на нефтяное топливо, 23,4% — на дрова и 2% с небольшим — на торф и местные угли. Следовательно, особое внимание надо было уделить Донецкому бассейну Действительность опрокинула все расчеты и планы как буржуазии, так и царских чиновников Добыча угля в некоторые месяцы 1917 г. была значительно ниже намеченного плана вывозки. Дефицит по топливу дальнего привоза достигал 28%. Все категории потребителей снизили потребление топлива до таких размеров, о которых раньше не могли и подумать Московский район смог получить вместо 60 млн пуд только 21 млн. пуд., текстильная промышленность вместо 36 млн. пуд. получила лишь 9 млн пуд Многие промышленные предприятия, не сумевшие заготовить дрова, остались без топлива и были остановлены [58].

Катастрофическое положение со снабжением углем было не столько следствием транспортных затруднений, сколько итогом дезорганизации всего производственного процесса и дальнейшего падения производительности труда Действительность далеко превзошла опасения министра торговли и промышленности Шаховского, высказанные им царю накануне Февральской революции. Дальнейшая дезорганизация углеснабжения целиком уже была делом рук пришедшей к власти буржуазии

[58] Нам представляется необоснованным заключение Г Д Бакулева о том, что «в первую мировую войну Россия лучше других стран (речь идет об Англии и Германии — *А С*) справилась с трудностями военного времени в области добычи каменного угля» (Указ соч, стр 193) Такой вывод автор делает только на основании сопоставления процентов выработки за военные 1914—1916 гг с довоенными При этом в России получается рост добычи, а в других странах — снижение Г Д Бакулев, однако, не учитывает того, в какой мере угольная промышленность удовлетворяла потребности промышленности и какова была динамика выработки и производительности труда на одного рабочего

Добыча нефти

Добыча нефти во время войны несколько увеличилась Незначительное снижение добычи в 1914 г. объясняется длительнои забастовкой, имевшей место накануне войны. В 1915 г. произошло увеличение добычи нефти даже по сравнению с 1913 г., а 1916 г. дал максимум добычи за все время с 1904 г Динамика добычи нефти видна из следующих показателей [59].

Год	Млн пуд	%
1913	561,3	100
1914	550,3	98
1915	568,8	101
1916	602,1	107

Из приведенных данных мы видим, что за первые два года войны добыча нефти в среднем шла на довоенном уровне. 1916 год дает увеличение на 7% по сравнению с довоенным годом. Этот прирост произошел благодаря увеличению добычи в Баку на 26,7 млн пуд. и в Грозном — на 8,8 млн пуд. по сравнению с 1915 г. Другие районы дали незначительное уменьшение [60].

По отдельным районам рост добычи нефти с 1 ноября 1914 г. по 1 ноября 1916 г. происходил следующим образом (в млн. пуд.) [61].

Год	Баку	Грозный	Эмба	Остров Чечень	Майкоп	Ферганская область	Всего
1914/15	450,8	90,5	17,9	3,9	7,6	2,0	372,7
1915/16	476,0	99,1	15,0	3,1	2,9	1,7	597,8

Поскольку бурение в 1916 г упало и в Баку, и в Грозном, рост добычи объясняется главным образом увеличением фонтанной нефти. В. П. Тимошенко в статье «Обеспеченность жидким топливом страны на зимний период в связи с результатами навигации 1916 г» [62] возражает против объяснения роста добычи нефти увеличением фонтанной нефти, однако и он признает, что фонтаны дали в Баку на 16,7 млн. пуд. больше, чем за предыдущий год (26,7 млн. вместо

[59] «Нефтяная промышленность в 1916 г» — «Горнозаводское дело», 1917, № 38—39, стр 16380 Данные совпадают с цифрами «Народного хозяйства в 1916 г», вып III, стр 94, но расходятся со сводными статистическими данными, опубликованными в вып VII «Народного хозяйства в 1916 г» (табл 17, стр 78), где приведены уменьшенные данные о выработке нефти

[60] Рост добычи в 1916 г П Шох полностью относит за счет увеличения добычи в Сураханах на 36,2 млн пуд и в Ново-Грозненском районе на 22,6 млн пуд при сокращении добычи в Старо-Грозненском районе на 8 млн пуд (*П Шох* Нефтяная промышленность — «Народное хозяйство в 1916 г», вып III, стр 94)

[61] «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 6 Статистика, стр 34

[62] «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 2, стр 110—116

10 млн пуд) Такое же явление имело место и в Грозном Таким образом, рост добычи нефти был результатом счастливой случайности, а не организационных усилий нефтяников

Кроме Баку, большое промышленное значение приобретал Грозный, увеличивший в 1916 г добычу нефти сравнительно с довоенным годом с 73,7 млн. до 102,7 млн. пуд Резко упало значение четырех старобакинских площадей Еще перед войной (в 1912 г) они давали почти $^3/_4$ всей нефтедобычи (73%), а в 1916 г — всего лишь 54%

Прекращение экспорта увеличило предложение нефтяных товаров на внутреннем рынке. Общеимперская выработка осветительных масел колебалась за последние годы перед войной в размерах от 84 млн. до 88,7 млн пуд , из них 24—25 млн пуд экспортировалось за границу В 1914 г экспорт уже сократился до 14 млн пуд , и таким образом не менее 10 млн пуд осталось на внутреннем рынке, а в последующие годы вся выработка керосина оставалась внутри страны Уменьшение территории и населения (на15 млн человек) также способствовало сокращению потребления керосина Хотя производство его сократилось до 60 млн. пуд , но недостатка в нем не испытывалось, и в течение двух лет войны правительство не вмешивалось «в эту область нефтяного рынка» [63] Со времени организации Особого совещания по топливу нефтяная секция Совещания заботилась лишь о том, чтобы разгрузить район «нефтеперегонных заводов от угрожающего скопления нефтяных остатков, т е бензина и керосина» [64].

Спрос на нефтяное топливо во время войны сильно увеличился, поскольку нефть стала заменять уголь Значительно расширился спрос на бензин для автомобильного парка и авиации.

Несмотря на исключительно удачную вывозку нефти из Астрахани по Волге в 1916 г (около 303 млн вместо 287 млн пуд в 1915 г), оставшиеся запасы нефтяного топлива в Баку были на 17—18 млн пуд выше запасов довоенных годов и на 7 млн пуд больше запасов двух предшествующих военных лет [65] Следовательно, 1916 г и по производству и по вывозке нефти прошел наиболее благополучно. Большое количество нефтяного топлива, прекращение экспорта светлых нефтяных продуктов и увеличение «мазутности» нефтеперегонного производства создавали более благоприятные условия для топливного баланса Нефтяное топливо завоевывало новые географические районы и стало играть большую роль на железных дорогах, в промышленности, в морском и речном флоте Можно сказать, что нефть спасала промышленную жизнь страны. В зиму 1916/17 г. предприятия могли потреблять нефтяного топлива не меньше, чем это было намечено планом; главнейшие потребители нефти в 1916/17 г. были железные дороги и флот (с 1 мая 1916 г по 1 мая 1917 г (им было назначено 245 млн пуд), Петроградский район (34 млн пуд) Московский район (65 млн. пуд), Воронежский, Ростовский и Са-

[63] *А А Гарарьсин* К вопросу о «керосиновом голоде» — «Известия Особого совещания по топливу», 1916, № 1, стр 49
[64] Там же, стр 50
[65] *В Тимошенко* Указ соч, стр 111

марскии районы (по 12 млн пуд) На 1917 г нефтяное топливо заии мало в топливном балансе страны около 1/4 (23,7 %) [66]

Более подробные сведения о распределении жидкого топлива между различными группами потребителей дает табл 31

Таблица 31

Распределение нефти между потребителями, млн пуд *

Группа потребителей	Место получения	1914/15 г (с ноября по ноябрь)	1916/17 г (с мая по май)
Железные дороги	С Волги	115	100
	Помимо Волги	45	51
	Всего	160	151
Промышленные предприятия	С Волги	131,5	138
	Помимо Волги	14,5	12
	Всего	146,0	150
Речной флот	С Волги	45,0	53
Морскои торговый флот	С Волги	14,0	23
Военный флот	С Волги	4,5	9,0
	Помимо Волги	—	11,0
	Всего	4,5	20,0
Итого	С Волги	296,0	300,0
	Помимо Волги	73,5	97,0
	Всего	369,5	397,0

* *Г Мерцалов* Нефтяная промышленность за время войны — «Известия Центральнои военно-промышленного комитета», № 173, от 26 ноября 1916 г

Однако автор статьи, откуда заимствованы данные табл 31, выражал сомнение в возможности получения нефти потребителями по разнарядке, так как «современные условия как водного транспорта, так и железнодорожного не дают оснований рассчитывать на то, что потребительские рынки получат полностью количество нефтяного топлива, какое им может быть предложено» [67] Все же удачный завоз его и распределение по пристаням не давали основания для такого пессимистического прогноза помимо полного обеспечения железных дорог и флота, жидкого топлива было достаточно для планового удовлетворения Московского и Петроградского промышленных районов.

Несмотря на напряженное положение с топливом, фирмы Нобеля

[66] *В Тимошенко* Указ соч, стр 113, «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 6, стр 1

[67] *Г Мерцалов* Указ соч

и Тер-Акопова возбудили ходатайство о вывозе в Швецию, Норвегию и Данию смазочных масел, и Центральный военно-промышленный комитет поддержал эту просьбу [68]

Рассматривая положение с нефтью в годы войны, следует подчеркнуть, что одновременно с удовлетворительным ходом добычи происходило свертывание подготовительных работ и бурения Мы подсчитали ход бурения на четырех старых бакинских площадях в Майкопском и Грозненском районах Если принять размеры бурения 1913 г за 100%, то они снизились в 1914 г до 92%, в 1915 г — до 74% и в 1916 г — до 63% Площадь бурения в Баку сократилась с 52 тыс саженей в 1914 г до 43 тыс саженей в 1916 г

Уменьшилось и число скважин, введенных в эксплуатацию и начатых бурением на четырех старых бакинских площадях

Стадии работ	1913 г	1914 г	1915 г	1916 г
Бурилось скважин	602	563	482	433
Начато бурением	319	218	176	149
Закончено новых скважин	225	235	179	166

Цифры таблицы наглядно показывают тенденцию свертывания работ в угрожающих размерах Промышленники объяснили это отсутствием материалов, их дороговизной и невыгодностью установленных твердых цен на нефтяное топливо Такое же явление наблюдалось и в других нефтяных районах [69] Больше всего сократили бурение средние фирмы (на 75%) и относительно меньше (на 45%) — крупные

25 января 1917 г Совет съездов представителей промышленности и торговли обратился со специальным письмом к уполномоченному по снабжению металлами, в котором требовал улучшить снабжение нефтяных предприятий металлом для предотвращения дальнейшего сокращения добычи нефти [70] Недостаток металла, по мнению промышленников, являлся «одной из главных причин наблюдавшегося

[68] Вопрос о вывозе смазочных масел в Скандинавию возник еще в 1915 г Имелись веские основания опасаться утечки их, в случае вывоза, в Германию Но царскому правительству приходилось считаться с тем, что правительство Великобритании предложило провести поставку масел в Скандинавию из Америки с участием России Совет министров дважды обсуждал этот вопрос 15 декабря 1915 г и 5 января 1916 г (ЦГИА СССР, ф 1276, оп 10, д 284, лл 44—45) и в принципе принял предложение Англии, но решил ограничиться «наименьшим», по возможности, количеством, не превышающим той части действительной потребности Швеции, Норвегии и Дании в минеральных маслах, которая останется не покрытою Америкою» Количество смазочных машинных масел для экспорта в 1916 г было определено в 2,2 млн пуд Была сделана только одна оговорка чтобы не допускались к экспорту масла, «идущие на потребности подводных лодок» Экспорт был разрешен со второй трети 1916 г

[69] «VI Всероссийский съезд районных представителей по топливу, состоявшийся 19—22 июля 1917 г в гор Петрограде» — «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 5, стр 159

[70] ЦГИА СССР, ф 32, 1917 г , д 309, лл 67—68

уменьшения буровой деятельности», что должно было привести к значительному падению добычи нефти По заявлению промышленников, Бакинский район получил за первое полугодие 1916 г. металла «значительно менее половины потребного количества», а Грозненскии район за весь год — «меньше $^1/_3$ потребности» Такое положение, писали они, «угрожает возможностью полнейшей дезорганизации промыслового хозяйства в Баку»[71]. Факт неудовлетворительно го снабжения металлами был, конечно, бесспорен, но сомнительно, что столь значительное сокращение бурения следует объяснять только этим обстоятельством, так как запасы труб на промыслах все же имелись Видимо, сокращение бурения, помимо общих причин военного времени, являлось результатом саботажа нефтепромышленников и их давления на правительство с целью добиться повышения цен на нефть и нефтепродукты

Из-за сокращения бурения и нефтяная промышленность вступила в полосу кризиса, отрицательные последствия которого могли полностью проявиться лишь спустя некоторое время

Какие же меры к увеличению производства нефти и к ее правильному распределению были приняты Особым совещанием по топливу? Что касается собственно производства, то правительство не вмешивалось в него Производство находилось в руках промышленников и главным образом в руках трех монополий. Дальше установления предельных цен и регулирования перевозок Особое совещание не пошло В составе Особого совещания по топливу были организованы нефтяная секция, начавшая работу с 10 сентября 1915 г, и аппарат главноуполномоченного по снабжению нефтью и нефтяными остатками потребителей империи Второй орган был создан позднее; его функции сводились к распределению топлива между отдельными категориями потребителеи и составлению ежемесячных нарядов на перевозку жидкого топлива по железным дорогам

Функции нефтяной секции сводились прежде всего к вопросам организации производства, установления цен, выработки условий поставки нефтяного топлива, закупок его казной, реквизиций, а также всякого рода ссуд нефтепромышленным предприятиям Для обеспечения увеличения производства секция должна была заботиться о снабжении промыслов металлами и другими материалами Она занималась также вопросами снабжения бакинских нефтяных промыслов электроэнергией, изготовлением нефтеналивных барж, освобождением рабочих от призыва на военную службу и расширением площади нефтедобычи Только одно последнее мероприятие — вступление в эксплуатацию новых нефтеносных площадей — должно было, по расчету секции, увеличить производство промыслов на 80 млн пуд. нефти в год[72]

Ввиду недостатка топлива 4 мая 1916 г были утверждены правила распределения нефти и нефтепродуктов между потребителями

[71] ЦГИА СССР ф 32, 1917 г, д 309, 1 67 об

[72] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т 1, стр 54—61

Еще до этого Особое совещание приступило к регулированию цен на нефть, «чтобы оградить этим интересы потребителей жидкого минерального топлива и положить предел спекулятивному возрастанию цен, не оправдываемому действительным положением рынка»[73] 31 декабря 1915 г министр торговли и промышленности утвердил предельные цены в 45 коп за пуд нефти и 47 коп за пуд нефтяных остатков на месте производства; 27 января 1916 г «предельные цены» были введены и на месте потребления и распределения, включая пристани рек Впоследствии, в марте 1916 г, были введены цены для промежуточных пристаней и для перегонных заводов, в апреле — твердые цены для Дальнего Востока и в мае — для Ферганы 27—28 апреля были установлены реквизиционные цены[74], которые могли быть на 15% ниже «предельных» Следовательно, более или менее полная регламентация цен была проведена лишь к маю 1916 г По признанию Особого совещания по топливу, принятые меры не являлись полными и не устранили основной причины повышения цен на нефть и нефтепродукты, а именно то, что основными производителями их были крупнейшие монополии «Изложенные меры регулирования нефтепромышленности,— говорилось в обзоре деятельности Особого совещания по топливу,— сводящиеся к таксировке и надзору, противореча свободе оборота, естественно, могли быть применяемы лишь в исключительных условиях момента; при этом, временно устраняя наиболее резкие формы несоответствия между интересами производителей и потребителей нефтяного топлива, меры эти не устраняли основной причины указанного противоречия, именно частно-хозяйственной монополии нефтяной промышленности и связанной с этим возможности соглашения нефтепромышленников о повышении продажных цен, от которого должны были страдать как потребители, так и государство Ввиду этого, естественно, возникла мысль о воздействии государства на самое производство нефтяных продуктов, тем более желательном, что казна есть в то же время самый значительный потребитель нефтяных продуктов»[75]

Хотя твердые цены и были введены, но на практике «предельные цены систематически обходились»[76] Сделки на жидкое топливо происходили по вольным ценам или ценам «с премиями» Промышленники саботировали «предельные цены» и не хотели заключать сделки на срок

«Нефтяное дело» — орган нефтепромышленников — писало, что твердые цены приведут к сокращению производства По мнению монополистов, вопрос с ценами можно было решить двояко: либо правительство и потребители должны переплатить на ценах несколько миллионов рублей, но получить большее количество нефти, либо пойти на то, чтобы «ограничить прибыль («обуздать аппетиты»), но при этом уменьшить предложение нефти»[77] Орган нефтяников, есте-

[73] Там же, стр 56
[74] Там же, стр 57
Там же, стр 60
[76] *П Тох* Указ соч стр 103
[77] *В Фролов* О фиксации цен на нефть — «Нефтяное дело», 1916, № 3, стб 5

ственно, рекомендовал первый выход Так как твердые цены все же были введены, то у нефтепромышленников явился формальный предлог для оправдания сокращения подготовительных работ

Бурение сокращалось и до фиксации цен, так что ссылка на невыгодность последних как на главную причину сокращения работ была ложной Сами нефтяные тузы признавали, что установленная цена в 45 коп за пуд в общем была выгодна Цены 1914 г были значительно ниже фиксированной твердой цены Только с февраля 1915 г рыночные цены на нефтепродукты стали быстро подниматься 13 февраля 1915 г в московских газетах была напечатана телеграмма председателя Харьковского порайонного комитета, в которой ввиду невозможности удовлетворить всех потребителей донецким углем рекомендовалось переходить на другие виды топлива В ответ на это потребители немедленно усилили заготовку нефти, причем сделки производились не только на наличный товар, но и вперед, на 1915 и 1916 гг , и после этого цены быстро пошли вверх

Северные железные дороги в январе 1915 г отказались покупать нефть по 50³/₄ коп за пуд, считая эту цену слишком высокой, а в феврале они заключили сделку на 4,25 млн пуд остатков по 63 коп за пуд, переплатив против январских цен по 12¼ коп за пуд[78] Потребители боялись остаться совсем без топлива, поэтому покупали, исходя не из настоящих цен, а из будущих, какие могли сложиться в обстановке топливного голода Все переплаты на топливо они затем перелагали на казну, так как подавляющее большинство их работало на оборону, выполняя военные заказы по таким ценам, которые приносили огромные прибыли

Осенью 1915 г снова началась вакханалия цен на нефтяные продукты; в течение 30 дней они поднялись на 28,5%[79] Дело дошло до того, что керосин продавался дешевле, чем сырая нефть или отбросы нефтяного производства Установленная цена в 45 коп за пуд была, несомненно, очень высокой, но она все же ставила известный предел разгоревшимся аппетитам нефтяных королей На деле твердая цена для потребителя поднималась до 71 коп за пуд, так как была сделана надбавка в 1 коп с пуда за перекачку нефти, 15 коп за склад продавца и 10 коп за «моторные» качества, которые не обозначали особого свойства нефти, так как любая натуральная нефть горит в моторе[80]

Вскоре для самого Особого совещания по топливу стало ясно, что предельные цены ничего не решают, что нужно более решительно вмешаться в торговлю жидким топливом, установив плановые перевозки и плановое распределение топлива 4 мая 1916 г были утвержде-

[78] *В Фролов* Четвертая четверть 1914 года в нефтяной промышленности — «Нефтяное дело», 1915, № 1, стб 7

[79] *В Фролов* Четвертая четверть 1915 года в нефтяной промышленности — «Нефтяное дело», 1916, № 1, стб 3, «Народное хозяйство в 1915 г» дает более скромные цифры роста цен за 3 месяца, с октября по декабрь 1915 г, цены поднялись «более чем на 25%» (стр 285)

[80] *С А Вышетравский* Нефтяное хозяйство России за последнее десятилетие М , 1920, стр 75

ны «Правила для распределения между потребителями нефти и нефтяных остатков» По этим правилам потребители могли получить жидкое топливо только по спискам и в определенной очереди Для этого они были разбиты на пять групп К первой относились флот и наиболее важные заводы, выполнявшие военные заказы; ко второй — заводы, выполнявшие военные заказы, кроме интендантских, отнесенных к третьей группе. Практическое выполнение этих правил было возложено на главноуполномоченного по снабжению нефтью и нефтяными остатками. Была утверждена также годовая разнарядка нефти по районам и важнейшим категориям потребителей Каспийский флот был подчинен председателю Особого совещания по топливу, а для организации плановых перевозок был создан Нефтяной комитет

Казалось, принятые меры должны были установить хотя бы элементарную планомерность в использовании жидкого топлива Однако этого не произошло. В установленный порядок распределения нефти на местах вмешались губернаторы и кавказский наместник Шаховскому пришлось обратиться к Николаю II со специальным докладом, с тем чтобы остановить это вмешательство [81] Установление новых правил не привело к стабилизации цен на жидкое топливо: и новые повышенные цены уже не устраивали нефтяных магнатов, хотя они сами признавали их выгодными [82].

29 декабря 1916 г особая депутация нефтепромышленников поставила перед министром торговли и промышленности вопрос о необходимости дальнейшего повышения цен «Князь В Н Шаховской заявил, что вопрос о повышении предельных цен на нефть с его стороны не встречает никаких препятствии и, вероятно, будет решен в благоприятном смысле» [83]

[81] ЦГИА СССР, ф 40, оп 1, д 72 А, ч 2, лл 117—120

[82] В декабре 1916 г в отделе по топливу Центрального военно-промышленного комитета А О Гукасов сделал доклад о положении бакинской нефтяной промышленности В прениях по этому докладу другой Гукасов говорил о «предельных ценах» следующее «Конечно, было бы абсурдом утверждать, что нынешние цены являются невыгодными для всех — такого положения и нет Когда мы говорим о невыгодных ценах, мы говорим о средних величинах, но в данном случае я скажу больше мы говорим о себестоимости при наименее выгодных условиях» («Положение бакинской нефтяной промышленности (Прения по докладу А О Гукасова)» — «Нефтяное дело», 1917, № 2 стб 8 Разрядка моя — *А С*) В действительности наименее выгодные условия складывались для более мелких фирм, вот почему всякое повышение цен являлось добавочной сверхприбылью для крупных монополистов

[83] «О повышении предельных цен на нефть» — «Нефтяное дело», 1917, № 1, стб 33 (Разрядка моя — *А С*) В журнале заседания бюро нефтяной секции Совета съездов промышленности и торговли от 2 января 1917 г говорится «Краткий, но любезный прием встретили представители секции у министра торговли и промышленности» Министр заявил, что «в первых числах января вопрос (о повышении цен — *А С*) получит окончательное разрешение в Особом совещании по топливу» (ЦГИА СССР, ф 32, оп 1, д 318, лл 1—2) Еще раньше нефтепромышленники склонили на свою сторону директора Горного департамента Н И Разумова, который не считал необходимым выяснение даже средней себестоимости нефти, а являлся сторонни-

4 января 1917 г вопрос о цене на нефть обсуждался в Особом совещании по топливу, где большинством голосов было принято решение повысить цену на 10 коп. за пуд Нефтяные воротилы, входившие в бюро нефтяной секции, решили принять все меры, чтобы Особое совещание пересмотрело это решение, и в срочном порядке «сообщить министру свое по поводу указанного постановления Особого совещания мнение», сводившееся к тому, что цены надо повысить на 15 коп за пуд [84]. 20 января 1917 г. вопрос о цене на нефть рассматривал Совет министров [85], где также не было единодушия меньшинство Совета стояло за повышение цены на 10 коп, а большинство, в том числе и министр торговли и промышленности Шаховской, — за 15-копеечную надбавку. Меньшинство приводило примеры большой доходности нефтяных предприятий, указывало, что крупным потребителем нефти является казна и большое повышение цены повлечет большие переплаты Наконец, указывалось, что повышение цен на нефть неминуемо повлечет повышение цен на уголь и металл. Несмотря на эти доводы, большинство членов Совета министров и особенно министр торговли и промышленности продолжали настаивать на 15-копеечной прибавке.

Впрочем, с предельными ценами никто серьезно не считался Они являлись довольно призрачным средством регулирования, так как распределение жидкого топлива оставалось на деле в руках нефтепромышленников.

Нефтяные продукты продавались с «премией» к твердым ценам, доходившей временами до 75% предельных цен В 1917 г «ордера нефтепроводных станций, расценивавшиеся в начале месяца с 24,5-копеечной надбавкой, к 15 февраля обращались с премией уже в 31 копейку. Затем расценка нефти несколько понизилась, а после 20 числа вновь начала подниматься; в самых последних числах месяца благодаря установленным на бирже новым предельным ценам премия быстро понизилась на сумму повышения цены и достигла всего лишь 14 коп за пуд» [86].

Так обстояло дело с твердыми ценами. На самом деле они были далеко не тверды, но очень выгодны для нефтепромышленников

Упомянутый выше А О Гукасов признавал в своем докладе значительную дезорганизацию нефтяной промышленности к концу 1916 г. Основная причина этого крылась, по его мнению, в общем расстройстве промышленности Рост заработной платы рабочих и мелких служащих в Баку, по признанию самого автора доклада, на

ком такой «предельной цены», которая была бы «выше рыночной» Во время приема у министра, где промышленники требовали установления «предельной цены» в 70 коп за пуд, Разумов «отнесся вполне сочувственно к увеличению означенных цен, высказался за установление цены нефти в 60 копеек» и даже согласен был на 65 коп (там же, л 1)

[84] ЦГИА СССР, ф 32, оп 1, д 318, лл 3—5

[85] Там же, ф 1276, оп 20, д 126, ст 6623, лл 43—45 об Особый журнал Совета министров от 20 января 1917 г

[86] *Б Львов* Обзор нефтяной промышленности в России за февраль и первые два месяца 1917 г – «Горнозаводское дело», 1917, № 17, стр 15687

70% отставал от роста дороговизны, и, следовательно, требования рабочих о повышении заработной платы были вполне справедливы Необходимый для промыслов материал исчез с рынка Вместо назначенных 10 млн пуд. металла на 1916 г нефтяная промышленность получила лишь от 5 до 6 млн. пуд, т. е. 50% нормы; вместо запланированных 5500 вагонов под листовое железо было получено 2500. Примерно на 50% сократились на нефтяных промыслах подготовительные работы

Как и монополисты Донбасса, нефтепромышленники говорили не об увеличении производства нефти, а о его возможном дальнейшем сокращении. «Развить темп работ при таких условиях,— говорил Гукасов,— или сохранить тот, который сейчас существует, не представляется возможным . Нефтяная промышленность поставлена сейчас в такие условия, где кроме краха, ей ничего другого не остается» [87]. Гукасов уже рисовал картину предстоящего краха нефтяной промышленности «от истощения». Нефтепромышленники не хотели идти на уменьшение своих прибылей и продолжать бурение, оправдываясь нехваткой металла А между тем сам А. О. Гукасов признавал, что эта нехватка «выражается не в таком количестве, чтобы при желании нельзя было удовлетворить нефтяную промышленность, но дело, по его словам, хотя и замаскированно, но достаточно ясно заключалось в «нежелании» правительства «помочь» нефтяникам, т. е. помочь таким образом, чтобы прибыли нефтяных монополий не пострадали.

Возвращаясь к вопросу о регулировании распределения жидкого топлива, проводившегося главноуполномоченным по снабжению нефтью, следует указать, что оно было абсолютно необходимо в интересах военной промышленности, так как, пользуясь твердыми ценами и испытывая недостаток донецкого топлива, потребитель охотно покупал нефть, вследствие чего стал чувствоваться недостаток в ней и в мазуте на рынке Борьбу с этим явлением вел специальный временный комитет при Особом совещании, выступавший посредником между «важнейшими потребителями и нефтяными фирмами». 4 мая 1916 г. были выработаны правила, вводившие разрешительную систему перевозок жидкого топлива как с места добычи, так и с волжских пристаней, куда нефть завозилась во время навигации. Наблюдение за выполнением этих правил было поручено упомянутому главноуполномоченному по обеспечению потребителей нефтью.

Одновременно при управлении железных дорог был создан Нефтяной комитет, ведавший выполнением плановых перевозок по заданию главноуполномоченного. Особое совещание по топливу приняло также ряд мер к перевозке в большем количестве нефтяных грузов по водным путям, что способствовало разгрузке железных дорог [88].

[87] «Положение бакинской нефтяной промышленности» (доклад А О Гукасова в заседании нефтяной секции Отдела по топливу ЦВПК 21 ноября 1916 г) — «Известия ЦВПК», № 181, 15 декабря 1916 г

[88] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т 1, стр 93—103

Кроме месячных планов завоза жидкого топлива в июне 1916 г впервые был выработан план его годового распределения, утвержденный Особым совещанием С сентября 1916 г перевозки нефтепродуктов совершались только по нарядам Составлялся также план водных перевозок, был разрешен вопрос о прикреплении цистерн к железным дорогам, вводилась нефтяная инспекция на местах добычи и т д Регулирование распределения жидкого топлива потребовало создания особого аппарата не только в центре, но и на местах, который и следил за выполнением планов Особого совещания по топливу

Борьба за казенные нефтеносные земли продолжалась и во время войны Группа капиталистов разработала проект Паевого товарищества с участием казны в размере 33%. Первоначально имелось в виду передать товариществу 250—300 десятин нефтеносных земель, которые «П О Гукасов называл заповедными для поддержания Бакинского района» [89]. В последующей редакции проекта Паевого товарищества, выработаннои Советом съездов представителей промышленности и торговли, уже предусматривалось получение земель в Сураханах, т е земель, наиболее нетронутых и «наиболее обещающих» По существу, проект имел в виду закрепить за старыми бакинскими фирмами разработку новых, самых нефтеносных земель Именно поэтому он вызывал возражения со стороны той части буржуазии, которая не принадлежала к группе монополистов «Во имя чего государство должно согласиться на подобную привилегию на разработку вновь открытой богатой нефтью площади?» — спрашивал в специальной статье некии Ильинский, выражавший интересы широких кругов буржуазии [90] Опираясь на принцип «горной свободы», многие представители буржуазии, являвшиеся крупными потребителями нефти,— волжские судовладельцы, владельцы железных дорог, заводчики и фабриканты — стремились создать широкое товарищество, чтобы, войдя в него, получать дешевую нефть Выражая их интересы, Ильинский прямо говорил, что передача земли Паевому товариществу является попыткой «культивировать особыи тип монополистов-нефтедобывателеи» [91]

Первые проекты Паевого товарищества не встретили особой поддержки, и нефтяная секция Особого совещания по топливу высказалась за организацию казенной нефтедобычи на участке в 105 десятин Следовательно, новый проект Паевого товарищества предусматривал его существование параллельно с казенной нефтедобычей Предполагалось, что при организации казенной нефтедобычи Министерство путей сообщения сможет добывать от 27 до 34 млн. пуд нефти в год, а Министерство торговли и промышленности — 50 млн. пуд Затраты на организацию промыслов планировались в размере 49 млн руб

[89] *И Ильинский* К вопросу о началах расширения деиствующей промысловой площади в Бакинском районе — «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 7, стр 31

[90] Там же

[91] Там же

Нефтяные монополии, как и ранее, выступали, конечно, против казенной нефтедобычи, видя в ней первый шаг к монополизации нефтяной промышленности государством Поэтому они старались скомпрометировать эту идею расчетами о невыгодности затеваемого предприятия Путем довольно сомнительных комбинаций доказывалась более высокая себестоимость казенной нефтедобычи по сравнению с частной, и наряду с этим нефтепромышленники утверждали, что вообще нет никакой нужды в организации казенных промыслов, так как-де и без них казна может при желании (т е если отдаст нефтяным монополиям новые нефтеносные участки) получить лишних 100—115 млн пуд «дешевой нефти» Однако все эти проекты остались на бумаге, характеризуя тенденции в политике нефтяных монополий и правительства в нефтяной промышленности накануне Февральской революции

Другие виды топлива (дрова, торф)

Значение дров в топливном снабжении страны было чрезвычайно велико С учетом домового потребления дрова занимали первое место в общем топливном балансе, достигая 55% от общего потребления всех видов топлива и составляя около $^1/_4$ (23,4%) всего технического потребления топлива [92] Существовало предположение, что до войны ежегодно расходовалось до 400 млн куб. м дров, которые в подавляющей части шли на отопление городских и сельских зданий Однако учету поддавалось лишь около 10% заготовок 35% всех поддающихся учету перевозок дров потреблялись пятью городами Петроградом, Москвой, Киевом, Одессой и Харьковом Промышленное потребление дров в некоторых районах было очень велико Петроградский район, например, почти на $^1/_3$ (31%) жил за счет дров, Волжский — на 26%, Уральский — на 76% На Урале только горные заводы ежегодно потребляли до 18 млн куб м дров [93]

В связи с трудностями снабжения углем и нефтью в годы войны усилилось потребление дров и для промышленных целей В Петроградском районе за первую треть 1917 г потребление древесного топлива поднялось в 2,5 раза и достигло 41,1% общего потребления топлива Таким образом, древесное топливо занимало в Петроградском районе первое место среди других видов топлива [94]

Дрова приобрели не меньшее значение, чем уголь или нефть, для работы промышленности целого ряда районов и для железных дорог По данным Особого совещания по топливу, потребление дров промышленностью в 8 районах, или в 48 губерниях, увеличилось с 3 млн т (в расчете на 7-тысячное калорийное топливо) в 1914 г до 4,9 млн т в 1917 г Отправление дров по железным дорогам в

[92] *К Кирш* Указ соч, стр 1—2
[93] *А А Апушкин* Война и древесное топливо — «Война и топливо 1914—1917 гг», стр 162—163
[94] *П Росселевич* Указ соч, стр 2

1917 г почти удвоилось сравнительно с довоенным годом Удельный вес дров в водных перевозках также удвоился в 1917 г дрова занимали четвертую часть всех водных перевозок

И все-таки промышленность и города испытывали большой недостаток в дровах Частнокапиталистический торговый аппарат, сложившийся до войны, не справлялся со снабжением городов В связи с этим заготовкой дров стали заниматься городские уполномоченные по топливу, заводы, а со второй половины 1915 г.— и уполномоченные Особого совещания по топливу и железные дороги [95] Крупными потребителями дров являлись Петроград, Москва и ряд больших промышленных центров России Москва получала перед войной 84,1 млн пуд дров в год, из них только 4 млн пуд шли гужом и водой, а свыше 80 млн пуд доставлялось по железным дорогам [96]

Война сразу же отразилась на сокращении привоза дров Уже в последние четыре месяца 1914 г в Москву поступило дров на 16% меньше, а в первые три месяца 1915 г — на 21% меньше по сравнению с соответствующими месяцами предыдущих лет, что, естественно, вызвало рост цен на дрова и их нехватку [97]

Оценивая состояние заготовок дров в 1914/15 г., Особое совещание по топливу считало, что следующий отопительный сезон 1915/16 г «должен будет протекать в крайне тяжелых условиях» [98] Война нарушила обычный ход заготовок дров Она сократила количество людей, занимавшихся рубкой леса, количество лошадей, занятых на подвозке дров к железным дорогам и пристаням, ухудшила снабжение лесоразработок провиантом и фуражом и изменила в худшую сторону условия транспортировки дров, особенно по железным дорогам Все это привело к повсеместному сокращению заготовок дров, которые в районе только Мариинской водной системы уменьшились зимой 1915/16 г на $^1/_3$, а в следующую зиму «это сокращение заготовок предполагается еще в большей степени» В районе, прилегающем к Москве, сокращение заготовок оценивалось в 40%, «а местами и более» Для усиления заготовок с осени 1916 г стал применяться труд военнопленных [99]

Цена дров в Петрограде поднялась к декабрю 1916 г до 120 руб за вагон Общее повышение цен на дрова, по сравнению с мирным временем, «достигало 200—300 и даже 400—500%» [100] Наряду с частными лицами, общественными организациями, заводами и желез-

[95] В 1916 г управление железной дороги решило помимо дров, покупавшихся у поставщиков, самостоятельно заготовить 300 тыс куб саженей дров Совет министров отпустил 3 мая 1916 г аванс в 3 млн руб для того, чтобы приступить к заготовкам, которые оценивались в 15 млн руб (ЦГИА СССР, ф 1276 оп 20 д 109, ст 5365, лл 37—39 об Особый журнал Совета министров от 3 мая 1916 г)

[96] *А А Фомин* Дрова — «Труды Комиссии по изучению современной дороговизны», вып 2, стр 279

[97] Там же, стр 283

[98] Там же, стр 294

[99] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т II Пг, 1917, стр 1—2

[100] Там же, стр 4

ными дорогами, заготавливавшими дрова, Особое совещание по топливу также вынуждено было вплотную заняться этим делом и выдать специальные кредиты, за счет которых по всей стране развернулись заготовки дров районными уполномоченными и городскими организациями.

На средства Особого совещания дрова заготовлялись для Петрограда, Москвы и еще для 30 губернских городов и большого количества уездных центров На оборотные средства Особое совещание отпустило специальный кредит в 39 млн руб.[101] К 1 сентября 1916 г на средства Особого совещания предположено было заготовить и закупить 1057 тыс. куб. саженей дров стоимостью около 70 млн. руб., а к 1 января 1917 г. размер заготовок должен был возрасти до 1673 тыс. куб. саженей, что увеличило бы стоимость заготовок дров до 132,8 млн. руб., в счет которых уже было израсходовано 40 млн руб. и требовалось дополнительно ассигновать 92 млн. руб [102]

Особое совещание по топливу само признавало, что намеченное для заготовок количество дров не удовлетворяло потребности городов и промышленности. В обзоре деятельности Особого совещания в резкой форме подчеркивался разрыв между потребностями в дровах и размерами заготовок Особого совещания. «Общие причины недостаток подвоза донецкого угля; усиление потребления дров железными дорогами, снимающими громадные запасы древесного топлива с рынка; увеличение потребления дров в населенных и промышленных центрах; необходимость обслуживания дровами воинских частей почти во всей Европейской России и т д сказались и сказываются в такой острой форме, что, сколько бы ни было заготовлено дров, количество их все же окажется недостаточным для покрытия все возрастающей нужды в топливе» [103].

В плане заготовок Особого совещания были учтены потребности в дровах Южного района и Урала Для них планировалось около 80 тыс куб саженей дров Сюда, конечно, не входили заготовки для уральских горных заводов, размер которых был значительно больше, чем заготовки и закупки дров Особым совещанием по всей империи (2090 тыс куб. саженей).

Практическая работа органов Особого совещания по выполнению намеченных планов была совершенно неудовлетворительна К 1 декабря 1916 г. было заготовлено и закуплено всего лишь 547 тыс куб. саженей, т е 32% от намеченного плана, а вывезено на станции и к пристаням лишь 314 тыс. куб саженей, или 57% заготовленных

[101] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т II, стр 4

[102] «Отдел хозяйственных заготовок и закупок дров (Из последнего отчета)» — «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 2, стр 63—64, «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т II, стр 9—12 Если к указанным выше расходам прибавить оплату за распиловку леса и развоз дров потребителям, то общая сумма расходов поднималась до 148,4 млн руб

[103] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т II, стр 8

дров Во вторую половину зимы удалось закупить и заготовить еще некоторое количество дров, однако в конечном итоге план снабжения дровами удалось выполнить не более чем на $^1/_3$ Это фактически означало полный срыв государственных заготовок и указывало не только на трудности, с которыми встречались органы, ведавшие этим делом, но и на их инертность и неспособность широко и продуктивно организовать работу по снабжению городов дровами

Бо́льшая часть заготовленных и доставленных Особым совещанием дров падала на долю Петрограда и Москвы 57% всех заготовленных и 70% всех вывезенных к станциям дров До 1 мая 1917 г в Петроград было доставлено 114 тыс куб саженей дров, заготовленных Особым совещанием главным образом в Финляндии, из них $^2/_3$ водным путем, а $^1/_3$ — по железным дорогам [104] Разрабатывая дальнейшие планы заготовок, Особое совещание наметило для себя программу, сводившуюся к тому, чтобы потребность в дровах воинских частей, железных дорог и для домашнего потребления удовлетворить наполовину Эта новая программа была основана на практическом опыте, который показал, что удалось заготовить всего лишь 36,5% намеченного плана, а вывезти 72% фактически заготовленных дров [105]

Рассмотрим несколько подробнее, как удовлетворялись потребности столиц в дровах На зиму 1915/16 г потребность в дровах Петрограда, как и предполагалось, увеличилась; вместо обычных 480 тыс. куб саженей потребовалось до 1050 тыс куб саженей, в счет которых поступило до 1 мая 1916 г 786 тыс куб саженей Это количество, видимо, полностью удовлетворило потребность города, так как на 10 мая 1916 г дровяные запасы достигали 258,5 тыс куб саженей, т е на 206 тыс больше, чем на то же число 1915 г [106] На следующую зиму (до 1 мая 1917 г) было намечено доставить 823 тыс куб. саженей дров, в счет которых к 1 сентября 1916 г было доставлено 507 тыс куб саженей Если учесть запасы, то наличность дров была близкой к норме В сентябре 1916 г была введена таксировка цен, установившая стоимость погонной сажени дров на складах города от 17 руб (осина) до 22 руб (береза) [107].

Положение со снабжением дровами в Москве сложилось иначе, чем в Петрограде Поскольку доставка донецкого угля в Москву за первые восемь месяцев войны сократилась более чем на 50% (46,5 млн пудов), здесь наблюдался усиленный спрос на нефть и

[104] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу» т II, стр 17—19, 24

[105] «О положении заготовок и закупок дров на 1 марта 1917 г» — «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 4, стр 34 На 1 марта 1917 г из плана в 2 млн куб саженей дров было заготовлено 953 тыс куб саженей, или 47,6%, из них вывезено 671 тыс куб саженей, или 70,4% заготовленных и закупленных дров (стр 33)

[106] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т II, стр 87, 104

[107] Там же, стр 103, 104

дрова Это вызвало повышение цен и введение таксы на дрова В сентябре 1915 г станции Московского узла были забиты вагонами с дровами, около 1,5 тыс вагонов стояли не разгруженными, что мешало подвозу новых партий дров Вследствие этого Москва вступила в зиму без достаточного запаса дров

Уполномоченный Особого совещания по Москве решил исправить положение путем отмены таксы на дрова и «органического вмешательства» государства в дровяную торговлю

При 540 тыс куб саженей годовой потребности Москвы уполномоченным Особого совещания вместе с городской управой было заготовлено около половины этого количества, а другая половина поставлялась частными заготовителями В общем, поступление дров в Москву удалось увеличить с 78 тыс пуд в 1913/14 г до 108 тыс пуд в 1915/16 г, или на 30% [108] Надо, однако, учесть значительный рост спроса на дрова для промышленности К тому же в адрес уполномоченного Особого совещания поступило совершенно незначительное количество дров 41 тыс куб саженей из 270 тыс заготовленных Как ни старался уполномоченный по топливу в Москве доказать положительные результаты своей деятельности, факты говорили обратное· осенью 1916 г Москва осталась без дров, а цены на них поднялись до 500 руб за вагон, увеличившись в течение одного года вдвое [109]

Снабжение Москвы дровами наталкивалось на недостаточный подвоз их гужом и железными дорогами В зиму 1916/17 г. вопрос о снабжении дровами в первую очередь упирался в недостаточную их вывозку Несмотря на привлечение населения к гужевым перевозкам, количество невывезенных дров непрерывно увеличивалось, что создавало тревожную обстановку и свидетельствовало о растущем ухудшении дела дровозаготовок для городов

По разным районам в 1916 г осталось невывезенными от $^1/_3$ до половины заготовленных дров, что, несомненно, обостряло топливный кризис в городах

Лучше обстояло дело с заготовками дров для промышленных предприятий В 1916 г по 58 губерниям проводилась заготовка дров 956 предприятиями, насчитывавшими 875 тыс рабочих Ими было заготовлено 3166 тыс куб саженей дров, что составляло $^3/_4$ потребности этих предприятий в топливе (73,5%). В 1917 г количество предприятий, заготовлявших дрова, уменьшилось до 883, но за счет увеличения численности рабочих количество заготовленных дров увеличилось до 3432 тыс куб саженей, что давало уже 79,7% потребности [110].

Еще более показательными являются следующие данные (также относящиеся к 58 губерниям) [111] Около 3,5 тыс промышленных предприятий заготовили в 1916 г 3,5 млн куб саженей дров, боль-

[108] Там же, стр 114, 117
[109] Там же стр 136
[110] «Известия Особого совещания по топливу», 1917 № 6 Статистика стр 15–16
[111] Там же, стр 17—18

шая часть которых (53,8%) поступала на заводы гужом, около 30% — по воде, а остальное — по железной дороге.

Крупнейшим потребителем дров были железные дороги, увеличившие потребление дров в 1917 г почти на 1 млн куб саженей. В 1916 г они израсходовали 1471,5 тыс куб саженей дров, а на 1917 г увеличили заявку до 1618,7 тыс куб саженей, но ввиду нехватки угля и нефти было решено недостающее количество минерального топлива также заменить дровами Это составило дополнительно 792 тыс куб саженей, а в общем итоге получался план дровозаготовок в 2,4 млн куб саженей вместо 1471,5 тыс. куб. саженей в 1916 г За вычетом 420 тыс куб саженей, оставшихся в наличности на 1 января 1917 г, и 165 тыс куб саженей, поставлявшихся частными заготовителями, остальные дрова (около 1,8 млн куб саженей) должны были быть заготовлены самими железными дорогами Для выполнения этой программы требовались ассигнования в 116 млн руб, из них 30 млн руб для заготовок и 86 млн руб на увеличение оборотных средств железных дорог [112].

На Урале успешная работа оборонных заводов целиком зависела от обеспечения их дровами и древесным углем Заготовка древесного топлива являлась на этих предприятиях важнейшим делом, серьезной отраслью заводского хозяйства В 1916/17 г уральские заводы должны были заготовить 2103 тыс куб саженей дров и 4086 тыс коробов угля [113] К 1 ноября 1916 г программа заготовок была выполнена по дровам на 84%, а по древесному углю — всего лишь на 26%, т е дело с углем обстояло исключительно плохо; большинство домен имело запасы всего лишь на 7 дней, а некоторые — и того меньше Заготовить и полностью вывезти в течение зимы (к 15 марта) недостающее количество угля (74% всей потребности) было уже невозможно Хотя с дровами дело обстояло лучше, но и их в ряде округов было заготовлено только 40—50% от намеченного плана, и рассчитывать на то, что «зимой нынешнего года недостающее количество будет заготовлено и перевезено и, мало того,— просушено, невозможно» [114] При самых благоприятных условиях можно было надеяться, что заготовленные дрова будут годны к употреблению лишь к июлю 1917 г

Вывозка огромного количества дров и угля на Урале требовала очень много гужевого транспорта $^2/_3$ дров и около 60% угля могли быть вывезены заводским транспортом. Тысячи возчиков-крестьян с лошадьми были прикреплены к заводам в радиусе 100 верст Перевозка дров носила принудительный характер

Положение уральских заводов с обеспечением топливом к зиме

[112] «Об обеспечении железных дорог топливом в 1917 г (Доклад Управления железных дорог Особому совещанию по перевозкам)» — «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 3, стр 36–38

[113] «Об обеспечении уральских заводов древесным горючим в 1916—1917 операционном году» — «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 3, стр 42

[114] Там же

1916/17 г было значительно хуже, чем в предыдущие годы Древесного топлива не хватало, и его надо было заменять сибирским и донецким каменным углем Производительность уральских копей в 1916 г достигла 91 млн. пуд [115], и на следующий год было намечено увеличить добычу на 40%, но это было связано с большой программой предварительных работ В общем Урал не мог в 1917 г. освободиться от подвоза донецкого и сибирского угля.

Рассмотрение вопроса о заготовках дров во время войны показывает, что этот вид топлива имел огромное и все растущее значение для работы промышленности и отопления городов Условия заготовок и перевозки дров стали менее благоприятны, чем раньше Государственные заготовки предназначались для столиц и играли небольшую роль, значительная часть дров оставалась невывезенной Снабжение дровами городов проходило с большими перебоями При помощи городских самоуправлений потребление древесного топлива для промышленных целей увеличилось, однако успешными оказывались лишь собственные заготовки промышленных предприятий. Сотни крупных заводов и фабрик центра и северо-запада России переходили на дрова и вынуждены были заготовлять их Работа железных дорог планировалась с расчетом на большее потребление дров, но заготовка их еще не была организована В зиму 1916/17 г промышленность и транспорт вступали не обеспеченными древесным топливом Намеченные Особым совещанием по топливу мероприятия не обеспечивали добычу и перевозку необходимого количества дров Дрова явились главным резервом для работы промышленности, однако общий хозяйственный кризис страны захватил и область дровозаготовок

Торфодобыча до мировой войны была сосредоточена в основном в трех промышленных районах· Московском (44% добычи), Владимирском (35%) и Нижегородском (12%) Большинство промышленных фирм заготовляло торф для своих нужд, и только 8—10% добычи поступало в продажу Капиталы торфяной промышленности оценивались в 15 млн руб В Центрально-промышленном районе добывалось от 70 до 80 млн пудов торфа В топливно-промышленном балансе этого района (без Москвы) торф занимал второе место и шел после нефти, впереди угля [116]. Во время войны вопросы торфодобычи не привлекали серьезного внимания правительства и даже не обсуждались в секции Особого совещания по топливу «с достаточной полнотой» [117] Все же летом 1916 г торфяные разработки были признаны работающими для нужд «государственной обороны», а рабочим торфоразработок была предоставлена временная отсрочка по призыву в армию Правда, количество военнообязанных среди этих

[115] «О снабжении уральских горных заводов каменноугольным топливом» — «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 3, стр 39—40

[116] *И И Вихляев* Война и торфяное хозяйство — «Война и топливо 1914—1917 гг », стр 127—128

[117] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т II, стр 61

рабочих было невелико и во всей империи не превышала 10 тыс человек[118] из общего количества свыше 41 тыс человек Уже эта цифра дает представление об ограниченных размерах добычи торфа

Несмотря на огромные запасы торфа в стране, составляющие 79% мировых запасов, добыча его была ограничена, и в общем топливном балансе он занимал незначительное место (в 1917 г, например, всего лишь 2%). Торговой добычи торфа почти не существовало Из 102 промышленных предприятий Центрально-промышленного района, игравшего главную роль в имперской добыче торфа, лишь 28 предприятий добывали торф исключительно для продажи, но это были мелкие предприятия, дававшие всего лишь 8% всей добычи[119] Главная масса торфа добывалась в порядке хозяйственных заготовок для нужд фабрик и заводов В 1916 г уже было подготовлено болот вперед на 10 лет для ежегодной добычи торфа в количестве 200 млн пуд Реальная же добыча сухого торфа не достигала и половины намеченного количества, так как большая часть подготовленных болот не использовалась

Добыча торфа велась уже при помощи механической силы Только в Центрально-промышленном районе перед войной имелось 1200 элеваторных установок, в 1916 г применялось 880 машин, из них 812 с механическими приводами (в том числе 92 электрических) Из 873 машин, имевшихся в Московском районе, 105 бездействовали из-за недостатка рабочей силы

Среди предприятий по торфодобыче имелись очень крупные, насчитывавшие от 47 до 53 машин с добычей до 9 млн пуд. торфа в год Два соседних предприятия Владимирской губернии имели 104 машины и добывали 13 млн пуд. торфа — больше, чем добывалось машинного торфа во всей Европе[120] Число рабочих, занятых торфодобычей в Центрально-промышленном районе, поднялось с 29,3 тыс. человек в 1913 г. до 35,7 тыс человек в 1916 г, однако добыча на одну машину упала с 134 тыс. пуд до 101 тыс пуд. Себестоимость одного пуда торфа поднялась с 7 коп в 1914 г до 21 коп в 1916 г[121] Производительность каждой машины за это время снизилась на 25% и каждого рабочего — на 27%[122] Уже в сезоне 1916 г, несмотря на огромную нужду в топливе, из-за недостатка рабочих не использовалась 131 машина

Добыча торфа в Центрально-промышленном районе составляла 90% общеимперской добычи, которая в 1914 г достигала 106 млн пуд Общий итог торфодобычи по четырем районам — Московскому, Воронежскому, Самарскому и Петроградскому — составлял в 1913 г.

[118] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т II, стр 64 На торфоразработках было занято также небольшое количество пленных

[119] *К Кирш* Добыча торфа в Центрально-промышленном районе — «Известия Особого совещания по топливу», 1916, № 1, стр 55

[120] Там же, стр 56

[121] Там же, стр 56—57

[122] Там же, стр 57

90,3 млн пуд, в 1914 г — 99,5 млн пуд, в 1915 г — 86,8 млн пуд и в 1916 г — 80,7 млн пуд [123]

Приведенные данные показывают чисто местное значение торфодобычи, слабое использование машин и недостаточное количество подготовленных болот для увеличения разработок торфа, вследствие чего в 1916 г произошло снижение добычи торфа на 20% по сравнению с 1914 г Вопрос о замене торфом дефицитного привозного топлива хотя бы для отдельных районов страны правительством поставлен не был, ничего не было сделано и для увеличения торфодобычи Более или менее в значительном количестве торф добывался только в Московском районе

По сведениям о 30 губерниях [124], в 1916 г торфоразработки велись 149 предприятиями с 267,7 тыс. рабочих На их долю приходилось 70,7 млн пуд всего заготовленного торфа, а в 1917 г торф заготовляли 133 предприятия По данным на 1 октября, предполагалось в течение года получить 92,5 млн пуд [125] К этому времени вопрос об обеспечении торфоразработок рабочей силой приобрел такую остроту, что успех сезона 1917 г связывался с направлением на торфоразработки 40 тыс. военнопленных. Рассчитывая на дальнепривозное топливо, буржуазия не особенно заботилась об увеличении добычи торфа, а местные городские управления предпочитали заниматься заготовкой дров

Во время войны вырос спрос на торфяные машины со стороны фабрично-заводских организации (179 машин), казенных учреждений и железных дорог (60 машин) и общественных организаций (27 машин). Министерство земледелия, в ведении которого находилось торфяное дело, получило от правительства кредит в 1 млн руб, в счет которого и был сделан заказ на 72 комплекта машин, которые были изготовлены в 1917 г и распределены следующим образом казенные учреждения получили 38 машин, промышленные предприятия — 24 и общественные организации — 10 [126]

В 1916 г был создан Совет съездов торфяной промышленности Центральной России, а при Центральном военно-промышленном комитете — торфяная секция Повторяем, однако, что все существовавшие организации — правительственные и частные — не использовали торфяные богатства страны для снабжения промышленности торфом и смягчения топливного кризиса Реальные результаты торфодобычи опровергают содержащееся в докладе министра торговли и промышленности Шаховского царю утверждение, будто Особое совещание по топливу «приняло самые энергичные меры к поддержа-

[123] Данные составлены на основе статьи К Кирша («Известия Особого совещания по топливу», 1916, № 1) и доклада заместителя заведующего Техническим отделом петроградского уполномоченного «О разработке торфа в Петроградском районе», напечатанного в № 3 «Известии Особого совещания по топливу» за 1917 г, стр 33—35

[124] В остальных губерниях фабрики и заводы заготовок торфа не вели

[125] «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 6, Статистика, стр 31 Сведения о 1917 г были предварительные (на 1 октября 1917 г)

[126] *И И Вихляев* Указ соч — «Война и топливо 1914—1917 гг», стр 137—138

нию и усилению добычи торфа»[127] В результате этих «энергичных мер» добыча торфа в 1916 г снизилась по сравнению с предыдущим годом на 10%

Вопрос о промышленной разработке нового вида топлива — сланцев — был поставлен на очередь, но не получил фактического разрешения В декабре 1916 г министр торговли и промышленности предоставил царю специальный доклад, из которого видно, что были проведены большие изыскательские работы Мощные сланцевые залежи, «исчисляемые миллиардами пудов» с залеганием на небольшой глубине — в 1—3 аршина, были найдены вдоль Балтийской железной дороги Лабораторное изучение вполне подтвердило их пригодность в качестве домашнего топлива и источника для получения светильного газа, а при некотором изменении топок — и как топлива для паровых котлов Один пуд сланца мог заменить один пуд сухих дров. Зола сланцев могла идти на выработку цемента Однако никаких практических шагов для промышленной эксплуатации такого ценного вида топлива до Февральской революции так и не было сделано

Регулирующие мероприятия правительства и топливный кризис

Изучение вопроса о добыче различных видов топлива в годы первой мировой войны приводит к выводу об отставании производства топлива от потребности в нем, о глубоком кризисе, который охватил эту отрасль народного хозяйства Кризис производства топлива являлся следствием как довоенной экономической политики царизма и монополистического капитализма, так и многостороннего влияния войны на производственную жизнь страны Недостаток в топливе приводил к сокращению работы промышленности На развитии промышленной жизни страны сказывался не только недостаток топлива, но и установленная государством система его распределения и слабая работа железных дорог, которые не справлялись с вывозом уже добытых угля и нефти.

Топливная проблема находилась в неразрывной связи с работой железнодорожного транспорта Улучшалась работа железных дорог — и несколько больше и планомернее доставлялись уголь и нефть, лучше работала промышленность; ухудшалась работа транспорта — меньше он подвозил угля, сразу же создавалось напряженное положение во всех отраслях промышленности и крупнейших промышленных районах страны Особенно велико было значение доставки донецкого угля Поэтому на углубление топливного кризиса в стране огромное влияние оказывала политика правительства по регулированию добычи и вывозки топлива

В первые месяцы войны правительство совершенно не вмешивалось в распределение топлива Свободная стихия капиталистической

[12] ЦГИА СССР, ф 40, оп 1, д 72А, ч 2 л 144 Всеподданнейший доклад кн Шаховского Николаю II от 21 декабря 1916 г

конкуренции действовала без всяких ограничений Промышленные предприятия всех категорий, государственные железные дороги, казенные военные предприятия и т д должны были закупать топливо на равных условиях с частными предприятиями и заботиться о его доставке Такая практика не оправдала себя К весне 1915 г. уже обнаружился острый недостаток топлива вследствие сокращения его добычи и трудностей доставки Сложившаяся обстановка создавала «весьма тревожные перспективы в деле снабжения страны углем и требовала принятия особых мер к смягчению надвигающегося кризиса, серьезность которого усугублялась решающим значением горючего не только для всей экономической жизни, но и для деятельности флота, железных дорог и предприятий, непосредственно работающих на государственную оборону» [128] Обстановка требовала немедленного вмешательства государства в распределение прежде всего донецкого топлива между потребителями с учетом интересов государства и предприятий, работавших на войну.

Так как топливо в основном перевозили железные дороги и недостаток его обычно связывали с недоставкой в срок закупленного груза, то и распределение топлива на первых порах было решено передать в руки органа, ведавшего его доставкой Правительственным указом от 1 марта 1915 г [129] министру путей сообщения было поручено снабжение топливом транспорта и всех предприятии, работавших на оборону. Ему были даны широкие полномочия вплоть до выдачи рудникам «принудительных и преимущественных заказов на поставку топлива» 31 марта 1915 г под председательством министра путей сообщения был организован специальный комитет по распределению топлива из представителей разных ведомств и трех членов от углепромышленников В губерниях были организованы губернские комиссии по распределению топлива Угольные предприятия, выполнявшие, по предложению комитета, наряды на поставку топлива военным предприятиям, были освобождены от ответственности за невыполнение договоров на поставку топлива частным предприятиям

В результате деятельности комитета прежде всего выяснилась нехватка угля Производительность Донецкого бассейна отставала, запасы на копях были полностью исчерпаны. Минимальная потребность важнейших потребителей на ближайшие месяцы была определена министром путей сообщения в 156 млн пуд. в месяц, а наименьшая производительность копей должна была составлять 160 млн пуд В связи с этим министр путей сообщений С В Рухлов в докладе Николаю II писал: «Главнейшие заботы ныне должны быть в отношении донецкого угля обращены на увеличение его добычи,

[128] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т 1, стр 5

[129] До этого при Министерстве торговли и промышленности существовал центральный комитет по снабжению топливом, деятельность которого носила совещательный характер и не внесла каких либо серьезных изменении в производство и распределение угля Фактически им управляли горнопромышленники Юга

что, в свою очередь, должно вызвать спешные меры по увеличению на копях рабочих» [130] Однако на деле до октября 1915 г количество рабочих на копях не увеличилось, а временами даже сокращалось по сравнению с апрелем 1915 г Не увеличивалась и добыча угля, а вывоз его сокращался еще более быстрым темпом По данным Особого совещания по топливу, в апреле и мае 1915 г было вывезено по 120 млн пуд угля, в июле — 104,6 млн пуд, в октябре — лишь 74,8 млн. пуд [131] Министр путей сообщения надеялся, что в стране за счет нефти образуется избыток топлива, оценивавшийся им в 100 млн пуд, что позволило бы перевести ряд предприятий с угля на нефть Избытка нефти на деле не оказалось, и к осени 1915 г страна испытывала острейший недостаток в топливе, усилившийся резкими перебоями в работе железных дорог

Вновь созданный комитет фактически совершенно не вмешивался в условия добычи и торговли углем, он лишь регулировал распределение путем предоставления вагонов на вывозку. Можно было купить уголь и не вывозить его, а держать на шахтах; можно было иметь право на вывозку и не иметь угля Потребители были распределены на несколько групп по степени их важности В соответствии с этим и предоставлялись вагоны Прежде всего шли железные дороги, затем флот и металлургические заводы Система регулирования, установленная правилами от 29 мая 1915 г, давая некоторым категориям потребителей известные преимущества в получении донецкого угля, по существу не ограничивала капиталистическую систему распределения

Лето 1915 г. было тяжелым для русской армии, потерпевшей ряд крупнейших неудач Армии отступали из Галиции и Польши; фронт отодвигался на восток. Часть дорог и подвижного состава оказалась захваченной неприятелем Десятки тысяч вагонов стояли на путях, усиливались воинские перевозки к фронту, оттуда лавиной текли миллионы беженцев, сотни тысяч вагонов оказались занятыми под эвакуационные грузы. Катастрофическое влияние летнего отступления реально чувствовалось во всей хозяйственной жизни страны В результате оказался дезорганизованным прежде всего железнодорожный транспорт, оставивший промышленность без топлива. Таким образом, слабость производственной базы, действия правительства, призвавшего горняков в армию и не принимавшего реальных мер к росту производства, бездеятельность комитета в сочетании с поражениями на фронте привели осенью 1915 г. к острейшему железнодорожному и топливному кризису

Даже Особое совещание по топливу, оценивая деятельность комитета по распределению топлива, вынуждено было признать его полный провал, неспособность решить задачу увеличения добычи и снабжения топливом оборонных предприятий Правда, бездеятель-

[130] ЦГИА СССР, ф 229, оп 4, д 1792 б, л 31 Всеподданнейший доклад министра путей сообщения от 23 апреля 1915 г

[131] Там же ф 40, оп 1 д 71 А, ч 2 л 109 Приложение к справке от 23 ноября 1915 г

ность комитета пытались объяснить отчасти неблагоприятными условиями перевозки, вследствие которых «самый недостаток угля приобретал второстепенное значение» Но это была лишь жалкая попытка замазать опасную правду В действительности положение характеризовалось катастрофическим и систематическим сокращением производства и еще бо́льшим сокращением вывозки угля

Чтобы яснее представить остроту положения с топливом, приведем несколько цифр о ходе вывозки донецкого угля с начала войны [132] В первую половину 1914 г было вывезено 688 млн пуд , или на 78 млн пуд больше, чем во второй половине 1913 г Непосредственно перед войной — в июне 1914 г — было вывезено 117 млн пуд угля В июле в связи с войной вывозка упала до 68 млн пуд., в августе она составила 88 млн пуд , а в последующие месяцы до конца года из Донбасса вывозилось по 105 млн пуд Всего во второй половине 1914 г было вывезено меньше, чем во второй половине 1913 г , на 32 млн пуд и на 110,3 млн пуд меньше, чем в первой половине 1914 г. За это время промышленность израсходовала свои запасы угля и нефти

В первой половине 1915 г угля было вывезено 663 млн пуд , т е почти на 86 млн пуд больше, чем в предыдущее полугодие, но на 25 млн пуд меньше, чем за соответствующее время 1914 г В феврале и марте 1915 г в связи с морозами и метелями вывозка упала, и это сейчас же отразилось на работе предприятий, не имевших запасов Это затруднение и послужило толчком к созданию Комитета по распределению угля при Министерстве путей сообщения, опиравшегося в своей деятельности на образованные еще до войны порайонные комитеты по регулированию перевозок (для вывоза донецкого угля особое значение имел Харьковский комитет) Весной 1915 г наступило временное улучшение в апреле и мае было вывезено по 120 млн пуд , но уже в июне — июле наметилась тенденция к ухудшению, а в августе — сентябре 1915 г угля было вывезено почти столько же, сколько вывозилось в критические, мобилизационные месяцы — в июле и августе 1914 г В течение всей второй половины 1915 г из Донбасса было вывезено меньше угля, чем в первые полгода войны (июль — декабрь 1914 г.),— на 44 млн пуд и на 155 млн. пуд менее, чем в предвоенные полгода (533 млн. пуд и 688 млн пуд) Летом и осенью 1915 г транспорт и предприятия не только не надеялись образовать обычные зимние запасы, но и не могли полностью удовлетворить свои текущие потребности

Как ни плох \ работал Комитет при Министерстве путей сообщения, если бы его не образовали и не создали элементарных преимуществ в снабжении топливом металлургии и важнейших военных предприятий (а их было пока еще немного, ибо мобилизация промышленности только начиналась),— осенью 1915 г мог бы наступить полный паралич экономической жизни страны

В августе 1915 г было создано Особое совещание по топливу под

[132] «Народное хозяйство в 1916 г », вып VII, стр 68—69 табл XI о вывозе из Донецкого бассейна угля, антрацита, кокса и брикета

председательством министра торговли и промышленности Таким образом, распределение топлива было поручено ведомству, отвечавшему за рост его производства и хорошо осведомленному о размерах потребности в нем промышленности

Первой задачей Особого совещания по топливу «явилось всемерное смягчение того угольного голода в стране, который принял небывало острые формы осенью 1915 г в связи с затруднительными условиями железнодорожных перевозок» [133] Расстройство железнодорожного транспорта временно маскировало недостаточное производство шахт, так как невывезенный уголь накапливался на копях, создавая видимость благополучия с его производством В связи с этим внимание Особого совещания по топливу было в первую очередь приковано к вопросу увеличения погрузки и вывоза угля из Донбасса, так как даже важнейшие оборонные предприятия стали недополучать назначенное им топливо О том, каких размеров достигал систематический недогруз угля, показывают данные табл. 32

В связи с огромным недогрузом осенью 1915 г (в сентябре — 40%, в октябре — 37%, в ноябре — 36%) председатель Особого совещания по топливу представил специальную справку царю [134], в которой причины недогруза объяснял на 90% неподачей и недостатком вагонов и на 10% — отказом шахт от погрузки запроданного ими топлива После сентября — ноября 1915 г недогруз значительно уменьшился, хотя все еще оставался довольно большим Вывоз угля в период кризиса отставал от производства, что привело к росту запасов на шахтах

Особенно остро топливный кризис отозвался на Московском и Петроградском районах — центрах военной промышленности Для Петроградского района, за исключением железных дорог, в сентябре 1915 г прибыло только 65% занаряженного топлива, а в октябре — всего 49% Петроградская управа получила всего лишь 8%, а так называемые прочие потребители, куда входили и предприятия, работавшие на оборону, получили в октябре 36% топлива, «и таким образом даже минимально исчисленная по наряду потребность Петроградского района осталась на две трети без удовлетворения» [135] Общество электрического освещения 1886 г имело запас топлива на 2—3 дня, «угрожая окончательной приостановкой электрической станции» и остановкой всех обслуживаемых ею оборонных предприятий Путиловский завод закрыл ряд мастерских, поддерживая работу остальной части завода взятым заимообразно у Трубочного и Патронного заводов углем; Вестингауз взял кокс у Петроградского арсенала, накануне закрытия находился завод «Айваз», выполнявший срочные заказы для морского ведомства, накануне остановки были также Паргасские цементные заводы, поставлявшие цемент для Свеаборгской крепости и строительства укреплений на Аландских островах. В таком же и даже еще худшем положении были и другие военные

[133] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т I, стр 7
[134] ЦГИА СССР, ф 40, оп 1, д 71 А, ч 2, л 92
[135] Там же, л 96

Таблица 32

*Назначение и погрузка донецкого топлива с сентября 1915 г по 1 марта 1917 г**

Месяц и год	Назначено к вывозу млн пуд	Погружено млн пуд	Недогруз в %
1915 г			
Сентябрь	124,63	74,75	40,0
Октябрь	128,96	80,72	37,0
Ноябрь	129,30	83,29	36,0
Декабрь	127,00	101,51	20,0
1916 г			
Январь	133,80	114,88	14,0
Февраль	134,20	106,43	21,0
Март	132,00	119,88	9,0
Апрель	144,20	109,56	24,0
Май	152,15	121,77	19,0
Июнь	142,50	119,18	16,0
Июль	155,94	123,50	21,0
Август	163,50	119,10	27,0
Сентябрь	165,70	112,40	32,0
Октябрь	167,60	104,90	37,0
Ноябрь	169,00	104,20	38,0
Декабрь	150,60	105,70	30,0
1917 г			
Январь	159,85	105,70	32,0
Февраль	135,00	87,50	34,0

* Сведения за сентябрь 1915 г — июль 1916 г см «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т I, стр 84, за остальные месяцы «Известия Особого совещания по топливу» 1917 № 7 В выпуске 7 «Народного хозяйства в 1916 г» (стр 68—69 табл XI) приведены данные вывозки из Донецкого бассейна угля, кокса, антрацита и брикетов, которые в итоге сходятся с нашими данными («Народное хозяйство» пользовалось данными статистики Особого совещания по топливу)

заводы. Невский судостроительный завод, например, и ряд других таких же крупных предприятий остались совсем без топлива, перебиваясь за счет захватного со складов железных дорог

Главную массу угля в Петрограде потребляли шесть крупнейших заводов, сжигавших 54,6% всего потребляемого районом донецкого топлива, и пять таких же крупных предприятий потребляли 59,3% всей нефти Закрытие нескольких этих предприятий из-за нехватки топлива грозило большим ущербом для снабжения армии боевым снаряжением [136] Особое совещание по обороне давало в конце 1915 г следующую оценку положения с топливом в Петрограде «Все заводы вообще перебиваются в отношении угля со дня на день, не-

[136] *И Росселевич* Указ соч, стр 2, диаграмма 1

большая задержка в текущей доставке расстроит 60% заводских предприятий, в число коих войдут и такие крупные заводы, как Вестингауз, Путиловский, Невский судостроительный, «Феникс», «Вулкан» и т п Причем на бездействие будут обречены до 20 тыс. станков и 85 тыс рабочих В частности, на Путиловском заводе уже произошла остановка работ на одной из мартеновских печей, и для введения ее вновь в действие потребовались экстренные меры» [137]

В еще худшем положении оказалась Москва За сентябрь 1915 г она получила топлива всего лишь в размере 26% потребности, в октябре — 40% Некоторые группы потребителей, как, например, городское самоуправление, получили совсем ничтожное количество топлива Больницы уже тогда ломали и жгли деревянные заборы, а пекарни предупреждали «о неминуемой приостановке выпечки хлеба». Крупнейшие текстильные предприятия, работавшие на интендантство,— Коншина и Прохоровская мануфактура — имели запасов топлива на 1—2 дня «Столь тягостное положение Москвы, несмотря на сосредоточение в ней железнодорожных путей по всем направлениям, представляется особенно грозным и требует принятия чрезвычайных мер»,— писал Шаховской в упомянутой справке Николаю II

Снабжение топливом других районов находилось, по словам министра торговли и промышленности, «в столь неблагоприятных условиях», что пришлось потушить 23 доменные печи, что составляло 35% наличного состава домен

Из-за недостаточной вывозки на шахтах к 1 декабря 1915 г скопились запасы угля в количестве 165 млн пуд Это сдерживало подготовительные работы и подрывало производство завтрашнего дня Чтобы поправить положение, правительство пошло на покупку запасов угля на копях, в счет чего выдавало авансы За шахтовладельцами сохранялось право вернуть правительству полученные средства и распоряжаться добытым углем по своему усмотрению

Осенний кризис 1915 г был грозным предостережением самодержавию Путем ряда экстренных мероприятий кризис удалось временно смягчить и несколько изменить положение

С отгрузкой донецкого топлива дело несколько улучшилось в начале декабря 1915 г, и все же за весь декабрь недогруз в целом составил 22% [138], а по Петроградскому району он достигал 51%, равняясь «за последние отчетные дни 75—90% минимально вычисленной суточной нормы» [139] Запасы топлива на железных дорогах сократились на 10,7 млн пуд, и Министерство путей сообщения отказалось от снабжения топливом за счет своих запасов военных предприятий Образование запасов топлива на предприятиях Петрограда наталкивалось на «непреодолимое затруднение» в виде недостаточности его подвоза

[137] ЦГВИА ф 369, оп 1, д 54, л 146 ЖОСО, № 34, 19 декабря 1915 г
[138] ЦГИА СССР, ф 40, оп 1, д 72 б, ч 1, л 23 об Всеподданнейший доклад кн Шаховского Николаю II от 5 января 1916 г
[139] Там же.

Плохо обстояло дело и с поставками нефти и дров, удовлетворявшими только от 50 до 75% потребности Проведенное в Петрограде обследование 246 предприятий показало, что 146 из них, выполнявших военные заказы на сумму в 206 млн руб, располагали запасом топлива на срок до 27 дней 52% всех предприятии имели запас на срок «не более двух недель» и 83 предприятия не имели и недельного запаса топлива Эти предприятия, положение которых Шаховской называл угрожающим, являлись крупнейшими военными заводами Между тем потребность в топливе не сокращалась, а увеличивалась Декабрьская заявка по Петрограду была больше ноябрьской на 25%, так как предприятия города лишь за последние месяцы получили новых военных заказов на сумму в 167,8 млн руб

Положение в Москве в декабре 1915 г было особенно напряженным, так как недогруз угля составлял 46% минимального назначения, а нефти —57% Из-за недостатка кокса останавливались мартеновские печи, «в бедственном положении» находились «также и важнеишие городские предприятия, как трамвай, водопровод и газовый завод, запасы каменноугольного топлива на коих равным образом близки к полному исчерпанию» [140] На юге бездействовали 17 домен, в частности из 6 домен Днепровского завода действовала только одна Над оборонными заводами нависла угроза остаться без металла.

Острый кризис топлива наблюдался также в Киевском, Одесском и Ростовском районах «Таким образом,— писал Шаховскои,— топливный кризис охватил всю территорию страны, независимо от географического расположения отдельных ее областей, что находит подтверждение и в факте общих для всей железнодорожной сети затруднений, в планомерном подтверждении грузов соответственно с экономическими нуждами различных областеи Вследствие сего представляется необходимым выяснить, в какой мере существующие условия снабжения страны топливом могут почитаться длительными и есть ли основание рассчитывать в будущем на коренное их изменение» [141]

Дальнейшие расчеты показали Шаховскому, что «надеяться на скорое завершение переживаемого угольного кризиса не представляется возможным» Вывод был, конечно, неутешительный, но факты говорили сами за себя В ближайшие месяцы нельзя было надеяться на перевозку более 110 млн пуд. угля в месяц, а минимальные потребности оценивались в 130 млн пуд Для снабжения железных дорог, флота и металлургических заводов требовалось не менее 72 млн пуд угля, следовательно, для удовлетворения всех остальных потребностей оставалось 38 млн пуд, между тем как для оборонных

[140] Там же, л 27 об

[141] Там же, л 28 об Следует, однако, иметь в виду, что в декабре 1915 г наметилась некоторая тенденция к увеличению вывозки угля В декабре было перевезено 101,5 млн пуд, или на 18 млн пуд более, чем в ноябре Январь дал еще прирост в 13,4 млн пуд Примерно на этом уровне и закрепилась вывозка угля из Донбасса в первую половину 1916 г

заводов и предприятий общественного значения (трамвай, водопровод, газ), лазаретов и госпиталей требовалось 48 млн пуд

В действительности железные дороги перевозили более, чем предполагал Шаховской За первую половину 1916 г вывозка шла в среднем на уровне 115 млн пуд в месяц Угля было вывезено 692 млн пуд, или столько же, сколько в первой половине 1914 г. При этом железные дороги действительно оказались не в состоянии перевезти 130 млн пуд угля За все время войны такой вывозки угля из Донбасса не было Несколько увеличив перевозки в мае — августе 1916 г, они потом быстро сократили их В октябре — декабре 1916 г. угля вывозилось в количестве 105 млн. пуд В феврале 1917 г перевозки угля упали до 89,2 млн. пуд

Исследование вопроса о ходе вывозки угля из Донбасса показывает, что железные дороги стали узким местом уже летом и осенью 1915 г · они не справлялись с вывозкой в минимально необходимом количестве (130 млн пуд.) и этим самым усиливали общий хозяйственный кризис в стране Резкий недостаток угля и постоянные перебои с его доставкой стали хроническим явлением. Особой остроты вопрос о снабжении углем достиг в последнюю треть 1915 г и в 1916 г Самодержавие стояло перед пропастью экономического краха

Какие же меры были приняты правительством для более правильного распределения угля?

Все надежды правительство возлагало на Особое совещание по топливу, в котором были представлены члены Государственной думы и Государственного совета и представители буржуазных организаций Но эти «общественные элементы» не могли внести общественного духа в Особое совещание, так как «оказались людьми, тесно связанными с топливодобывающей промышленностью и защищавшими интересы исключительно промышленников» [142]. Особое совещание по топливу имело сеть районных уполномоченных, инспекцию для наблюдения за добычей запасами топлива и приемкой его Позднее, в 1916 г, Особое совещание выделило двух главноуполномоченных одного — по распределению нефтяного топлива, другого — по распределению донецкого угля Главноуполномоченный по донецкому топливу находился в Харькове и занимался исключительно распределением и отгрузкой угля по разнарядке, утвержденной Особым совещанием

Особое совещание добилось увеличения добычи кокса за счет сокращения бездействующих печей и строительства новых С половины 1916 г добыча кокса увеличилась Мероприятия Особого совещания сводились также к известной экономии в расходе топлива и к регулированию его распределения Однако все они носили чрезвычайно односторонний характер и принципиальных изменений в существовавшую практику распределения топлива не вносили.

[142] «Учредительный съезд представителей районных совещаний по топливу, состоявшийся 31 мая — 2 июня 1917 г в Петрограде» — «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 5, стр 131 Выступление С В Коган-Бернштейна

Особое совещание совершенно не вмешивалось в торговлю топливом, оставив ее за частными лицами Все потребители топлива заключали договоры на поставку с соответствующими фирмами производившими уголь Государство вмешивалось лишь в распределение топлива путем дачи разрешений на его вывоз Здесь явное противоречие, которое сознавали, но устранить не могли

Цены на уголь оставались вне регулирования Особым совещанием, которое скупало лишь излишки запасов и устанавливало реквизиционные цены «Не подлежит, однако, сомнению,— признавало само Особое совещание по топливу,— что допущение свободной торговли топливом находилось в неустранимом противоречии с существующей системой его вывоза, поскольку отправке подлежал лишь уголь, запроданный для удовлетворения нужд привилегированных потребителей и то в строго фиксированных правительственной властью размерах, весьма часто не совпадающих с размерами тех обязательств на поставку топлива, которые были приняты копями в силу договорных соглашений. Руководствуясь изложенными соображениями и полагая, что признание решающего значения донецкого топлива для целеи обороны — при остром недостатке угля в стране — влечет за собою необходимость окончательного изъятия всего добываемого горючего из сферы свободного частного оборота, Особое совещание по топливу признало принципиально желательным сосредоточение продажи всего добываемого в Донецком бассейне твердого минерального топлива в руках казны» [143]

3 ноября 1915 г Совет министров разрешил председателю Особого совещания по топливу «объявлять продажу добываемого в империи твердого и жидкого минерального топлива исключительным правом казны» Одно из принятых решений предусматривало, что все твердое минеральное топливо, добываемое в Донбассе, сдается в казну и отпускается по распоряжениям Особого совещания, а за владельцами предприятий остается ответственность за его погрузку и доставку, а также за вес и марку По существу это решение означало, что правительство брало на себя посреднические функции, выдавая наряды на поставку топлива потребителям

Однако обсуждался также второй проект решения, который предусматривал гораздо более полное распоряжение казны топливом Неудачная судьба его в результате сопротивления буржуазии весьма показательна и интересна для полного представления о взаимоотношениях царизма и буржуазии, в частности крупнейших углепромышленников, по вопросу о распределении топлива в годы войны.

Согласно этому проекту, предприниматель должен был сдать добытое топливо в казну и получить деньги за сданный товар от казны, а не от покупателя, как было решено Однако эта попытка осуществить полную реквизицию топлива, т е ввести государственную монополию на торговлю им, встретила упорное сопротивление буржуазии и провалилась Против реквизиции выступил Центральный

[143] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т I, стр 16

военно-промышленный комитет, который устами заведующего угольной секцией комитета Л Г Рабиновича — крупного углепромышленника Юга России — расценил ее как «опасную и совершенно ненужную» меру, которая, «кроме катастрофы, в горнозаводском деле ничего другого вызвать не может» [144] Чтобы промышленники развивали производство, говорил он, нужно обеспечить сбыт и вывоз добытой продукции Взамен Рабинович предложил меру (которую правительство позднее и осуществило), заключавшуюся в том, чтобы казна скупала избытки топлива, которые не вывозились железными дорогами Центральный военно-промышленный комитет мобилизовал против проекта реквизиции широкие круги буржуазии В результате частные железные дороги, металлургические заводы, Московский военно-промышленный комитет, съезд горнопромышленников Юга России единодушно, хотя и по разным мотивам, выступили против введения государственной монополии на сбыт угля Заодно с углепромышленниками выступили также владельцы металлургических заводов и нефтепромышленники, которые боялись, что с осуществлением указанного проекта очередь может дойти и до них У последних было еще и то соображение, что общая реквизиция и стабилизация цен на уголь могли серьезно понизить цены на нефть, которые как раз осенью 1915 г бешено поднимались Против государственной монополии высказались не только углепромышленники, но и «свыше 80% потребителей», в том числе частные железные дороги и металлургические заводы.

Какие же соображения выставлялись против государственной монополии? По мнению буржуазии, монополия не устранила бы «коренной причины» кризиса топлива, которая сводилась ею исключительно к расстройству транспорта, поэтому, по ее мнению, государственные закупки не могли восполнить потребителю недостающий ему уголь Признавая некоторые преимущества, которые монополия дала бы в деле отправки топлива, записка тут же заявляла, что их можно достичь и без введения монополии — путем лучшей организации отправки составов с углем Государственная монополия объявлялась запиской «излишней» и с точки зрения интересов железных дорог и оборонных предприятий, за которыми правительство и без того уже закрепило преимущественное право получения топлива Точно так же совет съездов утверждал, что и нормирование цен возможно провести без введения монополии Далее он доказывал, что монополия нарушит «сложившиеся экономические отношения и в случае ее осуществления может привести к сильному расстроиству промышленной жизни страны, что в свою очередь неблагоприятно отразится на обороноспособности последней» Сколько-нибудь действительно серьезных соображений в защиту этого положения записка не приводила Это было скорее запугивание правительства, чем попытка представить какие-то серьезные доводы Не отдавая себе достаточного отчета в серьезности положения в стране,

[144] «Отчет о заседании Центрального военно-промышленного комитета 25 сентября 1915 г» — «Известия ЦВПК», № 11 от 1 октября 1915 г

буржуазия рисовала розовыми красками картину скорого окончания войны и с этих позиций выступала против создания сложного аппарата, необходимого для осуществления введения государственной монополии Заключительный аккорд записки сводился к просьбе о том, чтобы «государственная монополия торговли минеральным топливом не была проведена в жизнь».

Почему углепромышленники вкупе со всей буржуазией оказали столь ожесточенное сопротивление проекту введения государственной угольной монополии?

Ответ прост монополия несколько ограничила бы их прибыли, поскольку были бы установлены определенные твердые цены. Кроме того, монополия усилила бы власть помещиков, что в обстановке роста оппозиционных настроений буржуазии было для нее совершенно нежелательным Буржуазия не хотела видеть тех выгод и преимуществ, которые дала бы государственная монополия для более прочной организации хозяйственной жизни страны в целом, в том числе и для организации производства, а не только для распределения наличного угля В данном случае буржуазия, учитывая выгоды минуты, занимала позицию, противоречащую ее же общеклассовым интересам

Правительство уступило домогательствам углепромышленников и отказалось от осуществления намеченной меры «Особое совещание по топливу,— говорилось по этому поводу в отчете о его деятельности,— вынуждено было отказаться от осуществления проекта общей реквизиции, вызвавшего к тому же многочисленные возражения как со стороны крупных потребителей угля, в лице металлургических заводов и частных железных дорог, так и со стороны организаций, представляющих интересы каменноугольных предприятий» [145]

Как и во многих подобных случаях, царское правительство, идя на поводу у крупных монополистов и защищая их интересы, отказалось от осуществления экономически целесообразных и необходимых мер Соблюдение интересов буржуазии вело к военным неудачам и дезорганизации всей хозяйственной жизни страны

Казна сохранила за собой лишь право частичной реквизиции топлива, применяя его в довольно значительных размерах. Реквизиция применялась в тех случаях, когда договорные отношения не обеспечивали первоочередных потребителей и когда шахтовладельцы отказывались от выполнения взятых обязательств и задерживали уголь Это явление имело место летом 1916 г В связи с тем, что вывозка улучшилась и спрос на уголь возрос, продавцы угля перестали выполнять невыгодные для них договоры Реквизированный уголь в своей большей части шел для железных дорог В результате снова возникал порочный круг. путем договора получить уголь было трудно, а расширение практики реквизиций нарушало возможность выполнения договоров «Создавшееся положение,— отмечалось в обзоре деятельности Особого совещания,—делая неизбежным постепенное вытеснение добровольных соглашений мел-

[145] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т I, стр 19

ду потребителями и поставщиками системой принудительных нарядов и угрожая, следовательно, фактическим превращением частной реквизиции в общую, представлялось совершенно ненормальным при остающейся в силе свободной торговле донецким топливом»[146] Обзор фактически признавал крах практики индивидуальных соглашений с продавцами, ибо она стала мешать организованному снабжению топливом важнейших потребителей

В отношении цен Особое совещание по топливу не обижало углепромышленников Даже реквизиционные цены устанавливались на основе средних цен копей с высокой себестоимостью, которая была значительно выше себестоимости крупных фирм

Как же регулировалась сама перевозка топлива?

11 ноября 1915 г были утверждены новые правила распределения минерального топлива Донецкого бассейна По этим правилам, Особое совещание назначало месячные нормы топлива флоту, железным дорогам, металлургическим заводам и прочим потребителям В пределах же каждого района распределением топлива, кроме флота, железных дорог и металлургических заводов, ведали уполномоченные Особого совещания Все потребители разделялись на пять групп К первой группе относились железные дороги, флот, все казенные заводы военного и морского ведомств, частные и казенные заводы, изготовлявшие взрывчатые вещества и материалы для них, металлургические заводы, коксовые печи Остальные потребители делились еще на четыре группы

Но вся эта система имела тот недостаток, что в случае нехватки вагонов первоочередные потребители кое-что получали, а потребители третьей — пятой групп обычно оставались без топлива Поэтому в марте 1916 г. этот порядок съездом уполномоченных Особого совещания по топливу был изменен. Было предложено все топливо делить на три группы, из которых группа «А» подлежала безусловному удовлетворению по всем пяти разрядам потребителей; эта часть наряда являлась твердо забронированной Группам «Б» и «В» уголь отгружался при благоприятных условиях. Эта система давала возможность распределять недогруз более или менее равномерно по всем группам потребителей[147].

Новые правила вводились с 9 мая 1916 г Однако и эта система обладала рядом больших недостатков Существовал огромный разрыв между заявками на вагоны со стороны рудников и назначениями Харьковского комитета До войны этого разрыва не было, в 1914 г. он достиг 234 тыс. вагонов, в 1915 г — 1305 тыс вагонов (на 109 тыс вагонов более того, что было погружено), а в 1916 г — 1568 тыс вагонов (в то время как погружено было 1360 тыс вагонов)[148]. Эта разница между количеством назначенных вагонов и

[146] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т I, стр 22—23

[147] Там же, стр 72—74, «О принятой ныне системе распределения донецкого топлива и желательных в ней изменениях» — «Известия Особого совещания по топливу» 1917, № 2, стр 104—108, № 3, стр 56—61, № 4, стр 80—83

[148] «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 4, стр 81—82

реально погруженных открывала возможность для всяких спекулятивных операций, дезорганизовавших рынок.

«Свобода сделок» при разрешительной системе вывоза превращалась в антигосударственную практику, поощрявшую наживу магнатов угольной промышленности. Она не давала возможности рационально использовать имевшийся транспорт в интересах войны. О рациональном потреблении угля не приходилось говорить. Только полное распоряжение государства углем дало бы некоторую возможность построить более рациональный план использования запасов угля и наладить его правильную перевозку с учетом технических свойств сортов и видов углей.

Наиболее дальновидные представители буржуазии приходили к выводу о необходимости государственной угольной (и вообще топливной) монополии. К этому же выводу приходили и авторы цитированного обзора работы Особого совещания по топливу. Однако, по их мнению, «таким органом могло бы быть либо государство, как это предполагалось рассмотренными выше проектами общей реквизиции, либо образованная государственной властью частная организация углепромышленников, выполняющая порученные ей задачи под контролем правительства»[149].

После неудачи с проектом государственной реквизиции топлива в Особом совещании возник новый проект, предусматривавший централизацию всей торговли донецким углем в руках специального органа — «Центроугля», состоящего из представителей каменноугольной промышленности и работающего под контролем государственных чиновников. Согласно проекту центральный комитет «Центроугля» должен был состоять из 15 углепромышленников, в том числе из пяти представителей средних и мелких промышленников. В задачу комитета входило обеспечение снабжения углем в соответствии с планом распределения топлива, утвержденным Особым совещанием. Следовательно, фактический отпуск топлива должен был производиться центральным комитетом в непременной зависимости от распределительной программы Совещания[150].

Цены должны были устанавливаться по особой шкале и пересматриваться через каждые шесть месяцев. Комитет был обязан покупать все топливо у владельцев и, следовательно, не имел возможности оказывать на углепромышленников давление, которое бы вело к снижению производства. В случае накопления больших запасов угля комитет получал под них ссуду от казны. В составе центрального комитета участвовали с совещательным голосом представители правительства, причем представитель Министерства торговли и промышленности получал право «приостанавливать решения комитета» и представлять свои соображения на окончательное решение министра, «чем гарантируется соответствие деятельности комитета видам правительства».

По существу речь шла о создании мощной и крупной организа-

[149] «Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу», т. I, стр. 24.
[150] Там же, стр. 25.

ции синдикатского типа, деятельность которой лишь контролировалась бы правительством Организация создавалась на срок менее трех лет, но могла существовать и по окончании войны

Это была одна из первых попыток широко использовать опыт западной буржуазии и поставить монополистические организации на службу всему помещичье-буржуазному государству, а не только небольшой группе монополистов для получения сверхприбылей.

Незрелость и слабость русской буржуазии и ее узкокорыстные устремления полностью выявились на примере отношения к предложению Министерства торговли и промышленности об организации «Центроугля» Буржуазия единодушно выступила против него. Нефтяники, углепромышленники, Центральный военно-промышленный комитет, совет съездов, буржуазная пресса — все ополчились против этого проекта, видя в нем угрозу устранения буржуазии от руководства хозяйственной жизнью страны

31 октября 1916 г. состоялось заседание промышленников, на котором обсуждалось правительственное предложение «о государственном регулировании угольной промышленности». Протокол этого совещания оставался секретным и был напечатан лишь после Февральской революции Совещание единогласно высказалось против создания «Центроугля». Главный докладчик по правительственному проекту М П Тер-Давыдов рассматривал проект «Центроугля» лишь как попытку восстановления полной реквизиции и ограничения свободы капиталистической деятельности. «Назвать проектируемый орган комитетом торговли нельзя,— заявил он.— Это не есть синдикат и не есть комитет свободной торговли, а есть правительственная монополия или то, что в прошлом году было отвергнуто, т е. общая реквизиция». Главную причину неудовлетворительного положения в угольной промышленности промышленники видели в правительственной политике реквизиции топлива. «Ее и надо устранить Предлагаемый проект не устраняет этой причины, а расширяет ее, в другом лишь виде вводит реквизицию» Другие участники совещания приводили и другие мотивы против правительственного проекта. Главное возражение заключалось в том, что кризиса в угольной промышленности нет, так как производство превосходит вывозную способность железных дорог «Следовательно, недостаток топлива вызывается не недостатком производства, а тем, что дороги не могут вывезти больше 115 млн пуд » [151]

Буржуазия предлагала вместо реквизиции ввести «карточки», т е выдать потребителям удостоверение на право покупки определенного количества угля из расчета 115 млн пуд в месяц, которые перевозили железные дороги Весь производственный и торговый аппарат должен был оставаться в руках шахтовладельцев (Надо иметь в виду сильную концентрацию этой отрасли промышленности: 33 крупнейших углепромышленника добывали 72% всего угля, и 38 фирм поставляли 62,4% антрацита)

[151] «К истории проекта «Центроугля» – «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 3, стр 48—53

Предполагавшееся мероприятие правительства частично ограничивало свободу конкуренции и обычную рыночную стихию Поэтому-то буржуазия и выступила единодушно против правительственного проекта Один из ораторов буржуазии заявил на упомянутом совещании «Правительству надо ответить· или предоставьте нам свободу добровольно объединиться, или делайте насильно что хотите» «Свободу» объединиться правительство не дало, но и «насильно» ничего не предприняло· все осталось по-старому

На такое же сопротивление правительству приходилось наталкиваться при проведении любого мероприятия, которое хотя бы в какой-то мере было направлено на защиту государственного сундука Как правило, правительство отступало, буржуазия продолжала наживаться, а народное хозяйство стремительными шагами приближалось к краху

Начиная с осени 1916 г недогруз топлива опять стал усиливаться В августе 1916 г он достиг 27%, в сентябре повысился до 32%, в октябре — до 37,4% Топливный кризис охватил все отрасли и все районы Особенно он обострился в Москве и Петрограде Заготовка дров была недостаточна, запасы угля и нефти истощились, а потребности колоссально возросли

При минимальной месячной потребности страны в угле в количестве 125—130 млн. пуд средний вывоз за 1916 г составлял 114 млн пуд Следовательно, народное хозяйство в течение года недополучило против минимальных потребностей до 200 млн пуд [152]

Максимальная отгрузка угля из Донецкого бассейна в 1916 г приходилась на летние месяцы (июнь — август), но она никогда не превышала 123,5 млн. пуд Уже в августе погрузка сократилась, а в октябре катастрофически упала (см. табл 32) Таким образом, летом и в начале осени не удалось создать необходимые запасы топлива для промышленности, железных дорог и флота Особенно пострадали так называемые прочие потребители, которые в октябре 1916 г получили угля меньше, чем в августе, на 12 млн пуд , а в ноябре — на 15,6 млн пуд Два крупнейших промышленных и политических центра страны — Москва и Петроград — получили в августе 1916 г 12,6 млн пуд угля, т е норму, необходимую только для одного Петрограда; в октябре они получили 10,6 млн пуд , а за два последних месяца года — по 8,6 млн пуд Недогруз минерального топлива приобрел всеобщий характер

Как видно из документов [153], еще осенью 1916 г на транспорте создалась исключительно трудная обстановка, которая парализовала р е попытки организовать отгрузку угля даже в пределах недостаточной его добычи 23 ноября 1916 г Особое совещание обсуждало вопрос о распределении минерального топлива на январь 1917 г В распоряжении Совещания уже имелся доклад Управления делами

[152] ЦГИА СССР, ф 40, оп 1, д 73, л 49 Всеподданнейший доклад кн Шаховского Николаю II от 20 февраля 1917 г

[153] ЦГАВМФ, ф 410, оп 3, д 1670, лл 431—439 Доклад Управления делами Особого совещания по топливу о распределении донецкого, уральского и подмосковного твердого минерального топлива на январь 1917 г

Особого совещания о доставке топлива за октябрь и первую половину ноября 1916 г Картина, нарисованная в этом докладе, показывала катастрофическое нарастание трудностей, с которыми правительство и буржуазия не могли справиться Хотя крупные военные операции уже закончились, отлив вагонов из тыла на фронтовые дороги все еще продолжался В октябре 1916 г на железных дорогах фронтовой полосы скопилось 158 тыс товарных вагонов, т е на 18 тыс больше нормы Попытка Министерства путей сообщения добиться у Ставки возвращения вагонов, чтобы усилить погрузку угля, закончилась неудачей. В результате общий недогруз угля составил 39,1%, в том числе для военного флота — 17,3%, для железных дорог — 26,3%; даже металлургические заводы, расположенные в большинстве на юге, поблизости от топливной базы, недополучили 35,9% угля. Что касается «прочих потребителей», то они недополучили уже 55,4%, а коммерческие пароходства и Московский район получили только около $^1/_3$ Еще хуже обстояло дело с сахарными заводами, которые, несмотря на начавшийся сезон сахароварения, получили всего только 23,9% необходимого количества угля

Если бы такое положение являлось результатом исключительно конъюнктурных явлений, то и тогда оно было бы опасным Но в данном случае речь шла о глубоких экономических процессах, перед которыми правительство было бессильно Ни правительство, ни буржуазия не могли мобилизовать нужного количества вагонов или сделать более провозоспособными ряд железнодорожных направлений, т е устранить узкие места железнодорожного транспорта Возвращение 18 тыс вагонов с фронтовых дорог могло лишь несколько сгладить и ослабить назревший кризис, но не устранить его совсем

Положение с отгрузкой угля в ноябре еще более ухудшилось Достаточно сказать, что Петроградский район в первой половине ноября получил всего 56% назначенного ему угля Уполномоченный Особого совещания по топливу Петроградского района характеризовал обстановку следующим образом «Неизбежна остановка работ на целом ряде важнейших предприятий обороны, если только не будут приняты какие-либо чрезвычайные меры, направленные как к прекращению выдачи заказов предприятиям, вновь возникающим или до сего времени на оборону не работавшим, так и к скорейшему предоставлению топлива предприятиям названного района путем передачи такового топлива в максимально возможном количестве со складов морского ведомства и железных дорог, а равно и путем принятия неотлагательно решительных мер к усилению подвоза топлива в Петроградско-Ревельский район» [154]

На бумаге, т е в своих решениях, Особое совещание готово было увеличить отпуск топлива Петрограду в декабре до 11 млн пуд и забронировать даже 504 тыс пуд антрацита для отопления домов столицы Однако исполнительная комиссия Особого совещания по топливу хорошо понимала невозможность выполнить свои постановления и вынуждена была «признать, тем не менее, таковое увеличе-

[154] ЦГАВМФ, ф 410, оп 3, д 1670, л 433

ние при настоящих условиях провозной способности железных дорог бесцельным ввиду его практической неосуществимости»

Так обстояло дело со столицей и крупнейшим военно-промышленным районом страны, который еще в конце 1915 г выполнял военных заказов на сумму свыше 1 млрд руб, а к концу 1916 г — уже примерно на 1,5 млрд руб

Еще в более тяжелых условиях находилась промышленность Ровельского района Плановые назначения для этого района были на $^1/_3$ ниже потребностей На октябрь — ноябрь ему было назначено 1,8 млн пуд угля вместо необходимых 2,6 млн пуд Кроме того, в Ровельском районе как прифронтовом военные власти часто производили реквизицию топлива, особенно дров

Не лучше обстояло дело и в районах, находившихся ближе к источникам топлива и лучше связанных с ними железнодорожной сетью Воронежский район, например, в октябре недополучил 64% вагонов с углем, а в ноябре недогруз поднялся до 78% Киевский район, являвшийся ближайшим тылом Юго-Западного фронта и крупным промышленным центром, в октябре получил 41,7% от назначенного (1972 тыс пуд) топлива, а за первую половину ноября — 28% (619 тыс пуд) Главное препятствие для доставки угля заключалось здесь в ограниченной пропускной способности узловых пунктов фронтовых железных дорог Знаменка, например, могла принять 62 вагона, из них топлива — 30 вагонов, а Киев — только 55 вагонов, в том числе топливо

На катастрофически низком уровне проходило снабжение крупнейшего Московского района, который в октябре получил лишь $^1/_3$ назначенных ему вагонов с углем, а в первой половине ноября — всего 18%

Два крупных промышленных района, ближе всего расположенные к источнику топлива, — Ростовский и Харьковский, куда были эвакуированы предприятия из Варшавы и других городов Польши, получили меньше половины назначенного топлива За полтора месяца Харьковский район недополучил около 10,1 млн пуд угля, а Ростовский — 4,15 млн пуд

Уральский район — центр качественной металлургии и военной промышленности и Самарский — центр мукомольной промышленности получили топлива в октябре от $^1/_3$ до половины, а в ноябре — всего лишь около $^1/_4$ от назначенного

Острейший недостаток в топливе испытывали все важнейшие отрасли промышленности На сахарных заводах гибла свекла, выход сахара уменьшался, цены на него поднимались Плохое снабжение мельниц сократило выход муки, фронт и города начинали испытывать острую нехватку муки Генерал Брусилов сообщал «о полном недостатке муки на Западном фронте», в результате чего пришлось срочно отправлять в течение целого месяца по 20 вагонов угля в сутки на мельницы

Металлургические заводы недополучили от $^1/_4$ до $^1/_3$ необходимого количества угля Часть доменных печей перестала работать Уменьшилось количество выплавляемого чугуна и стали «Выплав-

ка чугуна протекает нормально лишь на пяти заводах, а на остальных пятнадцати заводах происходит сокращенным ходом от 10 до 50%. Многие заводы за неимением топлива работают с перерывами, останавливая периодически доменные и мартеновские печи Запасы топлива минимальны угля достаточно на 3 дня, а на некоторых заводах запаса угля совершенно не имеется Кокса имеется на 7 дней, антрацита — на 25 дней В настоящее время (конец ноября 1916 г — *А С*) замечается еще большее понижение запасов» [155]

Даже железные дороги, имевшие огромное значение для обороны и нормальной экономической жизни страны, недополучили от $^1/_6$ до $^1/_4$ необходимого им топлива Так обстояло дело еще осенью 1916 г, до наступления зимы с ее морозами и метелями Все отрасли промышленности вступали в зиму без необходимых страховых запасов, которые позволили бы преодолеть трудности зимы Не было никакой надежды, что в 1917 г железнодорожный транспорт начнет работать лучше и будет больше доставлять топлива Некоторые надежды возлагались на американские паровозы и вагоны, но это было делом отдаленного будущего

Только в декабре 1916 г фронтовые дороги стали сдавать излишние вагоны, что позволило увеличить вагонный парк Донецкого бассейна и несколько усилить погрузку топлива Но тут вступила в свои права зима с метелями и сильными морозами, которые еще более ухудшили положение Начались массовая порча и остановка паровозов, уменьшились скорости их обращения, не хватало людей и материалов для ремонта В результате погрузка и вывозка угля, незначительно увеличившись в декабре 1916 г и январе 1917 г (на 5%) против ноября [156], в феврале и марте вновь упали Только в апреле 1917 г погрузка поднялась до уровня октября — января, т е до 105 млн пуд Но этот уровень был крайне низким и не обеспечивал снабжения даже первой группы потребителей

Министерство путей сообщения предложило в начале 1917 г разбить все группы [157] потребителей топлива на три категории (кроме флота) Первая категория (А) обеспечивала самые важные потребности обороны и экономической жизни страны. Вторая (Б) также была связана с обороной, с работой железных дорог и металлургических заводов Всего по первой категории требовалось 118 млн пуд, по второй — 41,6 млн пуд и по третьей — 5 млн пуд Следовательно, всего было намечено поставлять потребителям 165 млн пуд в месяц Но уровень вывоза топлива, как мы видели, упал до 100—105 млн пуд в месяц, а это значит, что нельзя было удовлетворить полностью даже предприятия, отнесенные к категории «А» [158]

[1] ЦГАВМФ, ф 410, оп 3, д 1670, л 435 об

[156] ЦГИА СССР, ф 273, оп 10, д 3677, лл 90—91

[157] Таких групп было четыре из них первая, самая важная (железные дороги, флот, металлургические заводы, коксовые печи и коммерческие пароходства) потребляла наибольшее количество топлива

[158] Известную роль играли уральские, подмосковные и некоторые другие местные угли На январь 1917 г было намечено отпустить железным дорогам 4,9 млн пуд этих углей Уральскому району — 4,4 млн пуд Московскому —

1 февраля 1917 г Особое совещание по обороне констатировало, что «положение дела снабжения заводов топливом надлежит признать критическим и внушающим серьезные опасения Во всяком случае необходимо считаться с предстоящим сокращением деятельности или даже временным закрытием некоторых обслуживающих оборону заводов»[159] Но никаких конкретных мер для борьбы с давно уже наступившим кризисом Особое совещание по обороне не приняло

В конце января 1917 г в своей записке Николаю II председатель Государственной думы М В Родзянко приводил многочисленный список петроградских предприятий, прекративших работу Школы, больницы и лазареты столиц остались без топлива и замерзали

20 февраля 1917 г, т е за неделю до свержения царизма, министр торговли и промышленности Шаховской, вернувшись из поездки в Донбасс, представил царю свой последний доклад, посвященный топливной проблеме. Ничего утешительного он не мог сказать ни в отношении добычи, ни в отношении вывоза угля Некоторого улучшения вывоза он ожидал «лишь со второй половины марта» Что же касается добычи угля, то у Шаховского не было никаких иллюзий на этот счет даже при условии, если бы удалось реализовать некоторые намеченные им практические меры (повышение реквизиционных цен, улучшение снабжения металлом и продовольствием). Его предложения шли по линии уменьшения потребления топлива гражданскими потребителями и железными дорогами — за счет сокращения пассажирского движения

Через месяц после свержения царизма, 30 марта 1917 г, новый министр торговли и промышленности А И Коновалов информировал военного министра А И Гучкова об обеспечении топливом заводов и промышленных предприятий Петроградско-Ревельского района[160] Это письмо содержит ценный фактический материал, сравнивающий данные 1916 г с перспективой получения топлива в 1917 г

Потребность района на 1917 г была определена в 46—47 млн пуд жидкого топлива и 168 млн пуд угля, т е в 4 млн пуд в месяц жидкого топлива и 14 млн пуд угля Реально же район мог рассчитывать на 3 млн пуд нефти и мазута и 5,5 млн пуд угля в месяц Ежемесячный дефицит получался в 1 млн пуд нефтяного топлива и 8,5 млн пуд угля В 1916 г район в среднем получал 7—7,5 млн пуд угля в месяц. Следует также учесть, что в 1916 г предприятия столицы получали помощь от морского флота Общий вывод гласил «Ввиду того, что в будущем, как указано выше, нет надежды на существенное улучшение в деле снабжения топливом Петроградского района, а морское ведомство оказывать помощь не в со-

3,3 млн пуд (ЦГАВМФ, ф 410, оп 3, д 1670, л 438 об), однако существенно улучшить катастрофическое положение с топливом это, конечно, не могло

[159] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 375, лл 206—207 ЖОСО, № 140, 1 февраля 1917 г (Разрядка моя — *А С*)

[160] Там же, ф 499, оп 5, д 568, лл 17—18

стоянии, надлежит совершенно безотлагательно принять самые энергичные меры к тому, чтобы работу заводов и предприятий района поставить в прямую зависимость от количества топлива и материалов (сырья), которое фактически может быть доставлено в район» На деле это означало сокращение производства и даже закрытие целых заводов и цехов

Разрушительные последствия войны и экономической политики помещиков и буржуазии, действовавшие несколько скрыто в конце 1916 г, в начале 1917 г полностью прорвались наружу, вконец дезорганизовав государственный аппарат царизма Даже министр торговли и промышленности Шаховской признал невозможность преодолеть последствия войны и добиться роста производительных сил или даже приостановить процесс всеобщей хозяйственной разрухи Временное правительство империалистической буржуазии, пришедшей к власти в результате победы народа, прямо начало с признания наличия глубочайшего кризиса хозяйства, с которым оно не в состоянии было справиться

Мы можем констатировать, что уже накануне Февральской буржуазно-демократической революции разруха охватила все отрасли народного хозяйства Накануне февраля нельзя уже было «оздоровлять» отдельно от всего хозяйства топливную промышленность Необходимы были мероприятия, направленные на полную реорганизацию всего хозяйства на основе выхода страны из империалистической войны

Глава пятая

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ОБОСТРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СТРАНЕ

Состояние железных дорог накануне войны

После огромного взмаха железнодорожного строительства в России в 90-х годах XIX в при министре финансов С. Ю. Витте уже не было нужды доказывать решающее значение железных дорог для капиталистического развития страны Это давно уже стало общепризнанным и среди помещиков и среди буржуазии. Согласно «всеподданнейшим отчетам» министра путей сообщения [1], на строительство железных дорог в России и их оборудование было затрачено за полстолетия (до 1911 г включительно) 6955 млн руб, из них 4990 млн. руб — на казенные дороги, а остальные средства — на частные дороги.

По другим данным, которые уточняют приведенные цифры, на 1 января 1914 г на строительство русской железнодорожной сети было затрачено 7591 млн. руб, из них на казенные дороги — 5618 млн руб, а на строительство частных дорог — 1973 млн руб Такие огромные средства были получены за счет бюджетных средств (2903 млн. руб.) и за счет железнодорожных займов (4688 млн руб.) [2] Общие затраты на строительство железных дорог значительно превосходили основные капиталы всех вместе взятых отраслей крупной капиталистической промышленности России

Не приходится говорить о том, насколько строительство железных дорог ускоряло развитие капитализма в России, особенно принимая во внимание огромные просторы страны, былое бездорожье России, отсутствие хороших шоссе и автотранспорта, слабость речного и морского судоходства

Восточные и южные окраины России, являвшиеся, по характеристике В И Ленина, колониями в экономическом отношении [3], поддерживали хозяйственную связь с центром страны при помощи железных дорог Промышленные товары доходили до потребителя

[1] Данные «всеподданнейших отчетов» и докладов министра путей сообщения извлечены нами из ЦГИА СССР, ф 229, оп 4, д 428 и 716

[2] «Результаты эксплуатации русских железных дорог и финансовые выводы по участию казны в железнодорожном хозяйстве [Обзор сборника «Сведения о железных дорогах за 1913 г »] — «Журнал Министерства путей сообщения», 1916, кн 8, стр 98—99 Государственные займы на нужды железнодорожного строительства составляли 2968,5 млн руб и займы частных обществ — 1719,4 млн руб (там же, стр 98)

[3] См *В И Ленин* Полн собр соч, т 3 стр 593

на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Кавказе и Сибири, пробежав тысячеверстные расстояния Промышленное сырье перебрасывалось с одного конца России в другой, хлебные грузы и сельскохозяйственное сырье подвозились к морским портам для экспорта и к промышленным центрам. Потоки грузов двигались в двух направлениях промышленное сырье и сельскохозяйственные грузы — с окраин к центру страны и к крупнейшим портам Черного моря и Балтики, а готовая продукция из центра России — к потребителю, на периферию страны

Наиболее густая сеть железных дорог России приходилась на европейскую часть империи, особенно на польские губернии Север, Сибирь, Дальний Восток и Средняя Азия поддерживали железнодорожную связь с центральной Россией однопутными дорогами, а многие районы страны и совсем их не имели

Более густое развитие железных дорог ближе к западным границам империи было продиктовано отнюдь не экономическими потребностями страны, а военными соображениями — на случай войны с Германией

Еще в 70-х годах прошлого века при военном министре Д. А. Милютине стали создавать Западный укрепленный район, строились крепости по Висле, но прежде всего была создана разветвленная сеть железных дорог, обеспечивавшая мобилизационное сосредоточение русской армии Из общей суммы 628 млн руб , затраченных правительством к началу XX в на создание Западного укрепленного района, на строительство железных дорог приходилось 309,5 млн руб [4]

Военные авантюры царизма на Дальнем Востоке временно ослабили внимание правительства к западным границам, но дальнейшее укрепление русско-французского союза, образование Антанты и обострение борьбы между империалистическими странами вновь поставили в порядок дня большую программу строительства стратегических железных дорог на западе Эта программа была уже разработана к 1910 г , однако ее выполнение наталкивалось на недостаток средств

Следует вообще указать, что темпы железнодорожного строительства в XX в были значительно ниже, чем в последние десятилетия XIX в Особенно мало внимания обращалось на строительство экономических железных дорог. Генерал-лейтенант С А Ронжин, ведавший во время первой мировой войны в Ставке верховного главнокомандующего военными перевозками, признает, что строительство железнодорожной сети России на основном театре военных действий — от Балтийского моря до границ с Бессарабией — «происходило под сильным влиянием военного ведомства, и поэтому начертание сети в значительной мере отражало взгляды Генерального штаба на характер будущих военных операций» [5]

[4] ЦГВИА, ф 400, оп 4, д 445, лл 65—108 Стоимость железных дорог этих районов исчислена без подвижного состава

[5] *С А Ронжин* Железные дороги в военное время (по опыту мировой войны) Белград 1929, стр 4

В период депрессии железных дорог в общем удовлетворительно справлялись со своими задачами по перевозке грузов Во время же предвоенного промышленного подъема со всей очевидностью выяснилось, что пропускная способность существующих железных дорог, снабжение их паровозами и вагонами, строительство новых железнодорожных линий отстают от общего темпа развития народного хозяйства Что касается новых железных дорог, то, по данным «всеподданнейших отчетов» министра путей сообщения, длина железнодорожной сети России увеличилась с 61 223 верст в 1908 г до 65 289 верст в 1913 г, или по 800 верст в год

По данным же М М Шмуккера[6], за шесть предвоенных лет было сооружено около 3850 верст новых железных дорог, из которых 2945 верст построили частные предприниматели, а 895 верст — казна, причем 533 версты были начаты постройкой еще при Витте В планах нового железнодорожного строительства на 1913 г на долю казны приходилось лишь $^1/_3$ работ, а частные предприниматели строили в 2 раза больше — 5,5 тыс верст[7] В общем, можно сказать, что железнодорожное строительство накануне войны развертывалось недопустимо медленно, хотя нужда в экономических и стратегических железных дорогах была огромная

Накануне мировой войны наличие рельсовых путей только в Европейской России на единицу пространства было в 11 раз меньше, чем в Германии, и в 7 раз меньше, чем в Австро-Венгрии[8] Кроме того, в России было мало двухпутных железных дорог, составлявших около $^1/_4$ длины всей сети По данным Э Б Войновского-Кригер, двухпутные дороги в России составляли 27% общего протяжения, а в европейских странах процент их колебался от 39 до 56%

К началу войны не было закончено строительство Амурской железной дороги, не начато строительство Мурманской железной дороги Огромная Сибирская магистраль оставалась однопутной, а железная дорога Вологда — Архангельск была узкоколейной Это показывает непонимание русским правительством и министром путей сообщения С В Рухловым стоявших перед ними задач На фоне общего промышленного подъема страны прирост сети происходил «медленнее даже, чем в какой-либо другой период последних сорока лет, несмотря на то, что промышленное развитие страны, напротив того, совершается теперь значительно быстрее»[9]

[6] *М М Шмуккер* Очерки финансов и экономики железнодорожного транспорта России за 1913—1922 гг (в связи с общими экономическими явлениями жизни страны) Пг, 1923, стр 24

[7] ЦГИА СССР, ф 229, оп 4, д 716, лл 391 об — 392 401 об — 402 Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за 1913 г

[8] *К Ушаков* Подготовка военных сообщений России к мировой войне М — Л, 1928, стр 14

[9] «Рост промышленности России за последнее десятилетие и опасность застоя вследствие недостаточного развития сети железных дорог, водных и шоссейных путей» (Доклад совета съездов 7-му очередному съезду представителей промышленности и торговли), т 3 СПб, 1913, стр 6

Российская буржуазия видела в этом факте огромную опасность и старалась путем воздействия на правительство предупредить ее В докладной записке совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к развитию производительных сил России и к улучшению торгового баланса», представленной 12 июля 1914 г правительству в качестве программного документа в области экономической политики, обращалось внимание на развитие железных дорог, особенно тех, которые должны связать Донецкий и Домбровский угольные бассейны с промышленными районами и портами Балтийского моря Независимо от нового железнодорожного строительства буржуазия требовала усиления пропускной способности старых железных дорог, увеличения подвижного состава на дорогах и т д [10]

В период промышленного подъема увеличение грузового и пассажирского движения в России происходило быстрее, чем в какой-либо западноевропейской стране Количество грузов с каждым годом возрастало Прирост против предшествующего года достигал следующих размеров (в %) [11]:

	1909 г	1910 г	1911 г	1912 г	1913 г
Товарные грузы	7	5,4	11,1	11,1	10,5
Пассажиры	8,4	11,8	8,2	11,7	12,5

В то же время прирост движения во Франции, Германии и США колебался от 2,5 до 3% ежегодно

Прирост грузов опережал не только расширение железнодорожной сети, но и рост подвижного состава и паровозов Чтобы хоть как-нибудь справиться с массой грузов, железные дороги увеличили нагрузку на ось вагона со 188 пуд (1909 г) до 254 пуд (1913 г) [12]

Чтобы понять причины плохой работы железнодорожного транспорта в годы войны, недостаточно отметить только слабость пропускной способности и развития сети в предвоенные годы Надо более внимательно рассмотреть состояние паровозного и вагонного парка

[10] Докладная записка Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к развитию производительных сил России и к улучшению торгового баланса» Пг, 1914

[11] Цифры взяты из «всеподданнейших отчетов» Министерства путей сообщения за 1909—1912 гг (ЦГИА СССР, ф 229, оп 4, д 716, лл 14 об — 18, 269, 271, 365—365 об), а для 1913 г — из журнала «Народное хозяйство в 1913 г» (Пг, 1914) На отставание роста подвижного состава от роста грузооборота указывал крупный специалист в области железнодорожного дела В В Уржумцев Приняв грузооборот и подвижной состав в 1910 г за 100%, он подсчитал, что в 1913 г грузооборот вырос до 138,2%, а подвижной состав — лишь до 108,7% («К вопросу о недостатке подвижного состава на наших железных дорогах» Доклад В В Уржумцева Чрезвычайному всероссийскому съезду представителей биржевой торговли и сельского хозяйства — «Горнозаводское дело», 1915, № 14, стр 10791—10792) По данным Войновского-Кригер, на наших железных дорогах подвижного состава, особенно товарных вагонов, было в 2—3 раза меньше, чем на дорогах Европы

[12] *В А Сокович* Наше железнодорожное хозяйство — «Новый экономист», 1916, № 11, стр 5

железных дорог. Авторы многочисленных работ о железнодорожном транспорте — И Д Михайлов, М М Шмуккер, А А Неопихапов, В И Гриневецкии и др — единодушны в оценке причин слабои провозоспособности русских железных дорог. По их мнению, дело заключалось не только в слабости самой сети, но и в остром недостатке подвижного состава — паровозов и вагонов По официальным данным и расчетам И Д Михайлова, для полного использования пропускной способности только главных магистралеи в 1913 г не хватало 2 тыс товарных паровозов и 80 тыс товарных вагонов [13]

Если обратиться к состоянию паровозного парка, то ни численно, ни качественно он не стоял на высоте По признанию министра путей сообщения, «паровозный парк нашеи казенной железнодорожной сети отличался большим разнообразием типов, часто весьма устарелых» [14]. Количество паровозов на казенных железных дорогах за шесть предвоенных лет совершенно не выросло В 1908 г их было 15 146, а в 1913 г — 15 204 Количество паровозов на частных дорогах также оставалось почти стабильным: 4302 в 1908 г. и 4631 в 1913 г Всего, таким образом, паровозный парк империи увеличился в течение шести лет только на 387 паровозов, или на 2,6% В отдельные годы на железных дорогах кончало свою службу гораздо больше паровозов, чем заказывалось новых; с 1909 по 1911 г было исключено 1011 паровозов, а заказано новых — 918.

Из наличного состава паровозов примерно $^1/_4$ всего паровозного парка фактически давно уже вышла из строя, имея возраст от 40 до 45 лет, в то время как срок службы паровоза в России был установлен в 25 лет, а за границей — и того меньше [15]

Политика «экономии» на казенных дорогах и погоня владельцев частных дорог за повышенными дивидендами вели к тому, что производительная способность паровозных и вагонных заводов использовалась в минимальном количестве По данным годовых отчетов Министерства путей сообщения, железные дороги получали с заводов:

	1909 г	1910 г	1911 г	1912 г	1913 г
Паровозов	514	495	416	363	535
Пассажирских вагонов	2684	1090	1652	1515	1488
Крытых товарных вагонов и цистерн	2074	6532	5622	10 130	19042
Рельсов, млн пуд	19,3	19 7	24,7	34 3	31 1 [16]
Прочих изделии, млн пуд	13 6	19,3	19,6	18,0	19,0

[13] *И Д Михайлов* Транспорт Его современное состояние М, 1919, стр 5

[14] ЦГИА СССР, ф 229, оп 4, д 716, л 29 Всеподданнейший отчет министра путеи сообщения за 1911 г

[15] *И Д Михайлов* Указ соч, стр 6 По данным Н Васильева, 75% всех паровозов работало до 20 лет, около 20% — больше 30 лет Около 160 паровозов работало от 40 до 50 лет (*Н Васильев* Транспорт России в войне 1914—1918 гг М, 1939, стр 15)

[16] Производство рельсов в России достигало в 1913 г 39,9 млн пуд, но русские рельсы вывозились за границу в 1907 г было вывезено 5,9 млн пуд,

Бросается в глаза мизерная цифра поступления паровозов и вагонов, а между тем производство их не представляло никаких технических трудностей Русская промышленность располагала достаточно мощной базой для производства паровозов и вагонов, которая могла щедро обеспечить снабжение транспорта. Заводчики настойчиво добивались от казны увеличения заказов, но это не согласовывалось с планами правительства, требовавшего от Министерства путей сообщения поднять доходность железных дорог, которая достигалась бы не только увеличением перевозок товаров и грузов, но главным образом путей экономии на приобретении подвижного состава Результат этой политики был уже подытожен В И Гриневецким «При производительной способности наших восьми паровозостроительных заводов до 1500 штук в год,— пишет он,— она была использована максимально на 85% в 1906 г., удовлетворительно за весь период 1900—1906 гг, а потом слабо, понижаясь в 1911 и 1912 гг до 25—20%. Такая же неравномерность видна относительно выпуска *пассажирских и товарных вагонов* Производительная способность наших 17—20 вагоностроительных заводов оценивалась ими самими перед войной около 45 тыс товарных единиц, но в лучшие годы использовалась на 65—75%, а в 1909—1911 гг использование упало до 20—30% . Наблюдая общую картину русского паровозо- и вагоностроения, надо сказать, что вне эпохи широкой железнодорожной политики при графе Витте, в период 1895—1903 гг., Россия усиленно снабжала свою сеть подвижным составом лишь в связи с войнами» [17].

Данные других авторов целиком подтверждают эти выводы, свидетельствуя также о неполном использовании производительной способности паровозостроительных заводов [18]

В то время, когда железные дороги задыхались от недостатка паровозов, паровозостроительные заводы оставались без заказов, без работы Русские заводы сделали попытку выступить поставщиками паровозов на иностранных рынках (Румыния, Балканы), и хотя они предложили самые низкие цены, Германия не допустила поставок русских паровозов в эти страны

К 1912 г. производительность всех паровозостроительных заводов России упала до 25% от производительности 1906 г, а производительность Путиловского, Луганского, Сормовского и Невского заводов уменьшилась еще больше Только один Брянский завод, нахо-

в 1909 г — 8,8 млн пуд В последние годы в связи с ростом внутреннего потребления вывоз рельсов сократился

[17] *В И Гриневецкий* Послевоенные перспективы русской промышленности М, 1919, стр 110

[18] За 1900—1906 гг восемь заводов ежегодно выпускали от 1005 до 1266 паровозов Начиная же с 1907 г, выпуск новых паровозов катастрофически падает, составив в 1907 г 746 единиц, в 1908 г — 653, в 1909 г — 499, в 1910 г — 580, в 1911 г — 367, а в 1912 г — всего 308 Всего за шесть лет железные дороги получили с русских заводов 3153 новых паровоза стоимостью в 136,2 млн руб (*Д П Ильинский* и *В П Иваницкий* Очерк истории русской паровозостроительной и вагоностроительной промышленности М, 1929, стр 97)

дившийся в лучших условиях, сократил производство в два с небольшим раза [19] Чтобы поддержать производство заводов, их владельцы перешли на изготовление паровых котлов, сельскохозяйственных машин и т д

Положение вагоностроительных заводов, снабжавших железные дороги подвижным составом, после русско-японской войны стало значительно тяжелее, чем в начале XX в За 1907—1912 гг железнодорожный транспорт получил следующее количество вагонов [20]

	Заказано	Выполнено
Пассажирских	8 988 штук	8 918 штук
Товарных	54 707 »	52 934 »

Перед мировой войной значительно увеличился лишь парк пассажирских вагонов — с 21,7 тыс штук до 30,3 тыс штук, или на 40%. В отношении грузовых вагонов внимание было направлено на увеличение их грузоподъемности с 750 до 900 пуд Но это мероприятие не могло сгладить остроту недостатка товарных вагонов, число которых очень мало увеличилось За пятилетие (1909—1913 гг) вагонный парк увеличивался в среднем на 1,4% ежегодно, и притом такой мизерный прирост происходил, главным образом, за счет частных дорог, где годовой прирост равнялся 5%, на казенных же дорогах он достигал лишь 0,8% [21] За все предвоенные годы значительно улучшилось пассажирское движение, а скорость товарного движения даже уменьшилась

Между тем промышленность России располагала 16 мощными вагоностроительными заводами Комиссия Н Щукина, обследовавшая в 1912 г эти заводы, установила их ежегодную производительность в 30 тыс вагонов, а в дальнейшем, при условии подготовки квалифицированных кадров, она могла быть доведена до 63 тыс вагонов в год Следовательно, в предвоенные годы железные дороги использовали менее $^1/_3$ нормальной производительности вагонных заводов [22] Этот факт, как и недостаток паровозов, объясняется близорукой политикой правительства, поставившего во главу угла своей экономической политики обеспечение любой ценой бюджетного равновесия.

Русские железные дороги и в XIX в не отличались особым совершенством, но политика министра путей сообщения С В Рухлова в предвоенные годы углубила исторически складывавшиеся

[19] *Д П Ильинский* и *В П Иваницкий* Указ соч, стр 98

[20] Там же, стр 100 За 1904—1906 гг было израсходовано на приобретение подвижного состава 209 1 млн руб, а за 1907–1912 гг вагоностроительные заводы поставили пассажирских и товарных вагонов на 145 4 млн руб

[21] *А В Родионов* Железные дороги — «Народное хозяйство в 1913 г», стр 518

[22] *Д П. Ильинский и В П Иваницкий* Указ соч, стр 103—104

недостатки железных дорог, усилила разрыв между потребностями народного хозяйства и способностью железных дорог их удовлетворить

Этот разрыв проистекал, по мнению многих специалистов, из ошибочного направления в финансовой политике железнодорожного хозяйства, «когда ему ставилась главнейшей фискальная задача — максимальная доходность, а не органическая — содействие развитию производительных сил. Недостаточную экономичность хозяйства казенных железных дорог, охватывавших более двух третей всей сети, Министерство путей сообщения стремилось уравновесить скаредностью затрат на поддержание, возобновление и усовершенствование оборудования сети В частности, наиболее страдал подвижной состав» [23]

Буржуазные экономисты, правильно констатируя факт, не понимали лишь одного· «скаредность» в железнодорожном хозяйстве являлась лишь обратной стороной столыпинско-коковцовского «бездефицитного» бюджета. Поставив себе определенную задачу добиться бездефицитного бюджета, правительство Столыпина — Коковцова осуществляло ее за счет развития народного хозяйства, в частности за счет сковывания транспорта, а Государственная дума охотно помогала ему в этом

Министерство путей сообщения только за четыре года (1909—1912) не израсходовало из ассигнованных по сметам средств свыше 105 млн руб Из «всеподданнейших» отчетов министра путей сообщения за 1909 и 1913 гг. видно, что годовая чистая прибыль только казенной сети поднялась за это время с 146,7 млн руб до 307,4 млн руб в год, увеличившись за пятилетие более чем на 100% Чистый доход от казенных железных дорог за шесть предвоенных лет достигал огромной суммы — 1311,8 млн руб Кроме того, следует учесть крупные платежи процентов по железнодорожным займам и погашение их За пять предвоенных лет на эти цели из доходов казенных железных дорог было выплачено свыше 1,5 млн руб Таким образом, казенные дороги являлись в предвоенные годы важнейшим источником пополнения государственного бюджета [24]

Такое же положение наблюдалось и на частных железных дорогах, большинство которых выдавало акционерам огромные дивиденды Так, в 1912 г они выплатили 16,3%, а в 1913 г — 17,5% на акционерный капитал Чистая прибыль частных железных дорог увеличилась с 97 млн руб в 1909 г до 145,5 млн руб в 1913 г За все предвоенное пятилетие все железные дороги империи дали 1827,6 млн руб чистой прибыли [25].

[23] *В И Гриневецкий* Указ соч, стр 110

[24] «Журнал Министерства путей сообщения», 1916, кн 8, стр 101—105 Там приведены все расчеты о финансовом положении и доходности железных дорог По исчислению В А Соковича, доходность одной версты русских железных дорог повысилась с 4316 руб в 1909 г до 7669 руб в 1913 г, или на 78% («Новый экономист», 1916, № 11, стр 5)

[25] Данные о доходности взяты из «Народного хозяйства в 1913 г» (стр 521)

Нельзя сказать, чтобы Министерство путей сообщения не делало робких попыток добиться увеличения ассигнований на эксплуатационные расходы дорог В 1907 г оно составило план усиления пропускной и провозной способности дорог на пятилетие 1908—1912 гг, для выполнения которого требовалось отпустить 916,1 млн руб Большая часть этих средств предназначалась на приобретение подвижного состава (302,75 млн руб), затем на переоборудование станций (119,2 млн руб), организацию ремонтных заводов и мастерских (104,5 млн руб), закупку новых рельсов (120 млн руб) и усиление оборотных средств (22 млн руб) Осуществление намеченных мероприятий серьезно улучшило бы техническое состояние железных дорог и усилило бы их пропускную способность Но царское правительство оказалось не в состоянии реализовать эту программу. Все ведомства военное, морское, Министерство земледелия — требовали новых больших ассигнований А в это время само державие само изыскивало средства в Европе для покрытия финансовых последствий русско-японской войны, и транспорту, естественно, отказали в таких больших расходах

В 1910 г Министерством путей сообщения был представлен новый план, предусматривавший расход 1085 млн руб на ближайшее пятилетие «Между тем, взамен этого в течение десяти лет, с 1905 по 1915 г, в среднем ассигновывалось ежегодно около 75 млн руб вместо намеченных планом 1907 г 183 млн руб в год, т е усиление дорог ежегодно отставало от исчисленной программы по крайней мере на 100 млн руб, и это при том необычайном росте экономической жизни страны, который характеризовал последнее довоенное время» [26]

Факты, отмеченные А А Неопихановым, приводились министром путей сообщения А Ф Треповым в специальной докладной записке, поданной им в феврале 1916 г в Совет министров [27], а затем в его речи в Государственной думе Анализируя причины трудностей, возникших на железных дорогах, А Ф Трепов указывал, что беда произошла потому, что постройка железных дорог в России и до войны шла «очень медленным темпом», что развитие железных дорог «никогда не производилось в расчете на потребности войны» и постоянно отставало от нужд мирного времени Министерство путей сообщения, писал Трепов, постоянно ужималось в финансовых ассигнованиях и не получало необходимых средств Он ссылается на то, что перед войной министерству отказали в ассигновании на ближайшее пятилетие сперва 916, а потом 1085 млн руб Поэтому, делал вывод Трепов, «наша железнодорожная сеть не только не имела до войны никакого запаса в своей пропускной и провозной способности, но ее перевозочные средства далеко не удовлетворяли и потребностям обычных перевозок мирного времени» [28]

[26] *А А Неопиханов* Русский транспорт и его планирование М — Пг, 1924, стр 112—114

[27] ЦГВИА, ф 368 оп 1, д 67 л 8 Доклад Трепова в Совет министров от 15 февраля 1916 г

[28] Там же

Какие бы личные цели ни преследовал Трепов в критике деятельности своего предшественника Рухлова, он в общем правильно констатировал факт большого значения намеченную министерством программу значительного развития железных дорог правительство отказалось осуществить из-за финансовых трудностей. Казна не могла допустить «роскоши» развития железных дорог, исходя из потребностей экономического развития страны или из военных соображений Реальное финансовое положение правительства не позволяло ему осуществить вполне назревшие и технически целесообразные мероприятия [29]

Буржуазия напряженно следила за железнодорожной политикой правительства и предупреждала, что политика неразумной экономии неминуемо приведет к кризису Предложения буржуазии были направлены к тому, чтобы усилить частное строительство и увеличить оборудование существующих путеи, «дабы в годы, наиболее благоприятные по количеству перевозки грузов, не получился острый недостаток подвижного состава» [30]

Опасения буржуазии оправдались В 1909 г, когда грузооборот еще не достиг своего максимума, на железных дорогах уже появились огромные залежи грузов, достигшие 81 тыс вагонов С тех пор и вплоть до воины «залежи» не переводились В первой половине 1914 г их количество снизилось до 39 тыс вагонов [31]

В связи с этим явлением совет съездов представителей промышленности и торговли подал специальную докладную записку правительству, в которой предлагал для устранения в будущем затруднении проложить вторые пути и развернуть строительство новых линий Усиление провозоспособности юго-восточных дорог, указывалось в записке, дало бы «свободный выход каменному углю в Московский и Приволжский промышленные районы, а хлебу — к потребительским пунктам» В записке критиковалась деятельность Министерства путей сообщения, которое «стоит не на высоте положения», так как средства железнодорожного передвижения отстают от общего хозяйственного роста страны Совет съездов промышленности и торговли обращал внимание правительства «на громадные, могущие возникнуть затруднения в передвижении грузов, если немедленно не будут

[29] Накануне Февральской революции 1917 г рухловская политика подверглась критике в докладе Совету министров «О путях сообщения и условиях перевозок в третий год войны» со стороны преемника Трепова по управлению Министерством знающего чиновника Войновского-Кригер, временно управлявшего Министерством путей сообщения В начале своего доклада он уделил особое внимание тяговому хозяйству, отмечая отсталость паровозного парка железных дорог Он указывал, что тяга паровозного парка до войны не превышала «так называемого нормального паровоза, построенного еще в 1896 г» (ЦГВИА, ф 368, оп 1, д 67)

[30] «Железные дороги России» (Доклад совета съездов 5-му очередному съезду представителей промышленности и торговли), т 1 СПб, 1911, стр 69

[31] На одной только юго-восточной дороге в октябре 1913 г было 13 тыс вагонов скопившихся грузов К марту 1914 г их удалось уменьшить до 9290 вагонов (ЦГИА СССР ф 32, оп 1, д 736, л 2—2 об Записка совета съездов представителей промышленности и торговли «О затруднениях в перевозке грузов на сети юго-восточных железных дорог»)

решены вопросы об усилении существующих дорог в юго восточной части Европейской России и о сооружении в этом районе целого ряда новых линий для облегчения перевозок грузов»[32] Тревожные сигналы не повели к переменам До империалистической войны правительство продолжало старую политику без изменений

Слабость связей железнодорожной сети с портами отмечает и генерал С А. Ронжин «Что касается нашей общеимперской железнодорожной сети, — пишет он, — то с точки зрения подготовки к войне надо признать не вполне удовлетворительной нашу рельсовую связь с внешними морскими портами и с кавказским театром военных действий Нельзя было не предвидеть, что в случае европейской войны мы на Западе и на Юге будем лишены связи с нашими союзниками и подвоза извне Выходы из Балтийского и Черного морей преграждались очень легко Оставалось сообщение через Архангельск и Владивосток»[33]. Однако правительство ничего не сделало, чтобы обеспечить железнодорожные выходы к Архангельску и Владивостоку (Амурская железная дорога) Все эти сложные вопросы пришлось разрешать во время воины

Мы остановились лишь на коренных недостатках железных дорог. Деятельность Министерства путей сообщения в очень небольшой мере была направлена к их устранению и к планомерной подготовке дорог для решения задач, которые выдвинет войпа

Военное ведомство при генералах А Н Куропаткине и В А Сухомлинове прекрасно отдавало себе отчет в слабости русской железнодорожной сети, в превосходстве в этой области будущего противника на Западе, но сделало для подготовки дорог к войне очень немного

Генеральный штаб не интересовало обслуживание железными дорогами всего хозяйства страны Он прежде всего интересовался более узкой задачей — быстрым проведением мобилизации и выполнением обязательств, вытекающих из франко-русской военной конвенции о сосредоточении военных сил России против Германии и переходе в наступление через 15—18 дней после объявления мобилизации С этой точки зрения военные специалисты и подходили к подготовке дорог к войне

Однако и в этих узких рамках многое не было сделано К Ушаков, исследовавший в специальном труде подготовку русской железнодорожной сети к мировой войне, обоснованно делает вывод о «недостаточной подготовленности ее и в военном отношении Построение русской сети для обороны границ было неудовлетворительно»[34] Прежде всего бросалась в глаза крайняя неравномерность сети даже в пределах Европейской России; густота ее понижалась к востоку от меридиана Москва — Севастополь Европейская сеть связывалась с Сибирью только двумя магистралями Общее заключение Ушакова, с которым нельзя не согласиться, гласит «Россия имела железно

[32] Там же, лл 5—8
[33] *С А Ронжин* Указ соч, стр 6
[34] *К Ушаков* Указ соч, стр 15

дорожную сеть, не удовлетворявшую ни военным, ни экономическим требованиям, бедно развитую, не вполне удовлетворительную по начертанию, а главное, крайне пеструю по пропускной способности отдельных линий и к тому же бедно снабженную подвижным составом, вследствие чего даже небольшая фактическая пропускная способность не могла быть использована В несравненно большей степени все сказанное надо отнести к частной железнодорожной сети, отличавшейся наибольшей технической отсталостью и потому еще менее (чем казенная сеть) удовлетворявшей потребностям страны в военном отношении» [35]

Генеральный штаб видел, что Россия отстает от западных государств по густоте сети По всей линии нашей границы на запад выходило 13 линий дорог с 18 колеями, а Германия, Австрия и Румыния имели 32 железнодорожные линии с 46 колеями, по количеству подвижного состава и паровозов русские дороги значительно отставали от дорог европейских стран

Мобилизация русских железных дорог была возможна лишь в течение 5—9 дней Для этого требовалось передать западным дорогам 1192 паровоза, 1546 пассажирских вагонов и свыше 54 тыс товарных вагонов Все эти данные были учтены М В Алексеевым в его докладной записке об инженерной подготовке будущего театра военных действий [36] Русские дороги могли подвезти к западным границам 211 поездов в сутки, а дороги противника — 530 пар поездов

Учитывая указанные выше преимущества врага, военное министерство и союзники России — французы всячески стремились усилить наши западные дороги с целью ускорить сбор войска по мобилизации В эту сторону и были направлены главные устремления военного ведомства Кроме того, Генеральный штаб наметил соответствующее изменение в развертывании русских войск Интересны выводы из вышеупомянутой записки М В Алексеева, в которых стратегические задачи русской армии неразрывно связаны с оценкой состояния русских дорог «Сравнительная малочисленность числа колеи,— писал Алексеев,— подходящих к западной границе, и присущие нашей железнодорожной сети недостатки указывают на трудность успешного сосредоточения наших сил к исходным районам *и почти исключают,* в особенности при современных политических союзах, возможность рассчитывать на сборы наших войск к границе с переходом затем в наступление При современной войне мы опаздываем в деле сосредоточения дней на двадцать сравнительно с нашими врагами Состояние наших железных дорог при существующей у нас дислокации внушает серьезные опасения, что войска в пограничной полосе могут быть вслед за объявлением мобилизации ата-

[35] *К Ушаков* Указ соч, стр 15

[36] ЦГВИА, ф 2000, оп 2, д 1381, лл 80—125 Записка М В Алексеева «Об инженерной подготовке будущего театра военных действий» 1908 г Содержание записки вошло в основном в доклад В А Сухомлинова от декабря 1909 г «О мероприятиях по обороне государства» В этом докладе, представленном года на полтора позже записки Алексеева, приводятся несколько иные цифры, уточняющие обстановку

кованы превосходными силами противника без возможностей быть действительно поддержанными войсками внутренних округов Наши противники будут в состоянии наносить нам удары всеми своими силами в течение трех примерно недель, когда наши армии будут находиться еще в периоде неокончепного сосредоточения» [37]

Из этои оценки фактов М В Алексеев делал двоякий вывод с одной стороны, об оттягивании сосредоточения русских воиск за Вислу на восток, а с другой — он намечал ряд мер по линии усиления строительства же гезных дорог Главное значение он придавал окончанию строительства Амурскои железнои дороги, усилению провозной способности железных дорог на западе и увеличению прокладки вторых и третьих путей на старых линиях Большое значение он уделял и железнодорожной связи России с окраинами — с Кавказом и Среднеи Азией Поэтому совершенно неправ Н Васильев в своем утверждении, что, «начиная с 1908 г, требования Генерального штаба на постройку стратегических линий почти прекратились» [38]

В записке Алексеева и еще более ярко в совещаниях генеральных штабов России и Франции были намечены стратегические линии, строительство которых было признано первоочередным [39]

На факт военно-технической и железнодорожнои отсталости России указывает в своих «Воспоминаниях» бывший министр иностранных дел С Д Сазонов Отметив постоянную боевую готовность Германии, он писал «Даже Австро-Венгрия, близкая уже много лет к государственному банкротству, стояла выше России, с точки зрения своего вооружения, и довела до большого развития сеть своих стратегических железных дорог С этой последней точки зрения наша отсталость была особенно поразительна Для исправления недостатков наших железнодорожных сообщений были необходимы огромные суммы, которые мы могли получить только из-за границы и в которых наши союзники нам не отказывали, но, прежде всего, для этого нам был необходим прочный и продолжительный мир» [40].

Усиление военно-стратегической готовности царской России к войне путем строительства железных дорог достигалось царскои Россией только ценой усиления финансовой кабалы и зависимости России от французского империализма

В числе утвержденных в 1910 г военных мероприятий, направленных на усиление русской армии, предусматривалось значительное строительство стратегических железных дорог, на которое только по линии Военного министерства ассигновывалось свыше 100 млн руб Французы со времени образования франко-русского союза близко интересовались строительством стратегических дорог Еще в 1901 г Делькассе сделал заявление о готовности помогать русскому

[37] ЦГВИА, ф 2000, оп 2 д 1381 лл 80—125 Записка М В Алексеева
[38] *Н Васильев* Указ соч, стр 30
[39] «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг» М, 1922, стр 697—718
[40] *С Д Сазонов* Воспоминания Париж, 1927, стр 36

правительству получить необходимые средства для таких улучшений в русских железных дорогах, «которые будут признаны русским Генеральным штабом необходимыми» для осуществления русской армией наступления против Германии на 18-й день мобилизации

Ю Н Данилов, игравший накануне мировой войны важную роль в русском Генеральном штабе, подтверждает, что все начальники французского генштаба, встречавшиеся с русскими представителями, предъявляли к России «неизменное требование, которое сводилось к принятию нами наступательного образа действий против Германии, притом осуществляемого возможно большими силами и — главное — *в кратчайший срок*» [41] Поэтому во всех протоколах совещаний представителей генштабов видное место занимает вопрос о строительстве стратегических железных дорог в России

В выборе направления для строительства железных дорог французы были весьма настойчивы С А Ронжин также отмечает большую заинтересованность французов в вопросе усиления железных дорог на западе России «Указанная тенденция железнодорожного строительства в направлении западной границы усиливалась еще и настойчивыми пожеланиями нашего главного союзника, для которого ускорение нашего сосредоточения могло иметь, и весьма вероятно фактически имело, решающее значение» [42]. О том же свидетельствует в своих воспоминаниях бывший председатель Совета министров В Н Коковцов. Он рассказывает, как во время совещания начальников генштабов в июле 1912 г французский генерал Жоффр явился к нему на квартиру с разработанной схемой строительства новых железных дорог в России и обратился к нему со словами «Я приехал к вам, господин председатель, с просьбой оказать нам вашу помощь в деле развития русской железнодорожной сети, так как от этого зависит теперь вся подготовка наших общих военных сил» Коковцов ответил Жоффру, что «все дело нашего железнодорожного строительства зависит исключительно от возможности скорой реализации капиталов для этой цели» [43]. Капиталы эти русское правительство, разумеется, искало у французских капиталистов Во время этой беседы выяснилась прекрасная осведомленность французов во всех деталях железнодорожного строительства в России

В 1910 г было введено новое мобилизационное расписание в России, которое с небольшими изменениями и было проведено в жизнь во время войны 1914 г [44] По этому плану мобилизационные перевозки в начале войны достигали 4591 эшелона. из них около 60% направлялись западнее линии Москва—Харьков—Петербург План мобилизации был составлен так, что оставлял неиспользованной значительную часть провозоспособности железных дорог Происходило это, главным образом, из-за недостатка подвижного состава Недос-

[41] *Ю Н Данилов* Наше стратегическое развертывание в 1914 году и идеи, положенные в основу его — «Военный сборник», Белград, № 4, 1923, стр 70
[42] *С А Ронжин* Указ соч, стр 4
[43] *В Н Коковцов* Из моего прошлого, т II Париж, 1933, стр 178
[44] *Н Васильев* Указ соч, стр 39

татоk паровозов, по окончательным подсчетам, достигал 2 тыс штук Поэтому выполнение плана мобилизационной готовности дорог требовало строительства новых стратегических дорог и усиления подвижного состава — вагонов и паровозов на всех дорогах империи Мобилизационная подготовка дорог вскрыла крупное несоответствие пропускной способности железных дорог к западу и востоку от меридиана Москвы. Из-за этого с конца второй недели мобилизации приграничные дороги не могли работать на полную мощность ввиду недостаточного подвоза с востока и центра России Для ликвидации этого недостатка требовалось значительное увеличение числа паровозов и строительство новых железных дорог протяжением свыше 6 тыс км[45].

За год до начала мировой войны В А Сухомлинов в письме от 24 апреля 1913 г к министру финансов и председателю Совета министров В Н Коковцову указал на основные недостатки русских железных дорог[46] Эти недостатки были очень существенны и тормозили быстрое проведение мобилизации русской армии Переброска русских войск в намеченные места сосредоточения могла быть осуществлена только к 28-му дню мобилизации «Причина столь медленного хода перевозок по сосредоточению,— писал Сухомлинов,— кроется главным образом в недостаточной пропускной и провозной способности нашей железнодорожной сети» Вследствие этого «62% эшелонов частей войск, отмобилизованных и вполне готовых к перевозке, приходится задерживать в пунктах их квартирования на несколько дней, пока линии, по которым они должны следовать, не освободятся от перевозки ранее поднятых частей; . магистральные линии в западной пограничной полосе не могут с конца 2-й недели мобилизации работать полным графиком, так как к ним нельзя подвезти своевременно и в нужном числе эшелоны дорог центральной и восточной части Европейской России. Требуется усилить 6244 км железнодорожных линий западной полосы, из коих на протяжении 4200 км уложить вторую колею и добавить 4225 паровозов Кроме того, желаемого усиления можно достигнуть лишь с постройкой двух новых линий, одной — на Северо-Западном фронте, а другой — на Юго-Западном фронте».

К концу 1913 г.— началу 1914 г. военное ведомство разработало конкретный план мероприятий, направленных к развитию и усилению железнодорожной сети в стратегических целях[47] Им предусматривалось увеличение паровозного парка на 2 тыс паровозов при одновременном увеличении числа паровозов в течение пяти лет на 3 тыс штук для коммерческого движения Военное ведомство требовало оборудования подвижного состава автоматическими тормозами Предусматривалась постройка 4790 верст новых железных дорог, укладка второй колеи протяжением 2879 верст, усиление пропускной способности ряда важнейших участков железных до-

[5] Там же, стр 35—37
[6] *К Ушаков* Указ соч, стр 55—56
[47] Там же, стр 187—193, прилож 7 и 8

рог до возможного предела [48] на протяжении 5549 верст, перешивка ряда узкоколейных дорог на широкую колею и мероприятия по усилению пропускной способности дорог Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока

Приведенный нами перечень мероприятий, осуществление которого было необходимо в целях повышения боевой готовности русской армии, далеко выходит за рамки интересов чисто военного ведомства Осуществление только этих мероприятий требовало общегосударственного вмешательства, огромных денежных средств и строжайшего контроля Чтобы осуществить намеченные мероприятия, правительство обратилось за деньгами к французам Французское правительство согласилось гарантировать России в ближайшие пять лет ежегодное получение на парижском денежном рынке от 400 до 500 млн франков на нужды, связанные с программой железнодорожного строительства Таким образом, в течение пяти лет на строительство стратегических железных дорог должно было быть вложено 750—900 млн руб только французских капиталов Однако этот заем французское правительство согласилось обеспечить при непреложном выполнении царским правительством двух следующих условий

«1) постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генеральным штабом на западной границе, будет немедленно предпринята;

2) наличный состав русской армии в мирное время будет значительно увеличен» [49]

Подведем некоторые итоги.

Общее экономическое развитие России и финансовая политика царского правительства определяли отсталость русской железнодорожной сети, которая не справлялась с обслуживанием экономических нужд народного хозяйства страны Железные дороги не вполне были подготовлены и к решению чисто военных задач

Ответственность за это несли царское правительство, превратившее железные дороги в источник получения доходов, и частные железнодорожные магнаты, заинтересованные только в личном обогащении Вопрос о широкой программе железнодорожного строительства царским правительством не был поставлен, да он и не мог быть им реализован вследствие отсутствия капиталов

Железнодорожный транспорт перед войной не справлялся с ростом перевозок Слабость в работе транспорта проявлялась в систематических залежах грузов Нужно было широкое новое строитель-

[48] На ряде участков — до 16 пар поездов, на других — до 35 пар воинских поездов

[49] «Материалы по истории франко русских отношений за 1910—1914 гг», стр 587 Нота посольства Французской республики министру иностранных дел С Д Сазонову от 11/24 августа 1913 г В целях быстроты концентрации воиск французы потребовали провести новые пути, соединяющие восточную Россию с районами Варшавы, а также значительно увеличить подвижной состав — вагоны и локомотивы на русских дорогах Что касается второго требования французов, то речь идет о мероприятиях, предусмотренных большой военной программой

ство, укладка вторых путей, усиление узловых станций, значительное увеличение подвижного состава В первую очередь, надо было усилить дороги Донецкого бассейна и те магистрали, по которым двигалось колоссальное количество грузов к центру России В этом отношении ничего не было сделано Перед войной уже начали сказываться результаты «расчетливой» политики С В Рухлова Полностью же плоды этой политики правительство пожало во время войны, которая «застала русскую железнодорожную сеть без всякого запаса провозной и пропускной способности, так как перевозочные средства далеко не удовлетворяли и потребностям обычных перевозок мирного времени» [50] Железные дороги испытывали острую нужду в паровозах и товарных вагонах. Между тем производительная мощность существующих предприятий не использовалась. Железные дороги вступили в войну с крайним недостатком подвижного состава

Ни правительство, ни Военное министерство ничего не сделали для подготовки железных дорог на случай войны Программа Военного министерства сводилась лишь к проведению мобилизации и в этой связи к усилению стратегических дорог на западной границе Совершенно не было предусмотрено новое направление грузопотоков на случай европейской войны, хотя готовились именно к ней Не были согласованы работа и оборудование портов с работой железных дорог Не был изучен вопрос о формах экономической связи с союзниками и о методах перевозки поступающих от них грузов

Не только Министерство путей сообщения, но и все правительство в целом не понимали значения железных дорог как одного из основных элементов экономической и боевой готовности государства к большой европейской войне Планирование железных дорог в целях войны не шло дальше самой начальной стадии войны — мобилизации Такая преступная близорукость политики царского правительства является следствием экономической, финансовой и военной отсталости страны, нежелания и неумения извлечь соответствующие выводы из уроков русско-японской войны

Таким образом, военные затруднения в работе железнодорожного транспорта в значительной мере были подготовлены всей предшествующей политикой правительства, не оценившего той роли, которую транспорт должен сыграть как в ходе военно-стратегических операций, так и в организации всей работы тыла

Мобилизация железнодорожного транспорта и его перестройка в связи с войной

По официальным данным, война произвела следующие коренные изменения в работе железных дорог В ведение военных властей перешло 22 тыс верст железных дорог, что составляет 33% всей сети. К 1 января 1915 г линия железных дорог фронта увеличилась

[50] *А А Неопиханов* Указ соч, стр 114

до 24,6 тыс верст [51]. На дорогах фронта находилось 166 тыс вагонов (33% всего количества) вместо 119 тыс вагонов до войны и 7 тыс паровозов (35%) вместо 5700 до войны [52] Таким образом, не только сократилась сеть дорог тыла, но и значительно уменьшилось количество вагонов и паровозов

Тыловые дороги должны были обслуживать не только нужды хозяйства, но и выполнять огромные перевозки для фронта Достаточно сказать, что перевозка интендантских грузов для армии в первый год войны занимала не менее 110 тыс вагонов [53] В первом полугодии 1915 г военные перевозки занимали на тыловых дорогах 145 тыс вагонов, что составляет свыше 40% всего товарного парка Для нужд коммерческих перевозок железнодорожная сеть располагала в 1915 г вдвое меньшим вагонным парком, чем до войны,— 153 тыс вагонов вместо 308 тыс [54] Все это должно было породить ряд трудностей в работе дорог тыла

Первой проверкой железнодорожного транспорта во время войны явилась мобилизация, потребовавшая огромного напряжения в работе дорог и почти полного прекращения перевозок коммерческих грузов и частного пассажирского движения По отзыву военных специалистов и по официальным материалам [55], мобилизация в России прошла

[51] «Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну», ч II Пг, 1916, стр 7 Данные, приведенные в очерке, совпадают с данными в «Отчете о деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятии по перевозке топлива и продовольственных и военных грузов за период сентябрь 1915 г – сентябрь 1916 г» (Пг, 1916, стр 12 — далее «Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке») К 1 января 1915 г русская армия завоевала 4 тыс верст австрийских дорог и 100 верст немецких С другой стороны, немцы заняли около 1500 верст железных дорог в Польше

[52] После проведения мобилизации на военные дороги дважды посылалось подкрепление всего в количестве 21 тыс вагонов и 725 паровозов («Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке», стр 12)

[53] «Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке», стр 19–20

[54] «Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну», ч II, стр 20—21, «Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке», стр 34

[55] В первом же «всеподданнейшем докладе» министра путей сообщения царю о работе железных дорог за первый месяц войны было отмечено, что «перевозка частных грузов была почти совершенно прекращена, пассажирское движение доведено до минимальных, предусмотренных воинским графиком, размеров» Зато перевозка военных поездов, доставка материалов и фуража «выполнялись дорогами своевременно, без значительных затруднении и отступлении от плана» Товарные перевозки стали постепенно восстанавливаться на дорогах восточного района К середине августа 1914 г погрузка достигла 70% по сравнению с августом 1913 г, а на казенных дорогах — даже 75% На дорогах фронта частные перевозки в конце августа составляли 35%, или около 1/3 сравнительно с августом прошлого года Главная заслуга в проведении мобилизации принадлежит железнодорожным рабочим и служащим Но их усилия ничем не были отмечены Зато работники Военного министерства — генералы А С Лукомский и А А Добровольскии — были произведены в следующий чин (ЦГИА СССР, ф 273, оп 10, д 2583, л 2—2 об, 4 Всеподданнейший доклад министра путей сообщения от 4 октября 1914 г (копия). Далее мы довольно часто пользуемся этим источником, который до сих пор оставался совершенно не использованным в нашей научной литературе)

хорошо, железные дороги работали четко, перевозка войск и грузов совершалась по графику Восемь железных дорог значительно перевыполнили мобилизационное задание, на других дорогах перевозочная способность была далеко не использована

Во время мобилизации большая часть паровозного и товарного парка была использована для перевозки войск К 1 сентября 1914 г для военных перевозок было занято 50% вагонов I и II классов и до 15% вагонов III и IV классов Так как для сбора порожняка требовалось время, то большинство железных дорог достигло максимальной провозоспособности не в первые дни мобилизации, а спустя некоторое время — через 8—12 дней На восьмой день мобилизации 21 железная дорога достигла максимальных перевозок, на двенадцатый день — 32 дороги [56]. Следовательно, для полной мобилизации железных дорог требовалось больше недели По свидетельству С А Ронжина, все мобилизационные перевозки по сосредоточению войск были выполнены «с полным успехом» Только в это время, собственно в процессе подготовки войны, железные дороги перевезли свыше 3500 воинских эшелонов [57]

5 сентября 1914 г министр путей сообщения докладывал царю, что благодаря самоотверженному отношению к делу железнодорожных рабочих и служащих перевозка эшелонов на фронт происходит «со всей необходимой быстротой и точностью» Некоторые трудности создались на Сибирской железной дороге, где пришлось увеличить движение с намеченных 8 пар воинских поездов до 13 Но и с этой чрезвычайно ответственной задачей дорога справилась В сентябре на Сибирской дороге установилось регулярное движение 16 пар поездов Коммерческая погрузка грузов на дорогах восточных районов составляла 75—80% сравнительно с 1913 г

Несмотря, однако, на успокоительный характер министерских докладов царю, нельзя было скрыть резкого сокращения перевозок коммерческих грузов, что не могло не отозваться на всей хозяйственной жизни страны В августе 1914 г 214,2 тыс вагонов — почти половина вагонного парка (47,7%) — были выделены для воинских перевозок, но с каждым месяцем это количество уменьшалось, пока в декабре не снизилось до 105 тыс вагонов, или 23,1% всего количества товарных вагонов Соответственно увеличивались коммерческие перевозки. В августе 1914 г на каждую 1 тыс вагонов приходилось лишь 557 вагонов для всех коммерческих перевозок в тылу; в октябре это количество повысилось до 775, а в декабре опять снизилось до 673 вагонов [58].

Сравнивая работу дорог тыла за второе полугодие 1914 г с первым полугодием, получаем данные, свидетельствующие о снижении погрузки вагонов до 69—70% Такое снижение тем более разительно, что работа транспорта не совпадает по полугодиям, так как реализация урожая и образование запасов топлива на зиму вызывают сезонные перевозки

[56] *Н Васильев* Указ соч, стр 68
[57] *С А Ронжин* Указ соч, стр 17
[58] *Н Васильев* Указ соч, стр 67

Несмотря на прекрасный урожай, страна по вине железных дорог переживала продовольственный кризис в первом же году войны В отчете о деятельности Особого совещания по перевозке [59] это положение объяснялось тем, что из основных продовольственных районов хлеб нельзя было доставить, так как железные дороги были заняты воинскими перевозками; Сибирь, север и юг были как бы отрезаны от потребляющих центров Европейской России. Другие данные также указывают на значительное свертывание коммерческого оборота в связи с объявлением войны и медленное восстановление его лишь к концу года, причем общий уровень его оставался на $^1/_3$ ниже довоенного. В общем, за второе полугодие 1914 г. железные дороги перевезли на 2 млрд пуд. меньше сравнительно со вторым полугодием 1913 г. [60]

Об общем снижении перевозок дают представление перевозки двух наиболее массовых грузов — хлеба и угля. Погрузка хлеба за второе полугодие 1914 г по сравнению с теми же месяцами 1913 г сократилась с 712 тыс вагонов до 353 тыс вагонов [61]. Вывоз топлива из Донбасса за время с 1 июля 1914 г. по 1 апреля 1915 г снизился сравнительно с теми же месяцами предыдущего года на 27% [62] За эти девять месяцев фактический недогруз угля против нарядов Харьковского комитета по перевозкам достиг 325 тыс вагонов, или более 35 тыс. вагонов в месяц.

Следует к тому же иметь в виду, что такой большой недогруз относился к плану, значительно сокращенному против заявок [63]

Работа А М. Арцимовича [64] особенно убедительно показывает глубокие изменения, происшедшие с перевозками в связи с воиной Сравнивая все перевозки коммерческих и воинских грузов второи половины 1914 г со средними цифрами перевозок за то же полугодие 1911—1913 гг., он приходит к выводу о сокращении их на 11,5% По отдельным категориям грузов это снижение еще более значительное. по керосину и нефтепродуктам — на 19,4%, по хозяйственным грузам — на 33,3% [65] Автор указывает и причины общего сокращения грузовых перевозок: колоссальный рост людских перевозок, отвлекший массу товарных вагонов, и ухудшение использования транспорта в связи с войной

Если из общего грузооборота исключить воинские перевозки, то отправка грузов за указанные месяцы снизилась в среднем по сравнению с предшествующим трехлетием на 16,1% Больше всего умень-

[59] «Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке», стр 33—36
[60] «О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны» Пг, 1916, стр 8
[61] *Н Васильев* Указ соч, стр 69
[62] *Л Б Кафенгауз* Снабжение страны минеральным топливом во время войны — «Труды комиссии по изучению современнои дороговизны», вып II М, 1915 стр 248
[63] Там же, стр 250—251
[64] *А М Арцимович* Состояние железнодорожного транспорта во время войны — «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», вып III М, 1915, стр 103—119
[6] Там же, стр 103—105

шились погрузки леса (на 44%), керосина и нефтяных продуктов (на 22,4%), рогатого скота (на 21%), а все «остальные грузы» дали сокращение на 8,9% [66]

Такое резкое сокращение перевозок имело огромное значение для промышленной и торговой жизни страны, послужив толчком к росту дороговизны и развитию спекуляции Сокращение коммерческих перевозок являлось совершенно неизбежным следствием уменьшения количества вагонов, оставшихся в распоряжении службы движения. Около $^1/_3$ всех вагонов (32,1%) были выделены для воинских перевозок, причем в августе 1914 г. под воинские перевозки была выделена почти половина вагонов [67]

Война создала чрезвычайно неблагоприятные условия для работы транспорта Она разорвала единую сеть железных дорог с одним регулирующим центром на две части: на дороги тыла и на дороги фронта с различными управлениями

Для регулирования движения и согласования интересов частных отправителей с интересами военного ведомства 29 июля 1914 г был создан Особый распорядительный комитет, который работал под руководством начальника управления железных дорог с участием представителей военного ведомства Но этот орган не справился с регулированием движения Железные дороги фронта в организационном отношении не представляли единого целого они были разделены между отдельными фронтами, и их управление оказывалось подчиненным главным начальникам снабжений. Военные дороги оказались независимыми от Министерства путей сообщения, которое однако, должно было заботиться о снабжении дорог фронта подвижным составом и всем необходимым оборудованием [68].

Военные действия происходили в районе с наиболее густой железнодорожной сетью Несмотря на это, ее состояние «совершенно не соответствовало ожидаемой работе по обслуживанию армий Железные дороги были недостаточно развиты и оборудованы, их направление и устройство не отвечало новым грузовым потокам, вызванным войной» [69].

Если расчленить второе полугодие 1914 г на отдельные периоды, то в летние и первых два осенних месяца железные дороги неплохо справлялись с важнейшими перевозками Так, во второй половине октября было погружено 299 тыс вагонов, или на 23 тыс

[66] Там же, стр 106

[67] Там же, стр 118 На фронтовые дороги было дополнительно откомандировано (кроме бывших до мобилизации) 800 паровозов, 20 тыс вагонов и 20 тыс теплушек (ЦГИА СССР, ф 273, оп 10, д 2583, лл 9—10 Всеподданнейший доклад министра путей сообщения от 4 сентября 1914 г)

[68] На основе «Положения о полевом управлении войск» в Ставке находился начальник военных сообщений при верховном главнокомандующем с очень ограниченным штатом технических работников два штаб-офицера Генерального штаба и два инженера VI класса Министерства путей сообщения, специалисты по движению и по тяге В таком положении дело оставалось до весны 1915 г

[69] «Пути сообщения на театре войны 1914—1918 гг», ч 1 М, 1919—1920 стр 10—11

вагонов больше, чем в первую половину месяца По данным доклада министра путей сообщения царю, вывоз угля из Донбасса в октябре 1914 г также увеличился и превзошел вывоз в октябре 1913 г [70] Однако начиная с ноября и особенно в декабре 1914 г происходит резкое ухудшение работы дорог, и грузов перевозится меньше, чем в 1913 г Тогда же происходит резкое сокращение перевозок основных грузов, играющих решающую роль в работе промышленности За полтора месяца (ноябрь — первая половина декабря) было погружено только 76% от уровня 1913 г Недогруз достиг почти 1/ всех перевозок Особенно резко сократился вывоз угля со 180 млн пуд в соответствующий период 1913 г до 148 млн пуд в 1914 г [71]

Чтобы удовлетворить потребности страны в топливе, вывоз донецкого угля необходимо было увеличить примерно на 75% сравнительно с довоенным временем и довести его до 2,1 млрд пуд в год вместо запроектированной правительством максимальной нормы 1 5 млрд пуд Но и намеченное количество регулярно не вывозилось по причине недостатка вагонов Следует учесть, что в связи с удлинением расстояний, на которые перебрасывалось донецкое топливо, для его перевозки требовалось на 35—40 тыс вагонов более, чем до войны

Еще более ухудшилось дело в январе-феврале 1915 г Дороги оказались совершенно не в силах справиться с наступившими снежными заносами, которые задержали движение на несколько дней [72]. Тяжелые климатические условия совпали с массовым отвлечением порожняка на дороги фронта К этому времени значительно увеличились интендантские грузы для армии, которые стали занимать вместо 800—900 вагонов до 2 тыс вагонов в день, причем фураж приходилось вывозить из Сибири Вследствие этого погрузка во второй половине января 1915 г упала до 70% от прошлого года, а угля было вывезено вместо 72 млн пуд всего около 56 млн пуд. [73]

Железные дороги стали переживать кризис, который особенно обострился в феврале 1915 г Министр путей сообщения признал условия работы железных дорог в этот период «особенно тяжелыми» Впервые прозвучала ссылка на испытываемый дорогами недостаток перевозочных средств и было повторено указание на метели, затруднявшие движение В феврале же на фронт было отвлечено на 7 тыс вагонов больше обычного Погрузка коммерческих грузов во второй половине февраля 1915 г упала по сравнению с соответствующим периодом 1914 г до 64% против 66% за первую половину

[70] Такое сравнение, которым щеголял министр путей сообщения, не совсем правильно, так как в связи с войной спрос на донецкий уголь возрос в огромной степени Поэтому уровень 1913 г, с которым все время происходит сравнение, является совершенно недостаточным Чтобы удовлетворить потребителей, угля следовало вывозить намного больше

[71] ЦГИА СССР, ф 273, оп 10, д 2583, лл 29 об — 30 Всеподданнейший доклад министра путей сообщения от 31 декабря 1914 г

[72] Там же, лл 33—34 Всеподданнейший доклад министра путей сообщения от 12 февраля 1915 г

[73] Там же, л 34

февраля, а вывоз минерального топлива упал до рекордно низкой цифры - 42 млн пуд [74]

Последствия плохой работы дорог отразились на работе всей промышленности Перед правительством остро встал вопрос о катастрофическом недостатке топлива Во «всеподданнейшем докладе» в конце апреля, давая обзор работы железных дорог за первые 3,5 месяца 1915 г, Рухлов пытался поставить объем перевозок в тылу в исключительную зависимость от величины отлива вагонов на театр военных действий. Разница между наибольшей и наименьшей задолженностью дорог фронта достигала действительно солидной цифры в 28 тыс вагонов (10 тыс и 38 тыс вагонов), а количество вагонов на дорогах тыла колебалось от 307 тыс в январе 1915 г. до 317 тыс вагонов в первой половине апреля (в феврале оно сократилось до 293 тыс вагонов) [75]

Рухлов приводит данные о распределении вагонов между различными группами отправителей Под военные перевозки было занято 30 тыс вагонов, под интендантские грузы — 76 тыс, под вывозку грузов из Владивостока — 24 тыс, под вывозку минерального топлива и горнозаводских грузов из Донецкого бассейна — 98 тыс вагонов Если к ним прибавить еще 12 тыс неисправных вагонов, то для всех остальных грузов оставалось [76]

В 1-й половине января	—	67	тыс	вагонов,	или	9900	вагонов	в	сутки
Во 2-й » »		61	»	»	»	8600	»	»	»
В феврале		53	»	»	»	8400	»	»	»
В 1-й половине марта		49	»	»	»	6700	»	»	
Во 2-й » »		68	»	»	»	9300	»	»	
В 1-й » апреля		77	»	»	»	11500	»	»	»

Несмотря на наметившееся улучшение в работе железных дорог, Рухлов приходил к грустному заключению относительно перспектив вывоза донецкого топлива и определял максимальную цифру вывоза в 120 млн. пуд в месяц, в то время как один только потребности железных дорог, флота и заводов, работавших на оборону, определялись в 95 млн пуд При условии полного выполнения плана перевозок все остальные потребители топлива могли получить не более 25 млн пуд угля, или всего только около 20% намеченной нормы вывозки Повысить норму вывозки угля было невозможно, так как и без того уголь занимал около 30% наличного вагонного парка, дальнейшее отвлечение вагонов под уголь должно было повлечь сокращение других перевозок [77]

Только во второй половине апреля наметилось значительное улучшение перевозок. Общая погрузка увеличилась по сравнению с

[74] Там же, лл 39—40 Всеподданнейший доклад министра путей сообщения от 12 марта 1915 г
[75] Там же л 42—42 об Всеподданнейший доклад министра путей сообщения от 23 апреля 1915 г
[76] Там же, лл 42 об — 43
[77] Там же, лл 44 об — 45

февралем на 25%. Вывоз горнозаводских грузов и угля достиг плановых норм Министр констатировал, что «погрузка как всех горнозаводских грузов, так, в частности, и минерального топлива в апреле месяце была выше, чем за все предыдущие месяцы полугодия (ноябрь 1914 г — апрель 1915 г)»[78] Некоторое улучшение работы дорог было налицо Вопрос заключался лишь в том, долго ли оно будет продолжаться, и, во-вторых, может ли данный уровень работы дорог обеспечить нужды военного хозяйства страны и возросшие потребности армии в связи с развитием активных операций

В половине мая 1915 г работа дорог держалась на уровне апреля, но это все-таки составляло лишь 78% от погрузки 1914 г Таким образом, в лето 1915 г железнодорожный транспорт вступал со значительным снижением перевозок. Пыталось ли Министерство пути сообщения разобраться в обстановке, дать правильное объяснение причин плохой работы дорог и наметить действенные меры к улучшению основной артерии всей экономической жизни страны?

Еще в конце апреля[79] Рухлов поставил объем перевозок в тылу «почти исключительно» в прямую зависимость от количества отвлекаемых на фронт вагонов К этой «основной» причине министр прибавлял всякого рода конъюнктурные влияния метели, обилие праздников, а с весны 1915 г — нераспорядительность копей, якобы не использовавших назначенные им вагоны в размере 15% [80]. В докладе Рухлова царю нет предложений о необходимости решительных мероприятий в деле срочного и значительного увеличения количества вагонов и паровозов Между тем анализ использования вагонов для перевозки основных грузов весной 1915 г показывает, что с наличным парком вагонов невозможно было добиться сколько-нибудь заметного улучшения перевозок[81].

Недостаток вагонов и паровозов пытались несколько смягчить путем лучшего использования подвижного состава. Уже осенью 1914 г использование товарных вагонов на дорогах тыла увеличилось на 19,8%, а паровозов — на 7%, но это достижение значительно снижается ухудшением пробега вагонов на фронтовых дорогах на 12,6%. В итоге реальное улучшение использования вагонов всей сети составляло лишь 8,6% [82]

В мае 1915 г по всему фронту развернулись бои, и это вновь повлекло отлив 13 тыс вагонов на дороги фронта Все же погруз-

[78] ЦГИА СССР ф 273, оп 10, д 2583, л 50 об Всеподданнейший доклад министра путей сообщения от 14 мая 1915 г

[79] Там же, лл 42—43 Всеподданнеишии доклад министра путей сообщения от 23 апреля 1915 г

[80] Там же, л 54—54 об Всеподданнейшпй доклад министра путеи сообщения от 28 мая 1915 г

[81] За первый квартал 1915 г на дороги поступило 8 тыс вагонов и 200 паровозов До конца года должно было еще поступить 900 паровозов и 35 тыс товарных вагонов Кроме того, в Америке было заказано 400 сильных паровозов, 8 тыс обыкновенных и 13 340 большегрузных вагонов (ЦГИА СССР, ф 273, оп 10, д 2583, л 46 об)

[82] ЦГИА СССР, ф 273, оп 10, д 2643, лл 86—87

ка угля и горнозаводских грузов достигла нормы, хотя общие перевозки дорог держались всего на уровне 78% от предыдущего года [83]

В июне 1915 г на дороги фронта было отправлено дополнительно 23 тыс вагонов В этом месяце происходит резкое снижение перевозок на 12,5%, а угля — на 7,5% сравнительно с маем [84]. Таким образом, ограниченность количества товарных вагонов и паровозов не позволила весной и летом 1915 г, несмотря на улучшение климатических условий, добиться сколько-нибудь реального улучшения в обслуживании экономических потребностей тыла — увеличить вывозку угля, металла, организовать нормальную перевозку говаров для потребителей и снабжение городов

Работа железных дорог в связи с эвакуацией западных районов

Летом 1915 г железные дороги встретились с исключительными трудностями Началась эвакуация населения и промышленности из Польши, Прибалтики и Западного края, потребовавшая огромных перевозочных средств Одновременно происходил отход армий из Польши, эвакуировались крепости, откуда вывозились огромные запасы снабжения и артиллерии

Из прифронтовой полосы двигались потоки составов с беженцами, промышленным оборудованием, военным снаряжением и ранеными В обратном направлении на фронт усиленно подвозили боеприпасы, фураж, воинские пополнения. В связи с решением командования усилить запасы ряда крепостей это движение на фронт было особенно интенсивно Ивангород, например, эвакуировался, а в Новогеоргиевск и Осовец экстренно подвозили запасы «Но и с этой задачей железные дороги отлично справились, причем последние грузы в Новогеоргиевск пришлось подать на грузовых автомобилях, потому, что головные станции, с отходом армий, были уже отнесены назад» [85]. Затем, во время отхода армий на Гродно — Белосток — Брест-Литовск — Ковель, последовали распоряжения об эвакуации крепостей Осовец и Гродно Перед железными дорогами встала новая труднейшая задача, но и с ней, по свидетельству очевидца, знавшего обстановку, железные дороги справились, и все ценное имущество этих крепостей, в частности вся артиллерия с ее огромными боевыми запасами, было отправлено по указанию свыше на Московский железнодорожный узел [86].

Решение остановить войска у Брест-Литовска потребовало усилить запасы крепости, в связи с чем весь график Александровской

[83] Там же, д 2583 т 54 Всеподданнейший доклад министра путей сообщения от 28 мая 1915 г
[84] Там же, лл 62—63 Всеподданнейший доклад министра путей сообщения от 2 июля 1915 г
[85] *Н А Данилов* Экономика и подготовка к войне М — Л, 1926, стр 168
[86] Там же

и Полесской железных дорог был вновь перестроен: груженые составы потянулись в адрес этой крепости Работа еще не закончилась, как было получено известие о падении Новогеоргиевска, и в связи с этим военное командование окончательно потеряло веру в способность изолированной крепости сопротивляться врагу В связи с этим «внезапно было решено эвакуировать Брест-Литовск, вывезя оттуда все запасы и все имущество Легко себе представить, в какое положение это приказание ставило железные дороги, набивавшие Брест Литовск в срочном порядке дополнительными запасами. Теперь нужно было подавать в адрес этой крепости уже не груженые составы, двигавшиеся туда с полной интенсивностью, а порожняк [87]. В этой работе огромный героизм проявили железнодорожники, семьи которых в большинстве случаев оставались на месте до последней возможности

С. А. Ронжин, бывший в курсе эвакуационной работы и прекрасно осведомленный о всех деталях летнего отступления русских армий, рисовал следующую картину работы железных дорог во время эвакуации «Возникла она (эвакуация — *А С*) внезапно и потому не могла быть планомерной Недостаточно определенные и часто запаздывающие распоряжения по эвакуации со стороны военных властей и отсутствие надлежащего спокойствия у исполнителей сделали работу железных дорог с самого начала очень нервной. Поезда, следовавшие с головных участков под давлением военной необходимости, проталкивали вглубь составы попутных станций и постепенно как бы спрессовывали движение Число отправляемых поездов значительно превышало пропускную способность линий, и на станциях начали образовываться пробки Подходившие с фронта составы вынуждены были останавливаться в пути, вследствие чего получались непрерывные линии вагонов в десятки верст длиной. С течением времени средняя скорость движения не достигала 50 верст в сутки» [88] Эвакуация продолжалась несколько месяцев За то время был вывезен весь подвижной состав железных дорог, но зато было потеряно большое количество военных грузов.

Переписка управлений отдельных дорог с Министерством путей сообщения дает возможность более детально и полно представить себе, что делалось в это время на дорогах [89]

Из Киева сообщали, что в связи в эвакуацией Галиции, Привисленских и Варшаво-Венских железных дорог поток грузов, двинувшихся через Холм и Ковель, сломал движение грузов с востока на запад, через Знаменку и Киев Работа дорог по питанию армий фронта была в корне нарушена Для вывоза беженцев, правительственных учреждений, продовольственных магазинов и т. п одному Ровенскому участку потребовалось 20 тыс вагонов Всего на дороге было занято одними беженцами 35 тыс вагонов, причем основная

[87] *Н А Данилов* Указ соч, стр 168—169
[88] *С А Ронжин* Указ соч, стр 21—22
[89] ЦГИА СССР, ф 273, оп 10, д 3057 В этом деле находятся донесения ответственных работников управлений дорог в Министерство путей сообщения о ходе эвакуации беженцев и грузов в сентябре — октябре 1915 г

масса грузов двигалась на восток «без всяких документов», так как преследовалась коренная задача спасти ценности Из 35 тыс вагонов, занятых беженцами, 1/3 прошла через Киев, а 2/3 — через Знаменку Около 10 тыс вагонов было разгружено в пределах юго-западных дорог, а 20 тыс вагонов прошли транзитом на восток Кроме того, около 15 тыс вагонов были погружены в пределах самой дороги [90]

На Риго-Орловскую дорогу было принято 7 тыс вагонов грузов и полмиллиона беженцев Кроме того, в пределах дороги было погружено 35 тыс. вагонов грузов и 300 тыс беженцев Правление дороги указывало на полное отсутствие какой-либо организации в деле эвакуации беженцев, которые предоставлялись самим себе Вывоз грузов также происходил без плана И все же заместитель начальника дороги доносил в министерство, что дороге «удалось из эвакуируемых пунктов, в том числе и из Риги, вывезти все более ценное» [91]

По северо-западным дорогам сведения неполны. И все же известно, что дорога приняла 62 400 вагонов с грузами и беженцами, большинство которых (43 300 вагонов) было разгружено в пределах дороги Кроме того, в пределах дороги было погружено 1600 вагонов с грузами и 750 вагонов с беженцами В результате основные станции дороги оказались забиты, и частные грузы имели простой до трех недель и больше В конце концов 23 июля 1915 г дорогой был прекращен прием всех грузов, кроме воинских [92]

Московско-Виндаво-Рыбинская дорога только за два месяца — с 22 июля по 24 сентября 1915 г — приняла 32 803 вагона с беженцами и грузами Грузы направлялись без всякой сортировки и забивали узлы, поэтому дорога стремилась поскорее передать их на соседние дороги, однако свыше 8 тыс вагонов пришлось разгрузить в Москве [93].

Александровская железная дорога приняла 32 244 вагона беженцев и грузов, из них около 1/3 (11 362 вагона) было разгружено на станциях дороги, а остальные проследовали транзитом На этой дороге эвакуационный поток грузов встретился «с усиленным движением» в обратном направлении воинских и санитарных эшелонов и военных грузов, что особенно усложнило работу дороги и ее передаточных станций В числе эвакуируемых без документов грузов было большое количество военных, только в Минске их скопилось 900 вагонов, а в Москве — 500 [94].

Московско-Казанская железная дорога была далеко от районов эвакуации, но эвакуационная волна докатилась и до нее С 1 августа по 25 сентября дорога приняла 7882 вагона с беженцами и грузами Около половины их было разгружено на станциях дороги, а остальные проследовали транзитом далее Эвакуационные грузы заставили

[90] Там же, лл 4—6
[91] Там же, лл 1—3
[92] Там же, лл 10—13
[93] Там же, лл 15—16
[94] Там же, лл 17—18

правление дороги временно прекратить погрузку коммерческих грузов на всех станциях [95]

Особенно большая нагрузка выпала на Полесские железные дороги, которые за полтора месяца отправили 5500 вагонов с беженцами и 80 тыс вагонов с грузами Транзитом проследовало 120 тыс. вагонов Грузы из Бреста, Барановичей, Вильно и Молодечно следовали по Полесским дорогам, через которые проходило по 80 поездов в сутки при пропускной способности в 40 поездов [96]

Большая нагрузка выпала на дороги юга На Екатерининскую железную дорогу поступило свыше 6200 вагонов с грузами Значительное количество грузов прибывало с тяжелым заводским оборудованием из Варшавы и Риги Это вызывало длительные простои вагонов Кроме того по дороге проследовало до 200 тыс беженцев [97].

Провести полный статистический учет всей той работы, которую провели железные дороги летом 1915 г, почти невозможно 115 тыс. вагонов в течение двух месяцев были заняты беженцами и оборудованием [98]. Этот огромный поток грузов [99] сталкивался со встречным потоком эшелонов, двигавшихся на фронт Все это сломало график движения и заставило перебросить еще больше вагонов с тыловых дорог на фронтовые

Министр путей сообщения Трепов в своем выступлении в Государственной думе 15 марта 1916 г признал огромное влияние эвакуации и летнего отступления 1915 г на состояние и работу железных дорог «Со времени отступления наших армий,— указывал он,— сокращения сети дорог примерно на 6 тыс верст и обращения целого ряда тыловых дорог в дороги боевого значения положение железных дорог резко изменилось, особенно в первые месяцы отступления армии, когда эвакуация из западного района огромного количества грузов и беженцев совершенно спутала работу дорог и в течение двух-трех месяцев не давала возможности восстановить правильный грузооборот» [100].

Пожалуй, в еще более резких выражениях дана оценка влияния эвакуации на ухудшение работы железных дорог в отчете Особого совещания по перевозке Эвакуация резко нарушила движение на сети, «спутала грузовые и порожние течения», забила узловые и обменные станции, образовав «огромное количество неразгруженных, задержанных в пути вагонов с эвакуационным грузом» [101] Оба приведенных свидетельства особенно ясно указывают на то обстоятель-

[95] ЦГИА СССР, ф 273, оп 10, д 3057, л 26—27
[96] Там же, лл 29—30
[97] Там же, лл 21—24
[98] «Государственная дума Созыв 4, сессия IV Стенографический отчет» Пг, 1915 Заседание № 37 от 15 марта 1916 г, стб 3447
[99] Эвакуация одной только Риги потребовала в течение одного месяца 15531 вагона для перевозки грузов и рабочих с семьями (*А А Поливанов* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907—1916 гг М 1924 стр 169)
[100] «Государственная дума Созыв 4, сессия IV Стенографический отчет» Заседание № 37 от 15 марта 1916 г, стб 3434
[101] «Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке», стр 100

ство, что разрешением эвакуационной проблемы были заняты не только фронтовые дороги, но фактически вся железнодорожная сеть империи Эвакуационная волна захватила дороги и восточнее меридиана Москва — Харьков

Эвакуация явилась тяжелейшим испытанием для железнодорожного транспорта России, за которое он заплатил дорогой ценой. Массовое отвлечение подвижного состава для нужд эвакуации крайне отрицательно отозвалось на общем ходе всей жизни страны сократились перевозки важнейших грузов, необходимых для промышленности, и ухудшилось обслуживание дорогами военно-оперативных нужд армии

В апреле 1915 г ежедневная погрузка коммерческих грузов равнялась 17,1 тыс вагонов, а в июле — только 14,8 тыс вагонов, в августе и сентябре погрузка еще более упала и достигла лишь 13,6 тыс вагонов [102].

Ухудшение работы железных дорог отразилось не только на коммерческих грузах, но и на вывозе донецкого топлива, которое определяло общий характер работы всеи военной промышленности Вывоз топлива катастрофически упал со 120 млн пуд в апреле до 74,4 млн пуд в сентябре 1915 г За все время войны вывоз угля из Донбасса никогда не падал так низко, как в сентябре 1915 г Резко ухудшилось продовольственное положение обеих столиц Ежедневный подвоз продовольствия в Петроград в сентябре упал наполовину, а в Москву — на $^2/_3$ сравнительно с апрелем 1915 г [103] Следовательно, резкое ухудшение работы железных дорог летом 1915 г. создало предпосылки для общего экономического кризиса в стране Только начиная с октября 1915 г работа железных дорог вновь начинает несколько улучшаться, что сказалось на увеличении вывоза угля, доставке продовольствия столицам и общего увеличения погрузки коммерческих грузов

В результате эвакуации и летнего отступления войск значительно ухудшилось техническое состояние транспорта и ощутительно сократилась железнодорожная сеть Цифры сокращения сети в разных источниках называются различные — от 6 тыс до 11 тыс верст. По данным совещания начальников службы пути дорог фронта [104], неприятель занял к осени 1915 г 11 тыс верст главных путей в пределах империи и 3 тыс верст железных дорог в Галиции [105]. По данным доклада министра путей сообщения Трепова Совету министров [106], железнодорожная сеть сократилась на 6 тыс верст

Очевидно, разница в данных является результатом того, что

[102] Там же, стр 45

[103] «Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке» стр 45—46 В апреле 1915 г продовольствие доставлялось в Петроград в количестве 397 вагонов в день, а в Москву — 359 вагонов Снижаясь из месяца в месяц, доставка продовольствия упала в сентябре 1915 г до 212 вагонов в Петроград и 126 вагонов в Москву

[104] «Журнал совещания начальников службы пути дорог театра воины 27—29 сентября 1915 г» Пг, 1917

[105] Там же, стр 2

[106] ЦГВИА, ф 368, оп 1, д 67

в одном случае указываются чистые потери, а в другом — в министерском докладе — потери сокращаются за счет вновь построенных железных дорог как на фронте, так и в тылу [107]. О том, в каком состоянии находилась железнодорожная сеть фронта после ее освобождения от немцев, дают представление данные упомянутого выше совещания начальников дорог фронта. На этом совещании была установлена следующая степень разрушения различных элементов железных дорог: железнодорожные рельсы были разрушены от 15 до 50%, стрелки — от 50 до 60%, а на ряде дорог — до 75—100%, сигнализация, телеграфная линия, водокачки на всех дорогах разрушались полностью [108]. Такие разрушения на дорогах войны влекли за собой отвлечение технических средств с дорог тыла.

Слабая техническая оборудованность железнодорожной сети и организационная путаница, вызванная эвакуацией, довели дороги до того, что уже в августе 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего М. В Алексеев писал министру путей сообщения С. В Рухлову, что «многие железные дороги стали совершенно непровозоспособными» [109]. Они оказались забитыми снабженческими грузами, а оперативные действия армий стеснялись. В качестве примера можно привести железные дороги Галиции, где под оперативные перевозки предоставлялось не более 10—15% провозной способности, и остальная часть занималась по снабжению, «а при отступлении из Галиции пришлось вывозить многомиллионные запасы, накопленные там, в прямой ущерб оперативным перевозкам» [110]

Военные специалисты признают, что в связи с дальнейшим ходом военных операций и эвакуацией прифронтовых районов в 1915 г «движение на дорогах постепенно запутывалось» и оперативные нужды армии «встречали все большие и большие затруднения» [111].

Железные дороги прифронтовой полосы были заняты исключительно для военных нужд и потребностей, и с этими задачами они справлялись плохо Кроме того, из-за отсутствия единого руководства получалось «нарушение правильного круговорота вагонов, без коего невозможно рациональное использование железнодорожной сети» [112]

Осенью 1915 г, после окончания летнего отступления русских войск, когда линия фронта стабилизовалась, определились новые при-

[107] ЦГВИА, ф 368, оп 1, д 67 В докладе Войновского Кригер в феврале 1917 г Совету министров приведены следующие цифры вновь построенных в 1915—1916 гг дорог 4700 верст — в тылу, 1400 верст — на фронте и, кроме того проложено вторых и третьих колей — 770 верст, перешиты с узкой колеи на широкую участки Архангельск — Вологда и Ершов — Уральск протяжением 1160 верст В 1917 г предполагалось открыть новых путей около 3500 верст в большинстве на фронте, и завершить прокладку вторых путей протяжением 1740 верст

[108] «Журнал совещания начальников службы пути дорог театра войны 27—29 сентября 1915 г», стр 6—7

[109] «Пути сообщения на театре войны 1914—1918 гг», ч 1, стр 11

[110] Там же, прилож 3, стр 106

[111] Там же, стр 11

[112] ЦГВИА, ф. 369, оп 1, д 54, л 74 ЖОСО, № 23, 11 ноября 1915 г Доклад товарища министра путей сообщения Борисова

фронтовые районы и наметились расположения базисных складов, было проведено обследование прифронтовых железных дорог[113] Осмотр дорог проводил по «высочайшему повелению» Е Э Ронп Он изучил работу 15 важнеиших железнодорожных узлов прифронтового района Гомель, Жлобин, Минск, Молодечно, Полоцк, Невель, Великие Луки, Новосокольники, Витебск, Смоленск, Брянск, Сухиничи, Калуга, Вязьма, Ржев. Уже самый перечень прифронтовых узлов показывает, как далеко на восток отодвинулись прифронтовые дороги. Работа этих узлов имела решающее значение не только для снабжения фронта, но и оказывала влияние на снабжение Москвы и Петрограда.

Обследователь пришел к выводу, что эвакуация промышленности и людей «внесла в железнодорожное движение серьезное расстройство, не ликвидированное вполне и до сего времени»[114]. Почти все станции должны были проводить работу во много раз большую, чем та, на которую была рассчитана их пропускная способность На некоторых узлах временами накапливалось до 40 задержанных составов Станции были забиты не только вагонами с беженцами, эвакуированными грузами, но и военными и прифронтовыми учреждениями и организациями, что приводило к выводу, что эти узлы «не могут правильно выполнять функции узловой станции»[115] Обследователь предлагал провести спешное увеличение пропускной способности участков и расширение приемной способности тех станции, которые являются новыми разграничительными узлами В числе предложений фигурируют· развитие вторых путей, составление общих планов перевозок и т. д. Внимание обследователя было сосредоточено также на вопросах технического усиления узловых станции прифронтовых дорог и на улучшении управления

Осенью 1915 г. произошла реорганизация управления фронтовыми дорогами После назначения на пост начальника Штаба верховного главнокомандующего М В Алексеева он признал «органические несовершенства» в существующей системе управления дорогами фронта и решил «коренным образом реорганизовать управление железными дорогами театра войны, изъяв его из фронтов и сосредоточив в Управлении начальника военных сообщений при верховном главнокомандующем»[116]. При управлении должен был быть создан отдел путей сообщения, ведающий как эксплуатацией сети, так и строительством новых дорог, ему же подчинялись и округа Министерства путей сообщения фронтового раиона

[11] «Отчет осмотра, по высочайшему повелению, военным инженером генерал лейтенантом бароном Ронп Либаво Ромепской, Полесских, Николаевской, Московско-Виндаво-Рыбинской (Петроградской и Московской сети), Риго Орловской, Московско-Киево-Воронежской Рязанско-Уральской и Сызрано-Вяземской железных дорог с 19 октября по 1 декабря 1915 г», ч I и II (графики) М, 1915

[11,] Там же, ч I, стр 67—74

[115] Там же, стр 68

[116] «Пути сообщения на театре войны 1914—1918 гг», ч 1, прилож 2, стр 103—104 Письмо начальника Штаба верховного главнокомандующего министру путей сообщения Рухлову

22 сентября 1915 г реорганизация была оформлена приказом М В Алексеева [117] Было разработано положение о Главном управлении военных сообщений и утверждены большие штаты [118] Эта реорганизация значительно усиливала техническое руководство дорогами фронта, обеспечивала необходимую централизацию управления, так как главный начальник военных сообщений подчинялся непосредственно начальнику Штаба верховного главнокомандующего

Такая централизация управления железными дорогами вызвала возражения со стороны командующего Юго-Западным фронтом Н И Иванова [119], который считал невозможным, чтобы все перевозки планировались в Ставке и чтобы начальник военных сообщений фронта не был больше подчинен главному начальнику снабжения [120]

Действительно, новое положение об управлении дорогами фронтов не вносило ясности во взаимоотношения управления дорогами фронта с Министерством путей сообщения Потребовались новые дополнения — «Главные основания эксплуатации железных дорог фронта» Новый управляющий Министерством путей сообщения Трепов 16 ноября 1915 г обратился к царю со специальным докладом «О взаимодействии военно-полевого управления и Министерства путей сообщения в отношении заведования железными дорогами империи» [121] В связи с кризисом железных дорог вопрос об общем управлении ими приобрел большое значение, подвергся обсуждению членами Государственного совета и Государственной думы и рассматривался на заседании всех четырех Особых совещании Отказываясь от «единства управления как практически неосуществимого», Трепов наметил ряд вопросов, требовавших «согласованности действии» между дорогами тыла и фронта

На деле этой согласованности не удалось достичь, несмотря на организацию Временного распорядительного комитета по перевозкам, и через год Трепов вновь поставил вопрос о дальнейшей реформе управления железными дорогами фронта [122]

Трепов разработал проект создания «временной должности товарища министра путей сообщения на театре военных действий», обязанность которого заключалась в объединении деятельности дорог фронта и тыла. На товарища министра возлагалось «общее руководство работой железных дорог фронта в целях достижения наилучшего удовлетворения потребностей армии и полного согласования этой работы с железнодорожной сетью тыла» [123] В случае разногласий с военным ведомством в отношении перевозок вопрос разрешался товарищем министра Отмена его решений требовала, как

[117] «Пути сообщения на театре войны 1914—1918 гг», прилож 4 стр 107
[118] Там же, стр 108—125
[119] Там же, прилож 5, стр 133—136
[120] Там же, стр 17
[121] Там же, прилож 8, стр 143—145
[122] Там же, прилож 9, стр 146 Письмо Трепова Гурко от 30 ноября 1916 г и приложение к письму
[123] Там же, стр 147, § 2 приложения к письму

правило, согласованных решений начальника Штаба верховного главнокомандующего и министра путей сообщения Проект, предложенный Треповым, усиливал позиции гражданского ведомства (Министерства путей сообщения) при решении вопросов военных перевозок Начальник Штаба верховного главнокомандующего В И Гурко (временно заменявший М В Алексеева) хотя и соглашался «в общем» с предложенной схемой, все же считал ее недостаточной и предлагал «провести спешно в законодательном порядке милитаризацию всех железных дорог империи» Одновременно Гурко представил Трепову и схему милитаризации железных дорог [124], по которой все работники Министерства путей сообщения объявлялись призванными на военную службу, а товарищ министра путей сообщения, ведающий перевозками на театре войны, должен был исполнять распоряжения начальника Штаба верховного главнокомандующего Предложение Гурко не встретило возражений у Трепова

В январе 1917 г было утверждено «Положение об управлении путями сообщения театра военных действий» [125], а через неделю последовал приказ начальника Штаба верховного главнокомандующего о введении нового положения в жизнь [126] Главное управление военных сообщений при Штабе верховного главнокомандующего расформировывалось и вместо него создавалось Управление начальника военных сообщений. Кроме того, при штабе создавалось Управление путей сообщения, непосредственно подчиненное товарищу министра путей сообщения При штабах фронтов создавались отделы путей сообщения Во всех случаях принципиальных разногласий военного ведомства с товарищем министра вопросы решались по соглашению начальника Штаба верховного главнокомандующего с министром путей сообщения «Положение» было проведено за месяц до Февральской революции и действовало до конца войны

Рассмотренные нами материалы показывают, что летнее отступление 1915 г русских армий на восток имело не только военно-оперативные, но и огромные экономические последствия, в частности для железных дорог Отступление армий, эвакуация промышленности и волны беженцев подорвали техническую основу транспорта, запутали и расстроили управление, забили важнейшие железнодорожные магистрали Мало того, эвакуация подготовила острый кризис, разразившийся осенью и зимой 1915 г на дорогах тыла

Справиться с задачами, вставшими перед железными дорогами, при бедности подвижного состава и недостатке паровозов было очень трудно Тылы армий передвинулись на восток и приблизились к важнейшим экономическим районам страны; направление многих грузовых потоков изменилось; протяженность железных дорог сократилась Все это должно было быстро сказаться на ухудшении обслужи-

[124] Там же, прилож 10, стр 148 Письмо Гурко Трепову от 2 декабря 1916 г

[125] Там же, прилож 13, стр 167—188 Положение было утверждено Николаем 21 января 1917 г

[126] Там же, стр 166, прилож 13 Приказ от 28 января 1917 г

вания потребностей тыла. Усилилась дезорганизация управления, резко обнажившая недостатки в работе железных дорог.

Правительство и Ставка намеревались преодолеть их рядом организационных мероприятий, в том числе и реформами в управлении военными и тыловыми дорогами, но принимаемые меры не могли исправить положение.

Железные дороги вступили в зиму 1915 г еще менее подготовленными, чем раньше.

Работа железных дорог тыла

Война оказала глубочайшее и многостороннее влияние на железнодорожный транспорт. Она изменила направление грузовых потоков в тылу, что увеличивало пробег грузов и нагрузку отдельных участков пути Три направления приобрели решающее значение для хода войны магистрали, по которым шли уголь и металл с юга страны (Донбасс) на север и северо-запад, к основным промышленным центрам — Москве, Петрограду и Прибалтийскому району; Сибирская железная дорога, по которой перебрасывались не только продовольствие и фураж для фронта, но и разнообразные товары из США и Японии, железная дорога между Архангельском и центрами страны Следует иметь в виду, что с закрытием портов Балтийского и Черного морей торговые сообщения России с заграницей поддерживались только морем через Архангельск и Владивосток Архангельск соединялся с Вологдой узкой колеей

Огромная масса импортируемых товаров поступала во Владивосток и оттуда через весь сибирский путь перебрасывалась в центр Эти перевозки забили участки Сибирского пути, прекратив нормальный оборот подвижного состава

В Архангельске к тому времени образовались громаднейшие скопления грузов, абсолютно необходимых для промышленности, которые нельзя было вывезти из-за небольшой пропускной способности железнодорожной линии Архангельск — Вологда К 1 января 1915 г в Архангельске скопилось 20 млн. пуд угля, 4 млн. пуд других грузов и 3 тыс военных автомобилей[127] Пропускная способность узкоколейки была ничтожна Пришлось сразу же заняться двумя вопросами. увеличением подвижного состава на дороге и перешивкой узкой колеи на широкую. Кроме того, часть грузов отправляли на Котлас, что потребовало усилить пропускную способность железной дороги Котлас — Вятка с 144 до 240 вагонов в сутки

Только к апрелю 1915 г удалось перебросить подвижной состав, и вывозка грузов на участке Архангельск — Вологда повысилась с 70 до 170 вагонов в сутки[128]

В 1916 г. с перешивкой узкой колеи на широкую пропускная способность дороги поднялась до 300 вагонов в день; в июне 1916 г она

[127] «Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну», ч II, стр 47—48

[128] «Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке», стр 152

повысилась до 400 вагонов, в августе — до 520, а с 1 октября — до 600 вагонов в день [129].

Однако и в конце 1916 г железные дороги лимитировали перевозку грузов. В январе 1917 г., во время конференции с союзниками в Петрограде, при определении количества грузов, подлежащих доставке в Россию, союзники, особенно англичане, ссылались на небольшую пропускную способность дорог.

К 1916 г. железные дороги увеличили свою провозную способность, но она далеко отставала от потребностей страны в транспорте «За 1914 г,— констатировал в апреле 1916 г товарищ министра путей сообщения И Н Борисов,— остались невывезенными до 2 млрд пуд частных грузов, перешедших, таким образом, дополнительно на 1915 г Справиться с этой работой дороги, конечно, не могли, так как около трети всего подвижного состава занято было обслуживанием армии, ныне же не менее половины всех перевозочных средств железных дорог расходуется исключительно на нужды, вызванные войной Понятно, что для удовлетворения прочих потребностей в перевозках средства дорог оказались недостаточными, несмотря на постоянное развитие их работы. Уже в 1915 г, несмотря па сокращение на 6 тыс верст сети дорог, во второй половине года погрузка и прием возросли примерно на 10% сравнительно с 1914 г С 1916 г работа дорог еще более возрастает Например, за март 1916 г общий пробег вагоноверст увеличился на 32%. Работа наиболее затрудненных дорог, например Николаевской, Курской, Северных и других, поднялась в 1916 г на 45, 60, иногда на 135% сравнительно с 1914 г» [130] Дороги не справлялись с перевозкой не только обычных частных грузов, но и шедших в адрес оборонных предприятий

Годовой прирост грузов за время войны превосходил довоенный, а по азиатской сети он вырос в 3—4 раза, поэтому там заторы движения наступили скорее.

Правительству пришлось усиливать фронтовые дороги за счет дорог тыла паровозами, подвижным составом и рельсами Уже в первые дни войны было дополнительно передано на фронтовые дороги 600 паровозов и 17,5 тыс вагонов, во время занятия Галиции было дополнительно отправлено 4 тыс вагонов и 200 паровозов; наконец, к августу 1915 г фронтовые дороги задержали около 35 тыс товарных вагонов и 600 паровозов На фронтовых дорогах оказалась почти половина всего парка паровозов и вагонов· 8 тыс. паровозов и 218 тыс вагонов [131].

Всю огромную работу в тылу приходилось выполнять с меньшим количеством подвижного состава, и это требовало организации более интенсивного его использования Кроме того, из тыла приходилось направлять на фронт огромное количество грузов, достигавших 150—170 поездов в день Ежедневные отправки в адрес полевого управления дорог колебались в конце 1916 г — в начале 1917 г от

[129] Там же, стр 152—153
[130] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 176, лл 88—89 ЖОСО, № 65, 23 апреля 1916 г Доклад товарища министра путей сообщения И Н Борисова
[131] *М М Шмуккер* Указ соч, стр 73

4,5 тыс. до 6 тыс. вагонов в день. Лишь одни интендантские грузы занимали от 2 до 3 тыс. вагонов в день [132].

По данным обследования инженера Кононенкова [133], по железным дорогам полевого управления в 1916 г. подвозилось к фронту грузов «в достаточном и даже большем против нормы количестве». Во время брусиловского наступления ежедневная подача вагонов из тыла колебалась от 6,5 тыс. до 6,7 тыс. штук. В результате, несмотря на интенсивные бои, запас интендантских и артиллерийских грузов повысился с двухнедельных в апреле до полутора-двухмесячных к августу 1916 г. «Таким образом, норма приема с дорог тыла в 6600 вагонов является желательным максимумом подвоза при значительных боях на фронте, дающая возможность при усиленном расходовании грузов снабжения сверх всего накоплять запасы в магазинах». Приемом вагонов из тыловой сети работа фронтовых дорог не ограничивалась. Местная погрузка на дорогах полевого управления была в 2 раза больше, достигая 13,5 тыс. вагонов. Таким образом, обычная работа фронтовых дорог составляла 20 тыс. вагонов в сутки. Прибывавшие из тыла грузы распределялись по разным категориям следующим образом (в вагонах) [134]:

	Июнь 1916 г.	Август 1916 г.	Август 1917 г.
Санитарные	709	488	276
Людское и конское пополнение	788	865	651
Интендантские	2373	1970	737
Артиллерийские, воинские и инженерные	657	797	480
Грузы организаций	129	163	53
Топливо для железных дорог	716	555	481
Частные грузы	1295	1190	1020
Итого	6667	6028	3698

Подача вагонов в августе 1917 г. снизилась почти вдвое сравнительно с тем же месяцем предыдущего года.

Но и этим не ограничивались военные перевозки. Не говоря уже о промышленности, работавшей на оборону, надо еще учесть огромные гарнизоны в тылу, которые нуждались в питании, одежде и др. Их снабжение происходило за счет работы железных дорог тыла. Вот почему потребность хозяйства в железнодорожных перевозках сильно выросла, хотя железнодорожный транспорт проделывал бо́льшую работу, чем до войны.

Общее движение перевозок во время войны по всем дорогам представляется в следующем виде [135]:

[132] *Н. Васильев.* Указ. соч., стр. 80—82.
[133] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 97, лл. 146—147. Записка инженера Кононенкова «О состоянии дорог полевого управления».
[134] Там же.
[135] *М. М. Шмуккер.* Указ. соч., стр. 49—53.

	1913 г	1914 г	1915 г	1916 г
Перевезено пассажиров, млн человек	234 8	264 4	294 0	347 9
в том числе дорогами фронтов, млн человек	93 1	103 4	94 9	111 (
Перевезено грузов, млн пуд	13 826	13 737	14 612	17 228
в том числе дорогами фронтов, млн пуд	3 381	3 311	3 402	3 763

Из приведенных данных видно, что в 1916 г работа транспорта сравнительно с 1913 г увеличилась на 48% по пассажирскому движению и на 25% по грузам

Статистические данные подтверждаются архивными источниками[136] По данным доклада Войновского-Кригер[137], представленного Совету министров в феврале 1917 г, пропускная способность железных дорог сравнительно с 1913 г. увеличилась в 1916 г на дорогах тыла на 48% и на дорогах фронтов — на 100% Средняя ежедневная погрузка по сравнению с 1915 г. увеличилась на 29%, пробег вагонов — на 14%, вывоз топлива из Донбасса — на 13%, перевозка нефтепродуктов — на 47% Особенно выросла отправка грузов из Архангельска (на 128%) и из Владивостока (на 62%)[138] Однако все эти проценты прироста перевозок как в целом по железным дорогам, так и на отдельных артериях, не могут и не должны замаскировать действительного положения дела, а именно того, что железные дороги не справлялись с обслуживанием и фронта и тыла.

Для правильной оценки работы и состояния железных дорог необходимо учесть не только количественный рост грузов, но и значительное увеличение пробега грузов, что вело к удлинению оборота вагонов Переброска значительного количества грузов из Владивостока и Архангельска к центру России; перевозки угля и нефти в Петроградский и Северный районы, ранее жившие на привозном заграничном топливе; доставка сырых материалов к оборонным предприятиям,— все это привело к удлинению пробега грузов по сравнению с 1913 г. на 28,8%[139] и явилось одним из факторов, ускоривших наступление кризиса железных дорог

В 1916 г. театр военных действий расширился — появился Румынский фронт, а источники снабжения, особенно мясом и фуражом, отодвинулись на восток. Это увеличивало дальность перевозок Тот же Трепов, пытавшийся защитить железнодорожный транспорт якобы от необъективной критики со стороны общественных деятелей, все же признавал, что «безграничных требований наша рельсовая сеть удовлетворить не в состоянии, несмотря на полное напряжение живой силы, обслуживающей ее» Осенью 1916 г дороги перевозили продовольствие в размере 50% потребностей армии; металл, топливо и ряд других материалов перевозились в чрезвычайно ограни

[136] ЦГВИА, ф 368, оп 1, д 67, л 8 и сл Доклад Трепова в Совет министров 15 февраля 1916 г
[137] Там же, лл 65—75 об
[138] Там же, лл 66—67
[139] *Н Васильев* Указ соч, стр 77

ченном размере, что и вызвало общий паралич хозяйственной жизни в конце 1916 г

Между управлением железных дорог и промышленностью происходила постоянная борьба. Владельцы промышленных предприятии, буржуазные деятели обвиняли Министерство путей сообщения в плохой доставке топлива и металла Министерские чиновники пытались возложить ответственность на самих владельцев копей и рудников, якобы своевременно не представлявших грузы под погрузку По инициативе Центрального военно-промышленного комитета было проведено обследование перевозки южных горнозаводских грузов [140] Насколько эти грузы играли решающую роль во всей военной экономике страны, видно из того, что в 1915 г юг давал 93,7% всего минерального топлива, 100% кокса, 74% чугуна, 63% металлических готовых изделий и стали, 69,2% железной руды, 51,4% марганцевой руды [141] Данные обследования показали, что если в 1913 г было погружено 95,6% от назначенных к погрузке всех горнозаводских грузов, то в 1915 г. этот процент падает до 72,2%, а по донецкому топливу и того ниже — до 70,8% [142]. Другими словами, около $^1/_3$ топлива и более $^1/_4$ всех горнозаводских грузов, назначенных к вывозке, железные дороги не вывезли. Еще более разительные выводы получаются, если данные о вывозке горнозаводских грузов проанализировать по полугодиям (в млн. пуд) [143].

	1913 г	1914 г	1915 г	1916 г
Первое полугодие				
назначено	901,9	1064,7	1174,4	1259,2
недогружено	15,3	81,8	238,7	297 9
% недогруза	1,7	7,7	20,3	23,7
Второе полугодие				
назначено	960,1	996,4	1077,6	—
недогружено	65,5	242,6	324,0	—
% недогруза	6,8	24,3	30,7	—

Приведенные данные наглядно показывают колоссальный рост «недогрузов», подымающихся с 1,7% в мирное время до 30,7% во втором полугодии 1915 г и до 23,7% в первом полугодии 1916 г Эти же данные показывают, что процент невывезенных грузов значительно повышается во второй половине года, т е. осенью и зимой, сравнительно с первой половиной года.

Обследование также убедительно доказало, что главным виновником невыполнения плана вывозки являются сами железные дороги, а не отправители или получатели грузов В течение всего 1915 г было недоставлено по вине отправителей 205 млн пуд угля, а вслед

[140] «Перевозка южных горнозаводских грузов за время войны» Пг, 1917
[141] Там же, стр 19
[142] Там же, стр 7
[143] Цифры вывозки в миллионах пудов даны с небольшим округлением в десятых долях миллионов пудов

ствие неподачи железными дорогами подвижного состава — 377,7 млн пуд [144] Обследование также показало прямую зависимость вывоза угля и металла от отлива вагонов на фронт Усиливается задолженность в порожняке дорог фронта, и тотчас же резко падает погрузка угля и других грузов, необходимых для военной промышленности Железные дороги тыла не обладали запасом порожняка, чтобы возместить дополнительный отлив 10—20 тыс вагонов на фронт А такой отлив часто определялся оперативными нуждами, как, например, отступление в 1915 г и наступление Брусилова в 1916 г

Обострение кризиса железных дорог

Несмотря на усиленную работу по восстановлению транспорта (ремонт пути, смена рельсов, заготовка шпал), ремонт паровозов и вагонов проходил менее тщательно, чем до войны Пополнение железных дорог новыми паровозами, вагонами, рельсами и крестовинами происходило в таких мизерных количествах, что это не могло не вызвать ухудшения технической базы транспорта, причем большая часть технических средств направлялась на дороги фронта

Только за первый год войны (до 1 июля 1915 г) с тыловых дорог было послано для восстановления линий фронтовых дорог 878 верст рельсов, около 700 тыс пуд скреплений и 2975 комплектов стрелочных переводов [145]. Таким образом, пополнение фронтовых дорог происходило не только за счет текущей продукции, но и за счет запасов тыловых дорог. Во время войны Министерство путей сообщения и частные дороги сделали большие заказы русским заводам на паровозы и вагоны Только в 1914 г было заказано 1500 паровозов и 43 тыс вагонов Вскоре выяснилась недостаточность этих заказов, так как только Штаб верховного главнокомандующего потребовал усилить парк военных дорог на 40 тыс товарных вагонов и 400 паровозов

Но производственные возможности русских заводов, искусственно заниженные в предвоенные годы недальновидной политикой правительства, не могли обеспечить быстрого выполнения заказов Пришлось поэтому прибегнуть к иностранному рынку, прежде всего американскому По признанию самого Министерства путей сообщения, американцы предъявили и довольно тяжелые и трудно приемлемые условия· срок не менее 6 месяцев, уплату только золотом по весьма высоким ценам [146]. Тем не менее, пришлось согласиться на тяжелые условия американцев и разместить у них заказ на паровозы и вагоны

Включая выданные в 1915 г новые заказы русским заводам, всего в течение первого года войны (до 1 июля 1915 г) казенными и частными дорогами был размещен очень большой заказ на 3170 паровозов, 3430 пассажирских и 88 959 товарных вагонов [147] Факти-

[144] «Перевозка южных горнозаводских грузов за время войны», стр 9
[145] «Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну», ч II, стр 112
[146] Там же, стр 64
[147] Там же, стр 68

ческое же выполнение выданных заказов шло очень медленно и никак не могло удовлетворить выросшие в огромной мере потребности транспорта За 1914—1916 гг паровозный парк получил 2188 новых паровозов, или в среднем по 729 штук в год, причем в 1916 г новых паровозов было изготовлено всего лишь 576 Пополнение транспорта новыми паровозами происходило значительно слабее, чем в годы русско-японской войны[148] Производство вагонов, поднявшись в 1914—1915 гг до 32 тыс штук, или до 70% производительности заводов, снизилось в 1916 г до 21 тыс. штук, или 47%.

Поступление вагонов и паровозов резко снизилось в 1916 г, что свидетельствует об ухудшении общей экономической конъюнктуры в стране Так, с августа 1915 г и до конца года русские заводы поставили 326 паровозов и 12 631 товарный вагон, что дает в среднем в месяц 65 паровозов и 2526 товарных вагонов; за восемь же месяцев 1916 г (январь — август) средние поставки снизились до 52 паровозов и 2188 товарных вагонов в месяц, что дает снижение на 20% по паровозам и 13,4% по товарным вагонам[149] Такое снижение работы заводов не было случайным, а обусловливалось недостатком металла, рабочих рук, трудностями снабжения заводов топливом, переключением их на выполнение других заказов И правительство, и буржуазия всячески стремились увеличить производство рельсов, вагонов и паровозов Особенно настойчиво добивалась буржуазия, чтобы правительство выдало заводам многолетние заказы. И все же не недостаток заказов вызвал снижение производства оборудования для железных дорог в 1916 г, а невозможность при сложившихся условиях добиться большего выпуска продукции

С самого начала войны правительство принимало ряд мер к увеличению пропускной способности железных дорог тыла и фронта и добилось в этой области некоторых результатов В отношении тыловых дорог было обращено внимание на усиление выходов из Донбасса, Сибири и дорог, идущих к Петрограду и Москве В течение первого года войны до летней эвакуации 1915 г удалось значительно увеличить пропускную способность линии Курск — Москва — с 800 до 1200 вагонов в день Были усилены и другие участки, выходящие из Донбасса на север и на запад Участок Зверево — Козлов — Москва

[148] *В И Гриневецкий* Указ соч, стр 111 По данным Войновского-Кригер, за два года войны на железнодорожную сеть поступило около 1500 железнодорожных паровозов и 256 военно-полевых Кроме того, был закуплен за границей и доставлен на железнодорожную сеть 431 паровоз Итого получается цифра 2187 паровозов, совпадающая с данными Гриневецкого Что касается вагонного парка, то он увеличился до Февральской революции на 55 тыс товарных вагонов и платформ и на 13 тыс большегрузных вагонов В целом это «дает увеличение инвентаря подвижного состава приблизительно на 10%» (ЦГВИА, ф 368, оп 1, д 67, л 3 Докладная записка Войновского Кригер в Совет министров)

[149] Вычислено нами на основе данных, приведенных в «Отчете о деятельности Особого совещания по перевозке», стр 102 Снижение отечественного производства было компенсировано поступавшими из Америки паровозами и вагонами За 9 месяцев 1916 г было собрано во Владивостоке и поступило на дороги империи 376 паровозов и 11 556 вагонов

увеличил пропускную способность на 250 вагонов, или на 33%, участок Купянск — Валуйки — Елец — Раненбург — на 250 вагонов (85%), Льгов — Брянск — Витебск — на 200 вагонов (42%), Витебск — Петроград — на 200 вагонов (51%), Москва — Петроград — на 250 вагонов в день [150] В результате принятых мер из Донецкого бассейна стало возможно вывозить на север 3900 вагонов вместо 2830 вагонов в день [151]

Что касается Сибирской железной дороги, то в первую очередь было обращено внимание на усиление выходов через Екатеринбург—Вятка и южного выхода Челябинск — Сызрань — Батраки К 1 июля 1915 г участок пути Екатеринбург — Вятка увеличил пропускную способность с 232 вагонов до 348, Вятка — Вологда — с 234 до 390 вагонов, Вологда —Тихвин — с 336 до 416 вагонов, Вологда — Ярославль — с 279 до 360 вагонов, Тихвин — Обухово — с 588 до 756 вагонов [152] В результате указанных мер приток грузов с окраин к центру увеличился на 1500 вагонов в день, или на 43% Однако в первый год войны больше внимания и сил было обращено на фронтовые дороги, чем на дороги тыла За этот год на железных дорогах фронта было построено 643 версты вторых путей и новых дорог, в то время как в тылу было построено лишь 315 верст вторых путей [153].

Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке [154] дает ясное представление о характере работ по усилению пропускной способности железных дорог во втором году войны На основании этого отчета, который в глазах буржуазного общества стремился показать деятельность Особого совещания по перевозке в выгодном свете, видно, что на год (с сентября 1915 г по сентябрь 1916 г) железным дорогам тыла было разрешено работ на сумму 520 млн руб Из этой суммы только незначительная часть расходов — 37 млн руб — приходилась на строительство новых железнодорожных линий Наиболее крупным строительством являлся участок Буй — Данилов, постройка которого делала ненужным строительство второго пути на линии Вологда — Данилов

Крупные расходы, исчислявшиеся в 125 млн руб, были ассигнованы на усиление пропускной способности дорог Только по 39 участкам железных дорог [155] после выполнения намеченных работ пропускная способность увеличивалась свыше чем на 9 тыс вагонов, или процентов на 70 по сравнению с существовавшей Большие средства — 25 млн руб — затрачивались на усиление пропускной способности Петроградского и Московского узлов Общая стоимость работ по усилению провозоспособности дорог достигала суммы 350 млн руб Следует, однако, иметь в виду, что львиная доля этих средств

[150] «Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке», стр 30—33
[151] «Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну», ч II, стр 130—131
[152] Там же, стр 50—51
[153] Там же, стр 58—59
[154] «Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке», стр 156—161 и прилож 14
[155] Там же, стр 158—159

приходилась на заграничные заказы 1300 мощных паровозов и 35 тыс товарных вагонов общей стоимостью 236 млн руб [156]

Выступая на мартовской сессии IV Государственной думы, Трепов сообщил, что на усиление пропускной способности железных дорог, на сооружение новых линий и усовершенствование узлов в 1916 г предположено израсходовать 355 млн руб. [157] В 1916 г. продолжались работы по усилению выходов из Донбасса по направлению к Москве; было обращено также внимание на усиление дороги между Москвой и Петроградом, на усиление Московской окружной дороги и т. д Особое совещание выдало русским заводам новые заказы на 24 тыс товарных вагонов для казенных железных дорог и 12 тыс вагонов и 620 паровозов для частных дорог

Не считая расходов на постройку Мурманской железной дороги и дороги Петроград — Рыбинск, правительство исчисляло затраты на железные дороги за один только 1915/16 г в сумме свыше 800 млн руб , в том числе на улучшение материального положения служащих (главным образом, увеличение жалованья в связи с дороговизной) — свыше 100 млн руб [158] Если же учесть все расходы до Февральской революции 1917 г , то они составили до 1 млрд руб. по тыловым дорогам, а вместе с фронтовыми дорогами — до 1,5 млрд. руб

О размерах железнодорожного строительства дают представление следующие данные за два года, с октября 1915 по октябрь 1917 г , было построено 3290 верст новых дорог, уложено 1195 верст вторых путей, в постройке находилось 3500 верст Свыше 1,5 тыс. верст железных путей было перешито с заграничной колеи на широкую, но были оставлены и захвачены неприятелем около 800 км вновь выстроенных дорог и 900 км недостроенных осталось на захваченной неприятелем территории [159]

Проведенные правительством мероприятия серьезно усилили выходы из Донбасса и Сибири Пропускная способность некоторых дорог увеличилась на 30—40% [160] Однако никоим образом не следует преувеличивать значение проведенных Министерством путей сообщения мероприятий Были проведены в жизнь лишь абсолютно необходимые работы, которые, конечно, помогли несколько увеличить пропускную способность дорог и узлов, в частности помогли обеспечить переброску топлива и продовольствия к Москве и Петрограду Работы сколько-нибудь широкого масштаба, за исключением строительства Мурманской железной дороги, на дорогах тыла не проводились Коренным образом исправить недостатки железнодорожной сети правительство было не в состоянии

Всячески подчеркивая усиление работы железных дорог, правительство вместе с тем было вынуждено признать недостаточность

[156] «Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке» стр 161
[157] «Государственная дума Созыв 4, сессия IV», заседание 37, стб 3439
[158] «Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке», стр 63
[159] ЦГВИА, ф 2000, оп 2, д 9731 Справка начальника отдела воинского движения полевого управления дорог «О построенных новых линиях и вторых путях»
[160] *Н Васильев* Указ соч, стр 95—97

достигнутых результатов В полусекретной брошюре «О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны», выпущенной весной 1916 г и отражавшей взгляды Министерства путей сообщения, говорится «Несмотря на столь значительное поднятие работоспособности отдельных линий, все же пропускная способность многих дорог и их узлов не отвечает тем размерам движения, какие требуются для современного удовлетворения всех потребностей Например, если учесть все количество грузов, какое необходимо ежедневно доставлять по Николаевской железной дороге для удовлетворения потребностей Северного фронта, армий и населения всего северо-западного района, включая Финляндию и Петроград, и всех многочисленных заводов и фабрик, расположенных в этом районе, то по Николаевской дороге надлежало бы перевозить . не менее 2200 вагонов» [161], в то время как она перевозила 1500 вагонов в день Такое положение существовало и на других дорогах, так что, по признанию самого Министерства путей сообщения, пропускная способность нескольких главных магистралей не достигала «на 20 и до 40% того, что было бы необходимо для удовлетворения всех потребностей, подлежащих учету» [162].

Потребности военного ведомства фактически целиком поглощали всю продукцию русских заводов и даже значительно ее превосходили. В 1916 г. по требованию Штаба верховного главнокомандующего для обслуживания дорог фронта и вновь строящихся фронтовых дорог необходимо было передать 1947 паровозов нормального типа, что в 3 раза превышало годовую производительность страны по паровозам Дороги фронта требовали 2500 верст рельсов и несколько десятков тысяч вагонов [163] Учитывая поступление заказанных за границей вагонов и паровозов полностью в распоряжение дорог Ставки, М В Алексеев настаивал перед Министерством путей сообщения о дополнительном заказе 5 тыс верст рельсов, 25 тыс вагонов и 500 мощных паровозов (или 750 нормальных) [164].

До 1916 г. количество паровозов и вагонов на железных дорогах империи растет, а за 1916 г. происходит значительное сокращение Очевидно, усиленная работа вывела из строя очень много подвижного состава и паровозов Движение паровозов и вагонов за 1914—1916 гг представляется в следующем виде [165]

	Паровозы (всех видов)	Вагоны (всех видов)
На 31 декабря 1914 г	20 071	539 549
На 31 декабря 1915 г	20 731	575 611
На 31 декабря 1916 г	16 837	463 419

[161] «О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны», стр 13
[162] Там же
[163] Архив Министерства финансов СССР, ф Особенной канцелярии по кредитной части, Иностранный отдел, 1916 г, № 62 О заграничных заказах
[164] Там же Письмо Алексеева Трепову от 22 мая 1916 г
[165] «Статистический сборник за 1913—1917 гг» — «Труды ЦСУ», т VII вып 2 М, 1922, стр 143 и 148

Цифры показывают большое снижение к концу 1916 г количества паровозов и вагонов; количество паровозов уменьшилось на 20% и на столько же сократилось количество вагонов Это очень показательно Если до конца 1916 г кризис транспорта происходил при постоянном возрастании подвижного состава, то в 1916 г. кризис вступил во вторую стадию, более глубокую Разруха транспорта происходила так быстро, что производительность паровозо- и вагоностроительных заводов не успевала компенсировать потери

Положение транспорта отражало только общее положение всего народного хозяйства Империалистическая война потребовала от русского капитализма такого напряжения производственных ресурсов, что он уже не мог добиться процесса воспроизводства Война стала вестись за счет основного капитала страны, который беспощадно расхищался. На примере с транспортом это можно проследить особенно ясно. К 1 января 1916 г было максимальное количество паровозов и вагонов. К тому же из-за границы поступило 400 мощных паровозов и 13 160 большегрузных вагонов, а русские заводы дали 700 новых паровозов и 28 тыс вагонов, и все же на 1 января 1917 г железным дорогам недоставало 128 313 товарных вагонов, 1884 мощных паровоза и 28 млн пуд рельсов [166]

За 1916 г дело не только не улучшилось, но явно ухудшилось. Кроме значительного абсолютного сокращения подвижного состава, росло количество неисправных паровозов и вагонов — верный спутник разрухи транспорта В августе 1914 г неисправных товарных вагонов было 3,7% от общего количества, в августе 1916 г — 5,6%, а в январе 1917 г. — уже 6,9%. Неисправных паровозов до войны было 16%, а в феврале 1917 г — 22,2% [167]

Одновременно с разрушением паровозного парка и подвижного состава происходит понижение производительности железных дорог оборот товарных вагонов удлинился с 5,4 суток в 1916 г до 7,2 суток (т е на 33%) в январе — феврале 1917 г Это было равносильно уменьшению работы всего товарного парка на $^1/_3$ За это же время суточная погрузка уменьшилась на 22%

Параллельно с ростом работы транспорта увеличивалось и потребление топлива Накануне мировой войны подавляющее большинство паровозов, особенно на казенных железных дорогах, работало на угле Из 11 546 паровозов (по 20 казенным дорогам) 7582 паровоза (около $^2/_3$ парка) работали в 1912 г. на угле, около $^1/_4$ парка — на нефти и 8% — на дровах [168] На частных дорогах около $^1/_3$ паровозов работало на нефти, а остальные на угле Во время войны

[166] Архив Министерства финансов СССР, ф Особенной канцелярии по кредитной части, Иностранный отдел, 1916 г, № 62 О заграничных заказах

[167] *М М Шмуккер* Указ соч, стр 73 Шмуккер в своей работе переоценивает работу транспорта, однако и он признает, что частичное улучшение эксплуатации в 1916 г «не обнимало всех сторон» железнодорожного транспорта и «парализовалось» ухудшением работы его прочих отраслей

[168] «Потребление топлива железными дорогами в 1912 г» Баку 1914, стр 12—19

произошло резкое повышение потребления всех видов топлива и особенно донецкого угля.

Следующие данные дают представление о потреблении топлива железными дорогами в 1913—1916 гг.[169]:

Год	Каменный уголь, млн пуд	Нефть, млн пуд	Дрова, тыс куб саж
1914	556,6	109,7	898,5
1915	676,6	138,1	1357 2
1916	672,0	169,0	1615,9
1916 г в % к 1913 г	120,8	154,5	179,8

Потребление топлива фронтовыми дорогами в 1916 г. увеличилось по сравнению с 1913 г. на 63%. Увеличение потребления угля почти целиком падает на донецкий уголь, который в 1913 г. составлял только 55% к общей массе потребления железными дорогами угля, а в 1916 г повысился до 75% [170]. Только на 21 дороге, работавшей исключительно на угле, в 1915 г было сожжено на 188,8 млн. пуд. донецкого угля больше, чем в 1913 г., а в 1916 г. — на 200 млн. пуд. больше.

Некоторые исследователи пытаются объяснить рост потребления топлива железными дорогами ухудшением качества угля. Такая точка зрения едва ли верна. Особая комиссия Министерства путей сообщения, обследовавшая зольность углей, получаемых транспортом с копей, установила чрезвычайно незначительное повышение зольности [171]. Причина роста потребления топлива крылась в увеличении движения и изношенности паровозов. В конце 1916 г. процент неисправных паровозов значительно вырос, и контроль за сжиганием топлива ослаб. По этим причинам в 1916 г на 100 паровозо-верст сжигали топлива на 21% больше, чем в 1913 г. Надо еще учесть увеличение работы железных дорог, и особенно прифронтовых, где в 1916 г. потребление всех видов топлива увеличилось против 1913 г. на 63% [172].

Общее увеличение работы и провозоспособности транспорта в годы войны совершенно бесспорно. Но, несмотря на это, также очевидно, что с 1916 г. начался его кризис. В марте 1916 г. министр путей сообщения Трепов выступил с думской трибуны с опровержением распространившегося в обществе и печати мнения о наличии

[169] «Потребление топлива железными дорогами за 1911—1916 гг.» Пг., 1916, стр 14

[170] *Н Хрунов* Потребление топлива транспортом и топливная промышленность — «Транспорт и народное хозяйство», вып II М, 1923, стр 5.

[171] ЦГИА СССР, ф 40, оп 1 д 73, лл 53 об — 54 Всеподданнейший доклад Шаховского Николаю II от 20 февраля 1917 г.

[172] «Потребление топлива железными дорогами за 1911—1916 гг», стр 11

в стране железнодорожного кризиса, который справедливо расценивался в качестве одной из коренных причин расстройства всей хозяйственной жизни По мнению А Ф. Трепова, увеличение работы дорог на 40—50% по сравнению с мирным временем «неопровержимо свидетельствует» о том, что расстройства транспорта «фактически нет» [173]. Министр соглашался признать недостаточность развития сети дорог и нехватку вагонов, но не расстройство транспорта.

Несостоятельность утверждения А. Ф. Трепова была на том же заседании доказана выступлениями членов Думы. Депутаты В. И. Хаустов, Д. И. Герценвиц, И. В. Годнев, В. В. Лашкевич, выступавшие по докладу А. Ф Трепова, красочными примерами иллюстрировали состояние железнодорожной разрухи и царившее на железных дорогах взяточничество. И. В Годнев указал, что количество железнодорожных станций, закрытых для приема грузов, колеблется от 550 до 575, а количество груженых вагонов, задержанных в пути из-за конвенционных запрещений, ежедневно доходит до 11 тыс. [174] А. Ф. Трепов не нашел доверчивых слушателей среди членов Думы, а о широких слоях населения и говорить не приходится.

Однако утверждение А. Ф. Трепова об отсутствии в 1916 г. железнодорожного кризиса, хотя и в ослабленном виде, проникло в литературу. М. М. Шмуккер, данными которого мы несколько раз пользовались, относит появление кризиса лишь к началу 1917 г., т. е. по существу ко времени Февральской революции «Только со второй половины 1916 г. — пишет он,— начали появляться тревожные, едва уловимые симптомы надвигающейся разрухи транспорта: помесячное сокращение перевозок, появление недогрузов угля и дров, ухудшение ремонта состава, пути и т д Особо рельефно появление кризиса обнаружилось в первые два месяца 1917 г, когда как сокращение перевозок и недогрузы, так и залежи грузов на станциях и на колесах достигли еще более крупных цифр» [175] Ряд авторов, в том числе и В И. Гриневецкий, пытались признать наличие кризиса лишь после Февральской буржуазно-демократической революции [176]. Желание этих авторов свалить ответственность за разруху на пролетариат, предъявивший законные требования о повышении заработной платы, слишком очевидно. Миллиарды пудов невывезенных грузов, явный недостаток паровозов и вагонов для перевозки угля и металла — все эти явления, сковывавшие всю хозяйственную жизнь страны, начались задолго до Февральской революции Уже в 1916 г. нельзя было увеличить выплавку металла из-за плохой работы транспорта. Города оставались без хлеба и угля по вине желез

[173] «Государственная дума Созыв 4, сессия IV», заседание 37, стб 3435
[174] Там же, стб 3459
[175] *М М Шмуккер* Указ соч, стр 130
[176] «Административно-техническая дезорганизация железных дорог началась в серьезных размерах с первых месяцев революции» (*В И Гриневецкий.* Указ соч, стр 112)

ных дорог, сотни предприятий останавливались по этой же причине.

Одновременно с речью А. Ф. Трепова (март 1916 г.), смазывавшего дезорганизацию железных дорог и усиливавшийся развал самого царизма, на пятом Всероссийском съезде городов А. И. Фролов говорил о скопившихся на железнодорожных станциях залежах грузов в количестве 150 тыс. вагонов, в том числе 50 тыс. вагонов внеочередных грузов; дальнейший прием грузов для отправки был прекращен на 575 станциях и т. д.

Залежи на железных дорогах наблюдаются с самого начала войны, и чем дальше, тем они все больше возрастают. Министерство путей сообщения само признавало, что за 1914 г. не было перевезено до 2 млрд. пуд. грузов, перешедших на 1915 г. В первой половине 1914 г. залежи грузов составляли 39 тыс. вагонов, а во второй — увеличились до 84 тыс. вагонов. Правда, к февралю 1915 г. их удалось уменьшить до 65 тыс. вагонов, но к февралю 1916 г. они снова достигли огромной цифры — 150 тыс. вагонов. Залежи стали хроническим явлением, нарушая тем самым нормальный ход экономической жизни страны и работы самого транспорта. В результате возник продовольственный голод в городах и на фронте при наличии больших запасов хлеба в тылу. Металлургические заводы останавливались из-за недостатка топлива при наличии невывезенного угля в Донбассе.

Еще в конце 1914 г. совет съездов представителей торговли и промышленности в официальном документе — записке, адресованной председателю Совета министров, — указывал, что недостаток вагонов «вызвал в русской торгово-промышленной жизни кризис, угрожающий со дня на день разразиться катастрофой, чреватой неисчислимыми бедствиями» [177].

В записке подробно описывается влияние кризиса транспорта на различные отрасли промышленности и выражено опасение в возможности остановки работы предприятий, «кои заняты снабжением армии предметами обмундирования, снаряжения и вооружения, а также продовольствием населения». Буржуазия советует правительству принять чрезвычайные меры, которые устранили бы опасность, угрожающую всей хозяйственной жизни страны. Рецепт буржуазии заключался не в тех мерах, которые были приняты правительством через год — в декабре 1915 г. и выразились в создании вместо одного распорядительного комитета — другого, а в усилении материально-технической базы транспорта. «По приблизительному подсчету, — указывалось в записке, — требуется пополнение вагонного парка по крайней мере 70 тыс. вагонов, между тем как все существующие вагонные заводы и мастерские железных дорог могут изготовить в 1915 г. 49 тыс., а ежемесячно — около 4 тыс. вагонов. а по более верным сведениям г. министра путей сообщения, эти за-

[177] ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 718, л. 154. Докладная записка 29—31 декабря 1914 г.

воды могут выпустить не более 2500 вагонов в месяц». Далее записка рекомендовала дать полную нагрузку русским заводам на ряд лет, «не останавливаясь перед стоимостью вагонов», а недостающее количество заказать за границей.

Одновременно совет съездов просил о субсидировании правительством вагоностроительных заводов и передаче им запасных вагонных частей с целью ускорить изготовление вагонов. Правительство посчиталось с этим советом и очень быстро выдало заказ на полную мощность вагоностроительных заводов. Как видно из следующей записки от 12 февраля 1915 г., врученной председателю Совета министров [178], вагонные заводы получили на 1915 г. заказ на 36115 вагонов и еще 7289 штук условно. Это количество не покрывало всеи потребности в товарных вагонах. Поэтому буржуазия вновь ставит перед правительством вопрос о выдаче 14 вагоностроительным заводам страны долгосрочных заказов на 3 — 5 лет, указывая на возможность при этом условии увеличить производство вагонов уже в 1916 г. до 63 тыс. штук в год. Действительно вагоностроительные заводы могли бы за два года изготовить до 100 тыс. вагонов, но буржуазия не учитывала еще, что общая разруха в стране не позволит уже в 1915 г. обеспечить заводы металлом, топливом, а рабочих — продовольствием.

16 марта 1915 г. состоялось заседание совета съездов представителей промышленности и торговли, на котором было заслушано сообщение А. А. Бубликова о согласии министра путей сообщения повысить цену на вагоны и выдать трехлетний заказ вагоностроительным заводам. На заседании указывалось на возможность увеличить производство до 62 тыс. вагонов в год, но выполнение всей программы упиралось в снабжение заводов. При том порядке снабжения, который существовал, заводы не могли в 1915 г. выпустить и 41 тыс. вагонов. В связи с этим на заседании было решено добиваться привилегированного снабжения заводов, как работающих непосредственно на оборону [179]. Усилия эти, однако, не дали никаких плодов. 15 заводов, выполнявших заказы на товарные вагоны для Министерства путей сообщения, не додали к 1 января 1916 г. 11092 товарных вагона, а 8 паровозостроительных заводов не додали 268 паровозов [180]. Нормальная работа промышленности давно уже была нарушена. Как ни срочны и необходимы были рельсы, вагоны и паровозы, военное ведомство в первую очередь снабжало металлом заводы, изготовлявшие снаряды, и отпускало очень скромную норму металла для нужд путей сообщения.

Работники Министерства путей сообщения видели, что самое слабое место транспорта — это недостаток подвижного состава и рельсов. Они всячески старались получить возможно больше и того

[178] ЦГИА СССР, ф 32, оп 1, д 718, лл. 107—110
[179] «К вопросу об обеспечении сырьем вагоностроительных заводов» — «Горнозаводское дело», 1915, № 12, стр. 10690
[180] ЦГВИА, ф 369, оп. 13, д 21, лл 315—316

и другого со своих заводов, но это уже фактически зависело не от них Так, в январе 1916 г. министр путей сообщения возбудил ходатайство перед военным министром об увеличении производства рельсов на русских заводах с 440 верст ежемесячно до 600 верст. Общая годовая потребность в рельсах была определена в 11 тыс. верст [181]; следовательно, $^2/_3$ ее должны были удовлетворить русские заводы. Военное министерство пошло навстречу железным дорогам, и председатель Особого совещания по обороне фиксировал месячную программу каждому заводу, исходя из общего расчета 2600 тыс пуд. рельсов и 330 тыс пуд. накладок в месяц [182].

Так было на бумаге. В действительности производство едва достигало 50% намеченного плана. По всем 12 заводам было изготовлено в январе 1916 г. 1364 тыс. пуд. рельсов, в феврале — 1488 тыс пуд., в марте — 1665 тыс пуд , а в апреле производство рельсов сократилось до рекордно низкой цифры — 1079 тыс пуд. [183] Трепов вновь обратился в феврале 1916 г к военному министру Поливанову с письмом, в котором просил принять специальные меры к увеличению производства рельсов, указав на трудности с закупкой рельсов за границей. Трепов признал создавшееся положение «угрожающим».

Для практического обсуждения вопроса была создана междуведомственная комиссия; 10 — 13 марта 1916 г она провела несколько заседаний, на которых присутствовали представители заводских совещаний ряда районов [184]. На совещании выяснилось, что Надеждинский завод (Урал) вовсе прекратил прокатку рельсов и не выполнил заказ почти на 2 млн. пуд для казенных железных дорог, так как перешел на производство стали для снарядов Рассмотрев производственную способность заводов, изготовлявших рельсы, комиссия пришла к выводу, что предприятия без Надеждинского завода, не сокращая заказов на оборону, могут дать 2,6 млн пуд. рельсов ежемесячно, а с учетом возможного привлечения Надеждинского завода — 2,8 млн. пуд в месяц, т. е примерно столько, сколько просило Министерство путей сообщения Комиссия установила, что помимо объективных трудностей одной из причин сокращения производства рельсов является «невыгодность ныне такого производства по сравнению с другими исполняемыми заказами» [185]. Другими словами, заводчики саботировали выполнение важнеишего государственного заказа, чтобы добиться повышения цен на рельсы. Материалы комиссии были переданы председателю Особого совещания по обороне, который вновь утвердил норму производства рельсов в 2,6 млн. пуд. и 330 тыс. пуд накладок в месяц [186].

Также плохо обстояло дело и с выполнением заказов на по-

[181] Там же, лл 61—62
[182] Там же, л 130
[183] Там же, лл 134—136
[184] Там же, лл 162—169 об
[185] Там же, л 166 об
[186] Там же, лл 248—251 об

движнои состав Здесь причина лежала не в недостаточной производственной возможности заводов, изготовлявших эти заказы, а в том, что из-за расстройства железнодорожного транспорта заводы месяцами не получали необходимых материалов и грузов — швеллеров, пароперегревательных труб, вагонных брусьев, листового железа и т д В докладной записке от 21 апреля 1916 г., поданной в Особое совещание по обороне председателем заводского совещания Московского района С. И Чердынцевым, приводятся многочисленные факты, когда нехватка нужных материалов тормозила производство Коломенского, Сормовского, Брянского и других заводов, выполнявших заказы для Министерства путей сообщения. С исключительной резкостью Чердынцев подчеркивает, «что главной причиной понижения производительности паровозо- и вагоностроительных заводов является непровозоспособность железных дорог. Поэтому и принятие мер к урегулированию этого вопроса должно быть направлено по отношению к железным дорогам, а не заводам» [187].

Если допустить известную односторонность в освещении проблемы Чердынцевым, продиктованную желанием все свалить на железные дороги, все же показательно, что за год до Февральской революции плохая работа крупнейших предприятий страны, выполнявших важнейшие правительственные заказы, уже связывается с расстройством снабжения по вине железных дорог Несмотря на неоднократные напоминания о важности этих заказов и выгодность их для заводчиков, правительству так и не удалось добиться выполнения намеченных планов. При общей производительности рельсопрокатных заводов в 72 млн. пуд. в год, в 1916 г. было с трудом изготовлено около 17 млн. пуд. рельсов, что составляло около 50% намеченного годового плана [188]. На следующий 1917 г управляющий министерством сомневался в возможности получить и такое количество. Между тем «неотложная потребность в рельсах» только для дорог фронта определялась ежемесячно более чем в 2 млн. пуд. В связи с этим дороги тыла могли рассчитывать на получение рельсов «исключительно из-за границы». Отныне все больше заказов Министерства путей сообщения передается в США. Однако отсутствие достаточного количества валюты не давало возможности сделать там значительный заказ подвижного состава, а то, что удавалось оттуда получить, шло главным образом на удовлетворение нужд дорог фронта В тылу снимали сотни верст рельсов, скрепления, отнимали паровозы и вагоны и все отдавали военным дорогам. «Прирост подвижного состава в текущем году,— констатировалось на заседании Особого совещания 14 декабря 1916 г,— почти целиком был использован для удовлетворения нужд фронта, так что железные дороги тыла остались при прежнем количестве подвижного состава Попытки ведомства поместить крупный заказ на подвижной состав

[187] ЦГВИА, ф 369, оп 13, д 21, лл 285—286
[188] ЦГВИА, ф 368, оп 1, д 67 Доклад Войновского-Кригер Совету министров

за границей встретили затруднения в отношении обеспечения такового заказа валютой и тоннажем» [189]

Между министром путей сообщения А. Ф. Треповым и военными министрами А. А. Поливановым и Д. С. Шуваевым шла непрерывная борьба за выполнение плана заказов для железных дорог. Создавались комиссии, обследовались заводы, но реальные результаты были ничтожны. Меры правительства сводились главным образом к созданию распорядительных комитетов и особых совещаний по перевозкам. В улучшении методов организационно-административного руководства железными дорогами правительство видело ключ к решению транспортной проблемы, игнорируя экономическую сторону дела.

Регулирование перевозок

До войны регулированием перевозок на транспорте занимались Центральный комитет по перевозкам и порайонные комитеты. Во время войны были созданы Распорядительный комитет по перевозкам военного времени, а позднее, в 1915 г. — Особое совещание по перевозкам с периферийным аппаратом.

Распорядительный комитет был создан 3 августа 1914 г. (положение о нем было утверждено 29 июля 1914 г.) и просуществовал до начала декабря 1915 г. Деятельность этого комитета касалась лишь тыловых дорог и сводилась к выяснению нужд военного ведомства в части железнодорожных перевозок, а также к руководству работой порайонных комитетов, которые регулировали коммерческое движение, движение в узлах, вырабатывали планы перевозок минерального топлива и т. д. [190]

До войны перевозки грузов совершались в порядке очереди. Существовало пять разных очередей грузов. Были и внеочередные грузы, перевозившиеся по требованию государственных и общественных организаций, и ряд грузов, перевозившихся по особым правилам.

Во время войны сложилась новая система перевозок — литерная, или разрешительная, по которой каждый груз, независимо от грузоотправителя, занимал определенное место в очередности. Постепенно, в связи с недостаточной провозоспособностью дорог, все грузы перевозились лишь по разрешениям. Кроме того, стала вводиться известная плановость ввоза и вывоза груза для определенных районов.

Перевозка частных грузов в районах театра военных действий регулировалась особыми правилами, утвержденными начальником Штаба верховного главнокомандующего 24 августа 1914 г. При «порайонных комитетах» были созданы Особые совещания, которые устанавливали участки пути, где принимались для перевозок част-

[189] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 182, л. 147, ЖОСО, № 127, 14 декабря 1916 г.
[190] *Н. Васильев* Указ. соч., стр. 190—209.

ные грузы, устанавливали потребности гражданских учреждений а также намечали очередность для их перевозок. Даже в период мобилизации, когда перевозка частных грузов была совсем прекращена, на деле железные дороги перевозили их, но, конечно, в меньшем количестве, чем раньше.

В общем можно сказать, что до 1915 г. по известному плану перевозились лишь топливо и горнозаводские грузы, перевозка которых и до войны совершалась на основе планового распределения вагонов. Конечно, это не был общегосударственный план, но постепенно во время воины при распределении вагонов стали учитывать государственные интересы.

В августе 1915 г., наряду с другими Особыми совещаниями, было создано и Особое совещание по перевозке, деятельность которого сводилась к объединению «мероприятий по перевозке топлива и продовольственных и военных грузов» [191]. Следовательно, по идее Совещание должно было усилить плановость перевозок военных грузов, продовольствия и топлива. Кроме того, Особое совещание должно было заниматься коренными вопросами экономики транспорта и усиления пропускной способности железных дорог Оно утверждало месячные планы перевозок и контролировало их выполнение, регулировало распределение подвижного состава, каждую треть года обсуждало и намечало меры по усилению пропускной способности дорог. Следовательно, и по линии регулирования перевозок, и по линии эксплуатации и экономики транспорта создание Особого совещания по перевозке являлось шагом вперед по усилению государственного регулирования хозяйства и приспособления транспорта к нуждам и потребностям войны

Планирование перевозок хлеба было усилено Помимо плана снабжения армии продовольственными товарами был выработан порядок перевозки продовольственных грузов, выкупаемых земствами, городами и направляемых в адрес губернаторов Из всех указанных выше категорий перевозок лишь продовольственные грузы для армии относились к старшей группе (А) внеочередных грузов Вследствие этого снабжение городов продовольствием проводилось с большими перебоями. План перевозок продовольственных грузов, конечно, не являлся общегосударственным, строго обязательным планом. Он охватывал только потребности фронта, а также небольшую часть городов и рабочих центров, предоставляя большую часть продовольственных перевозок для тыла обычному в капиталистическом мире самотеку.

В отношении топлива до августа 1915 г. Министерство путей сообщения занималось не только перевозками его, но и распределением. Оно отвечало за топливное снабжение всей промышленности, хотя не имело никакого отношения к регулированию добычи. «Всеподданнейший» доклад министра путей сообщения царю 23 апреля 1915 г. был целиком посвящен угольной проблеме [191а].

[191] «Особые совещания и комитеты военного времени». Пг, 1917, стр. 37
[191а] ЦГИА СССР, ф 229, оп 4, д 1792б, лл 30—32 об

Минимальные потребности страны в донецком угле определялись в 160 млн пуд в месяц Поэтому, писал министр, «главнейшие заботы ныне должны быть в отношении донецкого угля обращены на увеличение его добычи, что, в свою очередь, должно вызвать спешные меры по увеличению на копях числа рабочих». Вместо забот об увеличении перевозок топлива внимание министра путей сообщения было привлечено к решению вопросов, не имевших отношения к его обязанностям Министр путей сообщения заботился об увеличении числа рабочих на копях и даже занимался коммерческой деятельностью, аннулировав все распродажи угля частным потребителям и обратив «всю производительность и все запасы донецкого угля на удовлетворение прежде всего сих (государственных — *А С*) потребностей с приостановкой действия упомянутых частных договоров». Решение несвойственных компетенции министра путей сообщения задач не способствовало налаживанию производства угля и вредно отражалось на управлении дорогами. В это время существовала полная неразбериха относительно полномочий и ответственности министерств. Так, Министерство торговли и промышленности, устраненное от ответственности за топливное снабжение, занималось продовольственным снабжением рабочих и т. д.

С организацией Особого совещания по топливу, во главе которого стоял министр торговли и промышленности, распределение топлива было снято с Министерства путей сообщения. Ежемесячные планы снабжения топливом составлялись Особым совещанием по топливу и его местными органами, а на основе этих планов уже составлялся план вывозки топлива, причем сохранялась определенная очередность погрузки В целях более планомерного снабжения топливом различных групп все потребители топлива делились на три группы, и в случае недостатка вагонов производилась определенная процентная скидка с намеченного планом распределения по всем группам. В общем, за флотом, оборонными предприятиями и железными дорогами по-прежнему сохранилось преимущественное право снабжения и перевозок

В результате деятельности Особого совещания по перевозке усилилась, особенно с 1916 г., плановость в перевозке важнейших грузов По планам перевозились военные грузы, интендантское имущество, различные металлы для оборонных предприятий, рельсы, топливо (уголь, нефть), хлопок, продовольствие для столиц и для северного и северо-западного районов, важнейшие строительные материалы для строительства оборонных предприятий

Однако общего государственного плана перевозок не было Огромное количество грузов перевозилось стихийно без плана, за взятки. Да и «планы» составлялись под сильным влиянием не одних только общегосударственных нужд и потребностей, но и частных интересов. Транспорт переживал очень серьезный кризис, приковавший к себе внимание всех четырех Особых совещаний, создавших объединенную комиссию для исследования вопроса.

Комиссия охарактеризовала положение как катастрофическое. Начальник управления железных дорог И Н. Борисов не был за-

интересован называть вещи своими именами, но и он в объяснительной записке, представленной 14 ноября 1915 г в Особое совещание по перевозке [192], достаточно резко критиковал существовавшую практику планирования, вернее бесплановости, порождавшую «очень серьезные затруднения». Кроме недостаточной оборудованности сети, причины «серьезных затруднений» Борисов видел в распыленности перевозочных средств дорог, которые используются независимо от Министерства целым рядом правительственных и общественных учреждений, самостоятельно предъявляющих к дорогам многочисленные требования и наряды на перевозки. В ряде случаев эти требования не отвечали действительной потребности, были мало согласованы между собой, не считались с возможностью их выполнения и с условиями дальнейшего следования грузов по другим дорогам. Такой порядок, указывал Борисов, ведет к громадной, ежедневно меняющейся переброске порожних вагонов к пунктам погрузки, к нервной и напряженной, но мало производительной работе служащих и к нерациональному использованию средств дорог, так как срочно, но непланомерно погруженные вагоны постоянно приостанавливаются в дальнейшем своем движении вследствие перегруженности отдельных участков дорог, узлов или пунктов назначения. Кроме непроизводительных простоев вагонов и загромождения дорог следования, это вызывает неправильный оборот товарных вагонов, постоянный их отлив в районы доставки, особенно в западный район военных действий, и недостаток свободных вагонов в районах отправления

В целях лучшего использования перевозочных средств в интересах государства Борисов предлагал ряд мер организационного характера, выполнение которых потребовало создания особого коллегиального органа: Временного распорядительного комитета по железнодорожным перевозкам, созданного в марте 1916 г. Первое заседание комитета состоялось 3 декабря 1915 г. при участии начальника военных сообщений Ставки С. А. Ронжина [193]. После этого комитет проводил регулярно свою работу, собираясь по 8—10 раз в месяц [194].

На первом заседании комитет заслушал доклад начальника эксплуатационного отдела Министерства путей сообщения, который ознакомил комитет с состоянием перевозок на сети и наличием вагонов и паровозов по отдельным дорогам. Особое внимание комитет уделил усилению деятельности Петроградского железнодорожного узла, снабжению подвижным составом горнозаводского района и сибирских железных дорог. Затем комитет составил план перевозок продовольствия и фуража на срок с 10 по 31 декабря 1915 г Чтобы

[192] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 106, лл 361—364 Объяснительная записка Борисова от 14 ноября 1915 г

[193] ЦГИА СССР, ф 290, оп 1, д 1 Журналы Временного распорядительного комитета (далее — ВРК).

[194] За первый месяц комитет собирался 10 раз, до конца января 1917 г состоялось 136 заседаний

рнести некоторые элементы плановости в работу железных дорог, комитет решил, что начиная с января 1916 г Ставка будет давать ежемесячные заявки на перевозки для нужд армии, на основе которых Временный распорядительный комитет не позже 20-го числа каждого месяца будет вырабатывать «общий план интендантских перевозок на будущий месяц» [195]. Таким образом, комитет начал с упорядочения военных перевозок.

Ввиду огромных затруднений с перевозкой топлива и сырья даже для крупнейших военных заводов комитет признал необходимым развить плановые перевозки таких грузов не только из Донецкого, но и из других районов.

План перевозок твердого топлива рассматривался в связи с остальными перевозками. Этим обеспечивалась большая вероятность выполнения утверждаемых планов. Комитет пересматривал и иногда на деле даже отменял планы, установленные Особым совещанием по перевозкам. Так, Особое совещание по топливу утвердило план вывоза топлива на апрель 1916 г в количестве 136,2 млн пуд, а комитет установил «как крайний, допустимый на апрель месяц предел, — основное назначение 120 млн пуд. и 5 млн пуд факультатива» [196]. При утверждении плана перевозок на май 1916 г комитет не согласился с предложением Военного министерства повысить вывозку военных и частных грузов и сократить вывозку рельсов [197].

Было бы, однако, неправильно считать, что комитет установил полную плановость перевозок. Кроме перевозок топлива (угля) по другим видам грузов не было общих имперских планов Элементы плановости вводились ощупью и слишком робко Большей частью план устанавливался только для отдельных центров, районов или групп заводов Так, план перевозки продовольствия для Петрограда был утвержден 22 декабря 1915 г ввиду новизны дела лишь на полмесяца.

Больше и чаще всего комитету приходилось заниматься Петроградским узлом Объясняется это, конечно, и политическим значением столицы, и ролью промышленности Петрограда для военных целей Намеченная комитетом для Петрограда норма завоза топлива и продовольствия нарушалась, и тогда принимались экстренные меры Так, в конце декабря 1915 г и в январе 1916 г в связи с создавшимся в Петрограде катастрофическим положением с продовольствием и топливом был выработан детальный график ежедневного завоза различных видов продовольственных грузов в количестве 227 вагонов Еще хуже в Петрограде обстояло дело с топливом Многие

[195] ЦГИА СССР, ф 290, оп 1, д 1, л 10—10 об Обзор деятельности ВРК по железнодорожным перевозкам за период с 1—15 декабря 1915 г

[196] Там же, л 94 Журнал № 34 ВРК по железнодорожным перевозкам от 17 марта 1916 г, л 85 об Обзор деятельности ВРК с 9 февраля по 31 марта 1916 г Разумеется, комитет подробно мотивировал свое решение

[197] Там же, д 1. Журналы заседаний ВРК № 7 от 22 декабря 1915 г, № 10 от 2 января 1916 г, № 15 от 16 января 1916 г

петроградские заводы, работавшие на оборону, оказались под угрозой остановки [198]. Чтобы исправить положение, было решено прекратить на семь дней транзитное пассажирское движение и использовать освободившиеся паровозы и вагоны для перевозки угля. По расчетам комитета, это должно было дополнительно дать за семь дней до 1,5 млн пуд. угля. И действительно, за пять дней в Петроград было доставлено 4 тыс. вагонов с углем и металлом, 3 тыс вагонов с продовольствием и 785 цистерн с нефтью [199]. Но комитет был не в состоянии создать общегосударственный план перевозки продовольственных грузов. Такая задача вообще казалась комитету невыполнимой ввиду «громадной сложности» ее. Перевозка всех видов продовольственных грузов была возложена на местные порайонные комитеты. За собой Временный распорядительный комитет оставил лишь доставку продовольствия для Петрограда, Финляндии и нескольких северо-западных губернии [200].

В середине января 1916 г. комитет принял важное решение, уточнявшее компетенцию комитета и других органов, ведавших регулированием перевозок [201]. В ведении комитета были оставлены плановые перевозки, внеочередные перевозки массового характера, срочные маршрутные поезда, внеочередные перевозки по группе «А» и перевозки по «затрудненным направлениям» [202]. Остальные виды перевозок были разграничены между Центральным комитетом по перевозкам и порайонными комитетами Таким образом, за комитетом оставались наиважнейшие группы грузов, перевозка которых имела общегосударственное значение и срочность в связи с выполнением военных заказов.

В конце января 1916 г. комитет впервые установил план перевозки металла на февраль для небольшой привилегированной группы заводов [203]. В план была включена перевозка чугуна для 48 заводов, снарядной стали — для 10 заводов и всех видов грузов для Путиловского завода. «Для начала» плановые перевозки предусматривали 2307 вагонов, из которых 647 вагонов были назначены маршрутными поездами, а остальные — распределены по дорогам в ви-

[198] ЦГИА СССР, ф 290, оп 1, д 1, лл 20–20 об Журнал заседания ВРК № 10 от 2 января 1916 г В докладе о положении дел на Петроградском узле указано, что трудности объясняются тремя причинами а) стеснением пропускной способности дороги пассажирским движением, б) ограниченной способностью Петроградской сортировочной станции и в) недостатком паровозов и паровозных бригад (там же, л 20 об)

[199] Там же, л 31 об Журнал заседания ВРК № 15 от 16 января 1916 г

[200] Там же, лл 58–59 Журнал № 27 заседания ВРК от 23 февраля 1916 г Утвержденный для этих местностей план продовольственных перевозок на март 1916 г можно было выполнять только за счет сокращения пассажирского движения

[201] Там же, л 31 об Журнал заседания ВРК № 15 от 16 января 1916 г

[202] К их числу относились Сибирская, Пермская, Николаевская и Северные дороги, переправа у Саратова, города Архангельск и Вологда (там же, л 31 об)

[203] Там же, лл 40 об — 41 Журнал заседания ВРК № 19 от 28 января 1916 г

це суточной погрузки Вслед за металлом были выделены перевозки хлопка в размере двух маршрутных поездов в день в адрес Московского и Петроградского районов [204].

Постепенно объем плановых перевозок металла, хлебных грузов для отдельных районов империи и разных полуфабрикатов для военных предприятий увеличивался. Так, для Петрограда, Финляндии и северо-западных губерний плановые перевозки хлеба составили за март — апрель 1916 г. 53 324 вагона; кроме того, выделено более 6200 вагонов семенных грузов Были утверждены также планы перевозок сырья для предприятий Петроградского района (без Путиловского завода): в марте — 2846 вагонов и в апреле — 2336 вагонов Перевозки для Путиловского завода планировались отдельно в количестве 900 вагонов на февраль и 825 вагонов на март Плановые перевозки для предприятий Московского района количественно были менее, чем для Петроградского района, но и они увеличивались с каждым месяцем· 571 вагон — в марте и 1730 вагонов — в апреле Видное место в плановых перевозках занимали рельсы (7 млн. пуд за два месяца), металл для заводов, изготовлявших стрелки и скрепления для железных дорог (2314 вагонов на апрель). Плановая перевозка для заводов Уральского района предусматривала 3262 вагона на апрель, а перевозка строительных материалов для строительства воинских бараков — 3139 вагонов в марте и 4256 вагонов в апреле (до 10 мая) [205].

В связи с прибытием во Владивосток из Америки 10,2 млн. пуд рельсов потребовались срочные меры для их вывозки. Комитет запланировал перевезти их в течение трех месяцев — с 20 февраля по 20 мая 1916 г. Чтобы выполнить этот план, комитету пришлось повысить провозоспособность Сибирской железной дороги с 750 до 800 вагонов в день, а ежедневную отгрузку из Владивостока увеличить с 200 до 300 вагонов, в том числе 160 вагонов воинских грузов, 100 вагонов рельсов и 40 вагонов грузов частных отправителей, в счет которых входило 10 вагонов сельскохозяйственных машин [206]. Сибирская дорога представляла жизненную магистраль, по которой перебрасывались материалы, доставлявшиеся из Америки и Японии. Поэтому регулирование перевозок на дороге велось наиболее строго. Все же справиться с перевозкой грузов из Владивостока комитет рассчитывал главным образом потому, что во Владивосток были доставлены американские вагоны, которые там собирались и нагружались [207]. Трудной задачей для комитета оказалась переброска для Англии льна в Архангельск и Вологду (по 67 вагонов в день) и 15 млн. пуд. пшеницы для отправки из Архангельска во Фран-

[204] Там же, л 42 Журнал заседания ВРК № 20 от 2 февраля 1916 г

[205] Там же, лл 80 об — 82 Обзор деятельности ВРК с 9 февраля по 31 марта 1916 г

[206] Там же, л 54 Журнал № 25 заседания ВРК от 16 февраля 1916 г

[207] В феврале 1916 г ежедневно собиралось по 16 вагонов, в половине апреля сборку рассчитывали увеличить до 60 и в мае — до 70 вагонов (там же, л 54)

цию [208] 10 млн пуд пшеницы комитет решил отправить внеочередным порядком наравне с плановыми грузами.

В феврале и марте 1916 г положение на железных дорогах резко ухудшилось из-за снежных заносов, которые особенно охватили район Рязано-Уральской, юго-восточной, Екатерининской, Московско-Казанской и Воронежской железных дорог В связи с этим погрузка угля сократилась до 108 млн. пуд в месяц [209]

8 марта 1916 г Временный распорядительный комитет слушал доклад эксплуатационного отдела, в котором указывалось на серьезные недостатки в работе дорог. В докладе указывалось, что вагонный парк фронта достиг 140 тыс единиц и продолжает увеличиваться. Вагоны с фронта направлялись на северные дороги, которые «перенасыщены вагонами» Николаевская дорога имела излишек в 7 тыс. вагонов Из-за перенасыщения вагонами коммерческая скорость упала. Вывоз из Архангельска сократился с 300 вагонов ежедневно до 250—260 вагонов. Неуспешность работы дорог объяснялась плохим качеством паровозов и топлива, плохим оборудованием станций [210]. Уже в это время были железные дороги, на которых количество неисправных паровозов достигало катастрофической цифры — 37% от общего их количества [211] Чтобы усилить перевозку экстренных грузов, комитет решил полностью прекратить на неделю (с 20 по 26 марта) пассажирское движение

На усиление плановости перевозок министр путей сообщения возлагал теперь все свои надежды. Временный распорядительный комитет был не в состоянии значительно усилить провозоспособность железных дорог, но внедрение элементов плановости перевозок и маршрутизации поездов все-таки позволило железным дорогам удовлетворять наиболее острые военные и хозяйственные потребности страны

В связи с летним наступлением русских войск в 1916 г. железные дороги фронта и тыла произвели огромные военные перевозки, но обслуживание экономических нужд тыла и техническое оснащение дорог все ухудшалось, а комитет оказался не в силах преодолеть резко сократившуюся провозоспособность дорог

Зимой 1916/17 г. все яснее проявляется неспособность Временного распорядительного комитета справиться с первоочередными перевозками, объем которых непрерывно возрастал, так как стихийное планирование комитета распространилось на все большее и большее количество перевозок. Так, комитет вынужден был в плановом порядке пе-

[208] ЦГИА СССР, ф 290, оп 1, д 1, лл 109—110 Журнал № 39 заседания ВРК от 1 апреля 1916 г

[209] Там же, л 64—64 об Журнал № 29 заседания ВРК от 1 марта 1916 г

[210] Там же, лл 72—73 Журнал № 31, заседания ВРК от 8 марта 1916 г

[211] Там же, л. 58 Журнал № 27 заседания ВРК от 23 февраля 1916 г Доклад управляющего Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги Насколько плохо обстояло дело с перевозками в феврале 1916 г, показывают цифры перевозок семенных грузов: из назначенных 2429 вагонов было отправлено только 1316

ревозить зерно для нужд населения 27 января 1917 г комитет утвердил на февраль 1917 г перевозку зерна в количестве 19 547 вагонов [212] Увеличились также перевозки товаров, прибывавших из-за границы К январю 1917 г в Финляндии скопилось до 50 тыс т различных грузов, а к началу летней навигации ожидалось еще 200 тыс т Финляндские железные дороги были неспособны справиться с перевозками этих грузов. Они нуждались в паровозах и вагонах, которые надо было снять с европейской сети, где также ощущался большой недостаток в подвижном составе.

В Уральске скопилось огромное количество рыбопродуктов Рыбопромышленники бомбардировали Министерство путей сообщения бесчисленными телеграммами с требованием вагонов Комитету приходилось изыскивать вагоны, чтобы хотя бы частично обеспечить переброску рыбы в центры ее потребления [213]. Рыбопромышленники добились планового выделения вагонов для вывоза рыбы, хотя Министерство и отпустило им в 3 раза меньше вагонов, чем это было необходимо Временный распорядительный комитет необоснованно сокращал количество вагонов для перевозки руды и металла для основных промышленных районов страны. Вообще комитет придерживался политики· «Ввиду общей загруженности главных железнодорожных магистралей по возможности сократить размер испрашиваемых перевозок» [214]. Для Уральского, Екатеринославского, Ревельского и Петроградского районов представленные на февраль 1917 г заявки были сокращены на 20%

В то время как комитет механически сокращал требования промышленности, военные предприятия испытывали острый голод в металле Одновременно главный уполномоченный по снабжению металлами обратился в комитет с ходатайством о плановой перевозке металлов для промышленных районов страны, которые не были включены в плановые перевозки Комитет по делам суконной промышленности просил о плановой перевозке в феврале 1917 г. шерсти для шерстяной промышленности Министерство земледелия обратилось с такой же просьбой о плановой перевозке скота к местам убоя при холодильниках и консервных заводах, это дало бы большую экономию в транспорте, так как на фронт доставлялось бы уже обработанное мясо и консервы, а не живой скот. Такие требования шли со всех сторон, и даже чиновники видели в твердом плане выход из хозяйственной анархии.

Но Временному распорядительному комитету, состоявшему в большинстве своем из специалистов-путейцев, оказалась не по плечу выработка общего плана перевозок важнейших грузов. Особое совещание по перевозкам, возглавляемое Министерством путей сообщения, также не смогло разрешить такого большого общехозяйственного вопроса, затрагивавшего интересы многих министерств и

[212] Там же, д 4, лл 7—8 Журнал № 136 заседания ВРК от 27 января 1917 г
[213] Там же, лл 62—66 Журнал № 138 заседания ВРК от 3 февраля 1917 г
[214] Там же, л 66

«общественных» буржуазных организаций. Государственный аппарат в это время трещал и разваливался по всем швам. Полоса министерской чехарды, наблюдавшаяся во второй половине 1915 г., вновь началась в конце 1916 г. К руководству министерствами и ведомствами приходили новые люди, главным образом из числа специалистов, но более мелкие по размаху и политическому весу, чем их предшественники. В такое время было не до разрешения больших экономических вопросов. Работники комитета, помимо всего прочего, хорошо понимали, что с большим общегосударственным планом им совсем нельзя будет справиться, так как железные дороги не смогут обеспечить его выполнение. Поэтому работа многих важнейших отраслей хозяйства и отдельных важных предприятий, а также снабжение рабочего и городского населения были предоставлены стихийному ходу событий. Все это свидетельствовало о провале попыток царского правительства ввести даже ограниченное планирование перевозок и таким путем разрешить экономические задачи, стоявшие перед транспортом.

Особое совещание по обороне в 1916 г. несколько раз высказывалось за «желательность» составления общего плана перевозок. В частности, в апреле 1916 г, заслушав доклад представителя Министерства путей сообщения в Особом совещании по обороне, военный министр Д. С. Шуваев настаивал на введении общего плана перевозок. Он указал, что, сообразуясь с таким планом, ведомства будут распределять грузы, что «явится наилучшим в условиях текущего времени, решением вопроса о перевозках» [215]. Во время обсуждения этого вопроса было произнесено много речей, в которых подчеркивалась важность железнодорожного транспорта для дела обороны. Член Государственного совета Карпов предложил объявить железные дороги на военном положении. Однако Особое совещание все же не приняло решения о едином плане перевозок

В декабре 1916 г., чтобы сколько-нибудь организовать работу транспорта, начальник штаба Гурко предложил «провести спешно в законодательном порядке милитаризацию всех железных дорог империи» Трепов являлся сторонником этой идеи, но после его отставки практически осуществить это предложение до Февральской революции не удалось. Таким образом, буржуазно-помещичьему государству не удалось сколько-нибудь широко внедрить плановость перевозок в хозяйственную жизнь страны Дело, разумеется, было не столько в технических трудностях составления плана, сколько в том, что такой план существенно затронул бы интересы спекулянтов и банковских воротил.

По признанию отчета Особого совещания по перевозке, осенью 1916 г. плановые перевозки охватывали около 15 тыс вагонов ежедневной погрузки, что составляло «от 40 до 50% всей погрузки» [216].

[215] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 176 ЖОСО, № 65, 23 апреля 1916 г Прения были закончены только на следующем заседании

[216] «Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке», стр 105

Следовательно, больше чем наполовину железные дороги были предоставлены дельцам и спекулянтам, наживавшимся на войне В действительности роль плановых перевозок была, вероятно, еще ниже, так как перевозки хлеба, игравшие значительную роль в плановых перевозках, выполнялись менее чем на 50% С января по июль 1916 г из 174,7 тыс. вагонов, назначенных для перевозки хлеба, погружено было по плану только 83,7 тыс вагонов, или 48,1% [217] В отдельные месяцы выполнение плановых погрузок хлеба снижалось до 39%.

Составители отчета Особого совещания по перевозке пытаются внушить читателю мысль о том, что если плановые перевозки не удались, то вина за это должна быть возложена на товароотправителей, а не на железные дороги. «Приходится констатировать,— говорится в отчете,— что доминирующей причиной невыполнения ... перевозок являлось недопредъявление грузов к отправке» [218]. Между тем, как по углю, так и по продовольствию, главная причина невыполнения планируемых перевозок заключалась в слабости перевозочных средств железных дорог и в неспособности государственных органов последовательно осуществить плановые перевозки. Провал идеи планирования перевозок еще более обострил как железнодорожный, так и общехозяйственный кризис в стране.

Кризис транспорта достиг особой остроты за несколько месяцев до Февральской революции, когда сильно увеличился недогруз угля, железа, продовольствия. Промышленность осталась без топлива, города — без хлеба, металлические предприятия — без металла. Обнаружился паралич важнейших отраслей хозяйственной жизни Обстановка общего экономического кризиса страны довольно красочно передана в докладной записке председателя Государственной думы Родзянко, посланной им незадолго до Февральской революции царю [219]. Родзянко надеялся, что картина нарисованного им кризиса заставит Николая скорее пойти на ряд политических уступок в пользу буржуазии. Особое внимание в записке Родзянко было уделено необходимости плановых перевозок «без различия районов тыла и фронта»

Обследование кавказских дорог в декабре 1916 г. установило, что для улучшения их работы нужны рабочие руки, металл и продовольствие Провозоспособность Сибирской дороги упала в несколько раз. По ней должно было ежедневно перевозиться 1200 вагонов летом и 1000 вагонов зимой. Но эта «нормальная» провозоспособность была ниже потребности, измерявшейся 1350 вагонами ежедневных перевозок. В конце 1916 г. погрузка во Владивостоке сократилась до 150, потом до 100 и даже до 40 вагонов в день. В январе 1917 г. она опять поднялась до 100 вагонов, что давало всего лишь 10% от зимней провозоспособности. Во владивостокском порту ско-

[217] Там же, стр 120—121
[218] Там же, стр 169
[219] *М Покровский* Экономическое положение России перед революцией — «Красный архив», 1925, № 10, стр 69—81

пилось 25 млн пуд чрезвычайно важных грузов, которые не могли быть переброшены в центр России[220] Показатели о работе железных дорог в конце 1916 г свидетельствовали о глубоком кризисе, охватившем транспорт Значительно сократились запасы топлива На 1 марта 1917 г запасы угля на дорогах составляли 50% того количества, которое было на 1 января 1917 г, и 22% по сравнению с запасами на 1 января 1916 г.[221] Несмотря на бедственное положение транспорта Военное министерство сделало попытку сократить производство рельсов на 50%, обратив освободившийся металл на изготовление тяжелых снарядов.

Зимний кризис 1916 г вовсе не является чем-нибудь исключительным, наоборот, он был неизбежным следствием того положения, в котором к осени оказался транспорт Недостаток подвижного состава, отсутствие металла и других материалов для ремонтных работ, дезорганизация рабочей силы, увеличение количества неисправных паровозов и вагонов остро чувствовались уже летом 1916 г. Указывая на них, Трепов писал председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру, что они в ближайшем будущем могут не только «затруднить дальнейшее развитие перевозок» вообще на всех дорогах тыла, но «крайне затруднить и поддержание движения в настоящих его размерах»[222].

Заслушав информацию о положении дел на транспорте в конце 1916 г, Особое совещание по обороне отметило, что «затруднения на железных дорогах приняли во второй половине года довольно острый характер» Объяснения этого явления, по мнению Совещания, крылись в несоответствии между возможностями дорог и возросшим спросом на перевозки. «Прирост подвижного состава в текущем году почти целиком был использован для удовлетворения нужд фронта, так что железные дороги тыла остались при прежнем количестве подвижного состава»[223] Оставались последние надежды на улучшение работы дорог — они связывались с размещением в США заказов на паровозы и вагоны, однако, как в Совещании полагали, «на скорое их прибытие в Россию рассчитывать не приходится»

Зима с морозами и буранами еще более ухудшила положение с перевозками Продовольственный кризис в городах обострился. В течение нескольких заседании Особое совещание по обороне обсуждало создавшееся положение. «С самого начала войны еще не было такого критического для России момента, как тот, который переживается нами ныне»,— говорил Гучков, и он был прав. С самого начала войны не было еще такого глубокого кризиса транспорта и промышленности, как перед Февральской революцией Никогда еще продовольственные затруднения не достигали такой остроты, как теперь Наряду с экономическими затруднениями буржуазия видела гро-

[220] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 375 ЖОСО, № 135, 14 января 1917 г

[221] Цифровые данные вычислены на основе данных И Д Михайлова (*И Д Михайлов* Указ соч, стр 18)

[222] Никаких серьезных мер, которые могли бы уничтожить эти отрицательные явления, не было принято

[223] ЦГВИА, ф 369, оп 1, д 182 ЖОСО, № 127, 14 декабря 1916 г

мадную для себя опасность в нарастании революционного движения масс и поэтому принимала все меры, чтобы дело не дошло до открытой революции Отсюда — предложение буржуазии созвать объединенное заседание четырех Особых совещаний под председательством Николая, где можно было бы развернуть всю картину экономического краха и политической опасности, чтобы добиться в свою пользу ряда экономических и политических уступок Чиновники из Министерства путей сообщения считали преувеличенными чрезмерные опасения буржуазного крыла Особого совещания. События в конце февраля опровергли их оптимизм

Острый кризис железнодорожного транспорта является одной из важнейших причин того кризиса, которыи переживало хозяйство России перед Февральской революцией С разрешением транспортной проблемы русский капитализм не мог справиться собственными средствами Самодержавию пришлось обратиться за помощью к союзникам, но их помощь не поспела

Не будучи в силах организовать работу транспорта в последние месяцы существования царизма, Министерство путей сообщения вкупе с русской буржуазией много занималось составлением планов развития железных дорог на будущее Председатель соответствующей комиссии Борисов составил план строительства железных дорог на 10 лет По плану предусматривалось построить за этот срок 60 тыс верст дорог, из них больше половины (36,6 тыс верст) в первые пять лет, 17,5 тыс верст — в последующие пять лет, строительство остальных 6 тыс верст переходило на следующее десятилетие Выполнение всего этого построенного на песке плана должно было обойтись, по исчислению В И Гриневецкого, до 9 млрд руб Неосуществимость плана была явной не только по финансовым соображениям, но и из-за слабости развития отечественной металлургии

Осенью 1915 г комиссия Центрального военно-промышленного комитета признала мало осуществимым гораздо более скромный план, сводившийся всего лишь к строительству 60 тыс. товарных вагонов ежегодно. Специалист по финансовым вопросам кадет Н Н. Кутлер подсчитал, что выпуск в течение пяти лет 300 тыс товарных вагонов потребует расхода 500 млн руб , вызовет увеличение строительства паровозов от 1700 до 2 тыс паровозов в год, что также в пять лет обойдется в 500 млн руб , потребует, наконец, увеличения пропускной способности узлов, на что необходимо будет израсходовать еще 500 млн руб Таким образом, скромная программа увеличения вагонного парка влекла за собой расход в 1,5 млрд руб , и эта программа вызывала у буржуазии возражения «финансового свойства» [224]

Несмотря на неподходящую обстановку (война, хозяйственный и политический кризис, дороговизна, нехватка рабочей силы), буржуазия в конце 1916 г много занималась разработкой плана нового

[224] «Известия ЦВПК», № 22, 29 октября 1915 г

строительства железных дорог Самый размах плановых наметок был продиктован воиной, огромным размером военных заказов и военного производства. В разработке этого плана буржуазия в лице Военно-промышленного комитета выступала конкурентом правительству. Центральный военно-промышленный комитет организовал специальную комиссию во главе с инженером Бубликовым, разработавшую план строительства 28 тыс верст железных дорог в течение пяти лет В обсуждении этого плана принимали участие представители 30 областных военно-промышленных комитетов В его основу буржуазия положила два принципа: 1) строительство не новых линий, а усиление существующих для разрядки грузовых потоков, 2) максимальный учет интересов мест при проведении нового строительства Осуществить такой план буржуазия мечтала при помощи иностранного капитала. А И. Гучков пытался вести переговоры о передаче американцам строительства железнодорожной линии Москва — Донбасс, которая должна была стоить более 500 млн руб [225]

Потребность в иностранных капиталах оказалась сильнее разговоров об эмансипации от иностранной зависимости, которые усиленно велись среди буржуазии во время войны Как показали события, буржуазия доживала последние месяцы своего экономического господства Ее план был построен на песке и не соответствовал реальным возможностям русского народного хозяйства

Заграничные заказы на транспортное оборудование

Мелкие заказы за границей Министерство путей сообщения делало еще в 1914 г После объявления войны мелкий заказ на 2 тыс с лишком комплектов стрелочных переводов и около 300 тыс пуд рельсов был передан США Весной 1915 г. было решено прибегнуть к широкому размещению иностранных заказов для нужд Министерства путей сообщения Размещение этих заказов продолжалось в США, так как союзники не могли уступить России сколько-нибудь значительного количества ни паровозов, ни вагонов, ни рельсов

В марте и апреле 1915 г Совет министров разрешил заказать за границей 17 700 товарных большегрузных вагонов, соответствующих 40 тыс. вагонов нормального типа Затем в июне 1915 г было решено заказать дополнительно 35 тыс вагонов подъемной силы в 1200 пудов каждый. Прошел год Как видно из «всеподданнейшего» доклада Трепова от 25 июля 1916 г, размещение заказов в США шло чрезвычайно медленно. По первому заказу оставались неразмещенными около 5 тыс вагонов, а к заказу на 35 тыс вагонов еще не

[225] О плане строительства железных дорог см · *В И Гриневецкий* Указ соч, стр 122—133, «Производительные силы», 1916, № 2; *П П. Мигулин* План железнодорожного строительства — «Новый экономист», 1916, № 20, стр 1—3, *А П Погребинский* Военно-промышленные комитеты — «Исторические записки», т 11, стр 185—188

приступали «Причина задержки к выдаче сих заказов,— указывал Трепов,— заключается в отсутствии достаточной валюты» [226] Трепов просил царя, не дожидаясь окончательного решения о валюте, «безотлагательно озаботиться» заказом 6 тыс большегрузных вагонов Уже этот документ достаточно красноречиво показывает, какие трудности надо было преодолеть при заказах иностранного оборудования Из широкой программы заказов, которая включала кроме вагонов еще паровозы и рельсы, к 15 марта 1916 г удалось заказать в США только 13 160 вагонов большого типа и 400 паровозов

Большая переписка министра путей сообщения с министром финансов П Л Барком вскрывает длительные переговоры о финансах Однако их результаты были мизерными Заказы для железнодорожного транспорта не обеспечивались кредитами, несмотря на наличие в 1915 г сентябрьского финансового соглашения Более того, по нескольку месяцев Трепов даже не получал ответа от Англо-Русского комитета Ввиду этого путейские работники изыскивали способы самостоятельно достать заграничную валюту. В конце декабря 1915 г Трепов поделился с Барком планом получить валюту при помощи А. И Путилова и Ашберга (представитель «Гарантитрест компани») Были выработаны условия соглашения, предусматривавшие заключение 18-месячного займа из 9% годовых. Трепов настойчиво просил Барка присоединиться к выработанным условиям займа, так как другой возможности осуществить заказ Ставки не было, а «невыполнение этих заданий,— писал Трепов,— может оказать, по моему мнению, весьма серьезное, а может быть и решительное влияние на весь дальнейший ход предстоящих усилий» [227].

В январе и феврале 1916 г Трепов просил у Барка денег на мелкие заказы —300 пятитонных автомобилей и 5 тыс вагонов Из этих писем узнаем, что с ноября 1915 г оставался неразрешенным вопрос о размещении заказа на 7085 вагонов. Трепов предлагал Барку воспользоваться финскими заводами для размещения заказа на 3 тыс вагонов, соответствующих их годовой производительности Заказы на 6,5 млн пуд рельсов оставались неразмещенными с ноября 1915 г В конце февраля 1916 г. потребность в рельсах уже возрасла до 15 млн пуд , а предложение их со стороны иностранных фирм совсем прекратилось

Министерство путей сообщения оказалось не в состоянии самостоятельно осуществить заказы на рельсы и обратилось с просьбой в русское посольство в Лондоне возбудить перед английским правительством вопрос о размещении русского заказа на рельсы в Англии и английских владениях или же в нейтральных странах Это обращение, видимо, осталось безрезультатным, так как в марте 1916 г через министра финансов английскому правительству была представлена специальная нота по вопросу о железнодорожных заказах В ноте,

[226] Архив Министерства финансов СССР, ф Особенной канцелярии по кредитной части, Иностранный отдел, Переписка с министром путей сообщения Всеподданнейший доклад Трепова Николаю II от 25 июля 1916 г

[227] Там же Секретное письмо управляющего Министерством путей сообщения к Барку от 22 декабря 1915 г

написанной товарищем министра путей сообщения Н. Щукиным 21 марта 1916 г, говорилось· «Россия не имеет никакой возможности собственными средствами изготовить требуемое количество рельсов, вагонов, паровозов и автомобилей, а также и некоторых других предметов необходимых для нужд Министерства путей сообщения; в этом отношении ее производительность *доведена до максимума*, которого, при всем желании, перейти нельзя. Поэтому ей приходится обратиться за границу, чтобы обеспечить правильность перевозки войска и снабжения армии снарядами»[228] Министерство просило английское правительство ускорить рассмотрение заявки и не связывать разрешение на заказ с вопросом о тоннаже. К ноте была приложена ведомость заказов общей стоимостью 136 340 950 долларов и 422 тыс фунтов стерлингов Основные предметы заказа были следующие: 7,7 млн пуд рельсов со скреплениями, 1300 паровозов типа декапот, около 35 тыс двухосных товарных вагонов, предметы оборудования для владивостокских и харбинских мастерских и для Мурманской железной дороги, пароходы, катеры, барки и оборудование для мастерских фронта и тыла От аккуратного выполнения этого заказа зависело развитие военных операций, между тем английское правительство не торопилось рассмотреть и утвердить заявку русского правительства

Кредиты, предусмотренные сентябрьским 1915 г соглашением с Англией, были израсходованы, а о новых Барк делал только предварительную разведку, которая показала, что выгоднее получить деньги у спекулянтов США, чем у союзного английского правительства

Из сентябрьского кредита для нужд Министерства путей сообщения попало немного средств. Как следует из письма Трепова Барку, после 1 октября 1915 г Россия уплатила по заграничным заказам министерства из других источников, не связанных с английским кредитом, свыше 24 млн. долларов Трепов пытался при содействии Барка получить согласие английского правительства возместить эти средства с тем, чтобы обратить их на новые заказы, но из этих попыток ничего не вышло.

Пока шли переговоры об условиях нового финансового займа, более четко выявлялись потребности России Только для фронтовых дорог начальник Штаба верховного главнокомандующего М В Алексеев настаивал перед А Ф Треповым обеспечить заказ на 500 мощных паровозов, 25 тыс вагонов и 5 тыс верст рельсов[229]. Эта заявка Алексеева явилась частью большой программы, выработанной Министерством путей сообщения по усилению железных дорог подвижным составом Она была рассмотрена Советом министров 7 июня 1916 г и получила «высочайшее» утверждение 25 июня того же года Министерству путей сообщения было разрешено купить за границей 1300 мощных паровозов, 36 тыс вагонов и 20 млн пуд. рельсов со скреп-

[228] Там же Нота была вручена английскому правительству 10 апреля 1916 г
[229] Архив Министерства финансов СССР, ф Особенной канцелярии по кредитной части. Иностранный отдел Письмо начальника Штаба верховного главнокомандующего М В Алексеева министру путей сообщения А Ф Трепову от 22 мая 1916 г

лениями на общую сумму 288 млн. руб. Фактически это была заявка, изложенная в ноте, которую написал Щукин в марте 1915 г , лишь по рельсам было предусмотрено почти тройное увеличение Независимо от вышеизложенной заявки было разрешено заказать 6,5 млн пуд рельсов и 8 тыс вагонов, оставшихся нереализованными из предыдущих заказов. Вокруг размещения всего большого заказа русского правительства произошла серьезная борьба между министрами путей сообщения и финансов Не имея валюты, Барк просил Трепова подождать конца финансовой конференции, которая была перенесена из Парижа в Лондон.

Между тем переговоры Барка с английским правительством о новом соглашении затягивались, время уходило, нужда в рельсах и вагонах обострялась, цены на товары на американском рынке ежедневно росли. Телеграммы Барка из Лондона не давали уверенности в благополучном окончании переговоров Тогда Трепов решил действовать самостоятельно, независимо от исхода финансовых переговоров. Ввиду крайней остроты положения с рельсами Трепов считал «необходимым прибегнуть даже к такой крайней мере, как снятие их (рельсов.— *А С.*) из части некоторых имеющих более или менее второстепенное значение железнодорожных линий» Так как промедление с заказами грозило срывом будущей военной кампании, громадными переплатами и необходимостью отправлять транспортные средства с тыла на фронтовые дороги, Трепов, заручившись согласием Николая II, передал в США, не дожидаясь разрешения вопроса о валюте, заказ сперва 10,8 млн пуд. рельсов, а к 1 июля 1915 г увеличил его до 26,5 млн пуд , т е до общего количества намеченной покупки. Стоимость этого заказа достигала 25 млн долларов Извещая Барка о передаче заказа, Трепов следующим образом мотивировал необходимость принятых мер: «Предоставляя своему течению вопрос о заказе паровозов и вагонов, тем более что в настоящее время ведутся переговоры о получении нами паровозов от французского и бельгийского правительств, я в отношении собственно заказа рельс уведомил вас телеграммой от 25 июня, что я нахожусь в условиях безусловной необходимости выдать эти заказы немедленно, так как иначе совершенно невозможно сколько-нибудь правильное обслуживание армии и наступление ее должно остановиться, что, конечно, недопустимо»[230] Заручившись предварительно одобрением Николая II, Трепов просил Барка сделать срочное распоряжение о переводе необходимых средств для оплаты произведенного заказа.

Барк приехал из Лондона без кредитов. Финансовое соглашение не было подписано, и только в октябре 1916 г. была оформлена сделка об условиях кредитования России в Англии Соглашение было достигнуто лишь после согласия России на дальнейшую высылку золота Пока шла торговля о русском золоте, англичане не отпускали средств

[230] Там же Письмо министра путей сообщения А Ф Трепова министру финансов П Л Барку от 27 июля 1916 г

своей союзнице, отказались оплатить сделанный Треповым заказ и тем поставили министра финансов в безвыходное положение.

9 августа 1916 г. английское правительство прислало ноту, в которой категорически отказывалось от оплаты заказа и от предоставления фрахта. В первой части ноты английский посол отмечал проступок русского правительства, выразившийся в излишней самостоятельности поступков министра путей сообщения, в наказание за что английское правительство отказывает в предоставлении кредита для оплаты сделанного заказа. «Лорд Грей уполномачивает посла. 1) разъяснять, что великобританское правительство не сможет принять на себя по отношению к этим заказам никакой ответственности как в отношении фрахтов, так и их оплаты, и 2) обратить особое внимание на то, что заказы эти совершенно противоречат настоящему соглашению, при том, конечно, условии, что русское правительство не собирается платить за них из других источников, помимо английских кредитов» [231] Так союзники «помогали» России укреплять разрушенный войной транспорт. Надо, однако, принять во внимание, что если бы весь июньский заказ и был размещен, он мог быть выполнен не ранее, чем в 1917 г., и, таким образом, не ослабил бы транспортного кризиса, который особенно обострился с осени 1916 г.

На следующий день после получения ноты английского правительства Барк поставил в известность Трепова, что он примет все меры для изыскания необходимых средств по размещенному в США заказу, но за успех этих мер не ручается. Только достигнутое в октябре 1916 г. соглашение обеспечило необходимые средства для оплаты заказа.

В августе 1916 г. Министерство путей сообщения купило 80 старых паровозов у бельгийского правительства. В сентябре 1916 г. был дан заказ Японии на 27 новых паровозов и 26 старых. Вместо больших заказов пришлось размениваться на мелочи. Но Министерство финансов высказалось даже против этих мелочей, так как отсутствие валюты грозило поставить «русское правительство в положение неисправимого плательщика по своим обязательствам» [232].

До ноября 1916 г. Трепов выпрашивает по мелочам кредиты у Барка, который становится строг и придирчив. В конце октября он отказал в оплате 131 тыс. фунтов стерлингов по выданному Министерством путей сообщения заказу без согласия Министерства финансов и одновременно еще раз предлагал не делать заграничных заказов без предварительного их обеспечения валютой.

В конце ноября Министерству путей сообщения необходима была валюта для американских заказов на огромную сумму — 320 млн. руб., превосходившую все остатки средств по английскому кредиту. Получить такие большие средства можно было лишь в счет будущего займа, хотя срок старого соглашения кончался только 1 апреля

[231] Там же, д 62 Нота английского правительства от 9 августа (н ст) 1916 г
[232] Архив Министерства финансов СССР, ф Особенной канцелярии по кредитной части, Иностранный отдел Письмо П Л Барка Б В Штюрмеру от 26 октября 1916 г

1917 г. Следовательно, нельзя было считать сколько-нибудь реальным получение новых средств Наученное горьким опытом Министерство путей сообщения заблаговременно обратилось за получением валюты в комиссию по распределению иностранной валюты при Особом совещании. Комиссия, разумеется, не могла отпустить таких огромных средств и рекомендовала обратиться к английскому правительству с просьбой об отпуске специального кредита. Сообщая об этом, председатель валютной комиссии сам жалуется на длительную волокиту с рассмотрением в Англии требований на оплату за станки и многочисленные отказы в кредитах. Из-за того, что англичане на четыре месяца затянули разрешение на вывоз станков, получение их в России задержалось на целый год [233]

Военное министерство стало проявлять такие строгости, что валютная комиссия отказалась выдать Министерству путей сообщения на 3,8 млн фунтов стерлингов валюты, согласие на получение которой английское правительство дало Это вызвало вмешательство Барка, ставшего на защиту министра путей сообщения В письме к Шуваеву от 24 ноября 1916 г. он настаивал перед военным министром на том, что потребность Министерства путей сообщения «должна быть отнесена к числу наиболее важных военных надобностей», и предлагал немедленно отпустить просимую министерством валюту в размере 3,8 млн фунтов стерлингов Одновременно министр финансов информировал военного министра о том, что в его распоряжении осталось свободного кредита в количестве 28,2 млн. фунтов стерлингов, а не 11,2 млн фунтов, как считало Военное министерство

Министерство путей сообщения до 12 февраля 1917 г получило английской валюты на 362,3 млн руб , из которых было произведено оплат на 112 млн руб. Большинство крупных железнодорожных заказов в США было размещено уже после Февральской революции.

Во Франции было получено для нужд русского железнодорожного транспорта всего голько 22,6 млн. руб. валюты

Подводя итог, мы должны отметить отсутствие сколько-нибудь серьезной помощи русскому транспорту со стороны союзников. Англия совершенно не проявляла желания предоставить значительные средства; наоборот, по всем документам видно, что она дралась за каждую копейку, которая расходовалась на транспорт Между тем своими собственными силами Россия была не в состоянии не только увеличить количество подвижного состава, но и возмещать текущую убыль, которая в 1916 г достигла значительных размеров Недостающее количество паровозов, вагонов и рельсов правительство пыталось закупить в США, но переговоры о получении валюты тянулись бесконечно долго, так что размещение заказов запоздало, по крайней мере, на год Поступление довольно большого количества паровозов и вагонов началось только в 1917 г , когда кризис железнодорожного транспорта принял уже катастрофический, непоправимый характер

[233] Там же Письмо председателя валютной комиссии от 21 ноября 1916 г.

* * *

Подведем некоторые общие итоги

Царская Россия вступила в первую мировую войну, имея слабо развитую сеть железных дорог и крайне недостаточное количество подвижного состава Экопомическая отсталость страны, крайняя скудость финансовых ассигнований на нужды транспорта после русско-японской войны и жесткий «режим экономии» на железных дорогах привели к сокращению строительства новых дорог и заказов паровозостроительным и вагоностроительным заводам на изготовление подвижного состава. Правительство превратило транспорт в источник пополнения дефицита в государственном бюджете Правительство и буржуазия не могли поднять развитие железных дорог на уровень экономических и военных задач страны.

В царской России железные дороги оказались наиболее слабой отраслью народного хозяйства Не будучи в состоянии справиться с задачами военной экономики России, царизм еще меньше был в состоянии удовлетворить военно-оперативные потребности командования.

Кризис железных дорог в царской России являлся не только дискредитацией методов управления государственной машины помещичьего правительства, но и предвестником общего краха капиталистического хозяйства.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абросимов В М 195
Аваев П М 247—249
Авалов, кн 448
Авдаков Н С 85, 192, 508, 509
Аджемов М С 87, 92, 168
Аксенов Л Д 227
Алексеев К А 278
Алексеев М В 18, 55, 120, 219, 308, 309, 311, 483, 576, 577, 594—597, 607, 630
Альтшиллер 73, 77
Анатра А А 173, 176
Андреев И И 143, 444
Аникст А М 419
Анфимов А М 452, 467, 469
Апушкин А А 535
Армстронг-Шелито 261
Арский Р 404
Арцимович А М 584
Асквит Г Г 310
Астров А И 171, 216, 221
Ашеберг 84, 260
Ашберг 629

Бабичев Д С 285
Бабушкин И 478
Базили Н А 264
Байков А А 193
Бакулев Г Д 500, 506, 519, 521, 523
Балинский П И 122, 132, 141, 430
Баранов П П 216, 219, 220, 222
Барк П Л 275, 276, 278, 286, 287, 402, 431, 432, 629—632
Барркер 122
Барсуков Е З 10, 11, 14, 135, 317, 360
Барт А 260
Басов 426
Батюшин Н С 478
Бахметьев Б А 273, 276
Башкиров 230
Беляев М А 26, 63, 79, 108, 123, 180, 183, 213, 220, 286, 308, 312, 322, 323, 327, 328
Бенкендорф А. К 265, 296
Бердяев 229
Берлин 255
Бинович Л Э. 405
Блиох И. С 5—7
Бобринские 475
Бобринский А А 35, 36, 45, 89, 122, 297, 478, 484
Бовыкин В. И 2, 507
Большаков А М 336
Бонч-Бруевич М Д. 55
Борисов И Н 159, 594, 599, 617, 618, 627
Ботвинкин Н К 433
Братолюбов А. А 257, 258
Брейдо Г. Е 195
Бродские 475
Бродский Лазарь И 475
Бродский Лев И 475
Брусилов А А 18, 491, 492, 561, 603
Бубликов А А 612, 627
Букшпан Я М 162
Бутлер 43
Бухштаб В 374
Бьюкенен Д Ж 261, 265

Ванков С Н 40, 111—117, 351, 353, 376, 400
Варзар В Е 363
Варун-Секрет С Т 32
Васильев Н 569, 577, 578, 583, 584, 600, 601, 606, 615
Вернандер А. П 21, 25—28, 34, 35, 63, 73, 78, 122, 260, 430, 431
Вершинин 229
Веселаго С П 108, 288—289, 293
Виккерс 35, 43, 133, 140, 141, 266, 267, 304, 431
Виленкин Г. А 273, 278
Вильсон Генри 320, 322
Вильямс 21, 261, 265
Винтур 286
Витте С Ю 565, 567, 570
Вихляев И И. 541, 543

Войновский-Кригер Э Б 162, 522, 567, 568, 574, 594, 601, 604, 614
Волобуев П В 2, 362, 507
Вольтерс 84
Воробьев Н. Я. 346—350, 352, 354, 355, 358, 359, 364, 366, 368, 369, 413, 414, 422
Второв Н. А. 116, 117, 140, 141, 398, 403, 409, 410, 437
Вуколов С П. 444
Вышетравский С А 530
Вышнеградский А И 58, 63, 72, 84, 86, 123, 132, 133

Гаврилов С. И. 273
Гагарин А Г. 129, 131
Гандурин 447
Гарин Н П. 208, 312, 324, 326, 329
Гастон 255, 256
Гвоздев К А. 194, 195
Гейер Н П. 229
Гермониус Э. К. 259, 263, 268, 269, 271, 275, 277, 285, 286, 287, 290, 291, 306, 327
Герценвиц Д. И. 610
Гефтер М. Я. 505, 506
Гинзбург М. 278
Глинка Г. В. 479, 483
Годнев И. В. 610
Голецкий Н. Л. 273
Голицын А. А. 19, 23
Голицын Н. Д., кн 312
Гондатти Н. Л. 106
Гопнер И. 478
Горбов 144, 445
Горемыкин И Л 35, 46, 48, 52, 53, 61, 62, 88, 89, 97—100, 157, 225, 431
Грей Э. 632
Григорович И. К. 89, 432
Гриневецкий В И 363, 407, 569, 570, 572, 604, 610, 627
Гужон Ю. П. 228, 497, 498
Гукасов А. О. 531, 532, 533
Гукасов П О. 531, 534
Гулевич А. А. 6,7
Гурко В И. 106, 186, 229, 233, 294, 310—313, 320—322, 328, 329, 453, 484, 487, 596, 597, 624
Гучков А. И. 10, 17, 45, 56—58, 73, 74, 77—79, 97—99, 106, 108, 109, 126, 130, 153, 169, 191—196, 201, 202, 208—210, 212, 289, 295, 296, 377, 411, 563, 626, 627

Давыдов Л. Ф 475, 478
Данилов Н. А. 214—216, 221, 264, 589, 590
Данилов Ю. Н. 55, 578
Девиз 122
Делькассе Т. 577
Демченко В. Я 113
Дерсевиль С К 458
Дитмар Н. Ф фон 93, 171, 193, 195, 521
Дмитрюков И И 62, 167, 168
Доброжанский С В 257
Добровольский А А 164, 171, 582
Добрый А Ю 475, 478
Драгомиров В М 213
Драгомиров М И 75
Дроздов Н Ф 37, 131, 132
Думбадзе В. Д 77, 261
Думер Поль 308
Дымша М П. 439

Ермолов Д С. 267
Ефремов И Н 89, 108, 211

Жанен П М 324, 325
Жилинский Я Г 10, 13, 14, 16, 264, 308, 309
Жоффр Ж. 258, 265, 269, 310, 578
Жуковский В В 75, 193, 203, 211, 402, 424
Жуковский Н Е. 173

Забудский Г А 445
Залюбовский А П 220—222
Засядько 238
Зелинский Н Д 205, 448
Зернов Д С 106, 119, 171, 193, 196, 199
Зив В С 403, 409
Зыбин 228

Иваницкии В. П 570, 571
Иванов Н. И 18, 21, 55, 95, 224, 225, 596
Иванов Ф. А 82, 85, 153, 168
Игнатьев А А 260, 263, 264, 279
Измайловская Е. И. 455, 457
Ильинский Д П 570, 571
Ильинский И 534
Ипатьев В. Н 34, 37, 64, 65, 143, 205, 424, 442—448

Казицын 261
Кандиба Б. Н. 292
Каннегисер И. С. 235
Капнист И И 480
Каратыгин П. 9
Карпов В. И. 151, 171, 484, 624
Кастельно Э де 320—322
Каульбарс А. В. 269
Кафенгауз Л. Б. 502—504, 509, 510, 514, 584
Кельчевский 298
Кениг Л. Е. 458
Кербер 294
Керенский А. Ф. 89, 237

Кисляков В Н. 160
Китченер Г. Г. 40, 69, 262, 264—271, 276, 297, 300, 305
Кирш К. В 503, 535, 542, 543
Клерг 28, 35, 43
Клопотов К. И. 198, 204
Книпович Б Н. 468, 493
Ковалевский М М 93
Ковалевский Н Н 216
Коган-Бернштейн С. В. 512, 552
Козлов Н. 174, 178, 183, 253
Коковцов В Н 10, 78, 92, 122, 508, 572, 578, 579
Кондзеревский П К 19, 22, 266
Коновалов А И 86, 99, 106, 108, 119, 154, 192—195, 201, 202, 204, 211, 212, 229, 230, 378, 515, 516, 563
Кононенков 600
Корзухин И. 501, 502, 511
Косицкий 224
Крестовников Г А 85
Кривошеин А В 78, 97, 99, 107, 479
Кривошеин Г. Г. 129, 131
Круминг 115
Крупенский П. Н 171
Крушель Е. Г 132
Крылов А Н 131, 406
Крылов И А 37
Крюков Н. А 477
Кудашев Н. А. 264, 271, 308
Кузьмин И. А. 76
Кузьмин-Караваев Д Д. 10, 14, 16, 20, 25, 26, 28, 29, 31, 33, 39, 46, 48, 50, 73, 426, 430, 433, 439
Кузьминский В. В 108, 133
Кулепетов Н. М 143, 447
Куломзин А Н. 106, 108, 130
Куммант 205, 448
Курлов П Г 216, 219, 220, 222
Куропаткин А Н. 7, 75, 213, 575
Кутлер Н Н. 70, 193, 627

Лагиш П 21, 265
Лашкевич В. В 610
Лебедев В. А. 176, 232
Левин И И 7, 87
Ледоховский 239
Леер Г. А 6
Лейтон У. 324—326, 328
Ленин В И 95, 96, 100, 101, 166, 231, 459, 463, 565
Ленин С Н. 471
Лесснер 340, 398
Лившиц Р. С 500
Литвинов-Фалинский В П. 58, 59, 134, 169, 170, 222, 242, 243, 247, 249, 250, 269
Ллойд Джордж Д 95, 139, 281, 282, 300—305, 310, 322, 401
Лобанов-Ростовский А. Н 94
Логачев Г. Н. 476
Ломакин А 501
Лукомский А С 29, 32, 33, 63, 73, 79, 81, 86, 108, 213, 220, 255, 260, 275, 289, 293, 582
Львов Б. 532
Львов Г. Е. 67, 76, 98, 106, 108, 192, 203, 216, 228, 494
Любанский Ф. Л 458
Любомиров 298
Лященко П И 461, 480

Маврин А А 23, 225
Майдель Г Х. 165, 192, 195, 400
Мак-Кенн Р. 309
Макензен 55, 56, 95
Маклаков В А. 92
Маклаков Н А 57, 58, 62, 75, 94
Маляревский Г Я. 473
Маниковский А. А. 7—9, 14, 25, 37, 38, 46, 50, 63, 65, 73, 108—111, 115—119, 121—125, 130, 134—139, 146, 169, 185, 243, 260, 262, 317, 399, 401, 403, 424, 425, 427, 428, 431, 432, 435, 437, 445
Марафини 300
Маргулиес М. С. 194
Марков 2-й Н Е. 91, 92, 108, 130, 171, 203, 289, 309, 401
Мартенс Ричард 295, 296, 297
Мездыховский К. Ю. 273—275
Мекки (Mackie) 261
Мерцалов Г. 147, 375, 377, 526
Метальников Н. И 255
Мигулин П П. 627
Милеант Г Г. 73, 185, 256
Милнер 322
Милюков П. Н 74, 87, 89, 96, 100, 131
Милютин В. П 451
Милютин Д А 566
Михайлов И Д. 569, 625
Михельсон А. А. 169
Миштовт И. В. 273
Морган Дж П 269, 271—274, 276—278
Морозов П А. 273
Муравьев Н. К 76
Муравьев П П 133, 401
Мышлаевский А. З. 106, 114, 115, 119, 149—152, 154, 206, 324, 325, 377
Мясоедов С. Н 16, 17, 73, 77

Наумов А Н 13, 480, 481
Нелькен Маврикий 255, 256
Неопиханов А А. 569, 573, 581
Нератов А А. 285, 297
Нестеров П Н 173
Нетесин Ю. Н 239
Нехаев 285

Николаев 285
Нобель Э Л 193, 446
Новоградский Г 494
Новорусский М 209
Нокс А 266, 267, 303

Оглоблинский Н. Н. 131
Ольденбургский А П 448
Опарин Д 388
Орлов 253
Орлов В 495
Орлов М Н 37

Павлов 229
Павлов Н А 459
Палеолог М Ж 258
Палицын Ф Ф 55
Пальчинский П. И 208, 209, 235
Пантелеев 255
Парвиайнен И Г 170, 232, 242
Перпке С и Л 506
Петрашкевич С 510
Петров Н. П 14, 15, 21, 27, 46, 57, 260, 264, 287
Пио 111
Пневский Н В 185
Погребинский А П. 197, 200, 628
Покровский М Н 625
Покровский Н 385, 386, 388, 392, 408
Покровский Н Н 313
Поливанов А А 7, 14, 17, 52, 53, 77—81, 86, 87, 89, 94, 99, 100 105, 107, 109, 133, 148, 160, 161, 172, 173, 188, 207, 210, 224, 230, 232, 276, 287—290, 298, 299, 469, 471, 592, 613, 615
Полнер Т И 98
Полупанов Д 420
Поплавскии Ю И 230
Попов Е И. 247, 249
Попов П И 469
Пороховщиков А А 176
Протопопов А Д 62, 69, 71, 312, 313, 479, 481,
Пуль 326
Путилов А. И 58, 59, 63, 70, 72, 86, 122, 127—130, 400, 629
Путилов Н И 116

Рабинович Л Г 520, 554
Радциг 218, 239, 242
Разумов Н. И 531, 532
Разумовская Н И 197, 200, 201
Рапп 485
Распутин Г Е 79, 100
Рашкович С Л 463
Ребиков 285
Редигер А Ф 6, 76
Риттих А А 472, 481, 482, 486, 488, 490, 491, 493, 494
Родзянко М В 56—59, 62, 63, 66—68, 72—74, 80, 82, 86, 88, 99, 106, 107, 109, 120, 128, 130, 171, 192, 200, 222, 228, 230, 239, 241—242, 260, 287, 293—296, 401, 452, 453, 484, 563, 625
Родионов А В 571
Родичев Ф И 87
Рожков Н А 336
Розенберг 37
Розенфельд Я С 411
Розетти-де-Розновано 84
Романов В В 298
Романовы
  Александр Михайлович, вел кн 180
  Александр III 7
  Александра Федоровна 79
  Ксения Александровна, вел кн. 79
  Михаил Михайлович, вел кн 263, 268, 286
  Николай II 14, 22, 60, 75, 79, 98, 107, 225, 313, 518, 519, 531, 544, 545, 500, 559, 563, 597, 609, 625, 626, 628, 631
  Николай Николаевич, вел кн 41, 43, 44, 52, 55, 57, 58, 75, 100, 216, 268
  Сергей Михайлович, вел. кн 35, 37—39, 41, 44—46, 48, 49, 57, 59, 60, 122, 262—264, 266—272, 322, 324, 326, 430
Ромеи 323
Ронжин С А 566, 575, 578, 583, 590, 618
Ропп Е Э 255, 256, 595
Росселевич И 415, 522, 535, 549
Рубан *см* Тимченко-Рубан Г. И
Руджиери-Ладерки 320
Рузский Н В 97
Русин А И 207, 285—288, 290, 291, 297, 298, 300, 303—305, 309, 310, 320
Рутковский М В 285, 286, 291, 292, 295—297
Рухлов С В 40, 66, 97, 100, 545, 567, 571, 574, 581, 587, 588, 594, 595
Рябушинский П П 59, 74, 86, 99, 191, 192, 193, 387

Саблер В К 58, 75
Саввин Н Н 193, 204, 205, 209, 210, 367
Савич Н. В 62, 89, 90, 92, 401
Савримович 298
Саговский 285, 292, 295
Сазонов С Д. 78, 89, 100, 258, 264, 308, 577, 580

Салазкин А С 87
Самарин А Д 78
Сапожников А В 263, 269 271—278, 443
Саткевич А А 106, 108
Свавицкие З М и Н А 461
Сведерский В Н 458
Секретов П И 254
Селезнев 455, 457
Сидоров А Л 1—4, 265
Сиринов М А 208, 209, 367, 418
Сироткин Д В 295, 494
Скибневский В В 458
Сладковский И В 458
Слесарев 174
Смирнов С А 208
Смит Аллистер 84, 260
Смысловский Е К 8, 24—26, 31, 63, 261, 267
Сокович В А 568, 572
Соколов А А 476
Солонина А А 444, 445
Софонов 484
Станчинский Н 395
Стахович М А 130, 133, 171, 293, 309
Степанов В А 90
Стишинский А С 93, 94, 108, 171
Столыпин П А 78, 230, 572
Струве П Б 7
Струмилин С Г 352, 363—365, 413, 414
Сухомлинов В А 13, 14, 16, 17, 19, 24, 25, 27, 28, 30, 35—38, 46, 48—50, 52, 53, 56—63, 66—68, 73—79, 134, 141, 213, 255, 256, 258, 261—263, 267, 269, 270, 287, 403, 430—432, 440, 445, 575, 576, 579

Тараракснн А А 525
Тер-Давыдов М П 558
Терещенко М И 113, 193, 273, 434
Терне А А 298
Тикстон П А 193
Тимашев С И. 80—83, 106, 108, 119, 124, 129, 168, 171, 203, 400, 401, 506
Тимирязев В И 85, 108, 171, 400
Тимошенко В П 524—526
Тимрот 296
Тимченко-Рубан Г И 256, 260, 285, 287
Тоболкин П 385, 389
Токарский М. А. 97, 192
Толмачев И Н 229
Толстой А П 484
Тома Альберт 139, 300—302
Трепов А Ф 108, 160, 311, 312, 481, 482, 573, 574, 592, 593, 596, 597, 601, 606, 607, 609, 610, 611, 613, 615, 624, 626, 628—632
Третьяков С Н 193, 211
Туган-Барановский М И 7

Урибес Э 65, 143
Урюмов А П 82
Унтерберг П Ф 213
Уржумцев В В 568
Урусов Н П 224
Утин Я И 58, 72, 86, 132, 133 141
Уточкин С И 173, 176
Ушаков К 567, 575, 576, 579

Федоров В Г 298, 300, 304—306, 309, 434
Филиппов О Г 444
Филиппов П Г 273
Фокин Л Ф 143, 443, 444, 446—448
Фомин А А 536
Фомин П И 500, 506, 508
Фролов А И 611
Фролов В И 500, 529, 530

Харитонов П А 78, 431, 432
Хаустов В И 610
Хвостов А Н 100, 469
Хедлам 327
Христофоров И К 227
Хрунов Н 609

Чаплыгин С А 173
Чарновский Н Ф 116
Челноков М В 108, 216, 228, 497
Чемберс А Я 242
Чердынцев С И 116, 226, 227, 613, 614
Черемисов В А 236
Черменский Е Д 461
Чернов Д К 116
Чхеидзе Н С 89

Шарый В. И 381, 405, 406
Шаховской В Н 52, 53, 97, 148, 161, 167, 218, 296, 387, 394, 396, 516—520, 523, 531, 532, 543, 544, 550—552, 559, 563, 564, 609
Шацилло К Ф 131, 132
Шебеко И А 170, 402
Шелякин П 503, 507, 510, 521
Шингарев А И 87, 90, 91, 99, 108, 109, 130, 154, 164, 168, 203, 207, 289, 402, 485
Шмуккер М М 567, 569, 599, 600 608, 610
Шох П. М 522, 524, 529
Шпан К К 26, 128
Шполянский Д И 506
Штерн А Б. 365

Штюрмер Б В. 208, 387, 626, 632
Шуваев Д С 79, 153, 163, 172, 204, 208, 311, 312, 401, 452, 483, 487, 615, 624, 633
Шульгин В В 108
Шуман В Ю 444
Шустов 447

Щегловитов И Г. 58, 75
Щепкин Н Н 87
Щербатов Н Б 78, 100, 216
Щукин Н Л 571, 629, 630, 631

Эвентов Л Я 342
Эдвардс 84, 260
Эллершоу 277, 286

Яковлев Д В 178, 185, 186
Янушкевич Н Н 18, 19, 21—25, 31. 37, 38 57 58, 69 74, 75, 216, 262—266, 268—271, 479
Ястребов И К 259
Яхонтов А Н 97, 108
Яшнов Е 493

УКАЗАТЕЛЬ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, БАНКОВ И МОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Абоский железоделательный и механический завод акц о-ва (г Або, Або-Бьернеборгской губ., Финляндия) 29

Адмиралтейский судостроительный завод Морского министерства (г. Петроград) 195

Азовско-Донской коммерческий банк 476

*Азотный завод на р Суне *см.* Онежский завод по производству азота из воздуха на р. Суне

«Айваз Я. М » чугуно-меднолитейный завод акц о-ва машиностроительного завода (г. Петроград) 548

«Аксай» акц о-во· 1. завод земледельческих машин и орудий и 2 завод авиационных двигателей (построен в годы войны) (г. Нахичевань-на-Дону) 177, 178, 184

«Аллисон» канадский поставочный комитет 261

*Алюминиевый завод на Черноморско-Азовском побережье (не построен) 138

«Акционерное о-во оптического и механического производства» *см* «Российское акционерное о-во оптического и механического производств»

Александровское т-во сахарных заводов· 1 Одесский рафинадный завод (г. Одесса Херсонской губ), 2 Райгородский свеклосахарный завод (с Райгород Черкасского у Киевской губ); 3 Матусовский свеклосахарный завод (м Матусово Черкасского у Киевской губ); 4 Лебединский рафинадный завод (с Лебедин Чигринского у Киевской губ), 5. Старинский свеклосахарный завод (с Старое Переяславского у Полтавской губ); 6 Заливанщинский песочный завод (с. Заливанщино Винницкого у Подольской губ); 7. Новоселицкий песочный завод (с Новоселицы Волынской губ) 475, 476

Американско-балтийский кожевенный завод, т-во на вере (г. Рига) 222

Американской компании заводы в Люберцах *см.* «Международная компания жатвенных машин в России» механический и литейный заводы американского акц. о-ва

«Анатра А.» авиационный завод акц о-ва (г. Одесса Херсонской губ.) 179, 181, 184, 186

отделение завода (г. Симферополь Таврической губ.) 177, 178, 186

Артинский железо-сталеделательный, косной и чугунолитейный завод горного ведомства (с. Н -Артинск Красноуфимского у. Пермской губ) 454

«Байера Ф и К°» фабрика анилиновых и ализариновых красок (г. Москва) 117

*Бакинский нефтеперегонный завод *см* Бакинского военно-промышленного комитета нефтеперегонный завод

*Бакинского военно-промышленного комитета нефтеперегонный завод (г Баку, построен в августе 1916 г) 138, 446

Балдвинна, американский оружейный завод фирмы 253

Балтийский судостроительный и механический завод Морского министерства (г Петроград) 28, 197, 340

Барановского П В акц о-во механических, гильзовых и трубочных заводов 1 механический гильзовый

* *Звездочкой отмечены предприятия, строившиеся в соответствии с программой А А Маниковского.*

и трубочный завод (г Петроград), 2 Владимирский пороховой завод (Судогодский у Владимирской губ, построен в годы войны) 32, 33, 64, 126, 144 400, 498
«Башкирова Я Е» мукомольное т-во (г Нижний Новгород) 405
«Беккер и К°» акц. о-во металлургических, механических и судостроительных заводов 1 Судостроительный и механический завод (г Ревель), 2 Судо-машиностроительный завод (г. Рига); 3. Железоделательный и сталелитейный завод (г Либава) 223, 236, 242, 243, 250, 470
«Бенкендорф и К°» толуоловый завод торгового дома (г Баку, построен в годы войны) 446
Берга П В. т-во Рождественской мануфактуры (г Тверь) 478
Бобринских Л. А, А, А. и Г. А. гр. сахарные заводы (Киевская губ.): Капитановский и Грушевской свеклосахарные заводы (Чигринский у); Балаклейский свеклосахарный и Смелянские свеклосахарный и рафинадный заводы (Черкасский у) 475, 476
«Богословское горнозаводское о-во» 379, 407
«Борман» *см.* «Борман, Шведе и К°» механический и чугунолитейный завод акц о-ва
«Борман, Шведе и К°» механический и чугунолитейный завод акц. о-ва (г Варшава) 249
Бромлей бр. механический завод акц. о-ва механических заводов (г. Москва) 132
Брянский арсенал (г. Брянск Орловской губ) 111, 438
Брянский паровозостроительный завод акц о-ва Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода (г Бежица Орловской губ) 29, 498, 571, 614
Бюро рафинеров, монополистическое объединение сахарозаводчиков 475

Вандербильд, английская фирма 84
Верхневолжский завод *см* Верхне-Волжского о-ва железнодорожных материалов вагоностроительный завод
Верхне-Волжского о-ва железнодорожных материалов вагоностроительный завод (г Тверь) 248
«Вестингауз», американская фирма по производству винтовок 259, 262, 263
«Вестингауз» завод для производства пневматических тормозов, аппаратов сигнализации и других моторов и машин акц. о-ва (г Петроград) 29, 548, 550
«Виккерс и К°» *см* «Виккерс лимитед», крупнейший английскии военно-промышленный концерн
«Виккерс лимитед», крупнейший английский военно-промышленный концерн 30, 33, 122, 130, 132, 141, 259, 265—268, 324, 430
«Винчестер А О» американский оружейный завод фирмы 259, 262
Витней, американская оружейная фирма 141
Владимирский пороховой завод *см* Барановского П В. акц о-во механических, гильзовых и трубочных заводов
«Вольта» электромеханический завод акц о-ва (г. Ревель) 236
*Воронежский завод взрывателей (г Воронеж, сведений о строительстве нет) 137, 140
Воткинский (Камско-Воткинский) казенный стале-железоделательный, механический, паровозостроительный и земледельческих орудий завод (с Воткинский завод Сарапульского у Вятской губ) 323
«Всеобщая компания электричества», Русское акц о-во· 1 Заводы для устройства электрических сооружений и 2 Трубочный завод (г Рига, эвакуиров. в Петроград, Москву и Харьков) 72, 220, 221, 223, 240, 241
Второва концерн 409
Второва Н А. снаряжательные заводы (г. Москва — два завода, и *один завод — г. Богородск Московской губ, построен в 1915—1916 гг) 112, 116, 137, 141
*2 й сталелитейный завод в Каменском *см.* Каменский (2-й) сталелитейный завод
«Вулкан» механический и литейный завод Варшавского т-ва механических и эмалированных изделий (г Варшава, эвакуир. в г Петроград) 29, 41, 550

«Гастон» английская фирма 255
Гельсингфорский машино и моторостроительный завод акц о-ва (г Гельсингфорс, Финляндия) 29
«Гельферих Саде М» завод сельскохозяйственных машин т-ва (г Харьков) 240
Гилле и Дитриха акц о-во Жирардовских мануфактур (Блонский у Варшавской губ.) 395

*Глобинский военно-химический завод (с. Глобино Полтавской губ., частично действовал с 1915 г.) 138
«Гном» механический завод анонимного о-ва моторов (г. Москва) 178
«Гном и Мотор» общество моторов (г. Москва) 178
«Гном и Рон» механический завод о-ва моторов (г. Москва), 175, 176, 177, 181
«Гочкис» английская оружейная фирма 324
*Грозненская нитрационная мастерская (г. Грозный, построена к 1917 г.) 138, 425
Гутуевский спиртоводочный завод (Гутуевский остров Петроградской губ.) 446

Датский оружейный синдикат *см.* «Мадсена» датская оружейная фирма
«Двигатель» вагоностроительный завод акц. о-ва (г. Ревель) 236, 237, 239
«Дека» акц. о-во электромеханических сооружений, бывш. т-во «Дюфлон, Константинович и К°» 1 электромеханический завод (г. Петроград), 2 завод авиационных двигателей (г. Александровск Екатеринославской губ., построен в годы войны) 177, 178, 181
Демиевский снарядный казенный завод (с. Демиевка, близ г. Киева, Киевской губ., построен в годы войны) 113
Демченко В. Я. снарядный завод *см.* Демиевский снарядный казенный завод
«Диана» акц. о-во свинцовой промышленности (г. Рига, эвакуир. в г. Москву) 239
«Динамо» электромеханический завод Русского электрического акц. о-ва (г. Москва) 115
«Дитерих и Штраух» завод химическо-древесной промышленности (близ ст. Кокенгузен Риго-Орловской ж. д., эвакуир. в г. Рыбинск) 249
Днепровский металлургический завод Южно-Русского Днепровского металлургического о-ва (с. Каменское Екатеринославского у. Екатеринославской губ.) 551
Донецкий стекольно-химический завод акц. о-ва Донецких стекольных и химических заводов в Сантуриновке (с. Сантуриновка Бахмутского у. Екатеринославской губ.) 445
«Дукс» фабрика велосипедов, дрезин, летательных аппаратов и моторных саней акц. о-во Ю. А. Меллера (г. Москва), 176, 179, 181, 186
«Дюпон» американский пороховой завод 33, 258, 259, 266
«Дюфлон, Константинович и К°» бывш. т-во *см.* «Дека» акц. о-во электромеханических сооружений

*Екатеринославская снаряжательная мастерская (г. Екатеринослав, построена в 1916 г.) 138
*Екатеринославский (5-и) казенный оружейный завод (близ г. Екатеринослава, строительство к 1918 г. закончено не было) 137, 142, 432
*Екатеринодарская нитрационная мастерская с мастерской калиевой селитры (г. Екатеринодар, нитрационная мастерская построена в 1916 г.) 138
Ефремова М. Е. арматурный и бронзолитейный завод (г. Москва) 115

Жирардовская мануфактура *см.* Гилле и Дитриха акц. о-во Жирардовских мануфактур

Завод акц. о-ва электромеханических сооружений *см.* «Дека» акц. о-во электромеханических сооружений
«Засс А. Ф. и Ланцкий Е. Е.» фабрика воздушных винтов и механической обработки дерева (г. Петроград) 179
«Зингер Компания» завод швейных машин акц. о-ва (г. Подольск Московской губ.) 114, 115
Златоустовские чугуноплавильные, стале- и железолитейные заводы горного ведомства (г. Златоуст Уфимской губ.) 26, 29, 323
Златоустовский завод *см.* Златоустовские чугуноплавильные, стале- и железолитейные заводы горного ведомства
Зуевская красильная и ситценабивная мануфактура Зимина И. Н., т-во (с. Зуево Богородского у. Московской губ.) 408

Ижевские заводы *см.* Ижевский оружейный и сталеделательный завод военного ведомства
Ижевский оружейный и сталеделательный завод военного ведомства (Сарапульский у. Вятской губ.) 24, 29, 40, 51, 252, 323, 426—429
Ижевский сталеделательный завод *см.* Ижевский оружейный и сталеделательный завод военного ведомства

Ижорский оружейный адмиралтейский завод морского ведомства (г Усть-Ижора Петроградского у Петроградской губ) 29, 41, 174, 186, 257, 258
*Изюмский завод оптических приборов при заводе оптического стекла (г Изюм Харьковской губ , строительство не было начато) 138, 146
*Изюмский (первый) завод оптического стекла (г Изюм Харьковской губ , строительство не было начато) 138, 146
«Ильин П » авиационная фабрика московского акц о-ва экипажно-автомобильной фабрики (г. Москва) 177, 178, 181

*Кадиевский бензоловый и нафталовый завод военного ведомства (близ ст Алмазная Екатеринославской губ , построен в 1915 г) 138, 425, 444
*Казанский военно-химический завод (г Казань, построен в 1916 г) 138
Казанский городской газовый завод (г Казань) 446
*Казанский нефтеперегонный завод (г Казань, построен в 1915 г) 138
Казанский пороховой завод (г Казань) 31, 33, 252, 439, 440, 442
Каменский (2-й) сталелитейный завод (ст Каменская Области Войска Донского) 138, 140
Канадская компания *см.* «Canadian Car C°» канадских вагонных и литейных заводов о-во
Канадских вагонных и литейных заводов о-во *см* «Canadian Car C°» канадских вагонных и литейных заводов о-во
Канадское общество *см.* «Canadian Car C°» канадских вагонных и литейных заводов о-во
«Капырзина И Ф и К°» фабрика металлических изделий т-ва наследников (г. Тула) 402
«Коломенского машиностроительного завода» акц о-во 1. Коломенский железо- и сталелитейный, механический и строительный завод (г Коломна Московской губ), 2 Кулебакский чугуноплавильный, железоделательный и сталелитейный завод (с Кулебаки Нижегородской губ) 51, 105, 114, 115, 125, 126, 340, 404, 614
Кольчугина меднопрокатный завод т-ва меднопрокатного и латунного заводов (с Васильевское Юрьевского у Владимирской губ) 112, 404
Конотопский снарядный завод Киевского военно-промышленного комитета (г Конотоп Киевской губ , построен в годы войны) 113, 206
Коншина Н. Н т-во мануфактур (г Серпухов Московской губ) 550
Коняевых бр т-во паровой мукомольной мельницы (г Тверь) 405
Корюковского сахаро-рафинадного завода т-во 1. Корюковский сахаро-рафинадный и свеклосахарный завод (с Корюково Сосницкого у Черниговской губ), 2 Орловско-Спасский свеклосахарный завод (Новгород-Северский у. Черниговской губ), 3 Заливанщинский сахарный завод (с. Заливанщино Винницкого у Подольской губ); 4 Лебединский сахаро-песочный завод (с Лебедино Чигринского у. Киевской губ) 475
«Крезо» фирма *см* «Шнеидер-Крезо» крупнейший военно-промышленный концерн Франции
Кренгольмская мануфактура бумажных изделий, т-во (с Кренгольм Везенбергского у Эстляндской губ) 384
«Кровля» синдикат уральских заводов по продаже кровельного, оцинкованного и сортового железа 152
*Кронштадтская снаряжательная мастерская (г Кронштадт Петергофского у Петроградской губ , построена в 1915 г) 137
«Кроттэ А Э » химический завод Петроградского акц о-ва производства химических продуктов (г Петроград) 446
«Крулль Франц» машиностроительный завод акц. о-ва (г Ревель, эвакуир. в г Москву) 236
Кулебакский чугуноплавильный, железоделательный и сталелитейный завод *см* «Коломенского машиностроительного завода» акц. о-во
Курский артиллерийский склад (г. Курск) 224

«Лебедев В. А » самолетостроительный завод акц о-ва воздухоплавания (г Петроград, отделения завода в г. Пензе и г. Таганроге) 175, 178 179, 181, 182
«Леитнер А. и К°» фабрика велосипедов и автомобилей (г Рига) 249
Лесснер Г А , акц. о-во механического и котельного заводов машиностроительный, чугунолитейный и котельный заводы (г Петроград) 29, 132, 340, 398, 404
«Лильпоп, Рау и Левенштейн» вагоностроительный, механический,

литейный, мостостроительный и котельный завод акц. промышленного о-ва механических заводов (г Варшава) 26, 29
Луганский паровозостроительный завод Русского о-ва машиностроительных заводов Гартмана (г Луганск Екатеринославской губ) 570
Луганский патронный завод Главного артиллерийского управления (г Луганск Екатеринославской губ). 34, 435
Луганский сталеделательный завод (г. Луганск Екатеринославской губ , строительство начато в 1915 г) 425
Люберецкий завод жатвенных машин *см.* «Международная компания жатвенных машин в России» механический и литейный завод американского акц о-ва
«Любимов, Сольвэ и К°» Донецкий содовый завод акц о ва для производства соды в России (с. Верхнее Бахмутского у. Екатеринославской губ) 446, 448

«Мадсена» датская оружейная фирма 142, 434
«Мазур и К°» *см* «Мазур І. И и Шкурник І А » чугунолитейный и машиностроительный завод
«Мазур І И и Шкурник І. А » чугунолитейный и машиностроительный завод (г. Белосток Гродненской губ , эвакуир в г. Москву) 239
«Майер Р » химический завод акц о-ва (г Ревель) 236
«Мак Клен» американская военная фирма 30
Мальцовских заводов акц о-во заводы в Калужской губ — 1. Людиновский машиностроительный и горный, 2. Песоченский чугунолитейный, 3 Сукременский чугуноплавильный; 4. Сенешско-Ивановский (Хотьковский) чугуноплавильный, 5 Боровковский цементный; заводы в Орловской губ — 6 Радицкий вагоностроительный, 7 Любоханский чугунолитейный; фабрики в Орловской губ — 8 Дятьковская хрустальная; 9 Ивотская стекольная; 10 Чернятинская стекольная, 11 Знеберская бутылочная и 12 Радицкая стекольная 197
«Мартенс Р и К°» английская транспортная фирма 287, 295—297
Медный синдикат *см* Синдикат русских меднопрокатных заводов
«Международная компания жатвенных машин в России» механический и литейный заводы американского акц о-ва (близ ст Люберцы Московской губ) 115
Международный коммерческий банк *см* Петроградский международный коммерческий банк
Метальникова Н И завод *см.* «Промет» трубочный завод акц о-ва механических и трубочных заводов
Мещанского К. А. завод фосфористой бронзы (г Варшава, эвакуир в г Тверь) 248
«Мидваль и К°» американский орудийный завод фирмы 124, 304
Михайловско-Шостенский пороховой завод *см* Шостенский казенный пороховой завод
«Морган Д П и К°» американский банкирский дом 71, 265, 269, 271 272, 276
«Морозова Саввы, сын и К°» т-во Никольской мануфактуры (с Никольское Покровского у Владимирской губ.) 404, 408
«Моска Ф. Э » авиационная фабрика (г Москва) 179
Московский артиллерийский склад (г Москва) 24
Московский вагоностроительный завод *см.* Мытищинский вагоностроительный завод «Московского акц о-ва вагоностроительного завода»
Московский купеческий банк (г Москва) 476
«Мотор» механический завод о-ва (г. Москва), 176, 178, 181
«Мотор» первый Рижский трансмиссмашиностроительный и чугунолитейный завод, т-во на вере (г Рига) 176, 220
Мытищинский вагоностроительный завод «Московского акц о-ва вагоностроительного завода» (ст Мытищи Северной ж д Московской губ) 404

«Наваль» *см* Николаевских заводов и верфей акц о-ва судостроительный и механический завод
Надеждинский чугуноплавильный, чугунолитейный, железоделательный и сталерельсовый завод Богословского горнозаводского о-ва (с Надеждинский завод Верхнетурского у Пермской губ) 613
Невский судостроительный и механический завод акц о ва (г Петроград) 29, 126, 197, 549, 550, 570
«Нелькен Маврикий» банкирский дом американской экспортной фирмы «Фриде» (г. Петроград) 255

«Нефтегаз» толуоловый завод Русского акц о-ва для производства сгущенных газов (г Баку, построен в годы войны) 446
*Нижегородский завод азотной и серной кислоты (г Нижний Новгород, построен в 1916 г) 138
*Нижегородский завод взрывчатых веществ (Нижегородская губ , построен в годы войны частично) 34, 138, 143, 425, 445, 448
Николаевский завод *см* Николаевских заводов и верфей акц о-ва судостроительный и механический завод
Николаевских заводов и верфей акц о-ва судостроительный и механический завод «Наваль» (г Николаев Херсонской губ) 26, 29, 195
«Нобель бр » т-во нефтяного производства (г Баку) 446, 526
«Нобель-Мазут» синдикат по централизованному сбыту нефтепродуктов 503, 504, 507
«Новая Этна» металлический завод акц о-ва (г. Нижний Новгород) 249

Обуховский сталелитейный завод Морского ведомства (с Александровское Петроградской губ) 12, 29—31, 41, 116, 121, 258, 398, 438
«Ольвье Пьетт» бензольный завод бельгийской фирмы (пос Макеевка Таганрогского округа Области Войска Донского, построен в годы войны) 444
Омские железнодорожные мастерские 112
*Онежский завод по производству азота из воздуха на р Суне (Олонецкая губ , строительство к 1918 г не было закончено) 138, 143, 425, 445
Орлова В Н кн Эртильский сахарный завод (им Эртильская Степь Бобровского у Воронежской губ) 476
«Остин» английская автомобильная фирма 256, 257
Охтенский завод взрывчатых веществ (ст Ржевка Ириновской ж д Петроградского у Петроградской губ) 34, 143, 232, 437, 445, 446
Охтенский пороховой казенный завод (г Петроград) 31 33, 43, 439 440—442

«Парвиайнен» механические и чугунолитейные заводы (г Петроград) (*см* «Русское о-во для изготовления снарядов и военных припасов, быв. «Парвиайнен») 407
Паргасские цементные заводы (г Петроград) 548
*Пензенский трубочный завод (г Пенза, сведений о строительстве нет) 41, 137, 140, 425
*1 й хлопкоочистительный завод в Туркестане (сведений о строительстве нет) 138, 145
Пермский горный завод *см* Пермский пушечный завод горного ведомства
Пермский пушечный завод горного ведомства (с Мотовилиха Пермского у Пермской губ) 13, 30, 31, 121, 122, 323, 438
Петербургский международный коммерческий банк *см* Петроградский международный коммерческий банк
*Петроградская мастерская зажигательных снарядов (г Петроград, сведений о строительстве нет) 137
Петроградский арсенал (г Петроград) 438, 548
Петроградский международный коммерческий банк (г Петроград) 58, 84, 241, 261
Петроградский металлический завод (г Петроград) 29, 132
Петроградский механический завод (г. Петроград) 26
Петроградский орудийный казенный завод (ст Подлипки Ярославской ж д) 12, 30, 31, 121, 138, 140, 438
Петроградский патронный казенный завод (г. Петроград) 306, 435, 548
Петроградский трубочный завод (г Петроград) 33, 41, 44, 252, 436, 437, 548
«Пирвиц Г. Ф и К°» машиностроительный и чугунолитейный завод (г Рига) 244
Поклевского Козелль И А (конкурсное управление) заводы в Вятской губ Главно-Холуницкий и вспомогательный к нему Богородский железоделательные заводы, Черно-Холуницкий чугуноплавильный и железоделательный и Климковский чугуноплавильный (Слободского у), Залазнинский чугуноплавильный (Глазовского у) 454
«Поль Рихард» машиностроительный, литейный и котельный завод акц о-ва (г Рига) 249
Польте завод (Польша) 436
«Пороховщикова А А » фабрика самолетов (г Петроград) 179
Посселя Э Л завод кос акц о-ва (г Нововилейск Виленской губ) 51, 454

Пратт, американская оружейная фирма 141
«Проводник», т-во русско-французских заводов резинового, гуттаперчевого и телеграфного производства (г Рига, эвакуир в г Москву) 219, 221, 223, 240, 244
«Продамета» («О-во для продажи изделий русских металлургических заводов») синдикат металлургических заводов России 114, 150, 152, 193, 418, 506
«Продуголь» («О-во для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна») синдикат углепромышленников Донбасса 501, 503, 506—509
«Промет» трубочный завод акц. о-ва механических и трубочных заводов (г. Петроград) 33, 35, 403
Промышленный банк 409
Прохоровская Трехгорная мануфактура, т-во (г Москва) 550
«Прохоровских каменноугольных копей компания» шахты бельгийского акц о-ва (близ ст Мушкетово и Чумаково Екатеринославской ж д Таганрогского округа Области Войска Донского) 507
*Пулеметный завод Датского оружейного о-ва (близ г. Коврова Владимирской губ , строительство к 1918 г закончено не было) 142
Путиловская верфь (г. Петроград) *см* Путиловских заводов акц о-во 126
Путиловская группа заводов, военно-промышленный концерн 115, 117, 125
Путиловских заводов акц. о-во: 1 Путиловский паровозостроительный, машиностроительный, механический и литейный завод (г Петроград), 2 Путиловская судостроительная верфь (г Петроград), 3 Видлицкий чугуноплавильный завод (Олонецкая губ) 26, 28, 30, 31, 41, 66, 69, 72, 83, 97, 111, 116, 121, 123, 124, 126—133, 161, 170, 197, 219, 340, 398, 399, 400, 548, 550, 570, 620, 621
*5-й казенный ружейный завод *см* Екатеринославский (5-й) казенный оружейный завод
*5-й пороховой завод в Волжском районе *см* Самарский казенный пороховой завод (5-й)

Раббетіе Э и Гизеке Э элеватор-склад свекловичных семян акц о-ва Клейнванцлебен (г Винница Подольской губ) 477
«Ремингтон» американский оружейный завод фирмы 259, 262, 430
«Рено» французская автомобильная фирма 113
«Рессора» пружинный и рессорный завод акц о-ва (г Рига, эвакуир в г Рыбинск) 248
Рижский коммерческий банк (г Рига) 217
«Росс» канадская оружейная фирма 263
«Российское акц. о-во оптического и механического производств» оптико-механический завод и мастерские детонаторных трубок (г Петроград) 113, 126
«Рудзский К и К°» машиностроительный и чугунолитейный завод акц о-ва (г Варшава, эвакуир в г. Екатеринослав) 26, 29, 217
Русский для внешней торговли банк 475
«Русский Рено» акд о-во автомобильный и механический завод (г Петроград) и заводы авиационных двигателей (г Рыбинск и г Муром, построены в годы войны) 113, 178, 181
Русско-Азиатский банк 58, 122, 128, 130, 131, 261, 475 476
Русско-Азиатского банка группа заводов *см* Путиловская группа заводов, военно-промышленный концерн
«Русско-Балтийского вагонного завода» акц о-во 1 Русско-Балтийский завод (г Рига, эвакуир в г Тверь), 2 Рижский железо и сталелитейный завод (г Рига, эвакуир в г Тверь), 3 воздухоплавательный и механический заводы авиационных двигателей (г Петроград), 4 автомобильный завод (г Москва), 5 Тверской вагонный завод (г Тверь) 66, 176—179, 181, 182, 184, 219, 221, 244, 248, 254, 404
«Русско-Балтийское судостроительное и механическое акц о-во» судостроительный и механический заводы (г Ревель, эвакуир в г Таганрог) 126, 223, 236
Русско-французский коммерческий банк 399
«Русское акц о-во артиллерийских заводов» 76, 84, 123, 132
Русское общество *см* «Русское о-во для изготовления снарядов и военных припасов (бывш «Парвиайнен»)»
«Русское о-во для изготовления снарядов и военных припасов (бывш «Парвиайнен»)» машиностроительные, механические, снарядный и минный заводы (г Петроград и близ г. Екатеринослава) 26, 29, 126, 232, 242

«Саламандра» сталелитейный и инструментальный завод Полного т-ва «Фирт Томас с С-ми» (г. Рига) 221
«Сальмсон» механический завод о-ва моторов (г Москва) 177, 178, 181
Самарский завод взрывчатых веществ *см* Сергиевский Самарский завод взрывчатых веществ Главного артиллерийского управления
*Самарский казенный пороховой завод (5-й) (г Самара, построен) 138, 145
Самарский трубочный завод (г. Самара) 13, 33, 41, 48, 252, 436
Самарский электролитический завод *см* «Ушкова П К и К°» т-во химических заводов
«Сан-Галли Ф Ф » чугунолитейный и механический завод (г. Петроград) 402
Сапова К А ткацкая и ленточная фабрика (г Богородск Московской губ) 399
*Саратовский орудийный завод (г. Саратов, строительство не было начато) 138—140
*Свеаборгская снаряжательная мастерская (Свеаборг, Финляндия, построена в 1915 г.) 137
Северо-Западных металлургических, механических и судостроительных заводов акц о-во *см* «Беккер и К°» акц о-во металлургических, механических и судостроительных заводов
Сергиевский Самарский завод взрывчатых веществ Главного артиллерийского управления (Самарский у Самарской губ) 13, 34, 425, 437, 444
Сестрорецкий оружейный казенный завод (г Сестрорецк Петроградской губ) 11, 24, 137, 142, 220, 252, 425—430, 432
*Симбирский (3-й) казенный патронный завод (г Симбирск, построен к концу 1917 г) 138, 142, 143, 426
Синдикат русских меднопрокатных заводов 152, 435
«Сириус» завод акц. о-ва производства закаленно-чугунных изделий (г Рига) 249
«Слюсаренко В В » авиационный завод (г Петроград) 179, 181
*Снарядное отделение при Каменском сталелитейном заводе (ст Каменская Области Войска Донского, строительство начато не было) 137, 140
*Снаряжательный завод во Владимирской губ. (строительство начато в 1915 г.) 425
«Соединенные кабельные заводы» акц. о-во: кабельный, меднопрокатный и проволочный заводы (г. Петроград) 404
Соединенный банк 402
Соколовых Я. Г. и И. Я мукомольное т-во (г. Самара) 405
«Сольвэ и К°» *см* «Любимов, Сольвэ и К°»
Сормовский завод *см.* «Сормово»
«Сормово» акц. о-во железоделательных, сталелитейных и механических заводов: сталелитейные, железоделательные, чугуно- и меднолитейные, механические, судостроительные, паровозо- и вагоностроительные заводы (с. Сормово Балахнинского у. Нижегородской губ) 26, 29, 41, 51, 105, 121, 125, 132, 339, 404, 407, 570, 614
«Стахеев И и К°» торгово-промышленное т-во, концерн 261, 409
«Стелла» о-во производства машин для обработки дерева В Питцкеп и К° (г Рига) 244
«Столль В Г. и К°» механический и трубочный завод т-ва механического завода (г. Воронеж) 33, 35

*Тамбовский (4-й) пороховой казенный завод (г Тамбов, построен) 31, 137, 145, 425, 439, 442
Тверская мануфактура бумажных изделий, т-во (г. Тверь) 385, 408
*Тверская снаряжательная мастерская (г Тверь, построена в 1915 г) 137, 425
Тентелеевский химический завод, т-во (д Тентелеево Петроградской губ.) 444
Терещенко фабрика самолетов (г Москва) 181
Терещенко М И снарядный завод *см* Конотопский снарядный завод Киевского военно-промышленного комитета
Тифлисский окружной арсенал 439
«Тер-Акопова И Н » нефтепромышленное и торговое т-во нефтяные промыслы (с. Сабунчи и с Балахапы Бакинского у Бакинской губ) 526
3-й патронный завод *см* Симбирский (3-й) казенный патронный завод
«Треугольник» т-во Российско-американской резиновой мануфактуры фабрика резиновых и асбестовых изделий (г Петроград) и фабрика резиновых изделий (г Москва) 237, 240
Трехгорный пивоваренный завод, т-во на паях (г. Москва) 446
*Троицкий снаряжательный завод

(г. Троицк Оренбургской губ., построен частично к 1917 г.) 34, 137, 141, 448
Тульский казенный оружейный завод (г. Тула) 11, 24, 84, 252, 282, 284, 426, 428, 429, 433, 434
*Тульский (4-й) казенный оружейный завод (г. Тула, строительство к 1918 г. закончено не было) 137, 141, 425, 432
*Тульский машиностроительный завод (г. Тула, построен не был) 138, 145
Тульский медно-прокатный завод Тульских меднопрокатных и патронных заводов акц. о-ва (г. Тула) 126
Тульский патронный завод Тульских меднопрокатных и патронных заводов акц. о-ва (г. Тула) 404
Тюменские железнодорожные мастерские 112

«Урсус» чугунолитейный и машиностроительный завод (г. Варшава, эвакуир. в г. Тверь) 248
«Ушкова П. К. и К°» т-во химических заводов 1. Бондюжский химический завод (близ ст. Тихие Горы Елабужского у. Вятской губ.); 2. электролитический завод (близ г. Самары, построен не был) 400, 447, 448

«Фарбверке» химический завод Московского химического завода (бывш. Мейстер, Луциус и Брюнинг) акц. о-ва (г. Москва) 446
«Фельзер и К°» бывш. Рижский чугунолитейный и машиностроительный завод акц. о-ва (г. Рига, эвакуир. в г. Нижний Новгород) 221, 223, 239, 244, 249
«Феникс» вагоностроительный и механический заводы акц. о-ва (г. Рига и г. Петроград) 29, 219, 221, 223, 244, 248, 249, 340, 550
*Финляндские казенные хлорные заводы (два) (г. Воркауз и Кояне, построены в 1916 г.) 138, 447
«Фриде» американская экспортная фирма 255

Холуницкие металлургические заводы *см.* Поклевского-Козель И. А. (конкурсное управление) заводы в Вятской губ.
*4-й завод взрывчатых веществ (близ г. Уфы, сведений о строительстве нет) 138
*4-й казенный оружейный завод *см.* Тульский (4-й) казенный оружейный завод
*4-й пороховой завод см. Тамбовский (4-й) пороховой казенный завод

Царицынская группа заводов, военно-промышленный концерн 125, 398, 399
Царицынский орудийный завод «Русского акц. о-ва артиллерийских заводов» (г. Царицын Саратовской губ.) 30, 31, 84, 121, 122, 123, 126, 132, 133, 430
«Центроуголь» общеимперская государственно-монополистическая организация (синдикат) по покупке и распределению угля (создан не был) 162, 557, 558

Черноморское пароходство 406
Чусовской чугуноплавильный и железо-сталеделательный завод Камского (французского) акц. о-ва железо и сталеделательных заводов (с. Чусовской завод Пермской губ.) 112

«Шелл Ройял Датч» англо-голландский нефтяной трест, объединивший бакинские и грозненские нефтепромышленные фирмы 503
Шлиссельбургский пороховой завод Русского о-ва для выделки и продажи пороха (Шлиссельбургский у. Петроградской губ.) 31—33
«Шнейдер и К°» *см.* «Шнейдер-Крезо» крупнейший военно-промышленный концерн Франции
«Шнейдер-Крезо» крупнейший военно-промышленный концерн Франции 30, 122, 127, 257, 266, 267
Шостенский казенный пороховой завод (пос. Шостка Глуховского у. Черниговской губ.) 31, 33, 252, 437, 439—442
Штеровский химический и динамитный завод Франко-Русского о-ва химических продуктов и взрывчатых веществ (с. Штеровка Славянско-Сербского у. Екатеринославской губ.) 446
«Шпехт К.» Русско-Балтийский химический завод (г. Рига) 248

«Щетинин С. С. и К°» авиационный завод Первого акц. о-ва воздухоплавания (г. Петроград); отделение завода (г. Ярославль) 179, 181, 182

«Электрического освещения 1886 г. о-ва» центральные электрические станции (г. Петроград, Москва, Лодзь) 405, 548
«Электрон» содовый и химический за-

вод «Южно-Русского о-ва для выделки и продажи соды и других химических продуктов» (г Славянск Харьковской губ) 446, 448
«Эльворти Р и Т » завод земледельческих машин акц о ва (г Елисаветград Херсонской губ) 113
«Эрбе Отто» завод напильников и ремесленных инструментов (г Рига, эвакуир в г Нижний Новгород) 244, 249
*Юзовский завод аммиачной селитры и азотной кислоты (близ г Юзово Екатеринославской губ , построен в 1917 г) 138, 143, 425, 447
Ярославская Большая мануфактура Корзинкина (г Ярославль Московской губ) 385
«Canadian Car C°» канадских вагонных и литейных заводов о-во (г Монреаль) 28, 43, 261, 268, 271—274

УКАЗАТЕЛЬ УЧРЕЖДЕНИЙ И КОМИТЕТОВ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Американский комитет *см* Русский заготовительный комитет в Америке
Англо-Русский комитет *см* Русский правительственный комитет в Лондоне

Бюро по распределению металлов *см* Центральныи военно-промышленный комитет

Военно-промышленные комитеты 59, 69, 83, 91, 97, 98, 105, 113, 114, 118, 135, 153, 168, 191—194, 197—205, 208—212, 215, 216, 218, 224, 226, 228—230, 289, 367, 398, 411, 417, 424, 628
Временный распорядительный комитет по железнодорожным перевозкам 160, 596, 618, 619, 620—623
Всероссийские земский и городской союзы (Земгор) 83, 110, 118, 135, 153, 165, 194, 203, 205, 206, 216, 228, 230, 273, 288, 307, 398, 448
Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (Земский союз) 67, 97, 98, 102, 105, 108, 205, 473
Всероссийский союз городов (Городской союз) 97, 102, 105, 108, 205, 215, 230, 480, 483, 485, 487, 491

Главный комитет по кожевенным делам 105

Заводские совещания 105, 150, 152, 161, 201, 226, 227, 229, 233, 375, 397, 417, 613
Земгор *см* Всероссийские земский и городской союзы

Исполнительная комиссия *см* Особое совещание по обороне

Комиссия по вопросам авиации *см.* Особое совещание по обороне
Комиссия по заготовке взрывчатых веществ 65, 444, 449
Комиссия по учету и распределению иностранной валюты *см* Особое совещание по обороне
Комиссия по учету рабочей силы *см* Особое совещание по обороне
Комиссия Сапожникова *см* Русский заготовительный комитет в Америке
Комитет по делам металлургической промышленности (Металлургический комитет) *см* Особое совещание по обороне
Комитет по делам суконной промышленности *см.* Суконный комитет

Лондонский комитет *см.* Русский правительственный комитет в Лондоне

Металлургический комитет *см* Комитет по делам металлургическои промышленности
Московский областной военно-промышленный комитет 86, 193, 196—198, 200, 203, 204, 206, 208, 216, 218, 226, 227, 230, 247, 249, 273, 554

Наблюдательная комиссия *см* Особое совещание по обороне

Организация Ванкова С Н. *см.* Организация уполномоченного Главного артиллерийского управления по заготовлению снарядов по французскому образцу
Организация уполномоченного Главного артиллерийского управления по заготовлению снарядов по французскому образцу (Организация Ванкова С Н.) 37, 40, 42, 69, 105, 109—117, 121, 190, 197, 437
Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части 36—41, 43—45, 57, 60, 72, 80, 260, 262—

264, 266, 268—271, 340 427, 436, 438, 439, 444, 449
Особое совещание по обороне (Особое совещание, образованное по высочайшему повелению, по усилению артиллерийским снабжением действующей армии — май 1915 г ; Особое совещание, образованное по высочайшему повелению, по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия — май-июнь 1915 г ; Особое совещание для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения — июнь — август 1915 г ; Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства — с 17 августа 1915 г) 40, 52, 53, 55, 58—72, 77, 80, 82—87, 89, 90—93, 95—97, 102—112, 114, 117—120, 123—126, 128—130, 133, 134, 135, 137, 142, 145, 146, 148—151, 153—165, 167—172, 180, 183—185, 188—191, 199, 201, 203—208, 212, 215, 218—220, 234, 228, 230, 231, 235—237, 240, 243, 246, 247, 253, 255, 256, 258, 260, 270, 271, 273, 275, 276, 278, 280, 281, 285, 287—290, 293, 294, 296, 298, 299, 307, 309, 365, 369—371, 375, 377, 378, 398—402, 410, 412, 414, 416, 425, 429, 434, 437, 445, 446, 452, 483, 484, 549, 563, 613, 614, 624, 626, 633
Исполнительная комиссия 72
Комиссия по вопросам авиации 186
Комиссия по учету и распределению иностранной валюты 107, 632
Комиссия по учету рабочей силы 107
Комитет по делам металлургической промышленности 105, 107, 147—151, 206, 250, 378, 454
Наблюдательная комиссия 65, 106, 107, 122, 127—129, 132, 133, 170, 200, 203, 378, 399
Подготовительная комиссия по артиллерийским вопросам 106, 124
Подготовительная комиссия по общим вопросам 106, 183, 260
Реквизиционная комиссия 107, 133, 227
Эвакуационная комиссия (Центральная эвакуационная комиссия) 106, 217, 222, 228—234, 238—246, 248—250
Эвакуационная комиссия Западного фронта 229, 237
Эвакуационная комиссия Одесского военного округа 229
Эвакуационная комиссия Северного фронта 215, 229, 234—235
Эвакуационная комиссия Юго-Западного фронта 224, 229
Особое совещание по перевозкам (Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива и продовольствия и военных грузов) 91—93, 102—104, 107, 156, 157, 165, 540, 582, 584, 592, 593, 598, 604—606, 615—617, 619, 623, 624, 625
Особое совещание по продовольственному делу (Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу) 91—93, 102—104, 107, 405, 455, 476, 478, 480, 481, 483—486, 488, 489, 494—496
Центральное бюро по мукомолью 494
Особое совещание по топливу (Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны) 91—93, 102—104, 107, 149, 156, 161, 162, 165, 376, 503, 510—513, 519, 521, 522, 524—549, 552, 553, 555—560, 617, 619

Подготовительная комиссия по артиллерийским вопросам *см* Особое совещание по обороне
Подготовительная комиссия по общим вопросам *см* Особое совещание по обороне

Рабочая группа *см* Центральный военно-промышленный комитет
Распорядительный комитет по перевозкам 158, 585, 615
Реквизиционная комиссия *см* Особое совещание по обороне
Русская закупочная комиссия в Америке *см* Русский заготовительный комитет в Америке
Русский заготовительный комитет в Америке (Американский комитет, Русская закупочная комиссия Сапожникова, Комиссия Сапожникова, Комитет по заготовлению предметов боевого и материального снабжения в Америке) 107 206, 269, 273, 275—277, 279, 280, 289, 307
Русский правительственный комитет

в Лондоне (Лондонский комитет; Англо-русская комиссия по снабжению, Англо-Русский комитет) 107, 206, 207, 210, 263, 268, 275, 276, 279, 280, 285—290, 295—297, 306—307, 319, 628

Союз земств и городов *см* Всероссийский земский и городской союзы
Суконный комитет 105, 386, 623

Химический комитет 105, 143, 190, 443, 445—448
Хлопковый комитет 105, 386, 387, 388, 390—396

Центральная эвакуационная комиссия *см* Эвакуационная комиссия
Центральное бюро по мукомолью *см.* Особое совещание по продовольственному делу
Центральное бюро по объединению закупок сахара (Центросахар) 478
Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) 72, 83, 86, 87, 91, 97, 98, 102, 103, 106, 108, 110, 119, 148, 150, 153, 154, 162, 165, 192—209, 215—217, 226, 229, 230, 238, 246, 273, 288—290, 295, 367, 375, 378, 399, 411, 448, 470, 483, 520, 526, 527, 531, 534, 543, 553—554, 558, 602, 627, 628
Бюро по распределению металлов 148, 206
Рабочая группа 195
Центральный хлопковый комитет (Центрохлопок) 384, 395
Центропряжа 395

Шерстяной комитет 390, 391

Эвакуационная комиссия *см* Особое совещание по обороне

ОГЛАВЛЕНИЕ

От комиссии по изданию трудов А Л Сидорова . 1

Раздел первый

Царское правительство и военно-экономическая мобилизация тыла

Глава первая

Роль промышленности в боевом снабжении армии в начале войны 5

Ставка на кратковременность войны и мобилизационные запасы . . 5

Кризис боевого снабжения в начальный период войны . . 18

Неспособность правительства решить вопрос о боевом снабжении армии Ставка на заграничные заказы 22

Провал деятельности Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части . . . 36

Попытка милитаризации промышленности . 46

Глава вторая

Организация Особого совещания по снабжению армии . 55

Наступление буржуазии на правительство 55

Сотрудничество буржуазии с правительством в вопросах вооружения армии 62

Деятельность Особого совещания летом 1915 г 73

Создание системы Особых совещаний 86

Глава третья

Особое совещание по обороне государства 95

Назревание революционного кризиса в стране 95

Особые совещания, их состав 101

Вопросы артиллерийского снабжения армии Организация С Н Ванкова по производству снарядов 109

Производство артиллерии 121

Борьба вокруг секвестра Путиловского и Царицынского заводов . 126

Программа нового строительства казенных военных предприятий 133

Государственное регулирование потребления металла Металлургический комитет . . . 147

Особое совещание по обороне и кризис перевозок и топлива . . 156

Вопрос о милитаризации труда 166

Вопросы авиации и авиационной промышленности . . 172

Глава четвертая
Военно-промышленные комитеты . . 191

Глава пятая
Эвакуация промышленности 213
Бездеятельность правительства Стихийная эвакуация в 1915 г 213
Эвакуационная комиссия Особого совещания по обороне государства 228
Финансовая помощь эвакуированным предприятиям Эвакуация в 1916—1917 гг 233
Попытки восстановления предприятий . . . 238

Глава шестая
Отношения России с союзниками по вопросу иностранных поставок 252
Иностранные заказы в начале первой мировой войны 252
Деятельность Англо-Русского комитета 285
Борьба вокруг перевозок 290
Миссия А И Русина в Англию и Францию . 297
Петроградская конференция (январь 1917 г) 310

Раздел второй

Война и народное хозяйство

Глава первая
Война и промышленность 333
Сокращение производства в начале войны . . . 336
Начало перестройки промышленности на военный лад 339
Организация новых акционерных предприятий . 341
Динамика производства Две тенденции в развитии промышленности 349
Изменение технической базы промышленности 363
Удельный вес военной промышленности . . 368
Кризис металлургии . 371
Текстильная промышленность 379
Рост доходности промышленных предприятий Усиление зависимости от банков 398
Изменения в составе рабочего класса 410

Глава вторая
Строительство казенных заводов 424
Частные и казенные заводы . . 424
Расширение производства винтовок и пулеметов 426
Патронные, трубочные и снаряжательные заводы Орудийные заводы и арсеналы 435
Пороховые заводы Взрывчатые вещества 439

Глава третья
Сельское хозяйство во время войны и продовольственный кризис 450
Упадок материально-технической базы сельского хозяйства 450
Изменение посевных площадей и хлебный баланс 465
Продовольственная политика правительства Вопрос о твердых ценах 479
Продовольственный кризис Переход к разверстке 486

Глава четвертая

Топливный кризис . . . 500

Топливный кризис накануне войны 500
Война и угольная промышленность 509
Добыча нефти 524
Другие виды топлива (дрова, торф) 535
Регулирующие мероприятия правительства и топливный кризис 544

Глава пятая

Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране . 565

Состояние железных дорог накануне войны 565
Мобилизация железнодорожного транспорта и его перестройка в связи с войной 581
Работа железных дорог в связи с эвакуацией западных районов 589
Работа железных дорог тыла 598
Обострение кризиса железных дорог . . . 603
Регулирование перевозок 615
Заграничные заказы на транспортное оборудование . . 628

Указатель имен 635
Указатель торгово-промышленных предприятий, банков и монополистических объединений 641
Указатель учреждений и комитетов военного времени 650

Аркадий Лаврович Сидоров

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Редактор *Р И Коробейникова*
Художник *О В Камаев*
Художественный редактор *В Н Тикунов*
Технический редактор *Т И Анурова*

Сдано в набор 10/IV 1973 г
Подписано к печати 13/VIII 1973 г
Формат 60×90¹/₁₆ Бумага № 2
Усл печ л 41,25 Уч-изд л 49,5
Тираж 2000 экз Т-11742 Тип зак 1985
Цена 3 р 21 к

Издательство «Наука» Москва, 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подсосенский пер, 21

2-я типография издательства «Наука» 121099,
Москва, Г-99, Шубинский пер, 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
127	6 сн	3 7 коп	3 руб 7 коп
330	7 св	420 тыс т	120 тыс т
354	24 сн	военной	довоенной
567	1 св	железных дорог	железные дороги

Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны